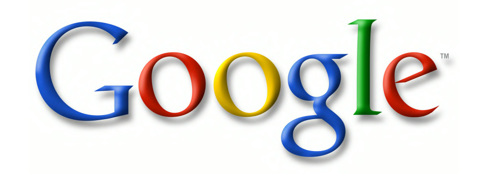
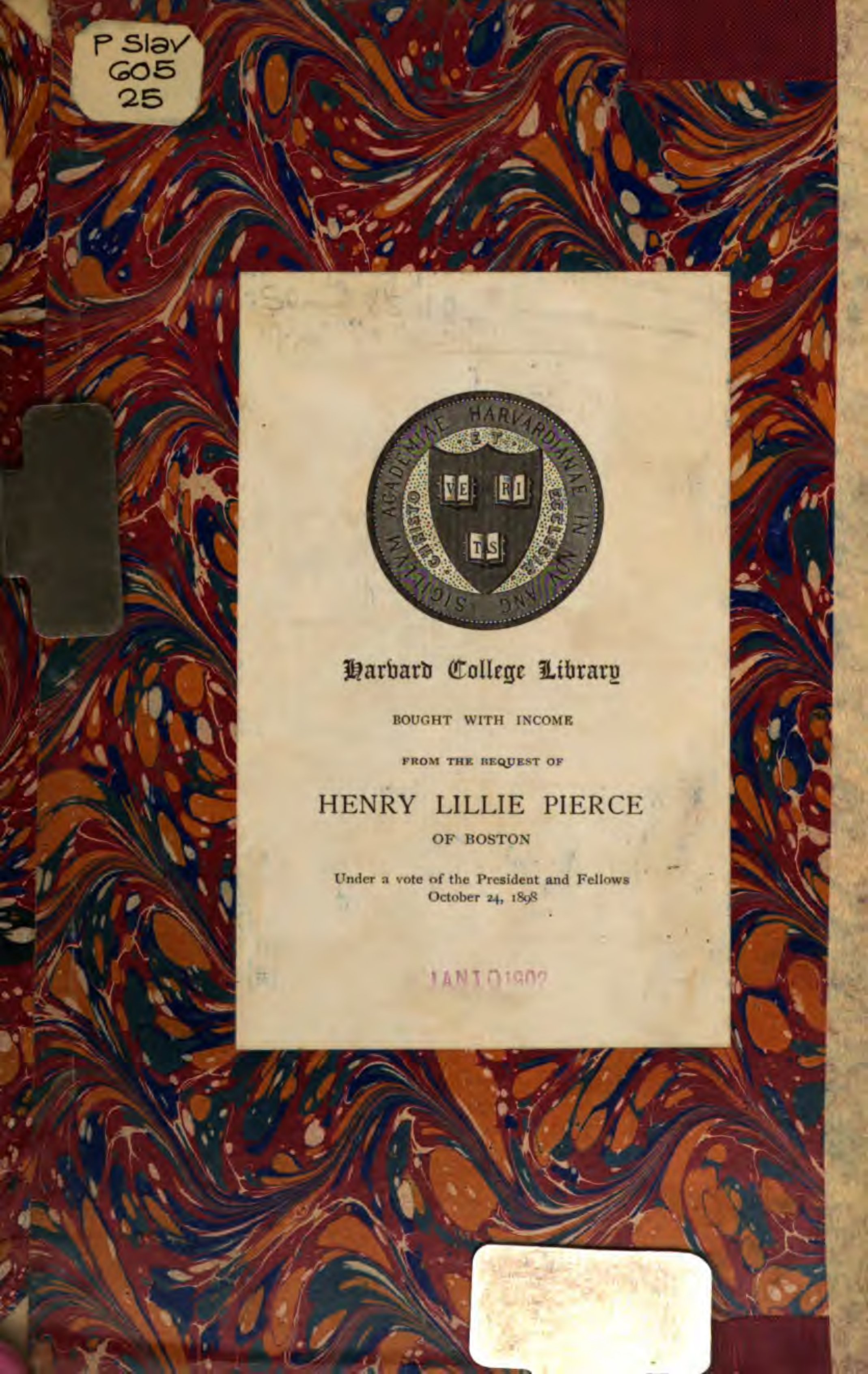

P Slav
605
25
SIGILLVM ACADEMIAE HARVARDIANAE IN NOV ANG
CHRISTO ET ECCLESIAE
VE RI TAS

РУССКАЯ СТАРИНА

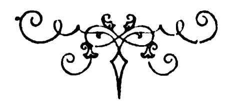
ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

1870 г.

ТОМЪ I.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Печатня

В. И. Головина,

у Владимірской церкви, домъ № 15, кварт. № 3.

1870.

RUSSKAĬA STARINA

RUSSIAN ANTIQUITY

Supplement:
Memoirs
of
Andreï T. Bolotov.
Vol. 2:
parts 8-14.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

ТОМЪ I.

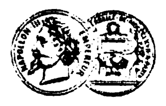
Годъ первый. ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЪ, АПРѢЛЬ, МАЙ, ІЮНЬ. **1870 годъ.**

СОДЕРЖАНІЕ:

ПРИЛОЖЕНІЕ: Записки **А. Т. Болотова** 1738-1794 гг. части I—IV., письма 1—47., съ портретомъ и 22-мя рисунками, исполненными авторомъ и гравированными акад. **Л. А. Сѣрякобымъ**. Къ статьѣ А. П. Арбузова приложенъ планъ Камчатскаго порта въ 1854 г., испол. въ картогр. завед. **А. А. Ильина**.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

Печатня

В. И. Головина,

1870.

II-й ТОМЪ

ЕЖЕМѢСЯЧНАГО ИСТОРИЧЕСКАГО ИЗДАНІЯ

„РУССКАЯ СТАРИНА"

1870 годъ

состоитъ изъ VII-й по XII-ю т. е. изъ Іюльской по Декабрскую книги включительно.

Содержаніе VII-й, вышедшей 1-го Іюля, книги:

I. Булавинскій бунтъ 1708 г. II. О поврежденіи нравовъ въ Россіи. Записки кн. **М. М. Щербатова.** гл. I-IV. III. Записки **М. И. Глинки,** часть II-я (окончаніе). IV. **Замѣтки, разсказы и стихотвор.**: 1. Русскіе писатели XVIII-го в: Карин...—Нарышкины.—Ржевскіе.—2. «Обѣдъ у Медвѣдя», неизданная басня **И. А. Крылова.** 3. Разсказы объ И. А. Крыловѣ. 4. Неизданное стихотвор. **К. Ө. Рылѣева.** 5. Посланіе **Я. И. Растовцева.** 6. **Н. И. Гречь.** 7. Предложеніе **В. И. Фрейганга** о сооруженіи памятника Хмельницкому, 1840 г. 8. Распоряженія о формѣ прически и о дамск. гол. убор. 1840 г. Приложеніе: Записки **А. Т. Болотова,** часть IV (окончаніе) и часть V: письма 48—55. Библ. лист. нов. книгъ.

Содержаніе VIII-й, вышедшей 1-го Августа, книги:

I. О поврежденіи нравовъ въ Россіи (продолженіе): царствованіе Елисаветы Петровны. Записки князя **М. М. Щербатова.** II. Записки сенатора **П. С. Рунича** о Пугачевскомъ бунтѣ. III. 14-ое декабря 1825-года, записки генералъ лейтенанта **В. И. Фелькнера.** IV Записки **Лагарпа** о воспитаніи в. к. Александра и Константина Павловичей. 1790 г. V. Записки **М. А. Бестужева.** 1825—1840 гг.: IV. Заключеніе въ тюрьму. Переѣздъ въ Сибирь. VI. Заключеніе декабристовъ въ Читѣ. VII. Переводъ заключенныхъ изъ Читы въ Петровской острогъ. Образъ жизни декабристовъ въ острогѣ и сношенія ихъ съ родными. IV. **Замѣтки и письма:** 1. Біографическія свѣдѣнія о русскихъ писателяхъ XVIII-го вѣка и библіограф. извѣстія объ ихъ произведеніяхъ: X. **Г. Н. Тепловъ.** XI. **И. П. Елагинъ.** Статья **М. Н. Лонгинова.** 2. Евгеній Абрамовичъ Баратынскій по бумагамъ Пажескаго е. и. в. корпуса, 1812—1816 гг. Сообщ. **Н. Я. Максимовъ.** 3. Письмо артил. подпоручика **Бонапарта** (въ послѣд. императора Наполеона I-го) 1789 г. Сообщ. **А. П. Петровъ.** Библіографическій листокъ о новыхъ книгахъ. Приложеніе. Записки **А. Т. Болотова** 1738—1794 гг. часть V и VI. письма 56-62. (война Россіи съ Пруссіей 1758 г.).

Содержаніе IX-й, вышедшей 1-го Сентября, книги:

I. Записки сенатора **П. С. Рунича** о Пугачевскомъ бунтѣ, 1774 г. гл. IV—VIII. II. Записки **Лагарпа** о воспитаніи в. к. Александра и Константина Павловичей. 1790 г. III. Записки **М. И. Глинки,** 1804—1854 гг. часть III. **Письма, разсказы, замѣтки и стихотвор.**: 1. Одна изъ резолюцій **Петра Великаго.** 1719 г. 2. Разсказы изъ временъ **Павла** I-го **В. И. Даля.** 3. Письмо короля польскаго Станислава **Понятовскаго** 1797 г. 4. Письма гр. **В. П. Кочубея** объ учрежденіи гимназіи высшихъ наукъ въ г. Нѣжинѣ. 1805 г. 5. Письмо **Н. Н. Новосильцева** о крестьянахъ гр. Зубова. 1807 г. 6. Письмо гр, **Ө. В. Ростопчина** 19 августа 1812 г. 7. Письмо **Д. В. Давыдова** о бѣгствѣ Наполеона I-го. 26 декабря 1812 г. 8. Мнѣніе германскаго владѣльца о внѣшней политикѣ Александра I-го. 1822 г. 9. Польскій вопросъ въ 1839 г., статья **В. Н. Каразина.** 10. Петръ II-й Нѣгошъ, владыка Черногорскій. 11. **Е. А. Баратынскій.** 12. О подпискѣ на сооруженіе памятника Богдану Хмельницкому. Приложеніе: Записки **Болотова.** ч. VI письма: 62-67 (русско-прусская война 1759 г.). Библ. лист. русск. истор. книгъ.

Содержаніе X-й, вышедшей 1-го Октября, книги:

I. Записки сенатора **П. С. Рунича** о Пугачевскомъ бунтѣ 1774 г., главы IX—XIII (оконч.) II. Записки **М. И. Глинки.** 1804-1854 гг. часть III (окончаніе). IV. **Письма, замѣтки и стихотв.**: 1. Павелъ Сергѣевичъ Потемкинъ въ эпоху Пугачевщины. Сообщ. Акад. **Я. К. Гротъ.** 2. Еще о вновь открытой баснѣ Крылова: «Обѣдъ у Медвѣдя». 3. Къ исторіи русской печати, отношеніе кн. **Чернышева** о газетѣ «Русскій Инвалидъ». 1848 г. 4. О портретахъ **Пугачева** и анекдоты о немъ. Приложеніе: Записки **А. Т. Болотова:** ч. VI: письма 68-72 (русскіе въ Кенигсбергѣ въ 1759—1760 гг.). Библ. лист. рус. ист. книгъ

(смотр. окончаніе на обертвѣ).

ОБЪ ИЗДАНІИ

съ 1 января 1870 года ежемѣсячнаго

ИСТОРИЧЕСКАГО СБОРНИКА

„РУССКАЯ СТАРИНА“.

Въ послѣднія десять лѣтъ литература отечественной исторіи значительно обогатилась отдѣльными изслѣдованіями, записками и сборниками матеріаловъ, появившимися въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ. Наше общество все съ бо́льшимъ и бо́льшимъ сочувствіемъ относится къ серьезной и всесторонней разработкѣ отечественной исторіи и исторіи русской литературы и повременныя изданія—спеціально посвященныя этимъ задачамъ,—также сборники матеріаловъ къ нимъ относящіеся и вообще историческія изслѣдованія и статьи составляютъ чтеніе наиболѣе интересующее общество.

Это явленіе совершенно понятно.

Въ настоящее время русское общество, оживленное духомъ всестороннихъ улучшеній его быта, начало быстро развиваться по пути народнаго самосознанія. Изученіе родной исторіи и преимущественно новѣйшаго времени, основанное не на личныхъ взглядахъ того или другого писателя, но на подлинныхъ историческихъ документахъ, всего болѣе можетъ способствовать этому развитію.

«Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ», «Сборникъ Русскаго Историческаго Общества» и «Русскій Архивъ» съ успѣхомъ стараются удовлетворить требованіямъ любителей отечественной старины и представляютъ много интересныхъ, а иногда и драгоцѣнныхъ матеріаловъ.

Тѣмъ не менѣе разработка отечественной исторіи и исторіи русской литературы, преимущественно послѣднихъ двухъ столѣтій, у насъ еще такъ нова,—архивы наши такъ много заклю-

чаютъ въ себѣ еще невѣдомыхъ обществу сокровищъ,—что мы, съ полнымъ убѣжденіемъ въ пользѣ и необходимости предпринимаемаго нами изданія, выступаемъ съ ежемѣсячнымъ историческимъ сборникомъ **«Русская Старина»** и присоединяемся къ небольшой семьѣ спеціальныхъ русско-историческихъ повременныхъ изданій.

«Русская Старина» будетъ служить отечественной исторіи и исторіи русской литературы сообщеніемъ на своихъ страницахъ: записокъ и воспоминаній историческихъ дѣятелей, очерковъ, автобіографій, историческихъ изслѣдованій, государственныхъ и дипломатическихъ актовъ, писемъ и разныхъ замѣтокъ, относящихся къ отечественной исторіи и исторіи русской литературы преимущественно за два послѣднія столѣтія; мы говоримъ преимущественно, но не исключительно. Напротивъ, всякое замѣчательное оригинальное изслѣдованіе изъ области исторіи до-Петровской Руси, а равно почему-либо важные матеріалы, знакомящіе съ дѣятелями или событіями изъ той же эпохи,—наконецъ, археологическія замѣтки всегда найдутъ мѣсто на страницахъ нашего изданія, хотя впрочемъ, повторяемъ, преимущественная задача **«Русской Старины»** будетъ ознакомленіе ея читателей съ императорскимъ періодомъ отечественной исторіи и исторіи русской литературы.

Редакція **«Русской Старины»** можетъ обѣщать, что выборъ статей и матеріаловъ будетъ вполнѣ соотвѣтствовать важности задачи предпринимаемаго ею изданія; все что служитъ къ чести и славѣ прежнихъ отечественныхъ дѣятелей будетъ съ полнымъ безпристрастіемъ помѣщаться на ряду съ тѣми данными, которыя указываютъ и на перешедшія уже въ достояніе исторіи темныя стороны нашего общественнаго быта.

Матеріалы будутъ печататься въ **«Русской Старинѣ»** съ совершенною точностью дословно, а нѣкоторые, почему-либо особенно важные или характеристичные и—буквально, т.-е. съ сохраненіемъ правописанія подлинника; писанные на иностранныхъ языкахъ будутъ, большею частью, помѣщаться не только въ переводѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и въ подлинникѣ.

Матеріалы будутъ обставлены, въ тѣхъ случаяхъ, когда то окажется дѣйствительно необходимымъ, предисловіями или послѣсловіями и примѣчаніями.

Время отъ времени въ «**Русской Старинѣ**» будутъ появляться библіографическія указанія на вновь выходящія изслѣдованія, статьи и матеріалы, относящіяся къ русской исторіи и исторіи русской литературы.

Редакція «**Русской Старины**» имѣетъ въ своемъ распоряженіи множество готоваго матеріала. Этотъ матеріалъ состоитъ изъ неизданныхъ записокъ русскихъ людей XVIII и XIX столѣтій, въ особенности послѣдняго, писемъ государственныхъ дѣятелей тѣхъ же вѣковъ, неизданныхъ произведеній отечественныхъ писателей второй половины прошлаго и первой четверти текущаго столѣтій; очерковъ, монографій, біографій русскихъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, составленныхъ извѣстными изслѣдователями новѣйшей отечественной исторіи и проч.

Мы съ удовольствіемъ можемъ сообщить, что всѣ лица, къ которымъ только ни обращалась редакція «**Русской Старины**» съ просьбой о содѣйствіи изданію своими статьями и сообщеніемъ матеріаловъ, отозвались на нашъ призывъ съ полнымъ сочувствіемъ и многіе изъ нихъ доставили уже намъ свои статьи и матеріалы. Въ нашемъ изданіи принимаютъ участіе:

А. И. Артемьевъ, В. В. Андреевъ, Н. В. Бергъ, М. А. Бестужевъ, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, М. И. Богдановичъ, А. С. Будиловичъ, А. Ѳ. Бычковъ, И. Д. Бѣляевъ, кн. А. И. Васильчиковъ, В. П. Гаевскій, А. Д. Галаховъ, Н. В. Гербель, П. А. Гильтебрандтъ, А. Ѳ. Гильфердингъ, А. Д. Градовскій, Я. К. Гротъ, В. И. Даль, М. Ѳ. Депуле, Н. Ѳ. Дубровинъ, Н. П. Дуровъ, Г. В. Есиповъ, П. А. Ефремовъ, Н. В. Калачовъ, П. А. Каратыгинъ, Е. П. Карновичъ, А. С. Князевъ, К. П. Колзаковъ, баронъ М. А. Корфъ, И. П. Корниловъ, Н. И. Костомаровъ, М. О. Кояловичъ, А. А. Куникъ, В. И. Ламанскій, П. П. Ламбинъ, М. Н. Лонгиновъ, Л. Н. Майковъ, Б. М. Маркевичъ, С. В. Максимовъ, А. А. Мартыновъ, О. Ѳ. Миллеръ, Г. А. Милорадовичъ, П. И. Мельниковъ, А. П. Милюковъ, Д. Л. Мордовцевъ, П. А. Мухановъ, кн. Н. С. Назаровъ, А. В. Никитенко, А. И. Никитскій, о. С. И. Опатовичъ, И. Т. Осининъ, П. В. Павловъ, А. Н. Петровъ, П. Н. Петровъ, М. П. Погодинъ, П. Н. Полевой, А. Н. Поповъ, В. А. Потто, Д. А. Ровинскій, ба-

ронъ А. Е. Розенъ, П. И. Савваитовъ, М. И. Семевскій — принимающій непосредственное и постоянное участіе въ трудахъ редакціи «Русской Старины», И. И. Свіязевъ, П. П. Семеновъ, С. А. Соболевскій, С. М. Соловьевъ, В. В. Стасовъ, Н. П. Степановъ, А. Д. Столыпинъ, В. Я. Стоюнинъ, А. С. Суворинъ, Н. И. Суворовъ, Н. Н. Терпигоревъ, Ѳ. И. Тютчевъ, В. И. Фелькнеръ, М. Д. Хмыровъ, И. А. Чистовичъ, М. Б. Чистяковъ, С. Н. Шубинскій, П. К. Щебальскій, Н. Н. Щукинъ, М. А Юзефовичъ, В. А. Яковлевъ, А. Н. Яхонтовъ и друг.

Независимо отъ того, что въ распоряженіи нашемъ находятся уже, частью въ копіяхъ, частью въ выпискахъ, любопытные историческіе документы, многіе обладатели частныхъ архивовъ предоставили редакціи **«Русской Старины»** интереснѣйшія изъ своихъ фамильныхъ бумагъ. Такимъ образомъ у насъ сосредоточились значительныя собранія бумагъ, весьма обязательно доставленныя слѣдующими лицами: В. А. и П. А. Болотовыми, кн. М. С. Волконскимъ, И. Вологдинымъ, барономъ Б. А. Вревскимъ, А. Н. Вульфомъ, гр. П. А. Голенищевымъ-Кутузовымъ, кн. Н. С. Голицынымъ, П. А. Зубовымъ, Д. П. Зуевымъ, П. П. Зуевымъ, Ф. В. Каразинымъ, Н. А. Карцевымъ, А. И. Квистомъ, гр. М. Н. Коновницыной, Ю. В. Косовою (рожд. Кюхельбекеръ), гр. П. А. Кочубей, А. В. Лишинымъ, кн. А. Б. Лобановымъ-Ростовскимъ, Маевскимъ, гр. А. А. Мордвиновымъ, М. А. Назимовымъ, Ѳ. К. Опочининымъ, гр. Н. Я. Ростовцевымъ, Е. Д. Руничъ, Н. Н. Селифонтовымъ, барономъ М. Н. Сердобинымъ, П. А. Степановымъ, княземъ Италійскимъ гр. А. А. Суворовымъ-Рымникскимъ, А. Д. Тарасовымъ, Н. А. Титовымъ, Л. И. Шестаковою (рожд. Глинка).

«РУССКАЯ СТАРИНА» состоитъ изъ двѣнадцати книгъ въ годъ, въ большую восьмую долю, объемомъ не менѣе восьми печатныхъ листовъ въ каждой книгѣ.

Въ составъ каждой книги входятъ, въ видѣ **ПРИЛОЖЕНІЙ**, съ перваго же нумера, тѣ записки **русскихъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей**, которыя, по своему объему, не могутъ помѣщаться въ текстѣ журнала.

ВОЕННЫЙ БЫТЪ ВЪ ВЕЛИКОМЪ НОВГОРОДѢ.

XI — XV ст.

(Историческій очеркъ).

Предпринимая изданіе „Русской Старины“ съ цѣлью обнародованія матеріаловъ и изслѣдованій, относящихся преимущественно до отечественной исторіи XVIII и XIX столѣтій, — ближайшихъ къ намъ по времени, но наименѣе извѣстныхъ изъ всей русской исторіи, — мы въ то же время обѣщали, что „всякое замѣчательное оригинальное изслѣдованіе изъ области исторіи до-Петровской Руси всегда найдетъ мѣсто на страницахъ нашего изданія“.

Вѣрные своему обѣщанію, мы представляемъ на этотъ разъ очеркъ молодого ученаго, А. И. Никитскаго: „Военный бытъ въ Великомъ Новгородѣ“. Г. Никитскій оканчиваетъ обширный трудъ, представляемый имъ с.-петербургскому университету на ученую степень магистра, именно: „Исторію Пскова“. По тѣсной связи съ этой исторіей исторіи старшаго брата Пскова — Великаго Новгорода — г. Никитскій занялся изученіемъ и его, преимущественно внутренней, бытовой исторіи. Отдѣльныя главы изъ этого послѣдняго замѣчательнаго изслѣдованія, озаглавленнаго: „Очерки изъ жизни Великаго Новгорода“ — напечатаны въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія *) 1869—1870 гг., а именно: „Правительственный Совѣтъ“ и „Великій Иванъ на Опокахъ“ (торговый бытъ).

Настоящій очеркъ представляетъ изслѣдованіе одной изъ важнѣйшихъ сторонъ въ бытовой исторіи Велико-Новгородской державы. Изслѣдованіе это основано на многихъ источникахъ, преимущественно лѣтописяхъ и актахъ, но всѣ ссылки мы, съ согласія автора, по значительности числа ихъ, опустили; онѣ будутъ приведены въ своемъ мѣстѣ въ отдѣльномъ изданіи почтеннаго труда г. Никитскаго.

Ред.

Въ древнѣйшій, патріархальный періодъ исторіи народъ и войско были явленіями почти тождественными: въ то время выраженія войско, полкъ и челядь обозначали просто народъ, тогда какъ впослѣдствіи всѣ три реченія стали обозначать собственно военный классъ людей. Поэтому организація народа была вмѣстѣ съ тѣмъ и военною организаціею. Съ одной стороны центръ племенной жизни, городъ, былъ собственно не что иное, какъ только временной пріютъ отъ непріятеля: это доказывается какъ значеніемъ имени «городъ», такъ и дѣйствитель-

---

*) Кстати замѣтимъ, что на страницахъ этого изданія довольно часто появляются весьма замѣчательныя изслѣдованія изъ области отечественной исторіи и исторіи русской литературы. Ред.

нымъ характеромъ города. Названія города въ разныхъ языкахъ указываютъ или на защиту (городъ, городить, огорода, подобно тому какъ arx одного корня съ arcere), или же на возвышенность мѣста, на которомъ обыкновенно воздвигался городъ: ἄκρα, capitolium, Вышгородъ. Характеръ же города отражалъ главное назначеніе послѣдняго отсутствіемъ внутри стѣнъ жилого населенія, что обусловливалось разсѣянностью родового мѣстожительства: въ то время каждый родъ жилъ особо и городъ служилъ для нихъ только временнымъ убѣжищемъ. А если съ теченіемъ времени населеніе и примыкало къ городу, то все-таки селилось не внутри его стѣнъ, а около послѣднихъ; и это обстоятельство объясняетъ намъ, почему Кремль, который можетъ быть принятъ за образецъ древняго города, и въ позднѣйшее время обыкновенно не имѣлъ почти никакого населенія. Постройка города и поддержаніе его (градоставленіе, castrorum ædificatio, grado-zidanije, hradozdění) составляли одну изъ главнѣйшихъ обязанностей членовъ племени, которые, если судить по позднѣйшимъ извѣстіямъ, отправляли эту повинность натурой, т.-е., сбирались къ мѣсту постройки и совершали дѣло съобща. Эта обязанность господствовала долгое время и послѣ родового быта, а какъ тяжело ложилась она на народъ, видно изъ того, что названіе обязанности у римлянъ перешло на самыя стѣны: mœnia. Съ другой стороны, народъ въ его мирной организаціи былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и войскомъ, которое шло отражать непріятеля или вносило войну въ предѣлы послѣдняго. Военная служба не была преимуществомъ однихъ или тягостью другихъ, а напротивъ, обязанностью для всѣхъ: тогда не могло быть поземельныхъ условій для поступленія въ ряды воиновъ, такъ какъ не было прочной осѣдлости, и такъ какъ владѣніе было общимъ. Всѣ годные къ оружію члены родовъ были естественно обязаны, въ случаѣ надобности, выходить на войну; поэтому нѣтъ ничего страннаго въ томъ, что войско, во всей его совокупности, было въ тоже самое время и народнымъ собраніемъ, вѣчемъ. Начальники племенъ и родовъ были и естественными предводителями на войнѣ; поэтому и названіе воевода, первоначально родоначальникъ, впослѣдствіи получило исключительное значеніе полководца; поэтому и въ позднѣйшее время жители отдѣльныхъ округовъ выходили на войну подъ начальствомъ

своихъ старостъ, которые, сообразно со своимъ начальственнымъ положеніемъ, получали и бо́льшее, сравнительно съ простыми ратниками, вознагражденіе. Мѣстомъ сбора и отправленія, естественно, былъ городъ.

Но съ измѣненіемъ историческихъ и политическихъ обстоятельствъ, съ образованіемъ болѣе обширныхъ княжествъ, такой порядокъ долженъ былъ подвергнуться значительнымъ перемѣнамъ. Призваніе всего народа къ оружію, по незначительности бо́льшей части столкновеній, сдѣлалось не только крайне обременительнымъ, но и совершенно излишнимъ; но такъ какъ, съ другой стороны, и понятіе набора было совершенно чуждо древности, то пришлось избрать средній путь, по которому населеніе призывалось къ оружію съ нѣкоторыхъ или со всѣхъ его естественныхъ, соціальныхъ, пластовъ, съ нѣкоторыхъ мѣстностей или же со всей земли. Послѣдній случай, призванія народа къ оружію по мѣстностямъ, имѣлъ мѣсто преимущественно въ оборонительной войнѣ, когда въ страну вторгался незначительный непріятель. Тогда отраженіе послѣдняго обыкновенно предоставлялось той мѣстности, въ которой непріятель появлялся, причемъ военачальникомъ служилъ или мѣстный посадникъ, или же присланный на тотъ часъ особенный воевода. Иногда области подавалась помощь или изъ сосѣднихъ мѣстностей, или же присылалась вмѣстѣ съ воеводой изъ главнаго города, помощь, которая называлась въ такихъ случаяхъ засадой, заставой и первымъ дѣломъ которой было занятіе крѣпости (пригорода) въ подверженной непріятельскому вторженію мѣстности. Первый же случай, призваніе народа къ оружію по его соціальнымъ пластамъ, имѣлъ мѣсто преимущественно въ наступательной войнѣ. Въ послѣдней важное мѣсто получаетъ дружина, окружающая князя и образующая какъ бы постоянный классъ военныхъ людей; она была всегда на-готовѣ и обыкновенно служила первымъ средствомъ защиты отъ непріятеля. Отличительный характеръ русской дружины въ сравненіи съ германскою, съ комитатомъ, привыкли видѣть въ томъ, что на Руси дружина основывалась на постоянномъ общеніи съ княземъ, отъ котораго и получала свое содержаніе, тогда какъ комитатъ покоился на землевладѣніи, ибо дружинникъ, послѣ каждаго удачнаго похода, получалъ въ вознагражденіе отъ своего князя землю, которая и

замѣняла выдачу содержанія. Но результаты, добытые изъ сравненія двухъ различныхъ періодовъ развитія, обыкновенно ничего не доказываютъ, особенно когда и параллель не совершенно вѣрна. Какъ на Руси, такъ точно и въ Германіи, дружина находилась первоначально обыкновенно при князѣ и отнюдь не получала земель въ свое пользованіе; но отсюда однако нельзя заключать, что землевладѣнія дружина первоначально не знала, что оно явилось въ обѣихъ странахъ только впослѣдствіи: дружина не знала только поземельнаго вознагражденія за службу. Такъ какъ многочисленность дружины составляла, особенно въ древнѣйшее время, одно изъ важнѣйшихъ предположеній княжескаго значенія, то князь естественно долженъ былъ не щадить своихъ средствъ на содержаніе ея, снабжать ее доспѣхами, оружіемъ и конями. Поэтому на дружину шли не только обыкновенные княжескіе доходы, но послѣдніе иногда взимались такими предметами, которые годны были для употребленія дружины, напр. оружіемъ и конями; въ послѣднихъ предметахъ князь особенно не долженъ былъ имѣть недостатка, такъ какъ за оружіемъ къ нему могъ обратиться, кромѣ дружины, и народъ, лишившійся его во время частыхъ походовъ: дворъ князя въ этомъ случаѣ служилъ какъ бы арсеналомъ. На сѣверо-западѣ Руси, въ Новгородѣ и Псковѣ, дружина, носившая въ древности имя гродей, въ позднѣйшее время получила названіе двора, дворянъ, княжанцевъ, шестниковъ или сестниковъ (advena); послѣднее потому, что дружина являлась съ княземъ изъ какой-либо другой страны, преимущественно съ Низу. Въ ней различались главнымъ образомъ два элемента: боевые люди, знакомые съ военнымъ дѣломъ, и кошовые, т.-е. принадлежавшіе къ обозу. Число первыхъ было временами весьма значительно, простиралось до 300; но боязнь усиливающагося могущества великихъ князей побудила новгородцевъ, въ концѣ независимаго ихъ существованія, ограничить число дружины 50-ю человѣкъ.

Но даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда силы одной дружины оказывались недостаточными, когда приходилось обращаться за поддержкой къ народу, послѣдній рѣдко призывался къ оружію во всей его совокупности. Случалось, что выходила въ походъ одна только передняя дружина, т.-е. лучшіе, знатнѣйшіе люди,

преимущественно бояре; затѣмъ, въ случаѣ надобности, шли всѣ горожане. Сельское же населеніе участвовало только въ важнѣйшихъ войнахъ, да и то преимущественно тѣ лица, которыя принадлежали къ разряду болѣе состоятельныхъ, обладавшихъ землею; пѣшци же и бобыли, не имѣвшіе земельныхъ участковъ, призывались къ оружію только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ. Участіе во всеобщемъ, поголовномъ ополченіи характеризовалось въ древности выраженіемъ идти и съ дѣтьми. Въ этомъ случаѣ въ походъ выходили какъ отцы семействъ, patres familias, такъ и большая часть ихъ сыновей, изъ пяти, напр., только одинъ оставался дома. Вообще, военною службою былъ обязанъ всякій, кто только могъ взять въ руки палку; лица же, пытавшіяся какъ-либо отклониться отъ участія въ войнѣ, подвергались немедленному военному суду: ихъ били и штрафовали деньгами. Исключеніе имѣло мѣсто только для одного духовенства, которое оставалось дома молить Бога объ успѣхѣ похода; но подъ духовенствомъ разумѣлись только лица, уже получившія посвященіе; дьякъ же, подвергшійся тонзурѣ, но еще не посвященный, исключался изъ этого класса и долженъ былъ идти въ ряды ратниковъ. Но если въ походъ выходили отцы семей и съ дѣтьми, то необходимо предположить, что были случаи, когда войско составляли одни отцы семей; по крайней мѣрѣ у западныхъ славянъ встрѣчаются примѣры несенія военной повинности именно отцами семей. И въ этотъ періодъ на имущественныя (поземельныя) отношенія обращалось точно также мало вниманія, какъ и въ предшествовавшій, патріархальный; ничего неизвѣстно о томъ, чтобы понятію «отецъ семьи» соотвѣтствовало какое-либо поземельное понятіе. Во всякомъ случаѣ, не было опредѣленной соразмѣрности военной повинности съ соціальнымъ положеніемъ населенія, съ количествомъ обладаемой имъ земли: единственное опредѣленіе размѣра обязанности состояло въ томъ, что кто имѣлъ коня, тотъ зачислялся въ конную рать; у кого же коня не было, тотъ садился въ лодью, т.-е. поступалъ въ пѣхоту. Уже древнѣйшему времени извѣстно было распредѣленіе войска въ битвахъ на три отдѣла, называемые полками: большой полкъ или чело, занимавшій средину, затѣмъ правое и лѣвое крыло или рука. Въ челѣ обыкновенно помѣщалось народное ополченіе, дружина же занимала крылья и образовала

сильный резервъ, который въ пылу битвы старался съ боковъ охватить непріятеля. Если въ походѣ принимало участіе нѣсколько союзниковъ, то въ челѣ помѣщался обыкновенно храбрѣйшій изъ нихъ. На югѣ въ этой роли въ древности являлись варяги, на сѣверѣ же, позднѣе, новгородцы, такъ какъ послѣдніе были «къ боеви дерзи», т.-е. отличались своею храбростью. Съ теченіемъ времени сталъ выдвигаться и второй строй, къ тремъ полкамъ стали присоединять еще два новыхъ, передъ или передовой и сторо́жи или сторожевой полки, такъ что общее число полковъ, на которое распредѣлялось войско въ большихъ битвахъ, простиралось до пяти; тѣмъ развитіе и кончилось, ибо распредѣленіе на пять полковъ сохранилось до конца разсматриваемаго періода.

Въ XIV и XV столѣтіяхъ этотъ порядокъ долженъ былъ испытать новыя перемѣны, съ одной стороны подъ вліяніемъ водворяющейся осѣдлости, съ другой, подъ вліяніемъ обособленія отдѣльныхъ земель. Послѣднее имѣло мѣсто для сѣверо-запада Руси, Великаго Новгорода и Пскова, гдѣ выработалось особенное устройство, а вмѣстѣ съ тѣмъ и военный бытъ получилъ отличный отъ остальной Руси отпечатокъ.

Черты, которыми характеризуется нынѣ озерная область, должны быть представлены болѣе выпуклыми, должны быть разсматриваемы, такъ-сказать, въ увеличительное стекло, для того, чтобы можно было составить о нихъ надлежащее понятіе въ минувшее время. Съ одной стороны лѣсъ, который въ древности еще изобильнѣе покрывалъ эту страну, какъ доставлялъ вѣрное убѣжище для населенія, такъ и препятствовалъ вторженіямъ непріятеля; съ другой же множество рѣкъ, озеръ и болотъ, изъ которыхъ иныя исчезли вмѣстѣ съ ихъ именами и которыя обыкновенно обильно наполнялись водою какъ весною, такъ и осенью, сообщало странѣ островной характеръ. Поэтому доступъ къ Великому Новгороду въ лѣтнее время былъ вообще чрезвычайно труденъ, для конницы же рѣшительно невозможенъ; пѣхота одна только могла быть употреблена въ дѣло, да и то единственно потому, что въ случаѣ надобности помѣщалась на суда. Такой характеръ страны былъ причиною того, что татарское нашествіе почти не коснулось Новгорода; что не одному князю приходилось блуждать между новгородскими озерами и болотами,

питаться кониной и сдирать кожу со щитовъ и, вмѣсто богатой добычи, возвращаться домой пѣшимъ и даже безъ доспѣховъ и вооруженія. Подъ покровомъ такой естественной защиты, новгородцамъ приходилось главнымъ образомъ заботиться о томъ, какъ-бы протянуть въ искусныхъ переговорахъ зиму, когда со стороны непріятеля возможно было употребленіе разныхъ военныхъ силъ, какъ-бы прожить её «пролыгаяся», если говорить выразительнымъ лѣтописнымъ языкомъ: лѣтомъ же имъ нечего было бояться; лѣтомъ, во время разлива водъ, они жили «безъ опаса». Кромѣ того, новгородцамъ не нужно было посвящать столько труда искусственной оборонѣ своего города, сколько, напр., это выпало на долю Пскова: въ то время какъ послѣдній, находясь среди небольшой области и по близости сильныхъ враговъ, естественно долженъ былъ заботиться объ укрѣпленіи средоточія своей жизни, строить и поправлять одну стѣну за другою (всѣхъ стѣнъ во Псковѣ въ XV-мъ столѣтіи было четыре); въ то время въ Великомъ Новгородѣ можно было ограничиться и меньшею тратой средствъ. До XIV-го столѣтія въ немъ существовала только одна стѣна, называвшаяся дѣтинцемъ, кромнымъ городомъ или кремлемъ; эта стѣна была передѣлана въ каменную, по всей вѣроятности, въ 1044-мъ году Ярославомъ, а затѣмъ въ 1116-мъ расширена Мстиславомъ. Но такъ какъ населеніе помѣщалось не въ дѣтинцѣ, кремлѣ, а кругомъ его, то и относительно послѣдняго приходилось принимать нѣкоторыя мѣры предосторожности. Поэтому новгородцы, заслышавъ о приближеніи непріятеля, окружали весь городъ временными деревянными стѣнами, которыя назывались острогомъ (стерегу) и служили защитой на первое время. По прошествіи опасности, эти стѣны забрасывались и выдвигались только тогда, когда снова начиналъ грозить непріятель. Но съ усиленіемъ, въ XIV-мъ столѣтіи, Москвы и Твери новгородцы должны были позаботиться и о болѣе прочныхъ укрѣпленіяхъ для своего города. Поэтому, въ началѣ XIV-го вѣка, именно въ 1302-мъ году, построена была каменная стѣна на Софійской сторонѣ, а затѣмъ, въ періодъ времени отъ 1331 до 1335 и на Торговой, начиная отъ церкви св. Иліи кругомъ до Борисоглѣбской. Около того же времени новгородцы сдѣлали болѣе обширный ровъ и валъ, въ 1333-мъ году кругомъ Софійской стороны, а въ 1387-мъ

сооруженъ былъ валъ кругомъ Торговой. Съ теченіемъ времени стѣны, вслѣдствіе неумѣнья строить прочно, нерѣдко приходилось передѣлывать; но вновь, кажется, не прибавлено ни одной, такъ что Новгородъ до конца своего существованія былъ защищенъ только двумя стѣнами и валомъ. Впрочемъ и въ этотъ періодъ, когда опасность была велика, прибѣгали къ временнымъ укрѣпленіямъ; строили деревянные остроги, только теперь уже, кажется, по валу; одѣвали въ деревянныя стѣны самую рѣку Волховъ, съ которой непріятелю удобно было нападать на городъ, и даже воздвигали стѣны чрезъ рѣку на судахъ.

Обязанность постройки укрѣпленій (городоставленія) въ древности считалась столь важною, что призывъ къ ней прерывалъ обыкновенное теченіе дѣлъ; лица, на которыя выпадала эта обязанность, освобождались отъ необходимости являться въ княжескій судъ, если бы они случайно подверглись послѣднему. Подъ вліяніемъ патріархальныхъ (родовыхъ) представленій о старшинствѣ главнаго города, метрополіи, эта обязанность падала главнымъ образомъ на жителей подвѣдомственной городу области и производилась пригономъ. Послѣдній состоялъ въ томъ, что изъ извѣстнаго числа жителей области, напр. пяти, одинъ, пятый, долженъ былъ идти на постройку города, а другой, четвертый, снабжалъ его необходимыми на время постройки принадлежностями. Жители же самаго города ограничивали свое участіе только назначеніемъ нарядчиковъ (распорядителей работами) отъ торговыхъ рядовъ. Не одни однако жители главнаго города, но и все вообще духовенство стремилось освободиться отъ обязанности городоставленія; хотѣло пользоваться защитой городскихъ стѣнъ, но не хотѣло соединиться съ чернью для постройки ихъ. Единственной формой, въ которой духовенство раздѣляло по временамъ тягость городоставленія, было ссуженіе владыкой суммъ изъ софійской казны на сооруженіе стѣнъ, чѣмъ объясняется между прочимъ участіе и даже руководство владыки въ постройкахъ. И изъ городской казны дѣлались, вѣроятно, по временамъ ссуды на постройку города; по крайней мѣрѣ, въ городскихъ доходахъ была статья, спеціально предназначенная на расходы по городоставленію, именно денежныя пени за нарушенія грамотъ, выданныхъ городомъ. Понятно, что, при такихъ исключеніяхъ, повинность городоставленія не была

легкою обязанностью; даже въ позднѣйшее время, когда уже пали различныя привилегіи, пригонъ, напр. по случаю постройки моста, возбуждалъ противъ себя жалобы.

Главный, старѣйшій городъ, созданный трудомъ преимущественно сельскихъ жителей, служилъ мѣстомъ прибѣжища для цѣлой земли, особенно во время большой войны. Тогда какъ сельское населеніе, такъ и обитатели другихъ менѣе значительныхъ городовъ, въ особенности бояре, устремлялись со своими пожитками въ главный городъ и обзаводились тамъ избами, которыя продавались на торгу совсѣмъ готовыми. По минованіи опасности, всѣ пускались на прежнее мѣстожительство, захвативъ съ собой и пріобрѣтенныя избы, такъ какъ трудно было разсчитывать на то, что они найдутъ невредимыми свои старыя жилища. Впрочемъ, такое скопленіе земли въ главный городъ случалось, какъ выше замѣчено, только во время вторженія въ страну многочисленнаго непріятеля: а такіе случаи были очень рѣдки. По бо́льшей же части приходилось имѣть дѣло съ какою-либо незначительною шайкой; въ такихъ обстоятельствахъ достаточную защиту для населенія представляли укрѣпленія, построенныя въ разныхъ краяхъ земли. Первоначально, когда городовъ (пригородовъ) не было въ странѣ, или же было очень мало, роль укрѣпленій играли осѣки, приводимыя въ оборонительное положеніе предъ наступленіемъ войны. Находясь временами въ лѣсу, они доставляли для жителей и ихъ имущества довольно безопасное мѣсто, ибо непріятелю трудно было даже узнать объ ихъ существованіи. Но съ теченіемъ времени главную роль въ мѣстной оборонѣ страны начинаютъ играть пригороды. Если приглядѣться ближе къ распредѣленію пригородовъ по области, то нельзя не замѣтить въ немъ нѣкоторой правильности. Такъ, во Псковѣ пригороды не только по о́краинамъ земли и образуютъ нѣкоторый кругъ, но и строятся въ тѣхъ мѣстностяхъ и тогда, гдѣ и когда возникаетъ опасность: сначала на западѣ противъ нѣмцевъ (Изборскъ, Гдовъ, Кобылій), и на югѣ противъ Литвы (Коложе-Опочку, Велье, Вороночь, Красный, Вышгородъ), а затѣмъ въ XIV и XV-мъ столѣтіяхъ, и на востокѣ, противъ своего старшаго брата (Вревъ, Котельный-Выборъ и Володимирецъ). Это правило соблюдалось и въ Великомъ Новгородѣ, и тамъ пригороды

располагались по границамъ; но такъ какъ новгородская земля была обширна, то однихъ пограничныхъ пригородовъ было недостаточно: нужно было еще сверхъ того построить нѣсколько городовъ по тѣмъ путямъ, которыми чаще всего проходилъ непріятель. Такъ, по шведскому пути были помѣщены пригороды: Тиверскій, Копорье, Орѣшекъ, Ладога; по нѣмецкому — Луга и Яма; по одному изъ литовскихъ, рѣкою Шелонью — Вышгородъ, Высокое, Порховъ и т. д. Постройка и поддержка пригородовъ ложилась опять-таки на сельское населеніе, которое заготовляло въ должномъ мѣстѣ необходимые для города запасы, лѣсъ и балки, поставляло людей для работы, съ той, конечно, волости, въ которой строился пригородъ, и платило деньги, когда при работѣ были употребляемы наемные мастера. Первыя двѣ формы обязанности: заготовленіе снарядовъ и личное участіе въ работѣ, падали по преимуществу на низшій слой сельскаго населенія; послѣдняя же, плата денегъ, на высшій, на лицъ, обладавшихъ въ области землей, земцевъ.

Таковы были средства оборонительной войны. Относительно же наступательной уже раньше было замѣчено, что, съ водвореніемъ большей осѣдлости за основаніе для несенія военной повинности была принята земля, такъ какъ съ осѣдлостью она стала главнѣйшей формой имущества. Вмѣстѣ съ тѣмъ водворилась и соразмѣрность военной повинности съ имущественнымъ положеніемъ населенія, подобно тому, какъ на Западѣ такая же соразмѣрность введена была военною реформою Карла Великаго. Нормою при распредѣленіи военной обязанности сдѣлалась с о х а, т.-е. пространство, которое могъ запахать владѣлецъ земли самъ-третей и на трехъ лошадяхъ. Смотря по мѣрѣ надобности, нѣсколько такихъ сохъ соединялось въ одно цѣлое, которое и ставило отъ себя коннаго ратника: въ опасныхъ случаяхъ цѣлое образовалось изъ четырехъ сохъ, слѣдовательно, конный ратникъ ставился примѣрно съ 12-ти человѣкъ; въ менѣе опасныхъ — изъ десяти сохъ, слѣдовательно, ратникъ брался съ тридцати обывателей. Но въ землѣ у однихъ былъ избытокъ, у другихъ же ея совсѣмъ не было. Къ числу послѣднихъ относились вообще меньшіе люди, въ области — пѣшци и бобыли, въ главномъ же городѣ — молодые люди. И тѣ и другіе, вслѣдствіе ихъ несостоя-

тельности, освобождались отъ набора въ конную, а входили въ составъ особой, пѣшей рати. Послѣдняя набиралась нѣсколько иначе: извѣстное число меньшихъ людей, напримѣръ двое, покручало, т.-е. снабжало какъ военными, такъ и хозяйственными принадлежностями (на Западѣ: adjutorium, conjectus) третьяго, который и отправлялся въ войско. Бывали, однако, случаи, когда и меньшихъ людей, по крайней мѣрѣ городскихъ, заставляли идти въ конную рать; но, съ одной стороны, эти случаи были крайними, какъ напримѣръ, время послѣдней борьбы Новгорода съ Москвою; съ другой же — даже въ подобныхъ случаяхъ, особенно когда походъ затягивался, меньшіе люди не могли воздерживаться отъ жалобъ на разореніе ихъ доспѣхами и лошадьми. Изъ всего этого не трудно усмотрѣть, что хорошее исключеніе всегда только подтверждаетъ правило. Да и вообще все сельское населеніе, даже лица, сидѣвшія на участкахъ, рѣдко входили въ составъ конной рати, а образовали большею частью пѣшій контингентъ. Къ первому же разряду лицъ, обладавшихъ землею въ избыткѣ, принадлежали бояре. И если они, въ качествѣ горожанъ, и старались избавиться отъ обязанности городоставленія, за то собственно военная служба ложилась на нихъ большею тяжестью, сравнительно съ остальнымъ населеніемъ. Бояре не только должны были на свой счетъ являться на службу на конѣ и съ дружиною, числомъ пропорціональною количеству обладаемой ими земли, но еще и быть въ доспѣхахъ, броняхъ; въ послѣднемъ сходились съ ними развѣ одни только богатѣйшіе капиталисты. Рать, составленная изъ лучшихъ людей, служила для войска центромъ и обыкновенно занимала отдѣльное отъ остальной массы, пѣхоты, мѣсто.

Того, что сказано нами о боярахъ, никакъ нельзя распространять и на духовенство. Послѣднее было единственнымъ классомъ людей, которые стремились избавиться не только отъ обязанности городоставленія, но даже и отъ военной службы. На Западѣ церковь, исходя изъ божественнаго права, стала стремиться къ абсолютной свободѣ, т.-е. къ изъятію отъ всѣхъ гражданскихъ обязанностей, въ то время весьма немногочисленныхъ; но она не отказалась, однако, отъ своихъ гражданскихъ правъ: духовенство хотѣло пользоваться защитою городскихъ стѣнъ и военной силы, не принимая со своей стороны участія

ни въ постройкѣ крѣпостей, ни въ доставленіи ратниковъ. Подобныя же стремленія духовенства къ абсолютной свободѣ замѣчаются и на Востокѣ, на Руси. И какъ на Западѣ церковь, для обоснованія своихъ претензій, ссылалась преимущественно на Ветхій Завѣтъ, который по неясности могъ служить обильнымъ источникомъ для всякаго рода доказательствъ; такъ на Руси подобную же услугу оказывало греческое (византійское) церковное законодательство, номоканонъ: на номоканонъ ссылалось псковское духовенство, когда требовало освобожденія своихъ земель отъ обязанности военной службы. Но въ Византіи духовенство никогда не было освобождаемо отъ обыкновенныхъ повинностей, а только пользовалось льготой отъ чрезвычайныхъ. Поэтому въ номоканонѣ не могло быть статей, которыя бы оправдывали претензію псковскаго духовенства; претензіи эти, слѣдовательно, основывались не на византійскомъ законодательствѣ, а на ложномъ толкованіи послѣдняго на Руси. Однако, какъ на Западѣ идеалъ, начертанный духовенствомъ, несмотря на энергическія анаѳематствованія, остался идеаломъ и не могъ овладѣть вполнѣ жизнью; такъ и на Руси абсолютныя притязанія духовенства удавались не вполнѣ, хотя относительно Новгорода и Пскова и нѣтъ извѣстій о прямомъ привлеченіи духовенства къ военнымъ обязанностямъ. Тамъ встрѣчаемъ мы только посредствующую ступень, на которой то, что̀ не признается обязанностью, исполняется, по крайней мѣрѣ, какъ даръ. Ибо, если духовенство и не считало себя обязаннымъ за свои земли военною службою, тѣмъ не менѣе оно принимало на себя эту обязанность добровольно. Такъ, подобно тому, какъ владыка дѣлалъ ссуды изъ софійской казны на постройку городскихъ стѣнъ, такъ точно, въ качествѣ богатѣйшаго землевладѣльца, онъ выставлялъ со своихъ земель особый полкъ, который, однако, зависѣлъ отъ владыки гораздо больше, чѣмъ отъ Великаго Новгорода: полкъ имѣлъ своего особаго начальника, особую инструкцію отъ владыки, опредѣлявшую съ кѣмъ сражаться, съ кѣмъ нѣтъ. Да и это добровольное принятіе обязанности случалось рѣдко, въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, когда отечеству грозила серьезная опасность.

Кромѣ рати, составленной на основаніи рубежа, разрыва военной повинности и потому называвшейся рубленою, не-

маловажный элементъ въ составѣ древняго войска образовали нерубленые, охочіе люди, охочій человѣкъ. Это не былъ простой сборъ людей, которые на войнѣ не могли ничего потерять, а разсчитывать на пріобрѣтеніе кой-чего и могли; между охочими людьми было много и изможныхъ (состоятельныхъ), которые имѣли средства на снаряженіе себя даже для конной службы. Нужно также замѣтить, что въ охочіе люди шли не только жители той страны, въ которой происходила война; напротивъ, на мѣсто дѣйствія и изъ другихъ странъ обильно стремился горючій матеріалъ. Охочіе люди совершали обыкновенно свои походы на судахъ. Многоразличны названія, которыми характеризовались въ древности эти суда: лодь, лодья, лойва, насадъ, ушкуй (ускуй, оскуй, скуй—scapha, σκάφη); послѣднее изъ этихъ судовъ ушкуй, равнозначительное, какъ кажется, съ насадомъ, вмѣщалъ въ себя примѣрно до 12 человѣкъ и былъ у охочихъ людей самымъ любимымъ: отъ этого судна и молодцы, предпринимавшіе отдаленные походы, носили имя ушкуйниковъ. Въ то время, когда война состояла изъ безконечныхъ мелкихъ стычекъ, такіе не особенно значительные и удобоподвижные отряды были весьма полезны и новгородцы пользовались ими, главнымъ образомъ, въ отдѣльныхъ походахъ. Воеводѣ, назначенному въ походъ, стоило только кликнуть кличъ по городу и подъ его стягъ (знамя) со всѣхъ сторонъ начиналъ сбираться охочій человѣкъ, и шелъ то на сѣверъ, на непокорныхъ финновъ, то на западъ, на нѣмцевъ, то на юго-востокъ, на Москву.

—

Выше уже было замѣчено, что въ патріархальное время народъ, выступая въ походъ, сохранялъ свое значеніе и мирную организацію: собранія войска были вмѣстѣ съ тѣмъ народными вѣчами, представители племенъ и родовъ естественно переходили въ военачальниковъ. Отголоски этого быта были слышны еще долго въ теченіи исторической жизни. И послѣ войско по прежнему образовало вѣче, которое распоряжалось своею дѣятельностью въ качествѣ войска: опредѣляло, слѣдуетъ ли вступать въ битву и гдѣ именно, продолжать ли походъ или воротиться домой; судило точно также, какъ и народное собраніе; да и князья смотрѣли на войско, какъ на народное собраніе, и предоставляли ему разныя права, какъ народу. Вмѣстѣ съ тѣмъ

становится понятнымъ и то отсутствіе дисциплины, которымъ характеризуется древнее войско: такъ какъ вѣче нерѣдко не сходилось въ своихъ стремленіяхъ съ княземъ, то и войско, въ качествѣ вѣча, не считало себя обязаннымъ слѣдовать указаніямъ князя; временами даже образовывало отдѣльное отъ послѣдняго вѣче, точь-въ-точь, какъ это случалось въ самомъ Новгородѣ. Однако къ концу разсматриваемаго времени понятія военнаго и народнаго собранія нѣсколько раздѣляются. Войско уже не беретъ на себя отвѣтственности за судъ надъ всѣми перебѣжчиками, а нѣкоторыхъ изъ нихъ доставляетъ въ народное собраніе. Послѣднее со своей стороны вмѣшивается въ ходъ войны, отправляетъ въ войско распоряженія о возвращеніи назадъ, даетъ ему при выступленіи опредѣленную инструкцію, съ кѣмъ сражаться, съ кѣмъ нѣтъ. Еще значительнѣе были измѣненія въ военачальствованіи. Хотя уже въ началѣ исторической жизни выработалась должность воеводы; тѣмъ не менѣе это были только одни зачатки, долго остававшіяся безъ всякаго развитія. Только въ концѣ разсматриваемаго періода замѣчается стремленіе, особенно во Псковѣ, придать военачальствованію нѣкоторую организацію: въ каждый отдѣльный отрядъ тамъ сталъ назначаться особенный воевода, назначаться на вѣчѣ отъ концовъ, обыкновенно изъ посадниковъ и считался большимъ воеводою. Такъ какъ концовъ во Псковѣ въ XV-мъ столѣтіи было шесть, то обыкновенно назначалось шесть воеводъ, изъ которыхъ каждый предводительствовалъ двумя пригородными полками, составлявшими военныя единицы: ибо пригородовъ во Псковѣ было 12 и каждый изъ нихъ выставлялъ особенный полкъ съ особеннымъ значкомъ, стягомъ. Иногда, впрочемъ, отъ концовъ назначались и по два воеводы; тогда на долю каждаго изъ нихъ выпадало только по одному полку. Но если были бóльшіе воеводы, то необходимо предположить меньшихъ; дѣйствительно, кромѣ воеводъ, выбранныхъ изъ посадниковъ, мы встрѣчаемъ еще воеводъ, назначенныхъ изъ дѣтей посадничьихъ, бояръ и дѣтей боярскихъ, слѣдовательно меньшихъ. Они, очевидно, находились подъ вѣдѣніемъ бóльшихъ воеводъ, ибо иначе пришлось бы признать множество совершенно независимыхъ воеводъ. Даже и между большими воеводами существовало различіе: шести воеводамъ изъ посадниковъ придавался одинъ «что набольшой воево-

да», а двѣнадцати—двое, изъ коихъ роль послѣдняго, конечно, могла принадлежать только одному; такимъ образомъ обыкновенно случалось, что большихъ воеводъ во Псковѣ было семь, или же четырнадцать. Главный воевода предположительно начальствовалъ собственно городскимъ полкомъ; неизвѣстно только, на этомъ ли одномъ основывалось его старшинство. Во всякомъ случаѣ, если даже не было прямого, отвлеченнаго, абстрактнаго подчиненія бóльшихъ воеводъ главному, то нѣтъ сомнѣнія, что существовало подчиненіе косвенное, посредственное, основывавшееся на сравнительно большей величинѣ, на сравнительно лучшемъ вооруженіи отряда, предводительствуемаго первымъ воеводой, которымъ обыкновенно былъ степенный посадникъ. Подобное же замѣчаніе можетъ быть сдѣлано и относительно князя: и послѣдній непосредственно предводительствовалъ одною дружиной, которая въ походахъ и занимала отдѣльное мѣсто. Но начальство надъ дружиной давало ему право и на предводительство и надъ народнымъ войскомъ, въ чемъ онъ былъ лицомъ совершенно незамѣнимымъ, такъ какъ боярина, назначеннаго въ воеводы, не всѣ слушали. Князь со своей дружиной, образовавшей какъ бы военный классъ, долженъ былъ служить остальному войску примѣромъ: ему ставилось въ вину, когда онъ раньше другихъ оставлялъ мѣсто сраженія и тѣмъ причинялъ общее замѣшательство.

Войско выходило въ поле только на одинъ опредѣленный походъ, и если послѣдній, по какимъ-либо причинамъ, затягивался, то въ войскѣ легко могъ подняться ропотъ, особенно со стороны меньшихъ людей, на которыхъ тяжесть войны ложилась гораздо обременительнѣй. Размѣромъ предполагаемаго похода опредѣлялся, вѣроятно, и размѣръ захватываемаго съ собою продовольствія; болѣе же точнаго опредѣленія, подобнаго напр. трехмѣсячному сроку, на который на Западѣ каждый долженъ былъ запасаться продовольствіемъ, не существовало. Вслѣдствіе недостатка продовольствія иногда все войско возвращалось вспять, иногда же только часть рати отпускалась домой; но обыкновенно изъ войска посылались отдѣльные отряды въ зажитье, на фуражировку, какъ въ своихъ собственныхъ предѣлахъ, такъ особенно въ непріятельскихъ; такіе отряды назывались зажитниками. Если въ земляхъ своихъ союзниковъ позволялось брать

все, за исключеніемъ «головъ» (скота?), то легко представить себѣ поэтому зажитье въ непріятельской землѣ. Продовольствіе, захватываемое съ собою войскомъ, помѣщалось вмѣстѣ съ военными принадлежностями: оружіемъ, шатрами, стѣнобитными орудіями, въ обозѣ, называвшемся въ древности **товарами**. При остановкахъ войска не было въ обычаѣ дѣлать укрѣпленныхъ лагерей; даже въ битвахъ не прибѣгали къ какимъ-либо укрѣпленіямъ на мѣстѣ сраженія, съ тѣмъ развѣ исключеніемъ, что на юго-востокѣ изрѣдка встрѣчается попытка обороны отъ враговъ съ плетнемъ или засѣками, стремленіе **обострожиться** и **охабиться** отъ непріятеля. Даже самый обозъ, товары, не получалъ обычно военнаго назначенія: дѣло считалось потеряннымъ, когда врагъ досѣкался до товаровъ. И хотя византійскіе писатели и говорятъ объ умѣньи славянъ превращать свой обозъ въ укрѣпленный лагерь, дѣлать укрѣпленія изъ телѣгъ, составляющихъ обозъ, тѣмъ не менѣе такой **городъ въ колѣхъ**, Wagenburg, на Руси употреблялся чрезвычайно рѣдко, только на югѣ, гдѣ и былъ прототипомъ обыкновеннаго впослѣдствіи малороссійскаго лагеря.

Русскому народу, раскинутому на большомъ пространствѣ и помѣщенному на рубежѣ Европы съ Азіею, естественно приходилось сталкиваться и мѣряться своими силами съ разными сосѣдями, представлявшими одинъ отъ другого весьма значительныя отличія. Поэтому нельзя не ожидать, что характеръ войны и строй войска получатъ въ разныхъ краяхъ Руси особенный отпечатокъ. Существовали собственно два главныхъ оттѣнка въ характерѣ веденія войны: юго-восточный и сѣверо-западный, новгородскій. Юго-восточный развился подъ вліяніемъ постоянныхъ столкновеній съ восточными кочевыми народами, въ особенности половцами и татарами. Отличительную черту восточнаго способа веденія войны составляетъ выработка битвы издали, поэтому необходимыми принадлежностями восточнаго войска были обыкновенно лукъ и стрѣла; поэтому кочевые народы мало заботились и о военномъ строѣ въ битвѣ: войско дѣйствуетъ у нихъ обыкновенно конною толпою. Вся сила такого способа борьбы заключается въ томъ, чтобы помощію тучи стрѣлъ, которыя въ древности оказывали такую же услугу, какъ нынѣ ружье, привести непріятеля въ смятеніе, а затѣмъ воспользо-

ваться возникшимъ замѣшательствомъ. Такимъ образомъ, отличительная тактика восточныхъ народовъ относительно непріятеля можетъ быть сведена къ слѣдующему выразительному правилу: бѣги, или я самъ побѣгу. Восточная тактика усвоивалась тѣми народами, которымъ приходилось имѣть столкновенія съ кочевыми народами; слѣды ея замѣчаются не только въ юго-восточной половинѣ Руси, но и въ Польшѣ. Въ послѣдней лукъ и стрѣла служили самымъ обыкновеннымъ и выгоднымъ оружіемъ; но къ славянамъ, жившимъ за Польшею, это оружіе не проникало. На Руси же вліяніе восточной тактики выразилось съ одной стороны вербовкой въ русское войско восточныхъ народовъ: торковъ, берендѣевъ, коуевъ, половцевъ, татаръ, которые образовали въ войскѣ особенный отдѣлъ стрѣлковъ, съ другой же, сформированіемъ подобныхъ отрядовъ и изъ русскихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и въ строѣ войска во время битвы явилось новое усложненіе: временами къ пяти прежнимъ полкамъ сталъ присоединяться шестой, составленный изъ стрѣлковъ. Такимъ образомъ, съ конца XII-го столѣтія, полный военный строй представлялъ два отдѣла и имѣлъ слѣдующій видъ: въ первомъ или главномъ ряду находились въ срединѣ большой полкъ, а по бокамъ правое и лѣвое крыло; во второмъ, переднемъ, ряду—передовой и сторожевой полки и стрѣлки; неизвѣстно только, какъ размѣщались полки второго ряда одинъ относительно другого.

Но русскому сѣверо-западу приходилось сталкиваться съ иными врагами, нѣмцами и литовцами, мало пользовавшимися стрѣлками и нерѣдко заимствовавшими ихъ отъ русскихъ, но за то выработавшими иной способъ веденія войны, который имѣлъ цѣлью успѣшнѣйшее дѣйствіе противъ непріятеля вблизи и который, сравнительно съ предъидущимъ, восточнымъ, можетъ быть названъ европейскимъ. Не трудно убѣдиться въ этомъ, если взглянуть бѣгло на преобладающій у литовцевъ и нѣмцевъ военный строй. Литовская фаланга, состоявшая въ томъ, что воины, вооруженные копьями, становились въ три ряда и закрывались щитами, образуя такимъ манеромъ подвижную стѣну, показываетъ ясно, какая цѣль имѣлась въ виду при такомъ устройствѣ. Еще болѣе говоритъ за то же нѣмецкая фаланга, извѣстная подъ именемъ свиньи, великой свиньи (svinfylking, caput porcinum, acies caneiformis). Образованный

по формѣ головы свиньи, считавшейся въ миѳологической древности за храброе и благородное животное, строй этотъ представлялъ треугольникъ или клинъ, который обыкновенно состоялъ изъ тяжело-вооруженныхъ ратниковъ или изъ такъ-называемаго на Руси желѣзнаго полка. Увѣренность нѣмцевъ въ своемъ строѣ и въ соотвѣтствіи его ихъ національнымъ особенностямъ была столь велика, что они обращали мало вниманія на другія средства битвы: и дѣйствительно, первый натискъ свиньи былъ, въ бо́льшей части случаевъ, непреодолимъ. Византійскіе писатели говорятъ, будто-бы и славяне также умѣли пользоваться клинообразнымъ строемъ; но на Руси неизвѣстно ни одного случая употребленія этого строя, а всѣ усилія были обращены только на успѣшнѣйшее отраженіе его, въ случаѣ столкновенія съ нѣмцами. Можно съ нѣкоторою вѣроятностью предположить, что, для отраженія свиньи, господствующій на Руси способъ распредѣленія войска на три или на пять полковъ былъ измѣняемъ въ противоположную клину фигуру, фигуру, которая у римлянъ называлась пяткомъ (V), а также ножницами и клещами: этимъ путемъ достигалась возможность охватить и уничтожить свинью. Но преобладающій характеръ европейскаго военнаго строя у народовъ, съ которыми приходилось сталкиваться новгородцамъ, препятствовалъ послѣднимъ развить у себя бой издали; въ то время какъ въ юго-восточной Руси стрѣлки входили во всеобщее употребленіе, новгородцы, по своей отдаленности и обособленности, не знали стрѣлковъ, не умѣли защищаться отъ ихъ дѣйствія и оставались при двойномъ составѣ войска, изъ конницы и пѣхоты.

Конница, носившая въ древности названіе коневниковъ, конниковъ, коневой, конной рати, составляла главный элементъ въ древнемъ войскѣ. Отличительными принадлежностями ея были длинное копье и доспѣхъ или броня (на Западѣ—bruniae), отчего конная рать называлась также доспѣшною, желѣзною и кованою ратью. Весьма вѣроятно, что употребленіе металлическихъ доспѣховъ, которые своимъ блескомъ льстили новгородскому самолюбію, да и обитателямъ юго-востока внушали уваженіе, особенно развилось въ Новгородѣ подъ вліяніемъ нѣмцевъ, у которыхъ обычно было заковываніе ратниковъ въ металлъ, тогда какъ у славянъ панцырь не считался необходи-

мою принадлежностью воина: одну изъ отличительныхъ чертъ польскаго воина отъ нѣмецкаго составляло въ древности отсутствіе доспѣховъ у перваго. Второй, вспомогательный, элементъ новгородскаго войска, пѣхота, носилъ въ древности названіе пѣшцевъ, пѣшцы, пѣшихъ, пѣшей рати и принадлежалъ къ разряду легко вооруженной силы. Оборонительнымъ оружіемъ пѣхоты былъ щитъ, а наступательнымъ, между прочимъ, короткое копье, дротикъ, называвшееся сулицей или совней (отъ су-ти и совати). Вслѣдствіе изобилія разныхъ водъ и неудобства путей сообщенія, пѣшая рать въ древности обыкновенно садилась на суда, почему нерѣдко называлась судовою. При встрѣчѣ съ непріятелемъ, войско выходило изъ насадовъ и вступало съ нимъ въ битву на сушѣ; однако временами случалось, что бой происходилъ и на водѣ, именно когда непріятель не допускалъ до переправы: морскія битвы въ древности давались на рѣкахъ. На югѣ устройствомъ судовой рати прославился Изяславъ II: онъ сдѣлалъ крытыя лодки, на носу и кормѣ которыхъ поставилъ по особенному кормчему, такъ что суда могли двигаться взадъ и впередъ не поворачиваясь; гребцы находились подъ палубой, вслѣдствіе чего видны были только одни весла, а воины, одѣтые въ доспѣхи, стояли на верху и стрѣляли. Конница и пѣхота образовывали у новгородцевъ въ бо́льшей части стычекъ два подраздѣленія, на которыя войско естественно распадалось и которыми обыкновенно располагалось; притомъ такъ, что конница и пѣхота, если онѣ только не дѣйствовали совершенно независимо, занимали отдѣльныя, иногда весьма отдаленныя другъ отъ друга мѣста.

Двумъ русскимъ способамъ веденія войны, юго-восточному и сѣверо-западному, приходилось не только существовать и развиваться бокъ-о-бокъ, но и подвергаться неоднократнымъ столкновеніямъ другъ съ другомъ. Въ древнѣйшее время, когда новгородцы не только откупали свою вольность деньгами, но и готовы были платить за нее въ случаѣ надобности и собственною жизнью, они умѣли съ честью выходить изъ столкновеній съ юго-восточнымъ строемъ. Главный недостатокъ новгородскаго войска состоялъ въ неумѣньи биться издали, въ отсутствіи стрѣлковъ, въ непривычкѣ выносить напоръ послѣднихъ, непривычкѣ, которая лишала новгородскую конницу всякаго зна-

ченія; лишь только стрѣлки, не пытаясь дѣйствовать вотще противъ самихъ новгородцевъ, облеченныхъ въ металлическіе доспѣхи, пускали по нѣскольку стрѣлъ въ лошадей, въ войскѣ тотчасъ же происходилъ страшный безпорядокъ: лошади начинали бѣситься; всадники, не умѣя управляться съ своими длинными копьями, валились подъ нихъ, а затѣмъ наступало всеобщее бѣгство. Въ древнѣйшее время они помогали своему горю тѣмъ, что конница передъ битвой обыкновенно спѣшивалась и пускалась въ рукопашную, т.-е. придавала сраженію тотъ характеръ, который былъ болѣе выгоденъ для новгородцевъ. Этотъ способъ битвы, встрѣчающійся и въ другихъ краяхъ Руси, долженъ быть сочтенъ, кажется, за специфически русскій бой, о которомъ иногда упоминаютъ источники. Понятно поэтому, что самыя славныя побѣды, одержанныя новгородцами въ теченіе своей исторической жизни и остававшіяся долго въ народной памяти: побѣды Колакшинская (1096 года) и Липицкая (1216 года), были добыты не на коняхъ, а пѣшими: тогда новгородцы не только сходили съ лошадей, но даже сбрасывали съ себя верхнее платье и сапоги. Но въ дальнѣйшемъ теченіи своей исторіи новгородцы привыкли отдѣлываться отъ непріятелей деньгами, да сверхъ того, вслѣдствіе увеличенія въ массахъ войскъ, должны были въ опасныхъ случаяхъ вербовать въ конницу не однихъ только землевладѣльцевъ, но и *меньшихъ* людей, которые обыкновенно шли въ пѣшую рать; короче, должны были принимать въ конницу лицъ, которые отродясь на лошади не бывали, плотниковъ и гончаровъ. У такой конницы не только не было прежняго одушевленія и храбрости, стремленія ударить въ рукопашную, но даже и желанія выносить походъ, если только онъ затягивался. Поэтому понятно, что пораженіе конницы было естественнымъ удѣломъ въ случаѣ столкновенія ея съ юго-восточнымъ строемъ: пораженія конной рати въ позднѣйшее время приготовили и паденіе Великаго Новгорода.

Битва, называвшаяся въ древности *ступомъ*, *ступленіемъ*, *соймомъ*, *снятіемъ*, *совкупомъ* и т. д., считалась, какъ и поединокъ, *судомъ божіимъ*, почему и замѣнялась нерѣдко поединкомъ предводителей или богатырей: вспомнимъ о борьбѣ Мстислава съ Редедей, о поединкѣ отрока съ печенѣгомъ. Но съ теченіемъ времени, поединки вышли изъ употребленія и усту-

пили мѣсто битвѣ. Послѣдняя обыкновенно открывалась не прямо по встрѣчѣ противниковъ; враждебныя войска долго медлили, иногда по нѣскольку дней, даже по нѣскольку недѣль, особенно если ихъ раздѣляла рѣка, и старались вывести другъ друга изъ терпѣнія бранью. Предметомъ брани обыкновенно служили какъ физическія, такъ и нравственныя особенности борющихся, равно какъ и особа предводителя. Такъ, съ одной стороны поляки, при столкновеніи съ русскими въ 1249 году, поддразнивали послѣднихъ, говоря: «ударимъ на большія бороды»; съ другой—кіевляне въ борьбѣ съ новгородцами въ 1016 году бранили послѣднихъ «плотниками» и грозили заставить ихъ рубить для себя хоромы: въ новгородскомъ войскѣ ремесленниковъ было не мало. Особа предводителя давала также не малый просторъ для остроумія; такъ, въ 1018 году воевода Ярослава Будый задѣлъ Болеслава польскаго, сказавши: «мы проткнемъ тебѣ твое толстое чрево трѣскою» (палкою, не оружіемъ даже!); такъ, Ярослава новгородскаго кіевляне назвали въ насмѣшку «хромцомъ», указывая тѣмъ на негодность его къ военному дѣлу. Не всегда однако перебранка эта совершалась въ такой благообразной формѣ; предъ Шелонской битвой новгородцы издѣвались, кажется, очень рѣзко надъ московскими воеводами и надъ самимъ великимъ княземъ: ибо лѣтописецъ противоположнаго лагеря говоритъ, что они «какъ псы лаяли». Въ этой умственной перестрѣлкѣ какая-либо изъ воюющихъ сторонъ задѣвалась такъ мѣтко, что считала позоромъ оставаться въ дальнѣйшемъ бездѣйствіи. Предварительный бой на юго-востокѣ открывался обыкновенно стрѣлками; на сѣверо-западѣ же, гдѣ стрѣлковъ не знали, бой начинался сторожевымъ полкомъ. Иногда дѣло тѣмъ и кончалось и обѣ рати расходились. Но обыкновенно за первыми столкновеніями наступала настоящая битва, схватывались между собою главныя силы. Борьба шла по преимуществу въ рукопашную; борцы даже брали другъ друга за руки. Сначала вступала въ свалку пѣшая рать, пролагавшая себѣ дорогу тяжелыми метательными орудіями, остроконечными молотами (кіями) и топорами (streitaxt), и приводившая этимъ путемъ непріятеля въ смятеніе еще до столкновенія; за нею слѣдовали князья съ конными полками и дружинами, врѣзывались нѣсколько разъ въ ряды непріяте-

лей, пока не досѣкались товаровъ; считая дѣло проиграннымъ, противникъ тогда «вдавалъ, показывалъ плечи», т.-е. обращался въ бѣгство. Для послѣдняго каждое пораженіе должно было, по характеру древней войны, близко граничить съ абсолютнымъ пораженіемъ; ибо древне-русское войско, будучи стремительнымъ въ наступленіи, не умѣло мѣнять послѣдняго на оборону, не умѣло пользоваться лагеремъ, подъ которымъ бы смѣло можно было вступать въ бой, въ надеждѣ скрыться въ него, какъ въ вѣрную крѣпость, въ случаѣ если-бы постигла неудача. Однако этого никогда не случалось, потому что побѣдители скоро позабывали о непріятелѣ, бросались грабить обозъ и иногда начинали драться между собою изъ-за добычи, особенно когда въ походѣ участвовало нѣсколько союзниковъ. Пользуясь этою слабостью, нѣмцы иногда выходили невредимыми изъ затруднительнаго положенія: если столкновеніе съ русскимъ войскомъ не обѣщало ничего хорошаго, они выставляли впередъ обозъ, который русскіе и бросались грабить, а сами тѣмъ временемъ спѣшили убраться восвояси. Не всѣ, впрочемъ, русскіе были одинаково падки на грабежъ обоза: лѣтописецъ отличаетъ смольнянъ, предававшихся при первой возможности грабежу, отъ новгородцевъ, неуклонно продолжавшихъ бой до конца. Пріобрѣтенію побѣды много содѣйствовали военныя хитрости, устройство подсадъ, засадъ, употребленіе западнôй рати, полка: при помощи этихъ средствъ не рѣдко и съ слабѣйшими силами удавалось одерживать побѣды. Побѣдители, на древнемъ языкѣ, становились «на костѣхъ» и ударяли въ трубы.

Битвѣ въ чистомъ полѣ соотвѣтствовало взятіе городовъ (крѣпостей) приступомъ. Взятіе приступомъ, называвшееся въ древности взятіемъ на копье, копьемъ, открывалось пальбой изъ луковъ и праковъ, пороковъ (прати). Посредствомъ первыхъ старались затруднить дѣятельность осажденныхъ, которые защищались съ городскихъ стѣнъ также пороками и стрѣлами, да сверхъ того каменьемъ, колодами, горячей водой и тому подобнымъ: пальба изъ луковъ мѣшала имъ выходить изъ-за заборолъ, за которыми они обыкновенно скрывались. Пороки же принадлежали къ разряду метательныхъ машинъ, и камни, бросаемые этими машинами, достигали иногда столь значительной величины, что одинъ камень едва поднимали четыре, да и то

сильныхъ человѣка; но дѣйствіе пороковъ не всегда могло быть успѣшнымъ: въ случаѣ противнаго вѣтра бросаемые ими камни не достигали своего назначенія и обращались на самихъ осаждающихъ. Пороки обыкновенно заготовлялись предъ началомъ войны, въ Новгородѣ на владычнемъ дворѣ, и возились въ товарахъ, въ сопровожденіи порочнаго мастера. Дѣятельность пороковъ обращена была главнымъ образомъ на городскія стѣны, на людей же только временами; посредствомъ ихъ старались разбить крѣпостныя стѣны или, по крайней мѣрѣ, сбить съ города заборола и такимъ образомъ лишить осажденныхъ возможности прикрытія. Вообще пороки собственно только расчищали дорогу для настоящаго приступа, который производился съ помощію примета. Приметъ былъ не иное что, какъ масса бревенъ и соломы или же лѣса́, воздвигнутые кругомъ осажденнаго города, и имѣлъ двоякое назначеніе. Онъ служилъ или массою горючаго матеріала, посредствомъ которой старались зажечь городъ: на древнемъ языкѣ это обозначалось словами: зажечь городъ приметомъ; или же мостомъ, по которому осаждающіе взбирались на городскія стѣны. Взятіе городовъ приступомъ случалось впрочемъ рѣдко, особенно въ позднѣйшее время, когда значительно ослабѣла страсть къ войнѣ, когда увидѣли, что приступъ не обходится дешево, что при немъ «головы станутъ падать съ обѣихъ сторонъ». Поэтому стали отдавать предпочтеніе пассивной осадѣ городовъ, которая называлась остоемъ, стояніемъ, облежаніемъ, и заключалась въ томъ, что непріятель, окруживъ городъ и выжегши окрестности (посады), не допускалъ въ городъ съѣстныхъ припасовъ, не дозволялъ осажденнымъ выходить въ зажитье и старался лишить ихъ воды. Осаждающіе «стояли стояньемъ» около города въ ожиданіи того времени, когда осажденные явятся къ нимъ съ челобитьемъ; послѣдніе же сидѣли въ городѣ въ надеждѣ, что врагъ постоитъ-постоитъ, да и пойдетъ прочь, заключивши миръ по старинѣ. Но какъ бы непріятель ни овладѣвалъ городомъ, посредствомъ ли приступа, или же облежанія, за овладѣваніемъ обыкновенно слѣдовало, особенно въ древнѣйшее время, взятіе на щитъ, т.-е., обращеніе въ пользу побѣдителя городского имущества, равно какъ и плѣненіе, порабощеніе населенія, особенно женщинъ и дѣтей: мужчинъ же временами не брали на щитъ, а

предавали избіенію. Нерѣдко взятіе на щитъ касалось не одного только города, но и распространялось на цѣлую область. Для избѣжанія подобной участи, осажденные не ожидали исхода осады, а сдавались добровольно, стараясь только выговорить въ предварительныхъ условіяхъ, чтобы непріятель не бралъ ихъ на щитъ; съ этою цѣлію они давали послѣднему откупъ, напр. драгоцѣнными металлами. Вообще взятіе на щитъ въ военномъ быту было тѣмъ же самымъ, что въ гражданскомъ—**потокъ** и разграбленіе, поэтому взятіе, дача на щитъ встрѣчалось и въ послѣдней области; имущество бояръ въ Новгородѣ, напримѣръ, отдавалось иногда на щитъ въ собственность остальныхъ горожанъ.

Условія, при которыхъ приходилось въ древности вести войну, вообще не благопріятствовали ни большимъ битвамъ, ни приступамъ. Съ одной стороны дурное состояніе путей сообщенія, съ другой трудность добывать продовольствіе, препятствовали собирать значительныя массы войскъ, которыя поэтому были немногочисленны; псковичи при сильномъ наборѣ выставляли въ XV-мъ столѣтіи только 10 тысячъ ратниковъ; новгородцы въ послѣднія критическія минуты своего существованія имѣли въ полѣ 30—40 тысячъ, а обыкновенное количество войскъ колебалось между 5 и 20 тысячами. Поэтому война ограничивалась большею частію мелкими стычками, и имѣла главнѣйшею цѣлью разореніе непріятельской земли: старались опустошить какъ можно бо̀льшее пространство враждебной области, побывать тамъ, гдѣ не бывали ни отцы, ни дѣды, и притомъ въ данныхъ предѣлахъ совершенно опустошить страну. Опустошить полосу земли, длиною верстъ въ триста, а шириною пятьдесятъ, или же разорить до восьмидесяти волостей, тогда было ни почемъ. Князья, заходившіе съ огнемъ и мечемъ глубоко въ непріятельскую землю, пользовались особенной славой въ отдаленномъ потомствѣ: какъ на югѣ Даніилу ставилось въ особенную честь, что онъ первый воевалъ Чешскую землю, такъ на сѣверо-западѣ отважностью и отдаленностью походовъ славились князья Довмонтъ и Давидъ (XIII и XIV вѣковъ). Относительно окончательности опустошенія непріятельской земли сто̀итъ только припомнить обширный словарь именъ, обозначавшихъ обыкновенный актъ опустошенія: тереть, терять, истратить, потравить,

положить пусту, выжечь землю, волость, села, обилье. Выжечь селенія, погубить хлѣба́, а скота не оставить «ни рога», ни «куряти», составляло славу похода; въ противномъ же случаѣ, когда не удавалось погулять въ непріятельской землѣ, походъ возбуждалъ насмѣшки какъ со стороны своихъ, такъ и противниковъ: говорили, что рати ничего не удалось взять, развѣ только «земли копытомъ», что, вмѣсто непріятельскаго города, «едва взяли пѣшкомъ свои собственные дома», т.-е. едва возвратились домой. Съ цѣлью полнѣйшаго опустошенія непріятельской земли, войско нерѣдко пускалось «въ разгонъ», т.-е. раздѣлялось на мелкіе отдѣльные отряды, разорявшіе страну по разнымъ направленіямъ и нерѣдко подвергавшіеся печальной участи; особенною дѣятельностью при этомъ отличались охочіе люди, изъ которыхъ то и дѣло что составлялись новые и новые отряды и вторгались въ вражескіе предѣлы. Кромѣ того, вслѣдъ за войскомъ, въ непріятельскую страну стекались съ порубежныхъ мѣстъ всѣ тѣ, которыхъ соблазнялъ грабежъ, и которые доканчивали то, что́ начато было войскомъ.

Если уже между отдѣльными частями Руси взаимная ненависть достигала иногда значительныхъ размѣровъ; если новгородцы, памятуя разореніе Торжка тверичами, шли въ 1375 году подъ Тверь «скрегчюще зубы своими на тверичь»: то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что эта ненависть разыгрывалась особенно тогда, когда вражда обусловливалась національными и религіозными различіями. Религіозный отпечатокъ ярко выступаетъ въ борьбѣ русскаго сѣверо-запада съ нѣмцами и шведами, борьбѣ, отголоски которой раздаются и по настоящее время. Послѣдніе, утвердившись на восточныхъ берегахъ Балтійскаго моря, начали тѣснить оттуда русскихъ и сопровождали свое движеніе на востокъ не только христіанизированіемъ языческихъ финновъ, но и крестовыми походами противъ самихъ русскихъ. Если на Руси и не находилось охотниковъ вступать въ теоретическія пренія о вѣрѣ съ рьяными свѣйскими философами; если послѣднимъ и предлагалось въ подобныхъ случаяхъ ѣхать въ Константинополь для состязанія съ патріархомъ, котораго считали за лучшаго судью въ дѣлѣ о преимуществахъ вѣроисповѣданій; за то русскіе практически очень усердно защищали свою религію, свою землю. Борьба съ нѣмцами и шведами по-

лучила преимущественное значеніе стоянія за домà св. Софьи и св. Троицы. Въ битвахъ съ ними псковичи обыкновенно взывали къ лицамъ, особенно содѣйствовавшимъ самостоятельности Псковà, обращались къ Всеволоду-Гавріилу и Довмонту-Тимоѳею; у нихъ образовалась даже особенная стереотипная фраза для возбужденія къ ревностному стоянію за отечество: «братья-мужи псковичи, кто старъ, то отецъ, а кто младъ, той братъ, потягнѣте за св. Троицу». Самое выступленіе въ походъ совершалось иногда съ особенною религіозною церемоніальностью. Такъ Довмонтъ, предъ отправленіемъ въ походъ на нѣмцевъ, вошелъ въ храмъ св. Троицы, снялъ свой мечъ и положилъ предъ алтаремъ; затѣмъ совершилъ молитву, послѣ которой игуменъ съ священнымъ чиномъ опоясалъ его мечемъ и благословилъ въ путь. Въ этой борьбѣ тягчайшая масса золъ обрушилась не на голову одного изъ противниковъ, а на третье лице, помѣщенное между ними, на финновъ. При своемъ распространеніи по восточной Европѣ, и русскіе и нѣмцы успѣли подчинить своей власти нѣкоторыя части финскаго племени и стремились, каждый за себя, распространить это господство и на остальныя. Вслѣдствіе такого положенія между двумя могущественными сосѣдами, финнамъ приходилось колебаться между ними, нерѣдко прибѣгать къ перевѣту, къ измѣнѣ; но измѣна только ухудшала ихъ дѣла. Съ одной стороны ихъ нисколько не щадили противники въ ихъ взаимныхъ войнахъ: въ одномъ случаѣ цѣлая пещера съ финнами была затоплена русскими, а въ другомъ зажженъ островъ, откуда финнамъ пришлось бѣжать съ горящими волосами; съ другой же стороны, и мѣры, которыми хотѣли искоренить между финнами измѣну, принадлежали къ числу самыхъ радикальныхъ: въ договорѣ новгородцевъ со шведами 1340 года положено было, и той и другой сторонѣ избивать и вѣшать финновъ, въ случаѣ ихъ передачи. При такихъ обстоятельствахъ исчезновеніе финновъ съ лица земли было явленіемъ совершенно естественнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, было что-то роковое въ судьбѣ племени, противъ котораго одинъ изъ новгородскихъ князей хотѣлъ послать войско, приведенное съ Низу на нѣмцевъ, на томъ единственномъ основаніи, что войску нужно же гдѣ-либо поживиться: если не у нѣмцевъ, которые успѣли уже примириться, то по крайней мѣрѣ у Корѣлы!

Измѣненія, совершившіяся въ XV и XVI-мъ столѣтіяхъ въ культурномъ и политическомъ состояніи древней Руси, отодвинули прежнія военныя силы на второй планъ. Еще во время послѣдняго вѣка самостоятельнаго существованія Новгорода и Пскова, подвергавшихся постоянному воздѣйствію со стороны нѣмцевъ, замѣчаются тамъ слѣды употребленія огнестрѣльнаго оружія. Какъ при защитѣ городовъ, такъ и при осадѣ ихъ, на ряду съ прежними машинами, стали появляться пушки, называвшіяся также пусками, пускичами, пущичами (пускать): на новгородскихъ стѣнахъ было, напр., пять пушекъ. Заготовленіе пушекъ и пороху (зелья), подобно заготовленію военныхъ судовъ, принималъ на себя главный городъ: во Псковѣ, наприм., каждый городской конецъ имѣлъ свой особенный пороховой складъ при какомъ-либо храмѣ. Однако, хотя при осадахъ городовъ и старались обыкновенно запасаться пушками, тѣмъ не менѣе, по неумѣнью обращаться съ ними, пушки не приносили особенной пользы: при стрѣляніи иногда разрывало становъ и связи. Въ чистомъ же полѣ пушекъ совсѣмъ не употреблялось: новгородцы защищали послѣдніе остатки своей свободы не артиллеріей, а по прежнему, конною и пѣшею ратью; да и москвичи подчиняли ихъ своей власти не пушками, а извѣстными уже намъ военными средствами, стрѣлками и засадою. Только съ водвореніемъ въ Новгородѣ и Псковѣ московскаго владычества получаетъ значеніе и огнестрѣльное оружіе; тогда изъ составныхъ частей войска выдаются на первый планъ нарядъ и пищальники. Нарядъ былъ не иное что, какъ артиллерія, а пищальниками назывался особенный отрядъ войска, отличительнымъ оружіемъ котораго была пищаль: во Псковѣ этотъ отрядъ простирался до тысячи человѣкъ и дѣлился на сотни, подвѣдомственныя сотникамъ. Прежняя же военная сила, получившая вмѣсто стараго имени рубленой рати названіе посохи, отодвинулась на второй планъ. Будучи разнообразнымъ, назначеніе ея, въ бóльшей части случаевъ, оставалось служебнымъ: посоху заставляли тянуть суда, мостить мосты, сбирать зелейную руду, наблюдать за нарядомъ, нести приметъ и только иногда водили на приступъ.

Но измѣненіе въ характерѣ военной силы необходимо вызывало и перемѣну въ распредѣленіи военной обязанности по

населенію. Два главныхъ вида военной обязанности, служба въ пищальникахъ и въ посохѣ, были разложены по населенію такъ, что первая служба падала на горожанъ, вторая же, посоха, на сельскихъ жителей. Посоха была явленіемъ старымъ, обычнымъ, а потому и не возбуждала особеннаго неудовольствія: и прежде съ извѣстнаго числа сохъ ставился конный человѣкъ; разница заключается развѣ въ томъ, что теперь, такъ какъ посохи нерѣдко шли подъ нарядъ, конный человѣкъ становился чаще съ телѣгой. Подобно тому, какъ прежде пріютомъ для охочаго человѣка служила пѣшая, судовая рать; такъ и теперь такой же пріютъ доставляла ему посоха, съ тѣмъ только различіемъ, что теперь охочій человѣкъ не руководился, при поступленіи въ войско, одною только надеждою на добычу въ войнѣ, а поступалъ въ посоху за извѣстную плату, которую получалъ отъ лицъ, желавшихъ избавиться отъ службы. Плата охотникамъ, если не говорить о колебаніяхъ, зависѣвшихъ отъ естественнаго хода вещей, была различна, смотря по роду посохи, въ которую нанимался охотникъ. Такъ, плата конному охотнику простиралась, напр., отъ трехъ до пяти рублей въ мѣсяцъ, а пѣшему составляла около двухъ въ тотъ же срокъ. Болѣе отяготительна была служба въ пищальникахъ, падавшая на города: на 500 пищальниковъ, выставленныхъ псковичами для похода 1535 года, потребовалось 3000 подводъ съ 3000 четвертей овсяной заспы, 3000 полтей свинины, 3000 четвертей солоду и т. д. Временами города должны были нанимать отъ себя и посоху, что, при частомъ повтореніи, доводило ихъ до совершеннаго обнищанія: денегъ для найма охотниковъ не стало, а потому невольно приходилось горожанамъ самимъ идти въ посоху и гибнуть въ ея рядахъ отъ холода, голода и работы.

Увеличеніе въ размѣрѣ военныхъ силъ, вызванное трудными войнами XVI-го столѣтія, естественно влекло за собой и уничтоженіе всѣхъ изъятій, какія существовали до этого времени. Прежде, въ періодъ самостоятельной мѣстной жизни, жители главнаго города пользовались свободой отъ городоставленія, а духовенство стремилось, и не рѣдко успѣвало, освободиться не только отъ обязанности строить города, но даже и отъ набора рекрутъ съ ихъ земель. Но въ XVI-мъ вѣкѣ новгородскіе горожане (псковичи же и раньше всегда принимали участіе въ постройкѣ

своего города) и духовенство Новгорода и Пскова потеряли всѣ свои преимущества. Въ 1517 году псковское духовенство должно было принять участіе въ поправкѣ крома на ряду съ остальными жителями Пскова, должно было возить камень, необходимый для работы. Въ 1534 году тоже явленіе повторилось и на Новгородѣ, гдѣ постройка сгорѣвшаго города была разложена по всѣмъ горожанамъ, къ числу которыхъ были отнесены новгородскій владыка и духовенство. Подобное же измѣненіе случилось и въ другой отрасли военной обязанности, въ наборѣ рекрутъ. Въ 1518 году къ участію въ полоцкомъ походѣ было призвано и псковское духовенство: оно должно было поставить коней и телѣги для провоза наряда, иначе принять участіе въ пособхѣ. Но увеличеніе въ размѣрѣ военныхъ силъ и новизна въ распредѣленіи военныхъ повинностей вызвала громкія жалобы противъ правительства. Горожане жаловались на тягость обязанности поставлять пищальниковъ, на обнищаніе отъ пособхи; говорили, что великій князь заселяетъ чужіе города, а свои дѣлаетъ пустыми; стараясь овладѣть чужими землями, теряетъ свои и даромъ губитъ народъ. Духовенство жаловалось на нововведеніе, на то, что въ несеніи повинностей ихъ стали ставить на одну доску съ простымъ народомъ.

Въ планъ нашего очерка, однако, не входитъ разъясненіе смысла и справедливости этихъ жалобъ: наша задача состояла только въ томъ, чтобы изъ состоянія войска въ XVI-мъ столѣтіи, которое можетъ служить предметомъ для совершенно самостоятельнаго труда, извлечь нѣкоторыя черты для доказательства сдѣланной нами характеристики предшествующаго періода.

А. И. Никитскій.

ЖУРНАЛЪ СОБСТВЕННЫЙ К. Н. Т. ПО ВОЗВРАЩЕНІИ ВЪ 1717 Г. ИЗЪ НѢМЕЦКОЙ ЗЕМЛИ.

Подъ этимъ заглавіемъ мы печатаемъ записную, собственноручную книжку генералъ-фельдмаршала, генералъ-прокурора и дѣйствительнаго тайнаго совѣтника князя Никиты Юрьевича Трубецкого, родившагося 26 мая 1699 г. и умершаго 16 октября 1767 года. Одинъ изъ птенцовъ Петра Великаго, человѣкъ обширнаго и, по своему времени, просвѣщеннаго ума, другъ сатирика кн. А. Д. Кантеміра, князь

Никита Трубецкой въ теченіи восьми царствованій удержалъ за собой постъ въ ряду наиболѣе замѣтныхъ государственныхъ дѣятелей; онъ видѣлъ паденіе многихъ изъ своихъ милостивцевъ и благопріятелей, самъ нерѣдко участвовалъ въ гибели ихъ и, ловко соображаясь съ перемѣною обстоятельствъ, всегда умѣлъ своевременно оставить ослабѣвшую и перейти на сторону усилившейся партіи. Свидѣтель и участникъ во многихъ замѣчательныхъ событіяхъ — кн. Н. Ю. Трубецкой могъ бы передать множество драгоцѣнныхъ подробностей для исторіи Россіи XVIII стол., но въ своей записной книжкѣ онъ предпочелъ сохранить лишь краткія указанія на болѣе крупные факты, относящіеся до его служебной карьеры и семейной жизни. При всей, однако, сухости этихъ отмѣтокъ, онѣ драгоцѣнны для біографіи этого, во всякомъ случаѣ замѣчательнаго, дѣятеля прошлаго вѣка; этими собственноручными замѣтками кн. Н. Ю. Трубецкого исправляется нѣсколько существенныхъ ошибокъ, попадающихся въ его немногихъ печатныхъ біографіяхъ; а затѣмъ въ числѣ данныхъ, сохраненныхъ „Журналомъ собственнымъ", есть нѣсколько чертъ довольно характеристичныхъ. Бантышъ-Каменскій въ краткой біографіи кн. Н. Ю. Трубецкого (Словарь достопам. людей русск. земли, изд. 1836 г., т. V, стр. 164—167), между прочимъ, передаетъ, въ видѣ сомнительнаго преданія, что „императоръ Петръ III пожаловалъ князя Никиту Юрьевича не только генералъ-фельдмаршаломъ, но, какъ увѣряютъ, полковникомъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, котораго званія однакожъ Трубецкой лишенъ былъ Екатериною II. Государыня,—продолжаетъ составитель Словаря,—объявила кн. Трубецкому, по вступленіи своемъ на престолъ, что „желаетъ служить съ нимъ въ одномъ полку и увѣрена, что онъ уступитъ ей начальство надъ онымъ".

Изъ предлагаемаго „Журнала собственнаго" между прочимъ видно, что преданіе, сообщенное Бантышъ-Каменскимъ, имѣетъ въ основаніи своемъ совершенную истину.

Журналъ писанъ генералъ-фельдмаршаломъ кн. Трубецкимъ собственноручно, въ восьми-дольную тетрадку, прямымъ, четкимъ почеркомъ.

Ред.

1719 годъ. Іюнь 3. Сговорилъ я жениться на дочери Гаврила Ивановича графа Головкина канцлера, Настасьѣ Гавр., на Котлинѣ острову.

5. Взятъ я въ службу ко двору государя императора Петра Великаго волунтиромъ.

1722 годъ. Генварь 28. Написанъ я, имяннымъ указомъ, въ сержанты Л. Г. въ преображенской полкъ, а былъ, по прежнему, при дворѣ.

Апрѣль 16. Женился я на дочери канцлера графа Головкина, Настасьѣ Гавр. въ Москвѣ.

1723 годъ. Августъ 21. Родился у меня первый сынъ к. Александръ 4¼ часа пополуночи, въ С. Петербургѣ, имя дано, того же августа 30 числа, пр. отца нашего Александра Свирскаго. Воспріемниками были государь императоръ Петръ Великій и государыня цесаревна Анна Петровна.

1724 годъ. Май 10. Пожалованъ я, имяннымъ указомъ, въ прапорщики Л. Г. въ преображенской полкъ въ Москву, а былъ при дворѣ по прежнему.

Августъ 4. Родился сынъ к. Петръ 2 часа и 10 минутъ пополудни въ С. Петербургѣ; имя дано, тогожъ августа 24 числа, пренесенія мощей Петра митрополита; воспріемниками были: государь императоръ Петръ Великій и государыня цесаревна Анна Петровна.

1725 годъ. Іюнь 20. Родился сынъ князь Иванъ 4 часа пополуночи въ С. Петербургѣ; имя дано, тогожъ іюня 24 числа, Рождество С. Предтечи Іоанна; воспріемниками были: государыня императрица Екатерина Алексѣевна, и тесть мой Гаврила Ивановичъ графъ Головкинъ.

1726 годъ. Октябрь 26. Не стало сына князя Александра (большаго) 9 часовъ пополуночи, въ С. Петербургѣ; погребенъ у церкви Самсона страннопріимца.

Ноябрь 24. Пожалованъ я государынею императрицею Екатериною Алексѣевною ко двору ея величества въ камеръ-юнкеры въ С. Петербургѣ, а въ полку Преображенскомъ велѣно считаться, по прежнему, прапорщикомъ.

1727 годъ. Августъ 24. Взятъ я ко двору государя Петра Второго камеръ-юнкеромъ, въ с. петербургской деревнѣ графа Гавр. Иванов. Головкина, въ селѣ Ропшѣ.

Ноябрь 20. Государь императоръ Петръ Вторый пожаловалъ мнѣ въ потомственное владѣніе, въ Москвѣ, на Чистомъ прудѣ описной за доимку дворъ иноземца, купецкаго человѣка Павла Вестова.

1730 годъ. Мартъ 10. Отъ государыни императрицы Анны Іоан-

новны пожалованъ я въ генералы-маіоры и въ кавалергардской корпусъ въ подпоручики, въ Москвѣ.

1731 годъ. Іюнь 8. Отъ ея жъ императорскаго величества, по раскасованіи кавалергардскаго корпуса, пожалованъ я, лейбъ-гвардіи въ преображенской полкъ въ маіоры, въ Москвѣ.

20. Родился сынъ князь Сергій 1 часъ и 5 минутъ пополуд. въ Москвѣ. Имя дано іюля 5 числа обрѣтенія честныхъ мощей пр. отца нашего Сергія радонеж. чудотворца; воспріемниками были государыня императрица Анна Іоанновна и Гаврила Иван. Головкинъ.

1733 годъ. Май 28. Родился сынъ князь Александръ меньшой, 1¼ часа пополудни, въ С. Петербургѣ; имя дано августа 30 числа пр. отца нашего Александра Свирскаго; воспріемниками были государыня императрица Анна Іоанновна и Гавр. Иван. Головкинъ.

1735 годъ. Апрѣль 27. Скончалася жена моя, княг. Настасья Гавр. въ Москвѣ 1 часъ пополуночи безъ меня (я былъ при арміи, при командѣ на Украйнѣ и стоялъ въ Переяславлѣ), погребена въ Москвѣ въ Чудовѣ монастырѣ.

Ноябрь 10. Женился я на другой женѣ, на вдовѣ, дочери князя Данила Андресвича Друцкова, на Аннѣ Даниловнѣ (которая была прежде за маіоромъ Матвѣемъ Андреевичемъ Херасковымъ) на Украйнѣ слободскихъ полковъ, въ городѣ Изюмѣ (гдѣ я былъ тогда при командѣ).

1736 годъ. Ноябрь 2. Родился сынъ князь Юрья 7¼ часа пополуночи, въ Малороссіи, въ городѣ Переяславлѣ; имя дано, апрѣля 23 числа, св. великомученика Георгія; воспріемниками были преосвященный Арсеній (Берло) епископъ переяславскій и Борисъ Поткій; фельдмаршалъ графъ Минихъ, теща моя княгиня Авдотья Богдановна Друцкая, принцъ Гессенъ-Гомбургскій и своячена моя княжна Дарья Данил.

1737 годъ. Генварь 22. Отъ государыни императрицы Анны Іоанновны пожалованъ я въ генералы-лейтенанты (заочно, ибо я былъ при командѣ въ Малороссіи и стоялъ въ Переяславлѣ).

Августъ 20. Умеръ сынъ князь Александръ меньшой (отъ первой жены) въ Переяславлѣ (безъ меня, я былъ при командѣ на Днѣпровскихъ порогахъ), похороненъ въ томъ же городѣ Переяславлѣ, въ каѳедральномъ монастырѣ.

Октябрь 9. Родилася дочь, княжна Анна, $1^1/_2$ часа по полуночи, за Украинскою линіею, на Днѣпромъ, близъ днѣпровскихъ пороговъ и запорожскаго мѣстечка Нижняго Кайдане, на Каменскомъ островѣ (оной островъ отъ Украинской линіи лежитъ качановскому берегу въ 75 верстахъ), имя ей дано 9 декабря зачатіе Святыя Анны; воспріемники были: фельдмаршалъ графъ Минихъ и княгиня Авдотья Ивановна Борятинская, супруга муромскаго пѣх. полку подполковника князя Михаила Михайловича Борятинскаго.

1738 годъ. Генварь 13. Имяннымъ государыни императрицы Анны Іоанновны указомъ опредѣленъ я въ генералы крикскомисары, заочно (я былъ тогда при командѣ на украинской линіи и сверхъ того имѣлъ въ командѣ жъ моей всѣ залинейныя почты даже до Запорожской Сѣчи и до Александръ-шанцъ, а стоялъ въ Китай-городкѣ).

Октябрь 22. Родился сынъ князь Николай $5^1/_2$ часа по полуночи, въ Малороссіи, въ городѣ Лубнахъ; имя ему дано декабря 6 числа святителя Николая Чудотворца; воспріемники были тесть мой князь Данила Андреевичъ съ свояченою моею княжною Дарьею Даниловною.

1739 годъ. Октябрь 30. Родился сынъ князь Алексѣй $6^3/_4$ часа по полуночи, въ Кіевѣ, на Подолѣ; имя ему дано февраля 12 числа св. Алексѣя митрополита; воспріемники были: фельдмаршалъ графъ Минихъ съ свояченою моею княжною Дарьею Даниловною.

1740 годъ. Февраль 11. Умеръ сынъ князь Николай $9^1/_4$ часа по полудни въ Переяславлѣ и погребенъ 12 числа тогоже (мѣсяца) въ Переяславлѣ, въ каѳедральномъ монастырѣ, близъ соборной Вознесенія Господня церкви, и поставленъ въ одну съ сыномъ к. Александромъ могилу.

Мартъ 7. Поѣхалъ я, по имянному указу, изъ Украйны (изъ Переяславля) въ Петербургъ, и 22 приѣхалъ въ С. Петербургъ. 30. Пожалованъ мнѣ орденъ св. Александра Невскаго въ С. Петербургѣ.

Апрѣля 28. Пожалованъ я въ тайные дѣйствительные совѣтники и въ генералы-прокуроры въ С. Петербургѣ.

Ноября 28. Отправился я изъ Кабинета съ данною инструкціею въ Ригу, ко учрежденной тамъ по курляндскимъ дѣламъ коммисіи.

Декабрь 5. Пріѣхалъ въ Ригу.

1741 годъ. Генварь 31. 5 часовъ 55 минутъ по полудни въ Ригѣ родился сынъ князь Николай; имя ему дано мая 9 числа Пренесеніе мощей святителя Николая; воспріемники были: фельдмаршалъ графъ Лессій и своячена моя княгиня Елисавета Даниловна.

Май 13. По окончаніи по курляндскимъ дѣламъ врученной мнѣ коммисіи отъѣхавъ изъ Риги, я 18 пріѣхалъ въ С.-Петербургъ.

1742 годъ. Апрѣль 6. Родилася дочь княжна Марія въ Москвѣ 8 часовъ по полуночи, имя ей дано апрѣля 1-е св. Маріи Египетскія; воспріемники: всемилостивѣйшая государыня императрица Елисавета Петровна и государь великій князь.

25. По высочайшему ея императорскаго величества всемилостивѣйшему соизволенію, при торжественной ея величества коронаціи, былъ я верховнымъ маршаломъ; и пожалована мнѣ кавалерія св. апостола Андрея, въ Москвѣ.

Октябрь 27. Подъ утро, въ 5 часовъ, по полуночи, не стало дочери княжны Марьи, а

28. Ввечеру, въ 8 часовъ, по полудни, не стало сына князя Николая и погребены оба въ Москвѣ, въ нижней церкви царя Грузинскаго (что противъ Охотнаго ряду) противъ столба, на которомъ стоитъ образъ Пресвятыя Богородицы всѣмъ скорбящимъ.

1743 годъ. Май 17. Родилася дочь княжна Елена въ С. Петербургѣ, 8 часовъ пополуночи, имя дано того же мая 21 числа св. царя Константина и царицы Елены; воспріемники соизволили быть ея императорское величество съ государемъ великимъ княземъ.

1744 годъ. Іюль 7. Въ Москвѣ, въ домѣ сестры княгини Марьи Юрьевны, что на Яузѣ, близъ Головинскаго дворца, умерла дочь княжна Елена и погребена въ Андроньевскомъ монастырѣ, въ соборной церкви.

15. При окончательномъ съ короною Шведскою мирномъ торжествѣ, въ Москвѣ, всемилостивѣйшая государыня императрица пожаловала меня деревнями въ Лифляндіи, въ 50 гакахъ состоящими, да въ Кексгольмскомъ уѣздѣ мызою Пигіярви-кирка.

Ноябрь 6. Родился сынъ князь Николай $9^3/_4$ часа по полу-

дни, въ Москвѣ, имя дано декабря 6 числа, святителя Николая миръ-ликійскаго чудотворца.

1745 годъ. Декабрь 27. Родилася дочь княжна Елена въ С. Петербургѣ, 8 часовъ по полудни; имя дано 21 мая св. царя Константина и царицы Елены; воспріемниками соизволи быть всемилостивѣйшая государыня императрица и государь великій князь.

1746 годъ. Ноябрь 12. Сынъ князь Петръ женился въ Москвѣ на дочери князя Василія Петровича Хованскаго, княжнѣ Натальѣ; я былъ въ С. Петербургѣ.

1747 годъ. Апрѣль 14. Родилася дочь княжна Катерина 12 часовъ въ полдень въ С. Петербургѣ; имя дано ноября 24 числа св. великомученицы Екатерины; воспріемники были сынъ мой князь Юрья съ дочерью княжною Анною.

1749 годъ. Февраль 25. Родился сынъ князь Александръ 6 часовъ и 40 минутъ, пополуночи, въ Москвѣ; имя дано, марта 16 числа св. свящ. мученика Александра папы Римскаго; воспріемники были: сынъ князь Юрья и дочь княжна Анна.

Ноябрь 20. 5½ часа пополудни въ Москвѣ не стало сына князя Александра, и

21. Погребенъ въ нижней церкви, что на дворѣ царя Грузинскаго, возлѣ погребенныхъ же въ той церкви, въ 1742 году, двоихъ моихъ дѣтей.

1751 годъ. Іюня 8. 4 часа и 10 минутъ по полуночи, въ С. Петербургѣ родился сынъ к. Александръ, имя дано, того же іюня 10 числа, св. мученика Александра (по Кіевскимъ святцамъ); воспріемники были сынъ князь Юрья и дочь княжна Анна.

1752 годъ. Декабрь 15. 9 часовъ и 45 минутъ по полудни въ Москвѣ родился сынъ к. Василій; имя дано генваря въ 1 день, иже во святыхъ отца нашего Василія Великаго, архіепископа Кесаріи Каппадокійскія; воспріемники были сынъ к. Николай и дочь княгиня Анна.

Я былъ тогда при ея императорскомъ величествѣ въ С. Петербургѣ, и пріѣхалъ при ней, государынѣ, въ Москву тогоже декабря 19 числа.

1753. Сентябрь 20. Сына князя Сергѣя женилъ я въ Москвѣ на дочери Ивана Петровича Ладыженскаго, Аннѣ.

1754 годъ. Февраль 16. Ея императорское величество всемилости-

вѣйше соизволила мнѣ пожаловать (за бытность мою по ея величества высочайшему указу, съ графомъ Петр. Иван. Шуваловымъ при строеніи вмѣсто сгорѣвшихъ въ 1 день ноября прошлаго 1753 г. ея величества покоевъ въ Головинскомъ дворцѣ) перстень съ большимъ бриліантомъ и табакерку золотую богато бриліантами украшенную, въ Москвѣ.

Въ оной дворецъ, вновь построенный, ея величество изволила перейтить декабря въ 18 день тогоже года, и такъ онъ поспѣлъ въ 48 дней.

1756 годъ. Сентябрь 5. Пожалованъ я въ генералы-фельдмаршалы въ С. Петербургѣ.

Тогда мнѣ было отъ роду 56 лѣтъ и 3 мѣсяца и 10 дней.

1757 годъ. Генварь 26. Женилъ сына князя Юрья на дочери Петра Ивановича Салтыкова, на Аннѣ.

Свадьба была въ Москвѣ, а мы съ женою были тогда въ С. Петербургѣ.

1758 годъ. Февраль 16. Не стало невѣстки княгини Анны Петровны, въ Москвѣ.

1759 годъ. Май. 1 числа мая не стало сына к. Александра въ С. Петербургѣ. Ему было отъ роду 20 лѣтъ, служилъ во флотѣ мичманомъ и 4 числа погребенъ въ Невскомъ монастырѣ въ ногахъ покойнаго отца моего.

1759 годъ. Май 15. Помолвилъ дочь княжну Анну замужъ за Александра Ивановича Нарышкина въ С. Петербургѣ.

Онъ тогда былъ у государя великаго князя камеръ-юнкеромъ.

1760. Апрѣль 7. Выдалъ дочь княжну Анну за Александра Ивановича Нарышкина; вѣнчалася во дворцѣ въ высочайшемъ присутствіи ея императорскаго величества всемилостивѣйшей государыни, въ С. Петербургѣ.

Того же числа, съ высочайшаго соизволенія всемилостивѣйшей государыни, помолвилъ сына князя Юрья (вторымъ бракомъ) на дочери покойнаго генерала Александра Ивановича Румянцова, на Дарьѣ Александровнѣ, на вдовѣ (которая была прежде за полковникомъ графомъ Вальстейномъ) въ СПБургѣ.

Май 21. Женилъ сына князя Юрья на Дарьѣ Александровнѣ въ СПБургѣ. Вѣнчалися у Вяземской.

Августъ 16. Пожалованъ я въ сенаторы и въ президенты въ Военную Коллегію.

1761. Декабря 27. По вступленіи на престолъ государя императора Петра Третьяго, пожалованъ я отъ его величества въ преображенской полкъ подполковникомъ въ СПБургѣ.

1762. Іюня 9. (При торжествѣ заключенія съ Пруссіею мира, его императорское величество пожаловалъ меня Л. Г. въ преображенской полкъ полковникомъ) *).

1762. Февраль 5. По высочайшему ихъ императорскихъ величествъ соизволенію, былъ я опредѣленъ Главнымъ во управленіи погребенія тѣла, блаженныя памяти въ бозѣ усппія императрицы государыни Елисаветы Петровны, въ Санктъ-Петербургѣ.

1762 годъ. Сентябрь 22. По высочайшему ея императорскаго величества великой государыни императрицы Екатерины Второй повелѣнію, при высокоторжественной ея величества коронаціи въ Москвѣ, благополучно совершившейся, былъ я верховнымъ маршаломъ.

И для того ради пріуготовленія всего потребнаго къ тому торжеству, 9 іюля поѣхалъ я изъ С.-Петербурга въ Москву, куда 15 числа и пріѣхалъ.

1763 годъ. Іюнь 9. Высочайшею ея императорскаго величества, по всеподданнѣйшему моему прошенію (милостію) уволенъ я какъ отъ воинской, такъ и отъ гражданской службы вѣчно, съ производеніемъ по смерть мою полнаго, по чину моему, жалованья и, сверхъ того, пожаловано мнѣ денегъ пятьдесятъ тысячъ рублевъ и повелѣно, когда я буду въ резиденціяхъ, давать мнѣ пристойной караулъ другимъ не въ образецъ.

Сообщ. Н. П. Дуровъ.

ЗАПИСКИ ПРИДВОРНАГО БРИЛЬЯНТЩИКА ПОЗЬЕ О ПРЕБЫВАНІИ ЕГО ВЪ РОССІИ.

Съ 1729 по 1764 г.

(Переводъ съ французской, неизданной рукописи).

Литература русской исторіи XVIII вѣка не богата печатными мемуарами. Въ самомъ дѣлѣ, если мы назовемъ: Болотова, Бибикова, Грибовскаго, Данилова, княгиню Дашкову, Державина, Дмитріева, Екате-

*) Эти послѣднія строки, поставленныя въ скобкахъ, въ подлинникѣ зачеркнуты княземъ Н. Ю. Трубецкимъ. Ред.

рину II, Нащокина, Неплюева, Порошина, Храповицкаго, Мертваго, князя Шаховскаго, кн. Щербатова, Энгельгардта, то едвали не перечислимъ, если не всѣхъ, то по крайней мѣрѣ, главнѣйшихъ составителей изданныхъ записокъ, русскихъ людей, сохранившихъ для отечественной исторіи сказанія о событіяхъ и дѣятеляхъ XVIII вѣка; что касается до записокъ иноземцевъ о Россіи, то тутъ мы имѣемъ предъ собой значительно бóльшее число лицъ, повѣствовавшихъ о Россіи. Впрочемъ, если послѣдняго рода мемуары значительно превышаютъ первую группу въ количествѣ, то этого никакъ нельзя сказать о ихъ качествѣ. При этомъ нельзя не замѣтить, что большинство иноземцевъ, бывшихъ въ Россіи XVIII вѣка и писавшихъ о ней, почти исключительно принадлежатъ къ высшему кругу. Но вѣдь за этими графами Гордтами, Гельбигами, Манштейнами, Минихами (отцомъ и сыномъ), Бюшингами, Дюками-Лирійскими, гр. Сегюрами, лэди Рондо, за этою вереницею пословъ, посланниковъ и секретарей посольствъ разныхъ иноземныхъ дворовъ, трактовавшихъ о Россіи въ своихъ мемуарахъ, или въ депешахъ, тамъ и сямъ впослѣдствіи появившихся въ печати,—были тысячи иноземцевъ изъ простыхъ людей, были же разнаго рода, такъ сказать, мелкой сошки служилые люди: ремесленники, мастеровые, толпами стремившіеся въ теченіи XVIII вѣка изъ нѣмецкой земли, Франціи и въ особенности изъ Швейцаріи въ льдистую Московію, съ цѣлью составить себѣ фортуну? Неужели никто изъ этихъ лицъ не оставилъ по себѣ записокъ? Это было бы чрезвычайно грустно для любителя отечественной старины, такъ какъ именно ремесленники-иноземцы, люди не стоявшіе на разныхъ ступеняхъ служебной іерархіи, не увлеченные духомъ партій, болѣе первыхъ чуждые личныхъ предубѣжденій противу тѣхъ или другихъ лицъ, стоявшихъ у кормила правленія Россіи, отнеслись бы къ предмету своихъ сказаній гораздо безпристрастнѣе и трезвѣе служилой знати и представителей иноземныхъ дворовъ. Между тѣмъ, къ сожалѣнію, намъ почти неизвѣстны мемуары именно этого послѣдняго рода. Погоня ли за быстрой наживой, работа ли въ магазинахъ, кладовыхъ и мастерскихъ, но было что-то, что всецѣло поглощало жизнь иноземца-ремесленника и купца и онъ менѣе всего думалъ о запискѣ видѣннаго и слышаннаго и о завѣщаніи потомству воспоминаній о своемъ пребываніи въ Россіи. Кончалъ пришлый иноземецъ свою работу въ этой странѣ, наживалъ деньги и, „отрясая прахъ отъ ногъ своихъ", спѣшилъ доживать вѣкъ свой на родину, въ какое-нибудь захолустье Германіи или въ укромный городокъ Швейцаріи....

Да, эти люди мало пишутъ и теперь, и почти ничего, кромѣ своихъ счетовъ и переписки по коммерческимъ дѣламъ,—не писали въ прош-

ломъ столѣтіи. Тѣмъ-то дороже для насъ исключенія. На этотъ разъ примѣръ исключенія составляютъ рукописныя, ни разу еще ненапечатанныя записки Іереміи Позье о пребываніи его, съ 1729 по 1764 годъ, въ Россіи.

Іеремія Позье былъ одинъ изъ иноземцевъ-ремесленниковъ. Вотъ главнѣйшія факты его жизни. Позье родился въ Швейцаріи въ 1716 году. Въ 1729 году, тринадцатилѣтнимъ мальчикомъ Іеремія Позье пѣшкомъ (въ буквальномъ смыслѣ) проходитъ вмѣстѣ съ отцомъ своимъ всю Швейцарію, Германію, Голландію, садится въ Гамбургѣ на корабль и приплываетъ въ Петербургъ въ 1729 году, въ царствованіе Петра II. Дворъ въ Москвѣ;—въ Москвѣ же находится и родной дядя юнаго пришельца, Петръ Позье, служащій хирургомъ; на него всѣ надежды, онъ дастъ средства къ жизни брату и племяннику. Но Москва далеко, денегъ—нѣтъ; Позье-отецъ съ трудомъ добываетъ себѣ у одного знакомаго десятокъ экю, пристаетъ къ какому-то извощику, везшему вино, кладетъ къ нему на телѣгу свой скромный багажъ и пѣшкомъ, вмѣстѣ съ сыномъ, отправляется вслѣдъ за телѣжкой въ Москву. Путешествіе было крайне утомительно. Оно продолжалось шесть недѣль. Разбитые, измученные, не знающіе ни единаго слова по-русски, Позье, отецъ и сынъ, добираются наконецъ до Москвы. Здѣсь ихъ ждетъ новое испытаніе: домъ, въ которомъ жилъ ихъ родственникъ, сгорѣлъ, не за долго до ихъ прихода. Въ немъ погибъ весь достатокъ Позье-хирурга. Тѣмъ не менѣе онъ принимаетъ родныхъ и пристраиваетъ ихъ къ бригадиру Ролану; тотъ записываетъ Іеремію Позье сержантомъ въ армейскій полкъ и отправляется съ нимъ и съ его отцомъ въ Архангельскъ, куда онъ, Роланъ, назначенъ комендантомъ. Въ Архангельскѣ комендантъ скоро умираетъ, споенный на-смерть губернаторомъ. Старикъ Позье возвращается въ Москву и здѣсь, около конца 1731 года, истомленный всѣми скитаніями и неудачами, умираетъ на рукахъ пятнадцатилѣтняго сына, котораго незадолго предъ тѣмъ съ трудомъ удалось ему выписать изъ полка. Несчастный юноша въ совершенномъ отчаяніи. Но предъ нимъ есть возможность честно заработывать хлѣбъ: онъ молодъ, здоровъ, способенъ. Отецъ еще передъ смертію договорился отдать его на семь лѣтъ въ ученье, въ Петербургъ, къ придворному брильянтщику, французу Граверо. Такимъ образомъ, Іеремія Позье попадаетъ въ Петербургъ; здѣсь онъ учится съ большимъ стараніемъ и не только скоро ознакомливается съ своимъ ремесломъ, но и достигаетъ въ немъ совершенства. Хозяинъ его, Граверо, любитъ сильно покутить и повеселиться, и все взваливаетъ на своего молодого ученика. Работы много. Императрица Анна Іоанновна любитъ брильянты и приказываетъ Граверо

приходить съ рабочими во дворецъ и здѣсь работать на ея глазахъ. Но Граверо часто загуливаетъ и не является; за то на мѣстѣ всегда Позье. Анна Іоанновна его замѣчаетъ; она милостиво говоритъ съ нимъ, предлагаетъ заказы и поручаетъ ему отправиться, въ свитѣ ея посла, въ Китай для закупки тамъ для нея разныхъ дорогихъ вещей. За смертью Анны Іоанновны эта командировка Позье не состоялась. Между тѣмъ онъ выходитъ изъ ученья, и лично извѣстный покойной государынѣ, дѣлается скоро извѣстнымъ и всему двору. Позье открываетъ свою мастерскую, сначала весьма скромную. Искусство въ работѣ, акуратность въ исполненіи, честность и готовность оказывать, нерѣдко въ большой убытокъ самому себѣ, кредитъ заказчикамъ, обыкновенно разнымъ крупнымъ и мелкимъ придворнымъ лицамъ, — привлекаютъ къ Позье много заказовъ. Фирма его и положеніе при дворѣ вполнѣ обезпечены. Анна Іоанновна, Анна Леопольдовна, Елисавета Петровна, Петръ III и Екатерина II послѣдовательно дѣлаютъ ему заказы, часто призываютъ его къ себѣ, говорятъ съ нимъ;—особенно милостиво относится къ нему Елисавета Петровна. Вслѣдъ за особами царской фамиліи, Позье входитъ въ частыя сношенія съ временщиками каждаго новаго правленія: Биронъ, Левенвольдъ, Линаръ, Лестокъ, Шуваловы, Воронцовы, Разумовскіе, принцъ Георгъ Голштейнскій и его семейство, графъ Понятовскій, братья Орловы, — все это его заказчики, знакомые, нерѣдко — какъ напр. Лестокъ — хорошіе пріятели. Представители иноземныхъ дворовъ при русскомъ дворѣ также его добрые знакомые: такъ, напр., роскошный вѣнскій посолъ, графъ Эстергази, одолженный важною услугою, оказанною ему Позье, обѣщаетъ послѣднему свою дружбу навсегда; наконецъ, въ послѣдніе годы царствованія Елисаветы Петровны бывали случаи, когда безвѣстный нѣкогда швейцарскій выходецъ являлся посредникомъ въ сношеніяхъ великаго канцлера Россіи съ императрицею. Пять перемѣнъ правленія совершаются предъ глазами Позье: возведеніе на престолъ малютки Іоанна Антоновича, сверженіе регента Бирона, сверженіе правительницы Анны Леопольдовны, возшествіе на престолъ Елисаветы Петровны, возшествіе на престолъ Петра III, волненія въ первые годы царствованія Екатерины II — всѣ эти крупныя событія совершаются въ бытность Позье при русскомъ дворѣ. Онъ не можетъ безучастно къ нимъ относиться уже по тому одному, что онѣ отражаются на заказахъ ему, на его торговой дѣятельности. Но Позье слишкомъ остороженъ, слишкомъ рано усвоилъ всѣ правила какъ держаться и вести себя въ водоворотахъ придворной жизни, чтобъ ввязаться въ какія-либо интриги. Эту осторожность онъ проявляетъ весьма рано: такъ, напримѣръ

довольно близкій съ Лестокомъ (Позье за нѣсколько часовъ до переворота, произведеннаго Лестокомъ въ пользу цесаревны Елисаветы — ужиналъ съ нимъ), съумѣлъ не только не попасть въ число заговорщиковъ, но такъ себя держалъ, что даже вѣтренный Лестокъ не рѣшился подѣлиться съ Позье своими замыслами. Вмѣстѣ съ осторожностью и тактомъ Позье держитъ себя честно и благородно: это не какой-нибудь еврей, армянинъ или грекъ, которыхъ такъ много было въ качествѣ брильянтщиковъ-ростовщиковъ и по всякаго рода дѣламъ промышленниковъ при русскомъ дворѣ того времени, и которые разными продѣлками и обманами сколачивали себѣ громаднѣйшіе капиталы, — нѣтъ, Позье скорѣе самъ терялъ, нежели наживалъ и терялъ именно по излишней довѣрчивости, благородству и чрезвычайной мягкости характера. Наконецъ, въ виду безпрестанныхъ обмановъ, которымъ онъ подвергался со стороны многихъ изъ его заказчиковъ, вельможъ русскихъ, швейцарецъ нашъ, испуганный мыслію потерять послѣдній капиталъ, нажитый тридцатилѣтнимъ упорнымъ трудомъ, рѣшается оставить Россію; но къ нему такъ расположена новая монархиня Россіи, Екатерина II, въ его брильянтахъ такъ часто нуждаются придворные, наконецъ вообще Позье до того сдѣлался необходимъ по своей профессіи русскому двору, что еслибы онъ заявилъ о своемъ желаніи навсегда оставить Россію, — то его, какъ онъ самъ разсказываетъ, ни за что бы изъ нея не выпустили. Въ виду этого, Позье прибѣгаетъ къ хитрости и, подъ видомъ кратковременнаго отпуска, уѣзжаетъ въ январѣ 1764 года изъ Россіи — съ женою (нѣмкою изъ Прибалтійскихъ губерній), взрослыми дочерьми и съ небольшимъ капиталомъ, не безъ труда нажитымъ. Капиталъ этотъ далъ возможность Позье мирно прожить около пятнадцати лѣтъ на своей родинѣ, въ Швейцаріи, гдѣ онъ и умеръ 2-го или 30-го (точно неизвѣстно) декабря 1779 года.

Неизвѣстно, въ какомъ именно году написаны Позье представляемыя здѣсь записки. Вѣрно только то, что онѣ написаны по возвращеніи уже его изъ Россіи въ Швейцарію, написаны наскоро, безъ особыхъ справокъ и строгой послѣдовательности, и съ главною цѣлью очертить прежде всего крупнѣйшія обстоятельства своей собственной жизни и торгово-ремесленной дѣятельности. Всѣмъ этимъ вполнѣ объясняются слѣдующія обстоятельства: 1) сбивчивость хронологическихъ указаній въ запискахъ. Въ этомъ отношеніи записки Позье сильно грѣшатъ; авторъ зачастую дѣлаетъ неточныя показанія о времени событія, нерѣдко повѣствуетъ о фактѣ позднѣйшаго времени прежде событія предъидущихъ годовъ, и вообще гóда того или другого событія либо вовсе не называетъ, либо указываетъ на

него въ общихъ выраженіяхъ; 2) обо многихъ важныхъ политическихъ событіяхъ, сопровождавшихъ возшествія на престолъ государей, Позье разсказываетъ не столь подробно, какъ бы это могъ сдѣлать, по своимъ близкимъ отношеніямъ ко двору, что, впрочемъ, не мѣшаетъ передаваемымъ имъ замѣткамъ о переворотѣ 1741 и въ особенности 1762 года быть довольно важными и интересными; 3) въ отзывахъ своихъ объ особахъ высоко стоявшихъ Позье чрезвычайно остороженъ, что не мѣшаетъ ему однако передавать въ высшей степени драгоцѣнныя черты для характеристики Анны Іоанновны, и въ особенности Елисаветы Петровны и Петра III*). Эти черты тѣмъ драгоцѣннѣе, что онѣ сообщаются человѣкомъ, бывшимъ въ безпрерывныхъ сношеніяхъ съ этими лицами, и, что самое важное, передаются лицомъ, по нравственнымъ своимъ качествамъ, заслуживающимъ довѣрія; 4) въ упоминаніяхъ о разныхъ второстепенныхъ лицахъ, Позье платитъ обычную дань съ прочими иноземными писателями о Россіи: онъ нещадно искажаетъ собственныя имена, такъ что иногда при всемъ желаніи добраться, кто скрывается подъ тѣмъ или другимъ исковерканнымъ именемъ, не всегда можно этого достигнуть, наконецъ, 5) такъ какъ записки были писаны, какъ очевидно изъ ихъ содержанія, отнюдь не для печати, а только для семьи, и, какъ кажется, по просьбѣ дочерей автора, то Позье даетъ довольно много мѣста чисто личнымъ воспоминаніямъ о частностяхъ своей жизни: напр., онъ подробно разсказываетъ о своей поѣздкѣ изъ Россіи за-границу — зимою 1750 года.

Обращаемся къ внѣшней сторонѣ мемуаровъ. Онѣ писаны сильно порыжѣвшими отъ времени чернилами, по-французски, скорописнымъ, въ высшей степени связнымъ, неразборчивымъ, едва-ли не женскимъ почеркомъ прошлаго столѣтія и при томъ довольно безграмотно. Записки занимаютъ сорокъ-четыре широкихъ полулиста толстой бѣлой бумаги, въ листъ. На заглавномъ листѣ записокъ написано: «Memoire abrégé de la vie de Geremie Pauzié, né à Geneve l'an 1716 en Septembre et y est Décedé le 2-e D-re l'an 1779».

На послѣднихъ четырехъ страницахъ тетради нѣсколько инымъ почеркомъ и болѣе черными чернилами написано завѣщаніе Позье подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Copie du testament de feu M-r Geremie Pauzié, né a Geneve le Sept-bre 1716 et décedé le 30 d-bre 1779».

*) Кратковременному царствованію Петра III Позье отводитъ, относительно говоря, очень много мѣста въ своихъ запискахъ; придворный брильянтщикъ, получившій отъ Петра III чинъ бригадира, передаетъ всѣ подробности своихъ частыхъ свиданій съ этимъ государемъ. Подробности эти чрезвычайно интересны и весьма живо очерчиваютъ личность Петра III.

Рукопись сообщена намъ академикомъ Аристомъ Аристовичемъ Куникомъ, обязательность котораго въ сообщеніи матеріаловъ и драгоцѣнныхъ указаній въ области отечественной исторіи, археологіи, нумизматики и исторіи литературы давно уже извѣстна многимъ изъ занимающихся этими предметами.

Представляя записки Позье въ переводѣ, мы возстановили, гдѣ оказалось это возможнымъ, искаженныя авторомъ имена собственныя и обставили записки, гдѣ это нашли нужнымъ, примѣчаніями. Для облегченія справокъ мы разбили записки на главы и привели въ началѣ каждой изъ нихъ краткое оглавленіе; вмѣстѣ съ симъ мы замѣнили заглавіе рукописи: „Очеркъ жизни Іереміи Позье" — болѣе точнымъ: „Записки придворнаго брильянтщика Позье о пребываніи его въ Россіи". Считаемъ необходимымъ также оговорить, что при печатаніи записокъ мы опустили подробности, либо не относящіяся до Россіи, либо не имѣющія общаго интереса*).

Ред.

I.

Путешествіе Позье съ сыновьями изъ Женевы чрезъ Петербургъ въ Москву.—Переѣздъ Позье въ Архангельскъ.—Возвратъ въ Москву.—Смерть отца Іереміи Позье.

1729—1731 г.

Былъ 1729 годъ, когда отецъ мой Этьенъ Позье, родившійся въ Клеракѣ, рѣшился, по настоянію брата своего Пьера Позье, состоявшаго хирургомъ при дворѣ русскаго императора Петра I **), уѣхать изъ Женевы, гдѣ онъ имѣлъ жительство съ женой своей Сюзанной Буверо, отъ которой имѣлъ шестерыхъ дѣтей. Незначительность состоянія утвердила его въ этомъ намѣ-

*) Точно также мы нашли безполезнымъ печатать завѣщаніе Позье, помѣщенное на послѣднихъ четырехъ страницахъ манускрипта, такъ какъ оно всецѣло касается его семейныхъ дѣлъ и распоряженій. Позье, силою этого документа, распредѣляетъ свои капиталы между разными общественными учрежденіями и членами своей фамиліи. Такъ онъ завѣщаетъ опредѣленныя суммы: женевской больницѣ, французской и нѣмецкой биржамъ, учрежденнымъ въ Женевѣ; брату своему—Роберту Позье, сестрѣ своей—Мадленѣ Позье, племянницѣ своей—г-жѣ Броссаръ, женѣ своей—Мадленѣ-Маріи и дочерямъ своимъ.

**) Хирургъ этотъ не упоминается въ спискѣ докторовъ, лекарей, и хирурговъ, бывшихъ при русскомъ дворѣ въ первую половину XVIII вѣка, по крайней мѣрѣ мы его не нашли въ «Исторіи Медицины въ Россіи», соч. Рихтера Москва, 1820 г. ч. III, стр. 94, 226 и друг. Ред.

реніи. Онъ взялъ съ собою старшаго брата моего Филиберта и меня, которому было въ то время не болѣе десяти лѣтъ, а въ Женевѣ оставилъ трехъ моихъ сестеръ и третьяго брата. Отправились мы пѣшкомъ съ небольшимъ скарбомъ и немногими деньгами и прошли такимъ образомъ всю Швейцарію, Эльзасъ и Вестфалію. Придя въ Амстердамъ, лишенные всего, претерпѣвъ всѣ ужасы нищеты и ненастья холодной зимы, мы тамъ встрѣтили г. Дютель Бергери, земляка отца моего; онъ доставилъ ему средство добраться до Гамбурга; но мы не рѣшались отправиться туда моремъ вслѣдствіе противныхъ вѣтровъ, а состояніе нашего кармана не позволяло намъ долѣе оставаться въ Амстердамѣ; поэтому мы отправились въ Гамбургъ пѣшкомъ. Дойдя до береговъ Эльбы мы нашли рѣку эту замерзшей, что принудило насъ провести пять дней въ маленькой деревушкѣ, гдѣ отцу моему пришлось оставить наши пожитки, потому что ему не было чѣмъ заплатить за наши расходы, а деньги предстояло получить только въ Гамбургѣ, куда братъ его долженъ былъ ему выслать. Едва прибыли мы въ этотъ городъ, отецъ мой опасно заболѣлъ, что задержало насъ цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ и истощило небольшія средства, которыя мы имѣли. Отецъ мой принужденъ былъ написать къ другому своему брату въ Клеракъ и просить его прислать ему какое-нибудь пособіе, чтобы дать намъ возможность уплатить долги и продолжать наше путешествіе въ Россію. Но надо было случиться такъ, что у этого брата только-что погибли у береговъ Англіи три корабля, нагруженные его товарами, вслѣдствіе чего онъ не имѣлъ возможности помочь намъ и едва могъ прислать намъ столько, чтобы мы могли расплатиться съ долгами. Мы сѣли на маленькое судно, которое г. Де-Бергери на свой счетъ посылалъ въ Петербургъ. Отецъ мой рѣшился отдать брата моего Филиберта въ Гамбургѣ въ ученіе г-ну Дюма — ножевщику. Разлука эта была крайне тяжела для меня, такъ какъ я привыкъ переносить съ нимъ лишенія и нужду; мы разстались исполненные сильнѣйшаго горя. Бѣдный братъ не спускалъ глазъ съ нашего корабля, пока мы не исчезли изъ виду; несчастный отецъ мой, который былъ не менѣе меня огорченъ этой разлукой, употреблялъ всѣ усилія, чтобы утѣшить меня.

Мы пробыли на морѣ шесть недѣль, причемъ. не обошлось

безъ бурь, отъ которыхъ, однако, благодаря Провидѣнію, мы не погибли, и наконецъ въ августѣ прибыли въ С.-Петербургъ въ самомъ жалкомъ положеніи и безъ копѣйки денегъ. Въ довершеніе всего, отецъ мой не засталъ тамъ своего брата, который былъ въ Москвѣ при Дворѣ, т.-е. въ двухъ стахъ льё разстоянія. Въ эту критическую минуту онъ обратился къ нѣкоему Дюбюиссону, французу, который содержалъ гостинницу и зналъ его брата. Этотъ господинъ продержалъ насъ у себя въ теченіи двухъ недѣль, послѣ которыхъ отецъ мой, оправившись съ дороги, рѣшился продолжать путь до Москвы, чтобы тамъ пристать къ дядѣ. Для этого пришлось ему прибѣгнуть къ помощи одного знакомаго, отъ котораго съ большимъ трудомъ досталъ онъ взаймы десять экю, чего едва достаточно было для такого дальняго путешествія, такъ что намъ пришлось сложить наши скудные пожитки на маленькую телѣжку, которая отправлялась въ Москву съ виномъ, а самимъ пѣшкомъ идти за русскимъ извощикомъ, съ которымъ мы могли объясняться только знаками, и питаться всю дорогу только хлѣбомъ и молокомъ и часто спать подъ открытымъ небомъ, гдѣ насъ заѣдали комары, которыхъ тамъ множество, потому что тамъ мѣстность болотистая; были сильные жары, какіе обыкновенно бываютъ въ Россіи лѣтомъ. Почти непостижимо, какимъ образомъ отецъ мой и я могли перенести все, что пришлось терпѣть въ эти шесть недѣль, но наконецъ мы дошли до Москвы, гдѣ надѣялись отдохнуть отъ всѣхъ нашихъ бѣдъ. Но Провидѣніе распорядилось иначе. На наше несчастіе мы пришли въ эту столицу въ то время, когда половина ея погибла въ пожарѣ. Мы сами прошли восемь верстъ (2 льё) мѣстностью опустошенной пожаромъ, розыскивая мѣсто, гдѣ нѣкогда находился домъ моего дяди, тоже сгорѣвшій до тла; дяди не удалось ничего спасти и онъ долженъ былъ самъ выскочить изъ постели и спастись въ окно со всѣмъ семействомъ. Въ такомъ-то печальномъ положеніи мы застали того, отъ котораго ждали себѣ помощи и облегченія всѣхъ бѣдъ, претерпѣнныхъ нами въ это безконечное путешествіе. Насилу у него нашлась квартира гдѣ помѣститься и большіе господа присылали ему дрова. Мы пробыли съ нимъ шесть мѣсяцевъ, тогда отецъ мой, не желая быть въ тягость брату, и встрѣтившись въ Москвѣ съ однимъ знакомымъ своимъ, бригадиромъ Ро-

ланомъ, которому императрица Анна только-что ввѣрила за его долгую службу начальство надъ Архангельскомъ, рѣшился по его совѣту отправиться съ нимъ*). Бригадиръ жилъ одинъ, былъ преклонныхъ лѣтъ, и обѣщалъ отцу моему всѣ удобства, какія самъ могъ доставить себѣ въ подобномъ захолустьѣ. Онъ захотѣлъ, чтобы отецъ взялъ меня съ собою, чтобы опредѣлить меня въ военную службу, въ которую и отдали меня съ чиномъ сержанта въ Вологодскомъ полку, обѣщая повышать меня впослѣдствіи, по мѣрѣ того, какъ будутъ прибавляться мои годы,—такъ какъ мнѣ въ то время было одиннадцать лѣтъ**). Мы вмѣстѣ съ нимъ выѣхали изъ Москвы, въ іюнѣ мѣсяцѣ 1729 (1730?) года, въ Архангельскъ, куда ѣхали четыре недѣли, хотя совершали путешествіе въ экипажѣ. Путешествіе это было довольно трудное до Вологды, гдѣ мы сѣли на барку и поплыли по рѣкѣ, называемой Двиною. Это плаваніе, хотя не особенно опасное, было весьма тяжело вслѣдствіе жаровъ и комаровъ, отъ которыхъ не было отбою, несмотря на то, что постоянно заставляли драгуновъ, служившихъ въ конвоѣ коменданта, курить и жгли дрова на баркѣ.

Кромѣ того, я чуть не погибъ по милости собственной неосторожности: пользуясь минутой, когда, изнемогая отъ жары, всѣ наши люди спали въ полдень, а барка плыла по рѣкѣ чрезвычайно тихо,—я увидѣлъ множество дикихъ утятъ, плывшихъ по водѣ.

Въ увѣренности, что съ помощью маленькой лодки, прикрѣпленной къ нашей баркѣ, легко будетъ загнать ихъ на берегъ, и изловить сколько мнѣ захочется, я спустился въ лодку, отвязалъ ее и, согласно съ задуманнымъ планомъ, погребъ за утятами, въ полной надеждѣ догнать барку; но я сильно ошибся въ разсчетѣ. Утки ныряли по мѣрѣ того, какъ я за ними гнался, и уплывали не къ берегу, а совсѣмъ въ другую сторону, такъ что я, выбившись изъ силъ, принужденъ былъ причалить къ берегу, чтобы отдохнуть. Едва присѣлъ я, какъ замѣтилъ, что наша барка совсѣмъ ушла изъ виду и чувствуя, что я уже не въ силахъ грести и что наши

*) Отъѣздъ Позье-отца съ сыномъ въ Архангельскъ произошелъ въ первый же годъ царствованія Анны Іоанновны.

**) Не одиннадцать, а четырнадцать лѣтъ, если вѣрно указаніе на 1716 годъ, какъ на годъ рожденія Іереміи Позье. Ред.

люди не могли отъискать меня и выручить потому, что у нихъ не было лодки, я остался на берегу, гдѣ былъ очень густой лѣсъ, на разстояніи верстъ 25-ти отъ деревни, какъ впослѣдствіи сказали мнѣ наши люди, которые выручили меня тѣмъ, что въ рупоръ крикнули мужикамъ, чтобы они на лодкѣ отправились за мной. Было уже за полночь, когда имъ удалось добраться вверхъ по теченію къ тому мѣсту, гдѣ я остался. Наконецъ я услышалъ шумъ веселъ и началъ кричать изо всѣхъ силъ, что помогло имъ выдти на берегъ въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ они меня слышали, къ величайшей радости, такъ какъ я каждую минуту ожидалъ, что меня съѣдятъ медвѣди, которыхъ въ этомъ лѣсу водилось множество, по разсказамъ мужиковъ, хозяевъ лодки, отправленной за мною. Великою радостью для меня было, когда я услыхалъ голосъ нашихъ драгуновъ. Я былъ въ самомъ жалкомъ состояніи, двѣнадцать часовъ пробылъ я не ѣвши, въ страхѣ и трепетѣ. Бѣдный отецъ мой былъ въ такомъ горѣ, что не имѣлъ силы сказать мнѣ ни одного слова, когда меня привезли.

Наконецъ мы прибыли въ Архангельскъ съ комендантомъ; всѣ офицеры вышли его встрѣчать. Для коменданта Ролана былъ приготовленъ большой деревянный домъ, потому что во всемъ городѣ каменныхъ зданій были только губернаторскій домъ и магазины, куда складывались товары. Улицы вымощены бревнами, потому что почти весь городъ стоитъ на болотѣ. Пять мѣсяцевъ прожили мы послѣ нашего прибытія въ этотъ городъ, гдѣ коменданта Ролана очень любили иностранные негоціанты, поселившіеся тамъ, а также и губернаторъ князь Мещерскій. Послѣдній до того заставлялъ Ролана пить, что я однажды видѣлъ, какъ его вынесли изъ кареты его слуги и положили въ постель, съ которой онъ уже не всталъ, такъ какъ на слѣдующій день началъ харкать кровью. Отецъ мой, когда увидѣлъ его въ такомъ печальномъ положеніи, уговорилъ его сдѣлать духовное завѣщаніе въ пользу его племянника Де-Кло, драгунскаго капитана, единственнаго остававшагося члена его семейства, котораго онъ не любилъ за то, что тотъ женился противъ его воли. Отецъ мой, однако, убѣдилъ Ролана сдѣлать завѣщаніе въ пользу Де-Кло, опасаясь, чтобы казна не завладѣла, по тамошнему обычаю, его состояніемъ по неявкѣ родственниковъ.

Онъ завѣщалъ отцу моему сумму въ 400 рублей. Отецъ мой написалъ къ Де-Кло, стоявшему въ двухъ стахъ льё съ полкомъ, чтобы онъ пріѣхалъ какъ можно скорѣе въ Архангельскъ получить наслѣдство отъ дяди, который умеръ восемь дней послѣ того, какъ слегъ въ постель. Смерть его была ужаснымъ ударомъ для отца моего и для меня. Мы остались одни въ этомъ захолустьѣ съ десяткомъ крѣпостныхъ слугъ, съ которыми не могли объясняться; и это продолжалось шесть мѣсяцевъ, пока г. Де-Кло не пріѣхалъ выручить насъ. Онъ насъ отвезъ въ Москву къ моему дядѣ, который съ трудомъ добился, чтобы меня выписали изъ полка, куда опредѣлилъ меня покойный бригадиръ.

Тотчасъ по прибытіи нашемъ въ Москву, отца моего, сильно пострадавшаго въ послѣднее путешествіе, совершенное зимой, пришлось перенести изъ саней прямо въ постель, съ которой онъ перелегъ прямо въ могилу. Съ нимъ сдѣлалась водяная, сверхъ того что онъ и такъ былъ измученъ всѣми вынесенными имъ бѣдами и лишеніями. Въ такомъ положеніи пробылъ онъ два мѣсяца, пока не угодно было Богу избавить его отъ страданій смертью *).

Я ухаживалъ за нимъ насколько по молодости могъ. Дядя мой тоже не оставлялъ его своими попеченіями, и сдѣлалъ все, что было въ его силахъ, чтобы облегчить его страданія. Отецъ мой еще имѣлъ радость узнать передъ смертью отъ дяди, что писалъ въ Петербургъ одному изъ своихъ пріятелей по имени Граверо, искусному гранильщику, родомъ изъ Парижа, и что этотъ господинъ согласенъ взять меня на семь лѣтъ въ ученье. Это и было рѣшено въ тотъ самый день, какъ получилось это извѣстіе, въ десять часовъ вечера, когда я обыкновенно читалъ молитвы у постели отца. Онъ, вѣроятно, понималъ, что приближался его конецъ, и не имѣя уже достаточно сильнаго голоса, но замѣтивъ, что я начиналъ дремать, слегка потянулъ меня за волосы, чтобы разбудить, указалъ пальцемъ на свѣчку, должно быть желая дать мнѣ понять, что зрѣніе его слабѣетъ. Я пристально посмотрѣлъ на него и убѣдился, что онъ при послѣднемъ издыханіи. Я побѣжалъ за дядей, который уже легъ въъ

*) По соображеніи предъидущихъ обстоятельствъ съ вышеприведенными фактами, Позье-отецъ умеръ около конца 1731 года.

постель, и проворно воротился къ отцу, къ которому бросился на кровать. Отецъ взялъ меня за руку и пожалъ ее, но говорить не могъ. Дядя мой еще во время пришелъ, чтобъ присутствовать при кончинѣ брата. Я былъ въ такомъ отчаяніи, что силою пришлось меня оторвать отъ отца. Меня перенесли на половину дяди, гдѣ тетка моя употребила всѣ усилія, чтобы меня успокоить. На другой день, несмотря на всѣ предосторожности, не выпускать меня изъ моей комнаты, я нашелъ средство уйти черезъ окно, которое было низко, и побѣжалъ въ комнату, гдѣ лежало тѣло моего отца. При видѣ его, отчаніе мое стало еще сильнѣе. Читальщикъ едва могъ оттащить меня, а я такъ кричалъ, что пришлось прислать людей увести меня изъ комнаты.

Послѣ похоронъ отца моего, я остался еще недѣли двѣ у дяди, который приготовилъ мнѣ сани для моего путешествія въ Петербургъ. Мнѣ было двѣнадцать лѣтъ, когда я отправился къ господину Граверо на семь лѣтъ въ ученье*).

II.

Годы ученья. — Работа въ покояхъ императрицы Анны Іоанновны. — Позье открываетъ свою мастерскую. — Воронцовъ и его жена. — Низверженіе Бирона. — Правительница Анна Леопольдовна дѣлаетъ заказъ Позье.

1731 — 1741.

Я довольно хорошо былъ принятъ моимъ хозяиномъ и хозяйкой, у которой не было дѣтей, кромѣ маленькой калмычки, которую они удочерили и души въ ней не чаяли потому, что она была чрезвычайно умна. Я всѣми силами старался подружиться съ нею, видя что это лучшее средство расположить къ себѣ моего хозяина и хозяйку. Я еще не былъ причащенъ. Въ контрактѣ было сказано, что мнѣ позволятъ для этого учиться закону бо-

*) Здѣсь вѣроятно новая ошибка въ годахъ. Позье долженъ былъ въ это время имѣть не менѣе 15-ти лѣтъ, или же предъидущій отъѣздъ его въ Архангельскъ былъ не въ 1730 году, а ранѣе; если же вѣрить ему, что онъ отправился въ ученье двѣнадцати лѣтъ, а за годъ рожденія принимать 1716 годъ, то отъѣздъ въ С.-Петербургъ совершился въ 1728 г., что однако, по соображеніи прочихъ обстоятельствъ, ниже изложенныхъ въ настоящихъ запискахъ,—никакъ не могло быть;—отъѣздъ Позье въ Петербургъ въ ученье долженъ быть никакъ не ранѣе 1731 года и даже 1732 года, слѣдовательно тогда, когда ему было около пятнадцати лѣтъ отъ роду. Ред.

жію и ходить три раза въ недѣлю къ господину Дюнану (Dunant), тогдашнему пастору нашей французской реформатской церкви. Я былъ единственнымъ человѣкомъ въ домѣ не исповѣдующимъ католицизма, что служило мнѣ не малымъ препятствіемъ къ тому, чтобы расположить всѣхъ въ мою пользу, и дѣлало мнѣ много непріятностей. Я старался быть полезнымъ, дѣлалъ все возможное, чтобъ помогать хозяину моему, не имѣвшему помощниковъ въ работахъ, которыя давались ему отъ двора, и такъ какъ онъ очень любилъ веселиться, то весьма радъ былъ, что я оказался въ состояніи помогать ему уже со второго года ученія. Цѣлыя девять лѣтъ, въ теченіе которыхъ я оставался у него, онъ почти ужъ ровно ничего не дѣлалъ. Окончивъ работы, которыя я исправлялъ за моего хозяина днемъ, я просилъ у него позволенія работать немного и на себя, что́ доставляло мнѣ средства на мои маленькіе личные расходы и увеселенія.

Пять лѣтъ я уже пробылъ у него, когда случилась катастрофа, которая чуть-чуть не принудила меня разстаться съ моимъ хозяиномъ. Это былъ человѣкъ чрезвычайно красивый, остроумный и забавный. Многіе иностранные господа зазывали его къ себѣ, а онъ никогда не отказывался отъ приглашеній, потому что любилъ играть и выпить, такъ же, какъ и другія удовольствія, такъ что онъ по цѣлымъ мѣсяцамъ проводилъ ночи въ кутежѣ, возвращаясь домой не раньше утра, а въ хмѣлю онъ былъ такой злой, что если заставалъ кого-нибудь въ домѣ спящимъ, звѣремъ накидывался на него, а если никого не находилъ, на комъ сорвать сердце, то бѣдную жену свою колотилъ кулаками до полусмерти. Мнѣ часто приходилось отправляться за нимъ съ фонаремъ и такъ просиживать въ ожиданіи его. Ни одинъ слуга не осмѣливался это дѣлать, боясь, чтобы хозяинъ его не поколотилъ, что непремѣнно и случалось. Когда онъ былъ хмѣленъ, онъ всегда находилъ предлогъ къ побоямъ. Однажды я не пошелъ за нимъ, оттого что мнѣ нездоровилось, а ждалъ его дома. Онъ возвратился въ четыре часа утра, разумѣется не въ своемъ видѣ. Я одинъ не спалъ и, услышавъ шаги его по лѣстницѣ, пошелъ къ нему на встрѣчу со свѣчею. Лишь только онъ увидѣлъ меня, какъ принялся, по обыкновенію, ругаться. Я успокоивалъ его всякими доводами — напрасно. Я поспѣшилъ раздѣть его — у него была пѣна на губахъ отъ бѣ-

шенства, и не находя никого, на комъ бы излить свою желчь, въ ту минуту, какъ я снималъ съ него чулки, онъ меня такъ сильно хватилъ ногою, что я повалился на полъ. Тутъ ужъ я ему объявилъ, что если угодно ему держать прислугу, чтобы обращаться съ нею такимъ образомъ, то пускай поищетъ ее, а самъ вышелъ. Онъ побѣжалъ за мною; лѣстница въ домѣ была очень крутая и плохая, и я побоялся, чтобы онъ не свалился гонясь за мною; поэтому я остановился и тутъ онъ бросился меня бить ногами и кулаками, и такъ меня отдѣлалъ, что католическіе священники, жившіе въ домѣ, гдѣ они пріютились послѣ пожара, уничтожившаго ихъ церковь, услышавъ шумъ, прибѣжали выручать меня изъ рукъ этого сумасшедшаго, который и ихъ не пощадилъ, равно какъ и прибѣжавшую жену. Общими силами однако удалось запереть его, чтобы дать ему отрезвиться и угомониться. Добрые патеры увели меня въ свои комнаты и перевязали мнѣ раны, изъ которыхъ обильно лилась кровь. Меня узнать нельзя было, такъ я былъ избитъ. Что́ меня больше всего огорчало, это то, что хозяинъ, когда всѣ бывшіе при этой сценѣ стали упрекать его, началъ увѣрять въ свое оправданіе, будто я самъ хотѣлъ побить его.

Не желая подвергаться болѣе подобнымъ сценамъ, я рѣшился уйти отъ него и отправиться въ Англію съ нашимъ пасторомъ Дюнаномъ, который туда собирался. Дядя мой этимъ временемъ умеръ въ Москвѣ, такъ что мнѣ не́ отъ кого было ожидать помощи. Наконецъ госпожа Граверо, женщина добрая и умная, которой я много былъ обязанъ за ея заботливость о моемъ воспитаніи, и вообще обо мнѣ, просила католическихъ священниковъ и всѣхъ знакомыхъ моихъ, которые интересовались мною, уговорить меня не уѣзжать и окончить срокъ моего ученія, на что я и рѣшился, ожидая какъ далѣе Господь распорядится мною.

Помирившись съ хозяиномъ, я пробылъ оставшіеся еще два года въ ученьи. Въ то время пришелъ караванъ изъ Китая и императрица Анна получила съ Востока множество драгоцѣнныхъ камней, рубиновъ, и т. п. Ей любопытно было посмотрѣть какъ ихъ рѣжутъ и шлифуютъ, и она дала знать моему хозяину, чтобы тотъ перенесъ аппаратъ ко двору въ комнаты, находившіяся не далеко отъ ея покоевъ. Тамъ мы проработали мѣсяца два или три. Она приходила туда каждый день два, три раза,

смотрѣла какъ мы работаемъ и приказывала моему хозяину являться въ мастерскую рано утромъ, потому что она рано вставала *).

Часто случалось, что хозяина моего не было, когда она приходила. Однажды она застала меня одного и спросила, гдѣ мой хозяинъ. Я отвѣчалъ, что онъ боленъ. Къ несчастью, одинъ шутъ, итальянецъ, по имени Педрилло (Pateril), пріятель моего хозяина, вошелъ въ мастерскую вслѣдъ за императрицею, которая спросила его: откуда онъ?

«Съ дачи», отвѣчалъ Педрилло.

— Съ кѣмъ былъ на дачѣ?

«Съ пріятелями, между которыми былъ и Граверо» **).

Императрица сердито посмотрѣла на меня и сказала:

— Зачѣмъ же ты сегодня утромъ солгалъ?

Это было причиною того, что при первомъ пересмотрѣ списка лицъ, получающихъ пенсію отъ двора, Граверо былъ выключенъ, и несмотря на ходатайство у государыни Бирона и фельдмаршала Левенвольда***) которые были къ нему доброжелательны, онъ ничего не могъ сдѣлать.

Два дня спустя послѣ этого прискорбнаго событія****) императрица, найдя меня опять одного за работой, сказала мнѣ:

— Ты еще молодъ, хотѣлъ бы ты, чтобы я послала тебя въ

*) Анна Іоанновна вставала обыкновенно въ шесть часовъ утра и никогда не позже восьмого часа, обѣдала всегда въ полдень, а въ девять часовъ вечера ужинала. Ред.

**) Педрилло, родомъ изъ Италіи, по профессіи музыкантъ. По прибытіи въ Россію — почувствовалъ въ себѣ талантъ шутовства, перемѣнилъ ремесло свое и въ девять лѣтъ нажилъ,—какъ увѣряетъ Манштейнъ,—болѣе 20 т. рублей. Главнѣйшіе шуты императрицы Анны были: Педрилло, Коста, князь Михаилъ Алексѣевичъ Голицынъ (внукъ знаменитаго князя Василія Васильевича Голицына, фаворита царевны Софьи Алексѣевны), князь Волхонской, графъ Апраксинъ и Балакиревъ, — для особаго отличія двухъ первыхъ, старѣйшихъ шутовъ, императрица Анна — учредила орденъ св. Бенедеты, котораго Коста и Педрилло и были кавалерами. Онъ состоялъ изъ малаго креста и его носили на красной лентѣ въ петлицѣ. Ред.

***) Упоминаемый Левенвольдъ былъ графъ Рейнгольдъ-Левенвольдъ, оберъ-гофмаршалъ двора Анны Іоанновны. Умеръ въ ссылкѣ въ 1758 году. Ред.

****) Хронологія во всемъ разсказѣ Позье сильно хромаетъ. Описываемый здѣсь эпизодъ долженъ былъ происходить, по соображенію съ послѣдующими событіями,—не ранѣе сентября мѣсяца 1740 года. Ред.

Китай съ посланникомъ Лангомъ (Delan), чтобъ выбрать камни, которые тамъ скупаютъ на мой счетъ?*).

Я отвѣчалъ, что готовъ исполнить ея приказаніе, но что льщу себя надеждою, что въ вознагражденіе за время, которое я употреблю на это путешествіе — не менѣе трехъ лѣтъ — она будетъ такъ милостива, что положитъ мнѣ приличное жалованье. Она обѣщала дать мнѣ двѣ тысячи рублей жалованья, и выдать единовременно десять тысячъ рублей, чтобы я могъ купить на свой собственный счетъ товаръ, какой мнѣ заблагоразсудится и, наконецъ, что я буду обѣдать за столомъ посланника,—все это было бы чрезвычайно выгодно для меня, если бы дѣло это дѣйствительно устроилось.

Когда хозяинъ мой, у котораго мнѣ оставалось отслужить нѣсколько мѣсяцевъ до конца ученья, узналъ объ этомъ, онъ остался весьма недоволенъ, но не имѣлъ возможности помѣшать мнѣ ѣхать, такъ какъ этого желала сама императрица. Къ несчастью для меня, она скончалась три недѣли послѣ этого разговора**), и регентство императора Ивана, котораго императрица объявила своимъ наслѣдникомъ, перемѣнило составъ посольства и отправило вмѣсто господина Ланга, русскаго, человѣка извѣстнаго по низкому происхожденію и по дурному характеру, такъ что я побоялся, что онъ убьетъ меня дорогою, чтобы завладѣть тѣмъ небольшимъ состояніемъ, которое я могъ тѣмъ временемъ нажить, что̀ уже случалось въ прежнихъ посольствахъ. Поэтому, когда меня спросили: желаю ли я ѣхать на тѣхъ же условіяхъ, я сказался больнымъ и остался у моего хозяина.

Кончивъ срокъ ученья, я оставался у хозяина еще шесть мѣсяцевъ. Такъ какъ онъ не говорилъ, какое жалованье будетъ давать мнѣ, а гардеробъ мой дорого мнѣ стоилъ, я былъ вынужденъ просить у него денегъ, въ которыхъ онъ мнѣ не отказывалъ. Планъ его былъ такого рода, чтобы я запутался въ долгахъ, забирая у него впередъ денегъ для того, чтобы нельзя было отойти отъ него. Это заставило меня задуматься и побу-

*) Изъ Китая каждый годъ привозили ко двору Анны Іоанновны новые товары. Государыня любила присутствовать при публичной продажѣ этихъ товаровъ; торги устраивались во дворцѣ, въ Итальянской залѣ. Ред.

**) Анна Іоанновна умерла въ ночь съ 17 на 18 октября 1740 года.

дило меня требовать у него жалованье, какое онъ думаетъ положить мнѣ въ мѣсяцъ. Это ему, повидимому, не понравилось и онъ предложилъ мнѣ такую ничтожную сумму, на которую мнѣ невозможно было содержать себя, не должая болѣе и болѣе. По окончаніи моего ученья прошло уже два года*) и я уже задолжалъ ему полтораста рублей. Убѣдившись, что мнѣ нечего отъ него ожидать и сильно тяготясь своимъ положеніемъ, я пошелъ къ одному еврею, по имени Липпманъ (Littemann), который пользовался большимъ почетомъ при дворѣ регента Бирона и зналъ, что я исправлялъ всю работу за моего хозяина, которому онъ часто доставлялъ заказы. Я ему объяснилъ мое положеніе и спросилъ, какъ онъ думаетъ: «могу ли я найти себѣ мѣсто, если поѣду въ Англію, такъ какъ не желаю оставаться въ Россіи, чтобы не повредить моему хозяину?» Онъ мнѣ сказалъ, что глупъ я буду, если такъ поступлю—потому, что могу честно заработывать весьма приличныя деньги въ Россіи, а онъ мнѣ будетъ доставлять работу, насколько хватитъ у меня времени и силъ, и что мнѣ нечего церемониться съ моимъ хозяиномъ, потому, что онъ дурно поступаетъ со мной. Еврей предложилъ дать мнѣ впередъ сумму, которую я задолжалъ хозяину, что̀ онъ дѣйствительно и сдѣлалъ. Это заставило меня рѣшиться, хотя и тяжело мнѣ было вслѣдствіе моей привязанности къ госпожѣ Граверо, которой я былъ много обязанъ за заботливость ея о моемъ воспитаніи въ мою молодость, и которая оберегала меня отъ многихъ непріятностей со стороны ея мужа, незаслуживавшаго такой хорошей жены. Итакъ, я объявилъ господину Граверо, что рѣшился разстаться съ нимъ вслѣдствіе того, что ничтожное жалованье, которое онъ мнѣ назначилъ, въ будущемъ обѣщало мнѣ только возможность болѣе и болѣе должать ему, причемъ я лишался тѣхъ выгодъ, которыя могъ пріобрѣсть будучи еще молодъ. Граверо пришелъ въ страшное бѣшенство и еслибы посмѣлъ, то поколотилъ бы меня непремѣнно. Онъ кричалъ, что я околѣю съ голоду и спрашивалъ, какими деньгами я расплачусь съ

*) Здѣсь опять нѣкоторая хронологическая невѣрность: по соображеніи обстоятельствъ жизни Позье съ обще-извѣстными историческими фактами русской исторіи того времени оказывается, что срокъ ученья Позье у Граверо долженъ былъ еще кончиться въ послѣдніе годы царств. Анны Іоанновны. **Ред.**

нимъ? Деньги у меня были при себѣ: я положилъ ихъ на столъ. Тогда онъ мнѣ сказалъ:

«Вы должно быть украли ихъ? Откуда у васъ эти деньги?»

Я отвѣчалъ, что не затруднюсь, если на то пойдетъ, доказать ему отъ кого я получилъ эти деньги.

«Къ тому же, пробывъ девять лѣтъ у васъ*), продолжалъ я:—не думаю, чтобы заслужилъ названіе, которое вы мнѣ даете, и льщу себя надеждою, что вы потрудитесь подписать мой контрактъ въ ученьи, чтобы совѣсть ваша была чиста, касательно моего знанія; наконецъ поведеніе мое и усердіе мое о вашихъ выгодахъ было таково, что даже лучшіе ваши друзья не откажутся дать мнѣ аттестатъ, чтобы оправдать меня отъ всякихъ обвиненій, какія вамъ вздумается взвести на меня».

Онъ наконецъ подписалъ контрактъ ругаясь и весьма неохотно, все повторяя мнѣ, что я умру съ голода. Я простился съ нимъ, объявляя, что если со мною случится такое несчастіе, то никакъ не приду къ нему за милостыней. Мнѣ очень жаль было, что я не могъ проститься съ госпожей Граверо, которой не случилось дома въ ту минуту.

Я отправился въ артиллерійскій кварталъ, на разстояніи одного лье отъ дворца**). Я передъ тѣмъ просилъ господина Де-Серво (Deceiro?) нанять мнѣ тамъ комнату. Онъ былъ такъ добръ, что помѣстилъ у себя мои аппараты съ колесами и другими инструментами, нужными для рѣзки драгоцѣнныхъ камней; для переноски этихъ вещей онъ далъ рабочихъ, которыхъ онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи въ артиллерійской канцеляріи, что̀ было мнѣ большою помощью, и дало мнѣ возможность тотчасъ же приняться за работу, которою снабдилъ меня господинъ Липманъ. Я присѣлъ за дѣло весело и съ охотой, и недѣли въ двѣ я уже почти что заработалъ сумму, данную мнѣ впередъ господиномъ Липманомъ***), для расплаты съ моимъ хозяиномъ, который, несмотря на высказанное имъ мнѣ негодованіе, когда я отъ него отходилъ, не замедлилъ навѣстить

*) Изъ этого упоминанія видно, что Позье поступилъ въ ученье около 1732 года.

**) Нынѣшняя Литейная часть.

***) Въ оригиналѣ еврей этотъ называется то Литтеманъ, то Липманъ,— послѣднее вѣрно. Ред.

меня и принести мнѣ работу. Работу я ему справилъ, но платы не взялъ, когда онъ мнѣ предложилъ. Послѣ того онъ часто приходилъ ко мнѣ и былъ очень радъ, что я бралъ его работу. Я взялъ слугу, безъ котораго мнѣ нельзя было обойтись, во-первыхъ потому, что мнѣ нуженъ былъ человѣкъ, который вертѣлъ бы у меня колесо, чтó очень утомляло меня, а во-вторыхъ, что надо было мнѣ кого-нибудь посылать за кушаньемъ въ трактиръ. Первою моею заботой было, по уплатѣ всего, чтó я задолжалъ за инструменты, заказанные мною и по обзаведенiи хозяйствомъ холостяка, исподоволь затесаться къ вельможамъ, въ чемъ помогало мнѣ то, что я, будучи еще у хозяина, бывалъ у нихъ съ порученiями, и они были ко мнѣ хорошо расположены, между прочимъ въ домъ канцлера Воронцова *), который только-что женился на двоюродной сестрѣ принцессы **) Елисаветы, и у котораго я часто бывалъ. Госпожа Воронцова, статсъ-дама, очень меня любила, и ей я обязанъ успѣхами, которые я имѣлъ въ началѣ моей дѣятельности. Она рекомендовала меня всѣмъ своимъ знакомымъ. Къ ней (всѣ) относились съ большимъ почтенiемъ, это была хорошенькая и милая женщина. Такъ какъ днемъ визиты отнимали у меня время, я принимался за работу вечеромъ, возвращаясь домой, что сильно утомляло мое зрѣнiе, и несмотря на жестокую зубную боль, которой былъ подверженъ, я работалъ иной разъ до четырехъ часовъ утра, что заставило меня взять въ ученiе одного пруссака, бывшаго года два у хозяина, своего зем-

---

*) Упоминаемый въ этихъ запискахъ Воронцовъ, графъ Михаилъ Илларiоновичъ, род. 1714 г., былъ однимъ изъ участниковъ дворцоваго переворота 1741 г. и ему обязанъ своею карьерою; каммеръ-юнкеръ цесаревны Елисаветы, Воронцовъ пол-года спустя по возшествiи ея на престолъ, былъ генералъ-поручикомъ и кавалеромъ св. Александра Невскаго. Въ 1744 г. возведенный въ графское Римской Имперiи достоинство, онъ тогда же сдѣланъ вице-канцлеромъ, а въ 1758 г. канцлеромъ. Ред.

**) Анна Карловна Скавронская; она была дочь родного брата императрицы Екатерины I—Карла Самуиловича Скавронскаго, слѣдовательно двоюродная сестра цесаревны Елисаветы Петровны. Вышла однако Анна Карловна замужъ за М. И. Воронцова только 31 января 1742 года, т.-е. по воцаренiи уже своей двоюродной сестры Елисаветы. («Петерб. Вѣд.» 1742, № 11). Такимъ образомъ, Позье, упоминая о Воронцовыхъ, какъ о супругахъ, да еще о немъ какъ о канцлерѣ прежде возведенiя на престолъ Елисаветы—путаетъ хронологическiя данныя. Впрочемъ, изъ нижепомѣщеннаго разсказа Позье о поѣздкѣ его за границу (около 1750 г.) видно, что онъ былъ знакомъ съ Воронцовымъ и А. К. Скавронскою еще въ 1738—1739 гг. Ред.

ляка. Скоро я подъучилъ его настолько, что онъ могъ помогать мнѣ въ менѣе нѣжныхъ работахъ, и этимъ средствомъ я избавилъ себя отъ необходимости работать при свѣчахъ. Когда у меня завелись кое-какія деньги, я началъ торговать цвѣтными камнями, привезенными контрабандою купцами китайскихъ каравановъ, такъ какъ самому мнѣ позволено было вывозить ихъ только для двора. Это дѣло оказалось довольно выгоднымъ. Имѣя возможность самому отдѣлывать ихъ, я умѣлъ показать ихъ въ лучшемъ видѣ и продавалъ ихъ вельможамъ съ хорошимъ барышомъ.

Прошло около года, какъ я устроился независимо; въ это время принцесса Анна, мать маленькаго императора Ивана, регентомъ котораго покойная императрица назначила герцога Бирона, любимца своего, въ ущербъ матери Ивана, своей племянницы, отданной за принца Антона Ульриха, двоюроднаго брата короля Прусскаго, не будучи въ состояніи видѣть какъ герцогъ Биронъ управляетъ государствомъ въ ущербъ ей, нашла средство его низвергнуть. Для этого принцесса Анна привлекла на свою сторону гвардейскій полкъ и фельдмаршала Миниха, да Остермана, перваго министра, по распоряженію которыхъ герцогъ Биронъ, лежа на кровати съ женою, былъ захваченъ ночью адъютантами Миниха и гвардейцами; герцогъ и его жена были раздѣты, обоихъ избили за то, что регентъ Биронъ хотѣлъ защищаться. Ихъ перевезли на гауптвахту, бывшую около дворца*). Не трудно было заставить націю рѣшиться низвергнуть Бирона, онъ былъ жестокъ и погубилъ много бояръ, выказавшихъ неудовольствіе на его управленіе. Принцесса Анна заставила націю признать себя регентшей надъ ея сыномъ.

Немного дней послѣ этого событія, осматривая казенныя золотыя вещи, ей пришла охота сломать нѣкоторые уборы, вышедшіе изъ моды, чтобы передѣлать ихъ по своему вкусу. Графъ Линаръ (Linard), посланникъ саксонскаго двора въ Россіи, который пользовался большимъ расположеніемъ принцессы**),

*) Сличи извѣстный разсказъ Манштейна, арестовавшаго Бирона, въ запискахъ Манштейна (русск. переводъ изд. 1810 г. Дерптъ, ч. II, стр. 90—100).

**) Графъ Морицъ-Карлъ Линаръ род. 1702 ум. 1768 г.; въ 1741 г. онъ былъ посломъ короля польскаго и курфирста саксонскаго въ Петербургѣ.— Это былъ красивый и, по свидѣтельству Бюшинга, пріятный человѣкъ. Правительница Анна Леопольдовна влюбилась въ него до страсти, сдѣлала его оберъ-каммергеромъ и чтобъ навсегда привязать его къ своему двору — рѣшилась женить его на любимѣйшей своей фрейлинѣ баронессѣ Юліанѣ Менгденъ. Восшествіе на престолъ Екатерины разстроило эту связь. Ред.

зная меня по нѣкоторымъ исполненнымъ для него работамъ или проданнымъ ему мною вещамъ, посовѣтовалъ правительницѣ послать за мною. Онъ тотчасъ же приказалъ одному пажу, моему знакомому, идти за мною и велѣть мнѣ явиться во дворецъ,—куда я сейчасъ же и отправился. Пажъ ввелъ меня въ ея покои, гдѣ я засталъ ее вмѣстѣ съ графомъ Линаромъ.

— «Надо, сказала она, чтобы вы помогли намъ сломать нѣкоторыя вещи, которыя я хочу передѣлать по послѣдней модѣ».

Я отвѣчалъ, что это скорѣе дѣло золотыхъ дѣлъ мастеровъ; моя специальность заключается только въ рѣзкѣ и оцѣнкѣ камней, такъ какъ я знаю хорошо ихъ стоимость и достоинство.

— «Болѣе мнѣ ничего и не нужно, возразила она: — я уже начала ломать, можете продолжать съ нами».

Я досталъ нужные инструменты и принялся за работу, которая заняла два дня; послѣ чего я свѣсилъ брильянты и оцѣнилъ ихъ. По желанію регентши, я положилъ всю старую отдѣлку въ мою шляпу и спросилъ у нея, кому ей угодно, чтобы я отдалъ это золото? Она мнѣ сказала, чтобы я оставилъ себѣ за труды, и что если я найду, что этого недостаточно, чтобы я поставилъ ей въ счетъ то, что признаю нужнымъ. Такъ какъ въ старыхъ отдѣлкахъ было много маленькихъ брильянтовъ всего на 1500 рублей, не считая золота и серебра, котораго тоже было на 500 руб., то эта находка пришлась очень кстати для того, чтобы мнѣ обзавестись. Я купилъ на эту сумму и на небольшія деньги, уже заработанныя мною, нѣсколько драгоцѣнныхъ цвѣтныхъ камней, которые я уже отлично умѣлъ цѣнить, и которые давали мнѣ хорошій барышъ.

III.

Восшествіе на престолъ Елисаветы.—Дворъ Елисаветы.—Придворные ювелиры.—Императрица заказываетъ Позье звѣзду для принца саксонскаго Карла.—Восковая модель.—Заказы подарковъ для иноземныхъ пословъ.—Подарки и вещи, привезенные Позье изъ-за границы.—Разговоръ его съ императрицею.—Отношенія Елисаветы къ наслѣднику престола и великой княгинѣ.—Позье въ роли посредника между императрицей, ея министрами и иноземными при русскомъ дворѣ послами.

1741—1761.

Спустя мѣсяца два послѣ вышеописаннаго случая, я ужиналъ у господина Марка-Бени (Marc Beny), италъянскаго купца,

женатаго на сестрѣ госпожи Граверо, гдѣ былъ и Лестокъ (Lestoc), хирургъ (chirurgien) принцессы Елисаветы, довѣріемъ которой онъ вполнѣ пользовался, и который интриговалъ, чтобы возвести ее на престолъ, такъ какъ она была законная наслѣдница престола, какъ родная дочь Петра I. На этомъ же ужинѣ былъ господинъ Сенъ-Соверъ (Saint-Sauveur), французскій консулъ, и господинъ Де-Вальденкуръ (De-Valdencourt) (?), секретарь посольства при маркизѣ Де-ла-Шетарди (De la Chetardie), бывшемъ тогда посланникомъ въ Россіи. Не думалъ я, что вслѣдъ за этимъ ужиномъ придетъ извѣстіе о событіи случившемся три часа спустя *). Лестокъ и Вальденкуръ оставили насъ немного ранѣе десяти часовъ, отправляясь къ нѣкоему Берлину, савояру, содержателю билліарда, гдѣ они условились сойтись, чтобы уговориться на счетъ послѣдовавшаго затѣмъ событія, и какъ я впослѣдствіи узналъ, господинъ Вальденкуръ вручилъ червонцы господину Лестоку, котораго принцесса Елисавета ожидала въ своихъ покояхъ съ нѣсколькими камеръ-юнкерами, бывшими въ заговорѣ; — а червонцы эти слѣдовало передать гвардейскому полку, квартировавшему въ казармѣ, недалеко отъ города. Частью этого полка она могла располагать. Когда Лестокъ явился во дворецъ принцессы, онъ застралъ ее не вполнѣ рѣшившуюся; но какъ передъ тѣмъ Лестоку сообщили, что ее завтра арестуютъ, вслѣдствіе свѣдѣній доставленныхъ регентшѣ о томъ, что нѣчто затѣвается противъ нея при содѣйствіи Лестока, то онъ взялъ принцессу Елисавету за руку, свелъ ее въ сани, ожидавшія ихъ на дворѣ, и говоря ей, что, если она не желаетъ, чтобы на слѣдующее утро его казнили, а ее сослали на всю жизнь въ Сибирь или сдѣлали что-нибудь похуже, убѣдилъ принять твердое рѣшеніе. Заперевъ на ключъ всѣхъ бывшихъ въ ея дворцѣ и ничего не знавшихъ о предстоящемъ дѣлѣ, Лестокъ проводилъ Елисавету до саней, на об-

*) Событія 25-го ноября 1741 г. уже извѣстны теперь читающей публикѣ изъ многихъ журнальныхъ монографій, напечатанныхъ въ 1859 и послѣдующихъ годахъ и изъ книги П. П. Пекарскаго: «Маркизъ-де-ла-Шетарди въ Россіи 1740 — 1742 гг.» Спб. 1862 года, — поэтому нѣтъ надобности указывать на нѣкоторыя неточности или мелкія ошибки, встрѣчающіяся въ разсказѣ Позье. Независимо отъ нихъ — разсказъ брильянтщика, лица весьма близкаго ко Двору, — имѣетъ свою цѣну; писалъ же онъ свои воспоминанія почти 30-ть лѣтъ спустя послѣ 1741 года, чѣмъ и объясняются нѣкоторыя его ошибки. Ред.

лучкѣ которыхъ камергеръ (?) Воронцовъ сидѣлъ кучеромъ. Одинъ гвардейскій сержантъ, лифляндецъ, по имени Грюнштейнъ *), вмѣстѣ съ Лестокомъ стали на запятки и поѣхали въ гвардейскія казармы. Было около полуночи, когда они пріѣхали. Принцесса, вышедши изъ саней, вошла въ первую казарму и явилась солдатамъ, спрашивая ихъ:—«Признаете ли вы меня за дочь вашего императора, батюшки Петра Перваго?» Они всѣ поклонились ей въ ноги, отвѣчая что признаютъ. Она сказала:—«Готовы ли вы помочь мнѣ сѣсть на престолъ, который у меня отняли?» Они всѣ отвѣчали, что будутъ ей повиноваться во всемъ, чтò она имъ станетъ приказывать.—«Хорошо, пусть 300 человѣкъ изъ васъ возьмутъ оружіе и идутъ за мной, а остальные изъ полка, которые не задумались признать меня, и обѣщали повиноваться, пусть ожидаютъ моихъ приказаній».

Увѣрившись такимъ образомъ въ трехъ ротахъ, которыя тамъ квартировали, она велѣла тремъ стамъ человѣкамъ слѣдовать за ея санями и впереди ихъ поѣхала во дворецъ, гдѣ былъ императоръ Иванъ съ матерью его, регентшей, и принцемъ брауншвейгскимъ, мужемъ ея, которые всѣ спали не вдалекѣ отъ первой дворцовой стражи. Она вышла изъ саней и въ сопровожденіи трехъ лицъ своей свиты и человѣкъ пятидесяти гренадеровъ, явилась передъ часовыми, и когда сказала имъ нѣсколько словъ,—они позволили себя смѣнить. Она смѣнила ихъ своими гвардейцами. Первымъ дѣломъ Елисаветы при входѣ во дворцовый дворъ было пройти прямо въ караульную; по ея приказанію, тамошніе барабаны распороты были кинжаломъ. Остальную часть ея отряда ввели во дворъ. Она прошла безъ затрудненія въ офицерскую дежурную. Затѣмъ смѣнены были часовые, бывшіе въ императорскихъ покояхъ, и поставлены туда изъ числа прибывшихъ съ принцессою; затѣмъ она сама прошла въ по-

*) Grünstein, по происхожденію саксонецъ, низкаго происхожденія, сдѣланъ былъ по восшествіи Елисаветы на престолъ адъютантомъ Лейбъ-Компаніи, съ чиномъ бригадира, получилъ большія помѣстья и въ очень скоромъ времени сдѣланъ генералъ-майоромъ. По свидѣтельству Манштейна и Гельбига, Грюнштейнъ ни по уму, ни по своему поведенію не оказался достойнымъ того званія, въ которое возвела его фортуна. За дурное поведеніе и дерзкіе отзывы объ Елисаветѣ, Грюнштейна высѣкли кнутомъ и сослали въ Устюгъ-Великій. Въ 1762 г. онъ возвращенъ изъ ссылки. Russische Günstlinge. Тюбингенъ, 1809 г. стр. 207—208. Ред.

кои; регенша и мужъ ея были взяты спящими, приставлена къ нимъ стража, также какъ и къ маленькому императору, и вмѣстѣ съ отцемъ его и матерью, они были перевезены во дворецъ, въ которомъ жила принцесса. Послѣ того Елисавета откомандировала Лестока съ однимъ гвардейскимъ офицеромъ и съ двадцатью гренадерами арестовать Остермана, перваго министра. Воронцовъ, съ своей стороны, отправился арестовать фельдмаршала Миниха, который немедленно призналъ Елисавету императрицей и велѣлъ везти себя къ ней, чтобы поздравить ее, такъ же какъ и фельдмаршалъ Ласси (Lassy), котораго арестовалъ Грюнштейнъ, такъ что все это совершилось безъ пролитія одной капли крови.

Было уже часа два, какъ я уѣхалъ отъ господина Бени, который жилъ противъ меня. Мнѣ не спалось. Слыша большой шумъ на улицѣ, я разбудилъ своего слугу, спавшаго въ комнатѣ рядомъ съ моей и послалъ его на улицу узнать, что тамъ за шумъ? Онъ воротился и объявилъ мнѣ, что собрали солдатъ, которыхъ отправляли на подкрѣпленіе финляндской арміи, такъ какъ шведы, съ которыми была война, подходили къ русской арміи*). Минуту спустя ко мнѣ вошелъ, запыхавшись, пріятель мой Вимуленъ (Vimoulin), состоявшій секретаремъ при канцеляріи иностранныхъ дѣлъ, и сказалъ мнѣ: — «Знаете новость? принцесса Елисавета взошла на престолъ! Остерманъ и господинъ Бестужевъ-Рюминъ (?) (Bicuve) арестованы, къ канцеляріи приставленъ

---

*) Въ ноябрѣ 1741 г., въ Петербургѣ знали, что графъ Левенгауптъ, военачальникъ шведской арміи, намѣревается вторгнуться въ русскіе предѣлы. Вслѣдствіе этого всѣ полки въ Спбургѣ получили повелѣніе изготовиться къ походу; 24 ноября 1741 г. генералъ Кейтъ поспѣшилъ изъ столицы на театръ воен. дѣйствій; солдаты съ часу на часъ ждали приказанія выступить въ походъ. Событія, совершившіяся 25 ноября, отложили этотъ походъ.—Ночь на 25 ноября 1741 г. довольно живо описана въ запискахъ современника кн. Я. П. Шаховскаго, изд. 1821 г. Москва ч. I, стр. 49—53. Къ сожалѣнію, записки эти изданы не вполнѣ, какъ и большая часть записокъ, вышедшихъ въ періодъ русской печати до 1856 г. Покойный Н. И. Бахтинъ говорилъ пишущему эти строки, что онъ читалъ записки кн. Я. П. Шаховскаго въ рукописномъ спискѣ, несравненно болѣе полномъ, чѣмъ тотъ, который явился въ двухъ изданіяхъ въ печати. Пора бы возстановить полный текстъ по крайней мѣрѣ главнѣйшихъ изъ записокъ русскихъ дѣятелей, напечатанныхъ въ первой половинѣ текущаго столѣтія.

караулъ, и кажется меня тоже ищутъ, чтобы арестовать». Я его успокоилъ какъ могъ и сказалъ ему, что надо посмотрѣть, что дальше будетъ, что онъ можетъ покуда остаться у меня; я проворно одѣлся, и съ немалымъ трудомъ перешелъ улицу къ господину Бени; улица была полна солдатами. Отъ этого пріятеля я навѣрное разсчитывалъ узнать, что такое дѣлается. Дѣйствительно, Бени въ ту самую минуту, какъ я вошелъ, получилъ записку отъ господина Лестока, который въ немногихъ словахъ разсказывалъ ему совершившееся событіе. Я въ туже минуту воротился домой сообщить это моему пріятелю Вимулену, котораго уговорилъ идти за мною ко двору поцаловать руку императрицы, куда всѣ бѣжали толпой; несмотря на давку, намъ удалось добраться до нея по милости господина Лестока, который, увидавъ меня, подошелъ ко мнѣ, взялъ меня за руку и самъ провелъ къ императрицѣ, у которой я поцаловалъ руку. Такъ какъ не мое дѣло распространяться объ этомъ событіи— подробный разсказъ обо всемъ происшедшемъ увлекъ бы меня слишкомъ далеко, — то я ограничусь тѣмъ, что вкратцѣ передамъ все, что касалось меня въ новое царствованіе, внушившее мнѣ много надеждъ. Я увѣренъ былъ, что мнѣ будетъ хорошо по милости друзей, которыхъ я имѣлъ между лицами, состоявшими при дворѣ этой императрицы, и которымъ я давалъ въ кредитъ, насколько дозволяло мнѣ мое маленькое состояніе, когда они были очень бѣдны; съ этого же времени они ужъ достигли до высшихъ сановъ и богатства; однако изъ всѣхъ этихъ лицъ только г. Воронцовъ и жена его, да семейство Шуваловыхъ выказали мнѣ свою признательность. Послѣдній, какъ только получилъ возможность уплатить долги, послалъ за всѣми своими кредиторами, а ко мнѣ послалъ къ первому. Явившись къ нему, я засталъ у него большое общество бояръ, явившихся засвидѣтельствовать ему свое почтеніе. Шуваловъ отвелъ меня въ комнату, гдѣ отдалъ мнѣ все, что долженъ былъ и сказалъ: — «Возьмите деньги ваши». Затѣмъ взялъ меня за руку и провелъ въ комнату, гдѣ были всѣ эти господа, и объявилъ обо мнѣ:—«Вотъ человѣкъ, которому я много обязанъ. Онъ мнѣ дѣлалъ кредитъ въ то время, когда у меня не было ничего». Тутъ онъ чрезвычайно любезно поблагодарилъ меня, обѣщалъ мнѣ, что вездѣ, гдѣ только будетъ возможность оказать мнѣ услугу, онъ окажетъ. Впослѣдствіи

я убѣдился, что Шуваловъ говорилъ искренно *). Жена его была очень дурна собой, мала ростомъ, и всегда изъ аффектаціи одѣвалась по-мужски; она пользовалась дружбой и полнымъ довѣріемъ императрицы, обладала большимъ умомъ, но была мстительна противу тѣхъ, къ кому не была расположена; госпожа Шувалова заставляла императрицу дѣлать много зла, хотя Елисавета Петровна была отъ природы добра и необыкновенно привѣтлива въ обращеніи со всѣми, кто имѣлъ счастье приблизиться къ ней, и вмѣстѣ съ тѣмъ отличалась безукоризненной красотой; вообще надо сказать, что люди, которыми была окружена императрица, были, къ несчастью, мало образованы и отличались дурными правилами, которыя крѣпостное право вселило въ эту націю; были злы, не имѣли никакой честности, и были расположены только къ тѣмъ, кто старался удовлетворять ихъ жадность къ подаркамъ. Такимъ образомъ лица, имѣвшія дѣло къ императрицѣ могли дойти до нея только этимъ средствомъ, часто съ большими непріятностями для тѣхъ, кто былъ честенъ. Были многіе ювелиры: греки, армяне, итальянцы, нѣмцы, привыкшіе къ мѣстной власти, къ подаркамъ, и вознаграждавшіе себя при продажѣ своихъ товаровъ, цѣня ихъ гораздо выше настоящей ихъ стоимости, и дамы, получившія подарки, не пропускали случая сказать императрицѣ, что находятъ цѣны даже дешевыми, хотя эта государыня была чрезвычайно скупа въ своихъ покупкахъ.

Спустя нѣсколько времени по восшествіи на престолъ Елисаветы, я имѣлъ случай увидѣть ее. Принцъ саксонскій, ея крестникъ, пріѣхалъ въ Петербургъ съ намѣреніемъ выпросить себѣ герцогство курляндское **), что ему и удалось. Она пожаловала его орденомъ св. Андрея. Ея камергеръ и фаворитъ, Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, которому она объявила, что желаетъ (elle voulait) украсить звѣзду брильянтами, и который очень меня любилъ,

*) Рѣчь идетъ о Петрѣ Ивановичѣ Шуваловѣ. Простой камеръ-юнкеръ цесаревны Елисаветы, онъ, по возшествіи ея на престолъ, въ первый же годъ сдѣланъ былъ дѣйствительнымъ каммергеромъ и получилъ чинъ генералъ-майора. Ред.

**) Позье разумѣетъ здѣсь графа Морица Саксонскаго, пріѣзжавшаго въ Россію въ 1742 году съ домогательствомъ на курляндскую корону. Ред.

послалъ за мною и спросилъ: могу ли я взять на себя эту работу для императрицы, которой онъ рекомендовалъ меня? Я поблагодарилъ его за доброе намѣреніе и сказалъ, что льщу себя надеждою исполнить работу не хуже любого грека или армянина; и душевно довольствуясь приличнымъ барышомъ за труды, я рѣшилъ, что прежде, чѣмъ сдѣлать самую работу, необходимо сдѣлать модель изъ воска, причемъ расположить на ней брилльянты такимъ образомъ, чтобы ея величество могла судить о вещи такъ же хорошо, какъ будто она была уже отдѣлана; такихъ моделей государыня еще не видала, такъ какъ у работавшихъ на нее не было это въ обычаѣ. Я спросилъ Шувалова: «какую сумму угодно ея величеству употребить?» Онъ мнѣ (сказалъ), что около пятнадцати тысячъ рублей. Вслѣдъ затѣмъ я все расположилъ по воску, и когда модель была готова, я принесъ ее ко двору. Шуваловъ остался весьма доволенъ, сказалъ, что я отлично соединилъ брильянты и велѣлъ идти за нимъ къ ея величеству. Войдя въ царскіе покои, Шуваловъ отправился доложить о моемъ приходѣ. Я остался въ кругу статсъ-дамъ и фрейлинъ (dames et filles de chambre), которыя смотрѣли на меня сердито и спрашивали, зачѣмъ я пришелъ, такъ какъ я явился не черезъ ихъ посредство, что имъ и не нравилось. Но я на этотъ счетъ былъ совершенно спокоенъ. Императрица вышла изъ своей комнаты съ Шуваловымъ, который мнѣ сдѣлалъ знакъ подойти, что я и исполнилъ. Она подала мнѣ руку. Я ее поцѣловалъ. Императрица приказала, чтобы я показалъ ей, что я принесъ. Я вынулъ коробку изъ кармана и подалъ ей. Государыня казалась весьма удивленной тѣмъ, какъ я это устроилъ, такъ какъ этого еще никто не дѣлалъ для нея. Она мнѣ выразила свое удовольствіе; хотя я замѣтилъ, что она находила работу великолѣпной по цѣнѣ, однако, она не преминула замѣтить, что дорого, и спросила: не могу ли я уступить? Я отвѣчалъ, что родился въ такой странѣ, гдѣ еще царствовала добросовѣстность, что я вмѣню себѣ въ честь поработать для нея, довольствуясь весьма умѣреннымъ барышомъ, такъ же, какъ и для друзей моихъ, удостоивавшихъ меня своимъ довѣріемъ и довѣрявшихъ мнѣ свои брильянты, чтобы помогать мнѣ заработывать себѣ хлѣбъ въ то время, когда я не имѣлъ никакихъ капиталовъ, кромѣ труда моего; въ доказательство чего я имѣлъ честь сказать ей, представляя ей счетъ

за брильянты, помѣщенные въ модели, что я ихъ возьму назадъ, если она прикажетъ заплатить мнѣ за фасонъ. Она засмѣялась, глядя на камергера Шувалова, который сказалъ ей:— «Можете ему повѣрить, это честный человѣкъ. Въ то время, когда я былъ пажомъ, и у меня было мало денегъ, онъ мнѣ давалъ взаймы, пока я получалъ свое пажеское жалованье». Императрица приказала мнѣ исполнить работу какъ можно скорѣе, что я и сдѣлалъ, имѣя шесть хорошихъ вѣнскихъ оправщиковъ, которымъ платилъ задѣльно. Я былъ увѣренъ въ ихъ честности, они жили у меня подъ глазами, и въ четыре недѣли работа была исполнена какъ нельзя лучше. Я отправился съ нею въ Петергофъ, въ загородный дворецъ ея величества, за десять лье отъ города, гдѣ пошелъ къ камергеру Шувалову и представилъ ему мою работу; тотъ нашелъ ее великолѣпною, и сказалъ, что пошлетъ посмотрѣть, принимаетъ ли ея величество, такъ какъ она въ то время была нездорова. Явился пажъ и сказалъ камергеру, чтобы онъ меня ввелъ къ государынѣ. Я пошелъ за нимъ въ покои ея величества. Она меня приняла весьма милостиво, дала мнѣ поцѣловать руку и спросила: — «Принесли вы мнѣ орденъ со звѣздою и все ли готово?» Я подалъ ихъ въ раскрытыхъ футлярахъ. Государыня объявила, что весьма довольна. Она не преминула тотчасъ же показать своимъ наперсницамъ (confidentes), которыя не слишкомъ-то были довольны, что я миновалъ ихъ лапокъ. Изъ комнаты, гдѣ я остался, я слышалъ, какъ одна изъ этихъ гарпій сказала государынѣ, что брильянты казались ей больше, когда я ихъ показывалъ на воскѣ; это меня до такой степени взбѣсило, что я способенъ былъ пойти и вырвать у нея работу изъ рукъ. Императрица возвратилась въ комнату, гдѣ я оставался, держа въ рукѣ щипчики, какіе употребляются для ломки вещей. Она меня спросила: что я ими хочу дѣлать? Я отвѣчалъ, что хочу сломать работу, если она сомнѣвается, что тутъ не тѣ камни, которые я оцѣнилъ въ счетѣ, представленномъ мною при восковой модели, такъ какъ предпочитаю потерять плату за фасонъ тому, чтобъ она не могла подумать, что я хочу ее обмануть. Она отвѣчала, что я сумасшедшій, что не нужно обращать вниманіе на то, что говорятъ эти женщины, которыя тутъ ничего не понимаютъ, но что она сама вполнѣ довольна и увѣрена въ моей честности. Я просилъ ее приказать оцѣнить камни всѣмъ

ювелирамъ, самымъ свѣдущимъ, говоря, что я удовольствуюсь тѣмъ, во сколько они оцѣнятъ. Она отвѣтила мнѣ, что это не нужно, и отдала приказаніе заплатить мнѣ. Но впослѣдствіи я узналъ, что императрица посылала цѣнить мою работу къ грекамъ и итальянцамъ, которые оцѣнили камни слишкомъ восемь тысячъ рублей выше противу ихъ цѣнности. Они не знали, что я сдѣлалъ работу и что я удовольствовался весьма небольшимъ барышомъ; такъ какъ я зналъ, что государыня весьма бережлива въ покупкахъ и любила похвалиться, что купилач то-нибудь дешево, и такъ какъ я все-таки наживалъ на взятыхъ мною въ долгъ брильянтахъ, и что разъ получивъ ея довѣріе, я могъ сбывать мои камни, благодаря заказамъ отъ нея, то впослѣдствіи это могло дать мнѣ довольно значительный барышъ и доставило бы мнѣ большой кредитъ отъ тѣхъ, которые мнѣ покровительствовали;—что дѣйствительно и случилось. Часто нуждались въ богатыхъ табакеркахъ и кольцахъ на подарки иностраннымъ министрамъ, когда имъ давалась прощальная аудіенція; а эти порученія ея величество давала канцлеру Воронцову. Тотъ ни къ кому не обращался, какъ только ко мнѣ, причемъ сообщалъ о цѣнѣ, назначенной ея величествомъ. Я исполнялъ работу сообразно съ этой цѣной, и зналъ навѣрное, что получу деньги, какъ только работа будетъ сдѣлана, изъ канцеляріи иностранныхъ дѣлъ, которая платила за подобнаго рода подарки. Это было для меня гораздо выгоднѣе, чѣмъ продавать придворнымъ господамъ, которые покупали только въ кредитъ и часто совсѣмъ не платили, какъ это случилось со мною, когда я рѣшился возвратиться въ мое отечество.

Три года спустя послѣ того, какъ я женился, у меня было тысячъ десять рублей, трое дѣтей и жена была беременна четвертымъ; въ это время нашъ мюльгаузенскій пасторъ Рисселеръ (Risselaire) сообщилъ мнѣ, что онъ намѣренъ выпросить у колоніи позволеніе отправиться на шесть мѣсяцевъ за-границу, для свиданія съ родственниками, которые еще были у него, и которыхъ онъ двадцать лѣтъ не видалъ; онъ же меня подзадорилъ съѣздить съ нимъ и взглянуть на родину, которую я также двадцать лѣтъ не видалъ *). Мнѣ такъ хотѣлось повидаться съ моими

*) Позье вышелъ изъ Швейцаріи въ Россію въ 1729 г., слѣдовательно поѣздка предпринятая имъ на родину, должна быть отнесена къ 1750 г., на каковой, впрочемъ, годъ онъ самъ ниже положительно указываетъ. Ред.

братьями и сестрами, которыхъ я тамъ оставилъ, что я отстранилъ всѣ затрудненія, представлявшіяся мнѣ и которыя могли бы меня заставить отказаться отъ моей мысли. Въ самомъ дѣлѣ, у меня никого не было, кто бы могъ вести мои дѣла, а между тѣмъ я заставилъ молчать страхъ, чтобы мои недоброжелатели лишили меня довѣрія императрицы, отстранилъ мысль о моихъ должникахъ, о моихъ счетахъ съ вельможами, бывшихъ не совсѣмъ въ порядкѣ, о моей женѣ, вступившей въ пятый мѣсяцъ беременности и трехъ маленькихъ дѣтяхъ; все это меня, конечно, сильно смущало, но съ другой стороны я соображалъ, что если теперь не рѣшусь на поѣздку за-границу, то сильно рискую никогда не увидать моей родины. Къ тому же путешествіе было необходимо мнѣ, чтобы завести кое-какія знакомства за-границей по моей торговлѣ, которыя мнѣ были необходимы по дѣламъ; хотя я и могъ получать кредитъ между англійскими и голландскими негоціантами, но я не всегда находилъ у нихъ то, что мнѣ нужно было. Мнѣ хотѣлось, чтобы дворъ зналъ, что я могу достать вещи изъ-за границы, и что могу устроить это дешевле, чѣмъ греки и армяне, которые отплачивали мнѣ каждый разъ, какъ я не могъ обходиться безъ нихъ. Всѣ эти соображенія заставили меня рѣшиться на поѣздку. Я попросилъ господина Риссслера, который отлично умѣлъ вести книги, въ чемъ я, напротивъ, былъ весьма плохъ, потрудиться привести въ порядокъ мои дѣла и всѣ счеты, мною написанные, а между тѣмъ я, съ своей стороны, взялся добыть обоимъ намъ паспорты, что было въ то время довольно трудно.

Я отправился къ канцлеру Воронцову и объявилъ ему, что у меня сдѣлалась тоска по родинѣ и что если онъ не хочетъ, чтобы я въ самомъ непродолжительномъ времени умеръ, то пусть какъ можно скорѣе выдастъ паспортъ мнѣ и моему другу, страдающему той же болѣзнью. Воронцовъ казался чрезвычайно удивленнымъ и огорченнымъ моимъ рѣшеніемъ. Графиня, которая очень меня любила, вошла въ комнату; услышавъ, что я прошу у ея мужа, она казалась тоже огорченной и сказала мнѣ:

— «Какъ же ты хочешь бросить жену и дѣтей?»

Я отвѣчалъ, что уже лѣтъ двѣнадцать имѣю честь быть извѣстнымъ ей*), что я увѣренъ, что она не считаетъ меня спо-

*) Слѣдовательно, если относить поѣздку Позье за границу къ 1750 году,

собнымъ имѣть подобное намѣреніе, что это путешествіе я предпринимаю только для своего исцѣленія и для того, чтобы имѣть возможность доказать ей по моемъ возвращеніи, не далѣе какъ чрезъ шесть мѣсяцевъ, какъ благодаренъ я за всѣ ея благодѣянія, — и что мое единственное утѣшеніе въ разлукѣ съ семействомъ, будетъ надежда, что она не оставитъ его своими благодѣяніями; графиня весьма любезно обѣщала не оставлять мое семейство своими попеченіями, и дѣйствительно исполнила свое обѣщаніе. Въ то же время Воронцова поручила мнѣ привезти ей гувернантку для молодой графини, и просила мужа своего дать мнѣ рекомендательныя письма къ губернаторамъ всѣхъ городовъ, черезъ которые предстояло мнѣ проѣхать до границы прусской, что было чрезвычайно полезно мнѣ на пути туда и обратно. Мнѣ стоило только передать письмо, когда оказывалось то нужнымъ и губернаторы спѣшили выказать мнѣ всевозможное вниманіе, предлагали мнѣ помощь въ чемъ бы только мнѣ ни понадобилось: съѣстными припасами, деньгами, почтовыми лошадьми; послѣднія доставлялись мнѣ за весьма умѣренную плату.

Между тѣмъ канцлеръ объявилъ, что не смѣетъ выдать мнѣ паспортъ, не доложивъ ея величеству, которой жалко будетъ меня отпускать, такъ какъ она говорила, что весьма расположена ко мнѣ, но сказалъ, чтобы я успокоился, что онъ доложитъ обо мнѣ такъ, чтобы императрица позволила выдать мнѣ паспортъ. Выйдя отъ Воронцова, я сдѣлалъ нѣсколько поѣздокъ по городу по дѣламъ, и когда возвратился домой, жена сказала мнѣ, что ея величество прислала звать меня немедленно ко двору. Я сейчасъ же туда явился, хотя не совсѣмъ спокойный, и велѣлъ доложить о себѣ. Пажъ провелъ меня въ царскіе покои. Я подошелъ къ императрицѣ, чтобы поцѣловать полу ея платья, но она мнѣ протянула руку, которую я поцѣловалъ. Государыня спросила: зачѣмъ я хочу отъ нея уѣхать?—«Впрочемъ, продолжала она:—если это нужно, чтобы спасти тебя отъ смерти, и если ты скоро возвратишься, я согласна. Господь да проводитъ тебя! привези мнѣ что-нибудь хорошенькое, когда

о чемъ онъ самъ ниже говоритъ, то знакомство его съ Анною Карловною Скавронскою (потомъ Воронцовою), началось еще при Аннѣ Іоанновнѣ около 1735 года. Ред.

возвратишься». Я простился съ нею, поцѣловавъ ея руки и возвратился домой, значительно повеселѣвъ и занялся наиболѣе неотложными приготовленіями къ отъѣзду*)...

......На десятый день послѣ отъѣзда изъ Риги, мы пріѣхали въ Петербургъ, гдѣ я имѣлъ счастье обнять жену мою и дѣтей. Проѣхавъ 750 льё, я былъ сильно утомленъ. У меня сильно вспухли ноги. На слѣдующее же утро пріѣхалъ гонецъ отъ императрицы, находившейся въ то время въ Петергофѣ, въ 12 льё отъ города; это камергеръ Сиверсъ (Sivers), встрѣтившійся намъ въ городѣ, въ то время, какъ онъ отправлялся въ Петергофъ, сообщилъ императрицѣ о моемъ прибытіи**). Гонецъ привезъ мнѣ приказаніе немедленно ѣхать ко двору и привезти съ собою все, что было у меня лучшаго. Несмотря на опухоль въ ногахъ, я долженъ былъ отправиться; велѣлъ заложить въ карету четырехъ хорошихъ лошадей, и пріѣхавъ въ Петергофъ около полудня, прямо отправился къ камергеру Шувалову, который обнялъ меня лишь только я вошелъ въ комнату и сказалъ мнѣ, что императрица, узнавъ, что я пріѣхалъ, желаетъ видѣть меня.

— «Привезли-ли вы ей чего-нибудь хорошенькаго?» — спросилъ онъ меня.

Я отвѣчалъ, что привезъ нѣсколько вещицъ, которыя, надѣюсь, ей понравятся, хотя и не очень дорогія по цѣнѣ, но совершенно въ новомъ вкусѣ.

— « Тѣмъ лучше, сказалъ онъ: — я одѣнусь и поведу васъ къ ея величеству, которая васъ ожидаетъ».

Я вручилъ ему пачку бронзовыхъ медалей, зная, что онъ ихъ очень любитъ, и дѣйствительно онъ былъ крайне обрадованъ моимъ подаркомъ, съ восторгомъ пересматривалъ работу и ска-

---

*) Далѣе слѣдуетъ описаніе поѣздки Позье за границу, предпринятой имъ 2-го ноября 1750 года. Мы опускаемъ этотъ эпизодъ, такъ какъ онъ не имѣетъ ни особаго интереса, ни отношенія къ Россіи и прямо переходимъ къ разсказу придворнаго брильянтщика со времени возвращенія его въ Петербургъ. Ред.

**) Упоминаемый здѣсь Сиверсъ, тотъ самый Карлъ Сиверсъ, который былъ простымъ служителемъ при цесаревнѣ Елисаветѣ и пріобрѣлъ ея вниманіе умѣньемъ варить по ея вкусу кофе. Елисавета Петровна такъ привыкла къ кофе приготовленія Сиверса, что гдѣ бы она ни была, Сиверсъ всюду за ней являлся, чтобъ варить для нея этотъ напитокъ. По восшествіи Елисаветы на престолъ, Карлъ Сиверсъ быстро поднялся, былъ генералъ-поручикомъ, гофмаршаломъ и св. Александра Невскаго кавалеромъ, камергеромъ, сдѣланъ графомъ и проч. († 1774 г.). Ред.

залъ мнѣ: «Ну, если ея величество увидитъ ихъ у меня, она у меня навѣрное отберетъ ихъ».

Я отвѣчалъ, что «авось нѣтъ — у меня есть другія, которыя я намѣренъ поднести ей».

— «Тѣмъ лучше, скорѣй пойдемте къ ней, идите за мной». Къ счастью, мы были недалеко отъ царскихъ покоевъ, потому, что я съ трудомъ передвигалъ ноги.

Добрая государыня приняла меня крайне милостиво и протянула мнѣ руку, которую я поцѣловалъ, причемъ она сказала, что если бы она знала, что я нездоровъ, она дала бы мнѣ время оправиться.

— «Вылечились ли вы отъ тоски по родинѣ, и благополучно ли вы совершили свое путешествіе? прибавила она: — я очень рада васъ видѣть. Что вы мнѣ принесли хорошенькаго? Вы знаете, что вы мнѣ обѣщали гостинцы».

Я отвѣчалъ, что я болѣе всего на свѣтѣ желаю, чтобы вещицы, которыя имѣю честь поднести ей, понравились ей, и разложилъ на столѣ все, что захватилъ въ карманъ и что считалъ наиболѣе по ея вкусу. Ее особенно заняло маленькое художественной работы яичко, на которомъ былъ изображенъ изъ брильянтовъ двуглавый орелъ и ея имя, и которое открывалось посредствомъ маленькой пружинки и могло служить коробочкой для туалета и другія вещицы — табакерки, во вкусѣ еще неизвѣстномъ въ Россіи, маленькое ожерелье (esclavage) изъ брильянтиковъ, очень красиваго рисунка, которое можно было надѣть на шею, будто ниточку, и которое она сейчасъ же одѣла, замѣтивъ: «Господи, какъ это мило и удобно»! Кольцо съ маленькими часиками, осыпанными брильянтиками, которое она тотчасъ же надѣла на палецъ и сказала: «Если-бы у васъ была съ собою моя рука, вы не могли бы вѣрнѣе сдѣлать кольцо по мѣркѣ. Всѣ эти вещицы я нахожу удивительно красивыми, и ни одной не отдамъ вамъ. Благодарю васъ за вниманіе; вы сдѣлали мнѣ огромное удовольствіе, привезя мнѣ все это. Пришлите мнѣ счетъ съ цѣною каждой вещицы, и я немедленно велю заплатить вамъ». Всѣхъ вещей было на двѣнадцать тысячъ рублей. Наконецъ я вынулъ пачку съ медалями и просилъ ее удостоить принять ихъ и позволить мнѣ не ставить ихъ на счетъ. Она засмѣялась. «Стало быть вы хотите мнѣ подарить ихъ»?

Разглядывая ихъ, она выразила мнѣ свое удовольствіе и спросила, могу ли я убѣдить художника, сдѣлавшаго ихъ, переселиться въ Россію и поступить къ ней на службу? Я отвѣтилъ ей, что надѣюсь исполнить ея желаніе, и что если ея величеству угодно, я ему напишу. «Вы мнѣ сдѣлаете этимъ большое удовольствіе», отвѣтила она. Я до того времени уже получилъ письмо отъ Дасье (Deusié) сына, бывшаго въ Лондонѣ, который просилъ меня узнать, не возьмутъ ли его на службу за жалованье въ двѣ тысячи рублей. Вскорѣ послѣ этого, я доставилъ ему содержаніе въ три тысячи рублей при даровой квартирѣ, и написалъ ему объ этомъ, посылая ему пятьсотъ рублей, которые я выпросилъ ему на дорогу. Онъ пріѣхалъ два мѣсяца спустя.

Я возвратился въ городъ крайне довольный пріемомъ, сдѣланнымъ мнѣ императрицей. На обратномъ пути я не могъ не заѣхать къ Воронцовой, жившей на дачѣ недалеко отъ Петергофа, съ мужемъ, въ то время больнымъ. Они оба меня обняли, поздравили съ благополучнымъ возвращеніемъ и первымъ дѣломъ спросили: привезъ ли я имъ гувернантку? Я отвѣчалъ, что привезъ и не осмѣлился бы возвратиться безъ нея: что, будучи ими облагодѣтельствованъ, я не могъ изъ благодарности не исполнить столь легкаго порученія, но что я одного желаю, чтобы они остались довольны ею. Затѣмъ я разсказалъ имъ, какъ меня приняла императрица; они поздравили меня, увѣряя, что отъ души радуются моему счастью. Наконецъ я спросилъ ихъ, согласны ли они, чтобы я оставилъ эту дѣвицу еще нѣсколько дней у себя, чтобы она успѣла оправиться отъ долгаго путешествія, такъ какъ у нея также опухоль въ ногахъ, какъ и у меня. Обѣщая привезти ее какъ можно скорѣе, я простился съ ними и возвратился въ городъ къ семейству, на которое едва успѣлъ взглянуть. Мнѣ же нужно было оправиться. Недѣлю спустя я имѣлъ радость видѣть нашего пастора, который пріѣхалъ съ женою, что меня совершенно успокоило. Онъ нашелъ квартиру свою готовою потому, что мы оба жили на самомъ дворѣ нашей церкви, и я все приготовилъ. Оказалось, что изъ Любека онъ ѣхалъ всего восемь дней.

Отдохнувъ немного, я поѣхалъ въ Ораніенбаумъ представиться ихъ императорскимъ высочествамъ, великому князю и ве-

ликой княгинѣ, которымъ я поднесъ нѣсколько золотыхъ вещицъ, зная, что это будетъ имъ пріятно. Они приняли меня милостиво, взяли все, что я показалъ имъ, но, такъ какъ я зналъ, что денегъ у нихъ немного, потому что императрица выдавала имъ весьма мало и даже сердилась, когда имъ давали въ кредитъ, то я привезъ имъ немного вещей, такъ какъ въ теченіи пятнадцатилѣтняго моего знакомства съ ними, я весьма рѣдко видалъ отъ нихъ деньги. Императрица крайне стѣсняла ихъ въ денежномъ отношеніи*). Она никогда не ложилась спать ранѣе шести часовъ утра и спала до полудня и позже**); вслѣдствіе этого Елисавета нерѣдко ночью посылала за мною, и задавала мнѣ какую-нибудь работу, какая найдетъ ея фантазія, и мнѣ иногда приходилось оставаться всю ночь и дожидаться пока она вспомнитъ, что требовала меня. Мнѣ иногда случалось возвратиться домой, и минуту спустя быть снова потребованнымъ къ ней: она часто сердилась, что я не дождался ее; такимъ образомъ я терялъ много времени, которое не приносило мнѣ такой прибыли, какую могло бы принести, такъ какъ въ послѣднее время ея царствованія я пользовался ея довѣріемъ. Во время ея болѣзни, продолжавшейся шесть мѣсяцевъ, никто не допускался къ ней, даже министры по самымъ важнымъ неотложнымъ дѣламъ не могли добиться, чтобы она подписала бумаги, и часто канцлеръ Воронцовъ, зная, что она посылала за мною, когда выпадала минуточка получше, поручалъ мнѣ просить ее отъ его имени подписать наиболѣе важныя бумаги, и я осмѣливался подносить ихъ ей только тогда, когда замѣчалъ, что она въ добромъ расположеніи духа, но и тогда я замѣчалъ, что она съ

---

*) Собственные разсказы Екатерины II объ отношеніяхъ императрицы Елисаветы, какъ къ ней, Екатеринѣ, такъ и къ ея мужу вполнѣ подтверждаютъ справедливость показаній по этому предмету Позье. См. Записки императрицы Екатерины II. Ред.

**) Иностранные резиденты при русскомъ дворѣ временъ Елисаветы вполнѣ подтверждаютъ настоящія показанія Позье, см. депеши Пецольда и друг. въ Geschichte des Russischen Staats von Ernst Herrmann. t. V, изд. 1853 года, стр. 190 и друг.; сличи также депеши по этому предмету англійскихъ и французскихъ пословъ при русскомъ дворѣ, приведенныя въ книгѣ: La Cour de la Russie il y a cent ans. Berlin. 1858 г., стр. 99 и др. «Elisabeth, — писалъ, напр., къ своему двору англійскій министръ, лордъ Hyndford въ 1745 году: est en proie à une telle terreur qu'elle reste rarement plus de deux jours dans le même lieu, et peu de gens savent où elle dort». Ред.

какимъ-то отвращеніемъ исполняла это*). Эти порученія были довольно непріятны для меня, но я не могъ отказать въ своемъ содѣйствіи именно канцлеру Воронцову. Около того же времени графъ Эстергази просилъ меня зайдти къ нему; посолъ вѣнскаго двора находился въ самомъ жалкомъ состояніи здоровья, и доктора торопили его ѣхать на воды въ Ахенъ, иначе онъ не могъ избѣжать смерти; между тѣмъ онъ употреблялъ всѣ усилія, принималъ всѣ мѣры, чтобы быть допущеннымъ къ императрицѣ на прощальную аудіенцію и никакъ не могъ добиться того. Тогда канцлеръ Воронцовъ посовѣтовалъ ему обратиться ко мнѣ. Я отправился къ нему. Лишь только онъ увидѣлъ меня, какъ сказалъ: «Любезный Позье, я знаю, что вы настолько расположены ко мнѣ, чтобы оказать мнѣ услугу, отъ которой зависитъ спасеніе жизни моей; я знаю, что вы имѣете случай видѣть императрицу, которую никто не видитъ кромѣ тѣхъ, кого она сама къ себѣ требуетъ». Я отвѣтилъ, что мнѣ будетъ чрезвычайно лестно имѣть возможность доказать ему мою благодарность за все добро его ко мнѣ и дружбу, которой онъ меня удостоивалъ во время моего пребыванія въ Россіи. «Я это дѣлалъ съ удовольствіемъ, возразилъ онъ:—потому что знаю васъ за честнаго человѣка, и потому, что вы заслужили уваженіе всѣхъ самыхъ честныхъ людей въ этомъ краѣ. Я нѣсколько разъ имѣлъ случай говорить объ васъ съ императрицей, которая, какъ мнѣ показалось, уважаетъ васъ. Вотъ почему я васъ прошу, когда вы будете имѣть случай видѣть ее, изложить ей мое печальное положеніе. Я знаю, что у нее доброе сердце и что она уважитъ мою просьбу». Тутъ онъ мнѣ показалъ свои раны; онѣ были всѣ красны, словно скорлупа рака. «Скажите ей, продолжалъ онъ,—все, что вы сочтете нужнымъ. Я знаю, что ея болѣзнь не дозволяетъ ей дать мнѣ оффиціальную прощальную аудіенцію, я удовольствуюсь тѣмъ, если мнѣ будетъ позволено поцѣловать ея руку и проститься съ нею. Окажите мнѣ эту услугу; я знаю, что вы можете это сдѣлать». Я ему обѣщалъ, что въ первый же разъ, какъ я явлюсь къ императрицѣ, не премину исполнить его порученіе. У меня какъ разъ была одна вещица, которую она

*) Показанія эти вполнѣ подтверждаются отзывами представителей иноземныхъ дворовъ при дворѣ Елисаветы, см. въ книгѣ Германна и въ книгѣ La Cour de la Russie.

приказала мнѣ приготовить ей и которую я долженъ былъ отдать ей на другой день. Поэтому я объявилъ послу, что если мнѣ возможно будетъ передать лично, то я не премину воспользоваться этимъ случаемъ. Онъ отвѣчалъ мнѣ: «Любезный Позье, я ожидаю отъ васъ услуги, за которую буду благодаренъ вамъ всю жизнь».

Я не преминулъ отправиться ко двору на слѣдующій же день и спросилъ первую фрейлину (fille de chambre) ея величества, которую я нѣсколько приручилъ*). Она явилась и спросила, чего я хочу. Я сказалъ ей, что имѣю нѣчто передать императрицѣ, которая приказала мнѣ передать это лично. Она сказала, что доложитъ императрицѣ, что я тутъ. Четверть часа спустя она возвратилась и сказала мнѣ, чтобы я вошелъ въ спальню ея величества. Я засталъ императрицу сидящею на креслахъ подлѣ кровати. Я подошелъ, чтобы поцѣловать у нея руку, а она меня спросила: «Что вы мнѣ принесли?»—«Эту вещицу, которую вы мнѣ заказали», отвѣчалъ я. Я передалъ вещицу и она казалась была довольна ею. «Есть ли у васъ что-нибудь еще показать мнѣ?» Я вынулъ изъ кармана футляръ, въ которомъ было кольцо съ однимъ брильянтомъ въ двѣнадцать тысячъ рублей. Она сказала: «Ага, ну вотъ это кольцо я возьму; мнѣ нужно сдѣлать подарокъ графу Эстергази, который тоже сдѣлалъ мнѣ подарокъ». Я ухватился за случай и сказалъ ей, что видѣлъ графа наканунѣ въ самомъ жалкомъ положеніи, что ему остается, по словамъ докторовъ, въ моемъ присутствіи сказанныхъ, не болѣе полугода жизни, въ томъ случаѣ, если онъ не поспѣшитъ отправиться на ахенскія воды, на что онъ отвѣтилъ, что не можетъ надѣяться такъ скоро получить отъ ея величества прощальную аудіенцію, зная, что сама она нездорова, и что онъ удовольствовался бы тѣмъ, чтобы просто поцѣловать ея руку безъ всякой церемоніи, и что такое разрѣшеніе будетъ ему величайшею милостью. Она казалась крайне огорчена была этимъ извѣстіемъ, потому что очень любила графа, и поручила мнѣ отправиться къ нему и сказать отъ ея имени, что несмотря на плохое состояніе ея собственнаго здоровья, она прикажетъ канцлеру Воронцову поѣхать за нимъ

*) Описываемыя здѣсь событія были въ послѣдніе мѣсяцы 1761 года. Ред.

на слѣдующее утро и привезти его къ ней, чтобы проститься съ нимъ безъ церемоніи, такъ какъ она желаетъ, чтобы онъ имѣлъ возможность въ скорѣйшемъ времени уѣхать на воды; а кольцо въ двѣнадцать тысячъ рублей оставила у себя. Я прежде всего отправился объявить объ этомъ пріятномъ извѣстіи графу Эстергази, который отъ радости обнялъ меня и непремѣнно хотѣлъ, чтобы я остался у него обѣдать — честь эту онъ мнѣ много разъ оказывалъ. Послѣ обѣда онъ приказалъ секретарю посольства все приготовить къ дорогѣ, а также приготовить карету съ парадной ливреей на слѣдующее утро, чтобы ѣхать проститься съ императрицей, что́ дѣйствительно и случилось по его желанію. Лишь только онъ возвратился отъ аудіенціи, онъ прислалъ за мною, еще полный радости, и показалъ мнѣ кольцо, подаренное ему ея величествомъ, а также множество прекрасныхъ мѣховъ. Я разсчиталъ, что всего могло быть на 25,000 рублей. Онъ разсказалъ мнѣ, какъ милостиво императрица его приняла. Я высказалъ ему, какъ пріятно мнѣ видѣть его такимъ довольнымъ. Онъ обнялъ меня, говоря: «любезный Позье, если я когда-нибудь узнаю, что вы уѣхали изъ Россіи, а ко мнѣ не пріѣхали навѣстить меня, то, если я буду въ живыхъ, пошлю солдатъ взять васъ и силою привести». Онъ приказалъ своему домоправителю отобрать для меня лучшее его венгерское вино и старое рейнское вино и послалъ ко мнѣ съ нѣкоторою мебелью, которую онъ оставлялъ. Я поблагодарилъ его и простился съ нимъ, желая ему благополучнаго пути. Мнѣ грустно было разстаться съ этимъ вельможей, который искренно желалъ мнѣ добра и у котораго я порядочно нажился, такъ какъ онъ былъ чрезвычайно точенъ въ платежахъ.

Императрица скончалась нѣсколько мѣсяцевъ спустя по отъѣздѣ этого вельможи, и въ то время, какъ я надѣялся устроить нѣсколько выгодныхъ дѣлъ, что́ меня очень огорчило, тѣмъ болѣе, что лучшіе изъ придворныхъ вельможъ были ко мнѣ расположены, и все измѣнилось при восшествіи на престолъ Петра III, племянника ея. Къ счастью для меня, я былъ очень хорошо извѣстенъ ему и великой княгинѣ, супругѣ его, такъ какъ рѣдко проходилъ день, чтобы я не имѣлъ чести ихъ видѣть.

IV.

Болѣзнь Позье.—Вниманіе къ нему умирающей императрицы Елисаветы. — Позье въ комнатахъ Елисаветы Воронцовой. — Позье получаетъ чинъ бригадира. — Приближенные Петра III. — Работы Позье для убранства останковъ императрицы Елисаветы.—Екатерина у гроба Елисаветы.—Воспоминанія о балахъ, маскарадахъ и прочихъ увеселеніяхъ Елисаветы и ея двора. — Дворецъ Елисаветы Петровны. — Наряды дамъ.—Обычай румяниться. — Корона и брильянты императрицы Елисаветы и уборы ея приближенныхъ. — Торговыя дѣла и компаньены Позье. — Принцессы Голштинскія. — Петръ III въ Ораніенбаумѣ. — Позье у Елисаветы Воронцовой. — Голштинская гвардія. — Спектакль, устроенный Петромъ III. — Вторичная поѣздка Позье въ Ораніенбаумъ. — Событія 28, 29 и 30 іюня 1762 г. — Судьба принца Георга Голштинскаго и его семейства.

1761 — 1762 гг.

Во время кончины императрицы Елисаветы, я былъ очень боленъ, у меня было воспаленіе въ легкихъ, отъ котораго мнѣ пустили кровь семь разъ въ одинъ день, и на выздоровленіе мое не имѣлось ни малѣйшей надежды. Императрица, въ то время бывшая еще въ живыхъ, узнавъ объ этомъ черезъ своего врача, который отъ нея не отходилъ, и котораго жена моя просила, какъ друга дома, зайти на минуту, если возможно, такъ какъ я жилъ очень близко отъ дворца,—императрица, говорю я, велѣла ему сейчасъ же идти ко мнѣ и посмотрѣть, не можетъ ли онъ помочь мнѣ, увѣряя, что она можетъ обойтись безъ него *). Была полночь, когда онъ пришелъ; въ ту самую минуту пускали мнѣ кровь въ пятый разъ въ этотъ день. Я чувствовалъ облегченіе отъ колотья въ боку только пока текла кровь моя. Онъ прописалъ мнѣ большую стклянку микстуры слабительнаго, такъ какъ мнѣ уже поставили пять клистировъ и все понапрасну; въ пять часовъ утра въ шестой разъ пустили мнѣ кровь. Доктора мои, которые меня не оставляли, заставили меня выпить остальную изъ стклянки микстуру. Желудокъ у меня былъ такъ полонъ, что я не могъ проглотить, а боль была невыносимая. Я просилъ пастора придти помолиться за меня; докторъ находилъ меня столь слабымъ, что почти отчаявался въ моей

*) Надо думать, что докторъ, упоминаемый здѣсь, былъ — лейбъ-медикъ императрицы — **Мунзей**, главнѣйшій изъ трехъ докторовъ, пользовавшихъ Елисавету Петровну предъ смертью, прочіе два были: Шиллингъ и Крузе. Ред.

жизни. Лекарство, однако, подѣйствовало и дней черезъ восемь я былъ въ состояніи встать съ постели. Въ это время великій князь прислалъ ко мнѣ одного изъ своихъ офицеровъ просить меня достать ему золотую табакерку, осыпанную брильянтами, которая была ему нужна. Такъ какъ жена моя знала, что я, по возможности, избѣгаю давать великому князю въ кредитъ, потому что это было запрещено мнѣ самой императрицей, она неосторожно отвѣчала этому офицеру, что ей не до того, что я почти при смерти и поэтому она не можетъ говорить со мною о такихъ вещахъ. Тотъ и ушелъ съ этимъ отвѣтомъ. Жена моя разсказала мнѣ все это только тогда, когда я уже значительно поправился; нѣсколько дней спустя я узналъ, что императрица скончалась, что́ было двойнымъ огорченіемъ для меня, а на третій день я узналъ, что великій князь провозглашенъ императоромъ. Я былъ обязанъ идти его поздравить, а ка̀къ представиться ему послѣ того, что случилось? Дѣло шло о совершенной моей погибели, если бы Петръ III разсердился на меня. Хотя невинный, я жестоко безпокоился до той минуты, когда увидѣлъ его. Я зналъ, что фрейлина графиня Е[illegible]савета Воронцова, воспитанная у дяди ея великаго канцлера В[illegible]онцова и бывшая фрейлиной при великой княгинѣ, имѣла большое вліяніе на новаго императора, котораго она слыла фавориткой*), и такъ какъ она оказывала мнѣ большое расположеніе, то я рѣшился написать къ ней записку съ объясненіемъ, что болѣзнь до того разслабила меня, что я, несмотря на сильное мое желаніе поздравить императора съ восшествіемъ на престолъ, не могу этого исполнить, такъ какъ слабость моя не дозволяетъ мнѣ долго стоять въ ожиданіи его въ залѣ; что я знаю, что онъ иногда бываетъ на ея половинѣ,

---

*) Графиня Елисавета Романовна Воронцова р. 1737 г., умерла 1792 г., каммеръ-фрейлина и кав. дама орд. св. Екатерины пер. степ., по смерти Петра III вышла за[illegible] за статскаго совѣтника Александра Ивановича По[illegible]янскаго. Н[illegible]привле[illegible]ьными чертами обрисовываетъ наружность Елиса[illegible]ты Романовны [illegible]олотовъ, многократно видѣвшій ее во дворцѣ въ эпоху ея «фавора»: Воронцова — говоритъ Бо[illegible] — была непомѣрно толста, нескладна, широкорожа, дурна и обрюзгла [illegible]мъ... и въ самомъ дѣлѣ была она (Елисавета Романовна) таковая — за[illegible]ючаетъ Болотовъ, что всякому даже смотрѣть на нее было отвратительно и гнусно». (Жизнь и приключенія Андрея Болотова, описанныя самимъ имъ. Подлинная рукопись, ч. IX стр. 148). Ред.

и что она премного обяжетъ меня, если позволитъ отправиться къ ней, давъ мнѣ знать, когда онъ будетъ у нея. Она мнѣ велѣла отвѣчать, чтобы я приходилъ въ тотъ же день въ девять часовъ вечера, что она меня помѣститъ въ комнатѣ, гдѣ мнѣ будетъ удобно, и можно будетъ видѣть императора, когда онъ войдетъ. Это меня нѣсколько успокоило; ея любезное предложеніе дало мнѣ мысль, что если бы императоръ упомянулъ ей о своемъ неудовольствіи противъ меня, она бы такъ не поступила. Я сѣлъ въ карету и ровно въ девять часовъ вечера отправился къ гр. Воронцовой. Она приняла меня весьма вѣжливо, поздравивъ меня съ выздоровленіемъ; сказала, что императоръ не замедлитъ навѣстить ее, и что мнѣ можно будетъ поздравить его тутъ, и что при немъ будетъ небольшая свита. Въ самомъ дѣлѣ, минуту спустя онъ вошелъ въ сопровожденіи двухъ своихъ любимцевъ *). Я всталъ, какъ только увидѣлъ его и подошелъ, чтобы поцѣловать его руку, но онъ меня обнялъ и сказалъ:

— «А, это вы, Позье? Мнѣ сказали, что вы собираетесь умирать».

Я весьма развязно отвѣчалъ ему, что передумалъ, желая имѣть честь поздравить его императоромъ. Онъ засмѣялся и сказалъ:

— «Я теперь богатъ,—заплачу вамъ».

Видя, что императоръ разговариваетъ со мною въ такомъ тонѣ, я возразилъ, что я буду крайне радъ посмотрѣть какого цвѣта у него деньги, которыхъ я пятнадцать лѣтъ уже отъ него не видалъ.

— «Вы знаете, отвѣчалъ мнѣ Петръ — что въ этомъ не я виноватъ, и что мнѣ давали весьма мало денегъ. Теперь чѣмъ могу служить вамъ?»

— Тѣмъ, ваше императорское величество, что позволите мнѣ имѣть честь служить вамъ, если я имѣю счастіе быть вамъ угоднымъ?

— «Хорошо, сказалъ онъ мнѣ:—назначаю васъ моимъ ювелиромъ съ чиномъ бригадира, чтобы вы могли входить въ мои покои, когда захотите».

---

*) Андрей Васильевичъ Гудовичъ и Левъ Алексан. Нарышкинъ? Ред.

Онъ приказалъ своему адъютанту Гудовичу (Goudovis), который былъ тутъ, тотчасъ же поѣхать въ сенатъ, чтобы тамъ издали указъ на слѣдующее утро съ объясненіемъ всему государству объ этомъ назначеніи.

Я поцѣловалъ у него руку и благодарилъ за милость, оказанную мнѣ, увѣряя, что приложу все стараніе, чтобы быть достойнымъ ея. Затѣмъ я возвратился домой подѣлиться этой пріятной новостью съ женой, которая была не совсѣмъ спокойна, когда я вышелъ изъ дома, и не ожидала услыхать то, что я сказалъ ей по возвращеніи.

Несмотря на этотъ счастливый поворотъ въ судьбѣ моей, я скоро замѣтилъ, что упалъ въ пропасть, изъ которой не легко мнѣ будетъ безопасно выбраться. Я видѣлъ, что императора окружали молодые люди, извѣстные мнѣ по своимъ дурнымъ правиламъ, нечестности, и которые, не имѣя ничего, были надменнѣе императора и воображали, что дѣлаютъ мнѣ большую честь, заказывая мнѣ все, что приходило имъ на умъ, тогда какъ я не имѣлъ ни малѣйшей надежды получить отъ нихъ деньги *). Отказать же имъ я не могъ изъ опасенія, чтобы они не возстановили противъ меня императора, пользуясь всѣмъ его довѣріемъ. Сверхъ того они поддерживали недоразумѣнія между императоромъ съ императрицей, изъ опасенія, чтобы она не забрала въ руки бразды правленія, къ чему она была гораздо способнѣе, и при которой имъ было бы далеко не такъ привольно **). Я имѣлъ всевозможные поводы домогаться расположенія

*) Лица, о которыхъ столь жесткій отзывъ дѣлаетъ Позье, — были, между прочимъ, слѣдующія: Дм. Вас. Волковъ, Алекс. Ив. Глѣбовъ, Алекс. Петр. Мельгуновъ, братья Алекс. и Левъ Нарышкины, Гудовичъ, и другіе. Нѣкоторые изъ нихъ, при замѣчательныхъ дарованіяхъ и способностяхъ, дѣйствительно не вполнѣ обладали нравственными качествами честности и благородства. Характеристики этихъ лицъ смотри, между прочимъ, въ IV главѣ статьи пишущаго эти строки: «Шесть мѣсяцевъ изъ русской исторіи: очеркъ царствованія Петра III». (Отеч. Зап. 1867 г.). Ред.

**) Весьма важное показаніе Позье о томъ, что нѣкоторые изъ приближенныхъ Петра III изъ своекорыстныхъ разсчетовъ поддерживали и раздували вполнѣ непріязненныя отношенія государя къ его супругѣ, подтверждается свидѣтельствомъ многихъ современниковъ. «У сихъ негодныхъ людей, — говоритъ, между прочимъ, о приближенныхъ Петра III-го современникъ Болотовъ — наиглавнѣйшее попеченіе было о томъ, чтобъ разсорить императора съ императрицей, его супругою и привесть ее ему въ ненависть совершенную. И не можно довольно изобразить — продолжаетъ Болотовъ: сколь много они

этой государыни, которая часто посылала за мною по дѣламъ, касающимся моей спеціальности.

Однажды, когда я выходилъ изъ ея покоевъ, я встрѣтилъ императора, выходившаго изъ дворца съ своими любимцами. Онъ меня спросилъ, откуда я? Я ему отвѣчалъ, что отъ императрицы, что она мнѣ заказала вещицу, въ которой она нуждается.

Императоръ съ сердитымъ видомъ сказалъ мнѣ, что онъ запрещаетъ мнѣ ходить къ ней. Это какъ громомъ поразило меня. Какъ отказаться мнѣ являться къ императрицѣ, когда она пришлетъ за мною?

«Что съ тобой станется при подобныхъ обстоятельствахъ? спрашивалъ я самъ себя. Всѣ старинные друзья, на которыхъ ты могъ разсчитывать, удалены отъ императора, ты остался безъ всякихъ средствъ и выходовъ. Если ты обратишься къ графинѣ Елисаветѣ Воронцовой, то рискуешь навлечь на себя негодованіе императрицы, которая не имѣетъ причины любить ее»,—словомъ, я находился въ незавидномъ положеніи.

Къ счастью моему императоръ не имѣлъ желанія участвовать въ церемоніяхъ, необходимыхъ при похоронахъ покойной императрицы, тетки его, и предоставилъ заботу эту своей супругѣ, которая распорядилась какъ нельзя лучше, обладая вполнѣ политическимъ тактомъ, необходимымъ, чтобы приобрѣсти расположеніе бояръ, составлявшихъ дворъ покойной, любимой ими до боготворенія. Такъ какъ нужно было сдѣлать корону, чтобы возложить ее на голову покойной, тѣло которой было выставлено на парадномъ одрѣ, то Екатерина прислала за мною по этому случаю. Я понялъ, что императоръ не обратитъ на это вниманія, несмотря на свое запрещеніе, однако пошелъ къ нему просить его распоряженія.

въ томъ успѣли. Они довели его (Петра III) до того, что онъ не токмо говорилъ объ ней съ явнымъ недоброжелательствомъ публично, но употреблялъ при томъ выраженія, которыя никто не могъ слышать безъ досады и огорченія. Словомъ, слабость его въ семъ случаѣ до того простиралась, что запрещено было отъ него даже садовникамъ петергофскимъ, гдѣ тогда сія государыня по его велѣнію находилась, давать ей тѣ садовые фрукты, о которыхъ онъ зналъ, что она была до нихъ великая охотница»... (Подлинная рукопись записокъ Болотова, ч. IX стр. 369—370). Ред.

Императоръ отвѣчалъ мнѣ, что могу отправиться къ императрицѣ, потому что онъ поручилъ ей распоряжаться этимъ торжествомъ. Это ужъ меня успокоило, а то я просто не зналъ какъ быть и какъ себя держать. Я отправился.

Лишь только императрица увидѣла меня, она сказала:

— «А, это вы, Позье? Войдите, у меня для васъ есть работа. Нужно сдѣлать корону. Вы посадите за нее какъ можно больше рабочихъ и принесите ее какъ только будетъ готова».

Я тотчасъ же посадилъ рабочихъ моихъ за дѣло, и корона была живо исполнена. Я отнесъ ее какъ только она была готова; императрица осталась весьма довольна и сказала:

— «Будьте сегодня въ шесть часовъ въ парадной залѣ, гдѣ выставлена покойная».

Я отправился, но ощущалъ сильное волненіе, увидавъ эту добрую государыню въ большой залѣ, освѣщенной шестью тысячами свѣчами, на парадномъ одрѣ, окруженную печальной погребальной обстановкой. Всѣ статсъ-дамы и фрейлины, составлявшія ея штатъ, окружали одръ Елисаветы, размѣщенныя на извѣстномъ разстояніи, въ глубокомъ траурѣ. Архіереи и священники въ полныхъ облаченіяхъ читали молитвы. Я подошелъ и сталъ на колѣни, чтобы поцѣловать ея руку, какъ это дѣлается въ теченіе шести недѣль до погребенія, и какъ дѣлаютъ всѣ, кто приходитъ прощаться съ нею *). Я взглянулъ на ея дамъ, которыя при видѣ меня не могли удержаться отъ слезъ, такъ же какъ и я самъ, столько разъ бывшій свидѣтелемъ доброты и привѣтливости покойной государыни ко всѣмъ, имѣвшимъ честь приблизиться къ ней.

Императрица въ эту минуту вошла, а за ней пажъ несъ золотую корону, сдѣланную мною по ея заказу. Отвѣчая на по-

*) Другой современникъ въ описаніи прощанія своего съ останками императрицы Елисаветы совершенно подтверждаетъ Позье. См. въ книгѣ: Anecdotes Russes ou lettres d'un officier allemand à un gentilhomme livonien, écrites de Pétersbourg en 1762,—publiées par De-la-M a r c h e. Londres, 1764, стр. 32—34. Описывая церемоніалъ прощанія русскихъ съ прахомъ государыни — нѣмецкій офицеръ, между прочимъ, замѣчаетъ: «Ils se baissoient à de certaines distances deux fois jusqu'en terre; ils se prosternoient enfin, ou plutôt ils se jettoient devant le lit, face contre terre, avec une telle violence, que je craignois qu'ils ne se cassassent la tête. Après ces cérémonies ils se mettoient à deux genoux et baisoient dans cette posture la main de l'Impératrice; ils se retiroient enfin en observant les mêmes formalités». etc. Ред.

клоны всѣхъ этихъ дамъ, Екатерина взошла къ изголовью парагнаго одра покойной, съ золотою короною въ рукѣ, съ тѣмъ, чтобы самой возложить ей на ея голову. Увидавъ меня, она сдѣлала мнѣ знакъ подойти и помочь ей; такъ какъ я имѣлъ предосторожность сдѣлать нѣсколько винтиковъ въ бордюрѣ, охватывающей самый лобъ, а голова покойной сильно вспухла, мнѣ не трудно было расширить корону, что я и сдѣлалъ съ помощью щипчиковъ, которыми я запасся. Я слыхалъ, какъ дамы кругомъ меня хвалили императрицу и удивлялись ея твердости, съ которой она пожелала сама надѣть корону на голову покойной. Несмотря на всѣ куренія и благовонія, меня такъ сильно обдало запахомъ мертваго тѣла, что я едва могъ устоять противъ нея. Однако императрица вынесла все это съ удивительною твердостью и этимъ одержала полнѣйшую побѣду надъ сердцами своихъ подданныхъ, какъ видно изъ всего, что послѣдовало; поэтому могу сказать безъ преувеличенія, что едва ли какое-нибудь погребальное торжество совершалось съ такимъ порядкомъ и съ такимъ великолѣпіемъ, что нахвалиться не могли императрицей, которой поручено было распоряжаться всею церемоніей.

Прежде чѣмъ воротиться къ моимъ собственнымъ дѣламъ, не могу не сдѣлать краткаго описанія великолѣпія двора покойной императрицы и увеселеній, которыя давались на масляницу и по случаю другихъ праздниковъ, въ особенности маскарадовъ. Въ маскарадахъ участвовали обыкновенно всѣ, кто только могъ достать билетъ на входъ; билетовъ же раздавалось отъ 1000 до 1500. Маскарады эти были роскошны и давались въ императорскомъ дворцѣ, гдѣ, по этому случаю, раскрывались всѣ парадные покои, ведущіе въ большую залу, представляющую двойной кубъ въ сто футовъ. Вся столярная работа выкрашена зеленымъ цвѣтомъ, а панели на обояхъ позолочены. Съ одной стороны находится двѣнадцать большихъ оконъ, соотвѣтствующихъ такому же числу зеркалъ изъ самыхъ огромныхъ, какія только можно имѣть; потолокъ исписанъ эмблематическими фигурами*).

---

*) Позье описываетъ дворецъ Елисаветы, находившійся на углу Мойки и Невскаго проспекта, у нынѣшняго Полицейскаго моста; зала, которая нравилась Позье, восхищала въ 1762 году и другихъ современниковъ: «нигдѣ я такъ

Не легко описать впечатлѣніе, которое зала эта производитъ съ перваго взгляда по своей громадности и великолѣпію; по ней двигалось бывало безчисленное множество масокъ въ богатѣйшихъ костюмахъ, раздѣленныхъ на кадрили и на группы; всѣ покои бывали богато освѣщены: въ одну минуту зажигается не менѣе десяти тысячъ свѣчъ. Есть нѣсколько комнатъ для танцевъ, для игры, и общій эффектъ самый роскошный и величественный. Въ одной изъ комнатъ обыкновенно императрица играла въ фараонъ или въ пикетъ, а къ десяти часамъ она удалялась и появлялась въ маскарадной залѣ, гдѣ оставалась до пяти или шести часовъ утра, нѣсколько разъ перемѣняя маски. По окончаніи бала каждый удалялся. Въ обыкновенные дни давали четыре разныхъ представленія: французскую комедію, итальянскую оперу, нѣмецкую комедію и русскую комедію. Придворный театръ очень хорошъ, великолѣпно раззолоченъ. Каждое воскресенье бывали пріемъ и балъ, кромѣ большихъ праздниковъ. Нельзя ничего вообразить себѣ болѣе величественнаго двора при подобныхъ случаяхъ: рѣдко бывало менѣе трехъ тысячъ гостей, въ томъ числѣ лучшая молодежь обоего пола. Придворныя дамы не мало способствовали къ блеску этихъ собраній, обладая въ высокой степени искусствомъ одѣваться къ лицу и сверхъ того умѣютъ до невозможности поддерживать свою красоту. Всѣ женщины въ Россіи, какого бы онѣ ни были званія, начиная императрицей и кончая крестьянкой, — румянятся, полагая, что къ лицу имѣть красныя щеки. Наряды дамъ очень богаты, равно какъ и золотыя вещи ихъ; брильянтовъ придворныя дамы надѣваютъ изумительное множество. На дамахъ, сравнительно низшаго званія, бываетъ брильянтовъ на 10—12,000 рублей.

Онѣ даже въ частной жизни никогда не выѣзжаютъ, не увѣшанныя драгоцѣнными уборами и я не думаю, чтобы изъ всѣхъ европейскихъ государынь была хоть одна, имѣвшая болѣе драгоцѣнныхъ уборовъ, чѣмъ русская императрица. Корона императрицы Елисаветы, стоющая чрезвычайно дорого, состоитъ, такъ же какъ и всѣ ея уборы, изъ самоцвѣтныхъ камней: изъ

не восхищался зрѣніемъ, пишетъ Болотовъ: какъ въ большой тронной залѣ, занимающей цѣлой и особой, придѣланной съ боку ко дворцу флигель; преогромная была то и такая комната, какой я до того нигдѣ и никогда еще не видывалъ». (Записки Болотова; подлинная рукопись, ч. IX, стр. 103). Ред.

рубиновъ, изъ сапфировъ, изъ изумруда. Всѣ эти камни ни съ чѣмъ не сравнятся по своей величинѣ и красотѣ. Таково впечатлѣніе, вынесенное мною изъ этого двора, который я имѣлъ время изучить, проживъ при немъ около тридцати лѣтъ*).

Возвращаюсь къ тому, что произошло послѣ погребенія императрицы Елисаветы, и въ особенности къ происшествіямъ бывшимъ со мною. Мнѣ слишкомъ много пришлось бы писать, если бы я захотѣлъ передать всѣ превратности, случившіяся со мною, покражи, которыя я потерпѣлъ, пожары, отъ которыхъ погорѣлъ нѣсколько разъ съ большими для себя потерями,—постоянныя непріятности по дѣламъ отъ знати, которая того только и добивалась, чтобы покупать въ кредитъ, не имѣя чѣмъ заплатить, вслѣдствіе чего я не рѣдко бывалъ принуждаемъ, когда видѣлъ, что подъѣзжаетъ къ моей квартирѣ пять или шесть каретъ шестернею, запирать двери и приказывалъ сказать, что меня дома нѣтъ, чтобы избѣгнуть необходимости рисковать моимъ добромъ и добромъ моихъ пріятелей, довѣряющихъ мнѣ свои товары; наконецъ не могу описать страха и трудовъ, которые я постоянно терпѣлъ, не имѣя никого, кому бы я могъ довѣрить часть моихъ дѣлъ на сторонѣ. Конечно, у меня были прикащики, которымъ я платилъ большое жалованье, но которые не понимали ни языка, ни самой торговли, и служили мнѣ больше писарями, да держали книги въ нѣкоторомъ порядкѣ. Часто случалось, что лишь только сяду за столъ, приходилось выдти изъ-за него, или возвращаясь домой, я заставалъ ихъ (?) преспокойно за обѣдомъ; вечеромъ, намучившись въ цѣлый день, я долженъ былъ работать при свѣчѣ, приготовляя работу моимъ мастерамъ, которые приходили въ пять часовъ утра,—все это сильно подорвало мое здоровье.

Я вступилъ въ компанію въ царствованіе императрицы Елисаветы съ г. Луи Давидомъ Дювалемъ, женевцомъ, который побывалъ въ ювелирской торговлѣ въ Лондонѣ у братьевъ своихъ, и пріѣхалъ въ Петербургъ съ товаромъ тысячъ на пять рублей. Въ качествѣ моего соотечественника, онъ остановился у меня и показалъ мнѣ привезенный имъ товаръ, состо-

*) Позье, безъ сомнѣнія, считаетъ съ 1738 или 1739 года, когда онъ въ качествѣ еще подмастерья Граверо сталъ появляться въ дворцовыхъ покояхъ Анны Ивановны. Ред.

явшій изъ табакерокъ изъ авантурина (pierre aventurine), часовъ дамскихъ и мужскихъ футляровъ, оправленныхъ золотомъ, и pinchebec и проч. и проч. Я сказалъ ему, что это можно будетъ сбыть, тѣмъ болѣе, что въ Россіи еще не появлялась эта композиція: «Но такъ какъ вы не знаете, какъ здѣсь торговать, сказалъ я ему:—я боюсь, чтобы вы не оборвались, продавъ въ кредитъ, потому что рѣдко удается продавать за наличныя деньги, и какъ бы вамъ долго не пришлось бѣгать за долгами, не зная здѣшняго края. Я васъ выручу изъ этого затрудненія; назначьте цѣну съ умѣреннымъ барышомъ, и я куплю у васъ весь вашъ запасъ и заплачу за него наличными деньгами».

Онъ принялъ предложеніе мое съ большимъ удовольствіемъ и остался имъ весьма доволенъ. Замѣтивъ въ то время, какъ онъ жилъ у меня, что онъ очень смышленъ по счетной части, и выслушавъ отъ него разсказъ о томъ, какъ онъ работалъ у братьевъ въ Лондонѣ, я убѣдился, что это честный человѣкъ и предложилъ ему вступить со мною въ компанію на три года, въ надеждѣ, что онъ облегчитъ мнѣ переписку и веденіе счетовъ, что онъ и принялъ съ большою радостью, увѣряя меня, что у меня съ нимъ дѣло пойдетъ отлично, что братья его въ Лондонѣ будутъ въ восторгѣ и будутъ намъ чрезвычайно полезны по ювелирской чисти, такъ какъ они ведутъ обширную торговлю въ качествѣ ювелировъ англійскаго короля, и что при этомъ они меня знаютъ по репутаціи, будучи знакомы съ русскимъ посломъ въ Лондонѣ, который имъ расхваливалъ меня до небесъ. Я сказалъ ему, чтобы онъ сообщилъ братьямъ о сдѣланномъ ему мною предложеніи прежде, чѣмъ окончательно приметъ его, но онъ увѣрилъ меня, что это лишнее, что онъ на счетъ братьевъ не безпокоится; итакъ; мы заключили компаньонскій контрактъ на четыре года, по его желанію, и положили каждый по пяти тысячъ рублей капитала товаромъ. Братья его написали мнѣ письмо самое дружеское, въ которомъ увѣряли, что они будутъ въ восторгѣ имѣть дѣла съ нами и предлагали всякія услуги. Мы и принялись за работу. Первый годъ прошелъ довольно благополучно. Во всемъ, что касалось переписки и счетной части, я безусловно полагался на моего компаньона, по дѣламъ же, которыя у меня были внѣ дома, онъ ничѣмъ не могъ мнѣ

помочь, нисколько не будучи къ тому способенъ, даже если бы онъ и зналъ языкъ; къ тому же, онъ былъ угрюмаго, молчаливаго нрава, что вовсе было бы неудобно для веденія дѣлъ съ петербургскою знатью. Братья его прислали намъ товару, но такого, который не подходилъ къ моему роду торговли, заключающемуся исключительно въ золотыхъ вещахъ и драгоцѣнныхъ каменьяхъ. Товары эти нужно было сбывать, потому что они посылались намъ на коммиссію и сами брали ихъ изъ магазина, какъ я впослѣдствіи узналъ, отъ одного изъ братьевъ ихъ, проживающаго во Франкфуртѣ, гдѣ онъ и умеръ; а это только отвлекало меня отъ моей главной торговли и подвергало меня непріятностямъ. Только благодаря значенію, которымъ я пользовался при дворѣ, могъ я избѣгнуть описи моей собственности, такъ какъ не позволялось продавать петербургскимъ торговцамъ подобнаго товара и полиція имѣетъ право дѣлать обыски у частныхъ лицъ, и если находитъ эти товары, можетъ ограбить весь домъ, посадить хозяина подъ арестъ и взять съ него большой штрафъ; словомъ, я просилъ моего компаньона написать братьямъ своимъ, чтобы они болѣе подобныхъ вещей къ намъ не присылали, какъ несовмѣстныя съ нашего рода торговлей. Это его разсердило, и я иногда по цѣлымъ недѣлямъ не могъ добиться отъ него ни одного слова. Кромѣ того, я получилъ частное письмо отъ моихъ корреспондентовъ гг. Ренуръ (Renourd), въ которыхъ я нуждался и сношенія съ которыми были мнѣ большимъ подспорьемъ, потому что я, не имѣя собственнаго капитала, пользовался обширнымъ кредитомъ у нихъ по ювелирской части. Въ этомъ письмѣ они жаловались, что я не увѣдомилъ ихъ о моемъ намѣреніи вступить въ эту компанію, и говорили, что они могли бы дать мнѣ по этому поводу хорошій совѣтъ, и что мнѣ извѣстно, какое довѣріе они всегда имѣли ко мнѣ, такъ какъ они всегда посылали мнѣ вдвое больше товару, чѣмъ я просилъ у нихъ. Правда, что и имъ была отъ этого выгода, вслѣдствіе процентовъ, которые они брали съ меня за то, что давали мнѣ въ долгъ, однако это было удобнѣе и мнѣ, которому приходилось давать въ кредитъ на очень долгіе сроки. Они, между прочимъ, жаловались на то, что мой компаньонъ обращается къ нимъ свысока въ письмахъ, которыя онъ писалъ помимо меня, такъ какъ я исключительно предоставилъ ему за-

вѣдывать моей перепиской, и дѣла мои не давали мнѣ времени провѣрять ее. Далѣе, писали они мнѣ, что замѣтили, будто гораздо рѣже стали посылаться къ нимъ деньги, чѣмъ когда я одинъ занимался дѣлами и что имъ пріятнѣе получать вѣжливо написанныя письма, чѣмъ постоянныя дерзости и придирки.

Это былъ единственный разъ, что на меня пожаловались мои пріятели съ тѣхъ поръ, какъ у меня завязалась переписка съ ними; а я иногда имѣлъ выгоду отъ знакомства съ ними, потому что они посылали мнѣ свои вещи на коммиссію и соглашались подвергаться всѣмъ рискамъ. Компаньонъ мой отвѣтилъ на замѣчаніе мое, что я поступаю не такъ, какъ слѣдовало бы дѣловому человѣку, что лучше заставить ихъ брать цѣну товара съ насъ, а намъ самимъ брать всѣ риски на себя, и что мы такимъ образомъ будемъ получать гораздо больше барыша. Сколько я съ нимъ ни говорилъ объ этомъ, это ни къ чему не повело. Я готовъ былъ искусать себѣ пальцы отъ досады, что вздумалъ вступить въ компанію съ этимъ господиномъ, который не только не облегчалъ мнѣ дѣло, но прибавлялъ заботы и тревоги.

Прошло уже три года, какъ я возился съ нимъ, когда онъ заболѣлъ какой-то меланхоліей, которой онъ страдалъ уже въ Лондонѣ, гдѣ жилъ у своихъ братьевъ, какъ они впослѣдствіи мнѣ писали. Съ нимъ дѣлались какіе-то припадки въ родѣ умопомѣшательства: онъ приходилъ ни съ того, ни съ сего ночью ко мнѣ, будилъ меня и объявлялъ, что совершилъ преступленіе противъ императрицы, что его велѣно арестовать и заключить въ крѣпость. Какъ ни старался я успокоить его, онъ никакъ не могъ отдѣлаться отъ этой мысли. Иногда онъ являлся ко мнѣ въ комнату, становился передъ зеркаломъ съ бритвою въ рукѣ, и дѣлалъ видъ, что хочетъ перерѣзать себѣ горло. Я пригласилъ двухъ докторовъ какъ-нибудь его вылечить. Они предписали ему ванны со льдомъ, но я никакъ не могъ уговорить его сѣсть въ ванну, а силу употребить не хотѣлъ. Наконецъ онъ объявилъ мнѣ, что сядетъ, если я самъ первый въ нее сяду и останусь въ ней рядомъ съ нимъ. Хотя это было вовсе не здорово для меня, однако я сѣлъ, въ надеждѣ, что это ему поможетъ. Дѣйствительно, въ ту же ночь онъ былъ поспокойнѣе. Я просилъ г. Дювиліаро (du Villiaro), одного изъ его пріятелей и соотечественниковъ, переночевать въ его комнатѣ съ двумя

слугами и стеречь его, думая, что онъ, по крайней мѣрѣ недѣли двѣ, не отдѣлается отъ своей маніи. Доктора объявили мнѣ, что единственное средство помочь ему — переправить его за море. Не малыхъ трудовъ стоило мнѣ посадить его на корабль. Я передалъ его съ рукъ на руки капитану, англичанину, который былъ знакомъ съ его братьями въ Лондонѣ, и обѣщалъ мнѣ доставить ему всевозможный уходъ. Послѣ того я получилъ письмо отъ его братьевъ, въ которомъ они извѣщали меня о его благополучномъ прибытіи и о томъ, что онъ много поправился, и что его отправили въ деревню, гдѣ надѣялись на совершенное его выздоровленіе; онъ и самъ написалъ мнѣ, мѣсяцъ спустя послѣ своего прибытія, очень дружеское письмо, въ которомъ извѣщалъ, что надѣется въ скоромъ времени возвратиться, чтобъ привести въ порядокъ дѣла наши, и изъявлялъ опасенія, что все перепутано, такъ какъ онъ давно не былъ въ состояніи работать.

Когда я писалъ братьямъ его, сообщая имъ о болѣзни моего компаньона, я просилъ ихъ прислать безотлагательно вѣрнаго человѣка для приведенія въ порядокъ нашихъ дѣлъ. Они мнѣ прислали своего прикащика г. Пешье (Peschié), весьма умнаго малаго, очень свѣдущаго по бухгалтеріи. Я помѣстилъ его у себя, сдалъ ему письма и бумаги нашей компаніи въ полное распоряженіе. Гг. Дюваль надѣялись, что я этого молодого человѣка возьму къ себѣ въ компаньоны вмѣсто ихъ брата, и поэтому въ письмѣ расхвалили мнѣ его, чего онъ впрочемъ вполнѣ заслуживалъ, да кромѣ того, надавали ему письма къ русскимъ вельможамъ, знавшимъ его въ Лондонѣ, и къ нѣкоторымъ знакомымъ англійскимъ торговымъ домамъ. Всѣ совѣтовали мнѣ такъ и сдѣлать, но совершенно напрасно: я слишкомъ много натерпѣлся съ моимъ первымъ компаньономъ, чтобы поторопиться завести другого, и поэтому остался неумолимымъ, тѣмъ болѣе, что г. Пешье (Peschié) могъ помогать мнѣ только по части бухгалтеріи, чего было совершенно достаточно, такъ какъ у меня былъ прикащикъ. Когда г. Пешье привелъ книги мои въ порядокъ, оказалось, что мой компаньонъ не внесъ въ нихъ всѣхъ плохихъ товаровъ, присланныхъ намъ, по его словамъ, на коммиссію, и которыхъ оставалось у насъ еще половина, никуда не годная, всего слишкомъ на десять тысячъ рублей, и это

все было записано на нашъ счетъ съ платою по 8%, до полной уплаты этой суммы; оставалось еще много кое-чего, на что я посмотрѣлъ сквозь пальцы, чтобы скорѣе кончить и избѣгнуть дрязгъ. Несмотря на то, у насъ оставалось до двадцати тысячъ рублей барыша, съ полученіемъ всего, что намъ были должны и по уплатѣ нашимъ кредиторамъ. Но прежде чѣмъ мы успѣли окончить ликвидацію — и того почти не было. Г. Пешье возвратился въ Лондонъ, а мой компаньонъ явился въ Петербургъ совершенно здоровымъ и мы подѣлили документы на наши долги, которыхъ я не взялъ исключительно на себя, вопреки всѣмъ просьбамъ его братьевъ.

Затѣмъ, я принялся трудиться одинъ и надѣялся порядочно заработать у императора Петра III, который накупилъ у меня множество вещей для своей тетки и племянницы, принцессъ голштинскихъ, выписанныхъ имъ въ Петербургъ и небогатыхъ брильянтами въ сравненіи съ нашими дамами *).

Мнѣ тѣмъ легче удалось расположить ихъ въ свою пользу, что они не знали мѣстныхъ обычаевъ и совѣтовались со мною, какъ являться имъ ко двору въ высокоторжественные дни. Убѣдившись, что у нихъ не слишкомъ-то много вещей, и что наши дамы непремѣнно бы сказали: «смотрите-ка, эти иностранки чуть не голыя пріѣхали къ намъ, а уѣдутъ богачками», я имъ надѣлалъ нѣсколько уборовъ изъ фальшивыхъ камней разныхъ цвѣтовъ, подобранныхъ и перемѣшанныхъ съ брильянтами такъ, что невозможно было догадаться, что камни не настоящіе. Это произвело огромный эффектъ, и пріѣзжія нѣсколько разъ являлись все въ разныхъ уборахъ, и наши дамы надивиться не могли, какъ это у нихъ такъ много вещей изъ такихъ отличныхъ камней, съ такимъ вкусомъ подобранныхъ и отдѣланныхъ. Какъ только я являлся ко двору, меня обступали и спрашивали: настоящіе ли это камни? Я, разумѣется, не разувѣрялъ ихъ, какъ и сговорился съ принцессами. Императоръ, которому извѣстна была эта хитрость, приходилъ въ восторгъ, тѣмъ

*) Въ первое же время по восшествіи своемъ на престолъ, Петръ III выписалъ изъ Германіи своего дядю, принца Георга Голштинскаго (р. въ 1719 г.), генерала прусской службы. Тотъ пріѣхалъ съ женой принцессою Голштейнъ-Бекскою Софіею Шарлоттою и съ двумя сыновьями; тогда же явился въ Россію, по зову Петра III, принцъ Голштейнъ-Бекскій Петръ-Августъ-Фридерикъ (р. 1697 г.) съ женою и юною еще дочерью. Ред.

болѣе, что это его избавляло отъ слишкомъ большого расхода для тетки и племянницы. Однажды, заставъ меня у тетки, вмѣстѣ съ которой я подбиралъ камни, онъ сказалъ мнѣ: «Вы какъ чортъ изобрѣтательны».

Эта добрая принцесса исповѣдывала реформатскую религію и часто бывала въ нашей французской церкви, при которой я былъ старостою уже лѣтъ пятнадцать. Я воспользовался этимъ случаемъ, и просилъ ее намекнуть императору, который чрезвычайно ее уважалъ, чтобы онъ далъ пособіе нашей церкви, недавно погорѣвшей, такъ какъ наша колонія была слишкомъ малочисленна и не имѣла средствъ построить новую. Императоръ обѣщалъ помочь намъ и затѣмъ уѣхалъ въ Ораніенбаумъ, загородную резиденцію, подаренную ему покойной императрицей, когда онъ былъ великимъ княземъ, и очень имъ любимую *). Онъ собирался тамъ повеселиться, а императрицѣ приказалъ поселиться въ Петергофѣ въ трехъ льё отъ Ораніенбаума. При ней было всего шесть камеръ-фрейлинъ, да два камеръ-юнкера (gentilshommes de sa chambre), съ ней поѣхалъ и маленькій великій князь, сынъ ея **). Императоръ же взялъ съ собою всѣхъ своихъ фаворитовъ и самыхъ красивыхъ придворныхъ дамъ, цвѣтъ аристократіи ***), хотя всѣ сильно роптали на то, что не дозволялось имъ оставаться съ императрицей, которую всѣ очень любили, да и ей не легко было отправляться одной чуть не въ ссылку.

Наканунѣ того, какъ Петру III вздумалось устроить домашній спектакль, въ которомъ самъ захотѣлъ быть дирижеромъ, а комедію розыгрывать должны были только придворныя дамы и вельможи, онъ послалъ за мною курьера съ приказаніемъ мнѣ отправиться въ Ораніенбаумъ съ ранняго утра, такъ какъ для меня есть дѣло.

*) Петръ уѣхалъ въ Ораніенбаумъ 11 іюня 1762 г. Ред.

**) Это невѣрно: семилѣтній Павелъ Петровичъ оставался въ Петербургѣ подъ надзоромъ и на попеченіи его воспитателя Н. И. Панина. Ред.

***) Изъ этихъ лицъ болѣе другихъ были замѣчательныя слѣдующія особы: Елисавета Романовна Воронцова, двѣнадцатилѣтняя принцесса Екатерина Голштейнъ-Бекская, Марія Александровна Нарышкина, Анна Никитишна Нарышкина, Марія Осиповна Нарышкина — жены придворныхъ сановниковъ; гр. Анна Карловна Воронцова, ея дочь гр. Строгонова, гр. Брюсъ и друг. Изъ мужчинъ были: гр. Минихъ, князь Трубецкой, канцлеръ гр. Воронцовъ, Александръ Ив. Шуваловъ, вице-канцлеръ кн. Голицинъ, Штелинъ и др. Ред.

Императрица въ тотъ же день прислала мнѣ сказать, чтобы я ѣхалъ къ ней въ Петергофъ, что я и исполнилъ, прежде чѣмъ отправиться къ императору, до котораго надо было проѣхать еще 3 льё. Было очень рано *); горничная, къ которой я обратился, объявила мнѣ, что императрица еще спитъ и, вѣроятно, не встанетъ еще часа два, такъ какъ поздно легла. Я сказалъ горничной, что мнѣ приказано явиться къ императору рано утромъ, что поэтому не могу дожидаться, а заѣду на возвратномъ пути въ городъ за приказаніемъ императрицы. Не воображая, что я увижу ее въ Ораніенбаумѣ, куда императоръ велѣлъ ей пріѣхать, я опять сѣлъ въ карету и поторопился, чтобы пріѣхать туда пораньше. Я явился къ графинѣ Елисаветѣ Воронцовой, которой привезъ букетъ изъ брильянтовъ; она узнала, что у меня есть такой букетъ — и потребовала его себѣ. Я спросилъ у ея горничныхъ, встала ли графиня. Онѣ отвѣчали мнѣ, что не встала, но и не спитъ, потому что не въ духѣ.

— Въ такомъ случаѣ я уѣду, сказалъ я.

Но онѣ меня задержали и просили подождать, такъ какъ ужъ доложили обо мнѣ, и боялись, чтобы графиня не разсердилась еще болѣе.

— Одни вы можете развеселить ее, говорили онѣ.

Мнѣ пришлось дожидаться.

Нѣсколько времени спустя меня пригласили въ комнату графини, которая сидѣла передъ туалетнымъ столомъ. Я приотворилъ дверь и, пристально посмотрѣвъ на нее, сказалъ:

— Вы не въ духѣ, поэтому я уберусь.

Она вскочила со стула и сказала:

— Нѣтъ, не уходите. Что вы мнѣ принесли хорошенькаго?

— «У меня ничего нѣтъ для тѣхъ, кто не въ духѣ».

Она накинулась на меня и начала шарить въ моихъ карманахъ. Въ эту самую минуту вошелъ чрезъ потайную дверь въ халатѣ, императоръ.

— Это что такое? спросилъ онъ.

Я отвѣчалъ, что очень радъ, что его величество явился ко мнѣ на выручку, что я пришелъ къ графинѣ показать ей хоро-

*) Это было, какъ видно изъ нижеизложенныхъ обстоятельствъ, 27 іюня 1762 года. Ред.

шенькій букетъ изъ брильянтовъ, но что, заставъ ее не въ духѣ, я не хотѣлъ ей его показывать.

— Очень хорошо, Позье, не давайте ей, а отдайте мнѣ.

Это я и исполнилъ, несмотря на всѣ усилія и старанія графини отнять у меня букетъ.

Императоръ тутъ же подарилъ графинѣ этотъ букетъ, но съ условіемъ, чтобы она развеселилась.

Ей только того и нужно было, потому что она была крайне жадна. Императоръ сдѣлалъ мнѣ заказъ, съ которымъ велѣлъ пріѣхать, а именно: заказалъ нѣсколько вещей къ его имянинамъ (pour sa fête), предстоявшимъ черезъ недѣлю (?); да еще послалъ за своимъ камердинеромъ и велѣлъ ему отдать мнѣ ключи отъ вещей въ городѣ, во дворцѣ, когда оныя мнѣ понадобятся. Переговоривъ о дѣлѣ, я хотѣлъ поцѣловать у императора руку и проститься съ нимъ, но онъ сказалъ мнѣ:

— Куда вы торопитесь?

Я сказалъ, что ѣду въ городъ и приготовлю, что его величество мнѣ приказалъ.

— Нѣтъ, вы сегодня останетесь здѣсь; я хочу, чтобы вы посмотрѣли мою комедію. Вотъ вамъ билетъ. Я всѣ билеты раздаю самъ. Можете пообѣдать съ моими медиками.

Я поблагодарилъ его и сказалъ, что долженъ отправиться къ великому канцлеру Воронцову въ обѣденный часъ, и просилъ, чтобы онъ меня отпустилъ.

— Очень хорошо, отвѣтилъ Петръ, отпускаю.

Воронцовы приняли меня, по обыкновенію. Я присутствовалъ при ученіи голштинскихъ войскъ передъ обѣдомъ, и при сраженіи двухъ маленькихъ галеръ на большомъ пруду, что мнѣ показалось совершеннымъ представленіемъ маріонетокъ; но императоръ находилъ самое большое удовольствіе въ этихъ маневрахъ, на которые роптало дворянство, въ особенности гвардейскіе полки, которыхъ ставили ни во что въ сравненіи съ горстью голштинцевъ. Сидя за столомъ, рядомъ съ женою великаго канцлера Воронцова, которая еще не опомнилась отъ горя по своей двоюродной сестрѣ, покойной императрицѣ Елисаветѣ, я осмѣлился тихо сказать ей по-французски:

«Ваше превосходительство, что вы объ этомъ думаете? Я, по крайней мѣрѣ, очень боюсь, какъ бы не случилось чего-ни-

будь ужаснаго, и долженъ вамъ признаться, что видя все, что я вижу теперь, я не совсѣмъ спокоенъ».

— «Вы правы, отвѣчала она мнѣ: я имѣю поводъ быть еще менѣе спокойна, чѣмъ вы, потому что вы иностранецъ. Но нужно молчать и предоставить все на волю Господню». При этомъ графиня не могла удержаться отъ слезъ.

— «Я знаю, что вы насъ любите и принимаете участіе въ нашемъ горѣ — продолжала Воронцова — но ведите себя осторожнѣе, чтобы съ вами ни случилось чего-нибудь при такихъ критическихъ обстоятельствахъ, въ которыхъ мы находимся».

Послѣ обѣда пришлось идти смотрѣть комедію, чего мнѣ вовсе не хотѣлось, но я не смѣлъ отказаться. Я сѣлъ напротивъ сцены, подъ ложей, гдѣ сидѣла императрица одна съ двумя фрейлинами (frelles) и однимъ пажомъ, въ глубокомъ траурѣ; всѣ другія дамы сидѣли въ ложахъ подлѣ оркестра и игриво болтали съ кавалерами. Императоръ сѣлъ въ самый оркестръ, гдѣ игралъ на скрипкѣ съ музыкантами-итальянцами и нѣсколькими изъ придворныхъ дворянъ (gentilshommes de la cour), умѣвшими играть на разныхъ инструментахъ.

Я иногда взглядывалъ на императрицу, которая казалась очень грустною и скучно смотрѣла на эту комедійку. Она замѣтила меня и прислала ко мнѣ своего пажа сказать, чтобы я, по выходѣ изъ театра, зашелъ къ ней въ ея покои, такъ какъ она хочетъ кое-что мнѣ заказать. Я отправился, но не безъ нѣкотораго безпокойства, какъ бы фавориты императора или камердинеры его не увидали, какъ я вхожу къ Екатеринѣ и не пересказали ему, что̀ бы могло меня погубить, смотря потому, въ какомъ настроеніи духа они въ ту минуту были. Къ счастію, я никого не встрѣтилъ, кромѣ слугъ императрицы, которые провели меня въ ея покои, гдѣ она уже была.

Я засталъ императрицу сидящею на диванѣ. Она сказала мнѣ:

— «Позье, я сломала свой орденъ святой Екатерины, а такъ какъ у меня всего только одинъ и есть осыпанный брильянтами, то я желала бы, чтобы вы его взяли съ собой и поправили. У меня есть еще нѣкоторые заказы вамъ, которые дамъ вамъ, когда вы мнѣ привезете орденъ».

Орденъ этотъ былъ на ней надѣтъ и она велѣла горничной снять его, чтобъ отдать мнѣ.

Было десять часовъ вечера. Я сказалъ ей: «видно ваше величество сегодня не возвратитесь въ Петергофъ и будете ужинать здѣсь»?

— «Мнѣ бы этого не хотѣлось, отвѣчала Екатерина:—въ Петергофѣ мнѣ было бы веселѣе».

Я замѣтилъ, что можетъ быть орденъ ей понадобится, если она не захватила съ собой другого.

Это былъ тотъ самый день, въ который графиня Елисавета Воронцова должна была явиться съ орденомъ, подареннымъ ей императоромъ. Я сказалъ это императрицѣ, чтобы она подумала, не обидится ли императоръ за то, что она въ пику нарочно является къ столу безъ ордена.

— «Хорошо, оставьте, пріѣзжайте за нимъ завтра въ Петергофъ; мнѣ совѣстно васъ безпокоить, но тамъ я вамъ все отдамъ, что мнѣ нужно передѣлать».

Я поцѣловалъ у ней руку и сказалъ, что поѣду обратно въ городъ.

— «Хотѣлось бы и мнѣ сдѣлать тоже самое, сказала она:— потому что мнѣ здѣсь очень не весело».

Я передъ тѣмъ приказалъ моему слугѣ ждать меня съ каретою за главными дворцовыми воротами (derrière la grande porte du palais), чтобы не запутаться во множествѣ другихъ экипажей. Хотя было 11 часовъ вечера, я проѣхалъ разстояніе до города en moins de douze heures, en moins de trois heures du temps (sic). Я утомился, когда пріѣхалъ, потому что лошади, заложенныя въ четверку, бѣжали во всю прыть и было три часа, когда я легъ, а на слѣдующій день мнѣ предстояло сдѣлать ту же поѣздку, чтобы быть въ Ораніенбаумѣ въ полдень.

Проспавъ три или четыре часа, я всталъ, забралъ все, что нужно было везти, — у меня были почти всѣ вещи всѣхъ придворныхъ дамъ, которыя дали мнѣ ихъ чистить и передѣлать къ праздникамъ. Я могъ выѣхать только въ 9 часовъ съ вещами; при мнѣ ихъ было болѣе, чѣмъ на двѣсти тысячъ рублей съ тѣми, что я взялъ для государя. Проѣхавъ половину дороги, я встрѣтилъ одного гвардейскаго офицера верхомъ, который скакалъ въ городъ во весь опоръ. Я опустилъ стекло въ каретѣ, чтобы посмотрѣть: это былъ одинъ изъ моихъ знакомыхъ. Онъ подъѣхалъ къ моей каретѣ, которую я остановилъ.

Всадникъ сказалъ мнѣ тихо, такъ чтобы слуга мой не услыхалъ:

— «Возвращайтесь прежде всего въ городъ; вы рискуете. Сейчасъ похитили въ Петергофѣ императрицу черезъ окно. Развѣ вы не встрѣтили частной кареты, въ которой везутъ ее въ городъ? *). Всѣ гольштинцы, по всѣмъ дорогамъ ищутъ ее. Говорю вамъ это какъ другъ,—воротитесь какъ можно скорѣе въ городъ».

Всадникъ пришпорилъ лошадь и ускакалъ.

Я велѣлъ ямщику (postillon) какъ можно скорѣе воротиться въ городъ, подъ предлогомъ будто я тамъ что-то забылъ, что̀ мнѣ необходимо везти съ собой. Я во весь опоръ поскакалъ въ городъ, и пріѣхавъ, встрѣтилъ на улицахъ конногвардейцевъ (les soldats au garde à cheval), которые метались по улицамъ въ разсыпную съ обнаженными саблями въ рукахъ съ радостными возгласами:

«Да здравствуетъ императрица Екатерина!!»

Мнѣ едва удалось попасть въ свой домъ, который былъ окруженъ солдатами. Я воскликнулъ: «Господи, Боже мой, что все это значитъ? Неужели императоръ умеръ?» Я поспѣшилъ выйти изъ кареты, захвативъ шкатулки съ вещами и нашелъ жену

*) Здѣсь необходимо указать на ошибку Позье. Память ему измѣнила въ указаніи дня восшествія на престолъ Екатерины: выше онъ говоритъ, что онъ ѣздилъ въ Ораніенбаумъ, поднесъ тамъ брильянтовый букетъ Елисаветѣ Воронцовой и говорилъ съ императоромъ и императрицей за недѣлю до праздника Петра и Павла, между тѣмъ это было только за три дня. Затѣмъ далеѣ говоритъ, что Екатерина взошла на престолъ на слѣдующій же день послѣ этой поѣздки его въ Ораніенбаумъ; факты же произошли такъ: Екатерина въ послѣдній разъ пріѣхала въ Ораніенбаумъ 26 іюня 1762 г. Обѣдъ въ японской залѣ дворца и маскарадъ въ оперѣ заняли день; на другой день — 27 іюня — Петръ и Екатерина провели нѣкоторое время на великолѣпномъ празднествѣ у старика гр. Алексѣя Григорьевича Разумовскаго, въ его имѣніи Гостилицахъ, близъ Ораніенбаума. Вечеромъ 27 іюня — Петръ и Екатерина разъѣхались каждый къ себѣ: императоръ уѣхалъ въ Ораніенбаумъ, императрица—въ Петергофъ, въ этотъ вечеръ они видѣлись въ послѣдній разъ въ жизни. На другой день, 28 іюня 1762 года, въ пятомъ часу утра, Екатерина въ сопровожденіи Алексѣя Орлова, горничной своей Екатерины Ивановны Шаргородской и камердинера Шкурина—оставляетъ Петергофскій дворецъ, садится въ частную карету, приготовленную Орловымъ, и ѣдетъ въ столицу. Такимъ образомъ описываемая Позье вторичная поѣздка въ Ораніенбаумъ, встрѣча съ верховымъ и проч. были 28 іюня 1762 года.

Ред.

въ страшномъ испугѣ. Я сказалъ ей: «Это ничего. Пусть оставятъ меня одного въ моей комнатѣ».

Я прежде всего поднялъ половицу, гдѣ было пустое мѣсто, и тамъ зарылъ мои шкатулки и все, что нашелъ у себя цѣннаго. Сдѣлавъ это, я захотѣлъ посмотрѣть, что творится и приготовился выйти со двора.

Я увидѣлъ двухъ молодыхъ англичанъ, которыхъ преслѣдовали солдаты съ обнаженными саблями. Они не говорили по-русски. Я сказалъ этимъ солдатамъ по-русски:

— «Что вы дѣлаете? Зачѣмъ преслѣдуете этихъ господъ, которые ничего вамъ не сдѣлали? Я знакомъ съ вашимъ офицеромъ, который ужъ вѣрно не приказалъ вамъ этого дѣлать».

Они мнѣ отвѣчали:—«Да они насъ ругаютъ на своемъ языкѣ».

— Вы ошибаетесь, это вовсе не такіе люди, которые бы могли такъ поступать.

Я имъ далъ пол-экю—единственное средство усмирить ихъ.

Они меня поблагодарили и сказали:—«Если вамъ угодно, мы станемъ стеречь вашъ домъ, потому что нашъ постъ совсѣмъ близко отсюда».

Я сказалъ, что это будетъ мнѣ пріятно, и что ихъ офицеръ, одинъ изъ моихъ друзей, скажетъ имъ за это спасибо.

Я, конечно, высылалъ имъ водки. Обоихъ англичанъ я взялъ къ себѣ въ домъ и сказалъ имъ, чтобы они нѣсколько подождали, пока немного усмирятся умы, потому что всѣ иностранцы подвергаются большой опасности на улицахъ. Я самъ слышалъ, какъ солдаты говорили между собою, что всѣхъ иноземцовъ надо перерѣзать.

Нетерпѣливо желая узнать, что происходило, я велѣлъ женѣ не выходить изъ дома и оставаться съ дѣтьми, а самъ отправился отыскивать кого-нибудь, кто бы мнѣ сказалъ что-нибудь положительное объ этомъ событіи; такъ какъ я жилъ подлѣ императорскаго дворца, а голландская церковь составляла уголъ съ улицею близъ Синяго моста, ведущею ко дворцу, то я прошелъ изъ моего двора садомъ, чтобы не столкнуться съ солдатами, которыми улица была запружена. Я нашелъ нѣсколькихъ знакомыхъ, отъ которыхъ узналъ въ чемъ дѣло. Я увидѣлъ гвардейскаго офицера преображенскаго полка, котораго я зналъ, и наканунѣ видѣлъ въ Ораніенбаумѣ;—онъ занималъ съ командою

постъ противъ нашихъ оконъ. Я зазвалъ его къ себѣ на шкаликъ (shalle) водки.

Офицеръ разсказалъ мнѣ, что какъ только императрица возвратилась въ Петергофъ, тотчасъ послѣ ужина, одинъ изъ заговорщиковъ заставъ офицера, котораго считалъ своимъ, сказалъ ему нѣсколько словъ, которыя были переданы фавориту императора. Гудовичъ сію же минуту сказалъ императору, что нужно арестовать этого человѣка. Государь тѣмъ ограничился, что заарестовалъ его, а допросъ отложилъ до слѣдующаго дня. Послѣ того нѣкоторые другіе изъ заговорщиковъ извѣстили императрицу, что все открыто и что нужно ей бѣжать въ городъ и тамъ провозгласить себя царицею, какъ было условлено сдѣлать.

Графъ (?) Орловъ тутъ же похитилъ Екатерину черезъ окно (?) изъ комнаты нижняго этажа, въ которой она была, чтобы часовые не увидѣли ихъ, и посадилъ ее въ карету, которая стояла не вдалекѣ отъ дворца, вмѣстѣ съ графомъ Разумовскимъ, гетманомъ казаковъ *). Они повезли ее въ городъ во весь опоръ, а тамъ прямо отправились въ церковь казанской Богородицы. Въ то время Орловъ отправился за полкомъ конно-гвардейцевъ (gardes à cheval), которые давно уже участвовали въ этомъ замыслѣ. Весь полкъ прибѣжалъ и окружилъ церковь съ криками: «Да здравствуетъ императрица Екатерина!» и принуждалъ прохожихъ кричать тоже**). Не трудно было склонить на свою сторону и другіе полки, бывшіе въ городѣ, которые окружили дворецъ, когда императрица отправилась туда изъ церкви. Почти весь цвѣтъ аристократіи и даже такіе люди, которыхъ императоръ считалъ вполнѣ преданными ему — были на сторонѣ императрицы. Всѣ толпою сбѣжались во дворецъ присягать ей.

*) Едва ли нужно пестрить настоящій разсказъ Позье, имѣющій во всякомъ случаѣ большой интересъ и достоинства, — примѣчаніями: нѣкоторыя невѣрности или неточности, явно происшедшія оттого, что Позье писалъ свои воспоминанія многіе годы спустя, по памяти, — должны быть очевидны для каждаго, кто сколько-нибудь знакомъ съ подробностями событій 28 и 29 іюня 1762 г. Арестованный офицеръ гвардіи былъ — Пассекъ; Орловъ не былъ еще тогда графомъ; спутникъ Екатерины въ ея бѣгствѣ, кромѣ Орлова былъ не Разумовскій, а Бибиковъ. Ред.

**) Не конная-гвардія, а три роты измайловскаго полка были первыя, которыя послѣдовали за Екатериной II. Ред.

Немедленно распустили въ городѣ слухъ, что императоръ упалъ съ лошади и ушибся до смерти.

Я спросилъ офицера, что̀ онъ обо всемъ этомъ думаетъ и что нѣтъ ли опасности, чтобы произошла какая-нибудь рѣзня? Офицеръ мнѣ отвѣчалъ, что бояться нечего, что онъ постарается сдерживать солдатъ, пока не пройдетъ первое движеніе.

Въ ту минуту, какъ онъ ушелъ отъ меня и воротился на свой постъ, явился кирасирскій полкъ, котораго императоръ былъ полковникомъ, состоявшій изъ трехъ тысячъ самыхъ лучшихъ солдатъ, какіе только имѣлись въ войскѣ, и которому императоръ послалъ приказаніе отправиться къ нему въ Ораніенбаумъ; но императрица послала одного изъ своихъ придворныхъ вельможъ воротить полкъ и приказала ему остаться въ городѣ.

Офицеръ, командовавшій полкомъ, по всей вѣроятности не зналъ въ чемъ дѣло, и я самъ видѣлъ, какъ онъ чуть не подрался съ карауломъ изъ конно-гвардейцевъ, которые стерегли мостъ у дворца, на которомъ съ каждой стороны были поставлены пушки. Часовые, изъ которыхъ каждый ужъ запустилъ за галстухъ, начали кричать кирасирскому офицеру, когда онъ хотѣлъ перейти мостъ съ полкомъ, что его не пустятъ, пока онъ не крикнетъ: «Да здравствуетъ императрица Екатерина!»

Офицеръ спросилъ: «Какъ это? Развѣ императоръ умеръ?»

Одинъ изъ часовыхъ еще больше раскричался и послалъ товарища дать знать караулу изъ трехъ-сотъ гвардейцевъ, находившимся не вдалекѣ, и они какъ бѣшеные бросились съ ружьями и штыками на перевѣсъ, чтобы воспрепятствовать полку перейти мостъ. Нѣсколько гвардейскихъ офицеровъ подошли, чтобы остановить этихъ сумасбродовъ и что-то сказали на ухо кирасирскому офицеру, который тотчасъ же усмирился, и его спокойно пропустили черезъ мостъ; близъ дворца этого офицера замѣстили другимъ, а, между тѣмъ, полкъ выстроился и безъ труда былъ приведенъ къ присягѣ императрицѣ. Если бы этотъ полкъ остался вѣренъ императору, то онъ могъ бы перебить всѣхъ солдатъ (passer sur le corps de tous les soldats), сколько ихъ ни было въ городѣ; но Богу угодно было, чтобы случилось иначе, въ противномъ случаѣ всѣмъ бѣднымъ иностранцамъ пришлось бы плохо.

Я отправился къ себѣ успокоивать жену, и тамъ нашелъ моихъ двухъ англичанъ, которыхъ я отправилъ домой въ моей ка-

ретѣ, указавъ кучеру по какой дорогѣ ѣхать, чтобы избѣгнуть столкновенія съ солдатами; впрочемъ, такъ какъ карета была закрытая, то нельзя было замѣтить, что это иностранцы.

Нѣсколько минутъ спустя, я видѣлъ, какъ мимо проѣхалъ въ плохой каретѣ дядя императора, принцъ голштинскій, который укрылся-было у генералъ-полицеймейстера Корфа, гдѣ его арестовалъ одинъ гвардейскій офицеръ съ двадцатью гренадерами, которые исколотили его ружейными прикладами, и повезли его къ домъ Бестужева, гдѣ онъ жилъ*). Жена его, къ несчастью, была въ этотъ день въ городѣ; солдаты тоже весьма дурно обошлись съ ней, растащивъ все, что они нашли въ домѣ; они хотѣли сорвать съ рукъ ея кольца, и если бы командовавшій ими офицеръ вò время не вошелъ въ комнату, они отрѣзали бы у нея палецъ; всѣхъ слугъ заперли въ подвалы и погреба и приставили къ нимъ гренадеровъ; такъ они оставались цѣлыхъ три дня и едва могли добиться чего-нибудь поѣсть.

Видя, что все бросается во дворецъ цѣловать руку императрицы, я хотѣлъ какъ-нибудь добраться до нея, какъ вдругъ ко мнѣ во дворъ въѣхала карета съ гвардейскимъ офицеромъ и тремя гренадерами на запяткахъ. Жена моя сначала подумала, что меня хотятъ арестовать, но офицеръ вошелъ ко мнѣ въ комнату и объявилъ, что имѣетъ что-то сказать мнѣ отъ имени императрицы. Я его ввелъ въ свой кабинетъ. Онъ сказалъ мнѣ, что императрица велѣла спросить меня: отдалъ ли я ужъ камергерскій ключъ осыпанный брильянтами, который императоръ хотѣлъ дать оберъ-камергеру (grand chambellan) графу Шереметеву? Я отвѣтилъ, что въ это самое утро поѣхалъ-было въ Ораніенбаумъ съ тѣмъ, чтобы отдать ключъ императору, согласно приказанію, данному имъ мнѣ наканунѣ, но что, узнавъ по дорогѣ происшедшій счастливый переворотъ, я воротился назадъ и что ключъ теперь у меня. Тогда офицеръ сказалъ мнѣ, что императрица велѣла спросить, можно ли придѣлать ея вензель, вмѣсто вензеля императора, и въ тотъ же день, если можно, такъ какъ это будетъ ей очень пріятно, потому что она сама хочетъ отдать ключъ графу Шереметеву. Я просилъ офицера передать ея величеству, что сію же минуту займусь ея порученіемъ, но что прошу ее прислать

*) На томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ зданіе Сената. Ред.

мнѣ офицера для безопасности моего дома, такъ какъ у меня много казенныхъ вещей, а также вещей принадлежавшихъ дамамъ, которыя въ Ораніенбаумѣ, и я боюсь нападенія со стороны солдатъ, окружавшихъ мой домъ. Офицеръ отвѣчалъ мнѣ: «Очень хорошо, я попрошу, чтобы дали мнѣ самому это порученіе». Затѣмъ онъ уѣхалъ, но не много времени спустя воротился.

Я тотчасъ же велѣлъ моимъ рабочимъ приступить къ дѣлу, и въ три часа пополудни работа была готова.

Я самъ сѣлъ въ карету офицера, желая воспользоваться случаемъ добраться до императрицы, лично вручить ей ключъ и поцѣловать у нея руку.

Мы вошли въ залу, которая была до такой степени наполнена народомъ, что пришлось подождать добрыхъ полчаса, прежде чѣмъ удалось пробраться до императрицы, несмотря на то, что офицеръ, за которымъ я слѣдовалъ, употреблялъ всѣ усилія, чтобы раздвинуть толпу.

Наконецъ я очутился за стуломъ императрицы, тѣмъ не менѣе однако мнѣ удалось вручить ей ключъ и поцѣловать у нея руку не ранѣе, какъ часъ спустя. Стеченіе вельможъ и дамъ, пріѣзжавшихъ поздравить ее, было громадное, и я не понимаю, какъ Екатерина могла перенести такое утомленіе въ теченіе цѣлаго дня, не принимая нисколько пищи.

Въ ту же минуту императрица приказала monsieur le grand maître графу Панину*) ѣхать въ Кронштадтскую крѣпость арестовать коменданта и завладѣть крѣпостью отъ ея имени, прежде чѣмъ императоръ успѣетъ укрыться въ ней.

Петръ III дѣйствительно попытался это сдѣлать, посадивъ на галеру всѣхъ дамъ и кавалеровъ своего двора, чтобы перебраться въ Кронштадтъ, куда онъ передъ тѣмъ отправилъ своего генералъ-адъютанта Дивіера, котораго monsieur le grand maître графъ Панинъ (!) засталъ тамъ, и котораго онъ съумѣлъ ловко арестовать вмѣстѣ съ комендантомъ, овладѣвъ крѣпостью**).

---

*) Не Панину, а адмиралу Ивану Лукьяновичу Талызину. Ред.

**) Талызинъ, а не Панинъ засталъ гр. П. А. Дивіера въ Кронштадтѣ, ловко воспользовался его нерѣшительностью, склонилъ (а не арестовалъ) — на сторону Екатерины коменданта кронштадскаго Нуммерса, затѣмъ арестовалъ Дивіера и взялъ Кронштадтъ подъ свое управленіе. Ред.

Когда императорская галера приблизилась на пушечный выстрѣлъ, ей въ рупоръ крикнули, чтобы она воротилась назадъ, а не то будутъ по ней стрѣлять; это до такой степени перепугало дамъ, что онѣ страшно раскричались и упросили императора воротиться въ Ораніенбаумъ, что тотъ и сдѣлалъ.

Я еще стоялъ за стуломъ императрицы, когда явился великій канцлеръ Воронцовъ. Какъ только онъ подошелъ къ ней, она спросила его: за тѣмъ ли онъ пришелъ, чтобы присягнуть ей?

Воронцовъ отвѣтилъ, что въ настоящую минуту не можетъ, потому что его прислалъ императоръ изъ Ораніенбаума узнать, что происходитъ.

— «Въ такомъ случаѣ вы не прогнѣвайтесь, если я васъ посажу подъ домашній арестъ. Я съ этою цѣлью сейчасъ же назначу двухъ гвардейскихъ офицеровъ, которые отправятся съ вами; впрочемъ можете быть спокойны за себя».

Воронцовъ поклонился и отправился съ двумя офицерами, которые сѣли съ нимъ въ карету*).

Въ эту минуту я съ трудомъ могъ удержаться отъ слезъ, но не время и не мѣсто было давать имъ волю.

Наконецъ я уловилъ свободную минуту и передалъ императрицѣ ключъ въ бархатномъ футлярѣ. Она нашла его великолѣпнымъ. Это была вещь цѣною въ десять тысячъ рублей.

Екатерина передала ключъ оберъ-камергеру Шереметеву, который находился тутъ же, и который, ставъ на колѣни, поцѣловалъ у нея руку **).

Императрица повернула голову въ мою сторону и сказала:

— «Я вамъ очень обязана, Позье, за вашу исправность».

Я воспользовался случаемъ и сказалъ ей, что у меня въ домѣ

---

*) Мих. Иллар. Воронцовъ, по свидѣтельству его племянницы, Екатерины Романовны Дашковой, при свиданіи съ императрицей Екатериной, «возражалъ противъ ея поступка, а когда императрица не убѣждалась его словами, онъ оставилъ ее, не давъ присяги на подданство. «Будьте увѣрены, мадамъ, — будто бы вполнѣ хладнокровно сказалъ Воронцовъ, — что я никогда не присягну, ни словомъ, ни дѣломъ, вашему ложному правленію; а чтобъ увѣриться въ справедливости моего обѣта, поставьте одного изъ вашихъ преданныхъ офицеровъ сторожемъ у моихъ дверей; я никогда не измѣню клятвѣ, данной императору, пока онъ существуетъ». (Записки Дашковой, 1859 г., стр. 60—61).
Ред.

**) Это былъ сынъ знаменитаго генералъ-фельдмаршала—графъ Петръ Борисовичъ, род. 1713 † 1788 г. Ред.

много казенныхъ вещей, и не угодно ли ей, чтобы я ихъ передалъ кому-нибудь.

Она мнѣ сказала, что не нужно, что я могу воротиться домой и остаться тамъ совершенно спокойно, ничего не боясь. Затѣмъ государыня приказала офицеру, привезшему меня, проводить меня обратно и возвратиться къ ней часовъ въ семь вечера, такъ какъ она намѣрена верхомъ, въ мужской одеждѣ, съ княгиней Дашковой отправиться во главѣ трехъ гвардейскихъ пѣшихъ и конныхъ полковъ, арестовать Петра III въ Ораніенбаумѣ.

Всѣ войска, которыя остались въ городѣ, стали шпалерами вдоль улицы, и такъ простояли всю ночь.

Я не могъ сомкнуть глазъ и просидѣлъ у окна, слѣдя за всѣмъ, что происходило.

Я видѣлъ, какъ солдаты выбивали двери въ подвальные кабаки, гдѣ продавалась водка и выносили огромные штофы своимъ товарищамъ, что меня страшно испугало.

Я позвалъ изъ окна одного знакомаго офицера и просилъ его зайти на минуту ко мнѣ, что тотъ и исполнилъ. Я ему заявилъ мои опасенія. Офицеръ объявилъ мнѣ, что мнѣ нечего бояться, что невозможно запретить солдатамъ, не пившимъ и не ѣвшимъ уже двое сутокъ, погулять, но что онъ надѣется, что императрица, арестовавъ Петра III, тотчасъ же возвратится въ городъ, а тогда все кончится.

Я, однако, не успокоился, пока не узналъ, какой оборотъ приметъ дѣло.

Не стану разсказывать разныхъ мелочей, случившихся до возвращенія императрицы послѣ арестованія императора *), такъ какъ это не входитъ въ мой планъ того, что я задумалъ изложить, да и кромѣ того обо многомъ я радъ умолчать.

Я сильно боялся за принца и принцессу голштинскихъ. Я собирался, какъ только разсвѣтетъ, проѣхаться кругомъ дома, гдѣ ихъ содержали.

---

*) Екатерина выступила въ Петергофъ въ девять часовъ вечера 28 іюня; на другой день въ часъ пополудни Петръ III былъ уже въ Петергофѣ, подписавъ еще ранѣе отреченіе отъ престола. Въ семь часовъ вечера 29 іюня онъ былъ въ Ропшѣ, а Екатерина II имѣла торжественный въѣздъ въ столицу.

Ред.

Я велѣлъ заложить карету и сказалъ женѣ, чтобы она была спокойна, что я ѣду только прокатиться и скоро возвращусь домой *). Я велѣлъ кучеру везти меня, куда я собрался, и доѣхавъ почти до воротъ дома Бестужева, увидѣлъ князя Голицына, офицера, командовавшаго отрядомъ, караулившимъ домъ, и съ которымъ я былъ коротко знакомъ. Я вышелъ изъ кареты, подошелъ къ нему и поздоровался съ нимъ.

Князь Голицынъ сказалъ: — «Вы тутъ что̀ дѣлаете?»

Я отвѣчалъ ему:—«Хочу навѣстить больного пріятеля. А вы, князь, вѣроятно здѣсь дежурите?»

— «Да, къ моему великому сожалѣнію: мои солдаты надѣлали всякія безчинства противъ принца и принцессы голштинскихъ, а остановить ихъ мнѣ было невозможно, такъ они были злы на нихъ. Жду не дождусь, когда воротится императрица, и когда меня смѣнятъ, потому что мнѣ тяжело видѣть въ какомъ они положеніи».

Я ему сказалъ, что у меня есть вещи, принадлежащія принцессѣ, о которыхъ она можетъ быть тревожится и не можетъ ли онъ позволить мнѣ видѣться съ нею?

— «Можете, отвѣчалъ онъ: вы не подозрительная личность».

Князь Голицынъ велѣлъ одному сержанту проводить меня до дверей комнаты принцессы и сказать ей, что я желаю имѣть честь поговорить съ ней.

Принцесса велѣла мнѣ войти. Я засталъ ее на диванѣ.

Какъ только она увидѣла меня, то воскликнула: — «Ахъ, Позье, какой добрый ангелъ прислалъ васъ сюда и какъ могли вы до меня добраться?»

Я сказалъ ей, что, безпокоясь о нихъ, и видя, что́ творится, я рѣшился попытаться узнать что-нибудь о нихъ, и проѣзжая мимо ихъ дворца, увидѣлъ князя Голицына, котораго я имѣю честь знать за честнаго человѣка, и который сейчасъ же заявилъ свое сожалѣніе о безчинствахъ солдатъ противъ ихъ высочествъ. — «Затѣмъ, продолжалъ я, я просилъ доложить вашему высочеству, что всѣ ваши вещи у меня, и чтобы вы не тревожились; князь Голицынъ весьма любезно позволилъ мнѣ явиться къ вамъ и велѣлъ сержанту проводить меня въ ваши покои».

---

*) Это было утромъ 29 іюня 1762 г. Ред.

Она мнѣ разсказала, какъ ужасно съ ними обошлись солдаты, заграбившіе все, что попало имъ подъ руку, и что имъ оставили всего двухъ слугъ съ правомъ свободно ходить по цѣлому дому, а именно принцу — камердинера, а ей — женщину, которую вижу передъ собою, и что они насилу могутъ добиться чего-нибудь поѣсть.

— «Не можете ли вы, спросила она: — сказать намъ, что сдѣлалось съ императоромъ?»

— «Все, что могу сказать вамъ, это то, что всѣ полки высказались въ пользу императрицы, и что все дворянство, какое только было въ городѣ, присягнуло ей; присягнули ей даже тѣ, которые были въ Ораніенбаумѣ при императорѣ, и убѣжали оттуда подъ предлогомъ дознаться, что здѣсь происходитъ; а императрица вчера отправилась верхомъ съ тремя полками и княгиней Дашковой въ Ораніенбаумъ арестовать императора. По всѣмъ улицамъ шпалерами разставлены солдаты подъ ружьемъ. Ни одинъ иностранецъ не смѣетъ показаться на улицѣ, и если бы я ни былъ знакомъ съ бо́льшею частью офицеровъ, я бы не рискнулъ выдти на улицу. Подумайте, ваше высочество, не могу ли я быть вамъ полезенъ? Я увѣренъ, что государынѣ не извѣстно, въ какомъ вы ужасномъ положеніи, и какъ съ вами обошлись. Если вы желаете написать императрицѣ, то можете быть увѣрены, что я всѣми силами постараюсь передать письмо въ собственныя ея руки по возвращеніи ея, на которое надѣются завтра».

Принцесса отвѣчала мнѣ, что бо́льшей услуги я оказать ей не могу, и вошла въ кабинетъ, гдѣ сидѣлъ ея больной мужъ *).

Принцесса попросила меня подождать минутку, пока она напишетъ нѣсколько словъ.

*) Весь разсказъ Позье о судьбѣ, постигшей принца Георга Голштинскаго, 28 и 29 іюня 1762 г., почти дословно подтверждается свидѣтельствомъ другихъ современниковъ: «Принцъ Георгъ, разсказываетъ, между прочимъ, Болотовъ въ неизданныхъ главахъ IX-й части своей автобіографіи: принцъ, привезенный подъ конвоемъ въ свой домъ, находитъ его уже разграбленнымъ; людей своихъ всѣхъ изувѣченныхъ и запертыхъ въ погребъ; всѣ двери разломанныя и всѣ комнаты на-чисто очищенныя. У самихъ принцовъ, сыновей его, отняты часы, деньги, сняты кавалеріи и сорваны даже мундиры самые. Одна только спальня принцессы осталась пощаженною, да и потому, что защищалъ ее одинъ унтеръ-офицеръ. Принцъ, увидѣвъ все сіе, сдѣлался какъ сумасшедшимъ...» (Записки Болотова, подлинная рукопись ч. IX, стр. 379).

Когда она мнѣ вручила записку, я просилъ ее на случай, если князь Голицынъ спроситъ ее, зачѣмъ я просилъ пустить меня къ ней, отвѣчать, что я только хотѣлъ успокоить ее на счетъ ея вещей, такъ какъ и я самъ ему говорилъ объ этомъ.

Я простился съ принцессой и сказалъ ей, что надѣюсь, что она скоро получитъ отвѣтъ на свою записку, такъ какъ я ни мало не сомнѣваюсь, что императрица вполнѣ уважитъ ея просьбу.

Я возвратился домой, не встрѣтивъ никакого препятствія со стороны солдатъ, которые пропустили карету мою даже безъ ругательствъ.

Часамъ къ тремъ меня извѣстили, что императрица, заарестовавъ Петра III, возвращается въ городъ, и что ее ожидаютъ къ пяти часамъ. Мимо оконъ моихъ проѣхало много каретъ съ дамами и вельможами, отправлявшимися во дворецъ, дожидаться ее.

Я рѣшился тоже туда отправиться.

Тамъ я засталъ страшную давку и, между прочимъ, множество молодыхъ дамъ, о которыхъ мнѣ достовѣрно извѣстно было, что онѣ нехорошія услуги оказывали императрицѣ по ея отношеніямъ къ императору, и которыя едва-ли могли ожидать отъ нея любезнаго пріема.

Такъ какъ я былъ съ ними довольно коротко знакомъ, я спросилъ ихъ: «не шибко-ли бьется у нихъ сердце?»

Я былъ впрочемъ совершенно увѣренъ, что имъ ничего не будетъ сдѣлано, потому что императрица, нарочно обращалась вѣжливо съ дамами, о которыхъ знала, что онѣ интриговали противъ нея у ея мужа.

Наконецъ явилась Екатерина верхомъ съ отрядомъ гвардейцевъ. Каждый спѣшилъ цѣловать ея руку. Войдя въ дворцовую залу, она сѣла въ кресла и по крайней мѣрѣ три часа все принимала толпу: каждую минуту она должна была наклоняться, чтобы давать руку свою цѣловать представлявшимся ей.

Видя, что мнѣ невозможно будетъ добраться до императрицы, я рѣшился подождать у дверей ея покоевъ, зная, что она непремѣнно туда войдетъ *).

*) Это было судя по настоящему разсказу, въ тотъ же день, какъ Позье посѣтилъ принцессу Софію Шарлотту Голштинскую, а именно—29 іюня 1762 г. Ред.

Едва стоя на ногахъ отъ усталости, Екатерина вышла изъ залы отдохнуть, поручивъ сказать, что всѣ, кому не удалось присягнуть ей, пусть придутъ на слѣдующій день.

Она явилась въ сопровожденіи двухъ камергеровъ, которые поддерживали ее подъ руки.

Повернувъ голову въ мою сторону, Екатерина сказала:

— «Ахъ, это вы, Позье. Если вы имѣете что сказать мнѣ, подождите минутку».

Я поклонился и сказалъ, что подожду; это мнѣ было тѣмъ пріятнѣе, что я надѣялся, что она отпуститъ камергеровъ и что у меня будетъ возможность передать ей письмо. Лишь только императрица раздѣлась, она прислала мнѣ сказать чрезъ свою горничную, чтобы я вошелъ къ ней.

Я поцѣловалъ у нея руку и съ трепетомъ передалъ ей письмо, не зная, какъ-то она его приметъ.

— «Это что за письмо?» сказала она; она по печати узнала отъ кого записка, и велѣла мнѣ подождать, а сама отправилась читать въ кабинетъ.

Выйдя оттуда минуту спустя, она сказала мнѣ, что крайне огорчена тѣмъ, что̀ произошло, и что приказанія ея не были соблюдены. Затѣмъ сказала мнѣ, что я могу передать имъ, чтобы они успокоились, и что она на слѣдующій же день дастъ имъ такой отвѣтъ, который ихъ удовлетворитъ.

Я съ радостью отправился исполнить порученіе.

На другой день они мнѣ прислали сказать черезъ слугу, что ихъ освободили, чтобы я навѣстилъ ихъ. Они прочли мнѣ письмо, которое писала имъ императрица, и въ которомъ она заявляла имъ сожалѣніе обо всемъ, что было сдѣлано противъ ея воли въ отношеніи къ нимъ, и объявляла, что, весьма хорошо понимая, что имъ тутъ не спокойно, она предоставляетъ имъ на выборъ: остаться или удалиться въ Голштинію, при чемъ она дѣлала принца администраторомъ этой страны, и прилагала къ этому письму сумму въ полтораста тысячъ рублей на уплату долговъ, присовокупляя, что если эта сумма окажется недостаточною, она ее пополнитъ.

Принцъ и принцесса голштинскіе, разумѣется, рѣшили ѣхать, и такъ поспѣшили своими приготовленіями, что отправились уже на третій день.

Принцесса дала мнѣ сто экю на нашу церковь; заявляла мнѣ глубокую признательность за мою преданность, и объявила мнѣ, что горячо желаетъ, чтобы я ей когда-нибудь доставилъ случай доказать мнѣ и семейству моему ихъ благодарность.

Я поблагодарилъ ее и простился съ ними. Я получилъ отъ нея письмо лишь только тогда, когда ея высочество пріѣхала въ Голштинію, гдѣ умерла шесть мѣсяцевъ спустя. Она оставила двухъ маленькихъ принцевъ, воспитаніе которыхъ императрица взяла на себя.

Послѣ заарестованія Петра III, императрица, возвратившись въ городъ, распустила всѣ войска, до тѣхъ поръ стоявшія шпалерами вдоль улицъ, и всѣ избавились отъ страха. Три (?) дня спустя, мы узнали о смерти несчастнаго императора, описывать подробности которой я не стану.

V.

Работы Позье въ коронаціи Екатерины II.—Бецкій.—Корона Екатерины. — Разсчеты кабинета ея величества за работы, выполненныя Позье для Петра III. — Олсуфьевъ. — Поѣздка въ Москву на коронацію Екатерины II.—Отзывъ императрицы о ея вельможахъ. — Князь Волконскій и его племянникъ.—Посылка ордена и червонцевъ графу Понятовскому. — Возвращеніе въ Петербургъ. — Приготовленія Позье къ отъѣзду на родину. — Расплата двора за брилльянты. — Екатерина II посылаетъ медали съ своимъ изображеніемъ д'Аламберу и Вольтеру.—Бѣгство Позье изъ Россіи.

1762—1764 гг.

Нѣсколько дней спустя по восшествіи своемъ на престолъ, императрица Екатерина призвала меня къ себѣ и сказала, что поручила камергеру Бецкому (Bezki) провѣрить казенныя вещи и приказала мнѣ разломать все, что окажется не въ современномъ вкусѣ и употребить на новую корону, которую она желала имѣть къ коронаціи. Императрица приказала мнѣ обо всемъ сговориться съ Бецкимъ, что было мнѣ чрезвычайно пріятно и дало мнѣ возможность свалить на него мои заботы и непріятности, по которымъ я могъ навлечь на себя дурныя послѣдствія со стороны лицъ, имѣвшихъ надзоръ надъ этими вещами. Я согласился на все, чего хотѣлъ камергеръ Бецкій, который искалъ только удовлетворенія своего тщеславія *).

*) Этотъ отзывъ о роли въ іюньскихъ событіяхъ 1762 г. извѣстнаго Ив. Ив. Бецкаго вполнѣ подтверждается свидѣтельствомъ прочихъ современниковъ:

Я довольствовался тѣмъ, что помогалъ Бецкому во всемъ, что было по моей части.

Я ему досталъ хорошаго и очень искуснаго оправщика (metteur en oeuvre), француза, по имени Ороте (Auoroté), который отлично сдѣлалъ свое дѣло. Я выбралъ между вещами все, что могло годиться на эту работу, и такъ какъ императрица сказала мнѣ, что желаетъ, чтобы эта корона осталась въ томъ же видѣ послѣ коронаціи, то я отобралъ всѣ самые большіе камни, негодящіеся на модную отдѣлку, отчасти брильянтовые, отчасти цвѣтные, что составило богатѣйшую вещь, какая только имѣется въ Европѣ.

Несмотря на всѣ предосторожности, принятыя мною, чтобы сдѣлать корону легкою и употребить только самые необходимые матеріалы, чтобы удержать камни, въ ней оказалось пять фунтовъ вѣсу.

Я примѣрилъ корону ея величеству. Екатерина сказала, что

«На четвертый день послѣ революціи,—разсказываетъ, между прочимъ, Дашкова: Бецкій просилъ свиданія съ императрицей и получилъ его. Я въ это время была одна съ Екатериною, когда онъ вошелъ и, къ общему нашему изумленію, ставъ на колѣна, умолялъ ее признаться: чьему вліянію она обязана своимъ восшествіемъ на престолъ? «Всевышнему и избранію моихъ подданныхъ», отвѣчала государыня. «Послѣ этого, сказалъ онъ съ видомъ отчаянья,—я считаю несправедливымъ носить это отличіе», причемъ онъ хотѣлъ снять Александровскую ленту съ плеча; но императрица удержала его и спросила, чего онъ хочетъ? «Я несчастнѣйшій изъ людей, продолжалъ Бецкій, когда вы не признаёте во мнѣ единственное лицо, которое приготовило вамъ корону. Не я ли возбуждалъ гвардію? Не я ли сыпалъ деньгами въ народъ?» Мы думали, продолжаетъ Дашкова, что Бецкій сошелъ съ ума, и начали-было безпокоиться; но вдругъ императрица, съ обыкновенной своей ловкостью, обративъ протестъ въ комическую сцену и превознося самохвальство генерала до высочайшей степени, сказала: «я вполнѣ признаю ваши безмѣрныя одолженія и такъ какъ я обязана вамъ вѣнцомъ, то кому же лучше, какъ не вамъ, я могу поручить приготовить его для моей коронаціи? Поэтому я полагаюсь въ этомъ дѣлѣ на вашу распорядительность, и подъ ваше начальство отдаю всѣхъ брильянтщиковъ моей имперіи». Бецкій въ восторгѣ вскочилъ и, послѣ тысячи благодарностей, поторопился убраться изъ комнаты, побѣжавъ, вѣроятно, разсказывать о наградѣ, соотвѣтственной его достоинству. Мы отъ всей души хохотали надъ этой выходкой, которая въ одно время показываетъ геніальную находчивость и ловкость Екатерины и крайнюю глупость Бецкаго». (Записки Дашковой, изд. 1859 г. стр. 70—71). Приведенный здѣсь разсказъ хорошо показываетъ, какимъ образомъ случилось, что Позье попалъ подъ начальство Бецкаго. **Ред.**

очень ею довольна, и въ теченіи четырехъ или пяти часовъ во время церемоніи, какъ-нибудь продержитъ эту тяжесть.

Государыня спросила меня: потащусь ли я тоже въ Москву на коронацію? (Elle me demanda, si je me trainerai à son courronnement à Moscou).

Я отвѣчалъ ей, что для меня будетъ величайшимъ счастіемъ имѣть честь слѣдовать за ней всюду, куда она пожелаетъ, но что прошу ее успокоить меня на счетъ того, что остался долженъ мнѣ императоръ, такъ какъ это составляетъ весьма значительную сумму по моимъ средствамъ, и друзья, дававшіе мнѣ въ кредитъ, преслѣдуютъ меня, требуя уплаты.

— «Съ вами счетъ?» спросила она.

Я подалъ его, такъ какъ онъ былъ у меня въ карманѣ.

Она сказала:—«Эта сумма довольно крупна, а денегъ очень мало въ кабинетѣ, и мнѣ тоже нужны деньги на расходы по коронаціи. Я вижу, что въ этомъ счетѣ есть вещи еще не отдѣланныя, въ которыхъ я не нуждаюсь, и которыя возвращу вамъ. На счетъ же того, что останется изъ этой суммы, вы поговорите съ Олсуфьевымъ (Alsoufief), кабинетсъ-секретаремъ, и онъ устроитъ такъ, что расплатится съ вами».

Я сказалъ, что согласенъ на все, что заблагоразсудитъ ея величество, только бы имѣть мнѣ возможность успокоить моихъ пріятелей; что охотно возьму назадъ, что́ ей угодно возвратить мнѣ, а что на счетъ всего прочаго, означу кому было дано и на что употреблено.

— «Этого я у васъ не прошу, сказала императрица; я это знаю такъ же хорошо, какъ и вы».

Я тотчасъ же отправился къ г. Олсуфьеву, которому я обѣщалъ двѣ тысячи рублей, чтобы онъ мнѣ уладилъ дѣло.

Онъ все это вписалъ въ кабинетную книгу, и обѣщалъ что каждые шесть мѣсяцевъ будетъ уплачивать мнѣ по десяти тысячъ рублей, до полнаго погашенія счетовъ, которые онъ далъ подписать императрицѣ.

Всего мнѣ слѣдовало пятьдесятъ тысячъ рублей.

Я возвратилъ моимъ корреспондентамъ большой брильянтъ, возвращенный мнѣ императрицей, такъ какъ онъ былъ у меня только на коммиссіи.

Устроивъ это дѣло, я нѣсколько успокоился, и расположился ѣхать на коронацію въ Москву.

Императрица такъ спѣшила, что не захотѣла дождаться, пока установится новый путь, что между тѣмъ много бы облегчило пріѣздъ дворянству и уменьшило бы расходы, тѣмъ болѣе что дороги были совершенно непроходимы по причинѣ большихъ дождей, размывшихъ ихъ.

Передъ отъѣздомъ императрица дала мнѣ отдѣлывать нѣсколько вещей къ коронаціи, такъ что я могъ послѣдовать за нею только недѣлю спустя *). Я просилъ велѣть выдать мнѣ бумагу по высочайшему повелѣнію на лошадей и на гвардейскаго гренадера, что внушало ко мнѣ уваженіе, чтобы мнѣ давали лошадей на станціяхъ; а на каждой было по гвардейскому офицеру, которые наблюдали, чтобы не задерживали лицъ, имѣвшихъ паспорты отъ двора. Устроивъ всѣ свои дѣла, я велѣлъ шести моимъ мастеровымъ приготовиться ѣхать со мною въ Москву, а семейство оставилъ въ Петербургѣ.

Императрица располагала оставаться въ Москвѣ не болѣе шести мѣсяцевъ.

Я помѣстился у одного моего пріятеля, жившаго не вдалекѣ отъ двора, и гдѣ мнѣ было хорошо по части общества и стола. Разстояніе отъ Петербурга до Москвы двѣсти льё я проѣхалъ въ четыре съ половиною дня.

На другой день по прибытіи моемъ въ Москву, я явился во дворецъ и представился ея величеству, у которой имѣлъ честь поцѣловать руку.

Императрица сказала мнѣ, что очень рада видѣть меня, что она весьма боялась, что я застряну по дорогѣ въ лужахъ со всѣми вещами, которыя я вручилъ ей.

— «Много еще будетъ у насъ дѣла до моей коронаціи, которая должна быть черезъ недѣлю. Завтра утромъ пріѣзжайте въ Кремль».

Кремль есть старый замокъ въ центрѣ этого большого города, гдѣ жили древніе цари, и гдѣ происходятъ всѣ коронаціи. Замокъ этотъ скорѣе похожъ на какую-нибудь бастилію, чѣмъ на императорскій дворецъ.

---

*) Екатерина отправилась на коронацію въ концѣ августа 1762 года. Торжество коронованія совершилось 22 сентября того же года. Ред.

Я долженъ былъ остаться въ Кремлѣ во все время и послѣ коронаціи. Это меня отдаляло на три добрыхъ лье отъ моей квартиры. Я каждый день заѣзжалъ четырехъ лошадей туда и назадъ.

Государыня купила у меня множество вещей, въ которыхъ нуждалась для подарковъ, а такъ какъ мнѣ платили по ея приказанію довольно исправно, то я получилъ возможность выслать деньги моимъ голландскимъ корреспондентамъ, которымъ я былъ долженъ болѣе трехъ сотъ флориновъ, не считая моихъ долговъ нѣмецкимъ моимъ корреспондентамъ, потому что отъ вельможъ я не могъ добиться ни копейки, и насилу отбивался отъ ихъ просьбъ давать имъ въ кредитъ, сколько имъ было угодно. На ея величество я жаловаться не могъ, потому что видѣлъ, какъ она сама бережетъ деньги.

Однажды я вошелъ въ комнату императрицы довольно разстроенный.

Она это замѣтила и спросила, что со мною?

Я отвѣтилъ ей, что сожалѣю, что она не окружена болѣе честными людьми.

— «Знаю, знаю, отвѣчала она: но не могу безъ этихъ людей обойтись».

Со времени ея восшествія на престолъ они выманили у меня тысячъ на десять рублей, и я не видѣлъ никакой возможности когда-нибудь получить отъ нихъ ни копейки; мало того, чтобы я не осмѣливался отказать имъ, они требовали у меня вещи именемъ ея величества, а когда получали вещи, просили не говорить ей, обѣщая заплатить.

Все это наконецъ стало выводить меня изъ терпѣнія, и я сталъ побаиваться, что все это приведетъ меня къ плохой развязкѣ, если прибавить къ тому, что императрицу три или четыре раза хотѣли свергнуть съ престола въ то короткое время, которое мы пробыли въ Москвѣ на коронаціи.

Подробности коронаціи не стану описывать.

Вскорѣ послѣ коронаціи я опасно заболѣлъ. Когда я сталъ поправляться, я пригласилъ къ себѣ г. Гассе (Gass), который именно въ это время находился въ Москвѣ и былъ мнѣ зарекомендованъ моими пріятелями, приславшими его въ Россію по своимъ денежнымъ дѣламъ. Я ему во многомъ помогалъ при ея величествѣ, потому что онъ мнѣ показался чрезвычайно смышлен-

нымъ въ торговомъ дѣлѣ. Я просилъ его потрудиться пересмотрѣть мои книги и привести ихъ въ порядокъ, такъ чтобы я могъ уяснить себѣ мое положеніе въ отношеніи къ моимъ кредиторамъ и убѣдиться, останется ли мнѣ что-нибудь, когда расплачусь. Онъ взялся это сдѣлать и исполнилъ усердно и хорошо. По истеченіи нѣсколькихъ дней, онъ подалъ мнѣ сокращенный счетъ, изъ котораго я убѣдился, что я въ состояніи справиться съ долгами; не считая всего, что мнѣ были должны знатные господа, у меня оставалось почти на двадцать восемь тысячъ рублей вещей, которыя я легко могъ превратить въ деньги, не рискуя ими, продавая ихъ въ кредитъ господамъ, что заставило меня положить себѣ, что если Богу угодно будетъ возвратить мнѣ здоровье, стараться выпутаться изъ лабиринта, въ который я попалъ. Одной минуты могло быть достаточно, чтобы отнять у меня плоды тридцатилѣтнихъ трудовъ, повергнуть семейство мое въ бѣдность и лишить друзей моихъ всего, что они мнѣ довѣрили.

Я твердо рѣшился работать и всѣми силами искать средствъ удалиться отъ дѣлъ и употребить для этой цѣли всѣ силы, какія угодно будетъ Богу мнѣ оставить, не думая о томъ, чтобы воротить три четверти моего состоянія, забранныя у меня въ долгъ вельможами, такъ какъ я хорошо зналъ здѣшній край и людей.

Пока я въ постели предавался всѣмъ этимъ размышленіямъ, прикащикъ мой принесъ мнѣ записку отъ фельдмаршала Разумовскаго, честнаго вельможи, у котораго я часто бывалъ. Записку эту принесъ молодой офицеръ ординарецъ, и въ ней фельдмаршалъ просилъ у меня на двадцать тысячъ рублей вещей: колецъ, серегъ и проч., которыя нужны ему были для одной изъ его дочерей, которую онъ выдавалъ замужъ. Я далъ ключъ отъ моей конторки прикащику и указалъ ему гдѣ найти вещи на требуемую сумму, которыя онъ передалъ молодому офицеру, не потрудившись проводить его. Я велѣлъ ему сохранить записку. Прошло три или четыре дня, а ничего не было мнѣ послано обратно. Я велѣлъ прикащику моему отправиться къ фельдмаршалу, и спросить его, оставляетъ ли онъ за собою вещи, потребованныя имъ у меня въ запискѣ. Когда-же Разумовскій прочелъ ее, онъ сказалъ: «тутъ дѣйствительно поддѣлана моя подпись, но я этого не писалъ. Узнали ли бы вы того, который принесъ эту записку?» Прикащикъ сказалъ, что узналъ бы.

— «Въ такомъ случаѣ скажите Позье, что я сдѣлаю все возможное, чтобы отъискать мошенника».

Такъ какъ онъ былъ дежурнымъ у императрицы въ качествѣ ея генералъ-адъютанта, онъ показалъ ей записку. Она казалась чрезвычайно была раздосадована и сказала, что надо во что бы то ни стало отыскать этого негодяя, и отдала приказаніе всѣмъ гвардейскимъ генераламъ сдѣлать обыски и также генералъ-полицiймейстеру. Прошло недѣли двѣ, и я все ничего не могъ узнать. По истеченіи этого времени генералъ-полицiймейстеръ самъ пріѣхалъ ко мнѣ. Я еще не могъ встать съ постели. Онъ мнѣ показалъ нѣсколько брильянтовъ въ бумажкѣ, которые хотѣли продать и принесли къ нему. Я тотчасъ же призналъ эти камни своими; я ихъ вынулъ изъ пары серегъ. Онъ просилъ меня ничего не говорить и обѣщался непремѣнно все розыскать къ слѣдующему дню. Графъ Разумовскій велѣлъ мнѣ сказать, что если я могу послать кого-нибудь, кто бы узналъ человѣка принесшаго отъ него записку, то онъ отправилъ бы этого человѣка на слѣдующее утро къ князю Волконскому (Vallonsky) подъ предлогомъ будто ему нужно съ нимъ переговорить кое-о-чемъ, потому что въ залѣ будетъ нѣсколько молодыхъ офицеровъ ординарцевъ. Далѣе фельдмаршалъ наказывалъ посланному моему, если онъ узнаетъ между ними подателя записки, то не подавать вида ни подъ какимъ предлогомъ и просить свиданія у князя Волконскаго и князю указать на виновнаго. Для большей вѣрности я вмѣстѣ съ моимъ прикащикомъ послалъ одного изъ моихъ оправщиковъ, того самаго, который чистилъ вещи, пока офицеръ ихъ дожидался и который говорилъ мнѣ, что онъ его съ разу узнаетъ. Какъ только онъ вошелъ въ залу, гдѣ засталъ человѣкъ двадцать этихъ господъ, онъ съ перваго же взгляда узналъ подателя записки, который самъ къ нимъ подошелъ и заговорилъ: «Какой это мошенникъ, который укралъ вещи у г. Позье? Желалъ бы я очень, чтобы его удалось найти». Между тѣмъ посланный исполнилъ свое порученіе къ князю точь-въ-точь какъ я его научилъ. Князь Волконскій не велѣлъ никому ничего говорить и обѣщалъ непремѣнно воротить мнѣ мои вещи.

Воръ былъ, по правдѣ говоря, его племянникъ.

Наконецъ одну за другой присылали мнѣ мои вещи, изломанныя, за исключеніемъ одного кольца, отъ котораго князь Волконскій имѣлъ низость прислать меня просить черезъ своего адъю-

танта отступиться, увѣряя, что онъ не могъ его найти и прося меня, если увижу ея величество, сказать ей, что получилъ обратно всѣ краденыя вещи. Такъ какъ это былъ человѣкъ высокаго званія, пользовавшійся большимъ значеніемъ при дворѣ, то мнѣ пришлось молчать, боясь, чтобы онъ не сдѣлалъ со мной какой-нибудь штуки *).

Все это, разумѣется, только еще болѣе утверждало меня въ рѣшеніи: во что бы то ни стало удалиться, и скорѣе питаться черствымъ хлѣбомъ, чѣмъ всю жизнь оставаться въ подобныхъ треволненіяхъ, которыя непремѣнно уложили бы меня въ могилу.

Я узналъ, что ея величество собирается уѣзжать въ Петербургъ въ началѣ мая. Она была совершенно права, что спѣшила своимъ отъѣздомъ, потому что Москва не была для нея пріятнымъ мѣстопребываніемъ, такъ какъ спустя нѣсколько дней послѣ коронаціи, тамъ составился заговоръ противъ нея, и ее едва не похитили съ постели. Къ счастію, графъ Орловъ поспѣлъ во̀ время, чтобъ предупредить это событіе: онъ удвоилъ караулъ въ Кремлѣ, узнавъ о заговорѣ отъ солдатъ, участвовавшихъ въ немъ. Но это была не единственная попытка къ сверженію ея съ престола **).

Какъ только я былъ въ состояніи выдти, и она возвратилась во дворецъ (Duroff или Dunoff?), находившійся подлѣ квартала, гдѣ я жилъ, я отправился повидать государыню, хотя я могъ ходить только согнувшись, такъ какъ у меня оказалась слабость въ поясницѣ, что мѣшало мнѣ выпрямиться. Я думалъ, что останусь въ такомъ положеніи на всю жизнь; это продолжалось пять мѣсяцевъ.

Когда добрая государыня увидала меня, она сказала:

— «Я очень сожалѣю, Позье, о вашей болѣзни и кражѣ, которой вы подверглись. Получили ли вы всѣ ваши вещи обратно?»

Я долженъ былъ объявить, что получилъ, поблагодарилъ ее за доброту и приказаніе, данное по этому дѣлу, и объявилъ ей, что пришелъ просить у нея позволенія возвратиться съ ней къ моему семейству въ Петербургъ.

---

*) Кн. Михаилъ Никитичъ Волконскій, генералъ-аншефъ, 1713 † 1789 г.

**) Это извѣстный заговоръ Хитрова и Рославлева, сподвижниковъ дня 28 іюня 1762 г., ему нѣсколько предшествовалъ отдѣльный отъ него замыселъ въ Спб. трехъ братьевъ, офицеровъ Гурьевыхъ и двухъ Хрущевыхъ.
Ред.

— «Я бы и сама рада быть уже тамъ, отвѣчала она мнѣ: но не могу не остаться до мая мѣсяца *). Вы меня обяжете, если останетесь до этого времени. Мнѣ нужно отдѣлать одинъ андреевскій орденъ, который хочу послать графу Понятовскому. Я бы желала, чтобы орденъ былъ весь въ брильянтахъ со звѣздою, цѣною въ три тысячи рублей. Не можете ли сдѣлать это изъ вашихъ собственныхъ камней?».

Я отвѣчалъ, что сдѣлаю все возможное, чтобы угодить ей, но что, такъ какъ у меня нѣтъ подходящаго подбора изъ брильянтовъ, я долженъ буду собирать камни по рукамъ, и что если я могъ быть увѣренъ, что по сдачѣ работы она будетъ ею довольна и уплатою не будетъ замедлено, я ручаюсь, что исполню ея желаніе.

Императрица обнадежила меня.

Я, возвратившись домой, немедленно велѣлъ приступить къ дѣлу. Черезъ двѣ недѣли работа была готова. Въ девять часовъ вечера я отправился во дворецъ сдать ее, зная, что въ этотъ часъ государыня удаляется въ свою комнату писать и остается одна.

Я спросилъ горничную, тамъ ли государыня?

Горничная отвѣтила мнѣ, что при ней только камергеръ Бецкій.

Я зналъ, что это лицо не подозрительное. Я сказалъ горничной, чтобы она потрудилась доложить ея величеству, что я пришелъ и имѣю нѣчто передать ей.

Императрица велѣла меня позвать.

Какъ только она увидала меня, она сказала:

— «Ахъ, это вы, Позье; принесли ли вы мнѣ мой андреевскій орденъ?»

Я отвѣтилъ, что принесъ.

— «Вы явились весьма кстати; я какъ разъ занимаюсь съ камергеромъ приготовленіями депешъ, которыя я хочу отправить къ графу Понятовскому вмѣстѣ съ орденомъ».

Орденъ она нашла великолѣпнымъ и объявила мнѣ, что вполнѣ довольна.

---

*) Екатерина, 13 мая 1763 г., совершила путешествіе изъ Москвы въ Ростовъ на поклоненіе мощамъ св. Дмитрія и только 29 мая вернулась въ Москву, откуда въ іюнѣ выѣхала въ Санктпетербургъ. Ред.

Камергеръ Бецкій (Bestky) тоже не забылъ дать мнѣ множество galbaum (?).

— «Надо и вамъ дать работу; помогите намъ разложить вотъ эти дукаты по сверткамъ. Можете сѣсть къ этому столу. Ваша поясница не позволяетъ вамъ долго стоять на ногахъ».

Бецкому не безъизвѣстно было, что я прежде былъ коротко знакомъ съ графомъ Понятовскимъ. Онъ это зналъ изъ разныхъ анекдотовъ, случившихся съ графомъ въ царствованіе покойной императрицы. Когда графу велѣно было выѣхать изъ Россіи въ двадцать четыре часа, Понятовскій поручилъ мнѣ заплатить долги его и отправить къ нему его вещи въ Варшаву.

По множеству дукатовъ, которые императрица укладывала и по секрету, въ которомъ держала она все это дѣло, я заключилъ, что у нея какой-нибудь тайный замыселъ, что впослѣдствіи и оправдалось, такъ какъ, по ея милости, Понятовскій вступилъ на польскій престолъ.

Молодому барону Ашу (De-Asche), моему хорошему пріятелю, Екатерина поручила везти этотъ богатый подарокъ къ русскому посланнику въ Варшавѣ графу Кейзерлингу, при которомъ баронъ состоялъ секретаремъ. Когда мы все уложили, она послала за барономъ и вручила ему депеши въ моемъ присутствіи, наказывая ему не застрять по грязнымъ дорогамъ и не терять времени.

Я поцѣловалъ у императрицы руку и просилъ не забывать меня на счетъ суммы, слѣдуемой за орденъ, такъ какъ я принужденъ платить за брильянты наличными деньгами лицамъ, отъ которыхъ я ихъ досталъ. Она сказала, что поручитъ господину Бецкому распорядиться этимъ.

Подходило время ея отъѣзда въ Петербургъ, и я, не безъ причины, боялся, какъ бы эта сумма не запоздала, что разстроило бы весь мой планъ. Къ несчастію мнѣ пришлось опять слечь въ постель отъ боли въ поясницѣ. Это было тѣмъ прискорбнѣе, что мѣшало мнѣ лично слѣдить за моими дѣлами. Прикащикъ мой не могъ добиться аудіенціи отъ лицъ, къ которымъ я его посылалъ. Единственно, что я еще могъ сдѣлать, это продиктовать ему нѣсколько записокъ къ камергеру Бецкому съ просьбою напомнить ея величеству объ уплатѣ слѣдуемой мнѣ суммы, которую она обѣщала мнѣ въ его присутствіи.

Онъ мнѣ въ отвѣтъ написалъ, что невозможно выдать мнѣ этой суммы до пріѣзда въ Петербургъ, такъ какъ въ кабинетѣ едва хватаетъ денегъ на дорогу. Пришлось покориться и уговорить моихъ московскихъ кредиторовъ, чтобы они подождали. Мнѣ крайне прискорбно было видѣть, что императрица уѣхала прежде меня, но я не былъ въ состояніи переносить движенія кареты и боялся, что выйдетъ задержка въ почтовыхъ лошадяхъ послѣ проѣзда императрицы, такъ какъ отзывали всѣхъ гвардейскихъ офицеровъ со станцій и распускали крестьянъ съ ихъ лошадьми. Это сильно бы задержало меня: вмѣсто пяти дней, мнѣ понадобилось бы ихъ пятнадцать, и то съ большой опасностью отъ воровъ. Все это заставило меня, вопреки совѣтамъ докторовъ и моимъ страданіямъ, рѣшиться выѣхать два дня спустя по выѣздѣ ея величества. Я приказалъ людямъ моимъ быть въ готовности и написалъ г. Олсуфьеву выслать мнѣ восемь лошадей для двухъ каретъ. Крѣпко подтянувшись ремнемъ, я велѣлъ нести себя въ карету, гдѣ сначала было мнѣ лучше, чѣмъ въ постели и на пятый день по выѣздѣ, пріѣхали въ Петербургъ безъ всякихъ приключеній и безъ особенныхъ болей. Жена моя нашла меня скорченнымъ и сильно исхудавшимъ. Обнявъ ее и дѣтей, которыхъ я почти уже не надѣялся увидѣть, я не потерялъ надежду удалиться на родину.

Я писалъ еще прежде къ другу моему г. Де-Карро изъ Москвы во время болѣзни, прося его доставить мнѣ свѣдѣнія, какъ мнѣ можно будетъ существовать при буржуазномъ образѣ жизни, и какая сумма потребуется, чтобы прожить въ Женевѣ съ пятью дѣтьми? Я получилъ отъ него отвѣтъ спустя нѣсколько дней послѣ моего пріѣзда въ Петербургъ. Убѣдившись, что я могу увезти съ собой нѣсколько болѣе, чѣмъ я думалъ, я уже не терялъ изъ вида моего плана и работалъ надъ нимъ, никому о немъ не говоря, кромѣ г. Гессе, котораго я просилъ помедлить нѣсколько мѣсяцевъ своимъ отъѣздомъ. Я сообщилъ ему мое намѣреніе. Онъ вполнѣ одобрилъ его, и я поручилъ ему заказать двѣ кареты, годныя для такого долгаго пути, съ полозьями для ѣзды по снѣгу и хорошими колесами, съ удобнымъ помѣщеніемъ, куда бы можно было положить порядочной запасъ провизіи.

Самъ же я принялся усердно, исключительно съ этой цѣлью, обработывать свой планъ отъѣзда, чувствуя, что могу имѣть ус-

пѣхъ, и что, хотя я отступаюсь отъ трехъ четвертей моего состоянія, не считая трудовъ и уловокъ, которые понадобятся, чтобы добиться своего; но ничто это меня не пугало, только бы Богъ далъ мнѣ достаточно силы, чтобы выдержать все это. Одна сумма, которую мнѣ слѣдовало получить за андреевскій орденъ отъ ея величества, могла быть мнѣ препятствіемъ, если бы замедлили выдать мнѣ ее. Вотъ почему, чтобы добиться этихъ денегъ, я намѣревался пожертвовать всѣмъ барышомъ, который я бы могъ получить отъ этой работы, сообразивъ, что хлопоты могутъ мнѣ стоить тоже.

Я отправился къ камергеру Бецкому, которому объяснилъ, какой убытокъ я терплю отъ замедленія этой уплаты и просилъ его принять въ этомъ дѣлѣ участіе. Я ему сказалъ, что пожертвую тысячу рублей на воспитательный домъ (L'hopital des enfants trouvés), проектъ котораго онъ составилъ, и котораго директоромъ, по назначенію императрицы, былъ сдѣланъ самъ Бецкій. Я замѣтилъ, что это его сильно подзадорило.

Бецкій обѣщалъ мнѣ поговорить съ императрицей въ тотъ же день, и просилъ меня въ тотъ же вечеръ завернуть къ нему, что я и непреминулъ сдѣлать.

Онъ объявилъ, что ея величество сказала, что надо обратиться къ Олсуфьеву и посмотрѣть, не можетъ ли онъ найти денегъ въ какихъ-нибудь коллегіяхъ, чтобы мнѣ заплатить, и чтобы я самъ отправился къ Олсуфьеву съ просьбою выдать деньги. Я зналъ, что Олсуфьевъ ничего не сдѣлаетъ, если не обѣщать ему хорошихъ денегъ, поэтому прямо предложилъ ему двѣ тысячи рублей для него самого, если онъ найдетъ средство достать мнѣ эту сумму *).

Олсуфьевъ отвѣчалъ мнѣ, что могу быть увѣренъ, что онъ отъ всей души приметъ въ моемъ дѣлѣ участіе, и что, если я могу вечеромъ явиться въ большую дворцовую залу на маскарадъ, онъ мнѣ дастъ отвѣтъ. Онъ указалъ мнѣ на какомъ мѣстѣ я его найду и сказалъ въ какомъ костюмѣ онъ будетъ. Часамъ къ шести вечера я отправился туда замаскированный и дѣй-

---

*) Адамъ Васильевичъ Олсуфьевъ, дѣйств. тайн. сов. и статсъ-секретарь, управлялъ собственною канцеляріею Екатерины II и пользовался особенною ея довѣренностью. † 1784 г. Ред.

ствительно нашелъ его на указанномъ мѣстѣ. Какъ только онъ увидѣлъ меня, онъ пошелъ ко мнѣ на встрѣчу и сказалъ:

— «Ваше дѣло сдѣлано. Я объявилъ ея величеству, что могу достать эту сумму, изъ коллегіи финансовъ (collège de la monnaie), но мѣдными деньгами. Она мнѣ передала вашъ счетъ и подписала его. Приходите завтра поутру ко мнѣ, я вамъ дамъ записку на полученіе денегъ».

Хотя это было для меня хорошимъ извѣстіемъ, но мнѣ непріятно было получить деньги мѣдью уже потому, что на нихъ долженъ былъ потерять 5 проц. при размѣнѣ на векселя въ Голландію (papiers de Hollande).

Я расплатился съ моими московскими кредиторами деньгами, которыя мнѣ удалось получить отъ нѣкоторыхъ наиболѣе честныхъ вельможъ и отъ мелкихъ вещей, проданныхъ мною императрицѣ.

Когда я нѣсколько поосвободился съ этой стороны, я провѣрилъ, сколько я еще долженъ моимъ заграничнымъ пріятелямъ, что составляло только половину долга мнѣ со стороны вельможъ, и убѣдился, что въ крайнемъ случаѣ могу расплатиться двумя остальными третями, которыя еще приходилось получить изъ кабинета въ счетъ долга покойнаго императора, который былъ имъ подписанъ, не касаясь суммы, которую я намѣревался отложить на жизнь въ Швейцаріи, если Богу угодно было бы дозволить мнѣ возвратиться на родину.

Ободренный этими соображеніями, я сталъ дожидаться благопріятнаго случая, чтобы на свободѣ переговорить съ императрицей и просить у нея позволенія съѣздить заграницу на шесть мѣсяцевъ для здоровья и приведенія въ порядокъ дѣлъ моихъ съ моими корреспондентами, чтобы этимъ получить возможность, по возвращеніи моемъ, лучше служить ей. Случай къ тому не замедлилъ представиться.

Я имѣлъ счастье застать императрицу одну въ ея комнатѣ и сказалъ ей все, что я сейчасъ написалъ, не упоминая о моемъ семействѣ.

Она весьма милостиво отвѣчала мнѣ, что если это путешествіе необходимо для возстановленія моего здоровья, и если я обѣщаю ей въ скоромъ времени возвратиться, то она не откажетъ мнѣ въ моей просьбѣ.

— «А скоро ли вы собираетесь ѣхать?»

— «Такъ скоро, какъ только будетъ мнѣ возможно, ваше величество, и доктора говорятъ, что мнѣ не слѣдуетъ медлить отъѣздомъ на воды въ Спа, которыя будутъ для меня цѣлительны».

Я воротился домой вполнѣ довольный этимъ началомъ. Тогда только я сообщилъ о моемъ намѣреніи женѣ моей, и сказалъ ей, что она вѣрно сама замѣчаетъ, что состояніе здоровья моего не позволяетъ мнѣ болѣе ни работать, ни переносить непріятности, которымъ я безпрестанно подвергаюсь, съ опасностью сверхъ того потерять остатокъ всего, что я собиралъ тридцатью годами труда; что ей долженъ быть извѣстенъ мой образъ мыслей на счетъ ея и нашихъ дѣтей, такъ какъ она уже столько разъ имѣла въ томъ доказательство, и что я надѣюсь, что Богъ, по милости своей, дозволитъ мнѣ воспитать ихъ на деньги, оставшіяся мнѣ, такъ чтобы они когда-нибудь имѣли возможность честнымъ образомъ заработать себѣ кусокъ хлѣба съ помощью того, что я имъ оставилъ, да еще обезпечить и ее, если Богъ призоветъ меня къ себѣ. «Ваша дружба ко мнѣ заставляетъ меня надѣяться, что вы не доставите мнѣ огорченія полагать, что вы не одинаковаго со мною мнѣнія, такъ какъ я не имѣю другой цѣли, кромѣ вашего блага и пользы нашихъ дѣтей; и такъ, помогите же мнѣ, чтобы я не изнемогъ, чтобы я не палъ подъ бременемъ превратности, которое еще предстоитъ мнѣ претерпѣть, чтобы достичь цѣли, мною себѣ поставленную; приготовьте все, что нужно, чтобы прилично одѣть нашихъ дѣтей на столь долгое путешествіе. Закажите нѣсколько сундуковъ, уложите въ нихъ бѣлье и платье и все, что у насъ есть лучшаго. Можно будетъ ихъ отправить моремъ въ Любекъ, а оттуда я распоряжусь, чтобы ихъ послали на возахъ въ Женеву. Но нужно все это дѣлать потихоньку, чтобы даже слуги объ этомъ не знали. Не выносите изъ дома ничего, изъ мебели, чтобы не дать поводъ заподозрить, что мы не намѣрены возвратиться. Я оставляю здѣсь Матюи и Ваутаха; пусть они вступятъ въ компанію и остаются въ домѣ въ такомъ видѣ, какъ онъ есть; съ ними я заключу тайный договоръ, чтобы всѣ думали, что я возвращусь, и предоставляю имъ продолжать дѣло на ихъ собственный счетъ. Я объ этомъ ужъ списался съ моими корреспондентами».

Сдѣлавъ все, что я считалъ своей обязанностью сдѣлать по части приготовленія къ дорогѣ, я постарался найти средство поговорить съ императрицей частнымъ образомъ.

Я отправился во дворецъ въ такой часъ, въ который надѣялся застать ея одну. Я взялъ съ собой портретъ, осыпанный брильянтами, который она мнѣ заказала для графа Morris, посланника вѣнскаго двора, на восемь тысячъ рублей.

Она очень похвалила работу. Я воспользовался минутой и сказалъ ей, что эти деньги были бы мнѣ крайне кстати на дорогу, такъ какъ я почти безъ денегъ, и еще попросилъ ее соблаговолить выдать мнѣ собственноручную записку на полученіе отъ вице-канцлера Голицына такого паспорта, какого я отъ него пожелаю и позволить себя титуловать въ паспортѣ ея ювелиромъ, что избавило бы меня отъ многихъ задержекъ и придирокъ со стороны Сената, если мнѣ пришлось бы обратиться къ нему.

— «Видно надо сдѣлать по вашему, сказала она: ступайте, принесите мнѣ чернильницу и вонъ ту бумагу».

Я поставилъ чернильницу и положилъ бумагу передъ ней.

Она мнѣ дала записку къ вице-канцлеру и написала другую записку г. Олсуфьеву, которому приказала выдать мнѣ восемь тысячъ за портретъ.

— «Вотъ и другая; довольны ли вы мною, спросила она. Кажется все для васъ дѣлаю. Думаете ли вы быть въ Парижѣ проѣздомъ?

Я отвѣтилъ, что надѣюсь увидать Женеву, родину мою, и будучи такъ близко отъ Парижа, я не премину проѣхать туда.

— «Ну такъ я вамъ дамъ двѣ медали съ моимъ портретомъ; одну вы отдадите отъ моего имени г. Даламберу, а другую г. Де-Вольтеру, женевскому гражданину. Желаю вамъ добраго пути и скораго возвращенія».

Я простился съ нею, цѣлуя у нея руку и благодаря за всѣ ея милости.

Я не могъ удержаться отъ слезъ и только съ трудомъ могъ скрыть ихъ прежде, чѣмъ вышелъ изъ комнаты.

Я тотчасъ же отправился къ вице-канцлеру князю Голицыну (Galizin), которому вручилъ записку. Онъ мнѣ сказалъ:

— «Ужъ если вы разъ выберетесь отсюда, вы уже не возвратитесь».

Я отвѣчалъ ему, что оставляю все мое имущество и имущество моихъ пріятелей въ рукахъ вельможъ, и что по этому нечего бояться, чтобы я не воротился, развѣ только если постигнетъ меня смерть.

— Какой же вы хотите паспортъ?

— «Прошу ваше сіятельство включить въ него жену мою и дѣтей, которыхъ я везу въ Ливонію къ ея сестрѣ и которыхъ я разсчитываю захватить на возвратномъ пути».

Еще сообщилъ я ему, что ея величество даетъ мнѣ отпускъ на шесть мѣсяцевъ, съ титуломъ ея ювелира, что и просилъ я его включить въ паспортъ, и объявилъ, что, оставивъ двухъ прикащиковъ у себя дома, для того, чтобы исполнять заказы ея величества до моего возвращенія, я надѣюсь, что паспортъ мнѣ будетъ выданъ немедленно по приказанію ея величества, съ которой я уже простился.

Князь Голицынъ отвѣчалъ, что пришлетъ паспортъ ко мнѣ съ секретаремъ, что и сдѣлалъ въ тотъ же день, но опустилъ титулъ ювелира ея величества. Я возвратилъ паспортъ и поручилъ сказать ему, что такъ какъ ея величество приказала вставить этотъ титулъ, то я буду въ необходимости жаловаться ей, если мнѣ паспортъ не будетъ высланъ такой, какой я желаю. Послѣ того я уже ни о чемъ не думалъ, какъ о приготовленіяхъ къ скорѣйшему отъѣзду.

4-го января 1764 года я отправилъ жену и дѣтей моихъ, велѣвъ имъ дожидаться меня въ шести льё отъ города у одного моего пріятеля, у котораго была ситцевая фабрика, у самой дороги, по которой мнѣ приходилось проѣхать съ г. Гессе. Я разсчитывалъ самъ пріѣхать къ нимъ къ вечеру, только цѣлый день долженъ былъ провозиться съ прикащикомъ. Въ два часа по полуночи у меня дѣло еще не было кончено и домъ былъ полонъ народа.

Я понялъ, что всегда такъ будетъ, если я стану медлить отъѣздомъ, что нужно рѣшиться и оставить все на произволъ судьбы.

Я велѣлъ кучеру приготовить карету, заперся на минуту въ своемъ кабинетѣ, чтобы ввѣрить себя благости Владыки су-

небъ моихъ, и вышелъ оттуда прямо въ карету. Я обнялъ всѣхъ моихъ друзей, простился со всѣми моими слугами, которые плакали такъ, что надрывали мнѣ сердце, и пріѣхалъ къ семейству моему только въ шесть часовъ утра. Мои очень мнѣ обрадовались. Я часа два отдохнулъ, потомъ мы закусили; намъ приготовилъ завтракъ пріятель нашъ. Этимъ временемъ я велѣлъ закладывать карету и, простившись съ нашими пріятелями, выѣхали въ десять часовъ утра.

Не стану описывать нашего путешествія, которое, несмотря на всѣ предосторожности, принятыя мною, было весьма тяжело и стоило мнѣ много денегъ и заботъ; дочери мои описали его. Какъ только мы пріѣхали на границу Пруссіи, я брильянтомъ написалъ на оконномъ стеклѣ гостинницы: «Après trente ans de larmes, de peines et travaux, je vais chercher un lieu, où je puisse en repos prier l'Etre Suprême d'y adoucir mes maux».

Въ мартѣ мѣсяцѣ (1764 г.) мы пріѣхали въ Женеву, гдѣ я остановился у пріятеля моего, капитана де-Карро, которому я писалъ съ дороги къ какому времени приблизительно я думаю пріѣхать. Онъ приготовилъ мнѣ помѣщеніе въ своемъ домѣ.

Я благодарилъ Бога за милость его, дозволившаго увидѣть мою родину мнѣ и семейству моему, и не переставалъ молить его оказать мнѣ еще и ту милость, чтобы я передъ смертью зналъ, что всѣ мои счастливы и довольны судьбой своей, занимаются работой и извлекаютъ пользу изъ попеченій прилагаемыхъ мною, и что они могутъ честнымъ образомъ заработывать себѣ кусокъ хлѣба при помощи того, что я имъ оставилъ *).

Сообщ. академикъ А. А. Куникъ.

---

*) Какъ видно изъ завѣщанія Позье, находящагося въ концѣ его записокъ, и которое мы не находимъ нужнымъ переводить, бывшій брильянщикъ русскаго двора жилъ на родинѣ вполнѣ обезпеченнымъ. Онъ имѣлъ свой домъ, отдавалъ квартиры въ наемъ, и имѣлъ большія суммы денегъ, которыя и завѣщалъ многочисленнымъ членамъ своей фамиліи и разнымъ общественнымъ учрежденіямъ въ Женевѣ. Ред.

ПЕТЕРБУРГЪ ВЪ 1781—1782 гг.

Письма Пикара къ князю А. В. Куракину.

(переводъ съ французск. подлинниковъ).

«Цесаревичъ, великій князь Павелъ Петровичъ со второю супругою своею предприняли въ 1781 году, осенью, продолжительное путешествіе въ Западную Европу. Въ свитѣ ихъ высочествъ находились самыя приближенныя къ нимъ лица, а именно: воспитатель августѣйшихъ дѣтей ихъ высочествъ, фельдмаршалъ,—тогда еще генералъ-аншефъ—кн. Николай Ивановичъ Салтыковъ съ супругою, любимыя фрейлины в. к. Маріи Ѳедоровны, Нелидова и Борщова, камеръ-юнкеръ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Вадковскій и камергеры: князья Николай Борисовичъ Юсуповъ и Александръ Борисовичъ Куракинъ. Цесаревичъ и цесаревна, со свитою своею выѣхали изъ Царскаго Села, 19-го сентября 1781 г., направившись на Псковъ, Могилевъ, Кіевъ и Волынь къ польской границѣ, въ нынѣшней Галиціи. Въ Вишневцѣ встрѣчалъ ихъ высочества польскій король и устроились въ честь высокихъ путешественниковъ пышные пиры. Здѣсь великій князь и супруга его приняли инкогнито, назвавшись графомъ и графинею сѣверными. Подъ этимъ уже именемъ совершали они дальнѣйшее путешествіе по Европѣ, окончившееся съ возвращеніемъ въ Петербургъ, черезъ Красное Село, 20-го ноября 1782 года.

Во все время этого странствованія съ высокими путешественниками, кн. А. Б. Куракинъ получалъ изъ Петербурга письма отъ оставленнаго въ домѣ, бывшаго его гувернера Пикара. Этотъ словоохотливый французъ передавалъ бумагѣ всякаго рода слухи о современныхъ новостяхъ и явленіяхъ столичной жизни, иногда сообщая очень интересные факты и изъ другихъ сферъ, неизвѣстные и безъ его писемъ исчезнувшіе бы для потомства. Но, какъ сообщатель слуховъ и словесныхъ разсказовъ, онъ, конечно, могъ не иначе получать извѣстія, какъ въ видѣ не всегда точномъ. Всѣ замѣченныя неточности, какъ бы они иногда ни были незначительны, тщательно оговорены и исправлены въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ къ письмамъ».

Къ приведеннымъ выше строкамъ П. Н. Петрова, которому принадлежатъ и примѣчанія къ письмамъ, мы должны добавить, что письма Пикара, несмотря на то, что они набрасывались наскоро, подъ живымъ впечатлѣніемъ только-что подслушаннаго или подмѣченнаго—составляютъ довольно живую и, во всякомъ случаѣ, интересную картину будничной и праздничной жизни высшаго петербургскаго общества за время самое блестящее въ екатерининскомъ царствованіи. Въ самомъ дѣлѣ, въ 1781—1782 гг. петербургское общество, гордое внѣшнимъ политическимъ могуществомъ Россіи, обновленное притокомъ какъ изъ-за рубежей отечества, такъ и изъ внутри его — лучшихъ, образованнѣйшихъ людей — предавалось шумной, роскошной, блестящей жизни. Всякаго рода удовольствія перемежались торжествами, вызванными тѣми или другими событіями, заключались блестящіе брачные союзы, и проч. и проч. А тутъ правительство изда-

вало свои знаменитые указы, касавшіеся обновленія разныхъ сторонъ общественной жизни или государственнаго строя, либо имѣвшіе въ виду уврачеваніе тѣхъ или другихъ язвъ, снѣдавшихъ Россію; на ряду съ дѣятельностью просвѣщенной государыни — не спало и общество: русская литература и наука болѣе и болѣе развивались. И вотъ все-то это замѣчаетъ Пикаръ, и мѣшая важное съ неважнымъ, дѣло съ бездѣльемъ—спѣшитъ занести видѣнное и слышанное въ донесенія свои бывшему питомцу. Такимъ образомъ, всѣ явленія, мало-мальски выступавшія изъ обыденной жизни тогдашняго петербургскаго общества, отмѣчены Пикаромъ: тутъ и свадьбы, и крестины, и балы, и поздравительные стихи, и указы, и учрежденія, и постановка на сцену Недоросля Фонвизина, и открытіе памятника Петру Великому, словомъ все, что только занимало и наполняло жизнь русскаго общества въ Петербургѣ почти сто лѣтъ назадъ отъ настоящаго времени. Составляя такимъ образомъ довольно важный матеріалъ для исторіи русскаго общества за прошлое столѣтіе, письма Пикара являются незамѣнимымъ источникомъ и для исторіи русскаго театра: въ донесеніяхъ нашего француза-гувернера читатель найдетъ самыя обстоятельныя указанія на всѣ игранныя въ Петербургѣ въ 1781—1782 гг. пьесы.

Мы представляемъ письма Пикара въ переводѣ съ французскихъ, неизданныхъ подлинниковъ, сохранившихся въ обширномъ и богатомъ семейномъ архивѣ барона Михаила Николаевича Сердобина,— и имъ весьма обязательно предоставленныхъ „Русской Старинѣ" вмѣстѣ со многими десятками томовъ любопытныхъ матеріаловъ къ русской исторіи конца XVIII и начала XIX столѣтій.

Что касается собственно подлинниковъ донесеній Пикара,— замѣнявшихъ Куракину газеты изъ отечества, то мы не считаемъ нужнымъ ихъ печатать, находя вполнѣ достаточнымъ ограничиться помѣщеніемъ переводовъ; такимъ образомъ мы сберегаемъ въ нашемъ изданіи мѣсто и тѣмъ доставляемъ себѣ возможность представить нашимъ читателямъ и другіе, не менѣе интересные матеріалы. Такого рода правила, кстати сказать, мы намѣрены держаться и впредь, т.-е. переводъ каждаго документа, написаннаго на иностранномъ языкѣ, только тогда будетъ помѣщаться въ „Русской Старинѣ" — вмѣстѣ съ подлинникомъ, когда онъ принадлежитъ перу высокостоявшаго лица, игравшаго значительную роль въ общественной или политической жизни нашего отечества, или въ сферѣ литературной и научной дѣятельности, или наконецъ почему-либо особенно характеристичный... За этими оговорками переходя къ самымъ письмамъ Пикара, мы прежде всего считаемъ пріятною обязанностью засвидѣтельствовать за ихъ сообщеніе нашу искреннюю признательность Барону М. Н. Сердобину. Ред.

I.

Петербургъ, 12 октября 1781 г.

Страсть къ путешествіямъ до того развилась между здѣшнею молодежью, что каждый день слышишь объ отъѣзжающихъ

и возвратившихся. Такъ, между прочими, слышно о г-нѣ Самойловѣ [1]) и о генералъ-майорѣ князѣ Вяземскомъ [2]). Первый, недавно вернувшійся изъ-заграницы, обращаетъ на себя вниманіе принятой имъ новой модой подбивать мундиръ не саржей, а полусукномъ. Мода эта вовсе неправится благоразумнымъ офицерамъ, такъ какъ мундиръ обходится на треть дороже и не придаетъ ему ни щегольства, ни прочности; второй же только-что получилъ разрѣшеніе путешествовать три года и вмѣстѣ съ тѣмъ ея величество на все это время сохранила ему содержаніе. Гвардейскій офицеръ г. Анрепъ также нѣсколько дней тому назадъ отправился въ Голландію, гдѣ онъ въ Лейденскомъ университетѣ намѣренъ слушать лекціи.

Трехлѣтній срокъ, послѣ котораго судьи въ каждой губерніи должны быть вновь избираемы, миновалъ нынѣ для Тверской губерніи. Генералъ-майоръ Павелъ Сергѣевичъ Потемкинъ назначенъ предсѣдательствовать на новыхъ выборахъ, что ничего не предвѣщаетъ для будущаго, но что вѣроятно не очень-то пріятно г. Тутолмину, которому, какъ губернатору, слѣдовало бы получить эту должность за отсутствіемъ графа Брюса.

Нейтральный посолъ наконецъ достигъ главной цѣли своихъ переговоровъ и своего пребыванія въ этой столицѣ. Ему обѣщана княжна Т..., и 4-го числа родители ея представлялись по этому случаю ея императорскому величеству для изъявленія своей благодарности.

Графъ Панинъ совершенно оправился отъ вторичной болѣзни. Рожа на его ногѣ разошлась и онъ въ скоромъ времени будетъ въ состояніи встать съ постели, къ которой еще приковываетъ его сильная слабость.

Въ прошлое воскресенье [3]) было открытіе новаго театра, построеннаго противъ Лѣтняго сада на томъ же мѣстѣ, гдѣ стоялъ нѣмецкій театръ, представленіемъ русской трагедіи. Театръ построенъ въ новомъ родѣ, совершенно еще неизвѣстномъ въ здѣшнемъ краѣ. Сцена очень высока и обширна, а зала,

---

[1]) Александръ Николаевичъ, впослѣдствіи генералъ-прокуроръ.

[2]) Князь Андрей Ивановичъ.

[3]) Т.-е. 10 октября 1781 г. Подъ этимъ числомъ ничего не записано въ современныхъ оффиціальныхъ извѣстіяхъ и замѣткахъ о происходившемъ въ столицѣ.

предназначенная для зрителей, образуетъ три четверти круга. Ложъ неимѣется, но кромѣ паркета и партера со скамейками, сдѣланъ трехъярусный балконъ, возвышающійся одинъ надъ другимъ и окружающій залу безъ всякихъ промежутковъ. Живопись очень красива и видъ весьма хорошъ, когда, при входѣ, видишь зрителей, сидящихъ, какъ въ древности, амфитеатрально. Кромѣ главнаго подъѣзда сдѣланы еще шесть выходовъ, весьма просторныхъ и такъ устроенныхъ, что въ случаѣ пожара, публика можетъ выдти въ нѣсколько минутъ. Всѣ весьма довольны этимъ изящнымъ и помѣстительнымъ новымъ увеселительнымъ зданіемъ, которымъ они обязаны генералу Бецкому.

Директоръ театра, по неосторожности разрѣшившій актерамъ въ пьесѣ «Сибирякъ» нарядиться въ русскіе мундиры, получилъ за это выговоръ съ повелѣніемъ отнюдь имъ этого недозволять, въ какомъ бы то ни было представленіи.

По особому указу ея императорскаго величества отъ 2-го числа сего мѣсяца, крымскій ханъ, изъявившій желаніе вступить въ службу ея величества, зачисленъ капитаномъ лейбъгвардіи Преображенскаго полка.

Дѣло, которое такъ долго удерживало здѣсь графа Вахтмейстера и которое вамъ извѣстно по сенату, на-дняхъ рѣшено высшею инстанціею. Ея величество уничтожила приговоръ этого судилища, состоявшагося въ пользу графа, и рѣшеніе это привело его въ самое отчаянное положеніе.

II.

Петербургъ, 19 октября 1781 г.

Въ послѣдній четвергъ [1]) былъ при дворѣ парадный балъ. Ея величество не выходила въ этотъ день изъ своихъ покоевъ, послала вмѣсто себя маленькихъ великихъ князей. Балъ начался при входѣ ихъ высочествъ и они пробыли на немъ довольно долго [2]).

Кромѣ обычныхъ трехъ еженедѣльныхъ представленій, въ новомъ театрѣ близъ Лѣтняго сада, будетъ еще четвертое. Та-

[1]) Октября 14-го, день рожденія великой княгини (впослѣдствіи императрицы) Маріи Θедоровны.

[2]) Придворный балъ 14 октября описанъ въ № 85 Спб. Вѣдомостей 1781 г. (22 октября).

кое количество этихъ представленій причиняетъ имъ обоюдный вредъ, такъ какъ бóльшая часть дворянъ должна быть по вечерамъ при дворѣ, и поэтому каждодневныя представленія постоянно будутъ пусты.

Эрмитажъ продолжается по четвергамъ и даже по воскресеньямъ; но городскія дамы на немъ не бываютъ, а только однѣ фрейлины и особо назначаемые кавалеры.

Голландскій флотъ подъ командою адмирала Зутмана, нагруженный большею частію сахаромъ и кофеемъ для Петербурга, послѣ одержанной надъ англичанами побѣды [1]), принужденъ былъ вернуться въ свои порты, отчего дороговизна на эти два продукта здѣсь неимовѣрная, особенно на кофе, который продается по 60 коп. за фунтъ. Это возвышеніе цѣны на товаръ, сдѣлавшійся почти для всѣхъ необходимою потребностью, произвело непріятное впечатлѣніе. Купцы притомъ увѣряютъ, что если онъ не подвезется въ скоромъ времени, то они даже принуждены будутъ продавать его по рублю и дороже.

Князь Репнинъ [2]) прибылъ сюда на этихъ дняхъ и намѣренъ черезъ двѣ или три недѣли возвратиться въ Смоленскъ.

Генералъ Браницкій [3]) сегодня обѣдаетъ во дворцѣ маршала Разумовскаго.

Я въ отчаяніи, князь, что не имѣю сообщить вамъ болѣе любопытныхъ новостей, но, признаюсь, какъ я ни старался собрать что-нибудь васъ интересующее, никакъ не могъ успѣть въ томъ. Про политику съ вами говорить нестóитъ, такъ какъ вы все болѣе и болѣе приближаетесь къ кругу политическихъ событій, которыя доходятъ до насъ гораздо позже. Если бы я зналъ настолько русскій языкъ, чтобы составить выписку изъ содержанія вновь вышедшихъ русскихъ книгъ [4]), я бы непремѣнно вамъ ее прислалъ; но не имѣя даже возможности про-

---

[1]) Августа 5-го, въ Нѣмецкомъ морѣ, по выходѣ изъ Зунда. Англійскій вице-адмиралъ Гейдъ-Паркеръ напалъ первый на голландцевъ и потерпѣлъ отъ стойкихъ и рѣшительныхъ непріятелей, при равныхъ силахъ, пораженіе.

[2]) Николай Васильевичъ.

[3]) Францъ-Ксаверій, по-русски величаемый — Ксаверій Петровичъ, коронный гетманъ польской службы и потомъ русскій генералъ отъ инфантеріи.

[4]) Въ это время продавались новыя изданія въ академической книжной лавкѣ, у переплетчиковъ и въ типографіяхъ. Всѣ эти мѣста печатали свои объявленія о цѣнѣ книгъ и выходѣ ихъ въ свѣтъ въ Спб. Вѣдомостяхъ.

читать ихъ и не будучи въ состояніи говорить съ вами про политику, я уже не знаю чѣмъ я буду наполнять каждую недѣлю цѣлыхъ четыре страницы? Въ самомъ дѣлѣ, что я буду вамъ писать? про празднества, про представленія, про женитьбы? Этими пустяками наполнены всѣ газеты, а между тѣмъ я ими долженъ довольствоваться. Впрочемъ, князь, если у меня и не достаетъ матеріаловъ и способностей васъ чѣмъ-нибудь позабавить, то я по крайней мѣрѣ постараюсь доказать вамъ, своею аккуратностію, искреннее мое желаніе быть вамъ полезнымъ и заслужить тѣмъ ваше покровительство и вашу благосклонность.

III.

Петербургъ, 26-го октября 1781 г.

Присоединеніе его величества короля прусскаго къ вооруженному нейтралитету и усилія, дѣлаемыя теперь императоромъ къ примиренію воюющихъ націй [1]), столько причиняютъ трудныхъ занятій князю Голицыну [2]), полномочному министру при голландской республикѣ, что ея величество назначила въ помощь князю г-на Маркова [3]) министромъ же въ Гагу, съ производствомъ ему 4000 р. ежегоднаго жалованья и выдачею 3000 р. на обзаведеніе экипажемъ.

Говорятъ, что въ скоромъ времени также учредятся три новыя министерскія должности: во Флоренціи, въ Цвейбрикенѣ и въ Мюнхенѣ; но такъ какъ онѣ будутъ второклассными, то придворные кавалеры, могущіе по своему роду и воспитанію занять подобныя мѣста, ими мало интересуются.

Императорскій министръ, графъ Кобенцель, по случаю новаго трактата съ Россіею, вручилъ министрамъ ея императорскаго величества обычные подарки, которые находятъ довольно посредственными. Всѣ они заключаются въ табакеркахъ, изъ коихъ лучшая досталась г-ну Безбородко. Императрица, съ своей стороны, также дала табакерку г-ну Кобенцелю, цѣною въ 3000 р. съ брильянтовымъ вензелемъ и съ пакетомъ для ея

---

[1]) То-есть Голландіи, Англіи, Франціи и Испаніи.

[2]) Князь Дмитрій Алексѣевичъ, женатый на графинѣ Амаліи Шметтау.

[3]) Аркадій Ивановичъ.

министра въ Вѣнѣ, въ которомъ уложены подарки для вѣнскаго двора. Говорятъ, что они весьма драгоцѣнны и что табакерка, предназначенная князю Кауницу, стóитъ 8000 р.

Когда чувство корысти разъ овладѣло людьми, они уже болѣе не ставятъ никакой преграды своимъ предпріятіямъ. Доказательствомъ тому служитъ происшествіе, случившееся вчера въ Эрмитажѣ: придворный лакей, обтирая мебель въ одной залѣ второго этажа, расположенной возлѣ театра, замѣтилъ около одного окна теплые пироги. Подозрѣвая разумѣется, что ктонибудь тамъ укрывается, онъ сталъ обыскивать комнаты и въ одной изъ нихъ замѣтилъ тростниковую цыновку, прикрывавшую какую-то большую массу; онъ приподнялъ цыновку и нашелъ подъ ней трехъ лежащихъ рядомъ людей, изъ коихъ двое спали глубокимъ сномъ, а третій, бодрствовавшій, вскочилъ и убѣжалъ. Дежурный адъютантъ князь Репнинъ, узнавшій объ этомъ, приказалъ караульному офицеру, графу Апраксину (супругу графини Валленштейнъ) [1]) окружить Эрмитажъ, и съ помощью двухъ бывшихъ съ нимъ солдатъ, захватилъ мошенниковъ, изъ коихъ одинъ оказался бѣглымъ артиллерійскимъ солдатомъ, а другой крестьяниномъ московскаго богача, графа Апраксина, жившій въ какой-то лавкѣ разнощикомъ. Ихъ посадили въ полицію съ тѣмъ, чтобы предать законному суду въ с. петербургскомъ департаментѣ уголовныхъ дѣлъ.

Примѣч. Пикара. Пойманный мошенникъ былъ сидѣльцемъ въ лавкѣ, тѣмъ, что въ Россіи называютъ разнощикомъ (на посылкахъ).

IV.

Петербургъ, 2-го ноября 1781 г.

Многими принятая привычка вечеромъ, ложась спать, читать въ постелѣ, часто была уже причиною несчастій.

На-дняхъ былъ опять печальный случай: сынъ г. Шкіаты, старшаго директора придворнаго оркестра, молодой человѣкъ 24 лѣтъ, на воспитаніе котораго родители ничего не пожалѣли, находился въ военной службѣ е. и. в. 26 числа прошлаго мѣсяца, поужинавъ съ отцомъ, онъ отправился по обыкновенію спать въ свою комнату. Въ два часа ночи г. Шкіати про-

---

[1]) Графъ Иванъ Александровичъ.

снулся отъ запаха дыма; онъ побѣжалъ къ сыну и нашелъ его уже задохнувшимся и совершенно сгорѣвшимъ отъ ногъ до пояса. Онъ позвалъ на помощь, удалось затушить огонь, но сына спасти не могли. Имѣя привычку читать въ постелѣ, онъ хотя для предосторожности и поставилъ подсвѣчникъ на тарелку, но не обратилъ вниманіе, что огонь былъ весьма близко отъ платья, висѣвшаго на веревкѣ. По всей вѣроятности, оно мало-по-малу до того нагрѣлось, что наконецъ вспыхнуло.

Я вамъ писалъ, что генералъ Браницкій долженъ былъ пріѣхать тогда-то, а между тѣмъ онъ только пріѣхалъ въ прошлый четвергъ [1]), съ многими каретами и въ сопровожденіи восьми молодыхъ польскихъ вельможъ, которые, говорятъ, намѣрены здѣсь жениться.

Вотъ уже четвертая недѣля какъ графъ Скавронскій [2]) все хвораетъ, но теперь онъ поправляется и двѣ свадьбы вѣроятно скоро послѣдуютъ одна за другою. Свадьба Браницкаго будетъ 5-го или 6-го, а Скавронскаго около 10-го числа. Предполагаются различныя празднества въ зданіяхъ князя Потемкина [3]).

Знаменитая свадьба графа Бутурлина [4]) кажется не состоится. Онъ видимо пренебрегаетъ своею невѣстою, дѣвицею Закревскою. Слухи эти подтверждаются тѣмъ, что онъ цѣлую недѣлю не выходитъ со двора, сказываясь больнымъ и никого изъ ея родныхъ и знакомыхъ къ себѣ не принимаетъ.

Въ прошлую пятницу [5]) былъ балъ у г. Гарриса [6]). При дворѣ также бываютъ часто пиры и ея величество, какъ никогда, веселится въ Эрмитажѣ, гдѣ по четвергамъ бываютъ балы, спектакли и ужины, а по воскресеньямъ иногда и обѣды. Въ кадетскомъ театрѣ давали вчера Le Glorieux [7]) и публика осталась довольна игрою кадетъ.

---

[1]) Октября 28-го (1781 г.).

[2]) Графъ Павелъ Карловичъ, впослѣдствіи посолъ въ Неаполѣ.

[3]) Т.-е. въ теперешнемъ аничковскомъ дворцѣ, принадлежавшемъ ему съ 1776 г.

[4]) Петра Александровича.

[5]) Октября 29-го.

[6]) Англійскаго посла, жившаго въ Галерной улицѣ.

[7]) Изъ современныхъ оффиціальныхъ извѣстій видно, что кадетскую сцену въ это время арендовала компанія оперныхъ артистовъ съ антрепренеромъ Пальянелли. Въ Спб. Вѣд. (1781 г. № 75, прилож., стр. 530—531) была сдѣлана публикація, что «компаніею, открывшею сезонъ 23 сентября, даваться имѣ-

Вице-канцлеръ [1]), который продолжаетъ управлять иностранными дѣлами, назначилъ у себя субботы для собраній и ужиновъ, а середы для совѣщаній.

Носятся слухи, что здѣшній губернаторъ, г. Потаповъ [2]), въ такой уже немилости при дворѣ, что на его мѣсто назначается г. Чернышевъ [3]), женатый на сестрѣ г. Ланского, и что г. Потаповъ будетъ сдѣланъ намѣстникомъ отдаленной губерніи.

Оберъ-камергеръ Шуваловъ былъ двѣ недѣли нездоровъ. Думали, что слабость послѣ болѣзни будетъ имѣть дурныя послѣдствія, но теперь онъ уже чувствуетъ себя такъ хорошо, что будетъ въ состояніи скоро выходить [4]).

V.

Петербургъ, 9 ноября 1781.

Правительствующій сенатъ разослалъ, при указѣ отъ 20 прошлаго мѣсяца, утвержденные ея императорскимъ величествомъ штаты для судей всѣхъ степеней и другихъ начальствующихъ лицъ управленій, а также и для войскъ Казанской губерніи, составленной изъ тринадцати уѣздовъ [5]).

Полагаю, князь, что заслужу ваше одобреніе за приложеніе при этомъ письмѣ описанія церемоніи при закладкѣ собора въ Херсо-

---

ютъ представленія по средамъ, суботамъ и воскресеньямъ». Въ число поправокъ нашихъ настоящихъ писемъ Пикара, отмѣтимъ, что число, выставляемое имъ на письмѣ относится ко дню посылки корреспонденціи, а не ко дню писанія, который оказывается днемъ раньше посылки. Поэтому и представленіе «Le Glorieux» должно, кажется, падать на воскресенье, когда играла на сценѣ кадетской компанія Пальянелли. Намъ не случалось встрѣчать указаній объ игрѣ кадетъ на сценѣ по понедѣльникамъ, что, кромѣ исключительныхъ случаевъ праздниковъ, и не должно было быть въ учебные дни.

[1]) Гр. Иванъ Андреевичъ Остерманъ.

[2]) Генералъ-поручикъ Иванъ Алексѣевичъ Потаповъ, бывшій потомъ намѣстникомъ въ Воронежѣ.

[3]) Иванъ Львовичъ, женатый на Евдокіи Дмитріевнѣ Ланской, впослѣдствіи сенаторъ.

[4]) Иванъ Ивановичъ Шуваловъ былъ при дворѣ уже 6 ноября въ субботу, и обѣдалъ съ другими пятью интимными друзьями Потемкина, у него, въ Эрмитажѣ. Передъ обѣдомъ, въ этотъ день, Потемкинъ въ столовой представлялъ государынѣ модель водоподъемной машины, приводимой въ дѣйствіе силою одного человѣка.

[5]) Это первая статья въ 88 № «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» 1781 г. (2-го ноября). Взято съ печатнаго буквально.

нѣ [1]). Все, что касается разныхъ учрежденій ея императорскаго величества въ той странѣ интересно потому, что она въ скоромъ времени будетъ сосредоточивать въ себѣ богатую торговлю, и тамошній флотъ когда-нибудь будетъ имѣть назначеніе уничтожить гордое могущество мусульманина. Если Екатерина II и не выполнитъ сама задуманные и достойные ея величія планы, то она себя уже прославитъ одними тамошними своими учрежденіями и работами, которыми она значительно облегчитъ преемникамъ своимъ исполнить задуманное ею.

Г. Ганнибалъ [2]), начальникъ адмиралтейства и флота въ Херсонѣ, положилъ первый основной камень новаго собора, въ день рожденія его императорскаго высочества великаго князя Александра Павловича, нижеслѣдующимъ порядкомъ:

На томъ мѣстѣ, гдѣ назначено быть алтарю, построенъ былъ куполъ на восьми столбахъ, украшенныхъ зеленью и гирляндами, а на куполѣ поставлена четырехсторонняя пирамида. На лицевой сторонѣ ея былъ изображенъ вензель императрицы съ надписью: «Счастіе мира»; посерединѣ старой церкви поставленъ столъ, на которомъ поставлена чаша и прочія принадлежности (водосвятія) закладки, а у ножекъ стола каменотесные инструменты; у входа же въ церковь положенъ былъ основной камень съ мраморной доской, на которой была высѣчена слѣдующая надпись: «Екатерина II, императрица всея Россіи, образецъ будущимъ наслѣдникамъ по великимъ своимъ дѣяніямъ и кротостью своего управленія, повелѣла на этомъ мѣстѣ построить городъ и соорудить крѣпость и соборъ во имя св. Екатерины, котораго первый камень и заложенъ сего 30 августа, 1781 года» [3]).

Г. Ганнибалъ въ сопровожденіи директора с.-петербургской Академіи наукъ Домашнева и другихъ знатныхъ сановниковъ, въ процессіи съ архіереемъ и прочимъ духовенствомъ, отправился въ старую церковь, гдѣ послѣ обѣдни и молебствія, онъ собственноручно именемъ императрицы заложилъ камень [4]) въ

---

[1]) При письмѣ Пикара не приложена.

[2]) Взято изъ № 88 Вѣдом. 1781 г. и о заложеніи Иваномъ Абрамовичемъ Ганнибаломъ собора въ Херсонѣ (на стр. 678—679).

[3]) Въ печати, въ Вѣдомостяхъ, вся надпись набрана курсивомъ.

[4]) Заложены при этомъ въ отверстіе камня нѣсколько золотыхъ и серебряныхъ медалей, а въ народъ бросали мелкія монеты. Прим. Пикара.

основаніе, при громѣ пушечныхъ выстрѣловъ съ крѣпости и флота, которые раздавались во все время молебствія. Потомъ былъ обѣденный столъ на восемьдесятъ персонъ, а вечеромъ балъ и иллюминація.

Посылаю вамъ, князь, рѣчь, которую держалъ архіерей[1]), по этому случаю, губернатору. Не думаю, чтобы она во французскомъ переводѣ была также хороша, какъ въ подлинникѣ.

Г. вице-канцлеръ призвалъ къ себѣ на-дняхъ почтъ-директора г. Эшке[2]), и приказалъ ему принимать письма на почту не въ день ихъ отправленія, а наканунѣ; слѣдовательно письма, отсылаемыя въ Москву, должны быть сданы на почту не во вторникъ и пятницу, а въ понедѣльникъ и четвергъ, а заграничныя по вторникамъ и пятницамъ.

Второго числа графъ Браницкій давалъ въ своемъ домѣ первый обѣдъ князю Потемкину и его семейству. Невѣста графа уже разыгривала тамъ роль хозяйки.

Графиня Апраксина[3]), рожденная графиня Валленштейнъ, разрѣшилась отъ бремени дочерью, которую назвали Екатериной, въ честь императрицы, которая будетъ ее крестить. Я не замедлю сообщить вамъ въ будущій вторникъ, какой по этому случаю она получитъ подарокъ.

Г. Энгельгардтъ[4]), братъ невѣсты г. Браницкаго, пріѣхалъ сюда 4-го числа, отпраздновать свадьбу сестры, и тотчасъ же послѣ свадьбы возвращается опять въ полкъ.

Въ прошлый вторникъ давали на большомъ придворномъ театрѣ комедію «Жоржъ Данденъ»[5]), которую, недѣлю тому назадъ, представляли въ Эрмитажѣ, на которомъ въ минувшій

---

[1]) По извѣстію «Спб. Вѣдомостей», архіерея никакого при этомъ священнодѣйствіи не было и старшимъ духовнымъ лицомъ оказывался протопопъ. Рѣчь говорилъ архитекторъ, подавая Ганнибалу каменщичью лопатку. Рѣчь его напечатана тутъ же (см. стр. 679 — 680 «Спб. Вѣд.» № 88).

[2]) Почтъ-директоромъ въ Спб. былъ не Эшке, а Матвѣй Матвѣевичъ Экъ, членъ Почтоваго Управленія.

[3]) Графиня Марья Александровна.

[4]) Василій Васильевичъ.

[5]) Въ камеръ-фурьерскомъ журналѣ, подъ числомъ 2 ноября (1781 г.) замѣчено, что «въ вечеру, въ обыкновенное время, въ придворномъ большомъ театрѣ, представлена была французская комедія съ балетомъ, при чемъ ея императорское величество присутствовать не соизволила».

четвергъ, въ присутствіи ея величества, давали итальянскую оперу «Философы»[1]).

О балетахъ я не упоминаю, такъ какъ за болѣзнію г. Канціани ничего интереснаго не даютъ.

По случаю нездоровья графа Браницкаго, свадьба его, которая должна была быть вчера, отложена до пятницы.

VI.

Петербургъ, 16 ноября 1781.

Я опровергаю то, что имѣлъ честь сообщить вамъ о восьми молодыхъ полякахъ, привезенныхъ съ собою графомъ Браницкимъ; вчера я убѣдился, что слухи эти были ложны. Дѣйствительно, онъ привезъ только двухъ; съ ихъ бритыми головами и въ старинныхъ своихъ республиканскихъ костюмахъ, рѣшительно они не понравятся нашимъ красавицамъ.

Съ нѣкоторыхъ поръ идетъ говоръ, будто графъ Семенъ Воронцовъ хлопочетъ получить мѣсто воспитателя маленькихъ великихъ князей и что князь Иванъ Барятинскій потому только такъ долго здѣсь проживаетъ, что также этого добивается.

На прошлой недѣлѣ справляли свадьбы графовъ Скавронскаго и Браницкаго. Первая была $\frac{11}{22}$ [2]), а вторая $\frac{13}{24}$ [3]) этого мѣсяца. Особеннаго ничего не было, только дамы, бывающія въ Эрмитажѣ, были приглашены. Въ залѣ кавалергардовъ былъ обыкновенный балъ, а въ столовой — ужинъ[4]). Впрочемъ императрица удостоила ихъ своимъ присутствіемъ.

Посаженый отецъ графа Скавронскаго, графъ Чернышевъ[5]), его супруга и дочь были въ самыхъ блестящихъ нарядахъ. Онъ, въ полной парадной формѣ, подъѣхалъ, сидя одинъ, въ четы-

---

[1]) Пьеса не названа въ кам. фурьер. жур., но есть замѣтка, что государыня прибыла въ Эрмитажъ на представленіе французской комедіи въ половинѣ 6-го часа пополудни.

[2]) Свадьба графа Павла Мартыновича Скавронскаго съ фрейлиною е. и. в-ва Екатериною Васильевною Энгельгардтъ происходила при дворѣ и записана въ камеръ-фурьерскомъ журналѣ подъ числомъ 10 ноября (1781 г.) въ среду.

[3]) Тамъ же, записана подъ числомъ 12 ноября, въ пятницу.

[4]) Ужинали на свадьбѣ Александры Васильевны Энгельгардтъ и графа Ксаверія Петровича Браницкаго 50 человѣкъ гостей (считая съ императрицею, въ одномъ столѣ); до 11 человѣкъ родныхъ невѣсты угощены въ статсъ-дамской комнатѣ (см. кам. фур. жур.).

[5]) Иванъ Григорьевичъ.

рехмѣстной позолоченной каретѣ о семи зеркальныхъ стеклахъ, съ двумя лакеями и двумя гусарами на запяткахъ, и съ двумя гайдуками, предшествуемыхъ двумя скороходами. Графиня пріѣхала въ каретѣ менѣе богатой, такъ какъ не она была посаженою матерью графа, а супруга маршала Голицына [1]). Посаженымъ отцомъ графа Браницкаго былъ князь Репнинъ, котораго экипажъ, а равно какъ и вся обстановка, были гораздо проще, чѣмъ у графа Ивана; посаженою же матерью графа Браницкаго была графиня Румянцева [2]).

Всѣ гости, исключая дѣвицъ, послѣ ужина при дворѣ, были приглашены къ новобрачнымъ.

На другой день послѣ свадьбы графа Браницкаго, императрица послала къ нему своего дежурнаго адъютанта Бибикова, поздравить графиню съ бракосочетаніемъ и назначеніемъ ея статсъ-дамою. Въ тотъ же день, по случаю этихъ двухъ свадебъ, былъ балъ съ ужиномъ въ оранжереѣ князя Голицына [3]), майора преображенскаго полка и племянника князя Потемкина. Балъ былъ такой же, какъ и въ прошломъ году, съ тою только разницею, что иллюминованный вензель князя Потемкина, красовавшійся въ одномъ концѣ залы, былъ окруженъ четырьмя вензелями новобрачныхъ.

Эти свадьбы однако не окончились обычными обѣдами или ужинами, къ которымъ на другой день свадьбы молодые приглашаютъ родныхъ и своихъ посаженыхъ отцовъ и матерей; это особенно не понравилось старухамъ, охотницамъ хорошо покушать и многія изъ нихъ изъявили свое крайнее неудовольствіе за несоблюденіе старинныхъ обычаевъ.

Графиня Скавронская въ слѣдующій день ѣздила благодарить императрицу, и ея величество пригласила ее вечеромъ въ Эрмитажъ, чего не удостоились не только придворныя дамы, но даже и дамы, имѣющія портреты.

Въ воскресенье былъ спектакль въ Эрмитажѣ, въ которомъ играли двѣнадцать дѣвицъ Смольнаго монастыря [4]) и двѣнад-

---

[1]) Посаженою матерью у графа Скавронскаго была графиня Марья Андреевна Румянцева, какъ записано въ кам. фур. жур.

[2]) Не она, а княгиня Дарья Алексѣевна Голицына (см. тамъ же).

[3]) Сергѣя Ѳедоровича, женатаго на Варварѣ Васильевнѣ Энгельгардтъ.

[4]) Въ К. Ф. Ж. подъ числомъ 14 ноября (1781 г.) этого незаписано.

цать кадетъ меньшихъ классовъ [1]). Послѣ спектакля ихъ оставили къ балу для танцевъ. Это дѣлается иногда для того, чтобы еще болѣе приохотить маленькихъ великихъ князей къ танцамъ, къ которымъ они безъ того уже такъ пристрастились, что для нихъ при дворѣ танцуютъ два раза каждую недѣлю, и преимущественно все полонезы.

Указомъ императрицы повелѣно въ будущемъ году открыть въ Москвѣ губернское правленіе. Въ этомъ указѣ, между прочимъ, говорится и о молодыхъ людяхъ, питающихъ отвращеніе къ гражданской службѣ, которую, по смыслу этого же указа, императрица считаетъ наиважнѣйшею въ государственномъ управленіи пружиною для охраненія внутренняго спокойствія, соблюденія правосудія и приведенія въ исполненіе ея намѣреній; а потому ея величество увѣрена, что изданный ею указъ будетъ имѣть тѣ послѣдствія, которыя она отъ него ожидаетъ, и что молодые люди, которые думаютъ посвятить себя гражданской службѣ, не только не будутъ питать къ ней отвращеніе, но напротивъ, ревностью и усердіемъ при исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей, постараются заслужить высокихъ ея милостей.

Въ день «Мартына», г. Дюрби, французскій подданный, торгующій кирпичемъ, вышелъ отъ французскаго консула послѣ ужина, въ десятомъ часу вечера. Дорогой, въ самомъ центрѣ города, напали на него пятеро или шестеро мошенниковъ съ дубинами, которыми вѣроятно и убили бы его, еслибы не подоспѣли къ нему на помощь два морскихъ офицера, которые освободили его; но онъ былъ уже сильно израненъ, носъ его почти отрѣзанъ, четыре зуба выбиты, а голова вся въ крови; вообще трудно надѣяться на его выздоровленіе. Полиція принимаетъ всевозможныя мѣры къ розысканію скрывшихся разбойниковъ.

Sur le mariage de Son Excellence monsieur le Comte Xavier Branicki, grand général de la couronne de Pologne etc. avec son Excel-

---

[1]) Въ Кам. Фур. Жур. сказано, что въ «Эрмитажѣ», въ присутствіи государыни и великихъ князей Александра и Константина Павловичей «представлена была благороднаго общества малолѣтними воспитанниками русская комедія съ балетомъ». Потомъ въ Эрмитажѣ въ залѣ былъ балъ, во время котораго «означенные воспитанники, для увеселенія танцами ихъ импер. высочествъ, находились въ залѣ же».

lence Mademoiselle Alexandra Wassilievna d'Engelhard, première demoiselle d'honneur, décorée du portrait de S. M. l'Impératrice de toutes les Russies etc. etc. etc.

Pièce d'environ 400 vers, par l'abbé Antoine Welki, qui étant natif de Wormie, frontière de Pologne, a composé ces vers par esprit de compatriotisme.

Quatrin précédant la pièce.

Comte, en ce haut éclat, ou tu te viens offrir
Touchant à tes lauriers, je crins de les flétrir.
Comtesse, la nature épuisa ses trésors
En formant ton âme divine et ton beau corps.

Arrive, héros, que les Sarmates chérissent;
Partout de tes exploits les échos retentissent;
Un héros peut dormir couronné de lauriers;
Il te faut du régime, et non des soins guerriers.
. . . .
. . . .
etc. etc. etc.

VII.

Петербургъ, 22 ноября 1781.

Я вамъ, князь, уже писалъ разъ, что г. Бецкій, построившій новый театръ противъ Лѣтняго сада, пожелалъ часть выручаемыхъ съ него доходовъ отдѣлять въ пользу воспитательнаго дома; но ея величество, по причинамъ, вѣроятно весьма уважительнымъ, приказала, чтобы этотъ театръ, какъ публичный, передань былъ отъ него въ вѣдѣніе оберъ-полиціймейстера, и вмѣстѣ съ тѣмъ она приказала выплатить г. Бецкому всю сумму, употребленную имъ на постройку зданія и декорацій.

Надняхъ схоронили въ Александро-Невской лаврѣ, возлѣ гробницы герцогини Курляндской, привезенное сюда тѣло, скончавшейся въ Лозаннѣ, княгини Орловой [1]). Большая часть ея родныхъ въ Москвѣ, а потому изъ знатныхъ лицъ явились на похороны только гофмаршалъ Орловъ [2]), фрейлина Протасова [3]), князь и княгиня Воронцовы [4]) и г. Завадовскій [5]).

---

[1]) Княгини Екатерины Николаевны, рожденной Зиновьевой.

[2]) Президентъ придворной конторы, Григорій Никитичъ Орловъ.

[3]) Камеръ-фрейлина Анна Степановна, возведенная потомъ въ графское достоинство.

[4]) Графъ Семенъ Романовичъ и графиня Екатерина Алексѣевна, рожденная Сенявина.

[5]) Петръ Васильевичъ, впослѣдствіи графъ.

Слухъ носится, что въ день тезоименитства ея величества, младшая племянница князя Потемкина, которой всего 11 лѣтъ, послѣ свадьбы ея сестры, будетъ пожалована въ фрейлины.

17-го числа былъ при дворѣ концертъ, къ которому въ качествѣ статсъ-дамы была приглашена гр. Браницкая; графиня Скавронская же была приглашена по такому приглашенію, по какому недавно была призвана княгиня Варвара Голицына, вторая племянница князя Потемкина [1]).

Ея императорское величество приказала отпустить дворянскому банку милліонъ рублей мѣдною монетою, для желающихъ воспользоваться таковою въ видѣ займа на общемъ основаніи; но на это мало охотниковъ и раздача идетъ довольно медленно.

Кадеты недавно давали на своемъ театрѣ комическую итальянскую оперу, въ которой молодой графъ Бутурлинъ [2]), исполнялъ одну изъ главныхъ ролей Маркети.

Русскій театръ весьма усердно посѣщается и тѣмъ причиняетъ большой ущербъ другимъ театральнымъ представленіямъ. Театръ Поше, на которомъ даются маленькія французскія комедіи, публикою совершенно покинутъ, а самъ Поше, за неуплату хозяину театра денегъ, посаженъ магистратомъ. Дѣвица Даріа намѣрена, съ своею и французскою труппою, дать представленіе въ его пользу и тѣмъ вывести его изъ критическаго положенія, въ которомъ онъ находится.

Нынѣ театръ довольно часто посѣщается солдатами полка г. Уварова [3]), платящими, какъ и другіе, за входъ свои полтиннички. Говорятъ, что командиры прочихъ полковъ также намѣрены доставлять своимъ солдатамъ это удовольствіе.

Нейтральный посланникъ въ прошлый понедѣльникъ давалъ балъ, который, по желанію его невѣсты, будетъ повторяться каждую недѣлю. Былъ также балъ у кавалера де-Хорта, данный по случаю свадьбы графа Браницкаго.

---

[1]) Въ К. Ф. Ж. подъ 17 ч. ноября (1781 г.) прописано: «сегожъ числа послѣдовало высочайшее повелѣніе е. и. в. о приглашеніи впредь, какъ на комнатный концертъ, такъ и въ Эрмитажъ на балы, г-жу статсъ-даму графиню А. В. Браницкую и гр-ю Катерину В. Скавронскую.

[2]) Дмитрій Петровичъ.

[3]) Семена Ѳедоровича, командовавшаго лейбъ-гренадерскимъ полкомъ.

Большой театръ, по причинѣ болѣзни г-жи Канціани, теперь мало посѣщается и потому представленія на немъ въ теченіи зимы вѣроятно вовсе прекратятся.

Докторъ Ашъ, служившій въ Москвѣ во время чумы при тамошнихъ чумныхъ лазаретахъ, вообразилъ, что публика недостаточно оцѣниваетъ его искусство и усердіе, а потому, желая обезсмертить самъ себя, отчеканилъ на свой счетъ бронзовыя медали, на которыхъ съ одной стороны изображенъ бюстъ Меркурія съ его аттрибутами, а на другой его собственный, съ надписью: «Онъ избавилъ Москву отъ чумы». Если Греція, сооружавшая статуи праотцу медицины за то, что онъ предохранилъ ее отъ этого бѣдствія, вычеканила бы въ честь его нѣсколько медалей, мы имѣли бы теперь удовольствіе созерцать изображеніе этого великаго мужа; но г. Ашъ не пожелалъ лишить своего потомства этого наслажденія, и потому оказалъ ему этими медалями, которыя онъ раздавалъ всѣмъ даромъ, не малую услугу. Въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли быть для собирателя древностей сорокового вѣка болѣе драгоцѣнная вещь, чѣмъ медаль, на которой будетъ изображенъ ликъ знаменитаго доктора Аша, въ которомъ, однако, врачи-современники не открываютъ ни опытности, ни геніальной наблюдательности Гиппократа. Но что̀ ему до этого! Онъ сознавалъ, что легче отчеканить медаль, чѣмъ написать хорошее сочиненіе, а потому и избралъ этотъ первый, единственно ему доступный способъ, чтобы увѣковѣчить свою славу во вредъ наукѣ.

VIII.

Петербургъ, 1 декабря 1781.

Давно не было такой дождливой осени. 22 числа начало немного сильнѣе морозить, а 24-го установился повсюду санный путь.

Великіе князья катались въ нарочно для нихъ сдѣланныхъ саняхъ, въ которыхъ могутъ также помѣститься нѣсколько ихъ придворныхъ дамъ. Было всего шесть градусовъ морозу. Здоровье великихъ князей совершенно поправилось.

23-го числа, наканунѣ имянинъ императрицы, была всенощная и собраніе при дворѣ. Послѣ всенощной императрица вошла въ залу и всѣ по обыкновенію прикладывались къ ея рукѣ,

потомъ она перешла въ тронную залу и тамъ играла до девяти часовъ въ памфиль съ маршаломъ Голицынымъ, графомъ Чернышевымъ и Ланскимъ. Графиня Браницкая въ тотъ самый день получила приглашеніе запросто бывать у императрицы, и во время всенощной она находилась въ дежурной комнатѣ, гдѣ обыкновенно бывала покойная герцогиня Курляндская, и куда, какъ вамъ извѣстно, недопускаются всѣ статсъ-дамы, а только пользующіяся особеннымъ расположеніемъ императрицы. Несмотря на всеобщія ожиданія, въ Екатерининъ день, равно какъ и въ день св. Андрея Первозваннаго, не было никакихъ производствъ. Въ день св. Георгія [1]) князья Щербатовъ [2]) и Гагаринъ [3]) были сдѣланы оберъ-прокурорами и 35 человѣкъ получили георгіевскіе кресты за двадцатипятилѣтнюю службу [4]); кромѣ того, ежедневно ждутъ производствъ въ камергеры и камеръ-юнкеры, чтобы произвести графа Скавронскаго. Поговариваютъ уже о трехъ новыхъ камеръ-юнкерахъ: Мятлевѣ [5]), Колычевѣ [6]), служащемъ въ иностранной коллегіи, и сынѣ князя Николая Долгорукаго [7]), офицерѣ преображенскаго полка. Фрейлинами же вѣроятно будутъ: дѣвицы Элмптъ [8]), княжна Щербатова [9]), родственница Бибикова, дѣвица Сенявина [10]), сестра

---

[1]) Тридцать четыре кавалера обѣдали въ этотъ день съ императрицею, бывшею въ армейскомъ длинномъ мундирѣ; дамы были въ русскихъ платьяхъ, а кавалеры въ обыкновенныхъ.

[2]) Князь Щербатовъ, Михаилъ Михайловичъ, сдѣланъ сенаторомъ въ 5-й департаментъ.

[3]) Князь Гавріилъ Петровичъ Гагаринъ дѣйствительно сдѣланъ оберъ-прокуроромъ 6-го департамента.

[4]) Кавалерами ордена св. Георгія 4-й степени, 26 ноября 1781 г., сдѣланы всего тридцать человѣкъ, а именно: Тучковъ, Брамсъ, Пиль, Звѣревъ, Юзбаши, ф. Врангель, Витовтовъ, Нагель, Мошковъ, Гротенгельмъ, Берендсъ, Ханинъ, Депрерадовичъ, Мамценъ, Рейпикенъ, Фергинъ, Скачковъ, Брандгофъ, Кильхенъ, Кельнеръ, Мишковскій, Штепкенъ, Бачковъ, Янышъ, Іорданъ, Райковичъ, Марковичъ, Мельниковъ, Телепневъ и Дубровинъ; изъ нихъ 4 генералъ-майора, 2 бригадира, 2 полковника, 7 подполковниковъ, 2 премьеръ-майора, 9 секундъ-майоровъ и, за 18 компаній: 1 капитанъ 1-го ранга, 1 капитанъ 2 ранга и 1 капитанъ-лейтенантъ.

[5]) Петрѣ Васильевичѣ.

[6]) Степанѣ Алексѣевичѣ.

[7]) Князѣ Александрѣ Николаевичѣ.

[8]) Баронесса Софья Ивановна, р. 1725 ум. 1802 г., въ замуж. Турчанинова.

[9]) Княжна Дарья Ѳедоровна, род. 1762 г.

[10]) Марья Алексѣевна, р. 1762г. ум. 1822 г., въ замуж. была Нарышкина.

графини Воронцовой и дѣвица Полонская [1]), которая воспитывается еще въ Смольномъ монастырѣ. Княжны Репнина [2]) и Голицына [3]), племянница Шувалова и дѣвица Измайлова [4]), племянница князя Юсупова, также на очереди, но неизвѣстно будутъ ли онѣ теперь пожалованы.

Офицеры Семеновскаго полка, въ день ихъ полкового праздника, обѣдали у императрицы въ большой залѣ; при этомъ ея величество замѣтила на галлереѣ много фрейлинъ и придворныхъ дамъ, что̀ ей весьма не понравилось. Въ этотъ день явилось очень мало дамъ къ обѣдни, а потому она приказала пускать на галлереи только такихъ барынь, которыя не пользуются правомъ пріѣзда ко двору, полагая тѣмъ заставить имѣющихъ это право являться къ оному, когда обязаны; но желаніе ея не было исполнено, и въ день св. Георгія, императрица нашла въ церкви одну только княгиню Репнину [5]). Чтобы, наконецъ, придворныхъ дамъ, особенно тѣхъ, которыя имѣютъ портреты ея величества, заставить бывать при дворѣ въ церемоніяхъ, гофмаршалъ назначилъ для неявляющихся штрафъ въ 10 рублей.

Въ Екатерининъ день старая графиня Румянцова, танцовавшая когда-то съ Петромъ Великимъ, удостоилась протанцовать польской съ однимъ изъ правнуковъ его, великимъ княземъ Александромъ Павловичемъ.

Директоромъ театра, Бибиковымъ, кажется не очень довольны и полагаютъ, что на его мѣсто будетъ назначенъ другой.

Камергеръ Домашневъ, возвратившись изъ Херсона, также хорошо принятъ при дворѣ, какъ и прежде; а потому толки, носившіеся о немилостяхъ къ нему, оказываются несправедливыми.

Кобенцель давалъ на прошлой недѣлѣ балъ по случаю свадьбы графа Браницкаго, а нейтральный посланникъ 23 числа, въ день рожденія своей невѣсты.

---

[1]) Не Полонская, а Полянская Анна Александровна, дочь Елисаветы Романовны Воронцовой и ст. сов. Александра Ивановича Полянскаго.

[2]) Княжна Прасковья Николаевна, въ замуж. кн. Голицына, ум. 1784 г.

[3]) Княжна Варвара Николаевна, потомъ бывшая за графомъ Н. Н. Головинымъ, род. 1766 г. ум. 1821 г.

[4]) Марія Алексѣевна, род. 1763 г., ум. 1812 г., въ замуж. Мясоѣдова.

[5]) Княгиню Наталью Александровну, рожденную Куракину.

Графъ Скавронскій пріѣхалъ съ женою ко двору, въ каретѣ, стоющей десять тысячъ рублей, а сбруя—три тысячи. Хотя карета и украшена стразами, но она не произвела ожидаемаго эффекта. Князь Потемкинъ явился къ императрицѣ въ великолѣпномъ нарядѣ, вышитомъ не такими каменьями, какими обыкновенно вышиваются парадныя платья, а стразами въ ажуръ, и серебромъ по всѣмъ швамъ въ четыре пальца ширины. Говорятъ, что этотъ костюмъ стóитъ восемь тысячъ рублей.

Господинъ Бакунинъ [1]), кавалеръ ордена св. Анны, помолвилъ дочь свою съ гвардейскимъ офицеромъ полка князя Репнина, княземъ Долгорукимъ, братомъ камергера [2]).

IX.

Петербургъ, 10 декабря 1781.

Генералъ Павелъ Сергѣевичъ Потемкинъ недавно отправился въ Тверь управлять губерніею вмѣсто Брюса, находящагося теперь за границею.

Въ день св. Андрея Первозваннаго императрица обѣдала съ девятью кавалерами этого ордена, но производствъ какъ по гражданской, такъ и по военной части не было. Съ недѣлю стоятъ такіе сильные морозы, что по приказанію императрицы театры закрыты. Въ воскресенье и вторникъ не было и собраній въ Эрмитажѣ, по этому же случаю. Говорятъ, что лица, приглашаемыя туда императрицею на спектакли, будутъ давать произвольную плату въ пользу актеровъ.

Князь Гагаринъ получилъ дозволеніе засѣдать въ департаментѣ сената впредь до отъѣзда его въ Москву.

Жалобы на директора придворнаго театра продолжаются. Г-жа Бона также жаловалась императрицѣ, что у нея отняли роль, которую она всегда исполняла въ оперѣ «Алкидъ». Для итальянской оперы пріѣхалъ новый теноръ.

Говорятъ, что великія державы, недовольныя своимъ чрезвычайнымъ посланникомъ при здѣшнемъ дворѣ, отозвали его

---

[1]) Тайный совѣтникъ Петръ Васильевичъ младшій.

[2]) Бакунина, Елизавета Петровна, дѣйствительно была замужемъ за княземъ Мих. Александровичемъ Долгоруковымъ, камеръ-юнкеромъ и роднымъ братомъ камергера (князя Александра Александровича Долгорукова).

отсюда въ то самое время, когда этотъ ловкій дипломатъ собирался покончить всѣмъ уже извѣстное здѣсь важное дѣло, которымъ онъ занимался съ такимъ рвеніемъ въ продолженіе здѣшняго своего пребыванія. Не думайте, князь, что тутъ идетъ рѣчь о нейтралитетѣ, нисколько; главная причина тому помолвка его съ княжной Т... Полагаютъ, что эта женидьба болѣе не состоится и люди чувствительные очень жалѣютъ о несчастномъ баронѣ.

Въ городѣ появились писанные стихи г-на Бленъ де-Ст. Мора, посвященные графу и графинѣ Скавронскимъ. Я ихъ читалъ и нашелъ, что г. де-Ст. Моръ ничего не могъ придумать пошлѣе и смѣшнѣе. Въ нихъ, какъ и въ стихахъ аббата Велки, нѣтъ ни смысла, ни синтаксическихъ правилъ. Надо полагать, что авторъ «Орфаниса» очень спѣшилъ своимъ сочиненіемъ, или (что почти вѣроятнѣе) слишкомъ былъ увѣренъ въ снисхожденіи и дурномъ вкусѣ своего покровителя [1]), что рѣшился выпустить изъ рукъ вещь, столь недостойную его пера. Если мнѣ удастся достать эти стихи, я, князь, непремину ихъ вамъ послать.

Съ тѣхъ поръ, какъ братъ вашъ уѣхалъ въ Москву, я, кромѣ переданныхъ новостей, другихъ сообщить вамъ не могу. Производства состоялись и теперь приходится ждать новаго года, чтобы разсказать что-пибудь новенькое. Бригадиръ Бибиковъ [2]), мой будущій цензоръ, въ понедѣльникъ переѣзжаетъ во дворецъ на дежурство, и я буду имѣть удовольствіе видѣть его каждое утро. Вѣроятно отъ него я узнаю что-нибудь болѣе интересное и тогда все напишу вамъ съ будущимъ курьеромъ.

X.

Петербургъ, 14 декабря 1781.

Съ нетерпѣніемъ ожидаемое производство состоялось утромъ въ прошлую субботу [3]). Въ фрейлины пожалованы: дѣвица Нарышкина, моя ученица [4]), дѣвица Энгельгардтъ [5]), княжна Реп-

---

[1]) Графъ Скавронскій первый подписался на бюллетени Бленъ де-Ст. Мора и уговорилъ многихъ другихъ послѣдовать его примѣру. Прим. Пикара.

[2]) Василій Ильичъ, камергеръ, разрѣшавшій къ печатанію пьесы, назначенныя для театра.

[3]) Декабря 11-го.

[4]) Анна Львовна.

[5]) Екатерина Васильевна, род. 1761 г., въ замуж. гр. Литта, ум. 1829 г.

нина [1]) и дѣвицы: Мордвинова [2]), Сенявина, Элмптъ и Полянская, а въ камеръ-юнкеры: Мятлевъ, Колычевъ, чиновникъ иностранной коллегіи и офицеръ гвардіи Долгорукій [3]), Соймоновъ [4]) произведенъ въ бригадиры.

Господинъ Толстой [5]), одинъ изъ начальниковъ придворной канцеляріи, вышелъ въ отставку съ пансіономъ.

Графъ Строгановъ, недавно вернувшійся изъ своихъ сибирскихъ владѣній, привезъ съ собою двѣ древнія серебряныя вазы прелестной работы, найденныя при копаніи рудниковъ; кромѣ того, онъ привезъ еще серебряные же два блюда и обѣтный щитъ, на которомъ изображена борьба Аякса и Улисса изъ-за оружія Ахиллеса.

Въ пятницу бригадиръ Палибинъ, начальникъ эскадры, давалъ въ своемъ домѣ великолѣпный праздникъ въ честь дѣвицы Чернышевой.

XI.

Петербургъ, 21 декабря 1781.

Наконецъ послѣ восьмилѣтнихъ неудачъ, несчастному Поше фортуна опять улыбнулась. Послѣднее представленіе, данное въ его пользу французскими артистами, доставило ему двѣ тысячи рублей. Въ четвергъ, 16 [6]) ноября, въ Эрмитажѣ давали пьесу

---

[1]) Дарья Николаевна, бывшая потомъ за Бюленбергомъ.

[2]) Елисавета Семеновна, бывшая потомъ за Рагозинскимъ и Перскимъ.

[3]) Князь Михайло Александровичъ, женатый на Бакуниной.

[4]) Петръ Александровичъ, въ чинѣ полковника состоявшій при особѣ императрицы, у котораго она крестила сына 2 янв. 1782 г.

[5]) Пикаръ не называетъ его графомъ, слѣдовательно это Василій Ивановичъ Толстой, женатый на Александрѣ Ивановнѣ Майковой.

[6]) Ноября 16-го 1781 г. было во вторникъ, а не въ четвергъ. По четвергамъ бывала императрица, а въ ея присутствіи происходили даровые спектакли, такъ что сборъ въ пользу актеровъ могъ состояться только во вторникъ, когда государыня, вѣроятно объ этомъ предъувѣдомленная, не приходила въ большой дворцовый театръ, устроенный при Эрмитажѣ. Екатерина II обыкновенно въ такихъ случаяхъ, какъ разсказываемый Пикаромъ, присылала свое пожертвованіе съ придворнымъ служителемъ, всегда заранѣе, въ пакетѣ запечатанномъ и собственноручно надписанномъ на имя того, кому слѣдовало. Камеръ-фурьерскій журн. ничего не говоритъ и о томъ, чтобы сборъ происходилъ въ четвергъ, 18 декабря, въ присутствіи ея величества, между тѣмъ, какъ всякое отступленіе отъ придворнаго этикета долженъ былъ замѣтить непремѣнно, для примѣра, на будущее время. Весь обиходъ придворныхъ обычаевъ слагается и слагался изъ подобныхъ примѣровъ.

«Журналисты». Когда кончилось представленіе, Флоридоръ[1]) взялъ шляпу и сталъ собирать для него деньги. Ея величество дала 400 рублей, а 1080 р. были пожертвованы другими зрителями. Мадамъ Билліо[2]), поступавшая всегда съ Поше великодушно, простила ему значительную часть его долга. Черезъ недѣлю онъ отправится въ Варшаву съ шестью лучшими своими актерами, возвративъ остальныхъ ихъ родителямъ и родственникамъ.

Недавно появился здѣсь всѣмъ на удивленіе молодой русскій парень, нѣкто Свѣшниковъ, уроженецъ гор. Торжка, поражающій своими многосторонними познаніями. Онъ промышляетъ хлѣбомъ на маленькихъ судахъ, ему около 25 лѣтъ и онъ совершенно свободно владѣетъ греческимъ, латинскимъ и французскимъ языкомъ, съ легкостью объясняетъ Демосѳена и другихъ греческихъ философовъ, обладаетъ такими обширными свѣдѣніями въ физикѣ, что опровергаетъ многое въ Ньютоновскихъ и Эйлеровскихъ системахъ, хорошо понимаетъ самыя отвлеченныя формулы математики и такъ здраво судитъ о богословіи, что изумляетъ самыхъ ученыхъ членовъ святѣйшаго синода. Наконецъ, онъ обладаетъ такою чудною логикою и такою удивительною памятью, что отвѣты на задаваемые ему вопросы остаются всегда безъ возраженій. Этотъ даровитый молодой человѣкъ никогда ни у кого не учился и приобрѣлъ свои познанія самоучкою. Физіономія его обнаруживаетъ большія умственныя способности, глаза у него сверкаютъ огнемъ, а нравъ его самый кроткій; словомъ, если онъ рѣшился бы сбрить бороду, то былъ бы совершенствомъ. Съ восемью стами рублями, которые ему достались въ наслѣдство, онъ думаетъ отправиться въ Англію. Графъ Панинъ остался въ восхищеніи отъ его разговоровъ и подарилъ ему прекрасное изданіе естественной исторіи Бюффона.

Увѣряютъ, что новая фрейлина Мордвинова въ скоромъ времени выйдетъ замужъ за Корсакова[3]). Женидьба графа Бу-

---

[1]) Комическій актеръ, любимецъ публики, игравшій и въ роляхъ любовника.

[2]) Первая любовница того времени французской сцены въ Спб.

[3]) Дочь адмирала Семена Ивановича Мордвинова — Елисавета Семеновна, вышла около девятидесятаго года прошлаго вѣка за Рагозинскаго, а партія, о которой говоритъ Пикаръ, не состоялась.

турлина[1]) все еще въ прежнемъ положеніи и нѣкоторые полагаютъ, что если онъ самъ не женится на дѣвицѣ Закревской, то онъ выдастъ ее за сына.

Вчера было 29 градусовъ морозу и два кучера найдены замерзшими, одинъ у чичеринскаго клуба, а другой у подъѣзда русскаго театра.

Недавно была упорная война между Паизелло и оперными артистками за раздачу ролей. Актрисы также раздѣлились на двѣ враждебныя партіи; одна состоитъ изъ хорошенькихъ и ихъ покровителей, а другая изъ нехорошенькихъ, но даровитыхъ. Извѣстно, что между театральными героинями рѣдко бываетъ миръ и согласіе, и г-ну Паизелло еще часто придется воевать съ капризами этихъ барынь.

XII.

Петербургъ, 29 декабря 1781.

Г. Безбородко, пользующійся постоянно милостями императрицы, назначенъ главнымъ начальникомъ почтъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ получилъ право предсѣдательства въ иностранной коллегіи, такъ какъ ни канцлеръ, ни вице-канцлеръ, не считаются членами этой коллегіи. Пока еще предсѣдательствующимъ остается младшій Бакунинъ[2]), потому что онъ военный а Безбородко гражданскій, генералъ-майоръ[3]). Старшій же Бакунинъ вышелъ въ отставку, съ сохраненіемъ пожизненно содержанія и выдачею ему въ награду 6000 рублей[4]), а на его мѣсто поступилъ господинъ Страховъ.

Вчера[5]) былъ балъ въ тронной залѣ[6]). Около двухъ не-

---

[1]) Графа Петра Александровича, тайн. совѣтника, овдовѣвшаго не задолго. Сынъ его, о которомъ говоритъ Пикаръ, былъ графъ Дмитрій Петровичъ, имѣвшій въ это время лѣтъ 18 отъ роду.

[2]) Петръ Васильевичъ, младшій, въ службѣ при коллегіи состоявшій съ 1762 г.

[3]) На самомъ дѣлѣ было на оборотъ. Пикаръ спуталъ. Безбородко былъ генералъ-майоромъ, а Бакунинъ тайнымъ совѣтникомъ, и всѣ чины иностранной коллегіи были гражданской службы.

[4]) Тоже Петръ Васильевичъ Бакунинъ, вступившій въ службу въ 1738 г., слѣдовательно прослужившій 43 года.

[5]) По надписи числа на письмѣ, можно бы было считать день бала — 28 декабря, но это было 27 декабря. Сперва балъ назначенъ былъ въ понедѣльникъ 26 декабря, но на день отложили его за сильнымъ морозомъ.

[6]) Въ кам. фурьер. журн. говорится, что балъ былъ въ «галлереѣ». Начались танцы въ исходѣ 6-го часа пополудни, а кончились въ 8-мь часовъ вечера.

дѣль стоятъ такіе сильные морозы, что придворные спектакли нѣсколько разъ уже были отказаны.

Русскій мужичокъ, о которомъ я вамъ недавно писалъ, получилъ отъ императрицы 600 р. пожизненнаго вспомоществованія и въ прошлую субботу уѣхалъ за границу.

Сообщ. **Баронъ М. Н. Сердобинъ.**

ЗАПИСКИ ЛАГАРПА О ВОСПИТАНІИ ВЕЛИКИХЪ КНЯЗЕЙ АЛЕКСАНДРА И КОНСТАНТИНА ПАВЛОВИЧЕЙ.

1786 — 1794 гг.

Фридрихъ Цезарь Лагарпъ (1754—1838) находился, какъ извѣстно, при великихъ князьяхъ съ 1783 по 1795 годъ. Онъ поступилъ въ эту должность, по рекомендаціи Ланского, одновременно съ графомъ Салтыковымъ, которому Екатерина поручила главный надзоръ за воспитаніемъ своихъ внуковъ и которому Лагарпъ представлялъ время отъ времени отчеты о своей педагогической дѣятельности; до того времени при великихъ князьяхъ находилась Софья Ивановна Бенкендорфъ, рожденная Левенштернъ.

О воспитаніи великихъ князей, насколько намъ извѣстно, издано до сихъ поръ мало данныхъ; Богдановичъ, въ „Исторіи царствованія Императора Александра I-го", обращая преимущественное вниманіе на время царствованія его, мало говоритъ объ его воспитаніи, и въ этомъ отношеніи почти ничего не добавляетъ новаго къ исторіи имп. Александра Альфонса Раббе, запискамъ Масона и къ другимъ общеизвѣстнымъ источникамъ. Такимъ образомъ предлагаемые нами документы имѣютъ значительный интересъ, тѣмъ болѣе, что уроки Лагарпа, какъ извѣстно, имѣли большое вліяніе на развитіе тѣхъ политическихъ убѣжденій императора Александра I-го, которыя высказались главнымъ образомъ въ первые годы его царствованія. Кромѣ сочиненія Богдановича, о дѣятельности Лагарпа въ Россіи можно найти краткія извѣстія въ „Русскомъ Архивѣ" 1866 года (стр. 75—94), гдѣ напечатаны, въ переводѣ на русскій языкъ, извлеченія изъ записокъ его, изданныхъ въ 1864 г., въ Женевѣ, въ которыхъ, впрочемъ, весьма мало говорится о воспитаніи великихъ князей; самъ Лагарпъ сознается, что извѣстія эти имѣли бы бо́льшій интересъ, еслибъ были подробнѣе; вдобавокъ къ этому слѣдуетъ упомянуть о статьѣ гр. Уварова въ томъ же журналѣ за 1869 г., кн

1-я, въ которой описываются видѣнныя имъ бумаги Лагарпа въ публичной библіотекѣ Лозанны; бумаги эти, переплетенныя въ 11 томовъ in-fol., всѣ состоятъ изъ подготовительныхъ работъ къ урокамъ великихъ князей.

Замѣтимъ здѣсь кстати, что сочиненіе: „Correspondance littéraire, adressé à son altesse impériale M-r le grand-duc aujourd'hui empereur de Russie et à M-r le comte André Schouwalow chambellan de l'impératrice Cathérine II depuis 1774 jusqu'à 1789 par J. F. Laharpe, 4 vol. 8°. Paris 1801, которое нѣкоторые приписывали Фридриху Цезарю Лагарпу, издано вовсе не имъ, а Жаномъ-Франсуа-Лагарпомъ (1739 — 1803), издателемъ извѣстнаго Лицея (курса читанной имъ исторіи литературы) и авторомъ другихъ сочиненій, пользовавшихся въ свое время большой извѣстностью; онъ, какъ видно по времени переписки, означенномъ въ заглавіи книги, не могъ вести ея, какъ нѣкоторые утверждаютъ, съ в. к. Александромъ Павловичемъ, родившимся въ 1777 году, а переписывался съ Павломъ Петровичемъ, который во время этой переписки былъ еще великимъ княземъ.

Любопытныя свѣдѣнія о юности Александра Павловича можно найти въ запискахъ русскаго воспитателя его, напечатанныхъ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1866 г., обнимающихъ періодъ времени 1789 — 1794 г. *). Тѣ же записки изданы подъ заглавіемъ „О юности Александра I“, кн. Авг. Голицынымъ въ 1862 году, въ Лейпцигѣ, гораздо полнѣе, но весьма небрежно и со множествомъ отпечатокъ; онѣ составляютъ XVII-й томъ „Русской Библіотеки“. Вслѣдъ за этими записками, въ томъ же № „Русскаго Архива“ напечатана статья „Описаніе учебной тетради Александра Павловича“, въ которой записаны разные коротенькіе разсказы литературнаго и историческаго содержанія, подъ руководствомъ и съ поправками Михаила Никитича Муравьева, преподававшаго вел. князьямъ русскій языкъ. Въ „Сборникѣ Русскаго Историческаго Общества“, въ 1-й кн. стр. 369, напечатана также весьма любопытная статья г. Богдановича: „Учебныя книги и тетради Александра Павловича“.

Н. П. Дуровъ.

---

*) Издатель этихъ записокъ не знаетъ, кому они принадлежатъ, но если принять въ соображеніе, не говоря уже о другихъ второстепенныхъ указаніяхъ, одно то обстоятельство, что записки видимо принадлежатъ именно воспитателю, а не учителю или каккому-либо другому лицу, занимавшему иную

(ПЕРЕВОДЪ). ЗАПИСКА, ПРЕДСТАВЛЕННАЯ 20 СЕНТЯБРЯ 1786 ГОДА.

Имѣя достаточно времени для того, чтобы изучить в. князей въ педагогическомъ отношеніи съ тѣхъ поръ, какъ я былъ допущенъ къ нимъ, я считаю необходимымъ представить вашему сіятельству прилагаемый отчетъ, какъ общій выводъ моихъ наблюденій, съ тѣмъ, чтобы вы могли видѣть въ одно и тоже время, что было до сихъ поръ сдѣлано мною и что мнѣ остается еще сдѣлать.

1-я часть. О томъ, что было сдѣлано и что остается сдѣлать въ настоящее время.

Чтеніе. Великій князь Александръ *) читалъ со мной Робинзона, Колумба, Кортеза и Пизарра сочиненія Кампе, нѣсколько отрывковъ изъ Театральныхъ пьесъ и Телемака, нѣсколько басней Лафонтена, полтора тома сочиненій Миллота и и различныя мѣста Корнелія Непота, Плутарха и римской исторіи Фергуссона.

Когда в. кн. внимателенъ, онъ можетъ читать хотя неправильно, но по крайней мѣрѣ такъ, что можно понять его; однимъ словомъ, ему еще недостаетъ практики. Я желалъ бы ска-

---

I.

Mémoire remis le 20-e septembre 1786. Ayant eu le temps d'étudier ll. aa. II. relativement à l'instruction, depuis mon admission auprès d'elles, j'ai cru nécessaire de présenter à v. e. le rapport ci-joint comme un résumé de mes différentes observations, afin qu'elle voie du même point ce qui a été fait et ce qui reste à faire.

Lecture. mgr le g. duc Alexandre et moi nous avons lu successivement le Nouveau Robinson, Colomb, Cortés, Pizarre ouvrages de mr Campe, plusieurs morceaux de diverses pièces de théâtre, quelques fragments

---

должность при вел. князѣ, и что воспитателемъ вел. князя былъ Александръ Яковлевичъ Протасовъ,—о другихъ же не упоминается ни въ перепискѣ Екатерины съ Салтыковымъ (см. письма отъ 3-го января 1787 и отъ 22-го сентября 1793 г. въ «Русскомъ Архивѣ» 1864 г.), ни въ запискахъ Масона (Memoires secrets sur la Russie et particulièrement sur la fin du règne de Catherine II et le commencement de celui de Paul I-er. Amsterdam 1800, tome II, page 149 — 150), — то очевидно, что составителемъ помянутыхъ записокъ былъ никто иной, какъ А. Я. Протасовъ. Н. Д.

*) В. князю Александру Павловичу въ это время шелъ 9-й годъ, Константину Павловичу 8-й. Н. Д.

зать тоже объ в. кн. Константинѣ, но живость и недостатокъ вниманія много помѣшали успѣхамъ его, онъ еще задумывается, такъ сказать, надъ каждымъ словомъ.

Имъ обоимъ нужно усовершенствовать себя въ чтеніи. Лучшее средство для этого, какъ мнѣ кажется, состоитъ въ томъ, чтобъ заставлять ихъ учить наизусть стихи и прозу, потому что это поставитъ ихъ въ необходимость всматриваться нѣсколько времени сряду въ очертанія буквъ, какъ печатныхъ, такъ и писанныхъ. Чтеніе не есть наука, но необходимое средство пріобрѣсти знаніе и потому надо, сколь возможно скорѣе, усвоить механизмъ его.

Французское письмо. В. кн. Александръ можетъ теперь писать довольно скоро и легко подъ диктовку; ошибки, которыя онъ дѣлаетъ, происходятъ только отъ того, что пишутъ не такъ, какъ произносятъ. Лучшіе уроки въ орѳографіи почерпаются изъ чтенія и практическихъ упражненій, осмысленныхъ знаніемъ небольшого числа правилъ... А такъ какъ в. кн. не знакомъ съ ними и мало практиковался, онъ еще долго будетъ дѣлать ошибки въ правописаніи, въ которыхъ его винить нельзя, если только онѣ не происходятъ отъ недостатка вниманія.

Что касается до грамматики, то я долгое время избѣгалъ

---

du Télémaque, plusieurs fables de la Fontaine, un volume et demi de l'ouvrage de Millot et différents passages de Cornélius Nepos de Plutarque et de l'Histoire romaine de Fergusson.

Lorsque mgr s'applique, il est en état de lire non pas correctement encore, mais du moins intelligiblement; il ne lui manque en un mot que l'exercice. Je voudrais pouvoir en dire autant de mgr le g. duc Constantin dont la pétulence et le défaut d'attention ont beaucoup retardé les progrès. Il hésite pour ainsi dire encore à chaque mot.

Tous deux ayant besoin de se perfectionner dans la lecture, je crois qu'un des meilleurs moyens serait de leur faire apprendre par coeur des tirades tant de vers que de prose, parce qu'ils seraient dans l'obligation de fixer quelques moments de suite leurs yeux sur des caractères imprimés ou écrits. La lecture n'étant pas la science, mais l'un des moyens nécessaires pour l'acquérir, il importe de s'en saisir promptement.

Ecriture française. mgr le g. duc Alexandre peut écrire maintenant assez vite et facilement sous la dictée. Les fautes qu'il fait ne proviennent guère que de ce qu'on écrit différemment, qu'on ne prononce. Les meilleures leçons d'ortographe se puisent dans la lecture et dans une pratique éclairée par un petit nombre de règles générales; or mgr n'ayant ni l'une ni l'autre, doit pêcher encore longtemps contre

говорить о ней, въ томъ убѣжденіи, что насилуя соображеніе, можно притупить его вовсе; такъ что я рѣшался скорѣе затруднять себя пріисканіемъ окольныхъ объясненій, чѣмъ употреблять грамматическіе термины, значеніе которыхъ могло быть не ясно понято. Въ нѣкоторыхъ только случаяхъ я называлъ имъ части рѣчи, стараясь объяснить ихъ отличительные признаки; но и здѣсь я останавливался, какъ только замѣчалъ, что объясненія мои становятся слишкомъ длинными.

То, что я говорилъ о в. кн. Александрѣ, относится равно и до в. кн. Константина. Онъ пишетъ иногда довольно скоро, если занимается со вниманіемъ, но затрудняется запомнить цѣлую фразу и раздѣлить слова ея составляющія; его правописаніе состоитъ собственно въ записываніи слышимыхъ имъ слоговъ. Такъ что въ этомъ отношеніи между в. князьями есть различіе, но оно не можетъ служить помѣхой для общихъ уроковъ; усиленныя старанія могутъ устранить это различіе и надо доставить случай къ соревнованію между ними.

Послѣ того, какъ великіе князья будутъ нѣкоторое время писать подъ диктовку, я предложу имъ изложить письменно то, что они запомнятъ изъ изустнаго разсказа, или изъ чтенія, приспособленнаго къ этой цѣли, такимъ образомъ они незамѣтно

---

l'ortographe sans qu'il y ait de sa faute, à moins qu'un manque d'attention n'en soit la cause.

Quant à la grammaire, j'ai évité très longtemps d'en dire un seul mot. Convaincu que la judiciaire s'altère lorsqu'on l'occupe d'objets au dessus de sa portée: je me suis imposé la gêne d'user de circonlocutions, toutes les fois qu'il a été question de termes téchniques dont l'éxplication . . . . *) ou être bien entendue. Quelques fois seulement j'ai nommé à . . . . **) de lui faire remarquer leurs caractères distinctifs, mais je me suis arrêté dès que j'ai cru m'apercevoir que l'explication deviendra trop longue.

Ce que je viens de dire à l'égard de mgr le g[d] duc Alexandre est également vrai de mgr le g[d] duc Constantin. Quoiqu'il écrive quelquefois assez vite lorsqu'il prête attention, il a de la peine à retenir une phrase entière et à séparer les mots qui la composent, et son ortographe n'est que celle des sons. Il y a donc de l'inégalité entre mgrs sur ce point; mais elle n'est pourtant pas un obstacle à

---

*) Здѣсь одна строка въ подлинникѣ отрѣзана.
*) Въ подлинникѣ пропускъ.

для нихъ самихъ выучатся правописанію; они поймутъ самыя общія и самыя простыя грамматическія правила, пріобрѣтутъ навыкъ свободно выражать свои мысли и привыкнутъ сосредоточивать свое вниманіе на одномъ и томъ же предметѣ.

Ариѳметика. Чтобы великіе князья освоились съ цифрами, я долженъ былъ начать съ нумераціи; старшій изъ в. кн. занимается теперь дѣленіемъ и я полагаю, можетъ уже одинъ и безошибочно разрѣшать самые сложные примѣры всѣхъ 4-хъ дѣйствій, если только они будутъ составлены изъ однихъ цѣлыхъ чиселъ и если онъ будетъ заниматься внимательно.

Меньшой изъ в. кн. дошелъ только до умноженія; затрудненіе, которое онъ испытываетъ при заучиваніи наизусть таблицы умноженія и отвращеніе ко всему, что останавливаетъ его вниманіе на нѣсколько минутъ сряду, составляютъ главную причину этого замедленія, потому что онъ понимаетъ ходъ этого дѣйствія и двухъ предъидущихъ настолько ясно, что могъ бы идти далѣе.

Занятія обоихъ братьевъ могутъ быть соединены и на этихъ урокахъ, какъ вы сейчасъ увидите, когда я объясню мои соображенія подробнѣе; для этого нужно только дать младшему 2 или 3 отдѣльныхъ урока въ недѣлю, до тѣхъ поръ, пока онъ

---

leur réunion: des soins assidus peuvent faire disparaître celui-ci, et il faut bien laisser à leur émulation quelque chose.

Après que mgrs auront écrit encore quelque temps sous la dictée, j'assayerai de leur faire mettre par écrit ce qu'ils auront retenu d'un récit ou d'une lecture faite dans ce but. Par là ils apprendront insensiblement l'ortographe, ils comprendront les règles les plus générales et les plus simples de la grammaire, ils acquéreront la facilité de s'exprimer et s'accoutumeront à fixer un peu leur attention sur le même objet.

Arithmétique. Pour fixer les notions de mgrs relativement aux signes de cette science, j'ai dû recommencer avec eux dès la numération. L'aîné en est aujourd'hui à la division et je le crois en état de résoudre seul et sans faute les exemples les plus composés des 4 règles, pourvu qu'il ne soit question que de nombres entiers et qu'il fasse attention.

Le cadet de mgrs n'est encore qu'à la multiplication. La difficulté qu'il a de retenir de mémoire le livret et l'aversion qu'il a pour tout ce qui attache quelque minutes de suite, en sont les causes, car il comprend d'ailleurs assez bien la marche de cette règle et celle des deux précédentes pour être en état d'aller plus loin.

Rien n'empêcherait non plus de réunir les deux frères pour cette leçon, ainsi que je m'en expliquerai en détail; il ne s'agirait que de

догонитъ своего старшаго брата. Основательное знаніе 4-хъ первыхъ правилъ самое важное въ ариѳметикѣ и я остановлюсь на нихъ, буду повторять ихъ и упражнять в. князей надъ ними подолѣе, не переходя къ болѣе сложнымъ дѣйствіямъ *)... пропорцій и т. д.

География. Великіе князья прошли уже первый курсъ, который далъ имъ только самыя общія понятія о нашей землѣ и ознакомилъ съ главнѣйшими дѣленіями ея.

Впослѣдствіи они начали второй курсъ вмѣстѣ по правиламъ изложеннымъ въ запискѣ поданной вашему сіятельству въ 1784 году **); ознакомивъ в. князей въ большей подробности съ Россіей, я перешелъ къ Польшѣ, Пруссіи, Швеціи, Даніи и дошелъ въ настоящее время до Германіи; при этомъ я сказалъ кое-что о зарожденіи различныхъ государствъ и о началѣ династій царствующихъ государей; я назвалъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, а въ разсказахъ о знаменитыхъ людяхъ и замѣчательныхъ происшествіяхъ я избиралъ то, что обстоятельства болѣе выдвигали впередъ; впрочемъ, здѣсь я ограничивался самыми общими замѣчаніями и если порой я уклонялся отъ этой программы, то это дѣлалось только для того, чтобы разсказать нѣкоторые анекдоты или, чтобы, удовлетворяя любопытству великихъ князей, вознаградить ихъ вниманіе.

---

donner au cadet 2 ou 3 leçons particulières par semaine, jusqu'à ce qu'il eut atteint son aîné. C'est une chose essentielle en arithmétique, de bien posséder les 4 règles que j'attendrai d'avoir éprouvé et exercé encore plusieurs fois mgr avant de passer aux sujets plus compliqués... aux proportions etc.

Géographie. Mgrs en ont fait déjà un cours qui n'a guère servi qu'à leur donner une idée très générale de notre terre et à leur apprendre quelques unes de ses principales divisions.

D'ailleurs ils on recommencé un second cours en commun d'après les principes du mémoire remis à v. e. en 1784. Après avoir parcourru la Russie dans un assez grand détail, nous avons passé à la Pologne, à la Prusse, à la Suède, au Danemark, et nous en sommes maintenant à l'Allemagne. Chemin faisant j'ai dit quelque chose de l'origine des différents etats et de celle de leurs souverains. J'ai nommé quelques uns de ceux-ci et parmi les hommes célèbres et les évènements remarquables, j'ai cité ceux que les circonstances marquaient davantage. Du reste je me suis borné uniquement à de généralités et si quelquefois je m'en suis écarté, ç'a été en faveur de certaines anec-

---

*) Не разобрано.
**) Этой записки нѣтъ въ нашихъ документахъ.

Когда описаніе Германіи будетъ окончено, мы, въ теченіи зимы, перейдемъ къ описанію другихъ государствъ, но вмѣсто того, чтобы описывать одну часть свѣта за другой, мы разсмотримъ всѣ владѣнія одного и того же государства, въ какой бы они части свѣта не находились, чтобы получить этимъ путемъ ясное представленіе о могуществѣ, средствахъ и значеніи его. Послѣ этого второго курса, веденнаго при пособіи картъ, которыя ихъ высочества будутъ имѣть постоянно передъ глазами, мнѣ кажется трудно допустить, чтобы вел. князья не получили достаточно яснаго понятія о географіи; по окончаніи этого курса окажется, будетъ ли нуженъ еще третій курсъ географіи, или можно будетъ соединить его съ исторіей.

Исторія. Тэмы, которыя я диктовалъ велик. князю Александру, съ двоякой цѣлью: выучить его писать и сообщить ему нѣкоторыя свѣдѣнія изъ исторіи, не составляютъ, собственно говоря, курса исторіи; я, правда, придерживался при диктовкѣ хронологическаго порядка относительно великихъ историческихъ событій, но дозволялъ себѣ, по обстоятельствамъ, частыя отступленія; я разъяснялъ эти тэмы, имѣя передъ собой карты Дамвиля, или на память, или при пособіи Корнелія Непота, Плутарха и другихъ; я даже пользовался при этомъ новой ис-

---

dotes ou pour satisfaire la curiosité de mgrs et pour récompenser leur attention.

La description de l'Allemagne étant terminée, nous passerons dans le courant de l'hiver à celle des autres états; mais au lieu de traiter une partie du monde après l'autre, nous passerons en revue toutes les dépendances d'un même état dans quelque partie du globe qu'elles se trouvent, afin d'acquérir par là une idée juste de sa puissance, de ses ressources et de son importance. A force d'avoir des cartes sous les yeux il sera difficile, je pense, que mgrs n'ayent pas du moins une idée passablement juste de la géographie après ce second cours et de là dépend aussi de savoir si un troisième cours sera nécessaire ou s'il pourra être combiné avec celui d'histoire.

Histoire. Les thêmes que j'ai dictés à mgr le g[d] d. Alex. dans le double but de lui enseigner à écrire et de lui donner quelques notions historiques, ne forment pas un cours d'histoire proprement dit. Il est vrai que j'ai observé l'ordre chronologique pour les grands évènements, mais selon les circonstances je me suis permis de fréquentes digressions. J'ai commenté ces thêmes ayant sous les yeux les cartes de Damville, soit de tête, soit à l'aide de Cornélius Nepos de Plutarque et de quelques autres: j'ai même puisé dans l'histoire moderne lorsque je l'ai cru convenable. Convaincu qu'un homme public doit cher-

торіей, если находилъ это умѣстнымъ. Убѣжденный, что общественный дѣятель долженъ искать въ исторіи не безплодные разсказы о битвахъ или событіяхъ, видимыя послѣдствія которыхъ не шли далѣе ихъ вѣка, а нѣчто другое, я слегка коснулся древностей римскихъ и греческихъ, но старался ознакомить в. князей съ знаменательными историческими событіями, и въ особенности съ тѣми выходящими изъ ряда людьми, добродѣтели и пороки которыхъ, достойныя дѣла или ошибки должны главнымъ образомъ служить наставленіемъ для людей, призванныхъ играть роль на театрѣ свѣта*).

Что касается до римской исторіи, то я счелъ нужнымъ вдаваться въ подробности, начиная съ періода пуническихъ войнъ; изложеніе дѣлалось болѣе и болѣе подробнымъ по мѣрѣ приближенія къ эпохѣ образованія римской монархіи, переворотъ столь памятный какъ по послѣдствіямъ, которыя вытекаютъ изъ него и которыя Европа чувствуетъ до сихъ поръ, такъ и по людямъ, совершившимъ его.

Что касается до исторіи Греціи, то ознакомивъ вел. князей съ нѣкоторыми великими событіями и великими людьми этой знаменитой націи, я остановилъ вниманіе ихъ на той эпохѣ ея исторіи, которая начинается Александромъ и заканчивается по-

---

cher dans l'histoire toute autre chose que de stériles récits de batailles ou d'évènemens dont l'influence visible n'a pas été sentie hors de leur siècle, j'ai passé légèrement sur les antiquités grecques et romaines. Par contre j'ai tâché de faire connaitre à mgr les évènements marquants et surtout ces hommes extraordinaires dont les vertus ou les vices, les actions méritoires et les fautes, doivent particulièrement servir à l'instruction de tout homme appelé à jouer un rôle sur le théâtre du monde.

Pour l'histoire romaine ce n'est qu'avec la période des guerres puniques que j'ai cru devoir entrer dans les détails, qui se sont multipliés à mesure que nous avons approché de l'époque où Rome devint une monarchie, révolution aussi mémorable par les suites qu'elle eut et dont l'Europe se ressent encore, que par les hommes qui l'opérèrent.

---

*) Напомнимъ, что гр. Уваровъ, въ упомянутой выше статьѣ «Русскаго Архива», разсказывая о подготовительныхъ работахъ Лагарпа къ этимъ урокамъ, которые ему удалось видѣть въ публичн. библіотекѣ города Лозанны, говоритъ: «при изложеніи историческихъ истинъ Лагарпъ совершенно упускаетъ изъ виду философскую ихъ критику и обращаетъ вниманіе только на нравственную сторону, такъ что его преподаваніе исторіи имѣетъ видъ курса нравственности, основаннаго на историческихъ фактахъ»; впрочемъ, многіе смотрѣли въ то время на преподаваніе исторіи съ этой точки зрѣнія. Екатерина II, въ запискахъ касательно русской исторіи, пишетъ: «исторія есть описаніе дѣй или дѣяній; она учитъ добро творить и отъ дурнаго остерегаться». Н. Д.

рабощеніемъ Греціи; этотъ періодъ, представляя въ тоже время картину блеска и униженія знаменитаго народа, разъясняетъ причины того и другого; ознакомляя подробно съ добродѣтельными или геройскими поступками Фокіоновъ, Аратовъ, Филопеменовъ и всѣхъ этихъ знаменитыхъ дѣятелей, которые поддерживали государство, когда оно падало, представляетъ неоспоримо одну изъ самыхъ любопытныхъ и поучительныхъ страницъ исторіи.

Конечно, молодость в. кн. еще не дозволитъ ему извлечь изъ этихъ уроковъ той пользы, которую онъ извлечетъ впослѣдствіи; тѣмъ не менѣе въ его лѣта запечатлѣваются въ памяти первыя прочныя впечатлѣнія. Необходимость придерживаться нѣкотораго порядка въ изложеніи не дозволяетъ еще заняться серьезно новой исторіей. При разсказахъ о новѣйшихъ событіяхъ все сводится пока на краткіе очерки нѣкоторыхъ великихъ историческихъ переворотовъ, связывающихъ новую исторію съ зарожденіемъ новѣйшихъ государствъ, переворотахъ, подобныхъ, напримѣръ, побѣдамъ римлянъ, перенесенію столицы имперіи въ Константинополь, зарожденіе двухъ имперій, восточной и западной, паденіе послѣдней и вторженіе варваровъ.

Все, что я говорилъ доселѣ объ историческихъ познаніяхъ

Quant à l'histoire grecque, après avoir fait connaitre à mgr plusieurs des hauts faits et des grands hommes de cette nation célèbre, j'ai insisté sur la partie de son histoire qui commence par Alexandre et se termine par l'asservissement de la Grèce. Cette période qui offre à la fois le tableau de la splendeur et de l'humiliation de ce peuple illustre, qui développe les causes de l'une et de l'autre en faisant connaître plus particulièrement les actions vertueuses ou héroiques d'un Phocion, d'un Arotus, d'un Philopémen et de tout ces hommes illustres qui soutinrent l'etat sur son déclin, est sans contredit l'une des parties les plus intéréssantes et les plus instructives de l'histoire. Mgr n'est pas en âge, il est vrai, d'en retirer encore le profit qu'il en retirera un jour, mais du moins c'est à son âge que les premières impressions durables se gravent dans la mémoire.

La nécessité de suivre un certain ordre n'a pas permis de s'occuper encore sérieusement de l'Histoire moderne. Tout se réduit sur le point du récit abrégé de quelques unes de ces grandes révolutions qui lient l'histoire romaine à l'origine des états modernes, telles par exemple que les conquêtes des Romains, la translation du siége de l'Empire à Constantinople, le naissance des deux empires d'Orient et d'Occident, la destruction de celui-ci et les migrations des Barbares.

Ce que j'ai dit jusqu'ici ne doit s'entendre au reste pour la ma-

вел. князей, должно отнести главнымъ образомъ только къ старшему изъ нихъ; хотя я разсказывалъ также младшему нѣкоторыя черты древней исторіи и диктовалъ ему соотвѣтственныя темы, но его молодость и живость не дозволяли мнѣ вдаваться въ большія подробности; разстояніе, на которое по этому предмету отсталъ младшій изъ в. князей отъ старшаго, не помѣшаетъ, впрочемъ, соединить ихъ уроки, потому что старшій еще не настолько усвоилъ предметъ, чтобы его успѣхи замедлились отъ повтореній того, что уже было пройдено, при этомъ соревнованіе въ одномъ можетъ быть возбуждено успѣхами другого.

Наконецъ, нѣсколько недѣль тому назадъ, я началъ съ вел. кн. Александромъ Геометрію, съ цѣлью приучить его разсуждать. Вниманіе, которое требуетъ это умственное упражненіе, составляетъ столь необходимое качество, что живѣйшее желаніе мое состоитъ въ томъ, чтобы в. князья усвоили эту привычку, которая очень нужна имъ.

Вторая часть. Ознакомивъ съ ходомъ преподаванія, я перехожу къ наблюденіямъ, которыя я успѣлъ сдѣлать посѣщая в. князей ежедневно, какъ надъ врожденными ихъ способностями, такъ и надъ тѣмъ, какъ они ими пользуются.

---

jeure partie que de l'aîné de mgrs, j'ai bien aussi raconté au cadet divers traits de l'histoire ancienne et moderne, je lui ai dicté des thêmes relatifs, mais sa grande jeunesse et sa pétulance ne m'ont pas permis d'entrer dans de grands détails. La distance que ces obstacles ont mis sur cet article entre les deux frères, n'empêcherait pas néanmoins de les réunir; car l'aîné est encore trop peu avancé pour que sa marche fut retardé en repassant une partie de ce qu'on lui a enseigné, et l'émulation de l'un pourra être excitée par celle de l'autre.

Enfin j'ai commencé depuis peu de semaines la géométrie avec mgr le g[d] duc Alex. dans le but de l'accoutumer au raisonnement, l'attention qu'exige cette opération de l'esprit est une qualité si indispensable, que je désire vivement d'en faire contracter l'habitude à mgrs qui en ont grand besoin.

II Partie. Après cet exposé des etudes, j'en viens aux observations que la fréquentation journalière de mgrs m'a mis à portée de faire sur leurs talents et sur l'usage qu'ils en font.

Mgr le g. duc Alex. par lequel je commencerai, est susceptible, quand il le veut, d'une attention assez soutenue pour son âge. Non seulement il a de la sagacité, la conception facile et de la mémoire,

В. кн. Александръ, съ котораго я начинаю, способенъ, когда захочетъ этого, съ внимательностью довольно сосредоточенной для его лѣтъ; онъ обладаетъ не только умомъ, легкостью соображенія и памятью, но можетъ сверхъ того слѣдить за развитіемъ мысли; дѣлаемыя имъ замѣчанія и вопросы, которые онъ задаетъ при этомъ, доказываютъ почти всегда, что онъ сознательно слѣдилъ за нимъ. Однимъ словомъ, съ нимъ можно разсуждать и дойти этимъ путемъ до успѣшныхъ и удовлетворительныхъ результатовъ; говоря безъ лести, я часто проводилъ съ нимъ пріятные часы. Но къ сожалѣнію я долженъ прибавить къ этому, что добрые задатки эти парализируются сильной наклонностью къ безпечности и вялостью*). Конечно, эта вялость и медленность во многомъ зависятъ отъ темперамента; но можно побѣдить этотъ недостатокъ, стараясь ставить молодого человѣка въ необходимость быстро исполнять то, что отъ него потребуютъ; это тѣмъ болѣе возможно въ томъ случаѣ, когда вялость зависитъ болѣе отъ лѣности, чѣмъ отъ другихъ причинъ,— условія, въ которыхъ находится великій князь. Онъ часто понуждалъ меня подсказать то, что ему было давно уже очень хорошо знакомо, единственно изъ боязни умственнаго труда, которая мѣшала ему дойти до вывода самому; во всѣхъ этихъ

---

il est capable, en outre, de suivre un raisonnement, et les réflexions qu'il fait ou les questions qu'il propose, prouvent presque toujours, qu'il l'a bien suivi. En un mot, il est possible de raisonner de suite avec lui, avec fruit et satisfaction, et je dirai sans flatter, qu'il m'a fait passer souvent des heures agréables, mais pourquoi dois-je ajouter, que ces bonnes dispositions sont combattues par un fort penchant à l'indolence et par la lenteur?

La complexion du corps peut contribuer sans contredit à le rendre plus lent ou plus tardif qu'un autre, mais on peut vaincre cette lenteur

---

*) Въ Запискахъ воспитателя в. князей подъ 1791 годомъ записано слѣдующее: «Замѣчается въ в. к. Александрѣ Павловичѣ много остроумія и способностей, но совершенная лѣнь и нерадѣніе узнавать о вещахъ, и не только чтобъ желать вѣдать о внутреннемъ попеченіи (теченіи?) дѣлъ, кои бы требовали нѣкотораго насилія въ познаніи, но даже удаленіе читать публичныя вѣдомости и знать о происходящемъ въ Европѣ, т. е. дѣйствуетъ въ немъ одно желаніе веселиться и быть въ покоѣ и праздности» (XII томъ «Русской Библіотеки»). Итакъ, Лагарпъ не успѣлъ въ теченіи пяти лѣтъ со времени представленія приведенной записки, т.-е. съ 1786 г. приохотить Александра Павловича къ урокамъ. Изъ статьи М. И. Богдановича въ 1-мъ томѣ Сборника Русскаго Истор. общ. видны отчасти педагогическіе пріемы Лагарпа. Онъ заставлялъ великаго князя писать подъ свою диктовку, въ особой тетради, его проступки поденно; здѣсь въ приведенныхъ г. Богдановичемъ выпискахъ изъ те-

случаяхъ, какъ бы ни были настойчивы его просьбы, я никогда не уступалъ имъ, въ томъ убѣжденіи, что соображеніе развивается практикой, и потому лучшій способъ образовать его состоитъ въ доставленіи ему этой практики.

Если бы я уступилъ разъ, на другой день повторилось бы тоже и, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, в. князь потерялъ бы окончательно способность мыслить и принуждать себя къ умственному труду. Не дѣлая ничего безъ пособія учителя, онъ пріобрѣлъ бы пагубную привычку подчиняться постоянно вліянію другихъ, сдѣлался бы слабымъ, легковѣрнымъ, малодушнымъ и изъ него не выработался бы никогда человѣкъ въ нравственномъ смыслѣ этого слова. Если въ дѣлѣ воспитанія вообще необходимо развить душевныя силы молодого человѣка, пріучая его дѣлать разумное употребленіе изъ его умственныхъ способностей, научая его энергично бороться съ трудомъ и побѣждать трудности, развивая въ немъ потребность быть, прежде всего, самостоятельнымъ,—самимъ собой, а не тѣмъ или другимъ, то насколько вопросъ этотъ пріобрѣтаетъ еще бóльшую важность, когда онъ относится къ в. к., призванному въ будущемъ управлять судьбой 30 милліоновъ людей? Въ этомъ случаѣ недостаточно быть добрымъ, честнымъ, великодушнымъ; если государь

---

en mettant un jeune homme dans le cas de devoir exécuter promptement ce qui lui est prescrit, et on le peut surtout, quand elle provient plus d'indolence que de toute autre source, ce qui est le cas de mgr. Il lui est arrivé de me presser souvent pour lui dire ce qu'il savait depuis longtemps, mais ce que la crainte de la peine l'empêchait de chercher seul. Dans tous ces cas, quelques pressantes que fussent les prières, jamais je n'y cédai, parce que l'exercice formant la judiciaire, le meilleur moyen de la former est de lui procurer cet exercice. En cédant un jour, c'eut été à recommencer le lendemain, et au bout de quelques mois mgr serait devenu incapable de prêter attention, incapable de penser et de se donner de la peine. Ne faisant rien qu'avec ses maîtres, il eut contracté l'habitude funeste de céder constamment aux impulsions d'autrui, il fut devenu faible, crédule, pusillanime et

---

тради подобнаго рода съ особенной рѣзкостью и безпощадностью преслѣдуются лѣнь и апатія во время уроковъ; доказываются вредныя для великаго князя послѣдствія ихъ. Тамъ же приводятся выписки изъ уроковъ по исторіи; сухость изложенія и отвлеченно-нравственныя идеи, приводимыя въ нихъ, заставляютъ думать, что причина этой апатіи и нежеланіе заниматься со стороны в. к. Александра, крылась, главнымъ образомъ, въ неумѣніи заинтересовать его предметомъ тѣмъ болѣе, что впослѣдствіи великій князь съ любовью занимался другими науками, напр. естественной исторіей. Н. П. Дуровъ.

слабъ, избѣгаетъ труда и если онъ прибѣгаетъ къ другимъ, тамъ гдѣ онъ можетъ и долженъ дѣйствовать самъ, не рискуетъ-ли онъ дозволить своимъ приближеннымъ дѣлать зло, и если это зло отзовется пагубными послѣдствіями, что́ будутъ значить тогда оправданія въ родѣ «я былъ обманутъ» или «я не зналъ»? Простите, ваше сіятельство, за это отступленіе во имя причинъ, воодушевившихъ меня. Но я обращаюсь къ дѣлу.

Если дѣятельность и быстрота въ исполненіи составляютъ, какъ сказано, необходимыя добродѣтели всякаго общественнаго дѣятеля, въ особенности государя, то ваше с-во согласитесь, конечно, съ тѣмъ, что, какъ бы ни былъ великъ трудъ, надо употребить всѣ силы, чтобы развить эти качества въ в. князѣ и побороть во время склонность къ лѣности, могущую повредить тѣмъ успѣхамъ, которыхъ можно ожидать при его способностяхъ и дарованіяхъ; цѣли этой можно, безъ сомнѣнія, достичь, если будутъ преслѣдовать ее съ настойчивостью.

Вялость в. к., какъ было сказано выше, не происходитъ ни отъ слабости тѣлеснаго сложенія, ни отъ недостатка соображенія, но единственно отъ двухъ слѣдующихъ причинъ: 1) склонности человѣка избѣгать всего, что требуетъ труда — склонности, которая заставляетъ дикаря сидѣть поджавъ ноги безъ дѣла,

---

n'eut jamais été un homme. S'il est donc en général si important de fortifier l'âme d'un j'eune homme en l'accoutumant à faire un bon usage de son jugement, en lui apprenant à se roidir contre la peine et les difficultés, en lui faisant sentir la nécessité d'être lui et non pas tel ou tel autre, combien plus ne l'est-il pas lorsqu'il s'agit d'un prince destiné un jour à régler la destinée de 30 millions d'hommes? Ce n'est pas assez qu'il soit bon, honnête, généreux: s'il est faible, s'il redoute la peine s'il, se'n rapport à d'autres pour ce qu'il doit et peut faire lui-même, ne court-il pas les risques de laisser faire le mal par d'autres, et si ce mal arrive, que signifiera cette excuse: On m'a trompé ou je ne l'ai pas su? Que v. e. daigne excuser cette digression en faveur des motifs qui m'animent. Je reviens à mon sujet.

L'activité et la promptitude dans l'exécution étant ainsi des vertus essentielles à tout homme public, particulièrement à un prince, v. e. conviendra sans doute qu'on ne saurait se donner trop de peine pour les faire germer chez mgr et pour extirper à temps ce penchant à l'indolence, qui pourrait nuire aux progrès qu'on a lieu d'attendre de ses talents et de ses heureuses dispositions; or, il est certain qu'on y parviendra sans difficulté avec de la persévérance.

La lenteur de mgr ne provient, comme il a été dit, ni de faiblesse, ni de manque de conception, mais bien de ces deux causes: 1° du

когда онъ сытъ, но съ которой человѣкъ образованный долженъ бороться, привыкая побѣждать ее съ раннихъ лѣтъ, особенно, когда на немъ лежатъ великія обязанности; 2) она происходитъ отъ привычки, довольно сильно укоренившейся въ немъ, мѣшать игры съ серьёзными занятіями; конечно, зло это можно легко поправить; съ дозволенія в. с-ва, я въ заключеніе представлю нѣсколько соображеній по поводу этого послѣдняго вопроса.

1) Чтобы убѣдить в. кн. въ обязанности работать серьёзно и скоро, можно было бы раздѣлить его время на двѣ совершенно отдѣльныя части, посвятивъ одну изъ нихъ исполненію обязанностей, возлагаемыхъ на него, другую отдыху, когда всѣ обязанности будутъ исполнены. Не найдете ли вы полезнымъ передать ему записку, съ обозначеніемъ этого раздѣленія и повѣсить въ его комнатѣ росписаніе часовъ занятій и отдыха, чтобы онъ, читая о своихъ ежедневныхъ обязанностяхъ, успѣлъ проникнуться убѣжденіемъ въ неизбѣжной необходимости кончать работу въ назначенное время, не откладывая ничего на завтрашній день.

2) Личный интересъ в. кн. заставитъ его дѣлать все въ опредѣленные часы, чтобы не потерять времени назначеннаго на рекреацію, и онъ вѣроятно выучится скорѣе одѣваться и не

---

penchant de l'homme à éviter tout ce qui lui donne quelque peine, penchant qui retient le sauvage accroupi, lorsqu'il a satisfait ses appétits, mais auquel l'homme civilisé et principalement celui qui a de grands devoirs à remplir, doit résister de bonne heure. Elle provient: 2° de l'habitude un peu trop enracinée de mêler les jeux aux occupations sérieuses, imperfections qu'on peut certainement corriger. Si v. e. le permet, je vais finir par un petit nombre de réflexions relatives à ce dernier objet.

1° Afin de convaincre mgr de l'obligation de travailler sérieusement et avec promptitude, on pourrait diviser son temps en deux parts très-distinctes, dont l'une appartiendrait à ses devoirs et l'autre à ses récréations, après s'être acquité des premiers. Ne serait-il pas à propos de lui remettre la note de ce partage et de suspendre dans son appartement le tableau de ses heures de travail et de délassement, afin qu'il y lût lui-même ses devoirs de chaque jour et se pénétrât bien de l'indispensable nécessité de ne jamais renvoyer au lendemain.

2° Mgr étant intéressé à faire chaque chose au temps fixe pour ne rien perdre de ses heures de récréation, apprendrait vraisemblablement à s'habiller plus vite et ne perdrait pas à sa toilette ou à d'autres occupations de la même espèce, des moments destinés à son instruction et à ses devoirs.

употреблять времени, назначеннаго для его образованія и исполненія обязанностей, на туалетъ и другія занятія подобнаго рода.

Кто увѣренъ въ томъ, что дѣло, не оконченное сегодня, прибавитъ труда на завтра, тотъ будетъ остерегаться накоплять себѣ работу. И если в. к. будетъ обязанъ на другой день исполнить упущенное, сверхъ назначенныхъ на этотъ день занятій, я почти увѣренъ, что онъ вскорѣ сдѣлается дѣятельнымъ, прилежнымъ, привыкнетъ къ порядку; однимъ словомъ, пріобрѣтетъ способность употреблять съ пользой свои природныя дарованія и впослѣдствіи исполнитъ со славою свое высокое назначеніе.

Все вышесказанное одинаково относится и къ в. кн. Константину; мнѣ остается только представить в. с-ву результатъ моихъ наблюденій, относящихся до него лично. В. к. имѣетъ превосходное сердце, много прямоты, впечатлительности и природныхъ дарованій; онъ часто выказываетъ способность легко усвоивать преподаваемое. Эти счастливые задатки даютъ, конечно, блестящія надежды; но напрасно было бы льстить себя ожиданіемъ осуществленія ихъ, если неудастся обуздать въ немъ избытокъ живости, приучить его сосредоточивать вниманіе на извѣстномъ предметѣ и побѣдить его упрямство.

Quiconque sait que ce qu'il n'a pas terminé la veille, est un surcroit d'occupation pour le lendemain, se gardera bien de laisser accumuler les affaires. Si mgr était donc obligé d'exécuter le lendemain ce qu'il aurait omis la veille, et de plus sa tâche de la journée, je me trompe fort s'il ne devenait pas bientôt actif, laborieux, ami de l'ordre, capable en un mot de faire un bon usage de ses talents et de remplir glorieusement sa haute destinée.

Ce que je viens de dire pouvant s'appliquer également à mgr le g. duc Constantin, il ne me reste plus qu'à présenter à v. e. les observations qui le concernent d'une manière plus particulière. Mgr a le coeur excellent, beaucoup de droiture, le sentiment prompt, des talents et souvent de la facilité. Ces heureuses dispositions donnent sans doute les plus belles espérances, mais on se flatterait en vain de les voir réalisées, si l'on ne parvenait pas à réprimer les accès de sa pétulance, à fixer son attention et à dompter son opiniâtreté.

Quant à la pétulance, il n'est guère possible de la déraciner tout à fait, parce qu'elle tient à la complexion de mgr et à son âge, et cela n'est pas même nécessaire; mais on peut rendre ses accès moins fréquents et moins forts, on peut les diriger vers un but utile et prévenir qu'ils ne causent du mal. Il est peu de jeunes gens aussi vifs que mgr. Jamais une minute en repos, toujours en action sans regar-

Что касается до рѣзвости, то ея совершенно искоренить не возможно, потому что она главнымъ образомъ зависитъ отъ темперамента в. к., да въ этомъ нѣтъ и необходимости; но можно достичь того, что припадки ея будутъ повторяться рѣже и не съ такою силой. Можно направить ее къ полезной цѣли и предупредить зло, могущее произойти отъ этого.

Рѣдко можно встрѣтить молодыхъ людей до такой степени живыхъ, какъ в. к.; ни одной минуты покойной, всегда въ движеніи; не замѣчая куда идетъ и гдѣ ставитъ ногу, онъ непремѣнно выпрыгнулъ бы изъ окошка, если бы за нимъ не слѣдили. Я зналъ молодого человѣка, природныя дарованія котораго были почти одинаковы, и живость его съумѣли направить такъ хорошо на дѣло, что онъ внесъ впослѣдствіи въ уроки свои тоже увлеченіе, съ которымъ предавался игрѣ; съ этой точки зрѣнія живость и горячность не будутъ препятствіями, если только онѣ идутъ рядомъ со внимательностью, которой у в. кн., къ сожалѣнію, нѣтъ вовсе. Не взирая на терпѣливость мою, я могу сказать, и не думаю чтобы кто-либо могъ опровергнуть меня, что я не могъ достичь до того, чтобы сосредоточить его вниманіе на чемъ-либо болѣе трехъ минутъ сряду, и эти счастливыя минуты были столь рѣдки, что неудивительно, если в. кн. забы-

---

der, ni où il va, ni où il met le pied, il sauterait par la fenêtre s'il n'était pas veillé de près. J'ai connu un jeune homme doué de talents à peu près pareils à ceux de mgr, dont on réussit cependant à diriger si bien la pétulance vers l'occupation, qu'il porta depuis dans ses leçons la même ardeur qu'il avait mise à tous ses jeux. Sous ce point de vue, la vivacité et la pétulance ne seraient donc pas des obstacles, pourvu du moins qu'elles fussent combinées avec l'attention dont mgr se trouve par malheur totalement dépourvu. ¡Nonobstant ma patience que j'ose citer sans crainte d'être contredit, il ne m'a jamais été possible de captiver son attention plus de trois minutes de suite, et ces heureux instants ont même été rares; en sorte qu'il est peu surprenant que mgr oublie à mesure qu'il apprend. En effet, si la faculté de se rappeler le passé existe en nous, elle n'y est toutefois que comme un germe, lequel ne peut se développer que par l'application et n'acquiert de la vigueur que par l'exercice. Cette marche est celle de la nature, aussi j'oserais prédire que si mgr ne devient pas plus attentif, il n'aura jamais de la mémoire, qui pourtant est bien nécessaire, puisqu'elle est le magazin du jugement et que l'ésprit n'est rien sans elle.

Une autre conséquence non moins fâcheuse du défaut d'attention, est l'habitude de passer à tout moment d'un objet à l'autre et de n'être plus interessé que par leur variété ou par la promptitude de

ваетъ по мѣрѣ того какъ учится, и дѣйствительно, если способность вспоминать прошлое присуща намъ, она во всякомъ случаѣ живетъ въ насъ, какъ зародышъ, который не разовьется иначе, какъ путемъ приложенія къ дѣлу и не окрѣпнетъ безъ практическихъ упражненій; это порядокъ вещей общій въ природѣ, такъ что я беру на себя смѣлость предсказывать, что в. кн. никогда не будетъ имѣть памяти, если онъ не сдѣлается болѣе внимательнымъ, тѣмъ не менѣе память необходима для человѣка, потому что она представляетъ собою запасъ, изъ котораго соображеніе заимствуетъ матеріалъ, такъ что умъ, при отсутствіи памяти, ничего не значитъ. Другое менѣе вредное слѣдствіе недостатка вниманія — это привычка переходить ежеминутно отъ одного предмета къ другому и интересоваться только ихъ разнообразіемъ, быстротою перемѣнъ впечатлѣній, производимыхъ предметами, откуда проистекаетъ то печальное послѣдствіе, что люди смотрятъ не вглядываясь, говорятъ обо всемъ ничего не зная, и теряютъ способность судить правильно.

В. кн., правда, слишкомъ молодъ, чтобы можно было судить его такъ строго; но замѣчаемыя каждодневно колебанія мнѣній объ одномъ и томъ-же предметѣ и его вѣтренность заставляютъ опасаться въ будущемъ, если не удастся въ скорости установить ихъ и заставить его быть болѣе внимательнымъ.

---

leur succession; d'où naît ce mauvais effet, qu'on voit sans examiner, qu'on parle de tout sans rien savoir et qu'on devient incapable de raisonner juste.

Mgr est à la vérité trop jeune pour être jugé avec cette rigueur, mais l'expérience quotidienne de sa fluctuation et de sa légèreté me ferait craindre pour la suite, si l'on ne parvenait pas bientôt à l'arrêter et à le rendre plus attentif.

Il serait absurde sans doute d'exiger de mgr l'attention d'un jeune homme de 12 ans; qu'il aie celle de son âge ($7^1/_2$) c'en est assez; or, il peut et doit l'avoir.

Je suppose ensuite qu'on n'exige de mgr que ce qui est à sa portée, et pour ce qui me concerne, je prie v. e. de vouloir bien se rappeler la 1-ère partie de mon rapport qui prouvera, je crois, que j'ai tâché de m'y mettre.

Il faudrait surtout que mgr sentît la nécessité de s'occuper sérieusement. Aucun enfant, il est vrai, ne quitte volontiers ses jouets pour ses leçons, du moins je n'en ai jamais connu de tel, et ce qui me fait penser que d'autres n'ont pas été plus heureux, c'est qu'on a fait de cette aversion des enfants, le proverbe du chemin de l'ecole. Si

Было-бы конечно странно требовать отъ в. кн. такого-же вниманія, какъ отъ молодого человѣка 12 лѣтъ; если онъ будетъ имѣть его достаточно для своихъ лѣтъ ($7^1/_2$) — этого довольно, но все-таки онъ можетъ и долженъ имѣть его. Я предполагаю, говоря это, что отъ в. кн. требуютъ возможнаго для его лѣтъ. Что до меня касается, я прошу в. с. обратить вниманіе на 1-ю часть записки, которая докажетъ, надѣюсь, что я стараюсь сообразоваться со степенью развитія его и не насилуя его способностей.

Надо главнымъ образомъ достичь того, чтобы в. кн. почувствовалъ необходимость заниматься серьёзно. Правда, ни одинъ ребенокъ не оставитъ охотно игрушекъ для урока, по крайней мѣрѣ я не знавалъ такого, что́ заставляетъ меня думать, что и другіе не были счастливѣе меня въ этомъ случаѣ; не даромъ же на этомъ отвращеніи дѣтей отъ уроковъ построена комедія «Дорога въ школу»*). Если бы мы имѣли вѣрныя свѣдѣнія о дѣтствѣ людей, которыхъ родъ человѣческій признаетъ своими учителями, то увидѣли бы, что они отличаются отъ другихъ только по тому, что ихъ страсти и способности направлялись съ раннихъ поръ на предметы великіе, серьёзные и полезные, заставляя ихъ чувствовать необходимость занятій и привыкнуть къ нимъ.

---

l'on avait des renseignements exacts sur l'enfance de ces hommes que le genre humain reconnait pour ses maîtres, on verrait, qu'elle n'a différé de celle des autres, qu'en ce qu'on a dirigé de bonne heure leurs passions et leurs facultés vers des objets grands, sérieux et utiles, en leur faisant sentir la nécessité de s'appliquer et contracter cette habitude.

La nécessité bien connue d'exécuter une chose engage donc à s'appliquer. Il n'est personne qui n'éprouve le pouvoir suprême de cette nécessité, personne qui soit dans le cas d'une parfaite indépendance,

---

*) Здѣсь Лагарпъ вступаетъ въ полемику съ Екатериной II. Въ наказѣ своемъ о воспитаніи великихъ князей императрица приводитъ діаметрально-противуположныя мнѣнія; она говоритъ, напр.: «Буде въ дѣтяхъ свободность духа не будетъ угнетаема приставниками, то отъ игры къ ученію приступать будутъ столь же охотно, какъ къ игрѣ и для того отнюдь ихъ высочествъ не принуждать къ ученію...» или: «когда учиться будутъ не по принужденію, но добровольно, тогда такожде охотно учиться будутъ какъ играть». Или: «къ ученію не принуждать дѣтей, за ученіе не бранить....» и т. д. однимъ словомъ, черезъ весь наказъ великой государыни проходитъ одна идея — отсутствіе всякаго насилія какъ въ дѣлѣ нравственнаго развитія дѣтей, такъ равно и въ

Итакъ, вполнѣ сознаваемая необходимость исполнить какое-либо дѣло заставляетъ трудиться; нѣтъ человѣка, который не признавалъ бы вышней силы этой необходимости, нѣтъ человѣка, который былъ бы вполнѣ освобожденъ отъ владычества этой силы, который могъ бы сказать: мнѣ до нея дѣла нѣтъ; неужели ребенокъ можетъ быть избавленъ отъ дѣйствія этого закона, общаго всѣмъ? Привычка съ ранняго возраста заниматься урывками, когда ребенокъ захочетъ и кȧкъ захочетъ, не заставляетъ ли опасаться въ будущемъ, чтобы, достигнувъ зрѣлаго возраста, человѣкъ не былъ постоянно въ борьбѣ съ долгомъ подчиненія закону, порядку и интересамъ отечества, и не сдѣлался безполезнымъ или опаснымъ гражданиномъ? Если это разсужденіе справедливо вообще, то оно еще болѣе справедливо въ настоящемъ случаѣ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ бы высоко ни стоялъ частный человѣкъ, его сравниваютъ съ другими, на основаніи этого сравненія судятъ его безъ пощады, если онъ того заслуживаетъ; но какая будущность ожидаетъ в. кн., который съ самаго рожденія лишенъ равныхъ ему товарищей, друзей, противниковъ и судей; какая участь ожидаетъ его, если онъ, достигнувъ возраста, въ которомъ заговорятъ страсти, не будетъ имѣть понятія о томъ, что на немъ лежатъ обязанности, и когда онъ почувствуетъ необходимость заняться, работать самостоятель-

---

personne qui puisse dire d'un ton absolu: que m'importe? et un enfant serait dispensé de cette loi commune à tous!

Accoutumé dès le bas âge à ne s'appliquer que momentanément, quand il lui plait et comme il lui plait, ne serait-il pas à craindre qu'arrivé à un âge plus avancé, il ne fut sans cesse aux prises avec ce qu'il doit aux lois, au bon ordre, à sa patrie, et ne devint un citoyen inutile ou dangereux? Si ce raisonnement est vrai en général, il a bien plus de force dans le cas présent. En effet, quelque élevé que soit un Particulier, il demeure pourtant commensurable avec les autres hommes, et il est mesuré par eux sans ménagement lorsqu'il le

---

дѣлѣ научной подготовки ихъ. Екатерина II стремится достичь (мѣрами, предлагаемыми въ наказѣ) того, чтобы великіе князья были добродѣтельны изъ любви къ добру, учились изъ любви къ наукѣ, а не во имя внѣшняго долга, выведеннаго подобно математической истинѣ путемъ отвлеченныхъ разсужденій, къ чему постоянно стремился Лагарпъ. Послѣдствія доказали, кто былъ болѣе правъ. Подъ вліяніемъ Лагарпа и его уроковъ выработались тѣ «principes libérales», которыя въ формѣ отвлеченныхъ идеаловъ первой половины царствованія императора Александра Павловича остались, большею частію, не осуществленными. Н. П. Дуровъ.

но—тогда, если его упрямство не побѣждено ранѣе, можно ожидать самыхъ печальныхъ послѣдствій. Это послѣднее соображеніе столь важно, что я не могу не остановиться на немъ долѣе и не вдаться въ нѣкоторыя дальнѣйшія подробности: бывая наединѣ съ в. кн., я достигъ до того, что могъ предвидѣть во многихъ случаяхъ минуты каприза, нетерпѣнія и упрямства, что̀ мнѣ помогало предупреждать непріятныя сцены; но у него часто вспышки являются вдругъ, такъ неожиданно и сопровождаются выходками, въ которыхъ слышится столько недоброжелательства, что рѣшительно невозможно оставить ихъ безъ вниманія. Я замѣтилъ, напр., не одинъ, а тысячу разъ, что онъ читалъ худо нарочно, отказывался писать слова, которыя онъ только-что прочелъ или написалъ, потому, что не хотѣлъ сдѣлать того или другого. Онъ прямо отказывался исполнять мои приказанія, бросалъ книги, карты, бумагу и перья на полъ; стиралъ ариѳметическія задачи, написанныя на его черномъ столѣ, и эти проявленія непослушанія сопровождались движеніями гнѣва и припадками ярости, способными вывести изъ терпѣнія самаго терпѣливаго человѣка въ свѣтѣ. Что̀ же я противоставлялъ этимъ бурямъ? двѣ вещи: 1) авторитетъ в. с-ва, когда подобныя сцены дѣлались слишкомъ шумны, или длились очень долго; 2) хладнокровіе и терпѣніе соединенное съ неуклоннымъ требованіемъ послушанія. Я предоставлялъ свободу

---

mérite; mais que deviendrait d'un prince, que sa naissance prive nécessairement d'égaux, d'amis, de rivaux et de censeurs, s'il arrivait à l'âge des passions avant d'avoir connu qu'il a des devoirs à remplir et senti la nécessité de s'appliquer et de travailler par lui-même? Ce serait bien pis alors, si son obstination n'eut pas été domptée.

Ce dernier article est tellement important, que je ne puis m'abstenir d'entrer encore dans quelques détails ultérieurs. A force d'être seul avec mgr, je suis parvenu à prévoir dans plusieurs cas ses moments d'humeur, d'impatience et d'obstination, ce qui m'a souvent aidé à prévenir des scènes désagréables; mais le plus souvent aussi ces accès sont si subits, arrivent tellement à l'improviste et sont accompagnés de tant de mauvaise volonté, qu'il est absolument impossible de passer outre. J'ai vu, par exemple, mgr non pas une, mais mille fois, lire mal exprès, refuser d'écrire le mot qu'il venait de lire ou d'écrire le moment précédent, parce qu'il ne se souciait pas de faire l'un ou l'autre. Je l'ai vu refuser tout net d'exécuter ce que je lui ordonnais, jeter livres, cartes, papiers et plumes par terre; je l'ai vu effacer les exemples arithmétiques tracés sur sa table noire et accompagner ces

в. кн. кричать, плакать, упрямиться, обѣщать исправиться, просить прощенія, шумѣть, не останавливая этой бури, пока она не угрожала повредить его здоровью, и я не соглашался выслушать его до тѣхъ поръ, пока онъ не исполнялъ, по моему желанію, того, чтò онъ долженъ былъ сдѣлать; но тѣ только, кто были свидѣтелями этихъ сценъ, знаютъ, какому испытанію подвергалось мое терпѣніе и чего мнѣ стоило удержать должное хладнокровіе въ эти критическія минуты. Впрочемъ, я упоминаю объ этомъ не съ тѣмъ, чтобы ставить себѣ это въ заслугу; я не жалѣлъ своихъ трудовъ, и если чтò меня безпокоитъ въ этомъ случаѣ, такъ это безполезная потеря времени—то, что я употребилъ три мѣсяца тамъ, гдѣ можно было было бы окончить дѣло въ 8 дней.

Послѣ всего сказаннаго было бы излишне останавливаться долѣе на подробностяхъ этихъ сценъ упрямства, неповиновенія и гнѣва. Настало время серьёзно подумать объ этомъ и положить имъ конецъ; в. с., подобно мнѣ, сознáется, что дѣйствуя однимъ терпѣніемъ и хладнокровіемъ можно затянуть только дѣло, которое требуетъ возможно скораго рѣшенія; надо прибѣгнуть къ средствамъ болѣе сообразнымъ съ настоящимъ порядкомъ вещей и способнымъ побѣдить это упорство, которое, если не принять мѣры вó время, повлечетъ за собой серьёзныя недоразумѣнія, весьма непріятнаго свойства.

Примѣръ Карла XII великій урокъ для всѣхъ вѣковъ; его

---

actes de désobéissance de mouvements colériques et d'actes de fureur, capables de pousser à bout l'homme du monde le plus patient; qu'ai-je opposé à ces gempêtes? Deux choses: 1° l'autorité de v. e. lorsque les scènes devenaient trop bruyantes, ou duraient trop longtemps. 2° le sang-froid et la patience joints à la ferme Résolution d'être obéi. J'ai laissé mgr crier, pleurer, prier, promettre, demander excuse, tempêter, sans réprimer cette fougue qu'autant qu'elle pourrait lui nuire, et je n'ai consenti à l'écouter que lorsqu'il a exécuté à ma satisfaction ce qu'il avait à faire; mais ceux-là seuls qui ont été les témoins de ces scènes savent à quelle épreuve ma patience a été mise et ce qu'il m'en a coûté pour conserver mon sang-froid dans ces moments critiques. Au reste, je ne dis point cela pour m'en faire mérite, et ne regrette pas du tout mes peines; mais il est une chose qui m'affecte, c'est la perte du temps, c'est d'avoir mis 3 mois à faire un ouvrage de 8 jours.

Après cet exposé, il serait superflu d'insister davantage sur les détails de ces scènes d'obstination, de désobéissance et d'emportement. L'heure est venue d'y mettre fin sérieusement, et v. e. sent comme

упрямство разорило Швецію, стоило жизни 2,000,000 людей и воспламенило бы всю Европу, если бы онъ не былъ убитъ, весьма кстати для отстраненія отъ него этихъ бѣдствій.

Я попытаюсь теперь представить нѣкоторыя соображенія относительно средствъ отстранить затрудненія и вредъ, о которыхъ я говорилъ.

1) В. кн. настойчивъ въ своемъ упрямствѣ, когда онъ хочетъ избавить себя отъ труда; если онъ достигаетъ этимъ путемъ цѣли, то-есть: будетъ работать меньше чѣмъ онъ работалъ бы при прилежныхъ занятіяхъ, то онъ, очевидно, никогда не исправится, что и случается на самомъ дѣлѣ. Если въ теченіи двухъ часовъ послѣдуетъ два припадка упрямства, если каждый изъ нихъ длится по получасу, хотя они большею частію продолжаются долѣе, вотъ уже большая часть урока шла на то, чтобы побѣдить упрямство ребенка, т.-е. пропала даромъ и это до такой степени справедливо, что мы до сихъ поръ подвигаемся столь медленно, что объ успѣхахъ не стóитъ почти и говорить. Тѣмъ не менѣе этому можно помочь слѣдующимъ образомъ: когда в. кн. потеряетъ даромъ время по своему упрямству, было бы весьма естественно заставить его продолжать одного, безъ пособія учителя, тó что онъ началъ и не прекращать классныхъ занятій до тѣхъ поръ, пока онъ не кончитъ заданнаго урока; если

---

moi que la patience et le sang-froid seuls entraînant des longueurs dans une affaire qui n'en comporte aucunes, il est nécessaire de recourir à des moyens plus assortis à la nature de la chose et plus propres à dompter cette obstination qui, si l'on n'y remédie pas à temps, pourrait un jour amener des querelles sérieuses et d'une espèce très alarmante. L'exemple de Charles XII est une grande leçon pour tous les siècles. Son obstination ruina la Suède, causa la mort de 2,000.000 d'hommes et eut embrasé l'Europe, s'il n'eut pas été tué fort à propos pour lui épargner ces calamités.

Je vais hazarder maintenant quelques réflexions sur les moyens de diminuer les inconvénients et les maux dont je viens de parler.

1) Mgr ne persévérant dans son opiniâtreté que pour se soustraîre à la peine, il est évident, que s'il parvient par elle à travailler moins qu'il n'aurait fait en étant plus diligent, il ne se corrigera jamais; or c'est précisément ce qui arrive. Qu'il aie dans un intervalle de deux heures seulement deux accès d'obstination, si chacun d'eux dure une demi-heure, et c'est souvent bien peu, voilà la majeure partie d'une leçon employée à vaincre l'opiniâtreté d'un enfant, c'est à dire à ne rien faire, et cela est si vrai, que ce que nous avons fait jusqu'ici vaut à peine qu'on en parle. On pourrait néanmoins y remédier de la ma-

онъ не окончитъ его въ назначенный день, надо поставить за правило, переносить на другой день неоконченную работу, и только по окончаніи ея переходить къ уроку, назначенному на этотъ день. Если настойчиво придерживаться этой системы, я почти увѣренъ, что со временемъ в. кн. отстанетъ отъ нѣкоторыхъ дурныхъ привычекъ своихъ; но я при этомъ предполагаю необходимое условіе: что ему никогда не простятъ того, что онъ не кончилъ въ своемъ урокѣ и что не будутъ при этомъ принимать во вниманіе ни обѣщаній его заниматься лучше, которыя забываются тотчасъ послѣ того, какъ они произнесены, ни извиненій, которыя большею частью не что иное, какъ уловка, употребляемая имъ для полученія того, въ чемъ ему было отказано.

2) Снисходительностью, лаской можно, безъ сомнѣнія, привлечь ребенка. Но удачное и неудачное приложеніе этого правила зависитъ отъ характера, къ которому оно примѣняется; старшій изъ великихъ князей можетъ разсуждать, у него столько душевной чуткости, что этимъ средствомъ можно повести его далеко; но живость младшаго и его упрямство, вытекающее изъ рѣшительнаго характера, не дозволяютъ ему также поддаться на это средство. Здѣсь воспитатель долженъ такъ же скоро сообразить свои дѣйствія, какъ онъ мгновенно принимаетъ какое-либо рѣшеніе. Я всегда замѣчалъ, что нерѣшительность, ласка,

---

nière suivante: lorsque mgr a perdu son temps par opiniâtreté, il serait naturel de l'obliger à finir seul et sans maître ce qu'il aurait commencé, et de ne tenir sa leçon pour finie qu'autant qu'il l'aurait achevée. S'il n'achevait pas le même jour, il conviendrait qu'il commençât le lendemain par terminer l'ouvrage de la veille, après quoi seulement il passerait à ses occupations de la journée. En persistant dans cette méthode, je suis presque assuré qu'au bout de quelque temps mgr perdra une partie de ses mauvaises habitudes, mais je suppose comme une condition essentielle, qu'on ne lui fera jamais grâce de ce qui lui reste à faire, et qu'on n'écoutera ni ses promesses de faire mieux, qui sont aussitôt oubliées que prononcées, ni ses excuses, qui sont le plus souvent des ruses pour obtenir ce qu'on lui a refusé.

2) La complaisance et la douceur servent sans contredit à captiver l'enfance, mais l'application bonne ou mauvaise de ce principe dépend des caractères auxquels on a à faire. L'ainé da mgrs étant capable de raisonner et ayant déjà beaucoup de tact, est susceptible d'être conduit assez loin par ces moyens, mais la pétulance du cadet et son obstination, qui tient à un caractère décidé, ne l'en rendent pas également susceptible. Comme sa résolution est prise en un moment, il faut aussi se décider de même. J'ai toujours remarqué que le doute,

снисходительность въ подобныхъ случаяхъ дѣлаютъ его болѣе упорнымъ, потому что онъ ихъ считаетъ слабостью, тогда какъ рѣшеніе столь же скорое какъ его, объявленное съ твердостью и хладнокровіемъ, разстраивало его разсчеты, и ставило его въ затруднительное положеніе. Весьма кстати дать ему съ ранняго возраста почувствовать надъ собой власть, которой нельзя ослушаться безнаказанно и чтобы онъ не считалъ снисхожденіе къ нему окружающихъ непремѣннымъ долгомъ ихъ.

3) Когда упрямство дойдетъ до запальчивости, тогда, мнѣ кажется, слѣдуетъ употребить наказаніе. Я знаю, что не мое дѣло опредѣлять его, и если мнѣ позволено будетъ представить свои соображенія по этому предмету, то я полагаю, во-первыхъ, что ихъ слѣдуетъ прилагать къ дѣлу также безъ послабленій, и во-вторыхъ, что ихъ не слѣдуетъ смягчать или сокращать срокъ ихъ, несмотря на обѣщанія лучшаго поведенія и самыя настойчивыя просьбы, если не хотятъ ежедневнаго повторенія ихъ.

Ребенку такъ легко произносить, эти ничего незначащія фразы: простите! больше не буду! что не разумно было бы съ его стороны упускать случай пустить ихъ въ ходъ, когда этимъ путемъ онъ можетъ спастись отъ наказанія,—единственный способъ показать ребенку, что это средство недѣйствительно, состоитъ въ твердо принятомъ рѣшеніи наказывать его, не

---

la douceur ou la complaisance en pareil cas, le rendaient plus obstiné, parce qu'il les prenait pour de la faiblesse, au lieu qu'une résolution aussi prompte que la sienne prononcée avec fermeté et sang-froid dérangeait ses projets et le mettait mal à son aise. Il est très à propos qu'il apprenne de bonne heure à reconnaître des supérieurs, auxquels on ne désobéit pas impunément, et qu'il ne prenne pas la complaisance pour une dette.

3) Lorsque l'obstination va jusqu'à l'emportement, c'est, il me semble, le cas d'infliger des peines. Il ne m'appartient pas, je le sais, de les désigner; mais s'il m'était permis de faire des réfléxions à ce sujet, je dirais premièrement, qu'elles doivent être infligées sur le champ sans ménagement, et en second lieu, qu'on ne doit jamais les atténuer ou en abrêger la durée, nonobstant les promesses d'une conduite meilleure et les sollicitations les plus pressantes, à moins qu'on ne veuille y revenir chaque jour.

Il est si facile à un enfant de prononcer ces phrases insignifiantes: Je vous demande pardon, je ne le ferai plus, qu'il aurait tort de ne pas en user, lorsqu'il peut se sauver par elles. Le seul moyen de lui montrer alors le peu de cas qu'on en fait, est de le punir sans y avoir égard, lorsqu'il l'a mérité. Je pense enfin que la privation des

обращая вниманія на эти фразы, если наказаніе заслужено. Я думаю, наконецъ, что не давать игрушекъ,—средство довольно дѣйствительное, если при этомъ въ теченіи нѣсколькихъ дней лишить в. кн. всего, что можетъ ихъ замѣнить и когда онъ испытаетъ на себѣ всю тягость скуки.

Таковы результаты наблюденій моихъ и опыта, которыя я выработалъ, исполняя ежедневно обязанность мою при в. князьяхъ. Желаніе способствовать чѣмъ-нибудь достойному дѣлу, имѣющему вліяніе на благо общественное, заставляетъ меня взяться за перо. Знаніе мудрыхъ и великихъ намѣреній ея имп. вел. даетъ мнѣ смѣлость писать не скрывая и не маскируя правды, выражаясь такъ, какъ я думаю. Если въ нѣкоторыхъ мѣстахъ я писалъ довольно рѣзко, то вѣроятно в. с. не объясните этого въ дурную сторону. Препровождая къ вамъ эту записку, я съ полной довѣренностью ввѣряюсь вашему благоразумію, въ томъ убѣжденіи, что не соглашаясь даже съ высказанными въ ней мнѣніями, вы все-таки отдадите полную справедливость чистотѣ моихъ намѣреній. Имѣю честь быть и т. д.

20 сентября 1786 г. Подписано: Фридрихъ Цезарь Лагарпъ.

Примѣчаніе: Слѣдующаго 22 сентября е. и. в. удостоила меня лично пожаловать орденомъ св. Владиміра.

Les jouets seraient un très puissant moyen, si durant plusieurs jours on interdisait à mgr tout ce qui peut les remplacer, et s'il éprouvait bien tout le poids de l'ennui.

Telles sont les observations que l'expérience m'a fournies dans l'exercice journalier de mes fonctions. Le désir de contribuer pour quelque chose à une oeuvre méritoire et qui intéresse essentiellement le bien public, est le motif qui m'a mis la plume à la main, et la connaissances des intentions sages et grandes de s. m. i., m'a donné la hardiesse de le faire sans détour en m'éxprimant comme je sentais. Si çà et là j'ai parlé d'une manière un peu tranchante, v. e. ne m'en saura pourtant pas mauvais gré. Je soumets avec une pleine confiance le présent rapport à sa prudence, convaincu que lors-même qu'elle n'en approuverait pas le contenu, elle rendrait toujours justice à la droiture de mes intentions.

J'ai l'honneur d'être.

Le 20 7-bre 1786. (Signé) Frédéric César De la Harpe.

Note: Le 22-ème Septembre suivant S. M. I. daigna d'Elle-même m'accorder la Croix de St. Vladimir.

ЗАПИСКА 31 МАРТА 1789 ГОДА.

Предметы занятій нижеподписавшагося съ и. им. высоч. были: французскій языкъ, географія, исторія, ариѳметика и геометрія.

Французскій языкъ. Подъ этой рубрикой я понимаю: чтеніе, правописаніе и сочиненія.

В. кн. Александръ читаетъ теперь легко, внятно и произноситъ неправильно въ томъ только случаѣ, когда не захочетъ утруждать себя вовсе; онъ ошибается болѣе всего въ окончаніяхъ.

В. кн. Константинъ останавливается и ошибается часто, однако, когда онъ спокоенъ и внимателенъ, то можетъ читать внятно. Чтобы отучить его отъ привычки заикаться, я заставляю его повторять вслухъ то, чтó диктую и читать также вслухъ все чтò онъ пишетъ; но сверхъ того я считаю необходимымъ заставлять его говорить почаще хорошіе стихи или мѣрную гармоническую прозу.

Тетради в. князей знакомятъ съ успѣхами ихъ въ правописаніи; такъ какъ я диктую довольно скоро и не ожидаю ни того, кто отстаетъ, ни того, кто разсѣянно меня слушаетъ, то они, по необходимости, должны быть внимательны и скоры. Старшій конечно опережаетъ своего брата, который впрочемъ

Mémoire du 31 Mars 1789.

Les objets d'occupation de ll. a. a. i. i. avec le soussigné ont été jusqu'ici l'étude de la langue française, la géographie, l'histoire, l'arithmétique et la géométrie.

Langue française. Sous cet article sont compris la lecture, l'ortographe et la composition.

Mgr le g[d] duc Alexandre lit maintenant avec facilité, d'une manière intelligible et ne prononce mal que lorsqu'il ne se donne aucune peine: c'est dans les finales qu'il pèche.

Mgr le g[d] duc Constantin hésite et se trompe souvent, cependant lorsqu'il est tranquille et attentif il peut se faire comprendre. Afin de corriger son bredouillement, je lui fais répéter haut ce que je dicte et lire de même tout ce qu'il écrit, mais il serait nécessaire de lui faire réciter souvent de beaux vers ou de la prose harmonieuse.

Les cahiers de mgrs offrent l'état de leurs progrès dans l'ortographe. Comme je dicte assez vite et n'attends, ni celui qui retarde, ni celui qui a mal écouté, il est nécessaire d'être attentif et prompt. L'aîné a encore tout naturellement le pas sur son frère, mais sans être

не задерживаетъ его, потому что оба могутъ безъ труда написать довольно большое число страницъ въ теченіи часа.

Поправка ошибокъ, сдѣланныхъ въ диктовкѣ, доставляетъ мнѣ случай объяснять самыя общія грамматическія правила; я имъ продиктовалъ съ этой цѣлью отличительные признаки, по которымъ узнаются части рѣчи; но я до сихъ поръ не рѣшался идти далѣе не потому, чтобы в. князья не запомнили техническихъ терминовъ и отличій грамматическихъ, но потому, что въ ихъ памяти еще мало скопилось фактовъ и соображеніе ихъ еще слишкомъ мало практиковалось, такъ что они могли бы не понять меня; а нѣтъ ничего вреднѣе, какъ приучать дѣтей употреблять непонятныя имъ выраженія, и полагаться въ сужденіяхъ на другихъ. Тѣже почти причины заставили меня отложить до времени упражненія въ сочиненіяхъ, въ которыхъ великіе князья уже дѣлали опыты. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ я буду въ состояніи требовать бо́льшаго и в. князья будутъ уже болѣе подготовлены къ исполненію моихъ требованій. Привычка писать и говорить правильно на какомъ бы то ни было языкѣ приобрѣтается внимательнымъ чтеніемъ хорошихъ книгъ, обсужденіемъ содержанія ихъ съ людьми, хорошо знающими грамматическія правила и способными кстати и безъ педантства пояснять ихъ примѣромъ.

---

arrêté par lui, puisque tous deux peuvent écrire sans peine un assez bon nombre de pages dans une heure de temps.

La correction des fautes d'ortographe me fournit des occasions fréquentes d'expliquer les règles les plus générales de la grammaire; je leur ai dicté dans ce but les caractères distinctifs auxquels les parties du discours sont reconnaissables, mais je n'ai pas cru jusqu'ici devoir m'étendre davantage, non que mgrs n'eussent pas retenu les termes techniques et les distinctions grammaticales, mais parce que leur mémoire n'étant pas assez meublée de faits, et leur judiciaire étant trop peu exercée, ils ne m'auraient peut-être pas compris; or rien de plus funeste que d'employer des expressions que l'on ne connait pas, ou de s'en rapporter aveuglément à d'autres. Des motifs à peu près pareils m'ont engagé à suspendre pour quelque temps les compositions dont mgrs avaient fait quelques essais. Dans quelques mois je pourrai éxiger davantage et mgrs seront plus en état de satisfaire à mes demandes. C'est en lisant attentivement de bons livres, c'est en discourant de leur contenu avec des personnes instruites des règles et capables d'appliquer à propos et sans pédanterie l'exemple au précepte, c'est en s'exerçant qu'on contracte l'habitude d'écrire et de parler correctement une langue.

Географія. Планы царскосельскаго и другихъ императорскихъ дворцовъ служили мнѣ первыми пособіями для разъясненія в. кн. цѣли и пользы географическихъ картъ и для того, чтобы выучить ихъ оріентироваться по картѣ.

Отъ этихъ плановъ я перешелъ къ картамъ губерній имперіи и смежныхъ государствъ и, наконецъ, окончательно къ картамъ другихъ частей свѣта. Чтобы ознакомить в. князей съ топографіей ихъ отечества, я показывалъ имъ карты, на которыхъ были означены только цѣпи горъ, судоходныя рѣки, каналы, озера и моря; г. Гакманъ*) сообщилъ мнѣ свои труды по географіи Россіи, такъ что я могъ продиктовать имъ нѣкоторыя замѣтки по этому предмету. Первый курсъ былъ оконченъ; причемъ описаніе каждой страны сопровождалось краткими замѣтками и излагалось при пособіи карты, которую они имѣли постоянно передъ глазами.

В. князья прошли второй курсъ подробнѣе перваго; но этого еще недостаточно, потому что они забыли многое. Теперь, когда они болѣе знаютъ, подробности уже не могутъ перепутаться въ ихъ памяти, потому что они основательнѣе поймутъ значеніе ихъ и такъ какъ онѣ будутъ болѣе интересовать в. князей, то они лучше запомнятъ ихъ. Третій курсъ в. князья начали со Швеціи, записавъ рядъ замѣтокъ относительно географическаго

Géographie. Les plans de Tsarskoé Selo et des autres maisons impériales furent mes premiers instruments pour faire comprendre à mgrs le but et l'utilité des cartes géographiques et leur apprendre à s'orienter.

Ce que j'avais commencé avec ces plans fut continué avec les cartes des gouvernements de l'Empire, aves celles des pays attenants, et finalement avec les autres parties du monde. Pour donner à mgrs une idée de la topographie de leur pays, je mis sous leurs yeux des cartes qui ne renfermaient que les chaînes des montagnes, les rivières navigables, les canaux, les lacs, les mers; et m-r Hakmann**) ayant

---

*) Адъюнктъ академіи наукъ, которому было впослѣдствіи поручено образованіе учителей нормальныхъ (народныхъ) школъ въ имперіи во всемъ, что касается исторіи и географіи; имъ былъ составленъ извѣстный учебникъ этой послѣдней. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ имѣлъ честь преподавать в. князьямъ нѣмецкій языкъ, географію и исторію Россіи и исполнялъ ту же должность при великихъ княжнахъ. Примѣч. Лагарпа.

**) Associé de l'Académie des Sciences, chargé depuis de l'instruction des instituteurs des Ecoles normales de gouvernements, pour tout ce qui tient à l'histoire et à la géographie. C'est lui qui a rédigé les ouvrages élémentaires relatifs à cette dernière branche. Il a eu l'honneur d'enseigner à messeigneurs l'allemand, l'histoire et la géographie de la Russie, et il a celui de remplir les mêmes fonctions auprès de l. l. a. a. i. i. mesdames les grandes duchesses.

положенія, исторіи ея и тѣхъ подробностей, которыя разумѣются подъ общимъ именемъ статистики; того же порядка я буду придерживаться при описаніи Даніи, Пруссіи, Польши, Германіи и другихъ европейскихъ государствъ. Къ объясненіямъ глобуса нельзя было еще приступить, потому что они требуютъ болѣе основательныхъ познаній въ геометріи и в. князья не подготовлены еще въ этомъ отношеніи, такъ что здѣсь все ограничилось пока объясненіемъ нѣкоторыхъ терминовъ и подробностями въ изложеніи нѣкоторыхъ отдѣльныхъ фактовъ, необходимыхъ для продолженія курса.

Исторія. Какъ только я дошелъ до того, что в. князья могли понимать меня, объясняться со мной и писать, я диктовалъ имъ замѣтки, содержаніе которыхъ заимствовалось изъ исторіи и въ которыхъ я описывалъ характеристичныя черты исторіи Греціи и Рима. Первыя замѣтки были сначала кратки, но по мѣрѣ того, какъ великіе князья успѣвали и событія дѣлались болѣе важными, надо было входить въ болѣе продолжительныя объясненія и порой, когда обстоятельства того требовали, прерывать ихъ отступленіями; мы подвигались вслѣдствіе этого медленнѣе, но ученіе становилось болѣе правильнымъ. Замѣтки эти образовали, незамѣтнымъ образомъ, родъ курса древней исторіи, который начинается около IV-го вѣка до Р. Х., —

---

bien voulu me communiquer ses travaux sur la géographie de la Russie, je fus en état de leur dicter quelques notes relatives à cet objet. Le premier cours fut terminé en l'accompagnant ainsi de notes abrégées sur chaque pays et en ayant les cartes sous les yeux, mgrs ont fait un second cours plus détaillé que le premier, mais qui ne suffit pas, car ils ont oublié bien des choses. Maintenant que leurs connaissances sont plus étendues, les détails ne mettront plus la confusion dans leurs idées, ils les comprendront mieux et comme ils y trouveront plus de plaisir, ils se les rappelleront aussi plus complètement. Dans le 3-ème cours, mgrs ont commencé par la **Suède**, en écrivant une série de notes relatives à sa position géographique, à son histoire et à tous ces objets qu'on comprend sous la dénomination générale de statistique. La même marche aura lieu pour le **Danemarc**, la **Prusse**, la **Pologne**, l'**Allemagne** et les autres pays de l'Europe. L'explication de la sphère exigeant plus de connaissances géométriques que mgrs n'en ont dans ce moment, il n'a pas été possible de l'entreprendre encore et tout s'est borné à expliquer quelques termes et à détailler quelques faits nécessaires pour avancer.

Histoire. Dès que l. l. a. a. i. i. purent me comprendre, s'exprimer et écrire, je leur dictai des notes dont les sujets étaient tirés de l'his-

обнимаетъ наиболѣе важные перевороты въ исторіи Греціи до ея окончательнаго порабощенія, и судьбы Рима какъ во времена республики, такъ и при императорахъ до Юстиніана I картину вторженія варваровъ съ сѣвера, востока и юга и поселенія ихъ въ Европѣ, которыя были колыбелью нынѣшнихъ государствъ, до основанія Екзархата и до нападенія ломбардовъ. Такимъ образомъ, при пособіи болѣе краткихъ замѣтокъ, которыя назначались для связи древней исторіи съ новою, событія доводятся до Карла Великаго; но, возвращаясь къ этому періоду, слѣдуетъ прочесть со вниманіемъ все относящееся до великаго императора, блистательное царствованіе котораго составляетъ тѣмъ болѣе памятную эпоху въ исторіи, что какъ передъ нимъ, такъ и послѣ него мы встрѣчаемъ одно невѣжество, неустройство и варварство. Чтобы прослѣдить перевороты, послѣдовавшіе за смертію Карла, я составилъ генеалогическія таблицы, въ которыхъ изложены вкратцѣ постыдныя войны, вызванныя глупостью его сына и преступнымъ честолюбіемъ его внуковъ,— войны, повлекшія за собой распаденіе имперіи франковъ при Карлѣ Толстомъ въ 888 году, окончательное выдѣленіе королевствъ Франціи, Германіи и Италіи, начало двухъ королевствъ Арль и Бургундіи, соединеніе ихъ съ Германской имперіей при Конрадѣ Салическомъ, паденіе потомковъ Карла Великаго во

---

toire et renfermaient des traits frappants de celle de la Grèce et de Rome.

Les premières notes furent d'abord peu détaillées, mais à mesure que mgrs avancèrent et que les evènements acquéraient plus d'importance, il fallut entrer dans des explications plus longues et les interrompre quelquefois par des digressions que les circonstances exigeaient. La marche devenant par là plus lente, mais aussi plus réglée, ces notes formèrent insensiblement une espèce de cours d'histoire ancienne, qui commence à peu près au 4-ème siècle avant notre ère, et comprend les révolutions les plus mémorables de la Grèce jusqu'a son asservissement final, et celles de Rome, tant sous la république que sous les empereurs jusqu'à Justinien I, un tableau des migrations des Barbares du Nord, de l'orient et du midi et de leurs établissements qui ont été le berceau des états modernes jusqu'à l'établissement de l'Exarcat et à l'invasion des Lombards.

Ces derniers evènements conduisent au règne de Charlemagne par des notes plus abrégées qu'on a destinées à lier l'histoire ancienne à la moderne; mais en revenant sur cette période, il faudra lire avec attention tout ce qui tient à cet empereur dont le règne brillant forme une epoque d'autant plus mémorable, qu'avant et après on ne voit plus qu'ignorance, confusion et abrutissement.

Франціи, образованіе королевства Наварры и графства Барцелоны, перевороты въ Италіи съ 888 г. до Оттона 1-го Саксонскаго, названнаго Великимъ и возстановителемъ императорскаго достоинства въ Германіи и Италіи. Краткія замѣтки связали наконецъ восшествіе на престолъ Оттона съ катастрофой, уничтожившей швабскую династію и съ великимъ междуцарствіемъ, которое было въ одно время колыбелью независимости нѣмецкихъ государей и могилой могущества германскихъ императоровъ. Исторія Германіи пріобрѣтаетъ интересъ начиная съ царствованія Рудольфа Габсбургскаго и вяжется съ исторіей сосѣднихъ государствъ, начиная съ царствованій Максимиліана I и Карла V, и потому надо было развить главнѣйшія событія ея съ бо̀льшей подробностью. В. князья дошли до періода 30-лѣтней войны и до прибытія Густава Адольфа въ Германію въ 1630 году. Впрочемъ, я диктовалъ имъ историческія замѣтки не объ одной только Германіи. Они вносили въ тетради такія же замѣтки о другихъ европейскихъ государствахъ, напр. о Венгріи, Польшѣ, Голландіи, Италіи и въ особенности о королевствѣ обѣихъ Сицилій, потомъ о Португаліи, Испаніи, и говоря объ этихъ послѣднихъ, я разсказалъ имъ о началѣ, успѣхахъ и паденіи имперіи калифовъ. Наконецъ, какъ было сказано выше, в. князья записали вкратцѣ перевороты въ исторіи Швеціи до нашего времени.

Pour débrouiller les révolutions qui suivirent la mort de Charlemagne, j'ai composé des tables généalogiques qui exposent succinctement les guerres scandaleuses auxquelles l'ineptie de son fils et l'ambition criminelle de ses petits-fils donna lieu; le démembrement de l'empire Franc sous Charles le Gros en 888, la séparation finale des royaumes de France, de Germanie et d'Italie, l'origine des deux royaumes d'Arles et de Bourgogne avec leur réunion à l'Empire germanique sous Conrad le Salique, l'abaissement des Carlovingiens en France, la fondation du Royaume de Navarre, l'origine du Comté de Barcelone, les révolutions arrivées en Italie depuis l'an 888 jusques à Othon I de Saxe, dit le Grand, le Restaurateur de la dignité impériale en Allemagne et en Italie. De courtes notes ont enfin lié l'avènement d'Othon avec la catastrophe qui fit disparaître la maison de Souabe et avec le grand interrègne qui fut tout à la fois le berceau de l'indépendance des princes allemands, et le tombeau de la puissance des empereurs.

L'histoire d'Allemagne redevenant intéressante depuis Rodolphe de Habsbourg et tenant particulièrement à celle des états voisins depuis Maximilien I et Charles V, il a fallu en développer les évènements principaux avec quelque étendue. Mgrs en sont à la période de la Guerre de 30 ans et à l'arrivée de Gustave Adolphe en Allemagne

Эти замѣтки назначались единственно для приведенія въ порядокъ, разсказанныхъ имъ, замѣчательнѣйшихъ фактовъ исторіи, съ цѣлію облегчить пониманіе ихъ и помочь имъ удержать въ памяти событія; такъ что замѣтки, которыя диктовались в. князьямъ, не составляютъ конечно курса исторіи, потому что собственно элементарный курсъ исторіи есть, вообще говоря, сборъ фактовъ, расположенныхъ въ опредѣленной системѣ, болѣе или менѣе произвольной и которой не слѣдуетъ придавать слишкомъ строгаго значенія. Дѣйствительныя познанія въ исторіи и просвѣщеніе, какъ послѣдствіе ихъ, почерпаются изъ чтенія и обсужденія источниковъ и небольшого числа сочиненій, написанныхъ государственными людьми и философами, достойными этого названія.

Записывая эти замѣтки, в. князья (и главнымъ образомъ старшій изъ нихъ) читали выдержки изъ нѣкоторыхъ историческихъ сочиненій; такъ ими прочитаны: для древней исторіи начала Миллота. Къ этому, по мѣрѣ надобности, присоединено или чтеніе изъ курса Кондильяка или Перевороты въ Римской исторіи соч. Верто, выдержки изъ сочиненій трехъ новѣйшихъ изслѣдователей, которые славятся какъ изяществомъ изложенія, такъ и внутренними достоинствами; я говорю объ исторіи древней Греціи Жилье, объ исторіи возвышенія и упадка Римской

---

en 1630. Ce n'est pas au reste relativement à la seule Allemagne que j'ai dicté des notes historiques à mgrs, ils en ont aussi écrit de pareilles sur plusieurs états de l'Europe, par exemple sur la Hongrie, la Pologne, les Provinces Unies, l'Italie, et en particulier sur le royaume des deux Siciles, puis sur le Portugal et l'Espagne et à propos de ces deux pays, sur l'origine et les progrès du démembrement de l' empire des Califes. Enfin, comme il a déjà été dit plus haut, mgrs ont écrit un abrégé des révolutions de la Suède jusqu'à nos jours.

Ces notes étant uniquement destinées à établir un ordre entre les évènements marquants, afin d'en faciliter l'intelligence et d'aider la mémoire, ne forment pas sans doute un cours, puisque un cours élémentaire n'est au fond qu'un régistre des faits les plus remarquables, disposés suivant un système plus ou moins arbitraire, auquel on ne doit pas mettre une importance trop minutieuse. C'est dans la lecture et la méditation des originaux et d'un petit nombre d'ouvrages composés par des hommes d'état ou par des philosophes dignes de ce nom, qu'on doit puiser la vraie connaissance de l'histoire et l'instruction qui en est la suite.

Tout en écrivant ces notes, mgrs (et principalement l'aîné) ont lu des extraits de divers ouvrages, savoir: pour l'histoire ancienne les

республики Фергюссона и исторіи разрушенія и упадка Римской имперіи Гиббона. При этомъ мы провѣряли прочитанное по многимъ отрывкамъ изъ Геродота, Θукидида, Ксенофонта, Полибія, Діонисія Галикарнаскаго, Тита Ливія, Светонія, Тацита, Геродіана и Амьена Марцелина. В. князьямъ было также прочитано часть сочиненій Корнелія Непота, первыя главы книги Гоге о происхожденіи законовъ, искусствъ и ремеслъ. Жизнеописанія знаменитыхъ людей въ Аміотовомъ Плутархѣ, именно слѣдующихъ лицъ: Тезея, Ликурга, Солона, Ромула, Нумы, Камилла, Публиколы, Фабія, Аристида, Перикла, Никія, Пелопида, Демосθена, Арата, Филопемена, Тимолеона, Павла Эмилія, Гракховъ, Катона цензора, Силлы, Марія, Цицерона, Катона Утикскаго и Марка Брута. 8 первыхъ пѣсней Иліады, отрывки изъ Одиссеи и нѣкоторыя главы Телемака были нами прочитаны для того, чтобы ознакомиться съ миθологіей и обычаями древнихъ. Мы прочли также самыя сильныя мѣста изъ знаменитой рѣчи Демосθена въ защиту народа, небольшое число подобныхъ выдержекъ защитительныхъ рѣчей Цицерона противъ Катилины и Верреса въ переводахъ аббата Ожье.

Сочиненіемъ Гиббона я главнымъ образомъ руководствовался при изложеніи исторіи имперіи и, въ ожиданіи изданія продолженія ея, я прибѣгнулъ къ сокращенію Буриньи и выборкамъ

éléments de Millot combinés suivant le besoin avec le cours de Condillac et les Révolutions romaines de Vertot, des fragments de trois ouvrages modernes aussi vantés pour leur style que pour leur mérite intrinséque, l'histoire de l'ancienne Grèce de Gillies, celle des progrès et de la chûte de la République Romaine de Fergusson, et la grande histoire de la décadence et de la chûte de l'empire romain de Gibbon. On a consulté un grand nombre de passages extraits d'Hérodote, de Thucydide, Xénophon, Polybe, Denys d'Halicarnasse, Tite Live, Suétone, Tacite, Hérodien et Ammien Marcellin et l'on a lu de suite une partie de Cornélius Népos, les premiers chapitres du livre de Goguet sur l'origine des Lois, Arts et Métiers, la vie des hommes illustres dans le Plutarque d'Amyot, savoir celles des personnages suivants: Thésée, Lycurgue, Solon, Romulus, Numa, Camille, Publicola, Fabius, Aristide, Periclès, Nicias, Pélopidas, Démosthène, Aratus, Philopémen, Timoléon, Paul Emile, les Graques, Caton le Censeur, Sylla, Marius, Cicéron, Caton d'Utique et Marcus Brutus; les 8 premiers chants de l'Iliade, des fragments de l'Odyssée et quelques livres du Télémaque pour avoir une idée de la mythologie et des anciens usages; les traits les plus frappants de l'admirable harangue de Démosthène pour la couronne,

изъ другихъ писателей—для изложенія замѣчательнѣйшихъ событій исторіи Нижней Имперіи; въ этомъ случаѣ пришлось нѣсколько распространиться о водвореніи славянъ, аваровъ, булгаръ, комановъ, печенѣговъ и венгровъ по сосѣдству Дуная; надобно было коснуться начала, распространенія и упадка двухъ королевствъ болгарскихъ и государствъ, возникшихъ на развалинахъ Калифата; пришлось также остановиться, чтобы прослѣдить возрастаніе могущества папъ, крестовые походы, побѣды монголовъ и турокъ; я не забылъ при этомъ упомянуть о тѣхъ жалкихъ раздорахъ монаховъ, которые воздвигли престолы глупости тамъ, гдѣ такъ долго царили науки, искусства и изящный вкусъ и взамѣнъ чувствъ, облагораживавшихъ въ былыя времена умы грековъ, они распространили постыдное суевѣріе со всѣми пороками рабства и униженія. Руководствомъ при изученіи новой исторіи служилъ намъ сокращенный курсъ Миллота съ «искусствомъ повѣрять времясчисленіе» и рукописными таблицами. Хорошенькіе рисунки, изданные въ пособіе для изученія французской исторіи, ознакомили съ костюмами древнихъ до XIII-го вѣка; наконецъ, когда было необходимо излагать событія съ бо́льшей подробностью, я прибѣгалъ къ авторамъ изслѣдовавшимъ отдѣльные эпизоды исторіи. Метода, которой я при этомъ постоянно держался, состоитъ въ слѣдующемъ: я застав-

---

un petit nombre de traits pareils tirés des plaidoyers de Cicéron contre Catilina et Verrès dans les traductions de l'Abbé Auger.

L'ouvrage de Gibbon a été mon guide principal pour l'histoire des empereurs, et en attendant sa continuation, j'ai recouru à l'abrégé de Burigny et à des extraits de divers auteurs pour exposer les évènements les plus remarquables de l'histoire du Bas Empire. Il a fallu à cette occasion s'étendre un peu sur les établissements des Slaves, Avares, Bulgares, Comans, Petschénègues et Hongrois dans les pays voisins du Danube; il a fallu toucher l'origine, les progrès et la décadence des deux royaumes de Bulgarie et des Etats qui s'élevèrent sur les ruines du Califat; il a fallu s'arrêter pour suivre l'accroissement de la puissance des papes, les croisades, les conquêtes des Mongoles et des Turcs sans oublier ces pitoyables querelles de Moines qui élevèrent le trône de la sottise dans ces mêmes lieux où avait été si longtemp celui de science, des arts et du goût, en substituant aux sentiments qui avaient jadis ennobli l'esprit des Grecs, une superstition honteuse et tous les vices de l'esclavage et de la bassesse.

Le cours abrégé de Millot a été notre guide pour l'histoire moderne, joint à l'art de vérifier les dates et à des tables manuscrites.

Les jolies estampes publiées pour l'intelligence de l'histoire de Fran-

лялъ в. князей читать попеременно и объяснялъ имъ все доступное ихъ возрасту и пониманію и также тѣ вопросы, которые были нужны мнѣ въ данномъ случаѣ. При этомъ я разспрашивалъ ихъ о прочитанномъ, чтобы заставить быть болѣе внимательными и постáвить въ необходимость изъясняться точно и правильно. Продолжая чтеніе, вел. князья дошли до царствованія Генриха IV, короля французскаго; они скоро дойдутъ до нашего времени и когда они, между чтеніемъ, запишутъ бóльшую часть изъ тѣхъ замѣтокъ, которыя должны быть внесены въ тетради, они составятъ себѣ идею объ общемъ ходѣ исторіи. Когда эта работа будетъ окончена, останется только пополнить и выправить эти бѣглыя замѣтки новымъ курсомъ исторіи и избравъ хронологическую систему, можно не опасаясь, что вел. князья перепутаютъ событія, заняться съ ними въ одно время древней и новой исторіей; тогда наступитъ время обратить серьезное вниманіе на источники и ознакомиться съ разсказами лицъ, игравшихъ роль въ великихъ историческихъ переворотахъ, или бывшихъ свидѣтелями ихъ, о современныхъ имъ событіяхъ, и если не современниковъ, то людей жившихъ близко къ описываемой ими эпохѣ и могущихъ разъяснить причины событій. Въ это же время будетъ умѣстно и полезно заняться изученіемъ начала обществъ, наукъ, искусствъ, законовъ, раз-

---

ce, ont servi à faire connaître les anciens costumes jusqu'au 13-ème siècle. Lorsqu'il a été nécessaire enfin d'entrer dans les détails pour certains évènements, j'ai recouru à des auteurs particuliers. La méthode que j'ai constamment suivie a été de faire lire Mgrs à tour, de leur expliquer tout ce qui était de leur âge, ou à leur portée, ou nécessaire pour le moment et de les questionner pour les engager à être attentifs et pour les obliger à s'énoncer avec ordre et précision. En continuant ces lectures, mgrs sont parvenus au règne de Henri IV roi de France, bientôt ils arriveront à notre temps, et comme dans l'intervalle ils auront écrit la majeure partie des notes qui restent encore à écrire, ils acquerront une idée de l'ensemble de l'histoire. Cet ouvrage achevé, il s'agira de compléter et de rectifier ces notions imparfaites par un nouveau cours; et après avoir choisi un système de chronologie, on pourra sans craindre de confondre, s'occuper en même temps de l'histoire ancienne et de l'histoire moderne. Il sera temps alors de s'attacher sérieusement aux originaux et d'entendre raconter les grandes révolutions, ou par ceux qui y jouèrent un rôle, ou par ceux qui en furent les témoins, ou par ceux qui les ayant décrites à une époque très voisine, étaient en état d'en indiquer les vraies causes. C'est alors aussi qu'il sera convenable et utile de s'occuper de l'origine des so-

личныхъ формъ правленія. Этотъ второй курсъ не окончится такъ скоро, но если справедливо мнѣніе, что исторія есть школа государственнаго человѣка, и что она подготовляетъ его къ дѣлу, то надо употребить всевозможныя усилія, чтобы достичь этой цѣли, совѣтуясь, съ одной стороны, съ здравой критикой и воздерживаясь, съ другой, всѣми силами отъ заимствованія чужихъ предразсудковъ. Это потребуетъ времени, настойчивыхъ занятій и трудовъ.

Ариѳметика. Когда я достигъ того, что великіе князья усвоили начальныя основанія этой науки, я пошелъ далѣе до пропорцій. Не довольствуясь разъясненіемъ основаній и правилъ, съ указаніемъ примѣненія ихъ къ простѣйшимъ и болѣе сложнымъ случаямъ, я требовалъ, чтобы они одни, безъ посторонней помощи, производили всѣ, извѣстныя имъ, математическія дѣйствія; чтобы они отыскивали и исправляли свои ошибки безъ моего вмѣшательства и чтобы они мнѣ въ обоихъ случаяхъ отдавали отчетъ въ своей работѣ. Вслѣдствіе этого я полагаю, что в. к. Александръ въ состояніи самъ и безошибочно (когда онъ внимателенъ), передѣлать всѣ ариѳметическія дѣйствія надъ цѣлыми числами, обыкновенными и десятичными дробями, какъ бы ни были велики численныя значенія цифръ.

Молодость младшаго изъ вел. князей, при его излишней жи-

---

ciétés, de celle des sciences et des arts, des lois, des diverses formes de gouvernement. Ce second cours ne sera terminé si tôt; mais s'il est vrai que l'histoire soit l'école des hommes d'état, s'il est vrai qu'elle les prépare pour le moment de l'action, on ne saurait trop s'efforcer d'atteindre ce but, en consultant d'un côté la saine critique et en s'abstenant de l'autre autant que possible d'adopter les préjugés d'autrui; ce qui requiert du temps, une application soutenue et quelque peine.

Arithmétique. Après avoir ramené mgrs aux notions primitives et fondamentales de cette science, je les ai conduits jusques aux règles de proportion, et non content de leur expliquer les principes et les règles, en montrant leur application aux cas les plus simples comme aux plus composés, j'ai exigé qu'ils exécutassent seuls toutes les opérations qui leur étaient connues, qu'ils découvrissent et corrigeassent leurs erreurs sans mon assistance et qu'ils me rendissent compte des unes et des autres. En conséquence de cela, je crois mgr le grand duc Alexandre en état d'exécuter seul et sans faute (s'il fait attention) toutes les opérations arithmétiques sur les entiers, les fractions ordinaires et les décimales, quels que grands que soient les nombres.

L'infériorité d'âge du cadet de mgrs, jointe à son extrême vivacité,

вости, не дозволяетъ требовать отъ него такого-же твердаго знанія правилъ и ихъ приложеній, однакожъ онъ рѣшалъ нѣсколько разъ задачи одинаковыя съ братомъ, или находилъ и исправлялъ ошибки въ рѣшеніяхъ задачъ, если онъ занимался съ охотой. Вообще, вел. князья недостаточно еще напрактиковались въ этой работѣ. Во время этихъ уроковъ я старался также объяснить вел. князьямъ значеніе алгебраическихъ знаковъ.

Геометрія. Вел. князья записали элементарныя предложенія, касающіяся до линій, угловъ, треугольниковъ, четыреугольниковъ, многоугольниковъ и круговъ послѣ того, какъ они прослѣдили развитіе доказательствъ этихъ предложеній; но такъ какъ для успѣшнаго хода дальнѣйшихъ занятій необходимо помнить эти основныя начала, то и пришлось вернуться назадъ, чтобы убѣдиться, что вел. князья хорошо усвоили ихъ. Впрочемъ, эти повторенія приближаются къ концу и мы не замедлимъ идти далѣе; тогда мы начнемъ съ приложенія правилъ пропорцій и отношеній къ линіямъ. Что же касается до методы, то я принялъ въ этомъ случаѣ слѣдующую: только-что геометрическое положеніе достаточно разовьется, я требую, чтобы вел. князья записывали его, а чтобы увѣриться, что они его ясно понимаютъ, я требую, не только того, чтобы они входили

---

ne permettent pas d'exiger qu'il soit aussi ferme sur les principes et sur leur développement; cependant il a exécuté plusieurs fois les mêmes opérations que son frère, seul, sans fautes ou en parvenant à les découvrir et à les corriger, avec beaucoup de bonne volonté. De qui manque à tous les deux est l'exercice. Chemin faisant j'ai tâché enfin de faire comprendre à mgrs la signification des signes algébriques.

Géométrie. Mgrs ont écrit les propositions élémentaires qui concernent les lignes, les angles, les triangles, les quadrilatères les polygones et les cercles, après avoir vu développer leurs démonstrations; mais comme il était essentiel, avant de passer outre, qu'ils n'oubliassent pas ces commencements, il a fallu revenir en arrière pour s'en assurer. Cette répétition étant au reste sur le point d'être terminée, nous ne tarderons pas à poursuivre notre marche, et ce sera par l'application des principes des rapports et des proportions aux lignes, que nous débuterons.

Quant à la méthode, dès qu'une proposition a été suffisamment développée, je la fais écrire à mgrs, et pour m'assurer s'ils l'ont bien comprise, j'exige non seulement qu'ils entrent dans tous les détails de son développement, mais qu'ils fassent de même avec les propositions antérieures dont ils font usage. Ces procédés entraînent sans doute des

во всѣ подробности развитія доказательствъ, но чтобы они доказывали при этомъ вѣрность всѣхъ второстепенныхъ предложеній, на которыя они ссылаются при доказательствахъ. Этотъ пріемъ затягиваетъ, конечно, дѣло вначалѣ, но остановки выкупаются тѣмъ, что вел. князья приобрѣтаютъ привычку сосредоточивать свое вниманіе на одномъ предметѣ, подвергая его всестороннему изслѣдованію и привыкаютъ не произносить ни одного сужденія, не подкрѣпляемаго точными доказательствами; два преимущества, драгоцѣнныя во всѣхъ отношеніяхъ, которыя приобрѣтаются при пособіи геометрическаго метода гораздо вѣрнѣе, чѣмъ при содѣйствіи столь восхваляемыхъ правилъ логики.

Различіе возрастовъ отражается и на успѣхахъ, которые вел. князья оказали въ геометріи; старшій выказываетъ большія способности, и хотя рѣзвость младшаго мѣшаетъ ему часто быть настолько внимательнымъ, чтобы вполнѣ прослѣдить доказательство, въ немъ замѣтна по крайней мѣрѣ добрая воля, такъ что онъ подаетъ надежды на успѣхъ.

Когда вел. князья нѣсколько болѣе ознакомятся съ геометріей, можно будетъ показать имъ практическое приложеніе того, чтò они видѣли на бумагѣ, рѣшая съ ними нѣкоторыя задачи въ полѣ*), и тогда уже можно будетъ ознакомить ихъ съ фи-

---

longueurs dans les commencements, mais elles ne seraient pas à regreter si mgrs contractaient l'habitude de fixer leur attention sur un seul objet en le considérant sous toutes ses faces, et s'ils s'accoutumaient à ne prononcer aucun jugement qui ne reposât sur de bonnes preuves, deux avantages précieux dans toutes les conditions et que la méthode des géomètres procure plus sûrement que tous les préceptes si vantés de la logique.

La différence des âges en met aussi dans les progrès que mgrs ont fait. L'aîné montre beaucoup d'aptitude, et quoique la pétulance du cadet le prive souvent de l'attention nécessaire pour suivre les démonstrations, il montre au moins de la bonne volonté et donne des espérances.

Lorsque mgrs auront quelques connaissances géométriques de plus, on pourra leur montrer sur le terrein quelques applications de ce

---

*) Чего я не могъ достигнуть, несмотря на всѣ старанія мои. Я предлагалъ тогда, чтобы в. князья подъ руководствомъ инженера, опытнаго въ землемѣрныхъ работахъ, ознакомились въ полѣ со всѣми способами, которые даетъ геометрія для работъ этого рода.

Примѣч. Лагарпа.

зическими явленіями, подтверждая физическіе законы опытами, сначала самыми простыми, въ ожиданіи того времени, когда можно будетъ начать съ ними полный курсъ экспериментальной физики. При пособіи ихъ микроскопа можно будетъ, теперь же, во время лѣта, дать имъ начальныя понятія объ естественной исторіи, что увеличитъ интересъ ихъ прогулокъ. Я не беру на себя смѣлости вдаваться въ подробности, относящіяся до этой обширной науки, тѣмъ болѣе, что ея имп. вел. имѣетъ въ своемъ государствѣ не только перваго въ Европѣ ученаго по естествознанію, но вдобавокъ человѣка, способнаго ясно изложить различныя отрасли этой интересной науки и опредѣлить объемъ знаній, нужныхъ въ той сферѣ общественной дѣятельности, къ которой готовятся ихъ высочества*). Что же касается до философіи въ настоящемъ смыслѣ этого слова, то объ ней еще не можетъ быть и рѣчи, хотя при чтеніи исторіи и сопровождавшихъ его объясненіяхъ приходилось часто дѣлать замѣчанія, которыя философія приводитъ впослѣдствіи въ систему. Когда наступитъ время начать изученіе естественнаго права и правъ человѣка, составляющаго существенный элементъ естественнаго права, необходимо нужно будетъ останавливаться съ большимъ вниманіемъ на тѣхъ научныхъ данныхъ, которыя прилагаются главнымъ образомъ къ дѣлу въ томъ общественномъ положеніи,

---

qu'ils ont vu sur le papier**): il sera temps aussi de leur parler des phénomènes de la physique et de les constater par des expériences simples, en attendant que le moment soit venu de leur faire un cours complet de physique expérimentale. A l'aide de leur microscope on pourrait dès à présent leur donner durant l'été quelques notions d'histoire naturelle, qui augmenteraient peut-être l'intérêt de leurs promenades; mais il y aurait de la témérité de ma part, à entrer dans les détails de cette vaste science, lorsque s. m. i. a dans ses états non seulement le premier naturaliste de l'europe, mais de plus, l'homme le plus capable d'exposer avec clarté les diverses parties d'une sciense aussi intéressante, et de discerner ce qui convient aux personnes de la condition de mgrs.

Quant à la philosophie proprement dite, il ne peut pas encore en être question, quoique en lisant l'histoire et en discourant, on se trouve

---

*) Съ конца 1789 года, великіе князья начали учиться у Крафта экспериментальной физикѣ, а въ 1791 начали учиться натуральной исторіи у Палласа.

**) C'est à quoi je n'ai pu parvenir malgré tous mes efforts. Il eut été indispensable qu'un ingénieur habitué à faire exécuter toutes sortes d'ouvrages de campagne, leur fit connaître toutes les ressources de son art: c'est ce que j'ai proposé dans le temps.

къ которому ихъ высочества подготовляются; а такъ какъ мы имѣемъ лишь общіе трактаты объ этомъ предметѣ, то я занимаюсь въ настоящее время подробными изслѣдованіями этого вопроса и представлю ихъ въ свое время. Имѣю честь быть и проч.

31 марта 1789 г. **Фридрихъ Цезарь Лагарпъ.**

---

17 СЕНТЯБРЯ 1789 ГОДА.

Опытъ $5^1/_2$ лѣтъ доставилъ мнѣ возможность изучить характеръ в. кн. Константина. Сообщая в. с—ву съ полною довѣренностью наблюденія мои надъ нимъ, прошу нѣсколькихъ минутъ вниманія вашего.

Я нашелъ въ в. кн. начало тѣхъ добродѣтелей и талантовъ, которые обѣщаютъ великаго человѣка, но замѣченные мной, въ то же время, недостатки—такого свойства, что мѣшаютъ развитію этихъ счастливыхъ задатковъ. Во главѣ недостатковъ я ставлю нерадивость и упрямство, которое проявляется иногда въ проступкахъ, достойныхъ полнѣйшаго порицанія. Какъ бы ни желалъ я сообщить в. с—ву болѣе отрадныя свѣдѣнія, но истина не дозволяетъ мнѣ смягчать дѣйствительности, въ особенности когда правдолюбивыя намѣренія в. с. мнѣ извѣстны.

---

souvent dans le cas d'appliquer les observations qu'elle a réduites en systèmes.

Lorsqu'on sera enfin parvenu à expliquer le droit de la nature et des gens, qui en constitue la partie la plus utile, il sera essentiel de de distinguer avec soin ceux des principes qui sont particulièrement applicables à la position de mgrs, et puisqu'il n'existe que des ouvrages généraux sur cette matière, j'exposerai dans le temps les recherches particulières dont je m'occupe.

Je suis avec respect.

Le 31 Mars 1789. **Frédéric César de la Harpe.**

Mémoire du 17 septembre 1789.

Une expérience de 5 ans et demi m'ayant mis à portée à scruter le caractère de s. a. i. mgr. le gd duc Constantin, je viens avec une confiance illimitée offrir à v. e. mes observations et la prier de m'accorder quelques momens.

J'ai trouvé en mgr les germes de ces vertus et de ces talens qui annoncent les grands hommes, mais les défauts que j'ai reconnu dans le

Я утверждаю, что в. кн. былъ весьма нерадивъ, и не думаю, чтобы въ этомъ случаѣ потребовалось чье-либо удостовѣреніе кромѣ моего; мнѣ трудно было ошибаться въ этомъ отношеніи, когда повторяя 10, 20, 30 разъ тоже самое объясненіе, одну и туже мысль, я былъ такъ далекъ отъ цѣли, какъ будто я говорилъ въ первый разъ.

Имѣя 10 лѣтъ слишкомъ, в. кн. не можетъ еще читать безостановочно и мнѣ, только на урокахъ ариѳметики и геометріи, удалось поставить его въ необходимость прослѣдить одну идею въ теченіи 3-хъ минутъ сряду; чему же приписать все это — когда в. кн. уменъ, способенъ и памятливъ — какъ не тому, что онъ весьма рѣдко (почти никогда) упражняетъ свои способности, внѣ класснаго времени. Имѣя возможность безнаказанно пренебрегать вовсе той малой работой, которая ему задается время отъ времени или исполнять ее когда и какъ ему заблагоразсудится, онъ и теперь, такъ же, какъ 5 лѣтъ тому назадъ, занятъ только своими ружьями, знаменами, алебардами и думаетъ только объ играхъ въ солдатики, какъ во время урока, такъ и послѣ него.

Не зависть къ дѣтскимъ играмъ и радостямъ здѣсь говоритъ во мнѣ! сохрани меня Богъ отъ этого, нѣтъ! Я думаю только, что излишество вездѣ вредно и что слишкомъ большое

---

même temps, sont de nature à empêcher tout à fait le développement des premiers. Je mets en tête l'inapplication et une obstination qui dégénère en écarts très répréhensibles. Combien je desirerais entretenir v. e. de sujets plus réjouissans! mais la vérité n'admet aucuns palliatifs et les intentions droites de v. e. me sont connues.

J'ai dit que mgr était très inappliqué et je ne crois pas qu'il soit besoin ici d'aucun autre témoignage que du mien. Il m'eut été difficile de me tromper lorsqu'après avoir répété 10, 20, 30 fois la même explication et le même mot, je me suis le plus souvent trouvé aussi peu avancé que la première.

A 10 ans passés mgr ne lit pas encore couramment et je n'ai trouvé que l'arithmétique et la géométrie propres à le mettre dans la nécessité de suivre la même idée durant 3 minutes consécutives. A quoi donc attribuer tout sela, puisque mgr est doué de sagacité, de facilité et de mémoire? Sans doute à ce qu'il n'est que très rarement (pour ne pas dire jamais) dans le cas d'exercer ses facultés hors des leçons. Pouvant négliger impunément ou exécuter comme il lui plait et quand il lui plait, la faible tâche qu'on lui donne de temps en temps, il ne voit que ses fusils, ses drapeaux, ses hallebardes et ne pense durant ses leçons et après elles, qu'a jouer avec ses pions, ainsi qu'il le faisait il y a 5 ans.

однообразіе, въ дѣлѣ нравственныхъ интересовъ, можетъ съузить умственный кругозоръ человѣка. Я слишкомъ далекъ отъ мысли сдѣлать ученаго изъ 10-лѣтняго мальчика, но увѣренъ, въ то же время, что желаніе приучать ребенка къ самостоятельнымъ занятіямъ и къ тому, чтобы исполненіе обязанностей стояло у него на первомъ планѣ и за нимъ уже шли удовольствія, что желаніе это никогда не можетъ быть преждевременнымъ, особенно когда дѣло идетъ о воспитаніи человѣка, высоко поставленнаго по рожденію.

Нѣкоторые изъ современныхъ намъ знаменитыхъ писателей полагаютъ, что не слѣдуетъ насиловать дѣтскую природу, что надо подчиняться наклонностямъ дѣтей и облегчать имъ труды по возможности. Я уважаю этихъ знаменитыхъ людей и отдаю справедливость ихъ геніальнымъ трудамъ; я сознаюсь, что идеи ихъ принесли много пользы, но самыя авторитетныя имена ничего не значатъ, когда оказывается противорѣчіе здравому смыслу или фактамъ. Здравый смыслъ говоритъ намъ, что прилежаніе, послушаніе, любовь къ порядку, и можетъ быть, даже самыя добродѣтели и пороки — не что иное, какъ результатъ привычекъ, пріобрѣтенныхъ съ раннихъ лѣтъ. Здравый смыслъ учитъ насъ отличать позволительное снисхожденіе отъ вреднаго потворства и указываетъ на непреодолимую трудность воспитанія, когда снисходительность къ дѣтскимъ слабостямъ дѣлается обязательной для наставника. Здравый смыслъ даетъ намъ по-

---

A Dieu ne plaise que j'envie à l'enfance ses plaisirs et ses jeux: il me parait seulement que partout l'excès est dangereux et qu'une trop grande uniformité peut circonscrire le cercle des idées. Je suis bien éloigné de croire qu'il faille faire un savant d'un jeune homme de 10 ans et demi, en même tems que je suis convaincu qu'on ne peut lui faire prendre de trop bonne heure (et surtout lorsqu'il est né dans un rang élevé) l'habitude de travailler seul et de s'acquiter de ses devoirs avant de courir à ses plaisirs.

Plusieurs écrivains célèbres de nos jours ont prétendu qu'il ne fallait point contraindre l'enfance, qu'on devait se prêter à ces goûts, que le travail devait lui être rendu très facile L.——Je respecte ces hommes célèbres, je rends hommage à leur génie, je conviens qu'ils ont été utiles; mais les plus grands noms ne signifient rien dès qu'ils sont en opposition avec la saine raison ou avec les faits. La première nous montre que l'application, l'obéissance, l'amour. de l'ordre, et peut-être aussi nos vertus et nos vices, ne sont que des habitudes: elle nous enseigne à distinguer les complaisances innocentes de celles qui sont répréhensibles

чувствовать, что вѣрнѣйшее средство развить наше дарованіе состоитъ въ борьбѣ съ препятствіями, что мы можемъ притупить его и унизить ребенка нравственно, если будемъ постоянно отстранять эти препятствія. Опытъ и факты подтверждаютъ это убѣжденіе. Великіе люди всѣхъ странъ и всѣхъ вѣковъ — всѣ безъ исключеній — достигали величія, сами преодолѣвъ безчисленныя препятствія, встрѣчавшіяся имъ на пути, и тогда только, когда они съ раннихъ поръ приучались употреблять въ дѣло врожденныя способности. Я откажусь отъ убѣжденій моихъ относительно этого предмета, если мнѣ укажутъ людей, дѣйствительно великихъ, которые достигли величія шутя и не зная никогда принужденія, не признавая закона необходимости и никакихъ обязанностей.

Я сказалъ, что в. кн. имѣетъ дарованія; но какое онъ сдѣлаетъ употребленіе изъ нихъ, если они останутся неразвитыми? Разсказываютъ, что фанатики на Востокѣ теряютъ способность владѣть членами, оставаясь въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ безъ движенія; я увѣренъ, что тоже будетъ со способностями и врожденными дарованіями в. кн., если они останутся безъ приложеній къ дѣлу и не будутъ развиваться съ раннихъ поръ; а какъ развить ихъ безъ усилій и безъ принужденія? Я думаю, что для развитія памяти слѣдуетъ заставлять в. кн. учить наизусть, что для упражненія какъ памяти, такъ и соображенія слѣдуетъ давать ему читать что-нибудь доступное его пониманію, обязывая

---

et les difficultés insurmontables de celles qui peuvent être vaincues: elle nous fait sentir que le plus sûr moyen de perfectionner nos facultés consistant à combattre les obstacles, ce serait les éteindre totalement et avilir l'âme elle-même, que de faire disparaître ces derniers. L'expérience et les faits viennent à l'appui de cette doctrine. Les grands hommes de tout les pays et de tous les siècles sans exception, ne sont devenus tels qu'après avoir affronté seuls des obstacles sans nombre qu'après avoir appris de bonne heure à bien user de leurs facultés. Je passerai condamnation sur se point lorsqu'on me citera des hommes vraiment grands devenus tels en jouant, sans avoir jamais connu la contrainte, la nécessité, ou les devoirs.

J'ai dit que mgr avait des talens, mais à quel usage s'en servira-t-il s'il ne les développe pas? On raconte que certains fanatiques de l'Orient perdent l'usage de leurs membres en les tenant immobiles pendant plusieurs années; je suis convaincu qu'il en serait de même des facultés et des talens qu'un bon emploi n'aurait pas développé de bonne heure; or comment y parvenir sans efforts et sans contrainte?

его запомнить содержаніе прочитаннаго. Я полагаю также, что онъ пріобрѣтетъ привычку быть внимательнымъ, рѣшая одинъ нѣкоторыя ариѳметическія и геометрическія задачи; но при этомъ слѣдуетъ поставить необходимымъ условіемъ: чтобы онъ исполнялъ безъ отлагательствъ и прежде всего заданную ему работу, и чтобы онъ, ни въ какомъ случаѣ, не былъ освобожденъ отъ нея. Предлагаемыя мною средства просты и легко исполнимы, къ тому же я нахожу ихъ неизбѣжными и пора бы примѣнить ихъ къ в. кн. съ твердостью, искореняя въ тоже время упрямство другими средствами, о которыхъ мнѣ остается еще сказать нѣсколько словъ. Эта несчастная наклонность проявляется у в. кн. всякій разъ, когда занятія разстроятъ его планы относительно игры (что случается очень часто) и какъ только обстоятельства ставятъ его при этомъ въ необходимость быть внимательнымъ, тогда припадки вспыльчивости проявляются такъ быстро, что предупредить ихъ весьма трудно, если не вовсе невозможно. На первый взглядъ могло бы показаться, что подобное сопротивленіе рождается при встрѣчѣ съ непобѣдимыми трудностями, еслибы в. кн. не выказывалъ его въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о вещахъ доступныхъ ему, въ особенности если приходится исполнять то, что онъ дѣлалъ легко и скоро и много разъ. В. с—во видѣли все это сами и еслибы потребовались новыя доказательства, то я ссылаюсь на самого в. кн.

Не вспоминая всего прошлаго, я напомню только в. с. о

Je pense qu'on fortifierait la mémoire de mgr en lui faisant apprendre par coeur, qu'on exercerait tout à la fois cette faculté et sa judiciaire en lui donnant à lire quelque chose à sa portée avec l'obligation d'en retenir le contenu; qu'il s'accoutumerait à l'attention en résolvant seul quelques questions d'arithmétique ou de géométrie; mais il serait essentiel qu'il remplit sans renvoi et avant tout sa tâche et que pour aucun cas il n'en fut dispensé. Ces moyens sont simples et faciles: je les regarde d'ailleurs comme indispensables, et il serait tems de les employer avec persévérance, tandis qu'on réprimerait l'obstination par les moyens dont il me reste à parler. Cette malheureuse disposition se manifeste chez mgr toutes les fois que l'occupation contrarie un de ses projets de jeu (ce qui est très fréquent), dès que les circonstances nécessitent son attention, et l'éclat qui en résulte est si instantané, qu'il est très difficile pour ne pas dire impossible da le prévenir. On pourrait soupçonner d'abord qu'une semblamble résistance dérive de difficultés insurmontables, si mgr ne la manifestait pas dans les choses qui sont le plus à sa portée, surtout lorsqu'il doit exécuter ce qu'il a

томъ, какому испытанію подвергалось мое терпѣніе въ первое время и сколько надо было умѣнья, хладнокровія и сдержанности, чтобъ довести в. кн. до того состоянія, въ которое онъ теперь поставленъ. Я надѣялся тогда, что, соединяя твердость съ терпѣніемъ, я дождусь наконецъ того времени, когда объ этихъ непріятностяхъ не будетъ и рѣчи; но года прошли и мы не подвинулись нисколько впередъ. Правда, в. кн. привыкъ заниматься въ опредѣленные часы и онъ знаетъ болѣе чѣмъ зналъ тогда; но при тѣхъ условіяхъ, среди которыхъ онъ находился до сихъ поръ, трудно было бы ожидать, что упрямство его пройдетъ, и дѣйствительно оно приобрѣло характеръ такой несдержанности, что потворствовать ей и терпѣть ее болѣе невозможно. Однакожъ до сихъ поръ в. кн. не забывался передо мной; я сдерживалъ его вспыльчивость и обуздывалъ порывы упрямства хладнокровіемъ, твердостью и въ особенности непоколебимостью моихъ рѣшеній; но послѣ безнаказанныхъ опытовъ надъ другими, долженъ былъ наступить мой чередъ, и сцена въ субботу, 15 сентября, была его первымъ опытомъ. Употребляя во зло мое терпѣніе въ теченіи 2-хъ часовъ сряду, когда дѣло шло о работѣ, которую онъ могъ исполнить въ 5 минутъ, и испробовавъ, совершенно тщетно, всѣ средства вывести меня изъ терпѣнія, онъ заставилъ наконецъ меня прибѣгнуть къ в. с—ву и вскорѣ послѣ полученнаго выговора, въ припадкѣ ярости, которую надо было видѣть, в. кн. укусилъ мнѣ руку.

---

déjà fait seul, promptement et sans difficulté, un grand nombre de fois: v. e. en a vu des exemples, et s'il fallait de nouvelles preuves, j'en appelerais à mgr lui-même.

Sans revenir sur le passé, v. e. sait à quelles épreuves ma patience a été mise les premières années, combien il a fallu d'adresse, de sangfroid, de ménagemens etc. pour amener mgr au point où il est. J'espérais alors qu'en mêlant la fermeté à la patience, les années viendraient où il ne serait plus question de ces objets désagréables: elles sont venues ces années et nous n'en sommes guères plus avancés. A la vérité mgr a été accoutumé à s'occuper à des heures marquées et il sait plus qu'il ne savait alors, mais dans les circonstances, il eut été étonnant que l'obstination vint à cesser, et en effet elle a dégénéré en excés qu'il est impossible de passer sous silence, ou de tolérer plus longtems. Jusqu' ici néanmoins mgr ne s'était pas oublié envers moi, j'en avais imposé à sa pétulance, et refréné son humeur mutine par le sangfroid, par la fermeté et surtout par l'immutabilité de mes résolutions. Après s'être essayé impunément ailleurs, mon tour devait arriver, et la scène du samedi

Подобное поведеніе повлечетъ за собой цѣлый рядъ печальныхъ послѣдствій, если оно обратится въ привычку, такъ что слѣдуетъ принять мѣры одинаково скорыя и дѣйствительныя.

Упорство, гнѣвъ и насиліе побѣждаются въ частномъ человѣкѣ общественнымъ воспитаніемъ, столкновеніемъ съ другими людьми, силою общественнаго мнѣнія и въ особенности законами, такъ что общество не будетъ потрясено вспышками его страстей; членъ царской семьи находится въ діаметрально противуположныхъ условіяхъ: высокое положеніе въ обществѣ лишаетъ его высшихъ, равныхъ и друзей; онъ, чаще всего, встрѣчаетъ въ окружающихъ толпу, созданную для него и подчиняющуюся его капризу. Привыкая дѣйствовать подъ впечатлѣніемъ минуты, онъ не замѣчаетъ даже наносимыхъ имъ смертельныхъ обидъ и убѣжденъ въ томъ, что оскорбленія лицъ, подобныхъ ему, забываются обиженными; онъ не знаетъ, что молчаніе угнетаемыхъ представляетъ еще весьма сомнительный признакъ забвенія обидъ, и что подобно молніи, которая блеснетъ и нанесетъ смертельный ударъ въ одно и тоже мгновеніе — месть оскорбленныхъ людей такъ же быстра, жестока и неумолима.

Можетъ ли служить своему отечеству тотъ, кто упорно пренебрегалъ познаніями, дающими возможность нести эту службу съ пользою? Составитъ ли онъ себѣ малѣйшее понятіе объ обязанностяхъ общественнаго дѣятеля, если онъ не изучалъ ихъ съ ранняго возраста и если онъ не умѣлъ обуздывать себя ни-

---

15-e s^{bre} a été son coup d'essai. C'est après avoir abusé de ma patience deux heures de suite pour un travail de cinq minutes, c'est après avoir inutilement tenté tous les moyens de me faire oublier mon sangfroid; c'est après m'avoir obligé de recourir à v. e.; c'est peu d'instans après une admonestation reçue, que dans un accès de fureur dont il faudrait avoir été le témoin, mgr me mordit la main.

Les suites fâcheuses qu'entrainerait une conduite pareille si elle dégénérait en habitude s'offrent en foule et requièrent l'application d'un remède également actif et prompt. L'obstination, la colère, la violence, sont réprimées dans un particulier par l'éducation publique, par le frottement des autres hommes, par la force de l'opinion et surtout par les loix, sans que la société soit ébranlée par l'explosion de ces passions. C'est tout le contraire chez un prince que sa situation élevée prive de supérieurs, d'égaux et d'amis, et qui ne voit le plus souvent dans ceux qui l'entourent qu'une tourbe créée pour lui et subordonnée à ses caprices. Habitué à suivre ses premiers mouvemens, il ne s'apperçoit pas même des mortelles offenses qu'il commet, il ne doute pas qu'on ne pardonne

когда? Будетъ ли онъ уважать своего государя, законы и ихъ охранителей, когда онъ такъ часто забывался передъ своими наставниками, и если безнаказанность его проступковъ противъ окружающихъ можетъ быть уже приучила его къ мысли, что другіе люди созданы для него? Домиціанъ занимался прокалываніемъ мухъ передъ тѣмъ, какъ онъ началъ проливать кровь людскую; ужасы царствованія Нерона были слѣдствіемъ потворства его дѣтскимъ причудамъ со стороны Бурра и Сенеки. Настало время, когда рѣшительныя мѣры необходимы. Откладывать болѣе уже невозможно, потому что послѣ 10-ти лѣтъ характеръ ребенка получаетъ опредѣленный складъ, такъ что надо опасаться, чтобы привычки, приобрѣтаемыя въ это время, не повліяли на человѣка до конца жизни — таковъ мой взглядъ на вещи.

Существованіе упрямства заставляетъ предполагать въ ребенкѣ желаніе сдѣлать на зло; а противъ желаній такого рода неразсуждаютъ, а дѣйствуютъ; заставляютъ подчиняться волѣ воспитателя, ломаютъ упорство, если нужно, и сила отпора, который даютъ въ этомъ случаѣ, должна, по возможности, соотвѣтствовать стойкости того капризнаго порыва, который желаютъ побороть въ ребенкѣ.

Ошибается тотъ, кто надѣется исправить упорство снисхожденіемъ; я всегда замѣчалъ, что если в. кн. принимаетъ въ одну секунду какое-нибудь рѣшеніе, надо съ своей

---

point à ses pareils, que le silence des opprîmés est un symptôme très équivoque d'oubli, et que semblable à la foudre qui luit et frappe en un instant, la vengeance des hommes outragés est également prompte, terrible et impitoyable.

Pourra-t-il servir sa patrie, le prince qui s'est obstiné à négliger les connaissances qui l'auraient mis en état de la servir avec succès? Aura-t-il quelque idée des devoirs de l'homme social s'il ne les a pas étudiés de bonne heure, s'il n'a jamais connu la contrainte? Respectera-t-il son souverain, les loix et leurs dépositaires, lui qui ignore encore ce qu'est l'obéissance, lui qui s'est oublié si souvent à l'égard de ses maîtres, lui que l'impunité a accoutumé peut-être à croire que les autres hommes sont faits pour lui? Domitien s'amusait à percer les mouches avant que de verser le sang humain, et les horreurs du règne de Néron furent les suites de la condescendance de Burrhus et de Sénèque pour les travers de son enfance. Le moment, le dernier moment est venu, de prendre une résolution définitive; car c'est après 10 ans que le caractère prend son pli, et les habitudes formées alors risquent d'in-

стороны рѣшаться еще скорѣе или по крайней мѣрѣ остановиться на опредѣленномъ планѣ дѣйствія въ то же самое время, чтобы внушить ему уваженіе къ себѣ; тогда онъ почувствуетъ неравенство силъ въ борьбѣ; но для этого надо дѣйствовать, и всякій разъ, когда я только могъ привести въ исполненіе принятое рѣшеніе, я достигалъ хорошихъ результатовъ. Снисходительность не приноситъ вреда тогда только, когда ребенокъ въ состояніи почувствовать достоинство ея, а въ настоящемъ случаѣ этого нѣтъ, и упрямецъ, о которомъ идетъ рѣчь, чувствуетъ только удовольствіе поставить на своемъ, сопротивляясь волѣ другихъ. Когда онъ впередъ увѣренъ, что ему удастся отдѣлаться какимъ-нибудь «простите» или обѣщаніями и ласками и вообще одними только чисто внѣшними признаками раскаянія, раскаяніемъ для виду, я отвѣчаю, что вслѣдъ за такимъ сознаніемъ вины вновь послѣдуетъ проступокъ; опыты мои не позволяютъ мнѣ усомниться въ этомъ и я готовъ даже доказать справедливость моихъ словъ. Я прихожу къ заключенію, что в. кн. должен быть наказанъ, какъ только онъ выкажетъ упорство вполнѣ опредѣлившееся, или позволитъ себѣ неприличныя выходки и жесты, и что, ни въ какомъ случаѣ, ни подъ какимъ предлогомъ, его не слѣдуетъ прощать. Онъ долженъ испытать на себѣ, что попирать безнаказанно порядокъ нельзя ни въ дѣтствѣ, ни въ зрѣломъ возрастѣ. Чтобы онъ почувствовалъ отвращеніе отъ этихъ печальныхъ и постоянныхъ повтореній

---

fluer sur le reste de la vie. Voici donc ma manière d'envisager les choses.

Dès qu'il y a obstination, il y a mauvaise volonté; or on ne raisonne pas contre la mauvaise volonté, on agit contre elle, on la force à se plier, la brise s'il le faut, et la contrainte qu'on lui oppose, doit autant que possible correspondre à la violence qu'il s'agit de réprimer.

C'est une erreur d'espérer qu'on corrige l'obstination par la condescendance. J'ai toujours observé que mgr, étant décidé en une seconde, il fallait être désidé plus vite, ou du moins tout aussi vite que lui, afin de lui en imposer; il sentait alors l'inégalité de son jeu, mais pour cet effet il fallait agir et toutes les fois que j'ai pu agir je m'en suis bien trouvé.

On ne risque rien à condescendre lorsque le mérite de la condescendance est senti, et tel n'est pas le cas présent, car l'obstiné dont il s'agit, ne sent que le plaisir de faire sa volonté en résistant à celle d'autrui, et s'il est assuré d'avance de s'en tirer par un: je vous de-

прежнихъ поступковъ своихъ, надо, чтобы онъ живо и долго чувствовалъ на себѣ ихъ послѣдствія. Повторяю, что болѣе нельзя терять ни минуты; но смѣю увѣрить, при этомъ, что вооружась твердостью, непоколебимостью и являясь передъ нимъ, въ одно и тоже время, справедливымъ и непреклоннымъ, не обращая вниманія на его просьбы и слезы; не поддаваясь ничьему заступничеству, какъ бы оно сильно ни было, уничтожая, однимъ словомъ, всякую надежду на безнаказанность, можно исправить в. кн. въ трехъ-мѣсячный срокъ; я настолько знаю его характеръ, что могу съ увѣренностью обѣщать это. Я предполагаю конечно, что вышеизложенныя мѣры будутъ приняты всѣми его окружающими и что ихъ будутъ придерживаться съ твердостью, что́ не легко исполнить; но мы достигнемъ гавани, если только каждый изъ насъ рѣшится пренебречь бурей.

Что касается до рода наказаній, то я полагаю, что въ томъ случаѣ, когда упорство сопровождалось неприличными словами или жестами, надо не только лишить в. кн. той или другой забавы, какъ это до сихъ поръ дѣлалось, но не дозволять ему кромѣ уроковъ никакого занятія, способнаго развлечь его или разсѣять его скуку, измѣняя срокъ этого наказанія отъ 4 до 15 дней сряду. Легкія наказанія оставляютъ послѣ себя слабое впечатлѣніе; тогда какъ серьезныя и продолжительныя лишенія остаются надолго въ памяти, ихъ остерегаются и в. кн. не забудетъ ихъ.

---

mande pardon, par quelques promesses, par des caresses et par un simple extérieur répentant, je réponds qu'il récidivera bientôt: l'expérience ne me laisse aucun doute là-dessue, et je suis en état de prouver ce que j'avance. Je conclus que mgr doit être puni dès qu'il aura manifesté une obstination bien caractérisée, ou se sera permis des propos et des gestes malhonnêtes, et qu'en aucun cas et sous ancun prétexte, on ne doit lui faire grâce. Il doit apprendre à ses dépens que la violation des règles, dans la jeunesse ainsi que dans l'âge mûr, n'admet aucun pardon, et pour le dégouter de ces tristes et perpétuelles récidives, il faut lui faire sentir longtems et vivement leurs suites. Il n'y a pas un moment à perdre, je le répète; mais j'ose assurer par contre qu'en s'armant de persévérance et d'inflexibilité, qu'en se montrant à la fois juste et inexorable, qu'en dédaignant les prières et les larmes, qu'en résistant à toutes interceptions, même aux plus puissantes, qu'en faisant évanouir, en un mot, tout espoir d'impunité, mgr sera corrigé en trois mois de temps, tant la connaissance que j'ai de son caractère, me donne la confiance de le promettre. Je

Наконецъ, если в. кн. выкажетъ насиліе, онъ увидитъ, что его подчиняютъ не словами, не лишеніями, а тѣмъ же насиліемъ, способнымъ поселить навсегда отвращеніе къ такого рода способу приводить въ исполненіе свои желанія. Что до меня касается, я прошу отвѣта в. с-ва на мои представленія, для того, чтобы я могъ дѣйствовать какъ должно, если я буду поставленъ вновь въ положеніе подобное субботнему, когда я чуть-было не рѣшился самъ принять надлежащія мѣры.

Я долженъ вдобавокъ замѣтить вашему сіятельству, что в. кн. забылся въ тотъ день до такой степени, что я не могу не требовать наказанія, въ ожидаціи повтореній такихъ поступковъ. Ему надо дать почувствовать его ошибку не одними словами или минутнымъ лишеніемъ, чтобы я безъ опасеній могъ оставаться его наставникомъ, а онъ — моимъ ученикомъ. Я бы упрекалъ себя цѣлую жизнь въ снисхожденіи или слабости, если бы простилъ ему это неосторожное оскорбленіе. Если онъ могъ такъ забыться въ первый разъ, то этотъ случай долженъ быть послѣднимъ. Имѣю честь быть и проч.

Съ тѣхъ поръ (т. е. съ 15 сент.) в. кн. разъ только, въ минуту вспыльчивости, опять чуть-было не забылся, но онъ тотчасъ же почувствовалъ свою вину и выразилъ раскаяніе, со свойственной ему живостью, такъ что было излишне доказы-

---

suppose au reste que les mesures si-dessus soient adoptées universellement et suivies avec persévérance, ce qui n'est pas facile; mais nous arriverons au port si chacun veut braver la tempête.

Quant à la nature des peines si l'obstination a été caractérisée ou accompagnée de paroles, de gestes malhonnêtes, je pense qu'on devrait priver mgr non pas seulement de telle ou telle espèce de jeux, ainsi qu'on l'a pratiqué jusqu'ici, mais de toute occupation propre à le distraire ou à charmer ses ennuis hors des leçons, et sela suivant les circonstances depuis 4 jusqu'à 15 jours de suite, parce que les peines légères, ne font qu'une impression légère, tandis qu'on se rappelle et se garde de celles qui ont été sérieuses et durables, et certainement mgr n'oublierait pas celles-ci.

Enfin si mgr se portait aux voies de fait, il conviendrait qu'il en fut repris, non par des raisonnemens, non par des privations, mais par des voies de fait propres à l'en dégouter pour toujours. En mon particulier je demande à v. e. une réponse sur ce point afin que si j'avais encore une fois le malheur de me trouver dans le cas de samedi, je puisse en toute sûreté agir comme il convient, et comme je fus sur le point de le faire.

Je dois représenter en outre à v. e. que la nature de l'oubli auquel

вать ему, что онъ виноватъ. Я, по справедливости, горжусь привязанностью в. кн.; я не купилъ ея снисхожденіемъ, за которое мнѣ приходилось бы краснѣть наединѣ съ собою. Я привязанъ къ нему не потому, что онъ занимаетъ высокое положеніе въ обществѣ, но за ту честность, правдивость, великодушныя наклонности и прямоту, которыя я замѣтилъ въ немъ и которыя заставляютъ любить его. Не будь онъ слишкомъ рано предоставленъ самому себѣ, или вѣрнѣе тѣмъ, кто захочетъ имѣть на него вліяніе, изъ него можетъ выйти вполнѣ достойный человѣкъ, если дадутъ надлежащее направленіе его наклонностямъ, направляя ихъ къ цѣли достойной его высокаго назначенія. Примѣч. Лагарпа.

Въ объясненіе этой характеристики в. кн. Константина, должно прибавить, что онъ росъ среди самыхъ неблагопріятныхъ педагогическихъ условій. Императрица сосредоточивала, какъ извѣстно, всѣ симпатіи свои и заботы на в. кн. Александрѣ Павловичѣ; в. кн. Константинъ, въ попеченіяхъ ея о воспитаніи внуковъ, отодвигался на второй планъ; эта неравномѣрность въ распредѣленіи попеченій и симпатій непремѣнно должна была отразиться на всѣхъ окружающихъ. Когда, по смерти Софьи Ивановны Бенкендорфъ, в. кн. перешли подъ надзоръ Н. И. Салтыкова (1783), ближайшее наблюденіе за в. кн. Константи-

---

mgr se porta ce jour-là, est telle que je ne saurais attendre une récidive pour exiger qu'il soit puni.

Il doit sentir sa faute autrement que par des reproches ou par des privations momentanées, pour que je puisse continuer en sûreté à être son précepteur et qu'il puisse être mon disciple. Je me reprocherais toute la vie ma condescendance ou ma faiblesse, si je lui pardonnais son incartade. S'il a pu s'oublier une première fois ce doit être la dernière.

Je suis avec respect. F. César Dela Harpe.

Note. Une seule fois dès lors, Mgr fut à la veille de s'oublier dans un moment où sa pétulance l'emporta au-delà des bornes, mais il ne fut pas nécessaire de lui prouver son tort, il le sentit au même instant et le témoigna avec son énergie accoutumée. — Ce n'est pas sans raison que son attachement pour moi m'honore: je ne l'ai acheté par aucune complaisance dont j'aie à rougir étant seul avec moi même, et les sentimens que je lui ai voué, sont indépendans de sa haute fortune, car il mérite d'être aimé pour sa loyauté, sa franchise, ses dispositions généreuses et sa droiture. — Qu'il ne soit pas abandonné trop tôt à lui même, ou pour mieux dire à ceux qui voudront l'entreprendre, et il deviendra un homme de mérite. — Il n'est question que de diriger ses passions vers un but digne de sa haute fortune.

номъ было поручено барону Карлу Ивановичу Сакену (возведенному впослѣдствіи имп. Павломъ въ графское достоинство). Сакенъ, по отзыву Масона, былъ во всѣхъ отношеніяхъ выше ген. Протасова, воспитателя в. кн. Александра, но, по своей мягкости, снисходительности и недостатку характера, онъ не съумѣлъ внушить къ себѣ уваженіе Кон. Пав.

Масонъ приводитъ весьма характеристичный случай, разъясняющій отношенія в. кн. къ воспитателю. Сакенъ заставлялъ Константина Павловича читать; — «не хочу читать! — отвѣтилъ ему однажды в. кн. — потому не хочу, что вижу какъ вы, читая постоянно, глупѣете день ото дня». Эта выходка вызвала смѣхъ. Очевидно, что, при такой обстановкѣ, ребенку трудно было понять дурную сторону подобныхъ выходокъ; онъ не замѣчалъ обидной стороны ихъ, когда вмѣсто неудовольствія онѣ вызывали смѣхъ; и не только не замѣчалъ, но даже вызывался на нихъ, потому что смѣхъ этотъ льстилъ дѣтскому самолюбію, выдвигая одну сторону этихъ выходокъ — остроумную находчивость и скрывая оскорбительный смыслъ ихъ. И не одинъ Сакенъ, если вѣрить Масону, но и всѣ окружающіе в. кн. (за исключеніемъ Лагарпа) сносили безотвѣтно оскорбленія, которыя онъ, въ припадкѣ каприза, наносилъ имъ. Молчаніе ихъ, какъ справедливо замѣчаетъ Лагарпъ, не доказывало, что они примирились съ этими оскорбленіями, и конечно въ нихъ таилось нерасположеніе къ в. кн., такъ что они не могли быть искренно къ нему привязаны; а при такихъ условіяхъ немыслимо благотворное воспитательное вліяніе. Нѣкоторая доля враждебности къ питомцу слышится и въ запискѣ Лагарпа; онъ самъ какъ будто чувствуетъ это, заглаживая въ концѣ, въ примѣчаніи, прежніе рѣзкіе отзывы, но вѣроятно это враждебное отношеніе сознавалось ребенкомъ, и вызывало то желаніе сдѣлать на зло, на которое указываетъ Лагарпъ, доказывая безотлагательную необходимость крутыхъ мѣръ въ отношеніи в. князя.

Н. П. Дуровъ.

Замѣтимъ, однако, что, возмужавъ, в. кн. Константинъ Павловичъ сохранялъ память о Лагарпѣ и свято сберегъ у себя значительное собраніе писемъ своего суроваго наставника къ императору Александру Павловичу и къ нему, великому князю. Подлинники этихъ писемъ, какъ слышно, недавно найдены въ

бумагахъ покойнаго генералъ-адъютанта Павла Константиновича Александрова, послѣ смерти его супруги, рожденной кн. Щербатовой.

Замѣтимъ еще, что въ V-мъ томѣ «Сборника русскаго историческаго общества» (Спб. 1870 г.), напечатаны письма императора Александра I-го и другихъ особъ царственнаго дома,— въ томъ числѣ и в. к. Константина Павловича къ Ф. Ц. Лагарпу. Нѣкоторые изъ этихъ документовъ (стр. 23, 52 — 59 Сборн.) могутъ служить дополненіемъ и разъясненіемъ печатаемыхъ нами записокъ или отчетовъ знаменитаго наставника.

Ред.

ЛИСТОКЪ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ГР. П. П. КОНОВНИЦЫНА.

1766 † 1822.

I.

20-го мая 1812 года своеручный приказъ государя императора Александра Павловича въ Вильнѣ.

Его императорское величество, изъ маневра, произведеннаго сего числа, подъ Вильною, 3-ею пѣхотною дивизіею, усматриваетъ, съ особеннымъ удовольствіемъ, совершенство, до котораго сія дивизія доведена, стараніемъ ея начальника, генералъ-лейтенанта Коновницына.

Поставляя его примѣромъ цѣлой арміи, его императорское величество объявляетъ ему свою совершенную признательность, равномѣрно объявляетъ благоволеніе гг. бригаднымъ командирамъ: генералъ-маіорамъ князю Шаховскому, Тучкову 4-му и полковнику Воейкову; полковымъ шефамъ и прочимъ, какъ штабъ и оберъ-офицерамъ, такъ и нижнимъ чинамъ, и жалуетъ симъ послѣднимъ, въ поощреніе, по 5 рублей на человѣка.

II.

Копія съ моего приказа мая 21 дня 1812 года, № 103.

Препровождая у сего приказъ г. главнокомандующаго, по арміи отданный, изъявляющій высочайшую милость къ 3-й пѣхотной дивизіи, коей я имѣю честь командовать, обязаннымъ себя нахожу повторить совершенную признательность мою всѣмъ

чинамъ, усердіе и рвеніе коихъ доставило мнѣ столь лестное, не по заслугамъ моимъ, воздаяніе Монарха. Въ особенности же долженъ покорно благодарить гг. полковыхъ начальниковъ за примѣрную заботливость и исправность ихъ по ввѣреннымъ имъ частямъ. Имъ обязанъ я за милость всемилостивѣйшаго государя и лестныя тѣ похвалы, кои мнѣ въ приказѣ семъ отданы, не принимая относящимися собственно къ моему лицу; счастливымъ себя считаю, что могу раздѣлить оныя съ ними, какъ товарищами, коихъ цѣнить и уважать я истинно умѣю.

III.

За дѣло 14-го іюня при Витебскѣ и за всѣ дѣла аріергардныя отъ Вязьмы до Бородина, пожалованъ мнѣ орденъ Александра Невскаго.

—

За дѣла 5-го, 6-го и 7-го августа въ Смоленскѣ и при ономъ, орденъ Владиміра 2-го класса.

—

Получилъ званіе его величества генералъ-адъютанта въ Вильнѣ, 12-го декабря 1812 года.

Изъ Вильны выѣхалъ въ Петербургъ 27-го декабря, прибылъ 31-го числа. Возвратился въ Плоцкъ 3-го января 1813 г. къ арміи.

—

4-го сентября 1812 года призванъ принять должность дежурнаго генерала всѣхъ армій. Въ сей должности былъ до 27-го декабря сего же года.

—

11-го іюня (1812 г.) въ 3 часа на свѣту получено извѣстіе, что французы переправляются у Ковно.

—

Сего же числа въ 8 часовъ вечера отступили къ Вильнѣ. Шли цѣлую ночь. Тучковъ 4-й остался съ 4-мъ баталіономъ въ Риссонтахъ, а Шаховской—въ Высокомъ дворѣ.

—

14-го числа государь отбылъ изъ Вильны.

—

Іюня 6-го 1812 г. государь императоръ удостоилъ у меня обѣдать въ г. Трокахъ.

—

9-го февраля 1813 г. получилъ орденъ 2-го класса Георгія, въ Конинѣ, за храбрость во всѣхъ дѣлахъ.

—

10-го прибылъ къ корпусу гренадеровъ.

—

13-го повелѣно производить столовыя серебромъ.

—

15-го выпросилъ 4000 руб. Дамасу.

—

По рекомендаціи моей вышло отличіе полкамъ, бывшимъ у меня въ дѣлахъ:

Гвардіи { Измайловскому, Литовскому } Георгіевскія знамена.

Гренадерскимъ: Лейбъ, Павловскому, Аракчеева } Георгіевскія знамена.

Всей третьей дивизіи, бывшей прежде моей, гренадерскій походъ и Черниговскому полку } Георгіевскія знамена.

Сообщ. графиня М. Н. Коновницына.

РАЗСКАЗЫ АДМИРАЛА ПАВЛА АНДРЕЕВИЧА КОЛЗАКОВА.

(1779 † 1864).

I.

Взятіе въ плѣнъ маршала Вандамма.

18-го августа 1813 г.

Подъ приведеннымъ общимъ названіемъ «Разсказовъ» редакція «Русской Старины» надѣется помѣстить цѣлый рядъ интересныхъ эпизодовъ изъ боевой жизни недавно скончавшагося (1864 г.) адмирала Павла Андреевича Колзакова. Павелъ Андреевичъ любилъ вспоминать и разсказывать о событіяхъ изъ его многолѣтней жизни, причемъ передавалъ ихъ въ кругу друзей весьма весело, увлекательно и во всѣхъ передаваемыхъ имъ подробностяхъ являлъ свѣт-

лую, отчетливую память. Сынъ покойнаго, генералъ Константинъ Павловичъ Колзаковъ тщательно записалъ наиболѣе любопытныя бесѣды своего родителя и съ помощью дневниковъ, веденныхъ Павломъ Андреевичемъ съ самыхъ молодыхъ лѣтъ и массы оставшихся послѣ него документовъ, привелъ все записанное имъ въ порядокъ. Весь этотъ матеріалъ, во всѣхъ отношеніяхъ интересный для исторіи минувшихъ четырехъ царствованій, Константинъ Павловичъ Колзаковъ весьма обязательно предложилъ въ распоряженіе редакціи «Русской Старины», которая будетъ помѣщать ихъ, время отъ времени, на страницахъ своего изданія.

Въ настоящей книгѣ мы помѣщаемъ одинъ изъ эпизодовъ въ жизни П. А. Колзакова: взятіе имъ въ плѣнъ маршала Вандамма въ столь славномъ для русскаго воинства бою подъ Кульмомъ. Но прежде нежели привести этотъ разсказъ, изложимъ, въ нѣсколькихъ строкахъ, главнѣйшіе факты служебной карьеры покойнаго адмирала.

Павелъ Андреевичъ Колзаковъ род. въ Тулѣ въ 1779 г.; воспитывался онъ въ Морскомъ Кадетскомъ Корпусѣ. Службу началъ въ 1794 году гардемариномъ, а въ 1795 г. произведенъ въ мичмана. Въ 1797 г. командированъ въ Архангельскъ на строющійся корабль «Азія», на которомъ и былъ при блокадѣ Текселя и потомъ при блокадѣ Мальты, взятіи Неаполя и занятіи Іоническихъ острововъ. Въ 1809 г. Колзаковъ отличился въ Финляндской кампаніи въ сраженіи при Куопіо противъ вдвое сильнѣйшаго непріятеля, будучи командиромъ отдѣльнаго отряда канонирскихъ лодокъ. Въ 1810 г. Павелъ Андреевичъ былъ назначенъ во вновь сформировавшійся гвардейскій экипажъ ротнымъ командиромъ и вскорѣ взятъ на императорскую яхту. Въ 1811 г. Колзаковъ назначенъ командиромъ яхты его императорскаго высочества цесаревича Константина Павловича, въ чинѣ капитанъ-лейтенанта. Въ началѣ 1812 г. онъ назначенъ адъютантомъ къ цесаревичу и при немъ дѣлалъ всѣ походы и участвовалъ въ разныхъ сраженіяхъ 1812, 1813, 1814 гг., послѣ чего оставался при Константинѣ Павловичѣ до самой его кончины. Въ 1831 г., назначенъ генералъ-адъютантомъ къ государю, а вскорѣ за тѣмъ и дежурнымъ генераломъ главнаго морского штаба, въ чинѣ вице-адмирала. Въ 1843 г. Колзаковъ произведенъ въ адмиралы и скончался въ Петербургѣ въ 1864 г. восьмидесяти пяти лѣтъ отъ роду.

Ред.

Дрезденское сраженіе доказало союзникамъ ту неоспоримую истину, что, когда нѣтъ единства въ начальствѣ, то успѣха ожидать нельзя. Князь Шварценбергъ, начальствовавшій соединенными арміями союзниковъ, находился въ самыхъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Три союзные монарха были при арміи и каждый изъ нихъ имѣлъ своихъ довѣренныхъ лицъ, искавшихъ случая выказаться въ глазахъ своихъ вѣнценосныхъ покровителей — и, такимъ образомъ, парализировали дѣйствія

главнокомандующаго. Соперничество національностей,—различіе идей и личное самолюбіе порождали интриги и безпрерывныя столкновенія между ними. Упускалось много времени въ напрасныхъ спорахъ и когда подходила наконецъ рѣшительная минута дѣйствія, оказывалось, что прежде задуманный планъ уже не годился никуда вслѣдствіе новыхъ возникшихъ случайностей.

Тоже самое случилось и передъ Дрезденскимъ сраженіемъ. Союзники могли бы занять этотъ городъ почти безъ выстрѣла, имѣвъ сосредоточенную 200,000-ную армію въ окрестностяхъ Дрездена, тогда какъ въ самомъ городѣ стоялъ только одинъ немногочисленный корпусъ Сенъ-Сира едва въ 14,000 человѣкъ; но пока у союзниковъ велись переговоры, Наполеонъ уже успѣлъ вступить въ столицу со 100,000-ю арміею на подкрѣпленіе осажденнаго гарнизона, и сраженіе не могло уже имѣть того успѣха.—Хотя дрезденское дѣло и нельзя считать пораженіемъ, какъ о томъ гласили тогда всѣ французскіе бюллетени, оно было только неудачною аттакою, но со всѣмъ тѣмъ оно имѣло совершенно видъ пораженія потому, что войска союзниковъ должны были отступить, и отступленіе это въ бурную осеннюю ночь, со множествомъ раненыхъ, по размокшимъ отъ дождя дорогамъ и въ ужасномъ безпорядкѣ, производило весьма печальное дѣйствіе. Уныніе распространилось въ войскѣ; утрачено было довѣріе къ начальствующимъ лицамъ, всѣ чувствовали какое-то ожесточеніе, соперничество національностей заговорило громче, русскіе бранили нѣмцовъ, взваливали на нихъ всю вину, однимъ словомъ, упадокъ духа и безпорядокъ дошли до-нельзя. Положеніе было весьма критическое. Императоръ Александръ понялъ, что надо было рѣшиться на что-нибудь отважное, смѣлое, дабы поднять духъ войска, однимъ словомъ, расплатиться долгомъ съ непріятелемъ, взять реванжъ, какъ говорятъ французы (une éclatante revange) и съ этою цѣлью принялъ онъ на себя званіе главнокомандующаго всѣми союзными арміями и сталъ дѣйствовать самостоятельно.

Войскамъ приказано было отступить на югъ, дабы преградить французамъ путь въ Богемію, куда стремился Наполеонъ.

Тремя колоннами шла наша армія на югъ, перешла горы, и послѣ славнаго дѣла при Цегиста 15 и 16 авг., въ которомъ удалось графу Остерману пробиться сквозь корпусъ генерала Ван-

дамма и стать на Теплицкую дорогу, армія наша была въ свою очередь аттакована французами въ превосходномъ числѣ, 17-го августа, близъ мѣстечка Кульма, гдѣ и произошло столь славное въ нашихъ лѣтописяхъ Кульмское сраженіе, продолжавшееся полтора дня и увѣнчавшее вполнѣ славу нашего оружія,—говорю нашего, потому что русское войско болѣе всѣхъ другихъ приняло въ немъ участіе.

Не стану разсказывать весь ходъ сраженія, изложеннаго въ подробности въ нѣсколькихъ сочиненіяхъ, но припомню только одинъ эпизодъ, которому былъ я очевидцемъ и въ которомъ на мою долю выпало принять непосредственное участіе.

Ночь съ 17-го на 18-е августа прекратила упорное, но еще не рѣшенное сраженіе, въ которомъ пріобрѣлъ себѣ вѣчную славу графъ Остерманъ, запечатлѣвъ ее потерею руки *); — войска наши стали готовиться къ новому бою и ранняя заря 18-го августа застала ихъ въ боевомъ порядкѣ по обѣимъ сторонамъ большой дороги; лѣвый флангъ упирался въ горы и состоялъ вмѣстѣ съ центромъ изъ русскихъ войскъ, а австрійцы стояли на правомъ крылѣ близъ деревни Карвицъ. Въ резервѣ стоялъ отрядъ подъ командою великаго князя Константина Павловича, при которомъ и я находился въ качествѣ адъютанта.

Императоръ Александръ, выѣхавъ рано по утру вмѣстѣ съ королемъ прусскимъ, въ сопровожденіи многочисленнаго и блестящаго штаба, отправился на высокую гору Шлосбергъ, съ вершины которой открылась вся панорама Кульмской долины и окрестностей. Живописныя развалины древняго зáмка рисовались на вершинѣ горы. Утро было прекрасное и поднявшійся туманъ, какъ занавѣсъ въ театрѣ, раскрылъ величественную панораму окрестностей съ ихъ лѣсистыми холмами, оврагами, ручьями, разбросанными деревнями—и цѣпью высокихъ горъ, терявшихся въ дальней синевѣ. Посреди этой прекрасной декораціи, свѣтлою ленточкой извивалась дорога, ведущая изъ Кульма къ Теплицу, и по обѣимъ сторонамъ ея рисовались темными пятнами на блѣднозеленѣющемъ фонѣ двѣ арміи, стоящія другъ противъ друга въ недальнемъ разстояніи, ожидающія одного мановенія руки, одного знака, чтобы ринуться въ бой ожесточенный и кровавый. Зрѣлище было ис-

*) 18-го числа начальствовалъ уже Барклай-де-Толли.

тинно величественное, и минута торжественная. Послѣдовавъ вмѣстѣ съ великимъ княземъ за свитою Государя, я былъ свидѣтелемъ этой минуты и никогда не изгладится она изъ памяти моей. Глядя на эту очаровательную природу, облитую золотистыми лучами восходящаго солнца—сколько различныхъ мыслей приходило мнѣ въ голову. Казалось, здѣсь-то рай долженъ быть земной. Красиво разбросанные въ долинѣ домики въ садахъ такъ уютно выглядывали изъ-за зелени. На нѣкоторыхъ поляхъ еще жатва не была убрана—все дышало свѣжестью, миромъ и жизнью—но бросивъ взглядъ на усѣянныя въ полѣ войска, сердце кровью обливалось и билось, чувствуя приближеніе роковой минуты!!... и сколько тысячъ сердецъ дрожало въ ожиданіи ея! Но сигналъ уже поданъ — было около 6 часовъ утра, забѣлѣли вдругъ по холмамъ бѣлые клубы дыма, и спустя нѣсколько секундъ послышался гулъ все чаще и чаще повторяемый раскатами эхо въ горахъ—и началась битва. Крестясь поскакали всѣ по своимъ мѣстамъ;—адъютанты и ординарцы разсѣялись съ приказаніями по полю и бой закипѣлъ по всей линіи. Отдаленные крики «ура», стоны раненыхъ, командныя слова, топотъ конницы, стукъ оружія, наконецъ грохотъ ружейной и пушечной пальбы — все слилось въ одинъ общій безпорядочный и неумолкаемый гулъ. Облака дыма затмѣвали воздухъ и наполняли его пороховымъ запахомъ. Съ ожесточеніемъ бросались полки на полки, сшибалась конница, налетая тучею другъ на друга, и поле покрылось трупами людей и лошадей. Вскорѣ тронулись и резервы наши, и храбрые воины, забывъ усталость почти трехъдневнаго боя, бросались въ огонь съ новымъ энтузіазмомъ и отвагою при крикахъ «ура!» Гвардія наша дѣлала чудеса храбрости. Все смѣшалось въ рукопашный бой. Только въ 11-мъ часу показались въ тылу французовъ войска подъ командою Клейста, которыхъ Вандаммъ съ начала принялъ за ожидаемое подкрѣпленіе. Смятеніе сдѣлалось въ ихъ рядахъ всеобщее. Видя себя окруженными, французы думали только о личномъ спасеніи и стали пробиваться сквозь непріятеля и до того смѣшались съ нимъ, въ тѣсныхъ дефилеяхъ горъ, что и тѣ и другіе, полагая себя побѣжденными, бросали оружіе и сдавались другъ другу. Сраженіе приняло видъ самый безпорядочный, солдаты карабкались по утесамъ, обрывались, скатывались съ нихъ, и разбрелись до того

по окрестнымъ горамъ, что даже начальники пришли въ недоумѣніе; самъ генералъ Клейстъ, видя со всѣхъ сторонъ непріятелей, полагалъ уже себя въ плѣну—и бросился въ лѣсъ искать спасенія, пока не встрѣтился случайно съ генераломъ Дибичемъ, которому первому пришлось его вывести изъ заблужденія и поздравить съ побѣдою.

Почти въ это самое время будучи посланъ уже въ четвертый разъ съ различными порученіями, возвращался я, пробираясь съ трудомъ по заваленнымъ дорогамъ въ дефилеяхъ.

Измученный конь мой, весь въ пѣнѣ, едва могъ передвигать ноги и спотыкался на всякомъ шагу; нѣсколько разъ рисковалъ я быть сброшеннымъ и потому, сойдя съ него, пошелъ пѣшкомъ, держа лошадь подъ узцы и пробирался по довольно крутой тропинкѣ. Чѣмъ ближе я подходилъ къ открытому полю, тѣмъ чаще попадались мнѣ тѣла убитыхъ и раненыхъ. Ужасно было глядѣть на этихъ несчастныхъ; стоны раненыхъ въ особенности раздирали мнѣ душу. Многіе изъ нихъ умоляли о помощи, просили воды, кричали, ругались; но крикъ ихъ и ругательства заглушались въ массѣ другихъ криковъ и въ шумѣ битвы, которая все еще не умолкала, но перенеслась уже за мѣстечко. Казаки и ординарцы скакали по полю по разнымъ направленіямъ. Легко раненые солдаты помогали переносить на носилкахъ тяжело раненыхъ. Все это двигалось, кричало, бранилось, шумѣло. Проскакали двое всадниковъ, крича: «побѣда! побѣда!» Нѣсколько солдатъ крестились, другіе прокричали «ура!» Слышу крики позади себя и топотъ лошадей. Оглядываюсь и вижу—выскакиваетъ изъ-за опушки лѣса толпа всадниковъ; вблизи раздаются нѣсколько выстрѣловъ, вглядываюсь и различаю французскіе мундиры. Я поспѣшно сѣлъ на лошадь и вынувъ невольно саблю изъ ноженъ, сталъ шпорить коня своего, дабы отстраниться отъ нападающихъ; но тщетно усиливался я понукать измученное животное. Лошадь уперлась и не трогалась съ мѣста. Толпа подскакиваетъ ближе, я вижу, что за ними скачутъ казаки въ догонку. Впереди всѣхъ неслась на тяжеломъ боевомъ конѣ тучная фигура французскаго генерала, въ разстегнутомъ на распашку мундирѣ; нѣсколько офицеровъ слѣдовали за нимъ. Два казака, бывшіе у меня въ тылу, случайно бросились ему на встрѣчу съ опущенными пиками. Слышу, хриплый голосъ кричитъ мнѣ: «gé-

néral russe, sauvez moi!» Конь мой, завидя скачущихъ, инстинктивно пустился вслѣдъ за казаками. Я закричалъ: «стой, казаки, стой! не коли!» и едва успѣлъ спарировать ударъ пики, какъ уже французы были окружены со всѣхъ сторонъ и сдались намъ въ плѣнъ.

Французскій генералъ остановился и сталъ слѣзать съ лошади. Толстое лицо его было красно отъ волненія, потъ градомъ лилъ, вмѣстѣ съ грязью, по щекамъ его. Мундиръ на немъ былъ весь въ пыли. Вздохнувъ нѣсколько разъ тяжело, онъ обратился ко мнѣ и, принимая меня все еще за генерала, вѣроятно по моей флотской шляпѣ, — съ театральнымъ жестомъ подалъ мнѣ свою шпагу, сказавъ: «Je vous rends, général, mon épée qui m'a servi pendant de longues années pour la gloire de mon pays». Но я отказался принять его шпагу, сказавъ, что онъ лично отдастъ ее государю нашему, къ которому его отведутъ, и спросивъ его фамилію, узналъ, что это былъ самъ главнокомандующій Вандаммъ. Онъ казался пьянъ, потому что насилу держался на ногахъ и просилъ нѣсколько минутъ отдохновенія, не будучи въ состояніи продолжать путь. Нѣсколько офицеровъ, взятыхъ вмѣстѣ съ нимъ въ плѣнъ, сошли съ лошадей и окружили его. Онъ сталъ всѣмъ имъ пожимать руки, приговаривая: «Mes braves amis! on n'est pas toujours heureux», и освѣдомился потомъ съ участіемъ о двухъ другихъ, вѣроятно раненыхъ и упавшихъ на дорогѣ. Я успокоилъ его, сказавъ, что они будутъ прибраны и отведены тотчасъ на перевязочный пунктъ. Завидѣвъ издали взводъ конногвардейцевъ, скачущихъ по полю, я послалъ казака къ нимъ на встрѣчу, съ приказаніемъ имъ приблизиться и конвоировать плѣнныхъ. Подскакали конногвардейцы, подъ командою ротмистра Сталя *). Я передалъ ему Вандамма со свитою, велѣвъ вести его къ государю, а самъ, пересѣвъ на казацкую лошадь, помчался впередъ, дабы извѣстить его величество о взятіи въ плѣнъ французскаго главнокомандующаго. Разстояніе было довольно велико—и прошло нѣкоторое время, пока мнѣ наконецъ указали новое мѣсто нахожденія императора Александра Павловича. Увидавъ его издали на вершинѣ горы, стоявшаго во главѣ своей свиты, я подска-

---

*) Впослѣдствіи комендантъ въ Москвѣ.

калъ прямо къ нему и громкимъ голосомъ возвѣстилъ о взятіи въ плѣнъ главнокомандующаго непріятельской арміи Вандамма. Стоявшій возлѣ государя нашего императоръ австрійскій, снявъ шляпу, закричалъ: «Vivat!» и вслѣдъ затѣмъ подъѣхалъ ко мнѣ великій князь Константинъ Павловичъ и, спросивъ: «гдѣ Вандаммъ?», приказалъ мнѣ ѣхать съ нимъ на встрѣчу. «Шпоры, сударь, шпоры», кричалъ мнѣ великій князь, понуждая меня нетерпѣливо къ скорѣйшей ѣздѣ. Болѣе получаса времени скакали мы по доламъ и холмамъ, отыскивая дорогу, съ которой въ-торопяхъ я совершенно сбился. Нетерпѣніе великаго князя доходило до-нельзя. «Колзаковъ, хочешь ли ты мнѣ дать Вандамма?» повторялъ онъ непрестанно съ возраставшимъ гнѣвомъ. «Вы шутите что ли надо мною?» Но напрасно разспрашивалъ я у проходящихъ, не видали ли они плѣннаго французскаго генерала, — никто не отвѣчалъ мнѣ удовлетворительно: наконецъ, выѣхавъ на какое-то возвышеніе, замѣтили мы издали шагомъ ѣдущій конвой и понеслись къ нему на встрѣчу. Вандаммъ, отдавая свою шпагу великому князю, принялъ его, вѣроятно, за государя, причемъ сказалъ ему «Sire» и повторилъ прежнюю фразу. Великій князь назвался ему и не принялъ шпаги, сказавъ, что онъ ее лично передастъ императору Александру. Когда подъѣхали мы съ плѣнными къ царю, Вандамма стащили съ лошади, съ которой онъ съ трудомъ слѣзалъ. Тяжело вздохнувъ, маршалъ бросился сначала къ своему коню, и обнявъ его шею, сталъ цѣловать его; потомъ медленно переступая, подошелъ къ государю, стоявшему впереди всѣхъ, и съ тѣмъ же театральнымъ движеніемъ повторилъ въ третій разъ свою фразу. Государь отвѣтилъ ему: «général, j'en suis bien fâché, mais c'est le sort de la guerre!» Затѣмъ кликнулъ кн. Волконскаго и отдалъ ему шпагу Вандамма, а плѣнныхъ приказалъ отвести. Sire, un mot encore», сказалъ Вандаммъ, «je prie votre majesté comme grâce de ne pas me rendre aux mains des Autrichiens». Государь съ улыбкою переглянулся съ императоромъ австрійскимъ и согласился на просьбу Вандамма, приказавъ князю Волконскому имѣть о немъ должное попеченіе.

Такъ кончилось достопамятное Кульмское сраженіе, трофеями котораго было 12,000 плѣнныхъ, множество пушекъ, знаменъ и

вдобавокъ самъ главнокомандующій. Дѣло прекратилось около часу по полудни.

Вандамма повезли къ Теплицу, но повозка его въѣзжала въ городъ въ самое то время, когда проходили полки союзныхъ армій и должна была у самой заставы остановиться. Бѣшенство Вандамма было ужасное; онъ думалъ, что его выставили на показъ, въ особенности австрійскихъ полковъ, которые, указывая на него пальцами, громко смѣялись и подтрунивали надъ нимъ. Въ это время императору Францу случилось проѣзжать мимо съ своимъ штабомъ. Высунувшись изъ кибитки, Вандаммъ обратился къ нему почти съ угрозою: «Sire, c'est ainsi que vous traitez un général au service de l'empereur Napoléon, votre proche parent? Je lui ferai connaitre vos procédés, prenez garde qu'il ne s'en venge». Императоръ австрійскій потеръ себѣ руки и проскакалъ мимо, приговаривая: «Ce n'est pas ma faute».

Вандамма отвезли сначала въ Прагу, гдѣ жители, ненавидѣвшіе его за прежнія жестокости и страшныя контрибуціи во время занятія французами нѣмецкихъ городовъ, приняли маршала весьма враждебно. Народъ сталъ бросать въ него камни, чернь кидалась на повозку, такъ что казацкій конвой насилу могъ его защитить. При этомъ восемь казаковъ было ранено камнями. Впослѣдствіи Вандамма отвезли въ Россію, гдѣ онъ и пробылъ въ Вяткѣ до самаго окончанія войны.

Сообщ. К. П. Колвановъ.

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ Н. А. ТИТОВА.

I.

Малолѣтное отдѣленіе I-го кадетскаго корпуса въ 1808 г.

.....Въ началѣ 1808 года отданы были мы съ братомъ Петромъ въ 1-й кадетскій корпусъ. Предварительно были мы представлены на смотръ къ цесаревичу в. к. Константину Павловичу, жившему въ Мраморномъ дворцѣ.

Когда привезли насъ въ корпусъ, насъ отвели въ лазаретъ, гдѣ насъ раздѣли, осмотрѣли наше тѣлосложеніе, а потомъ

привили оспу. Поступили мы въ 5-ю камеру малолѣтнаго отдѣленія, которою завѣдывала мадамъ Альбедиль *), женщина пожилыхъ лѣтъ, высокаго роста, худая, черноволосая, косая и къ довершенію пресердитая. При камерѣ были двѣ няньки, первая половина малолѣтныхъ принадлежала Ивановнѣ, вторая же — Акулинѣ; у этой послѣдней находились и мы. Трудно было сначала привыкать къ казенной пищѣ и казенному бѣлью. По утрамъ вмѣсто чая намъ давали овсяный супъ и полубѣлую булку. За обѣдомъ кормили насъ плохо: дадутъ тарелку супу, кусокъ жесткой говядины и пирогъ съ кашей, или со пшеномъ, или говядиной. По праздникамъ давали пирожное — хворосты. Послѣ классовъ во время рекреацій, мы играли въ большой залѣ, гдѣ въ 4 часа становили насъ по камерамъ и вмѣсто вечерняго чая давали по полубѣлой булкѣ и по стакану воды; ужинъ состоялъ изъ тарелки супа и гречневой каши съ масломъ. Мы носили на головѣ шапки-венгерки съ кисточкою изъ разноцвѣтныхъ суконъ. Сколько разъ бывало за ужиномъ, когда давали кашу, выложишь ее въ венгерку и унесешь съ собою въ камеру, спрячешь подъ подушку и поутру лакомишься этою кашею, вынимая ее пригоршней. Иной разъ за ужиномъ давали намъ пряженцы. Это просто былъ ломоть бѣлаго хлѣба, обжаренного въ маслѣ..

По вечерамъ и по утрамъ Акулина поила насъ чаемъ, который присылала ей матушка, и конечно при этомъ дарила ее деньгами, потому что Акулина насъ особенно отличала. Я былъ мальчикъ бойкій, смышленый, но шалунъ. Поступилъ я прямо въ 3-й классъ, и—дебютировалъ тѣмъ, что когда учитель Житковъ подошедши ко мнѣ спросилъ: «какъ твоя фамилія?» это фамильярное слово тебя такъ меня озадачило, что и я его спросилъ: «а тебя какъ зовутъ?» Не помню только какъ, но я былъ за это наказанъ. Въ первый же годъ пребыванія моего въ корпусѣ, выдержавъ отлично экзаменъ, я получилъ въ подарокъ книгу; при переходѣ во 2-й классъ, я получилъ двѣ

*) Начальницы камеръ были: первой — госпожа Бертольдъ, она же и инспектриса; второй — Алабова; третьей дѣв. Эйлеръ, уже пожилая и сѣдая; четвертой — г-жа Воронцова; пятой — г-жа Альбедиль и шестой — г-жа Боніотъ; эта послѣдняя была всѣхъ добрѣе. Одна изъ дочерей ея была красавица.

Н. А. Титовъ.

книги, при переходѣ же въ первый классъ — три. Подарки эти раздавались торжественно.

Всѣ малолѣтные шести камеръ приводились въ рекреаціонный залъ, гдѣ былъ поставленъ большой столъ покрытый краснымъ сукномъ, обложеннымъ золотымъ галуномъ, и на углахъ этого покрывала висѣли золотыя кисти. На столѣ были разложены подарки, состоявшіе изъ книгъ, бумаги и карандашей; книги были связаны по три, по двѣ, пунцовыми лентами. Раздавалъ ихъ директоръ корпуса, генералъ-лейтенантъ Клингеръ; инспекторъ же классовъ, полковникъ Перскій, вызывалъ удостоенныхъ къ подаркамъ. Въ этотъ день и обѣдъ былъ праздничный, то-есть съ пирожнымъ. Генералъ Клингеръ былъ роста высокаго, сѣдой, съ нависшими, густыми бѣлыми бровями; лицо его было безцвѣтное, взглядъ суровый, угрюмый, и вообще вся личность его вселяла страхъ. Никогда не говорилъ онъ ни съ кѣмъ изъ кадетъ; когда посѣщалъ онъ малолѣтное отдѣленіе, то молча обходилъ классы*). Инспекторъ же классовъ, полковникъ Михаилъ Степановичъ Перскій, былъ напротивъ чрезвычайно ласковъ, внимателенъ къ воспитанникамъ, говорилъ съ ними; однимъ словомъ, какъ директора не жаловали вообще въ корпусѣ, такъ любили всѣ инспектора. Личность и вся фигура генерала Клингера напоминала прусскаго короля Фридриха Второго. Михаилъ Степановичъ Перскій былъ флигель-адъютантомъ и носилъ финляндскій мундиръ, шляпу же носилъ всегда по формѣ.

Кадеты малолѣтнаго отдѣленія носили темнозеленые длиннополые сюртуки съ краснымъ воротникомъ, брюки такого же цвѣта, галстуховъ не было, и воротникъ отъ рубашки откладывался по воротнику; обувь—бѣлые чулки и башмаки. При отпускѣ со двора давался черный поярковый картузъ съ длиннымъ прямымъ поярковымъ же козырькомъ, отороченнымъ черною тесьмою. Когда въ зимнее время отпускали воспитанниковъ со двора, родители обязаны были присылать на нихъ теплую одежду. Церковь въ корпусѣ была общая, какъ для ротныхъ, такъ и для малолѣтныхъ. Придетъ, бывало, въ воскресенье дежурный по корпусу капитанъ и поведутъ насъ въ нее. Намъ всегда

*) Клингеръ говаривалъ: «русскихъ надо менѣе учить, а болѣе бить».

Н. А. Титовъ.

предстояло проходить по галереямъ мимо покоя, гдѣ ставили покойниковъ и мы обыкновенно заглядывали въ окно, не увидимъ ли умершаго; случалось, что любопытство наше было удовлетворено. Лазаретъ малолѣтныхъ былъ особый отъ ротныхъ. Смотрительница лазарета была г-жа Стадлеръ, женщина пожилыхъ лѣтъ и высокаго роста, дородная, ходила въ очкахъ. Въ лазаретѣ кормили хорошо.

По субботамъ пріѣзжалъ въ 12 часовъ дантистъ, насъ приводили въ залъ, гдѣ онъ осматривалъ наши зубы; у кого оказывался испорченный зубъ, того ставилъ онъ въ сторону и, по окончаніи осмотра, производилась операція. Подобный случай былъ и со мною, и когда я испыталъ на себѣ, что операція эта крайне мучительна, тогда въ другой разъ, когда я былъ оставленъ въ сторонѣ, я пролѣзъ подъ столъ и убѣжалъ, и тѣмъ спасся отъ единожды уже испытанной операціи.

Каждый годъ на страстной недѣлѣ малолѣтное отдѣленіе говѣло и, бывало, въ среду придетъ отецъ Стахій и исповѣдуетъ насъ всѣхъ за разъ; оказывалось, что мы были грѣшны по всѣмъ заповѣдямъ.

Мадамъ Альбедиль приходила иной разъ къ обѣду, помимо дня своего дежурства, что было намъ, кадетамъ 1-го класса, крайне непріятно, потому, что она возвѣщала во всеуслышаніе: «messieurs, la première classe viendra chez moi». Это значило, что кадеты 1-го класса тотчасъ послѣ обѣда должны были придти къ ней и, вмѣсто рекреаціи, обязаны были въ продолженіи часа выучить урокъ изъ Vocabulaire en trois langues. Невыучившій въ промежутокъ этого времени урока, подвергался вечеромъ наказанію, т.-е. розгамъ. Нянька Ивановна сѣкла больно. Тычки, пиньки, оплеухи, дранье за волосы и за уши, битье линейкою по пальцамъ—все это было дѣло обыкновенное.

Лѣтомъ выводили насъ гулять въ садъ, а по воскресеньямъ и другимъ праздникамъ насъ пускали, конечно подъ присмотромъ дежурной дамы и нянекъ, въ большой садъ, гдѣ мы сходились съ ротными кадетами и такимъ образомъ съ ними знакомились. Въ большомъ саду всѣ стѣны были исписаны сентенціями знаменитаго графа Ангальта, бывшаго нѣкогда директоромъ 1-го кадетскаго корпуса. Сентенціи эти напечатаны были особою книгою, небольшого формата, подъ названіемъ: La mu-

raille parlante. Въ числѣ книгъ полученныхъ мною на экзаменахъ, я получилъ и эту книгу. По случаю смерти старшаго брата моего, который воспитывался въ пажескомъ корпусѣ, гдѣ и умеръ въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1810 года, мать моя пожелала взять насъ изъ корпуса, изъ коего, по просьбѣ ея, были мы уволены въ началѣ 1811 года.

Въ числѣ офицеровъ 1-го кадетскаго корпуса, находился капитанъ Карлъ Карловичъ Мердеръ. Шефомъ корпуса былъ цесаревичъ Константинъ Павловичъ.

Въ 1846 году навѣстилъ я племянника моего, воспитывавшагося въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ. Сколько перемѣнъ нашелъ я тамъ, конечно къ лучшему. Малолѣтный корпусъ уже не существовалъ; онъ былъ переведенъ въ Царское Село. Эти холодныя галлереи, по которымъ ходили и бѣгали мы зимою и осенью въ классы и внизъ по лѣстницѣ въ столовую, обращены были въ теплые и свѣтлые корридоры; рекреаціонный залъ и столовая обратились въ великолѣпныя залы...

II.

Балъ у графа Аракчеева въ 1820 году.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1820 года, у графа Аракчеева былъ маскарадъ и балъ, устроенный въ честь двоюродной сестры моей, В. А. Клейнмихель, къ которой графъ былъ особенно расположенъ. Какъ родственники В. А., сестра моя А., братъ мой А. и я принимали участіе въ этомъ маскарадѣ. Хотя я былъ портупей-юнкеромъ, но былъ костюмированъ тирольцемъ, и будучи въ маскѣ, обходился весьма фамильярно съ графомъ, такъ, что онъ сказалъ своимъ гнусливымъ голосомъ: «видно знакомая маска». Маскарадъ продолжался недолго, вслѣдъ за нимъ начался балъ; дамы оставались въ костюмахъ, а кавалеры должны были переодѣться въ мундиры. Я также долженъ былъ явиться на балъ, а потому отправились мы съ братомъ на квартиру къ П. А. Клейнмихелю, который жилъ напротивъ, гдѣ переодѣвшись явились на балъ. Какъ шалунъ и проказникъ, и здѣсь не могъ я удержаться, чтобъ не напроказничать. Во-первыхъ, я вошелъ въ первую комнату въ киверѣ, что увидавъ, Клейнмихель подошелъ тотчасъ ко мнѣ: «ты, мальчишка, и здѣсь думаешь шутить,

какъ и вездѣ, сказалъ онъ мнѣ, сними сейчасъ киверъ и пойдемъ, я представлю тебя графу». Я вошелъ въ залъ, въ коемъ графъ принималъ гостей, и Клейнмихель представилъ меня графу, сказавъ, что я двоюродный братъ жены его. Аракчеевъ мнѣ поклонился, пожалъ мнѣ руку, сказавъ: «очень радъ». Предложивъ мнѣ снять амуницію, просилъ быть безъ церемоніи и танцовать. Повѣсивъ въ передней на вѣшалку киверъ и тесакъ, я вошелъ въ залъ, надѣвъ вмѣсто перчатокъ рукавицы. Замѣтивъ это, Клейнмихель снова подошелъ ко мнѣ: «ты забылъ, мальчишка, у кого ты? сказалъ онъ мнѣ выйдя изъ себя:—пошелъ сейчасъ ко мнѣ и возьми мои перчатки». Я отвѣчалъ ему, что напротивъ, я очень хорошо помню, что у графа Аракчеева, а потому и не смѣлъ надѣть перчатокъ, не имѣя на это права, а между тѣмъ перчатки были у меня за рукавомъ. Надѣвъ ихъ, я всталъ у дверей. Аракчеевъ снова подошелъ ко мнѣ и приглашалъ танцовать. Такъ какъ солдатъ кланяться не смѣетъ, то я, вмѣсто поклоновъ, шаркалъ и стучалъ каблукомъ объ каблукъ, оставаясь все-таки у дверей. Наконецъ графъ подошелъ ко мнѣ и крикнулъ: «да что же ты не танцуешь!» Я, какъ стоялъ и увидѣвъ прямо передъ собою сидящую сестру мою, отправился черезъ залъ на нее, но отуманенный, остановился передъ сидящею рядомъ съ сестрою, матерью Клейнмихеля и кланяясь ей сказалъ: «ежели ты не желаешь, чтобы я былъ въ Сибири, провальсируй со мною». Старушка захохотала, сказавъ мнѣ: «подлѣ меня сестра твоя, проси ее; ты съ ума сошелъ, я не танцую».— Провальсировавъ съ сестрою, я снова всталъ у дверей, но какъ-бы нарочно, графъ всегда стоялъ или подлѣ, или близъ меня, такъ что когда разносили питье, или мороженое, я не бралъ ни того, ни другого, а между тѣмъ пить хотѣлось ужасно. Наконецъ забрались мы съ графомъ Н. въ голубую гостинную, гдѣ стоялъ столъ съ фруктами и гдѣ никого не было, и тутъ-то мы дали себѣ волю. Во время попури, который танцовалъ я съ моею сестрою, мнѣ пришлось стоять спиною къ знаменамъ; надо сказать, что танцовали въ знамённой залѣ, а какъ графъ былъ шефомъ полка его имени, то и знамена находились въ его домѣ. На мою бѣду, кто-то, вальсируя, толкнулъ меня такъ сильно, что я чуть не уронилъ знамёна. Смотрю, графъ подходитъ ко мнѣ и говоритъ: «вы знамена чуть не уронили, знаете ли, что

это священная вещь». Я не зналъ что и отвѣчать, но меня выручилъ стоявшій подлѣ меня пріятель графа, Г., сказавъ, что я не виноватъ, но что меня танцующій спибъ-было съ ногъ *).— Недождавшись ужина, мы съ братомъ отправились домой; но когда усѣлись ужинать, графъ замѣтилъ наше отсутствіе и спросилъ Клейнмихеля: «Петръ Андреевичъ, а гдѣ же братцы твоей супруги?» Онъ отвѣчалъ, что одному изъ нихъ сдѣлалось дурно и поэтому они уѣхали. «Скажи-ка ты имъ, чтобы они въ понедѣльникъ пріѣхали ко мнѣ обѣдать».

На другой день, когда я пришелъ къ Клейнмихелю, онъ меня сильно журилъ за мои продѣлки, а когда сказалъ мнѣ, что я приглашенъ на обѣдъ къ графу, я ему отвѣчалъ, что я приду, но принесу съ собою деревянную ложку, такъ какъ нижнимъ чинамъ серебряныхъ ложекъ не полагается. — «Отъ тебя всего можно ожидать, а потому лучше не приходи, а я скажу, что ты дежурный»....

ПРИНЯТІЕ ВЪ МАСОНЫ ВЪ 1815 ГОДУ **).

I.

1815 года іюня 14 дня, послѣ обѣда въ 6 часовъ, камеръ-юнкеръ Дивовъ привезъ меня въ ложу вольныхъ каменьщиковъ. Я былъ введенъ въ покой, гдѣ дожидался болѣе часа, пока кончился обрядъ принятія другого профана Г. М. князя Одоевскаго и вошелъ ко мнѣ человѣкъ, одѣтый просто во фракъ. Онъ завязалъ мнѣ глаза и повелъ чрезъ большой рядъ покоевъ; но вдругъ остановился. Я услышалъ громъ запоровъ, заскрипѣли двери и мы переступили черезъ порогъ. Провожатый посадилъ

---

*) Когда во время попури танцовали мазурку, то г-жа Е. выбрала генералъ-адъютанта Д., и онъ, къ удовольствію графа, сдѣлалъ съ нею два тура.

Н. Т.

**) Печатаемая подъ этимъ заглавіемъ статья сохранилась въ бумагахъ, оставшихся послѣ А. П. Степанова, даровитаго автора «Постоялаго двора», «Поѣздка въ Маймачинъ, Енисейской губерніи», и пр., о которомъ предоставляемъ себѣ впослѣдствіи поговорить подробнѣе. Рукопись сообщена намъ сыномъ А. П., генералъ-лейтенантомъ Петромъ Александровичемъ Степановымъ.

Ред.

меня на стулъ и сказалъ: «когда я уйду — скиньте повязку и углубитесь въ книгу, которая разверста передъ вами»; скрыпъ двери и громъ запоровъ извѣстилъ меня о его удаленіи. Я снялъ повязку. Черныя стѣны мрачной пещеры окружали меня; при слабомъ свѣтѣ лампады, которая висѣла надо мною, глаза мои встрѣтили мертвую голову и близъ нея развернутую библію на бархатной голубой подушкѣ, обшитой золотымъ галуномъ. Въ верху томное мерцаніе изображало также мертвую голову съ двумя внизу накрестъ костями и надписью Memento mori. Я взялъ книгу религіи и про себя читалъ: . . . . *); при сихъ словахъ отворились двери и явился человѣкъ съ обнаженнымъ мечемъ; на шеѣ широкая голубая лента съ золотымъ треугольникомъ висѣли на его шеѣ; такой же треугольникъ, но только гораздо менѣе, на лентѣ алой съ серебряными каймами, украшалъ лѣвую сторону груди его; онъ спросилъ у меня важно по-французски: «какое намѣреніе ваше вступая въ собратство вольныхъ каменьщиковъ?» — я отвѣчалъ: «открыть вѣрнѣйшій путь къ познанію истины». — «Что такое истина»? — «Свойство той первоначальной причины, которая, сообщаетъ движеніе всей вселенной». — «По силѣ и возможности дастся вамъ понятіе о тѣхъ путяхъ; но теперь слѣдуетъ вамъ знать, что послушаніе, терпѣніе и скромность суть главнѣйшіе предметы, которые требуетъ отъ васъ, въ началѣ, общество, въ которое вы вступить намѣрены. Чувствуете-ли себя способнымъ облечься сими первоначальными добродѣтелями»? — «Я употреблю къ тому всѣ свои силы; но знайте также, что меня привлекаетъ не любопытство къ наружнымъ обрядамъ общества; я хочу увѣриться въ томъ, чего жаждетъ, но не постигаетъ душа моя; хочу имѣть средства утвердиться въ добродѣтели и усовершенствовать тѣ, которыми обладаю, хочу знать безсмертна-ли душа моя»?—«Можно ли сомнѣваться въ томъ! ничто не исчезаетъ въ мірѣ». — «Но будучи часть предвѣчной души міра сего, какимъ образомъ душа человѣческая, оскверненная пороками, соединится съ чистѣйшимъ источникомъ своимъ?»—«Ищите и найдете, толцыте и отверзется, отвѣчалъ мнѣ незнакомый ораторъ, но начните повиновеніемъ». И позвавъ брата-прислужника, онъ приказалъ ему снять всѣ

*) Пропускъ въ подлинникѣ.

вещи, которыя были при мнѣ: кафтанъ, жилетъ и сапогъ съ лѣвой ноги; перевязать ногу крѣпко платкомъ выше колѣна; завязать глаза и, спустивъ съ лѣваго плеча рубашку, обнажить грудь, къ которой приставя обнаженный мечъ вывелъ меня изъ мрачнаго убѣжища.

Долго въ такомъ положеніи дѣлалъ онъ со мной различные обороты по комнатамъ и наконецъ, остановясь, сказалъ: «ударьте три раза кольцомъ» и положилъ на него руку мою — я исполнилъ; черезъ минуту послышался за дверями голосъ: «кто нарушаетъ спокойствіе бесѣды братской?» — путеводитель мой отвѣчалъ: «профанъ; онъ желаетъ вступить въ члены священнаго братства».—«Не тщетное ли любопытство его влечетъ къ тому»? — «Нѣтъ! онъ жаждетъ озариться свѣтомъ истины». — «Какое имя его? званіе, лѣта, мѣсто рожденія»? и такъ далѣе.... Послѣ подобныхъ вопросовъ и отвѣтовъ на нихъ двери отворились и я былъ введенъ.

Имѣя всегда крѣпкую повязку на глазахъ, я услышалъ издали важный тихій голосъ, который у меня спрашивалъ: «настоятельно-ли желаешь ты, профанъ, вступить въ священное сословіе братства»? я отвѣчалъ: да!—«Имѣешь ли довольно твердости, чтобъ перенесть испытанія, тебѣ предлежащія?»—«Да!» и такъ далѣе, и когда всѣ вопросы были кончены, тотъ же голосъ воззвалъ: «Братъ учредитель порядка, начни испытанія, соверши съ нимъ путь продолжительный и трудный». Тогда братъ учредитель порядка, приставя мнѣ мечъ къ груди и взявъ другою рукою меня за руку, началъ исполнять повелѣніе слышаннаго мною голоса. Онъ началъ со мною путь съ востока на западъ и тихо, малыми шагами, продолжалъ онъ водить меня, и говорилъ громко и внятно о жизни и смерти; потомъ остановился, потрепалъ меня по плечу и воскликнулъ: «Vénérable! профанъ сдѣлалъ первое испытаніе; твердость его подаетъ надежду къ перенесенію дальнѣйшихъ испытаній». Эта рѣчь повторена была двумя голосами, и голосъ повелѣвающій сказалъ: «начни второй путь» и проч. Когда же оный былъ конченъ, такъ какъ и третій, когда братъ наблюдатель порядка поставилъ меня на мѣсто, потрепалъ по плечу и отдалъ отчетъ; когда то-же повторили два голоса,—то голосъ тихій, сострадательный произнесъ: «возлюбленнѣйшіе братья! профанъ окон-

чилъ съ похвалою испытанія свои; онъ достоинъ вступить въ общество наше, позволите-ли ему пріобщиться къ лику вашему?» (и что-то подобное). Глухое рукоплесканіе братьевъ явило согласіе; мнѣ велѣно было приблизиться; меня повели прямо; направляли мои ноги, чтобъ я ступалъ на извѣстныя мѣста; взвели на ступени, поставили колѣномъ на подушку и положили руку на библію и мечъ. Кто-то (великій магистръ) положилъ на нее свою руку и повелѣвалъ клясться въ сохраненіи тайны; потомъ задомъ отвели меня на прежнее мѣсто. Тогда кто-то возлѣ меня сказалъ мнѣ: «выстави языкъ!» и приложилъ къ нему какое-то желѣзо. Въ то же самое время послышался голосъ: «да спадетъ повязка съ глазъ его, да удостоится видѣть свѣтъ лучезарный». Она упала. Огонь вспыхнулъ передъ глазами моими, исчезъ и я увидѣлъ передъ собою въ освѣщенной круглой залѣ около 40 человѣкъ, сблизившихся въ полукружіи ко мнѣ съ устремленными прямо противъ меня мечами. За ними въ возвышеніи на престолѣ подъ зеленымъ балдахиномъ, усѣянномъ звѣздами, стоялъ великій магистръ. По его мановенію сонмъ братьевъ занялъ мѣста свои. Всѣ они были покрыты шляпами и имѣли лайковые передники; но одни просто бѣлые, другіе обшитые розовыми и голубыми лентами, по степенямъ своихъ достоинствъ. По степенямъ-же ихъ достоинствъ были они укращены различными знаками, повѣшенными на голубыхъ или красныхъ съ серебряными каймами лентахъ, на шеѣ и въ петлицахъ. Великій магистръ былъ въ шляпѣ съ такими же знаками, но только кромѣ треугольника отличался угольникомъ, висящимъ на голубой же лентѣ. Передъ нимъ находился столъ, покрытый до самаго пола. На семъ столѣ возвышались три подсвѣчника на трехъ углахъ стола и лежали на подушкахъ Библія, мечъ, циркуль, треугольникъ, бѣлый молотокъ.

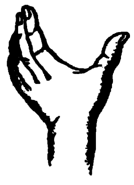
Когда всѣ заняли мѣста свои, В. М. велѣлъ подвесть меня къ престолу своему. Посреди зала лежало изображеніе храма Соломонова, черезъ которое я проходилъ уже съ завязанными глазами. Теперь могъ я видѣть, что ноги мои переставляли для того, чтобы ступать на изображенія, послѣдовательно, на тѣ мѣста, кои ведутъ постепенно къ святилищу. Вступя на ступень и подойдя къ налою или столу, я преклонилъ колѣно. В. М. взялъ циркуль, наставилъ на обнаженную грудь и ударилъ молоткомъ

три раза. Я увидѣлъ, что изъ-подъ груди моей отнесли чашу орошенную кровью. Каждое изъ дѣйствій было сопровождаемо приличными словами. По окончаніи, В. М. велѣлъ мнѣ одѣться: я выведенъ былъ въ другой покой, и когда одѣлся и вошелъ въ ложу, Венераблъ велѣлъ представить меня и другого посвященнаго со мною брата къ престолу, и когда подошли, онъ началъ слово въ подобныхъ изреченіяхъ:

«Любезные братья! Все, что вы ощутили и видѣли, есть іероглифы таинственной существенности: повязка на очахъ, темная храмина, умственныя углубленія, удареніе кольцомъ, пути съ востока на западъ, шествіе по изображенію храма Соломонова,—все это есть не что иное, какъ разительныя черты того, что можетъ возбудить въ душѣ вашей мысли о ничтожности міра, возбудить желаніе къ отысканію истины: ищите и обрящете; толцыте и отверзется. Мы увѣрены, что довольно-бы было единаго слова вашего къ сохраненію тайны, но мы вѣдаемъ также и слабость сердца человѣческаго и потому, надъ священною книгою религіи, наполняющею ревностью сердца всѣхъ насъ, пріемлемъ, для обезпеченія себя, клятвы ваши, связующія васъ посредствомъ сей священной книги съ нами; для того требуемъ мы клятвы къ сохраненію тайны, дабы профаны, не понимающіе цѣли сего братства, не могли издѣваться надъ оною и употреблять во зло. Свобода и равенство царствуютъ между нами; подъ именемъ вольныхъ каменьщиковъ мы будемъ стараться вкупѣ о возстановленіи зданія, основаннаго на краеугольныхъ камняхъ, изображенныхъ въ сей священной книгѣ (онъ указалъ на Библію). Для того-то, любезные братья, облекаемъ васъ, подобно каменьщикамъ, запономъ и вручаемъ кирку (онъ далъ намъ лайковый передникъ и маленькую серебряную кирку). Примите также сію бездѣлку, знакъ братскаго союза нашего и носите на груди вашей всякій разъ, когда посѣтите общество (онъ далъ намъ на лентѣ алой съ серебряною каймою прорѣзной золотой треугольникъ, на сторонахъ котораго изображено: Les amis réunis, а въ срединѣ двѣ соединенныя руки). Примите сіи перчатки въ знакъ сохраненія чистоты вашихъ дѣяній; примите женскія—для подруги жизни вашей: прекрасный полъ не входитъ въ составъ нашего общества, но мы не нарушаемъ устава Творца и натуры. Добрая жена есть утѣшеніе въ ужас-

ныхъ испытаніяхъ міра сего; но да будутъ онѣ чисты и невинны въ дѣяніяхъ своихъ (та и другая пара перчатокъ изъ батиста). Примите наконецъ сей мечъ, которымъ должны отсѣкать страсти ваши и вѣдайте, что общество соединенныхъ братій, въ которое теперь вступили вы, есть ничто само по себѣ, если не устремите воли своей къ отысканію истины; но служитъ преддверіемъ къ пути, который жаждетъ открыть пробужденная совѣсть падшей души».

По окончаніи этихъ словъ В. М. велѣлъ учредителю порядка облечь насъ въ знаки вольныхъ каменьщиковъ и научить предварительнымъ іероглифамъ.

Такъ какъ братья имѣютъ различныя степени и мы двое облечены были еще первою Les Apprentis (ученики), то знакъ ихъ есть прикосновеніе правой руки къ шеѣ въ такомъ положеніи; потомъ вдругъ относомъ руки на правое плечо такъ, и наконецъ опущеніе вдоль по бедру. Знакъ для познанія брата есть пожатіе рукъ такимъ образомъ, чтобъ большой палецъ одного подавить руку другого вдругъ два раза съ малою остановкою, а въ третій гораздо сильнѣе. Слово для узнанія масона есть Saquin и говорится такъ послѣ пожатія руки: «скажи мнѣ первое слово—я тебѣ скажу второе»; другой произноситъ: S; первый: а; другой q и такъ далѣе. Слово священное есть tubalcain. Всѣ эти слова и іероглифы имѣютъ свое значеніе, но не открываются первой степени.

Когда научили насъ симъ знакамъ, то завязали запоны, повѣсили на пуговицу кирку и въ петлицу треугольникъ, дали въ руки обнаженные мечи, велѣли надѣть шляпы подобно всѣмъ братьямъ, и указали мѣста, гдѣ должно сѣсть.

II*).

Милостивый государь дядюшка! Я вошелъ у г. Жеребцова въ тѣ связи, которыя занимаютъ и васъ; но самый этотъ входъ сдѣлался-бы также и минутою вѣчнаго моего удаленія, еслибы я не

*) Вступленіе А. П. Степанова въ масонскую ложу заставило его написать помѣщаемое здѣсь письмо къ родному его дядѣ, Руфу Семеновичу Степанову, стоявшему, послѣ смерти Поздѣева, во главѣ московскихъ масоновъ.

былъ наведенъ на извѣстнаго вамъ графа Віелегорскаго. Находя въ ▭ г. Жеребцова людей, смѣющихся надъ всѣмъ, что ихъ тамъ окружаетъ; людей, которымъ цѣлію не служитъ даже связь дружества; людей, предающихся буйству въ часы пиршества и стремящихся къ наружному между ними возвышенію; я не могъ найдти между ними не только никакого разъясненія, но удалился совершенно отъ цѣли, съ которою вступилъ къ нимъ; сдѣлался подобенъ имъ и, переходя изъ степени въ степень, смѣялся съ ними вмѣстѣ игрѣ большихъ дѣтей, — такъ называлъ я мудрую аллегорію, до тѣхъ поръ, пока не сошелся съ графомъ Віелегорскимъ. Онъ, не совѣтуя мнѣ оставлять ▭ г. Жеребцова, показалъ дружелюбною своею бесѣдою малый свѣтъ, открывъ слегка аналогію ритуаловъ ▭ внутренней. Тогда обратился я снова къ цѣли своей, которая была и есть въ желаніи узнать самого себя; и если существуетъ во мнѣ натура высокая, если кромѣ наружныхъ органовъ, которые отдѣляютъ меня отъ скота, есть во мнѣ существо, могущее приблизиться къ Творцу моему, то узнать связь этой высокой природы моей съ низкою, чтобъ взять на себя трудъ усовершенствовать себя — вотъ для чего вступилъ я въ извѣстное вамъ общество, и чтó намѣренъ былъ дѣлать тамъ. Теперь милостивое ваше ко мнѣ обращеніе и благодѣтельное желаніе руководствовать мною, заставляютъ меня открыть себя вамъ, чтобъ удобнѣе могли располагать моею работою и показать, какимъ образомъ могу употреблять тотъ ключъ, который я получилъ не умѣя его употреблять. Съ истиннымъ почтеніемъ и проч. А. Степановъ.

Сообщ. П. А. Степановъ.

ВОСПОМИНАНІЯ А. П. КЕРНЪ.

Три встрѣчи съ императоромъ Александромъ Павловичемъ.

1817 — 1820 гг.

I.

Теперь, когда я почти ослѣпла и мнѣ прочли чрезвычайно замѣчательное произведеніе графа Л. Н. Толстаго: «Война и Миръ», гдѣ, между прочимъ, говорится о страстномъ, благого-

вѣйномъ чувствѣ, ощущавшемся всѣми молодыми людьми къ императору Александру Павловичу, въ началѣ его царствованія, мнѣ такъ ясно, такъ живо, такъ упоительно представилась та эпоха, и воротились тѣ живыя, никогда незабываемыя мною воспоминанія, о которыхъ мнѣ захотѣлось разсказать.

Разскажу первую — незабвенную встрѣчу мою съ императоромъ Александромъ Павловичемъ въ 1817-мъ году. Въ Полтавѣ готовился смотръ корпуса г-на Сакена, въ которомъ мужъ мой, Кернъ, служилъ дивизіоннымъ командиромъ. Немного прибитая на цвѣту — какъ говорятъ въ Малоросіи — необыкновенно робкая, выданная замужъ и слишкомъ рано, и слишкомъ неразборчиво, я привезена была въ Полтаву. Тутъ меня повезли на смотръ и на балъ, гдѣ я увидѣла императора.

У меня была подруга еще моложе меня и вышедшая замужъ, тоже за генерала, старѣе гораздо ее, но образованнаго, пріятнаго и очень умнаго человѣка, который умѣлъ съ нею обращаться, — и мы съ нею вмѣстѣ ѣздили на смотръ и вмѣстѣ стояли на этомъ балѣ, противъ группы, гдѣ стоялъ императоръ, Сакенъ и его état-major.

Я находила, что эта моя подруга гораздо лучше меня одѣта: на ней была куафюра съ перомъ, очень украшавшая ея молодое, почти дѣтское личико и она мнѣ сказала, что мужъ выписалъ ей эту куафюру потому, что государь любилъ подобный головной уборъ безъ другихъ украшеній. Какъ мнѣ досаденъ сдѣлался мой голубой съ серебряными листьями цвѣтокъ.

Сакенъ былъ со мною знакомъ проѣздомъ черезъ Лубны, гдѣ я жила у отца до замужества, останавливался у насъ въ домѣ и весьма благоволилъ ко мнѣ.

Его позволеніе Керну на мнѣ жениться было какое-то нѣжное поздравленіе близкаго родственника, болѣе чѣмъ начальника.

Онъ и указалъ государю на меня и сказалъ ему кто я.

Императоръ имѣлъ обыкновеніе пропустить нѣсколько паръ въ польскомъ прежде себя и потомъ, взявъ даму, идти за другими. Эта тонкая разборчивость, только ему одному сродная, и весь онъ, съ его обаятельною граціею и неизъяснимою добротою, — невозможными ни для какого другого смертнаго, даже для другого царя, восхитили меня, ободрили, воодушевили и робость моя исчезла совершенно. Не смѣя ни съ кѣмъ говорить

доселѣ, я съ нимъ заговорила какъ съ давнишнимъ другомъ и обожаемымъ отцемъ! Онъ заговорилъ и я была на седьмомъ небѣ, и отъ ласковости этихъ рѣчей, и отъ снисходительности къ моимъ дѣтскимъ понятіямъ и взглядамъ!

Онъ говорилъ о мужѣ моемъ, между прочимъ: «C'est un brave soldat»! (храбрый воинъ) это тогда такъ занимало ихъ! Потомъ сказалъ: «Venez à Pétersbourg chez moi» (пріѣзжайте въ Петербургъ ко мнѣ). Я съ величайшею наивностью сказала, что это невозможно, что мой мужъ на службѣ. Онъ улыбнулся и сказалъ очень серьезно: «Il peut prendre un semestre» (онъ можетъ взять отпускъ). На это я такъ расхрабрилась, что сказала ему: «Venez plutôt à Loubny! C'est si beau Loubny»! (Пріѣзжайте лучше въ Лубны, государь, Лубны такая прелесть!). Онъ опять засмѣялся и сказалъ: «Je viendrai, absolument, je viendrai!» (Я непремѣнно пріѣду!).

Я возвратилась домой такая счастливая и восторженная, разсказала мужу весь разговоръ съ царемъ и умоляла устроить мнѣ возможность еще разъ взглянуть на него, чтó онъ и исполнилъ.

Я проѣхала къ обѣдни въ маленькую полковую церковь, разбитую шатромъ на полѣ Полтавской битвы, у дубоваго лѣска, и опять имѣла счастіе его увидѣть, имъ любоваться и получить сперва серьезный поклонъ, потомъ, уходя, ласковый, улыбающійся.

По городу ходили слухи, вѣроятно несправедливые, что будто императоръ спрашивалъ гдѣ наша квартира и хотѣлъ сдѣлать визитъ... Потомъ много толковали, что онъ сказалъ, что я похожа на прусскую королеву. На основаніи этихъ слуховъ губернаторъ Тутолминъ, очень ограниченный человѣкъ, даже поздравилъ Керна, на что тотъ съ удивительнымъ благоразуміемъ отвѣчалъ, что онъ не знаетъ съ чѣмъ тутъ поздравлять? Сходство съ королевой было въ самомъ дѣлѣ, потому что въ Петербургѣ одинъ офицеръ, бывшій камеръ-пажемъ во дворцѣ при пріѣздѣ королевы, это говорилъ моей теткѣ, когда меня увидѣлъ. Можетъ быть это сходство повліяло на расположеніе императора къ такой неловкой и робкой тогда провинціалкѣ!

II.

Многія восхищались въ то время кто Сухозанетомъ, который былъ тогда очень молодымъ генераломъ, кто графомъ Орловымъ, генералъ-адъютантомъ.

Я никого не замѣчала, ни на кого не смотрѣла: развѣ можно смотрѣть по сторонамъ, когда чувствуешь присутствіе божества, когда молятся?

Это были только мужчины: красивые-ли, не красивые — мнѣ было все равно. А онъ былъ выше всего! Я не была влюблена... я благоговѣла, я поклонялась ему!... Этого чувства я не промѣняла-бы ни на какія другія, потому-что оно было вполнѣ духовно и эстетично. Въ немъ не было ни задней мысли о томъ, чтобы получить милость посредствомъ благосклоннаго вниманія царя — ничего, ничего подобнаго... Все любовь чистая, безкорыстная, довольная сама собой.

Если-бы мнѣ кто сказалъ тогда: «этотъ человѣкъ, передъ которымъ ты молишься и благоговѣешь, полюбилъ тебя какъ простой смертный» — я-бы съ ожесточеніемъ отвергла такую мысль и только-бы желала смотрѣть на него, удивляться ему, поклоняться какъ высшему обожаемому существу!...

Это счастіе, съ которымъ никакое другое не могло для меня сравниться!

III.

А что говорили мнѣ всѣ окружающіе царя, танцуя со мною, право не помню, и не смотрѣла я на нихъ, и не слушала ихъ. Они всѣ толковали о прелестной музыкѣ Болугіянскаго оркестра, и дѣйствительно она была обворожительна; царь тоже ею восхищался.

Возвратясь, послѣ смотра, домой въ Лубны, я предалась мечтаніямъ ожидающаго меня чувства матери, о которомъ пламенно молилась и желала. Тутъ примѣшивалась теперь надежда, позже осуществившаяся, что императоръ будетъ воспріемникомъ моего ребенка!

Еще до этого событія мнѣ удалось сдѣлать путешествіе въ Кіевъ въ сообществѣ моей матери, и я тамъ имѣла счастіе вмѣ-

стѣ съ нею посѣтить безподобное семейство Раевскихъ. Впечатлѣніе незабвенное и вполнѣ эстетическое. Николай Николаевичъ Раевскій представилъ женѣ своей моего мужа, назвавъ его: «mon frère d'armes» (мой братъ по оружію). Она сейчасъ приняла меня подъ свое покровительство, приголубила и познакомила со всѣми дочерьми своими. Старшая, полная граціи и привлекательности, сама меня приласкала. Это красавица Нина, о которой потомъ вспоминалъ Пушкинъ. Меньшая была Марія, кроткая брюнетка, вышедшая потомъ за Волконскаго.

Я многихъ тамъ увидѣла, съ которыми потомъ довелось встрѣчаться въ свѣтѣ: и Дубельтъ и М-me Фр — ъ, на которую такъ все бы и хотѣлось смотрѣть! Кіевъ самъ мнѣ представился въ обворожительномъ видѣ: мы подъѣзжали къ нему въ ясный ноябрьскій вечеръ — теплый и солнечный, когда закатъ позлащалъ главы церквей его. Ничего не могло быть восхитительнѣе.

Вскорѣ мы возвратились домой, гдѣ я, выздоравливая послѣ долгихъ страданій, сопровождавшихъ мое новое званіе матери, узнала во-первыхъ, что императоръ вспомнилъ обо мнѣ и хвалилъ меня въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ теткѣ моей Мертваго, которая представлялась императрицѣ Маріи Ѳедоровнѣ въ ея кабинетѣ, куда онъ нечаянно вошелъ. Онъ сказалъ теткѣ, что имѣлъ удовольствіе со мною познакомиться и прибавилъ: «Elle est charmante, charmante votre nièce». Какое вниманіе и какая память!

Потомъ тою же весною мужъ мой Кернъ попалъ въ опалу, вслѣдствіе своей заносчивости въ обращеніи съ Сакеномъ.

Я забыла сказать, что немедленно послѣ смотра въ Полтавѣ господинъ Кернъ былъ взысканъ монаршею милостью: государь ему прислалъ пятьдесятъ тысячъ за манёвры.

Надобно сказать, что Сакенъ, поближе узнавъ Керна, не очень благоволилъ къ нему и зная нашу интимную жизнь, не слишкомъ его уважалъ.

Слѣдующій затѣмъ смотръ долженъ былъ быть въ Вознесенскѣ. Керну захотѣлось туда поѣхать, чтобы лично поблагодарить царя за его милость; — и онъ просилъ позволенія на то у корпуснаго своего командира Сакена. Сакенъ былъ имъ за что-то недоволенъ и сказалъ, что отпускъ ему теперь не можетъ разрѣшить. Настаивать было нечего. Кернъ раскланялся,

да не долго думая, взялъ и поѣхалъ въ Вознесенскъ и безъ позволенія. Этого еще мало, — кромѣ такого преступленія противъ субординаціи, онъ, на одной изъ послѣднихъ станцій передъ Вознесенскомъ, — найдя Сакена спящимъ, обогналъ его, взявъ приготовленныхъ ему лошадей. Старикъ справедливо возмутился и, при представленіи генераловъ царю, на него пожаловался императору, и царю его вовсе не представилъ, а на другой же день въ приказѣ стояло: «генералу Керну состоять по арміи!» Съ этимъ извѣстіемъ Кернъ воротился къ намъ и тотчасъ же рѣшилъ поѣхать въ Петербургъ просить о службѣ. Поѣхалъ, но не былъ допущенъ къ царю, и князь Петръ Михайловичъ Волконскій велѣлъ ему сказать, что царь не можетъ его принять и что онъ самъ лучше знаетъ за что́.

Это все передала отцу моему, бывшему тогда въ Петербургѣ, его сестра Оленина, которая просила князя Волконскаго за моего мужа, какъ за своего родственника. Не скажу, чтобъ это меня особенно огорчило. Отсутствіе мужа такъ благодатно на меня дѣйствовало, что я забывала и о его службѣ и о смотрахъ, и о своемъ блескѣ, въ который на минуту окунулась.... Я жила при матери, которую обожала, и кормила свою дѣвочку.

Зимою старшіе рѣшили, что намъ не худо проѣхаться въ глубину Россіи и повидаться съ родными. Мы поѣхали сперва въ Липецкъ, гдѣ жилъ братъ моего мужа, потомъ въ Москву къ теткамъ Мертваго и Полторацкой, женѣ Дмитрія Марковича Полторацкаго, только-что умершаго моего крестнаго отца и лучшаго изъ людей.

Пріѣхавъ въ Грузино къ старой и страшной бабушкѣ моей Агаф. Ал—нѣ Полторацкой, мы узнали, что отецъ мой въ Петербургѣ и зоветъ туда Керна еще попытаться какъ-нибудь у царя. Онъ звалъ его одного и я была-бы очень рада не ѣхать, но бабушка рѣшила, что жена не должна оставаться безъ мужа, и мы поѣхали. Это все клоню я къ тому, что это привело ко второй моей встрѣчѣ съ императоромъ, хотя на мгновеніе, но не безъ слѣда. Императоръ, какъ всѣ знаютъ, имѣлъ обыкновеніе ходить по Фонтанкѣ по утрамъ. Его часы всѣмъ были извѣстны и Кернъ меня посылалъ туда съ своимъ племянникомъ изъ пажей. Мнѣ это весьма не нравилось и я мерзла и ходила

досадуя и на себя, и на эту настойчивость Керна. Какъ нарочно мы царя ни разу не встрѣчали.

Когда это безплодное гулянье мнѣ надоѣло, я сказала, что не пойду больше,—и не пошла. За то случай мнѣ доставилъ мелькомъ это счастіе: я ѣхала въ каретѣ довольно тихо черезъ Полицейскій мостъ, вдругъ увидѣла царя почти у самаго окна кареты, которое я успѣла опустить, низко и глубоко ему поклониться и получить поклонъ и улыбку, доказавшія, что онъ меня узналъ.

Черезъ нѣсколько дней Керну, бывшему дивизіонному командиру, князь Волконскій, отъ имени царя предложилъ бригаду, стоявшую въ Дерптѣ. Мужъ согласился, сказавъ, что не только бригаду, роту готовъ принять въ службѣ царя.

IV.

Въ этотъ мой пріѣздъ въ Петербургъ, я встрѣтила Пушкина въ домѣ тетки моей Олениной. Отецъ меня представилъ Крылову, Гнѣдичу и я видѣла Карамзина съ его гордой, даже надменной супругой. Нѣкто сказалъ, когда вошелъ Карамзинъ и жена его въ залу, гдѣ розыгрывались шарады: «Oui, c'est là m-me Карамзинъ, on le voit à sa morgue!» Больше я ихъ не видала: она была первою любовью Пушкина. Всѣ знаютъ, что онъ пожелалъ получить ея благословенье передъ смертью. Я думаю, онъ никого истинно не любилъ, кромѣ няни своей и потомъ сестры. Въ этотъ же пріѣздъ мой въ Петербургъ, когда разрѣшили балы послѣ смерти Екатерины Павловны, любимой сестры императора,—я была представлена—моею бабушкою Муравьевой, госпожѣ Афросимовой, такъ вѣрно списанной графомъ Л. Н. Толстымъ. Представленіе было успѣшно: я имѣла счастье ей понравиться. Встрѣтивъ Пасху у родныхъ въ Тверской губерніи, мы направились къ новому назначенію моего мужа въ Дерптъ. Этотъ милый Дерптъ всегда мнѣ будетъ памятенъ. Мнѣ тамъ было хорошо.

Ко мнѣ туда пріѣхали дорогія гостьи: тетка и многолюбимая сестра Анна Николаевна Вульфъ, которая пріѣхала лѣтомъ и осталась у меня гостить до зимы. Мы такъ много читали, много гуляли, выходили и выѣзжали всегда вмѣстѣ. Кернъ лечился—я тоже брала ванны и лечилась понемногу.

Знакомство наше было не многочисленное, но такое, какъ лучше нельзя пожелать. Дѣвицы Фурманъ, изъ которыхъ одна долго жила у моей тетки Олениной.... Онѣ меня познакомили съ Моёръ и матерью ея Протасовой.

M-me Моёръ, ангелъ во плоти, первая любовь Жуковскаго и его муза, подружилась съ нами и мы почти каждый день видѣлись. У нея не было тогда дѣтей, хотя она страстно ихъ желала. Между ними не было страстной любви, только взаимное уваженіе. Она любила прежде Жуковскаго—и любовь эта, чистая и высокая, кажется не угасала никогда. Впослѣдствіи Богъ далъ ей желанное дитя и я его видѣла черезъ нѣсколько лѣтъ подлѣ бабушки ея, грустной, осиротѣлой матери....

Марія Андреевна умерла, кажется, послѣ родовъ.

Никогда не забуду времени, проведеннаго съ нею и у нея въ ея маленькомъ садикѣ, или въ ея уютной гостинной, слушая музыку:—она съ мужемъ играла очень хорошо на фортепіано въ четыре руки, оба близорукіе и въ очкахъ;—или осенью сидящую на маленькомъ стулѣ, гдѣ-нибудь за дверью и убаюкивающею дитя, взятое у родныхъ мужа, которое баловала изо всѣхъ силъ.

Немудрено, что я уже никуда не хотѣла изъ такой эстетической среды. Но мнѣ повелѣли ѣхать на маневры въ Ригу и я, скрѣпя сердце, поѣхала въ сопровожденіи милой сестры, ободрявшей меня своей любовью и ласками.

Насъ посѣщалъ иногда дивизіонный нашъ командиръ, генералъ Лаптевъ,—весьма суровая и непривлекательная личность,—принявшій сначала мужа весьма неблагосклонно, потомъ сдѣлавшійся намъ пріятелемъ и даже доброжелателемъ такъ, что когда по командѣ присланъ былъ мнѣ великолѣпный фермуаръ, подарокъ кума-императора, то онъ привезъ мнѣ его самъ и выразился весьма фигурально—о сіяніи отъ брильянтовъ около фермуара.... Не припомню хорошенько выраженія; но тутъ былъ очень тонкій комплиментъ моей красотѣ.

Увы! я не долго пользовалась этимъ дорогимъ украшеніемъ.

Мнѣ говорили, что этотъ фермуаръ былъ сдѣланъ на заказъ въ Варшавѣ и стоилъ шесть тысячъ ассигнаціями.

У насъ бывалъ тоже генералъ Кайсаровъ. Онъ очень заботился о возстановленіи Керна въ прежнихъ его правахъ, и уха-

живалъ за мною. Я его не любила за то, что онъ мнѣ казался фальшивъ, умѣя угождать Керну и еще за то, что былъ красивъ собою, а я не любила писанныхъ красавцевъ, какимъ онъ былъ, самонадѣянъ и — генералъ въ худшемъ значеніи этого слова.

Мы переѣзжали изъ города въ городъ, поджидая и осматривая полки нашей бригады. Кернъ ѣздилъ то провожать ихъ, то встрѣчать; а мы съ Анной Николаевной жили въ маленькомъ городкѣ Валкѣ, въ весьма поэтическомъ домикѣ съ садикомъ, при выѣздѣ изъ города.

Мы долго тутъ еще жили: до начала маневровъ и пріѣзда государя.

Очень было весело и даже шумно. У хозяйки было нѣсколько сестеръ и мужъ, хотя пожилой, но безъ селадонныхъ нѣжностей и ухаживаній за молодою, хорошенькою женою.... Онъ былъ очень важенъ и серьезенъ.

Они насъ однажды позвали обѣдать и меня очень удивило меню обѣда: было одно большое блюдо рябчиковъ, весьма вкусно приготовленныхъ въ соусѣ—и потомъ—вафли—сыръ и дессертъ. Блюда подавали по два раза; но только всего два и никогда больше.

Однажды вечеромъ, въ сумеркахъ, прибѣгаетъ Кайсаровъ съ озабоченнымъ видомъ: онъ не зналъ, что мы здѣсь и долго насъ искалъ.

«Je vous cherche partout», сказалъ онъ, «мнѣ нужно съ вами поговорить».

— «Что такое?»

«Не хотите-ли написать письмо къ Сакену? Я слышалъ, онъ хорошо къ вамъ расположенъ».

— «Охотно!» отвѣчала я ему, сѣла и написала.... Въ этомъ письмѣ я просила его забыть его неудовольствія къ мужу и проч. Письмо Кайсаровъ самъ взялся доставить и удалился.

На другой день былъ какой-то смотръ еще до царя — репетиція.

Я туда поѣхала съ сестрою и нѣсколькими знакомыми дамами.

Я замѣчаю, что, невѣдомо себѣ, я въ своемъ разсказѣ отдаляю замѣчательную, не только знаменательную, дорогую для меня — послѣднюю встрѣчу съ императоромъ! Продолжаю. Моя

карета стояла на весьма почтительномъ отдаленіи отъ мѣста дѣйствія, такъ что я весьма удивилась, когда нѣсколько всадниковъ отдѣлились отъ группы генераловъ и всего état-major,— и направились въ мою сторону, имѣя во главѣ своей, тогда еще бѣлаго какъ снѣгъ, главнокомандующаго Сакена. Они подъѣхали къ каретѣ и Сакенъ протянулъ мнѣ руку въ открытое окно кареты и осыпалъ меня привѣтствіями и любезностями, поцѣловалъ мою руку и сказалъ на прощанье: «Soyez tranquille, ma chère Анна Петровна, je ferai pour vous tout ce qui sera en mon pouvoir». (Будьте покойны, моя милая Анна Петровна, я сдѣлаю для васъ все, что отъ меня будетъ зависѣть).

Мнѣ сдѣлалось такъ отрадно и весело, что я просила моихъ дамъ уѣхать, чтобы дома подумать о лестномъ обѣщаніи въ ожиданіи бала. Я обѣщала имъ повезти ихъ на настоящій смотръ и маневры.

Въ этотъ-же день пріѣхалъ императоръ и обѣдалъ со свитою главнокомандующаго и прочими генералами у дворянства.

Вечеромъ приготовили балъ въ залѣ собранія.

Мы съ сестрою переѣхали въ городской домъ нашихъ хозяевъ и провели весь день тихо и мирно вдвоемъ. Кернъ обѣдалъ тамъ-же и возвратился довольно поздно въ очень радостномъ расположеніи духа, и началъ меня, всегда лѣнивую, торопить туалетомъ, говоря, что я и то опоздала, что не хорошо пріѣхать на балъ позже императора. При этомъ разсказалъ утѣшительное извѣстіе о своемъ свиданіи съ царемъ и нѣкотораго рода примиреніи.

«За обѣдомъ, сказалъ онъ, императоръ не говорилъ со мною, но по временамъ смотрѣлъ на меня. Я былъ ни живъ, ни мертвъ, думая, что все еще состою подъ гнѣвомъ его! Послѣ обѣда началъ онъ подходить то къ тому, то къ другому — и вдругъ подошелъ ко мнѣ! «Здравствуйте! жена ваша здѣсь? Она будетъ на балѣ, надѣюсь?»

На это Кернъ, натурально, заявилъ свою горячую признательность за вниманіе, сказалъ, что я непремѣнно буду и пріѣхалъ меня торопить.

Я всегда имѣла странную особенность: какъ-бы ни желала куда-нибудь ѣхать, особенно на балы,—которые я очень любила, когда настанетъ минута отправляться, меня одолѣвала робость

и нежеланіе двинуться, такъ, казалось бы, хорошо было остаться дома.

Но нечего дѣлать, мы съ сестрою начали одѣваться; я позаботилась и о ея туалетѣ. О своемъ-же мнѣ никогда не нужно было заботиться, мнѣ было заранѣе выписано изъ Петербурга платье—тюлевое на атласѣ и головной уборъ; маленькая корона изъ папоротника съ его воображаемыми цвѣтами. Это было очень удобно для меня или моей лѣни и неумѣнью наряжаться. Я только заплела свою длинную косу и положила папоротниковую коронку, закинувъ длинные локоны за ухо, и прикрѣпила царскій фермуаръ, какъ вошелъ мужъ, и мы втроемъ поѣхали...

Можно сказать, что въ этотъ вечеръ я имѣла полнѣйшій успѣхъ, какой когда-либо встрѣчала въ свѣтѣ!

Мы вошли. Царя еще не было. Слава Богу. Зала была полна; но я замѣтила, не доходя до конца этой длинной овальной залы, на которомъ сидѣли почетныя дамы, маркизу Паулучи (первую жену маркиза), больную и весьма несчастную на видъ, и другія важныя лица, и чтобы не заходить далеко и высоко, мы помѣстились съ сестрою около менѣе важныхъ дамъ въ уголкѣ, у печки... На серединѣ комнаты стояли мужчины изъ свиты императора и важнѣйшія лица, какъ напримѣръ маркизъ Паулучи и проч.

Пока императоръ не пріѣхалъ, музыка не играла, слышенъ былъ только сдержанный говоръ ожидавшихъ его...

Сакенъ меня замѣтилъ и, подойдя, вывелъ почти на середину залы, гдѣ остановился и осыпалъ меня комплиментами и просилъ снять длинную перчатку, чтобы разцѣловать мнѣ руку; я очень сконфузилась, разумѣется, оробѣла, неловко раскланялась съ нимъ и воротилась въ свой уголочекъ.

Я объ этомъ распространяюсь потому, что много лѣтъ спустя, когда я была въ Ригѣ, мнѣ напоминали нѣкоторые знакомые о моей робости и скромности, очень нравившимися во мнѣ всѣмъ...

Кернъ подвелъ меня къ маркизѣ;—ему, кажется, хотѣлось, чтобы она меня усадила подлѣ себя; но я, раскланявшись, —удалилась опять въ свой уголъ—и благо мнѣ было!

Скоро вошелъ императоръ, грянула музыка съ хоръ и m-me Сеси,—ожидавшая тамъ,—своимъ громкимъ голосомъ пропѣла ему хвалебный гимнъ. Онъ кончался припѣвомъ:

«Viva, Alexander, viva!
«L'onor di nostra Eta».

Никогда я столько не восхищалась походкой императора, ему одному свойственной! Онъ не ступалъ по залѣ, а какъ будто несся на облакахъ—спросите у очевидцевъ—всѣ это скажутъ. Въ этой походкѣ примѣшивалась робость къ неописанной граціи. Онъ вошелъ, остановился, выслушалъ гимнъ г-жи Сеси съ благосклонной улыбкой, прошелъ нѣсколько далѣе и, по странной, счастливой случайности, остановился прямо противъ меня и очень близко,—потому что толпа въ срединѣ такъ была велика и пространство между ею и дамами, сидѣвшими вокругъ залы, было такъ мало, что нужно было только сдѣлать одинъ шагъ и протянуть руку, чтобы аганжировать даму. Маркизъ Паулучи сдѣлалъ списокъ дамамъ, который и прочиталъ императору... Ему, кажется, хотѣлось, чтобы императоръ соблюлъ въ танцахъ чинопочитаніе; но императоръ обратился, не дослушавъ списка, къ его супругѣ въ перьяхъ, которой нѣсколько разъ почти дѣлалось дурно отъ страха: она боялась, какъ огня, своего мужа; потомъ императоръ взялъ въ польскій свою хозяйку, англичанку, жену негоціанта.

Потомъ увидалъ меня, свое скромное vis-à-vis, — и быстро протянулъ руку. Начались обычные комплименты, а потомъ сердечное выраженіе радости меня видѣть — и распросы о моемъ здоровьи. Я сказала, что долго хворала и что теперь надѣюсь полнаго выздоровленія отъ чувства счастія по случаю возвращенія его благосклонности къ моему мужу. Онъ вспомнилъ, что мелькомъ меня видѣлъ въ Петербургѣ и прибавилъ: «Vous savez pourquoi cela n'a pu être autrement».

Я уже и не знаю, что онъ хотѣлъ этимъ сказать. Не потому ли только не встрѣчался и не разговаривалъ со мною, что все еще гнѣвался на Керна?...

Первыя пары насъ, по обычаю польскаго, разлучили; потомъ онъ еще разъ меня взялъ и продолжалъ начатый разговоръ. Онъ сказалъ, что помнитъ, какъ мы молились въ Полтавѣ «dans cette petite église, si vous vous souvenez?»

Я сказала, что такія минуты не забываются. А онъ замѣтилъ: «Jamais je n'oublierai le premier moment où je vous ai vu!» (Никогда не забуду первую минуту, когда я васъ увидѣлъ!)

Далѣе добавилъ: «Dites-moi, desirez-vous quelque chose? Не могу ли я вамъ быть полезенъ?»

Я отвѣчала, что по возвращеніи его благосклоннаго прощенія моему мужу, мнѣ нечего больше желать и я этимъ совершенно счастлива. Опять перервали польскій и въ третій разъ онъ меня взялъ, чтобы опять спросить: не нужно ли мнѣ что̀ отъ него, и сказалъ эти незабвенныя для меня слова: «Je veux que vous soyez dans l'aisance!» (Я хочу, чтобы вы были въ довольствѣ)!» и съ нѣжною добротою проговорилъ: «Adressez-vous à moi comme à un père». (Обращайтесь ко мнѣ, какъ къ родному отцу)!

Послѣ этого спросилъ еще: «буду ли я завтра на маневрахъ». Я отвѣчала, что непремѣнно буду, хотя вовсе этого прежде не желала, боясь до смерти шума и стрѣльбы.

Немного погодя Кайсаровъ подбѣжалъ ко мнѣ и сказалъ: J'espère que vous devez être contente de votre soirée? (Кажется вы должны быть довольны этимъ вечеромъ?).

V.

Маневры сорока-тысячнаго корпуса были за Двиной по ту сторону Московскаго форштадта, на огромномъ полѣ. Въ концѣ этого поля сооружена была весьма красивая галлерея, обвитая зеленью,—совсѣмъ сквозная: на сторонѣ ея, обращенной къ полю, былъ балконъ, съ котораго дамы смотрѣли на маневры,—а когда все кончилось—и въ нижней части галлереи накрыли столъ и всѣ съѣхались съ маневровъ обѣдать, то дамы, обратившись назадъ къ балюстрадѣ, могли видѣть обѣдающихъ

Случай доставилъ мнѣ мѣсто прямо надъ верхнимъ концомъ стола.

Императоръ шелъ очень тихо и граціозно, все пропуская передъ собою старика Сакена, потомъ посадилъ его на первое мѣсто въ концѣ стола, по правую свою сторону.

Когда они усѣлись, заиграла музыка, очень хорошая, одного изъ нашихъ морскихъ полковъ,—и заиграла любимыя мои аріи вмѣсто увертюръ..,

Формалистъ Лаптевъ, дивизіонный командиръ, весьма взволновался этимъ, особенно когда они заиграли прелестный русскій мотивъ съ варіаціями:

„Возлѣ рѣчки, возлѣ мосту...“

Императоръ, разумѣется, не обращалъ на это никакого вниманія. Онъ въ это время просилъ, дѣлая знаки рукой, чтобы не отталкивали бѣдную, очень старую женщину, которая все еще двигалась впередъ, чтобъ лучше на него посмотрѣть!

Между тѣмъ Сакенъ взглянулъ кверху и привѣтливо мнѣ поклонился. Это было такъ близко надъ ихъ головами, что я слышала, какъ императоръ спросилъ у него: «Qui saluez vous, général?» (кому вы это кланяетесь, генералъ?)

Онъ отвѣчалъ: «C'est m-me Kern?»

Тогда императоръ посмотрѣлъ на верхъ, и въ свою очередь ласково мнѣ поклонился. Онъ нѣсколько разъ смотрѣлъ потомъ на верхъ. Я любовалась всѣми его движеніями и въ особенности манерой рѣзать бѣлый хлѣбъ своею бѣлою прекрасной рукой.

Но—всему бываетъ конецъ—и этому счастливому созерцанію моему настала минута—послѣдняя! Я и не думала тогда, что она будетъ самая послѣдняя для меня....

Вставая изъ-за стола, императоръ поклонился всѣмъ—и я имѣла счастье убѣдиться, что онъ, раскланявшись со всѣми и совсѣмъ уже уходя, взглянулъ къ намъ на верхъ и мнѣ поклонился въ особенности. Это былъ его послѣдній поклонъ для меня... До меня дошло потомъ, что Сакенъ говорилъ съ императоромъ о моемъ мужѣ и замѣтилъ, между прочимъ: «Государь, мнѣ ее жаль!»

Онъ ушелъ—другіе засуетились и блистательная толпа скрыла государя отъ меня на вѣки.

Примѣчаніе. Приведенный разсказъ сообщенъ намъ, по порученію ея составительницы, Анны Петровны Марковой-Виноградской, въ первомъ замужествѣ генеральши Кернъ, рожденной Полторацкой. Госпожа Кернъ была предметомъ любви Пушкина, и этой страсти русская литература обязана нѣсколькими прелестными стихотвореніями, таковы: „Я помню чудное мгновенье", „Я ѣхалъ къ вамъ, живые сны" и нѣк. др. Въ IV книгѣ Библіотеки для Чтенія за 1859 г. помѣщена чрезвычайно интересная статья А. П. Кернъ „Воспоминанія о Пушкинѣ"; въ ней приведено нѣсколько документовъ, а именно французскихъ писемъ Пушкина къ предмету его пылкаго увлеченія. Жаль только, что письма эти приведены въ отрывкахъ; мы убѣдительно просимъ обладательницу ихъ сообщить эти документы цѣликомъ: для нихъ настала, надѣемся, старина и они, казалось, могли бы быть напечатаны на страницахъ нашего изданія.

Въ статьяхъ, принадлежащихъ пишущему эти строки: „Прогулка въ Тригорское" (напечатаны въ С.-Петерб. Вѣд. 1866 г. №№ 139,

146, 157, 164, 168 и 176) передано, между прочимъ, нѣсколько подробностей объ отношеніяхъ Пушкина къ Аннѣ Петровнѣ Кернъ. Печатая нынѣ разсказъ г-жи Марковой-Виноградской (Кернъ), мы не позволили себѣ смягчить тотъ порывистый, полный неостывшаго увлеченія тонъ, которымъ звучитъ весь разсказъ; уже самъ по себѣ, помимо нѣкоторыхъ, хотя и мелкихъ, но небезъинтересныхъ подробностей для обрисовки русскаго общества двадцатыхъ годовъ, самый этотъ тонъ разсказа нынѣ преклонныхъ лѣтъ представительницы тогдашняго общества весьма характеристиченъ. Ред.

ЧЕРТЫ ИЗЪ ЖИЗНИ ГРАФА АРАКЧЕЕВА.

(Воспоминанія артиллеріи генералъ-маіора Ник. Григор. Сигунова).

I.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, по смерти Екатерины, императоръ Павелъ тотчасъ же вытребовалъ къ себѣ изъ Гатчины полковника Аракчеева. Аракчеевъ, получивъ приказаніе, немедленно прискакалъ въ Петербургъ, какъ былъ, въ одномъ мундирѣ, не взявши съ собою рѣшительно никакихъ вещей и даже теплой одежды. При Екатеринѣ, офицеры Гатчинскаго отряда никогда не допускались въ Зимній дворецъ, и потому, не зная расположенія комнатъ, Аракчеевъ насилу отыскалъ императора. Павелъ принялъ его очень милостиво, тотчасъ же произвелъ въ генералы и назначилъ комендантомъ; наслѣдникъ же престола, Александръ Павловичъ, назначенъ Петербургскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ. Павелъ поставилъ ихъ рядомъ, соединилъ ихъ руки и сказалъ: «Будьте друзьями и помогайте мнѣ». Съ этого момента началась дружба Аракчеева съ будущимъ императоромъ. Не имѣя при себѣ даже перемѣны бѣлья, Аракчеевъ на слѣдующій день обратился къ своему новому другу и объяснилъ ему неудобство своего положенія. Александръ прислалъ ему собственную рубашку, которую Аракчеевъ сохранилъ во всю свою жизнь, и чрезъ 38 лѣтъ былъ въ ней похороненъ, согласно его завѣщанію. По смерти Александра I она лежала на столѣ въ бывшемъ кабинетѣ императора, въ грузинскомъ домѣ графа Аракчеева, въ сафьянномъ футлярѣ, и золотая тисненая надпись сообщала о днѣ, въ который она была подарена графу, и завѣщаніе Аракчеева: быть въ ней похороненнымъ.

II.

Вскорѣ по восшествіи на престолъ, императоръ Павелъ пожаловалъ Аракчееву и Архарову по 2500 душъ крестьянъ съ тѣмъ, чтобы они сами выбрали себѣ помѣстья. Нѣсколько времени спустя, императоръ спросилъ Аракчеева: гдѣ онъ выбираетъ себѣ имѣніе? Аракчеевъ отвѣтилъ, что онъ очень благодаренъ императору за его милости, и приметъ имѣніе тамъ, гдѣ ему угодно будетъ назначить. Павелъ отвѣчалъ, что онъ говоритъ вздоръ, и прибавилъ: «Впрочемъ, Архаровъ выбралъ Грузино, а онъ промаху не дастъ; возьми ты себѣ Грузино, а онъ пусть поищетъ въ другомъ мѣстѣ». Въ томъ же 1796 году Аракчеевъ вступилъ во владѣніе Грузиномъ.

III.

Будучи восемью годами старше Александра I и притомъ тѣлосложенія и здоровья слабаго, Аракчеевъ никакъ не думалъ пережить его, и потому въ духовномъ завѣщаніи отказалъ все свое состояніе государю. Послѣ 1825 года, онъ собирался измѣнить завѣщаніе и наслѣдникомъ своимъ хотѣлъ назначить Павла Васильевича Ильина, отецъ котораго былъ самымъ искреннимъ его другомъ. Въ 1821 году, Аракчеевъ выручилъ изъ большой бѣды Павла Васильевича, командовавшаго тогда 1-ю гвардейскою батарейною ротою его императорскаго высочества. Въ Гатчинѣ, во время похода изъ Петербурга въ Вильну рота эта взбунтовалась. Я не знаю причины этого бунта; знаю только, что при усмиреніи его Ильинъ засѣкъ розгами до смерти фельдфебеля. Императоръ Александръ смотрѣлъ очень неблагосклонно на это дѣло, но Аракчеевъ сказалъ государю: «я нахожу, что Ильинъ не виноватъ; на его мѣстѣ я поступилъ бы точно такимъ же образомъ». Послѣ того Ильинъ долженъ былъ только выдти въ отставку.

Задумавъ назначить Ильина своимъ наслѣдникомъ, Аракчеевъ пригласилъ его поселиться въ Грузинѣ, гдѣ Ильинъ и жилъ въ теченіи двухъ лѣтъ между 1825 и 1830 годами.

Тяготясь повидимому этою жизнію, Ильинъ просилъ Аракчеева отпустить его для поступленія на государственную службу. Аракчеевъ согласился, и Ильинъ былъ сдѣланъ управляющимъ кронштадтскою таможнею. Въ Кронштадтѣ онъ женился на дѣ-

вицѣ Павловой и вмѣстѣ съ женою пріѣзжалъ нѣсколько разъ въ Грузино. Въ послѣдній разъ они были въ февралѣ 1834 года, менѣе чѣмъ за два мѣсяца до смерти Аракчеева. При отъѣздѣ, Аракчеевъ провожалъ ихъ до Чудова, гдѣ всѣ они остановились въ моемъ домѣ. 28 февраля, на прощаньѣ Аракчеевъ сказалъ Ильину: «Дай Богъ, чтобы наше дѣло увѣнчалось успѣхомъ». Затѣмъ, около 10-го апрѣля Аракчеевъ заболѣлъ и 21-го умеръ отъ водяной въ груди, не успѣвъ привести въ исполненіе свою мысль. Ильинъ потомъ сильно претендовалъ на меня за то, что я не извѣстилъ его о болѣзни Аракчеева.

Въ разговорахъ со мною Аракчеевъ иногда упоминалъ, что онъ желалъ бы продать Грузино. Онъ думалъ устроить продажу его въ казну чрезъ друга своего, графа Канкрина, и собирался писать къ нему объ этомъ. Я однажды спросилъ у Аракчеева: во сколько же онъ цѣнитъ Грузино? На это онъ отвѣчалъ, что не отдастъ его дешевле, какъ за 10.000,000 руб. Послѣ продажи Грузина онъ хотѣлъ жить за границей. Аракчеевъ никогда не предполагалъ, чтобы императоръ Николай сдѣлалъ изъ его имущества употребленіе, увѣковѣчившее его имя въ потомствѣ. Если-бы онъ могъ этого ожидать, то, я убѣжденъ, никогда бы не подумалъ измѣнять свое завѣщаніе.

IV.

Новгородскій кадетскій корпусъ былъ основанъ по подпискѣ дворянъ Новгородской и Тверской губерній. Аракчеевъ пожертвовалъ 300,000 р., на проценты съ которыхъ должны были постоянно содержаться 12 воспитанниковъ. Государь приказалъ именоваться имъ Аракчеевскими и носить на погонахъ буквы «Г. А.» Открытіе корпуса послѣдовало въ мартѣ 1834 года въ присутствіи великаго князя Михаила Павловича; сначала ожидали даже пріѣзда государя, но потомъ онъ былъ отмѣненъ. Аракчеевъ не считалъ удобнымъ уклониться отъ участія въ этой церемоніи открытія, но проѣздомъ чрезъ Чудово говорилъ мнѣ, что ему ужасно не хочется ѣхать. Онъ пріѣхалъ въ Новгородъ за день до открытія корпуса и ночевалъ въ Новгородѣ; слѣдующую ночь онъ провелъ въ Броницахъ въ 9-ти верстахъ отъ корпуса, куда пріѣхалъ только утромъ въ самый день его открытія. Послѣ церемоніи онъ тотчасъ же отправился обратно,

причемъ въ Чудовѣ опять заѣзжалъ ко мнѣ, и былъ въ ужасно дурномъ расположеніи духа. Чрезъ мѣсяцъ послѣ этого онъ умеръ. Деньги, вырученныя отъ продажи его движимаго имущества, вмѣстѣ съ оставшимися послѣ его смерти деньгами, составили капиталъ въ 2$^1/_2$ м. руб. Наслѣдникомъ всего имѣнія, согласно завѣщанію, былъ царствовавшій императоръ Николай, пожертвовавшій все это въ пользу Новгородскаго корпуса съ тѣмъ, чтобы онъ именовался корпусомъ графа Аракчеева, имя котораго, въ случаѣ преобразованія корпуса въ какое-либо иное заведеніе, должно быть перенесено и на это заведеніе.

V.

Русскій воинъ, упомянутый въ описаніи памятника Александру Благословенному въ Грузинѣ, подлѣ котораго стоитъ щитъ съ гербомъ и девизомъ подданнаго слуги, есть не кто иной, какъ самъ Аракчеевъ. Бронзовыхъ крестовъ, подобныхъ надѣтому на русскаго воина, роздано народу было 3000. Для дамъ было 40 позолоченныхъ крестовъ. Кромѣ того, три креста были золотые, украшенные брильянтами. Одинъ изъ нихъ былъ подаренъ архіерею, освящавшему памятникъ, другой протоіерею Грузинскаго собора — Малиновскому, третій же, въ футлярѣ, былъ положенъ въ кабинетѣ императора Александра, возлѣ его рубашки, съ золотою тисненою надписью, сообщавшею о томъ, что онъ будетъ принадлежать женѣ владѣльца Грузино, которая должна надѣвать этотъ крестъ ежегодно: 29 іюня, 30 августа и 30 ноября. Столъ, на которомъ лежали рубашка и крестъ, былъ очень замѣчателенъ. Онъ имѣлъ въ длину аршина 3, въ ширину полтора и раздѣленъ былъ на два квадратные ящика подъ стекляною крышею, открывавшеюся къ верху. На этой-то стекляной крышѣ и лежали крестъ и рубашка, ящики же заключали въ себѣ письма императора Александра къ Аракчееву и важнѣйшіе документы, относящіеся къ его царствованію. Бумаги эти, уложенныя очень плотно, занимали въ вышину вершковъ шесть. Говорили, что Аракчеевъ, во время своего путешествія по смерти Александра, напечаталъ за границей часть этихъ бумагъ, за что̀ на него были недовольны въ Россіи. Впрочемъ, отъ самого графа я ничего не слыхалъ объ этомъ предметѣ. Онъ говорилъ мнѣ только, что сохраняетъ даже всѣ письма,

полученныя имъ въ теченіи всей его жизни отъ кого бы то ни было, но гдѣ онѣ лежали, я не знаю. Онъ мнѣ показывалъ однажды печатный экземпляръ приказа, даннаго послѣ взятія Парижа, которымъ онъ и Барклай-де-Толли производятся въ фельдмаршалы. Остальные экземпляры этого приказа были тогда же уничтожены. По смерти Аракчеева всѣ его бумаги забралъ съ собою графъ Клейнмихель. Аракчеевъ предполагалъ при памятникѣ устроить домъ для инвалидовъ, но не успѣлъ исполнить этого намѣренія.

VI.

Когда послѣ Тильзитскаго мира гвардія вернулась изъ похода, то особенно плохи были лошади въ лейбъ-гвардіи уланскомъ полку. Командиръ его, Чаликовъ, былъ очень любимъ Константиномъ Павловичемъ. Великій князь выхлопоталъ у государя единовременную выдачу 100 т. рублей на улучшеніе лошадей и прочаго въ полку. Аракчеевъ, бывшій тогда военнымъ министромъ, представилъ государю, что финансы наши и безъ того разстроены, выдача же денегъ одному только полку будетъ несправедливостью относительно другихъ, и государь отмѣнилъ эту выдачу. Великій князь Константинъ Павловичъ, узнавши объ этомъ, ужасно разсердился и тотчасъ же бросился къ Аракчееву. Аракчеевъ увидѣлъ его подъѣзжающимъ изъ окна и, понявши въ чемъ дѣло, вышелъ изъ дому съ задняго крыльца и поѣхалъ во дворецъ. Великій князь поѣхалъ въ догонку и, настигнувъ Аракчеева во дворцѣ, побранилъ его. Аракчеевъ въ слезахъ бросился къ государю къ жалобою на великаго князя и просилъ уволить его отъ занятій дѣлами. Насилу государю удалось уговорить Аракчеева остаться военнымъ министромъ и, чтобы дать ему хоть нѣкоторое удовлетвореніе, Ростовскій пѣхотный полкъ былъ названъ полкомъ графа Аракчеева. Этотъ случай разсказанъ мнѣ бывшимъ адъютантомъ Аракчеева, Петромъ Яковлевичемъ Перреномъ. Аракчеевъ самъ вообще никогда не разсказывалъ про свои непріятности или неудачи.

Сообщ. М. И. Богдановичъ.

ЦЕСАРЕВИЧЪ КОНСТАНТИНЪ ПАВЛОВИЧЪ

въ 1825 и 1826 гг.

I.

Разсказъ сенатора И. Д. Данилова *).

Когда императоръ Александръ былъ боленъ въ Таганрогѣ, къ великому князю ежедневно привозили фельдъегери донесенія о состояніи государя. По полученіи извѣстія о кончинѣ, великій князь собралъ къ себѣ своихъ приближенныхъ, сообщилъ имъ со слезами эту вѣсть и объявилъ имъ, что хотя окружающіе покойнаго государя признали великаго князя императоромъ, и князь Волконскій и баронъ Дибичъ съ прочими находившимися тогда въ Таганрогѣ прислали къ нему присяжные листы, но онъ, великій князь, возвращаетъ имъ оные, ибо отрекается отъ престола, сохраняя свято и по чести данное покойному императору обязательство. При этомъ случаѣ онъ вынулъ изъ бюро бумагу и, давая читать ее Николаю Николаевичу Новосильцову, сказалъ, что такъ какъ Новосильцовъ долго находился при покойномъ государѣ, то хорошо знаетъ его почеркъ. Тутъ великій князь разсказывалъ, что онъ «хотѣлъ жениться на княжнѣ Четвертинской, но матушка и братъ не позволили; . . . . ; наконецъ, когда просилъ позволенія вступить въ бракъ съ княжною Ловичъ, то оное получилъ, но не иначе, какъ давъ отреченіе отъ престола». Надобно было составить это отреченіе. Великій князь не зналъ какъ его написать. Императоръ Александръ сказалъ ему, чтобъ изложилъ свою мысль какъ можетъ. Великій князь написалъ и велѣлъ перебѣлить. Императоръ Александръ собственноручно исправилъ приписками между строкъ и по бокамъ и помарками. На-бѣло переписалъ князь Александръ Николаевичъ Голицынъ въ кабинетѣ государя. Великій князь, подписавши переписанное, черновое взялъ къ себѣ. Великій князь былъ увѣренъ, что объ этомъ актѣ никто не знаетъ кромѣ его, государя Александра, императрицы Маріи Ѳедоровны и Голицына. Полагалъ однако, что императрица-

*) Сенаторъ Иванъ Даниловичъ Даниловъ находился при цесаревичѣ съ 1801 года до самой его кончины и нѣсколько лѣтъ управлялъ военно-походною канцеляріею великаго князя. А. В.

мать сообщила это и великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ, любя ее особенно. Итакъ, когда великій князь, не принявъ присяги, написалъ къ великому князю Николаю Павловичу, какъ императору, сказавъ ему, что будетъ служить ему вѣрно въ тѣхъ же должностяхъ, какія имѣлъ при Александрѣ; а если это императору Николаю не угодно, то онъ, великій князь, желаетъ навсегда остаться частнымъ человѣкомъ и основать пребываніе свое въ Лазенкахъ, — императоръ Николай предоставилъ великому князю всѣ прежнія должности.

. . . . . Не извѣстно, былъ ли великій князь Константинъ Павловичъ приглашенъ въ Москву на коронацію императора Николая. Но онъ рѣшилъ туда ѣхать неожиданно. Былъ въ пути 5 дней; на станціяхъ ѣдущихъ изъ Москвы приказалъ разспрашивать, была ли уже коронація или нѣтъ? При въѣздѣ въ Москву великій князь, оставя Данилова и прочихъ спутниковъ своихъ въ ихъ экипажахъ у заставы Смоленской, самъ отправился прямо въ Кремль. Императоръ Николай былъ тогда въ Кремлевскомъ дворцѣ и занимался въ кабинетѣ бумагами. Великій князь Константинъ Павловичъ вошелъ въ ближнюю комнату и велѣлъ доложить о себѣ. Государю сказали о великомъ князѣ, не именуя его. Государь полагалъ, что это великій князь Михаилъ Павловичъ и велѣлъ ему подождать. Нѣсколько прошло минутъ, какъ кто-то изъ камердинеровъ доложилъ государю, что это не Михаилъ Павловичъ, а цесаревичъ Константинъ Павловичъ. Тогда государь опрометью кинулся на встрѣчу и въ объятія брата, и оба поѣхали къ императрицѣ-матери, которая тогда жила на дачѣ....

Сообщ. А. Ѳ. Бычковъ.

II.

Разсказъ адмирала Колзакова.

Въ разсказѣ сенатора И. Д. Данилова о цесаревичѣ Константинѣ Павловичѣ 1826 г., сказано, между прочимъ, что, по полученіи извѣстія о кончинѣ государя Александра Павловича, великій князь созвалъ въ Варшавѣ всѣхъ своихъ приближенныхъ и сообщивъ имъ со слезами эту вѣсть, объявилъ имъ вмѣстѣ съ тѣмъ и о своемъ отреченіи отъ престола. Помня раз-

сказъ отца моего [1]), бывшаго очевидцемъ этого происшествія, я считаю долгомъ пополнить воспоминаніе Данилова нѣкоторыми подробностями, вѣроятно упущенными имъ изъ вида, потому ли только, что онъ о нихъ забылъ, разсказывая о событіи 1826 г. въ позднѣйшее уже время, или что онъ не считалъ ихъ достаточно важными, дабы о нихъ упоминать.

Вотъ въ чемъ дѣло.

Цесаревичъ, по полученіи съ фельдъегеремъ перваго извѣстія о кончинѣ императора Александра I-го [2]), дѣйствительно созвалъ на другой день своихъ приближенныхъ, но не всѣхъ, и объявилъ имъ объ этомъ горестномъ событіи, ничего не сказавъ имъ притомъ о своемъ отреченіи;—только нѣсколько времени спустя, пока у него велась переписка съ Петербургомъ, съѣхались, по его приказанію, всѣ служащіе при немъ, въ Бриловскій дворецъ и онъ имъ объявилъ уже официально о кончинѣ государя, а потомъ и о своемъ отреченіи, какъ изложено въ разсказѣ Данилова. Это обстоятельство основываю я на слѣдующемъ разсказѣ моего отца, подтвержденномъ и другими свидѣтелями.

Въ тотъ день, когда получено было извѣстіе о кончинѣ государя, въ Варшавѣ находился братъ его в. к. Михаилъ Павловичъ [3]). Оба великіе князя провели всю эту ночь въ слезахъ и молитвѣ, а къ утру велик. кн. Константинъ созвалъ къ себѣ однихъ только самыхъ близкихъ къ нему довѣренныхъ лицъ, въ числѣ которыхъ былъ и мой отецъ [4]).

Выйдя съ заплаканными глазами изъ кабинета своего, объявилъ онъ имъ о горестномъ событіи, постигшемъ его и всю Россію.—Онъ говорилъ съ большимъ чувствомъ, утирая безпрестанно платкомъ катившіяся слезы, и съ возрастающимъ волненіемъ повторялъ:

---

[1]) Павелъ Андреевичъ Колзаковъ, впослѣдствіи генералъ-адъютантъ, адмиралъ. См. «Русскую Старину» стр. 137—138.

[2]) Это извѣстіе получено было имъ 25 ноября 1825 г. въ семь часовъ вечера.

[3]) При великомъ князѣ Михаилѣ находился пріѣхавшій съ нимъ въ Варшаву адъютантъ его полковникъ Илья Гавриловичъ Бибиковъ, впослѣдствіи генералъ-адъютантъ, военный генералъ-губер. виленскій и пр. губерній.

[4]) Событіе это происходило 26 ноября 1825 г. Ред.

— «Нашъ ангелъ отлетѣлъ, я потерялъ въ немъ друга, благодѣтеля, а Россія отца своего»... и т. п.

Наконецъ, увлекаясь постепенно, цесаревичъ прибавилъ:

— «Кто насъ поведетъ теперь къ побѣдамъ, — гдѣ нашъ вождь!... Россія осиротѣла, – Россія пропала!» Затѣмъ, закрывъ лицо платкомъ, Константинъ Павловичъ предался на нѣсколько минутъ величайшему горю. Всѣ присутствующіе молчали, стоя съ поникшими головами; въ это самое время отецъ мой видя, что никто не рѣшается привѣтствовать новаго государя и не зная ничего объ отреченіи его отъ престола, рѣшился, выступивъ изъ среды другихъ, сказать:

«Ваше Императорское Величество, Россія не пропала... а привѣтствуетъ...» но не успѣлъ онъ докончить свою фразу, какъ великій князь, весь вспыхнувъ, бросился на него и схвативъ его за грудь, съ гнѣвомъ вскрикнулъ:

«Да замолчите ли вы!... Какъ вы осмѣлились выговорить эти слова!!.. кто вамъ далъ право предрѣшать дѣла до васъ не касающіяся?.. вы знаете ли чему вы подвергаетесь?... Знаете ли, что за это въ Сибирь и въ кандалы сажаютъ?!. извольте идти сейчасъ подъ арестъ и отдайте вашу шпагу....»

Изумленный, не зная что и подумать, молча отдалъ отецъ мой свою шпагу гр. Курутѣ, тутъ же бывшему, и удалился во флигель дворца, въ комнаты занимаемыя этимъ генераломъ.... Полчаса спустя вошли туда вмѣстѣ съ Курутой и прочіе присутствовавшіе при этой сценѣ—и стали упрекать отца моего за его выходку. «Что тебѣ вздумалось—говорили они ему — подавать голосъ въ такую минуту? ты вотъ ушелъ, а послушалъ бы что намъ-то досталось?—Насъ в. к. упрекалъ въ совершенномъ безчувствіи: «У васъ и сердца нѣтъ» говорилъ намъ великій князь: «вся ваша ко мнѣ преданность одна маска! вы бы желали меня видѣть на престолѣ только изъ личныхъ видовъ, все ваше мнимое усердіе—одинъ разсчетъ, вы только служите изъ-за крестишекъ и ленточекъ» и тому подобное.... Курута также присоединилъ свою нотацію, и пискливымъ голоскомъ своимъ сказалъ:

— «Монъ серъ, я не понимаю, какъ вы не знаете до сихъ поръ великаго князя, а еще такъ долго при немъ находитесь.... Вамъ извѣстно, что его высочество не любитъ, когда его перебиваютъ; цто зе это за выходка такая въ самомъ дѣлѣ?»

«Да помилуйте, Дмитрій Дмитріевичъ,—отозвался мой отецъ,— я ждалъ, чтобы кто-нибудь изъ васъ его привѣтствовалъ какъ государя, но всѣ молчали; наконецъ мнѣ больно было видѣть его отчаяніе и грусть, я хотѣлъ отвлечь его на время отъ его горести, ободрить его тѣмъ, что Россія не пропала....»

— «Да какое вамъ, монъ серъ, дѣло до этого,—возражалъ Курута—Россія пропала... ну, Христосъ съ ней, пропала!.. на словахъ все мозно сказать, но къ цему тутъ было возразать!!..»

Признаюсь, несмотря на взволнованное состояніе, въ которомъ я тогда находился, разсказывалъ отецъ мой, я не могъ вытерпѣть, чтобы не расхохотаться вмѣстѣ съ прочими;—хитрый грекосъ самъ засмѣялся и наконецъ прибавилъ: «Вотъ вамъ, монъ серъ, ваша шпага, — которую великій князь приказалъ вамъ возвратить—мозете свободно отправиться домой»—съ этими словами онъ раскланялся и пошелъ провожать в. к. Михаила Павловича, который въ этотъ день уѣзжалъ въ Петербургъ.

Прошло около двухъ недѣль послѣ этого происшествія. Цесаревичъ во все это время не выѣзжалъ изъ Бриловскаго дворца и никого не принималъ, занимаясь исключительно перепискою съ Петербургомъ; только нѣкоторые изъ его свиты посвящены были въ тайну—и съ нимъ дѣятельно работали. Въ этомъ числѣ были, сколько припомню, Курута, Н. Н. Новосильцевъ, Жандръ, баронъ Моренгеймъ (управлявшій дипломатическою частью, большой дѣлецъ), Даниловъ и, кажется, Кривцовъ, прочіе же ничего не знали о томъ что дѣлается.

Между тѣмъ, въ Варшавѣ, вѣсть о смерти государя уже разнеслась повсюду. Движеніе въ городѣ сдѣлалось необычайное *). Всѣ знатнѣйшіе чины двора, военные и гражданскіе —

*) Въ Варшаву къ велик. кн. или императору одни за другими скакали изъ разныхъ концовъ Россіи вѣстники съ донесеніями: в. к. Николай Павловичъ отправилъ адъютанта своего Лазарева, и въ тотъ же день послалъ въ Варшаву бывшаго адъютанта и самаго сердечнаго, неизмѣннаго друга цесаревича Конст. Пав. — Ѳедора Петровича Опочинина. Министръ юстиціи отправилъ состоявшаго за оберъ-прокурорскимъ столомъ Никитина, весьма худо принятаго велик. княземъ. Военный министръ гр. Татищевъ — своего адъютанта Андрея Сабурова, впослѣдствіи директора театра. Князь Дмитр. Влад. Голицынъ, москов. воен. генер. губер., своего адъютанта ротмистра Павла Демидова и т. д. Изъ посланцевъ находчивостью отличился Андрей Сабуровъ. Прежде чѣмъ предстать предъ в. к. Константиномъ Павловичемъ, онъ свѣдалъ отъ камердинера, что в. к. крайне гнѣвается на тѣхъ

войско и духовенство, русское и польское готовились къ присягѣ и ждали только приказаній. Весь городъ былъ на ногахъ— къ Бриловскому дворцу подъѣзжали отовсюду гонцы, адъютанты, наконецъ и сами начальники за приказаніями и за новостями, но пріему не было. Великій князь сказался нездоровымъ— и одинъ и тотъ же отвѣтъ все получался: «приказанія въ свое время будутъ объявлены, а покуда все остается по прежнему». Любопытство дошло до-нельзя. — Подъѣздъ гр. Куруты былъ формально осаждаемъ толпою служащихъ лицъ русскихъ и польскихъ. Но онъ также не принималъ никого и грубый лакей, бывшій у него постоянно въ сѣняхъ, все отвѣчалъ на одинъ и тотъ же ладъ: «Графъ спитъ, или графа дома нѣтъ», не вдаваясь ни въ какіе разговоры, несмотря на предлагаемые ему часто злотувки.... На третій день подъѣхалъ къ нему даже самъ намѣстникъ, старичекъ гр. Зайончекъ въ парадномъ мундирѣ и лентѣ и узнавъ, что графъ спитъ,—велѣлъ его разбудить, потому что весь государственный совѣтъ и сенатъ уже собрались въ парадныхъ мундирахъ и въ полномъ комплектѣ въ ожиданіи присяги, но и тутъ добиться онъ ничего не могъ—Курута ушелъ заднимъ ходомъ къ в. кн. и не показывался.

Вся Варшава переполошилась. Всѣ были какъ въ лихорадкѣ. Стали другъ ко другу разъѣзжать за новостями, много было толковъ, предположеній, заискиваній у болѣе вліятельныхъ; дамское общество въ особенности было въ большой тревогѣ, и кто только имѣлъ какую-нибудь лазейку въ Бриловскомъ дворцѣ, тотъ ею пользовался.—Подъѣзжали съ разныхъ сторонъ и къ княгинѣ Ловичъ—къ ея родственникамъ, допытывались даже у камеръ-юнгферы и у горничныхъ, но ничто не помогало.—Какъ римскій конклавъ до избранія новаго папы—такъ и Бриловскій дворецъ былъ нѣмъ и не высказывался, пока наконецъ послѣ

кто титулуетъ его — императорскимъ величествомъ; Сабурову однако не хотѣлось именовать Константина Павловича—высочествомъ, такъ такъ онъ еще не могъ знать, чѣмъ окончится все это событіе. И вотъ Сабуровъ во все время разговора съ в. к. ни разу не назвалъ его ни высочествомъ, ни величествомъ, а подавая в. к. пакетъ, на вопросъ Константина Павловича: «къ кому этотъ пакетъ?»—только тыкалъ пальцемъ на адресъ и невнятно бормоталъ: «къ Вашем... ...ству!» Константинъ Павловичъ обратилъ на это вниманіе и впослѣдствіи шутилъ надъ находчивостью Сабурова. Ред.

долгихъ ожиданій истина не разъяснилась и великій князь объявилъ о своемъ отреченіи, какъ изложено въ разсказѣ Данилова.

Въ тотъ самый день, когда уже стали всѣ расходиться изъ Бриловскаго дворца—в. кн., увидѣвъ отца моего въ числѣ прочихъ, сказалъ ему: «Павелъ Андреевичъ, останься». Затѣмъ проведя его въ свой кабинетъ:

«Ну что», спросилъ онъ его: «слышалъ ли ты, и понимаешь ли теперь?»

«Слышалъ, ваше императорское высочество», отвѣчалъ мой отецъ.

— «Ага!.. ну скажи же мнѣ теперь, по совѣсти, правъ ли я былъ или нѣтъ?»

«Ваше императорское высочество, не мнѣ судить объ этихъ дѣлахъ—эта была ваша воля» *).

Затѣмъ послѣдовало довольно долгое объясненіе, въ которомъ в. кн. весьма откровенно высказывалъ всѣ причины, побудившія его къ отреченію; подъ конецъ онъ былъ очень разстроганъ и, какъ бы желая загладить прежнюю свою вспыльчивость, онъ взялъ отца моего за уши обѣими руками (обыкновенный его пріемъ, когда онъ былъ въ духѣ) и притянувъ моего отца къ себѣ, сталъ цѣловать его въ лицо, ласково приговаривая:

— «Надѣюсь, ты на меня не сердишься; кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ.—Я знаю тебя давно — ты мнѣ душею преданъ, сохрани мнѣ это чувство до конца, и будь увѣренъ, я съ умѣю всегда цѣнить это, вотъ тебѣ моя рука!!..»

Отецъ впослѣдствіи разсказывалъ, что онъ былъ самъ такъ взволнованъ въ эту минуту, что ничего не могъ выговорить; слезы у него такъ и катились изъ глазъ.

Разсказъ этотъ дошелъ впослѣдствіи до свѣдѣнія покойнаго государя императора Николая Павловича; при первой затѣмъ встрѣчѣ съ отцемъ моимъ, государь попросилъ его передать ему всѣ подробности этого эпизода и съ живѣйшимъ любопытствомъ выслушалъ то, чѣмъ мы, въ свою очередь, въ настоящей замѣткѣ, сочли не безъинтереснымъ подѣлиться съ читателями «Русской Старины».

*) Велик. князь повторилъ однакожъ свой вопросъ,—но когда узналъ онъ, что отецъ мой въ то время не былъ посвященъ въ тайну его, то изъявилъ сожалѣніе о своей горячности. К. П. Колзаковъ.

Чувство глубокой преданности къ своему благодѣтелю Константину Павловичу сохранилъ отецъ мой до конца—и довѣріе къ нему в. к. также неизмѣнилось. — Во всѣхъ счастливыхъ и горестныхъ минутахъ жизни цесаревича—отецъ мой всегда его сопровождалъ; такъ, напр., онъ былъ одинъ изъ немногихъ свидѣтелей вѣнчанія цесаревича съ княгиней Ловичъ;—ему одному поручилъ в. к. жену свою въ страшную ночь революціи въ Варшавѣ;—онъ былъ постоянно при ней въ Бѣлостокѣ и Витебскѣ и ему одному пришлось закрыть глаза своему благодѣтелю въ Витебскѣ въ день внезапной его кончины, и привезти тѣло его въ Петербургъ.—Память о немъ сохранялъ отецъ мой свято и послѣ смерти велик. князя—и до самой своей кончины не пропускалъ онъ случая, каждый разъ, въ день рожденія и въ день кончины своего благодѣтеля и могу сказать друга, чтобы не поклониться праху его въ Петропавловскомъ соборѣ.

Разсказы и воспоминанія отца моего объ отношеніяхъ его къ цесаревичу Константину Павловичу, и о событіяхъ, сопровождавшихъ кровавые дни польской революціи 1830—1831 гг. я надѣюсь постепенно представить на страницахъ «Русской Старины».

К. П. Колзаковъ.

ЗАПИСКИ М. А. БЕСТУЖЕВА.

I.

Братья Бестужевы *).

Насъ было пять братьевъ и всѣ пятеро погибли въ крушеніи 14 декабря 1825 года. Посвящу нѣсколько строкъ для біографической замѣтки о каждомъ изъ насъ.

*) Пять братьевъ Бестужевыхъ принадлежали къ числу образованнѣйшихъ молодыхъ людей въ эпоху 14 декабря 1825 года. Двое старшихъ изъ нихъ были весьма извѣстными дѣятелями въ области литературы, третій—уже давній служака въ военной службѣ, — былъ необыкновенно любимъ товарищами и солдатами. Всѣ пятеро были сыновья статскаго совѣтника Александра Ѳедосѣевича Бестужева (р. 1762 † 1810 г.), издававшаго въ 1798 году «Санктпетербургскій журналъ» и составившаго нѣсколько книгъ по части воспитанія. Сыновья его: Николай род. 13 апрѣля 1791 г. ум. 15 мая 1855 г. въ Селенгинскѣ; Александръ (Марлинскій) род. 23 октября 1797 г. уб. на Кавказѣ 7 іюля 1837 г.; Михаилъ — род. 22 сентября 1800 г.; Петръ род. въ 1806 г. ум. 1840 г. и Павелъ род. въ 1808 г., ум. 1846 г. **Ред.**

Старшій братъ Николай, послѣднее время своей службы въ Кронштадтѣ, жилъ вмѣстѣ со мною и младшимъ братомъ Петромъ на казенной квартирѣ, въ домѣ, который впослѣдствіи переделанъ для главнаго командира кронштадтскаго порта. Рядомъ съ нами занималъ комнату капитанъ-лейтенантъ Павелъ Аѳанасьевичъ Дохтуровъ, а надъ нами была квартира Екатерины Петровны Абросимовой, вдовы штурманскаго офицера. Я упоминаю объ этихъ личностяхъ потому, что первый игралъ незавидную роль при арестованіи брата Николая на квартирѣ второй личности, т.-е. Абросимовой. Около этого времени генералъ Леонтій Васильевичъ Спафарьевъ предложилъ брату принять должность помощника его, какъ директора всѣхъ маяковъ въ Финскомъ заливѣ. Братъ изъявилъ согласіе и долженъ былъ переѣхать въ Петербургъ. Тутъ онъ поселился вмѣстѣ съ матушкой и сестрами, гдѣ и проживалъ до 14 декабря 1825 года. Домъ, въ которомъ жилъ братъ, находился въ 7-й линіи Васильев. острова и принадлежалъ купцу Гурьеву. Изъ оконъ дома слѣва видна была церковь Андрея Первозваннаго, а напротивъ лабазъ Андреевскаго рынка. Наскучивъ возиться съ устройствомъ маячныхъ лампъ, рефлекторовъ, машинъ для вертящихся огней маяковъ, а главное со взбалмашнымъ своимъ начальникомъ, братъ Николай бросилъ эту должность и поступилъ исторіографомъ русскаго флота и начальникомъ морскаго музея, находившагося въ Адмиралтействѣ. Тутъ открылось обширное поприще для его умственной и технической дѣятельности и, надо сказать, что требовалось много энергіи и силы воли, чтобы начать съ пользою дѣйствовать въ томъ хаосѣ, какой царилъ въ архивахъ и модельныхъ залахъ. Въ грудахъ, покрытыхъ пылью и плесенью, лежали драгоцѣнные манускрипты; въ тетрадяхъ, сшитыхъ на живую нитку автографовъ Петра Великаго и его сподвижниковъ, не доставало многихъ листовъ, они были вырѣзаны, а чаще просто выдраны; въ залахъ моделей, между дорогими и замѣчательными по отдѣлкѣ моделями, находились какіе-то кораблики-игрушки и предметы северщенно чуждые флоту. Все это составлено, свалено, скомкано безъ всякаго толку. Двѣнадцать человѣкъ мастеровыхъ занимались болѣе дѣланіемъ сундучковъ и баульчиковъ, чѣмъ моделями. Можно себѣ представить, какъ много и безполезно было потеряно времени для чер-

ной работы—приведенія всего этого въ порядокъ, тогда какъ братъ обязанъ былъ, по званію исторіографа, представить на судъ общества результаты своихъ историческихъ изслѣдованій. И я былъ свидѣтелемъ его моральной пытки, когда онъ нѣсколько разъ, исписавъ много листовъ, съ досадой рвалъ ихъ или по недостатку потерянныхъ фактовъ, или послѣ находки новыхъ, измѣнявшихъ сущность написаннаго имъ.

Онъ увидѣлъ себя въ безвыходномъ положеніи.—Ему оставался единственный выходъ, привести въ совершенный порядокъ хаосъ архива, и онъ принялся за этотъ подвигъ Геркулеса, очистившаго конюшни царя Авгея отъ навоза со всей энергіей безотраднаго положенія. Братъ Николай буквально проводилъ цѣлые дни въ пыльной атмосферѣ архива, и выходилъ подышать свѣжимъ воздухомъ, или въ модельную залу, гдѣ водворялся порядокъ систематическою разстановкою въ хронологическомъ порядкѣ моделей, или въ мастерскую, гдѣ пополнялись пробѣлы въ моделяхъ мастеровыми, требовавшими его указаній.

По временамъ я встрѣчалъ брата Николая у Рылѣева, на обычныхъ «русскихъ завтракахъ», которые были постоянно около второго или третьяго часа пополудни и на которые, обыкновенно, собирались многіе литераторы и члены нашего общества. Завтракъ неизмѣнно состоялъ: изъ графина очищеннаго русскаго вина, нѣсколькихъ кочней кислой капусты и ржаного хлѣба.— Да не покажется страннымъ такая спартанская обстановка завтрака, ежели взять въ соображеніе, во-первыхъ: потребность натуры моего брата Александра, требовавшей кислой пищи, на лишеніе коей такъ часто жаловался онъ на Кавказѣ, а во-вторыхъ, что эта потребность гармонировала со всегдашнею наклонностью Рылѣева— налагать печать русицизма на свою жизнь.

Братъ Александръ, по обязанности адъютанта герцога Виртембергскаго, каждое утро долженъ былъ являться къ нему, а черезъ день оставаться тамъ до вечера по обязанности дежурнаго адъютанта.—Жилъ онъ съ Рылѣевымъ въ домѣ занимаемомъ директоромъ американской компаніи, Прокофьевымъ, на Мойкѣ, не далеко отъ Синяго моста.

Иногда герцогъ увольнялъ его отъ своихъ обѣдовъ и тогда онъ спѣшилъ на свои любимые «русскіе завтраки».—Я тоже очень любилъ эти завтраки и, какъ только была возможность отъ

убійственной шагистики, поглощавшей все мое утро до вечера, я спѣшилъ отдохнуть тамъ душею и сердцемъ въ дружной семьѣ литераторовъ и поэтовъ.

Особенно врѣзался у меня въ памяти одинъ изъ этихъ завтраковъ, на которомъ, въ числѣ многихъ писателей, были: баронъ Дельвигъ, Ѳ. Глинка, Гнѣдичъ, Грибоѣдовъ и другіе. Тутъ же присутствовалъ братъ А. Пушкина, Левъ, котораго братъ Александръ, въ насмѣшку, называлъ «Блёвъ», намекая на его неумѣренное употребленіе бахусовой влаги. — Помню, что онъ говорилъ наизусть много стиховъ своего брата, еще не напечатанныхъ: прочиталъ превосходный разговоръ Тани съ нянею, приведшій въ восторгъ слушателей.

Помню, какъ тутъ же братъ Александръ и Рылѣевъ просили Льва Пушкина передать брату: не согласится ли онъ продать имъ каждый стихъ этого эпизода по пяти рублей для предполагаемой «Полярной Звѣздочки», что впослѣдствіи и было утверждено съ согласія Пушкина.

Помню, какъ зашла рѣчь о Жуковскомъ и какъ многіе жалѣли, что лавры на его челѣ начинаютъ блекнуть въ тлетворной атмосферѣ; какъ отъ сожалѣнія непримѣтно перешли къ шуткамъ на его счетъ.—Ходя взадъ и впередъ съ сигарами, закусывая пластовой капустой, то тамъ, то сямъ, вырывались стихи съ оттѣнками эпиграммы или сарказма, и наконецъ братъ Александръ, при шумѣ возгласовъ и хохота, редижировалъ извѣстную эпиграму, приписанную впослѣдствіи А. Пушкину:

Изъ савана одѣлся онъ въ ливрею,
На пудру промѣнялъ свой лавровый вѣнецъ;
Съ указкой втерся во дворецъ,
И тамъ, предъ знатными сгибая шею,
Онъ руку жметъ камеръ-лакею...
Бѣдный пѣвецъ!...

Братъ Петръ былъ нрава креткаго, флегматическаго и любилъ до страсти чтеніе серьезныхъ сочиненій; постоянно молчаливый, онъ былъ краснорѣчивъ, когда удавалось его разшевелить, и тогда говорилъ сжато, красно и логично.

Онъ былъ адъютантомъ главнаго командира кронштадтскаго порта вице-адмирала Ѳедора Васильевича Моллера, и жилъ до послѣдняго времени на квартирѣ, которую занималъ братъ Николай.

Въ послѣднее время мы съ нимъ рѣдко видались.—Обязанности по службѣ, и отсутствіе матушки и сестеръ въ Петербургѣ были тому причиною.

За пять дней до 14 декабря онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, сопровождая жену Михаила Гавриловича Степового — Любовь Ивановну, и уѣхалъ обратно въ Кронштадтъ, по нашему настоянію, за день до роковаго дня.

Каково же было мое удивленіе, когда 13 декабря, бывъ на совѣщаніи у Рылѣева, я, забѣжавъ навѣстить Ореста Сомова, больнаго и жившаго въ одномъ домѣ съ Рылѣевымъ, — неожиданно увидѣлъ брата Петра у него; онъ бросился ко мнѣ на шею и умолялъ не говорить о своемъ возвращеніи старшимъ братьямъ: «Они меня заставятъ снова уѣхать, — говорилъ онъ взволнованнымъ голосомъ:—а я буду лишенъ завидной участи раздѣлять опасность вашего славнаго предпріятія».—Что было дѣлать? Я согласился молчать,—и онъ явился на площади, только что я привелъ Московскій полкъ.

Осужденный служить на Кавказѣ солдатомъ, братъ Петръ подъ ранцемъ провелъ всю персидскую и турецкую кампаніи, былъ раненъ въ лѣвую руку при штурмѣ Ахалцыха и потомъ сошелъ съума въ одной изъ кавказскихъ крѣпостей, попавъ подъ начальство начальника этого укрѣпленія—непроходимаго бурбона, т.-е. офицера изъ нижнихъ чиновъ. Это вотъ какъ случилось. Генералъ Раевскій, бывшій членъ тайнаго общества и прощеный за чистосердечное раскаяніе, проживая, какъ начальникъ отряда, въ Тифлисѣ, – наполнилъ свой штабъ большею частію изъ декабристовъ и ссыльныхъ офицеровъ. — Прочихъ, не бывшихъ въ его штабѣ—онъ ласково принималъ въ своемъ домѣ. Отставной флотскій офицеръ фонъ-Д***, мужъ премиленькой жены своей, воспитанницы смольнаго монастыря и подружки одной изъ моихъ сестеръ, вышедшей съ нею въ тотъ же годъ, приревновалъ брата моего Александра и, вмѣсто того, чтобы разсчитаться съ братомъ, наговорилъ матушкѣ при выходѣ изъ церкви дерзостей.—Братъ вызвалъ его на дуэль—онъ отказался.

Рылѣевъ встрѣтилъ фонъ-Д*** случайно на улицѣ, и въ отвѣтъ на его дерзости исхлесталъ его хлыстомъ, бывшимъ въ его рукѣ.

Этотъ-то субъектъ былъ назначенъ на Кавказъ какъ чинов-

никъ-провіантмейстеръ и какъ-то попавъ на вечеръ къ Раевскому, увидѣлъ себя посреди декабристовъ.—Въ паническомъ страхѣ за свою жизнь онъ на другой же день уѣхалъ, безъ разрѣшенія, въ Петербургъ, а тамъ, чтобъ какъ-нибудь оправдать свое безразсудство, подалъ доносъ, въ которомъ представлялъ Раевскаго какъ измѣнника.

Раевскому былъ присланъ строжайшій выговоръ, а главнокомандующему на Кавказѣ приказъ: разослать всѣхъ окружающихъ Раевскаго и находящихся въ Тифлисѣ декабристовъ — по разнымъ крѣпостямъ съ тѣмъ, чтобы ихъ подвергнуть гарнизонной службѣ.

Несчастная судьба Петра бросила его въ лапы одного изъ тѣхъ животныхъ, которые носятъ названіе «бурбоновъ».—Держа его въ кавказскіе жары, въ полной аммуниціи, подъ ружьемъ въ раненой рукѣ, онъ его въ три мѣсяца доконалъ. Всѣ усилія братьевъ Александра и Павла возвратить разсудокъ Петру — остались тщетны. Наконецъ его прислали къ матушкѣ въ деревню въ окончательномъ сумасшествіи, которымъ онъ мучилъ и мать и сестеръ цѣлыя семь лѣтъ. Болѣзнь доросла до ужасающихъ симптомовъ. Опасеніе за его, за собственную ихъ жизнь, опасеніе сгорѣть въ пожарѣ дома, что повторялось нѣсколько разъ, заставило мать обратиться съ просьбою къ начальнику штаба жандармовъ Бенкендорфу, съ покорнѣйшею просьбою: помѣстить брата Петра въ заведеніе умалишенныхъ герцога, бывшее на 11-й верстѣ отъ столицы по петергофской дорогѣ. Но Бенкендорфъ рѣшилъ «въ просьбѣ отказать, такъ какъ это заведеніе очень близко отъ столицы». — Впослѣдствіи однако дано было позволеніе матери помѣстить брата Петра въ это заведеніе.—Онъ былъ тамъ помѣщенъ и черезъ три мѣсяца умеръ.

—

Братъ Павелъ воспитывался въ артиллерійскомъ училищѣ. Въ послѣднее время онъ былъ въ офицерскомъ классѣ и готовился, по выдержаніи экзамена, поступить въ гвардейскую конную артиллерію. На другой день 14 декабря великій князь Михаилъ Павловичъ во время параднаго выхода обнялъ его, поцѣловалъ и сказалъ: «Для меня—ты не братъ бунтовщиковъ.—Я тебя знаю, какъ хорошаго офицера и постараюсь забыть, что ты называешься Бестужевымъ».

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя великій князь Михаилъ Павловичъ, пробѣгая по офицерскимъ дортуарамъ, увидѣлъ развернутую книгу на одномъ изъ столиковъ, помѣщавшихся между двумя кроватями. — Онъ беретъ книгу — то была «Полярная Звѣзда». Смотритъ, на чемъ она была развернута—это была «Исповѣдь Наливайки»—извѣстное стихотвореніе Рылѣева.

— «Кто здѣсь спитъ»? спросилъ великій князь, указавъ на одну изъ кроватей.

— «Бестужевъ, ваше высочество!»—отвѣчали ему.

— «Арестовать его»!

Началось новое слѣдствіе, и Павелъ Бестужевъ былъ отправленъ на службу на Кавказъ, гдѣ онъ храбро велъ себя въ обѣихъ кампаніяхъ, персидской и турецкой, затѣмъ вышелъ въ отставку съ анненскимъ крестомъ за изобрѣтеніе прицѣла къ пушкамъ, который введенъ былъ во всей артиллеріи подъ названіемъ: «Бестужевскаго прицѣла».

Въ Петербургѣ в. к. Михаилъ Павловичъ предложилъ брату, чрезъ Ростовцева, должность старшаго адъютанта при глав. управ. воен. учеб. заведеній.—Братъ принялъ предложеніе, прослужилъ тамъ года три, и снова вышелъ въ отставку; поѣхалъ въ Москву и тамъ женился на богатой наслѣдницѣ, единственной дочери владимірскаго помѣщика Евграфа Васильевича Т-ва, — старосвѣтскаго русскаго барина съ замашками аристократа и со страстію къ рифмоплетству, похожею на Хвостовскую. Къ недугамъ, приобрѣтеннымъ Павломъ Бестужевымъ на Кавказѣ, присоединились тяжелые труды по устройству разстроеннаго имѣнія — онъ заболѣлъ и умеръ шесть недѣль спустя послѣ смерти матушки, послѣдовавшей 27 октября 1846 г. и схоронивъ до своей кончины единственнаго своего сына Александра.

Отецъ его жены умеръ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ, а жена его чрезъ три или четыре года вышла замужъ за артиллерійскаго офицера Мыльникова, имѣла отъ него трехъ малютокъ и вскорѣ умерла.

—

Теперь очередь дошла до меня.

Видя во очію совершившееся систематическое разрушеніе нашего флота подъ управленіемъ французскаго министра (маркиза де-Траверсе), а потомъ нѣмецкаго (Антона Васильевича Моллера)

и будучи лично оскорбленъ вопіющею несправедливостію въ дѣлѣ проекта К. П. Торсона о преобразованіи флота *), я невольно проникся чувствомъ недовольства морскою службою, и заглушивъ мою страсть къ морю, искалъ случая сокрыть свою голову, гдѣ бы то ни было. Дѣла тайнаго общества близились къ окончательнымъ результатамъ. Братъ Александръ, которому я исповѣдалъ состояніе моей души, предложилъ мнѣ перейти на службу въ гвардію, объяснивъ мнѣ, что мое присутствіе въ полкахъ гвардіи можетъ быть будетъ полезно для дѣла тайнаго общества—я согласился.—Онъ, будучи въ дружескихъ отношеніяхъ съ Ильею Гавриловичемъ Бибиковымъ, членомъ нашего общества, адъютантомъ великаго князя Михаила Павловича, который его уважалъ и любилъ, взялся за переводъ.—Великій князь, цѣня его ходатайство, захотѣлъ ознаменовать свое къ нему расположеніе особенною милостію, и перевелъ меня въ лейбъ-гвардіи Московскій полкъ, коего онъ былъ шефомъ.—Приказъ о переводѣ былъ полученъ мною наканунѣ представленія въ Кронштадтѣ комедіи Коцебу: «Пажескія шутки», въ которой роль колченогаго солдата игралъ я. Читатель вправѣ спросить меня: какой это театръ? Этотъ театръ былъ устроенъ и управляемъ братомъ Петромъ и въ шутку былъ названъ Петрозаводскимъ. Онъ, слѣдуя за примѣромъ брата Николая, устроившаго, во время его кронштадтской службы, прекрасный театръ, гдѣ онъ былъ и директоръ, и костюмёръ, и режисёръ, и главный актеръ, и за примѣромъ вашего покорнѣйшаго слуги—устроившаго точно на тѣхъ же условіяхъ театръ въ Архангельскѣ,—братъ Петръ Александровичъ аранжировалъ премиленькій театръ и представленія шли съ блестящимъ успѣхомъ.—Онъ, зная мои сценическіе таланты, упросилъ взять вышеупомянутую роль, и когда комедія выдержала всѣ репетиціи и была назначена къ представленію,—я долженъ былъ ѣхать въ Петербургъ.—Всѣмъ, включая и себя—намъ было крайне это непріятно, но чтожъ дѣлать?... Я написалъ ко всему лику актеровъ слѣдующую эпистолу: «Съ прискорбіемъ извѣщая о постигшей кончинѣ моего сценическаго поприща по случаю перевода моего въ гвардію,—прошу почтить

---

*) См. нашу статью «Николай Александровичъ Бестужевъ» въ журн. «Заря». 1869 г. кн. VII. Ред.

послѣднія минуты моего отъѣзда и съ бокаломъ въ рукѣ пожелать мнѣ на томъ свѣтѣ быть столь-же счастливымъ, какъ я былъ съ вами на этомъ».

Въ полку меня встрѣтили непріязненно всѣ тѣ, которымъ я, какъ первый поручикъ, сѣлъ на голову; за то со старшими я жилъ въ ладахъ, сблизившись съ ними у Александра П. Корнилова задолго до моего перевода. — Захвативъ сильную простуду на ученьѣ въ манежѣ, — я переѣхалъ отъ матушки къ Рылѣеву и брату Александру, и тамъ проболѣлъ мѣсяца четыре.

Въ пароксизмахъ лихорадки мнѣ, какъ въ калейдоскопѣ, являлись и исчезали лица литераторовъ и поэтовъ, по одиночкѣ и группами, говорящихъ, смѣющихся, спорящихъ или читающихъ стихи или прозу, какъ это обыкновенно происходило на «русскихъ завтракахъ» Рылѣева или за вечернимъ чаемъ. О политикѣ рѣдко заходила рѣчь; о дѣлахъ тайнаго общества—никогда. Объ этомъ предметѣ мы толковали поздними вечерами, когда оставались только члены нашего общества.

По принятіи мною роты отъ капитана Мартьянова, я долженъ былъ переѣхать на казенную квартиру въ московскія казармы, гдѣ и оставался до 14 декабря.

Въ началѣ съ ротою мнѣ было не мало хлопотъ. Мой предмѣстникъ,—славный фрунтовикъ и до костей пропитанный тогдашнею системою командованія, — былъ жестокъ съ солдатами и даже на ученіи ихъ билъ шомполами. Желая поставить роту на иныхъ принципахъ, я съ перваго же дня уничтожилъ употребленіе не только шомполовъ, но даже палокъ и розогъ. Солдаты первоначально меня не поняли и приняли мое гуманное съ ними обращеніе за слабость. Но, слава Богу, послѣ нѣсколькихъ случаевъ недоумѣнія, все обошлось, какъ нельзя къ лучшему, я заслужилъ ихъ любовь и довѣренность. Судились и наказывались они своимъ судомъ, и въ штрафную книгу ни одного солдата не было записано, — такъ что я даже заслужилъ строгій выговоръ за потворство къ подчиненнымъ*).

---

*) Такое обращеніе М. А. Бестужева, какъ онъ далѣе самъ говоритъ, было вызвано не одною гуманностью, но и тайными цѣлями, которыя преслѣдовало то общество, дѣятельнымъ членомъ котораго онъ былъ. Привязанностью, которую Бестужевъ возбудилъ въ солдатахъ, объясняется, ка-

II.

Стѣнная азбука.

1826 г.

...Какъ подстрѣленный соколъ изъ поднебесья упавъ на землю — я сталъ озираться. Угаръ экзальтаціи началъ испаряться и прозаическая дѣйствительность, волею или неволею, начала вступать въ свои права—я началъ осматривать свой гробъ... Моя тюрьма въ Алексѣевскомъ равелинѣ, Петропавлов. крѣпости восемь шаговъ длины и шесть шириною. Большое окно за толстою рѣшеткою изъ толстыхъ полосъ желѣза—было сплошь замазано известью, и ко мнѣ проникалъ какой-то таинственный полумракъ. Противъ окна дверь въ корридоръ, гдѣ ходилъ безотвѣтный часовой, обутый въ мягкія туфли, чтобы его шаги были неслышны, и чтобъ онъ могъ, незамѣтно для слуха узника, подойти къ двери и наблюдать каждое его движеніе въ четыреугольное отверстіе, прорѣзанное въ двери и закрытое темнаго цвѣта занавѣскою. Направо отъ входа деревянная кровать съ матрасомъ, покрытымъ простынею изъ грубаго холста, съ периною подушкою и одѣяломъ изъ сѣраго солдатскаго сукна. Подлѣ кровати деревянный столъ и такой же табуретъ. Печь выходила угломъ въ комнату, налѣво отъ входа. Стѣны, выбѣленныя известью, были всѣ исчерчены надписями, іероглифами, силуэтами и прочими досужими занятіями живыхъ мертвецовъ.

Осторожность тюремщиковъ тщательно ихъ соскабливала, и нельзя было не пожалѣть объ этомъ. Какую-бы хронику можно было прочитать въ сжатыхъ фразахъ, въ рисункахъ заключенныхъ! Какое-бы назидательное занятіе, какой урокъ терпѣнія могъ-бы почерпать нововступившій арестантъ, читая на стѣнахъ ихъ свою будущую участь! Я старался разбирать нѣкоторыя, частію уцѣлѣвшія отъ скрябки — читалъ, разсматривалъ съ настойчивостью человѣка, у котораго такъ много часовъ, давящихъ душу его, какъ свинецъ. Но, увы!... все напрасно... У нѣ-

---

кимъ образомъ могъ онъ, черезъ преданныхъ ему душею солдатъ, приготовить полкъ къ мятежу, когда ни одинъ изъ ротныхъ офицеровъ лейбъ-гвардіи московскаго полка, какъ то положительно свидѣтельствуетъ самъ М. А. Бестужевъ въ другомъ мѣстѣ своихъ записокъ: не были членами тайнаго общества и когда солдаты всѣхъ полковъ были подъ самымъ бдительнымъ надзоромъ высшаго начальства. Ред.

которыхъ фразъ уцѣлѣли только нѣсколько начальныхъ буквъ, у другихъ обратно, у иныхъ уцѣлѣли среднія буквы. Силуэты и портреты, по большей части женскіе и два изображенія старика, были видимо пощажены. Но сколько любви, сколько потеряннаго счастья можно было прочитать въ ихъ изображеніи!! Подъ однимъ портретомъ молодой дѣвушки, дышащимъ какой-то неземною любовью—я долго старался разобрать по уцѣлѣвшимъ буквамъ четверостишіе, и наконецъ іероглифъ понялъ такъ:

«Ты на землѣ была мой Богъ,
«Но ты ужъ въ вѣчность перешла,
«Молись же тамъ... ....
«Чтобъ тамъ тебя увидѣть могъ.

Подъ мужскимъ портретомъ я разобралъ: «Братъ, я рѣшился на самоубійство». Около портрета молодой женщины я съ трудомъ прочиталъ: «Прощай maman на вѣки». Подъ гнетомъ грустныхъ впечатлѣній, я дико бродилъ по моей комнатѣ, осматривая каждый ничтожный предметъ, прислушиваясь къ каждому звуку. Слухъ изострился отъ постояннаго напряженія до невѣроятной чуткости. Я даже могъ сосчитать неслышные шаги часового отъ моего № до конца коридора. Я сосчиталъ двадцать восемь шаговъ. Значитъ отъ моего № вправо, вычитая по два шага на толстоту стѣнъ, было еще три нумера. Впослѣдствіи, когда насъ водили въ судъ или при наступившей веснѣ въ садъ, я насчиталъ отъ моего № вправо до выхода еще 16 №№, слѣдовательно всѣхъ №№ было съ моимъ 20. Гуляя въ саду я замѣтилъ, что выходъ въ садъ, соотвѣтствующій входу въ тюремное зданіе Алексѣевскаго равелина, находился посрединѣ фаса одной изъ сторонъ треугольника, внутри котораго и былъ разведенъ маленькій нашъ садикъ, и что другая половина фаса, на лѣво отъ входа, была занята кухнею и помѣщеніемъ команды, оберегавшей арестантовъ. Это я заключилъ по дыму изъ трубъ лѣтомъ, когда печки у насъ уже не топились и по людскому говору, чего не было слышно въ нашихъ могилахъ.

«Я дико по тюрьмѣ бродилъ,
«Но въ ней какой-то холодъ былъ;
«И вѣялъ отъ стѣны сырой,
«Какой-то холодъ гробовой.

Толстый желѣзный прутъ наручниковъ сжималъ мои руки. Гробовая тишина давила мою душу... Я захотѣлъ узнать: есть-

ли хоть живая душа въ моемъ сосѣдствѣ. Началъ стучать желѣзами въ одну изъ стѣнъ...—нѣтъ отвѣта... Въ другую...—мнѣ отвѣтили едва слышными звуками слабаго стука. «А что, если мой братъ въ сосѣдствѣ?», подумалъ я, и засвисталъ мотивъ аріи, извѣстный только моему брату Николаю*). Слышу, онъ повторяетъ этотъ мотивъ. Явившійся ефрейторъ объявилъ мнѣ, что если я впередъ повторю такую выходку, то меня посадятъ въ особое совершенно помѣщеніе. Я извинился незнаніемъ тюремнаго порядка и далъ обѣщаніе себѣ — не злоупотреблять ихъ терпѣніемъ.

Въ промежутокъ между совершенной тьмою и тѣмъ временемъ, когда вносили ночникъ въ мой №, я садился въ уголъ и тихо стучалъ пальцами въ стѣну. Въ отвѣтъ на мой стукъ я получалъ такой-же отвѣтъ, отъ моего брата. Каждый день начинался взаимнымъ стукомъ полнаго похода, что означало: «здравствуй, здоровъ ли?» Когда же надлежало прекратить стукъ, мы били отбой.

Такъ прошло нѣсколько дней, томительно скучныхъ дней, ложившихся свинцовымъ бременемъ на мою душу, тѣмъ болѣе, что меня ужъ начали допрашивать.

«Какъ бы хорошо, думалъ я, если бы можно было говорить черезъ стѣну съ братомъ». Эта мысль глубоко запала въ мою душу и я началъ обдумывать способъ сообщенія. Каждыя сумерки я употреблялъ на стучаніе въ стѣну ногтями азбуки по порядку буквъ, но братъ меня не понималъ. Онъ отвѣчалъ какимъ-то продолжительнымъ стукомъ по длинѣ стѣны, останавливаясь постоянно на одномъ и томъ же мѣстѣ. Въ свою очередь, я тутъ вовсе ничего не могъ понять...

Каждое утро приносили мнѣ снадобье для умыванія, обрядъ весьма не сложный въ обыденной жизни, но въ моемъ положеніи онъ былъ довольно затруднителенъ. Вообразите человѣка, котораго руки разъединены толстымъ желѣзнымъ болтомъ. Мнѣ уже нельзя было сказать: рука руку моетъ; мнѣ поочередно долженъ былъ мыть ихъ прислужникъ, и потомъ я одною рукою мылъ лицо. Однажды умывальный приборъ внесъ ко

---

*) Николай Александровичъ Бестужевъ род. 1791, † 15 мая 1855 г. въ г. Селенгинскѣ. Ред.

мнѣ низенькій солдатикъ, съ выраженіемъ на лицѣ неизъяснимой доброты. По обыкновенію я поставилъ табуретъ противъ двери, а онъ поставилъ на него большую муравленую чашку, взялъ со стола оловянную кружку съ водою, назначенною мнѣ съ кускомъ чернаго хлѣба для пищи и, снимая съ плечъ тиковый мой халатъ, наброшенный въ накидку, тихонько посовѣтовалъ мнѣ поставить табуретъ у печки, говоря, что тамъ будетъ теплѣе. Не понимая степени его участія, я приставилъ табуретъ къ печкѣ, онъ передвинулъ его въ уголъ, куда взоръ часового не могъ достигнуть, потому что уголъ выходящей печки заслонялъ насъ совершенно.

— Посмотрите на себя, на что вы похожи, ваше высокоблагородіе, началъ онъ едва слышнымъ шопотомъ, намыливая мнѣ лѣвую руку.—«Вамъ скучно... Попросите книгъ»...

«Да развѣ можно?

— Другіе читаютъ, почему-жъ вамъ не можно?...

«Кто подлѣ меня сидитъ?»... рѣшился я спросить его.

— Бестужевъ, отвѣчалъ онъ.

«А подлѣ него и далѣе?

— Одоевскій и Рылѣевъ.

«Не можешь ли ты отнести записки къ брату?

— Пожалуй, можно. Но за это нашего брата гоняютъ сквозь строй...

Я содрогнулся своей преступной мысли... Что за безцѣнный русскій народъ!... Я готовъ былъ упасть на колѣни предъ однимъ изъ ничтожныхъ существъ русскаго добраго элемента. Изъ записокъ Сильвіо Пелико, я зналъ, какъ тюремщикъ, простодушный австріецъ, нѣжный отецъ семейства, не хотѣлъ принять срочной работы шерстяного чулка безъ нѣсколькихъ недовязанныхъ рядовъ и на замѣчаніе Сильвіо Пелико, что онъ можетъ ослѣпнуть, если его заставятъ довязывать чулокъ въ потемкахъ, тотъ со слезами на глазахъ, вздыхая возражалъ: «Да!... это очень можетъ случиться, но вы должны исполнять заданный урокъ... а я—свою обязанность...» Я не рѣшился воспользоваться добротою, безкорыстною въ полномъ смыслѣ, потому что я ничѣмъ не могъ заплатить солдатику за услугу, когда онъ рисковалъ, можетъ быть, жизнію. Когда привезли поляковъ—они его не пощадили... Пойманный—онъ былъ наказанъ и умеръ подъ палками.

На другой день, послѣ нашего таинственнаго разговора съ солдатикомъ, при обычномъ утреннемъ посѣщеніи начальника нашей тюрьмы майора Лиліенъанкера, высокаго, сухого, сѣдовласаго, одѣтаго всегда въ форменный сюртукъ съ краснымъ воротникомъ и въ сопровожденіи начальника тюремной стражи — я обратился съ просьбою къ первому и просилъ какой-нибудь книжки для чтенія.

«Я доложу-съ...» былъ отвѣтъ. Даже этотъ лаконическій отвѣтъ меня удивилъ, послѣ того, какъ на всѣ мои вопросы и просьбы я постоянно получалъ отвѣтъ: «не знаю-съ....» а отъ тюремщиковъ-солдатъ: «не могу знать....» Иногда, чтобъ испытать степень ихъ скромности, я спрашивалъ при ясномъ сіяніи солнца:

«Чтó, ясно или сумрачно на дворѣ?»

— Не могу знать, былъ постоянный ихъ отвѣтъ.

Черезъ три дня мнѣ принесли для чтенія IX-й томъ «Исторіи Государства Россійскаго» Карамзина. Странная случайность!... Почему именно IX-й томъ попалъ ко мнѣ? Хотя мнѣ очень хорошо была извѣстна эпоха звѣрскаго царствованія Іоанна, но я предался чтенію съ какимъ-то лихорадочнымъ чувствомъ любопытства. Было-ли удовольствіе—вкусить духовную пищу послѣ томительной голодовки,—не знаю... Но я читалъ... перечитывалъ—и читалъ снова каждую страницу.

— Какъ твое имя? спросилъ я однажды моего добраго солдатика, когда онъ подавалъ мнѣ мыться въ углу за печкою.

— Зачѣмъ, ваше высокоблагородіе, вамъ знать мое имя. Я человѣкъ мертвый!...

Кто была благодѣтельная фея узниковъ, снабжающая насъ книгами—я узналъ уже только въ Читѣ, когда привезенъ былъ къ намъ въ читинскій острогъ Корниловичъ*). Онъ, съ особенно ему свойственнымъ комизмомъ, повѣдалъ намъ, какъ одна пожилая уже дѣвушка, дочь плацъ-майора П — на воспылала къ не-

*) Штабсъ-капитанъ генеральнаго штаба Корниловичъ былъ человѣкъ весьма образованный и (мы не касаемся его политическихъ увлеченій, приведшихъ его сначала въ Сибирь, а потомъ солдатомъ на Кавказъ),—отличался прямотою и благородствомъ. Достойно замѣчанія, что Корниловичъ страстно любилъ отечественную исторію и кромѣ многихъ статей, разсѣянныхъ имъ въ журналахъ двадцатыхъ годовъ, издалъ историческій сборникъ, въ форматѣ тогдашнихъ

му неугасимымъ пламенемъ любви, увидавъ его въ первый разъ у окна его тюрьмы, кажется Невской куртины. Входъ въ квартиру плацъ-майора былъ подлѣ его окна и она, изыскивая тысячи случаевъ его видѣть, услаждала горесть его заключенія серенадами, сопровождаемымй звуками гитары, какъ напримѣръ, изъ извѣстнаго водевиля:

«Онъ сидя въ башнѣ за стѣнами,
Лишенъ тамъ бѣдненькой всего.
Жалѣть бы стали вы и сами,
Когдабъ увидѣли его....»

Наконецъ—рѣшилась писать къ нему. Корниловичъ, жалуясь на скуку: просилъ прислать книгъ.

Какія могутъ быть книги у необразованной женщины?.. Чтобъ по возможности удовлетворить желаніе своего любезнаго, какъ практически умная женщина, она нашла вѣрную дорогу: она обратилась къ роднымъ осужденныхъ—облегчить ихъ участь присылкою книгъ для чтенія, которыя лучше всѣхъ конфектъ и булокъ могутъ облегчить тяжесть заключенія ихъ родственниковъ. Пожертвованія не замедлили завалить всѣ ея комнаты обширною библіотекою. Чтобъ замаскировать свою слабость къ единственному предмету, для котораго она все это дѣлала, она заставила отца выпросить позволеніе разсылать книги и для другихъ. И вотъ прозаическій результатъ большей части міровыхъ событій!.. Сантиментальная страсть пожилой дѣвушки предотвратила можетъ быть нѣсколько положительныхъ умовъ отъ сумасшествія въ тюремной жизни.

А между тѣмъ дни за днями тянулись безконечною канителью; мое сумеречное стучаніе азбуки сопровождалось тѣмъ же непонятнымъ отвѣтомъ брата, и я приходилъ въ отчаяніе. Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ, меня внезапно посѣтила свѣтлая мысль: «не отъ того-ли братъ меня не понимаетъ, что стукъ азбуки, единообразнымъ стукомъ по порядку буквъ—причиною его недоразумѣнія?»... Соображая затрудненія изъясняться посред-

альманаховъ, подъ названіемъ: «Русская Старина», Спб. 1824 г. Этотъ сборникъ, посвященный старинѣ недавней, а именно XVII и XVIII вв., столь сочувственно былъ принятъ публикой, что въ короткое время выдержалъ два изданія. Корниловичъ умеръ отъ дѣйствія непривычнаго для него климата на Кавказѣ около 1835 года—послѣ нѣсколькихъ экспедицій, въ которыхъ онъ принималъ участіе въ качествѣ простого солдата. Ред.

ствомъ такой азбуки, гдѣ, наприм., буква *я* должна стучаться 32 раза, я вскочилъ изъ своего завѣтнаго угла и, менѣе нежели въ полчаса, составилъ другую азбуку совершенно на новыхъ основаніяхъ.

Принимая въ соображеніе, что **краткость** есть основаніе сообщеній, я долженъ былъ составить мою азбуку на основаніи кратковременности. Такъ какъ братъ мой былъ морякъ и потому долженъ быть знакомъ со звономъ часовъ на кораблѣ, гдѣ часы или склянки бьются двойнымъ, краткимъ звономъ, то я распредѣлилъ мою азбуку такъ:

<table>
<tr><td>:</td><td>||·</td><td>||-|</td><td>||-||-</td><td>||-||-|</td><td>||-||-||-</td><td></td><td>-</td><td>--</td><td>---</td><td>----</td></tr>
<tr><td>.</td><td>Б.</td><td>В.</td><td>Г.</td><td>Д.</td><td>Ж.</td><td></td><td>А.</td><td>Е.</td><td>И.</td><td>О.</td></tr>
<tr><td>·|||·</td><td>З.</td><td>К.</td><td>Л.</td><td>М.</td><td>Н.</td><td>||| —</td><td>У.</td><td>Ы.</td><td>Ю.</td><td>Я.</td></tr>
<tr><td>||·|||·</td><td>П.</td><td>Р.</td><td>С.</td><td>Т.</td><td>Ф.</td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td></tr>
<tr><td>|||·|||·|||</td><td>Х.</td><td>Ц.</td><td>Ч.</td><td>Ш.</td><td>Щ.</td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td></tr>
</table>

Эти іероглифы я начертилъ обожженнымъ прутикомъ изъ вѣника, случайно выпавшимъ, когда подметали мою комнату. Я ихъ начертилъ на одной изъ страницъ примѣчаній къ IX-му тому Росс. Исторіи Карамзина. Какъ любопытно было-бы узнать, чтó могъ заключить собственникъ этой книги, когда она была ему возвращена, увидѣвъ эти непонятныя начертанія?.. Могъ-ли онъ предполагать, что они заключаютъ въ себѣ источникъ неизреченныхъ, невыразимыхъ наслажденій, что это есть **языкъ**, которымъ говорили узники.

Чтобъ познакомить ближе съ моею азбукою, я долженъ обратить вниманіе преимущественно на то, что въ ней **согласныя** буквы были явственно раздѣлены отъ **гласныхъ** особеннымъ стукомъ, чтò отличало ее отъ всѣхъ способовъ сообщенія другихъ нашихъ соузниковъ. Эта особенность давала возможность въ разговорѣ, ежели вы не дослышали двѣ, даже три согласныя буквы, то ясный стукъ одной или двухъ гласныхъ буквъ давалъ вамъ возможность возстановить цѣлое слово, не требуя повтореній.

Кромѣ того, всѣ согласныя буквы, доходившія до вашего слуха въ одномъ и томъ-же однообразномъ порядкѣ или, лучше сказать, въ одномъ и томъ же образѣ или видѣ двойныхъ учащенныхъ звуковъ не далѣе шестой цифры—но только предшествуемые однократнымъ или двукратнымъ стукомъ, не напрягали вашего вниманія считать число ударовъ. Вы безъ всякаго счета только слѣдили за двойными ударами, предшествуемыми тройнымъ ускореннымъ стукомъ. Такъ напримѣръ: въ утреннемъ нашемъ привѣтствіи: здорово, я стучалъ тройку скоро и потомъ двойку, какъ бьютъ на кораблѣ двѣ склянки (•••||) и это будетъ означать букву *з*. Потомъ двойку, двойку и одинъ разъ (||•||•|) это буква *д*. Потомъ четыре раздѣльные звука (••••), т. е. букву *о*. Потомъ на концѣ, разслышавъ явственно *в* и *о*, хотя и пропустивъ среднiй слогъ,—мнѣ не трудно будетъ догадаться, что это слово: *здорово*. Практичность этой системы мы вполнѣ извѣдали въ Шлиссельбургѣ. Тамъ я, разъединенный съ братомъ Николаемъ шестью нумерами, могъ переговариваться съ нимъ, при растворенныхъ окнахъ черезъ весь дворъ, постукивая обожженою палочкою въ желѣзную рѣшетку. Когда случалось, что звуки согласныхъ буквъ поглощались или говоромъ часовыхъ или крикомъ птицъ—изловивъ двѣ, три гласныя, я легко возстановлялъ цѣлое слово и это тѣмъ легче, чѣмъ внимательнѣе слѣдишь за излагаемою мыслью.

Азбука брата Александра*), придуманная имъ для разговора съ сосѣдями, была составлена имъ тоже на основаніи сократить, по возможности, безконечное стучаніе буквъ. Тридцать буквъ онъ раздѣлилъ на три десятка, каждому десятку предшествовалъ свой опознательный стукъ. Недостатокъ его азбуки состоялъ именно въ томъ, что гласныя и согласныя стучались одинаково медлительнымъ стукомъ, который все-таки надо было считать, что утомляло и ухо и голову и гдѣ слушающій, безпрестанно смѣшивая гласныя съ согласными, заставлялъ повторять фразу, что было тяжелою пыткою для стучащаго.

Снова началась моя прежняя процедура неутомимаго стучанія, но только по новой моей методѣ, и снова я долженъ

---

*) Александръ Александровичъ Бестужевъ, извѣстный подъ псевдонимомъ Марлинскій, весьма даровитый писатель, род. въ 1797 году, убитъ въ дѣлѣ съ горцами на Кавказѣ 7 іюля 1837 года. Ред.

былъ каждый день слышать разочарованіе моимъ надеждамъ. Какъ могъ не истощиться запасъ моего терпѣнія при такихъ неудачахъ—понять можетъ только тотъ, кто былъ погребенъ заживо въ могилу, хочетъ достучаться человѣческаго сочувствія, хотя стучась головою въ стѣны своего гроба... И я наконецъ достучался до этого счастія.

Не помню хорошенько когда, но кажется на вербной недѣлѣ—я услышалъ мѣрные шаги моихъ приставовъ; дверь отворилась и предо мною предсталъ сѣдовласый Лиліенъанкеръ, въ сопровожденіи начальника стражи. Онъ вручилъ мнѣ письмо отъ матери, поклонился и вышелъ. Я слышалъ, какъ дверь брата Николая тоже отворилась и черезъ минуту они удалились. Слѣдовательно и брату передано такое же письмо. Я прочиталъ свое. Въ немъ мать слезно меня умоляетъ—вѣрить въ милосердіе начальства, которое будетъ соразмѣрно съ моимъ чистосердечнымъ признаніемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ—увѣдомляетъ, что ей, а по ея смерть дочерямъ ея, назначено 500 р. ассиг. годовой пенсіи.

Въ эту минуту у меня блеснула счастливая мысль. Попытаюсь въ послѣдній разъ дать знать моему брату, что я хочу объясняться съ нимъ черезъ стѣну, какъ наша мать объясняется съ нами черезъ бумагу. Я подошелъ къ стѣнѣ и началъ шаркать письмомъ, и услышалъ тоже отъ брата. Тогда я началъ стучать въ стѣну азбуку уже не пальцами, а болтомъ моихъ наручниковъ. Слышу, братъ отодвигаетъ свою кровать отъ стѣны и что-то чертитъ по ней, я повторилъ азбуку пальцами. Слышу, братъ записываетъ на стѣнѣ. Слава Богу—онъ понялъ въ чемъ дѣло!

Въ промежутки этой операціи вошелъ ефрейторъ, который любопытствовалъ узнать причину моихъ неистовыхъ восторговъ. Я объяснилъ, что письмо матери меня совершенно свело съ ума и я въ восторгѣ самъ не зналъ, что дѣлалъ. Ефрейторъ замѣтилъ мнѣ, что чувства здѣсь не выражаются шумливо, и что ежели они другой разъ перейдутъ границы заведеннаго порядка, то мнѣ будетъ худо.—Я далъ обѣщаніе вести себя впередъ тише, и меня оставили....

Съ замираніемъ сердца снова сѣлъ я въ свой уголъ, когда наступили сумерки, и ожидалъ: что скажетъ братъ....

— Здорово!.. простучалъ онъ мнѣ.

«Здравствуй», отвѣчалъ я.

— «Здоровъ ли ты?»

«Здоровъ, но я закованъ въ желѣза!...

— «Я плачу»—былъ отвѣтъ, и больше ничего....

Я блаженствовалъ. Я былъ счастливъ, вполнѣ увѣрившись, что подлѣ меня былъ точно мой братъ, котораго я такъ любилъ, съ которымъ теперь я могу говорить и увѣрить его въ моихъ неизмѣнныхъ чувствахъ, однимъ словомъ—я находился въ положеніи ожившаго въ гробу мертвеца, который, почуявъ вѣянье атмосфернаго воздуха, хочетъ пожить еще настолько,—насколько дозволяетъ могила.

Наступила ночь....

Ни я, ни братъ глазъ не смыкали. Я—отъ невыразимо-пріятнаго волненія; братъ—отъ желанія поскорѣй освоиться съ азбукою. Едва началъ брезжить разсвѣтъ, какъ онъ уже довольно бойко простучалъ обычное привѣтствіе:

— Здорово!

— Ты получилъ письмо отъ матушки? спросилъ я.

— Получилъ.

— Увѣдомляетъ она тебя о пенсіи?

— Да!...

— Умоляетъ объ искренности показаній?

— Да!...

— Ну, значитъ это дубликатъ съ моего.

Затѣмъ мы обмѣнялись нѣсколькими мыслями, о содержаніи полученнаго письма и сказали другъ другу кое-что о тѣхъ показаніяхъ, которыя давали на допросахъ.

Этотъ разговоръ, которой можно было бы прочитать въ полминуты,—длился у насъ почти до полудня, по причинѣ перерывовъ и безпрестанныхъ опасеній. Тѣмъ болѣе, что и братъ, выучившій наизусть азбуку, но не свыкшись достаточно со звуками, принужденъ былъ,—прерывая меня,—бѣгать вдоль стѣны, справляясь съ своимъ царапаньемъ.

Впослѣдствіи мы до того усовершенствовали нашу азбуку и такъ скоро и свободно говорили, что нашъ разговоръ немногимъ длиннѣе былъ изустнаго. Для доказательства я приведу примѣръ. Вопросные пункты намъ обыкновенно приносилъ Лиліенъанкеръ и спрашивалъ: «Сколько вамъ нужно листовъ для отвѣтовъ?» Я объявлялъ число листовъ по соображенію, и онъ

удалялся за письменнымъ приборомъ.—Тогда этого промежутка времени было довольно, чтобъ сообщить брату кратко сущность вопроса и мой отвѣтъ. — Съ своей стороны онъ дѣлалъ также.

Правда, много протекло скучно-томительныхъ дней, употребленныхъ нами на усовершенствованіе нашихъ сношеній, на способы скорѣе передавать буквы, на знаки препинанія и предостереженія, на сигналы для вызова къ разговору и прочихъ измѣненій, какимъ подвергалась ежедневно наша азбука — и этимъ опытамъ мы обрекали себя, когда душа рвалась къ задушевной бесѣдѣ.

Къ числу главныхъ усовершенствованій нашей азбуки должно упомянуть нашу геройскую рѣшимость: выкинуть изъ согласныхъ 10 буквъ и изъ гласныхъ 4, такъ что азбука приняла слѣдующій видъ:

<table>
<tr><td></td><td>||-</td><td>||-|-</td><td>||-||-</td><td>||-||-|-</td><td>||-||-||</td><td>-</td><td>--</td><td>---</td><td>----</td></tr>
<tr><td></td><td>Б.</td><td>В.</td><td>Г.</td><td>К.</td><td>М.</td><td>А.</td><td>И.</td><td>О.</td><td>У.</td></tr>
<tr><td>|||</td><td>Н.</td><td>Р.</td><td>С.</td><td>Т.</td><td>Ш.</td><td></td><td></td><td></td><td></td></tr>
</table>

Всякому покажется непонятнымъ, какимъ образомъ мы могли понимать другъ друга съ такимъ ограниченнымъ числомъ звуковъ?... Я скажу въ отвѣтъ, что все зависитъ отъ привычки.— Вамъ вѣроятно случалось встрѣчать въ своей жизни множество косноязычныхъ и вы ихъ понимали, употребя нѣкоторое умственное усиліе. Вы встрѣчали картавыхъ, шепеляющихъ, вы встрѣчали многихъ изъ разныхъ концевъ нашей матушки-Руси, гдѣ сплошь да рядомъ замѣняютъ одни согласныя другими и съ гласными поступаютъ также. Ну, теперь вообразите субъекта, который въ одномъ лицѣ совмѣстилъ всѣ эти недостатки и онъ ведетъ съ вами рѣчь!... Не спорю—вы будете въ большомъ затрудненіи сначала понять его, но если рѣчь васъ интересуетъ, вы наконецъ его поймете—а меня съ братомъ интересовало каждое слово. Теперь вамъ будетъ понятна наша азбука....

Для васъ будетъ и скучно и утомительно читать подробное исчисленіе всѣхъ тонкостей нашихъ сношеній. Сигналы, предо-

стереженія, сокращенія, а главное знакъ, что я понялъ фразу, хотя бы она только начиналась одной буквой—этотъ знакъ способствовалъ быстрой текучести рѣчи и часто весь разговоръ состоялъ изъ начальныхъ буквъ фразы, безпрестанно прерываемой знакомъ: «я понимаю». Къ довершенію полнаго изображенія картины я долженъ упомянуть объ обожженной палочкѣ изъ вѣника, случайно выроненной, когда подметали мою тюрьму. Эта обожженная палочка замѣнила мнѣ пальцы, распухшіе отъ безпрестаннаго стучанія и ногти отъ невыносимой боли. — При этомъ не могу не улыбнуться при воспоминаніи — когда намъ, по прочтеніи сентенціи, позволено было видѣться съ родными и когда я въ присутствіи коменданта Сукина передалъ эту палочку одной изъ сестеръ, сказавъ ей тихо: «prenez, c'est ma langue». Разрѣшеніе ихъ недоумѣній длилось долго — до ихъ прибытія въ Селенгинскъ, куда онѣ пріѣхали, чтобъ раздѣлить участь братьевъ.

Мнѣ остается объяснить, отъ чего происходило такое продолжительное недоумѣніе брата, когда я пытался передать ему мою азбуку. Онъ, также какъ и я, чувствовалъ неодолимую потребность бесѣдовать со мною. Къ его несчастію, постукивая стѣну въ различныхъ мѣстахъ, онъ напалъ на такое мѣсто, гдѣ толстая стѣна, болѣе аршина толщиною, была пробита сквознымъ четыреугольнымъ отверстіемъ, заложеннымъ только однимъ рядомъ кирпичей. По звукамъ въ пустомъ пространствѣ онъ заключилъ, что и съ моей стороны отверстіе было заложено только однимъ рядомъ кирпичей, и возымѣлъ намѣреніе просверлить этотъ рядъ, и потомъ, заставивъ меня сдѣлать тоже съ моей стороны — сообщаться изустно. Просверлить.... Это такъ легко сказать, но исполнить—это другое дѣло.... Какъ и чѣмъ братъ мой могъ исполнить свое намѣреніе — составляетъ эпизодъ самый занимательный нашей тюремной жизни, и доказываетъ, какъ настойчивая воля беретъ верхъ надъ всѣми затрудненіями. Онъ началъ съ того, что выломилъ одно крыло изъ жестяной перпетюэльки, затѣмъ это крыло, въ продолженіи двухъ недѣль, вострилъ и точилъ на кирпичѣ печи, куда глазъ часового не достигалъ. Потомъ этимъ инструментомъ, ночью, отщепилъ длинную лучину отъ ножки своей кровати. Для соединенія этого ножика съ лучиною, онъ употребилъ нитки, вырванныя изъ одѣ-

яла. Такимъ-то снарядомъ онъ дошелъ до того, что слой кирпичей съ его стороны былъ пробуравленъ. Онъ ожидалъ такого же результата съ моей стороны. Но увы!.. я продолжалъ настойчиво стучать свою азбуку, а онъ, подъ вліяніемъ своей постоянной идеи, давалъ мнѣ знать, что я совсѣмъ не въ томъ мѣстѣ буравлю стѣну. Такъ длилось время до вышеупомянутаго обстоятельства, положившаго конецъ нашимъ мученіямъ и начало нашего счастія.

Когда мы наговорились досыта, намъ захотѣлось распространить далѣе наше сношеніе съ сосѣдями и преимущественно съ Рылѣевымъ, которой сидѣлъ только черезъ одинъ номеръ отъ брата. Но, къ несчастію, въ этомъ номерѣ сидѣлъ А. И. Одоевской, молодой, пылкій человѣкъ и поэтъ въ душѣ *). Мысли его витали въ областяхъ фантазіи, а спустившись на землю, онъ не зналъ какъ угомонить потребность дѣятельности его кипучей жизни. Онъ бѣгалъ какъ запертой львенокъ въ своей клѣткѣ, скакалъ черезъ кровать или стулъ, говорилъ громко стихи и пѣлъ романсы. Однимъ словомъ, творилъ такія чудеса, отъ которыхъ у стражей волосы подымались дыбомъ; что ему ни говорили, какъ ни стращали—все напрасно. Онъ продолжалъ свое и кончилось тѣмъ, что его оставили. Этотъ-то пылъ физической дѣятельности и былъ причиною, что даже терпѣніе брата Николая разбилось при попыткахъ передать ему нашу азбуку. Выждавъ тихую минуту въ его казаматѣ, едва братъ начиналъ стучать ему азбуку, онъ тотчасъ отвѣчалъ такимъ неистовымъ набатомъ, колотя руками и ногами въ стѣну, что братъ въ страхѣ отскакивалъ, чтобъ не обнаружить нашего намѣренія. Послѣ долгихъ упорныхъ попытокъ, когда наконецъ онъ понялъ въ чемъ дѣло и когда братъ уже трубилъ побѣду и мы рисовали въ своемъ воображеніи удовольствіе въ сношеніяхъ съ Рылѣевымъ, надо же случиться, на бѣду нашу, что самая ничтожная бездѣлица — разбила въ прахъ наши мечты.... Одоевской не зналъ азбуки по порядку!...

М. А. Бестужевъ.

---

*) Князь Александръ Ивановичъ, см. о немъ въ концѣ этого тома «Русской Старины».

БУНТЪ ВОЕННЫХЪ ПОСЕЛЯНЪ ВЪ 1831 ГОДУ.

Подъ этимъ заглавіемъ въ текущемъ году редакціей „Русской Старины" издана особая книга, въ которой помѣщено нѣсколько разсказовъ очевидцевъ объ этомъ печальномъ и въ тоже время многознаменательномъ эпизодѣ изъ новѣйшей русской исторіи. Предлагаемые здѣсь матеріалы, доставленные намъ по выходѣ въ свѣтъ нашей книги,—вносятъ еще нѣсколько подробностей исторіи этого мятежа. Матеріалы эти въ подлинникѣ озаглавлены такъ: „Дѣло о повѣшеніи за ноги военными поселянами священника Іоанна Парвова".

Ред.

I.

1) Списокъ съ прошенія старорусскаго военнаго поселенія, округа 3-го карабинернаго полка, присутствующаго въ полковомъ комитетѣ священника села Коломны Іоанна Парвова 9 августа 1831 г.

Во время происшедшаго бунта въ округѣ 3 карабинернаго полка военныхъ поселянъ противъ своихъ начальниковъ и убіеніи оныхъ, 13 ч. сего іюля, съ повода того, что я весьма часто по дѣламъ службы имѣлъ съ онымъ начальствомъ сношенія, былъ равнымъ образомъ жертвою симъ звѣрообразнымъ и немилосердымъ бунтовщикамъ; въ три часа пополудни бунтовщики, схвативъ меня на берегу рѣки Ловати, били кольями безъ всякаго милосердія. Обагренный кровію, лишенный всѣхъ чувствъ, былъ я стащенъ оными въ домъ свой, уже неимѣющій ни одной оконницы, гдѣ, по сбитіи замковъ съ кладовой и сундуковъ моихъ, производился обыскъ какого-то яду; и, при каковомъ осмотрѣ, я былъ подъ крѣпкимъ карауломъ; потомъ веденъ былъ бунтовщиками изъ погоста въ деревню Коломно, съ тѣмъ мнѣніемъ, чтобы лишить меня жизни, гдѣ привязавъ веревкою за̀ ноги къ периламъ на улицѣ близъ канавы устроеннымъ, вторительно били меня стягами и кольями жесточайшимъ образомъ, послѣ чего отвели въ деревню Остратово, въ которой спасена жизнь моя нѣкоторыми изъ прихожанъ моихъ деревни Слугина и Остратово. 14-го числа получилъ я увѣдомленіе, что въ ночи разграбленъ мой домъ тѣми же бившими меня бунтовщиками, при чемъ не пощажены даже съѣстныя вещи, заготовленныя мною на продовольствіе мо-

его семейства, и сосудъ съ запасными святыми дарами былъ разбитъ и разбросанъ. Находясь въ Остратовѣ, я нѣсколько былъ безопасенъ; но страданія мои еще тѣмъ не кончились. Въ четыре часа пополудни толпа буйныхъ злодѣевъ, по двукратномъ истязаніи и допросахъ мнѣ дѣлаемыхъ — въ присутствіи поселянъ 2-й роты, большею частію мой приходъ составляющихъ, по наущенію и крику раскольничествующихъ деревни Залузина поселянъ, повѣсили меня стремглавъ веревкою на казенномъ магазейнѣ, и не внимая просьбамъ моимъ, не смотря на льющуюся изъ ранъ кровь, оставили висѣть болѣе трехъ часовъ на ономъ, откуда снятъ почти мертвый, и отданъ подъ крѣпкій караулъ. На третій день, когда чувства мои нѣсколько ожили, и здоровье мое позволило мнѣ слышать то, за что меня мучили, узналъ я, что причиною къ поступленію со мною столь звѣрскимъ образомъ прихожанъ моихъ было то, что 1) я членъ комитета, 2) пользуюсь особенною любовію возненавидѣннаго и убитаго ими военнаго начальства, 3) что я долженъ знать о какихъ-то ядахъ, которыми будто военное начальство было готово истребить поселянъ.

Доводя до свѣдѣнія о семъ несчастномъ моемъ положеніи вашего преосвященства, покорнѣйше прошу явить ко мнѣ ваше архипастырское снисхожденіе—удалить меня изъ того прихода, въ которомъ я столько отъ бунтовщиковъ сихъ безвинно страдалъ, въ которомъ жизнь моя въ величайшей опасности, въ которомъ не уваженъ мой санъ, въ которомъ самое тѣло Христово было поругано и попрано, и въ которомъ приходѣ, хотя бы дѣйствіемъ правосудія и истреблены были сіи богоотступные и обагренные моею кровію люди; но останется живая мысль мщенія въ родственникахъ кровопійцевъ моихъ, и на сіе мое прошеніе учинить милостивѣйшее вашего преосвященства рѣшеніе.

---

2) Списокъ съ объясненія округа 3-го карабинернаго полка села Коломна свящ. Парвова, поданнаго исправляющему должность военнаго благочиннаго Дретенскаго погоста свящ. Никитѣ Георгіевскому отъ 21 августа сего 1831 года № 99.

Во исполненіе предписанія вашего благословенія отъ 13-го числа августа сего года за № 88 (по указу новгородской кон-

систоріи за № 3,382) на имя мое послѣдовавшаго, симъ объяснить честь имѣю. Прошлаго іюля мѣсяца 13 числа, въ три часа пополудни военные поселяне села Коломна (въ то время, когда я находился на противулежащемъ берегу рѣки Ловати разстояніемъ отъ своего погоста на полверсты, вмѣстѣ съ дьячкомъ Иваномъ Іустиновымъ и сыномъ своимъ Иваномъ), прибѣжавъ къ моему дому со стягами и кольями, съ страшнымъ крикомъ и звѣрскимъ видомъ спрашивали у моей работницы меня, и получивъ отвѣтъ, что меня не было дома, въ одно мгновеніе выбили всѣ восемь оконницъ; потомъ съ тѣмъ же крикомъ устремились искать меня по полямъ и огородамъ, грозя смертію всѣмъ причетникамъ, которые бы вступились защищать меня. Услыша шумъ и видя бѣгущихъ съ поля нашего погоста женщинъ, я съ дьячкомъ Іустиновымъ и съ своимъ сыномъ, не предвидя никакой себѣ опасности, побѣжалъ по той же сторонѣ рѣки къ своему погосту, располагался противъ онаго по примѣру Іустинова, перейти рѣку, какъ вдругъ увидѣлъ свою малолѣтнюю дочь Марію, на берегу плачущую, и услышалъ голосъ жены діакона Григорія Иванова, которая кричала мнѣ, чтобы я бѣжалъ, и что ищутъ убить меня поселяне. Почему я въ виду поселянъ побѣжалъ по противулежащему берегу къ селу Зарѣчью, надѣясь спастись въ домѣ помѣщицы г-жи Карцевой. Поселяне, усмотрѣвъ мое бѣгство, бросились въ бродъ чрезъ рѣку, и первый изъ сихъ унтеръ-офицеръ хозяинъ Абрамъ Антоновъ, на лошади догнавъ меня остановилъ близъ самаго Зарѣчья; въ слѣдъ за нимъ прибѣжали рядовые хозяева: Авдій Родіоновъ схватилъ за грудь, Василій Емельяновъ и Иванъ Кирилловъ, стягами ударивъ по головѣ, сбили съ ногъ, разбили мою голову и обагрили лице мое кровію; за ними Крисанфъ Ивановъ, Павелъ Степановъ и Даніилъ Григорьевъ страшными ударами по груди, рукамъ и ногамъ отняли у меня чувства, потащили за ноги по землѣ, но сорвавъ съ оныхъ сапоги и поднявъ на ноги, понесли меня въ погостъ. Когда же я пришелъ въ память, спрашивалъ у ведущихъ меня подъ руки Крисанфа Иванова и Ивана Климова 2-го, за что такъ со мною поступаютъ? — получилъ отвѣтъ: за то, что я не пускалъ прогонять ихъ телятъ въ свое поле, не позволилъ имъ самимъ ходить въ погостъ. (Со времени появленія чумной болѣзни на рогатый скотъ у военныхъ поселянъ села Коломна, я дѣй-

ствительно просилъ ветеринальнаго врача г. Манакулова, чтобы поселяне села Коломна не гоняли своихъ телятъ въ наше поле, и тѣмъ самымъ не сообщили заразы нашему скоту, все лѣто пасущемуся отдѣльно отъ поселянскаго. Г. Манакуловъ приказалъ не токмо не пускать скотъ въ нашъ погостъ, но и поселянамъ съ нами вовсе не имѣть сообщенія. По убіеніи же Манакулова и по взятіи меня изъ погоста, поселяне, согнавъ свой скотъ съ нашимъ, заразили оный, и падежъ въ погостѣ нынѣ существуетъ въ сильной степени), и что будто бы съ убитыми ими начальниками—я былъ согласенъ губить людей какимъ-то ядомъ. По приведеніи меня въ домъ, при моихъ глазахъ, разбили кладовую, и вытащивъ изъ оной сундуки, раскололи на оныхъ топорами крышки, вырыли все мое имущество, и когда не нашли нигдѣ мнимаго ими яда, повели меня въ свою деревню, гдѣ неслужащіе инвалиды Дементій Ѳеоктистовъ и Филиппъ Ксенофонтовъ, изъ коихъ первый, когда я умолялъ его пощадить мою жизнь, толкнувъ ногою, привязали веревкою за ноги, къ периламъ канавы вмѣстѣ съ лѣкарскимъ ученикомъ Васильемъ Степановымъ до полу-смерти также прибитымъ, вторительно помянутые инвалиды и рядовые хозяева Михаилъ Филиповъ, Павелъ Степановъ, Крисанфъ Ивановъ и жена Ксенофонтова Анна Константинова били меня по груди, рукамъ и ногамъ стягами жесточайшимъ образомъ, нѣкоторые же по головѣ ногами, и готовясь нанести рѣшительный ударъ въ голову, неслужащій инвалидъ Галактіонъ Саввинъ, получивъ самъ ударъ стягомъ по шеѣ, отъ того удержалъ. Отвязавъ, подняли меня и понесли въ деревню Остратово, съ тѣмъ мнѣніемъ, чтобы вмѣстѣ съ г. поручикомъ Карецкимъ и лѣкаремъ Манакуловымъ, уже убитыми, положить и меня, между тѣмъ прочіе поселяне на лошадяхъ поѣхали въ штабъ бить своихъ начальниковъ и грабить оный. По приводѣ меня въ Остратово, увидѣлъ я болѣе 100 человѣкъ, стоявшихъ около труповъ г. Карецкаго и Манакулова, въ числѣ коихъ около 15-ти человѣкъ поселянъ артиллерійскаго округа на лошадяхъ съ пиками, ружьями и побояшками; когда же провели меня подлѣ сихъ мертвыхъ, поселяне артиллерійскаго округа, усмотрѣвъ на глазахъ моихъ показавшіяся слезы, закричали: «Куда повели его, кладите здѣсь, все равно и онъ, что господа», но неслужащіе инвалиды деревни

Слугина Тимоѳей Кузьминъ и деревни Остратова Василій Флоровъ, двукратно останавливаемые крикомъ сихъ кровопійцевъ силою втащили меня въ сѣни старшины деревни Остратова унтеръ-офицера Филиппа Гаврилова, спасли жизнь мою и въ то время, когда два артиллериста съ звѣрскимъ видомъ, обагренные кровію, ворвались въ сѣни съ ружьемъ и нобояшкою, инвалиды, ставъ предъ ними на колѣни, со слезами отклонили ихъ отъ гнуснаго ихъ намѣренія. Съ сѣней старшины, вечеромъ—когда артиллеристы и прочіе поселяне разошлись по своимъ домамъ — Флоровъ, сопровождаемый Кузьминымъ, взялъ меня въ свой домъ, защищалъ меня отъ всѣхъ вражескихъ покушеній во время ночи. Въ 14 число съ самаго разсвѣта собрались поселяне въ деревню Остратово всей 2-й роты, до полудня шумѣли и судили, что дѣлать со мною; защитники моей невинности давали совѣтъ отпустить меня, не вредя мнѣ ничѣмъ болѣе, но поселяне села Коломна и раскольники деревни Голузина совѣтовали убить до смерти. Наконецъ, бывъ ободрены горячими напитками, у г. поручика Карецкаго найденными, и распущеніемъ нелѣпыхъ, вредныхъ мнѣ слуховъ—будто бы поселяне села Коломна видѣли меня метающимъ ядъ въ колодези, и будто бы увѣренія мои въ смертности болѣзни холеры были собственною моею выдумкою, и будто бы я былъ подкупленъ служить панихиду по неумершемъ цесаревичѣ, между тѣмъ какъ оный живъ, ходитъ между поселянами въ ихъ платьѣ, съ отрощенною бородою, и прочія слагая на меня нелѣпости, осудили пытать меня.

Посему двукратно выводили меня изъ дома Флорова въ свое беззаконное полчище, двукратно давали мнѣ свои глупые вопросы, и не получивъ согласнаго съ ихъ намѣреніемъ отъ меня отвѣта, отводили обратно. Въ третій разъ, когда защитники мои удалились, или замолкли, унтеръ-офицеръ рабочаго баталіона № 10 Ѳедоръ Кузьминъ, въ пьяномъ видѣ, извергая мерзкія хульныя слова на начальство, обратилъ вниманіе всей буйной толпы, ад. 1-й половины 3-го капральства, неслужащій инвалидъ Евтихій Андреевъ вмѣстѣ съ раскольниками деревни Голузина рядовымъ хозяиномъ Кирилломъ Макаровымъ и неслужащимъ инвалидомъ Феоклистомъ Павловымъ, ругающимъ меня предъ всѣми тутъ бывшими поселянами, унтеръ-офицеръ Кузь-

минъ приказалъ вытащить меня изъ дома Флорова, допрашивалъ о ядахъ учтиво и приказалъ повѣсить; въ семъ случаѣ особенно оказали ревность въ исполненіи приказанія Кузьмина деревни Середки рядовой хозяинъ Захаръ Яковлевъ и деревни Климова Кондратій Моисеевъ, послѣдній принесъ веревку, а первый прицѣпилъ за мои ноги, но не нашедъ въ деревни способнаго къ повѣшенію мѣста, въ сопровожденіи болѣе ста человѣкъ подъ командою Кузьмина выведенъ былъ я изъ деревни къ магазейну, гдѣ по допросѣ Кузьмина объ ядѣ и по моемъ отвѣтѣ, что ни начальство ими убитое, ни я никакихъ ядовъ никогда не имѣли, и намѣренія губить людей вовсе не было, деревни Залучья служащій инвалидъ Потапъ Андреевъ, не внимая моему прошенію повѣсить за шею, съ помощью Моисева повѣсилъ за ноги на выпущенной изъ магазейна слеги. Находясь въ семъ положеніи болѣе 3-хъ часовъ, слышалъ одни колкія насмѣшки и ругательства. Рядовый хозяинъ деревни Голузина Василій Сидоровъ рвалъ мою бороду, а Евтихій Андреевъ и помянутые раскольники кричали: «Давайте плетей и розогъ»; многіе побѣжали за оными, но когда усмотрѣли, что я уже лишался всѣхъ чувствъ, и что кровь лилась изъ рта, ушей и носа, согласились безъ боя оставить меня умирать на оной висилицѣ, отступили прочь и пошли по домамъ. Кто же меня снялъ и отнесъ въ домъ Флорова, того показать не могу, но слышалъ отъ рядоваго хозяина деревни Остратова Пантелея Спиридонова, что будто-бы онъ, сжалясь надъ мною, съ помощію своихъ сосѣдей разогнавъ оставшихся еще при моей висилицѣ малое число поселянъ, снялъ меня и отнесъ въ домъ Флорова. При сумеркахъ дня, по просьбѣ моей, приведенъ былъ ко мнѣ товарищъ мой, священникъ Николай Ѳедоровъ, пришли ко мнѣ моя жена съ дѣтьми, и діаконъ, Григорій Ивановъ, по исповѣди и причащеніи святыхъ Таинъ, объявила мнѣ жена моя (бывшая въ продолженіе сего времени у отца своего села Снѣжскаго, священника Герасима Иванова), что весь домъ нашъ поселянами села Коломна разграбленъ: украдено денегъ 885 руб., 19-ть золотниковъ жемчугу и другихъ вещей на 100 руб., а всей покражи на 1,585 р.; при разграбленіи не пощажены даже съѣстныя вещи, сосудъ со святыми дарами былъ разбитъ и разбросанъ, но тѣло

Христово изъ онаго не было высыпано. На 3-й день, т. е. 15-го числа прибылъ резервный баталіонъ; поселяне, почувствуя несказанную робость, оставили меня въ безопасности, спокойно допустили отцу моему, села Маркова дьячку Павлу Константинову, пріѣхавшему погребать меня, взять и везти меня въ свой домъ, но опасаясь быть въ ономъ, я два дня и двѣ ночи безвыходно провелъ въ церкви, гдѣ получивъ увѣдомленіе отъ старшины села Коломны Мелентія Дмитріева, что поселяне коломенскіе раскаеваются, что меня не убили, я уѣхалъ въ штабъ деревню Перегино подъ покровительство командира резервнаго баталіона г. маіора Толмачева, но, получивъ и здѣсь увѣдомленіе отъ жены моей, что поселяне, надѣясь на измѣну резерва, готовятся сдѣлать новое нападеніе на штабъ, вынужденъ былъ, испрося у г. Толмачева конвой, отправиться къ своему отцу въ село Марково. Пославъ прошеніе къ его преосвященству 22-го іюля, прибылъ въ Марково и находился по 4-е число августа, лѣчась отъ болѣзни. 4-го августа прибылъ я въ городъ Старую Руссу, подалъ лично его сіятельству графу Орлову съ прописаніемъ всѣхъ сихъ обстоятельствъ прошеніе, былъ удостоенъ милостиваго выслушанія моей обиды, обласканный и ободренный покровительствомъ его сіятельства, я пріѣхалъ къ моему тестю села Снѣжи, священнику Герасиму Іоаннову, а 10-го числа августа, по предписанію ко мнѣ г. маіора Толмачева, я прибылъ обратно въ штабъ 3-го карабинернаго полка, 13-го въ свой домъ. Подалъ рапортъ командующему округомъ г. маіору Бонческулу съ представленіемъ имяннаго списка моихъ злодѣевъ, по которому всѣ люди забраны и содержатся подъ арестомъ. Вступивъ въ отправленіе по прежнему моей должности, хотя еще не получилъ вожделѣннаго здоровья, но по сіе время нахожусь безопасенъ.

---

3) Копія съ донесенія Серафима, митрополита с.-петербургскаго св. Синоду. № 63.

1831 года ноября 13-го дня, по указу его императорскаго величества св. сѵнодъ слушали донесеніе синодальнаго члена— преосвященнаго Серафима, митрополита новгородскаго и с.-петербургскаго, 2-го сего ноября полученное, съ представленіемъ,

о награжденіи старорусскаго военнаго поселенія 2 дивизіи округа 3 карабинернаго полка, села Коломна старшаго священника Іоанна Парвова, претерпѣвшаго, во время бывшаго въ томъ поселеніи возмущенія, жестокое мученіе и страданіе, въ чемъ удостовѣрилъ новгородскую консисторію, вслѣдствіе ея требованія, г. управляющій корпусомъ военнаго поселенія генералъ-лейтенантъ Даниловъ. Онъ, преосвященный митрополитъ Серафимъ, находя, согласно съ мнѣніемъ консисторіи, священника Парвова, за сей важный подвигъ его и невинно претерпѣнное имъ жестокое мученіе, заслуживающимъ награжденія наперснымъ крестомъ, представляетъ о семъ на благоразсмотрѣніе св. сvноду, прилагая списокъ съ поданнаго имъ, священникомъ Парвовымъ, исправляющему должность военнаго благочиннаго священнику Никитѣ Георгіевскому объясненія по сему предмету, и послужный о немъ священникѣ списокъ, изъ коихъ явствуетъ 1) изъ объясненія между прочимъ, что прошлаго іюля мѣсяца 13 числа военные поселяне села Коломна въ небытность его, Парвова, дома, прибѣжавъ къ его дому со стягами и кольями, съ страшнымъ крикомъ выбили въ одно мгновеніе всѣ окна въономъ, и узнавши, что его, Парвова, нѣтъ въ домѣ его, устремились искать его по полямъ и огородамъ, грозя смертію всѣмъ причетникамъ, которые бы рѣшились защищать его. Увидѣвши его на другой сторонѣ рѣки Ловати и переправившись чрезъ оную, догнали его на лошади, сбили съ ногъ, и били стягами по головѣ безщадно, и обагрили все лице его кровію, зато, что якобы и онъ согласенъ былъ съ начальниками, убитыми ими, бунтовщиками, губить людей какимъ-то ядомъ. Потомъ потащили его въ погостъ, и по приведеніи его, священника, разрыли все его имущество, и когда нигдѣ не нашли мнимаго ими яда, то привязали веревкою за ноги къ периламъ канавы вмѣстѣ съ лѣкарскимъ ученикомъ Степановымъ, до полусмерти также прибитымъ, вторично били его—священника Парвова, по груди, рукамъ и ногамъ стягами жесточайшимъ образомъ, нѣкоторые по головѣ ногами, но по удержаніи неслужащимъ инвалидомъ Галактіономъ Савинымъ отъ нанесенія рѣшительнаго удара въ голову, отвязавъ, понесли его, священника, въ деревню Остратово съ тѣмъ, чтобы вмѣстѣ съ поручикомъ Карецкимъ и лѣкаремъ Маникуловымъ, уже убитыми, положить и его. На дру-

гой день, т. е. 14 іюля поселяне села Коломна и раскольники деревни Голузина, бывъ побуждаемы распущеніемъ нелѣпыхъ слуховъ, будто бы поселяне села Коломна видѣли его, священника, метающимъ ядъ въ ихъ колодцы, и будто бы увѣренія его въ смертности болѣзни-холеры были собственною его выдумкою, и будто бы онъ былъ подкупленъ служить панниxиду по умершемъ цесаревичѣ, между тѣмъ, какъ онъ живъ, ходитъ между поселянами въ ихъ платьѣ съ отрощенною бородою и прочими нелѣпостями, неоднократно водили его въ свое беззаконное полчище, давали ему свои глупые вопросы, былъ допрашиваемъ о ядахъ, потомъ въ сопровожденіи болѣе ста человѣкъ, подъ командою Кузьмина, выведенъ былъ изъ деревни къ казенному магазейну, гдѣ, по полученіи на вопросъ Кузьмина объ ядѣ отъ его священника отвѣта, что ни онъ, ни начальство, ими убитое, никакихъ ядовъ никогда не имѣли и намѣренія губить людей вовсе не было, былъ повѣшенъ за ноги на выпущенной изъ магазейна слёгѣ, и въ семъ положеніи находился болѣе трехъ часовъ. Рядовой Василій Сидоровъ рвалъ его бороду, а прочіе кричали: «давайте плетей и розогъ», но когда увидѣли, что онъ уже лишился всѣхъ чувствъ и что кровь лилась изъ рта, ушей и носа, оставили его и разошлись по домамъ. Кто же снялъ его, священника, съ висѣлицы, того не помнитъ. На третій день, т. е. 15 числа увезенъ онъ, Парвовъ, отцомъ его, дьячкомъ села Маркова, Павломъ Константиновымъ, въ домъ свой, но и тамъ былъ не въ безопасности, почему, пробывъ два дня и двѣ ночи безвыходно въ церкви, отправился въ штабъ подъ покровительство командира г. маіора Толмачева. 2) Изъ послужнаго списка видно, что онъ, священникъ Парвовъ, изъ духовнаго званія, по окончаніи курса богословскихъ наукъ въ новгородской семинаріи, въ 1817 году октября 22, произведенъ въ упомянутый округъ во священника, въ 1824 г. опредѣленъ присутствующимъ въ комитетъ полковаго управленія, въ 1829 г. за содѣйствіе въ обращеніи раскольниковъ къ православной церкви, отъ епархіальнаго начальства, объявлена ему, Парвову, благодарность. Въ поведеніи онъ рекомендуется очень хорошимъ; въ семействѣ имѣетъ жену и шестерыхъ несовершеннолѣтнихъ дѣтей; отъ роду ему 35 лѣтъ. Приказали: означеннаго священника Парвова, за усердное прохожденіе имъ долж-

ности своей и невинно-претерпѣнное имъ жестокое мученіе при возмущеніи, бывшемъ въ старорусскомъ военномъ поселеніи, св. Сvнодъ съ своей стороны находитъ, согласно съ мнѣніемъ новгородскаго епархіальнаго начальства, заслуживающимъ награжденія изъ высочайше установленныхъ для бѣлаго духовенства, наперснымъ крестомъ. О чемъ доложить Государю Императору и испросить высочайшее на то соизволеніе предоставить г. синодальному оберъ прокурору, князю Мещерскому, для чего и дать съ сего опредѣленія къ оберъ-прокурорскимъ дѣламъ копію. Подлинное подписали 11 декабря 1831 года.

Примѣчаніе. Это одинъ изъ яркихъ эпизодовъ исторіи страшнаго возмущенія крестьянъ такъ-называемыхъ военныхъ поселеній, въ 1831 году. Дикое невѣжество, подозрительность ко всякой мѣрѣ правительства, въ тоже время довѣрчивость безусловная ко всякому нелѣпому слуху, распускаемому всякимъ пройдохою и плутомъ, водка и фанатизмъ отщепенства или раскола церковнаго—вотъ всегдашніе и почти главные движители такъ-называемыхъ бунтовъ или возмущеній нашего народа. Но всѣ эти движители были бы не дѣйственны, или не могли бы произвесть такого страшнаго взрыва, какой обыкновенно бываетъ результатомъ ихъ, если-бы къ нимъ не привходила одна основная и коренная причина—это общее чувство недовольства тѣмъ положеніемъ, въ которое поставляется извѣстная часть народонаселенія, если бы оно не изнывало подъ несноснымъ гнетомъ, которымъ стиснута и сжата его жизнь. Въ эпоху тридцатыхъ годовъ (когда свирѣпствовала холера) почти повсемѣстно распространенъ былъ слухъ среди нашего простого народа объ отравленіи людей докторами, о бросаніи нѣкоторыми людьми ядовъ въ колодцы, рѣки, озера и пруды, почти также повсюду ходили слухи между простонародьемъ нашемъ о томъ, что цес. Константинъ Павловичъ живъ и скрывается гдѣ-то; по поводу этихъ слуховъ были въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи признаки броженія и даже попытки къ заявленію не-мирнаго свойства, но нигдѣ они не сопровождались такими звѣрскими и неистовыми взрывами страстей, какъ въ военныхъ поселеніяхъ. Причины такого явленія весьма понятны: нигдѣ общее недовольство своимъ положеніемъ не было такъ всеобще, какъ въ военныхъ поселеніяхъ. Когда въ нашихъ военныхъ поселеніяхъ опьяненные отъ злобы и мести крестьяне избивали своихъ начальниковъ, въ Испаніи въ это время безпощадно уничтожали іезуитовъ и имъ приписывали отравленіе народа. Іезуиты заѣдали всю жизнь испанца; ни въ одной странѣ Европы іезуитизмъ не тяготѣлъ надъ народомъ такою тяжестію, какъ въ Испаніи, и вотъ народъ испанскій въ нихъ видитъ виновниковъ и новаго бѣдствія, постигнувшаго его и начинаетъ мстить по этому случаю за всѣ прошлыя ихъ преступленія.

Къ этимъ словамъ о. Михаила Яковлевича Морошкина, (нынѣ покойнаго) которому мы обязаны сообщеніемъ приведенныхъ вы-

ше документовъ, добавимъ одну весьма характеристичную подробность уже изъ исторіи Франціи. Почти въ то самое время, когда въ глуши новгородскихъ болотъ и лѣсовъ, народъ, коснѣвшій въ полнѣйшемъ невѣжествѣ и среди условій самыхъ неблагопріятныхъ для его духовнаго и матеріальнаго развитія, увлекался дикими порывами и, взводя чудовищныя обвиненія на лицъ дворянскаго сословія, губилъ ихъ безпощадно, что̀ дѣлалось въ самомъ центрѣ цивилизованнаго міра, въ Парижѣ? Въ концѣ марта 1832 года въ этомъ городѣ появилась холера и стала быстро пожирать людей. Число умирающихъ доходило въ иные дни до тысячи человѣкъ. Въ народѣ стали ходить слухи объ отравителяхъ; подозрѣнія были смутны, ни на чемъ не основаны, но легитимисты дерзнули обвинять самого короля Людовика-Филиппа. Къ довершенію зла, полицейскій префектъ Парижа издалъ объявленіе, въ которомъ говорилось объ отравѣ, какъ о фактѣ, но вина слагалась на неизвѣстныхъ злоумышленниковъ, стремящихся заподозрить въ этомъ ненавистномъ злодѣйствѣ правительство. Имѣя въ виду такое оффиціальное подтвержденіе своихъ подозрѣній, народная толпа присвоила себѣ право обыскивать проходящихъ и умертвила множество людей, имѣвшихъ какой-нибудь подозрительный порошокъ или неизвѣстную эссенцію. Въ виду такихъ аналогическихъ явленій — разыгравшихся почти одновременно въ старорусскихъ новгородскихъ поселеніяхъ и на улицахъ Парижа, невольно раждается вопросъ, въ какой же мѣрѣ народная масса парижанъ была выше, въ эпоху 1830 годовъ, по своему развитію, тѣхъ мужичковъ поселянъ новгородскихъ, которые смиренно, неся тяжкую свою долю до холеры, только этимъ бичемъ Божіимъ подвигнуты были къ проявленію чудовищныхъ животныхъ инстинктовъ?

Ред.

II.

Въ изданной редак. «Рус. Старины» книгѣ, подъ заглавіемъ: «Бунтъ военныхъ поселянъ въ 1831 году», на стр. 184, между прочимъ, упомянуто, что «поселяне приходили въ Демьянскомъ уѣздѣ, въ село Петровское, принадлежащее помѣщицѣ, полковницѣ А. С. Дириной и что они непремѣнно разграбили бы весь домъ Дириной и убили бы ее самую, если бы ихъ скопище не отразили сбѣжавшіеся крестьяне». Помянутая помѣщица Дирина была моя мать Анна Сергѣевна, и въ памяти моей очень хорошо сохранились подробности ужаснаго эпизода изъ ея жизни, о которомъ въ изданіи г. Семевскаго сказано лишь мимоходомъ. Полагая, что подробности эти будутъ небезъинтересны для читателей уважаемой «Русской Старины» въ особенности потому, что изъ всѣхъ столкновеній бунтовавшихся поселянъ съ помѣ-

щиками, въ продолженіе всей эпохи кровавыхъ событій 1831 г. это былъ единственный случай, при которомъ, несмотря на все раздраженіе и озлобленіе появившейся толпы, помѣщица осталась жива и невредима и все имущество ея въ полной неприкосновенности. Естественно, что для этого нужны были важныя причины, и дѣйствительно такихъ причинъ было двѣ: необыкновенное присутствіе духа моей матери и огромное вліяніе, которое она имѣла на своихъ крѣпостныхъ людей.

Да не посѣтуетъ на меня читатель, если я коснусь, конечно въ самыхъ краткихъ чертахъ, изображенія характеристики моей матери, къ чему обязываетъ меня не только чувство сыновняго уваженія къ ея памяти, но и долгъ безпристрастнаго лѣтописца, такъ какъ и самый счастливый исходъ описываемаго мною событія объясняется ничѣмъ инымъ, какъ личными свойствами особы, бывшей его героинею.

Послѣ смерти моего отца, въ 1812 году, въ г. Данцигѣ, гдѣ онъ командовалъ бригадою ополченія, мать моя осталась съ тремя малолѣтными дѣтьми владѣтельницею села Петровскаго, при которомъ состояло болѣе тысячи душъ крестьянъ. Глубоко проникнутая обязанностями матери и помѣщицы, она вполнѣ поняла, что достигнуть желаемаго благоденствія, какъ въ собственной семьѣ, такъ и въ отношеніи къ подвластнымъ ей крѣпостнымъ людямъ, можно было не приказаніями, а собственнымъ примѣромъ, каковымъ она въ дѣйствительности и служила въ продолженіи семидесятилѣтней своей жизни.

Село Петровское находилось въ 70-ти верстахъ отъ Старой Русы, на самой границѣ съ военными поселеніями. Слухъ о грабежахъ и убійствахъ не замедлилъ дойти до моей матери, которая въ то время жила въ имѣніи съ одною изъ моихъ сестеръ. Управляющій, находившійся по дѣламъ въ окрестностяхъ, былъ избитъ до полусмерти и гдѣ-то брошенъ.

Однажды утромъ, въ девятомъ часу, нахлынула на дворъ дома моей матери огромная толпа поселянъ, уже отуманенныхъ пролитою кровью; отрядивъ изъ среды своей нѣсколькихъ человѣкъ, они послали ихъ въ домъ, чтобы захватить помѣщицу.

Мать моя не потеряла присутствія духа и встрѣтила бунтовщиковъ съ обыкновеннымъ своимъ достоинствомъ.

— Что вамъ надо? спросила она.

— Намъ приказано тебя взять!

— Покажите приказъ, тогда я пойду, но не иначе.

Такое хладнокровіе ихъ ошеломило и удержало отъ обычныхъ убійствъ; они только отвѣчали: «сейчасъ привезутъ приказъ». Чтó они подъ этимъ подразумѣвали — неизвѣстно. Затѣмъ потребовали, чтобы мать моя показала имъ всѣ шкафы,— нѣтъ ли яду. Она повела ихъ по всему дому, открывала всѣ шкафы, пробовала всѣ жидкости, чтобы доказать, что яду не было. Это случилось въ субботу, день, въ который мать моя всегда ѣздила въ церковь. Она велѣла подавать экипажъ и, замѣчательно, что никто изъ разъяренной толпы не позволилъ себѣ ни воспротивиться этому, ни сѣсть рядомъ съ моею матерью: но нѣсколько поселянъ помѣстились на козлахъ и на запяткахъ, и въ такомъ же порядкѣ вернулись по окончаніи обѣдни. За обѣдней мать моя причастилась и потомъ велѣла отслужить по себѣ панихиду. Во все время службы поселяне не снимали шапокъ, или стояли спиною къ алтарю. Изъ церкви пришелъ ихъ увѣщевать священникъ, почтенный о. Георгій Медвѣцкій и съ нимъ заѣзжій монахъ; но поселяне ихъ прогнали, объявивъ, что имъ «рясы растреплютъ».

Между тѣмъ къ толпѣ присоединилась, дневавшая въ ближайшей деревнѣ, партія рекрутъ. Все время они лежали на дворѣ и требовали вина, въ чемъ мать моя имъ отказала. Какъ ни молода была сестра моя, но и она не потерялась; мученическая смерть обѣими дорогими для меня существами выжидалась ежеминутно, и эта пытка продолжалась до 4-хъ часовъ. Предоставляю читателю судить, какова была агонія!

Въ 4 часа, мать и сестра услышали, какъ мятежники стали бить окна въ домѣ, и затѣмъ раздались неистовые крики;—въ эту минуту, какъ впослѣдствіи разсказывали онѣ мнѣ, у обѣихъ ноги отнялись и энергія стала ихъ покидать.

Вотъ что случилось: дворовые люди, видя, что ихъ госпожѣ угрожаетъ опасность, вынули изъ анбара, находившееся тамъ, прутковое желѣзо, нарубили изъ него прутьевъ, разложили въ разныхъ мѣстахъ усадьбы, между прочимъ, въ передней дома, и, по условленному между ними знаку, схватили прутья, разбили окна, и съ крикомъ: «ура!» бросились съ разныхъ сторонъ на поселянъ. Это неожиданное нападеніе навело на мя-

тежниковъ паническій страхъ. Несмотря на свою многочисленность, бунтовщики бросились бѣжать; ихъ погнали и стали бить дворовые, съ такою сметкою вооружившіеся. Мать моя и сестра, ничего не зная, готовятся къ смерти, и, между тѣмъ, видятъ,— и глазамъ своимъ не вѣрятъ: бѣгущая толпа съ моста, довольно высокаго, бросается въ воду!

Вбѣгаетъ горничная съ крикомъ: «Барыня, барыня! наши поселянъ гонятъ!»

Что́ почувствовала въ эту минуту обреченная на вѣрную смерть и такъ мгновенно спасенная, нельзя словомъ сказать, ни перомъ описать. Прогнавъ поселянъ, дворовые люди учредили патрули, всю ночь и на другой день перекликались и стрѣляли изъ ружей; все это остановило неоднократно собиравшихся поселянъ (какъ сами они потомъ говорили) покончить съ Петровской барыней. Этотъ же геройскій подвигъ дворовыхъ людей остановилъ предумышленный мятежниками сильный набѣгъ на городъ Демьянскъ.

Замѣчательно, что во всемъ имѣніи пропали, похищенные поселянами, только: золотые часы моей матери съ цѣпочкою, пара ножницъ и мое ружье, тогда какъ всюду, куда ни являлись мятежники, обыкновенно все захватывалось и кто только не былъ изъ ихъ шаекъ, тотъ или погибалъ подъ ихъ ударами, или оставался на мѣстѣ жестоко избитымъ.

Причина нерѣшимости поселянъ была ясна: это безсознательное уваженіе, которое укоренилось долговременною неукоризненною жизнію моей матери—настоящей барыни, какъ ее окрестное населеніе величало.

Да не подумаетъ читатель, что я, какъ сынъ—пристрастный цѣнитель; нѣтъ, оно не такъ: никто во всемъ уѣздѣ не найдется (какого бы сословія ни былъ), чтобы опровергнуть что-либо изъ сказаннаго мною. Со стороны дворовыхъ людей это былъ подвигъ великой преданности; жаль, что онъ до сихъ поръ оставался незамѣченнымъ.

Я умалчиваю о другихъ эпизодахъ бунта въ Старой Русѣ, боясь невѣрности въ моемъ разсказѣ: время многое перемѣшало, другое и вовсе изгладило изъ моей памяти; но что вѣрно, такъ это причина бунта: онъ былъ слѣдствіемъ полнаго отсутствія въ начальствующихъ пониманія характера движенія народныхъ массъ,

съ которымъ полумѣры постоянно должны имѣть пагубныя последствія въ смыслѣ административномъ, равно и въ филантропическомъ.

Примѣчаніе. Настоящій разсказъ написанъ Петромъ Николаевичемъ Дирнымъ и сообщенъ намъ Петромъ Алексѣевичемъ Зубовымъ. Пользуясь настоящимъ случаемъ, мы убѣдительнѣйше просимъ лицъ, которые, какъ очевидцы, помнятъ событія, сопровождавшія мятежъ Новгородскихъ поселянъ, подѣлиться своими воспоминаніями и разсказами съ читателями „Русской Старины".

Ред.

ЗАПИСКИ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА О ПРУССКИХЪ ДѢЛАХЪ.

1848 г.

(Переводъ). I. Съ нѣкотораго времени носится слухъ о военномъ дѣйствіи, предпринимающемся противъ Берлина. Какая его цѣль—неизвѣстно, но можно предполагать, что оно будетъ обращено противъ черни, дѣлающей почти каждый вечеръ изъ Берлина арену всѣхъ своихъ неистовствъ. Надо надѣяться, что цѣль эта будетъ легко достигнута помощью многочисленнаго и вѣрнаго войска, нетерпѣливо желающаго отомстить за оскорбленія и униженія, такъ мало имъ заслуженныя.

(Подлинникъ) I. Depuis quelque temps il est bruit d'un mouvement militaire qui va s'opérer contre Berlin. Quel est son but — on l'ignore; mais il est permis de supposer qu'il sera dirigé contre la lie de la population qui fait presque journellement le soir de Berlin le théâtre de tous ses excès. Il faut espérer que ce but-là sera facilement atteint par une troupe nombreuse, fidèle et surtout impatiente de venger ses affronts et son humiliation si peu méritée.

Mais quand ce fait sera accompli, quelle sera la marche ultérieure du gouvernement et que lui conviendra-t-il de faire pour rendre à la monarchie son ancienne force et restaurer sa puissance passée?

Pour répondre à cette question il semblerait nécessaire d'abord d'établir, quelle est la forme du gouvernement qui convient le mieux à la position géographique de la Prusse, à ses antécédents et à sa composition actuelle?

L'histoire témoigne que la Prusse a dû sa grandeur à l'esprit belliqueux de ses maîtres, à leur victoire et à l'esprit éminemment militaire qui prédominait dans le pays, s'appuyant sur des souvenirs de gloire et de malheurs dont la Prusse est sortie victorieuse sous son immortel roi Frédéric Guillaume III.

Но когда этотъ фактъ совершится, какое будетъ дальнѣйшее дѣйствіе правительства и чтó надо будетъ ему сдѣлать, чтобъ возвратить монархіи бывшую ея силу и возстановить ея прошедшую власть?

Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ, казалось-бы сначала необходимымъ опредѣлить: какой именно родъ правленія подходитъ болѣе къ географическому положенію Пруссіи, къ ея прошедшему и къ ея настоящему составу?

Исторія свидѣтельствуетъ, что Пруссія своимъ величіемъ была обязана мужеству и побѣдамъ своихъ властителей и въ высшей степени воинственному духу, который преобладалъ въ этой странѣ, опираясь на воспоминаніяхъ славы и несчастій, изъ которыхъ Пруссія вышла побѣдительницей при безсмертномъ ея королѣ Фридрихѣ Вильгельмѣ III.

Устройство, данное покойнымъ королемъ своему войску, было тѣсно связано съ правительственнымъ устройствомъ страны. Все носило на себѣ отпечатокъ военнаго духа, потому что всякій проходилъ черезъ военную шеренгу, всякій былъ приученъ къ военной дисциплинѣ и всякій повиновался по наслѣдственной привычкѣ.

Если, къ великому несчастію страны, эта самая дисциплина не была обращена на старинную систему общественнаго образованія, она по крайней мѣрѣ вмѣнялась въ обязанность для каждаго лица пройти черезъ военную шеренгу. Поэтому можно

L'organisation, que feu le roi avait donnée à son armée, était étroitement liée à toute l'organisation administrative du pays. Tout se ressentait de l'esprit militaire, car chacun avait passé par les rangs de l'armée, dressé à la discipline militaire, chacun obéissait par habitude traditionnelle. Si, fort malheureusement pour le pays, cette même discipline n'avait pas été étendue au vieux système de l'éducation publique, au moins elle se réparait en partie par l'obligation pour chacun de passer par les rangs de l'armée. Il est donc permis de dire que la Prusse, jusqu'à la mort du roi, était une vaste colonie militaire, qui à l'appel de son roi ne formait qu'un seul camp, une seule nation armée, ne suivant que la voix de son souverain avec joie, avec bonheur.

Quel donc a pû être le but du roi actuel de saper les fondements d'une organisation semblable en voulant y substituer un gouvernement à formes constitutionnelles? Le pays était-il malheureux? Etait-il pauvre, mécontent, l'industrie, les arts, les sciences, se trouvaient (ils) en souffrance, le royaume ne présentait-il pas l'aspect le plus riche, le plus

сказать, что Пруссія, до кончины короля, была обширною военною колоніею, которая, при зовѣ своего короля, составляла одинъ лишь лагерь, одинъ лишь вооруженный народъ, съ радостью и счастьемъ слѣдующій за однимъ лишь голосомъ своего государя.

Какая-же была цѣль нынѣшняго короля къ разрушенію основаній подобнаго устройства и въ желаніи замѣнить его — правленіемъ съ конституціонными формами? Была-ли эта страна несчастлива? Была ли она бѣдна, недовольна? промышленность, искусства, науки находились ли въ бѣдственномъ положеніи? не представляло ли королевство видъ самый богатый, самый счастливый, какого только можно было встрѣтить? Что-же было причиной подобнаго посягательства на столь блестящее прошедшее?

Разсмотримъ теперь эти столь хваленыя, и столь загадочныя конституціонныя формы; могли-ли онѣ быть примѣнены съ нѣкоторымъ основаніемъ къ странѣ, въ высшей степени военной и привыкшей повиноваться одной лишь волѣ?

Не ясно ли то́, что тамъ гдѣ болѣе не повелѣваютъ, а позволяютъ разсуждать вмѣсто повиновенія,—тамъ дисциплины болѣе не существуетъ; поэтому повиновеніе, бывшее до тѣхъ поръ распорядительнымъ началомъ, — переставало быть тамъ обязательнымъ и дѣлалось произвольнымъ. Отсюда происходитъ безпорядокъ во мнѣніяхъ, противорѣчіе съ прошедшимъ, нерѣшительность на счетъ настоящаго и совершенное незнаніе и недоумѣніе на счетъ неизвѣстнаго, непонятнаго, и, скажемъ

---

heureux qu'il fut possible de voir—qu'est-ce donc qui motivait un pareil attentat contre ce passé si brillant?

Examinons maintenant ces formes constitutionnelles tant vantées et si problématiques, pouvaient-elles être appliquées avec un peu de conséquence.à un pays essentiellement militaire et habitué à obéir à une seule volonté?

N'est-il pas clair, que là où l'on ne commande plus, mais où l'on laisse délibérer au lieu d'obéir, il n'y a plus de discipline, par conséquent le principe régulateur jusque-là—l'obéissance cessait d'être obligatoire, mais devenait facultative. De là désorde d'idées, contradiction avec le passé, indécision sur le présent, et complète ignorance, incertitude sur un avenir inédit, incompréhensible — et disons vrai impossible. Ainsi donc établissons le fait, que la Prusse, pour rester ce qu'elle a été, une grande et forte puissance militaire, doit revenir à ses anciennes institutions basées sur les expériences et les traditions du passé, ou bien elle doit cesser d'être puissance militaire, descendre dans la classe d'états vastes à la vérité, mais faibles, à intérêts lo-

правду, невозможнаго будущаго. Такимъ образомъ, установимъ тотъ фактъ, что Пруссія, для того, чтобъ остаться той, чѣмъ она была: великой и сильной военной державой, должна возвратиться къ стариннымъ своимъ учрежденіямъ, основаннымъ на опытахъ и преданіяхъ прошедшаго, или-же она должна перестать быть военной державой, должна спуститься въ разрядъ государствъ, правда, обширныхъ, но слабыхъ, съ очень разнообразными, вовсе не однородными мѣстными интересами и подвергнуться всѣмъ превратностямъ, происходящимъ отъ пустословія и страстей 100 или 200 повелителей, замѣняющихъ благотворную волю одного государя, отца своихъ подданныхъ.

Можно надѣяться, что военное дѣйствіе противъ Берлина не можетъ и не должно имѣть цѣлью возстановить и скрѣпить тó, что было сдѣлано въ послѣднее время и съ чего уже получаются горькіе плоды, но напротивъ, возстановить старинное правительственное зданіе въ такомъ видѣ, въ какомъ оно было въ года славы и благосостоянія монархіи. Никто не можетъ желать лишить самаго себя жизни, потому что взять вторично оружіе для того лишь, чтобъ укрѣпить гнусный образъ февральскаго правленія, было-бы преступленіемъ, ибо это значило навсегда погубить Пруссію и замѣнить ее жалкимъ государствомъ, безъ силы и прочности.

Но мгновенное военное дѣйствіе во всей монархіи, во имя

---

caux très variés, nullement homogènes et exposés à toutes les vicissitudes du verbiage et des passions de 100 ou 200 maîtres au lieu de la volonté bienfaisante d'un souverain père de ses sujets.

Il est permis de croire qu'un mouvement militaire contre Berlin ne peut et ne doit pas avoir pour but de rétablir et de consolider ce qui a été fait en dernier lieu et dont l'on retire déjà des fruits amers, mais bien de restaurer l'ancien édifice gouvernemental tel qu'il fut aux années de gloire et de prospérité de la monarchie. L'on ne peut vouloir se suicider, car prendre derechef les armes pour consolider seulement le misérable gouvernement édifié en février, serait un crime, parce que ce serait détruire à jamais la Prusse pour y substituer un misérable état sans force ni durée.

Mais un mouvement militaire instantané dans toute la monarchie au nom du roi pour reconstruire ou établir l'ancien ordre de choses, me semble possible.

Il devrait être accompagné d'une proclamation du roi qui déclarerait que lors des évènements du mars le roi n'avait pu voir couler le sang de ses sujets dans une lutte fratricide sans horreur; que voulant

короля, для возстановленія или водворенія стариннаго порядка вещей, мнѣ кажется возможнымъ.

Оно должно быть сопровождено провозглашеніемъ отъ самого короля, объявляющаго, что во время мартовскихъ событій, король не могъ безъ ужаса видѣть проливающуюся кровь своихъ подданныхъ въ этой братоубійственной борьбѣ; что, желая, во что-бы то ни стало, прекратить эту борьбу, онъ уступилъ мольбамъ, выраженнымъ ему во имя народа, пожаловавъ странѣ желаемыя ею учрежденія; что, впрочемъ, онъ заранѣе былъ убѣжденъ въ томъ, что неодобренія не замедлятъ выразиться со стороны большинства народа, какъ вещь противорѣчащая духу народныхъ преданій, воспоминаніямъ о монархіи и къ тому-же въ совершенной противоположности съ интересами страны. Что убѣжденіе это овладѣло теперь всѣми благонамѣренными сословіями, что почти ежедневныя неистовства самой презрѣнной берлинской черни, не знавшей болѣе никакихъ границъ, угрожали и жизнямъ и собственностямъ. Что съ этой минуты, король полагаетъ, что наступило время прекратить такой порядокъ вещей, нетерпимаго и несовмѣстнаго съ честью Пруссіи и что, опираясь на непоколебимую вѣрность своего войска, прошедшаго черезъ цѣлую эпоху всевозможныхъ испытаній невредимымъ и непорочнымъ, — онъ объявляетъ все случившееся съ февраля 1847 года, отстраненнымъ и несуществующимъ; преж-

---

à tout prix faire cesser une telle lutte il avait cédé aux voeux qui lui furent témoignés au nom du peuple, en accordant au pays les institutions désirées; convaincu cependant d'avance qu'elles ne tarderaient pas à être reprouvées par la majorité de la nation, comme contraires à l'esprit national traditionnel, à tous les souvenirs de la monarchie et en opposition complète avec les intérêts du pays. Que cette conviction avait maintenant gagné toutes les classes bien pensantes, que les excès presque journaliers de la lie la plus abjecte de la population de Berlin, menaçait les vies et les propriétés, ne respectant plus aucun frein. Que dès lors le roi jugeait que le moment était venu de faire cesser un ordre de choses intolérable et incompatible avec l'honneur de la Prusse et que s'appuyant sur la fidélité inébranlable de son armée, qui avait traversé pure et intacte une époque d'épreuves de tout genre— il déclarait tout ce qui s'était fait depuis février 1847 comme abrogé et non avenu: les anciennes lois et les règlements de la monarchie rétablie dans toute leur rigueur et ceux qui s'y opposeraient comme traîtres à la patrie et hors la loi, et partout où besoin serait, l'armée et la force militaire responsable de la mise à exécution du présent décret.

ніе-же законы и постановленія монархіи вновь установленными во всей своей силѣ и лица, противящіяся имъ будутъ сочтены измѣнниками и внѣ закона и что, наконецъ, вездѣ, гдѣ оно только окажется нужнымъ, войско и военная сила будутъ отвѣчать за исполненіе настоящаго постановленія.

II. Послѣ бѣдственныхъ берлинскихъ дней, прусскій король объявилъ, что отнынѣ Пруссія сливается съ Германіей. Безъ сомнѣнія, значеніе этого выраженія было понято немногими лишь людьми, но бо̀льшая часть пруссаковъ, въ особенности войско, оплакиваетъ это рѣшеніе, не будучи въ состояніи свыкнуться съ мыслью, что столь исключительно военнаго характера монархія, имѣющая такіе исключительные интересы и преданія, должна вдругъ отказаться отъ своего прошедшаго и впредь признать своимъ—прошедшее всей остальной Германіи, съ которой она не имѣетъ ни тѣсныхъ связей, ни даже какихъ-либо хорошо доказанныхъ сношеній по общимъ интересамъ, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ провинцій, составляющихъ королевство. Неудовольствіе существуетъ, это несомнѣнно; честь войска столько же оскорблена, сколько оскорблены и его самыя дорогія преданья; самая страна испытываетъ, и очень вѣроятно, долго еще будетъ испытывать лишь неблагопріятные результаты, происходящіе какъ отъ совершеннаго переворота установленнаго порядка теперь уже болѣе не существующаго правленія, такъ и отъ неурядицы мыслей, отъ совершеннаго разстройства всего

II. Après les désastreuses journées de Berlin, le roi de Prusse a déclaré que désormais la Prusse se fondait dans l'Allemagne. Il n'est pas douteux que le sens de cette expression n'a été compris que de peu de monde, mais que la plus grande partie de Prussiens, l'armée surtout, déplore ces décisions, ne pouvant se faire à l'idée qu'une monarchie aussi éminemment militaire, ayant des intérêts et des traditions si complètement exclusives, dut tout-à-coup renier son passé et épouser à l'avenir celui du reste de l'Allemagne, avec laquelle elle n'a ni relations intimes, ni même aucun rapport d'intérêt général bien prouvé, au moins dans la grande majorité des provinces qui forment le royaume. Le mécontentement existe, ce n'est pas douteux, l'armée est froissée dans son honneur comme dans ses traditions le plus chères; le pays même n'éprouve et très-probablement n'éprouvera de longtemps encore que des résultats défavorables tant du changement total dans l'ordre réglé de l'administration qui n'existe plus, que du désordre d'idées, du bouleversement complet de tout l'ordre social et des relations privées, remplaçant si malheureusement la sécurité,

общественнаго порядка и частныхъ отношеній, которыя, по несчастію, замѣняютъ прошедшія: благосостояніе, безопасность и благоденствіе, бывшихъ предметами справедливаго удивленія Европы.

Но если къ этимъ грустнымъ истинамъ надо еще прибавить, что прошедшее свергнуто и ничто не создано, что̀ могло бы его замѣнить, что безначаліе продолжается, что нахальство увеличивается и затрогиваетъ уже принципъ о законности престолонаслѣдія,—надо согласиться, что всякій истинный пруссакъ долженъ испугаться результата безпорядковъ двухъ послѣднихъ мѣсяцевъ и онъ отнынѣ смотритъ на гибель своего отечества, какъ на вещь почти неминуемую.

Естественно, что чувство благородной любви къ отечеству заставляетъ искать средства спасти отечество, вопреки лицамъ, желающимъ его погибели, и возстановить старинное прусское знамя для того, чтобъ соединить подъ нимъ всѣхъ тѣхъ, которые не желаютъ дать погибнуть монархіи.

Берлинъ, измѣннически возставшій противъ своего короля, имѣетъ ли право предписывать законы всему королевству? Подчиниться волѣ толпы, овладѣвшей властью, не значитъ ли это предоставить ей странную силу? И если правительство настолько слабо, что не можетъ найти средство восторжествовать надъ нею, слѣдуетъ ли изъ этого, что вся монархія должна ей подчиниться? Если смѣлость нѣсколькихъ подлецовъ приговоритъ

---

le bien-être et la prospérité passée qui faisait la juste admiration de l'Europe. Mais si à coté de ces tristes vérités, il faut encore ajouter que le passé est renversé sans que rien ne soit réédifié qui peut le remplacer; que l'anarchie dure, que l'insolence va en croissant et touche déjà au principe de l'hérédité légitime du trône — il faut convenir — que tout bon Prussien doit être effrayé du résultat de ces derniers deux mois de confusion et prévoit dès lors la ruine de sa patrie comme presque sûre.

Il est donc fort naturel que le sentiment du plus noble patriotisme fasse chercher les moyens de sauver la patrie, en dépit de ceux qui veulent la perdre et de relever l'ancien drapeau Prussien pour rallier sous lui tous ceux qui ne veulent pas laisser périr la monarchie.

Berlin, qui s'est traitreusement soulevé contre son roi, a-t-il le droit de faire loi au royaume entier? N'est-ce pas lui accorder une étrange autorité que d'accepter les volontés de la tourbe qui s'y est emparé du pouvoir? Et si le gouvernement est assez faible pour ne savoir trouver des moyens d'en triompher, s'en suit-il que toute la monarchie

прусскаго принца, законнаго наслѣдника престола, къ лишенію всѣхъ правъ его, надо ли изъ этого вывести, что Пруссія должна признать столь гнусное дѣйствіе?

Если, по несчастію, подобное дѣйствіе прошло бы въ Берлинѣ безнаказанно и король далъ-бы на то свое согласіе, нельзя предполагать, что король сохранилъ дѣйствіе своей свободной воли; подобное согласіе было-бы у него вынуждено, какъ у плѣнника—силой.

Въ этомъ несчастномъ случаѣ я полагаю, что принцъ прусскій не долженъ-бы подчиняться подобному рѣшенію. Ему-бы слѣдовало требовать возвращеніе своихъ неотъемлемыхъ правъ; онъ долженъ ихъ требовать посредствомъ вооруженной силы; все войско и большинство всей страны приняли-бы его сторону.

Два средства представились-бы ему, чтобъ снова завладѣть своимъ престоломъ: первое состояло-бы въ соединеніи его съ войсками, находящимися въ настоящую минуту въ Голштиніи, преданность которыхъ ему извѣстна; войско это немногочисленно, но испытано и находится ближе другихъ къ Берлину. Съ нимъ онъ могъ-бы тотчасъ идти на Берлинъ, освободить короля, овладѣть столицей и подвергнуть справедливому наказанію всѣхъ подлецовъ, которые тамъ преобладаютъ.

Второе средство состояло-бы въ томъ, чтобы сначала удо-

---

s'y soumette? Si l'audace de quelques misérables se prononce pour la déchéance du prince de Prusse héritier légitime, faut-il déduire que la Prusse doive reconnaître un acte aussi indigne.

Si malheureusement un acte pareil passe impuni à Berlin et que le roi y donnait sa sanction, il n'est plus possible d'admettre alors que le roi ait conservé le libre exercice de sa volonté; un tel acte lui serait arraché comme à un prisonnier.

Dans ce cas malheureux je considère que le Prince de Prusse ne devrait pas se soumettre à une décision pareille. Il faudrait qu'il revendique ses droits imprescriptifs; il faut qu'il les réclame les armes à la main; il aurait pour lui toute l'armée et la grande majorité de tout le pays.

Deux moyens s'offriraient pour lui de réconquérir son trône; le premier serait d'aller joindre les troupes qui pour le moment se trouvent à Holstein, dont le dévouement lui est connu; elles ne sont pas nombreuses, mais éprouvées et les plus rapprochés de Berlin. Avec elles il pourrait de suite marcher sur Berlin, délivrer le roi et se rendre maître de la capitale en faisant justice des misérables qui y dominent.

стовѣриться въ чувствахъ графа Дона, командующаго 1-мъ корпусомъ, и генерала Колломба, командующаго войсками въ Познани; я-же не сомнѣваюсь въ искренности ихъ національнаго чувства. Принцъ прусскій могъ-бы тогда отправиться въ Данцигъ или Пиллау, собрать 1-й корпусъ на берегахъ Вислы, присоединить къ нимъ часть или даже все находящееся въ Познани войско, которымъ можно располагать, — и всѣмъ вмѣстѣ идти на Берлинъ.

Въ обоихъ случаяхъ успѣхъ несомнѣненъ. Первый представляетъ болѣе выгодъ по скорости своего исполненія; второй имѣлъ-бы преимуществомъ опираться на наше войско, какъ на резервъ, готовый идти на помощь принцу,—но только въ случаѣ вмѣшательства Франціи или Южной Германіи.

Настало, по-моему, время съ полнымъ довѣріемъ открыться генераламъ графу Дона и Колломбу, чрезъ посредство здѣшняго прусскаго министра. Его дѣло будетъ выбрать вѣрный и непредосудительный способъ, чтобъ въ этомъ удостовѣриться.

Но если принцъ прусскій такъ слабъ, что возвратится теперь же въ Берлинъ, послѣ того, какъ настоящее направленіе оказалось такимъ гнуснымъ въ отношеніи его, то это была-бы непростительная ошибка, могущая наконецъ совершенно погубить Прусскую монархію, потому что принцъ долженъ бы былъ

Le second moyen serait de s'assurer d'abord pour ce cas des sentiments du comte Dohna, commandant le 1-er corps et du général Collomb, commandant les troupes à Posen; je ne doute pas de leurs sentiments éminemment prussiens. Alors le prince de Prusse pourrait se rendre à Dantzig ou Pillau rallier sur la Vistule le 1-er corps, y joindre partie ou toutes les troupes disponibles de celles qui sont à Posen et marcher avec le tout sur Berlin.

Dans les deux cas le succès n'est pas douteux. Le premier offre plus d'avantages par la promptitude de l'exécution, le second aurait l'avantage de s'appuyer sur notre armée comme une rèserve prête à venir au secours du prince; mais dans le cas seulement d'une complication avec la France ou le Midi de l'Allemagne.

Le moment est venu selon moi pour s'en ouvrir sincèrement aux généraux comte Dohna et Collomb par l'entremise du ministre de Prusse près d'ici. Ce serait à lui de s'en assurer d'une manière sure et non compromettante.

Mais si le Prince de Prusse a la faiblesse de revenir à Berlin maintenant, après que l'esprit public s'y est montré si infâme à son

подписать унизительныя, почти позорныя условія и правая сторона, съ той же самой минуты потеряла-бы всякій предлогъ къ противодѣйствію и всякую надежду на спасеніе праваго дѣла.

Примѣчаніе. Сообщеніемъ приведенныхъ документовъ (1848 г.) мы обязаны (нынѣ покойному) генералъ-лейтенанту Василію Ѳедоровичу Ратчу. Ред.

égard; ce serait selon moi une faute impardonnable qui pourrait à jamais perdre la monarchie Prussienne, car le prince devrait souscrire des conditions humiliantes, presque infamantes et le bon parti perdrait dès l'instant tout prétexte comme tout espoir de remontrer et de sauver la bonne cause.

ОБОРОНА ПЕТРОПАВЛОВСКАГО ПОРТА ВЪ 1854 ГОДУ ПРОТИВЪ АНГЛО-ФРАНЦУЗСКОЙ ЭСКАДРЫ.

(изъ записокъ очевидца и участника въ этомъ дѣлѣ.)

«Дѣйствія наши въ Приамурскомъ краѣ, защита Петропавловска, -факты принадлежащіе исторіи; а на основаніи того, что исторія, по выраженію Цицерона: «должна имѣть два закона, а именно: чтобы она не смѣла сказать ложь, и не устрашилась сказать истину»,—исторія воздаетъ и въ этомъ дѣлѣ всякому, что онъ заслуживаетъ. И, можетъ быть, исторія выведетъ такія личности, которыя нынѣ остаются неизвѣстными, и личности, которымъ въ настоящее время приписываютъ на ряду съ прочими характеръ чисто исполнительный, тогда какъ они были въ этомъ дѣлѣ самостоятельны». Невельской) *), (Морск. Сб. 1860 годъ кн. XII стр. 385).

Въ декабрьскомъ нумерѣ «Морского Сборника» за 1854 г. напечатана статья: «Нападеніе на Камчатку англо-французской эскадры, въ августѣ 1854 г.», составленная на основаніи совершенно недостовѣрныхъ свѣдѣній объ отраженіи нападенія на Петропавловскій портъ англо-французской эскадры. Подробности знаменитаго отраженія непріятелей отъ восточныхъ предѣловъ нашего отечества сдѣлались, такимъ образомъ, извѣстны Россіи не вполнѣ и при томъ, главнымъ образомъ, изъ означенной статьи.

---

*) Геннадій Ивановичъ Невельской—тотъ самый, которому Россія обязана пріобрѣтеніемъ Амурскаго края по айхунскому трактату 16 мая 1858 г. Въ 1854 году Геннадій Ивановичъ приуготовилъ по рѣкѣ Амуру тотъ путь, по которому защищены берега восточной Россіи отъ нападенія англо-французовъ и спасена Камчатка. А. П. Арбузовъ.

Желаніе представить дѣло въ болѣе полномъ и правдивомъ видѣ, обязываетъ меня, какъ участника въ немъ, напечатать выдержки изъ записокъ, веденныхъ мною въ то время.

Мнѣ, старому матросу и солдату, не приводилось изощрять своихъ способностей надъ научною работою; чужды мнѣ литературные пріемы, и слава автора мнѣ не привлекательна. Но я привыкъ уважать факты, честно относиться къ истинѣ — вотъ что и заставляетъ меня писать, чтобы просто и вѣрно, безъ претензій на литературную обработку, сказать нѣсколько словъ правды о событіи, славномъ для чести русскаго моряка и солдата.

Высочайшимъ приказомъ по флоту отъ 16 декабря 1853 г. за № 1271, я былъ назначенъ помощникомъ военнаго губернатора Камчатки, капитаномъ надъ портомъ Петропавловска и командиромъ 47 флотск. экипажа. Вслѣдствіе этого, отправясь зимнимъ путемъ по назначенію, я прибылъ въ Иркутскъ въ мартѣ, а въ началѣ апрѣля 1854 года былъ въ деревнѣ Ланченово у рѣки Шилки, Нерчинскаго округа. Здѣсь я встрѣтилъ 500 человѣкъ солдатъ, собранныхъ изъ 12, 13 и 14 сибирскихъ батальоновъ, подъ завѣдываніемъ прапорщика Глейна, назначеннаго съ частью солдатъ въ Ситху. Прежде всего здѣсь приняты мною были мѣры для предупрежденія въ отрядѣ весеннихъ лихорадокъ. Затѣмъ принялся я обучать людей только-что вводимымъ въ войскахъ военнымъ движеніямъ, которому самъ научился въ Турціи у европейскихъ инструкторовъ, въ 1848 г. *) Къ счастью, стрѣльбѣ обучать было не нужно, ибо болѣе половины солдатъ, бывшихъ сибиряковъ-звѣроловов, оказались артистами въ этомъ искусствѣ **). Съ 3 мая начали приготовлять пловучій отрядъ, состоявшій изъ

*) Такъ, между прочимъ, я обучалъ быстрымъ построеніямъ и движеніямъ по сигналамъ горна; приучалъ къ фехтовкѣ штыкомъ въ повѣшенныя шарообразныя цѣли, свитыя изъ соломы и сѣна, и служившія во время отдыха подушками. Употребленіемъ въ дѣло таковыхъ подушекъ я обязанъ указаніямъ гимнастовъ поляковъ, служившихъ матросами на корабляхъ черноморскаго флота. А. П. Арбузовъ.

**) Не скрою и того оригинальнаго способа, какимъ я приучалъ матросовъ дѣйствовать разсыпнымъ строемъ въ мѣстности пересѣченной. Выбирая мѣстность гористую и лѣсную, я приглашалъ дѣвушекъ деревни гулять туда, выводилъ туда же команду и затѣмъ, приучая солдатиковъ прятаться за деревья, кусты и камни, дѣлалъ всякаго рода эволюціи разсыпанными солдатами, быстро окружалъ враговъ, мгновенно, по сигналамъ, дѣлалъ перемѣны фронта всѣмъ

плотовъ, связанныхъ изъ сукоствольныхъ деревъ, шести барокъ, 12 офицерскихъ лодокъ и парохода Аргунь. Проведеніе парохода на рѣкѣ Шилкѣ отъ завода Шилки до верховья рѣки Амура, при сліяніи Шилки съ Аргунью—было возложено на меня. Не имѣя ни карты, ни лоцмана, я могъ взяться за проводъ парохода только подъ ручательствомъ главнокомандующаго, что я не отвѣчаю за могущія произойти случайности и поврежденія отъ подводныхъ камней и карчъ, а, что между прочимъ, плавая по рѣкѣ Дунаю въ 1828, 29 и 30 годахъ, я приучился къ опредѣленію фарватера по струѣ теченія, виду береговъ и изворотамъ рѣки. Такимъ образомъ, 14 мая, подъ звуки колоколовъ, благословляемый священ. единственной церкви, Преображенія Господня, пароходъ нашъ, во главѣ отряда, пустился внизъ по теченію. Отрядъ нашъ состоялъ изъ 52 частей, гдѣ были помѣщены болѣе 1000 солдатъ, 100 конныхъ казаковъ, легкая батарея, стадо быковъ, провіантъ и хоръ музыкантовъ. Черезъ три дня пароходъ достигъ цѣли своего назначенія и остановился у послѣдняго нашего поселенія Усть-Стрѣлецкаго. Продолжая дальнѣйшій путь, подъ предводительствомъ Ник. Никол. Муравьева, 17 мая пустились мы по многоводному Амуру, текущему между островами и высокими берегами; а 12 іюня остановились у озера Кизи, не дошедши 120 верстъ до устья. Простоявъ тамъ двое сутокъ, я былъ отправленъ въ портъ де-Кастро съ 400 солдатъ — черезъ озеро Кизи на пароходѣ Аргунь, имѣя лодки на буксирѣ, а далѣе болотомъ. Шли мы туда трое сутокъ, сдѣлавъ въ это время 25 верстъ, причемъ солдаты несли на носилкахъ боевую аммуницію, провизію сухарей и крупы на двѣ недѣли и вещи кап.-лейт. Каралова, инж. поруч. Муравинскаго и мои. Путь этотъ былъ очень труденъ; пробираясь болотомъ, необходимо было срубать во многихъ мѣстахъ деревья и сучья для устройства мостовъ и переходовъ; мѣстами приходилось пе-

---

разсыпнымъ строемъ, двигалъ въ атаку, такъ чтобы ни одинъ врагъ не ушелъ и не укрылся. Шутя, весело, какъ бы играя лихіе солдаты приобыкали къ бою на сушѣ, къ умѣнью примѣняться къ мѣстности. А враги собирались затѣмъ, послѣ ученья, ко мнѣ на дворъ, и здѣсь раздавались пѣсни, дребезжалъ барабанъ, шипѣла гребенка, и плясъ не переставалъ до поздней ночи. Всѣмъ этимъ поддерживалось въ моей командѣ самое веселое настроеніе духа, и мысль о предстоявшихъ въ ближайшемъ времени лишеніяхъ и опасностяхъ никому не туманила головы. А. П. Арбузовъ.

репрыгивать съ кочки на кочку... Взятые нами два оленя, для верховой ѣзды, оказались мало полезными, по неудобству сѣделъ и неумѣнью ѣздить, такъ что пришлось идти пѣшкомъ. Кормился весь нашъ отрядъ солониной, варили щи изъ дикой зелени, черемши (allium ursinum), собираемой по дорогѣ, да пили кирпичный чай, варившійся обыкновенно въ солдатскихъ котелкахъ. Чай этотъ спасительное средство отъ вліянія міазмовъ болотъ. Такимъ образомъ, въ сопровожденіи мѣстнаго жителя, полудикаго гольта, служившаго намъ проводникомъ, вышли мы на берегъ Татарскаго пролива. Родная атмосфера моря оживила меня, утомленнаго труднымъ путемъ, и, пройдя верстъ 10 по берегу отлива, мы пришли въ портъ де-Кастро. Переночевавъ здѣсь въ ожиданіи Ник. Ник. Муравьева, мы на другой день были перевезены на транспортъ Двина, пришедшій за нами изъ Петропавловска.

Наконецъ, 19 іюня пустились мы въ путь Охотскимъ моремъ черезъ второй Курильскій проливъ. Труденъ былъ переходъ по болоту до порта де-Кастро; но плаваніе наше по морю и океану грозило сдѣлаться для насъ гибельнымъ. Огромное число людей на небольшомъ транспортѣ пользовалось весьма тѣснымъ помѣщеніемъ. Въ теченіи 35-ти-дневнаго плаванія нашего продовольствіе нашихъ людей было весьма скудное; а подъ конецъ дошло до того, что питались сметками съ сухарей и самымъ незначительнымъ количествомъ дождевой воды, собираемой съ тентовъ, парусины, растянутой по верхней палубѣ. Во все время плаванія люди обучались артиллерійскому дѣлу и изготовлялись къ встрѣчѣ съ непріятелемъ. Но Провидѣніе видимо покровительствовало намъ, такъ что несмотря на всѣ дорожныя лишенія, мы привезли въ Петропавловскъ только трехъ слабыхъ *).

24 іюля, въ день мученицы Христины, мы прибыли въ портъ Петропавловскъ и съ радостью встрѣтили тамъ 44-пушечный фрегатъ Аврору **). Въ тотъ же день, строго слѣдуя правиламъ

---

*) Не могу не упомянуть съ глубочайшей признательностью о покойномъ Степанѣ Ѳедоровичѣ Соловьевѣ, пожертвованія котораго для солдатъ простирались свыше полъ-пуда золотомъ на амурскую экспедицію. Онъ же снабдилъ нижнихъ чиновъ сапогами, бѣльемъ и кирпичнымъ чаемъ, столь благодѣтельнымъ для сибиряковъ. А. П. Арбузовъ.

**) На этомъ фрегатѣ было 350 матросовъ, что составило значительное подкрѣпленіе командѣ Камчатскаго порта, не превышавшей 283 человѣкъ вмѣстѣ съ командою транспорта. А. П. Арбузовъ.

военной дисциплины, я явился къ начальнику, въ лицѣ генералъ-майора Завойко. Но радость наша, при встрѣчѣ съ товарищами, была непродолжительна. Пріѣхавъ въ портъ, рискуя на дорогѣ пострадать отъ голода, мы и здѣсь должны были ожидать того же, ибо, согласно сдѣланному распоряженію, имѣвшійся запасъ провизіи былъ разосланъ рабочимъ сѣверо-американской компаніи, такъ что спасеніе наше отъ голодной смерти произошло лишь отъ прихода изъ Гамбурга клипера «Св. Магдалины», за недѣлю до появленія непріятеля, 10 августа, привезшаго намъ 30 тысячъ пудовъ провизіи. Кромѣ этого, вскорѣ по нашемъ пріѣздѣ, оказалась господствующая въ портѣ старинная, крайне суровая система управленія, благодаря которой совершенно испортились славные, дальновояжные матросы, составляющіе мой 47 флотскій экипажъ, и обратились въ людей, промышляющихъ безпорядками и воровствомъ. Такое нравственное настроеніе командъ дошло до того, что, во время осады непріятелей, были вынуждены прибѣгнуть къ примѣрному разстрѣливанію пойманныхъ въ воровствѣ (привязавъ черезъ палача къ позорному столбу и выразивъ помилованіе). Въ этомъ хаосѣ и неурядицѣ единственную надежду можно было возлагать лишь на вновь привезенныхъ мною солдатъ и команду славнаго фрегата «Аврора».

Всего подъ ружьемъ составилось 983 нижнихъ чиновъ и 30 вооруженныхъ гражданскихъ чиновниковъ — итого 1013, между тѣмъ, какъ непріятель ожидалъ здѣсь найти лишь команду инвалидовъ, какъ его и извѣстили китоловныя суда, зимовавшія въ Петропавловскѣ и встрѣтившіяся съ нимъ у Сандвичевыхъ острововъ.

Вступая въ отправленіе своихъ обязанностей по порту и экипажу, я на первыхъ же порахъ замѣтилъ неполноту показаннаго по вѣдомостямъ провіанта, а вслѣдъ затѣмъ открылъ, скрытое адъютантомъ К—мъ на чердакѣ, сѣрое сукно въ количествѣ 500 аршинъ, которое предмѣстникъ мой Фрейгангъ предполагалъ употребить на теплыя одѣяла для матросовъ. Когда мною о встрѣченномъ было донесено Завойкѣ, то онъ, вмѣсто изслѣдованія дѣла, посадилъ подвѣдомственнаго мнѣ коммисара г. Руднева на гауптвахту...

Вслѣдъ затѣмъ 10-го августа получилъ я отъ Завойко предписаніе за № 1207, въ которомъ было сказано, что я долженъ отправиться за 800 верстъ для ознакомленія съ страною до селенія Большерѣцкъ. Какъ ни неожиданно и странно показалось мнѣ

такое предписаніе, но, привыкнувъ свято исполнять приказанія, дорожа временемъ, я поторопился осмотрѣть оборонительную линію и о найденныхъ слабыхъ пунктахъ донесъ начальнику, причемъ просилъ, для удобнѣйшаго сохраненія привезеннаго клиперомъ «Св. Магдалина» провіанта, только-что сгружаемаго въ магазины, размѣстить его по разнымъ домикамъ до заморозковъ, бывающихъ въ сентябрѣ, — въ томъ предположеніи, что безъ этого размѣщенія, при бомбардировкѣ города, гарнизонъ можетъ разомъ лишиться ничѣмъ незамѣнимаго продовольствія. Но на это я получилъ предписаніе, отъ 14-го августа за № 2352, съ замѣчаніемъ относительно несообразности сдѣланнаго мною донесенія, потому будто-бы, что гора такъ высока, что непріятельскіе снаряды перелетать черезъ нее не могутъ *). Затѣмъ тутъ-же напоминалось мнѣ безотлагательно приступить къ исполненію предписанія отъ 10-го августа. Видя, что мнѣ ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ безусловно повиноваться, я спѣшилъ покончить сдѣланныя къ отъѣзду моему приготовленія, какъ, совершенно неожиданно, важныя, по законамъ, обстоятельства, заставили меня остаться на своемъ посту...

Вечеромъ 16-го августа, сигналомъ съ дальнихъ маяковъ дано было знать о появленіи судовъ на горизонтѣ Восточнаго океана, что и подало всѣмъ мысль о приходѣ непріятеля. Предположеніе это на другой же день подтвердилось. Августа 17-го дня утромъ вошелъ въ Авачинскую губу трехмачтовый колесный пароходъ, подъ американскимъ флагомъ, тотчасъ узнанный офицерами фрегата «Аврора», ибо онъ находился въ эскадрѣ, встрѣченной ими въ Южной Америкѣ, у порта Калао. Людей на пароходѣ было замѣчено мало, и онъ остановился не доходя мили до передовыхъ укрѣпленій порта. На встрѣчу ему былъ высланъ на вельботѣ штурманскій офицеръ, прапорщикъ Самохваловъ, для оказанія услугъ при проводѣ къ порту. Но пароходъ, завидя шлюп-

*) Не лишнимъ считаю замѣтить, что мои предположенія, при бомбардировкѣ порта, оказались однако столь вѣрными, что г. Завойко, въ ночь съ 18-го на 19-е августа, сдѣлалъ распоряженіе о переноскѣ и перевозѣ всей провизіи изъ магазиновъ внутрь порта и о погруженіи ея въ озеро. Къ счастію, что утомленные ночью люди не понадобились къ отраженію непріятеля.

А. П. Арбузовъ.

ку, тотчасъ-же повернулъ назадъ, и въ это время показалось на немъ много народа. Тогда очевидно было, что эскадра, крейсерующая у входа, была непріятельская. На другой день, 18-го числа *), при Ю.В. вѣтрѣ вошла въ Авачинскую губу эскадра, состоящая изъ слѣдующихъ судовъ: англійскіе—фрегатъ «Президентъ», подъ флагомъ адмирала Прейса, 52 пушки; «Пайкъ» — 44 пушки; трехмачтовый пароходъ «Вираго»—8 бомбическихъ пушекъ. Французскій — фрегатъ «Ла-Фортъ» подъ флагомъ адмирала Февріэ десъ-Пуэнтъ — 60 пушекъ; — «Эвридика» — 32 пушки, и бригъ «Облигадо»—18 пушекъ.

При такихъ исключительныхъ обстоятельствахъ, я, примѣняясь къ точному смыслу военнаго закона, не имѣлъ права оставлять свой постъ въ виду угрожающаго противника. Законъ говоритъ, что никто изъ служащихъ, при исполненіи возложенныхъ на него обязанностей, не долженъ смотрѣть ни на какое лицо, ни на какія предложенія, но обязанъ исполнить свой долгъ по точной силѣ и словамъ закона. Далѣе законъ говоритъ, что старшій по начальникѣ не оставляетъ своего поста на случай его смерти; начальникъ команды не можетъ быть никуда посылаемъ на срокъ, свыше трехдневнаго; капитанъ надъ портомъ, подъ страхомъ смертной казни, не оставляетъ своего поста.... Встрѣтясь въ портѣ съ г. Завойко 18-го августа, передъ началомъ дѣла, я объяснилъ ему всѣ эти обстоятельства въ присутствіи командира фрегата, капитанъ-лейтенанта Изыльметьева; но въ отвѣтъ на это получилъ отъ г. Завойко возраженіе, что онъ дѣйствуетъ по особеннымъ инструкціямъ. Тогда я сказалъ ему: «если ваша власть выше закона, закуйте меня въ кандалы и бросьте на гауптвахту!» На это г. Завойко повернулся отъ меня и отрѣшилъ меня отъ всѣхъ занимаемыхъ мною должностей, о чемъ того же числа былъ имъ отданъ приказъ по управленію. Видя, что мнѣ ничего не оставалось, какъ только поступить волонтеромъ, я обратился съ этой просьбой къ командиру фрегата «Аврора» и, получивъ согласіе его, могъ быть не простымъ зрителемъ начинавшагося дѣла.

---

*) Всѣ числа, приводимыя мною, повѣрены съ мореходнымъ журналомъ фрегата «Аврора», находящимся въ архивѣ морского министерства, но не сходны съ числами, приведенными въ статьѣ «Морского Сборника» 1854 г.

А. П. Арбузовъ.

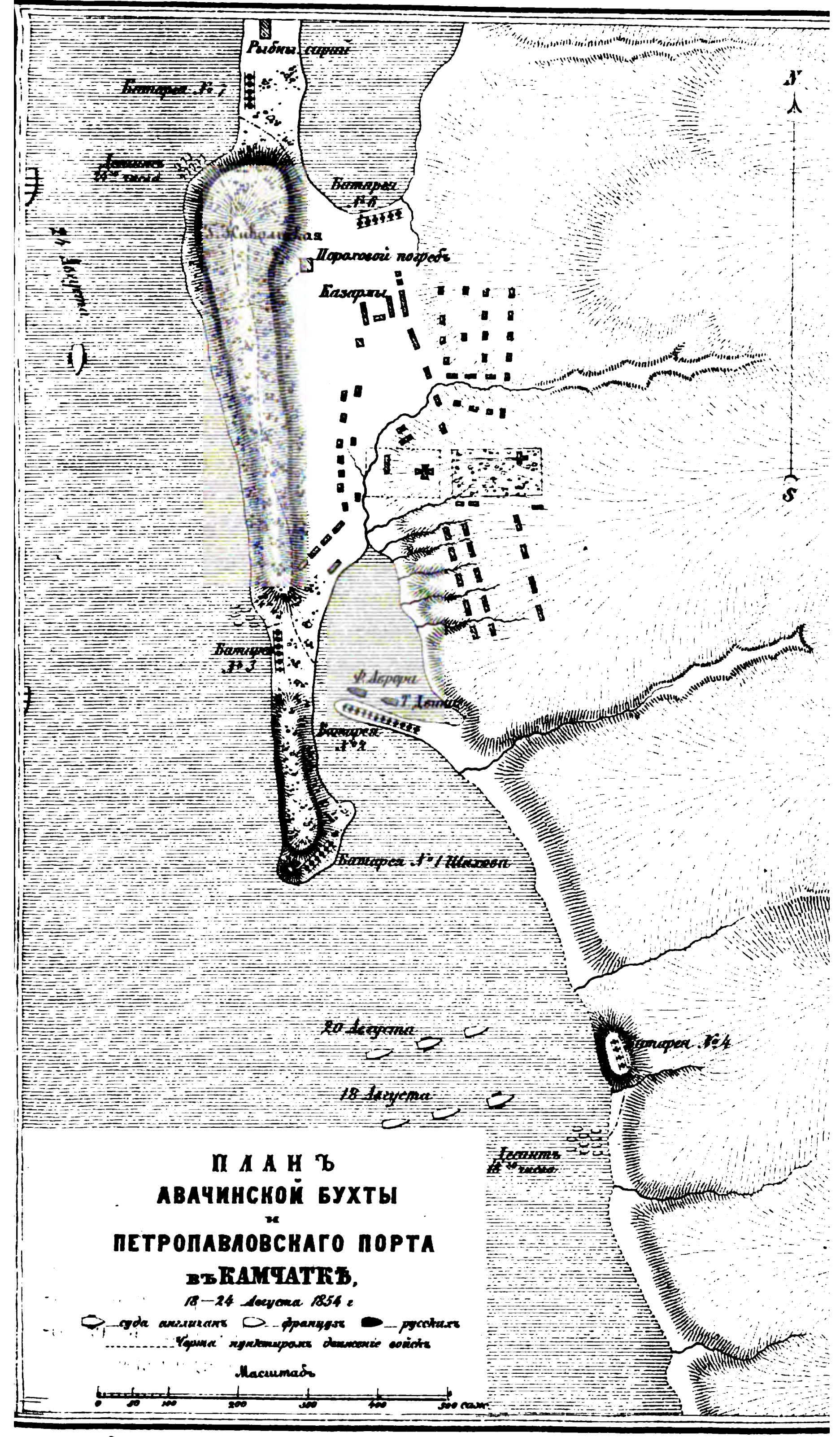
Находясь на фрегатѣ, мы вскорѣ увидѣли десантъ непріятелей, шедшій на гребныхъ судахъ къ Красному Яру на отдаленную батарею № 4-й. Непріятельскій десантъ шелъ подъ прикрытіемъ дыма отъ выстрѣловъ, производимыхъ имъ съ своей позиціи по батареѣ № 1-й, названной непріятелемъ Шаховой, на мысѣ ниже внутренняго маяка надъ скалою известковаго камня, и по батареѣ № 2-й, находящейся на косѣ, по народному—«Кошкѣ», отдѣляющей портъ, запертый бономъ, и прикрывающей лѣвый бортъ нашего фрегата «Аврора». Занявшись на фрегатѣ управленіемъ орудій капитанской каюты и наблюдая за полетомъ ядеръ, я придалъ орудію самое большое возвышеніе и пустилъ по прицѣлу ядро; оно упало на батарею № 4-й, уже занятую непріятелемъ, водрузившимъ французскій флагъ, въ то время какъ командиръ означенной батареи, мичманъ Поповъ, не видя подкрѣпленія, заклепалъ орудія, взялъ порохъ и снаряды и ушелъ. Между тѣмъ начали собираться наши стрѣлковыя партіи и, несмотря на безпорядочный сборъ ихъ, толпившихся около мѣстности фрегата безъ предводителей, непріятель, увидя неожиданную массу нашихъ силъ, тотчасъ отретировался. При этомъ онъ сбросилъ съ батареи одно орудіе и повредилъ брюки и тали морскихъ станковъ. Въ это время на фрегатъ къ намъ взошелъ г. Завойко, въ сопровожденіи палача съ кнутами въ футлярѣ.... Это униженіе достоинства начальника до того поразило меня, что я, и безъ того изнуренный путешествіемъ на транспортѣ «Двина» и послѣдовавшими за тѣмъ событіями, упалъ въ обморокъ въ батареѣ, откуда безчувственнаго снесли меня на кубрикъ, гдѣ, съ помощью доктора, привели меня въ чувство. Тутъ узналъ я, что г. Завойко ушелъ и приказалъ орудія на батареяхъ заклепать и, если фрегатъ не выдержитъ огня непріятелей, то его и транспортъ «Двину», стоящую рядомъ, сжечь, а команду собрать на берегъ. Едва держась на ногахъ, пошелъ я въ каюту и, встрѣтивъ фрегатскаго священника, іеромонаха отца Іону, сказалъ ему: «отецъ, можетъ быть, скоро я умру, но завѣщаю вамъ, что наша обязанность— расклепать орудія и поправить дѣло!» *) Послѣ этихъ словъ я

*) Этотъ почтенный іеромонахъ показалъ во время боя полнѣйшее мужество; онъ съ самаго начала дѣла оставался на шканцахъ и ростерахъ, ободрялъ матросовъ и хладнокровно считалъ сколько пролетало ядеръ.

А. П. Арбузовъ.

вошелъ въ каюту и объявилъ капитану фрегата и офицерамъ, что опрометчивое рѣшеніе г. Завойко заклепать орудія не поведетъ къ добру, почему прежде всего необходимо расклепать ихъ. Въ отвѣтъ на вызовъ мой взяться за расклепку, г. Изыльметьевъ, вполнѣ соглашаясь съ необходимостью этой операціи, обѣщалъ поручить ее прапорщику артиллеріи Можайскому. Вслѣдъ за этимъ, замѣтивъ, что прислуга батареи № 1-й должна сильно страдать отъ осколковъ скалы, увидя раненаго ими въ голову командира батареи, лейтенанта Гаврилова, я просилъ г-на Изыльметьева распорядиться, чтобы надъ скалою батареи повѣсить старый парусъ-марсель, что и было на слѣдующій день сдѣлано. Въ это время по приказанію начальника, переданному черезъ гардемарина фрегата, успѣли заклепать всѣ орудія на батареяхъ, исключая № 2-го, на косѣ, закрывающей фрегатъ, командиръ которой понялъ несообразность такого рѣшенія. Къ счастію нашему, за неимѣніемъ въ портѣ стали, заклепки были сдѣланы ершами изъ гвоздей мягкаго желѣза, такъ что, при произведенныхъ утромъ 18-го числа выстрѣлахъ стапиномъ съ дульной части, пороховымъ газомъ выбивало заклепку изъ запала; при производствѣ этихъ выстрѣловъ едва не утопили, какъ разсказывали мнѣ расклепывающіе пушки люди, — одно десантное непріятельское судно. Между тѣмъ, по сигналу, непріятель ушелъ и огонь его прекратился, какъ бы для отдыха, послѣ пробной перестрѣлки.

18-го числа съ 4-хъ часовъ пополудни и все 19-е число были употреблены нами, равно и непріятелями на исправленіе поврежденій. Изъ поврежденій этихъ замѣтно было на фрегатѣ «Президентъ» разбитіе кормового транца и кормы. При этомъ, по всей вѣроятности, убитъ съ батареи № 1-й адмиралъ Прейсъ. Можно предполагать, что Прейсъ, придя на позицію, спустился въ каюту. Влетѣвшая туда наша бомба произвела разломъ и сотрясеніе, что заставило капитана спуститься въ каюту, гдѣ увидя прахъ адмирала, приказалъ слугѣ прикрыть его, а самъ объявилъ командѣ, что о пробоинѣ безвредной не должно безпокоиться, а слѣдуетъ вѣрнѣе наводить орудія на непріятелей. Эта необходимая ложь экспромтомъ подала поводъ воспользоваться славной смертью адмирала Прейса и придумать самоубійство, совершенное имъ будто для того, что адмиралъ, при

Литогр. А Ильина С.Петербург

старости, съ упадкомъ энергіи, боялся отвѣтственности за промедленіе времени и неуспѣхъ первой попытки овладѣть портомъ и Камчаткою. Грѣшно и стыдно клеветникамъ, и смѣшно вѣрить такимъ выдумкамъ, что русское ядро или бомба не можетъ убить англійскаго адмирала.... *) Сомнѣваться въ этомъ тѣмъ болѣе странно, что командиръ батареи № 1-й говорилъ мнѣ, да и всѣмъ извѣстно, что на пробной стрѣльбѣ съ батареи въ щиты, они по первому выстрѣлу разбивали ихъ въ щепки; когда же фрегатъ сталъ по теченію кормою къ батареѣ, то, воспользовавшись удачнымъ прицѣломъ, наши разгромили корму....

19-го числа тѣло адмирала было погребено на берегу Тарьинской бухты, и надъ могилою сложено возвышеніе и покрыто дерномъ. Когда время утишитъ страсти, англичане, безъ сомнѣнія, почтутъ память павшаго воина достойнымъ мавзолеемъ и поставятъ его на могилѣ сраженнаго адмирала!

20-го августа непріятели съ той же позиціи, но на ближайшемъ разстояніи, открыли огонь съ своихъ судовъ, разсчитывая рѣшительнымъ дѣйствіемъ сбить батареи порта, полагаясь на превосходство въ силѣ артиллеріи. Но наши матросы, приучась къ огню, стойко отплачивали непріятелю своими выстрѣлами, такъ что и въ этотъ день непріятель не могъ осуществить своихъ ожиданій. Успѣхъ для насъ былъ бы еще полнѣе, если бы командиры нашихъ батарей стрѣляли калеными ядрами, для чего были устроены на № 2-мъ и № 3-мъ ядрокалительныя печи изъ чугуннаго баласта (на подобіе употребляемыхъ нашими черноморцами для матросскихъ бань). Клещи были вновь сдѣланы и съ фрегата взяты на берегъ; пыжи намочены, — недоставало лишь умѣнья! Когда я спрашивалъ командира батареи № 2-й, «зачѣмъ онъ не стрѣлялъ калеными ядрами?» то получилъ простосердечный отвѣтъ: «странно вы предлагаете, когда видѣли, что я долженъ былъ стрѣлять рикошетами; вѣдь ядра отъ всплесковъ охладѣютъ!...» Слыша такую чепуху, я однако долженъ

*) «Морской Сборникъ» 1855 г. сентябрь: «Физическое и нравственное мужество». Съ англійскаго. Въ этой статьѣ приведено, между прочимъ, сравненіе, что-де «адмиралъ Прейсъ боялся болѣе отвѣтственности, чѣмъ дитя — привидѣнія». Прейсъ отличался съ юныхъ лѣтъ безстрашіемъ. Будучи мичманомъ онъ, однажды, взобрался на самую вышку церкви св. Павла въ Лондонѣ и развѣсилъ тамъ платокъ, вызывая охотниковъ снять этотъ платокъ, но другихъ подобныхъ ему смѣльчаковъ не нашлось. А. П. Арбузовъ.

былъ молчать, такъ какъ распоряженіемъ г. Завойко я лишенъ былъ права приказывать. Наконецъ, вполнѣ убѣдившись, до какой степени плохо дѣлаются распоряженія къ оборонѣ, я счелъ долгомъ солдата оставить въ сторонѣ оскорбленное чувство человѣка и обратиться къ г. Завойко съ предложеніемъ моихъ услугъ при защитѣ порта. Для этого я отправилъ къ нему письмо, въ которомъ выразилъ, что мнѣ болѣе 20-ти разъ приходилось быть въ дѣлахъ съ непріятелемъ, а потому, изъ числа наличныхъ офицеровъ, едва ли кто-нибудь въ состояніи замѣнить меня за недостаткомъ боевой опытности. Въ отвѣтъ на это письмо я получилъ разрѣшеніе. Приказъ по этому предмету состоялся утромъ 23-го августа. Вступивъ въ командованіе своей частью, я началъ съ того, что собралъ людей и въ краткой, одушевленной рѣчи напомнилъ имъ лежащія на нихъ обязанности, причемъ поставилъ имъ на видъ ихъ нерѣшительность во время сбора для отраженія непріятеля 18-го августа. «Теперь, друзья, я съ вами», прибавилъ я, «клянусь крестомъ св. Георгія, который честно ношу 14 лѣтъ, не осрамлю имени командира! Если же вы увидите во мнѣ труса, то заколите штыками и на убитаго плюйте! — Но знайте, что и я потребую точнаго исполненія присяги — драться до послѣдней капли крови!....» — «Умремъ, — не попятимся!» былъ единогласный отвѣтъ ихъ. «Пѣсенники впередъ!» — крикнулъ я невольно одушевляясь, — и солдатики бодро, весело гаркнули пѣсню: «За царя, за Русь святую грянемъ пѣсню въ добрый часъ!» Распуская людей, я отдалъ приказаніе подточить штыки и осмотрѣть кремни и замки.

19 числа, во время похоронъ адмирала Прейса, англичане встрѣтили двоихъ американскихъ матросовъ съ судна, стоявшаго въ нашей гавани подъ національнымъ флагомъ. Матросы эти были посланы своимъ шкиперомъ рубить дрова, и тѣ, изъ сочувствія къ своей расѣ, взялись показать англичанамъ тропинку, удобную, по ихъ мнѣніямъ, для входа и овладѣнія портомъ *).

---

*) Такъ поступили американцы; а вотъ какъ повелъ себя, при подобномъ же случаѣ, русскій матросикъ. 18-го числа, послѣ перваго дѣла, на рейдъ безпечно выплылъ съ кирпичнаго завода нашъ ботъ; на немъ былъ боцманъ Усовъ съ женою и двумя дѣтьми и трое гребцовъ. Начальство порта было столь непредусмотрительно, что не дало знать на заводъ, чтобы на рейдъ не выходили — такъ какъ появился непріятель. Матросики наши, сидя на ботикѣ, приняли выстрѣлы непріятеля за привѣтственные салюты и спокойно подъплыли

Вслѣдствіе этого, 24 августа, около 8-ми часовъ утра, непріятели задумали воспользоваться этимъ открытіемъ и, замаскировывая нападеніе, начали пальбу по батареѣ № 1 у мыса Шаховой, гдѣ развѣшенъ былъ парусъ; по батареѣ № 3, у Лаперузова перешейка, гдѣ оторвана рука у командира князя Александра Максютова, и по батареѣ № 7-й у оконечности горы Никольской; затѣмъ высадили десантъ и осыпали фрегатъ пулями, безъ всякаго впрочемъ вреда. Сбивъ батареи № 3 и № 7-й, непріятели свезли всю силу десанта изъ 700 человѣкъ.—Услышавъ тревогу, я бросился въ казармы и видя, что люди всѣ въ движеніи, явился къ г. Завойко, во все время дѣйствія стоявшему за пороховымъ погребомъ подъ горою. Здѣсь, замѣтивъ смертельно раненаго, еще дышавшаго молодого сына купца Сахарова, я распорядился отнести его въ госпиталь, и видя, что наши чиновники, вооруженные ружьями со штыками, были совершенно безполезно разбросаны по подошвѣ горы, правѣе погреба, на жертву непріятельскихъ выстрѣловъ, я испросилъ позволеніе немедленно возвратить ихъ и помѣстить тѣлохранителями при особѣ начальника... Чтобы охарактеризовать, до какой степени начало боя производилось безпорядочно, укажу на то, что происходило возлѣ самого г. Завойко. Господинъ полиціймейстеръ, поручикъ Г***, имѣвшій приказаніе защищать неприступную съ моря высоту Никольской горы и батарею № 7-й, самовольно спустился оттуда со стрѣлками, видя, что непріятели какъ-бы обходятъ его по вышеупомянутой тропинкѣ, совершенно при этомъ не понимая, что она защищена батареею № 6-й съ шестью орудіями. Затѣмъ, какъ бы желая оправдать себя, онъ усѣлся у ногъ г. Завойко и, стрѣляя на удачу, кричалъ: «убилъ, убилъ, ваше превосхо-

къ судамъ. Ботикъ мгновенно былъ захваченъ. Въ 1855 г. одинъ изъ этихъ плѣнныхъ, матросъ 47-го фл. экипажа Семенъ Удаловъ бросается за бортъ непріятельскаго брига Obligado, чтобы не служить врагу противъ своихъ — въ возобновленномъ въ тотъ годъ движеніи непр. эскадры къ порту. Достойно замѣчанія, что первый кто сообщ. объ этомъ подвигѣ русскаго матроса былъ иноземецъ офицеръ съ бригаObligado, Ed. du Hailly (Revue des deux mondes т. XVII. вып. I, стр. 169—198). Въ Морскомъ Сборникѣ 1857 г. (кн. VII смѣсь, стр. 4—7) помѣщенъ разсказъ о томъ же товарищей Семена Удалова: они, будучи съ нимъ въ плѣну, видѣли какъ онъ не пошелъ, по зову командира-француза, къ пушкѣ, не захотѣлъ стрѣлять въ своихъ и съ прощальнымъ призывомъ къ своимъ собратьямъ не подымать рукъ противъ русскихъ, ринулся съ ваннов въ море. Ред.

дительство!» Сцена была по истиннѣ комическая!... Въ это время непріятели-французы, подъ предводительствомъ англійскаго лейтенанта Паркера, показались на полугорѣ. Вслѣдствіе этого посланы были двѣ партіи стрѣлковъ—первая подъ командою мичмана Михайлова*), а вторая подъ командою лейтенанта Анкудинова.—Въ это время я слѣдилъ за движеніями непріятеля и, куря сигару, разговаривалъ съ инженеръ-поручикомъ Муравинскимъ, какъ вдругъ пуля ударила его въ ногу, а другая убила на повалъ лошадь, стоявшую шаговъ за 600 отъ насъ у полевого орудія.—Между тѣмъ г. Завойко, узнавъ о движеніи непріятеля въ обходъ горы, приказалъ мнѣ идти на батарею № 6-й у озера, лежащую въ 200 шагахъ отъ порохового погреба,—съ тѣмъ, чтобы не допускать непріятеля пройти указанной ему тропинкою. Придя по назначенію, я просилъ командира батареи г. Гозехуса, чтобы прислуга изъ писарей зарядила орудія черезъ одно—ядромъ и картечью, а самъ приказалъ бывшимъ тутъ казакамъ нарѣзать шашками травы и прикрыть ею орудія. Затѣмъ направивъ, при содѣйствіи прапорщика морской артиллеріи Сахарова, всѣ орудія по прицѣламъ и посадивъ бойкихъ писарей за насыпью, самъ сталъ на банкетъ. Вскорѣ явились два англичанина въ красныхъ мундирахъ съ бѣлыми перевязями; за ними подошли еще четверо и вздумали прицѣливаться по мнѣ, какъ единственной живой цѣли. Я стоялъ шагахъ въ 600 отъ нихъ, между первымъ и вторымъ орудіемъ слѣва и, въ простотѣ сердечной, еще не зная полета штуцерныхъ пуль, только грозился имъ саблей, дорожа зарядомъ орудій. Остальные изъ высадившихся англичанъ поджигали въ это время сарай съ запасомъ соленой рыбы въ обрѣзахъ.—Непріятели, пошутивъ со мною и не пробуя стрѣлять, вздумали возвратиться. Тогда, дернувъ за шнурокъ, я сдѣлалъ выстрѣлъ и непріятели, подхвативъ одного на руки, скрылись къ рыбному сараю.—Видя, что присутствіе мое на этомъ мѣстѣ безполезно, я передалъ постъ командиру, корабельному инженеру Гозехусу, а самъ отправился съ донесеніемъ къ г. Завойко. Идя туда я замѣтилъ, что непріятель растянулся по горѣ между кустарниками мелкаго кедровника и лы-

*) Изъ этой партіи солдатъ сибирскаго баталіона, Сунцовъ, подползъ изъ-подъ горы и пулею прострѣлилъ—изъ-подъ бороды въ черепъ—голову англійскаго лейтенанта Паркера. А. П. Арбузовъ.

синами. Тогда я сталъ проситься лично повести партію стрѣлковъ изъ 30 человѣкъ. Генералъ возразилъ на это, что не можетъ рѣшиться, не имѣя около себя людей. Я повторилъ свою просьбу и прибавилъ: «вокругъ вашего превосходительства остаются преданные чиновники, а если непріятель опомнится и возвратится, то поставитъ наши партіи между двухъ огней — съ тыла и спереди». Стоявшій возлѣ секретарь Лохвицкій поддержалъ мое мнѣніе, и я получилъ дозволеніе идти въ дѣло.— Отправясь съ своей партіей въ обходъ непріятеля, за погребомъ, я едва не выстрѣлилъ по унтеръ-офицеру Шепелихину, принявъ въ кустахъ его синюю фуражку за непріятельскую. Идя далѣе, встрѣтилъ я мичмана Фесуна съ 12-ю матросами. Мичманъ не принялъ моего предложенія присоединиться ко мнѣ, онъ спѣшилъ къ г. Завойкѣ, своему дядѣ; затѣмъ, идя далѣе, я увидѣлъ французика-гардемарина, заколотаго русскимъ солдатомъ, и вслѣдъ затѣмъ лейтенанта Пилкина, прапорщика Жилкина и боцмана Подсамуйлова съ 90 матросами; всѣ они были вызваны съ фрегата посланнымъ отъ начальника гардемариномъ съ призывомъ: «все пропало! посылать всѣхъ въ стрѣлки!»... Я не стану описывать всѣхъ приключеній боевого столкновенія моей партіи съ непріятелемъ. Послѣ общаго ура! ударивъ въ штыки съ фланга, мы опрокинули непріятеля и, быстро преслѣдуя его, вскорѣ сошлись съ 1-й и 2-й нашими стрѣлковыми партіями. Успѣхъ былъ полный! 32 тѣла непріятельскихъ нашли мы на мѣстѣ встрѣчи моей партіи, изъ которой ни одного человѣка не оказалось раненымъ, что можно приписать хорошему умѣнью владѣть штыкомъ. Бѣгущіе непріятели бросались почти съ отвѣсной скалы*) и на берегу собрались у своихъ гребныхъ судовъ. Въ это время подползли къ нимъ изъ-за каменьевъ 16 камчадаловъ, обыкновенно убивающихъ бобра въ головку, чтобъ не испортить шкурки, теперь они своими мѣткими выстрѣлами увеличили пораженіе непріятелей.—Увлекаясь полнымъ успѣхомъ дѣла, я предложилъ-было г-ну Пилкину броситься вмѣстѣ и отрѣзать непріятелей отъ гребныхъ судовъ; но онъ объявилъ мнѣ, что не имѣетъ на это приказанія, и оказавъ намъ помощь, обязанъ воротиться къ фрегату, гдѣ союзники замаскировывали нападеніе... Спустя

*) Здѣсь, между прочими, нашли послѣ дѣла обезумѣвшаго отъ страха французскаго матроса съ фрегата «Laforte»—Pierre Landoirs. А. Н. Арбузовъ.

полчаса послѣ удаленія непріятелей, я послалъ унтеръ-офицера доложить г. Завойкѣ о происшедшемъ, и что если будетъ приказано проиграть отбой, то мы спустимся съ горы. Отбой вскорѣ послѣдовалъ, и мы возвратились къ погребу. Здѣсь генералу угодно было назначить меня собирать по горѣ убитыхъ и раненыхъ. Но я, страдая удушьемъ отъ ощущеній успѣха и боя, отправился въ госпиталь, гдѣ докторъ Линчевскій, къ удивленію для самого себя, долженъ былъ пустить мнѣ кровь.—Возвратясь къ погребу, я присутствовалъ тамъ при похоронахъ — своихъ и непріятелей. Здѣсь на сорочкѣ убитаго англійскаго предводителя нашли надпись: «Parker», а въ карманѣ — составъ высаженнаго десанта, афишку изъ театра Франциско въ Калифорніи объ оперѣ «Эрнани» и помѣтку на ней карандашемъ: «N'oubliez pas de prendre dix pairs de bracelets». Затѣмъ послѣдовало угощеніе начальника, но я отказался отъ него и обѣдалъ въ послѣдній разъ за общимъ нашимъ съ чиновниками сборнымъ столомъ въ канцеляріи губернатора *).

26 августа непріятельская эскадра удалилась въ океанъ.

3-го сентября я, несмотря на свое нездоровье, вынужденъ былъ отправиться, по предписанію контръ-адмирала Завойко отъ 1 сентября 1854 г. за № 2397 и второму его же предписанію, отъ 2-го сентября за № 2408, на ботѣ № 1-й (въ 40 ф. длины) съ тѣмъ, чтобы передать паровой шкунѣ «Востокъ» запасъ камчатскаго каменнаго угля, и отправиться на ней далѣе въ Большерѣцкъ. Уголь, которымъ нагружено было судно, былъ мокрый, такъ что мы едва не сгорѣли отъ начавшагося его разложенія. Къ счастію, что противный вѣтеръ не позволилъ намъ три дня

*) Строго и свято держась единой только правды не скрою и слѣдующаго факта, достовѣрность котораго подтвердятъ, какъ и все что я описалъ, многочисленные очевидцы (имена многихъ изъ нихъ въ разсказѣ моемъ названы). Послѣ боя—въ Петербургъ съ пышной реляціей былъ посланъ англійскій флагъ въ качествѣ трофея, будто-бы вырваннаго изъ рукъ непріятеля. Но, увы! никто не видалъ этого флага въ рукахъ непріятеля, никто не исторгалъ его въ жару боя, англичане просто забыли его на берегу, а расторопный полиціймейстеръ Г***, когда уже и духу не было непріятельскаго, поднялъ флагъ и представилъ г. Завойкѣ мнимый трофей. Еще слово: за общимъ обѣдомъ 24-го августа 1854 г., всѣ чиновники и офицеры, участвовавшіе въ оборонѣ порта, предлагали выдать мнѣ свидѣтельство, за ихъ подписями, въ томъ, что спасеніемъ порта они обязаны ни кому другому, какъ только мнѣ, Арбузову. Но я, отклонивъ отъ себя эту честь, просилъ только подтвердить настоящее заявленіе подъ присягою тогда, когда то окажется нужнымъ. **А. П. Арбузовъ.**

выдти въ океанъ, а пришедшій тендеръ Кадьякъ привезъ извѣстіе, что шкуны Востокъ и нѣтъ въ Большерѣцкѣ. Поэтому назначеніе мое на несомнѣнную гибель было отмѣнено, и вскорѣ, 15-го числа, я былъ отправленъ въ Аянъ на нанятомъ американскомъ бригѣ «Noble».

Контръ-адмиралъ А. П. Арбузовъ.

Примѣчаніе. Для того, чтобы разсказъ А. П. Арбузова объ отраженіи англо-французской эскадры и десанта съ нея отъ Петропавловскаго порта былъ яснѣе, мы сочли необходимымъ приложить планъ этого порта съ обозначеніемъ на картѣ расположенія домовъ, батарей, числа пушекъ на нихъ, также наступающихъ кораблей непріятеля. Считаемъ нелишнимъ привести здѣсь нѣкоторыя къ плану поясненія. Авачинская бухта въ Камчаткѣ находится подъ 53° широты N и 176°24′ долготы O; бухта образуетъ превосходный, внутренній бассейнъ въ 10 миль діаметра. Въ этомъ отличномъ рейдѣ можетъ укрыться самый громадный въ мірѣ флотъ. Заливъ соединяется съ Восточнымъ океаномъ проходомъ съ южной стороны. Войдя въ заливъ черезъ проходъ, мы, на восточномъ берегу—встрѣчаемъ небольшой Петропавловскій портъ. Это нѣчто въ родѣ глухой улицы, открытой съ юга; длина 562 саж., ширина средн. 185 саж. Съ запада портъ окаймляется длиннымъ и узкимъ полуостровомъ, дл. до 100 саж., средняя ширипа его 33 саж.; съ юго-востока вытягивается коса — отъ 14 до 16 саж. ширины; она лишь на нѣсколько футъ выше воды, но, во всякомъ случаѣ, замыкаетъ собой бухту.

Наконецъ, узкій бонъ запираетъ проходъ между косой и полуостровомъ. Такимъ образомъ эту бухту сама природа укрѣпила сильнѣе любого форта, воздвигнутаго искуснѣйшими инженерами. Здѣсь-то, за косой расположились въ дни боя русскіе фрегатъ „Аврора“ и транспортъ „Двина“ — первый о 44, второй о 12 пушкахъ. Батарея № 2 въ 11 орудій на косѣ во время прилива поднималась надъ водой на 4 фута. Затѣмъ площадь воды предъ бухтой защищаема была еще двумя батареями: № 1, Шахова, въ шесть пушекъ и № 4, на Красномъ Ярѣ, въ 5 пушекъ. Далѣе къ сѣверу у подошвы горы Никольской, батарея № 7 въ пять орудій, наконецъ у озера, внутри порта, за горою находилась батарея № 6 въ шесть орудій. Ред.

ЗАПИСКИ МИХАИЛА ИВАНОВИЧА ГЛИНКИ.

1804 — 1854.

Записки М. И. Глинки были писаны въ теченіе времени отъ 3-го іюня 1854 до конца марта 1855 года, по просьбѣ сестры его Людмилы Ивановны Шестаковой, съ которою Глинка жилъ тогда вмѣстѣ. Каждый день, являясь къ завтраку, М. Ив. прочитывалъ одинъ листъ, написанный имъ въ то утро. Записки эти существуютъ въ двухъ экземплярахъ; одинъ, собственноручный и другой — копія, оба принадлежали Л. И. Шестаковой и ею принесены въ даръ Императорской

Публичной Библіотекѣ. Копія была свѣрена съ оригиналомъ самимъ М. И. Глинкой, причемъ онъ оставлялъ безъ поправки нѣкоторыя неважныя измѣненія переписчиковъ (очень вмѣсто весьма, бывшій вм. который былъ или наоборотъ), но за то, имѣя этотъ экземпляръ при себѣ до самой своей смерти, онъ прибавилъ въ немъ много любопытныхъ примѣчаній. Экземпляръ этотъ былъ въ рукахъ извѣстнаго въ свое время литератора Н. В. Кукольника, съ которымъ Глинка былъ друженъ, и Кукольникъ сдѣлалъ въ немъ нѣсколько поправокъ въ слогѣ (къ худшему, потому что живыя, своеобразныя выраженія Глинки замѣнялъ рутинно-литературными оборотами) и нѣсколько замѣчаній, на которыя Глинка, съ своей стороны, отвѣчалъ новыми, подчасъ очень забавными, контръ-замѣчаніями.

Мы печатаемъ „Записки" М. И. Глинки съ этой копіи, предварительно свѣривъ ее еще разъ съ оригиналомъ. Мы отбросили всѣ варіанты переписчиковъ и поправки Кукольника и даемъ текстъ „Записокъ" такъ, какъ онъ вышелъ изъ-подъ пера Глинки, но собственныя поправки Глинки мы тщательно сохраняемъ, отмѣчая подъ чертой зачеркнутое имъ, такъ какъ въ этихъ зачеркнутыхъ имъ словахъ и фразахъ встрѣчаются любопытные факты, иногда для языка Глинки (замѣна словъ иностранныхъ русскими и т. п.), иногда и для самой его біографіи. Точно также внесли мы и помѣтки М. И. Глинки, сдѣланныя карандашемъ на поляхъ оригинальной рукописи, вѣроятно съ цѣлью пополнить ихъ впослѣдствіи, и тѣ изъ замѣчаній Кукольника, на которыя Глинка писалъ отвѣты. Издавая въ свѣтъ записки человѣка почти современнаго намъ, мы естественно не могли избѣжать нѣкоторыхъ пропусковъ; но, уступая этой прискорбной необходимости, мы старались во всякомъ случаѣ сдѣлать ихъ сколько возможно менѣе и то въ тѣхъ только случаяхъ, гдѣ Глинка касался интимныхъ подробностей своихъ семейныхъ отношеній; въ другихъ же случаяхъ ограничивались тѣмъ, что не выписывали полныхъ именъ лицъ, о которыхъ говорится. Въ приложеніи къ „Запискамъ" мы надѣемся помѣстить нѣкоторыя свѣдѣнія о послѣднемъ времени жизни М. И. Глинки и письма лицъ, присутствовавшихъ при его кончинѣ, послѣдовавшей въ Берлинѣ 3 февраля 1857 г.

Читающей публикѣ „Записки" М. И. Глинки извѣстны по интереснымъ статьямъ о Глинкѣ В. В. Стасова (Русскій Вѣстникъ 1857 г. №№ 20, 21, 22 и 24), для которыхъ онѣ послужили главнѣйшимъ матеріаломъ и въ которыхъ приведены нѣкоторыя изъ нихъ выдержки. Но не говоря уже о томъ, что г. Стасовъ не имѣлъ въ виду знакомить публику собственно съ „Записками", тогдашнія условія нашей печати не позволили ему воспользоваться многими подробностями даже какъ матеріаломъ для своихъ статей. Издавая теперь вполнѣ „Записки" М. И. Глинки, мы надѣемся оказать услугу не только людямъ спеціально занимающимся музыкою, для которыхъ значеніе этихъ „Записокъ" неоцѣнимо, но и вообще содѣйствовать уясненію того любопытнаго періода нашей недавней исторіи, который характеризуется такимъ необычайнымъ развитіемъ у насъ художественнаго творчества. Эстетическая критика сдѣлала свое дѣло: она выяснила художественное значеніе не только наиболѣе крупныхъ созданій той эпохи, но, можно сказать безъ преувеличенія, каждаго лири-

ческаго стихотворенія Пушкина, каждаго романса Глинки. Теперь наступаетъ очередь критики исторической. Но только когда наша литература обогатится матеріалами, въ родѣ издаваемыхъ теперь „Записокъ Глинки", для насъ сдѣлается возможнымъ дѣйствительно историческое сужденіе объ эпохѣ, которая произвела Пушкина, Глинку, Лермонтова, Гоголя, т.-е. все, чѣмъ мы гордимся въ области литературы и искусства. Не предупреждая сужденія читателей, не можемъ не замѣтить, что, помимо историческаго значенія „Записокъ", въ высшей степени сочувственное впечатлѣніе производитъ сама по себѣ свѣтлая личность М. И. Глинки,—человѣка, который въ каждомъ встрѣчавшемся ему въ жизни лицѣ спѣшилъ отыскать свѣтлую, сочувственную сторону, художника, который, вопреки господствующему мнѣнію объ авторскомъ самолюбіи, ни разу не забылъ упомянуть, кому онъ обязанъ былъ тою или другою счастливою идеею или вдохновеніемъ, былъ ли то человѣкъ близкій его сердцу, просто чухонскій ямщикъ, или даже человѣкъ не совсѣмъ пріязненно къ нему относившійся. Когда „Записки Глинки" были уже приготовлены нами къ изданію, мы прочли въ газетахъ слѣдующую просьбу, поданную смоленскому губернатору Бороздкѣ, за подписью ста восьми уроженцевъ Смоленской губерніи, объ исходатайствованіи высочайшаго разрѣшенія на открытіе во всей Россіи подписки на сооруженіе въ городѣ Смоленскѣ памятника Михаилу Ивановичу Глинкѣ.

«Ваше превосходительство Николай Петровичъ. Съ древнѣйшихъ временъ установился у всѣхъ народовъ обычай воздвигать въ честь людей, оказавшихъ важныя услуги отечеству своею дѣятельностью, трудами и способностями, памятники въ мѣстахъ ихъ родины. Мы видимъ памятники не только государямъ и полководцамъ, но и ученымъ, поэтамъ и художникамъ. Геніальный русскій композиторъ, создавшій русскую національную музыку, Михаилъ Ивановичъ Глинка, родился въ Смоленской губерніи, Ельнинскомъ уѣздѣ, селѣ Новоспасскомъ, родовомъ имѣніи его отца, гдѣ онъ провелъ первыя 13 лѣтъ жизни и куда пріѣзжалъ впослѣдствіи довольно часто и надолго. Здѣсь, въ деревнѣ, вдали отъ классическаго музыкальнаго міра, первое и сильное впечатлѣніе произвели на его музыкальную натуру деревенскія народныя пѣсни, деревенская плясовая музыка. Эти-то пѣсни и музыка легли въ основу его будущихъ произведеній и дали имъ чисто національный характеръ. Чувство самой живой симпатіи и волненіе, которое охватываетъ всякаго русскаго при слушаніи «Жизни за Царя», популярность, какую пріобрѣла въ народѣ, напримѣръ, «Камаринская», служитъ лучшимъ доказательствомъ національности въ твореніяхъ Глинки. Мы, смольяне, гордимся тѣмъ, что народныя пѣсни нашей губерніи послужили основаніемъ его обще-русскихъ, даже обще-славянскихъ національныхъ произведеній и, дорожа воспоминаніемъ о немъ, имѣемъ честь покорнѣйше просить ваше превосходительство исходатайствовать высочайшее разрѣшеніе на открытіе по всей Россіи подписки на сооруженіе въ городѣ Смоленскѣ памятника Михаилу Ивановичу Глинкѣ, на составленіе комитета для принятія пожертвованій и необходимыхъ по этому предмету распоряженій и на назначеніе конкурса для представленія модели памятника. Мы вполнѣ увѣрены, что вся Россія сочувственно откликнется на это истинно-народное дѣло». (Слѣдуютъ 108 подписей).

Просьба эта имѣла полный успѣхъ: подписка открыта во всей Россіи. Но мы не можемъ не замѣтить, что Петербургу и Москвѣ не слѣдовало допускать чтобы Смоленскъ предвосхитилъ честь возбужденія вопроса о созданіи памятника безсмертному творцу русской оперы. Кому же, какъ не населенію обѣихъ столицъ, болѣе сорока лѣтъ наслаждающемуся музыкою Глинки, должна бы принадлежать честь почина въ

этомъ дѣлѣ. Въ этомъ отношеніи особенно непонятно равнодушіе нашихъ консерваторій. Будемъ же надѣяться, что теперь, когда смольняне возбудили это дѣло, наши консерваторіи станутъ во главѣ движенія въ пользу образованія капитала, на сооруженіе памятника Глинкѣ, а ак. худ. назначитъ конкурсъ на проектъ памятника.

Обращаясь къ запискамъ Глинки, мы считаемъ себя счастливыми, что появленіе ихъ на страницахъ „Русской Старины" совпадаетъ съ пробужденіемъ въ русскомъ обществѣ сознанія въ необходимости воздать геніальному представителю русской музыки — ту честь, которая во всякомъ другомъ обществѣ была бы давнымъ давно ему воздана.

Ред.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Отъ 20 мая 1804 года до 25 апрѣля 1830 года.

ПЕРІОДЪ I.

Рожденіе.—Пребываніе съ бабкою.

Я родился 1804 года, мая 20 дня, утромъ на зарѣ, въ селѣ Новоспасскомъ, принадлежавшемъ родителю моему, капитану въ отставкѣ, Ивану Николаевичу Глинкѣ; имѣніе это находится въ 20 верст. отъ города Ельни, Смоленской губерніи; оно расположено по рѣкѣ Деснѣ близъ ея истока и въ недальномъ разстояніи окружено непроходимыми лѣсами, сливающимися съ знаменитыми брянскими лѣсами. Вскорѣ по рожденіи моемъ, матушка моя Евгенія Андреевна, урожденная Глинка, принуждена была предоставить первоначальное мое воспитаніе бабкѣ моей Ѳеклѣ Александровнѣ (матери моего отца), которая, овладѣвъ мною, перенесла меня въ свою комнату. Съ нею, кормилицею и нянею провелъ я около трехъ или четырехъ лѣтъ, видаясь съ родителями весьма рѣдко. Я былъ ребенкомъ слабаго сложенія, весьма золотушнаго и нервнаго расположенія; бабка моя, женщина преклонныхъ лѣтъ, почти всегда хворала, а потому въ комнатѣ ея (гдѣ обиталъ я) было, по крайней мѣрѣ, не менѣе 20 градусовъ тепла по Реомюру. Несмотря на это, я не выходилъ изъ шубки; по ночамъ же и часто днемъ поили меня чаемъ со сливками, со множествомъ сахару, кренделей и бубликовъ разнаго рода; на свѣжій воздухъ выпускали меня очень рѣдко и только въ теплое время. Нѣтъ сомнѣнія, что это первоначальное воспитаніе имѣло сильное вліяніе на развитіе моего организма и объясняетъ мое непреодолимое стремленіе къ теп-

лымъ климатамъ; и теперь, когда мнѣ уже 50 лѣтъ, я могу утвердительно сказать, что на югѣ мнѣ лучше жить и я страдаю тамъ менѣе, чѣмъ на сѣверѣ. Бабушка моя баловала меня до невѣроятной степени; мнѣ ни въ чемъ не было отказа; несмотря на это, я былъ ребенкомъ кроткимъ и добронравнымъ, и только, когда тревожили меня во время занятій, становился недотрогою (мимозою), что отчасти сохранилось и до нынѣ. Однимъ изъ любимыхъ моихъ занятій было ползать по полу, рисуя мѣломъ деревья и церкви. Я былъ весьма набоженъ и обряды богослуженія, въ особенности въ дни торжественныхъ праздниковъ, наполняли душу мою живѣйшимъ поэтическимъ восторгомъ. Выучась читать чрезвычайно рано, я нерѣдко приводилъ въ умиленіе мою бабку и ея сверстницъ чтеніемъ священныхъ книгъ. Музыкальная способность выражалась въ это время страстію къ колокольному звону (трезвону); я жадно вслушивался въ эти рѣзкіе звуки, и умѣлъ на двухъ мѣдныхъ тазахъ ловко подражать звонарямъ. Въ случаѣ болѣзни приносили малые колокола въ комнаты для моей забавы. Съ самаго малолѣтства я уже былъ слабонервнымъ; и такъ какъ за нѣсколько дней до кончины бабки приложили ей пластырь отвратительнаго запаха, то меня никакой силой не могли принудить войти къ ней, и я не присутствовалъ при ея кончинѣ, несмотря на то, что я очень любилъ ее. Нѣсколько забавныхъ анекдотовъ я могъ бы привести здѣсь, хотя воспоминаніе объ этой эпохѣ не совсѣмъ ясно въ памяти моей, но считаю ихъ излишними, ибо они не имѣютъ прямого отношенія къ моей артистической жизни, притомъ я отнюдь не желаю подражать г-ну женевскому философу.

ПЕРІОДЪ II.

Отъ кончины бабки до проявленія перваго музыкальнаго чувства.

Послѣ кончины бабки моей, образъ моей жизни нѣсколько измѣнился. Матушка баловала меня менѣе, и старалась даже приучать меня къ свѣжему воздуху, но эти попытки по большей части оставались безъ успѣха. Кромѣ сестры, годомъ меня моложе, и моей няни, вскорѣ взяли другую няню, вдову землемѣра, по имени Ирину Өедоровну Мѣшкову, съ дочерью, нѣсколько постарше меня. Эта няня была женщина простая и чрезвы-

чайно добрая, а матушка хотя не баловала, но любила насъ, и намъ было хорошо. Впослѣдствіи присоединили къ Иринѣ Ѳеодоровнѣ француженку Розу Ивановну, а нанятый отцомъ моимъ архитекторъ, вмѣсто мѣла далъ мнѣ карандашъ въ руку и началъ свои уроки рисованья, какъ водится, съ глазъ, носовъ, ушей и проч., требуя безотчетнаго отъ меня механическаго подражанія; при всемъ томъ однакожъ я быстро успѣвалъ. Сверхъ того одинъ дальній родственникъ, любознательный, добрый, весьма пріятнаго нрава старичекъ не рѣдко навѣщалъ насъ, любилъ разсказывать мнѣ о далекихъ краяхъ, о дикихъ людяхъ, о климатахъ и произведеніяхъ тропическихъ странъ, и, видя съ какою жадностію я его слушалъ, привезъ мнѣ книгу подъ названіемъ: «О странствіяхъ вообще», изданную въ царствованіе Екатерины II. Я съ рвеніемъ принялся за чтеніе этой книги и, сколько помню, она содержала отрывки изъ путешествій знаменитаго Васко де-Гама. Я получилъ отъ него же впослѣдствіи другіе томы этого собранія путешествій и, когда дѣло дошло до описанія острова Цейлона, Суматры, Явы и другихъ острововъ Индѣйскаго Архипелага, то мое воображеніе такъ разыгралось, что я принялся изучать описаніе этихъ прелестныхъ острововъ, и (для того) началъ дѣлать извлеченіе изъ вышеозначенныхъ книгъ, что и послужило основаніемъ моей страсти къ географіи и путешествіямъ.

Музыкальное чувство все еще оставалось во мнѣ въ неразвитомъ и грубомъ состояніи. Даже по 8-му году, когда мы спасались отъ нашествія французовъ въ Орелъ, я съ прежнею жадностію вслушивался въ колокольный звонъ, отличалъ трезвонъ каждой церкви, и усердно подражалъ ему на мѣдныхъ тазахъ.

Всегда окруженный женщинами, играя только съ сестрою и дочерью няни, я вовсе не походилъ на мальчиковъ моего возраста. При томъ страсть къ чтенію, географическимъ картамъ и рисованію, въ которомъ я началъ примѣтно успѣвать, часто отвлекала меня отъ дѣтскихъ игръ и я по прежнему былъ нрава тихаго и кроткаго. У батюшки иногда собиралось много гостей и родственниковъ; это случалось въ особенности въ день его ангела, или когда пріѣзжалъ кто-либо, кого онъ хотѣлъ угостить на славу. Въ такомъ случаѣ посылали обыкновенно за музыкантами къ дядѣ моему, брату матушки, за 8 верстъ. Музы-

канты оставались нѣсколько дней, и когда танцы за отъѣздомъ гостей прекращались, играли бывало разныя пьесы. Однажды, помнится что это было въ 1814 или 1815 году, однимъ словомъ, когда я былъ по 10-му или 11-му году, играли квартетъ Крузеля съ кларнетомъ; эта музыка произвела на меня непостижимое, новое и восхитительное впечатлѣніе; я оставался цѣлый день потомъ въ какомъ-то лихорадочномъ состояніи, былъ погруженъ въ неизъяснимое томительно сладкое состояніе, и на другой день во время урока рисованія былъ разсѣянъ; въ слѣдующій урокъ разсѣянность еще увеличилась, и учитель, замѣтя, что я рисовалъ уже слишкомъ небрежно, неоднократно журилъ меня и наконецъ, однакожъ, догадавшись въ чемъ было дѣло, сказалъ мнѣ однажды: что онъ замѣчаетъ, что я все только думаю о музыкѣ. «Чтожъ дѣлать?» отвѣчалъ я, «музыка душа моя».

И дѣйствительно, съ той поры я страстно полюбилъ музыку. Оркестръ моего дяди былъ для меня источникомъ самыхъ живыхъ восторговъ. Когда играли для танцевъ, какъ-то экосезы, матрадуръ, кадрили, вальсы, я бралъ въ руки скрипку или маленькую флейту (piccolo) и поддѣлывался подъ оркестръ, разумѣется, посредствомъ тоники и доминанты. Отецъ часто гнѣвался на меня, что я не танцую и оставляю гостей, но при первой возможности я снова возвращался къ оркестру. Во время ужина обыкновенно играли русскія пѣсни, переложенныя на 2 флейты, 2 кларнета, 2 волторны и 2 фагота. Эти грустно-нѣжные, но вполнѣ доступные для меня, звуки мнѣ чрезвычайно нравились,—даже волторны на низкихъ нотахъ, когда на нихъ играли сильно (я съ трудомъ переносилъ рѣзкіе звуки),—и можетъ быть эти пѣсни, слышанныя мною въ ребячествѣ, были первою причиною того, что впослѣдствіи я сталъ преимущественно разработывать народную *) русскую музыку.

ПЕРІОДЪ III.

Отъ перваго проявленія музыкальнаго чувства до отъѣзда въ С.-Петербургъ.

Около этого времени выписали намъ гувернантку изъ Петербурга, Варвару Өедоровну Кляммеръ. Это была дѣвица лѣтъ 20-ти,

*) Въ оригиналѣ прежде было написано: «отечественную», но потомъ это слово зачеркнуто и исправлено такъ, какъ у насъ напечатано. Ред.

высокаго росту, строгая и взыскательная; она, если не ошибаюсь, воспитывалась въ Смольномъ монастырѣ и взялась учить насъ по-русски, по-французски, по-нѣмецки, географіи и музыкѣ; пошли въ ходъ грамматики, разговоры (dialogues), краткія описанія земель, городовъ и проч., все это надлежало заучивать въ долбяшку (школьное выраженіе), т.-е., когда спрашивали, отвѣчать не запинаясь, не измѣнивъ и не проронивъ ни одного слова. Хотя музыкѣ, т.-е. игрѣ на фортепьяно и чтенію нотъ насъ учили также механически, однакожъ я быстро въ ней успѣвалъ. Варвара Ѳедоровна была хитра на выдумки; какъ только мы съ сестрой начали кое-какъ разбирать ноты и попадать на клавиши, то сейчасъ она приказала приладить доску къ фортепьяно надъ клавишами такъ, что играть было можно, но нельзя было видѣть рукъ и клавишей, и я съ самаго начала привыкъ играть не смотря на пальцы.

Вскорѣ послѣ того взяли одного изъ (первыхъ) скрипачей моего дяди учить меня играть на скрипкѣ; къ сожалѣнію, самъ онъ игралъ не совсѣмъ вѣрно и дѣйствовалъ смычкомъ весьма неразвязно (raide), что сообщилъ и мнѣ.

Хотя я любилъ музыку почти безсознательно, однакожъ очень хорошо помню, что предпочиталъ тѣ пьесы, кои были доступнѣе моимъ тогдашнимъ музыкальнымъ понятіямъ. Оркестръ вообще я любилъ болѣе всего, а изъ оркестровыхъ пьесъ, послѣ русскихъ пѣсенъ, предпочиталъ увертюры: Ma tante Aurore Буальдьё, Lodoiska Крейцера, Deux aveugles Мегюля. Эти двѣ послѣднія охотно я игралъ на фортепьяно, равно какъ нѣкоторыя сонаты Штейбельта, въ особенности Rondo L'orage, которое исполнялъ довольно опрятно. Gyrovetz (чехъ Гировецъ) мнѣ весьма не нравился, отчасти потому, что я находилъ его сонаты слишкомъ длинными и запутанными, а еще болѣе по той причинѣ, что онѣ были очень дурно напечатаны, и въ пасмурные дни я плохо разбиралъ эту музыку, за что нерѣдко мнѣ доставалось карандашемъ по пальцамъ.

ПЕРІОДЪ IV.

Отъ поѣздки въ Петербургъ до выпуска изъ благороднаго пансіона.

Въ началѣ зимы 1817 года, матушка, братъ ея (дядя, которому принадлежалъ оркестръ), Варвара Ѳедоровна и я съ сес-

трою отправились въ С. Петербургъ. Это путешествіе предпринято было для помѣщенія меня въ ново-открытый благородный пансіонъ при главномъ Педагогическомъ Институтѣ. Хотя я и теперь ясно помню нѣкоторыя подробности этого путешествія, однакоже умолчу объ нихъ, ибо они къ дѣлу не относятся.

Когда мы въѣхали въ нашу сѣверную столицу, видъ огромныхъ стройныхъ домовъ и улицъ произвелъ на меня волшебное дѣйствіе и долго, долго сохранилось впечатлѣніе восторга и удивленія. Мои тогдашнія понятія объ архитектурномъ достоинствѣ были столь же безотчетны, какъ объ музыкѣ; пятиглавые соборы въ русскомъ родѣ казались мнѣ торжествомъ искусства, и Казанскій соборъ мнѣ вовсе не понравился.

Вскорѣ пріѣхалъ батюшка и, сейчасъ познакомясь съ инспекторомъ пансіона Линдквистомъ, и разузнавши все, приступилъ къ дѣлу. Пансіонъ нашъ помѣщался въ домѣ Отто, у Калинкина моста, возлѣ больницы. Отецъ мой не щадилъ для меня издержекъ, и потому помѣстилъ меня съ тремя другими, одинаковаго со мною возраста, воспитанниками и особеннымъ гувернеромъ (В. К. Кюхельбекеромъ) въ мезонинѣ того же дома; тамъ нашлось мѣсто и для фортепьяно, которое вскорѣ замѣнили роялемъ Тишнера. Тишнеръ въ то время былъ лучшимъ мастеромъ въ Петербургѣ и механизмъ его роялей допускалъ возможность играть чрезвычайно отчетливо.

Не стану изчислять всѣхъ предметовъ, которые намъ преподавали; скажу только, что я, особенно сначала, усердно занимался во всѣхъ классахъ. Впослѣдствіи любимыми моими предметами были языки: латинскій, французскій, нѣмецкій, англійскій и потомъ персидскій, изъ наукъ—географія и зоологія. Я сдѣлалъ столь быстрые успѣхи въ ариѳметикѣ и алгебрѣ, что былъ репетиторомъ послѣдней изъ нихъ. Пройдя геометрію, я вовсе оставилъ математику, вѣроятно потому, что въ высшихъ классахъ число предметовъ значительно увеличилось.

Профессоры старшихъ классовъ были люди съ познаніями, образованные и большею частію окончившіе воспитаніе въ германскихъ университетахъ; однимъ словомъ, въ высшихъ классахъ преподавали г.г. профессора Педагогическаго Института; въ числѣ ихъ были: извѣстный Раупахъ, пр. нѣмецкой литерату-

ры, Арсеньевъ, пр. географіи и статистики, Куницынъ — правъ и проч.

Между преподавателями въ низшихъ классахъ встрѣчались оригиналы, а между гувернерами были такіе забавные типы, что до сихъ поръ воспоминанія о нихъ сохранились у всѣхъ нашихъ пансіонскихъ товарищей. Упомяну здѣсь о нѣкоторыхъ.

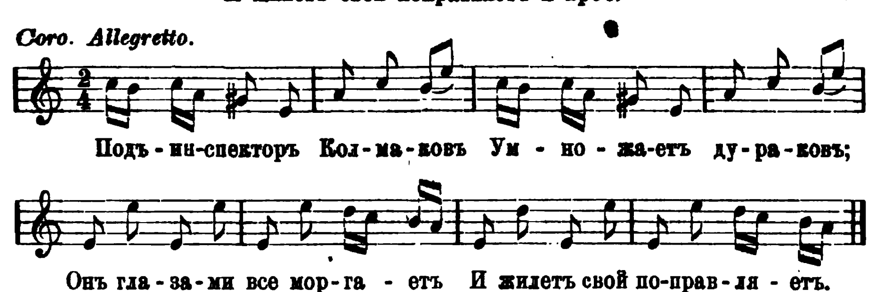
Господинъ мусье мистеръ Биттонъ (какъ его называли дядьки*) былъ грубый англичанинъ, вѣроятно изъ шкиперовъ; онъ чрезвычайно любилъ молочную рисовую кашу и въ тотъ день, когда ее подавали, избиралъ между младшими воспитанниками нѣсколько жертвъ, которыя непремѣнно должны были либо не знать заданныхъ имъ англійскихъ словъ, либо произносить ихъ неудовлетворительно, за что онъ кричалъ: посиди на ваши колѣнъ, возвышая голосъ, а послѣ третьяго раза давалъ бѣдному воспитаннику такую сильную подножку, что подъ нимъ невольно сгибались колѣни. Вечеромъ за ужиномъ, дядька Савелій всѣ порціи рисовой каши, отнимаемыя у наказанныхъ, относилъ въ дортуаръ господина мусье мистеръ Биттона, который ночью алчно пожиралъ свою добычу. Господинъ Гекъ, нѣмецъ въ рыжемъ парикѣ, придерживался другой системы. Не рѣдко къ концу обѣда слышался его сентиментальный голосъ, опредѣлявшій наказаніе виновныхъ слѣдующимъ образомъ: Monsieurs tel et tel privés du jardin et du dernier plat. Бойкій французъ Трипе, мастеръ былъ играть въ лапту, но мы его не любили за его грубое съ нами обращеніе; по справкамъ оказалось, что настоящее его ремесло была мелкая торговля. Къ сему же разряду людей должно отнести злаго пьемонтца Еллену, мучившаго насъ маршировкой, о которой онъ самъ не имѣлъ понятія. Полякъ Якукевичь, весьма неопрятнаго вида, не знавшій ничего, кромѣ бильярда, и всегда почти нѣсколько пьяный и Лумбергъ, финскаго происхожденія, довершали собраніе нашихъ оригиналовъ. Но Иванъ Екимовичъ, нашъ добрый подъинспекторъ Иванъ Екимовичъ Колмаковъ, былъ нашимъ утѣшеніемъ. Когда онъ появлялся, мы всегда приходили въ веселое расположеніе. Его забавныя выходки, сопровождаемыя морганьемъ и

---

*) Дядьками именовались у насъ люди, служившіе за столомъ во время обѣда и ужина. Прим. Глинки.

странными ужимками, сдѣлались извѣстны многимъ, не знавшимъ его личности. Воспитанникъ Соболевскій сочинилъ на него стихи, кои начинались такъ:

Подъинспекторъ Колмаковъ
Умножаетъ дураковъ;
Онъ глазами все моргаетъ
И жилетъ свой поправляетъ и проч.

Сей историческій кантъ пѣвали мы въ пансіонѣ во время обѣда и ужина; двѣ залы, назначенныя для трапезы (воспитанниковъ было числомъ болѣе 100 человѣкъ) были нѣсколько узки, но длинны; столы ставились по направленію длины залы, такъ что отъ одного конца до противуположнаго разстояніе было значительное. Иванъ Екимовичъ, будучи подъинспекторомъ, являлся, какъ только мы садились за столы, въ сапогахъ съ кисточками, въ сѣрыхъ брюкахъ, въ свѣтлокоричневомъ фракѣ и съ лысинкой на темени. Онъ ходилъ важно взадъ и впередъ, моргая глазами и поправляя жилетъ. Воспитаннику Соболевскому (который впослѣдствіи написалъ столько превосходныхъ эпиграмъ), вздумалось воспѣть Ив. Ек., я подобралъ на стихи модную въ то время пѣсню Кавоса: душа-ль, моя душенька; выучить ее было не трудно: напѣвъ извѣстенъ былъ всѣмъ, а стихи невольно оставались въ памяти. Хотя мы всѣ любили Ив. Ек. за его неизреченную доброту, не могли однакожъ утерпѣть, чтобы не подтрунить надъ нимъ, а «сіе тѣмъ болѣе», что Ив. Екимов. «изволили гнѣваться» (слова Ив. Ек.) весьма забавнымъ образомъ. Въ такихъ случаяхъ плоское рябоватое лицо его, съ носомъ въ родѣ пуговицы, краснѣло; судорожныя движенія при морганіи, поправленіе жилета, подымавшагося вверхъ, усиливались, а голосъ возвышался до самыхъ острыхъ и визгливыхъ нотъ сопрано.

Вотъ однажды во время транезы является Ив. Ек., ходитъ съ обычною важностію взадъ и впередъ и чтоже? нѣчто въ родѣ серенады раздается въ полъ-голоса въ одномъ изъ угловъ залы. Ив. Ек. останавливается, слушаетъ, подозрѣваетъ, слышитъ наконецъ, что упоминаютъ и о немъ, начинаетъ догадываться и рѣшительно обращаетъ шаги свои въ ту сторону, откуда раздавались звуки, напрасно! уста беззаботно, но весьма усердно жевали неприхотливыя блюда нашей скудной трапезы, а пѣснь, неумолкая, уже перешла въ противуположную сторону залы. Ив. Ек. туда — тоже усердіе къ яствамъ, а пѣснь по прежнему перенеслась въ противуположную сторону. Ив. Ек. останавливается, краснѣетъ, дрожитъ и визгливымъ дискантомъ возглашаетъ: «мальчишки! невѣжи!» и тому подобное.

Все это не мѣшало намъ однакожъ отъ времени до времени тѣшиться этимъ кантомъ и, сколько помнится, И. Ек. всегда гнѣвались, но не наказывали. Вообще онъ былъ добрый и честный человѣкъ; самъ о себѣ подъ веселый часъ говорилъ: «Ванька Колмаковъ—добрый мужикъ и честный христіанинъ,» или же: честный мужикъ и добрый христіанинъ.

Ив. Ек. любилъ общество пріятелей, не презиралъ даровъ Бахуса; по 8-му пуншу говаривалъ, что языкъ худо ворочается; однакожъ прибавлялъ: пошатнусь; валяться не люблю; довольно!

Науки были для Ив. Ек. истиннымъ наслажденіемъ, господствующею страстью; онъ все зналъ, все помнилъ, охотно заступалъ мѣсто непришедшаго профессора, и объяснялъ любому воспитаннику по малѣйшему намеку все. Даже въ чужихъ классахъ подсказывалъ нетвердо знавшимъ уроки, несмотря на неоднократные выговоры инспектора Якова Васильевича Толмачева, который не рѣдко называлъ его дуракомъ. Любовь къ наукамъ необыкновенно воодушевляла И. Е. и по мѣрѣ усиленія восторга, имъ овладѣвавшаго, языкъ его становился изобрѣтательнѣе и находчивѣе. Неожиданные обороты, затѣйливость, шутка, необыкновенная перестановка словъ и сжатость рѣчи (laconisme) были отличительной чертой его способа выраженій. Приведу здѣсь для образца его затѣйливости еще одно изъ его выраженій. Однажды, разсказывая намъ объ одномъ изъ похожденій своей юности, онъ кончилъ свой разсказъ словами: зна-

ли, но подозрѣнія не было; было извѣстно, но не подозрѣвали.

По окончаніи курса, И. Е. былъ любимымъ и всегда забавнымъ нашимъ собесѣдникомъ. Въ пансіонѣ, съ его помощью, я читалъ отрывки изъ превращеній Овидія, и ему первому обязанъ знакомствомъ съ латинской литературой.

По пріѣздѣ въ Петербургъ я учился играть на фортепьяно у знаменитаго Фильда и, къ сожалѣнію, взялъ у него только три урока, ибо онъ уѣхалъ въ Москву. Хотя я слышалъ его не много разъ, но до сихъ поръ хорошо помню его сильную, мягкую и отчетливую игру. Казалось, что не онъ ударялъ по клавишамъ, а сами пальцы падали на нихъ, подобно крупнымъ каплямъ дождя, и разсыпались жемчугомъ по бархату. Ни я, ни другой искренный любитель музыкальнаго искусства не согласится съ мнѣніемъ Листа, сказавшаго однажды при мнѣ, что Фильдъ игралъ вяло (endormi); нѣтъ, игра Фильда была часто смѣла, капризна и разнообразна, но онъ не обезображивалъ искусства шарлатанствомъ и не рубилъ пальцами котлетъ, подобно большей части новѣйшихъ модныхъ піанистовъ.

Въ три, взятые мною, урока я выучилъ его второй дивертисементъ (E-dur) и получилъ отъ него лестное одобреніе. По отъѣздѣ Фильда взяли мнѣ въ учителя ученика его Омана, который началъ со мною 1-й концертъ Фильда (Es-dur); послѣ него Цейнеръ (Zeuner) усовершенствовалъ еще болѣе механизмъ моей игры, и нѣсколько даже и стиль (способъ игры, le style). Преподаваніе же теоріи, а именно интерваловъ съ ихъ обращеніями, шло не такъ успѣшно. Цейнеръ требовалъ, чтобы я училъ его уроки въ долбяшку, а это мнѣ надоѣло, почему я впослѣдствіи взялъ въ учителя Карла Мейера, который современемъ сдѣлался моимъ пріятелемъ. Онъ болѣе другихъ способствовалъ развитію моего музыкальнаго таланта. Въ день выпуска 1822 года я сыгралъ публично А-мольный концертъ Гумеля, а Мейеръ акомпанировалъ мнѣ на другомъ роялѣ. На скрипкѣ дѣло шло не такъ удачно, хотя учитель мой, 1-й концертистъ Бемъ, игралъ вѣрно и отчетливо, однако не имѣлъ дара передавать другимъ своихъ познаній, и когда я дурно владѣлъ смычкомъ, говорилъ: Messieu Klinka, Fous ne chouerez chamais du fiolon.

Несмотря на то что я мало успѣвалъ, я уже могъ играть

въ оркестрѣ дяди. Въ 1819, 1820 и 1821 годахъ во время вакацій я посѣщалъ родителей; оркестръ дяди усовершенствовался и увеличился нѣсколькими мальчиками, которыхъ отецъ отдалъ учиться, чтобы имѣть собственную бальную музыку; сверхъ того для младшихъ сестеръ наняли гувернантку, мужъ которой, Карлъ Ѳедоровичъ Гемпель, сынъ органиста изъ Веймара, былъ хорошій музыкантъ. Онъ въ свободные часы отправлялся со мною къ дядюшкѣ Аѳанасію Андреевичу Глинкѣ; вмѣстѣ восхищались мы музыкой, но сознаюсь въ моемъ тогдашнемъ невѣжествѣ: будучи уже нѣсколько знакомъ съ увертюрами Керубини и Мегюля, съ большимъ удовольствіемъ слушалъ я увертюры Россини. Изъ нихъ Cenerentola такъ даже мнѣ понравилась, что мы съ Гемпелемъ переложили ее для фортепьяно въ 4 руки и нерѣдко потѣшались, играя ее. Около этого времени, или прежде, жилъ у насъ итальянецъ Тоди, обучавшій пѣнію и столько же плохой музыкантъ, какъ и всѣ, подобныя ему птицы пѣвчія.

Во время пребыванія въ пансіонѣ, и даже вскорѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ, родители, родственники и ихъ знакомые возили меня въ театръ; оперы и балеты приводили меня въ неописанный восторгъ; надо замѣтить здѣсь, что русскій театръ въ то время не былъ въ такомъ бѣдственномъ состояніи, какъ нынѣ *), отъ постоянныхъ набѣговъ итальянцевъ. Несвѣдущіе, но напыщенные своимъ мнимымъ достоинствомъ, итальянскіе пѣвуны не наводняли тогда, подобно корсарамъ, столицъ Европы. Къ счастію моему ихъ тогда не было въ Петербургѣ, почему репертуаръ былъ разнообразный. Я видѣлъ оперы: «Водовозъ — Керубини», «Іосифъ — Мегюля», «Жокондъ — Николо Изуаръ», «Красная шапочка — Буальдьё». Теноры Климовскій и Самойловъ, басъ Зловъ были пѣвцы весьма примѣчательные, а извѣстная пѣвица наша Сандунова, хотя уже не играла на театрѣ, но участвовала въ большихъ концертахъ и я слышалъ ее въ ораторіяхъ. Тогда я худо понималъ серьезное пѣніе, и солисты на инструментахъ и оркестръ нравились мнѣ болѣе всего.

Въ одинъ изъ пріѣздовъ моего отца въ Петербургъ, онъ по-

---

*) Писано въ 1854 году. Примѣч. Глинки.

везъ меня ко Львовымъ, и нѣжные звуки милой скрипки Алексѣя Ѳедоровича глубоко врѣзались въ моей памяти.

Въ послѣдній годъ курса около зимы 1821 на 1822 годъ пріѣхалъ въ Петербургъ дядя Аѳанасій Андреевичъ; я воспользовался неважнымъ разстройствомъ здоровья, чтобы на время переѣхать къ нему. Жили мы въ домѣ генерала Василія Васильевича Энгельгардта (племянника фельдмаршала князя Потемкина-Таврическаго); онъ благоволилъ ко мнѣ и впослѣдствіи я сохранилъ дружескія отношенія къ его сыновьямъ и ихъ семействамъ. Внукъ же генерала Василія Васильевича, Василій Павловичъ Энгельгардтъ, воспитанный въ училищѣ правовѣдѣнія, въ молодомъ возрастѣ страстно полюбилъ музыку. У него теперь хранятся всѣ мои рукописи, которыя можно было отыскать; въ копіяхъ то, что въ рукописяхъ утратилось*). Въ послѣднее время, его дѣятельной и искренней дружбѣ я одолженъ большею частію моихъ музыкальныхъ наслажденій.

Всякій разъ когда мнѣ удавалось отпроситься на нѣсколько времени изъ пансіона, я былъ чрезвычайно радъ. Старикъ генералъ меня жаловалъ; въ непродолжительномъ времени я подружился съ однолѣткой — моей двоюродной сестрой Софіей Ивановной, дѣвушкой отличнаго воспитанія, доброй, милодивной и любившей также музыку и чтеніе. Отецъ ея Иванъ Андреевичъ (братъ Аѳанасія Андреевича) былъ хорошій музыкантъ, у него былъ большой запасъ разныхъ пьесъ, преимущественно увертюръ въ 4 руки для фортепьяно; тутъ были увертюры Керубини, Мегюля, Моцарта, Ричини, Спонтини, Пера и Россини. Все это мы довольно опрятно играли и потѣшали нашихъ знакомыхъ. Я не пропускалъ случая быть гдѣ либо на концертѣ, и всякій разъ, когда только было возможно, возили меня къ П. П. Юшкову, гдѣ еженедѣльно играли и пѣли. Оркестръ, хотя не совсѣмъ полный, былъ хорошъ. Дядюшка Аѳ. Ан. повезъ меня однажды къ знаменитому Гуммелю въ бытность его въ Петербургѣ; онъ благосклонно выслушалъ, какъ я сыгралъ 1-е соло его А-мольнаго концерта. Потомъ онъ намъ импровизи-

*) Все это драгоцѣнное собраніе сочиненій Глинки въ 1867 г. В. П. Энгельгардтомъ принесено въ даръ Императорской публичной библіотекѣ и подробно описано В. В. Стасовымъ. См. отчетъ и. п. б. за 1867 годъ, гдѣ на стр. 19—55 помѣщено и самое описаніе.

ровалъ. Онъ игралъ мягко, отчетливо и какъ бы уже прежде имъ сочиненную и хорошо затверженную пьесу*).

Въ началѣ весны 1822 года представили меня въ одно семейство, гдѣ я познакомился съ молодой барыней красивой наружности; она играла хорошо на арфѣ и сверхъ того владѣла прелестнымъ сопрано. Голосъ ея не походилъ ни на какой инструментъ; это былъ настоящій, звонкій, серебряный сопрано, и она пѣла естественно и чрезвычайно мило. Ея прекрасныя качества и ласковое со мною обращеніе (она называла меня племянничкомъ, а я ее тетушкой) расшевелили мое сердце и воодушевили мое воображеніе. Она любила музыку и часто цѣлые часы, сидя подлѣ фортепьяно, когда я игралъ съ дядею, подпѣвала намъ, въ любимыхъ ею мѣстахъ, своимъ звонко серебрянымъ голосомъ. Желая услужить ей, вздумалось мнѣ сочинить варьяціи на любимую ею тему (C-dur) изъ оперы Вейгля «Швейцарское семейство». Вслѣдъ затѣмъ написалъ я варьяціи для арфы и фортепьяно на тему Моцарта Es-dur. Потомъ собственнаго изобрѣтенія вальсъ для фортепьяно F-dur**); болѣе этого не помню, знаю только, что это были первыя мои попытки въ сочиненіи, хотя я еще не зналъ генералъ-баса, и что я тогда въ первый разъ познакомился съ арфою, прелестнымъ инструментомъ, если его употреблять во время. Это поэтическое препровожденіе времени отвлекало меня отъ дѣла и я всегда находилъ способъ въ послѣдній годъ пребыванія въ пансіонѣ, подъ предлогомъ болѣзни, гостить у дядюшекъ; до того же времени я учился примѣрно, велъ себя хорошо, былъ любимъ столько же товарищами, сколько отличенъ профессорами. Въ 19, 20 и 21 годахъ получилъ на экзаменахъ похвальные листы, гравюру и другія награды. Кстати о гравюрѣ. Въ рисованіи я, безъ сомнѣнія, дошелъ бы до нѣкоторой степени совершенства, но академики Безсоновъ и Сухановъ замучили меня огромными головами и, требуя рабскаго подражанія штрихъ въ штрихъ, довели до того, что я просто

*) На полѣ рукою Глинки написано карандашомъ: «отзывъ о Мейерѣ».

**) Изъ этихъ пьесъ, по свидѣтельству В. В. Стасова (Р. В. 1857 г. № 20, стр. 792), уцѣлѣли только варіяціи для арфы съ фортепіано, записанныя вновь Глинкою въ 1854 году по воспоминаніямъ сестры его Л. И. Шестаковой, игравшей ихъ въ дѣтствѣ.

отказался отъ ихъ уроковъ. Математику я разлюбилъ, когда дошелъ до аналитики; уголовное и римское право мнѣ вовсе не нравилось. Въ танцахъ я былъ плохъ, равно какъ и въ фехтованіи; нашими учителями были Северврикъ и Гавеманъ; первый часто говаривалъ: ей, Глинка, заколю! и дѣйствительно кололъ меня.

Преимущественно я успѣвалъ въ языкахъ: нѣмецкій выучилъ въ полгода, къ изумленію профессора; латинскій съ И. Е., англійскій и персидскій съ профессоромъ Джіафаромъ шли удачно. Географію зналъ хорошо, — исторію порядочно. Естественныя науки, въ особенности зоологію, любилъ страстно. Еще до пансіона я началъ замѣчать дивное разнообразіе естественныхъ произведеній. У дяди Аѳ. Андр. было множество птицъ въ клѣткахъ и въ отдѣленной сѣткою части гостинной, гдѣ онѣ летали. Я любилъ смотрѣть на нихъ и слушать ихъ пѣніе. Намъ досталось также множество птицъ, по наслѣдству, отъ дяди (брата моего отца). Въ самый годъ отъѣзда изъ деревни въ Петербургъ у меня уже летали птицы по комнатѣ, а когда мы жили у Калинкина моста—надъ мезониномъ, гдѣ я былъ помѣщенъ, какъ уже было сказано, отцемъ моимъ, въ большомъ чердакѣ, мезонину принадлежавшемъ, разведены были разнаго рода голуби и кролики, которые тамъ превосходно водились. Болѣе же всего способствовало развитію страсти моей къ зоологіи посѣщеніе нами кунсткамеры, подъ руководствомъ профессора Зембницкаго, который объяснялъ намъ предметы.

За нѣсколько времени до выпуска я принялся за науки, надѣясь на мою память, но догнать товарищей было невозможно. Математику я давно оставилъ, и очень хорошо помню, что изъ уголовнаго права выучилъ только одну статью; на вопросъ профессора отвѣчалъ ему совсѣмъ не то, о чемъ онъ спрашивалъ, но такъ ловко, что экзаменаторъ, профессоръ Зябловскій, остался мною доволенъ, несмотря на худо скрытый гнѣвъ профессора правъ. Однимъ словомъ, отчасти за прежнія заслуги, отчасти отъ ловкихъ моихъ увертокъ произошло, что въ началѣ лѣта 1822 года я былъ выпущенъ первымъ, съ правомъ на чинъ 10-го класса.

ПЕРІОДЪ V.

Отъ выпуска изъ пансіона до первой поѣздки за границу.

Я не сейчасъ вступилъ по выпускѣ на службу; кажется, навѣстилъ родителей и, возвратившись въ Петербургъ, поселился не подалеку отъ бывшаго нашего прежняго инспектора Линдквиста, у котораго завтракалъ и обѣдалъ за условленную плату. Отецъ желалъ, чтобы я служилъ по иностранной коллегіи, которая въ то время считалась почетнѣйшею службою. А. А. Линдквистъ участвовалъ въ редакціи «Journal de St.-Pétersbourg» и могъ быть мнѣ весьма полезенъ, познакомивъ меня съ французскимъ дипломатическимъ языкомъ. Плохо однакоже шли наши занятія; мнѣ этотъ языкъ, вовсе не поэтическій, казался чѣмъ-то дикимъ и никакъ не входилъ въ голову; съ Мейеромъ и даже Бёмомъ напротивъ того я быстро успѣвалъ. Не помню однакожъ, сочинилъ ли я что въ это время и учился ли теоріи? Помню очень хорошо, что я взялъ нѣсколько уроковъ у Фукса, но когда то было, опредѣлить не могу.

Въ началѣ марта 1823 года отецъ извѣстилъ меня, что ему угодно было, чтобы я воспользовался представившимся удобнымъ случаемъ для поѣздки на Кавказъ, чтобы пользоваться тамъ минеральными водами. Въ одну изъ моихъ поѣздокъ изъ пансіона къ родителямъ во время вакацій, будучи у замужней двоюродной сестры, которую лечили (и потомъ вылечили) магнетизмомъ въ одинъ изъ сеансовъ, въ состояніи ясновидѣнія она сказала, что для моего золотушнаго расположенія мнѣ будутъ полезны кавказскія минеральныя воды. Я немедленно собрался въ путь, тѣмъ болѣе, что отъѣздъ дяди моего Ивана Андреевича, съ двумя дочерьми Софьею и Евгеніею Ивановнами, представилъ мнѣ весьма удобный и пріятный способъ доѣхать до нашего села Новоспасскаго. Выѣхавъ въ мартѣ, т.-е. въ самую распутицу, едва подвигались мы въ четырехъ-мѣстной старинной крытой линейкѣ съ фартуками. Путешествіе это было пріятно. Съ Софіей Ивановной я былъ друженъ, а Евгенія Иван., только-что выпущенная изъ Екатерининскаго института, была премилая и презабавная дѣвушка. Малѣйшее приключеніе давало поводъ къ смѣху или непритворной радости. Такъ напр.: однажды, остановясь ночью на станціи, мы застали тамъ нѣ-

сколько кадетъ; одинъ изъ нихъ былъ лунатикъ и каждую ночь имѣлъ привычку прятать сапоги своихъ товарищей. Потомъ въ 400 верстахъ наша линейка увязла въ полурастопившемся снѣгу, такъ что впряженныя почтовыя лошади вытащить ее не могли; пришлось посылать искать помощи. Къ счастію это случилось не подалеку отъ богатаго помѣщика Жеребцова, который прислалъ за нами прекрасныхъ лошадей съ экипажами и потомъ нѣсколько дней продержалъ насъ, угощая съ невыразимымъ радушіемъ. Самъ онъ былъ человѣкъ веселый и словоохотливый, любилъ жить весело; былъ у него домашній театръ, представленія на которомъ были забавны, но еще забавнѣе были репетиціи; такъ напр.: на репетиціи «Русалки» Кауера явились актеры-дворовые люди, въ самыхъ разнообразныхъ фантастическихъ костюмахъ, каждый въ соотвѣтствующемъ его должности или занятію.

Доѣхавъ до дому, я пробылъ тамъ до послѣднихъ чиселъ апрѣля. Отецъ снабдилъ меня коляской, далъ мнѣ человѣка (моего бывшаго дядьку, по имени Илью) и повара Аѳанасія. Выѣхавъ изъ дому въ сырую и свѣжую погоду, чрезъ нѣсколько дней, около Орла повѣяло теплымъ дыханіемъ весны, а переѣхавъ Оку, очутился я уже въ другой, новой для меня, южной полосѣ. Дубовыя рощи замѣнили наши березовыя; по оврагамъ, вмѣсто лозы, начали появляться груши, яблони и вишни въ цвѣту; видъ полей и деревень съ бѣленькими мазанками, вмѣсто черныхъ бревенчатыхъ избъ, не регулярно тянущихся, но живописно разбросанныхъ, все это тѣшило взоръ днемъ, а ночью ясное, усѣянное ярко-блестящими звѣздами, небо восхищало меня. Такимъ образомъ прибылъ я въ Харьковъ къ 10 мая. Отецъ желалъ, чтобы я отправился на Кавказъ, потому что ѣхалъ туда знакомый его, человѣкъ образованный и солидный, бывшій управляющій смоленской удѣльной конторы, Петровскій-Муравскій, и въ тоже время одинъ изъ смоленскихъ врачей, Лазарь Петровичъ Быковскій отправлялся туда же съ семействомъ. Съ первымъ изъ нихъ я долженъ былъ съѣхаться въ Харьковѣ; чтобы не терять времени я, по совѣту одного петербургскаго знакомаго, отрекомендовался, сколько умѣлъ, г-ну Витковскому, у котораго былъ въ то время весьма хорошій музыкальный магазинъ въ Харьковѣ. Сыгравъ 1-ое соло концерта

A-moll Гуммеля, я произвелъ столь пріятное впечатлѣніе, что сейчасъ же познакомился съ музыкальнымъ семействомъ хозяина и меня, до самаго пріѣзда ожидаемаго мною товарища, потѣшали музыкою.

Наконецъ прибылъ товарищъ съ братомъ своимъ, и мы отправились далѣе; вскорѣ безпредѣльныя степи смѣнили живописную Украину; мы переѣхали Донъ въ Оксаѣ и очутились въ Азіи, что несказанно льстило моему самолюбію. Скажу однакожъ, что до самаго прибытія на сѣрныя воды (нынѣ Пятигорскъ), взоръ не находилъ предметовъ пріятныхъ, напротивъ, почти ничего не было видно, кромѣ безпредѣльныхъ степей, заросшихъ густой высокой ароматической травой. Видъ теперешняго Пятигорска былъ въ то время совершенно дикій, но величественный; домовъ было мало, церквей, садовъ вовсе не было; но также, какъ и теперь, тянулся величественно хребетъ кавказскихъ горъ, покрытыхъ снѣгомъ, также по равнинѣ извивался ленточкой Подкумокъ и орлы во множествѣ ширяли по ясному небу. Я съ товарищами поселился въ скромномъ домикѣ. Житье было пріятное; товарищъ привезъ запасъ книгъ, кухня была въ порядкѣ, отличная баранина, куры, дичь и превосходнѣйшія овощи, давали нашимъ поварамъ возможность хорошо кормить насъ, а сантуринское вино (которое я и теперь еще пью охотно)*) замѣняло намъ дорогія фряжскія вина. Вообще мнѣ тамъ было хорошо, особенно въ Пятигорскѣ. Между прочимъ я видѣлъ пляску черкешенокъ, игру и скачку черкесовъ мирныхъ ауловъ, разумѣется. Были у меня также ручныя дикія козочки.

Вскорѣ по пріѣздѣ мы приступили къ леченію, т.-е. начали брать теплыя сѣрныя ванны и пить воду изъ такъ-называемаго кисло-сѣрнаго источника. Впослѣдствіи я купался, или, лучше, варили меня въ ваннѣ, изсѣченной еще черкесами въ камнѣ, откуда шла струя сѣрной воды въ 37 или 38 градусовъ по Реомюру. Товарищу вóды чрезвычайно помогли и поставили его на ноги (онъ съ трудомъ двигался). Вѣроятно и я бы получилъ отъ нихъ значительную пользу, если бы сообразовались съ моимъ

---

*) На полѣ рукою Глинки написано карандашомъ: «Тимковскій и представленіе князю Меншикову».

слабонервнымъ сложеніемъ и заставляли бы меня меньше пить и купаться въ водѣ, разведенной съ прохлажденною прежде, какъ то дѣлается въ Ахенѣ.

Взявши нѣсколько ваннъ кисло-сѣрныхъ, отправились мы на желѣзныя воды, расположенныя посреди лѣсовъ на площадкѣ на половинѣ горы. Мѣстоположеніе этихъ водъ дикое, но чрезвычайно живописное; былъ тогда одинъ только деревянный домъ для помѣщенія пользующихся; кто не находилъ тамъ пристанища, разбивалъ палатку изъ войлока, и ночью, когда блистали огоньки, площадка эта походила на кочевье дикихъ воиновъ. Остатокъ горы до самой вершины покрытъ былъ густымъ лѣсомъ; дикій виноградникъ оплеталъ цѣлыя купы кустарниковъ и мелкихъ деревьевъ; орлы летали почти надъ головами. Однажды я видѣлъ, какъ туча, пронесшаяся въ нашу сторону, покрыла насъ всѣхъ своимъ густымъ туманомъ.

Послѣ нѣсколькихъ ваннъ желѣзной воды въ 32 градуса по Реомюру, я началъ чувствовать себя дурно, а вскорѣ жестокія головныя боли принудили меня, равно какъ и товарища оставить эти воды. Мы отправились въ Кисловодскъ и, помнится, ѣхали съ конвоемъ и пушкою, что объясняется тѣмъ, что въ слѣдующемъ 1824 году черкесы учинили сильное нападеніе и вырѣзали нѣсколько близълежащихъ деревень.

Мѣстоположеніе Кисловодска веселѣе Пятигорска; но въ мое время было тамъ еще мало домовъ, а деревъ вовсе не было. На плоскихъ вершинахъ пригорковъ, расположенныхъ грядами, и весьма похожихъ на окружающіе въ Кастиліи городъ Вальядолидъ (paramos) парамосъ, густая ароматическая трава (въ іюлѣ и августѣ), когда на равнинахъ все уже выгорѣло отъ зноя, возвышалась такъ, что покрывала коня съ всадникомъ до шапки.

И здѣсь надлежало пить воду и купаться въ Нарзанѣ (8 град. по Реомюру), и здѣсь дѣло шло столь же неудачно, какъ на желѣзныхъ водахъ. Скоро я почувствовалъ лишеніе сна и апетита, и докторъ Быковскій самъ убѣдился, что мнѣ Нарзанъ вреденъ и чтобы исправить разстроенный желудокъ, пользовалъ меня (не безъ успѣха), горькими, настоенными въ винѣ, травами; сонъ же пе могъ такъ скоро возвратиться, отчасти отъ того, что не легко успокоить однажды раздраженные нервы, а

также и отъ земляныхъ блохъ, которыя по ночамъ не давали мнѣ возможности сомкнуть глазъ.

На обратномъ пути, разставшись съ товарищами въ Харьковѣ, я почувствовалъ, приближаясь къ Орлу, лихорадочные припадки, и остановясь, по прибытіи въ Орелъ, у знакомаго купца, занемогъ лихорадкою съ нарывами на мѣстахъ, гдѣ были отъ рожденія лишаи. Чрезъ нѣсколько дней болѣзнь миновалась сама собою, а съ ней исчезли и лишаи. Полагали, что я радикально вылеченъ, но весьма ошиблись, какъ это окажется впослѣдствіи.

Въ началѣ сентября я возвратился въ Новоспасское и, отдохнувъ, съ новымъ рвеніемъ принялся за музыку. Во время путешествія, продолжавшагося четыре мѣсяца, въ одномъ только Харьковѣ у меня было фортепьяно, а на скрипкѣ я игралъ весьма неудовлетворительно. Сверхъ того раздражительное дѣйствіе минеральныхъ водъ, и множество новыхъ впечатлѣній возбудили мое воображеніе, и я принялся за дѣло слѣдующимъ образомъ.

Чтобы добиться болѣе отчетливаго исполненія, всякій разъ, когда пріѣзжали музыканты (а это было приблизительно два раза въ мѣсяцъ, причемъ они оставались нѣсколько дней, а иногда около недѣли), прежде общей пробы, я проходилъ съ каждымъ музыкантомъ (исключая немногихъ лучшихъ) его партію, до тѣхъ поръ, пока не было ни одной невѣрной или даже сомнительной ноты въ исполненіи. Такимъ образомъ я подмѣтилъ способъ инструментовки большей части лучшихъ композиторовъ для оркестра (Глюка, Генделя и Баха я зналъ только по наслышкѣ). Потомъ слышалъ общій эфектъ пьесы, ибо, производя первыя пробы вмѣстѣ, я самъ управлялъ оркестромъ, играя на скрипкѣ. Когда же пьеса шла порядочно, я отходилъ на нѣкоторое разстояніе и слѣдилъ такимъ образомъ эфектъ изученной уже инструментовки. Репертуаръ состоялъ по большей части изъ увертюръ, симфоній, а иногда игрались и концерты.

Изъ увертюръ были: Cherubini: Medea, Hotellerie portugaise, Faniska, Lodoiska, Les deux journées, первыя двѣ были моими любимыми; Mehul: Joseph, Le trésor supposé, L'irato; Mozart: Don Juan, Zauberflöte, Clemenzo di Tito, Nozze de Figaro; Beethoven: Fidelio (E-dur); Bernard Romberg (Es-

dur) и Маурера (Es-dur, въ которой недоставало альтовой партіи и я, разложивъ остальныя партіи по стульямъ и сравнивая ихъ, написалъ альтъ и полагаю, совершенно безошибочно). Симфоній было три: Гайдна B-dur, Моцарта G-moll, и Beethoven вторая D-dur. Эту послѣднюю я любилъ въ особенности. Россини увертюръ уже не играли.

Въ послѣднее время пребыванія моего въ Петербургѣ, Мейеръ значительно развилъ мой музыкальный вкусъ. Онъ не ограничился только тѣмъ, что, требуя отъ меня отчетливаго и непринужденнаго исполненія, возставалъ рѣшительно противъ изысканнаго и утонченнаго выраженія въ игрѣ, но также по возможности соображаясь съ тогдашними моими понятіями, объяснялъ мнѣ естественно и безъ педантства достоинство пьесъ, отличая классическія отъ хорошихъ, а сіи послѣднія отъ плохихъ. О сочиненіи вообще, о генералъ-басѣ, контрапунктѣ и другихъ условіяхъ хорошаго способа писать, мои понятія были столь неопредѣленны, что я принимался за перо, не зная ни съ чего начать, ни какъ и куда идти. Я предпринялъ писать сперва Септетъ, потомъ Adagio и Rondo для оркестра. Если эти пьесы уцѣлѣли между хранящимися у В. П. Энгельгардта моими манускриптами, то могутъ послужить только доказательствомъ моего тогдашняго невѣжества въ музыкѣ *).

Въ мартѣ или апрѣлѣ 1824 года, я возвратился въ Петербургъ; приискавъ квартиру въ Коломнѣ, не спѣшилъ однакожъ опредѣленіемъ на службу. Со мною, кромѣ дядьки Ильи, было двое музыкантовъ: одинъ изъ нихъ Яковъ, впослѣдствіи извѣстный всѣмъ по каррикатурамъ Н. А. Степанова, игравшій нѣсколько на віолончелѣ, и братъ его Алексѣй, уже довольно порядочный скрипачъ. Сему послѣднему наняли въ учителя перваго скрипача оркестра В. В. Юшкова; я же съ новымъ рвеніемъ принялся за фортепьяно и скрипку. Карлъ Мейеръ уже не давалъ мнѣ уроковъ; онъ сказалъ однажды: «Vous avez trop de talent pour que je vous donne des leçons. Venez en ami tous les jours et nous ferons de la musique ensemble». Я съ искреннею признательностью вспоминаю объ этихъ дружескихъ выраженіяхъ, которыя оправдались на дѣлѣ; я посѣщалъ почти еже-

---

*) Пьесы эти утрачены. Р. В. 1857. № 20, стр. 792.

дневно Мейера, который жилъ съ матерью своею и сестрами; съ старшей изъ нихъ Henriette (потомъ m-me Garegnani), я не рѣдко игрывалъ въ 4 руки. Мейеръ же самъ попрежнему задавалъ мнѣ разныя пьесы, иногда свои, а чаще еще Гуммеля. Весьма терпѣливо разсматривая мои опыты въ сочиненіи, онъ объяснялъ мнѣ, сколько умѣлъ, правила искусства; никогда однакоже не ставилъ себя и своего стиля образцами, напротивъ того: Моцартъ, Керубини, Бетховенъ и другіе классики были въ такихъ случаяхъ указываемы имъ, какъ высшая степень совершенства. Былъ въ то время въ Петербургѣ знаменитый контрапунктистъ Миллеръ, но мнѣ какъ-то не удавалось познакомиться съ нимъ. Какъ знать! можетъ быть оно и лучше. Строгій нѣмецкій контрапунктъ не всегда соглашается съ пылкой фантазіей *).

Въ началѣ весны тогоже 1824 года, я встрѣтился съ однимъ дальнимъ родственникомъ, который представилъ меня въ домъ зятя своего (beau-frère), бывшаго тогда правителемъ канцеляріи совѣта путей сообщенія. У него было вакантное мѣсто помощника секретаря съ приличнымъ окладомъ. Отецъ въ то время съ трудомъ удовлетворялъ моимъ издержкамъ на уроки музыки и языковъ; при томъ, думалъ я, начать службу гдѣ бы ни было — все равно; потомъ можно будетъ перейти и въ коллегію иностранныхъ дѣлъ; да правду сказать, не чувствовалъ я особеннаго призванія къ дипломатической службѣ. Такимъ образомъ, 1824 г. мая 7-го дня я вступилъ въ службу въ канцелярію совѣта путей сообщенія, помощникомъ секретаря. Это обстоятельство имѣло важное вліяніе на судьбу мою. Съ одной стороны я долженъ былъ находиться въ канцеляріи только отъ 5 до 6 часовъ въ день; работы на домъ не давали, дежурства и отвѣтственности не было; слѣдственно все остальное время я могъ предаваться любимымъ моимъ занятіямъ, въ особенности музыкѣ. Съ другой стороны, мои отношенія по службѣ доставили мнѣ въ короткое время знакомства весьма полезныя въ музыкальномъ отношеніи.

Въ канцелярію нашу поступали дѣла изъ департамента, которыя у насъ приготовлялись для доклада совѣта, состоявшему

---

*) Прежде было написано: «не всегда полезенъ пылкой фантазіи».

изъ 4-хъ генераловъ; старшій членъ былъ графъ Сиверсъ, человѣкъ ученый, любознательный, большой любитель музыки и, что еще лучше, хорошей классической музыки. Графиня Сиверсъ пѣла перваго сопрано; у нея былъ голосъ вѣрный, звонкій и пріятный. Второй сопрано пѣла г-жа Крюковская. Братъ графини Крюднеръ и Гиппіусъ, оба хорошіе музыканты, пѣли басовыя партіи. Перваго тенора — братъ Гиппіуса, а, когда случалось нужно, я пѣлъ второго тенора; исполняли только классическія пьесы, между прочимъ Финалъ «Водовоза» 1-го акта, въ коемъ участвовалъ и я, въ партіи Антоніо. Аккомпанировалъ обыкновенно Мейеръ на фортепьяно. Кромѣ пѣнія, иногда исполняли и другія пьесы; я помню, что въ одинъ изъ музыкальныхъ вечеровъ произвели 2 квинтета: одинъ Моцарта, а другой Бетховена (оба Es-dur) съ духовыми инструментами. Кромѣ дома графа Сиверса, гдѣ меня принимали чрезвычайно радушно, у меня было много другихъ знакомствъ, которыя доставилъ мнѣ домъ правителя нашей канцеляріи, Александра Николаевича Бахтурина.

Въ теченіи лѣта 1824 года, я переѣхалъ въ домъ Фалѣева (тоже въ Коломнѣ) и вскорѣ перешелъ ко мнѣ родственникъ Александръ Ивановичъ Кипріяновъ (мужъ двоюродной сестры, которую лечили магнетизмомъ), человѣкъ чрезвычайно умный, образованный и пріятный. Видя, съ какою неистовою страстью я предавался композиціи, онъ старался отклонить меня отъ этой, по его мнѣнію, пагубной склонности, увѣряя, что талантъ исполненія на фортепьяно и скрипкѣ, кромѣ собственнаго удовольствія, дѣйствительно можетъ доставить мнѣ пріятныя и полезныя знакомства, а отъ композиціи, говорилъ онъ, кромѣ зависти, досады и огорченій, ничего не должно надѣяться. Я отчасти извѣдалъ справедливость его словъ.

Мы съ Александромъ Ивановичемъ были свидѣтелями наводненія 1824 года 7 ноября. При первомъ появленіи воды на улицахъ народъ шелъ отъ обѣдни, и барыни подымали платья до колѣна, что насъ забавляло. Когда же вода начала значительно прибывать, я обратился къ жившимъ надо мною (наша квартира была въ нижнемъ этажѣ), съ просьбою позволить на время перенести мой рояль къ нимъ. Экономка нѣмка, остававшаяся за отсутствіемъ барыни, ломала руки и плакала горь-

ко, сопровождая оханья соболѣзнованіями объ утонувшей коровѣ на ломаномъ нѣмецко-русскомъ языкѣ. Рояль перенесли, но вода, достигнувъ порога моей квартиры, начала убывать.

Мужской компаніи я тогда не любилъ; предпочиталъ же общество дамъ и молодыхъ дѣвицъ, коимъ нравился мой музыкальный талантъ. Я скоро убѣдился въ необходимости умѣть танцовать, и началъ учиться у Гольца, занимался съ нимъ около двухъ лѣтъ и дошелъ до entrechat double и ailes de pigeons и до другихъ па, коими въ то время франтили ловкіе танцоры.

Около того же времени, или нѣсколько позже, не помню, я познакомился съ итальянскимъ пѣвцомъ Belloli и началъ у него учиться пѣнію (итальянскому). Голосъ мой былъ сиплый, нѣсколько въ носъ и неопредѣленный, т.-е. ни теноръ, ни баритонъ. Скажу, что хотя слухъ былъ у меня отличный, въ первые мѣсяцы отъ непривычки слышать себя, я пѣлъ невѣрно. Беллоли училъ хорошо, и владѣлъ еще голосомъ достаточно, такъ что могъ самъ пѣть все, чему училъ меня. Музыку buffa я вскорѣ началъ исполнять очень порядочно.

Несмотря на частыя занятія съ Мейеромъ, его объясненія и постоянное глубокое напряженіе, съ которымъ я трудился, въ сочиненіи все еще не было толку. Помню, что въ это время я написалъ квартетъ для двухъ скрипокъ, альта и віолончели (D-dur), но эта попытка удалась не лучше прежнихъ.

Въ 1825 году, я познакомился съ семействомъ княгини Хованской. Старшій сынъ ея Юрій Сергѣевичъ воспитывался въ Царскосельскомъ Лицеѣ; я съ нимъ подружился и въ короткое время былъ принятъ въ домѣ, какъ родной. Кромѣ дочерей и родственницъ, жила у нихъ въ домѣ дѣвица Лигле, изъ Вѣны; она учила музыкѣ дочерей княгини, превосходно играла съ листа (à livre ouvert) и аккомпанировала. Съ ней я много игралъ въ 4 руки, большею частію квартеты Гайдна, симфоніи Гайдна, Моцарта и даже нѣкоторыя пьесы Бетховена. Они тогда жили въ Царскомъ Селѣ; я иногда пріѣзжалъ къ нимъ на нѣсколько дней: мое появленіе приводило всѣхъ въ радость; знали, что гдѣ я, тамъ скуки не будетъ. Дѣйствительно, я умѣлъ въ то время (милое время!) разнообразно потѣшать моихъ знакомыхъ, въ особенности удачнымъ исполненіемъ сценъ изъ оперъ буффа.

Я познакомился также съ Д. П. Демидовымъ, котораго

дочь, Елена Дмитріевна, считалась, по справедливости, одной изъ первыхъ пѣвицъ-любительницъ въ столицѣ. Она владѣла чрезвычайно могучимъ контральто, но могла также исполнять и партіи сопрано. Лигле обыкновенно сопровождала пѣніе на фортепьяно, а Беллоли весьма часто пѣвалъ съ нею дуэты различныхъ maestro.

По всей справедливости я много обязанъ музыкальнымъ упражненіямъ въ домѣ Демидова.

Около этого времени я написалъ первое allegro сонаты D-moll для фортепьяно съ альтомъ. Это сочиненіе опрятнѣе другихъ, и я производилъ эту сонату съ Беллоли и Лигле; въ послѣднемъ случаѣ я игралъ на альтѣ. Adagio написано было позже, а Rondo, мотивъ котораго въ русскомъ родѣ памятенъ мнѣ до сихъ поръ, я и не принимался писать (я недавно помѣстилъ его въ Дѣтской полькѣ).

Первая неудачная попытка въ сочиненіи съ текстомъ относится къ этому времени. Это былъ романсъ на слова Константина Александровича Бахтурина, сына правителя нашей канцеляріи. Когда же сочиненъ мною первый удачный романсъ: «Не искушай меня безъ нужды» (слова Баратынскаго)—не помню, по соображенію полагаю, что я написалъ его около этого времени, т.-е. въ теченіи 1825 года. Въ концѣ лѣта я переѣхалъ на Загородный проспектъ, въ домъ Нечаевой, на квартиру Александра Яковлевича Римскаго-Корсака, пансіоннаго товарища и земляка. Квартира наша, очень уютная, находилась во второмъ этажѣ (au premier) маленькаго флигеля на дворѣ; къ нему принадлежалъ садъ, которымъ мы имѣли право пользоваться, въ саду была бесѣдка съ назидательною надписью: «Не пошто далече, и здѣсь хорошо».

«Въ концѣ этого года я встрѣчался иногда съ нѣкоторыми изъ прежнихъ товарищей; одинъ изъ нихъ упрекалъ меня за то, что я оставилъ серьезныя занятія, чтобы терять драгоцѣнное время въ суетности, какъ говорилъ онъ, въ забавахъ. Я помню, что отвѣтилъ ему въ такомъ смыслѣ, что успѣю себѣ и послѣ, а теперь считаю приличнымъ соображаться съ наклонностями своими и возрастомъ. Этотъ самый товарищъ былъ жертвою своего легкомыслія; онъ былъ приговоренъ къ лишенію чиновъ, дворянства и сосланъ въ Сибирь въ 1826 году.

«Декабря 14-го, рано утромъ зашелъ къ намъ старшій сынъ Линдквиста (бывшаго у насъ инспекторомъ въ пансіонѣ); мы пошли на площадь и видѣли, какъ Государь вышелъ изъ дворца. До сихъ поръ у меня ясно сохранился въ душѣ величественный и уваженіе внушающій видъ нашего Императора; я до тѣхъ поръ никогда не видалъ его. Онъ былъ блѣденъ и нѣсколько грустенъ; сложивъ спокойно руки на груди, пошелъ онъ тихимъ шагомъ прямо въ средину толпы, и обратился къ ней съ словами: «дѣти, дѣти, разойдитесь!» Мы пробыли на площади нѣсколько часовъ, потомъ я, вынужденный голодомъ (ибо не завтракалъ), отправился къ Бахтуринымъ. Можетъ быть, это, повидимому неважное, обстоятельство спасло меня отъ смерти или увѣчья; вскорѣ раздались пушечные выстрѣлы, направленные противъ мятежниковъ. Нѣсколько дней спустя въ полночь послышался шумъ у воротъ, растворилась дверь квартиры и полковникъ Варенцовъ, дежурный штабъ-офицеръ нашего вѣдомства, повелительнымъ голосомъ приказалъ мнѣ явиться немедленно къ его высочеству. Вообразите меня, едва проснувшагося, вовсе незнавшаго въ чемъ дѣло, прибавьте, что между мятежниками были очень знакомые мнѣ люди, однимъ словомъ, я почувствовалъ (хотя на короткое время) то чувство, которые мы называемъ страхомъ. Сердце замерло, а душа, какъ говорится, ушла въ пятки. Оправясь, въ минуту я одѣлся, и во время переѣзда къ главнокомандующему путями сообщеній герцогу Виртембергскому, брату вдовствующей императрицы Маріи Θеодоровны, я попросилъ полковника сказать мнѣ, въ чемъ меня обвиняютъ. Одного слова достаточно было, чтобы меня успокоить; вотъ въ чемъ было дѣло.

«У Кюхельбекера*) (бывшаго нашего гувернера), участвовавшаго въ мятежѣ, было два племянника (сына его сестры Устиньи Карловны), Дмитрій и Борисъ Григорьевичи. Онъ убѣжалъ, его искали и подозрѣвали, что онъ укрывался въ столицѣ у одного изъ племянниковъ**). Мнѣ легко было въ двухъ сло-

---

*) Въ подлинникѣ вычеркнуто слѣдующее примѣч. Глинки: «Кюхельбекеръ былъ у насъ въ мезонинѣ сначала особеннымъ для меня съ товарищами гувернеромъ, потомъ преподавалъ синтаксисъ и сочиненіе на русскомъ языкѣ».

**) Въ подлинникѣ вычеркнуты Глинкой слѣдующія слова: «Убѣжденный сколько въ ихъ добрыхъ качествахъ, столько и въ томъ, что они...»

вахъ отклонить отъ меня подозрѣніе, тѣмъ болѣе, что Дмитрій и Борисъ были дѣти Григорія Андреевича Глинки, бывшаго кавалеромъ при государѣ Николаѣ Павловичѣ, когда онъ былъ еще великимъ княземъ, воспитывались на казенный счетъ и отличались особеннымъ благонравіемъ. Все это я спокойно и на довольно опрятномъ французскомъ языкѣ, въ коемъ я усовершенствовался съ помощью бывшаго гувернера дѣтей княгини Хованской*) объяснилъ герцогу; онъ ласково выслушалъ и отпустилъ меня» **).

Въ концѣ декабря мы съ Корсакомъ отправились въ деревню; я—по случаю помолвки старшей сестры моей Пелагеи Ивановны съ нашимъ сосѣдомъ Яковомъ Михайловичемъ Соболевскимъ, милымъ и образованнымъ человѣкомъ.

Вскорѣ по пріѣздѣ въ деревню, я съ родными поѣхалъ въ Смоленскъ. Мы остановились на квартирѣ родственника, Алексѣя Андреевича Ушакова, человѣка веселонравнаго и радушнаго, но когда онъ разсказывалъ что бы то ни было, то преувеличивалъ по степени повѣствованія до самой нелѣпой лжи, приводя иногда, для удостовѣренія другихъ, въ свидѣтели даже слугъ своихъ. 18-лѣтняя дочь его, миловидная дѣвушка, играла хорошо на фортепьяно; во время моего пребыванія у нихъ, музыка, разумѣется, была въ ходу. Въ угожденіе моей милой племянницѣ я написалъ для фортепьяно варьяціи на итальянскій, въ тогдашнее время модный романсъ «Benedetta sia la madre» (E-dur). Эти варьяціи были нѣсколько исправлены Мейеромъ, и впослѣдствіи отданы въ печать (когда именно, не помню). Такимъ образомъ это была первая пьеса моего сочиненія, появившаяся въ печати. Въ числѣ семействъ, жившихъ тогда въ Смоленскѣ, было семейство генерала въ отставкѣ Апухтина. Онъ любилъ жить открыто; а такъ какъ, по случаю всеобщаго траура, танцы не были допущены, то выдумалъ дать представленіе согласно съ тогдашними обстоятельствами, а именно: прологъ на кончину императора Александра и восшествіе на престолъ

*) Онъ назывался Romulus Godefroi и, какъ говорилъ, naquit du temps de la terreur. Онъ жилъ съ нами. Примѣч. Глинки.

**) Все мѣсто, отмѣченное у насъ ковычками, въ подлинной рукописи зачеркнуто самимъ Глинкою.

государя Николая Павловича. Слова сочинены были на французскомъ языкѣ гувернеромъ въ домѣ генерала, музыка была поручена мнѣ; она состояла изъ хора C-moll, аріи B-dur, долженствовавшей быть заключеніемъ пролога съ торжественнымъ хоромъ, также B-dur. Вся эта музыка была съ аккомпанементомъ фортепьяно и контрабаса, на фортепьяно игралъ К. Ѳ. Гемпель и пѣлъ высокаго тенора въ хорѣ C-moll. Арію B-dur, одѣтый геніемъ (не помню, былъ ли факелъ и крылья), пѣлъ я. Несмотря на нѣкоторыя неловкости (gaucheries), несообразность тоновъ C-moll и B-dur, я считаю эту кантату первымъ удачнымъ опытомъ въ вокальной музыкѣ большого размѣра. Я писалъ искренно и помню, что эта пьеса довольно вѣрно выражаетъ слова*).

Послѣ свадьбы сестры я снова отправился въ Смоленскъ повеселиться на масляной недѣлѣ. Возвратясь домой, я завелъ птицъ разнаго рода; ихъ было до 16-ти, между прочими, варакушка, ольшанка, черноголовка и другія этого рода (genre fauvette).

По вечерамъ и въ сумерки любилъ я мечтать за фортепьяно. Сантиментальная поэзія Жуковскаго мнѣ чрезвычайно нравилась и трогала меня до слезъ (вообще говоря, въ молодости я былъ парень романическаго устройства, и любилъ поплакать сладкими слезами умиленія). Кажется, что два тоскливыхъ моихъ романса: «Свѣтитъ мѣсяцъ на кладбищѣ» и «Бѣдный Пѣвецъ» были написаны въ это время (на слова Жуковскаго), весною 1826 года.

Въ маѣ того же 1826 года, я снова отправился въ Петербургъ. Прежде этого, однакожъ, было отослано къ начальству свидѣтельство о болѣзни съ просьбою о продолженіи отпуска. Лѣто 1826 года было сухое и знойное. Лѣса горѣли и я страдалъ безсонницей (слѣдствіе сѣрныхъ кавказскихъ водъ).

Нѣтъ сомнѣнія, что я занимался музыкою въ теченіи того года, но въ чемъ именно состояли эти занятія, рѣшительно не помню. Въ концѣ зимы того-же 1826 года пріѣхалъ батюшка и остановился у насъ. Такъ какъ дѣла требовали довольно долговременнаго пребыванія его въ столицѣ, то онъ и рѣшился остать-

---

*) Эта пьеса, вписанная въ такъ-названную Глинкой зеленую тетрадь, находится въ настоящее время въ И. П. Библіот. Отчетъ за 1867 годъ, стр. 23—24.

ся съ нами, чтобы не разлучаться со мною. Отцу моему было тогда около 49 лѣтъ. Онъ былъ бодръ, лицо блистало свѣжестью, хотя волосы были уже съ достаточною просѣдью. Онъ очень любилъ меня и всѣхъ дѣтей своихъ; со мною же обращался, какъ съ товарищемъ, повѣрялъ мнѣ тайны и предположенія свои, не скрывая радостей и огорченій. Такъ какъ квартира наша, занимаемая въ домѣ Нечаевой на Загородномъ проспектѣ, оказалась тѣсною для нашего помѣщенія, то въ началѣ 1827 года переѣхали мы въ Торговую улицу, что у театральной площади, домъ Пискарева.

Отцу понадобилось на мѣсяцъ или на два раннею весною отправиться въ деревню. Мы остались съ Корсакомъ. Однажды съ пріятельницей Корсака явилась молодая дѣвушка Катенька, которая произвела на меня глубокое впечатлѣніе. Я въ первыя свиданія съ нею считалъ себя вполнѣ счастливымъ, но вскорѣ оказалось противное. Ея сердце принадлежало другому и всѣ старанія и ухищреніе злобы возбудить въ ней взаимность остались тщетными. Грусть этого состоянія высказана мною въ сочиненной по сему случаю музыкѣ на слова Корсака:

Я люблю, ты говорила,
И тебѣ повѣрилъ я,
Но другого ты любила,
Мнѣ такъ страстно говоря:
Я люблю, я люблю, и проч.

Впослѣдствіи подъ эту музыку князь С. Голицынъ поддѣлалъ французскіе стихи. И этотъ романсъ извѣстенъ подъ именемъ: «Le baiser».

Къ этой грусти скоро присоединились и физическія страданія.

Отецъ, по возвращеніи изъ деревни, встрѣтился однажды въ обществѣ съ докторомъ Браиловымъ и, (этотъ) узнавъ отъ него, что я золотушнаго расположенія, предложилъ свои услуги. Для совершенно радикальной вылечки надлежало выпить около 30 или болѣе бутылокъ нѣкоего декокту. О Боже, что это былъ за декоктъ! Вяжущій, пряный, густой, отвратительнаго зелено-болотнаго цвѣта. Дѣйствовалъ же весьма сильно, слабилъ жестоко съ мучительною болью, а съ другой стороны не только не освѣжилъ, но гналъ кровь къ головѣ до такой степени, что

на долгое время я совершенно лишился сна. Кончивъ всѣ бутылки съ примѣрнымъ терпѣніемъ, я не вдругъ поправился.

Несмотря на это, я продолжалъ сочинять; кромѣ романса: «Горько, горько мнѣ», написаннаго мною въ 1827 году на слова Корсака, я сочинилъ нѣсколько театральныхъ отдѣльныхъ сценъ для пѣнія съ оркестромъ, а именно: дуетъ съ речитативомъ для баса съ теноромъ (A-dur), хоръ на смерть героя (C-moll), арію для баритона (As-dur), (Adagio этой послѣдней послужило мнѣ для канона финала 1-го акта оперы «Русланъ и Людмила), молитву для театра въ три голоса F-dur.

Занятія мои были прерваны золотушнымъ воспаленіемъ въ лѣвомъ глазу, происшедшимъ, вѣроятно, отъ продолжительныхъ приливовъ крови къ головѣ. Меня посадили въ темную комнату, а лечилъ меня знаменитый окулистъ Лерхе, при чемъ дѣло не обошлось безъ слабительныхъ. Это насильственное употребленіе внутреннихъ лекарствъ видимо повредило моему здоровью и приготовило новыя страданія.

По минованіи болѣзни глаза, я съ новымъ рвеніемъ*) принялся за работу**). Обстоятельства мнѣ благопріятствовали: на нашей квартирѣ зала была большая; одинъ изъ моихъ знакомыхъ, графъ Девьеръ игралъ весьма хорошо на скрипкѣ. Онъ былъ полковымъ адъютантомъ конно-гвардейскаго полка, и изрѣдка я могъ брать къ себѣ нужное для моихъ сочиненій число духовыхъ инструментовъ за весьма необременительныя кондиціи. Недостававшіе струнные инструменты равнымъ образомъ находили мы также хозяйственными распоряженіями. Въ вокальной части помогалъ мнѣ Варламовъ; онъ самъ охотно пѣлъ басовыя партіи, и съ искреннею готовностью привозилъ потребное число пѣвчихъ (конюшенныхъ, если не ошибаюсь) для исполненія хоровъ. Такимъ образомъ я слышалъ эффектъ написаннаго мною.

Около этого времени (кажется) я познакомился съ скрипачемъ Реми (Remi); онъ въ нѣсколько уроковъ выправилъ мнѣ правую руку; къ сожалѣнію это случилось поздно,—страсть къ сочиненію рѣшительно отвлекла меня отъ упражненія въ испол-

---

*) «Энтузіазмомъ»—зачеркнуто.

**) На полѣ карандашомъ написано: «англоманія въ этомъ году».

ненія. Бема я уже оставилъ; персидскій же языкъ—вскорѣ по выпускѣ изъ пансіона.

Въ это время кругъ моего знакомства увеличился и я очень хорошо помню, что по вечерамъ часто бывали у насъ Толстые. Ихъ было четверо; меньшой, Ѳеофилъ Матвѣевичъ (Ростиславъ) чрезвычайно мило пѣлъ теноромъ (voix sympatique). Они принадлежали къ высшему обществу, но были милые, веселые люди и не брезгали жаренымъ картофелемъ съ лукомъ, который у насъ изготовляли въ совершенствѣ.

Въ началѣ весны 1827 года, во время пребыванія отца въ Петербургѣ, случилось обстоятельство, имѣвшее важное впослѣдствіи вліяніе на мое благосостояніе. Въ Торговой улицѣ противъ нашей квартиры жилъ въ собственномъ домѣ статскій совѣтникъ Погодинъ, теперь сенаторъ и гофъ-интендантъ дѣйствующей арміи. Узнавъ, что батюшка желалъ предпринять важную операцію, онъ, основываясь на пріобрѣтенной родителемъ репутаціи человѣка свѣдущаго и вѣрнаго, самъ явился къ нему и, отрекомендовавшись, предложилъ быть въ половинѣ, ввѣривъ ему капиталъ до 500,000 т. ассигнаціями для залоговъ. Приобрѣтенная этимъ способомъ выгода, впослѣдствіи достаточна была для совершеннаго освобожденія имѣній нашихъ отъ долговъ, ихъ обременявшихъ.

Мало по малу зимою здоровье мое начало разстраиваться; несмотря на тяжкія иногда страданія, я часто проводилъ время пріятно и весело. Съ тѣхъ поръ какъ я поселился съ Корсакомъ, мы часто видѣлись съ пансіонскимъ товарищемъ нашимъ Лукьяновичемъ (онъ теперь управляющій канцеляріею комитета раненыхъ); это былъ веселый, забавный и милый человѣкъ; онъ любилъ литературу, съ Корсакомъ писалъ разныя статьи, да и я, грѣшный, брался иногда за перо, увлеченный ихъ примѣромъ. Вскорѣ сдѣлался нашимъ собесѣдникомъ и Иванъ Екимовичъ, а къ нему присоединился пріятель его Алексѣй Григорьевичъ Огинскій, переводчикъ Гольдсмита, Гиллиса и другихъ англійскихъ историковъ; мужъ ученый и трудолюбивый. Наружный видъ его составлялъ разительную противуположность съ Ив. Ек. Алексѣй Григорьевичъ былъ роста высокаго, чрезвычайно лысъ, лицо его нѣсколько походило на обезьяну, говорилъ же важно, протяжно, въ носъ, густымъ басомъ, при

чемъ воздвигалъ торжественно правую руку для бóльшаго убѣжденія слушателей.

Наши дружескія литературныя бесѣды, при содѣйствіи пунша, оканчивались почти весьма философскими преніями. По третьему и четвертому пуншу И. Ек. приходилъ въ восторгъ и не рѣдко восклицалъ: Диспутовать буду; буду диспутовать, довольно! Зимою съ 1827 на 28 годъ пріѣхалъ къ намъ зять Корсака — Равинскій; онъ въ молодости былъ человѣкъ веселый, остроумный и любилъ смѣшить разными затѣйливыми выходками, при чемъ сохранялъ всегда серьезный видъ. Мы съ Корсакомъ рѣшились позабавить его нашими оригиналами. Я былъ боленъ, но несмотря на то, и теперь не могу вспомнить безъ смѣха дружеской бесѣды, устроенной для Равинскаго. Порція пунша была усилена, вскорѣ Ив. Ек. завопилъ:

А. Григ., отъ слова Ванька Колмаковъ пьянъ; доведу; азъ есмь путь, истина и животъ.

Огинскій со смѣхомъ: «Анъ не доведете!»

И. Ек.: Доведу, говорю.

Огинскій, усиливая смѣхъ: «Не доведете.»

И. Ек.: «Слушай!» Что Ванька Колмаковъ пьянъ, доказывается...

Огинскій: Demonstratur.

И. Ек.: Красенъ.

Огинскій: «Ruber est.»

И. Ек.: Шатается.

Огинскій: «Vacillat.» и проч.

И вслѣдъ за этимъ приступомъ, повели наши витіи такія забавныя и замысловатыя рѣчи, что Равинскій опрометью выбѣжалъ изъ комнаты, чтобы не задохнуться отъ смѣха.

Въ мартѣ 1828 года я поѣхалъ навѣстить родителей; старшую сестру мою, съ которой провелъ первые годы дѣтства, видѣлъ тогда въ послѣдній разъ; она скончалась въ теченіи лѣта 1828 года. Въ концѣ апрѣля я отправился въ Москву на перекладной тележкѣ безъ верха. Около города Гжатска мнѣ надуло вѣтромъ въ лѣвый глазъ. Глазъ воспалился; цѣлую станцію я проѣхалъ закрытый рогожкой. Въ Гжатскѣ я потребовалъ доктора, но мнѣ отвѣтили, что докторъ плохъ, а цирульникъ весьма сметливъ; позвали послѣдняго, онъ далъ мнѣ розмариноваго и каяпутоваго масла, которыя въ нѣсколько часовъ

разогнали боль, уничтожили воспаленіе и я доѣхалъ въ Москву благополучно.

Цѣль этой поѣздки было свиданіе съ пансіонскимъ товарищемъ и пріятелемъ, Ник. Алек. Мельгуновымъ. Онъ не оставался долго въ пансіонѣ по причинѣ слабости здоровья. Я часто навѣщалъ его по выходѣ его изъ пансіона и гостилъ у его добрыхъ и привѣтливыхъ родителей. Отецъ мой, будучи въ Петербургѣ, познакомился съ ними и едва не отпустилъ меня за границу съ Ник. Ал. и отцомъ его. Къ моему счастію батюшка былъ человѣкъ разсудительный; разсчелъ, что русскому человѣку не слѣдуетъ быть французомъ, потомъ считалъ не излишнимъ право на чинъ 10-го класса по окончаніи курса въ пансіонѣ *).

У Мельгунова я былъ только до 9-го мая (дня его ангела); въ эти немногіе дни я писалъ Adagio (B-dur), D-moll сонаты и помню, что въ этой пьесѣ былъ довольно ловкій контрапунктъ. Выѣхавъ на перекладной утромъ на зарѣ 9-го мая, я прибылъ къ сроку моего отпуска въ Петербургъ, но на службѣ оставался не долго, и подалъ въ отставку по слѣдующей причинѣ. У И. С. Горголи (одного изъ генераловъ, членовъ совѣта путей сообщенія) была жена и три дочери, одна изъ нихъ, по имени Поликсена, училась пѣнію у Беллоли; я часто аккомпанировалъ ей и пѣвалъ съ нею. Впослѣдствіи времени кругъ моего знакомства значительно расширился и я рѣже посѣщалъ домъ генерала Горголи. Надо сказать правду, что генеральша и ея дочки не могли внушить искренняго желанія часто бывать у нихъ; они жили долгое время въ Кіевѣ, и къ суматошнымъ провинціальнымъ пріемамъ присоединяли страсть говорить чрезвычайно громко и всѣ четыре вдругъ, такъ что не только гостей, но и генерала самого заставляли молчать всякій разъ, когда обращались къ нему.

Я былъ помощникомъ секретаря, но меня заставляли читать вслухъ въ присутствіи записки со всѣхъ трехъ столовъ. Когда я началъ посѣщать рѣже домъ генерала Горголи, мнѣ не трудно было замѣтить значительную перемѣну въ обращеніи его со мною. Этимъ дѣло не ограничилось: генералъ, пересматривая

*) Зачеркнуто: «Такимъ образомъ я остался и кончилъ курсъ въ пансіонѣ».

бумаги, находилъ, что запятыя не на своихъ мѣстахъ и правописаніе не вездѣ соблюдено. Хотя нельзя было отъ меня, по справедливости, требовать отвѣтственности за всѣ три стола нашей канцеляріи, однакожъ съ должнымъ уваженіемъ къ начальнику не отвѣчалъ ни слова, подумалъ только про себя: «эге, здѣсь шашни баловницы Поликсены», и тутъ же рѣшилъ совсѣмъ прекратить посѣщенія. Естественно, генералъ сталъ взыскательнѣе, а я, не тратя даромъ времени, въ одинъ изъ докладовъ подалъ ему прошеніе объ отставкѣ и вышелъ изъ службы изъ-за запятой.

По пріѣздѣ въ Петербургъ я поселился на углу Невскаго проспекта и Владимірской въ домѣ Барбазана (теперь Жукова, если не ошибаюсь) на квартирѣ пансіонскаго товарища Чиркова. Вскорѣ здоровье мое начало примѣтно портиться; золотуха прикинулась къ двумъ пальцамъ правой руки, въ видѣ лишая, и глаза воспалились до такой степени, что я не могъ ни писать, ни читать на фортепьяно. Лерхе меня вылечилъ, но золотушное начало продолжало тревожить меня. Нѣтъ сомнѣнія, что можно было весьма легкими средствами если не искоренить, то, по крайней мѣрѣ, ослабить болѣзнь. Судьба опредѣлила иначе.

Дальній родственникъ нашъ, Алексѣй Степ. Стунѣевъ, искренно меня любившій, неоднократно былъ невинною причиною многихъ бѣдъ въ жизни моей. Онъ познакомилъ меня съ докторомъ школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ Гасовскимъ. Онъ былъ человѣкъ добрый, но отъ этого не было легче его паціентамъ (двое братьевъ моихъ и отецъ были жертвами его способа леченія) *). Сдѣлавшись впослѣдствіи гомеопатомъ, онъ самъ говорилъ мнѣ, что, лечивъ аллопатически, онъ былъ врагомъ рода человѣческаго. Дѣйствительно, онъ давалъ большіе пріемы сильныхъ героическихъ средствъ, безъ всякой на то причины; любимыми же его средствами были: меркурій, сѣра, хина и опіумъ.

Онъ подвергъ меня, въ теченіе цѣлаго мѣсяца, наружному и внутреннему употребленію перваго изъ вышеупомянутыхъ средствъ, безъ всякой особенной причины, не разсмотрѣвъ и не

---

*) На полѣ карандашомъ: «смягчить фатализмъ».

разспросивъ меня обстоятельно. Цѣлый мѣсяцъ я просидѣлъ въ душной комнатѣ, несмотря на лѣтній жаръ. По прошествіи четырехъ недѣль выпустилъ меня изъ заключенія, предписавъ нѣсколько сѣрныхъ ваннъ: отъ этого неумѣстнаго и несообразнаго съ моимъ слабонервнымъ сложеніемъ леченія, я тогда почувствовалъ только легкое раздраженіе въ plexus solaris и ложный аппетитъ.

Въ теченіе этого года я работалъ прилежно; началъ учиться итальянскому языку у Мароκети съ Толстымъ *) и еще съ кѣмъ не помню. У сына извѣстнаго buffa итальянской бывшей тогда оперы въ Петербургѣ Zambooni бралъ уроки въ композиціи. Онъ задавалъ мнѣ текстъ итальянскій и заставлялъ писать аріи, речитативы и пр., также 2-хъ-голосныя фуги безъ словъ. Сими послѣдними опытами я похвалиться не могу, хотя уже былъ нѣсколько знакомъ съ clavecin bien temperé Себ. Баха. Кромѣ того написалъ я: A) Серенаду на данныя мнѣ Толстымъ итальянскія слова:

«O mia dolce
«Mia Carina.

Въ то время эта серенада нравилась. B) Квартетъ F-dur для сопрано, альта, тенора и баса, съ акомпаниментомъ двухъ скрипокъ, альта и віолончели (Come di gloria al nome)**). C) Квартетъ для тѣхъ же голосовъ и инструментовъ G-moll (Sogna chi crede esser felice). Эти двѣ пьесы были исполнены у Демидова, а первая F-dur впослѣдствіи и у Львова. D) Также написаны мною романсы «Память сердца» Батюшкова, для А. С. Стунѣева, а на слова князя Серг. Голицына «Pour un moment» и «Скажи зачѣмъ».

Я не могу теперь изложить главнѣйшихъ событій этого періода въ хронологическомъ порядкѣ. Впрочемъ это не важно.

Знакомство съ княземъ Серг. Григ. Голицынымъ имѣло важное вліяніе на развитіе моихъ музыкальныхъ способностей. Онъ былъ милый, веселый, подъ-часъ забавный молодой человѣкъ, хорошо зналъ музыку и пѣлъ очень пріятно прекраснымъ гус-

---

*) Объ этомъ періодѣ времени надо справиться у Ѳ. М. Толстаго.
Примѣч. Глинки.

**) Этотъ квартетъ находится въ И. П. Б. См. отчетъ 1867, стр. 27—31.

тымъ басомъ. Я былъ тогда чрезвычайно застѣнчивъ; онъ умѣлъ ободрить меня и ввелъ въ кругъ молодыхъ людей высшаго тона. Благодаря его дружескому участію, я пріобрѣлъ много пріятныхъ и полезныхъ знакомствъ. Самъ же онъ умѣлъ ловко возбуждать меня къ дѣятельности, писалъ для меня стихи и охотно исполнялъ мои сочиненія. Предъ отъѣздомъ моимъ въ Москву онъ мнѣ далъ письмо къ Николаю Николаевичу Норову (который теперь помощникомъ министра финансовъ) слѣдующаго лаконическаго содержанія: «податель этой записки— Глинка». Норовъ принялъ меня ласково, я съ нимъ вскорѣ сблизился, и не могу утерпѣть, чтобъ не обнаружить чувствъ дружбы и признательности къ этому рѣдкому по душѣ и таланту человѣку.

Въ то время между молодыми людьми высшаго круга находился камеръ-юнкеръ Евгеній Петровичъ Штеричъ. Хотя онъ былъ élégant въ полномъ смыслѣ этого слова и любилъ блистать въ салонахъ, однако же отличался рѣдкими душевными качествами. Между прочимъ, онъ былъ хорошій музыкантъ, учился у Мейера и игралъ опрятно на фортепьяно. Я съ нимъ вскорѣ подружился и не рѣдко съ Серг. Голицынымъ (Ѳирсомъ?) мы посѣщали его въ Павловскѣ, гдѣ онъ жилъ въ лѣтніе мѣсяцы. Тамъ представляли меня знаменитому нашему поэту Василію Андреевичу Жуковскому. Съ графомъ Вельегорскимъ я былъ прежде знакомъ, а въ Павловскѣ съ нимъ сблизился, и мы писали, помнится, каждый по канону, пробуя такимъ образомъ наши силы въ композиціи. Прежде чѣмъ графъ М. Ю. Вельегорскій принялся за перо, я успѣлъ состряпать канонъ (который, кажется, уцѣлѣлъ) на слѣдующія слова кн. Голицына:

«Мы въ сей обители святой
«Въ молитвахъ дни проводимъ;
«Не зная суеты мірской,
«Здѣсь счастіе находимъ.

Мы съ княземъ Голицынымъ ѣздили на Черную рѣчку къ князю Вас. Петр. Голицыну, который хорошо пѣлъ теноромъ. Въ концѣ августа собрались мы, Толстые, и другіе молодые люди потѣшить публику серенадой. Репетиціи были чрезвычайно занимательны и у оконъ дома, гдѣ жилъ князь Вас. Петр. Голицынъ, по вечерамъ толпились слушатели и слушательницы.

Въ день серенады*) появились на Черной рѣчкѣ два украшенные фонарями катера, на одномъ сидѣли мы, а на другомъ помѣстили трубачей кавалергардскаго полка. На кормѣ приладили маленькое фортепьяно, на которомъ я аккомпанировалъ и управлялъ хоромъ. Всѣхъ исполненныхъ пьесъ не упомню. Пріятное впечатлѣніе произвелъ на водѣ милый голосъ Ѳ. М. Толстого въ венеціанской баркаролѣ «da brava Catina». Не дурно былъ исполненъ хоръ изъ «Dame blanche» Буальдьё «Sonnez, sonnez, cors et musettes». Послѣ каждой исполненной нами пьесы, раздавались стройные, сильные, величественные звуки трубъ. Инструменты съ clefs? **) (pistons) тогда еще не были изобрѣтены. Музыкальныя уши не страдали, какъ нынѣ, отъ невѣрныхъ, противныхъ звуковъ, которыми теперь насъ нещадно угощаютъ. Мазурка графа М. Юр., нарочно для трубъ сочиненная, произвела на меня сильное впечатлѣніе, и маршъ въ финалѣ оперы «Жизнь за Царя» написанъ мною именно для простыхъ трубъ, безъ pistons и, если бы возможно было отыскать теперь хоръ трубачей подобныхъ тѣмъ, каковые участвовали тогда въ нашей серенадѣ, нѣтъ сомнѣнія, что финалъ оперы значительно произвелъ бы болѣе эффекта.

Объ этой серенадѣ напечатали въ «Сѣверной Пчелѣ» ***), и этотъ первый успѣхъ поощрилъ насъ къ новымъ предпріятіямъ подобнаго рода. Мы дали представленіе князю Кочубею (тогдашнему президенту государственнаго совѣта); насъ было около 16 человѣкъ: кромѣ князей Голицыныхъ, Толстыхъ, Штерича и меня, участвовали Башуцкій, графъ Протасовъ (теперь онъ оберъ-прокуроръ синода) и другіе; также былъ полный оркестръ и Карлъ Мейеръ игралъ на фортепьяно. Я въ кисейномъ бѣломъ женскомъ платьѣ и рыжемъ парикѣ исполнилъ роль Donna Anna въ интродукціи «Донъ-Жуана» Моцарта и импровизировалъ на фортепьяно. Въ Царскомъ Селѣ также мы дали еще представленіе, гдѣ произвели мою серенаду и куплеты съ хоромъ: «Лина въ черной мантіи» (слова князя Голицына); куп-

---

*) 21 августа, по словамъ «Сѣверной Пчелы».

**) Зачеркнуто: «финтилями».

***) Сѣверная Пчела. 1827. № 103. Августа 27. Петербургскія записки. Объ увеселеніяхъ столицы. Письмо въ Либаву къ Ал. Никит. Пещурову отъ 25 авг. 1827. Ѳ. Б. (улгарина).

леты пѣлъ Ивановъ, а хоръ придворные пѣвчіе. Была также маленькая выходка и для кн. С. Голицына. Наконецъ мы ѣздили за 200 верстъ, новгородской губерніи въ село Марьино, къ графинѣ Строгоновой. Я участвовалъ въ представленіи нѣсколькихъ сценъ изъ «Barbiere de Sivilla» Россини, въ ролѣ Figaro. За это насъ тамъ угощали нѣсколько дней.

Лѣтомъ того же 1828 г. Михаилъ Лукьяновичъ Яковлевъ, композиторъ извѣстныхъ русскихъ романсовъ, и хорошо пѣвшій баритономъ, познакомилъ меня съ барономъ Дельвигомъ, извѣстнымъ нашимъ поэтомъ. Я нерѣдко навѣщалъ его; зимою бывала тамъ дѣвица Лигле; мы игрывали въ 4 руки. Баронъ Дельвигъ передѣлалъ для моей музыки пѣсню: «Ахъ ты, ночь ли ноченька» и тогда же я написалъ музыку на его слова: «Дѣдушка, дѣвицы разъ мнѣ говорили». Эту пѣсню весьма ловко пѣвалъ М. Л. Яковлевъ.

Около этого времени я часто видался съ извѣстнѣйшимъ поэтомъ нашимъ Алекс. Серг. Пушкинымъ (который хаживалъ и прежде того къ намъ въ пансіонъ къ брату своему, воспитывавшемуся со мною въ пансіонѣ), и пользовался его знакомствомъ до самой его кончины.

Провелъ около цѣлаго дня съ Грибоѣдовымъ, авторомъ комедіи: «Горе отъ ума». Онъ былъ очень хорошій музыкантъ и сообщилъ мнѣ тему грузинской пѣсни, на которую вскорѣ потомъ А. С. Пушкинъ написалъ романсъ: «Не пой, волшебница (sic!), при мнѣ».

Иванова я слышалъ въ первый разъ тоже около этого времени; мнѣ не трудно было подмѣтить его нѣжный и звонкій голосъ. Сначала онъ былъ такъ робокъ, что пѣлъ только до верхнихъ f и sol; я уговорилъ его навѣстить меня, и въ короткое время, заставляя пѣть пьесы постепенно выше и выше, я нечувствительно довелъ его до верхнихъ la и si-b. Впослѣдствіи онъ участвовалъ часто въ нашихъ домашнихъ музыкальныхъ вечерахъ.

Тогда же (сколько помнится) познакомился я съ извѣстной фортепьянисткой Шимановской; у нея было двѣ дочери, Целина и Елена. Онѣ изрядно пѣли; я былъ maestro на музыкальныхъ утрахъ Шимановской; исполняли иногда и мою музыку. Тамъ, если не ошибаюсь, встрѣтился я съ извѣстнымъ поэтомъ Миц-

кевичемъ; онъ тогда ухаживалъ за Целиной, на которой впослѣдствіи женился. Въ 1828 году мы предприняли съ княземъ С. Голицынымъ издать «Лирическій Альбомъ», но дѣло долго не шло на ладъ. Николай Ивановичъ Павлищевъ взялся за изданіе и альбомъ явился въ свѣтъ въ 1829 году.

Въ концѣ 1828 года здоровье мое начало разстроиваться, я сталъ чувствовать боли, особенно въ сырое и холодное время.

Гасовскій прописалъ мнѣ Майскій бальзамъ Немича, который произвелъ сыпь по всему тѣлу; несмотря на это, я чувствовалъ себя все хуже и хуже. Въ началѣ 1829 года, около марта, Соломонъ (извѣстный впослѣдствіи операторъ) принялся лечить меня. Цѣлыхъ два мѣсяца продержалъ меня въ теплой комнатѣ и заставилъ принимать пилюли Sublimatum, постепенно увеличивая пріемы, такъ что безъ сомнѣнія я принялъ отъ 80 до 100 пилюль, при весьма строгой діэтѣ. Это леченіе такъ меня разслабило, что когда князь С. Голицынъ, отправляясь въ дѣйствующую армію (онъ перешелъ въ военную службу и былъ адъютантомъ у графа Ридигера), пріѣхалъ проститься со мною, то онъ нашелъ меня въ чрезвычайно болѣзненномъ состояніи. Однако же я написалъ въ то время романсъ «Забудулъ я?» (слова К. Голицына); его же романсъ «Разочарованіе» (Гдѣ ты, о первое желанье) должно отнести, кажется, къ 1828 году.

Въ маѣ послѣ нѣсколькихъ сѣрныхъ ваннъ, я оправился, но не надолго. Я часто посѣщалъ барона Дельвига; кромѣ его милой и весьма любезной жены, жила тамъ также любезная и миловидная барыня Кернъ*). Въ іюнѣ баронъ съ женою, г-жею Кернъ и Орестомъ Сомовымъ (литераторомъ весьма умнымъ и любезнымъ человѣкомъ), отправились въ четырехъ-мѣстной линейкѣ на Иматру; мы съ Корсакомъ поѣхали вслѣдъ за ними на тележкѣ. Съѣхавшись въ Выборгѣ, вмѣстѣ гуляли мы въ прекрасномъ саду барона Николаи. Вмѣстѣ видѣли Иматру и возвратились въ Петербургъ. Одинъ изъ чухонцевъ-ямщиковъ пѣлъ пѣсню, которая мнѣ очень понравилась; я заставилъ его неоднократно повторить и, затвердивъ ее, употребилъ потомъ главною темою баллады Финна, въ оперѣ «Русланъ и Люд-

*) Анна Петровна Кернъ, см. ея Воспоминанія въ «Русской Старинѣ». Ред.

мила». Это путешествіе было бы для меня еще пріятнѣе, если бы болѣзнь не посѣтила меня. Еще до поѣздки, несмотря на прекрасную погоду, начали мало по малу развиваться жестокія нервныя боли (névralgies), которыя, по пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ, усилились до такой степени, что появлялись ежедневно въ сопровожденіи лихорадки съ жаромъ и бредомъ. Пароксизмъ оканчивался сильною и неправильною (abnormale) испариной. Эти страданія безъ сомнѣнія причиною того, что я не такъ ясно помню этотъ періодъ времени.

Въ теченіи лѣта 1829 года написанъ мною романсъ: «Ночь осенняя, ночь любезная», слова Корсака. Въ концѣ лѣта я часто навѣщалъ Дельвиговъ и не рѣдко слышалъ на Невѣ роговую музыку Нарышкина. Въ особенности производила волшебный эффектъ пьеса Шимановской Вилія, состоящая вся изъ арпеджій. Зачѣмъ покинули этотъ фантастическій оркестръ и ввели отвратительныя trompettes à clefs?

Помнится, что, вскорѣ по возвращеніи изъ Иматры, мы угостили Дельвига, Кернъ и Сомова Колмаковымъ И. Е. и Огинскимъ и удачно.

Дельвигъ написалъ мнѣ слова: «Не осенній частый дождикъ». Музыку этихъ словъ я впослѣдствіи взялъ на романсъ Антониды «Не о томъ скорблю, подруженьки» въ оп. «Жизнь за Царя».

Осенью того же года у Штерича я слышалъ персидскую пѣсню, пѣтую секретаремъ министра иностранныхъ дѣлъ Хозрева-Мирзы. Этотъ мотивъ послужилъ мнѣ для хора «Ложится въ полѣ мракъ ночной» въ оперѣ «Русланъ и Людмила».

Тогда же осенью я бывалъ у Львовыхъ, гдѣ исполнялся мой квартетъ F-dur «Come di gloria al nome».

Около этого времени боли, особенно шейныхъ железъ, дошли до такой степени, что я катался по полу и кусалъ себя отъ невыносимой муки. Вскорѣ (отъ простуды вѣроятно) образовалась упорная спазматическая боль сзади шеи; хотя отъ весьма теплыхъ ваннъ она успокоилась, но я извѣстилъ родителей о моей болѣзни. Въ октябрѣ пріѣхала ко мнѣ матушка съ сестрою Натальею Ивановною и увезли меня въ деревню.

Передъ отъѣздомъ мнѣ отрекомендовали доктора, итальянца родомъ, котораго имени не упомню. Онъ предложилъ мнѣ для

успокоенія моихъ болей пилюли изъ опіума съ меркуріемъ. Въ продолженіи зимы и весны я неоднократно прибѣгалъ къ нимъ, и дѣйствительно они успокоивали боли, но все болѣе и болѣе разстраивали здоровье.

Въ промежуточное время между страданіями (сопровождаемыми всегда жаромъ и бредомъ) я продолжалъ музыкальныя занятія. Я выучилъ септуоръ Гуммеля и неоднократно исполнялъ его съ аккомпаниментомъ; усовершенствовался въ игрѣ на фортепіано, постояннымъ упражненіемъ въ этюдахъ Крамера, Мошлеса и даже иногда принимался за Баха. Сочинилъ нѣсколько мелкихъ пьесъ, которыя находятся въ зеленой тетради у В. П. Энгельгардта. Написалъ романсъ «Голосъ съ того свѣта», слова В. А. Жуковскаго; наконецъ въ началѣ весны 1830 года—F-dur квартетъ для струнныхъ инструментовъ. Благодаря В. П. Энгельгардта, я нѣсколько разъ слышалъ исполненіе этого ученическаго произведенія, и мнѣ кажется, что въ немъ отражается болѣзненное тогдашнее мое состояніе. Сверхъ того написалъ для сестры Натальи Ивановны 6-ть контральтовыхъ этюдъ; училъ сестру Людмилу Ивановну (впослѣдствіи Шестакову) географіи. Она увѣряетъ, что училась у меня охотно и что до сихъ поръ у нея хранится нѣсколько листовъ записокъ, мною написанныхъ *). Устроилъ для младшихъ сестеръ и брата въ комнатѣ горку изъ досокъ, по которой онѣ катались въ мѣдныхъ тазахъ.

Еще до отъѣзда въ деревню я началъ помышлять о путешествіи за границу. Это желаніе, возбужденное надеждою избавиться отъ страданій и усовершенствоваться въ музыкѣ, впослѣдствіи усилилось еще болѣе отъ чтенія путешествій. Я помню, что передъ самымъ отъѣздомъ въ деревню я читалъ путешествіе въ Испанію, и съ той самой поры мечталъ объ этой занимательной странѣ. Я поѣхалъ въ деревню въ надеждѣ упросить отца отпустить меня за границу. Несмотря на то, что онъ очень любилъ меня, но отказалъ мнѣ рѣшительно. Я былъ огорченъ до слезъ, но не смѣлъ и помыслить прекословить отцу, несмотря на дружеское его обращеніе со мною. Матушка съ свойственною ей добротою и заботливостію старалась успокои-

*) Записки эти цѣлы до сихъ поръ.

вать меня. Между тѣмъ болѣзнь увеличивалась, несмотря на стараніе добраго нашего уѣзднаго доктора Вильгельма Даниловича Гинденбурга. Я снова прибѣгалъ къ пилюлямъ итальянца, и, безъ сомнѣнія, въ теченіи полгода проглотилъ ихъ до сотни, къ крайнему вреду моего здоровья.

Къ моему счастію въ концѣ зимы 1828 г. пріѣхалъ къ намъ полковой докторъ Шпиндлеръ. Отецъ познакомился съ нимъ въ городѣ Брянскѣ (Орловской губерніи) и весьма уважалъ его.

Распросивъ обстоятельно о моей болѣзни, онъ осмотрѣлъ меня и объявилъ отцу, что у меня цѣлая кадриль болѣзней и что для поправленія моего здоровья необходимо мнѣ пробыть не менѣе трехъ лѣтъ за границей въ тепломъ климатѣ.

Такимъ образомъ моя поѣздка въ Италію и Германію была рѣшена. Я желалъ отправиться съ отцомъ въ Петербургъ, чтобы устроить тамъ концертъ для Иванова, съ тѣмъ, чтобы онъ могъ мнѣ сопутствовать. Отецъ, видя, что мое крайне разстроенное здоровье не позволяло мнѣ предпринять путь въ зимнее время, взялся все уладить безъ меня. И дѣйствительно, съ свойственною ему благоразумною настойчивостію, съ одной стороны уговорилъ (c'est le mot) Иванова, который не довѣрялъ и колебался, съ другой же упросилъ директора пѣвческой капеллы Ѳ. П. Львова дать Иванову позволеніе отправиться со мною. Иванову дали двухъ-лѣтній отпускъ и пособіе, а отецъ обязался подпиской, что Иванову не будетъ недостатка въ средствахъ къ существованію. Такимъ образомъ Ивановъ обязанъ въ судьбѣ своей отцу моему—болѣе нежели мнѣ.

Весною здоровье мое шло все хуже и хуже, и когда, къ концу апрѣля, прибылъ къ намъ Ивановъ, я былъ очень плохъ и стоналъ часто. Все было уже готово къ отъѣзду, и 25-го апрѣля 1830 года рѣшено было отправиться въ путь.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Отъ 25 апрѣля 1830 года до конца ноября и начала декабря 1836 года.

ПЕРІОДЪ VI.

Путешествіе за границу и возвращеніе на родину.

Итакъ, въ пятницу, 25-го апрѣля 1830 года, я и Ивановъ выѣхали изъ села Новоспасскаго. Матушка провожала насъ до Смоленска. Изъ Смоленска до Бреста-Литовскаго сопутствовалъ намъ зять мой, Яковъ Михайловичъ Соболевскій и человѣкъ Алексѣй (скрипачъ).

Это было въ началѣ мая; погода была холодная, шелъ снѣгъ; я чувствовалъ усталость послѣ каждаго перегона, и въ первые дни часто останавливался, чтобы полежать и отдохнуть на станціяхъ. Впослѣдствіи дѣло обошлось, и въ Брестѣ я уже ходилъ довольно свободно. Здѣсь мы простились съ братцемъ и Алексѣемъ, и на жидовской фурѣ отправились вдвоемъ въ Варшаву. Оттуда въ коляскѣ съ тремя кандитерами изъ Граубиндена (Grisons) въ Дрезденъ.

Въ Дрезденѣ я совѣтовался съ докторомъ Крейсигомъ (такая уже была тогда мода); онъ опредѣлилъ мнѣ употребленіе эмскихъ и потомъ ахенскихъ водъ. Изъ Дрездена поѣхали мы въ Лейпцигъ, изъ Лейпцига до Франкфурта-на-Майнѣ въ коляскѣ на долгихъ. Съ нами ѣхалъ студентъ, кажется израильскаго происхожденія, который пѣлъ басомъ. Всякій разъ, какъ мы останавливались для обѣда или ночлега, если встрѣчали фортепьяно, пробовали пѣть вмѣстѣ: Ивановъ перваго, а я второго тенора, студентъ пѣлъ басовую партію извѣстныхъ отрывковъ изъ оперъ. Хоръ изъ тріо перваго акта «Фрейшюца» Terzett und Chor въ особенности шелъ хорошо, и нѣмцы въ маленькихъ городкахъ сходились слушать насъ.

Изъ Франкфурта поѣхали мы въ Майнцъ, а оттуда на пароходѣ по Рейну; не доѣзжая Кобленца, вышли на берегъ и отправились пѣшкомъ въ Эмсъ (сдѣлавши около семи верстъ).

Тамошнія воды, въ теченіи трехъ недѣль, сильно разслабили меня. Мы поѣхали въ Ахенъ, гдѣ въ весьма короткое время почувствовалъ я значительную пользу. Но и тутъ случилось тоже, что̀ и на Кавказѣ: заставляли слишкомъ много пить и слишкомъ часто купаться, хотя и не варили, какъ на Кавказѣ, въ невыносимо-горячей водѣ.

Въ Ахенскомъ театрѣ была въ то время, проѣздомъ изъ Парижа, трупа хорошихъ нѣмецкихъ пѣвцовъ. Сопрано пѣла довольно исправно г-жа Фишеръ. Гойцингеръ и Ейхбергеръ считались, по справедливости, въ то время лучшими тенорами въ Германіи. Перваго я слышалъ въ «Фиделіо» въ ролѣ Флорестана, второй отлично исполнялъ роль Макса въ «Фрейшюцѣ». Фиделіо въ первый разъ мы съ Ивановымъ не поняли; второе же представленіе довело насъ до слезъ. Изъ другихъ оперъ помню, что слышалъ «Фауста» Шпора.

Къ концу леченія, излишнее употребленіе сѣрныхъ водъ раздражило шейныя желѣзы и возбудило жесточайшую зубную боль. Въ это время насъ извѣстилъ Штеричъ, путешествовавшій тоже для поправленія здоровья, что онъ прибылъ въ Эмсъ, гдѣ желалъ бы съ нами видѣться. Мы уже съ нимъ были дружны въ Петербургѣ, слѣдственно излишне было бы здѣсь описывать радость свиданія.

Докторъ Берсъ—братъ того Берса, что̀ служитъ при с.-петербургской дирекціи императорскихъ театровъ, нѣсколькими ваннами съ отрубями успокоилъ на время мои боли. Пробывъ недолгое время въ Эмсѣ, мы съ Штеричемъ, его матушкой и ихъ спутниками отправились въ Шлангенбадъ, а потомъ во Франкфуртъ. Это было въ августѣ, но холодъ заставилъ насъ топить въ каминахъ. Видѣли мы знаменитую статую Аріадны и слышали въ театрѣ оперу «Медея» Керубини. Признаюсь, что я понялъ только увертюру, которая была исполнена превосходно; остальнаго рѣшительно не уразумѣлъ и вовсе не помню. Изъ Франкфурта отправились мы въ дилижансѣ въ Базель, куда пріѣхали въ одно время съ нами и Штеричи. На другой день, нанявъ долгихъ, поѣхали чрезъ Золотурнъ (Solaure), Бернъ, Лозанну, въ Женеву. Еще теперь помню, какъ вмѣстѣ съ Штеричемъ восхищались мы прелестными видами Швейцаріи. Во время переѣзда отъ Золотурна до Женевы погода была чудес-

ная. Штеричи въ своей коляскѣ, а мы въ дилижансѣ поѣхали въ одно время въ Миланъ.

Во время переѣзда, со мною въ кабріолетѣ (coupé) дилижанса сидѣлъ молодой англичанинъ, ѣхавшій въ Корфу. Когда мы достигли почти вершины Simplon, кондукторъ выпустилъ насъ изъ дилижанса и позволилъ пройти пѣшкомъ самую крутую часть пути. Когда-жъ мы находились на самой вершинѣ и намъ снова надлежало сѣсть въ дилижансъ, англичанина не нашли. Начали искать и звать его, и наконецъ увидѣли его спокойно сидящаго на обломкѣ утеса, отдѣленнаго глубокой трещиной отъ главной каменной массы, нависшей надъ ужасною пропастью. «Que faites vous donc, monsieur?» воскликнулъ кондукторъ.— J'essaie le sentiment du danger, хладнокровно отвѣчалъ островитянинъ. «Mais ne voyez vous donc pas, que vous risquez de rouler dans le précipice?» сказалъ кондукторъ.—«C'est parceque je risque, que j'éprouve effectivement le sentiment du danger»; отвѣчалъ англичанинъ и пошелъ на свое мѣсто.

Спустившись съ Simplon, гдѣ было мрачно, сыро и холодно отъ тумана и мелкаго дождя, мы не въ продолжительномъ времени очутились въ прелестной долинѣ Domo d'ossola; вечеромъ въ прелестнѣйшую погоду (это было въ началѣ сентября) были въ Baveno, насупротивъ Борромейскихъ острововъ, на берегу Lago Maggiore. На другой день по полудни мы пріѣхали въ одно время съ Штеричами въ Миланъ и временно остановились въ Albergo del Pazzo, что недалеко отъ знаменитаго Domo di Milano.

Видъ этого великолѣпнаго, изъ бѣлаго мрамора сооруженнаго храма, и самаго города, прозрачность неба, черноокія миланки съ ихъ вуалями (mantillas, уцѣлѣвшими остатками испанскаго владычества) приводили меня въ неописанный восторгъ. Штеричъ оставался съ нами не долго; онъ долженъ былъ вскорѣ отправиться въ Туринъ, бывъ причисленъ къ нашему посольству при сардинскомъ дворѣ.

Мы занялись пріискиваньемъ квартиры и вскорѣ переѣхали въ corso porta Renza (orientale) противъ колонны Leone della porta renza и церкви St. Babila, въ № 626. Хозяйка наша была вдова, лѣтъ сорока и даже болѣе, наружности не весьма благообразной, она была смугла и желта; но въ замѣнъ то-

го была женщина очень добрая, и страдала сама періодическими нервными припадками, почему сочувствовала страданіямъ другихъ, чтὸ мы испытали вскорѣ.

Квартира наша состояла изъ одной большой комнаты съ тремя окнами на улицу (замѣтьте, главную въ Миланѣ), маленькимъ calorifere и двумя софами, на которыхъ вечеромъ стлали намъ постели. Обѣдать и завтракать ходили мы въ трактиры. Однажды по ошибкѣ вмѣсто второго этажа зашли мы въ первый (rez de chaussée) трактира, гдѣ обѣдали слуги, и насъ накормили плохо. Когда же мы легли спать, то я и Ивановъ, почти въ одно и тоже время были разбужены головокруженіемъ, сильною рѣзью въ животѣ и невыносимой тошнотой. Сдѣлались жесточайшія колики и рвота: мы считали себя уже погибшими, когда вошелъ въ кухню нашей квартиры одинъ изъ постояльцевъ нашей хозяйки (плохой теноръ). Увидавъ въ какомъ мы были состояніи, онъ проворно изготовилъ намъ по большому стакану ромашки. Оказалось, что причиною нашихъ страданій былъ соусъ изъ шпината, изготовленный въ дурно-вылуженной кастрюлѣ. На другой день утромъ, signora Giuseppa Abbondio объявила намъ, что хотя она ни для кого изъ жильцовъ не готовила кушанья, но для насъ будетъ готовить, и не только сдержала слово свое въ точности, но всякій разъ, возвратясь съ рынка, заставляла насъ осматривать купленную ею провизію.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того мы поѣхали въ Туринъ, чтобы навѣстить Штерича: тамъ, вслѣдствіе (зачеркнуто: претерпѣнной нами) отравы, захворали оба: у Иванова сдѣлался pemphigus, а у меня возобновились нервныя боли (névralgie). Докторъ Battaglia, пользовавшій Штерича, прописалъ мнѣ опять пилюли изъ меркурія и сѣры.

Въ Туринѣ слышалъ я прекрасно исполненную оперу buffa «Gli Cantatrice villani». Примадонна Унгеръ пѣла отлично хорошо и играла очень натурально.

Слышалъ я тамъ же Дюпре, голосъ его былъ тогда не силенъ, но свѣжъ; пѣлъ онъ уже и тогда нѣсколько по-французски, то-есть: il relevait chaque note avec affectation.

По возвращеніи въ Миланъ, въ началѣ ноября, Иванову онъ рекомендовалъ учителя пѣнія Eliodoro Bianchi. Онъ былъ пожилой человѣкъ, важной наружности, съ нарочито обдуманнымъ

шарлатанствомъ. Онъ былъ tenor serio, пѣлъ даже и въ Лондонѣ. Такъ какъ до Россини итальянскіе maestri не писали руладъ и украшеній, а просто пошлыя музыкальныя безхарактерныя фразы, которыя пѣвецъ долженъ былъ самъ украшать и разнообразить по своему усмотрѣнію, то Bianchi выставлялъ при каждомъ удобномъ случаѣ свою ловкость въ томъ, что̀ онъ называлъ vestir il canto. О Рубини онъ отзывался съ нѣкоторымъ презрѣніемъ говоря, что онъ не поетъ чистымъ груднымъ голосомъ, а часто прибѣгаетъ къ головному, притомъ же не можетъ носить котурна (vestir il coturno), т.-е. не можетъ играть римлянъ, подобно ему, Біанки.

Мнѣ же отрекомендовали учителемъ композиціи директора миланской консерваторіи Basili. Онъ меня заставилъ работать надъ гаммой въ 4 голоса слѣдующимъ образомъ: одинъ голосъ велъ гамму цѣлыми нотами, другой долженъ былъ быть веденъ полутактными, третій четвертями и четвертый осьмыми. Это головоломное упражненіе клонилось, по мнѣнію Basili, къ тому, чтобы утончить музыкальныя мои способности sottilizzar l'ingegno, какъ онъ говорилъ, но моя пылкая фантазія не могла подчинить себя такимъ сухимъ и не поэтическимъ трудамъ; я не долго занимался съ Basili и вскорѣ отказался отъ его уроковъ.

У насъ былъ рояль съ педалью, посредствомъ которой можно было производить звуки барабана*). Эта banda утѣшала нашу хозяйку и сосѣдокъ. Вскорѣ образовалось у насъ по вечерамъ общество изъ сосѣдокъ старыхъ, молодыхъ и пѣвцовъ и пѣвицъ третьяго разряда. Спасшій насъ отъ отравы молодой человѣкъ былъ, какъ сказано выше, плохой теноръ, но отлично умѣлъ забавлять общество играми въ фанты. Между сосѣдками не могу умолчать о молодой дѣвушкѣ пріятной наружности, ея имя было Аделаида, Didina по-милански. Сначала насъ сблизили звуки нашего фортепьяно, а потомъ привычка видѣться часто; она жила въ одномъ домѣ съ нами.

Кватрини, Quattrini (теперь управляющій оркестромъ въ Варшавѣ), недавно пріѣхавшій съ матерью изъ Испаніи, началъ

---

*) Рукою Кукольника написано: «пояснить». Рукою Глинки: «поясненіе ясно—большая часть вѣнскихъ старинныхъ роялей съ барабаномъ».

меня учить по-испански, а матушка его — танцовщица, учила Иванова мимикѣ.

26-го декабря 1830 года миланскіе жители и мы съ нетерпѣніемъ ждали открытія театровъ. Импрезаріи двухъ театровъ: большого театра La Scala, и малаго Carcano вступили въ соперничество. Impresario перваго, надѣясь на привычку миланской публики посѣщать его, какъ обычное мѣсто сборища публики, приобрѣлъ только одну хорошую пѣвицу: Guidetta Grisi, сестру знаменитой впослѣдствіи Джульетты Гризи. Въ маленькомъ же театрѣ Carcano пѣли: Паста, Рубини, Галли и другіе, а какъ maestro, участвовали Беллини и Доницетти. Иванову нанято было кресло (stalle d'orchestre) въ Каркано въ одномъ изъ первыхъ рядовъ; а я въ томъ же театрѣ пользовался ложею d'avant scène нашего посланника при сардинскомъ дворѣ, графа Воронцова-Дашкова, который съ Штеричемъ пріѣхалъ въ Миланъ для развлеченія.

Для открытія театра дали первое представленіе оперы Доницетти: «Анна Болена». Исполненіе мнѣ показалось чѣмъ-то волшебнымъ, въ оперѣ участвовали: Рубини, Паста (которая дѣйствительно отлично выполняла всю роль Анны Болены, въ особенности послѣднюю сцену), Галли, Орланди и т. д. Такъ какъ изъ нашей ложи d'avant scène не ускользали самые нѣжные sotto voce, которые впрочемъ Рубини не доводилъ еще тогда до такой нелѣпой степени, какъ впослѣдствіи, то я утопалъ въ восторгѣ, и тѣмъ болѣе, что въ то время я еще не былъ равнодушенъ къ virtuosité, какъ теперь.

Изъ другихъ оперъ я помню: «La Semiramide» Rossini; «Romeo e Giulietta»—Zingarelli; «Gianni di Calais» Donizetti. Въ концѣ карнавала явилась наконецъ всѣми ожидаемая Sonnambula Беллини. Несмотря на то, что она появилась поздно, не взирая на завистниковъ и недоброжелателей, опера эта произвела огромный эффектъ. Въ немногія, данныя до закрытія театровъ, представленія Паста и Рубини, чтобы поддержать своего любимаго maestro, пѣли съ живѣйшимъ восторгомъ: во второмъ актѣ сами плакали и заставляли публику подражать имъ, такъ что въ веселые дни карнавала видно было, какъ въ ложахъ и креслахъ безпрестанно утирали слезы. Мы, обнявшись

въ ложѣ посланника съ Штеричемъ, также проливали обильный токъ слезъ умиленія и восторга.

Послѣ каждой оперы, возвратясь домой, мы подбирали звуки, чтобы вспомнить слышанныя любимыя мѣста. Въ короткое время Ивановъ довольно удачно пѣлъ аріи и выходки Рубини изъ «Анны Болены», впослѣдствіи было тоже и съ «Сонамбулой». Я аккомпанировалъ ему на фортепьяно, и сверхъ того очень ловко подражалъ Пастѣ, играя на фортепьяно ея аріи къ великому удивленію и удовольствію хозяйки, сосѣдокъ и знакомыхъ. Такимъ образомъ, время шло довольно пріятно, что не мѣшало намъ, однакожъ, страдать порядочно въ зимніе мѣсяцы.

Нашъ маленькій калориферъ, топленный плохо, едва согрѣвалъ нашу просторную комнату. Когда мы ложились, надлежало согрѣвать постель жаровнею (bassinoir), отчего мы чувствовали тепло ложась; но эта пріятная теплота скоро исчезала и къ утру постель и одѣяло были всегда холодны и сыры.

Естественно, что въ продолженіи зимы, дѣло не обошлось безъ страданій и доктора. По совѣту лечившаго Штерича врача, Bataglia, я обратился къ бывшему его сослуживцу и пріятелю De Filippi. Онъ служилъ въ итальянской арміи, и во время кампаніи 1812 г. былъ въ Смоленскѣ. Видъ его былъ важный и внушалъ уваженіе. Но о немъ будетъ рѣчь впослѣдствіи, теперь же упомяну о нѣкоторыхъ другихъ знакомствахъ, пріобрѣтенныхъ около этого времени.

Я не только пользовался ложею посланника графа Воронцова-Дашкова въ театрѣ Carcano, но иногда былъ приглашаемъ къ нему на обѣдъ. Онъ жилъ бариномъ; у него познакомился я съ графомъ Pompeo Belgiojoso, который превосходно пѣлъ баса, и чрезвычайно ловко подражалъ лучшимъ пѣвцамъ, въ особенности Ла-Блашу. Двоюродные братья его, князь Эмиліо Бельджоіозо и младшій братъ его графъ Бельджоіозо, были прекрасные теноры. Первый вскорѣ оставилъ Италію, а второй пѣлъ въ совершенствѣ дуэты съ Pompeo Belgiojoso. Тогда же, кажется, я познакомился съ маркизою Висконти, потомъ со множествомъ второстепенныхъ артистовъ и любителей музыки.

Въ мартѣ 1831 года одинъ ли я, или вмѣстѣ съ Ивановымъ, не упомню, навѣстилъ я еще Штерича, чтобы встрѣтить съ нимъ

пасху. Мы въ то время жили со Штеричемъ душа въ душу и мое присутствіе было ему отрадно, скажу болѣе, полезно. Вскорѣ по пріѣздѣ въ Туринъ ему приглянулась молоденькая танцовщица Colombi; она дѣйствительно была очень миловидна, хотя блѣдна. Онъ, не тратя времени, ловко распорядился и достигъ желаемаго, такъ что сначала дѣло шло какъ нельзя лучше; но мало по малу, матушка его, Серафима Ивановна, любившая его до обожанія, начала безпокоиться и бояться, чтобы не образовалась постоянная и слѣдственно вредная для будущаго поприща (carrière) ея сына, связь между нимъ и танцовщицей. Сначала она выражала свое неудовольствіе легкими намеками, насмѣшками, потомъ дѣло дошло до увѣщаній, просьбъ и упрековъ; это, какъ и всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, еще болѣе привязывало его къ возлюбленной. Наконецъ мнѣ нерѣдко приходилось утѣшать то мать, то сына. Весьма памятно мнѣ, какъ однажды въ Миланѣ во время представленія «Crociato» Мейербеера (музыку, которую я зналъ еще въ Петербургѣ и никогда не любилъ) почти все время Штеричъ рыдалъ жестоко на груди моей.

Возвратясь въ Миланъ, я ожилъ при появленіи чудной итальянской весны, воображеніе зашевелилось и я принялся работать. Въ это время мы уже нѣсколько были извѣстны, въ Миланѣ говорили о насъ, какъ о двухъ maestri Russi, изъ которыхъ одинъ поетъ, а другой играетъ на фортепьяно. Желая поддержать приобрѣтенную уже нѣкоторую извѣстность, я принялся писать пьесы для фортепьяно; для пѣнія еще не осмѣлился начать, потому что по справедливости не могъ еще считать себя вполнѣ знакомымъ со всѣми тонкостями искусства (malizie dell arte). Я началъ съ варьяцій на тему изъ «Анны Болены» Доницетти, которыя посвятилъ Штеричу; написалъ потомъ варьяціи на двѣ темы изъ балета «Chao Kang» (Кіа-Кингъ); ихъ посвятилъ я графу Воронцову-Дашкову. Онѣ впослѣдствіи были перепечатаны въ одномъ изъ музыкальныхъ журналовъ, издаваемыхъ въ Парижѣ. Тою же весною написалъ Rondo на тему изъ «Monteschi è Capuletti» Bellini, и посвятилъ его дочери маркизы Visconti.

Кстати о фортепьянной музыкѣ: еще въ началѣ весны 1831 года, познакомился я съ сочиненіями Pollini, и вскорѣ потомъ

и съ самимъ Pollini. По моему мнѣнію, это былъ одинъ изъ самыхъ примѣчательныхъ итальянскихъ артистовъ въ мою бытность въ Италіи, и, по всей справедливости, ему, а не кому другому, принадлежитъ изобрѣтеніе новаго способа играть на фортепьяно; въ этомъ согласенъ и Листъ, который говорилъ мнѣ, что объ этомъ предметѣ онъ написалъ статью въ какомъ-то журналѣ. Могъ ли воображать Pollini, что изъ его изобрѣтенія возникнетъ со временемъ отвратительная котлетная музыка на фортепьяно?

Въ 1831 году Поллини было около 80 лѣтъ. Онъ поддерживалъ себя строгимъ соблюденіемъ, по убѣжденію своему, предпринятой гигіены: мяса онъ не ѣлъ, а питался только растительною и молочною пищею. Несмотря на годы, игралъ еще, даже многосложные и до его времени никѣмъ не исполнимые, пассажи своей музыки, очень отчетливо и мягко, въ противоположность почти всѣмъ другимъ maestro въ Миланѣ, которые нещадно били руками по клавишамъ. Pollini любилъ свое искусство искренно: сперва онъ писалъ оперы, которыя мнѣ показывалъ; но замѣтивъ, что въ этомъ родѣ не произвелъ ничего особеннаго, рѣшился испытать свои силы иначе, и успѣхъ вполнѣ увѣнчалъ труды его. Въ Миланѣ онъ пользовался заслуженною имъ славою, былъ уважаемъ всѣми и друженъ съ первоклассными художниками всѣхъ отраслей искусства. Россини былъ съ нимъ очень друженъ и однажды пропѣлъ у него всю свою оперу «Отелло» безъ руладъ. Несмотря на это, искусство не было для него средствомъ для приобрѣтенія денегъ или выгодъ; онъ нажилъ себѣ весьма хорошее состояніе изобрѣтеннымъ имъ декоктомъ (rob antisyphilitique) названнымъ имъ «Eau de M. Pollin», бутылку котораго продавалъ онъ по червонцу за каждую.

Я съ удовольствіемъ вспоминаю объ этомъ періодѣ времени. Весною любилъ я послѣ завтрака ходить за городъ, и хотя окрестности Милана плоски, однакожъ чрезвычайно воздѣланы и растительность роскошно хороша въ апрѣлѣ и маѣ. Былъ я на озерѣ Комо сперва одинъ, а потомъ я, Ивановъ, Eliodoro Bianchi и нашъ учитель итальянскаго языка отправились на три дня проѣхаться по окрестностямъ, а именно: сперва въ Комо, оттуда на другой день на пароходѣ въ Varenna, изъ Va-

renna на шлюпкѣ въ Lecco, гдѣ переночевали. На третій день чрезъ Brianza въ Monza и обратно въ Миланъ.

Въ началѣ іюня мы навѣстили Штерича въ Туринѣ, чтобы проститься съ нимъ передъ его отъѣздомъ въ Германію на воды. Тамъ нашелъ я стараго товарища по пансіону Соболевскаго, автора эпиграмъ, и познакомился съ княземъ Элимомъ Мещерскимъ. Серафима Ивановна крайне была раздражена на танцовщицу сына своего и мы нерѣдко съ Соболевскимъ были свидѣтелями смѣшныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ грустныхъ сценъ. Еще въ Туринѣ, сухой жаръ и постоянно ясное небо начали дѣйствовать очень раздражительно на мои нервы. По возвращеніи въ Миланъ, зной усилился, въ особенности вечеромъ; душный воздухъ отъ раскаленныхъ камней и стѣнъ домовъ утомлялъ несказанно; спать не было возможности. Теплыя ванны и пріемы опіума, предписанные Filippi, не дѣйствовали.

Я воспользовался приглашеніемъ одного знакомаго семейства (въ бытность мою въ Миланѣ, не разъ я испытывалъ его радушное и искреннее гостепріимство), навѣстить ихъ въ Ansano. Это деревня не далеко отъ извѣстной долины pian d'Erba, находящаяся между Como и Lecco. Кромѣ озеръ, посѣтителямъ Ломбардіи совѣтую проѣхаться по Brianza и pian d'Erba; вездѣ шоссе.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ, De'Filippi послалъ меня съ Ивановымъ на минеральныя воды въ Trescorre, отстоящія отъ города Бергамо верстъ на тридцать. Нѣсколько этихъ сѣрныхъ ваннъ, съ примѣсью другихъ составныхъ частей, совершенно разстроили мои нервы. Я прекратилъ употребленіе водъ, и посѣтивъ близълежащія озера: Endino, Lovero или Sarnico, возвратился въ Миланъ, откуда нестерпимый зной снова выгналъ меня. Прибывъ вторично въ Trescorre, я уже не бралъ ваннъ, только пользовался превосходнымъ, чистымъ горнымъ воздухомъ.

Тамъ было пріятное общество. Танцы, прогулки и наконецъ кратковременное путешествіе въ Бергамо и Бресшію (Brescia), несмотря на страданія, доставили мнѣ не мало удовольствія.

По возвращеніи въ Миланъ, если не ошибаюсь, я испробовалъ декоктъ, eau de m-r Pollin; самъ Pollini наблюдалъ за его употребленіемъ. Послѣ одной или двухъ бутылокъ самъ

Pollini заставилъ меня прекратить леченіе, потому что невыносимая мигрень не давала мнѣ покою. Несмотря на постоянное страданіе plexus solaris, меня часто навѣщали пріятели Pini и Besana: этотъ послѣдній прекрасно пѣлъ баритономъ и впослѣдствіи сдѣлался извѣстнымъ dilettante. Въ то же время пріѣхалъ въ Миланъ Dessauer изъ Вѣны, и меня съ нимъ познакомили. Впослѣдствіи Dessauer написалъ нѣсколько пьесъ, которыя имѣли успѣхъ въ Парижѣ.

Однажды Соболевскій привелъ ко мнѣ Мендельсона-Бартольди; я былъ боленъ, а онъ, полагаю отъ приобрѣтенной мною и не вполнѣ заслуженной репутаціи превосходнаго піаниста, принялъ со мною нѣсколько насмѣшливый тонъ. Я не игралъ, а онъ, послѣ долгихъ убѣжденій, сыгралъ Rondo въ легкомъ родѣ, по которому мнѣ нельзя было судить о размѣрахъ его таланта.

Ивановъ оставилъ свои уроки съ Eliodoro Bianchi еще до поѣздки къ водамъ Trescorre; мы оба замѣтили, что онъ заставлялъ слишкомъ усиливать голосъ (forcer la voix). Мы рѣшились въ сентябрѣ отправиться въ Неаполь, заѣхали въ Туринъ, откуда Штеричъ проводилъ насъ до Генуи. Не даромъ называютъ этотъ городъ Gènes la superbe; онъ расположенъ амфитеатромъ и мнѣ показался осуществленіемъ описанія Вавилона съ его висячими садами. Мы тамъ пробыли два дня и осмотрѣли все достойное примѣчанія. Наконецъ насталъ день отъѣзда. Штеричъ проводилъ насъ въ шлюпкѣ до парохода. Это было послѣднее съ нимъ свиданіе; онъ скончался въ слѣдующемъ году въ Петербургѣ, вскорѣ по возвращеніи въ Россію.

На другой день рано, мы были въ Livorno; погода была превосходная, это было въ началѣ октября. Изъ Livorno отправились мы, также на пароходѣ, въ Civitta Vecchia, а оттуда въ Римъ, гдѣ пробыли около двухъ недѣль*). Въ то время жила тамъ княгиня Зинаида Волконская. Въ качествѣ наставника, при сынѣ ея былъ Шевыревъ, извѣстный теперь профессоръ московскаго университета, съ которымъ я познакомился въ 1828 году, въ Москвѣ, у Мельгунова. Въ продолженіи пребыванія моего въ Римѣ, онъ былъ моимъ Cicerone и показалъ

*) На полѣ карандашомъ: «Horace Vernet».

всѣ достопримѣчательности съ объясненіями. Въ достоинствѣ церкви св. Петра я не могъ убѣдиться, вѣроятно потому, что и до сихъ поръ готическія и византійскія церкви я предпочитаю всѣмъ другимъ.

Въ концѣ октября, мы поѣхали въ дилижансѣ въ Неаполь, на этомъ пути меня восхищали въ особенности пальмы въ Террачинѣ и кактусы между Itri и Fondi*). Вообще, эти мѣста припомнили мнѣ первыя понятія дѣтства объ отдаленныхъ тропическихъ странахъ, а именно объ Африкѣ. Мы прибыли въ Неаполь 1-го ноября утромъ. Я былъ въ полномъ восторгѣ и долго не могъ налюбоваться необыкновенною, величественною красотою мѣстоположенія. Прозрачность воздуха, ясный праздничный свѣтъ, все это было для меня ново и восхитительно-прекрасно. Отъ отраженія солнца въ заливѣ, какъ въ зеркалѣ, Капри и отдаленныя горы Сорренто, казались въ ясную погоду полупрозрачными, подобно опаламъ.

Окрестности Неаполя можно раздѣлить на слѣдующія 4 группы:

1) Къ сѣверу: Puzzuoli съ окрестностями, монастырь Камальдуловъ, заливъ Байя и островъ Искія.

2) Vomero и Capo di Monte.

3) Везувій, Помпейя, Геркуланъ и Портичи.

4) Кастелламаре, Сорренто и островъ Капри.

Такъ какъ мое намѣреніе было остаться долгое время въ Неаполѣ, я не спѣшилъ осматривать всего примѣчательнаго, а поэтому и не видалъ Сорренто и Капри, о чемъ искренно сожалѣю до сихъ поръ.

Заливъ Байя съ окрестностями я посѣтилъ съ тремя рыжими англичанками: матерью и двумя дочерьми, съ которыми былъ знакомъ еще на Эмскихъ водахъ. Когда мы вошли въ гроттъ Сибиллы и достигли до того мѣста, гдѣ онъ покрытъ водою, то я и англичанки вдругъ очутились верхомъ на спинѣ Lazzaroni, которые намъ служили проводниками. Англичанки, очнувшись отъ изумленія, громко жаловались на англійскомъ языкѣ, а Lazzaroni полагая, что онѣ боятся упасть въ воду, прижималъ ихъ все болѣе и болѣе; это была презабавная сцена**).

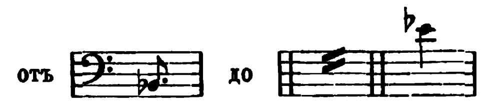
---

*) Рукою Кукольника написано: «объяснить». Рукою Глинки: «не нужно».
**) На полѣ написано карандашомъ: «четвертаго полчаса».

Сочинялъ ли я что въ Неаполѣ? не помню; кажется, что я твердилъ какую-то фортепьянную пьесу для какого-то концерта, у какихъ-то англичанъ.

У Иванова было рекомендательное письмо отъ князя Григорія Петровича Волконскаго (сына бывшаго тогда министра двора, князя Петра Мих. Волконскаго), къ знаменитому учителю пѣнія Nozzari.

Онъ взялся учить Иванова безденежно, несмотря на то, что скупость едва ли не господствующая страсть у теперешнихъ итальянцевъ. Наживъ себѣ прекрасное состояніе, Nozzari оставилъ сцену: но владѣлъ еще голосомъ и его скала отъ нижняго sib до самаго верхняго, а именно:

была удивительно ровна и отчетлива, т.-е. въ своемъ родѣ была столько же превосходна, какъ гамма Фильда на фортепьяно.

Г-жа Фодоръ *) Мейнвіель (просто Өедорова) обличала свое происхожденіе: видъ ея, пріемы, разговоръ на чистѣйшемъ русскомъ нарѣчіи и даже манера носить платокъ и поправлять его часто, все это принадлежало болѣе русской уѣздной барынѣ, нежели итальянской актрисѣ. Она оставила сцену по слабости здоровья, и поселилась въ Неаполѣ. Мы очень часто посѣщали ее. Мужъ ея m-r Mainvielle (бывшій актеръ французскаго театра), женившійся на ней въ Петербургѣ, безпрестанно разсказывалъ анекдоты, случившіеся будто бы съ нимъ въ Россіи во времена Павла I. Сама же она еще превосходно пѣла и выдѣлывала (самые) трудные пассажи такъ ловко и свободно, какъ въ Берлинѣ нѣмки вяжутъ чулки во время разныхъ представленій, не проронивъ ни одной петли. Она очень часто пѣла съ Ивановымъ и, поправляя его, придерживалась той же методы, какъ и Nozzari, который заставилъ Иванова пѣть речитативы

*) На полѣ копіи рукою Кукольника: «Мадамъ Фодоръ точно съ неба упала, надо какой нибудь переходикъ: «Въ Неаполѣ встрѣтился я съ» — или какъ хочешь». Рукою Глинки карандашомъ, который потомъ почти стертъ: «NB. Не нужно; въ печать не пойдетъ. Мимоза». (Прозваніе, которое часто давалъ себѣ Глинка вслѣдствіе болѣзненной чувствительности своего организма. См. Русск. Стар., стр. 383).

Porpora, требуя отъ него непринужденнаго, мягкаго и отчетливаго исполненія. Когда Ивановъ усиливалъ голосъ, онъ его останавливалъ, говоря: «Сила голоса пріобрѣтается отъ упражненія и времени, а разъ утраченная нѣжность (delicatezza) навсегда погибаетъ».

Nozzari и Fodor я обязанъ болѣе всѣхъ другихъ maestro моими познаніями въ пѣніи.

Въ театрѣ Fondo я слышалъ Тамбурини, въ Turco in Italia, Rossini; онъ пѣлъ и игралъ очень хорошо. Въ San Carlo пѣвицей была Ronzi de Begnis, хорошая артистка, но съ голосомъ уже испорченнымъ (voix cassée); Basadonna (теноръ) былъ хорошъ. Моимъ же любимымъ театромъ въ Неаполѣ былъ маленькій театръ S. Carlino; въ немъ играли на неаполитанскомъ нарѣчіи (vago dialetto napolitano). Актеры тамъ были превосходные. Всѣ извѣстныя трагедіи принимали неаполитанскій характеръ съ помощію пульчинелло.

Въ Неаполѣ я встрѣтился съ Карломъ Брюловымъ; тамъ же познакомился съ Беллини; у Доницетти былъ только одинъ разъ, и если не ошибаюсь, тоже въ Неаполѣ.

На одномъ изъ театровъ, кажется, на Teatro nuovo давали въ то время, на неаполитанскомъ нарѣчіи, комическую оперу: Il Ventaglio. Это была довольно забавная пьеса, музыка которой чрезвычайно нравилась секретарю нашего посольства (бывшему моему пансіонскому товарищу) Ремеру; я же находилъ ее пошлою (triviale), и вовсе не искалъ знакомства съ сочинителемъ этой оперы Раймонди. Теперь оказывается, что этотъ Раймонди былъ весьма примѣчательный контрапунктистъ; тогда же онъ не пользовался особенною славою, хотя и былъ директоромъ музыкальной консерваторіи въ Неаполѣ. Вообще, мнѣ не суждено было учиться у строгихъ контрапунктистовъ.

Изъ соотечественниковъ, кромѣ принадлежащихъ къ посольству, я часто посѣщалъ Кайсарову, Михайлова, который былъ женатъ на сестрѣ графа Аркадія Павловича Кутузова. Княгиня Волконская, жена министра двора, часто приглашала меня съ Ивановымъ къ себѣ обѣдать. Докторъ ея Pizzati меня пользовалъ.

Вскорѣ по пріѣздѣ въ Неаполь у меня появилась сыпь, несмотря на которую я съ Ивановымъ отправился, въ декабрѣ

мѣсяцѣ, на Везувій, чтобы видѣть потокъ лавы. Въ Неаполѣ шелъ дождь, а когда мы стали взбираться на Везувій, насъ встрѣтила сильная русская снѣговая мятель. Въ домѣ, назначенномъ для пристанища путешественниковъ, всѣ комнаты были заняты. Надлежало вернуться; къ счастію мы столкнулись съ обществомъ французовъ, которые также принуждены были возвратиться въ Неаполь. Когда мы спускались съ горы, то факелы отъ сильнаго вѣтра погасли, и мы въ потемкахъ шли ощупью держась другъ за друга, чтобы не упасть въ пропасть.

Мы добрались наконецъ, совершенно измокнувъ, до Резины или Resina, гдѣ была коляска нашихъ французовъ; они пригласили насъ ѣхать съ ними до Неаполя. Но не успѣли мы далеко отъѣхать, какъ сломалось колесо, и мы принуждены были версты четыре идти пѣшкомъ. Сыпь скрылась и я захворалъ; оправясь въ короткое время, я снова отправился съ Ивановымъ на Везувій въ ясную зимнюю ночь, и мнѣ вполнѣ удалось видѣть потокъ раскаленной лавы.

Въ послѣдніе мѣсяцы я страдалъ жесточайшей безсонницей; на мою бѣду по тамошнему обычаю, вмѣсто опіума мнѣ давали нерѣдко довольно большіе пріемы бѣлены (Hyosciamus), отъ которой впослѣдствіи раздраженіе нервъ усилилось у меня до такой степени, что я почувствовалъ невыносимую тоску и рѣшился оставить Неаполь. Иванову, напротивъ того, пребываніе въ Неаполѣ послужило въ пользу. Пріѣхавъ въ Италію, онъ не имѣлъ опредѣленной цѣли; но похвалы его голосу, лестный отзывъ Рубини, который нашелъ, что Ивановъ нотою беретъ выше его, польстили его самолюбію, и онъ рѣшился приготовляться для сцены. Въ Неаполѣ мы познакомились съ тамошнимъ придворнымъ живописцемъ, который нашелъ способъ представить Иванова ко двору, гдѣ онъ пѣлъ съ успѣхомъ, вслѣдствіе чего и дебютировалъ, какъ извѣстно, въ Teatro S. Carlo въ Аннѣ Боленѣ.

Я тогда совѣтовалъ Иванову, не прося отсрочки, ѣхать въ Россію, и потомъ, пробывъ тамъ годъ, взять отставку, а потомъ снова возвратиться въ Италію. Онъ пренебрегъ моимъ совѣтомъ.

Вообще Ивановъ былъ человѣкъ трудный, черствый сердцемъ, неповоротливъ и тупъ умомъ. Достоинство его состояло въ прелести голоса и нѣкоторой инстинктивной способности подра-

жать въ пѣніи. Мы съ нимъ не ссорились, но не могли также похвалиться особенной дружбой. Когда мы разстались въ Неаполѣ, то всѣ между нами сношенія прекратились *).

Въ концѣ февраля 1832 г. Ремеръ, ѣхавшій курьеромъ въ Россію, довезъ меня до Рима, гдѣ я остался не долго. Чрезъ Marchi d'Ancona, въ дилижансѣ доѣхалъ я до Болоньи. Тамъ пробылъ сутки; осмотрѣлъ картинную галлерею и Campo Santo. Оттуда чрезъ Парму, Модену и Піаченцу я прибылъ въ Миланъ въ началѣ марта.

Signora Giuseppa Abondio и Дидина обрадовались мнѣ, какъ родному. Вскорѣ я занялъ прежнюю квартиру, и такъ какъ отъ пріемовъ бѣлены въ Неаполѣ я жестоко страдалъ нервами, за мною ухаживали съ искреннимъ участіемъ и заботливостью.

Тогда, помнится мнѣ, было однажды легкое землетрясеніе, и признаюсь, что и легкое сотрясеніе, которое я почувствовалъ будучи въ постелѣ, было весьма непріятно.

Весна снова оживила меня; я принялся за серенаду на темы Somnambula, для фортепьяно, двухъ скрипокъ, альта, віолончеля и контрбаса. Эта пьеса была посвящена молодой дѣвушкѣ, ученицѣ Pollini, которая превосходно ее исполнила, въ іюлѣ мѣсяцѣ того же 1832 года, съ сопровожденіемъ лучшихъ миланскихъ артистовъ. Познакомившись съ семействомъ адвоката Branca, старшая дочь котораго Cyrilla Cambiaggio играла прекрасно на фортепьяно, а вторая, Emilia, порядочно на арфѣ, я принялся за серенаду на темы изъ Анны Болены, Доницетти.

Въ началѣ лѣта, взявши нѣсколько искусственныхъ сѣрно-

---

*) Ивановъ, о которомъ такъ часто упоминаетъ Глинка въ настоящихъ главахъ своихъ записокъ, оставшись самовольно заграницей, пріобрѣлъ тамъ извѣстность первокласснаго тенора. Арена его артистической дѣятельности была большею частію Италія, но едвали онъ ни пѣлъ и въ Лондонѣ. Ивановъ пріобрѣлъ значительное состояніе и еще въ 1865 году жилъ въ роскошной своей виллѣ близъ Флоренціи. Покойный императоръ Николай Павловичъ, какъ говорятъ, былъ весьма разгнѣванъ поступкомъ пѣвца Иванова, и о немъ, со времени его эмиграціи, никогда не упоминали наши газеты и журналы; такимъ образомъ блистательные успѣхи русскаго пѣвца Иванова на европейскихъ сценахъ оставались незамѣченными въ Россіи. Не знаемъ, живъ ли еще этотъ замѣчательный артистъ въ настоящее время. Добавимъ, что поступокъ Иванова навлекъ въ свое время много непріятностей М. И. Глинкѣ, о чемъ, по обычному своему добродушію,—авторъ «Жизни за Царя»—предпочелъ въ своихъ запискахъ умолчать. Ред.

желѣзныхъ ваннъ, я почувствовалъ приливы крови къ головѣ, которые впослѣдствіи разразились такимъ сильнымъ нервнымъ припадкомъ, что докторъ мой De Filippi счелъ необходимымъ увезти меня изъ Милана, гдѣ становилось уже слишкомъ жарко. Въ деревнѣ Luinate, что̀ недалеко отъ городка Varese, находящагося между озерами Maggiore и Como, жила замужняя дочь De Filippi. Она была чрезвычайно высокаго роста, но съ пріятной и выразительной физіономіей. Сверхъ того она была превосходно воспитана, хорошо знала французскій, нѣмецкій и англійскій языки, и играла примѣчательно хорошо на фортепьяно, такъ что лучшіе артисты, какъ напримѣръ Chopin, посѣщали ее; она нерѣдко играла съ нимъ за годъ до моего пріѣзда. Пробывъ въ Luinate нѣсколько дней, De Filippi на обратномъ пути отрекомендовалъ меня и сдалъ на руки пріятелю своему, доктору Branca, брату адвоката Branca, и я у него поселился. Онъ былъ женатъ, у него была малолѣтняя дочка и два сынка, Marchin и Min. Судьба не благопріятствовала ему и неудовольствіе ясно выражалось на лицѣ и въ его острыхъ сѣрыхъ глазахъ. Естественно, что я часто навѣщалъ дочь De Filippi; сходство воспитанія и страсть къ одному и тому же искусству не могли не сблизить насъ. Соображаясь съ ея сильною игрою на фортепьяно, я началъ для нея Sestetto originale для фортепьяно, двухъ скрипокъ, альта, віолончеля и контрбаса; но впослѣдствіи, окончивъ его уже осенью, я принужденъ былъ посвятить его не ей, а ея пріятельницѣ. Я долженъ былъ прекратить частыя мои посѣщенія, потому что онѣ возбудили подозрѣнія и сплетни. De Filippi былъ не мало этимъ огорченъ, и чтобы замять дѣло половчѣе, въ послѣдній разъ нарочно повезъ меня къ дочери; мы прогуливались почти цѣлый день въ шлюпкѣ по Lago Maggiore въ непріятную погоду, которая соотвѣтствовала тогдашнему нашему расположенію духа. Вслѣдствіе разлуки я написалъ романсъ на слова Felice Romani: Ah se tu fossi mieo, которыя мнѣ сообщила дочь De Filippi. Тою же весною, одинъ знакомый Соболевскаго сообщилъ мнѣ въ Миланѣ слова двухъ романсовъ: Побѣдитель, Жуковскаго и Венеціанскую ночь, Козлова; я тогда же написалъ ихъ.

Въ окрестностяхъ Varese много виллъ богатыхъ миланскихъ жителей; но лѣтомъ онѣ необитаемы; по тамошнему обы-

чаю пріѣзжают на дачи осенью и живутъ до конца декабря. Большую часть жителей составляютъ бѣдные и грубые земледѣльцы; слышишь только разговоры о хлѣбахъ, шелкѣ и винноградѣ. Докторъ Branca, хотя и былъ образованъ, но живя постоянно въ деревнѣ, нечувствительно огрубѣлъ и въ его обращеніи было что-то жесткое. Къ моему счастію переѣхала въ Varese племянница доктора, старшая дочь адвоката Branca Cyrilla Cambiaggio съ мужемъ своимъ Isidoro Cambiaggio, простымъ и очень добрымъ человѣкомъ. Начатую мною Серенаду на мотивы изъ Анны Болены для фортепьяно, арфы, альта, віолончеля, фагота и волторны, я продолжалъ у Cambiaggio, гдѣ было маленькое фортепьяно. Пріѣздъ Эмиліи Бранка еще болѣе поощрилъ меня къ труду. Это была дѣвушка необыкновенно стройная и довольно миловидная. Она мнѣ приглянулась, да и я, кажется, былъ ей не противенъ, такъ что въ занятіяхъ, дружескихъ бесѣдахъ и прогулкахъ время проходило пріятно. По окончаніи Серенады рѣшено было исполнить ее на террасѣ дома адвоката Бранка въ Миланѣ; мы надѣялись на огромный эффектъ, но плохо разочли акустику, и звуки разносило на всѣ стороны. Во время репетицій, напротивъ того, пьеса шла удачно; на инструментахъ играли первые артисты изъ Teatro della Scala, когда я услышалъ въ первый разъ Solo моей пьесы для альта, игранное знаменитымъ Rolla, отъ чистоты и вѣрности звука у меня навернулись на глазахъ слезы, а онъ еще спрашивалъ моего совѣта.

Rolla, извѣстный альтистъ, былъ одинъ изъ самыхъ примѣчательныхъ артистовъ своего времени. Ему тогда было 80 лѣтъ, но онъ игралъ еще чрезвычайно отчетливо, вѣрно и безъ тѣни шарлатанства. Управляя оркестромъ въ Teatro della Scala, онъ самъ выправлялъ всѣ партіи, безъ очковъ и ни подъ какимъ предлогомъ, ни разу не уклонялся отъ своей должности.

Когда я пріѣзжалъ въ Миланъ, то нерѣдко навѣщалъ Pollini, который полюбилъ меня; въ особенности послѣ посвященной мною его ученицѣ пьесы, за которую далъ собственный манускриптъ, утратившійся во время путешествія. У него не рѣдко встрѣчалъ я Беллини, съ которымъ сблизился до нѣкоторой степени. Хотя онъ родился у подошвы Этны въ Катано, но былъ бѣлокуръ, бѣлъ и очень пріятенъ лицомъ, роста достойнаго; его

обращеніе и пріемы обнаруживали человѣка принадлежавшаго хорошему обществу. Не рѣдко бесѣдовали мы съ нимъ о нѣмецкихъ композиторахъ, съ которыми онъ былъ не очень знакомъ: писалъ же онъ по инстинктивному чувству, стараясь дѣйствовать на сердце женщинъ преимущественно.

Норму я слышалъ весною въ 1832 году въ Teatro la Scala. Играли Паста, Дондзелли и Giulietta Grisi, тогда только-что начавшая свое поприще пѣвицы; она не была еще такъ тучна, какъ въ Парижѣ, и слѣдственно примѣчательно хороша; но пѣла нѣсколько кошечкой, т.-е. желая смягчить какую-нибудь музыкальную фразу, мяукала нѣсколько въ носъ. Отелло мнѣ болѣе понравился, какъ музыка и какъ драма. Въ послѣдней сценѣ Donzelli былъ такъ превосходенъ, что страшно было смотрѣть на него.

Pini познакомилъ меня (кажется еще въ 1831 году) съ сестрой своей, чрезвычайно больной женщиной, но еще красивой; блѣдностью она походила на превосходную мраморную статую. Мужъ ея, зять Пини по имени Giulini, человѣкъ радушный и веселый, былъ негоціантомъ, но оставилъ дѣла и жилъ съ семействомъ весною, лѣтомъ и зимою въ собственномъ домѣ въ Миланѣ, а осенью на озерѣ Комо, на прелестной дачѣ. У нихъ былъ маленькій сынъ, учившійся въ пансіонѣ; двѣ старшія дочери, Luiggia и Carlotta, были миловидныя, привѣтливыя и благовоспитанныя дѣвушки. Старшая Luiggia пѣла чрезвычайно мило, хотя голосъ ея былъ не силенъ; даже меньшая дочка, лѣтъ пяти, отлично подражала Пастѣ въ послѣдней сценѣ Нормы: In mia man al fin tu sei.

Я часто посѣщалъ семейство Giulini, гдѣ господствовалъ миръ и радушіе и гдѣ всякому гостю было какъ-то весело на душѣ, не взирая на болѣзненное состояніе хозяйки, страданія которой умѣрялись заботливыми попеченіями дочерей, въ особенности Карлотты, которая съ истинною дѣтскою любовью поддерживала ее, водила къ столу и помогала вставать съ кресла.

Pini пѣлъ порядочно теноромъ, Luiggia Giullini сопрано, а сестры ея и пріятельницы contessina Cassera, миловидная блондинка, хорошо исполняла второго сопрано и контральто. Эта contessina Cassera и ея матушка, пріятная и красивая еще женщина, отправились въ Парижъ: по возвращеніи ихъ я по-

святилъ молодой графинѣ сочиненныя мною варьяціи (вѣроятно въ томъ же 1832 году) на тему изъ Montechie Capuletti, Bellini: L'amo, l'amo e a me piu cara. Графиня же, во время пребыванія въ Парижѣ, слыша часто извѣстную Malibran, отъ которой была въ восторгѣ, значительно усовершенствовалась въ пѣніи. Между прочимъ, тріо второго акта изъ оперы, Le comte d'Ory, Россини, шелъ прекрасно, исполненный старшею Giulini, графиней Cassera. Лини. Домашнимъ маестро былъ Mauri, очень хорошій учитель пѣнія. Тамъ же не рѣдко встрѣчалъ я одного изъ первыхъ maestro на фортепьяно Trevani. Въ Миланѣ я встрѣтился еще съ Iwan Müller, кларнетистомъ; онъ считалъ себя русскимъ, потому что былъ родомъ, можетъ быть, изъ остзейскихъ провинцій, или потому, что вмѣсто Johann подписывался Iwan. Главное въ томъ, что посредствомъ множества клапановъ (clefs) онъ могъ играть на одномъ и томъ же кларнетѣ, во всѣхъ тонахъ; хотя отъ этого нововведенія вмѣсто полнаго, свойственнаго этому инструменту звука, онъ издавалъ рѣзкіе тоны, подобные гусиному крику,—изобрѣтатель все-таки гордился своимъ изобрѣтеніемъ. Къ счастью любителей хорошей музыки, этотъ кларнетъ въ оркестръ не введенъ, и вездѣ кларнеты въ B и A продолжаютъ быть въ употребленіи.

По приглашенію Giulini, въ концѣ сентября, я пріѣхалъ погостить къ нему и его семейству, на его прекрасную дачу въ Трамедзинѣ, что̀ на серединѣ озера Комо. Giulini былъ достаточный человѣкъ, домъ былъ прекрасный; мнѣ отвели отличную комнату и угощали такъ, какъ бы у насъ на Руси, только поумнѣе, т.-е. было всего достаточно, но въ мѣру, а не черезъ мѣру. Я помню, какъ теперь, что мнѣ на завтракъ отпускали порцію отличнаго бифштекса, потому что узнали, что я люблю его. Я прожилъ у нихъ почти весь октябрь, и это безспорно послѣднее пріятное время, проведенное мною въ Италіи.

Кромѣ меня гостилъ тамъ Pini и одинъ живописецъ изъ Милана, который потѣшалъ насъ смѣшными фарсами. Рано по утру всякій дѣлалъ, что хотѣлъ. Я, послѣ краткой прогулки, продолжалъ свой секстетъ, котораго началъ уже финалъ. Передъ обѣдомъ собирались всѣ; иногда пѣли, иногда бесѣдовали. Послѣ обѣда, чрезъ нѣсколько времени, отправлялись мы гулять; мѣсяца едва было достаточно, чтобы осмотрѣть близълежащія пре-

лестныя окрестности. Нѣкоторыя деревья начинали уже измѣнять цвѣтъ зелени, и лиловатый отливъ дали чудно гармонировалъ съ предметами болѣе близкими. Я часто восклицалъ въ восторгѣ: O dio! Che tinte! при чемъ хозяинъ Giulini всегда улыбался съ самодовольнымъ видомъ. По вечерамъ собирались сосѣди и сосѣдки, играли въ разныя игры, пѣли и, кто умѣлъ, потѣшалъ общество разными фарсами. Между сосѣдками была пѣвица Този; она иногда пѣла въ нашемъ обществѣ. Ея голосъ былъ силенъ и высокъ, среднія ноты неудовлетворительны. Ей слѣдовало зимою пѣть на театрѣ della Scala въ Миланѣ и дебютировать въ оперѣ: Фаустъ, Доницетти. Такъ какъ въ партитурѣ не было по ея мнѣнію приличной каватины или preghiera для входа, то она попросила меня написать ее. Я исполнилъ ея просьбу и кажется удачно, т.-е. совершенно въ родѣ Беллини (какъ она того желала); причемъ я по возможности избѣгалъ среднихъ нотъ ея голоса. Ей понравилась мелодія, но она была недовольна, что я мало выставилъ ея среднія, по ея мнѣнію лучшія, ноты въ голосѣ. Я попробовалъ еще разъ сдѣлать перемѣны и все не могъ угодить ей. Наскучивъ этими претензіями, я тогда же далъ себѣ зарокъ не писать для итальянскихъ примадоннъ.

Оставя озеро Комо, я отправился въ Varese, а оттуда въ Миланъ. Время стало портиться, а съ нимъ и мое здоровье. De Filippi прожегъ мнѣ затылокъ ляписомъ, при чемъ боль была чрезвычайно сильная и въ прожженое мѣсто входили двѣ большихъ горошины, но раны не образовалось. Теперь еще ясно виденъ знакъ на мѣстѣ операціи. По совѣту поселившагося въ Borgovico подлѣ Como, доктора Франка изъ виленскаго университета, въ концѣ или половинѣ ноября приложили мнѣ на брюхо пластырь изъ камфоры и diachylon. Этотъ злокачественный пластырь погубилъ мои нервы и довелъ меня въ скоромъ времени до отчаянія и до тѣхъ фантастическихъ ощущеній, которыя называются: Sinne-Täuschungen, hallucinations. Въ первую половину зимы страданія мои были еще сносны, и я посѣщалъ театръ и знакомыхъ. Давали тогда превосходный фантастическій балетъ Маскарадъ.

Я посѣщалъ часто семейство Giulini, гдѣ былъ принятъ, какъ домашній; написалъ для Luiggia каватину: Beatrice di

Tenda, слова Pini, потомъ для обѣихъ старшихъ сестеръ: Impromptu en galop, на тему изъ Elisir d'amore, Donizetti. По окончаніи Sestetto, онъ былъ исполненъ у пріятельницы дочери De Filippi. Отецъ этой барышни былъ извѣстный въ Миланѣ seccatore (facheux), т.-е. человѣкъ, который умѣетъ постоянно докучать своимъ неумѣстнымъ посѣщеніемъ и пускаетъ корни, т.-е. остается долго во время посѣщенія. Дочь его сыграла мой Sestetto неудовлетворительно, но поддержали пьесу лучшіе артисты, которые ей аккомпанировали; Pompeo Belgiojoso очень понравился даже ходъ басовъ въ финалѣ. Во время исполненія этой пьесы, я помню, что отъ дѣйствія пластыря у меня нѣмѣли руки и ноги до такой степени, что я щипалъ себя, чтобы убѣдиться, что еще въ нихъ сохранилась жизнь. Но я все еще кое-какъ боролся съ страданіями и писалъ тріо для фортепьяно, кларнета и фагота. Мои пріятели артисты театра della Scala: Tassistro на кларнетѣ и Contu (Контю) на фаготѣ мнѣ аккомпанировали, и по окончаніи финала послѣдній сказалъ съ изумленіемъ: «Ma questo e disperazione»! и дѣйствительно, я былъ въ отчаяніи.

Въ первое время пластырь держался мѣсяцъ, потомъ три, двѣ недѣли; послѣднее же время онъ высыхалъ въ сутки, ибо поглощался, такъ-сказать, организмомъ и надлежало его ежедневно возобновлять, отъ чего у меня члены нѣмѣли. Меня душило, я лишился аппетита, сна и впалъ въ то жесточайшее отчаяніе, которое выразилъ я въ вышеупомянутомъ Тріо.

Я рѣшился ѣхать въ Венецію, чтобы развлечься, надѣясь, что путешествіе, какъ это не рѣдко было, поправитъ мое здоровье. De Filippi одобрилъ мое намѣреніе, и я въ концѣ февраля 1833 года отправился въ дилижансѣ одинъ.

Въ Венеціи, рекомендательныя письма мнѣ вовсе не послужили въ пользу. Въ то время Беллини ставилъ тамъ свою оперу: Beatrice di Tenda, и съ его позволенія я посѣщалъ репетиціи, на которыхъ часто встрѣчался съ Giovanni Ricordi, моимъ издателемъ въ Миланѣ.

Въ то время, музыкальный его магазинъ былъ первый въ Италіи, а можетъ быть и въ цѣломъ свѣтѣ, по числу принадлежавшихъ ему и изданныхъ имъ оперъ. Во Флоренціи также было отдѣленіе того же магазина. Самъ Ricordi былъ очень хо-

рошій человѣкъ. Я присутствовалъ на послѣдней репетиціи и былъ также на первомъ представленіи. Несмотря на всѣ старанія Пасты, исполнявшей роль Beatrice, пьеса не удалась.

Не теряя времени, я осматривалъ достопримѣчательности города; но изъ всего видѣннаго мною, помню только площадь S. Marco, дворецъ дожей съ картинами Tintoretto: Gloria, мостъ Rialto, Греческую обѣдню и безчеловѣчныя орудія пытки, которыя видѣлъ незадолго до отъѣзда, во время собственныхъ мученій.

Хотя на пути изъ Милана въ Венецію я сорвалъ съ себя пластырь, но онъ все еще продолжалъ дѣйствовать, ибо организмъ мой былъ насыщенъ (saturé) имъ. Къ этому вредному дѣятелю присоединились и другіе, а именно морской воздухъ, сирокко, который жестоко свирѣпствовалъ во время моего пребыванія въ Венеціи, и запахъ каменнаго угля, отъ котораго я часто угоралъ по ночамъ. Отъ совокупнаго дѣйствія этихъ причинъ, мое здоровье шло все хуже и хуже; наконецъ, однажды я угорѣлъ такъ сильно, что едва очнулся.

Въ это время, въ одномъ, если не ошибаюсь, трактирѣ со мною, жила супруга нашего посланника въ Римѣ, княгиня Гагарина съ дѣтьми и гувернеромъ, и я посѣщалъ ихъ. Видя мое страданіе, она, кажется, отрекомендовала мнѣ своего доктора, который, приписывая всѣ мои страданія разстройству желудка, предписалъ мнѣ промывательное, которое должно было содѣйствовать моему облегченію. Такъ какъ желаемаго дѣйствія не воспослѣдовало, то онъ предписалъ мнѣ другое промывательное изъ поваренной соли. Это послѣднее произвело такое неожиданно-сильное дѣйствіе, что не знаю, какъ я остался въ живыхъ. Невыносимо-мучительное раздраженіе въ брюхѣ, съ жаромъ и съ замираніемъ, но безъ лихорадки, вмѣстѣ съ мучительнымъ ощущеніемъ страха или лучше сказать ужаса. Этотъ припадокъ продолжался съ поздняго вечера до утра. Я остался въ домѣ княгини Гагариной, а гувернеръ не покидалъ меня и водилъ гулять; но воздухъ мало пособлялъ мнѣ. На другой день я отправился обратно въ Миланъ. Въ дилижансѣ были Ricordi и одна его знакомая дама, которой было лѣтъ за сорокъ; оба они съ участіемъ ухаживали за мной и старались успокоивать

меня во время припадковъ, которые возобновились на другой день путешествія. По прибытіи въ Миланъ, De Filippi нашелъ мой пульсъ въ такомъ положеніи, что велѣлъ мнѣ сейчасъ же пустить кровь изъ лѣвой руки, что однакожъ не произвело значительной пользы. Мои страданія усилились, желудокъ совершенно отказался служить. Мнѣ намазали спину такою мазью, что сошла кожа и по живому мясу мазали морфиномъ. Всѣ и эти другія средства остались тщетными, и болѣзнь, или луше сказать жестокія страданія продолжались около шести недѣль, т.-е. отъ половины марта до конца апрѣля.

Ухаживали за мною Didina, съ невыразимымъ участіемъ, Signora Giuseppa Abbondio и добрый Isidoro Cambiaggio; онъ сажалъ меня въ ванну и водилъ гулять.

Во время припадковъ, возобновлявшихся ежедневно ночью, приходила старушка (garde malade). Къ утру раздраженіе мало-по-малу успокоивалось и я чувствовалъ усталость и нѣчто въ родѣ голода (fausse faim), и тогда я пожиралъ булочки съ оршадомъ изъ дынныхъ сѣменъ, превосходно изготовленныхъ миланскими монахинями. Безъ сомнѣнія, этотъ внушенный мнѣ инстинктомъ самохраненія завтракъ, въ родѣ катаплазма, не мало содѣйствовалъ моему облегченію. Въ промежуткахъ между припадками, страданія становились тусклѣе; я садился за фортепьяно и невольно извлекалъ фантастическіе звуки, въ которыхъ отражались фантастическія, тревожившія меня ощущенія. Но это чрезвычайное раздраженіе нервной системы подѣйствовало не на одно только воображеніе; изъ неопредѣленнаго и сиповатаго голоса, образовался у меня вдругъ сильный, звонкій, высокій теноръ, которымъ я потѣшалъ публику слишкомъ пятнадцать лѣтъ; да и теперь еще съ вспомогательными средствами, подъ иной часъ, вытяну два или три романса.

Въ концѣ апрѣля De Filippi отправилъ меня опять въ Varese къ доктору Branca. Жить мнѣ тамъ было трудно, хотя впослѣдствіи и переѣхали туда Cambiaggio съ женою.

Докторъ по привычкѣ водилъ меня гулять безъ пощады, иногда нанималъ кабріолетъ, и я ѣздилъ съ его сыновьями по окрестностямъ; также не мало ѣздилъ и верхомъ. Отъ этого желудокъ служилъ нѣсколько исправнѣе; но мучительныя ощу-

щенія часто возобновлялись. Иногда бывалъ я въ Миланѣ, но на короткое время. Былъ на озерѣ Комо, гдѣ снова встрѣтилъ Соболевскаго, съ которымъ мы посѣтили Пасту въ день ея имянинъ, въ ея собственной villa; тамъ же барыня, ѣхавшая со мною изъ Венеціи, прислужилась мнѣ Le roy, а потомъ докторъ Франкъ прислужился пластыремъ изъ камфоры съ опіумомъ; по возвращеніи же моемъ въ Varese докторъ Branca угощалъ меня еще чѣмъ-то. При всемъ томъ, мучительныя ощущенія довели меня до глубокой тоски, а сія послѣдняя до ностальгіи (Heimweh).

Къ счастію, я въ іюлѣ мѣсяцѣ получилъ изъ дому извѣстіе, что сестра моя Наталья Ивановна съ мужемъ своимъ Николаемъ Дмитріевичемъ Гедеоновымъ поѣхала въ Берлинъ. Это извѣстіе зажгло во мнѣ желаніе туда же отправиться; а какъ препятствій къ исполненію его не было, то я и оставилъ Италію въ концѣ того же іюля 1833 года.

Не лишнимъ считаю вывести здѣсь краткій итогъ приобрѣтеннаго мною въ мое пребываніе въ Италіи.

Страдалъ я много; но много было отрадныхъ и истинно поэтическихъ минутъ. Частое обращеніе съ второклассными и первоклассными пѣвцами и пѣвицами, любителями и любительницами пѣнія практически познакомило меня съ капризнымъ и труднымъ искусствомъ управлять голосомъ и ловко писать для него. Nozzari и Todor въ Неаполѣ были для меня представителями искусства, доведеннаго до nec plus ultra совершенства; они умѣли сочетать невѣроятную (для тѣхъ, кто не слыхалъ ихъ) отчетливость (fini) съ непринужденною естественностью (grâce naturelle), которыя послѣ нихъ едва ли мнѣ удастся когда либо встрѣтить. Не говорю о Рубини, даже въ пѣніи Пасты было не безъ нѣкотораго рода претензіи на эффектъ. Мои занятія въ композиціи считаю менѣе успѣшными. Не малаго труда стоило мнѣ поддѣлываться подъ итальянское Sentimento brillante, какъ они называютъ ощущеніе благосостоянія, которое есть слѣдствіе организма счастливо-устроеннаго подъ вліяніемъ благодѣтельнаго южнаго солнца. Мы, жители сѣвера, чувствуемъ иначе; впечатлѣнія или насъ вовсе не трогаютъ, или глубоко западаютъ въ душу. У насъ, или неисто-

вая веселость или горькія слезы. Любовь*) у насъ всегда соединена съ грустью. Нѣтъ сомнѣнія, что наша русская заунывная пѣсня есть дитя Сѣвера, а можетъ быть нѣсколько передана жителями Востока; ихъ пѣсни также заунывны, даже въ счастливой Андалузіи. Иванъ Екимовичъ говорилъ: «Послушай поволжскаго извощика; пѣсня заунывна; слышно владычество татаръ;—пѣли,—поютъ, довольно!»

Но обращаюсь къ предмету. Весну и первую половину лѣта 1833 года страданія не допускали меня работать. Я не писалъ, но много соображалъ. Всѣ написанныя мною, въ угожденіе жителямъ Милана, пьесы, изданныя весьма опрятно Giovanni Ricordi, убѣдили меня только въ томъ, что я шелъ не своимъ путемъ, и что я искренно не могъ быть итальянцемъ. Тоска по отчизнѣ навела меня постепенно на мысль писать по-русски.

Итакъ, въ іюлѣ я оставилъ Италію. Докторъ Branca сопровождалъ меня до Вѣны. Ѣхали мы слѣдующимъ путемъ: Romo, Varenna, Colico, Sondrio, Bormio (Valtellina), потомъ чрезъ Monte Stelvio (Ortler-Spitz) въ Тироль до Инспрука. По этимъ мѣстамъ мы путешествовали въ маленькой колясcѣ (chaise de poste), мѣняя ее на каждой станціи. Изъ Инспрука, чрезъ Зальцбургъ, Линцъ, въ Вѣну. Тироль суровѣе Швейцаріи, но виды не такъ живописны; между Инспрукомъ и Зальцбургомъ мѣстоположеніе интереснѣе.

Вѣна, послѣ Италіи, показалась мнѣ мрачною, въ особенности по причинѣ дурной погоды. Я часто и съ удовольствіемъ слышалъ оркестры Ланнера и Штрауса. Докторъ Branca водилъ меня въ восковой анатомическій кабинетъ, объясняя все, въ особенности относящееся до моей болѣзни, чѣмъ не мало успокоилъ мое воображеніе.

Мы совѣтовались съ докторомъ Malfatti; онъ послалъ меня на Баденскія воды, чтó подлѣ Вѣны.

Докторъ Branca остался со мною недѣлю, здоровье мое видимо разстроилось, и когда онъ уѣхалъ, меня повезъ нанятый лакей (Lohnlakay) изъ трактира Дикаго человѣка (zum Wilden Mann) въ Баденъ. Тамошній докторъ, плотный, здоровый и

*) Зачеркнуто и снова подчеркнуто: «это восхитительное чувство, животворящее вселенную».

краснощекій парень, цѣлый день потѣшался верховой ѣздой и танцами; меня же заставилъ пить воды и купаться*); впослѣдствіи, къ ваннамъ присоединили души (douches).

Воды баденскія весьма сильны; онѣ состоятъ изъ сѣры и квасцовъ. Въ скоромъ времени разстройство нервъ дошло до ужасной степени, наконецъ, не только hallucinations, т.-е. обманы чувствъ, начали терзать меня, но ноги и руки не повиновались вполнѣ, и мой лакей долженъ былъ водить меня.

За нѣсколько дней до этого положенія, мой добрый служитель, гуляя со мной, завелъ меня къ католическому священнику, у котораго было фортепьяно. Я началъ импровизировать и вѣроятно очень жалобно, потому что священникъ съ удивленіемъ спросилъ меня: «Какъ возможно въ ваши лѣта играть такъ грустно?» — «Что же дѣлать! Вѣдь не легко быть приговореннымъ къ смерти, особенно въ цвѣтѣ лѣтъ», отвѣчалъ я, при чемъ кратко разсказалъ мои страданія, а также и то, что всѣ испытанныя средства служили только къ бо́льшему и бо́льшему разстройству моего здоровья. Священникъ спросилъ, прибѣгалъ ли я къ гомеопатическому леченію. Я принялъ это за насмѣшку. Могъ ли я предполагать, чтобы невидимые, такъ-сказать, атомы лекарствъ, содержащіеся въ мелкихъ крупинкахъ, могли дѣйствовать послѣ тѣхъ массъ лекарствъ, въ которыя меня погружали, и которыя я выпилъ. Онъ однакоже настоятельно старался убѣдить меня и заключилъ рѣчь свою слѣдующимъ образомъ: «Вы считаете себя приговореннымъ къ смерти; въ такомъ случаѣ, не все ли вамъ равно умирать отъ аллопатіи или гомеопатіи?»

Когда я впалъ въ такое жестокое состояніе, что мой добрый лонъ-лакей потерялъ голову, онъ послалъ за своей женой, женщиной зрѣлыхъ лѣтъ. Она, не теряя времени, явилась и сейчасъ съ мужемъ увезла меня въ Вѣну. Финансы мои были въ самомъ жалкомъ положеніи. Поѣздка изъ Варезе въ Вѣну, издержки на обратный путь доктора Бранка, и ужасная дороговизна жизни въ Баденѣ, почти совершенно истощили казну мою. Мои добрые покровители (близкихъ знакомыхъ въ Вѣнѣ не было) помѣстили

*) «Вотъ всегдашнія слова его: Trinken Sie und baden Sie sich fleißig — alles wird sich geben.» Прим. Глинки карандашомъ въ копіи на полѣ.

меня у себя на квартирѣ, въ скромной, но опрятной комнаткѣ, и ухаживали за мною съ постоянною заботливостью. Сейчасъ по пріѣздѣ въ Вѣну я вспомнилъ слова священника и отправился къ рекомендованному имъ доктору, по имени: Marn-Zeller. На другой день, по пріемѣ даннаго симъ послѣднимъ гомеопатическаго средства, я стоялъ уже крѣпче на ногахъ, въ короткое же время и расположеніе духа стало спокойнѣе, хотя непріятныя ощущенія все еще продолжали тревожить меня.

Получивъ деньги, я съ признательностью расплатился съ своими гостепріимными покровителями, на нѣсколько времени оставилъ лонъ-лакея при себѣ; самъ же переѣхалъ въ Kärtner Straße. Это было въ концѣ августа. Я принялся для развлеченія читать Шиллера и переписывать любимыя пьесы; равнымъ образомъ нанялъ фортепьяно и твердилъ варьяціи Герца на разныя темы. Наслушавшись Ланнера и Штрауса, не разъ пытался сочинять, и помню, что тогда изобрѣлъ тему, послужившую мнѣ для Краковьяка въ «Жизни за Царя», а именно:

Въ сентябрѣ, проѣздомъ были въ Вѣнѣ Павелъ Васильевичъ Энгельгардъ съ женою, и кузина моя Наталья Ивановна съ мужемъ своимъ П. П. Рындинымъ. Я провелъ съ ними пріятно нѣсколько дней. Вскорѣ по ихъ отъѣздѣ прибылъ въ Вѣну братъ зятя моего Гедеонова, находившагося уже тогда въ Берлинѣ, Өедоръ Дмитріевичъ; онъ поселился со мною и доводилъ до слезъ отъ смѣху каждое утро, болтая со мною скороговоркою по-нѣмецки.

Согласуясь съ моимъ непреодолимымъ желаніемъ свидѣться съ сестрой и его братомъ, онъ, въ первой половинѣ октября, съ свойственною ему ловкостью, и въ короткое время устроилъ все для путешествія; во время пути заботился обо мнѣ, какъ бы о родномъ братѣ, и когда я охалъ, то онъ пѣлъ пѣсни и разсказывалъ побасенки, чтобы развлечь меня. Я въ вѣкъ буду ему за это признателенъ.

Я ожилъ душою при свиданьи съ сестрою и зятемъ. Сестра была необыкновенно кротка и доброты неизреченной; зять мой,

добраго, открытаго нрава, но очень вспыльчивъ. Сестру пользовали: операторъ Диффенбахъ, извѣстный во всемъ свѣтѣ, и королевскій акушеръ Гауке. Этого послѣдняго зять прозвалъ китомъ. Когда ему отрекомендовали меня, то онъ спросилъ съ видомъ удивленія, указывая на меня: «Comment! lui, compositeur?» и вслѣдствіе того далъ мнѣ съ зятемъ музыкальный вечеръ; тамъ явилось штукъ пятнадцать нѣмочекъ съ нотами, которыя съ листа пропѣли нѣсколько хоровъ, преимущественно Шпонтини (Spontini).

Диффенбахъ посовѣтовалъ мнѣ гусарскую жизнь (Hussaren Leben) и гимнастику; но ни то, ни другое не произвело желаннаго успѣха.

Въ Берлинѣ встрѣтилъ я пансіонскаго товарища Чиркова, страннаго, но милаго и образованнаго человѣка, съ которымъ я жилъ въ Петербургѣ въ 1828 г.*). Пріѣхавъ въ Берлинъ, сначала поселился я съ сестрою и зятемъ въ Jäger-Straße, № 10**), во второмъ этажѣ; но впослѣдствіи занялъ въ томъ же домѣ, въ томъ же этажѣ, насупротивъ сестры и зятя и подобную имъ квартиру. Чрезъ нѣсколько времени по пріѣздѣ, я встрѣтился съ учителемъ пѣнія Тешнеромъ, котораго зналъ еще въ Миланѣ. Онъ познакомилъ меня съ своей ученицей Маріей. Ей было лѣтъ 17 или 18. Она была нѣсколько израильскаго происхожденія, высокаго роста, но еще не сложилась; лицомъ же очень красива и походила нѣсколько на Мадонну. Кромѣ Маріи, семейство состояло изъ отца, матери и двухъ братьевъ. Я началъ учить ее пѣнію и написалъ для нея этюды; изъ одной изъ нихъ, впослѣдствіи, я аранжировалъ Еврейскую пѣсню для драмы Кукольника: К. Холмскій. Почти ежедневно видѣлъ Марію, и нечувствительно почувствовалъ къ ней склонность, которую, кажется, и она раздѣляла.

Тотъ же Тешнеръ отрекомендовалъ мнѣ гомеопатическаго доктора Штюллера, у котораго я постоянно пользовался во все время пребыванія моего въ Берлинѣ.

Ему же, т.-е. Тешнеру обязанъ знакомствомъ съ Зигфридомъ Деномъ (Dehn); онъ теперь Custos музыкальнаго отдѣ-

---

*) См. «Рус. Стар.» Май, стр. 486.

**) «Теперь, къ сожалѣнію этотъ домъ вновь перестроенъ. 1856. Іюнь».

ленія королевской библіотеки въ Берлинѣ*); я учился у него около пяти мѣсяцевъ, и въ самое короткое время онъ узналъ степень свѣдѣній моихъ и способности; распорядился же онъ такъ: задавалъ мнѣ писать трехъ, а потомъ четырехъ-голосныя фуги или, лучше сказать, скелеты, экстракты фугъ безъ текста, на темы извѣстныхъ композиторовъ, требуя при этомъ соблюденія принятыхъ въ этомъ родѣ композиціи правилъ, т.-е. соблюденія экспозиціи, стреттъ и педали. Онъ привелъ въ порядокъ мои теоретическія свѣдѣнія, и собственноручно написалъ мнѣ науку гармоніи или генералъ-басъ, науку мелодіи или контрапунктъ и инструментовку; все это въ четырехъ маленькихъ тетрадкахъ. Я хотѣлъ отдать ихъ напечатать, но Денъ не изъявилъ на то согласія**).

Нѣтъ сомнѣнія, что Дену обязанъ я болѣе всѣхъ другихъ моихъ maestro; онъ, будучи рецензентомъ музыкальной Лейпцигской газеты, не только привелъ въ порядокъ мои познанія, но и идеи объ искусствѣ вообще, и съ его лекцій я началъ работать не ощупью, а съ сознаніемъ. Притомъ, онъ не мучилъ меня школьнымъ и систематическимъ образомъ, напротивъ, всякій почти урокъ открывалъ мнѣ что-нибудь новое, интересное. Однажды онъ далъ мнѣ тему, состоявшую изъ 8-ми тактовъ, съ тѣмъ, чтобы я написалъ на нее скелетъ фуги къ слѣдующей лекціи. Тема эта походила болѣе на речитативъ, нежели на удобную для фуги мелодію, и я тщетно хлопоталъ надъ ней. На слѣдующей лекціи, онъ еще разъ попросилъ меня заняться этой темой, и я также бился съ ней понапрасну. На третью лекцію Денъ явился съ огромною книгою, содержавшею фугу Генделя на ту тему, съ которою я не могъ совладать. По разсмотрѣніи ея оказалось, что вся разработка великаго композитора была основана на восьмомъ тактѣ; первые же 7 тактовъ проявлялись только изрѣдка. Однимъ этимъ соображеніемъ я постигъ, что̀ такое фуга.

Кромѣ уроковъ Дена и уроковъ Маріи, я отчасти занимался сочиненіемъ. Написалъ два романса: «Дубрава шумитъ» Жуковскаго и «Не говори любовь пройдетъ» Дельвига; варья-

*) «И, безспорно, первый музыкальный знахарь въ Европѣ». Примѣч. Глинки карандашомъ на поляхъ копіи съ записокъ.

**) Тетради эти, въ числѣ пяти, находятся въ И. П. Библіотекѣ. См. Отчетъ 1868, стр. 33.

ціи на тему «Соловей» Алябьева для фортепьяно, также Potpourri на нѣсколько русскихъ пѣсенъ въ 4 руки; въ этой послѣдней видно поползновеніе на контрапунктъ. Также этюду увертюры-симфоніи на круговую (русскую тему), которая впрочемъ была разработана по-нѣмецки.

Эти двѣ послѣднія пьесы, равно какъ и большая часть моихъ упражненій съ Деномъ, должны быть въ собраніи моихъ сочиненій у П. В. Энгельгардта*).

Мысль объ національной музыкѣ (не говорю еще оперной), болѣе и болѣе прояснялась; я сочинилъ тему «Какъ мать убили» (пѣснь сироты изъ «Жизни за Царя»), и первую тему Allegro увертюры. Должно замѣтить, что я въ молодости, т.-е вскорѣ по выпускѣ изъ пансіона, много работалъ на русскія темы.

Кромѣ собственныхъ занятій, я мало слышалъ музыки въ Берлинѣ во время тогдашняго моего пребыванія. Помню, что видѣлъ однажды въ театрѣ представленіе оперы «Une folie» Мегюля. Марія игрывала иногда съ аккомпаниментомъ скрипки. Тешнеръ познакомилъ меня съ фортепьянистомъ Бергеромъ, написавшимъ превосходные этюды для фортепьяно; онъ, несмотря на нервный ударъ, поразившій одну изъ его рукъ, игралъ еще очень хорошо.

Такимъ образомъ, мы проживали тихо и пріятно до конца марта.

Я однажды съ Чирковымъ поѣхалъ въ Шарлотенбургъ; по возвращеніи узналъ я отъ зятя, что батюшка скончался. Это извѣстіе поразило меня тѣмъ болѣе, что хотя и писали, что отецъ былъ боленъ, но въ такихъ терминахъ, что я никакъ не мыслилъ объ опасности. Такъ какъ все искусство Диффенбаха оказалось тщетнымъ надъ моею сестрою, которая съ ангельскою кротостью выдержала нѣсколько операцій, то мы рѣшились возвратиться домой.

Въ это время случилось маловажное происшествіе, имѣвшее странное вліяніе на судьбу мою. Вдова, служившая сестрѣ въ качествѣ горничной и garde-malade, имѣя малолѣтныхъ дѣтей, не могла ѣхать съ сестрою. Вызвали чрезъ газеты желаю-

*) Теперь въ И. П. Библіотекѣ. Отч. 1868, стр. 33.

щихъ съ нами ѣхать; явилось до сорока нѣмочекъ, между ними одна довольно миловидная дѣвушка, но съ предлинными руками и ногами. Когда она вошла къ намъ, я очень хорошо помню, что я тогда же сказалъ сестрѣ: «Бери кого хочешь, только не эту». Пришлось однакожъ взять эту, Луизу, потому что всѣ прочія отказались ѣхать въ Россію.

Итакъ, въ апрѣлѣ 1834 г. отправились мы изъ Берлина въ коляскѣ: сестра, зять, я и Луиза. Мы ѣхали на Познань, Кёнигсбергъ, Тильзитъ, Юрбургъ, Ковно, Вильно, Минскъ и Смоленскъ. Прибывъ въ концѣ апрѣля въ Новоспасское, я вовсе не помню, какъ провелъ время до іюня; полагаю, что велъ жизнь тихую и довольно пріятную.

Въ іюнѣ я поѣхалъ въ Москву, чтобы повидаться съ пріятелемъ моимъ Мельгуновымъ. Онъ жилъ въ томъ же собственномъ домѣ подъ Новинскимъ. Мнѣ отвели комнаты, въ которыхъ, съ насмѣшкою сказалъ мнѣ Мельгуновъ, всѣ тѣ, которые поживутъ, непремѣнно женятся, какъ напримѣръ Шевыревъ. Въ мезонинѣ жилъ Павловъ (авторъ впослѣдствіи извѣстныхъ повѣстей). Онъ далъ мнѣ свой романсъ: «Не называй ее небесной», не задолго имъ сочиненный, который я положилъ на музыку при немъ же. Сверхъ того запала мнѣ мысль о Русской оперѣ. Словъ у меня не было, а въ головѣ вертѣлась «Марьина роща» и я игралъ на фортепьяно нѣсколько отрывковъ сценъ, которыя отчасти послужили мнѣ для «Жизни за Царя».

При томъ же я хотѣлъ доказать публикѣ, что не даромъ странствовалъ по Италіи. Отецъ Мельгунова былъ еще живъ, и у него собралось нѣсколько семействъ, принадлежавшихъ къ высшему московскому обществу; были, между прочимъ, Bravura и Кирѣева, урожденная Алябьева; обѣ весьма красивыя и образованныя барыни. Я пѣлъ и игралъ свои сочиненія и эти послѣднія, кажется, съ аккомпаниментомъ струнныхъ инструментовъ.

Въ то время сблизился я съ композиторомъ Гебелемъ и неоднократно слушалъ его квинтеты и квартеты хорошо исполненные; также видался съ Геништой, авторомъ «Черная шаль» и элегіи «Шуми, шуми послушное вѣтрило». Тогда же познакомился съ извѣстной пѣвицей-любительницей, Прасковьей

Арсеньевной Бартеневой, и она проходила со мной мои романсы. Вообще, все время пребыванія моего въ Москвѣ я провелъ очень весело.

(Окончаніе во II-мъ томѣ «Рус. Стар.»).

УКАЗЫ, РЕСКРИПТЫ, ПИСЬМА, ДОНЕСЕНІЯ, ПРЕДАНІЯ, ЗАМѢТКИ.

Исполненіе указа Петра Великаго о бритіи бородъ въ Соликамскѣ 1705 г.

(Разсказъ Ѳ. А. Прядильщикова).

Весной 1705 года, въ Соликамскѣ полученъ именной указъ Петра Великаго отъ 16 января того же года, о бритіи бородъ и перемѣнѣ русскаго платья на нѣмецкое. Долго размышлялъ воевода о томъ, какъ объявить горестную новость подчиненнымъ и всему народу, а главное, какъ добиться, чтобъ воля его царскаго величества не осталась неисполненною; наконецъ, рѣшилъ—огласить законъ въ церкви, да тутъ же и покончить дѣло.

Дождавшись перваго воскресенья, градоначальникъ шлетъ жителямъ Соликамска повѣстку явиться къ обѣднѣ въ соборъ: есть-де указъ отъ двора государева такой, который должны выслушать всѣ и послѣ невѣдѣніемъ его отнюдь себя не оправдывать. Граждане поспѣшили въ храмъ. Когда богослуженіе было совершено, воевода велитъ народу пріостановиться, самъ всходитъ на амвонъ и громко прочитываетъ роковую бумагу за подписью: „Петръ“.

Въ этомъ диковинномъ указѣ, между прочимъ, возвѣщалось, что-де: „на Москвѣ и во всѣхъ городахъ, царедворцамъ и дворовымъ, и городовымъ, и приказнымъ всякихъ чиновъ служивымъ людямъ, и гостямъ и гостиной сотни и черныхъ слободъ посадскимъ людямъ всѣмъ сказать: чтобы впредь съ сего, его великаго государя указа, бороды и усы брили. А буде кто бородъ и усовъ брить не похотятъ, а похотятъ ходить съ бородами и съ усами, и съ тѣхъ имать...“ поборы денежные. Далѣе слѣдовало опредѣленіе размѣра таковыхъ поборовъ, простиравшихся отъ 30 до 100 руб. съ человѣка на годъ и угроза начальствующимъ по городамъ лицамъ, что-де „если они станутъ въ томъ указѣ чинить кому поноровку, и воеводамъ за то быть въ опалѣ, а бурмистрамъ въ наказаніяхъ и въ разореніи безъ всякой пощады.“

Ужасъ объялъ православныхъ, свѣдавшихъ чего требуетъ императоръ.

„Послѣдніе годы! послѣдніе годы!“ шептали между собой старики, покачивали головами и, хотя не говорили, а думали: Нѣтъ, пускай въ нашемъ животѣ и смерти будетъ воленъ великій государь; не покоримся обычаю еретиковъ!“ Срокъ однако исполненія указа насталъ гораздо ближе, чѣмъ старики думали. Лишь только смущенная толпа поворотила къ дверямъ церкви, вдругъ встрѣтила насиліе. Солдаты, заранѣе поставленные здѣсь, схватываютъ каждаго взрослаго мужчину: одинъ изъ стражей держитъ бѣдняка за руки, другой остригаетъ ему усы и бороду; третій, припавши внизъ, обрѣзываетъ полы кафтана выше колѣнъ.

Картина была, по истинѣ, жалостная!

У рѣдкихъ жертвъ достало смѣлости оборонять свое лицо и платье; большая часть несчастныхъ, не обращая ни на что вниманія, торопилась ловить валившіеся изъ-подъ ножницъ клочья волосъ и заботливо прятали ихъ въ пазуху. При видѣ окарнанныхъ отцевъ и мужей, дѣти и жены подняли страшный вой, словно надъ покойниками: оттого возвратъ семействъ въ домы уподобился похоронному шествію.

Многіе изъ соликамцевъ, сохранивъ остатки бородъ до дня своей кончины, замѣщали положить поруганную святыню, вмѣстѣ съ ними, въ гробъ. Какъ сказано, такъ и сдѣлано.

Сообщ. **Ив. В. Вологдинъ.**

Примѣчаніе. Настоящій разсказъ сообщенъ изъ Очерскаго завода, Пермской губерніи, И. В. Вологдинымъ, которымъ и записаны со словъ Өедора Аѳанасьевича Прядильщикова, бывшаго томскаго директора училищъ, который, въ свою очередь, слышалъ преданіе это отъ соликамскихъ. старожиловъ.

Ред.

Указъ Петра І-го Шацкой провинціи воеводѣ Өедору Ляпунову.

11-го мая 1721 г.

Понеже въ здѣшнихъ краяхъ, какъ въ Курляндіи, въ Лифляндіи, такъ же въ Прусахъ у мужиковъ обыкновеніе такое, что хлѣбъ снимаютъ вмѣсто серповъ малыми косами съ граблями, что предъ нашими серпами гораздо скоряе и выгоднѣе, такъ что средній работникъ за 10 человѣкъ сработаетъ, изъ чего видѣть можно какое великое подспорье будетъ въ работахъ, для чего хлѣба умножать будутъ, того для сыскали мы такихъ мужиковъ, чтобъ обучали нашихъ, изъ которыхъ посылаемъ къ вамъ, въ Шацкую провинцію 9 человѣкъ

съ такими косами и прочими ихъ инструментами, и когда они у васъ явятся, тогда опредѣлите ихъ въ Шацкомъ, въ Касимовскомъ уѣздахъ и въ прочихъ хлѣбородныхъ мѣстахъ присутствующихъ вашей провинціи, чтобъ въ оныхъ мѣстахъ нашихъ русскихъ мужиковъ обучили хлѣбъ снимать такими косами съ граблями и понеже хотя что добро и надобно, а новое, то наши люди безъ принужденія не сдѣлаютъ, того ради распоряди самъ и пошли вѣрныхъ людей, чтобъ конечно нынѣшнимъ лѣтомъ выучить сколько возможно; такъ же во всѣ провинціи вели такія косы и грабли дѣлать и сроку дай, чтобъ конечно отъ сего лѣта, въ то лѣто всѣ въ вышеупомянутыхъ мѣстахъ хлѣбныхъ такъ косили, а нынѣ сколько выучишь и сколько косъ съ граблями сдѣлано у мужиковъ будетъ и сколько симъ образомъ скосятъ гдѣ и чьѣ мужики, о томъ намъ рапортуй сентября въ послѣднихъ или октября въ первыхъ числахъ, ибо взыщется на васъ, и пока они тамъ будутъ жить и обучать велите имъ давать пропитаніе и къ тому давать денегъ по полтинѣ на мѣсяцъ каждому и квартиры гдѣ жить, а сколько такихъ мужиковъ и сколько при нихъ косъ и прочаго послано и кто они, имянно тому при семъ прилагается роспись.

На подлинномъ собственною его императорскаго величества рукою написано: **Петръ.**

Изъ Риги въ 11 день маія 1721 года. Записать въ книгу и чинить обо всемъ какъ сей его царскаго величества указъ повелѣваетъ.

Въ Шацкъ полученъ іюня 23-го 1721.

Роспись мужиковъ которые посланы въ шацкую провинцію.

Лифляндцы: Пиркіяне, Вище буде Петеръ.

Русскіе, которые въ Курляндіи жили и косить хлѣбъ умѣютъ: Христъ Ларіоновъ, Иванъ Өедоровъ, Гаврилъ Игнатьевъ, Власъ Петровъ, Савелій Григорьевъ, Лаврентій Федотовъ, Егоръ Агѣевъ.

Симъ всѣмъ мужикамъ давать денегъ по полтинѣ на мѣсяцъ, какъ въ указѣ писано, однако которые хорошо будутъ обучать нашихъ, то, по разсмотрѣнію своему, для потѣшенія ихъ деньгами или инымъ чѣмъ учините и прибавку дабы прилежнѣе обучали (а особливо лифляндцамъ, ибо они лучшіе мастера хлѣбъ косить) и велите за ними смотрѣть, чтобъ не ушли. Алексѣй Макаровъ.

Изъ Риги въ 11-й день мая 1721 г.

Сообщ. **Р. П. Ситовскій.**

Примѣчаніе. Приведенный указъ съ приложенною къ нему вѣдомостью есть одно изъ исполненій общаго имянного указа, даннаго Петромъ Великимъ, 11 мая 1721 года, президенту камеръ-коллегіи князю Голицыну объ отправленіи въ разныя хлѣбородныя мѣста крестьянъ для обученія мѣстныхъ обывателей снимать хлѣбъ съ поля косами (П. С. З. т. VI № 3781). Между прочимъ объ одномъ изъ этихъ указовъ упоминаетъ Болотовъ въ своихъ за-

писках («Русская Старина» т. I, прил. стр. 26), говоря, что отецъ его «посыланъ былъ изъ Риги отъ самого государя (Петра I) для отвоза жнецовъ нѣмецкихъ въ наши степныя мѣста».

Ред.

Указы Петра Великаго Коммерцъ-Коллегіи *).

1) Передъ отъѣздомъ нашимъ изъ Москвы апрѣля въ послѣднихъ числахъ объявилъ намъ дѣйствительный тайный совѣтникъ и бывшій Комерцъ Коллегіи президентъ господинъ Толстой, что со взятыхъ прісовъ 1718 и 1719 годовъ за продажные товары осталось въ Коммерцъ Коллегіи денегъ одиннадцать тысячъ семьсотъ тридцать одинъ рубль; того для, по полученіи сего указа, изъ тѣхъ денегъ отпустите къ генералу прокурору господину Ягушинскому на нѣкоторые наши расходы съ десять тысячъ талеровъ мелкими деньгами, по нынѣшнему вексельному курсу, что надлежитъ.

Въ 30 августа 1722 г. «Петръ».

2) По вѣдомостямъ, каковы сообщены Каммеръ-Коллегіи отъ тайнаго дѣйствительнаго совѣтника господина Толстаго о вывозѣ изъ Итали марморовыхъ штукъ на Питергофскую каскаду съ купцами Маріотомъ и Вустели имѣть счетъ и что надлежитъ по договору ихъ заплатить, то число имъ выдать изъ тѣхъ денегъ, которые Коммерцъ Коллегія должна Кабинету, а коликое число марморовыхъ штукъ въ Питергофъ принято и какой договоръ о провозѣ ихъ былъ, о томъ надлежитъ снестись съ нашимъ Кабинетомъ.

Въ 9 іюля 1723 г., на кораблѣ «Екатерина». «Петръ».

3) Понеже указомъ нашимъ повелѣно брулантамъ изъ Франціи въ домъ нашъ вывесть разныхъ винъ нѣсколько бочекъ, также и въ бутылкахъ, изъ которыхъ нынѣ уже и привезено въ Питербурхъ на одномъ кораблѣ нѣсколько бочекъ, которые вины съ того корабля, за недачею пошлинъ, отъ Коммерцъ Коллегіи удержаны и, по полученіи сего, оные вины съ того корабля велите немедленно въ домъ нашъ отдать Петру Мошкову, а что надлежитъ взять пошлинъ, то число положите на счетъ Дворцовой Канцеляріи; также, когда и достальные вины привезутъ, то оные потому жъ отдавайте и пошлины кладите на дворцовую жъ Канцелярію, дабы въ замедленіи оные вина неиспортились. «Петръ».

Въ 29 мая 1724 г. въ Москвѣ.

Сообщ. П. Н. Петровъ.

---

*) Помѣщаемые здѣсь три указа императора Петра I-го не вошли въ Полное собраніе Законовъ. Ред.

Докладъ Петру Великому по монетному дѣлу.

§ 1. Пудъ мѣди цѣна 8 р., да за передѣлъ полъ-два ($1^1/_2$) рубля и того 9 съ полтиной.

§ 2. Старыхъ большихъ копѣекъ выйдетъ изъ пуда 20 руб., прибыли будетъ 10 р. съ полтиною. — (Помѣта съ боку): Во 100 рубл. вѣсу 5 пуд.

§ 3. А ежели дѣлать копѣйки противъ большихъ вполы, каковы денежки, и того изъ пуда выйдетъ 40 руб. — (Помѣта съ боку): во 100 рубл. 2 пуда съ половиною. (Другая, по видимому, къ слову денежки): въ 703 году.

§ 4. А понеже подлый народъ мѣдныя деньги нынѣ съ радостью употребляетъ, того для, безо всякаго сумнѣнія, можно сихъ дѣлать еще въ вѣсу съ убавкою, а именно привесть такъ, чтобъ изъ пуда въ передѣлѣ было 50 руб., только чтобъ монета была тисненіемъ самымъ лутчимъ и кругомъ сдѣлать рубчики или литеры, чтобъ не можно было ворамъ поддѣлываться, ибо народъ смотритъ на чистоту монеты, а не на тяжелину вѣса, и оттого можно надѣяться, что нарочитая государственная польза будетъ, а народу ни малой о томъ обиды не будетъ, для того что 4 полушки нынѣшнія противъ той послѣдней денежки сходны вѣсомъ сошлись. — (Помѣта съ боку): 100 рубл. изъ 2 пуд.

Сообщ. **М. Д. Хмыровъ.**

Записка Петра Великаго о фортеціяхъ.

6-го декабря 1724 года.

Фортеціи регулярные готовые.

Фортеціи	
Питербурхъ Кексхольмъ Нарва Ивангородъ Рига Динаментъ Псковъ Святаго Креста Кiевъ на печерах Городъ Архангелской	Сіи исполнить, гдѣ не достаетъ алтиллеріею, сколко которая крѣпость требуетъ, а омунициею на двѣ осады; канонировъ доволно будетъ къ 2 пушкамъ 3 человѣка и по препорціи офицеровъ. Кіевъ старой, по моему мнѣнію, лутче оставить одинъ внѣшней валъ отъ линѣи, которою мы дѣлали (отъ печерской крѣпости к) до конца горы к Днѣпру, а протчіе разорить, что полагаю на воинскій совѣтъ.

Фортиціи і ситадели, которы дѣлаютца и дѣлать надобно. Шлютельбурхъ, Смоленскъ, Выборхъ, которой гораздо крѣ-

пить надлежить. Дербень, Вака, в Гиляни і Мизондронѣ. Сколько и какихъ быть надлежить, положить не возможно, пока подлинною карту і совѣтъ тамошнихъ офицеровъ получимъ.

Кронштадтъ—фортиция зѣло великая, вкоторой з двѣ тысечи пушекъ надобно. Но содержание оной алтилериі и служителей невеликаго кошту требуетъ, ибо канонироѳъ одной компаниі доволно, понеже когда флот в морѣ никакого опасения нѣт, а когда дома, то не одна тысеча добрых канонироѳъ із флота употребить мочно. Также станки пушечные із адмиралитействъ содержать могутъ. Толко починку фортециі і вышереченную компанию определить должно резон ли содержать такъ, какъ нынѣ суть; а междо тѣмъ подумать, когда Рогорвикъ сфортификуется, нужно ль оные будетъ? Нынѣ же оная за фортицию почестся не можетъ; а ежели додѣловать такъ, какъ зачата і три болварка здѣланы, то ни вдвадцать лѣтъ не отдѣлать, понеже Шведы одинъ болварокъ 17 лѣтъ дѣлали. Ктомужъ ежели оныя бастионы прямо людьми осадить, то болѣе 10,000 гварнизона надобно і нѣсколко тысечь пушекъ.

Малые ситадели. Переволочна, Переяславъ, Брянскъ, Павъловскій, Царицынъ, Луки, Черниговъ. В сих доволно по одному канониру к пушкѣ і на годъ амуницыі.

Новой Транжаментъ—оставить, какъ есть, до времени.

Городы з башнями нерегулярные. Тоболскъ, Казань, Уфа, Астрахань. В сих, кажетца, по три или по 4 пушки на башню доволно, и къ двумъ пушкамъ одинъ канониръ, ибо во время нужды вездѣ можно із салдат іли іныхъ людей гантлангеровъ определить сколко потребно для помочи канониромъ.

Псковъ. Кажетця внутри, стало можетъ также сыскать и Новгородъ.

Таково отдано ген. прокур. Ягушинскому.

Сообщ. М. Д. Хмыровъ.

Письмо Ѳ. Борисова къ Я. В. Брюсу.

1712 г.

Высокоблагородныи і превосходительныи Гднъ Гднъ Яковъ Вилимовичь *).

---

*) Яковъ Вилимовичъ Брюсъ [р. 1670 † 1735], впослѣдствіи графъ и генералъ-фельдмаршалъ, ученѣйшій изъ сподвижниковъ Великаго Петра, слывшій, въ понятіяхъ русскаго люда, даже *колдуномъ*, съ 1705 г. имѣлъ въ своемъ вѣдѣніи русское книгопечатное дѣло вообще и, напр., въ 1706 г., писалъ, изъ Москвы, такое наставленіе Василію Кипріянову, директору московской ти-

По имянному Е. Ц. В. указу, оставленъ я здѣсь прі самомъ отсюду отъѣзде Е. Вел. *) для списывания нѣкоторой словенской книги **). Того ради прошу вашего высокоблагородия, дабы здѣшній бургомистръ Эгелинъ далъ мнѣ шестьдесят таляревъ, чемъ бы мнѣ оную въ окончание привесть, которая Е. Ц. В. зѣло потребна. А помянутые таляры заплочены будут іспосолской походной канцеляриі. При семъ остаюся Вашего Высокоблагородия всепокорныи і нижайшиі слуга канцеляристъ Ѳ. Борісовъ ***).

Ис. Кенегзберга. Ѳевраля 10 дня 1712.

Примѣчаніе. Приводимъ здѣсь кстати замѣтку Н. П. Барсукова: «Имя Нестора встрѣчается только въ одномъ, до насъ дошедшемъ, спискѣ, а именно въ Хлѣбниковскомъ (принадлежавшемъ нѣкогда библіотекѣ Петра Кирилловича Хлѣбникова, дѣда (по матери) нашего достопочтеннаго библіофила Сергія Дмитріевича Полторацкаго), на 1-мъ листѣ котораго читаемъ: «Повѣсти времѣнныхъ лѣтъ Нестора черноризца Ѳеодосіева монастыря Печерскаго».

Этимъ спискомъ пользовался Карамзинъ, упоминая о немъ въ началѣ своей Исторіи Государства Россійскаго (кн. I, стр. XV, XVI). Въ настоящее время онъ принадлежитъ Императорской Публичной Библіотекѣ и временно находится въ Археографической Коммиссіи, которая пользовалась имъ при изданіи кіевской и волынской лѣтописей по лаврентіевскому и ипатіевскому спискамъ, помѣщенныхъ въ 1 и 2 томахъ Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей.

Имя преподобнаго Нестора, по свидѣтельству Татищева (1, 53, 64), упоминалось также въ трехъ спискахъ бывшихъ у него, но до насъ недошедшихъ, а именно: въ Раскольничьемъ, Голицынскомъ и Іосифовскомъ.

Что касается до названія «черноризца Ѳеодосіева монастыря», то оно находится во всѣхъ спискахъ, кромѣ лаврентіевскаго, которые были въ распоряженіи Археографической Коммиссіи при изданіи Нестора, и есть также принадлежность и списка кенигсбергскаго.

пографіи: «Господінъ Кипріяновъ. Ежели в какой твоей печати имя государя царевича (Алексѣя Петровича) помянетца, то тебѣ не надлежит писат великаго государя царевича *благороднымъ*, понеже во иных странах всякой шляхтичь знатной пишется «благороднымъ», а надлежитъ писать *Его Царская Высокость*» [Дѣла Артиллер. Архива. Кн. № 6, л. 184]. И такъ какъ всѣ книги, издавшіяся Кипріяновымъ въ Москвѣ, имѣли означеніе, что печатаны «подъ надзирательствомъ» Я. В. Брюса, то Брюсу же приписывается несправедливо и пресловутый *Календарь* (Брюсовъ), составленный тѣмъ же Кипріяновымъ и напечатанный впервые въ Москвѣ, въ 1709 г.

*) Царь Петръ прибылъ въ Кенигсбергъ 9-го, а выѣхалъ 11-го ноября 1711 г. (Журн. Петра Вел. 1770 г. I, с. 328).

**) Книга эта была «Лѣтописецъ Несторовъ».

***) Что сталось съ копіей, снятой Ѳедоромъ Борисовымъ, неизвѣстно. Можно полагать однако, что её зналъ и списалъ для себя В. Н. Татищевъ, адъютантъ графа Брюса въ 1718 г. Подлинный же кенигсбергскій списокъ Нестора привезенъ въ Россію не раньше 1760 г., и напечатанъ, весьма неисправно, въ Петербургѣ, въ 1767 г.

Сообщ. М. Д. Хмыровъ.

Изъ этого названія «Θеодосіева», по свидѣтельству Шлецера (1, 6), первый нѣмецкій переводчикъ Нестора сдѣлалъ Θеодосія, отчего ровно 30 лѣтъ иностранцы называли Нестора-Θеодосіемъ.

Н. П. Барсуковъ.

Челобитная курфирста князя Гундорова.

1719 г.

Державнѣйшій царь, государь милостивѣйшій. По вашему царскаго величества указу былъ я на многихъ вашихъ государевыхъ службахъ, також и въ Суздалѣ ландратомъ, и у иныхъ вашихъ государевыхъ дѣлъ. А помѣстій и вотчинъ за мною нижайшимъ въ шуйскомъ и въ суздальскомъ уѣздѣхъ малое число, всего дватцать дворовъ. А въ нынѣшнемъ (1719) году, по вашему царскаго величества имянному указу, взятъ я нижайшій изъ Суздаля съ ландратства при ближнемъ стольникѣ князѣ Иванѣ Θедоровичѣ Ромодановскомъ въ санктъ питербурхъ, и, по вашему царскаго величества имянному указу, опредѣленъ я курѳистромъ *). А которые курѳистры въ иныхъ окрестныхъ государствахъ, и тѣмъ опредѣляется въ собственное владѣнье особливые городы и мѣстности. А я нижайшій ничѣмъ не пожалованъ **). А въ прошлыхъ годѣхъ, по указу вашего царскаго величества, отписаны на васъ великаго государя, изъ помѣстнаго приказу выморочные помѣстья и вотчины послѣ смерти однородца нашего окольничаго князь Семена Романовича Пожарскаго ***), въ Луховскомъ уѣздѣ село Сокулино съ деревнями, да въ Володимерскомъ уѣздѣ, село Якимово съ деревнями, всего въ тѣхъ селѣхъ и деревняхъ семьдесятъ восмь дворовъ, а во владѣнье тѣ села и деревни ни кому не отданы. Всемилостивѣйшій государь! прошу вашего величества, да повелитъ ваше державство тѣ вышеписанныя села и деревни отдать мнѣ во владѣнье, чтобъ мнѣ, будучи въ курфистрахъ, было чѣмъ пропи-

---

*) Изъ самаго этого званія видно, что бывшій ландратъ (буквально земскій совѣтникъ, а по роду обязанностей—губернаторъ) Суздаля, вѣроятно, за неспособностью, попалъ въ шутовскую коллегію, представителемъ которой, въ 1719 г., былъ князь Ив. Θед. Ромодановскій, носившій, преемственно послѣ своего родителя, князя Θедора Юрьевича Ромодановскаго, титулъ князя-кесаря.

**) Это мѣсто челобитной доказываетъ, что проситель, въ самомъ дѣлѣ, былъ убѣжденъ, что его слѣдуетъ «пожаловать». Но откуда могло взяться такое убѣжденіе? Да и вся челобитная вовсе не смотритъ шуткою.

***) Князь Семенъ Романовичъ Пожарскій, въ 1648 г. окольничій, умершій въ 1659 г., былъ двоюродный племянникъ знаменитаго князя Димитрія Михайловича Пожарскаго.

таться. Также городовъ, которыми ваше царское величество пожалуешь. Вашего Величества нижайшій рабъ курфистръ князь Иванъ Гундоровъ *). Апрѣля въ 1719 году (собственноручно): Курфистръ князь Гундоровъ руку приложилъ.

Старбусъ, оружейный мастеръ.

1724—1727 гг.

Изъ донесенія оберъ-прокурора Бибикова въ адмиралтействъ-коллегію видно, что онъ, по указу государя (октября 19 дня 1724 года) въ бытность свою въ Швеціи призвалъ на службу его величества пружиннаго мастера Старбуса, и въ томъ заключилъ съ нимъ контрактъ, и по прибытіи его въ Петербургъ вручилъ его шаубенякту Сенявину. Жалованье ему, Старбусу, по 300 руб. въ годъ, а за собственноручные труды, по особымъ указамъ, напр.: мелкое ружье—особая плата; удобную квартиру съ работникомъ; для поѣздокъ въ С.-Петербургъ 300 руб. и вознагражденіе за каждаго мастера, котораго онъ выучитъ, по 50 руб. Но оказалось на дѣлѣ, „что понеже Старбусъ въ оружейномъ дѣлѣ необученъ и собою править и ковати и собирать ни мало не умѣетъ, а тому дѣлу искусенъ былъ отецъ его, Петръ Старбусъ, а не онъ, Петръ, и о томъ мастерствѣ онъ, Старбусъ, объявилъ за собою ложно; о чемъ явно изобличается въ томъ, что когда онъ, Старбусъ, отправлялся въ Россію изъ Швеціи, тогда онъ, Старбусъ, купилъ нѣсколько фузей и пистолетныхъ готовыхъ замковъ, и забравъ послѣ отца своего готовые стволы и ложи, привезъ съ собою на Сестрорѣцкіе заводы, гдѣ оные собравъ и назвавъ своими,—своимъ мастерствомъ, положилъ письменные на нихъ клейма, якобы оные сдѣланы при Сестрорѣцкихъ заводахъ **)".

Кромѣ Старбуса былъ еще выписанъ Яковъ Моллеръ, пружинный мастеръ, съ жалованьемъ по шести рублей на мѣсяцъ.

Въ 1727 году возникъ вопросъ, что́ дѣлать съ обоими мастерами, изъ которыхъ первый оказался самозванцемъ-мастеромъ. Вотъ по этому поводу оффиціальная того времени бумага: „Изъ Кабинета е.

---

*) Этотъ же князь Иванъ Гундоровъ, носившій придворное званіе стольника, былъ иниціативой другого курьезнаго документа — сговорной записи 1 сентября 1701 г., по которой Иванъ Койсаровъ обязывался жениться на княжнѣ Гундоровой, дочери стольника, непремѣнно 4 февраля 1702 г., въ противномъ же случаѣ—заплатить: «неустойки попятнова триста рублевъ». Послѣдній документъ напечатанъ въ № 18 «Владимірскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» 1847 г.

Сообщ. М. Д. Хмыровъ.

**) Дѣла адмиралтействъ-канцеляріи 1717 г. съ № 1 по 5, папка 63.

и. в. въ адмиралтейскую коллегію. Сего мая въ 23 день, по указу е. и. в. въ Кабинетѣ опредѣлено въ оную коллегію писать противъ доношеній поданныхъ въ Кабинетъ, генваря 9-го дня, объ отпускѣ изъ службы компаснаго мастера Питтера Фòрми, въ мартѣ мѣсяцѣ сего года и о недостоинствѣ оружейнаго мастера Старбуса, чтобъ его отпустить изъ службы. А понеже въ имянномъ е. и. в. блаж. и вѣчно достойной памяти указѣ, ноября 6-го 1723 году, написано: „которые мастера вызваны будутъ изъ другихъ государствъ, освидѣтельствовать немедленно, знаютъ ли они свое дѣло, и буде не знаютъ или плохо знаютъ, тотчасъ отпустить безъ жалобъ и озлобленія, буде же годны, содержать во всякомъ довольствѣ и ежели и контрактъ выйдетъ, а свои уже обучатся и онъ не похочетъ ѣхать, такихъ отсюда не отпускать и содержать какъ выше писано, а буде кто самъ похочетъ, такого прежде отпуску объявить въ коллегіи, гдѣ его коллегіи допросить: вольноль отъѣзжаетъ, и нѣтъ ли и небылоль ему какой тѣсноты, и доволенъ-ли отъѣзжаетъ? и буде окажетъ какую противность или недовольство, или хотя не скажетъ, но видъ дастъ недовольства, то отъ коллегіи накрѣпко разыскать, и ежели тако—наказать, и тщится его гдѣ употребить, а неотпускать, буде же весьма не захочетъ жить, то отпустить съ совершеннымъ довольствомъ, дабы пріѣхавъ жалобы не имѣлъ, что ихъ худо трактуютъ, и тѣмъ бы впредь вызовъ мастеровъ непересѣченъ былъ, а ежели сіе опущено будетъ или слабое смотрѣніе, судъ и наказаніе виновнымъ будетъ, то коллегія сама за то штрафована будетъ такъ, якобы сами они противъ сего указа сдѣлали", — того для адмиралтейская коллегія имѣетъ учинить о тѣхъ мастерахъ по силѣ онаго указу по своему усмотрѣнію, или о томъ доносить Верховному Тайному Совѣту. 23-го мая 1727 года.

Въ сентябрѣ 1727 года оба иноземца, Яковъ Моллеръ и Петръ Старбусъ безпрепятственно отпущены въ Швецію.

Сообщ. Е. П. Карновъ.

Гравюры вѣнчанія Петра І-го съ Екатериной.

(Показаніе Крекшина въ Тайной канцеляріи въ 1750 г.)

Коммисаръ Петръ Крекшинъ добровольнымъ своимъ доношеніемъ и учиненнымъ, потому ево доношенію, въ тайной канцеляріи допросомъ, показываетъ, что бракъ вселюбезнѣйшихъ вашего императорскаго величества родителей, блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти государя императора Петра Великаго и государыни импера-

трицы Екатерины Алексѣевны, былъ въ прошломъ 1707 году февраля 19 числа, въ Польшѣ, въ мѣстечкѣ Желквѣ; но объ ономъ тогда, за военными дѣйствами, торжества и объявленія было не учинено. А торжествовано де и объявленіе было въ Санктъ-питербурхѣ въ прошломъ „1712“ году, о чемъ тогдажъ, со апробаціи его императорскаго величества, напечатаны были куншты, въ которыхъ напечатано такимъ образомъ: во-первыхъ новгородской архіерей Іовъ съ крестомъ, а резанской Стефанъ со окропленіемъ святыя воды, а противъ ихъ его императорское величество, держащъ правою рукою любезнѣйшую вашего императорскаго величества сестру, блаженныя памяти государыню цесаревну Анну Петровну, а лѣвою вселюбезнѣйшую вашего императорскаго величества родительницу государыню императрицу Екатерину Алексѣевну, а она, государыня императрица, лѣвоюжъ рукою держала ваше императорское величество; а въ низу того было напечатано тако: „1712“ году, февраля „19“ числа торжество о объявленіи брака царскихъ величествъ, бывшее въ „1707“ году февраля „19“ числа; изъ которыхъ де кунштовъ одинъ въ прошломъ „1737“ году въ канцеляріи академіи наукъ въ книгѣ совѣтникъ Шумахеръ ему Крекшину показывалъ. А въ нынѣшнемъ де „1750“ году въ оной же канцеляріи академіи наукъ, въ принесенной изъ святѣйшаго синода исторической, да и во имѣющейся во оной академіи о дѣлахъ его императорскаго величества съ кунштами книгахъ, усмотрѣлъ онъ, Крекшинъ, что на трехъ кунштовыхъ листахъ напечатанъ оной вселюбезнѣйшихъ вашего императорскаго величества родителей бракъ не такимъ уже образомъ, какъ объявленныя прежде о томъ куншты печатаны были, но фальшиво и подложно напечатано на тѣхъ листахъ тако: „Изображеніе брака его царскаго величества Петра перваго самодержца всероссійскаго, которой отправленъ въ Санктъпетербургъ февраля „ “ дня „1712“ года. „И оное де, особливо простолюдинамъ, и незнающимъ о томъ подлинно придаетъ думать, что будто и заподлинно въ томъ „712“ году, а не въ „707“ году вселюбезнѣйшихъ вашего императорскаго величества родителей бракъ совершился: отъ чего де таковымъ о томъ незнающимъ людемъ не малое сумнѣніе послѣдовать можетъ, и потому де неправильно напечатанному куншту не моглобъ же, паче чаянія, худыхъ слѣдствій произойтить, ибо де уповательно, что таковые куншты и въ партикулярныхъ рукахъ имѣются“.

Показанной не право напечатанной листъ, въ кунштовой святѣйшаго синода книгѣ, осматриванъ и, по осмотру, явилось подъ тѣмъ кунштомъ о томъ, якобы происходившемъ въ прошломъ „712“ году вселюбезнѣйшаго брака родителей вашего императорскаго величества

напечатано такъ, какъ оной Крекшинъ показалъ, а вышеписаннаго, справедливо учиненнаго, куншта еще не отыскано.

Сообщ. И. А. Чистовичъ.

Примѣчаніе. Петръ Крекшинъ, Новгородскій дворянинъ, род. около 1682 ум. 1763 г. Въ царствованіе Петра I — онъ служилъ коммиссаромъ, и отличился взяточничествомъ и ябедами. Въ теченіи своей жизни онъ наполнилъ до двухъ-сотъ томовъ выписками и матеріалами къ исторіи царствованія Петра I и въ 1742 г. посвятилъ одинъ томъ «Краткаго описанія блаженныхъ дѣлъ» этого государя—импер. Елисаветѣ. Историкъ Татищевъ—совершенно справедливо, называетъ Крекшина баснословцемъ. Всѣ его писанія есть куча выдумокъ. Такъ же лживо и приведенное нами показанье баснословца о «кунштѣ» 1712 г. о небываломъ событіи 1707 г. Что же касается до мнимо фальшиваго «куншта», то въ библіотекѣ пишущаго эти строки онъ имѣется въ очень хорошемъ экземплярѣ.

Ред.

Княгиня-игуменья.

1722—1725 гг.

Княгиня Настасья Петровна Голицына, дочь боярина князя Петра Ивановича Прозоровскаго *)—знаменитая княгиня-игуменья, состоя въ „прешутѣйшомъ соборѣ князя-папы“, была безотлучно при Екатеринѣ I, и, какъ оказывается изъ нижеизложенныхъ свѣдѣній, исправляла должность придворной шутихи.

Въ 1734 году, существовала въ Москвѣ особо учрежденная дворцовая счетная коммиссія, ревизовавшая денежные приходы и расходы дворцовыхъ учрежденій. При разсмотрѣніи счетовъ уже умершаго въ то время оберъ-келлермейстера Гаврилы Мячкова, коммиссія нашла, что въ 1724 г., октября 3-го, выдано было Мячковымъ княгинѣ Настасьѣ Петровнѣ Голицыной заимообразно 100 червонныхъ, на срокъ до 1 января 1725 г., и что по приходнымъ книгамъ ни къ сроку, ни послѣ срока эти деньги Голицыною не были возвращены. Коммиссія положила взыскать эти деньги съ сына княгини, Бутырскаго полка капитана князя Өедора, потому что самой княгини въ то время уже не было въ живыхъ. Князя Өедора не оказалось въ Москвѣ и служитель его заявилъ коммиссіи, что князь находится на службѣ въ польскомъ корпусѣ, о взысканіи ничего не знаетъ; „да и взыскивать съ него не слѣдуетъ, потому, что въ расходной Мячкова книгѣ написано: ежели де тѣхъ червонныхъ на показанной въ той

*) Одного изъ намѣстниковъ царя Петра, во время отсутствія его за границу въ 1697—1698 гг. и одного изъ любимѣйшихъ государемъ сановниковъ.

Ред.

запискѣ срокъ не заплатить и о томъ, что ея величество государыня императрица укажетъ, и тѣмъ де подлинно явствуетъ тѣ червонныя ей, свѣтлѣйшей княгинѣ, по ея императорскаго величества высокой къ ней, свѣтлѣйшей княгинѣ, милости суще, пожалованы, и послѣ де того сроку не токмо спрашиваемы, но и сверхъ того прежде и послѣ, по имяннымъ же ея императорскаго величества всемилостивѣйшимъ указамъ, жалованы ей, свѣтлѣйшей княгинѣ, многія дачи и значитъ де по записнымъ его, Мячкова, книгамъ, и чтобъ тѣхъ червонныхъ съ процентами не взыскивать".

По справкѣ въ коммиссіи, дѣйствительно оказалось, что послѣ заимообразной выдачи 100 червонныхъ, княгинѣ жаловались еще червонцы императрицею. Справка эта представляетъ нѣкоторыя довольно характеристичныя черты для обрисовки нравовъ русскаго общества въ первой четверти XVIII столѣтія, почему мы и выписываемъ ее въ подлинникѣ:

„Въ щетной книгѣ Мячкова свѣтлѣйшей княгинѣ Настасьѣ Петровнѣ Голицыной записаны дачи тако:

„Прежде вышепомянутой дачи 100 червонныхъ:

„1722 г. апрѣля 17, за взятыя въ Москвѣ у княгини Настасьи Голицыной 2 патрахели шиты шолкомъ и мишурою; 2 оплечья священническія шиты шолкомъ; 2 оплечья дьяконовскіе шиты шолкомъ; 2 пояса шолковые, священническіе съ серебромъ; 2 пояса же шолковые съ золотомъ, одинъ поясъ, какой, ненаписано, дано всего денегъ 26 руб.; тѣ деньги отданы служителю ея Ивану Теплому съ роспискою".

„Сентября 26 дня, у рѣки Сарлака, плакала княгиня Голицына— дано ей 15 червонныхъ, въ пріемѣ росписки нѣтъ".

„1723 г. апрѣля дня, ей, свѣтлѣйшей княгинѣ, денегъ 25 рублей, въ пріемѣ росписка человѣка ея Семена Долгова".

„Іюля 18-го числа денегъ 10 рублей; въ пріемѣ росписки нѣтъ".

„1724 года, марта 14-го, изволила ея величество пожаловать княгинѣ Настасьѣ Голицыной 23 червонныхъ для того, чтобы она плакала по сестрѣ и она плакала того же числа; въ пріемѣ росписки нѣтъ".

„Октября 19-го, заплачено ей же, свѣтлѣйшей княгинѣ, за взятые въ комнату ея величества 24 гребня костяныхъ частыхъ, 8 гребней рѣдкихъ, 2 солонки хрустальныхъ, всего 9 рублей 10 копѣекъ, которыя деньги отданы присланному человѣку ея Герасиму Прокофьеву съ роспискою".

„Августа 23-го, ея величество изволила взять 16 червонныхъ и пожаловала свѣтлѣйшей княгинѣ Настасьѣ Петровнѣ; въ пріемѣ росписки нѣтъ".

„Да послѣ той, ста червонныхъ дачи показано ей, свѣтлѣйшей княгинѣ, въ дачѣ же:

„Въ 1725 г., апрѣля 17-го—10 червонныхъ".

„Да 24-го дня ея величество изволила бросить на полъ одинъ червонной для свѣтлѣйшей княгини Настасьи Петровны, которой взять у дѣвицы Устиньи Петровой, и тотъ червонной ей отданъ".

„Іюня 10-го, ея величество изволила взять у Александра Львовича Нарышкина 4 червонныхъ, которые изволила бросить на полъ для княгини Голицыной, которые червонные ему и отданы".

„Августа 6-го дня, ея величество государыня императрица изволила кушать въ большомъ салѣ, при которомъ столѣ свѣтлѣйшій князь и господа майоры лейбъ-гвардіи и княгиня Голицына кушали англинское пиво большимъ кубкомъ, а княгинѣ Голицыной поднесли другой кубокъ, въ которой ея величество изволила положить 10 червонныхъ".

„Сентября 25-го дня, ея величество изволила положить свѣтлѣйшей княгинѣ Настасьѣ Петровнѣ 10 червонныхъ, за что она выпила при столѣ ея величества 2 кубка пива англинскаго".

„Октября 12-го дня, ея величество изволила положить свѣтлѣйшей княгинѣ Настасьѣ Голицыной 20 червон., за которые выпила она 2 кубка вина виноградняго краснаго".

„Октября 19-го дня, въ вечернее кушанье изволила ея величество пожаловать свѣтлѣйшей княгинѣ Голицыной 15 червон., за которые выпила она большой кубокъ виноградняго вина; въ тоже число положено въ другой кубокъ 5 червон., который она не выпила и оныя червонныя отданы муншенку Григорію Буненкову".

„Октября 22-го дня, подносила ея величеству свѣтлѣйшая княгиня Настасья Голицына рожденной калачь, за которой пожаловала ей 1 червонной".

„Всего, послѣ той 100-червонной дачи, ей свѣтлѣйшей княгинѣ пожаловано 71 червонной".

„Въ пріемѣ тѣхъ червонныхъ росписки ее свѣтлѣйшей княгини нѣтъ".

„А о дачѣ вышепомянутыхъ червонныхъ въ расходной его, Мячкова, книгѣ октября 1724 написано тако:

„Ея величество указала пожаловать свѣтлѣйшей княгинѣ Настасьѣ Голицыной взаимно (т.-е. въ займы) 100 червонныхъ, на срокъ октября съ вышеписаннаго числа генваря по 1 число 1725 году; а ежели оныхъ червонныхъ помянутая княгиня на вышеописанный срокъ не заплатитъ о томъ, что ея величество укажетъ".

Выписавши все это на справку, счетная дворцовая коммиссія

спрашивала разрѣшенія оберъ-гофмейстера графа Семена Андреевича Салтыкова и онъ, съ своей стороны, представилъ настоящее дѣло на благоусмотрѣніе Кабинета.

1-го іюня 1734 года, по приказанію императрицы Анны Іоанновны, Кабинетъ отвѣчалъ Салтыкову: что доказательства представленныя человѣкомъ князя Голицына не заслуживаютъ уваженія и что слѣдуетъ 100 червонныхъ доправить на наслѣдникахъ княгини Голицыной и „прочіе ей, изъ милости жалованныя деньги, къ тому въ примѣръ служить не могутъ".

Примѣчаніе. Счетъ коммиссіи выписанъ изъ дѣлъ архива министерства юстиціи по бывшему Кабинету, кн. № 69/1146, стр. 522—524.

Сообщ. Г. В. Есиповъ.

Указъ Екатерины I въ преображенскую канцелярію.

1727 г.

Указъ . . . . лейбъ-гвардіи преображенскаго полку . . . на Андреяна Арсеньева за глухотою и за дряхлостью его отъ службы отставить и за долголѣтные его службы и для его бѣдности давать ему въ Москвѣ изъ Преображенской канцеляріи по половинѣ его жалованья, какое онъ получалъ въ полку повсягодно по смерть его.

„Екатерина".

Въ 17-й день февраля 1727 г. Въ Санктпетербургѣ.

(На полѣ сбоку). Въ книгу подлинно записано.

(Внизу помѣта):

1727 марта въ 28 день записавъ въ книгу, сей указъ приобщить къ прочимъ нужнѣйшимъ письмамъ, а въ полкъ дать съ сего указа копію и отписать.

Прим. Документъ этотъ отъ ветхости мѣстами истлѣлъ.

Сообщ. П. А. Мухановъ.

Письма Мавры Егоровны Шепелевой къ цесаревнѣ Елисаветѣ Петровнѣ.

1727—1728 гг.

Мавра Егоровна Шепелева, впослѣдствіи жена фельдмаршала гр. Петра Ивановича Шувалова,—род. въ 1708 ум. 1759 г. Эта женщина во всю жизнь, съ ранней молодости, была одною изъ наиболѣе близкихъ особъ къ цесаревнамъ, дочерямъ Петра I. Въ 1727 году она сопровождала старшую его дочь, Анну Петровну, въ городъ Киль, куда герцогъ Голштинскій вынужденъ былъ отправиться въ іюлѣ того года вслѣдствіе интригъ кн. Меншикова. Отсюда Мавра Егоровна посылала свои незатѣйливыя грамотки въ Петербургъ къ цесаревнѣ Елисаветѣ Петровнѣ. Письма эти, относясь къ малоизвѣстному

эпизоду въ исторіи дѣтей Петра Великаго, именно эпохѣ пребыванія его дочери въ городѣ Килѣ (гдѣ Анна Петровна умерла 4 мая 1728 г.) — имѣютъ нѣкоторый интересъ и значеніе; притомъ документы эти характеризуютъ личность Мавры Егоровны, игравшей впослѣдствіи, уже при императрицѣ Елисаветѣ,—важную роль. Она имѣла весьма большое вліяніе, и, какъ свидѣтельствуютъ современники (см., между прочимъ, отзывъ о ней Позье, «Русск. Стар.» изд. перв. т. I-й стр. 90, изд. второе стр. 67), не всегда хорошее, на императрицу Елисавету.

Нѣсколько писемъ М. Е. Шуваловой (Шепелевой) напечатано нами въ статьѣ: «Ближніе люди императрицы Елисаветы въ письмахъ своихъ къ государынѣ». (Арх. истор. юридич. свѣдѣній о Россіи изд. Н. В. Калачова 1861 г. кн. IV стр. 68—69).

Въ печатаемыхъ нынѣ письмахъ мы сочли не безъинтереснымъ сохранить правописаніе подлинниковъ, разставя лишь знаки препинанія. **Ред.**

1) Всемілостівѣішая государыня цесаревна, матушка моя. Данашу я вашему высочеству, что іхъ высочество, слава богу, въ добромъ здравы. Ещешъ данашу, что завътря будітъ къ намъ Бішевына і прінцесы — маленкоі прінцъ і станутъ жить внізу. Ещешъ данашу, что у насъ марозі очень велікі, і такъ холодно, что бешубі нельзя хадить. Інова вашему высочеству писать не імѣю, точію остаюсь вашему высочеству веръная ваша раба Мавра Шепелева. 1727 году, октября 27 день, Кіль.

2) Всемілостівѣішая государыня царевна. Дерзаю я ваша высочество трудіть моімъ недастоіпімъ пісмомъ, внадежді вашева высочества высокоі комне мілості. Данашу я вашему высочеству, что іхъ высочество, слава богу, вдобромъ здравы; інова я вашемъ высочеству доношенія писать не імѣю; точію остаюсь со всякімъ решпехътомъ, вашего высочества поданеішая раба і веръная до смерті своеі Мавра Шепелева.

1727 году ноября 30 день. Кіль.

3) Всемілостівѣішая государыня цесаревна і матушка моя. Благодарствую за вашу высокую мілость, что ізволілі меня удастоіть своімъ мілостівымі пісмімі; і впредь прашу, дабы я не оставлена была вашеі высокоі мілості матеръліноі; данашу я вашему высочеству, что іхъ высочество, слава богу, вдобромъ здравы. Ещешъ данашу, что сестріца ваша езділа всаняхъ по Кілі, і люді все дівавалісь русъскімъ санямъ! Поздравляю я васъ царскою мізою, і желаю я вамъ тамъ веселитца; інова вамъ пісать не імѣю, точію остаюсь веръная ваша раба і дочь і кузына Мавра Шепелева.

P. S. Ещешъ данашу, что у насъ былі балі черезъ день, а последъноі былъ балъ у графа Басовыца*); і танцавалі мы тамъ до

*) Графъ Бассевичъ, тайный совѣтникъ, президентъ тайнаго совѣта (Бергольцъ IV, 108).

десятова чесу утра, і не удаволілісь вкомнатахъ танцвать, такъ сталі польскоі танцавать (въ) поварні і впогребе два гароді пошту (?), і все дамі кілскія также танцавалі, а графіна Кастель, старая лѣтъ 50, охотніца веліка танцавать, і перетанцавала всѣхъ дамъ, маладіхъ перетанцавала. Ещешъ данашу, что Бішоб сотера мѣръ[1]) дурнея танцуітъ покоініка Бышова, а прінце Августе[2]) і не спрашіваі.

Ежели вашему высочеству не въ противномъ поздравить съ кавалеріею Александра Борысеча[3]).

4) Всемілостівѣішая государыня цесаревна. Благодаръствую за вашу мілость, что ізъволілі меня бедъную удостоіть своімъ пісмомъ, и въпредь прошу, дабы я бедъная незабвѣнна была вашеі высокоі мілості. Данашу я вашему высочеству, что іхъ высочество, слава богу, вдобромъ здравы; данашу я вашему высочеству, что у насъ Фіръстінъна Элізабетъ, сестра Бышова, і смужемъ своімъ і прінцеса Амалія прінцеса Элізабетъ слова слова[4]) Бышовъ покойнікъ ліцомъ, і асанка такая, і пахотка, і смехъ, і зубы, а велічіною такъ веліка, какъ ваша гофъмеістеріна, італичка[5]) таковаяже. А мужъ еіо[6]) слова слова Мамоновъ талья і такъ же толстъ і ліцомъ походітъ немного на нево, і ходітъ онъ въ беломъ алоніцкомъ тарыке, а кафтаны і камзолі носытъ прусскія; кавалерыя на немъ рудажолтовая; чіну ему у прускаго караля енаралъ-маіоръ, а фреіляненъ за него такъ толста, что полторы Мары Міхаіловні,—ліцомъ очень паходітъ на Маръфу Каліцу[7]); камаръ юнфоръ за нею такъ веліка какъ Маръфа Столетова, а прінцесою Амаліею одна гофъ меістерына на камаръ юнфоръ і ета камаръ юнфоръ походітъ очень на девъку Марыніну, котора жіла у фреіленъ Глікъ, я чаю ежелі бы вы ізволілі увыдіть замужную прінцесу Элизабетъ, істіно бы вы внеіо влюбілісь, потому что слова слова Бішовъ і лутче сто расъ прінцесы Амалі[8]); а мы у ніхъ подъневалісь подъвы я у за мужной а фреіліненъ Васовыцова[9]) нова у Амалі стара Басовыцова дочь наша у замужноі, а Прасковья Васылъевна у Амаллі і самоі ту лутче замужная. А у прінцесы Амалі барада та-

---

[1]) Въ сотера мѣръ, т.-е. въ сто разъ.
[2]) Братъ принца-епископа.
[3]) Александръ Борисовичъ Бутурлинъ—первый, по времени, любимецъ цесаревны Елисаветы Петровны.
[4]) Точь въ точь.
[5]) Талія.
[6]) Князь Ангальтъ-Цербстскій, отецъ Екатерины II.
[7]) Мареа Данилова, карлица, бывшая при комнатахъ Анны Петровны въ С.-Петербургѣ. Голик. VII, 398.
[8]) Приписано на полѣ другой рукой, вѣроятно рукой герцогини Анны Петровны: Маврушка солгала, принцеса Амалия лутче замужной, толко барада у Амалін гусже.
[9]) Дѣвица Бассевичъ, дочь графа Бассевича.

кая, какъ у Еіхлера у нашева; інова ващему высочеству доношенія пісать неімѣю, точію остаюсь верьная ваша раба і дочь Мавра Шепелева.

Пісалі мы еті пісмі вѣчеръ, потому что вдень некалі [1]).

Поздравляю я ваша высочество сновою с фреіленою, с нашею бывшеі Камаръкова.

Не упустила я етова, тобъ вамъ обовсомъ не отпісать.

1727 годъ, декабря 6 і 7 дня Кіль.

5) Всемілостівѣішая государыня цесаревна. Данашу я вашему высочеству, что іхъ высочество, слава богу, вдобромъ здравы; ещенъ данашу, что поехали отъ насъ прінцесы севодьні. Ну істіно, матушка цесаревна, не могу боле похвалбі боле напісать о замужной прінъце [2]), что істіно боле всемъ преізашла обехъ своіхъ сестровъ, і я такъ внеіо влюбілась і цесаревна сама сію лутче любітъ чемъ техъ двухъ; настаян і учлива іласкава; ізволь посматреть на Бішова потреть, то і она. Інова вашему высочеству данашенія писать не імѣю; точію остаюсь верьная ваша раба і дочь Мавра Шепелева.

1727 году, декабря 11 дня, Кіль.

6) Всемілостівѣішая государыня цесаревна і матушка моя. Данашу я вашему высочеству, что іхъ высочество, слава богу, въ добромъ здаровы, інова ражденоі прінцъ [3]) слава богу въ добромъ здаровы, только крішітъ. Данашу я вашему высочеству, что у насъ севодьні все ляні (пьяни?); болѣ данасить нечаво неимѣю, точію остаюсь вѣрьная ваша раба і дочь і кузына мавра шепелева.

А какъ раділа ваша сестрица, то трожді палілі ісъ пушекъ, іезділі па уліцамъ трубачі і політавдры, і потомъ пріщлі все кавалеры і дамі поздравлять; а какъ будутъ крестить, то я вашему высочеству отпішу обо въсемъ, какъ будітъ і каво станутъ переменять чіни—а надѣюсь, что многихъ станутъ переменять чіни, і надѣюсь, что будітъ Бышевіна къ намъ.

Кіль, февраля 12 дня, 1728 году.

7) Всемілостівѣішая государыня цесаревна і матушка моя. Данашу я вашему высочеству, что іхъ высочество, слава богу, вдобромъ здаровы. Данашу я вашему высочеству объцеремоні: сперьва шлі камаръ юнъкары і гофъ юнкары, потомъ неслі камеръгеры балдахіну, а іменно: Берьхольцъ, Старкъ, Гілденкругъ, Цеіхъ [4]); подбалдахіною неслі на падуш-

[1]) Некогда.

[2]) Принцессѣ Елисаветѣ.

[3]) Карлъ-Петръ-Ульрихъ—впослѣдствіи императоръ Петръ III.

[4]) Берхгольцъ, авторъ извѣстнаго дневника, сдѣланъ былъ каммергеромъ въ день обрученія герцога съ принцессою Анной Петровной 4 ноября 1724 года. Старкъ—неизвѣстенъ изъ дневника Берхгольца. Гюльденкрокъ

кі прінца два таінія совѣтніковъ а іменно: Клоізеляемнъ да Басовычь[1]); тоі же падушкі пріколота была каруна салмазамі; па бакамъ шлі, по праву руку Авдотья Ильінішна[2]); полеву сторону графъ Бонша[3]); шлеіфъ неслі лантъ латратіті человѣка; за цесаря[4]) сталъ Бішовъ; за імператора[5]) прінцъ Августъ; за каралеву шветцкую[6]) и за васъ сталла Басовыца жена. І какъ вошлі церковь, то заіграла музыка і дамы шлі по своемъ ранъгамъ; і какъ акрестіті, то палілі ізъ 131 пушкі і преслі цесаревні, а цесаревна ізволіла лежать пребагатомъ уборе, і въ тоіже комнаті сталла Камбель потъ балдахіною. Потомъ жаловалі въ чіні Брімера шлосъ хопъ манъ[7]); Вахъмейстеръ оборъ егаръ меістеръ[8]); Кетенъ, бурхъ-камаръгеръ[9]) и Басовычь маладоі тітулярьной камаръгеръ[10]) отгерцуховоі стороні, а у цесаревні сталъмейстеръ Кулубарсъ камаръ юнкаръ і Самароковъ камаръ юнкаръ; Шуваловъ—гофъ юнкаръ[11]). Старъкова жена—дамъ донера,—Есина камаръ пажеі. Інова вашему высочеству данасіть нічаво не імею, точію остаюсь верьная ваша раба і дочь Мавра Шепелева. Кіль, февраля 19 дня, 1728 году.

Дамі все былі в робахъ. Ещешъ данашу у графа Бонду сынъ умеръ. Еще два дні будітъ банкетъ, то я вашему высочеству на претбудушеі почті пісать.

Сообщ. **И. А. Чистовичъ.**

въ бытность голштинскаго герцога въ Россіи находился при немъ и въ 1725 году произведенъ былъ въ каммеръ-юнкеры съ оставленіемъ въ должности секретаря кабинетныхъ и военныхъ дѣлъ (Берхгольцъ, IV, 159). Вѣроятно, по случаю бракосочетанія герцога, онъ произведенъ былъ въ каммергеры.

[1]) Бассевичъ былъ съ герцогомъ въ Россіи.

[2]) Авдотья Ильинишна—мама царевны Анны Петровны.

[3]) Полагаемъ, что графъ Бонде, упоминаемый въ дневникѣ Берхгольца.

[4]) Цезарь—германскій императоръ.

[5]) Вѣроятно императора Петра II.

[6]) Королева шведская.

[7]) Брюммеръ много разъ упоминается въ Дневникѣ Берхгольца въ качествѣ шведскаго полковника, въ 1724 г. 24 ноября сдѣланъ былъ каммергеромъ голштинскаго двора (Берхгольцъ IV, 108). Впослѣдствіи Брюммеръ былъ воспитателемъ Петра III. Новую должность его Шлоссъ хопъ манъ—читаемъ шлоссъ гауптманъ.

[8]) Вахмейстеръ, графъ, шведскій каммергеръ, упоминается въ дневникѣ Берхгольца.

[9]) Кеттенбургъ въ 1725 г. произведенъ былъ изъ пажей въ каммеръ-юнкеры голштинскаго двора (Берхгольцъ IV, 159).

[10]) Молодой Бассевичъ—меньшой сынъ тайнаго совѣтника Бассевича.

[11]) Петръ Спиридоновичъ Сумароковъ (отецъ поэта) и Шуваловъ были каммеръ-пажами при императрицѣ Екатеринѣ I и, вѣроятно, при бракосочетаніи Анны Петровны отчислены въ ея штатъ (Голик. Дѣянія Петра Великаго, T. X, 400).

Письмо императрицы Анны къ князю Сапѣгѣ.

1735 г.

Ясневельможный каштелянъ Троцкій. Изъ отправленнаго къ намъ вашего писанія намъ весьма пріятно было усмотрѣть, что вы къ законному своему королю, его величеству Августу Третіему, съ истиннымъ доброжелательствомъ приступили и прямое отечества своего благополучіе признавая къ оному съ постоянною ревностію, всякимъ образомъ способствовать твердое намѣреніе имѣете. Мы не сумнѣваемся, что вы такіе патріотическіе сентименты, которые не инако какъ къ похвалѣ вашей служить могутъ, дѣйствительными доказательствами вяще и вяще засвидѣтельствовать всевозможное стараніе имѣть будете и яко мы впротчемъ полученные притомъ обнадеживаніи о вашей къ намъ особливо преданной добронамѣренности съ милостивою благосклонностію признаваемъ, тако и весьма увѣрены быть можете, что мы вамъ во всякихъ случаяхъ совершенные знаки нашей пропензіи и благоволенія подавать всегда склонны будемъ, пребывая нашею милостію вамъ благосклонная.

«АННА».

Іюля 3-го дня 1735.

Въ Санктпетербургѣ.

Оба приведенные документа, указъ Екатерины I и письмо Анны Іоанновны сообщены намъ Павломъ Александровичемъ Мухановымъ изъ его обширнаго собранія автографовъ замѣчательныхъ лицъ. О Сапѣгѣ вотъ замѣтка П. А. М.: «Иванъ-Фридрихъ Сапѣга былъ однимъ изъ замѣчательныхъ людей своего времени, вмѣстѣ и государственный человѣкъ, и писатель. Онъ былъ сыномъ Казиміра-Владислава, воеводы Троцкаго († 1703 г.) и род. въ 1680 году. Иванъ-Фридрихъ Сапѣга занималъ значительныя должности еще при Августѣ II и пребывалъ къ нему вѣрнымъ тогда, когда всѣ его оставили. Въ 1716 году Сапѣга былъ назначенъ каштеланомъ Троцкимъ. Августъ III возвелъ его въ званіе великаго канцлера литовскаго и пожаловалъ кавалеромъ ордена Бѣлаго Орла. Король имѣлъ въ Сапѣгѣ весьма способнаго и дѣятельнаго министра, имѣвшаго огромное вліяніе на государственныя дѣла Рѣчи Посполитой. Этимъ обстоятельствомъ вполнѣ объясняется вниманіе, какое оказывала Сапѣгѣ императрица Анна Ивановна. Сапѣга умеръ въ Чернобылѣ 5 іюля 1751 года; женатъ онъ былъ на княжнѣ Констанціѣ Радзивиллъ. Кстати о Сапѣгахъ. Достойно вниманія, что въ древнихъ актахъ вмѣсто имени Сапѣга мы встрѣчаемъ Сопѣга, происходящее, какъ замѣчаетъ польскій историкъ, отъ русскаго глагола сопѣть».

Секретный указъ отъ имени императора Іоанна Антоновича главнокомандующему въ Москвѣ, графу С. А. Салтыкову.

26 октября 1740 г.

(По титулѣ) его и. в. нашему генералу графу Салтыкову.

Хотя мы не сомнѣваемся, что всякой вѣрный подданный и истинный сынъ отечества своего, учиненное отъ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти ея и. в. нашей высокопочтеннѣйшей государыни-бабки опредѣленіе и диспозицію о наслѣдствѣ императорскаго престола и о правленіи Имперіи во время нашего малолѣтства, неинако какъ весьма за полезное, и къ общему всего народа и государства благополучію касающіяся признаваетъ, слѣдовательно же оное опредѣленіе отъ всѣхъ и каждаго, какъ по присяжной должности, такъ и по сущему къ государю и государству вѣрному доброжелательству, съ истинною ревностію и съ охотнымъ радѣніемъ исполнено будетъ, то однако же иногда, паче чаянія, такіе люди сыщутся, которые или изъ глупости и малаго разсужденія, или же изъ злостнаго умысла, и съ богомерзскимъ презрѣніемъ своей совѣсти и присяги о полезнѣйшихъ учрежденіяхъ непристойные свои разсужденіи и толкованія имѣть обыкли. Того ради мы запотребно разсудили чрезъ сіе въ самомъ секретѣ вамъ повелѣть, чтобъ вы подъ рукою искуснымъ образомъ освѣдомиться старались, что въ Москвѣ между народомъ и прочими людьми о такомъ нынѣшнемъ опредѣленіи говорятъ и не происходитъ ли иногда, паче чаянія, отъ кого о томъ непристойные разсужденіи и толкованіе. Однако же сіе учинить имѣете весьма въ секретѣ и безъ малѣйшаго разглашенія, яко же и сей указъ весьма секретно про себя, не отдавая его въ канцелярію, содержать, и отвѣтъ на оной сами своею рукою писать и подписывавъ на ковертѣ „о секретнѣйшемъ дѣлѣ", въ Кабинетъ нашъ прислать имѣете. А еже, паче чаянія, отъ кого какіе непристойные разсужденіи и толкованіи явились, то немедленно о томъ съ обстоятельствомъ и съ подробностію намъ доносить. А между тѣмъ оные безъ отлагательства и запущенія надлежащимъ образомъ пресѣчь и прекратить стараться имѣете, въ чемъ во всемъ однако же, какъ выше сего написано, безъ наимнѣйшаго разглашенія поступать потребно и мы пребываемъ вамъ впротчемъ императорскою нашею милостію благосклонны. Данъ въ Санктпетербургѣ, октября въ 26 день, 1740 году.

По его императорскаго величества указу, подписали господа кабинетъ министры.

Надпись на конвертѣ: «Нашему генералу и оберъ-гофмейстеру графу Салтыкову. Изъ кабинета секретное, разпечатать самому».

Въ Москву отправленъ съ посланнымъ къ генералу маіору Апраксину, съ вахмистромъ Тверитиновымъ тогожъ числа.

Сообщ. И. А. Чистовичъ.

Примѣчаніе. Императору, отъ имени котораго данъ этотъ указъ, было въ это время два мѣсяца и 15-ть дней отъ роду; за девять дней до отправки указа умерла императрица Анна Іоанновна; такимъ образомъ впервые напечатанный нами документъ всецѣло исходитъ отъ регента и правителя Россіи Бирона. Двѣ недѣли спустя — Биронъ былъ низвергнутъ. (См. статью нашу «Іоаннъ VI Антоновичъ» Отеч. Зап. 1866 г. кн. VII). Графъ Семенъ Андреевичъ Салтыковъ род. 1672 и ум. въ 1742 году — въ чинѣ генералъ-аншефа, оберъ-гофмейстера и св. Андрея Первозваннаго кавалеръ. Ред.

Погребеніе принцессы Анны Леопольдовны и мужа ея, герцога Антона Ульриха.

1746 и 1776 гг.

Въ № 124-мъ „Современныхъ Извѣстій", 8-го мая сего года, помѣщено письмо къ редактору, за подписью Викентія Журавскаго (изъ Нижняго Новгорода), въ которомъ, между прочимъ, напечатано: „Въ г. Холмогорахъ умерли (1746 и 1776 г.) послѣ 32-хъ-лѣтняго самаго строгаго заточенія, бывшая правительница Россіи, принцесса Анна Леопольдовна и мужъ ея, принцъ Антонъ Ульрихъ, герцогъ Брауншвейгъ-Люнебургскій. Могилы этихъ царственныхъ людей неизвѣстны до сихъ поръ, хотя мѣсто имъ, по всей справедливости, должно было бы быть не въ тундрахъ сѣвера, а въ столицѣ русскаго царства".

По свидѣтельству сохранившихся оффиціальныхъ бумагъ, свѣдѣнія эти не совсѣмъ точны, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ Аннѣ Леопольдовнѣ.

Принцессу вмѣстѣ съ мужемъ ея и ихъ дѣтьми, при вывозѣ въ 1744 году изъ Раненбурга въ Холмогоры, велѣно было сопровождать мужу двоюродной сестры императрицы Елисаветы Петровны, графини Скавронской, дѣйствительному камергеру (впослѣдствіи генералъ-аншефу и генералъ-полицій мейстеру надъ всѣми полиціями въ имперіи) барону Николаю Андреевичу Корфу. Послѣ водворенія ихъ въ Холмогорахъ, указомъ 29-го марта 1745 года, Корфу предписывалось: „Ежели, по волѣ Божіей, случится иногда изъ извѣстныхъ персонъ кому смерть, особливо же принцессѣ Аннѣ, или принцу Іоанну, то учиня надъ умершимъ тѣломъ анатомію и положа въ спиртъ, тот-

часъ то мертвое тѣло къ намъ прислать съ нарочнымъ офицеромъ, а съ прочими чинить по тому-жъ, токмо сюда не присылать, а доносить намъ и ожидать указу".

Корфъ, возвращаясь ко двору, передалъ это повелѣніе назначенному оставаться при сосланномъ семействѣ л.-г. Измайловскаго полка маіору Гурьеву.

7-го марта 1746 года принцесса Анна скончалась въ родахъ, а 10-го числа Гурьевъ, въ исполненіе упомянутаго приказанія, отправилъ ея тѣло въ Петербургъ съ подпоручикомъ того же Измайловскаго полка Писаревымъ, которому на встрѣчу посланъ былъ указъ изъ Кабинета, отъ 14-го марта, предписывавшій отъ послѣдней передъ Петербургомъ станціи ѣхать съ тѣломъ прямо въ Александроневскій монастырь.

Прибывъ туда 18-го марта, Писаревъ на другой же день былъ отосланъ, съ находившимися при немъ солдатами, обратно, а кабинетъ-министръ баронъ Черкасовъ съ своей стороны сообщилъ: петербургскому архіерею о начатіи надъ тѣломъ, по осмотрѣ его врачами, установленнаго чтенія; Синоду „объ учиненіи церковной церемоніи къ погребенію принцессы по примѣру матери ея, царевны Екатерины Іоанновны", и генералъ-прокурору князю Трубецкому, сперва: „о позволеніи всякому приходить для прощанія къ тѣлу принцессы", а потомъ: „о написаніи въ объявленіяхъ (всенародныхъ) что принцесса скончалась огневицею" (т.-е. горячкою).

Дальнѣйшихъ подробностей о самомъ погребеніи нѣтъ ни въ дѣлахъ государственнаго архива, ни въ современныхъ газетахъ; но онѣ сохранились въ камеръ-фурьерскихъ журналахъ и въ архивахъ духовнаго вѣдомства.

Въ камеръ-фурьерскихъ журналахъ 1746 года записано:

19-го числа марта (слѣдственно на другой день послѣ прибытія тѣла): „посланы были отъ двора ея императорскаго величества придворные лакеи съ повѣсткою ко всѣмъ придворнымъ знатнымъ, что принцесса Анна Люнебургская горячкою скончалась, и ежели кто пожелаетъ, по христіанскому обычаю, проститься, то бъ къ тѣлу ея ѣхали въ Александроневскій монастырь; и могутъ ѣздить и прощаться до дня погребенія ея, т.-е. до 22-го числа сего марта".

20-го числа: „по-утру, придворные лакеи посланы вторично ко всѣмъ знатнѣйшимъ придворнымъ персонамъ обоего пола съ такою же повѣсткою: хотя уже и объявлено было, что погребеніе принцессы Анны было назначено 22-го числа, а нынѣ положено и быть имѣетъ сего-жъ марта 21-го дня, въ Александро-невскомъ же монастырѣ; того ради, чтобъ придворные обоего пола знатнѣйшіе 21-го числа

по-утру въ 8 часовъ, съѣзжались ко двору ея императорскаго величества въ черномъ, а дамы въ черномъ же шелковомъ платьѣ".

21-го числа (это число пришлось въ пятницу Вербной недѣли): „по утру въ 8 часовъ, какъ собрались ко двору знатнѣйшіе обоего пола, то въ исходѣ 10-го часа ея императорское величество и ея высочество государыня великая княгиня (Екатерина Алексѣевна) изволили шествіе имѣть въ Александроневскій монастырь, въ черномъ платьѣ, куда слѣдовали и придворные обоего пола, въ дворцовыхъ каретахъ, на погребеніе принцессы Анны. И по окончаніи погребенія съ принадлежащей церемоніей ея императорское величество изволили того дня обѣденное кушанье кушать въ домѣ своего духовника, а ея высочество государыня великая княгиня кушала у камеръ-юнкера господина Сиверса. Его императорское высочество государь великій князь (Петръ Ѳедоровичъ) тогда не домогалъ".

По духовному вѣдомству, вслѣдствіе изустнаго повелѣнія императрицы синодальному оберъ-прокурору князю Шаховскому, послѣдовали два распоряженія: 1) объ отпѣтіи тѣла находившимися въ то время въ Петербургѣ на лицо архіереями*), съ прочимъ духовенствомъ, по церковному чиноположенію „не употребляя при томъ никакихъ другихъ церемоній", и 2) объ именованіи покойной, „въ потребныхъ церковныхъ воспоминаніяхъ", благовѣрною принцессою Анною Браунштейгъ-люнебургскою. Затѣмъ тѣло предали землѣ въ Благовѣщенской церкви Александроневскаго монастыря, противъ царскихъ вратъ, сойдя съ солеи, близъ матери принцессы, царевны Екатерины Іоанновны**).

Что касается принца Антона Ульриха, умершаго 4-го мая 1776 г., то онъ погребенъ, дѣйствительно, въ Холмогорахъ. Если могила его теперь неизвѣстна, то изъ архивныхъ документовъ мы знаемъ, что тѣло его, въ гробѣ, обитомъ чернымъ сукномъ съ серебрянымъ позументомъ, было вынесено въ почь съ 5-го на 6-е число и „тихо похоронено на ближайшемъ кладбищѣ подлѣ церкви, внутри ограды дома, гдѣ арестанты содержались", въ присутствіи однихъ только „находившихся вверху для караула воинскихъ чиновъ", съ строжай-

---

*) Ихъ было, сверхъ архіепископа с.-петербургскаго Ѳеодосія, четверо. Сослужившихъ архимандритовъ, протоіереевъ, игуменовъ и священниковъ показано девятнадцать. Баронъ М. А. Корфъ.

**) Въ той же Благовѣщенской церкви были погребаемы, въ разное время, начиная съ 1723 года, и многіе другіе члены императорскаго и бывшаго царскаго дома; но мѣста, гдѣ лежатъ ихъ тѣла подъ плитнымъ поломъ, не бывъ означены ни памятниками, ни какими либо надписями, извѣстны теперь только по монастырскимъ описямъ и плану означенной церкви.

Баронъ М. А. Корфъ.

шимъ имъ запрещеніемъ разсказывать кому бы то ни было о мѣстѣ погребенія. Послѣднее совершилось безъ всякаго церковнаго обряда, такъ какъ въ Холмогорахъ не было въ то время пастора лютеранскаго исповѣданія, къ которому принцъ принадлежалъ.

Сообщ. **Баронъ М. А. Корфъ.**

Обращеніе раскольниковъ въ православіе въ 1788 году.

(Разсказъ Ѳ. А. Прядильщикова).

Въ 1788 году пермскій намѣстникъ Волковъ*) донесъ императрицѣ Екатеринѣ II объ умноженіи раскольниковъ по ввѣреннымъ ему губерніямъ и выставилъ причиною зла то, что мѣстное населеніе совершенно забыто своими архипастырями: оба-де они пребываютъ безвыѣздно одинъ въ Вяткѣ, а другой въ Тобольскѣ**). Донесеніе, вполнѣ правдивое, не осталось безъ послѣдствій.

Побужденный Синодомъ, вятскій епископъ Лаврентій поспѣшилъ предпринять объѣздъ западной стороны Пермской губерніи, находившейся подъ его вѣдѣніемъ и старался, сколько умѣлъ, возвратить заблудшихъ ея жителей въ лоно православія. Какого рода были мѣры, которыми хотѣли тогда образумить старовѣровъ, это разскажемъ со словъ старика Власова, Ильинскаго уроженца***).

„Прибывъ въ наше село, такъ разсказывалъ Власовъ: архіерей остановился у управителя заводовъ Я. А. Бушуева, начальника—не мѣшаетъ прибавить—хотя и кроткаго, но почему-то не любившаго старовѣровъ. Высокопочтенный гость открываетъ цѣль своей поѣздки, а тотъ, дѣло понятное, изъявляетъ личную готовность исполнять велѣнія его преосвященства. Такимъ образомъ, власти духовная и мірская условились приняться за проповѣдь сообща. Поутру, смотримъ, десятскіе погнали раскольниковъ со всего Ильинска и ближнихъ деревень къ дому, гдѣ остановился Лаврентій. Народа собралось множество: кто по неволѣ, кто изъ любопытства. Часовъ около 8-ми святитель вышелъ для увѣщанія народа на балконъ. Православные, при видѣ владыки, тотчасъ скинули шапки; старовѣры же—ни одинъ.

---

*) Правившій должность пермскаго и тобольскаго намѣстника генералъ-губернаторъ Волковъ жилъ въ Перми. **И. В. Вологдинъ.**

) До учрежденія пермской епархіи въ 1799 году западная часть Пермской губерніи была подъ вѣдѣніемъ архіерея вятскаго, а восточная (за-Уралье)—митрополита всей Сибири, пребывавшаго въ Тобольскѣ. **И. В. Вологдинъ.

***) Село Ильинскъ въ Пермскомъ уѣздѣ. Тутъ центръ управленія Пермскимъ имѣніемъ Строгановыхъ. **И. В. Вологдинъ.**

Напрасно управитель изъ окна даетъ знаки грубіянамъ, чтобъ держали себя почтительно: они какъ будто не понимаютъ знаковъ, продолжаютъ стоять въ шапкахъ. Какими словами преосвященный началъ рѣчь, мнѣ нельзя было разслышать, потому что я, вмѣстѣ съ прочею молодежью, находился вдали; замѣтилъ только, что рѣчь сопровождалась угрозительными жестами: кажется, преосвященный разсчитывалъ болѣе устрашить непокорныхъ, чѣмъ убѣдить. Старовѣры, которые были ближе къ балкону, заспорили съ архипастыремъ весьма дерзко. Помню ихъ выраженія: „нѣтъ, не правда! ты, ваше благородіе, послушай насъ!“ и тому подобныя. Вскорѣ поднялся такой шумъ, что Лаврентій вынужденъ былъ прекратить бесѣду. Разогорченный, онъ удаляется внутрь покоевъ.

„Заблаговѣстили къ обѣдни. Православные потянулись съ площади въ церковь; старовѣры хотѣли уйти домой, но ихъ оцѣпили полицейскіе служители и поворотили въ слѣдъ православныхъ. Дорогой, конечно, необошлось безъ ударовъ начальственными дубинками и тасканья за воротъ. Кое-какъ, однакожъ, полицейскимъ удалось довести упрямцевъ до храма, втиснуть въ него и запереть двери. Самымъ отчаяннымъ изъ кержаковъ было объявлено отъ управителя, что если они осмѣлятся произвести хотя малѣйшій безпорядокъ при службѣ, то будутъ взяты прямо изъ церкви въ земскую, скованы тутъ, а затѣмъ отправлены въ городъ. Это поусмирило буяновъ. Спустя немного времени прибылъ архіерей и сталъ совершать литургію. Чтобъ не видѣть нашихъ обрядовъ и не внимать пѣнію клира, большая часть старовѣровъ стояла всю обѣдню закрывъ глаза и зажавъ ладонями уши. Нѣкоторые хитростію освободились изъ храма: они расковырили себѣ носъ до крови и потому самой же полиціей были вытолкнуты на крыльцо. Предъ отходомъ литургіи епископъ опять произнесъ слово объ истинной вѣрѣ. Къ сожалѣнію, проповѣдь съ амвона столь же мало имѣла успѣха, какъ и проповѣдь съ балкона: ни одна заблудшая овца не обратилась на путь истинный.

„Изъ Ильинска преосвященный отправился по тракту въ Соликамскъ и далѣе. У нашихъ кержаковъ не было Лаврентію иного названія, какъ „гонитель“.

Сообщ. И. В. Вологдинъ.

Планъ исторіи ея императорскаго величества славно царствующей надъ нами императрицы Екатерины II *).

Надписаніе ея должно состоять: „Исторія царствованія Екатерины II Императрицы и Самодержицы всероссійской и проч.»

По вступленію, показующему некоимъ образомъ умоначертаніе сего труда, не безполезно изъяснить для подозрительнаго потомства, что хотя сія исторія и въ самое время ея царствованія писана, однако лжи и ласкательства въ ней не будетъ: 1) для того, что монархи, сидящіе на престолѣ, довольно подвергнуты къ всенародному взору, дабы отвратить каждаго имѣющаго благородные мысли писателя, и чтобы не отвергнувъ весь стыдъ, извѣстной несправедливости сказать не осмѣлился. 2) Ласкательство же неприлично употреблять къ такой монархинѣ, которая дѣлами своими довольно свое остроуміе показала и тщетная то будетъ хитрость, чтобъ приобрѣсти ея благоволеніе; ибо если усмотря въ писаніи какое неприличное ласкательство, или похвалу узнаетъ сей порокъ въ писателѣ, то нетокмо пріумножитъ, но уменьшитъ благоволеніе свое къ человѣку ласканіемъ своимъ желающему повредить монаршее сердце.

Краткое царствованіе Петра III дѣлаетъ естественную связь между царствованіемъ покойной императрицы Елисаветы Петровны и царствованіемъ ея императорскаго величества Государыни Екатерины Алексѣевны; чего ради надлежитъ знать совершенно состояніе государства, какъ блаженной памяти императрица Елисавета Петровна оставила его при своей кончинѣ; вкратцѣ молвить о бывшей тогда прусской войнѣ.—И тако къ свѣденію надлежитъ того времени.

Союзы съ другими государствами.

Доходы государственные.

Какіе оные и куда употребляются.

Долги, какіе разныя правительства единыя другимъ имѣли.

Число флота.

Число войскъ внутреннихъ и заграничной арміи.

Заключенный миръ съ прусскимъ королемъ, даже и секретные артикулы.

Данную инструкцію командующему вспомогательными россійскими войсками его величеству прусскому королю.

---

*) Планъ этотъ и слѣдующій за нимъ опытъ предисловія принадлежатъ кн. М. М. Щербатову—сенатору и коммерцъ-коллегіи президенту (род. въ 1733, умеръ 12 декабря 1790 года). — Екатерина II дала кн. Щербатову званіе историографа. Ред.

Инструкція князя Репнина, тогда бывшаго министромъ при прусскомъ дворѣ.

Наконецъ приступить вкратцѣ къ правленію Петра III. Описать послѣднія мысли императрицы Елисаветы Петровны; искреннюю любовь къ счастливо царствующей Государынѣ; какимъ образомъ сія любовь часъ отъ часу возрастала и какъ наконецъ Ея Величество была на всероссійскій тронъ возведена.

При томъ великомъ премѣненіи имперіи изъяснить кротость Ея Величества въ томъ, что никто несчастія не претерпѣлъ.

Потомъ вступая въ самую матерію, должно описывать распорядки правленія и бывшія дѣла, какъ внутри, такъ и внѣ Россіи; гдѣ сама матерія подастъ планъ къ расположенію. Воздерживаясь отъ пышности слога и отъ похвалъ хотя достойныхъ, дабы потомство видя дѣла и установленія, само собою было къ надлежащимъ чувствамъ побуждено и узнало бы, что не льстецъ, но сынъ отечества исторію сію писалъ и не о такомъ Государѣ, котораго дѣла перо его историка украшаютъ, но напротивъ того, самыя дѣла руководствуютъ писателя.

Опытъ.

Я предпріемлю писать исторію не о такомъ монархѣ, коего звучныя побѣды вселенну наполняютъ, о коего храбрости трепещутъ дальнѣйшіе народы; но увы, между различныхъ побѣдоносныхъ воплей слышенъ жалкій вопль вдовъ и сиротъ, приводящій въ содроганіе человѣколюбивое сердце. Хотя тишайшая, но знатнѣйшая причина предметъ мой сочиняетъ, я тщусь безъ лести описать дѣла такого государя, который всю жизнь свою употребляетъ дѣлать счастливыми подверженные подъ власть его народы, снисходитъ съ высоты престола своего, чтобы плачущихъ слезы отирать, нѣтъ, нетокмо дѣлаетъ благодѣянія настоящимъ родамъ, но попеченія свои на будущіе роды простираетъ, чтобы и тѣ счастливы и благополучны вовѣки были.

Простите мнѣ, почтенные потомки, безстрастные судьи дѣлъ нашихъ, что сіе изліяніе подданническаго сердца осмѣлился вамъ предложить. Нѣтъ, я не лестію побужденъ сію хвалу сказать, вы сами будете зрѣть плоды уже обильные тѣхъ установленій, которыя меня въ восхищеніе приводятъ, и тогда собственной вашей чувствительностію оправдаете чувства, какія надежда о благѣ отечества во мнѣ производитъ; и такъ, не вѣрьте моимъ словамъ, но повѣрьте тому, что узрите сами.

Приказы первыхъ трехъ дней царствованія императора Павла, отданные при паролѣ великому князю Александру Павловичу.

7-го ноября 1796 г.

1-е. Пароль „Полтава".

2-е. Его императорское величество императоръ Павелъ Петровичъ принимаетъ на себя шефа и полковника всѣхъ гвардіи полковъ.

3-е. Его императорское высочество великій князь Александръ Павловичъ въ Семеновскій полкъ полковникомъ.

4-е. Его императорское высочество великій князь Константинъ Павловичъ въ Измайловскій полкъ полковникомъ.

5-е. Его императорское высочество великій князь Николай Павловичъ въ Конную Гвардію полковникомъ.

6-е. Полковникъ Аракчѣевъ комендантомъ въ городѣ.

7-е. Адъютанты при его императорскомъ величествѣ императорѣ Павлѣ Петровичѣ назначаются: генералъ-маіоръ Плещеевъ, генералъ-маіоръ Шуваловъ, бригадиръ Ростопчинъ, полковникъ Кушелевъ, маіоръ Кутлубицкій и каммеръ-пажъ Нелидовъ, которой и жалуется въ маіоры.

8-е. Полковникъ Аракчѣевъ въ Преображенскій полкъ штабомъ.

9-е. Подполковнику Кологривову быть въ эскадронѣ гусаръ какъ въ лейбъ, такъ и въ его полку и казаками, что и будетъ составлять полкъ, прочее жъ поступать по уставу.

10-е. Господамъ генераламъ служащимъ другого мундира не носить кромѣ того корпуса, которому принадлежатъ; вообще, чтобъ офицеры не носили, ни въ какомъ случаѣ, иного одѣянія какъ мундиры.

Ноября 8-го дня.

1-е. Пароль «Елабуга».

2-е. Его императорское величество императоръ всемилостивѣйше пожаловалъ графа Салтыкова фельдмаршаломъ; бригадировъ: Ростопчина и Донаурова, полковниковъ: Кушелева, Аракчѣева и Обольянинова въ генералъ-маіоры, подполковника Кологривова въ полковники, капитана Ивана Бердникова въ лейбъ-гвардію конной полкъ въ ротмистры съ исправленіемъ прежней должности; кавалергарда Кладо въ унтеръ-офицеры, Измайловскаго полку подпрапорщика Павла Юшкова въ прапорщики, Конной-Гвардіи унтеръ-офицера Захара Станюковича въ корнеты, въ тѣхъ же полкахъ.

Изволилъ высочайше указать господамъ гвардіи подполковникамъ, а гдѣ нѣтъ, то маіорамъ выбрать изъ унтеръ-офицеровъ недворянъ и произвесть одного въ полковые квартермистры, а другого въ аудиторы; мундирамъ ихъ будетъ предписана форма; офицеры правящіе по сіе время сими должностьми помѣщаются въ ротное число, равномѣрно какъ и секретари, обозные и коммиссары, которыхъ чины совсѣмъ и уничтожаются, такъ же унтеръ-офицеры обозные помѣщаются въ ротное число.

Чтобы всѣ отпускные гвардіи офицеры непремѣнно явились въ свои полки въ срокъ по узаконенію. Всѣ офицеры не исправляющіе должности, такъ какъ каммеръ-геры и каммеръ-юнкеры выключаются изъ полковъ вонъ.

Чтобы фельдфебели были не изъ дворянъ, всѣхъ унтеръ-офицеровъ не называть другими названіями какъ унтеръ-офицерами, кромѣ фельдфебелей или вахмистровъ по кавалеріи и подпрапорщиковъ.

Производится войсковой старшина Грековъ въ маіоры.

Разводъ Преображенскаго полку въ 9-ть часовъ.

На подлинномъ подписано собственною его императорскаго высочества рукою: Александръ.

Съ подлиннымъ свѣрялъ генералъ-маіоръ Алексѣй Аракчѣевъ.

Ноября 9-го дня.

1-е. Пароль «Полтава».

2-е. Его императорское величество императоръ сохраняетъ званіе генералъ-адмирала во флотѣ.

3-е. Всемилостивѣйше изволилъ пожаловать: генерала князя Репнина въ фельдмаршалы; изъ камеръ-пажей въ гвардію поручиками: Тулубьева въ Преображенской, Назарьева въ Семеновской, Ласунскаго въ Измайловской, князя Вяземскаго въ Конную Гвардію.

Завтрашняго числа вступятъ въ городъ войска павловскаго гарнизона, которыя и распредѣляются слѣдующимъ образомъ: баталіоны его императорскаго величества императора и генералъ-маіора Аракчѣева поступятъ въ Преображенской полкъ въ гренадерскія роты; его императорскаго высочества Александра Павловича и подполковника Недоброва въ Семеновской полкъ въ мушкатерскія роты; его императорскаго высочества Константина Павловича въ гренадерскую, а подполковника Малютина въ мушкатерскую роты Измайловскаго полку; жандармскій и драгунскій полки въ Конную Гвардію.

Пятнадцать ротъ Преображенскаго полку, включая и егерскія, дѣлятся на три мушкетерскіе баталіона, а шестая-на-десять составляетъ третью гренадерскую; десять ротъ Семеновскаго и Измайловскаго пол-

ковъ дѣлятся на два баталіона; одиннадцатыя роты составляютъ вторыя гренадерскія; двѣнадцатыя роты составляютъ егерскія роты.

И такъ, каждый баталіонъ будетъ состоять изъ пяти мушкетерскихъ и одной гренадерской роты.

Семеновскія и Измайловскія егерскія роты, съ ротой подполковника Рачинскаго, составятъ гвардіи егерскій баталіонъ, которымъ и командуетъ подполковникъ Рачинскій.

Пушкари всѣхъ трехъ гвардіи полковъ и артиллерійская команда подполковника Каннабиха составятъ артиллерійскій гвардіи баталіонъ, которымъ и командуетъ подполковникъ Каннабихъ.

Всѣ подполковники Павловскаго гарнизона причисляются въ гвардіи полки, а именно: Глазовъ, Адамовичъ, Сназинъ, Ротговъ въ Преображенской полкъ; Недобровъ, Купреяновъ 2-й, Пѣвцовъ въ Семеновскій полкъ; Малютинъ, Эссенъ, Купреяновъ 1-й, Билистеинъ въ Измайловскій полкъ; Капцевичъ и Котлубицкій въ артиллерійской гвардейскій баталіонъ; Давыдовъ, Фроловскій, Каракулинъ, Афросимовъ 1-й въ Конную Гвардію.

Всѣ же субалтернъ-офицеры входятъ въ гвардію чинъ въ чинъ.

Генералъ-маіоръ Аракчѣевъ командуетъ Преображенскаго полку гренадерскимъ своднымъ баталіономъ, состоящимъ изъ трехъ гренадерскихъ ротъ.

Генералъ-маіору Аракчѣеву быть маіоромъ Преображенскаго полку.

Адъютантъ его императорскаго величества императора Нелидовъ производится въ подполковники.

Измайловскому смѣнившемуся разводу его императорское величество императоръ объявляетъ свое удовольствіе.

Завтрашняго числа разводъ Преображенскаго полку въ 11 часовъ.

На подлинномъ подписано собственною его императорскаго высочества рукою: Александръ.

Съ подлиннымъ свѣрялъ генералъ-маіоръ и кавалеръ Алексѣй Аракчеевъ.

Сообщ. М. Д. Хмыровъ.

Пребываніе императора Павла въ Козмодемьянскѣ.

1798 г.

(Разсказъ очевидца).

Въ 1798 г. императоръ Павелъ дѣлалъ смотръ оренбургской дивизіи, т.-е войскамъ, расположеннымъ въ Уфимской, Казанской и Пермской губерніяхъ, которыми командовалъ тогда генералъ отъ инфантеріи О. А. Игельстромъ, оренбургскій военный генералъ-губернаторъ, во время революціи Костюшки

командовавшій нашими войсками, расположенными въ Польшѣ. Смотръ оренбургской дивизіи назначался въ городѣ Казани, куда путешествіе императора Павла сдѣлалось предметомъ особенной заботливости и страшныхъ тревогъ со стороны военной и гражданской администраціи; но и въ умахъ всѣхъ вообще современниковъ это императорское «шествіе» оставило глубокій слѣдъ, какъ свидѣтельствуютъ объ этомъ ихъ собственные разсказы. Интересныя подробности о пребываніи Павла Петровича въ Казани сообщаетъ въ своихъ запискахъ Л. Н. Энгельгардтъ (стр. 203—214) и неизвѣстный авторъ-современникъ, разсказывающій о томъ же*). О пребываніи императора во Владимірѣ на Клязмѣ, въ IV кн. «XVIII Вѣка», напечатанъ разсказъ очевидца, записанный г. Рангомъ. Весьма любопытный разсказъ о путешествіи этого государя по Ярославской губерніи, составленный г. Трефолевымъ, напечатанъ во 2 книжкѣ «Русскаго Архива» за этотъ годъ. Нѣсколько строкъ о путешествіи императора по Литвѣ, послѣ коронаціи въ 1797 г., будетъ сказано во второй половинѣ моего сочиненія, посвященной исторіи Сѣверо-Западнаго края **). Во всѣхъ описаніяхъ этихъ «высочайшихъ шествій» ярко бросаются въ глаза двѣ черты: съ одной стороны, желаніе императора проѣхать скромно и тихо, никого не тревожа; съ другой, со стороны всякихъ административныхъ властей и даже лицъ, близкихъ къ государю, — страхъ и трепетъ; эти чувства проявлялись и во время самаго путешествія всякаго рода тревогами и замѣшательствами, и еще болѣе раздражали вспыльчиваго императора, котораго народъ, общество (не служащее), встрѣчали почти повсюду съ полнѣйшимъ спокойствіемъ и горячею преданностію.

Читателямъ «Русской Старины», надѣемся, не безъинтересенъ будетъ помѣщаемый ниже разсказъ о пребываніи императора Павла въ Козмодемьянскѣ, въ маѣ 1798 г., т.-е. на пути въ Казань. Разсказъ этотъ записанъ въ 1844 г. Н. И. Второвымъ, со словъ козмодемьянскаго мѣщанина Ѳ. Г. Масленикова, и сохранился въ бумагахъ Второва, которыя, вмѣстѣ съ бумагами отца его Ив. Алексѣев. Второва, любопытны для характеристики нашего общества конца прошлаго и первой половины нынѣшняго столѣтія. Извлекаемъ разсказъ Масленикова изъ бумагъ Второвыхъ, находящихся въ нашемъ распоряженіи.

М. де-Пуле.

Императоръ Павелъ,—разсказывалъ 23 февраля 1844 г. въ городѣ Козмодемьянскѣ Ник. Иван. Второву тамошній мѣщанинъ Ѳедоръ Григорьевичъ Маслениковъ, — проѣзжая въ Казань, заѣхалъ сюда, повернувъ въ сторону съ Емолгашской станціи. Это было въ маѣ, числа не помню. Часа два спустя послѣ полдёнъ, императоръ прибылъ въ Козмодемьянскъ, съ великими князьями Александромъ и Константиномъ Павловичами; изъ свиты его помню генерала Нелидова. Для квартиры государю былъ отведенъ деревянный домъ купца Колесникова, на площади, противъ церкви Успенія. Экипажи помѣ-

*) См. «XVIII Вѣкъ», изд. П. И. Бартенева, книга 4-я, стр. 464—469.

**) Первая половина напечатана въ IV-й книгѣ «XVIII Вѣка», стр. 97—207.

стились противъ дома, у церкви. Толпы народа, въ числѣ котораго были русскіе, чуваши и черемисы, разодѣвшіеся въ самыя нарядныя платья, окружили домъ. Хозяинъ, съ семействомъ, по прибытіи императора, встрѣтилъ его у дома и получилъ въ подарокъ часы. Градской голова, купецъ Ермолаевъ, встрѣтилъ его въ комнатахъ и поднесъ на блюдѣ хлѣбъ и соль, которые были приняты милостиво. Спустя нѣсколько времени, государь показался у окна. Прежде всего бросились ему въ глаза ядринскіе купцы, пожалованные императрицею Екатериной, за подвиги ихъ противъ Пугачева, шпагами, ковшами и другими вѣщами. Они стояли впереди всѣхъ, въ-рядъ, и держали передъ собою всѣ эти вещи.

— „Что вамъ надобно? спросилъ государь: — Знаю....“ и купцы должны были отойти въ сторону. Тутъ же какой-то татаринъ упалъ передъ окнами и со слезами началъ что-то говорить. Одинъ изъ свиты государя, подошедши къ этому татарину, предупредилъ его, чтобы онъ не смѣлъ безпокоить государя никакими просьбами.

— Что ты плачешь? спросилъ императоръ.

— „Ничего, батюшка! Я радъ, что тебя вижу: ни дѣду, ни отцу моему никогда не приводилось видѣть царя“.

— Поди же теперь домой и скажи, что ты меня видѣлъ, отвѣчалъ государь.

Народъ стоялъ въ отдаленіи и боялся близко подойти къ дому; только одинъ мѣщанинъ Минѣевъ, старикъ лѣтъ 80, отважился приблизиться. Онъ упалъ предъ государемъ на колѣни и тотъ началъ съ нимъ милостиво разговаривать. Увидавши на головахъ русскихъ женщинъ золотыя фаты, государь спросилъ его:

— Что у васъ фабрики, что-ли, такія есть, гдѣ ткутъ эти фаты?

Минѣевъ отвѣчалъ, что фаты эти привозятся мужьями ихъ изъ Астрахани и другихъ мѣстъ, а что въ городѣ фабрикъ такихъ нѣтъ. Изъ оконъ дома, занимаемаго императоромъ, открывался видъ на Волгу. Смотря на все, государь обратилъ вниманіе на суда и барки, плывшія въ то время по рѣкѣ.

— Что это за флотъ тамъ идетъ? спросилъ онъ: — и почему на однихъ судахъ паруса бѣлые, а на другихъ желтые?

Минѣевъ объяснилъ, что цвѣтъ парусовъ зависитъ отъ того, что одни изъ нихъ холщевые, а другіе рогожные. Затѣмъ государь изъявилъ желаніе попробовать волжской воды; но какъ время тогда было весеннее и у берега вода была очень мутна, то отправились нѣсколько человѣкъ въ лодкѣ на середину рѣки, чтобы почерпнуть воды. Вода государю очень понравилась. Онъ поднялъ стаканъ и, показывая его народу, сказалъ:

— Вотъ я пью вашу воду. Славная вода у васъ!

Между тѣмъ уже вечерѣло. У одной изъ женщинъ, стоявшихъ въ толпѣ, расплакался ребенокъ.

— Ступай домой, сказалъ ей государь: ребенокъ твой спать хочетъ, а ты меня еще завтра увидишь.

Въ это время возвращалось съ поля стадо; государь приказалъ народу раздвинуться и дать ему дорогу.

На другой день государь долго почивалъ, и, до его пробужденія, не начинали обѣдни. Это было въ воскресенье и государь съ вечера пожелалъ быть въ церкви. Вставши, онъ тотчасъ отправился въ Успенскую церковь съ великими князьями и свитой. Черезъ площадь государь и всѣ съ нимъ бывшіе проходили съ открытыми головами. Въ церкви онъ помѣстился противъ образа Николая чудотворца. Впродолженіи службы, государь обратилъ вниманіе на то, почему служатъ два священника (другой былъ протопопъ изъ собора), и, казалось, не былъ этимъ доволенъ. По окончаніи литургіи хотѣли служить молебенъ, но онъ не приказалъ. При выходѣ изъ церкви, какой-то отставной солдатъ сказалъ что-то на ухо шедшему нѣсколько позади велик. кн. Константину Павловичу, и тотъ весь вспыхнулъ; но о чемъ онъ говорилъ ему,—неизвѣстно. Тотчасъ послѣ обѣдни, государь отправился далѣе по дорогѣ въ Казань и на станціи Виловотовражской имѣлъ обѣдъ.

Государь былъ средняго роста, лицо имѣлъ полное, круглое, голосъ — толстый, сиповатый. Великій князь Александръ Павловичъ, бывшій въ то время лѣтъ 20-ти, былъ настоящій красавецъ.

—

Когда записывался этотъ разсказъ, домъ Колесникова былъ еще цѣлъ; это было двухъ-этажное деревянное, полуразвалившееся зданіе съ пятью окнами; нижній этажъ совсѣмъ вросъ въ землю.

Сооб. **М. Ө. де-Пуле.**

Письма вел. княгини Маріи Өедоровны къ К. И. Кюхельбекеру.

Помѣщаемыя здѣсь письма императрицы Маріи Өедоровны писаны къ отцу весьма извѣстнаго въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія поэта В. К. Кюхельбекера, къ Карлу Ивановичу Кюхельбекеру. Вотъ біографическая замѣтка объ этой личности, составленная его внучкою, Юстиною Вильгельмовною Косовой: «Карлъ Кюхельбекеръ, саксонскій уроженецъ, дворянинъ Римской имперіи, имѣлъ помѣстье въ Саксоніи, перешедшее, по семейнымъ сдѣлкамъ, къ сестрѣ его г-жѣ Некеръ. Воспитанный въ лейпцигскомъ университетѣ и имѣя всестороннее образованіе, К. И. Кюхельбекеръ прибылъ въ Россію, какъ многіе нѣмцы того времени, попытать счастія, но не смотрѣлъ на избранное свое отечество, только какъ на средство обогащенія, а привязавшись къ нему, вѣ-

рой и правдой служилъ великому князю, впослѣдствіи императору Павлу Петровичу и императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, личнымъ расположеніемъ и полнымъ довѣріемъ которыхъ онъ всегда пользовался въ различныхъ занимаемыхъ имъ должностяхъ. Между прочимъ онъ былъ вторымъ директоромъ Павловска, занимая это мѣсто впродолженіи двѣнадцати лѣтъ *), составлялъ вмѣстѣ съ женою своею Юстиною Яковлевной (рожденной Ломенъ), барономъ Николаи, швейцарцемъ ла-Фермьеръ (la-Fermiére), княгинею Ливенъ и г-жею Бенкендорфъ—ежедневное и единственное общество молодого двора **). Въ павловской дворцовой библіотекѣ сохраняется цѣлое собраніе собственноручныхъ писемъ, писанныхъ императоромъ Павломъ и императрицей Маріей Ѳедоровной къ Кюхельбекеру. Нѣкоторыя остались въ рукахъ дочери его Юстины Карловны Глинки. По смерти Павла Петровича, К. И. Кюхельбекеръ поселился въ дарованномъ ему арендномъ имѣніи Эстляндской губерніи Авинормѣ, гдѣ и умеръ въ 1809 г., оставивъ вдову свою почти безъ средствъ къ существованію.

Мать Вильгельма Карловича, Юстина Яковлевна, рожденная Ломенъ, († 1841 г.) отличалась не только красотой и умомъ, но и древностію рода. До сихъ поръ существуютъ въ Саксоніи «развалины замка Ломенъ», нерѣдко посѣщаемаго путешественниками, принадлежавшій ея предкамъ, которые съ Манштейномъ переселились въ Россію. Принятые лифляндскимъ дворянствомъ, они заключили родственныя связи съ древнѣйшими фамиліями этой губерніи, какъ-то: съ Штакельбергъ, Анрепъ, Тизенгаузенъ, Ребиндеръ и пр.

Ред.

I. Васъ не было вчера на Каменномъ Островѣ и хотя Николай мнѣ сказалъ, что вамъ только нездоровится, но мнѣ пришло въ голову, что вы въ самомъ дѣлѣ серьёзно больны и я боюсь, не простудились-ли вы въ Павловскомъ? меня это еще болѣе огорчаетъ, и я прошу васъ, мой добрый Кюхельбекеръ, сказать мнѣ всю правду: что вамъ недостаетъ и не надо ли вамъ чего-нибудь? Что подѣлываетъ милое Павловское? Прощайте, дорогой мой Кюхельбекеръ, я крайне сожалѣю о вашемъ плохомъ здоровьѣ. У васъ слишкомъ много занятій, вамъ нуженъ помощникъ, и я вамъ даю порученіе пріискать его себѣ.

I. Vous ne vous êtes pas trouvé hier à Camennoiostrov et quoique Nicolaï m'ait dit que vous n'étiez qu'indisposé, j'ai dans la tête que vous êtes vraiment malade, et je crains que vous ne vous soyez refroidi à Pawlovske; j'en suis d'autant plus affligée et vous prie, mon bon Küchelbecker, de me dire au vrai ce qui vous manque et si vous avez besoin de quoi que ce soit. Que fait ce cher Pawlovske? Adieu, mon cher Küchelbecker, votre mauvaise santé me fait grand peine. Vous avez trop d'occupations, il vous faut un aide et je vous donne la commission de vous en chercher un.

---

*) Первымъ, по времени, директоромъ былъ кн. Гагаринъ, преемникомъ же Кюхельбекера былъ гр. Мелинъ.

**) Анна Юліана Бенкендорфъ, рожденная Шиллингъ-фонъ-Канштадтъ, изъ Виртембергіи, вмѣстѣ воспитывалась съ императрицей Маріей Ѳедоровной, чѣмъ и объясняется короткость отношеній и дружба ея съ этой государыней. Шиллингъ вышла замужъ за Христофора Ивановича Бенкендорфа, дворянина изъ русскихъ Прибалтійскихъ губерній; онъ пріѣзжалъ жениться на ней въ Штутгартъ. Въ то время Бенкендорфъ былъ кажется въ чинѣ полковника, умеръ же онъ генераломъ-отъ-инфантеріи. Шиллингъ пріѣ-

II. Прошу васъ, мой добрый Кюхельбекеръ, дать мнѣ отвѣтъ на счетъ ситцу. Вы не должны опасаться заплатить за него, потому что я въ ту же минуту отдамъ вамъ деньги.

Я уже давно просила васъ, мой добрѣйшій Кюхельбекеръ, рисунокъ двора Павловска, такъ какъ мы намѣреваемся его устроить. Вы очень будете любезны, если доставите мнѣ этотъ рисунокъ въ скоромъ времени.

III. Не унывайте, мой добрый Кюхельбекеръ, вы увидите, что все пойдетъ хорошо. Берегите свое здоровье, равно какъ и здоровье мастеровыхъ, — это главное. Такъ какъ не очень сильно таетъ, то надѣюсь, что и вода сегодня не высока.

Посылаю вамъ при семъ самаго лучшаго китайскаго чаю, который я только-что получила; пейте его и я желаю, чтобы онъ принесъ пользу вашей груди. Скажите, пожалуйста, Вислеру, что мнѣ кажется, онъ хорошо бы сдѣлалъ, если не теряя времени, онъ сегодня выроетъ изъ поля розаны, посадитъ ихъ въ горшки и поставитъ пока въ холодную комнату; эта мысль мнѣ пришла на умъ; но пусть дѣлаетъ какъ лучше заблагоразсудитъ. Прощайте, желаю вамъ покоя и не имѣть воды.

Марія.

II. Je vous prie, mon bon Küchelbecker, de me donner réponse sur le coton; vous ne devez point avoir peur de faire le déboursé, car je vous rendrai l'argent au même moment.

Il y a bien longtemps que je vous ai demandé, mon très cher Küchelbecker, le dessin de la cour de Pawlovske, comme nous sommes dans l'intention de le faire. Vous serez très aimable, si vous me procurez ce dessin bientôt.

III. Ayez bon courage, mon bon Küchelbecker, vous verrez que tout ira bien, ayez soin seulement de votre santé et de celle des ouvriers, c'est le principal; comme il ne dégèle pas fortement, j'espère que les eaux ne seront pas hautes aujourd'hui.

Je vous envoie ci-joint de l'excellent thé de Chine que je viens de recevoir; prenez-en, je souhaite qu'il fasse du bien à votre poitrine. Dites, je vous en prie, à Wisler, que je crois qu'il ferait bien, si sans perdre du temps aujourd'hui, si les eaux le lui permettent, il déterre le champ de roses, les mette dans des pots et les pose en attendant dans une chambre froide; c'est une idée qui m'est venu; il fera ce qu'il jugera pour le mieux. Je vous souhaite le bonjour, du repos et point d'eau.

Marie.

хала въ Петербургъ уже по выходѣ замужъ. Кромѣ сыновей Александра и Константина — у нея были еще двѣ дочери: Дарья и Марія Христофоровны. Первая вышла замужъ за сына статсъ-дамы княгини Ливенъ, воспитательницы малолѣтныхъ дѣтей императрицы Маріи Ѳедоровны. Князь Ливенъ былъ посломъ при лондонскомъ и другихъ европейскихъ дворахъ; жена его Дарья Христофоровна удивляла и привлекала всѣхъ своимъ необыкновеннымъ умомъ. Гизо, съ которымъ княгиня была очень дружна, написалъ біографію этой замѣчательной женщины. Сестра ея, Марья Христофоровна — была въ замужествѣ за генераломъ Шевичъ. Во время директорства Кюхельбекера въ Павловскѣ—всѣ названныя лица семейства Бенкендорфъ были дѣтьми.

Императрица Марія Ѳедоровна имѣла обширную переписку съ своимъ «добрымъ другомъ», какъ она обыкновенно называла Кюхельбекера. Эта громадная корреспонденція,—болѣе сотни писемъ, находится въ библіотекѣ августѣйшаго владѣльца города Павловска и хранится въ этомъ городѣ, во двор-

Мы вамъ посылаемъ souvenir въ знакъ благодарности за всѣ ваши труды.

IV. Мой добрый Кюхельбекеръ. Вы меня малу-по-малу подготовляете къ тому, чтобы потомъ сказать, что мнѣ невозможно будетъ найти мой домъ подъ крышей. Не такое ли ваше намѣреніе, мой добрый Кюхельбекеръ? Я васъ угадала; я даже вамъ скажу, что я объ этомъ очень жалѣю; но я увѣрена, что вы въ томъ невиноваты. Сообщите мнѣ, ради Бога, зачѣмъ Камеронъ сдѣлалъ низъ на сводахъ? это только удвоиваетъ расходы и имѣетъ ту непріятность, что никогда не сохнетъ; притомъ на эти толстыя стѣны тратится много кирпича. Если же прочность того требуетъ, то дѣло другое. Наконецъ, я вамъ повторяю, что я увѣрена, что вы, мой добрый Кюхельбекеръ, все сдѣлали какъ можно лучше. Что же касается Камерона, то я отлагаю мое сужденіе о немъ, пока вы меня не извѣстите о точности дѣла. — Поговоримъ о садѣ, который будетъ моимъ утѣшеніемъ, потому что я очень огорчена тѣмъ, что начала постройку дома, который сыгралъ мнѣ вѣроломную шутку. Готовъ-ли птичникъ? Льщу себя надеждою, что онъ красивъ; вѣдь вы мнѣ это обѣщали, мой добрый Кюхельбекеръ. Что дѣлаетъ молочня? Будетъ-ли она подъ

Nous vous envoyons un souvenir en signe de reconnaissance pour toutes les peines que vous vous donnez.

IV. Kotzke, ce $\frac{25\ \text{Oct.}}{5\ \text{Nov.}}$ 1782. Mon bon Küchelbecker. Vous me préparez peu à peu pour me dire ensuite qu'il est impossible que je trouve ma maison sous toit; n'est-ce pas là votre intention, mon bon Küchelbecker? Je vous ai deviné, je vous dirai même que cela me fait de la peine, mais je suis bien persuadée que cela n'est pas de votre faute: marquez-moi, au nom de Dieu, pourquoi est-ce que Cameron a fait voûter le bas; cela double la dépense et cela a le désagrement de ne jamais sécher, de même que ces murs épais qui mangent des briques. Si la solidité l'a exigé, c'est autre chose; enfin je vous répète, que je suis persuadée que vous, mon bon Küchelbecker, avez fait de votre mieux, et quant à Cameron je suspends mon jugement jusqu'à ce que vous m'aurez informé du vrai de la chose. Parlons du jardin qui fera ma consolation, car je suis très fâchée d'avoir commencé la maison qui me joue un tour perfide; ma volière est-t-elle achevée et bien jolie? J'ose m'en flatter, car vous me l'avez promis, mon bon Küchelbecker. Que fait la laiterie? Sera-t-elle sous toit? Que trouverai-je de nouveau dans mon jardin? Sera-t-il rempli de fleurs précieuses? La colonnade

---

цѣ. «Если бы для васъ,—пишетъ къ намъ изъ Смоленской губ. А. Г. Глинка, внучка К. И. Кюхельбекера,—были сняты печати, которыми в. к. Михаилъ Павловичъ собственноручно запечаталъ обертку на книгахъ, заключающихъ письма и записки Маріи Өедоровны къ моему дѣду, вы нашли бы въ нихъ много драгоцѣнныхъ матеріаловъ для обрисовки характера этой рѣдкой добродѣтели монархини. Изъ нихъ можно усмотрѣть ея необыкновенную дѣятельность, доброту, снисхожденіе къ низшимъ, заботливость о всемъ и о всѣхъ, и проч. Письма напечатанныя въ «Рус. Стар.» взяты изъ тѣхъ, которыя казались не представляющими интереса, почему онѣ и были оставлены въ рукахъ моей матери. Между прочими письмами къ моему дѣду, хранящимися въ Павловскѣ, есть нѣсколько довольно интересныхъ писемъ в. к., а потомъ и императора Павла Петровича». А. Г. Глинка.

крышей? Что я найду новенькаго въ моемъ саду? Будетъ-ли онъ насаженъ рѣдкими цвѣтами? Будетъ-ли окончена колоннада? Готовъ-ли цвѣтникъ передъ птичникомъ? Очищенъ-ли мой лѣсъ? Словомъ, найду-ли я много новенькаго? Признаюсь вамъ, это будетъ для меня истиннымъ праздникомъ, когда я опять увижу мой дорогой Павловскъ. Конечно, я хотя одинъ разъ, да пріѣду туда зимой, чтобы взглянуть на него, и тогда уже я васъ поблагодарю лично за всѣ ваши труды и попеченія, которые конечно мнѣ не безъизвѣстны и которые я умѣю цѣнить. Прошу васъ также цѣнить мою признательность и будьте увѣрены, что я пребываю къ вамъ всегда благосклонною. Марія.

Мои поклоны вашей женѣ. Тесть вашъ здоровъ.

На оборотѣ адресъ: „Господину Кюхельбекеру".

V. Мнѣ очень жаль было узнать, что здоровье ваше побуждаетъ васъ просить позволенія отдохнуть отъ трудовъ предпринятыхъ вами въ Павловскомъ, но причина такъ уважительна, что я не могу отказать вашей просьбѣ; исполняя ее, я очень довольна, что могу доказать вамъ мою благодарность, оставляя вамъ все содержаніе, которое вы отъ меня получали, и великій князь позволилъ мнѣ сказать вамъ, что онъ имѣетъ милость удостоить васъ сохраненіемъ званія секретаря, вмѣстѣ съ содержаніемъ, которое вы получаете, и квартирой въ каменномъ домѣ.

Я всегда буду рада быть вамъ полезной, оставаясь къ вамъ благосклонною Марія.

Прошу васъ продолжать ваши занятія въ Павловскомъ до тѣхъ поръ, пока я не пріищу кого-нибудь, кто бы могъ васъ замѣнить.

Сообщ. Ю. В. Косова.

---

serat-elle achevée? Le parterre devant la volière est-il fini? Mon bois est-il nettoyé? Enfin, trouverai-je beaucoup de nouveau? Je vous avoue que je me fais une fête de revoir ce cher Pawlovsky; certainement nous y viendrons une fois, du moins, pour le voir pendant l'hiver, et ce sera alors que je vous remercierai de bouche pour toutes les peines et les soins que vous vous donnez, qui me sont certainement connus et que je sais apprécier; faites-en de même de ma reconnaissance et soyez persuadé que je suis votre affectionnée Marie.

Mes compliments à votre femme. Votre beau-père se porte bien. (Адресъ): „A Monsieur Küchelbecker".

V. ce $\frac{5}{16}$ Juin 1789. Je suis fâchée de voir que votre santé vous oblige de me demander la permission de vous remettre des soins que vous avez donnés à Pawlovske; mais cette raison est si valable que je ne saurai refuser votre prière; mais tout en vous l'accordant, je suis charmée de pouvoir vous prouver ma reconnaissance, en vous laissant les mêmes appointements que vous avez eu de moi, et le Grand Duc me permet de vous dire qu'il daigne vous conserver le titre de Secrétaire, les appointements que vous avez et la demeure dans la maison en pierres. Je serai toujours charmée de vous obliger, étant votre affectionnée Marie.

Je vous prie, monsieur, de continuer vos fonctions de Pawlovske, jusqu'à ce que je trouve quelqu'un qui puisse vous remplacer.

Письма императрицы Маріи Ѳедоровны къ А. С. Шишкову.

1813 *).

I. Александръ Семеновичъ! Въ числѣ представленій, по которымъ просила я васъ доложить императору, любезнѣйшему моему сыну, но не получила еще извѣстія о рѣшеніи его величества, есть такія, въ разсужденіи коихъ нужнѣе мнѣ скоро узнать соизволеніе его величества, нежели по другимъ, потому что отъ онаго зависитъ производство дѣлъ, и въ ожиданіи разрѣшенія, теченіе тѣхъ дѣлъ останавливается или затрудняется. Таковы суть представленія мои объ отправленіи въ Шкловъ почетнаго опекуна, сенатора Ланского и о возвышеніи пошлины на привозную пряденую хлопчатую бумагу до 20 р. съ пуда,—къ которымъ, по важности дѣла, присовокупляю докладъ о прибавкѣ на содержаніе Общества благородныхъ дѣвицъ ежегодно по 68,295 руб. Знаю я довольно, сколько Императоръ занятъ важнѣйшими дѣлами, но по необходимой надобности, принуждена напомнить о сихъ трехъ предметахъ. Сдѣлайте мнѣ удовольствіе, попросите его величество моимъ именемъ, чтобы на оныя удѣлить изволилъ минуту и приказалъ увѣдомить меня о своемъ рѣшеніи. Я таковое угожденіе мнѣ пріиму съ истинною признательностью. Впрочемъ, пользуюсь съ удовольствіемъ симъ случаемъ, чтобъ изъявить вамъ совершенное доброжелательство, съ каковымъ пребываю вамъ благосклонною. „Марія".

Въ С.-Петербургѣ, марта 22 дня, 1813 года № 878.

II. Александръ Семеновичъ! Я имѣла удовольствіе въ письмѣ вашемъ изъ Любена, отъ 3-го сего мѣсяца, читать повтореніе и подтвержденіе тѣхъ пріятнѣйшихъ извѣстій о путешествіи императора, любезнѣйшаго моего сына, которыя по другимъ перепискамъ до меня доходятъ; онѣ столь утѣшительны для моего сердца, что я не могу довольно часто ими наслаждаться, и я искренне вамъ благодарна за начертаніе зрѣлища общаго восторга, и за сообщеніе трогательныхъ стиховъ, изображающихъ народныя чувствованія къ императору. Никакое названіе, конечно, не можетъ быть его сердцу пріятнѣе, и никакое не приноситъ болѣе истинной славы, какъ имя Избавителя Европы, единогласно ему данное, и столь справедливо пріобрѣтаемое. Я соединяюсь съ вами въ моленіи, да благословитъ Всевышній благія его намѣренія и увѣнчаетъ желаніе народовъ! Вы весьма меня обяжете сообщеніемъ и впредь печатаемыхъ въ мѣстахъ вашего пре-

*) Изъ подлинныхъ бумагъ А. С. Шишкова. Ред.

быванія сочиненій разнаго рода, обстоятельствами рождаемыхъ, которыя наиболѣе сочтете заслуживающими вниманія: онѣ составляютъ драгоцѣнные для всякаго россіянина памятники. Доставленныя вами рѣшенія императора по разнымъ моимъ представленіямъ мною получены, и я совершенно увѣрена, что происшедшее замедленіе приписать должно стеченію обстоятельствъ и важнѣйшихъ занятій. Зная довольно ваше усердіе, я въ полной мѣрѣ на оное полагаюсь и съ удовольствіемъ повторяю изъявленіе уваженія и доброжелательства, съ коими пребываю вамъ благосклонною. „Марія".

На конвертѣ: Господину Государственному Секретарю Александру Семеновичу Шишкову. Въ Карльсруе.

Въ С.-Петербургѣ, апрѣля 17 дня,
1813 года, № 1155.

III. Александръ Семеновичъ! Я усерднѣйше благодарю васъ за поздравленіе съ благополучнымъ прибытіемъ увѣнчаннаго славою императора, любезнѣйшаго моего сына, на берега Рейна, въ видѣ Избавителя Европы, и я искренно раздѣляю съ вами восторгъ, явствующій изъ письма вашего о толикихъ милостяхъ къ намъ Всевышняго. Справедливо замѣчаніе ваше, что самое праведное мщеніе погасаетъ въ великодушномъ сердцѣ, а остается одно желаніе общаго блага; и на семъ-то желаніи основана твердая наша надежда, что всеблагое Провидѣніе благословитъ подъятый императоромъ великій подвигъ вожделѣннымъ успѣхомъ и возстановленіемъ счастія угнетеннаго человѣчества. Присовокупляя о томъ моленія мои къ вашимъ, я съ особливымъ удовольствіемъ пользуюсь случаемъ увѣрить васъ о истинномъ уваженіи и доброжелательствѣ, съ каковымъ пребываю вамъ благосклонною. „Марія".

На конвертѣ: Господину Тайному Совѣтнику, Государственному Секретарю Александру Семеновичу Шишкову.

Въ С.-Петербургѣ, декабря 25 дня 1813 года № 3774.

Письма императрицы Маріи Өедоровны къ гр. П. П. Коновницыну.

1814 — 1815 г.

Петръ Петровичъ Коновницынъ, письма къ которому нами помѣщаются ниже, принадлежитъ къ замѣчательнымъ военнымъ дѣятелямъ въ войнахъ Россіи конца XVIII и первой четверти XIX-го столѣтій. Сынъ генералъ-губернатора архангельскаго и олонецкаго, Петръ Петровичъ род. въ 1766 году, а по другимъ извѣстіямъ въ 1764 г., и получивъ домашнее воспитаніе, началъ служ-

бу свою въ 1785 году въ л. г. Семеновскомъ полку прапорщикомъ. Вскорѣ по вступленіи своемъ на службу Коновницыну пришлось принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ; то была шведская война 1788 — 1790 г.г.; затѣмъ мы его видимъ въ штабѣ князя Потемкина-Таврическаго при окончаніи войны съ турками. Въ послѣдовавшей затѣмъ войнѣ съ Польшею — Петръ Петровичъ командовалъ полкомъ и обратилъ на себя вниманіе Суворова. Въ царствованіе Павла I-го Коновницынъ, въ числѣ многихъ другихъ лицъ, понесъ опалу, и былъ отставленъ отъ службы. Время съ 1798 по 1806-й годъ Коновницынъ провелъ въ деревнѣ, въ Гдовскомъ уѣздѣ. Въ 1806 году Петербургское дворянство выбрало его командиромъ земской милиціи этой губерніи, а когда милиція была распущена,—императоръ Александръ Павловичъ удержалъ Коновницына въ своей свитѣ по квартирмейстерской части. Отличившись въ войнѣ съ Швеціей въ 1808 году, Коновницынъ особенно выдвинулся въ 1812-мъ году. Въ исторіи отечественной войны имя Коновницына начертано неизгладимыми чертами. Было бы слишкомъ длинно перечислять всѣ тѣ сраженія, въ которыхъ онъ принималъ участіе, стоя первоначально во главѣ командуемой имъ дивизіи, потомъ второй арміи, а съ 4-го сентября 1812 года сдѣланный Кутузовымъ дежурнымъ генераломъ всѣхъ россійскихъ армій. Коновницынъ былъ такимъ образомъ правою рукою главнокомандующаго и явилъ на этомъ, въ высшей степени важномъ, посту удивительную распорядительность и энергію. Въ кампаніи 1813 года Коновницынъ принималъ самое дѣятельное участіе.

Въ 1814 — 1815 годахъ, къ которымъ относятся приводимыя ниже письма къ нему,—Коновницынъ былъ однимъ изъ довѣреннѣйшихъ лицъ императора Александра, и въ чинѣ генералъ-лейтенанта и генералъ-адъютанта былъ кавалеромъ Владиміра 1-й степени, Георгія 2-го класса и мног. друг. орденовъ. Въ началѣ февраля 1814 г. Коновницынъ былъ отправленъ государемъ на встрѣчу великимъ князьямъ Николаю Павловичу и Михаилу Павловичу, ѣхавшимъ изъ Петербурга въ армію. 28 февраля онъ встрѣтилъ великихъ князей во Франкфуртѣ и затѣмъ, пробывъ съ ними въ Базелѣ до взятія Парижа, пріѣхалъ туда съ ними послѣ покоренія уже этого города. Во все время пребыванія здѣсь великихъ князей Коновницынъ состоялъ при нихъ въ родѣ главнаго ихъ наставника, или лучше сказать дядьки-руководителя, и въ это-то время у него шла дѣятельная переписка съ императрицею-матерью, остававшейся въ Петербургѣ. Письма Маріи Ѳеодоровны къ нему, большею частью, носятъ характеръ довольно оффиціальный, писаны, за немногими исключеніями, и слогомъ, и перомъ одного изъ состоявшихъ при ней чиновниковъ; но при всемъ томъ и въ нихъ читатель подмѣтитъ нѣсколько чертъ, обрисовывающихъ личность Маріи Ѳеодоровны, ея взглядъ на воспитаніе августѣйшихъ юношей и найдетъ указанія на то, какъ шло это воспитаніе.

Къ письмамъ императрицы Маріи Ѳеодоровны мы присоединили два письма в. к. Николая Павловича, писанные имъ въ томъ году, когда его прежній дядька былъ назначенъ военнымъ министромъ. Положеніе, которое почти два года занималъ Коновницынъ при великихъ князьяхъ, какъ надо полагать, упрочило за нимъ извѣстность человѣка, способнаго руководить воспитаніемъ юношества; покрайней мѣрѣ въ 1819 году онъ былъ назначенъ главнымъ директоромъ пажескаго, 1, 2 и Смоленскаго (впослѣдствіи 1-го московскаго) кадетскихъ корпусовъ, императорскаго военно-сиротскаго дома (впослѣдствіи павловскаго кад. корп.), Дворянскаго полка, состоявшаго при полку дворянскаго кавалерійскаго эскадрона и царскосельскаго лицея, съ состоявшимъ при

немъ пансіономъ. Въ томъ же году Коновницынъ со всѣмъ потомствомъ возведенъ въ графское достоинство. Онъ умеръ 29 августа 1822 года *).

Воинъ безстрашный — Коновницынъ собственною кровью пріобрѣлъ чины и отличія **). Распорядительности и энергіи его въ трудную эпоху отечественной войны отдаютъ справедливость всѣ писавшіе объ этой кампаніи. Затѣмъ онъ былъ въ своей, чисто военной спеціальности, весьма свѣдущъ и много работалъ для своего военнаго образованія; но въ какой мѣрѣ онъ могъ быть хорошимъ воспитателемъ, т.-е. имѣлъ ли онъ достаточно не знаній, или богатъ былъ этотъ человѣкъ, не нравственныхъ качествъ – это былъ честнѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ, а просто силы характера — чтобы вести ввѣренныхъ ему питомцевъ, это еще вопросъ, который требуетъ серьезной разработки со стороны біографа Коновницына; къ сожалѣнію, жизнь этого достопамятнаго человѣка не описана съ тою полнотою и обстоятельностью, съ какою она того заслуживаетъ; покрайней мѣрѣ біографіи его, составленныя Висковатовымъ и Михайловскимъ-Данилевскимъ суть не болѣе какъ формулярные списки, разбавленные водянистыми похвалами, которыми столь щедро осыпали эти писатели всѣхъ тѣхъ генераловъ, дѣянія которыхъ они брались описывать. Но во всякомъ случаѣ, повторяемъ, въ области чисто военнаго дѣла Коновницынъ безспорно былъ—прекрасенъ и въ особенности на посту исполнителя предначертаній главнокомандующаго, что умный старикъ Кутузовъ, какъ нельзя лучше провидѣлъ, дѣлая его своею правою рукою. Гр. Л. Н. Толстой своимъ художническимъ чутьемъ разомъ проникъ и охватилъ нравственный образъ Коновницына, и этотъ человѣкъ какъ живой выдвинулся въ исторической хроникѣ-романѣ «Война и миръ».

Что касается до сыновей Коновницына, то двое старшихъ изъ нихъ были охвачены потокомъ политическихъ мечтаній двадцатыхъ годовъ и попали въ ряды дѣятелей 14-го декабря. Первый сынъ славнаго ветерана, графъ Петръ Петровичъ въ эпоху 14-го декабря былъ подпоручикомъ гвардейскаго генеральнаго штаба. По лишеніи чиновъ и дворянства онъ былъ написанъ рядо-

---

*) Графъ Петръ Петровичъ оставилъ четырехъ сыновей и одну дочь, Елисавету Петровну, вышедшую замужъ за полковника тарутинскаго пѣхотнаго полка Михаила Михайловича Нарышкина. Это былъ честный, образованный и вполнѣ благородный человѣкъ. Политическія увлеченія ввергли его въ дѣло 14-го декабря. Никакія связи и родство не спасли его отъ участи, предназначенной ему и его товарищамъ. Нарышкинъ былъ сосланъ въ каторжныя работы на двѣнадцать лѣтъ, каковой срокъ, съ сокращеніемъ нѣкотораго времени, воспослѣдовавшаго по высочайшимъ манифестамъ, и пробылъ въ Сибири.—Достойная супруга его — презрѣвъ почетъ, богатство и высокое положеніе въ свѣтѣ, послѣдовала за своимъ мужемъ и раздѣлила съ нимъ тяжкую ссылку. Она собственноручно обшивала мужа и стирала ему бѣлье: этотъ фактъ, безъ сомнѣнія, много говоритъ въ пользу какъ ея, такъ и ея отца, умѣвшаго внушить своимъ дѣтямъ прекрасныя нравственныя качества. Въ сороковыхъ годахъ Нарышкинъ былъ прощенъ. Прощеніе это воспослѣдовало по ходатайству кн. Сергія Михайловича Голицына, друга покойнаго Государя. Нарышкинъ умеръ въ 1863 году. Сотоварищъ его по бѣдствію, кн. Евг. П. Оболенскій, также уже нынѣ покойный, почтилъ его некрологомъ, напечатаннымъ въ № 3 газеты «День» 1863 года.

**) Вотъ собственноручная его замѣтка о числѣ сраженій, въ которыхъ довелось ему принять участіе: «былъ въ дѣйствительныхъ сраженіяхъ съ поляками въ 4-хъ, со шведами въ 22-хъ, съ французами, съ 15-ю при нихъ націями, въ 21-мъ. Итого въ настоящихъ дѣлахъ, кромѣ аванпостныхъ, шармюцелей и разныхъ рекогносцировокъ частныхъ въ 47-ми».

нымъ въ сибирскіе гарнизоны, а затѣмъ сосланъ солдатомъ же въ дальній гарнизонъ на Кавказъ; здѣсь послѣ многихъ совершенныхъ имъ походовъ, послѣ цѣлаго ряда битвъ съ горцами и затѣмъ персіянами — онъ 3 сентября 1830 года умеръ, сраженный убійственнымъ климатомъ. Незадолго до смерти Коновницынъ произведенъ былъ въ прапорщики. Товарищъ его несчастія кн. А. И. Одоевскій — почтилъ его смерть прелестнымъ стихотвореніемъ: «На смерть П. П. К-на», напечатаннымъ въ «Русской Бесѣдѣ» 1859 г. (кн. I, стр. 3); второй сынъ ветерана 1812-го года—графъ Иванъ Петровичъ былъ шестнадцатилѣтнимъ юношей въ эпоху декабря; признанный также соучастникомъ въ государственномъ преступленіи, онъ былъ отправленъ въ армію на Кавказъ. Послѣ многихъ лѣтъ трудной службы, гр. Иванъ Петровичъ получилъ прощеніе и долго потомъ служилъ по выборамъ дворянства. Этотъ человѣкъ пріобрѣлъ всеобщее уваженіе своимъ умомъ и нравственными качествами. Онъ умеръ весьма недавно. Графъ Иванъ Петровичъ женатъ былъ на Маріи Николаевнѣ Бахметевой и оставилъ дѣтей.

Гр. П. П. Коновницынъ писалъ много. Извѣстно, напр., что во время послѣдней войны съ Швеціею онъ велъ подробный журналъ; гдѣ онъ—мы пока не знаемъ. Представляя здѣсь нѣкоторые документы изъ его семейнаго архива, мы надѣемся извлечь изъ него еще другіе матеріалы для біографіи этого замѣчательнаго человѣка.

Ред.

I. Въ Петербургѣ, апрѣля 2-го дня, 1814 года. Петръ Петровичъ! Письмо ваше отъ 1-го марта, весьма медленно до меня дошедшее, имѣла я удовольствіе получить вчера и поспѣшаю отвѣтомъ на оное, чтобы, благодаря васъ за увѣдомленіе о назначеніи васъ императоромъ, любезнѣйшимъ моимъ сыномъ, быть при дѣтяхъ моихъ, и о пути великимъ князьямъ предначертанномъ, воспользоваться случаемъ къ изъявленію вамъ, сколь пріятенъ мнѣ выборъ таковаго для сыновей моихъ путеводителя на полѣ славы. Я искренно обязана императору за сей выборъ, соотвѣтствующій моему о васъ мнѣнію и совершенному удостовѣренію, что, доказавъ на опытѣ сколь извѣстны вамъ качества и должности полководца, и запечатлѣвъ кровію приверженность вашу къ государю и любовь къ отечеству, вы въ полной мѣрѣ вникли въ обязанности возложеннаго на васъ порученія, и чувствуете важность онаго и отвѣтственность съ нимъ сопряженную. Я увѣрена, что руководствуя великихъ князей вашими совѣтами, наставленіями и объясненіями, дабы воспользовались случаемъ пріобрѣсть опытность въ наукѣ ихъ сану, особливо въ нынѣшнія времена, толико нужной, вы не оставите обращать ихъ вниманіе на всѣ должности въ ней соединяющіяся, и на то, что хотя долгъ и честь повелѣваютъ полководцу встрѣчать равнодушно опасности, когда онѣ случаются и когда нужно дать примѣръ собою, однако истинное мужество не состоитъ въ пылкости, влекущей безъ нужды и разбора бросаться въ опасность, и будете удерживать юношескую и неопыт-

ную храбрость отъ излишняго воспаленія. На вашу совѣсть возложено теперь ихъ сохраненіе, и я съ полною надеждою пôлагаюсь на васъ, что вы въ семъ отношеніи будете ихъ другъ, совѣтникъ и хранитель и замѣните достойнаго ихъ наставника Матвѣя Ивановича Ламбсдорфа. Я прошу васъ какъ возможно чаще давать подробныя объ нихъ извѣстія. Узнавая въ сихъ рѣчахъ моихъ внушенія сердца матери, о благѣ рожденія своего пекущейся, вы, безъ сомнѣнія, внимать будете гласу его чувствованій, и возвращеніемъ сыновей моихъ въ сохранности тѣлесной и душевной, послѣ окончанія со славою войны, въ материнскія объятія, заставите меня присовокупить изъявленіе чувствительнѣйшей признательности за такое неоцѣненное попеченіе ваше, къ увѣреніямъ о истинномъ уваженіи и доброжелательствѣ, съ каковымъ пребываю вамъ благосклонною. „Марія".

Помѣта Коновницына: «получено 19 числа апрѣля 1814 г. въ Парижѣ».

II. Въ Павловскѣ, августа 3-го дня 1814-го года. Петръ Петровичъ! Препорученіе, возложенное на васъ императоромъ, любезнѣйшимъ моимъ сыномъ при его братьяхъ и вами съ толикимъ усердіемъ и раченіемъ исполненное, пріобрѣло вамъ искреннюю мою признательность, которую я удовольствіемъ себѣ поставила изъявлять вамъ лично при всякомъ случаѣ. Но желая, чтобы у васъ остался памятникъ таковыхъ моихъ чувствованій и отличнаго моего къ вамъ уваженія, я прошу васъ принять въ семъ видѣ приложенную при семъ табакерку, на которой изображенное каменьями имя, да напоминаетъ вамъ о матери, обязанной ревностнымъ попеченіемъ вашимъ о возлюбленныхъ ея чадахъ. Пріимите съ тѣмъ вмѣстѣ увѣреніе о совершенномъ доброжелательствѣ, съ каковымъ я пребываю вамъ благосклонною. „Марія"

III*). 6-го апрѣля 1815. Петръ Петровичъ! Ласкаясь удовольствіемъ щитать васъ уже какъ находящагося при Любезнѣйшихъ Сыновьяхъ моїхъ, я позволяю себѣ обращаться съ вами въ семъ видѣ, и прошу васъ принять приложенное при семъ и возобновленное желаніе счастливо пути, какъ доказательство моего благоразположенія и искренной доверенности. Марія.

IV. С.-Петербургъ, 11 мая 1815. Петръ Петровичъ! Любезнѣйшіе сыновья мои, великіе князья Николай Павловичъ и Михаилъ Павловичъ, сами вручатъ вамъ сіи строки, коими я предаю ихъ въ ваше попеченіе и усердное расположеніе. Довѣріе императора, любезнѣйшаго моего сына, выборомъ васъ для сопровожденія братьевъ его

*) Письмо это собственноручное Маріи Өедоровны приведено нами буквально.

величества доказанное, личное мое съ вами знакомство и опытъ перваго пребыванія великихъ князей съ вами, все сіе даетъ мнѣ совершеннѣйшее удостовѣреніе, что изъ рукъ почтеннаго генерала Ламбсдорфа не могутъ они быть переданы лучшему наставнику на полѣ славы какъ вамъ.

Ваше служеніе, извѣстное въ арміи, ваше руководство и совѣты подтверждаемые опытностію и даннымъ неоднократно примѣромъ подадутъ сыновьямъ моимъ истинное понятіе о воинѣ и полководцѣ, коего храбрость обуздывается разсудкомъ, чтобы не сдѣлаться отважностію. Сколь ни больно материнскому сердцу подвергать жизнь дѣтей опасности, я тѣмъ не менѣе признаю, что они не должны избѣгать ея, коль скоро честь и долгъ ихъ требуетъ подать собою примѣръ неустрашимости; но я увѣрена также, что я могу быть совершенно спокойна въ томъ, что внимая моимъ чувствованіямъ, вы стараться будете отвращать отъ нихъ безполезную опасность и удерживать ихъ, дабы пылкостію юношества не увлекались безъ нужды въ гибель. Они удостовѣрятся также, что съ честію неразлучна добродѣтель и непорочность нравовъ, которыя, въ соединеніи со скромностію, столькоже украшаютъ военное, какъ и всякое другое званіе, а удаленіе отъ нихъ помрачаютъ славу героя. Для сохраненія ихъ драгоцѣнныхъ качествъ души, которыя я теперь съ утѣшеніемъ вижу въ великихъ князьяхъ, вниманіе ваше конечно обращено будетъ на занятіе ихъ полезными упражненіями, отвращеніе праздности, хорошій выборъ знакомствъ, всевозможное удаленіе такихъ, коихъ примѣры и рѣчи не согласны съ сими правилами, и огражденіе ихъ отъ хитрыхъ внушеній льстецовъ, старающихся ласкательствомъ и всякими угожденіями снискивать себѣ покровительства. Итакъ, поручая ихъ вашему отеческому попеченію, я съ полною довѣренностію полагаюсь на вашу приверженность и ваше усердіе и съ удовольствіемъ возобновляю здѣсь увѣреніе объ истинномъ уваженіи и доброжелательствѣ, съ каковыми пребываю всегда вамъ благосклонною

„Марія".

V. Въ Павловскѣ, іюня 24-го дня 1815-го года. Петръ Петровичъ! Я имѣла удовольствіе получить письмо ваше отъ 5-го іюня и усмотрѣть изъ онаго, что императоръ, любезнѣйшій сынъ мой, опять назначилъ васъ къ братьямъ своимъ и тѣмъ исполнилъ искреннѣйшее мое желаніе, основанное на моемъ о васъ мнѣніи. Изъявляя вамъ симъ сколь пріятно мнѣ таковое назначеніе, я повторяю съ тѣмъ вмѣстѣ и увѣреніе о совершенномъ моемъ убѣжденіи, что изъ рукъ почтеннаго генерала Ламбсдорфа не могли сыновья мои перейти въ лучшія вашихъ, и что благо ихъ и польза во всѣхъ отношеніяхъ

составлять будетъ предметъ усерднѣйшаго вашего попеченія. Будучи въ томъ совершенно увѣрена, я не возобновляю моей о семъ просьбы, а полагаюсь съ полнымъ довѣріемъ на ваше усердіе и приверженность. Благодаря васъ за извѣстія о великихъ князьяхъ и обѣщаніе продолжать оныя, я прошу васъ быть увѣрену, что тѣмъ сдѣлаете мнѣ чувствительнѣйшее удовольствіе и что я съ своей стороны охотно пользоваться буду всякимъ случаемъ, чтобы доказать вамъ уваженіе и доброжелательство, съ каковымъ пребываю вамъ благосклонною

„Марія".

VI. Въ Павловскѣ, іюля 6-го дня, 1815 года. Петръ Петровичъ! Я имѣла удовольствіе получить ваше письмо изъ Рейнцаберна отъ 16-го іюня и усмотрѣть изъ онаго, что любезнѣйшіе сыновья мои пользуются вожделѣннымъ здравіемъ. Благодаря васъ за исправность въ доставленіи мнѣ объ нихъ извѣстій, я наслаждаюсь надеждою, основанною на бывшихъ счастливыхъ произшествіяхъ, что отсутствіе сыновей моихъ не будетъ продолжительно, и что я вскорѣ буду имѣть душевное утѣшеніе принять великихъ князей съ императоромъ въ материнскія объятія. Я молю Всевышняго о приведеніи сего радостнаго событія, и въ ожиданіи пріятнаго случая лично съ вами видѣться, возобновляю письменно увѣреніе о искреннемъ уваженіи и доброжелательствѣ, съ каковымъ пребываю вамъ благосклонною

„Марія".

VII. Въ Павловскѣ, іюля 12-го дня, 1815 года. Петръ Петровичъ! Благодарю васъ за продолженіе извѣстій о любезнѣйшихъ сыновьяхъ моихъ великихъ князьяхъ Николаѣ Павловичѣ и Михаилѣ Павловичѣ чрезъ послѣдняго курьера полученное, я нынѣ, при вѣроятномъ вступленіи ихъ въ Парижъ, обращаюсь съ полнымъ довѣріемъ къ отеческому вашему о ихъ благѣ попеченію, которое въ сей столицѣ роскоши и преврата нужнѣе нежели гдѣ либо, и отъ котораго я ожидаю успокоенія материнскаго сердца. Я конечно ни мало не сомнѣваюсь, что внушенныя имъ правила нравственности, благочестія и добродѣтели, предохранятъ ихъ отъ дѣйствительныхъ погрѣшеній, но пылкое воображеніе юношей въ такомъ мѣстѣ, гдѣ почти на каждомъ шагу представляются картины порока и легкомыслія, легко принимаетъ впечатлѣнія, помрачающія природную чистоту мыслей и непорочность понятій, тщательно по нынѣ сохраненную; развратъ является въ столь пріятномъ или забавномъ видѣ, что молодые люди, увлекаемые наружностію, привыкаютъ смотрѣть на него съ меньшимъ отвращеніемъ и находить его менѣе гнуснымъ. Сего пагубнаго дѣйствія опасаюсь я наиболѣе по причинѣ невиннаго удовольствія, съ каковымъ великіе князья по неопытности своей воспоминали о пер-

вомъ своемъ пребываніи въ Парижѣ, не вѣдая скрытаго зла; но будучи теперь старѣе нужно показать имъ въ настоящемъ видѣ сіи впечатлѣнія, отъ которыхъ прошу я васъ убѣдительно предохранить ихъ вашимъ отеческимъ попеченіемъ, обращая также вниманіе на выборъ спектаклей, которые они посѣщать будутъ, и которые нерѣдко вливаютъ непримѣтнымъ и тѣмъ болѣе опаснымъ образомъ ядъ въ юныя сердца. Весьма бы желательно было, если бы въ случаѣ продолжительнаго пребыванія императора въ Парижѣ, можно было великимъ князьямъ воспользоваться тѣмъ временемъ для любопытнаго и полезнаго путешествія по достопримѣчательнымъ мѣстамъ въ окружности; но если сего устроить невозможно, или краткость времени не дозволитъ, то, по крайней мѣрѣ, прошу васъ всемѣрно стараться, чтобы они заняты были полезными упражненіями и ученіемъ, къ чему такой городъ каковъ Парижъ представляетъ много способовъ. Я въ сихъ отношеніяхъ обращаюсь къ вашему сердцу, которое умѣетъ раздѣлять заботы матери о душевномъ и тѣлесномъ благѣ дѣтей своихъ, и твердо надѣюсь на вашу ревность и приверженность, увѣряю васъ напередъ о чувствительнѣйшей моей признательности, и съ совершеннымъ уваженіемъ и доброжелательствомъ пребываю вамъ благосклонною „Марія“.

VIII. Въ Павловскѣ, іюля 21-го дня, 1815 года. Петръ Петровичъ! Чрезъ прибывшаго третьяго дня генералъ-адъютанта князя Трубецкаго получила я и ваши два письма изъ Нанси и Парижа, и благодаря васъ за таковую исправность въ доставленіи мнѣ извѣстій о любезнѣйшихъ сыновьяхъ моихъ, усердно поздравляю васъ съ благополучными произшествіями, обѣщающими Франціи возстановленіе законнаго правительства и съ нимъ благоденствія, Европѣ и человѣчеству миръ и спокойствіе, а мнѣ душевное утѣшеніе видѣть дѣтей моихъ около меня. О пребываніи въ Парижѣ я уже сказала вамъ мои мысли и желанія, и я твердо на васъ надѣюсь; и теперь только пользуюсь случаемъ возобновить вамъ увѣреніе о искреннемъ уваженіи и доброжелательствѣ, съ каковымъ пребываю вамъ благосклонною „Марія“.

IX. Въ Павловскѣ, іюля 27-го дня 1815 года. Петръ Петровичъ! Пріятныя извѣстія о любезнѣйшихъ сыновьяхъ моихъ, заключающіяся въ письмѣ вашемъ отъ 7-го сего мѣсяца, читала я съ великимъ удовольствіемъ, равно какъ и свидѣтельство ваше объ усердіи кавалеровъ, соотвѣтствующемъ моему о нихъ мнѣнію. Но сколь ни благопріятны всѣ сіи виды пребыванія великихъ князей въ Парижѣ, я однако не скрываю отъ васъ, что весьма обрадуюсь выѣзду ихъ высочествъ изъ сего города, какъ по естественному желанію съ ними

видѣться, такъ и по нравственнымъ побужденіямъ. Я надѣюсь, что исполненіе моихъ желаній недолго промедлится, и что я скоро буду имѣть удовольствіе лично изъявить вамъ уваженіе и доброжелательство, съ каковымъ пребываю вамъ благосклонною „Марія“.

X. Въ Павловскѣ, августа 4-го дня 1815-го года. Петръ Петровичъ! Имѣвъ удовольствіе получить письмо ваше отъ 20-го іюля, я повторяю благодареніе мое за точное продолженіе извѣстій о любезнѣйшихъ сыновьяхъ моихъ и любопытныхъ посѣщеніяхъ, которыми занята часть ихъ времени. Но весьма пріятно бы мнѣ было также получать свѣдѣнія объ упражненіяхъ великихъ князей до наукъ относящихся и вы мнѣ сдѣлаете великое удовольствіе увѣдомленіемъ о предметахъ, коими они занимаются и образѣ занятій. Я полагаюсь на ваше усердіе и готовность мнѣ угодить и прошу васъ быть всегда увѣрены о искреннемъ уваженіи и доброжелательствѣ, съ каковыми пребываю вамъ благосклонною „Марія“.

XI. Въ Гатчинѣ, сентября 16-го дня 1815-го года. Петръ Петровичъ! Пріѣхавшій сегодня курьеръ привезъ мнѣ два письма отъ васъ 10-го 17-го августа, и я съ удовольствіемъ усмотрѣла предстоящій отъѣздъ любезнѣйшихъ сыновей моихъ великихъ князей изъ Парижа, гдѣ время ихъ пребыванія будучи большею частію занято предметами до военной службы касающимися, слишкомъ мало позволяло имъ помышлять объ усовершенствованіи познаній. Всякій молодой человѣкъ имѣетъ необходимую нужду отдѣлять нѣкоторое время для собранія своихъ мыслей и приумноженія своихъ свѣдѣній, и утвержденія въ приобрѣтенныхъ познаніяхъ и правилахъ, ибо, по сохраняемому мною всегда въ памяти замѣчанію, тотъ кто впередъ не подвигается въ ученіи, отступаетъ назадъ.

Михаилъ Павловичъ, при семнадцатилѣтнемъ возрастѣ, имѣетъ въ особенности крайнюю нужду заниматься полезными предметами и болѣе утвердиться въ пройденныхъ наукахъ, и я буду благодарить Бога отъ глубины сердца и въ семъ важномъ отношеніи, когда увижу великихъ князей обратно здѣсь продолжающихъ недоконченное, особливо младшаго, воспитаніе *). Я надѣюсь что благословеніемъ Всевышняго мое желаніе скоро совершится, и благодаря васъ искренно за сообщаемыя о сыновьяхъ моихъ извѣстія, прошу васъ продолжать

---

*) Императрица-мать весьма безпокоилась о степени успѣшности учебныхъ занятій ея младшихъ сыновей, и ходъ этихъ занятій въ особенности в. к. Михаила Павловича не вполнѣ ее удовлетворялъ. Независимо отъ печатаемыхъ нами писемъ, это можно видѣть и изъ писемъ императрицы къ Лагарпу. (Сбор. русск. истор. об. т. V, стр. 92—119). Ред.

снабженіемъ меня оными. Съ удовольствіемъ повторяю я въ прочемъ увѣреніе о совершенномъ уваженіи и доброжелательствѣ, съ каковыми пребываю вамъ благосклонною „Марія".

XII. Въ Гатчинѣ, сентября 28-го дня 1815-го года. Петръ Петровичъ! Я имѣла удовольствіе получить пріятнѣйшія донесенія ваши отъ 26-го августа и 2-го сентября и благодаря васъ за оныя, предоставляю вамъ самимъ судить о чувствованіяхъ материнскаго сердца при чтеніи похвалы пріобрѣтаемой единогласно любезнѣйшими сыновьями моими, великими князьями Николаемъ Павловичемъ и Михаиломъ Павловичемъ, какъ образомъ исправленія въ первый разъ предъ лицемъ побѣдоноснаго воинства, возложеннаго на нихъ командованія, такъ и вообще ихъ обхожденіемъ. Вы конечно повѣрите, что я живо участвую въ утѣшеніи, которое вы ощущали видя ихъ на маневрахъ и среди иностранцевъ, и въ той радости, которая, безъ сомнѣнія, исполнила ихъ сердца при полученіи порученія императора толико для нихъ лестнаго. Теперь, благодаря Бога, могу я уже заниматься вычисленіемъ недѣль и дней до ихъ ко мнѣ возвращенія, ибо императоръ пишетъ ко мнѣ, что предполагаетъ быть здѣсь въ ноябрѣ мѣсяцѣ, и я съ умиленіемъ предаюсь сему пріятному ожиданію. Я надѣюсь и усерднѣйше желаю, чтобы случившееся вамъ поврежденіе, о которомъ съ искреннимъ сожалѣніемъ извѣстилась, не было препятствіемъ вашему отъѣзду съ сыновьями моими и чтобы скорое и совершенное ваше выздоровленіе доставило мнѣ удовольствіе видѣть васъ съ ними и лично повторить вамъ изъявленіе уваженія и доброжелательства, съ каковыми пребываю вамъ благосклонною „Марія".

XIII. Въ Гатчинѣ, отктября 10 дня 1815 г. Петръ Петровичъ! Чрезъ прибывшаго третьяго дня курьера имѣла я удовольствіе получить письмо ваше отъ 9-го сентября и повторяю изъявленіе искренняго моего сожалѣнія о случившемся вамъ несчастіи, благодаря Бога, что не имѣло худшихъ послѣдствій, и что вы чувствовали себя въ состояніи сопутствовать любезнѣйшимъ сыновьямъ моимъ. Съ крайнимъ нетерпѣніемъ ожидаю я ихъ возвращенія и удовольствія лично благодарить васъ за всѣ труды ваши; ибо сколь ни утѣшительны для моего сердца всѣ отзывы о поведеніи и обращеніи великихъ князей, я не могу однако довольно изъявлять признательности моей Провидѣнію за удаленіе ихъ наконецъ изъ Парижа; и усерднѣйше молю Всевышняго о ихъ благополучномъ сюда прибытіи, для продолженія прерваннаго воспитанія и довершенія нужнаго имъ еще ученія. Пріѣзжайте съ ними скорѣе и будьте увѣрены, что вы при-

няты будете съ чувствованіями уваженія и доброжелательства, съ каковыми пребываю всегда вамъ благосклонною „Марія“.

XIV. Въ Гатчинѣ, октября 13 дня 1815 г. Петръ Петровичъ! Я съ чувствительнымъ удовольствіемъ получила письма ваши изъ Парижа, Дижона и Бадена отъ 18-го, 25 и 28-го сентября, доказывающія, что вы съ любезнѣйшими сыновьями моими приближаетесь къ нашимъ предѣламъ, и что я теперь могу ласкать себя твердою надеждою вскорѣ включить ихъ въ мои объятіи. Благодаря васъ за исправное извѣщеніе о продолженіи пути, я утѣшаюсь сообщеніемъ вамъ радости, какою исполняется мое сердце при помышленіи о скоромъ великихъ князей прибытіи. Я молю Всевышняго о благословеніи ихъ путешествія и прошу васъ быть увѣрены о истинномъ уваженіи и доброжелательствѣ, съ каковыми пребываю всегда вамъ благосклонною „Марія“.

XV. Петръ Петровичъ! Я съ истиннымъ сожалѣніемъ извѣстилась чрезъ письма любезнѣйшихъ сыновей моихъ, великихъ князей Николая Павловича и Михаила Павловича, о приключившейся вамъ въ дорогѣ жестокой болѣзни; но надѣюсь и утверждаюсь въ сей надеждѣ полученнымъ отъ васъ изъ Берлина письмомъ, что вы отъ болѣзни совершенно избавились, чего отъ искренняго сердца желаю. Вы конечно представляете себѣ, и вѣрно раздѣляете со мною удовольствіе, съ каковымъ я узнала, что великіе князья избавлены отъ поѣздки въ Варшаву. Вамъ извѣстны причины, для коихъ я желаю ихъ скорѣйшаго возвращенія и вы легко повѣрите, что я была сему столько же рада, какъ я уповаю и вы сами, зная ваши мысли*). Теперь я съ нетерпѣніемъ почти ежедневно ожидать буду пріѣзда сыновей моихъ, который почитаю весьма близкимъ, и прошу васъ быть увѣрены о чувствительномъ удовольствіи, съ каковымъ я васъ пріиму и повторю вамъ лично изъявленіе искреннѣйшей признательности моей за всѣ труды и попеченіе ваше о великихъ князьяхъ, равно какъ и отличнаго уваженія и доброжелательства, съ каковыми пребываю вамъ благосклонною „Марія“. Въ С.-Петербургѣ, ноября 3 дня, 1815 г.

XVI. Петръ Петровичъ! Курьеръ, привезшій мнѣ письмо ваше изъ Берлина отъ 23-го октября, обрадовалъ меня пріятнѣйшею вѣстію, императоромъ и самимъ любезнѣйшимъ женихомъ мнѣ сообщенною о помолвкѣ великаго князя Николая Павловича, о которой и вы меня извѣщаете. Отъ искренняго сердца благодарю я васъ за поздравленіе съ симъ счастливымъ событіемъ, которое, по всѣмъ че-

*) Слова, набранныя разрядкой, въ подлинникѣ подчеркнуты. Ред.

ловѣческимъ догадкамъ и предположеніямъ, предвѣщаетъ благополучіе обоихъ молодыхъ будущихъ супруговъ, по отличнымъ качествамъ ихъ душъ и сердецъ. Я увѣрена, что вы принимаете въ томъ живѣйшее участіе и мнѣ тѣмъ пріятнѣе излить предъ вами чувствительнѣйшее удовольствіе, коимъ сердце мое исполнено. Моля Всевышняго да благословитъ сей предполагаемый бракъ и сподобитъ любезнѣйшаго моего сына обрѣсти счастіе свое въ созиданіи счастія своей супруги, я съ нетерпѣніемъ ожидаю пріѣзда всѣхъ любезнѣйшихъ дѣтей моихъ, и той драгоцѣнной минуты, когда, окруженная ими, я паки возчувствую себя благополучнѣйшею матерью. Поспѣшайте быть свидѣтелемъ моего счастія и принять лично увѣреніе о истинномъ уваженіи и доброжелательствѣ, съ каковыми я пребываю вамъ благосклонною „Марія".

XVII *) 30 ноября 1815 г. Петръ Петровичъ прошу васъ мнѣ удовольствіе здѣлать проводите великихъ князей завтречнаго дня на празнество Семеновскаго полъка. Вы видите какова довереность моя къ вамъ, и сколько я читаю на ваше усердіе, и желаніе мнѣ удовольствіе сдѣлать; Будьте тоже уверенны что я благодарна и что я есть и буду ваша благосклонная Марія.

XVIII. С.-Петербургъ, 30 декабря 1815 г. Петръ Петровичъ! Изъявивъ вамъ уже на словахъ искреннюю мою признательность за усердное попеченіе ваше о любезнѣйшихъ сыновьяхъ моихъ, великихъ князьяхъ Николаѣ Павловичѣ и Михаилѣ Павловичѣ и уваженіе мое вами пріобрѣтенное, я желала, чтобы память таковыхъ моихъ къ вамъ расположеній сохранилась у васъ видимымъ знакомъ. Съ симъ намѣреніемъ я прошу васъ принять приложенную здѣсь табатерку, на которой изображенныя каменьями имена напоминать вамъ будутъ какъ о препорученіи, вами съ такимъ рвеніемъ исполненномъ, такъ и моемъ довѣріи и моей чувствительной благодарности. Я нахожу особливое удовольствіе въ изъявленіи вамъ таковой справедливости, мною вамъ отдаваемой, купно съ отличнымъ уваженіемъ и доброжелательствомъ, съ каковыми пребываю вамъ благосклонною „Марія".

*) Письмо это собственноручное императрицы Маріи Θедоровны.

Письма и указы императора Александра I.

1801—1803 гг.

I. Письмо къ кн. М. Г. Голицыной.

Княгиня Марья Григорьевна! Положеніе мужа вашего въ письмѣ вашемъ изображенное привлекаетъ на себя все мое сожалѣніе; если увѣреніе сіе можетъ послужить вамъ нѣкоторымъ утѣшеніемъ, примите его знáкомъ моего искренняго къ особѣ вашей участія и вмѣстѣ доказательствомъ, что одна невозможность полагаетъ мѣры моего на помощь вашу расположенія. Какъ скоро я себѣ дозволю нарушить законы, кто тогда почтетъ за обязанность наблюдать ихъ? Быть выше ихъ, если бы я и могъ, но конечно бы не захотѣлъ, ибо я не признаю на землѣ справедливой власти, которая бы не отъ закона истекала; напротивъ я чувствую себя обязаннымъ первѣе всѣхъ наблюдать за исполненіемъ его, и даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ другіе могутъ быть снисходительны, а я могу быть только правосуднымъ; вы слишкомъ справедливы, чтобъ не ощутить сихъ истинъ и не согласиться со мною, что не только невозможно мнѣ остановить взысканіе долговъ, коихъ законность утверждена подписью мужа вашего, я не могу удовлетворить просьбы вашей и съ той стороны, чтобы подвергнуть обязательство его особенному разсмотрѣнію,—законъ долженъ быть для всѣхъ единственъ, и по общей его силѣ признаются ясными и разбору не подлежащими требованіями вексель, крѣпость, запись, контрактъ и всякое обязательство, гдѣ есть собственноручная должниковъ подпись, и гдѣ нѣтъ отъ оной отрицанія; впрочемъ мнѣ довольно извѣстно состояніе и имѣніе мужа вашего, чтобы надѣяться, что, при лучшемъ распоряженіи дѣлъ его продажею нѣкоторой части онаго, не только всѣ долги заплачены быть могутъ, но и останется еще достаточное имущество къ безбѣдному вашему содержанію. Сія надежда, облегчая вашъ жребій, доставитъ мнѣ удовольствіе мыслить, что страхи ваши, можетъ-быть, болѣе отъ нечаянности происшедшіе, нежели отъ самаго существа родившіеся, сами по себѣ разсыплются, законъ сохранится въ своей силѣ и вы меня найдете справедливымъ, не преставая вѣрить, что вмѣстѣ пребываю я навсегда вамъ доброжелательнымъ

„Александръ“.

С.-Петербургъ, 7 Августа 1801 г.

Примѣчаніе. Приведенное письмо императора Александра Павловича написано княгинѣ Маріи Григорьевнѣ Голицыной, рожденной княжнѣ Вяземской, род. въ 1772 г., и бывшей въ первомъ замужествѣ за каммергеромъ Александромъ Николаевичемъ Голицынымъ (род. 1769 † 1817 г.), а во второмъ—за графомъ Львомъ Кириловичемъ Разумовскимъ.

II. Указъ Сенату по дѣлу помѣщика маіора Орлова.

Изъ донесенія Орловскаго гражданскаго губернатора дѣйствительнаго статскаго совѣтника Яковлева усмотрѣли мы, что Елецкій Земскій Судъ вмѣстѣ съ губернскимъ стряпчимъ производя слѣдствіе въ деревнѣ Елецкаго помѣщика отставнаго маіора Орлова о грабежѣ, причиненномъ ему посторонними людьми и обнаруживъ преступниковъ, примѣтилъ между тѣмъ въ продолженіи сего слѣдствія великое количество больныхъ въ деревнѣ сей имъ найденныхъ. Изслѣдывая причины сей болѣзни нашли, что человѣкъ по 40 вмѣстѣ со скотомъ въ двухъ тѣсныхъ избахъ въ самомъ сыромъ, холодномъ и нетерпѣливомъ воздухѣ изнуряетъ онъ ихъ до того, что нѣкоторые больные лежатъ повержены на полу безъ всякаго призрѣнія, да и здоровые имѣютъ видъ блѣдный и весьма изнуренный;—что, имѣя нарочитое въ вотчинѣ своей количество ржи, питаетъ онъ крестьянъ своихъ мякиннымъ хлѣбомъ, который по испытаніи оказался едва годнымъ къ употребленію, и во время совершеннаго голода, и тотъ раздавалъ вѣсомъ и малыми участками; — что они открыли, между прочимъ, крѣпостнаго его человѣка, другой годъ закованнаго въ цѣпи стѣнной, и что впрочемъ цѣпи, желѣза, рогатки и колодки суть обыкновенныя наказанія и употребляемыя имъ только въ маловажныхъ проступкахъ, въ другихъ же случаяхъ наказанія сіи изобрѣтаются имъ съ такимъ невздуманнымъ свирѣпствомъ, что безъ содроганія и выразить ихъ не можно. Въ лютости таковой находя не только преступленіе гражданскихъ обязанностей, но наипаче совершенное отчужденіе отъ страха Божія и крайнее поврежденіе ума и сердца, мы находя справедливымъ повелѣть: 1) помѣщика Орлова, сообразно существу преступленія его, заключить на покаяніе въ монастырь, именуемый Санайсарская пустыня, состоящая въ епархіи губерніи Тамбовской, на десять лѣтъ съ тѣмъ, чтобы по истеченіи оныхъ донесено было со всѣмъ безпристрастіемъ и истинною справедливостію о образѣ поведенія его, дабы можно или освободить, или продолжить время покаянія. 2) Поелику въ семъ положеніи не можетъ уже онъ управлять крестьянами, то имѣніе его подчинить Дворянской Опекѣ, съ тѣмъ, чтобы управляя имъ на основаніи правилъ, въ учрежденіи о губерніяхъ предписанныхъ, старалась наипаче поправить изнуренное состояніе крестьянъ, доставляя изъ доходовъ онаго помѣщику на содержаніе въ монастырь не болѣе 50-ти к. на день, достальное же отдавала бы законнымъ его наслѣдникамъ.

„Александръ“.

4 Апрѣля, 1802 года

III. Рескриптъ на имя Ярославскаго губерн. кн. М. М. Голицына по дѣлу помѣщика генералъ-маіора Побѣдинскаго. 2 Августа 1802 года.

Господинъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Ярославскій гражданскій губернаторъ князь Голицынъ! Донесеніе ваше о слѣдствіи, произведеннаго чрезъ довѣренныхъ вами чиновниковъ, надъ поступками Ярославскаго помѣщика отставнаго генералъ-маіора Побѣдинскаго съ его крестьянами я не могъ читать безъ крайняго огорченія; свирѣпость нрава, столь хладнокровно обдуманная, возмущаетъ человѣчество и хотя и свѣдѣніе, толико безчеловѣчное при настоящемъ о немъ удостовѣреніи означая крайнее въ сердцѣ и умѣ повреждение, само собою указуетъ сообразную существу его мѣру наказанія, но не желая привести его въ дѣйство безъ суда, и не находя въ законахъ на случай таковый яснаго постановленія, я призналъ справедливымъ, дабы молчаніе законовъ не сдѣлать поводомъ ненаказанности, предать его суду собственныхъ его собратій; по понятію моему въ просвѣщеніи ихъ и человѣколюбіи, я удостовѣренъ, что поступки сего помѣщика найдутъ они столько же отвратительными, сколько огорчительно мнѣ видѣть честь ихъ общества примѣромъ таковой жестокости помрачаему, и что въ недостаткѣ гражданскаго закона, заимствуя основаніе суда въ правилахъ чести, совѣсти и человѣчества, не дадутъ они въ немъ мѣста ни послабленію, ни пристрастію, и опредѣливъ наказаніе, независимо отъ взятія имѣнія въ опеку, которое отъемля только средство къ дальнѣйшимъ жестокостямъ, не удовлетворяетъ однакожe точности правосудія, изгладятъ они пятно поношенія симъ недостойнымъ ихъ сочленомъ всего Россійскаго благомыслящаго дворянства имъ и человѣчеству нанесенное, вслѣдствіе чего поручаю вамъ пригласить, чрезъ дворянскаго губернскаго предводителя, почтенныхъ дворянъ съ ввѣренной вамъ губерніи, объявить имъ сію мою волю, и каковой поставятъ они въ участи сего помѣщика приговоръ представьте оный мнѣ на разсмотрѣніе. Пребываю вамъ благосклонный

„Александръ“.

Въ С.-Петербургѣ, Августа 2, 1802 года.
Полученъ 18 Августа 1802 г.

IV. Рескриптъ на имя Ярославскаго губерн. кн. М. М. Голицына по дѣлу помѣщика генералъ-маіора Побѣдинскаго. 19 іюля, 1803 года.

Господинъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Ярославскій гражданскій губернаторъ князь Голицынъ! Усмотря изъ донесенія вашего, что по вновь произведенному Ярославскимъ дворянствомъ слѣдствію

надъ генералъ-маіоромъ Побѣдинскимъ, не только онъ не оправдался въ неистовыхъ поступкахъ съ своими крестьянами, но, въ доказательство обдуманныхъ свирѣпствъ его, приводящихъ въ содроганіе человѣчество, найдены въ домѣ его съ запекшеюся кровію разныя тиранскія орудія, какъ-то: крестообразное пяло, колодки и цѣпь съ обручами, вколоченная въ стѣну, которыя употреблялъ онъ къ ихъ истязанію и томленію. Справедливо оскорбленное тѣмъ благородное дворянство, въ наказаніе за таковыя жестокости и въ отвращеніе подобныхъ гнусныхъ и омерзеніе заслуживающихъ злодѣяній, присудило Побѣдинскаго, лиша всѣхъ правъ и преимуществъ дворянству дарованныхъ, послать на покаяніе въ монастырь,—мнѣ ничего болѣе не оставалось, какъ только утвердить во всей силѣ вышепомянутый приговоръ, но я, изъ единаго милосердія, повелѣваю его Побѣдинскаго, не лишая чиновъ и дворянства, послать въ Суздальскій Спасо-Евфиміевъ монастырь на покаяніе, гдѣ производить ему на содержаніе по пятидесяти копѣекъ на день изъ доходовъ взятаго въ опеку его имѣнія, достальные же отдавать его наслѣдникамъ,—пребывая вамъ благосклонный

„Александръ".

Въ С.-Петербургѣ, 19 Іюля 1803 г.

Примѣчаніе. Приведенные рескрипты и указъ императора Александра Павловича сообщены намъ Евгеніемъ Петровичемъ Карновичемъ изъ бумагъ его дѣда Петра Степановича Карновича, бывшаго предводителемъ дворянства Ярославскаго уѣзда. Ред.

Письма императора Александра Павловича къ статскому совѣтнику И. И Бахтину.

Иванъ Ивановичъ Бахтинъ, къ которому писаны императоромъ Александромъ Павловичемъ приведенные ниже рескрипты, родился въ 1756 году и началъ службу въ артиллеріи въ 1772 году; десять лѣтъ спустя онъ перешелъ въ гражданскую службу, а именно стряпчимъ въ Верхній Надворный судъ въ г. Тобольскъ; въ 1785 году Бахтинъ назначенъ прокуроромъ въ Верхній Земскій судъ въ Пермскую губернію; въ 1778 г. губернскимъ прокуроромъ въ Тобольскую губернію; пройдя впослѣдствіи службу сначала въ Новгородской, потомъ въ Калужской и затѣмъ въ Тульской губерніяхъ, И. И. Бахтинъ въ 1797 г. продолжаетъ ее въ Петербургѣ, коллежскимъ совѣтникомъ въ экспедиціи для свидѣтельства государственныхъ счетовъ, причемъ въ слѣдующемъ году мы его видимъ статскимъ совѣтникомъ. При учрежденіи министерствъ Бахтинъ опредѣленъ на службу въ департаментъ министерства финансовъ. Приведенныя ниже письма къ нему императора Александра Павловича, съ одной стороны свидѣтельствуя о томъ высокомъ довѣріи, какое умѣлъ пріобрѣсти себѣ Бахтинъ со стороны государя просвѣщеннаго, либе-

ральнаго и полнаго въ ту эпоху самыхъ искреннихъ стремленій къ исцѣленію множества самыхъ вопіющихъ недуговъ, растравлявшихъ Россію, съ другой стороны служатъ лучшимъ доказательствомъ неукоризненной честности, справедливости и благородства Бахтина. Эти качества Иванъ Ивановичъ Бахтинъ передалъ, какъ извѣстно, и сыну своему, столь недавно похищенному смертію, члену государственнаго совѣта Николаю Ивановичу Бахтину, этому знаменитому сподвижнику нынѣ царствующаго Государя Императора во внутреннихъ реформахъ послѣдняго десятилѣтія....

Обращаясь къ отцу Николая Ивановича, мы видимъ его въ 1803 году произведеннымъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники и въ томъ же году поставленнымъ на постъ довольно высокій: онъ назначенъ былъ слободско-украинскимъ гражданскимъ губернаторомъ. Послѣ двухлѣтней отставки (1814—1815 гг.) И. И. Бахтинъ вновь поступаетъ на государственную службу и опять по министерству финансовъ, а именно онъ назначенъ былъ управляющимъ государственною экспедиціею для ревизіи счетовъ. 14 апрѣля 1818 г. онъ скончался. Достойно замѣчанія, что И. И. Бахтинъ, при своихъ многосложныхъ служебныхъ работахъ, находилъ досугъ заниматься литературой: въ журналахъ конца XVIII и начала XIX вв. разбросано довольно много стихотвореній и нѣсколько весьма острыхъ эпиграммъ И. И. Бахтина. Вообще этотъ человѣкъ былъ замѣчательно свѣтлаго ума, обширной начитанности, необыкновенно остроуменъ и единственнымъ, но зато губительнымъ для него самого недостаткомъ, была страсть его къ карточной игрѣ.... Ред.

I. Господинъ статскій совѣтникъ Бахтинъ. Изъ прилагаемаго при семъ дошедшаго ко мнѣ прошенія и дополнительной къ нему записки усмотрите вы описаніе злоупотребленій въ городѣ Зубцовѣ происходящихъ. Желая открыть ихъ безъ огласки и съ безпристрастіемъ избралъ я васъ къ сему порученію бывъ увѣренъ, что исполните вы его со всѣмъ возможнымъ успѣхомъ: для чего и примите слѣдующія наставленія:

1) Съ вами отправится на мѣсто подавшій мнѣ сіи бумаги ратманъ Некрасовъ. Прежде всего распорядитесь съ нимъ такъ, чтобъ получа отъ него нужныя вамъ свѣдѣнія, не обнаруживать его и нигдѣ не выставлять какъ доносителя, ибо усердіе его не заслуживаетъ того, чтобъ быть ему впослѣдствіи ненавидимымъ и гонимымъ отъ мѣстнаго начальства.

2) Прежде нежели огласится предметъ вашего посланія, повѣрьте лично указуемый имъ подлогъ въ полицейскомъ журналѣ, спросите свидѣтеля на коего онъ ссылается и имъ убѣдите писца перемѣну сію въ дѣйство производившаго; узнайте какую точно имѣетъ связь записанный подложно договоръ купца Пасохина съ аттестатами отъ города данными и не сдѣланъ ли онъ къ сокрытію его имѣнія на случай взысканія съ откупщика Молокова, кому аттестаты сіи довѣрены.

3) По дополнительному объясненію Некрасова, узнайте: дѣйствительно ли откупщикъ имѣетъ въ городѣ и уѣздѣ больше кабаковъ, нежели сколько по контракту имѣть ему слѣдуетъ и по чьему дозволенію ихъ содержитъ.

4) Изслѣдуйте справедливо ли, что Зубцовской городничій во взысканіи упоминаемой въ просьбѣ Некрасова недоимки, слагаетъ большую часть на бѣднаго въ понаровку богатому.

5) Есть-ли сверхъ представляемыхъ Некрасовымъ злоупотребленій по связи дѣла найдете вы слѣды къ открытію другихъ какихъ либо въ семъ городѣ безпорядковъ, я поручаю вамъ розыскавъ ихъ допряма, подробно мнѣ донести.

Исполненіе сего порученія дастъ мнѣ опытъ усердія вашего и поводъ къ вящшей моей довѣренности. На проѣздъ получите вы изъ казначейства тысячу рублей. Пребываю вамъ благосклонный.

На подлинномъ собственною его императорскаго величества рукою написано:

"Александръ".

Въ С.-Петербургѣ. Февраля 16, 1802 года.

II. Господинъ статскій совѣтникъ Бахтинъ. На возвратномъ моемъ пути изъ Москвы подана мнѣ была отъ крестьянъ Вышне-Волоцкаго уѣзда, Заборовской вотчины, деревни Галкина, жалоба на помѣщика ихъ, отставнаго генералъ-лейтенанта Канабиха, въ непомѣрныхъ налогахъ, въ изнурительной работѣ, въ разсторженіи союзовъ ихъ по прихоти его сладострастія и прочихъ угнетеніяхъ. Прошеніе сіе совокупно съ таковымъ же, прежде ко мнѣ поступившимъ, препроводилъ я къ Тверскому гражданскому губернатору съ тѣмъ, чтобъ образомъ непримѣтнымъ и безъ всякаго лицепріятія изслѣдовалъ онъ сіе дѣло. Вы найдете здѣсь въ приложеніи*) какъ прошеніи сіи, такъ и указъ мой губернатору въ спискахъ и изъ сего послѣдняго замѣтите вы, съ какою настоятельностію требовалъ я безпристрастія. Въ отвѣтъ на сіе получилъ я донесеніе, которое вы усмотрите здѣсь подъ № 4. Сколько ни ощутительна въ ономъ преклонность губернатора въ защищеніе помѣщика, но изъ самыхъ оправданій и расчетовъ сего послѣдняго открывалось, что подать, на крестьянъ имъ наложенная, дѣйствительно была способамъ ихъ несоразмѣрна. Примѣтивъ сіе губернатору, я предписалъ ему внушить помѣщику, что ежели не умѣритъ онъ своихъ съ крестьянами поступокъ: имѣніе взято будетъ въ опеку. На сіе онъ мнѣ доносилъ, что Кана-

*) Упоминаемыя въ письмахъ II и III-мъ приложенія въ бумагахъ Н. И. Бахтина — не имѣются. Н. С.

бихъ отказавшись отъ взысканія съ крестьянъ работъ и податей натурою, все привелъ въ оброкъ и ограничивъ его десятью рублями съ души, опредѣлилъ сверхъ того сто душъ для обработыванія участка его земли. Сіе распоряженіе казалось бы довольно умѣренно, есть-ли бы помѣщикъ дѣйствительно хотѣлъ на немъ остановиться. Но, сверхъ чаянія моего и противъ столь положительныхъ со стороны его удостовѣреній, на сихъ дняхъ получилъ я отъ крестьянъ новыя просьбы, въ коихъ принося жалобу на пристрастное слѣдствіе, губернаторомъ произведенное и изъясняя, что хотя онъ былъ у нихъ и подъ чужимъ именемъ, но имъ не трудно было въ немъ узнать всегдашняго гостя и друга ихъ помѣщика, они доказываютъ, что вмѣсто облегченія ихъ участи, многіе изъ нихъ подверглись мщенію ихъ господина, лишены домовъ ихъ и принуждены укрываться въ окрестныхъ селеніяхъ, что неистовство и жестокость его до того простерлись, что крестьянина, не согласившагося отдать на жертву прихоти его несовершеннолѣтнюю дочь, онъ, по жестокомъ наказаніи, угрожалъ заколоть шпагою; а дворораго человѣка своего будто бы и дѣйствительно закололъ.

Препровождая къ вамъ всѣ сіи жалобы съ предшествовавшими имъ бумагами, я поручаю вамъ, по окончаніи слѣдствія въ Зубцовѣ, заѣхать въ вотчину Канабиха и непримѣтнѣйшимъ образомъ дойти до истины всѣхъ обстоятельствъ, въ жалобахъ крестьянъ содержащихся, развѣдать съ точностію о состояніи податей ихъ и работъ и дѣйствительно ли помѣщикъ сдѣлалъ новое распоряженіе, въ донесеніи губернатора изъясненное.

Поручая вамъ удостовѣреніе въ семъ дѣлѣ, послѣ уже произведеннаго о немъ слѣдствія, я хочу вамъ симъ означить, сколько довѣряю я вашему безпристрастію и сколь твердо надѣюсь, что довѣренность сію оправдаете вы на самомъ дѣлѣ нелицепріятнымъ изслѣдованіемъ и правымъ мнѣ донесеніемъ о всѣхъ его подробностяхъ. Пребываю впрочемъ вамъ благосклонный.

На подлинномъ собственною его императорскаго величества рукою написано:

„Александръ".

Въ С.-Петербургѣ. Марта 13, 1802 года.

III. Господинъ статскій совѣтникъ Бахтинъ. Здѣсь явился лейбгвардіи коннаго полку отставной унтеръ-офицеръ изъ дворянъ Ивковъ съ жалобою, что тверское земское начальство не только не дало ему защиты противъ утѣсненій отцу его, живущему Тверской губерніи, Осташковскаго уѣзда, въ сельцѣ Рогахъ, по землямъ причиненныхъ, но что, по многократнымъ его, Ивкова, просьбамъ, въ Нижнемъ земскомъ судѣ, вмѣсто покровительства засѣдателемъ Ивковымъ же былъ

онъ битъ и связанный привезенъ къ нему въ домъ и посаженъ въ тюрьму. После сего при следствіи на месте другой заседатель Фофановъ надевъ ему петлю на шею и назвавъ „беглецомъ“, хотелъ такъ же вести въ тюрьму, но испугавшись побой, причиненныхъ имъ, Фофановымъ, матери Ивкова, его отпустилъ. Подробности сей жалобы найдете вы въ прилагаемомъ при семъ прошеніи.

Столь наглое угнетеніе, темъ самымъ правительствомъ Ивкову нанесенное, у коего требовалъ онъ помощи, заставляетъ меня поручить вамъ особенно на месте изследовать истину сего происшествія; для обстоятельнаго же его объясненія и самаго Ивкова при семъ къ вамъ посылаю, ожидая, что, по безпристрастномъ изследованіи, о всемъ вы мне подробно донесете. Пребываю въ прочемъ вамъ благосклонный.

На подлинномъ собственною его императорскаго величества рукою написано:

„Александръ“.

Въ С.-Петербурге. Марта 13. 1802 года.

Сообщ. Н. Н. Селифонтовъ.

Манифестъ о войне Россіи съ Франціей 1812 года.

Въ Полномъ Собраніи Законовъ не находится манифеста объ открытіи войны съ Наполеономъ въ 1812 году; о существованіи такого манифеста или о порученіи императора Александра кому-либо составить не упоминаетъ ни одинъ изъ нашихъ историковъ отечественной войны. Между темъ у меня имеется подлинный черновой проектъ этого манифеста, написанный съ небольшими помарками и орөографически правильно, что въ то время составляло довольно редкое явленіе. Фамилію составителя этого манифеста мои розысканія не открыли, но, по всему вероятію, онъ былъ лицомъ приближеннымъ къ Государю, хорошо знавшимъ все тогдашнія событія. Следующія на проекте манифеста слова тогдашняго государственнаго секретаря А. С. Шишкова указываютъ, что проектъ былъ переданъ на предварительный его просмотръ и одобреніе: «Читалъ сей манифестъ, и нахожу оный существомъ дела, мыслями, связью и слогомъ прекрасно написаннымъ». Манифестъ былъ изготовленъ, какъ можно предполагать, въ то же время, 13 іюня 1812 года, когда о нашествіи Наполеона отданъ Высочайшій приказъ войскамъ и состоялся рескриптъ графу Салтыкову.

А. Ө. Бычковъ.

Два лета коварствомъ и неограниченнымъ властолюбіемъ умышляемое нападеніе на имперію нашу наконецъ действіе свое воспріяло, вторженіемъ непріятеля въ границы наши и занятіемъ Ковны сего 12 Іюня. Симъ последнимъ опытомъ вероломства и необузданнаго

честолюбія Французскаго императора положенъ предѣлъ нашему долготерпѣнію, и мы подъемлемъ чистотою намѣреній нашихъ и миролюбіемъ освященное оружіе наше на отраженіе кровожаждущаго супостата.

Всей Европѣ извѣстны пожертвованія наши миру; извѣстны и тяжкія узы, кои мы добровольно на себя для сохраненія онаго возложили; извѣстна и точность, съ каковою мы, въ уваженіе святости вообще принятыхъ нами обязанностей, противъ воли сердца нашего, выдали Французскому императору вспомогательное войско наше во время войны его съ Австріею. Но едва лишь содѣйствіемъ нашимъ пролитіе человѣческой крови въ сей части Европы остановилось; едва торжественнымъ договоромъ водворились въ странахъ, войною удрученныхъ, тишина и порядокъ, какъ Французскій императоръ умышлялъ уже противъ существованія оныхъ, и мысленно размѣрялъ пространство времени, въ которое способно ему будетъ бросить пламенники свои на Сѣверѣ и обольстить коварными предложеніями легкомысленныхъ людей той части бывшаго народа Польскаго, которая познала истинное благоденствіе тогда только, когда къ имперіи нашей присоединилась.

Кто не вѣдаетъ о порабощеніи всѣхъ странъ Западныхъ подъ игомъ Французскаго императора страждущихъ?

Кто не испыталъ, что подъ названіемъ ново-установленныхъ царствъ, Французскій императоръ ищетъ токмо новыхъ данниковъ и новыхъ жертвъ для окровавленнаго алтаря своей славы? Такъ Голландія потеряла и богатства свои, и свою промышленность, и народъ сей, прежде мирными искусствами и мореходствомъ отличавшійся, нынѣ раболѣпствуетъ Франціи въ бѣдности и въ безславіи; такъ цвѣтущій Неаполь содѣлался добычею Французской ненасытности; и такъ называемое независимое королевство Вестфальское болѣе самыхъ Французскихъ провинцій истощается безпрестанными денежными налогами, и безпрестанною войною.

Приготовляя подобную участь и сѣверныхъ странъ, Французскій императоръ въ военной конвенціи 1809 года, съ Вѣнскимъ дворомъ заключенной, почелъ за нужное упомянуть имя какъ будто бы существующаго королевства Польскаго, не изъ какой либо къ жителямъ сей части Европы особенной привязанности, но въ единственномъ помышленіи произвести и въ семъ краѣ раздоръ и мятежи. Мы не упустили изъявить ему по сему случаю нашего негодованія, и получили въ отвѣтъ, съ самыми дружественными удостовѣреніями, предложеніе къ обезпеченію спокойствія въ Сѣверѣ истребить взаимнымъ

согласіемъ и самое названіе Поляковъ и Польши и постановить*) согласіе сіе особеннымъ договоромъ.

Мы почли не лишнимъ**) воспользоваться симъ предложеніемъ и, обязавъ сколько возможно Французскаго императора актомъ торжественно утвержденнымъ, остановить всегдашнее его стремленіе къ низверженію всякаго благоустройства. Конвенцію, по сему предмету заключенную, и ничего инаго не содержавшую кромѣ того, что самимъ Французскимъ министерствомъ предложено, было посолъ Французскій въ С.-Петербургѣ съ нашимъ государственнымъ канцлеромъ подписали. Въ оной принято было взаимное обязательство не возстанавливать бывшаго королевства Польскаго, дабы не нарушить существующій порядокъ, и ограничить число войскъ въ герцогствѣ Варшавскомъ находящееся; но Французскій императоръ не долго устоялъ въ словѣ своемъ положить самому себѣ таковую благую преграду и***) отказался упомянутый актъ утвердить своею ратификаціею, подъ предлогомъ якобы не находилось для него въ сей конвенціи достаточныхъ взаимныхъ выгодъ, какъ будто бы въ силу оной мы что либо новое пріобрѣтали!

Симъ неожиданнымъ отступленіемъ отъ своихъ обѣщаній, Французскій императоръ обнаруживалъ дотаточно свои противъ благоденствія Имперіи нашей злотворные замыслы; но мы правиломъ себѣ положили избѣгать сколько возможно все то, что могло бы ускорить бѣдствія новой брани, и мнили доброю вѣрою нашею пристыдить Французскаго императора.

Не удовольствуясь симъ случайнымъ открытіемъ своихъ кововъ, онъ началъ мало по малу приближать войска свои къ странамъ, смежнымъ съ нашею имперіею. Въ концѣ 1810 года составилась въ Сѣверной Германіи Французская армія, болѣе и болѣе намъ угрожающая; Прусскія крѣпости Штетинъ, Кюстринъ и Глогау, кои въ силу торжественнаго обѣщанія долженствовали быть очищены, никогда изъ рукъ Французовъ не выходили; гарнизонъ Гданскій умножился; послѣдовали движенія въ герцогствѣ Варшавскомъ; усилилась такъ называемая Польская армія, и для вооруженія оной 40 т. ружей отправлены были изъ Маинца въ Варшаву.

Всѣ сіи очевидно непріязненныя намѣренія; извѣстія со всѣхъ сторонъ нами получаемыя о скопляющейся бурѣ войны, побудили насъ взять нужныя мѣры къ составленію арміи, соразмѣрной съ многолюдствомъ и величіемъ имперіи нашей, и хотя и не равняющейся чи-

*) Поверхъ этого слова, зачеркнутаго карандашемъ, написано: «утвердить». А. Б.

**) Карандашемъ написано: «не излишнимъ».

***) Вмѣсто *и*, карандашемъ написано: «онъ». А. Б.

сломъ съ Французскимъ безпредѣльнымъ ополченіемъ, каковое бы отяготило сверхъ мѣры нашихъ вѣрноподданныхъ, первѣйшій предметъ нашего попеченія, но достаточной по славѣ нашихъ ратниковъ, по единодушію ихъ оживляющему, къ пораженію и расточенію многочисленныхъ враговъ. Сіи мѣры, внутри Имперіи нашей принимаемыя, служили блистательнымъ противоположеніемъ правилъ, коими Французскій императоръ руководствовался для составленія войскъ своихъ: въ предѣлахъ нашихъ сыны одного семейства соединялись постепенно къ защищенію своихъ домовъ, своего стяжанія и независимости любезнаго отечества; у непріятеля — люди разноязычные, отъ самыхъ полуденныхъ странъ Италіи до народовъ у Сѣвернаго моря обитающихъ, и никакихъ сношеній съ Франціею не имѣющихъ, кромѣ непреодолимой ненависти къ ея правительству, отвлекались отъ мирныхъ и богоугодныхъ упражненій на похищеніе чужаго и на пріобрѣтеніе новыхъ проклинаній отъ Европы, невольно ими опустошаемой.

Между тѣмъ Французскій императоръ декретомъ присоединилъ Ганзеатическіе города и герцогство Ольденбургское къ своей имперіи.

Мы не могли молчать безъ потери достоинства и правъ нашихъ при семъ новомъ похищеніи, тѣмъ паче, что герцогство Ольденбургское принадлежало царствующему въономъ принцу Голштейнъ-Готторпскому, по уступленію въ Бозѣ почивающихъ предмѣстниковъ нашихъ, любезной сердцу нашему, бабки императрицы Екатерины II-й и любезнаго родителя нашего императора Павла I, коихъ благодѣяніе, оказанное близкому дома нашего родственнику, симъ насильствомъ уничтожилось; что августѣйшіе предшественники наши на Россійскомъ престолѣ приобрѣли упомянутое герцогство въ замѣну отрицанія отъ правъ своихъ на Шлезвигъ-Голштейнскія владѣнія, и что наконецъ самими нами въ Тильзитскомъ договорѣ съ Французскимъ императоромъ нарочною статьею утверждено спокойное владѣніе герцога Ольденбургскаго.

Кромѣ государственной обиды, Имперіи нашей нанесенной, въ внезапномъ и неожиданномъ нами присоединеніи Ганзеатическихъ городовъ и всего берега отъ Эльбы до Голландіи, Мы съ горестію усмотрѣли въ семъ поступкѣ какъ пренебреженіе нашихъ собственныхъ неоспоримыхъ правъ, такъ и въ изгнаніи Ольденбургскаго дома, съ коимъ мы нѣсколько времени прежде сего умножили связи родства нашего бракосочетаніемъ сына царствующаго Герцога съ любезною нашею сестрою, намѣреніе нанести личное императорской особѣ нашей оскорбленіе.

Мы предписали послу нашему въ Парижѣ подать ноту Французскому правленію, коею бы охранились права наши отъ могущаго

впредь воспослѣдовать опроверженія, на умолчаніи нашемъ основаннаго. Ноту сію Французское министерство отринуло, и мы принуждены были въ слѣдствіе столь непристойнаго отказа, приказать посланникамъ нашимъ вручить министерствамъ разныхъ Европейскихъ дворовъ таковую же ноту, каковую мы въ единомъ Парижѣ представить предполагали, не имѣя какъ въ прежнемъ, такъ и въ послѣдующемъ поступкѣ иной цѣли, кромѣ обереженія нашихъ правъ на будущія времена посредствомъ протестаціи, основанной на заведенномъ въ подобныхъ случаяхъ въ Европѣ обычаѣ, который всегда почитался знакомъ умѣренности и отвращенія къ употребленію оружія на возвращеніе похищеннаго.

Но не таковымъ окомъ взиралъ Французскій императоръ на сей подвигъ нашей кротости. Пріобыкнувъ притѣснять царей и народы, не позволяя и самаго роптанія притѣсненнымъ, онъ воспалился яростію противъ сего безвреднаго изобличенія его несправедливости, и въ гордомъ гнѣвѣ своемъ, не закоснѣлся назвать манифестомъ войны сей плодъ нашего миролюбія. Требуя отъ насъ уничтоженія сей законной и нимало существующему порядку не предосудительной протестаціи, онъ предлагалъ въ возмездіе Герцогу Ольденбургскому Ерфуртскій округъ, который не составлялъ пятой части потеряннаго имъ владѣнія и котораго сей обиженный, но великодушный принцъ принять не разсудилъ за благо.

Но не*) по единому сему обстоятельству, Французскій Императоръ мечтательно почиталъ себя въ правѣ на насъ жаловаться. Стремясь уровнять насъ въ разореніи и обезсиленіи съ властями ему повинующимися, онъ требовалъ, чтобы мы прекратили всякую торговлю, подъ предлогомъ якобы неутральныя суда, къ портамъ нашимъ приставающія, служили средствомъ къ распространенію Англійской промышленности и ея селеній въ Восточной и Западной Индіи находящихся. Строгія мѣры, принятыя нами по существующей между нами и Великобританіею войнѣ, явно доказываютъ, что малая остальная торговля, въ портахъ нашихъ производимая, нашими токмо и неутральнымъ властямъ принадлежащими товарами питалась, а никакой договоръ и никакое даже кривое истолкованіе обязательствъ нашихъ съ Франціею не принуждали насъ къ пагубному уничтоженію всякой морской торговли; и мѣра сія тѣмъ безразсуднѣе бы съ нашей стороны оказалась, чѣмъ болѣе всему свѣту извѣстно, что самъ Французскій императоръ не токмо обыкновенною неутральною торговлею сколько можно пользуется, но и для вящщаго облегченія страждущ-

*) «не» приписано карандашемъ. А. В.

щаго Французскаго народа позволяетъ и непосредственное съ Англіею сношеніе способомъ разныхъ частныхъ торгующихъ особъ.

Тарифъ, нами въ концѣ 1810 года изданный, послужилъ также Французскому императору къ новымъ укорительнымъ требованіямъ, яко не выгодный для Французскихъ произведеній и рукодѣльности. Сіе наглое притязаніе предписывать образъ внутреннихъ учрежденій державамъ независимымъ, столь само собою неприлично, что не заслуживаетъ пространнѣйшихъ доводовъ къ опроверженію онаго.

Сколь ни ничтожны, сколь ни беззаконны вышеозначенныя причины къ возженію новой войны и пролитію человѣческой крови, императоръ Наполеонъ, опираясь на оныя и на оборонительное ополченіе наше, своими движеніями, поступками, вооруженіемъ и открытыми замыслами противъ благосостоянія Имперіи нашей причиненное, подвинулъ къ Пруссіи свою армію, принудилъ сіе изнуренное государство къ рабственному противъ насъ союзу, довершающему онаго разореніе, возставилъ противъ насъ устрашенную Австрію и наконецъ покушался мрачными своими происками склонить Оттоманскую порту къ продолженію войны своей съ Нами, за что и предлагалъ ей свой союзъ съ обѣщаніемъ возвратить ей не только Молдавію и Валахію, въ сію войну оружіемъ нашимъ завоеванныя и которыя съ другой стороны въ секретной Ерфуртской конвенціи, въ 1808 году съ нами заключенной, торжественно призналъ уже онъ за нами навсегда утвержденными, но и тѣ пріобрѣтенія, коими мы съ самаго Кайнарджинскаго мира обладаемъ.

Всѣ сіи вѣроломныя, насильственныя и враждебныя мѣры давали намъ неоспоримое право предупредить непріятельскія противъ насъ дѣйствія столь явно во всѣхъ мѣстахъ приготовляемыя; но и тутъ еще не хотѣли мы оставить безъ испытанія послѣднихъ средствъ къ сохраненію тишины и добраго согласія.

По неотступному требованію французскаго императора открыть съ нашей стороны негоціацію, къ спасительному устраненію происшедшихъ неудовольствій ведущую, предписали мы послу нашему въ Парижѣ пребывающему начала таковаго благотворительнаго условія, которое предупредило бы предстоящій разрывъ. Начала сіи сами собою гласятъ сколь болѣзненно было монаршему сердцу нашему предчувствовать неизбѣжность войны, и сколь рачительно мы оную отклонить старались.

Мы желали очищенія вновь занятой Пруссіи и Шведской Помераніи отъ всѣхъ французскихъ войскъ, одной для обезпеченія собственныхъ нашихъ границъ, а другой въ исполненіе союза нашего съ дворомъ Шведскимъ, коего никакія лукавыя непріятельскія домо-

гательства съ истиннаго пути совратить не могли. Мы желали также отступленія отъ оскорбительнаго достоинству нашему притязанія принудить насъ къ запрещенію неутральной торговли, для самаго существованія имперіи нашей необходимой.

Въ взаимность наклонности Французскаго императора на столь умѣренныя наши требованія, для него никакой утраты не заключающія, мы предлагали, по предварительномъ оныхъ пріятію, сдѣлать нѣкоторыя измѣненія въ тарифѣ нашемъ для французской промышленности вообще, и особенно для винъ выгоднѣйшія, и изъявили при томъ расположеніе наше устроить, посредствомъ замѣны сколько возможно ограниченной, дѣло Герцогства Ольденбургскаго и нашу и по оному протестацію нарочнымъ актомъ уничтожить.

Чѣмъ же отвѣтствовалъ Французскій императоръ на таковое безпримѣрное съ нашей стороны снисхожденіе? Армія его подвинулась къ Вислѣ, и симъ движеніемъ принудила насъ оставить столицу нашу для обозрѣнія войскъ, къ оборонѣ нашей приготовленныхъ, и для наблюденія надъ арміею, всечасно къ нашимъ границамъ приближающагося.

Всѣ усилія посла нашего къ предупрежденію разрыва остались тщетны: французское министерство, проводя его льстивыми обѣщаніями отъ одного дня къ другому, оставило предложенія его безъ всякаго положительнаго отвѣта, и министръ иностранныхъ дѣлъ удалился изъ Парижа вслѣдъ за императоромъ Наполеономъ, чѣмъ и принудилъ посла нашего объявить ему, что хотя велѣнія наши и не полагали конца его во Франціи пребыванію, самыя обстоятельства однакоже предписывали ему требованіе его пашпортовъ, поелику присутствіе его въ Парижѣ содѣлывалось совершенно безполезнымъ.

Получивъ донесеніе о всѣхъ сихъ произшествіяхъ, мы еще никакого наступательнаго движенія себѣ не позволяли и не отчаявались въ сохраненіи мира. Непостижимо казалось непричастному злоумышленности духу нашему, чтобы Французской императоръ, въ слезахъ и стенаніяхъ столь многихъ народовъ обвиняемый, рѣшился еще разъ попрать всякое уваженіе къ суду Божіему, къ мнѣнію Европы и цѣлаго міра, къ собственнымъ выгодамъ своей имперіи, и въ заплату за неслыханную умѣренность напасть на государство, ничѣмъ его не оскорбившее.

Мы еще не преставали надѣяться, что рука его упадетъ при таковыхъ страшныхъ помышленіяхъ, когда онъ ворвался въ предѣлы Имперіи нашей съ военною силою.

Народъ, который въ младенчествѣ своемъ сотрясъ иго Азіатскихъ побѣдоносцевъ, отъ коихъ имени вся Европа трепетала; народъ, ко

торый посреди мятежей и безначалія нашелъ въ безпримѣрной храбрости своей средства къ изгнанію полчищъ иноплеменныхъ; народъ, который удивилъ вселенную быстрыми своими шагами въ поприщѣ славы: таковый народъ безъ сомнѣнія не ослабитъ и нынѣ усилій своихъ къ защищенію земли Русской, семействъ, стяжанія и независимости любезнаго отечества. Мы же въ умиленіи сердца нашего совокупно съ ними возсылаемъ мольбы ко Всевышнему, да приметъ Онъ подъ всемощный покровъ свой правое наше дѣло и, увѣнчавъ оборонительныя наши усилія вожделѣнными успѣхами, да прославитъ онъ между людей своихъ святое имя Свое,—яко отецъ всякой правоты и мститель ухищренія и пролитія крови невинныя.

Сообщ. **А. Ө. Бычковъ.**

Примѣчаніе. Въ печатной росписи книгамъ и рукописямъ бывшей Импер. Россійской Академіи, 1840 года показанъ въ числѣ рукописей подъ № 130-мъ: Проектъ манифеста о войнѣ 1812 года. Сличивъ эту рукопись, съ вышенапечатаннымъ документомъ, я нашелъ, что эта рукопись, поступившая изъ бывшей Россійской Академіи въ библіотеку Академіи Наукъ, есть точная копія, съ сообщенной редакціи А. Ө. Бычковымъ, писанная на 2-хъ листахъ рукою Д. И. Языкова, съ слѣдующею его замѣткою въ концѣ: «Изъ содержанія сей бумаги видно, что это былъ проектъ манифеста о войнѣ съ Наполеономъ въ 1812 году; но не состоялся. Кто былъ сочинителемъ онаго, неизвѣстно. На концѣ бумаги написано карандашемъ, рукою тогдашняго государственнаго секретаря адмирала А. С. Шишкова, слѣдующее: «Читалъ сей манифестъ, и нахожу оный существомъ дѣла, мыслями, связью и слогомъ прекрасно написаннымъ». Петръ Григорьевичъ Бутковъ, которому принадлежитъ сія бумага, читалъ ее г-ну президенту Россійской Академіи А. С. Шишкову, бывшему въ 1812 году, какъ сказано выше, государственнымъ секретаремъ; но его высокопревосходительство не могъ припомнить кѣмъ она была писана, а изъявилъ желаніе взять съ нея списокъ, который хранить въ академической библіотекѣ. Г. Бутковъ согласился на сіе, и по снятіи списка подлинникъ пополучилъ обратно 26 апрѣля 1839 года». Записана въ журналъ Россійской Академіи 29 апрѣля. Изъ этой приписки Языкова видно, что ни Шишковъ, ни Бутковъ и никто изъ членовъ бывшей Россійской Академіи въ 1839году не могъ указать, кто былъ авторомъ этого любопытнаго проекта.

Сообщ. **П. П. Ламбинъ.**

Лифляндское дворянство и выставленное имъ ополченіе въ 1812 году.

Въ достопамятный 1812 годъ, когда вѣсть о вторженіи непріятеля въ предѣлы Россіи вызвала общій энтузіазмъ въ русскомъ народѣ, когда всякій, отзываясь на призывъ царя, отдавалъ для защиты родины свою жизнь и имущество, когда повсюду формировались народныя ополченія—на долю лифляндскаго дворянства также пришлось формировать мѣстное ополченіе. Ополченіе это продержалось одну только зиму, и затѣмъ было расформировано, потому

что часть его сдалась военно-плѣнными, часть перешла въ лагерь непріятеля побѣгами, а остальная лежала по госпиталямъ и умирала отъ холода и другихъ лишеній, вслѣдствіе крайней незаботливости лифляндскаго дворянства о своемъ ополченіи. Никакія усилія со стороны курляндскаго гражданскаго губернатора, тайнаго совѣтника Сиверса, съ цѣлью побудить лифляндское дворянство выдать ополченію рубахи, сапоги, рукавицы, полушубки и т. п., — не привели ни къ какому результату. Между тѣмъ фактъ о страшномъ уронѣ въ людяхъ лифляндскаго ополченія былъ на лицо. Для изслѣдованія причинъ, имѣвшихъ такой плачевный результатъ, было высочайше повелѣно, въ 1813 году, тайному совѣтнику Сиверсу произвести дознаніе.

Дознаніе это, въ видѣ историческаго очерка, со всѣми приложеніями, было изложено Сиверсомъ въ донесеніи государю императору отъ 28 октября 1813 г.

Приводимъ этотъ очеркъ съ относящимися къ нему главнѣйшими приложеніями цѣликомъ.

I. Донесеніе Ѳедора Сиверса 28 октября 1813 года.

Во исполненіе ваш. импер. вел. высочайшаго повелѣнія, объявленнаго мнѣ графомъ Аракчеевымъ и полученнаго мною 20 сего октября, о всеподданнѣйшемъ поднесеніи вашему императорскому величеству свѣдѣній касательно великаго урона, усмотрѣннаго въ лифляндскомъ казачьемъ полку, неупотребленномъ впрочемъ противу непріятеля, счастіе имѣю повергнуть къ священнымъ стопамъ вашего императорскаго величества историческое изложеніе обстоятельствъ съ самаго выѣзда моего изъ Митавы по составленію лифляндскаго ополченія и лифляндскаго казачьяго полка, и по день расформированія онаго бывшихъ, съ приложеніемъ документовъ, доказывающихъ усилія и средства употребленныя на тотъ конецъ, дабы ополченіе и казачій полкъ никогда не достигнули предназначенной цѣли своей.

Изъ онаго вѣрнаго и на истинѣ основаннаго изложенія ваше императорское величество всемилостивѣйше усмотрѣть соизволитъ: 1) что ежели дѣйствительно убыло то значительное число людей, которое въ донесеніи къ вашему императорскому величеству показано, то сей уронъ состоялся не при одномъ лифляндскомъ казачьемъ полку, но при всемъ томъ лифляндскомъ ополченіи, состоявшемъ изъ 2103-хъ человѣкъ; 2) что лифляндскій казачій полкъ, нѣсколько дней послѣ того, какъ три баталіона регулярныхъ войскъ, откомандированныхъ идти отъ Кирхгольма къ Фридрихштату по лѣвому берегу рѣки Двины, непріятелемъ были почти вовсе истреблены и взяты въ плѣнъ подъ Томсдорфомъ, долженъ былъ откомандировать одинъ эскадронъ за Двину въ Фридрихштатъ, гдѣ онъ, вмѣстѣ съ однимъ полубаталіономъ, подъ командою маіора Телышевскаго, былъ взятъ въ плѣнъ; 3) что 10 казаковъ сего лифляндскаго казачьяго полка перешли съ

форпостовъ къ непріятелю съ лошадьми и оружіемъ; 4) что одинъ форпостъ, изъ трехъ казаковъ состоявшій, былъ снятъ непріятелемъ; 5) что въ началѣ октября отдано въ митавскій гарнизонный баталіонъ 126 человѣкъ и 6) что изъ прочихъ людей сего вооруженія 520 человѣкъ въ октябрѣ, въ теченіи всего ноября мѣсяца и во время сильныхъ морозовъ ежедневно употребляемы были на крѣпостную при рижскихъ укрѣпленіяхъ работу въ лѣтнемъ платьѣ, что большое число сихъ несчастныхъ пользовались въ госпиталяхъ отъ разныхъ простудныхъ болѣзней, какъ то явствуетъ изъ госпитальной вѣдомости, къ изложенію подъ № 12 приложенной *).

Равнымъ образомъ долгомъ считаю всеподданнѣйше донесть вашему императорскому величеству, что я содержалъ на собственномъ иждивеніи лифляндскій казачій полкъ въ Курляндіи, съ 10-го генваря по день расформированія онаго, фуражемъ, а частію даже и провіантомъ, употребивъ на то не только свое жалованье, но и арендныя деньги, отъ щедротъ вашего императорскаго величества получаемыя, обременивъ чрезъ то себя сверхъ того еще и значительными долгами. Суммы, на продовольствіе сего полка употребленныя, по нынѣ не возвращены мнѣ ни лифляндскимъ дворянствомъ, ни провіантскимъ вѣдомствомъ, не взирая на то, что покупалъ я пудъ сѣна 45 копѣйками ниже справочныхъ цѣнъ единственно потому, что платилъ за оное наличными деньгами, и что многократно просилъ я о возвращеніи мнѣ израсходованныхъ собственныхъ денегъ.

Всемилостивѣйшій государь! вашего императорскаго величества вѣрноподданный Θедоръ Сиверсъ.

Митава, 28-го октября 1813 года.

II. Историческое изложеніе происшествій и обстоятельствъ, относящихся къ составленію лифляндскаго ополченія и лифляндскаго казачьяго полка по день расформированія онаго.

Іюля 8 числа 1812 года, въ 11 часовъ по полуночи, курляндскій гражданскій губернаторъ Сиверсъ выступилъ изъ Митавы съ 900 человѣкъ пѣхоты, составленной частію изъ митавскаго баталіона внутренней стражи, частію же изъ оставшихся войскъ отъ резервныхъ баталіоновъ, и 100 казаковъ и 20 гусарами, вытѣсненныхъ непріятелемъ изъ Кальвена, приказалъ снять мостъ подъ Митавою на рѣкѣ Аа, и въ тотъ же день достигъ городъ Ригу однимъ маршомъ, по-

*) Этой вѣдомости мы не приводимъ.

елику генералъ-лейтенантъ Эссенъ 1-й его увѣдомилъ, какъ то явствуетъ изъ приложенія подъ №№ 1 и 2 [1]), что непріятель можетъ его отрѣзать при селѣ Олай отъ Риги. Непріятель въ тотъ же самый день, въ три часа по полудни, занялъ городъ Митаву, будучи предводительствуемъ генералами Гравертомъ и Клейстомъ, изъ коихъ каждый командовалъ одною колонною.

Іюля 17 дня тайный совѣтникъ Сиверсъ отнесся къ генералу Эссену и препроводилъ къ нему проектъ провозглашенія къ лифляндскому и эстляндскому дворянству (№ 3) [2]) о вооруженіи лифляндскаго ополченія, сочиненнаго имъ отъ чувствъ безпредѣльнѣйшей преданности къ отечеству и ко всемилостивѣйшему Государю. Генералъ Эссенъ переправилъ сіе провозглашеніе (№ 4), которое въ семъ новомъ видѣ вышло изъ печати (№ 5) [3]); по отпечатаніи онаго генералъ Эссенъ созвалъ ландтагъ для опредѣленія правилъ основаній, на которыхъ лифляндское ополченіе долженствовало быть составлено; но сей ландтагъ опредѣлилъ выставить къ ополченію одного только ратника со ста душъ и 524 заводскихъ да 518 крестьянскихъ лошадей; впослѣдствіи же принужденъ былъ прибавить еще 652 крестьянскихъ лошадей, къ коимъ, по повелѣнію генерала Эссена, присоединены были еще 72 литовскихъ лошадей для доставленія въ корпусъ генералъ-лейтенанта Ловиза провіанта и фуража.

Въ концѣ августа 1812 года г. генералъ Эссенъ отправилъ курляндскаго гражданскаго губернатора Сиверса къ его императорскому величеству. По случаю отсутствія его, пріемъ ратниковъ и лошадей препорученъ былъ митавскому полиціймейстеру полковнику и кавалеру барону Икскулю, находившемуся на мызѣ Ранценъ. Возвращаясь изъ С.-Петербурга и нашедъ 18 сентября въ городѣ Вольмарѣ часть лифляндскаго ополченія и нѣсколько сотень лошадей къ оному принадлежащихъ, курляндскій гражданскій губернаторъ вмѣстѣ съ тѣмъ узналъ, что значительное число изъ онаго отправлено уже было въ Ригу; въ числѣ бывшихъ въ Вольмарѣ ратниковъ, губернаторъ

---

[1]) По неважности нами опущены.

[2]) Въ проектѣ этого воззванія, между прочимъ, было сказано: «Кто изъ насъ забылъ великія благодѣянія, коими сей возлюбленный монархъ (Александръ I) съ самаго восшествія своего на прародительскій престолъ осчастливилъ наши провинціи, онъ, который въ продолженіи одиннадцати лѣтъ оказалъ намъ болѣе милостей, нежели предки его во сто лѣтъ. Властелинъ Швеціи обременилъ насъ тяжелыми податьми, россійскіе государи взимали съ насъ оныя въ продолженіи 94 лѣтъ, но великодушный Александръ не только уволилъ насъ отъ оныхъ въ четвертомъ году своего царствованія, но даровалъ намъ сверхъ того многіе милліоны, частію за весьма малые проценты, частію же вовсе даромъ».

[3]) Приложеніе подъ № 5.

усмотрѣлъ многихъ неспособныхъ къ службѣ и весьма худо одѣтыхъ людей, въ однихъ лѣтнихъ исподникахъ, въ круглыхъ шляпахъ крестьянскихъ, безъ галстуковъ, безъ чулокъ и даже безъ кастелей (латышскихъ башмаковъ); вмѣстѣ съ тѣмъ усмотрѣно имъ было, что большая часть лошадей, по старости лѣтъ и по прочимъ недостаткамъ, были на службу не годны. Прибывъ въ Ригу, онъ, губернаторъ, донесъ о семъ генералу Эссену и просилъ его, дабы онъ приказалъ дворянскому чиновнику освидѣтельствовать формируемое ополченіе. Генералъ Эссенъ препоручилъ ландмаршалу Шульцу учинить требуемый осмотръ, и когда сей ландмаршалъ самъ удостовѣрился въ справедливости губернатора Сиверса, генералъ Эссенъ приказалъ ему немедленно отправиться въ Дерптъ для принятія мѣръ къ доставленію потребной одежды для ополченія, а губернатору между тѣмъ препоручилъ главное управленіе надъ рижскими госпиталями, которые, вмѣщая въ себѣ слишкомъ 5,000 раненыхъ и больныхъ солдатъ, были размѣщены въ 27 строеніяхъ, частію въ самомъ городѣ, частію же въ форштатахъ. Губернаторъ ежедневно осматривалъ ихъ и доносилъ ежедневно же генералу Эссену, который, между тѣмъ, приказалъ ополченію, въ Вольмарѣ находившемуся, идти въ Ригу и прикомандировать изъ митавскаго гарнизоннаго баталіона 126 человѣкъ въ ополченіе, а вмѣсто ихъ толикое же число изъ ополченія въ баталіонъ. Командиръ ополченія полковникъ Икскуль и полковникъ Раденъ прибыли съ онымъ 11 октября,—а 14 числа того же мѣсяца генералъ Эссенъ приказалъ отправить къ корпусу генералъ-лейтенанта Ловиза одинъ эскадронъ казаковъ лифляндскаго ополченія съ поручикомъ Ниротомъ. Сіе повелѣніе немедленно было исполнено, но только 106 казаковъ могли быть отправлены, ибо изъ числа 759 казаковъ только упомянутые 106 человѣкъ имѣли суконные крестьянскіе штаны, всѣ же прочіе, не взирая на наступившую уже стужу, должны были довольствоваться ветхимъ лѣтнимъ платьемъ. Генералъ Эссенъ, видя бѣдственное положеніе отправляемыхъ людей, приказалъ выдать имъ нѣсколько шкуръ съ убитаго скота, для сдѣланія имъ обуви. Коль скоро ландмаршалъ баронъ Шульцъ прибылъ въ Дерптъ, генералъ Эссенъ получилъ отъ присутствующаго ландрата Рихтера приложенное у сего подъ № 6 [1]) представленіе, сообщенное губернатору генераломъ Эссеномъ 16 октября. Въ семъ представленіи ландратъ Рихтеръ, не соглашаясь на требованія губернатора Сиверса касательно обмѣна выставленныхъ къ ополченію неспособныхъ

---

[1]) Приложеніе подъ № 6.

ратниковъ и лошадей, и полагая, что дворянство совершенно уже исполнило обязанности свои, просилъ опредѣленія, дабы лифляндское ополченіе осталось въ прежнемъ положеніи своемъ и дабы не требовано было ни дополнительнаго отпуска провіанта и фуража, ни лошадей и людей вмѣсто оказавшихся неспособными.

Губернаторъ долгомъ счелъ своимъ, противу сей странной, на лжи основанной и непатріотической просьбы ландратской коллегіи, возразить донесеніемъ, приложеннымъ подъ № 7 [1]), которымъ опровергнувъ и доказавъ несправедливость каждаго утвержденія ландратской коллегіи, просилъ объ освидѣтельствованіи самими ландратомъ Рихтеромъ, ландмаршаломъ Шульцомъ, военнымъ офицеромъ и врачемъ ратниковъ и лошадей лифляндскаго ополченія, равно и о приказаніи, дабы люди сіи были, согласно рекрутскому положенію, одѣты; каковое распоряженіе было бы тѣмъ совмѣстнѣе, что, по представленію г. генерала Эссена, Лифляндія была на тотъ разъ освобождена отъ рекрутскаго набора.

24 октября прибылъ въ Ригу на мѣсто генерала Эссена г. генералъ-лейтенантъ маркизъ Паулучи, коему 25 тогожъ мѣсяца губернаторъ Сиверсъ вручилъ рапортъ за № 8 [2]). Въ семъ рапортѣ губернаторъ, изложивъ бѣдственное положеніе лифляндскаго ополченія и всѣ распоряженія генераломъ Эссеномъ къ обмундированію казачьяго полка и одной конно-егерской роты лифляндскаго ополченія на счетъ дворянства учиненныя, просилъ отъ маркиза, во уваженіи ветхаго лѣтняго платья, коимъ прочіе ратники не могутъ укрыться отъ холоду и непогоды, разрѣшенія на постройку мундировъ и для пѣхотнаго полка и двухъ егерскихъ ротъ на счетъ лифляндскаго дворянства.—31-го октября маркизъ Паулучи далъ губернатору Сиверсу предложеніе подъ № 9 [3]), коимъ предписалъ ему отрядить изъ лифляндскаго ополченія на работу къ рижскимъ укрѣпленіямъ, сверхъ находящихся при тѣхъ работахъ 380, еще 140 человѣкъ.—4-го ноября отправился губернаторъ Сиверсъ изъ Риги, по приказанію г. маркиза Паулучи на мызу Икскуль, гдѣ ополченіе стояло, защищая правый берегъ Двины. Сперва донесъ маркизу, что ратники ополченія чрезвычайно нуждаются платьемъ, будучи наги и босы (№ 10) [4]). Вторымъ же рапортомъ отъ того же числа (№ 11) [5]) онъ донесъ му, что холодъ и терпимый ратниками недостатокъ принуждаетъ и ихъ чинить побѣги и что многіе изъ нихъ дѣйствительно бѣжали.

---

[1]) Приложеніе подъ № 7.
[2]) Подлинника не приводимъ.
[3]) Тоже.
[4]) Приложеніе подъ № 10.
[5]) Подлинникъ не приводится.

Госпитальная же вѣдомость подъ № 12 [1]), у сего прилагаемая, разительно доказываетъ, какое пагубное вліяніе холодъ имѣлъ на неодѣтое лифляндское ополченіе,—ибо день ото дня въ значительномъ числѣ отъ холоду умножалась болѣзнь ратниковъ.—Прибывъ на мызу Икскуль, губернаторъ Сиверсъ пошелъ съ ополченіемъ на Юнгферъгофъ, и, по приказанію маркиза Паулучи, долженъ былъ отрядить одинъ эскадронъ въ Фридрихштатъ, гдѣ онъ былъ взятъ въ плѣнъ непріятелемъ, какъ то явствуетъ изъ губернаторскаго рапорта подъ № 13 [2]). Сіе нападеніе на эскадронъ лифляндскаго ополченія со стороны непріятеля было произведено нѣсколько дней послѣ истребленія и взятія въ плѣнъ подъ Томсдорфомъ трехъ баталіоновъ, шедшихъ по лѣвому берегу Двины отъ Кирхгольма къ Фридрихштату. Въ Фридрихштатѣ же находился еще одинъ баталіонъ подъ командою майора Телышевскаго, изъ котораго половина была разбита и взята въ плѣнъ, вмѣстѣ съ эскадрономъ лифляндскаго ополченія. Потомъ, по приказанію генералъ-лейтенанта маркиза Паулучи, посланъ еще эскадронъ къ майору Телышевскому. — Генералъ же лейтенантъ Ловизъ доставилъ къ губернатору Сиверсу рапортъ майора Телышевскаго, доносившаго, что лифляндскіе ратники уходятъ съ форпостовъ. На сіе губернаторъ отношеніемъ, приложеннымъ подъ № 14 [3]), увѣдомилъ генерала Ловиза, что люди уходятъ съ постовъ отъ холода, и что имъ многократно доносимо было начальству, что они голы и босы, при всемъ томъ остаются они безъ всякой одежды и что потому неудивительно, что они чинятъ побѣги.—25-го ноября маркизъ Паулучи предписалъ тайному совѣтнику Сиверсу отдать въ вѣденіе артиллеріи полковника Третьякова 150 артиллерійскихъ и 18 подъемныхъ лошадей изъ лифляндскаго ополченія;—на каковое предписаніе губернаторъ Сиверсъ, рапортомъ отъ 26 тогожъ мѣсяца (№ 15) [4]), донесъ, что изъ 1042 казачьихъ и 724 подъемныхъ лошадей, состоявшихъ сначала въ лифляндскомъ ополченіи, убыло уже 527 казачьихъ и 275 подъемныхъ лошадей, частію будучи убиты въ сраженіяхъ, частію же бывъ отданы въ другіе полки и команды, и поелику сверхъ того подъемныя лошади отъ безпрестаннаго транспортированія провіянта и фуража въ армію и по Кокенгаузенской дорогѣ столь изнурены и потерты, что болѣе 60 лошадей находятся въ конномъ лазаретѣ, да и всѣ подъемныя лошади вообще дворянствомъ поставлены были изъ обыкновенныхъ крестьянскихъ

---

[1]) Тоже.
[2]) Приложеніе подъ № 13.
[3]) Приложеніе подъ № 14.
[4]) Подлинникъ не приводится.

лошадей малаго роста, то и невѣроятно, чтобы они годились подъ артиллерію. Между тѣмъ послѣдовало повелѣніе о сформировкѣ изъ лифляндскаго ополченія одного казачьяго полка въ 800 человѣкъ, а прочихъ ратниковъ распустить, но изъ всего ополченія невозможно было годныхъ людей набрать назначеннаго числа 800 человѣкъ; а какъ въ продолженіи сего времени ратники нуждались не только безпрестанно одеждою, но и продовольствіемъ, то курляндскій гражданскій губернаторъ вошелъ о томъ представленіемъ къ генералъ-лейтенанту маркизу Паулучи, который однако же отношеніемъ отъ 4 декабря (№ 16 [1]) отозвался, что до употребленія составляемаго лифляндскаго казачьяго полка на дѣйствительную службу, не можетъ онъ приказать выдавать ратникамъ винной и мясной порціи. Января 9 дня (1813 г.), когда уже курляндскій гражданскій губернаторъ цѣлый мѣсяцъ управлялъ паки губерніею, ему всемилостивѣйше ввѣренною, прибылъ лифляндскій казачій полкъ изъ мызы Роопъ въ Курляндію, по распоряженію маркиза Паулучи, и расположенъ былъ на мызахъ вокругъ Митавы. Губернаторъ рапортомъ донесъ (№ 17 [2]), что осмотрѣвъ полкъ, которымъ командовалъ Ямбургскаго драгунскаго полка майоръ Радожицкій по приказанію г. военнаго губернатора, нашелъ полковыхъ лошадей въ изнуреннѣйшемъ положеніи, а нижнихъ чиновъ все еще не одѣтыхъ, почему и просилъ объ освидѣтельствованіи полка, дабы не могъ подвергнуться отвѣтственности, и о понужденіи лифляндскаго дворянства о скорѣйшемъ доставленіи предположенной одежды и о выполненіи своихъ обязанностей. Января 11 дня, въ концѣ рапорта подъ № 18 [3]), курляндскій гражданскій губернаторъ Сиверсъ вновь донесъ генералъ-лейтенанту маркизу Паулучи, что ни одежды, ни обуви на казаковъ лифляндскаго полка лифляндскимъ дворянствомъ все еще не доставлено. Января 18 дня рижскій комендантъ генералъ-маіоръ Эмме увѣдомилъ курляндскаго гражданскаго губернатора, какъ явствуетъ изъ приложенія подъ № 19 [4]), что маркизъ Паулучи препоручилъ ему осмотрѣть казаковъ лифляндскаго ополченія, и что на сей конецъ нужны ему свѣдѣнія: на какомъ основаніи ополченіе восприяло свое начало и какія именно должны состоять въономъ оружейныя и аммуничныя вещи? На сіе отношеніе рижскаго коменданта, курляндскій гражданскій губернаторъ Сиверсъ, отношеніемъ же отъ 22 того же января, отвѣтствовалъ подробно, какъ то явствуетъ изъ приложенія подъ № 20 [5]),

[1]) Приложеніе подъ № 16.
[2]) Приложеніе подъ № 17.
[3]) Приложеніе подъ № 18.
[4]) Подлинникъ не приводится.
[5]) Приложеніе подъ № 20.

увѣдомя его касательно платья и обуви, что лифляндское дворянство все еще недоставляетъ оныхъ. Между тѣмъ курляндскій гражданскій губернаторъ, видя чрезвычайную медленность въ доставленіи лифляндскимъ дворянствомъ положенныхъ рекрутскихъ одеждъ въ лифляндскій казачій полкъ, вынужденнымъ нашелся просить лифляндскаго гражданскаго губернатора, 31 января сего 1813 г. (№ 21 [1]) о принятіи дѣятельнѣйшихъ мѣръ къ приведенію во исполненіе сей обязанности лифляндскаго дворянства. Онъ увѣдомилъ его, что по недостатку теплой одежды многіе казаки онаго полка не только изнуряются отъ холода, но даже и умираютъ, и поставилъ ему на видъ указъ правительствующаго сената отъ 22 августа и предварилъ его, что принужденнымъ себя найдетъ представить на основаніи сего указа, буде рекрутскія одежды для лифляндскаго казачьяго полка доставлены не будутъ. Но какъ полкъ остался и за симъ безъ одеждъ и продовольствія, то курляндскій гражданскій губернаторъ Сиверсъ 11 февраля сего года (№ 22 [2]) вновь рапортомъ вошелъ къ г. рижскому военному губернатору, въ коемъ изъяснивъ, что съ 10 января онъ содержалъ весь полкъ на собственномъ своемъ иждивеніи, просилъ о приказаніи коммисіи рижскаго провіантскаго депо учинить съ нимъ разсчетъ, и доставить ему издержанную сумму; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ донесъ господину генералъ-лейтенанту маркизу Паулучи, что лифляндское дворянство все еще не доставляетъ въ полкъ нужныхъ вещей и платья, въ коемъ оный полкъ не перестаетъ нуждаться.

Въ послѣдствіи сихъ переписокъ лифляндскій казачій полкъ былъ наконецъ расформированъ, проведя всю зиму безъ теплой одежды, какъ-то: безъ шинелей, безъ полушубковъ, галстуковъ, перчатокъ, чулокъ и рубахъ; чрезъ что казаки не только пострадали здоровьемъ, но и многіе изъ нихъ померли въ госпиталѣ отъ простуды. Курляндскій же гражданскій губернаторъ и по нынѣ остается въ ожиданіи полученія въ возвратъ денегъ, израсходованныхъ имъ на содержаніе и на продовольствіе полка.

Въ заключеніе курляндскій гражданскій губернаторъ долгомъ поставляетъ приложить у сего подъ (№ 23 [3]) вѣдомость, поданную ему командиромъ митавскаго баталіона внутренней стражи майоромъ Кильхеномъ, изъ коей явствуетъ, сколько латыши наклонны къ побѣгу и сколь трудно искоренить въ нихъ предразсудки противъ воинской службы даже и тогда, когда они получаютъ хорошую

[1]) Приложеніе подъ № 21.
[2]) Приложеніе подъ № 22.
[3]) Изъ вѣдомости видно, что часть бѣжала тайно, а часть вслѣдствіе бунта.

одежду и сытную пищу; а потому и неудивительно, что множество ратниковъ лифляндскаго ополченія и казачьяго полка разбѣжались, ибо они претерпѣвали крайній недостатокъ въ одеждѣ, и будучи голы и босы, принуждены были въ глубокую осень и даже зимою къ крѣпостной работѣ, не взирая на многократныя представленія курляндскаго гражданскаго губернатора касательно терпимыхъ ими недостатковъ.

Къ представленію Курляндскаго гражданскаго губернатора Сиверса, необходимо добавить слѣдующее: рижскій военный губернаторъ маркизъ Паулучи, по настоятельной просьбѣ лифляндскаго и курляндскаго дворянства, вошелъ со всеподданнѣйшимъ рапортомъ отъ 9 ноября 1813 г. за № 870, въ которомъ говоритъ, что: «не недостатокъ въ патріотизмѣ, ниже малая приверженность ихъ (остзейскихъ дворянъ) къ государству» — заставляетъ его просить объ облегченіи рекрутской повинности, уменьшеніи налоговъ, и даже о томъ, чтобы дворянство вовсе было избавлено отъ поставки рекрутъ потому-что: «изъ опытовъ видно, что послѣ всякаго набора госпитали наполняются сими людьми».

На всеподданнѣйшемъ же рапортѣ тайнаго совѣтника Сиверса отъ 28 октября 1813 года, при которомъ были представлены всѣ приводимыя нами приложенія, написано: «Доложено 13 декабря и высочайше повелѣно оставить сіе дѣло».

ПРИЛОЖЕНІЯ.

№№ 1 по 4 опущены по безъинтересности ихъ.

№ 5. Переводъ переправленнаго г. ген.-лейтенантомъ Эссеномъ провозглашенія тайнаго совѣтника Сиверса къ лифляндскому дворянству.

Благородные мои собратія! Великій нашъ монархъ пригласилъ всѣхъ вѣрноподданныхъ своихъ, вооружить внутри государства новую армію въ подкрѣпленіе храбрыхъ войскъ, уже начавшихъ бой за отечество съ тираномъ все опустошающимъ,—съ тираномъ, который обманомъ и хитростію приобрѣлъ свое могущество, и большую часть Европы оковалъ чрезъ то цѣпями подлѣйшаго рабства и ввергъ человѣческій родъ въ неимовѣрнѣйшія бѣдствія. Одни Гишпанцы противустоятъ его хитрымъ оборотамъ и силѣ его, одушевляясь чувствомъ вѣрности къ монарху и отечеству своему, единодушіемъ и мужественною, неистощимою храбростію.

Благородные собратья мои! Кто изъ насъ, кто изъ достойнаго нашего братскаго сословія, кто изъ благомыслящихъ лифляндцовъ и эстляндцовъ пожелаетъ менѣе учинить въ семъ рѣшительномъ времени? Отецъ отечества, величайшій нашъ благодѣтель, августѣйшій

нашъ монархъ произнесъ непоколебимое свое намѣреніе непокинуть оружія, пока врагъ не изгнанъ будетъ изъ предѣловъ отечества, и пока славный миръ не осѣнитъ оное. Для споспѣшествованія къ сей цѣли, для защищенія нашей собственности, нашихъ женъ и дѣтей, да пожертвуемъ добровольно всѣми силами нашими; да одушевясь духомъ рыцарскаго союза, мы силу отечественнаго единодушія дадимъ почувствовать врагу, который сражается только какъ разбойникъ или какъ принужденный рабъ.

Составимъ конницу; вооружимъ 25-го человѣка; соединясь съ казаками, нападемъ на непріятеля съ тылу и посредствомъ сей диверсіи отрѣжемъ ему путь къ ретирадѣ, когда наша армія поражать его будетъ съ переда. Курляндія, цвѣтущая и плодородная Курляндія, должна была быть пожертвована превосходной силѣ непріятельской, и стонаетъ уже подъ тяжелымъ, несноснымъ игомъ его.

Да не будемъ выжидать для себя таковаго-же жребія. Да одушевитъ насъ духъ славныхъ предковъ нашихъ, оныхъ рыцарей, которые въ Венденѣ сами себя взорвали въ воздухъ съ величайшимъ хладнокровіемъ... Да будетъ въ бою зовомъ нашимъ: „царь и отечество!... умереть или побѣдить!“

Имѣя 65 лѣтъ отъ роду, я неощущалъ старости, дѣйствуя въ той отличной должности, которою меня почтилъ августѣйшій монархъ.

Собратья! вы вновь можете оживить въ жилахъ моихъ огонь юности, естьли я увижу возставшихъ васъ съ рыцарскою храбростію; естьли подадите мнѣ случай сражаться въ кругу вашемъ. Возстаньте! спѣшите ко мнѣ! соединясь съ вами руку въ руку, содѣлаемся достойными предковъ нашихъ и примѣромъ для нашихъ потомковъ!— Умремъ или побѣдимъ!!

№ 6. Переводъ представленія лифляндской ландратской коллегіи къ г. рижскому военному губернатору, генералъ-лейтенанту и кавалеру Эссену 1-му.

Ландмаршалъ баронъ фонъ-Шульцъ объявилъ сей ландратской коллегіи запросы тайнаго совѣтника и кавалера Сиверса, коимъ онъ предлагаетъ о разныхъ дополнительныхъ отпускахъ провіанта, платья и фуража для отданнаго уже ополченія, и коими также требуетъ размѣна людей и лошадей, которые будучи приняты въ ополченіе годными, и въ годности коихъ хотя и получены квитанціи, при всемъ томъ нынѣ признаны къ службѣ неспособными.

Репрезентативный комитетъ, несчитающій себя въ правѣ вооружить собственно отъ себя ополченіе и основываясь на семъ правѣ, испросившій отъ вашего превосходительства вызовъ чрезвычайнаго

ландтага, не находитъ себя въ состояніи согласиться на упомянутыя требованія г. тайнаго совѣтника и кавалера Сиверса, поелику они отнюдь не согласны съ ландтагскимъ заключеніемъ, которое, бывъ сочинено въ присутствіи самого г. тайнаго совѣтника, было представлено вашему превосходительству 19 августа сего года въ сопровожденіи письма отъ г. тайнаго совѣтника. Онъ же, г. тайный совѣтникъ и кавалеръ Сиверсъ объявилъ репрезентативному комитету, что во время отбытія его въ С.-Петербургъ г. полковникъ и кавалеръ баронъ фонъ-Икскуль Гильденбантъ уполномоченъ принимать вмѣсто его на мызѣ Ранценъ людей, лошадей и персели (связка, вмѣщающая въ себѣ всѣ для одежды ратниковъ и для конной сбруи нужные матеріалы). Сіе распоряженіе восполнено было относительно къ большой части ополченія, которое было принято и въ отдачѣ коего получены квитанціи, слѣдовательно оно было признано годнымъ. Если же послѣ того отданные люди и лошади потерпѣли отъ пребыванія въ Ранценѣ въ продолженіи четырехъ недѣль, большею частію на чистомъ воздухѣ, безъ должнаго призрѣнія и чрезъ то оказались между ими недостатки: то ихъ нельзя приписать отдатчикамъ, которые въ исправномъ выполненіи своей обязанности получили квитанціи. Къ тому же весьма бы содѣлалось затруднительнымъ возвратить каждому хозяину лошадь его, ибо на квитанціяхъ, пріемщикамъ выданныхъ, неозначены примѣты коней. Вашему превосходительству извѣстно, какое именно платье опредѣлено ландтагомъ для сего ополченія, и что сіе ополченіе должно было получить отъ земства только на одинъ мѣсяцъ провіантъ, деньги и фуражъ, ибо его превосходительство тайный севѣтникъ Сиверсъ увѣрилъ дворянство на ландтагѣ, что коль скоро ополченіе будетъ въ комплектѣ, оно будетъ снабжено всѣмъ нужнымъ продовольствіемъ высокою короною.

А потому ландратская коллегія покорнѣйше проситъ вашего превосходительства опредѣлить, дабы все дѣло осталось въ прежнемъ положеніи своемъ, и дабы не требовано было дополнительнаго отпуска провіанта, фуража и платья, а люди и лошади лифляндскаго ополченія обмѣниваемы не были. Дерптъ, 12 октября 1812 года.

От имени благороднаго рыцарства и земства герцогства лифляндскаго О. М. Фонъ-Рихтеръ, присутствующій ландратъ Г. Ф. Гартвигъ, за секретаря.

№ 7. Отвѣтъ тайнаго совѣтника и кавалера Сиверса къ господину рижскому военному губернатору.

Вашему превосходительству приношу чувствительную благодарность за милостивое сообщеніе мнѣ представленія присутствующаго ландрата отъ 12 октября; но вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ изъявить чрезвычайное мое удивленіе о содержаніи онаго, ибо я никогда не ожидалъ отъ ландратской коллегіи, чтобы оная могла начальствующему въ губерніи представить неправду, дабы чрезъ то переложить вину помѣщиковъ, отдавшихъ неспособныхъ людей и лошадей на отвѣтственность пріемщика г-на полковника барона Икскуля; но еще того менѣе считалъ я ландратскую коллегію способною возстать противъ меня коварнымъ и непристойнымъ обвиненіемъ. Въ доказательство же, что она дѣйствительно донесла вашему превосходительству неправду, честь имѣю представить вамъ ниже сего изложеніе всего дѣла, основывающееся на журналѣ:

21-го августа возвратился курьеръ, коего я съ ландтага изъ Дерпта посылалъ къ вашему превосходительству, и привезъ мнѣ согласіе ваше на то, дабы только 500 заводскихъ и 500 крестьянскихъ къ казачьей службѣ годныхъ лошадей поставлены были. Естьли принять, что для заготовленія репортиціи, для доставленія оныхъ въ 105-ть кирхшпилей для разсылки ихъ по мызамъ, и наконецъ для поставки лошадей съ мызы на мызу Ранценъ нужны были только 12 дней, то и въ семъ случаѣ первыя лошади могли прибыть туда не прежде какъ 3-го сентября. Между тѣмъ поручикъ Шмидъ, принявъ въ Ранценѣ 189 лошадей, выступилъ уже 5-го сентября изъ Вольмара съ вольнымъ корпусомъ своимъ на Двину, а 16-го сентября полковникъ фонъ-Икскуль выступилъ изъ Ранцена въ Вольмаръ со всѣми принятыми имъ людьми и лошадьми.

18-го числа того же мѣсяца (т. е. сентября) прибылъ я изъ Санктпетербурга въ Ранценъ и не нашелъ уже тамъ ни принятыхъ людей, ни лошадей. Но не взирая на все сіе ландратская коллегія говоритъ, что отъ четырехъ-недѣльнаго будто бы пребыванія въ Ранценѣ на чистомъ воздухѣ безъ должнаго призрѣнія, люди и лошади потерпѣли, отъ чего оказались якобы между ими недостатки; но таковое утвержденіе содѣлывается еще коварнѣе, естьли приступимъ къ изслѣдованію и разсмотрѣнію неспособности людей и лошадей. Неспособность первыхъ состоитъ въ 50-ти и 60-тилѣтнемъ возрастѣ, въ килахъ, струпьяхъ, слабости силъ и въ маломъ ростѣ, такъ что сіи люди едва ли были ростомъ въ два аршина; неспособность лошадей состоитъ въ томъ, что они имѣютъ 15-ть, 20-ть и болѣе лѣтъ, или что суть столь велики, что даже неспособны и къ драгунской служ-

бѣ, а тѣмъ менѣе еще къ легкой кавалерійской.—И всѣ сіи недостатки, по утвержденію ландратской коллегіи, произошли отъ 13-тидневнаго пребыванія въ Ранценѣ... весьма странное по истинѣ утвержденіе ландратской коллегіи! Что же сія коллегія подразумѣваетъ въ выраженіи „безъ должнаго призрѣнія", для меня совершенно непонятно; естьли она говоритъ о людяхъ, то они всѣ были размѣщены въ 10-ти большихъ покояхъ и корчемныхъ горницахъ; на чистомъ же воздухѣ находились во время пріема одни только отдатчики. Естьли же сказанное ею относится къ лошадямъ, то они паслись на сѣнокосахъ, поелику, по показанію полковника Икскуля, только пять мызъ прислали вмѣстѣ съ лошадьми овесъ и сѣно, а чистить лошадей было невозможно потому, что даже и по сіе время скребницъ и щетокъ не имѣется; вѣроятно коллегія не знала, что большое число отданныхъ людей не имѣютъ ни рубахъ, ни подштанниковъ, ни шапокъ, ни чулокъ, ни сапогъ, ни постелей, а то вѣрно бы она не упустила случая и сіи недостатки отнести на счетъ тринадцатидневнаго пребыванія ополченія въ Ранценѣ.

Но еще сего непонятнѣе для меня слова ландратской коллегіи, что „репрезентативный комитетъ не находитъ себя въ состояніи согласиться на упомянутыя требованія тайнаго совѣтника и кавалера Сиверса, поелику они отнюдь несогласны съ ландтагскимъ заключеніемъ". Развѣ ландтагъ опредѣлилъ, чтобы въ ополченіе отданы были 50-ти или 60-ти-лѣтніе старики, люди голые, страдающіе отъ килъ и струпьевъ, калѣки и престарѣлыя клячи, коихъ только обмѣна нынѣ требуется?! и что хочетъ сказать ландтагская коллегія израженіемъ, что я объявилъ репрезентативному комитету, что на время пребыванія моего въ Санктпетербургѣ уполномоченъ полковникъ Икскуль принимать людей, лошадей и персели въ Ранценѣ? (о перселяхъ и рѣчь еще не шла, когда я отъѣзжалъ въ Санктпетербургъ, да и не могла быть о нихъ рѣчь, ибо я отъѣхалъ въ столицу спустя нѣсколько часовъ по прибытіи курьера). Развѣ въ семъ объявленіи заключается позволеніе отдавать на ополченіе неспособныхъ людей и лошадей; наконецъ отдатчики получили только временныя и предварительный квитанціи въ пріемѣ отъ нихъ лошадей и людей, а не въ способности ихъ, о коей полковникъ Икскуль одинъ судить никакъ не хотѣлъ. Итакъ, есть ли коллегія полагаетъ, „что весьма бы содѣлалось затруднительнымъ возвратить каждому хозяину лошадь его потому, что на квитанціяхъ, пріемщикамъ выданныхъ, неозначены примѣты коней",—то совсѣмъ неупоминаема мною была отдача каждому помѣщику его лошади, но рѣчь шла о возвращеніи неспособныхъ людей и лошадей. Въ заключеніе скажу, что таковое мнѣніе ландрат-

ской коллегіи предполагаетъ такое малодушіе, которое, по мнѣнію моему, не сродно ни одному помѣщику.

Опровергнувъ симъ справедливымъ изложеніемъ всего дѣла представленіе ландратской коллегіи, и не осмѣливаясь представить вашему превосходительству ополченія, во уваженіе сожалѣнія достойнаго его положенія, а тѣмъ еще менѣе вывесть оное противъ непріятеля въ осмѣяніе всего лифляндскаго дворянства (хотя сражаться съ непріятелемъ есть единая цѣль его вооруженія), покорнѣйше прошу ваше превосходительство приказать, дабы присутствующій ландратъ немедленно бы прибылъ въ Ригу, гдѣ въ присутствіи его, а равно и ландмаршала, воинскаго офицера и врача могло бы произведено быть освидѣтельствованіе въ томъ, которые именно люди ополченія и лошади годны къ воинской службѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ предписать, дабы сіи люди одѣты были согласно рекрутскому положенію, каковое распоряженіе будетъ тѣмъ совмѣстнѣе, что, по представленію вашего превосходительства, Лифляндія отъ рекрутскаго набора освобождена.

Впрочемъ я совершенно увѣренъ, что лифляндское дворянство, въ готовности къ спасенію отечества и въ преданности своей ко престолу его императорскаго величества, не захочетъ ни въ чемъ уступить прочимъ губерніямъ государства, при каковомъ случаѣ поставляю въ примѣръ изъ всѣхъ прочихъ только одну Санктпетербургскую губернію, которая десятаго человѣка, весьма хорошо одѣтаго и всѣмъ снабженнаго, выставила уже къ корпусу графа Витгенштейна.

Примѣч.: №№ 8 и 9 приложеній опущены по безъинтересности ихъ.

10. Списокъ съ рапорта г. рижскому губернатору и главнокомандующему маркизу Паулучи отъ курляндскаго гражданскаго губернатора, тайнаго совѣтника Сиверса отъ 4 ноября 1812.

По наступленіи зимняго времени и по неимѣнію теплой одежды, лифляндскаго ополченія люди, которые ежедневно приходятъ въ ослабленіе, будучи не въ состояніи переносить холодъ и чинятъ побѣгъ, какъ то во время выступленія отсюда на мызу Икскуль бѣжало изъ корпуса 21, а отъ крѣпостныхъ работъ 19 работниковъ; ибо, какъ уже и предмѣстнику вашего превосходительства доносимо было, люди ополченія не имѣютъ ни шубъ, ни порядочнаго мужичьяго кафтана, ни шапокъ и сапогъ, ни рукавицъ; а потому, опасаясь, дабы и прочіе въ одеждѣ крайне нуждающіеся не учинили таковаго жъ побѣга, я за нужное почелъ обстоятельство сіе представить на благоусмотрѣніе вашего превосходительства.

Примѣч.: №№ 11 и 12 опущены.

№ 13. Списокъ съ рапорта курляндскаго гражданскаго губернатора, рижскому военному губернатору генералъ-лейтенанту маркизу Паулуччи отъ 9 ноября 1812 года № 112.

Во исполненіе приказанія вашего превосходительства отрядилъ я, 6-го числа сего мѣсяца, изъ Юмфергофа въ Фридрихштатъ одинъ эскадронъ казаковъ лифляндскаго ополченія съ капитаномъ Дреслеромъ, о чемъ я тогожъ числа доносилъ; но нынѣ узналъ, что по нападеніи тогожъ числа въ 9 часовъ по полуночи захвачены непріятелемъ въ плѣнъ 4 офицера и 86 казаковъ, 90 лошадей (изъ коихъ два явились ко мнѣ, спасшіеся посредствомъ бѣгства безъ лошадей).

№ 14. Списокъ съ отношенія начальника лифляндскаго ополченія тайнаго совѣтника Сиверса къ г. генералъ-лейтенанту Ловизу отъ 18 ноября 1812 г., № 163.

Честь имѣя возвратить къ вашему превосходительству сообщенный мнѣ вами рапортъ маіора Телышевскаго, долгомъ поставляю увѣдомить васъ, милостивый государь, что я уже при случаѣ выступленія ополченія въ походъ представлялъ г. главнокомандующему о бѣдственномъ состояніи ратниковъ, кои уже и тогда были почти наги и вовсе босы; а какъ съ того времени ихъ положеніе не удобрилось, то и не удивительно, что они чинятъ побѣги. Но какъ нынѣ, по высочайшему повелѣнію, изъ людей лифляндскаго ополченія имѣетъ быть составленъ казачій полкъ, другіе же помѣщены будутъ по полкамъ или возвратятся по домамъ своимъ, то для пересмотра и выбора людей лифляндскаго ополченія, нынѣ подъ командою вашего превосходительства находящихся, покорнѣйше прошу приказать ротмистру Лоренцу прибыть немедленно въ Ригу съ отрядомъ его; когда они будутъ осмотрѣны, выбраны и одѣты, то, по требованію вашего превосходительства, я опять отряжу сколько и куда вамъ угодно одѣтыхъ и вооруженныхъ казаковъ.

Примѣч.: Приложеніе № 15 опущено.

№ 16. Списокъ съ отношенія рижскаго военнаго губернатора генералъ-лейтенанта маркиза Паулуччи, къ курляндскому гражданскому губернатору, тайному совѣтнику Сиверсу отъ 4 декабря 1813 г. № 276.

На отношеніе ко мнѣ вашего превосходительства № 238 увѣдомить честь имѣю, что какъ составляемый изъ лифляндскаго ополченія казачій полкъ отправляется на мызу Роопъ, единственно для сформированія и обученія онаго, то по симъ причинамъ впредь до употребленія его на дѣйствительную службу и не могу я приказать имъ выдавать винную и мясную порціи.

№ 17. Списокъ съ рапорта шефа лифляндскаго казачьяго полка, тайнаго совѣтника Сиверса, рижскому военному губернатору, генералъ-лейтенанту маркизу Паулучи, отъ 9 генваря 1813 года № 8.

Вашему высокопревосходительству имѣю честь почтеннѣйше донести, что лифляндскій казачій полкъ прибылъ въ Митаву и расположенъ на мызахъ: Вирцау, Гренцгофъ, Швертгофъ и Бергфридъ, который я вчерашняго числа усмотрѣлъ и нашелъ лошадей въ такомъ жалостномъ и разоренномъ положеніи, что они до поправленія вовсе къ употребленію негодны; но отчего они приведены въ такое состояніе, находившись на мѣстѣ въ мызѣ Роопъ болѣе мѣсяца безъ употребленія — мнѣ неизвѣстно. Я за долгъ почелъ вашему превосходительству о семъ донести и просить, не благоугодно ли будетъ приказать освидѣтельствовать, дабы я не могъ за дурное смотрѣніе командира отвѣтствовать; найдя же въ числѣ томъ лошадей сопатыхъ и коростовыхъ, приказалъ я тотчасъ (ихъ) разстрѣлять, дабы не были и другія подвержены сей болѣзни. А какъ и нижніе чины, не имѣя ничего предположеннаго отъ дворянства, какъ-то: рубашекъ, рукавицъ, галстуковъ, ниже жалованья, кромѣ сдѣланнаго имъ подряда на мундиры, сапоги, панталоны, и потому всепокорнѣйше прошу приказать лифляндскому дворянству все предположенное и вашимъ высокопревосходительствомъ утвержденное для казачьяго полка доставить.

№ 18. Списокъ съ рапорта г. рижскому военному губернатору генералъ-лейтенанту и кавалеру маркизу Паулучи, отъ курляндскаго гражданскаго губернатора, тайнаго совѣтника Сиверса, отъ 11 генваря 1813 года № 12.

На почтеннѣйшее предписаніе вашего превосходительства, отъ 3 сего генваря за № 11, касательно доставленія свѣдѣнія: 1) о сформированіи лифляндскаго казачьяго полка изъ ополченія, какіе именно люди по годности поступили въ полкъ и за негодностію отпущены, какихъ именно мызъ; и 2) всѣ ли предположенія комитета до сформированія казачьяго полка, утвержденные вашимъ высокопревосходительствомъ, приведены въ исполненіе — имѣю честь покорнѣйше донести, что я во время пріема ополченія посыланъ былъ по особому порученію отъ г. главнокомандующаго корпусомъ войскъ, генералъ-лейтенанта и кавалера Эссена 1-го къ государю императору въ С.-Петербургъ, а по возвращеніи въ Ригу, задержанъ былъ тамъ для надзора въ рижскомъ военномъ госпиталѣ, а пріемъ весь былъ порученъ г. полковнику Иксулю, который принялъ 2076 человѣкъ; а когда ополченіе прибыло въ Ригу и я, найдя во ономъ множество

неспособныхъ къ службѣ людей, подалъ о томъ рапортъ, ваше высокопревосходительство, для разбора людей годныхъ и неспособныхъ къ службѣ учредили комитетъ подъ предсѣдательствомъ моимъ и я во время сего одержимъ былъ болѣзнію, то ежедневно собирался въ квартирѣ моей комитетъ и члены сего комитета, чинили при лекарѣ свидѣтельство того ополченія людямъ годнымъ къ службѣ, а негоднымъ даны были билеты для возврата въ домы ихъ. Протоколъ велъ г. оберъ-аудиторъ Дурново, но какъ онъ писалъ только имена и отечества принятыхъ и непринятыхъ людей, а изъ которыхъ мызъ не означалъ, то дабы привесть сіе въ ясность посланъ былъ г. Шрейдеръ, заступившій мѣсто ландмаршала барона Шульца, который вашимъ превосходительствомъ отпущенъ былъ въ Дерптъ; Шрейдеръ же, взявши все дѣло съ собою въ Роопъ, по возвращеніи его изъ оной мызы умеръ; и такъ я по сему самому и по неимѣнію комитетскихъ дѣлъ отвѣту дать не въ состояніи, а равно и въ комитетѣ нынѣ присутствовать не имѣю. Касательно жъ утвержденнаго вашимъ превосходительствомъ предположенія какъ въ доставленіи казакамъ рубашекъ, фуражекъ, чемодановъ, рукавицъ и проч., даже и жалованья нижнимъ чинамъ лифляндское дворянство донынѣ не доставило.

Примѣч.: Приложеніе № 19 опущено.

№ 20. Списокъ съ отношенія курляндскаго гражданскаго губернатора тайнаго совѣтника Сиверса къ рижскому коменданту генералъ-лейтенанту Эмме отъ 22 генваря 1813 года, № 40.

На почтеннѣйшее отношеніе вашего превосходительства отъ 18 сего генваря, о доставленіи свѣдѣнія, на какомъ основаніи лифляндскаго ополченія казаки воспріяли свое начало, какія именно на людяхъ оружейныя и аммуничныя вещи и въ какихъ срокахъ состоятъ, какое число должно состоять при нихъ строевыхъ и подъемныхъ лошадей, упряжи и обоза — имѣю честь изъяснить слѣдующее: что сдѣлано ополченіе отъ лифляндскаго дворянства во время то, когда я былъ, по особому порученію отъ господина главнокомандующаго, отправленъ въ С.-Петербургъ къ государю императору, и возвратясь оттуда, по его жъ порученію, остался въ Ригѣ; по прибытіи ополченія осмотрѣлъ я оное и нашелъ много людей неспособныхъ къ службѣ: однихъ за старостію, другихъ по болѣзни и малолѣтству, нагихъ и босыхъ. О чемъ я представлялъ, чтобы приказано было освидѣтельствовать ландмаршалу Шульцу и неспособныхъ отправить на тѣ мызы, откуда они отданы. А 12 числа минувшаго ноября главнокомандующій войскомъ, рижскій военный губернаторъ и кавалеръ маркизъ

Паулуччи въ предложеніи своемъ, данномъ мнѣ съ изъявленіемъ высочайшаго указа, отъ 9 ноября послѣдовавшаго, гдѣ повелѣно 1) поступившихъ въ ополченіе людей по одному со ста душъ замѣнить въ число рекрутъ, исключая неспособныхъ, которые перемѣнены должны быть годными къ службѣ рекрутами; 4) изъ людей бывшихъ въ ополченіи составить казачій полкъ до 800 человѣкъ, и какъ они зачтены будутъ за рекрутъ, имѣть въ виду, что люди сіи впослѣдствіи должны быть обращены въ регулярную кавалерію; 5) изъ ополченія оставить только нужное число офицеровъ, а прочихъ распустить; 6) сей полкъ укомплектовать изъ поставленныхъ дворянствомъ лошадей для ополченія, а другихъ за укомплектованіемъ обратить въ артиллерію сего корпуса; 7) содержаніе казачьяго полка остается до окончанія войны на иждивеніи дворянства; изъ него и изволите усмотрѣть начало, на какомъ основаніи воспріялъ сей полкъ. Оружейныя и аммуничныя вещи имѣются у нихъ отпущенныя изъ арсеналовъ — сабли, пистолеты и пики; а аммуничныя по утвержденію бывшаго рижскаго военнаго губернатора Эссена 1-го; подряжено за кафтанъ, шаравары, сапоги и патронташъ по 45 рублей; затѣмъ по недостатку же предположено каждому казаку доставить лифляндскому дворянству по одной шинели, по одной рубашкѣ и двое порты, фуражку, чемоданъ и мѣшокъ для овса, рукавицы съ теплыми варешками, трое портянокъ, суконные онучи или чулки шерстяные, запасные сапоги и полушубки; но сихъ потребностей дворянство и донынѣ не доставило и сроку всему оному никакого не предположено; строевыхъ же лошадей въ лифляндскомъ казачьемъ полку положено по штату комитетомъ и утвержденному главнокомандующимъ строевыхъ лошадей 858 и подъемныхъ 12, съ упряжью и повозками.

№ 21. Списокъ съ отношенія курляндскаго гражданскаго губернатора, тайнаго совѣтника Сиверса къ лифляндскому гражданскому губернатору, дѣйствительному статскому совѣтнику Дюгамелю отъ 31 генваря 1813 г. № 58.

Чрезвычайныя медленности въ доставленіи лифляндскимъ дворянствомъ положенныхъ рекрутскихъ одеждъ въ лифляндскій казачій полкъ, вынуждаютъ меня просить ваше превосходительство о принятіи дѣятельнѣйшихъ мѣръ къ приведенію въ исполненіе сей обязанности лифляндскаго дворянства. Ибо я не могу не сообщить вашему превосходительству, что по недостатку теплой одежды весьма многіе казаки онаго полку не только изнуряются отъ холода, но даже и умираютъ. Сіи обстоятельства, весьма для меня непріятныя, побуждаютъ меня, по сообщеніи оныхъ вамъ, милостивый государь мой,

постановить на видъ вашему превосходительству указъ правительствующаго сената отъ 22 августа и предварить ваше превосходительство, что я принужденнымъ себя найду представить, на основаніи сего указа правительствующаго сената, буде рекрутскія одежды для лифляндскаго казачьяго полка въ скорѣйшемъ времени представлены не будутъ. Я увѣренъ, что ваше превосходительство отнесете какъ содержаніе сего отношенія, такъ и неудовольствіе мое на упомянутую медленность ни къ чему другому, какъ только къ попеченію моему о страждущихъ ратникахъ и къ наблюденію правилъ службы.

№ 22. Списокъ съ рапорта рижскому военному губернатору и кав. маркизу Паулучи отъ курляндскаго гражданскаго губернатора, тайнаго совѣтника Сиверса отъ 11 февраля 1813 года № 68.

Предписаніемъ вашего высокопревосходительства отъ 30 минувшаго ноября повелѣно, чтобы лифляндское дворянство доставило фуражъ или на оный деньги для лифляндскаго казачьяго полка, находившагося въ Роопѣ, которое однакожъ во время нахожденія тамъ полка за ноябрь и декабрь мѣсяцы ни денегъ ни фуража не доставило, и я принужденнымъ находился оный продовольствовать изъ имѣющихся у меня разныхъ суммъ тѣ мѣсяцы и по 11-е число сего февраля; почему представляя о семъ вашему высокопревосходительству, покорнѣйше прошу дать вашей коммиссіи рижскаго провіантнаго депо предписаніе, дабы оная учинила со мной разсчетъ и по окончаніи онаго доставила издержанную мною сумму. А какъ лифляндскаго полка люди и до сего времени не имѣютъ положенныхъ вещей, какъ-то: рубахъ, рукавицъ, шинелей и проч., то я обязанностію почитаю о семъ донести и просить о понужденіи лифляндскаго дворянства къ доставленію оныхъ.

Сообщ. А. Н. Петровъ.

Письмо императора Александра I-го къ маркизу Паулучи.

11-го марта 1814 г.

Считаемъ не лишнимъ привести здѣсь одинъ документъ, хотя и не относящійся непосредственно къ дѣлу о лифляндскомъ ополченіи 1812 года, но имѣющій значеніе, какъ доказательство особаго взгляда на отношенія лифляндцевъ къ общему строю русскихъ государственныхъ учрежденій.

Въ 1814 году, 11 марта, императоръ Александръ I писалъ рижскому военному губернатору генералъ-лейтенанту маркизу Паулучи:

„Дошло до свѣдѣнія моего, что посыланный по предписанію министра внутреннихъ дѣлъ чиновникъ, для учрежденія всего, до почтовой части относящагося, къ путешествію ея величества государыни императрицы Елисаветы Алексѣевны, посаженъ былъ вами подъ караулъ, и что вы публично отзывались, что не долженъ министръ смѣть въ вашей губерніи посылать никого.

Я нахожу поступокъ таковой неприличнымъ для службы и противнымъ учрежденному мною порядку, тѣмъ болѣе, что посылка означеннаго чиновника, не касаясь до должности рижскаго военнаго губернатора, основана была на правилахъ почтоваго начальства, которое во всѣхъ губерніяхъ цѣлой имперіи находится подъ управленіемъ министра внутреннихъ дѣлъ.

Къ сему еще я долженъ вамъ замѣтить, что въ семъ поступкѣ вашемъ, даже справедливость нарушена, ибо за что пострадалъ подчиненный, исполняющій единственно приказанія своего начальства?“

Сообщ. А. Н. Петровъ.

Письмо гр. Н. П. Румянцова и отвѣтъ императора.

3 генваря 1813 г.*).

Всемилостивѣйшій Государь! Я получилъ отъ графа Ливена донесеніе, что отъ принца регента было сдѣлано въ парламентѣ предложеніе съ приглашеніемъ подать ему средства ко вспоможенію и облегченію россійскихъ подданныхъ, претерпѣвшихъ разореніе отъ непріятельскаго нашествія, что по сему поводу происходили обыкновенныя пренія, и что, наконецъ, оное предложеніе было принято и на сей предметъ назначено до 200,000 фунтовъ стерлинговъ, кромѣ того, что могутъ принести подписки частныхъ людей въ Англіи.

*) Заимствуемъ эти документы и три послѣдующіе изъ бумагъ Шишкова. Александръ Семеновичъ Шишковъ род. въ 1754 г., воспитывался въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ; проходя морскую службу — онъ достигъ въ 1799 году чина вице-адмирала; въ 1805 г. Шишковъ назначенъ президентомъ Адмиралтейскаго департамента. При наступленіи отечественной войны Александръ Семеновичъ былъ назначенъ государственнымъ секретаремъ и вездѣ слѣдовалъ за императоромъ Александромъ Павловичемъ. Всѣмъ извѣстно, что манифесты и указы той эпохи—принадлежатъ перу Шишкова. Печатаемыя здѣсь бумаги приводятся либо съ подлинниковъ, либо, какъ первые два документа, съ копій руки Шишкова. Ред.

Графъ Ливенъ, узнавъ о семъ, отозвался, что онъ, не входя ни въ какія объясненія, будетъ ли таковое предложеніе у насъ принято, полагаетъ однако-же, что оный подвигъ, какъ новое доказательство дружественнаго расположенія, безъ сомнѣнія, будетъ пріятенъ для вашего величества.

О всѣхъ сихъ обстоятельствахъ сообщилъ мнѣ также изустно лордъ Катгартъ, бывшій у меня вчерась на конференціи.

Изъ разговоровъ его замѣтно было, что онъ не надѣется, чтобы назначенная сумма могла быть переведена сюда вся наличными деньгами, но полагалъ, что взамѣну оной могутъ быть присланы англійскія издѣлія. Онъ, казалось мнѣ, разсуждалъ, что сіе пособіе должно распространиться исключительно на людей низкаго состоянія, ибо разсчитывалъ, что число ихъ простирается до 50 тыс. человѣкъ, и что на каждаго можно опредѣлить до 50 рублей деньгами, а остальное вещами, нужными наипаче для одѣянія и обуви. Онъ говорилъ, что сообщитъ мнѣ все сіе письменно; но я не получилъ еще сего сообщенія и предварительно испрашиваю всемилостивѣйшаго позволенія приложить оное здѣсь на случай, есть ли будетъ прислано прежде отправленія сего донесенія.

Я отвѣчалъ лорду Катгарту, что сей подвигъ, обнаруживая истинное дружелюбіе къ намъ народа англинскаго, конечно, по сему самому заслуживаетъ нашу признательность; но что въ то же время новость и необычайность сего для Россіи предложенія таковы, что я никакъ не могу принять на себя никакого отзыва по сему случаю; но не премину обо всемъ въ подробности донести вашему императорскому величеству, и буду ожидать приказанія вашего.

Представляя все сіе на высочайшее усмотрѣніе вашего величества, я осмѣливаюсь въ то же время умолять васъ, всемилостивѣйшій государь, о высочайшемъ соизволеніи вашемъ отклонить сіе предложеніе, имѣющее видъ милостиннаго подаянія отъ народа чуждаго и иноплеменнаго великодушнымъ подданнымъ обширной вашей имперіи. Я умоляю о семъ, какъ о дѣлѣ, съ коимъ, въ моемъ понятіи, нераздѣльно сопряжены честь и достоинство народа, вамъ подвластнаго. Мы всѣ готовы жертвовать своими избытками въ пользу пострадавшихъ братій нашихъ, и всѣ охотно примемъ новыя повинности, но не допустимъ иностранцевъ, чтобы они когда либо имѣли поводъ хвалиться или упрекать Россію своими подаяніями. Я осмѣливаюсь присовокупить къ сему, что въ предположеніи англинскаго правительства одѣлять неимущихъ нашихъ одеждою и обувью своего издѣлія, легко можетъ скрываться и то намѣреніе, чтобы привить имъ новыя привычки, и среди самаго народа, и между крестьянами посѣять при-

вязанность, вмѣсто отечественной простоты, къ тѣмъ иностраннымъ прихотямъ, которымъ одни только англичане удовлетворить въ состояніи.

Я не ищу въ иныхъ земляхъ примѣровъ для государства нашего; но на сей разъ не могу не привести на память подвига императрицы Маріи Терезіи, которая въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ, и потерявъ почти всѣ свои владѣнія, когда узнала, что въ Англіи приготовляется для нее денежное вспоможеніе, то съ благородствомъ духа, коимъ всегда отличалася, при объявленіи своей благодарности за таковое намѣреніе, отказалася отъ сего предложенія.

Есмь съ глубочайшимъ благоговѣніемъ, всемилостивѣйшій государь, вашего императорскаго величества вѣрноподданный

На подлинномъ подписано: графъ Николай Румянцовъ *).

С.-Петербургъ, генваря 3 дня, 1813.

Написано своеручно карандашемъ, и прислано было отъ Государя ко мнѣ **) для поправки:

„Г. Н. П. ***) Я не могу никакъ согласиться на мнѣніе ваше о пособіи, назначенномъ отъ великобританскаго народа, потерпѣвшимъ россіянамъ отъ нынѣшней войны. Пора погасить въ насъ духъ надменности. Пора вселить вмѣсто онаго тѣ смиренныя добродѣтели, кои однѣ могутъ соединять и связывать родъ человѣческій. Пора въ иноплеменныхъ зрѣть братіевъ, особливо когда они обращаются къ намъ съ добрыми, горячими чувствами. Когда державы не стыдились принимать пособія отъ другихъ державъ для пролитія крови человѣческой, какой стыдъ или унижені́е достоинства можетъ предстоять въ принятіи разореннымъ частнымъ лицамъ, пособія отъ собратій своихъ въ иной землѣ обитающихъ, и желающихъ по человѣколюбію имъ помочь? Почто препятствовать симъ братскимъ и столь неоцѣненнымъ чувствамъ? Какая надменность можетъ когда-либо возродить тѣ пріятныя ощущенія, которыя проистекаютъ отъ дружбы и любви? Что же касается до прилѣпленія народа русскаго къ чужимъ привычкамъ, на сей счетъ можно быть спокойну.

---

*) Графъ Николай Петровичъ Румянцовъ (род. 1754 † 1826 г.) съ 1807 г.— министръ иностранныхъ дѣлъ, съ 1809 г. государственный канцлеръ, въ 1810 г. былъ наименованъ Предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта. Вѣсть о вторженіи Наполеона въ предѣлы Россіи—такъ поразила Румянцова, что онъ получилъ апоплексическій ударъ; онъ самъ тогда же удалился отъ дѣлъ и въ 1814 году получилъ отставку—будучи во все продолженіе отечественной войны какъ-бы въ немилости.

**) А. С. Шишкову.

***) То-есть: графъ Николай Петровичъ. Ред.

Привязанность его къ своимъ обычаямъ ясно оказывается вездѣ и во всѣхъ случаяхъ. Посему предписываю вамъ, по полученіи сообщенія отъ великобританскаго посла, оное мнѣ доставить для принятія нужныхъ мѣръ по сему предмету. Преб. и пр.

Примѣчаніе А. С. Шишкова: Рѣчь показалась мнѣ темна, и потому перепpавилъ я слѣдующимъ образомъ: «можетъ-ли надменность когда-либо сравняться съ тѣми пріятными чувствованіями, которыя проистекаютъ отъ дружбы и любви?» На сіе сказано мнѣ было: «очень хорошо, я то самое сказать хотѣлъ».

О проектѣ приказа росс. войскамъ.

1813 г.

Рукою Государя написано карандашемъ: я желаю получить будѣ возможно манифестъ сего вечера. На пакетѣ написано: Александру Семеновичу Шишкову.

Фрейбургъ. Въ Герцогствѣ Баденскомъ,
12 декабря 1813 года.

Для переправки въ приказѣ, присланномъ ко мнѣ, я поправилъ:

Горящая или пылающая, кажется, немножко стихотворно.

Чтимая, кажется, немножко мало.

Не прикажете-ли поставить:

Святопочитаемая или священночтимая въ душахъ нашихъ православная вѣра?

Государь написалъ карандашемъ:

Святопочитаемая кажется всего приличнее.

NB. Прежде стояло: неизгладимая никогда.

Фрейбургъ. Въ Герцогствѣ Баденскомъ. 25 декабря 1813 года.

Примѣчаніе. Приведенная здѣсь записка, руки Шишкова съ собственноручными отмѣтками императора Александра Павловича, относится къ редакціи «Приказа Россійскимъ войскамъ», отданнаго по арміи въ декабрѣ 1813 г. Самый приказъ, между прочимъ, помѣщенъ въ книгѣ, нынѣ довольно рѣдкой: «Собраніе высочайшихъ манифестовъ, грамотъ, указовъ, рескриптовъ, приказовъ войскамъ и проч. послѣдовавшихъ въ 1812—1816 гг.» Спб. 1816 г., стр. 151. Ред.

Письма императора Александра Павловича къ графу Аракчееву *).

I. 18 октября 1809 г. Графъ Алексѣй Андреевичъ. Не безызвѣстно вамъ, что отъ почтоваго департамента издаваемы будутъ вѣдомости, подъ названіемъ: „Сѣверная Почта", или „Новая С.-Петербургская Газета", надъ коими главный надзоръ поручилъ я, въ особенности, товарищу министра внутреннихъ дѣлъ, тайному совѣтнику Козодавлеву. Главнѣйшая цѣль сего изданія есть та, чтобъ сообщая публикѣ приличныя обстоятельствамъ времени свѣдѣнія, заслуживающія ея вниманія, содержать всегда умы народные въ томъ направленіи, которое наиболѣе соотвѣтствуетъ благонамѣреннымъ видамъ правительства. А какъ, между прочимъ, военныя происшествія весьма много озабочиваютъ праздныхъ людей, которые всякіе слухи и небылицы для собственныхъ выгодъ своихъ разсѣваютъ въ народѣ, то въ пресѣченіе сего зла, и въ отвращеніе могущихъ быть отъ того непріятныхъ послѣдствій, за благо призналъ я предписать вамъ, чтобъ вы сообщали къ товарищу министра внутреннихъ дѣлъ Козодавлеву всѣ тѣ извѣстія по воинской части, которыя приличнымъ образомъ и въ надлежащее время могутъ быть объявляемы въ публикѣ, для помѣщенія оныхъ въ „Сѣверную Почту".

Къ свѣдѣнію публики по военной части долженствуетъ быть сообщаемо слѣдующее:

1) Объ одержанной россійскими войсками какой-нибудь побѣдѣ. Хотя таковыя извѣстія сообщаются реляціями, но подробныя реляціи не могутъ быть объявляемы инако, какъ по прошествіи нѣкотораго времени; въ „Сѣверной же Почтѣ" можетъ о семъ упомянуто быть, хотя и кратко, но весьма скоро, или, лучше сказать, тотчасъ по полученіи увѣдомленія, предоставляя подробное описаніе по прежнему оффиціальнымъ газетамъ.

2) О переходѣ полковъ съ одного мѣста на другое, и о назначеніи ихъ мѣстопребыванія, буде сіе не подлежитъ тайнѣ: напримѣръ, когда полкъ изъ одной губерніи переходитъ въ другую или по дешевизнѣ тамъ съѣстныхъ припасовъ, или для занятія непремѣнныхъ квартиръ, или для укомплектованія какой дивизіи и тому подобное. Предметъ сей весьма много занимаетъ публику и всякое движеніе

*) Въ распоряженіи «Русской Старины» имѣется довольно значительное собраніе писемъ императора Александра I къ Аракчееву. Сообщеніемъ нынѣ печатаемыхъ трехъ писемъ Александра I — мы обязаны письмомъ 1809 г. — А. Н. Петрову и послѣднихъ двухъ—Н. Н. Селифонтову. М. И. Богдановичъ просмотрѣлъ послѣднія два письма и сдѣлалъ приведенныя на нихъ отмѣтки. Ред.

войскъ подаетъ случай къ различнымъ толкамъ, нарушающимъ спокойствіе народное. Слѣдовательно, сообщивъ публикѣ заблаговременно о таковомъ переходѣ полковъ съ краткимъ объясненіемъ назначенія ихъ, можно удалить поводъ къ непристойнымъ заключеніямъ. При томъ, произойдетъ отъ сего и та весьма важная польза, что предпринимаемымъ отъ правительства военнымъ мѣрамъ, можно будетъ дать видъ, сообразный съ общимъ положеніемъ дѣлъ, и приличнымъ политическимъ связямъ съ иностранными державами; и наконецъ.

3) О учрежденіи и состояніи госпиталей и о призрѣніи больныхъ и раненыхъ воиновъ.

Впрочемъ, будучи удостовѣренъ, что вы и въ семъ случаѣ, по извѣстной мнѣ дѣятельности вашей, способствовать будете къ исполненію сей моей воли, пребываю къ вамъ благосклонный

„Александръ".

Въ С.-Петербургѣ, 18 октября 1809 года.

II. Варшава, марта 27-го, 1818 года. Шесть дней тому назадъ получилъ я письмо твое, любезный Алексѣй Андреевичъ, отъ 10-го марта, и возвращаемыя при семъ бумаги. Я нахожу рѣшеніе весьма основательнымъ и въ то же время въ духѣ того милосердія, съ коимъ мы поступали съ самаго начала сего дѣла. Кажется мнѣ, дабы сохранить всю строгую справедливость, можно возвратить изъ сибирскихъ полковъ варшавскихъ посланныхъ, которые, по моему мнѣнію, болѣе принадлежатъ къ третьему или ко второму разряду, нежели къ первому. Если ты согласенъ будешь съ симъ моимъ мнѣніемъ, то тѣ унтеръ-офицеры, которые повезутъ нынѣ туда пять человѣкъ перваго разряда, могутъ назадъ привезти трехъ варшавскихъ посланныхъ. Сіе предоставляю я твоему лучшему собственному соображенію*).

III**). 8-го сентября, 1819 г. Издавна тебѣ извѣстна, любезный Алексѣй Андреевичъ! искренняя моя къ тебѣ привязанность и дружба, и посему ты легко повѣришь тѣмъ чувствамъ, кои ощущалъ я при чтеніи твоихъ бумагъ. Съ одной стороны могъ я въ надлежащей силѣ цѣнить все, что твоя чувствительная душа должна была тер-

---

*) Въ началѣ 1818 года, когда государь находился въ Варшавѣ, для открытія сейма, отправились туда ходаки изъ холынской волости, входившей въ поселеніе Перновскаго гренадерскаго полка, для принесенія императору жалобы на графа Аракчеева. Здѣсь идетъ рѣчь объ этихъ людяхъ.
М. Богдановичъ.

**) Здѣсь дѣло идетъ о военномъ судѣ, наряженномъ по случаю бунта, лѣтомъ 1819 года, въ чугуевскомъ и таганрогскомъ округахъ военнаго поселенія.
М. Богдановичъ.

пѣть въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ ты находился. Съ другой я умѣю также и цѣнить благоразуміе, съ коимъ ты дѣйствовалъ въ сихъ важныхъ происшествіяхъ. Благодарю тебя искренно отъ чистаго сердца за всѣ твои труды.

Происшествіе конечно прискорбное, но уже когда по несчастію случилось оное, то не оставалось другого средства изъ онаго выйдти, какъ давъ дѣйствовать силѣ и строгости законовъ.

Съ большимъ вниманіемъ читалъ я просьбу отъ тебя оригиналомъ мнѣ присланную и которую здѣсь включаю, дабы строго, искренно и безпристрастно намъ насъ самимъ вопросить: выполнено-ли нами все нами обѣщанное полку? Не имѣвъ съ собою положенія и грамоты данной полку, сего я теперь рѣшить не могу. Но прошу тебя искренно, обрати твое вниманіе на сей предметъ и при личномъ со мною свиданіи представь мнѣ опять сію оригинальную просьбу съ своими по оной замѣчаніями. Я нѣкоторыя мѣста карандашемъ отмѣтилъ.

Пребываю на вѣкъ тебя искренно любящимъ „Александръ".

Боровичи, сентября 8-го 1819 года.

IV. Троппау. 5-го ноября 1820 г. Тебѣ должно уже быть извѣстно, любезный Алексѣй Андреевичъ, несчастное, но въ то же время и постыдное приключеніе, случившееся въ Семеновскомъ полку. Легко себѣ можешь вообразить, какое печальное чувство оно во мнѣ произвело. Происшествіе, можно сказать, неслыханное въ нашей Арміи. Еще печальнѣе, что оно случилось въ Гвардіи, а для меня лично еще грустнѣе, что именно въ Семеновскомъ полку. Но съ тобою привыкнувъ говорить со всею откровенностію, скажу тебѣ, что никто на свѣтѣ меня не убѣдитъ, чтобы сіе происшествіе было вымыслено солдатами, или происходило единственно, какъ показываютъ, отъ жестокаго обращенія съ оными полковника Шварца. Онъ былъ всегда за хорошаго и исправнаго офицера и командовалъ съ честію полкомъ. Отчего вдругъ сдѣлаться ему варваромъ? По моему убѣжденію, тутъ кроются другія причины. Внушеніе кажется было не военное, ибо военный умѣлъ бы ихъ заставить взяться за ружье, чего никто изъ нихъ не сдѣлалъ, даже тесака не взялъ. Офицеры же всѣ старались пресѣчь неповиновеніе, но безуспѣшно.

По всему вышеписанному я заключаю, что тутъ было внушеніе чуждое, но не военное. Вопросъ возникаетъ: какое же? — Сіе трудно рѣшить. Признаюсь, что я его приписываю тайнымъ обществамъ, которыя, по доказательствамъ, которыя мы имѣемъ, всѣ въ сообщеніяхъ между собою, и коимъ весьма непріятно наше соединеніе и ра-

бота въ Троппау. Цѣль возмущенія, кажется, была испугать. Если къ сему присовокупить, что день былъ выбранъ тотъ самый, въ которой императрицы возвратились въ городъ, то кажется довольно ясно обнаруживается, что желали ихъ встревожить, дабы сими опасеніями меня принудить бросить занятія наши въ Троппау и воротиться поспѣшнѣе въ Петербургъ. Но Божьему Промыслу угодно было помѣшать сему и прекратить зло въ началѣ его. Мѣры, на которыя рѣшился Корпусный Командиръ, съ полкомъ впослѣдствіи были необходимы; но симъ полкъ погубленъ, и уже не можетъ долѣе существовать въ нынѣшнемъ его составѣ. Я почти увѣренъ, что если бы съ 1-й Гренадерской ротой приличнѣе поступили при самомъ началѣ, ничего другого важнаго не произошло. Но уже когда всѣ три баталіона возмутились, болѣе не оставалось дѣлать какъ то, что было исполнено. Сожалѣю еще, что выбрали крѣпости финляндскія для отправленія въ оныя баталіоновъ. Лучше было бы ихъ отправить въ Псковъ, въ Нарву и тому подобныя мѣста.

Какъ мнѣ ни грустно, но теперешній составъ полка нельзя уже такъ оставить. Онъ потерялъ всякую довѣренность. Ты усмотришь изъ приказа, при семъ прилагаемаго, какъ я счелъ приличнымъ поступить, послѣ здраваго размышленія.

Для укомплектованія же вновь полка я предлагаю единственнымъ способомъ взять первые баталіоны полковъ: Императора Австрійскаго, Короля Прусскаго и Наслѣдника Принца. Симъ самымъ полкъ сей опять будетъ хорошъ. Но все не старой, котораго мнѣ всегда будетъ жаль. Жаль также и сіи полки разстроивать; но нечего болѣе дѣлать. Для поправленія же сихъ трехъ полковъ полагаю третьи ихъ баталіоны раздѣлить на двое, чѣмъ опять будетъ по 8-ми ротъ, и укомплектовать взявъ по одной ротѣ отъ каждаго гренадерскаго и карабинернаго полка 2-й и 3-й Гренадерскихъ дивизій, что и составитъ 12 ротъ, которыя по 4-е роты и раздѣлить на каждый полкъ. Симъ ротамъ уже послано повелѣніе иттить. Я хотѣлъ тебя извѣстить о всемъ, привыкнувъ разсуждать съ тобою о всемъ что меня занимаетъ.

Прощай, любезный Алексѣй Андреевичъ! Кромѣ сего несчастнаго произшествія, у насъ, слава Богу, все хорошо идетъ. Но сіе произшествіе надѣлаетъ много толковъ. Напиши мнѣ, что ты про все сіе узнаешь. Тебя на вѣкъ искренно любящій.

Сообщ. Н. Н. Селифонтовъ.

Примѣчаніе. Письмо это напечатано нами съ копіи, снятой покойнымъ членомъ государственнаго совѣта Н. И. Бахтинымъ. Нынѣшній владѣлецъ бумагъ г. Бахтина, родной его племянникъ Н. Н. Селифонтовъ, приведя въ полнѣйшій порядокъ обширный семейный архивъ этого замѣчательнаго госу-

дарств. дѣятеля, предоставилъ изъ нихъ «Русской Старинѣ», для напечатанія на ея страницахъ, наиболѣе интересные и важные документы, имѣющіе уже исключительно историческое значеніе.

Что касается до того событія, по поводу котораго написано приведенное письмо, то оно слишкомъ хорошо всѣмъ извѣстно, чтобы о немъ много распространяться. Приведемъ лишь нѣсколько строкъ объ этомъ происшествіи изъ біографіи гр. М. А. Милорадовича, составленной пишущимъ эти строки и напечатанной въ «Военномъ Сборникѣ» 1869 г., октябрь, стр. 174—175:

«Л. Г. Семеновскій полкъ былъ любимѣйшій полкъ императора Александра I. Офицеры были образованнѣйшіе люди во всей гвардіи, солдаты отличались замѣчательною развитостью и сознаніемъ своего личнаго достоинства. Обращеніе начальниковъ съ подчиненными издавна славилось гуманностью. Вдругъ, какъ бы случайно, назначенъ былъ командиромъ полка—полковникъ Шварцъ, одинъ изъ тѣхъ грубыхъ, жестокихъ, полуобрусѣвшихъ нѣмцевъ-фронтовиковъ, которые въ старое (и, скажемъ, совершенно прошедшее) время принесли много и много зла Россіи вообще и русскому воинству въ особенности. Безчеловѣчныя жестокости были бы невыносимы вездѣ, а въ Семеновскомъ полку въ особенности. Тщетно нѣкоторые офицеры, во имя воинской дисциплины, сдерживали недовольство солдатъ. Оно росло все болѣе и болѣе, и наконецъ, вечеромъ 17-го октября 1820 года выразилось тѣмъ, что рота его величества вышла безоружная предъ казармами, выстроилась и потребовала удаленія полковаго командира. Когда же эти солдаты за поступокъ, по военнымъ законамъ крайне тяжкій и непростительный, были поведены въ крѣпость, солдаты прочихъ ротъ объявили, что и они хотятъ раздѣлить участь своихъ товарищей».

Приведенный нами выше документъ свидѣтельствуетъ, какъ глубоко огорченъ былъ императоръ Александръ Павловичъ проступкомъ его любимаго полка и какія мрачныя предположенія были вызваны въ немъ этимъ происшествіемъ. Упоминаемый въ письмѣ приказъ по россійской арміи отданъ былъ императоромъ 2-го ноября 1820 года, въ Троппау. Приказъ этотъ приведенъ въ числѣ прочихъ документовъ въ статьѣ: «Гр. М. А. Милорадовичъ» («Воен. Сб.» 1869, кн. X, стр. 176), а напечатанное нами письмо было еще помѣщено въ другомъ спискѣ въ «Чтеніяхъ Моск. Общ. Истор. (1861 г. кн. IV стр. 187).

Замѣтка М. Н. Лонгинова. «Говоря о письмахъ императора Александра I къ Аракчееву не безъинтересно замѣтить, что въ началѣ тридцатыхъ годовъ за границей вышло въ свѣтъ собраніе этихъ писемъ, но изданіе это было почти все истреблено. У Аракчеева осталось 24 экземпляра; онъ заложилъ по два экземпляра въ стѣны Грузинскаго собора, подъ каждою изъ двѣнадцати колоннъ, находящихся въ какой-то изъ частей онаго, когда храмъ этотъ окончательно отстроивался. Это слышано мною отъ лица, которому это передавалъ покойный графъ П. А. Клейнмихель и которое достойно полнѣйшаго довѣрія».

Ред.

Архивъ князя М. И. Голенищева-Кутузова-Смоленскаго.

(1745 — 1813).

(нынѣ принадлежащій Ѳ. К. Опочинину).

Ѳедору Константиновичу Опочинину, правнуку, по женской линіи, князя Михаила Илларіоновича Голенищева-Кутузова-Смоленскаго, перешла, по наслѣдству, вся библіотека и архивъ свѣтлѣйшаго. Каждая черта, касающаяся біографіи такого великаго историческаго лица, какъ князь Кутузовъ, драгоцѣнна для отечественной исторіи. Поэтому, пользуясь благосклоннымъ дозволеніемъ владѣльца, редакція «Русской Старины» постепенно будетъ обнародовать на страницахъ своего изданія документы изъ этого значительнаго и важнаго по содержанію архива.

Нашъ извѣстный ученый и неутомимый изслѣдователь въ области русской исторіи—Александръ Николаевичъ Поповъ былъ столь обязателенъ, что взялъ на себя, при дѣятельномъ участіи Ѳ. К. Опочинина, трудъ разсмотрѣнія архива великаго полководца и обстановку извлекаемыхъ оттуда документовъ, при печатаніи ихъ, примѣчаніями въ тѣхъ случаяхъ, когда то окажется дѣйствительно необходимымъ. Ред.

I.

Письма и рескрипты Екатерины II, Павла, Александра I и Маріи Ѳедоровны.

1791—1812 гг.

1) Нашему генералъ-маіору Голенищеву-Кутузову. Усердная ваша служба и отличная храбрость, оказанная вами при взятіи приступомъ города и крѣпости Измаила съ истребленіемъ бывшей тамъ турецкой арміи, при которомъ вы, командуя ввѣренною вамъ колонною, оказали новые опыты искусства и неустрашимости, преодолѣвъ подъ сильнымъ огнемъ непріятельскимъ всѣ трудности, взошли на валъ, овладѣли бастіономъ и когда превосходный непріятель принудилъ васъ остановиться, вы, служа примѣромъ мужества, удержали мѣсто, превозмогли сильнаго непріятеля, утвердилися въ крѣпости и продолжали потомъ поражать враговъ, учиняютъ васъ достойнымъ ордена нашего военнаго святаго великомученика и побѣдоносца Георгія, на основаніи установленія его. Мы васъ кавалеромъ ордена сего третьяго класса всемилостивѣйше пожаловали, коего знаки повелѣваемъ вамъ носить узаконеннымъ порядкомъ. Удостовѣрены мы совершенно, что вы получа сіе со стороны нашей ободреніе, потщитеся продолженіемъ службы вашей, вящше удостоиться монаршаго нашего благоволенія. „ЕКАТЕРИНА“.

Въ С.-Петербургѣ. Марта 25 дня 1791 г. Князь Потемкинъ-Таврическій.

2) Божіею милостію мы Екатерина Вторая императрица и самодержица всероссійская, и пр., и пр. и пр.

Нашему генералъ-поручику Голенищеву-Кутузову. Усердная ваша служба, храбрые и мужественные подвиги, коими вы отличились въ сраженіи при Мачинѣ и разбитіи войсками нашими подъ командою генерала князя Репнина, многочисленной турецкой арміи верховнымъ визиремъ Юсуфъ-пашею предводимой, гдѣ вы начальствуя надъ войсками лѣваго фланга при стремительныхъ и многочисленныхъ непріятельскихъ нападеніяхъ, преодолѣли всѣ трудные переходы, въ движеніяхъ вашихъ соблюли отличное искусство и порядокъ, а въ пораженіи непріятеля мужество и храбрость, учиняютъ васъ достойнаго военнаго нашего ордена святаго великомученика и побѣдоносца Георгія, на основаніи установленія его. Мы васъ кавалеромъ ордена сего большаго креста втораго класса всемилостивѣйше пожаловали и знаки его при семъ доставляя, повелѣваемъ вамъ возложить на себя и носить узаконеннымъ порядкомъ. Удостовѣрены мы совершенно, что вы получа сіе со стороны нашей одобреніе, потщитеся продолженіемъ ревностной службы вашей вящше удостоиться монаршаго нашего благоволенія. „ЕКАТЕРИНА".

Въ С.-Петербургѣ. Марта 18 дня, 1792 года. Адмиралъ Чичаговъ.

3) Господинъ генералъ отъ инфантеріи Голенищевъ-Кутузовъ. Заключая изо всѣхъ получаемыхъ мною изъ Голландіи извѣстій, что экспедиція въ этой землѣ приняла совсѣмъ неудачной оборотъ, предписываю вамъ, естли по полученіи сего войска мои находятся въ Голландіи, то вы, принявъ нужныя мѣры съ графомъ Воронцовымъ и вице-адмираломъ Макаровымъ, перевезитесь въ Англію. Гдѣ расположась на зиму, приготовьтесь весною исполнить вамъ приказанное мною при отправленіи, т. е. возвратиться обратно въ Россію со всѣми войсками подъ командою вашею находящимися. Пребываю вамъ благосклонный. „ПАВЕЛЪ".

Октября 23 дня, 1799 г. Гатчино.

4) Г. генералъ отъ инфантеріи Голенищевъ-Кутузовъ. По перевозѣ всѣхъ войскъ, подъ командою вашею находящихся, въ Англію, гдѣ они должны оставаться до весны, отдайте въ команду ихъ, находящемуся при лондонскомъ дворѣ генералу отъ инфантеріи гр. Воронцову, а сами отправьтесь немедленно въ Россію, гдѣ вы назначены во всѣ должности и на мѣсто генерала отъ инфантеріи Лассія, отставленнаго, по его желанію, отъ службы. Пребываю къ вамъ благосклонный „ПАВЕЛЪ".

Гатчино. Октября 26 дня, 1799 г.

Прим. Оба эти рескрипта писаны рукою графа Ѳ. В. Ростопчина.

5) Г. генералъ-лейтенантъ фонъ-Линденеръ. Узнавъ изъ рапортовъ пограничной таможни, что составляющіе прусской кордонъ гусары присвоиваютъ себѣ право и причиняютъ обиды, захватывая нахальнымъ образомъ разъѣзщиковъ. Для сего и предписываю вамъ составить со стороны нашей кордонныхъ казаковъ, соотвѣтствующей во всемъ прусскому, имѣя смотрѣніе, дабы во всемъ поступлено было репрезаліями, а если бы прусскаго кордона командиры вознамѣрились бы употреблять силу, то въ таковомъ случаѣ поймавъ ихъ прислать ко мнѣ. Пребываю вамъ благосклонный „ПАВЕЛЪ“.

Декабря 14 дня, 1799 г. Петербургъ.

(Рескриптъ писанъ рукою гр. Ростопчина).

6) Господинъ генералъ отъ инфантеріи Голенищевъ-Кутузовъ. Получилъ я донесеніе ваше о похищеніи неизвѣстными людьми въ четырехъ верстахъ отъ г. Вильны, везенную въ оный городъ денежную казну; то удивляяся, что не отысканы еще, кто причиною сего злодѣянія, приписываю сіе упущеніе не иному какъ неисправности земской полиціи и повелѣваю вамъ употребить всевозможное стараніе къ отысканію въ непродолжительномъ времени преступниковъ сего произшествія. „ПАВЕЛЪ“.

Февраля 2 дня, 1800 г. С.-Петербургъ.

7) Г. генералъ отъ инфантеріи Голенищевъ-Кутузовъ. По полученіи сего, повелѣваю вамъ, арестовавъ войсковаго старшину Дмитрова 1-го, прислать съ посланнымъ при семъ фельдъегеремъ въ генералъ-аудиторіатъ въ С.-Петербургъ; маіору же Макарелли дайте паспортъ для отъѣзду въ его отечество безъ возврату въ Россію и съ прописаніемъ въ ономъ паспортѣ, что выкинутъ онъ изъ службы за дурное поведеніе. Пребываю вамъ благосклонный „ПАВЕЛЪ“.

Февраля 19 дня, 1800 г. Петербургъ.

8) Господинъ генералъ отъ инфантеріи Голенищевъ-Кутузовъ. Такъ какъ корпусъ принца Конде не находится уже на нашей сольде, то и повелѣваю вамъ взять всѣ ваши мѣры, чтобы не впускать его въ предѣлы имперіи нашей. Пребываю вамъ благосклонный

„ПАВЕЛЪ“.

Февраля 23 дня, 1800 г. С.-Петербургъ.

9) Господинъ генералъ отъ инфантеріи Голенищевъ-Кутузовъ. Получилъ я донесеніи ваши отъ 19 марта, въ слѣдствіе которыхъ повелѣваю вамъ: естли нужнымъ найдете для поимки разбойничьей шайки, изъ Пруссіи къ намъ ушедшей, употребить военную команду,

то предоставляю вамъ какъ заблагоразсудите послать деташаментъ кавалеріи или инфантеріи. На просьбу командора державнаго ордена святаго Іоанна Іерусалимскаго Станислава Гробовскаго сдѣлайте таковой же отзывъ, каковой сдѣлалъ ему предмѣстникъ вашъ. Маіора же Галамѣ (?) позволяю пропустить въ С.-Петербургъ. Пребываю вамъ благосклонный „ПАВЕЛЪ".

Апрѣля 9 дня, 1800 г. С.-Петербургъ.

10) Господинъ генералъ отъ инфантеріи Голенищевъ-Кутузовъ. Извѣстенъ я отъ двухъ министровъ моихъ въ Германіи находящихся, что послѣ двухъ сильныхъ пораженій непріятелемъ надъ арміею цесарскою, французы намѣреваются итти къ наслѣдственнымъ землямъ и даже въ самую Вѣну. То по симъ обстоятельствамъ, въ отвращеніи вліянія какого либо духа развратности и буйства отъ крамольства французовъ быть могущаго, повелѣваю вамъ имѣть наиприлежнѣйшее вниманіе, на все, что въ разсужденіи сихъ обстоятельствъ хотя тѣнь вѣроятія имѣть будетъ и надъ благоустройствомъ внутреннимъ ввѣренныхъ вамъ губерній неусыпно наблюдая, о всемъ меня заблаговременно увѣдомлять. Пребываю къ вамъ благосклонный

„ПАВЕЛЪ".

Г. Павловскъ. Мая 15 дня, 1800 г.

11) Господинъ генералъ отъ инфантеріи Голенищевъ-Кутузовъ. Получилъ я донесенія ваши отъ 10 мая касательно полученныхъ въ брестскую почтовую контору писемъ аббата ордена Трапійскаго къ начальникамъ сего ордена въ Оршѣ; то по полученіи сего должны уже вы быть извѣстны о данномъ мною повелѣніи генералъ-прокурору Обольянинову, чтобы выслать всѣхъ ихъ за границу. Касательно же присланныхъ къ вамъ отъ генералъ-маіора Повало-Швейковскаго 2-го, бывшаго прежде гусарскаго калишскаго полку рядоваго Шуханова, ушедшаго отъ французовъ, гдѣ по неволѣ долженъ былъ служить; то повелѣваю вамъ опредѣлить его по прежнему на службу въ тотъ же полкъ и впредь съ подобными ему поступать на основаніи сего повелѣнія. Пребываю вамъ благосклонный

„ПАВЕЛЪ".

Мая 21 дня, 1800 г. Павловскъ.

12) Господинъ генералъ отъ инфантеріи Голенищевъ-Кутузовъ. Получилъ я донесеніе ваше отъ 21 мая; не сомнѣваюсь ни мало, что взятыми съ вашей стороны всѣми должными мѣрами, бдительнымъ смотрѣніемъ вашимъ за тишиною, спокойствіемъ и благонравіемъ во ввѣренной вамъ губерніи, противнаго волѣ моей ничего произойти не

можетъ. Если же паче чаянія что случится, то за все вы мнѣ отвѣчать будете. Пребываю вамъ благосклонный „павелъ“.

Іюня 3 дня, 1800 г. Г. Павловскъ.

13) Господинъ генералъ отъ инфантеріи Голенищевъ-Кутузовъ. Усмотрѣлъ я изъ донесенія генералъ-маіора Резваго, что артиллерійскаго полка Капцевича, баталіона полковника Иванова, въ Несвижѣ расположеннаго, всѣ орудія и обозъ стоятъ на открытомъ мѣстѣ по неисправности имѣющагося тамъ сарая для помѣщенія всего онаго; то повелѣваю вамъ наистрожайше изслѣдовать, кто виновникъ таковой неисправности, несодержаніемъ въ должномъ порядкѣ онаго сарая во время отсутствія того баталіона изъ непремѣнныхъ его квартиръ, и по полученіи сего въ наискорѣйшемъ времени, чтобы былъ оный сарай исправленъ или выстроить новый, коли нужнымъ найдете на счетъ того, кто виновнымъ окажется, а мнѣ донести о исполненіи сего повелѣнія и кто именно виновникъ вами найденъ будетъ. Пребываю вамъ благосклонный „павелъ“.

Іюня 21 дня, 1800 г. Петербургъ.

14) Господинъ генералъ отъ инфантеріи Голенищевъ-Кутузовъ. Хотя и дано мною вамъ повелѣніе отъ 24 минувшаго іюня, чтобъ поступать репрезальемъ за все, что прусскими подданными въ границахъ нашихъ дѣлано будетъ; но какъ теперь обстоятельства перемѣнилися и положеніе нашего двора съ прусскимъ требуетъ, чтобы на границахъ соблюдено было, какъ можно болѣе спокойствія, дабы не подавать случаю къ несогласію; то и повелѣваю вамъ стараться сохранять тишину на ввѣренной вамъ границѣ и въ случаѣ, коли произойдутъ какіе-нибудь маловажные безпорядки съ обоюдныхъ сторонъ, то смотрѣть на оные сквозь пальцы, не упуская же мнѣ обо всемъ доносить. Пребываю вамъ благосклонный Павелъ.

Іюля 15 дня, 1800 г. Петербургъ.

Примѣчаніе. Упоминаемаго въ этомъ рескриптѣ повелѣнія 24 іюня не находится въ издаваемыхъ бумагахъ; но есть рескриптъ, того же содержанія къ генералу Линденеру, который и помѣщ. подъ № 5.

15) Господинъ генералъ отъ инфантеріи Голенищевъ-Кутузовъ. Апробуя постановленіе, кое вы предложили прусскому министру Гайму касательно до правилъ наблюдаться долженствующихъ при пропускѣ черезъ границы россійскихъ и прусскихъ подданныхъ изъ поляковъ, повелѣваемъ еще учредиться съ тѣмъ министромъ, чтобы всѣ желающіе изъ Россіи и Пруссіи по надобностямъ своимъ, особливо же

sujets mixtes*) пропускались по взаимнымъ вашимъ засвидѣтельствованіямъ. Пребываю вамъ благосклонный „ПАВЕЛЪ.“

Петергофъ. Іюля 15 дня, 1800 г.

(Письмо писано рукою Ѳ. В. Ростопчина).

16) Господинъ генералъ отъ инфантеріи Голенищевъ-Кутузовъ. Соизволилъ я, чтобы вы дали паспорты на въѣздъ въ границы наши прусской службы корнету Ющинскому и вахмистру Кинскому, но повелѣваю вамъ имѣть за ними строжайшее смотрѣніе, чтобы не могли они завести у насъ вербованіе. Пребываю вамъ благосклонный

ПАВЕЛЪ.

Іюля 22 дня, 1800 г. Сарское-Село.

17) Господинъ генералъ отъ инфантеріи Голенищевъ-Кутузовъ. Позволяю я пропустить въ границы наши выключенныхъ изъ службы: генералъ отъ инфантеріи Германа и изъ списковъ маіоровъ Струкова и Герменца. Пребываю вамъ благосклонный ПАВЕЛЪ.

Іюля 29 дня, 1800 г. Сарское-Село.

18) Господинъ генералъ отъ инфантеріи Голенищевъ-Кутузовъ. Найденный въ городѣ Лидѣ пасквиль, якобы отъ имени Костюшки, возбуждающій поляковъ къ военнымъ пріуготовленіямъ, повелѣваемъ вамъ сжечь подъ висилицею, а сочинителя его шляхтича Крушинскаго предавъ суду по законамъ на случаи сіи постановленнымъ, сентенцію онаго исполнить во всей строгости такъ же подъ висилицею и по наказаніи сослать въ Нерчинскъ въ работу. Пребываю вамъ благосклонный ПАВЕЛЪ.

Августа 3 дня, 1800 г. Гатчина.

19) Г. генералъ отъ инфантеріи Литовскій военный губернаторъ Голенищевъ-Кутузовъ. Въ существующій въ Вильнѣ университетъ повелѣваю вамъ ввести орденъ іезуитскій, о чемъ имѣете вы сдѣлать надлежащее распоряженіе, не выходя изъ тѣхъ суммъ, кои на содержаніе употреблены. Впрочемъ пребываю вамъ благосклонный

ПАВЕЛЪ.

Гатчина. Октября 12, 1800 г.

20) Михаилъ Ларіоновичъ! Сраженіе при Кремсѣ есть новый вѣнецъ славы для россійскаго воинства и для того, кто онымъ предводительствовалъ. Моихъ словъ не достаетъ объявить вамъ и всему

*) То-есть поляки, имѣющіе маетности въ предѣлахъ двухъ государствъ, Россіи и Пруссіи. Ред.

корпусу подъ вашимъ начальствомъ состоящему, то удовольствіе и ту признательность, кою я ощущаю съ полученія сего пріятнаго извѣстія. Съ нетерпѣніемъ ожидаю вашихъ рапортовъ объ отличившихся какъ въ семъ и въ предыдущихъ (sic). На васъ возлагаю объявить также всему корпусу чувства, изъясненныя мною въ семъ рескриптѣ. Пребываю навсегда вамъ благосклонный АЛЕКСАНДРЪ.

Ноября 5 дня, 1805 г. Исиндорфъ.

(Все письмо писано рукою императора).

21) Божіею милостію мы Александръ Первый, императоръ и самодержецъ всероссійскій, и пр., и пр. и пр.

Нашему генералу отъ инфантеріи Голенищеву-Кутузову. Отличное мужество ваше и неутомимая дѣятельность, дознанныя уже прежде вашими подвигами и подтвержденныя нынѣ во время бывшей кампаніи противу французскихъ войскъ, гдѣ вы неблагопріятными обстоятельствами союзника, будучи поставлены въ необходимость съ ввѣренною начальству вашему арміею, предпринять ретираду отъ Браунау, совершили оную при весьма малой потерѣ до Ольмюца, отвращая искусными и благоразумными распоряженіями, всѣ покушенія на васъ многочисленнаго непріятеля и причинивъ ему неоднократными на пути пораженіями весьма чувствительный вредъ, обращаютъ на себя наше вниманіе и милость, во изъявленіе коихъ мы всемилостивѣйше пожаловали васъ кавалеромъ ордена нашего святаго равноапостольнаго князя Владиміра, большаго креста первой степени, знаки коего при семъ препровождая, повелѣваемъ вамъ возложить на себя и носить по установленію. Удостовѣрены мы впрочемъ, что вы получивъ таковое доказательство нашей признательности, потщитесь и впредь продолженіемъ ревностной службы вашей, вящше удостоиться монаршаго нашего благоволенія. Дана въ С.-Петербургѣ, февраля 24 дня, 1806 года.

22) Михаилъ Ларіоновичъ! Особливое уваженіе мое и доброжелательство къ находящемуся при воспитаніи любезнѣйшихъ сыновей моихъ великихъ князей Николая Павловича и Михаила Павловича генералу Ламбсдорфу, побуждаютъ меня принять участіе во благѣ его сына, служащаго въ арміи подъ начальствомъ вашимъ состоящей и рекомендовать его вамъ какъ молодаго человѣка, желающаго дѣлать честь имени достойнѣйшаго отца его. Препоручая симъ молодаго Ламбсдорфа вашему благорасположенію, я прошу васъ оказывать ему оное при встрѣчающихся случаяхъ, доставленіемъ ему возмож-

ности заслужить вниманіе и одобреніе начальства и оправдать хорошее мое объ немъ мнѣніе.

Съ совершеннымъ уваженіемъ и доброжелательствомъ пребываю впрочемъ вамъ всегда благосклонною „МАРІЯ."

Въ Гатчинѣ. Мая 22 дня, 1811 г.

23) Князь Михаилъ Ларіоновичъ! Завтра я прибуду въ Вильну къ вечеру *). Я желаю, чтобы никакой встрѣчи мнѣ не было. Зима, усталость войскъ и собственное мое одѣяніе, ѣхавъ ночь и день въ открытыхъ санях, дѣлають оную для всѣхъ отяготительною. Съ нетерпѣніемъ ожидаю я свиданія съ вами, дабы изъявить вамъ лично, сколь новыя заслуги, оказанныя вами отечеству и можно прибавить Европѣ цѣлой усилили во мнѣ уваженіе, которое всегда къ вамъ имѣлъ. Пребываю навсегда вамъ доброжелательнымъ АЛЕКСАНДРЪ.

Полотцкъ. Понедѣльникъ, 9 декабря, 1812 г.

(Все письмо писано собственною рукою императора).

II.

Письма австрійскаго императора Франца I.

1805.

(Переводъ съ франц. и нѣмецкихъ подлинниковъ).

1) Вѣна, 26-го октября 1805 г. Любезный мой генералъ-аншефъ, графъ Кутузовъ! Вамъ извѣстно несчастіе, постигшее армію, находящуюся подъ предводительствомъ двоюроднаго брата моего эрцъ-герцога Фердинанда. Важность, которую имѣетъ для меня въ настоящую минуту позиція вашей арміи, увѣренность моя въ вашихъ способностяхъ и вашей доброй волѣ, побуждаютъ меня прибыть къ вамъ и лично обсудить, что остается предпринять въ общемъ съ госу-

---

Подлинныя письма австрійскаго императора Франца I.

1805 г.

1) Mon cher général-en-chef de Kutusow! Vous savez le malheur de l'armée commandée par mon cousin l'archiduc Ferdinand. L'importance, dont me devient dans ce moment-ci la position de la vôtre, ma confiance dans vos talents et dans votre bonne volonté, m'engagent à me rendre en personne auprès de vous, afin de juger de ce qu'il y a à faire pour la cause, qui m'est commune

---

*) По свид. г. Богдановича, императоръ прибылъ въ Вильну 11 декабря 1812 г. (Истор. царств. Александра I изд. 1869 г. т. III, стр. 482). Ред.

даремъ вашимъ для меня дѣлѣ. Завтра утромъ выѣзжаю, нигдѣ не остановлюсь и очень буду радъ застать васъ еще на позиціи у Инна.

Въ такихъ критическихъ минутахъ, какъ настоящая, нужна въ особенности твердость, и я разсчитываю на вашу. Разсчитывайте также на мою вѣчную благодарность.

Благосклонный къ вамъ Францъ.

2) Вельсъ, 29-го октября 1805 г. Господинъ генералъ-аншефъ графъ Кутузовъ! При семъ посылаю вамъ операціонный планъ, совокупно нами вчера составленный. Такъ какъ основанія, которыми я руководствовался, отдавая преимущество этому плану, суть самой существенной важности, то я ввѣряю точнѣйшее исполненіе ихъ достойному начальнику храброй арміи, присоединенной къ моимъ войскамъ его величествомъ императоромъ, моимъ любезнымъ братомъ и другомъ, вашимъ августѣйшимъ государемъ.

Довѣріе, которое вы внушили мнѣ вашимъ усердіемъ, вашей доброй волей, вашимъ разумомъ и мужествомъ, а также и упованіе мое на всю армію вашу, недопускаютъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что вы въ чемъ либо отступите отъ точнаго исполненія этого плана, развѣ только тогда, когда принудитъ васъ къ тому крайняя необходимость.

Съ этимъ убѣжденіемъ я, господинъ генералъ-аншефъ, остаюсь къ вамъ благосклоннымъ Францъ.

3) Эннсъ, 30-го октября 1805 г., 8 ч. утра. Господинъ генералъ-аншефъ, графъ Кутузовъ! Довожу до вашего свѣдѣнія, что я

---

avec votre souverain. Je pars demain matin, vais sans m'arrêter, et désire beaucoup de vous trouver encore dans la position de l'Inn.

Vienne ce 26 octobre 1805.

(Autographe) C'est dans des moments critiques comme celui-ci, que la fermeté est surtout nécessaire, je compte sur la vôtre, sur vos bons sentiments. Comptez aussi sur mon éternelle reconnaissance. Votre affectionné.

François.

2) Wels, le 29 octobre 1805. Monsier le général-en-chef comte de Kutusow! Je vous envoie ci-joint le plan d'opération que nous avons arrêté conjointe ment hier. Comme les bases, que j'ai adoptées, pour la préférence à donner à ce plan, sont de la plus haute importance, j'en recommande l'exécution la plus ponctuelle au digne chef de la brave armée que Sa Majesté l'empereur, mon bon frère et ami, votre auguste maître, a fait joindre à mes troupes; et la confiance que vous avez su m'inspirer dans votre zèle, votre bonne volonté, vos lumières et votre valeur, ainsi que dans celle de toute l'armée russe, ne me permet aucunement de douter, que vous ne céderez qu'à la plus grande nécessité des circonstances, pour changer quelque chose au plan arrêté entre nous. C'est dans ces sentiments, que je suis, monsieur le général-en-chef, votre affectionné.

François.

3) Enns, le 30 octobre 1805, à 8 heures du matin. Monsieur le général-en-chef, comte de Kutusow! Je vous informe, que j'envoie par le même

съ этимъ же курьеромъ посылаю моему генералъ-поручику Мерфельду перечень извѣстіямъ, полученнымъ мною изъ Италіи насчетъ операціоннаго плана, предпринимаемаго въ Тиролѣ братомъ моимъ, эрцъ-герцогомъ Карломъ, и который для точности соображеній необходимо принять къ свѣдѣнію арміи, собранной подъ начальствомъ генералъ-аншефа.

Прошу васъ, господинъ генералъ-аншефъ, составить маленькій совѣтъ съ моимъ генералъ-поручикомъ Мерфельдомъ, генераломъ Штраухомъ и генераломъ Гергардомъ, для обсужденія обстоятельствъ, могущихъ возникнуть отъ этого плана, и для соображенія вашей позиціи съ позиціею стоящаго передъ вами непріятеля; а также и для выгаданія времени, которое доставитъ вамъ возможность лучше держаться противъ его не столь значительныхъ силъ.

При семъ случаѣ я прошу васъ, господинъ генералъ-аншефъ, прислать отъ вашего войска, какъ можно поспѣшнѣе, одного штабъ и нѣсколько оберъ-офицеровъ, говорящихъ по-нѣмецки, для принятія съ однимъ моимъ гусарскимъ полковникомъ, котораго я назначилъ временно, впредь до прибытія ихъ, команды надъ всей колонной вашихъ обозовъ.

Распоряженіе это весьма важно по случаю безпрестанно случающихся буйствъ, происходящихъ отъ того, что нѣтъ начальника, могущаго силою поддержать строгую дисциплину. Я былъ вынужденъ, вслѣдствіе доходящихъ до меня жалобъ, назначить къ собравшимся вмѣстѣ обозамъ конвой изъ шести эскадроновъ гусаръ, съ строгимъ приказаніемъ, недопускать безпорядковъ, которые принуждаютъ жи-

---

courrier, à mon lieutenant-général Merfeldt, un précis des nouvelles, qui me sont parvenues d'Italie, et qui contiennent le plan d'opération, que va suivre mon frère, l'archiduc Charles, dans le Tirol, et dont il est si important que l'armée, combinée sous les ordres de monsieur le général-en-chef, soit aussitôt informée pour la sûreté de calculs, nécessaires à cet égard. Je vous prie en conséquence, monsieur le général-en-chef, de tenir un petit conseil avec mon lieutenant-général Merfeldt, avec le général Strauch et monsieur le général Gerhart, pour décider des objets, qui pourraient devenir une conséquence de ce plan, et pour combiner le tout néanmoins avec votre situation, à l'égard de l'ennemi, que vous avez en tête, ainsi qu'avec le tems que vous pourrez peut-être gagner pour vous soutenir d'autant mieux, que les forces qu'emploie l'ennemi contre vous, doivent être moins considérables.

Je vous prie, par la même occasion, monsieur le général-en-chef, d'envoyer le plutôt possible un officier supérieur de vos troupes, avec quelques subalternes, qui parlent allemand, pour prendre le commandement de toute la colonne de vos bagages, conjointement avec un colonel de mes houzards, que j'ai provisoirement établi comme tel en attendant que le vôtre arrive. Cette mésure est devenue de la plus grande nécessité, par rapport aux excés continuels, qui se commettent, faute d'une discipline impossible, quand il n'y a point d'autorité, ni des moyens de force. J'ai été forcé, par les plaintes, qui me parviennent, de donner, aux bagages combinés, une escorte de 6 escadrons de houzards,

телей обращаться въ бѣгство, а мѣстныхъ начальниковъ лишаютъ физической возможности исполнять служебныя обязанности и способствовать продовольствію командуемой вами арміи. Я взялъ на себя эту крайне-необходимую мѣру предосторожности, въ ожиданіи свиданія съ вашимъ государемъ, моимъ добрымъ братомъ и другомъ, которому скажу, что я, зная ваши хорошія намѣренія въ добрыхъ дѣлахъ, распорядился такъ, не предупредивъ васъ, и въ полномъ убѣжденіи, что вы незамедлите назначить начальника, который долженъ будетъ согласоваться съ моимъ полковникомъ и съ данными ему въ помощь шестью эскадронами.

Прошу васъ, господинъ генералъ-аншефъ, принять особенное участіе въ необходимомъ устраненіи этого зла и быть увѣреннымъ въ истинномъ моемъ къ вамъ расположеніи. **Францъ.**

4) Вѣна, 4-го ноября 1805 года. Мой дорогой генералъ-аншефъ, графъ Кутузовъ! Изъ донесенія генерала Мерфельда, я съ удовольствіемъ усмотрѣлъ, сколь дѣятельное участіе принималъ генералъ, князь Панграціонъ (Багратіонъ?) съ своимъ храбрымъ войскомъ, въ поддержаніи арріергарда генерала Мерфельда. Крайне необходимо, чтобы вы защищали, какъ можно долѣе, правый берегъ Эннса; но если наиважнѣйшія обстоятельства понудятъ васъ оставить его, то ваше отступленіе должно быть какъ можно болѣе замедляемо и направлено къ Кремсу, гдѣ я велѣлъ построить мостовое укрѣпленіе (тетъ-де-понъ), которое, если не будетъ еще готово къ вашему приходу, должно быть, во что бы то ни стало, прикры-

---

avec l'ordre le plus strict d'empêcher les désordres, qui mettent les habitans en fuite de toute part, et qui mettraient les autorités du pays dans l'impossibilité physique de pourvoir, plus longtems, au service et à la subsitance de l'armée sous vos ordres; je prends sur moi cette disposition urgente et de précaution, en attendant que je puisse dire, à votre auguste maître, mon bon frère et ami, que connaissant vos bonnes intentions pour le bien de la chose, je l'ai fait de moi même avant de vous en avoir informé, et dans la persuasion la plus intime, que vous nommerez d'abord un commandant, qui devra s'entendre avec mon colonel, chargé de cette besogne, et avec ses six escadrons, pour moyen.

Je vous prie, monsieur le général-en-chef, de vous intéresser particulièrement au redressement nécessaire de ce mal et de croire, que je suis, bien véritablement, votre affectionné. **François.**

4) Mon cher général-en-chef, comte de Kutusow! J'ai vu, avec plaisir, par le rapport du général Merfeld, combien le général, prince de Pangrazion, s'est prêté avec sa brave troupe, au soutien de l'arrière-garde commandée par le général Merfeld. Il est de la plus haute importance que vous défendiez la rive droite de l'Enns le plus longtems que possible, et si des circonstances majeures vous imposent la dure nécessité d'abandonner la rive droite de cette rivière, il faut que votre retraite se fasse aussi lentement que possible, vous la dirige-

ваемо до приведенія его въ то состояніе, отъ котораго вполнѣ можно ожидать защиты.

Въ случаѣ же, если вы будете вынуждены оставить позицію при Эннсѣ и отступить въ Кремсу, генералу графу Мерфельду приказано состоять при вашей особѣ въ качествѣ генералъ-квартирмейстера. Ему отъ меня дана па то подробная инструкція, которую онъ незамедлитъ вамъ сообщить.

Довѣряясь вполнѣ вашему усердію и признаннымъ способностямъ, я не сомнѣваюсь, что вы этимъ дѣломъ приобрѣтете новую признательность вашего монарха и мою благодарность. Францъ.

5) Вѣна, 5-го ноября 1805 г. Мой любезный генералъ-аншефъ, графъ Кутузовъ! Посылаю вамъ генералъ-поручика Шмидта, который пользуется полнымъ моимъ довѣріемъ и вѣроятно заслужитъ и ваше, когда вы ближе съ нимъ познакомитесь. Онъ можетъ дѣйствовать совокупно съ генераломъ Мерфельдомъ, котораго вамъ нерѣдко придется употреблять при аванпостахъ и вашемъ авангардѣ.

Генералъ-поручикъ Шмидтъ, въ продолженіи всей прошлой войны, исправлялъ должность генералъ-квартирмейстера, къ полному удовольствію моему и всѣхъ командующихъ арміями, что̀ и побуждаетъ меня послать его вамъ въ то время, когда я нуждаюсь во всѣхъ вашихъ дарованіяхъ, вашей дѣятельности и въ храбрости вашего войска, чтобы предохранить мою столицу отъ бѣдствій, которымъ она подвергнется въ случаѣ оставленія вами праваго берега Энинса. Кромѣ того, что меня увѣряютъ, что у непріятеля, на лѣвомъ берегу этой

---

riez vers Krems, où je fais bâtir une tête de pont, qui, quand même elle ne serait point achevée au moment où vous arriverez à Krems, devrait être soutenue, coûte qui coûte, et dont je ferai continuer l'ouvrage jusqu'à ce qu'elle soit en état de défense parfaite.

Le général comte Merfeld restera en cas que vous soyez obligé de quitter la position de l'Enns et de vous retirer vers Krems, attaché à votre personne en qualité de quartier-maître-général; il reçoit mes instructions plus détaillées et ne manquera pas de vous en faire part.

La confiance parfaite, que j'ai dans votre zèle et vos talents éprouvés, ne me laisse pas douter, que vous acquererez dans cette crise importante de nouveaux droits à la satisfaction de l'empereur, votre maître, aussi qu'à ma reconnaissance.

François.

Vienne, le 4 novembre 1805.

5) Mon cher général-en-chef, comte de Kutusow! Je vous envoie le lieutenant-général Schmid, qui est mon homme de confiance et auquel j'espère que, quand vous le connaitrez, vous accorderez la vôtre. Il pourra agir de concert avec le général comte Merfeld, que vous serez souvent dans le cas d'employer aux avant-postes et à votre avantgarde.

Le lieutenant-général Schmid a fait, pendant toute la guerre passée, le quartier-maître-général à ma satisfaction et à celle des commandants des armées,

рѣки, только одна дивизія, я вполнѣ увѣренъ, что вы вашимъ рвеніемъ поддержите всегдашнюю славу арміи государя императора, вашего монарха.

Если же, какъ мною вчера упомянуто было, непреодолимыя силы заставятъ васъ ретироваться, то отступленіе ваше къ Кремсу должно совершиться лишь шагъ за шагомъ, дабы вы могли выждать тамъ подкрѣпленія и прикрыть во что бы ни стало сооружаемое передъ Кремсомъ мостовое укрѣпленіе, которое потребуетъ еще нѣсколько недѣль времени, чтобы быть переданнымъ обыкновенному гарнизону.

Я слишкомъ увѣренъ въ вашихъ способностяхъ, чтобы имѣть надобность подробно переговорить съ вами на счетъ важности защиты праваго берега Энниса, медленнаго отступленія къ Кремсу и предохраненія строющагося, въ виду его, мостоваго укрѣпленія. Преданный вамъ **Францъ.**

6) Пойсдорфъ, 11-го ноября 1805 г. Мой любезный генеНералъ-аншефъ, графъ Кутузовъ! Я только-что получилъ достовѣрное извѣстіе, что десятитысячный французскій корпусъ прибылъ на лѣвый берегъ Дуная, съ намѣреніемъ дѣйствовать противъ вашей арміи. Хотя я убѣжденъ, что и до васъ уже дошло это извѣстіе, тѣмъ не менѣе я счелъ долгомъ сообщить вамъ объ этомъ.

Равнымъ образомъ дошло до меня свѣдѣніе, что другіе пять тысячъ французовъ переправятся съ праваго на лѣвый берегъ Дуная, въ большихъ баркахъ, прикрытыхъ сверху соломой, съ цѣлію утаить ихъ отъ наблюдающихъ глазъ. Спѣшу передать вамъ и эту новость,

---

c'est ce qui me détermine à vous l'envoyer dans un moment où j'ai besoin de tous vos talents, de votre activité et de la bravoure de vos troupes pour préserver ma capitale des malheurs, dont elle serait menacée, si vous étiez forcé à quitter la rive droite de l'Enns. Mais outre que l'on m'assure, que l'ennemi n'a qu'une division sur la gauche de cette rivière, je suis bien rassuré par le zèle, que vous employerez à soutenir la gloire dont les armées de l'empereur votre maître se sont toujours couverts.

Si cependant, comme je vous l'ai mandé hier, des forces majeures vous obligeaient à vous retirer, ce ne devait être que pas à pas et vers Krems, où il m'est du plus grand intérêt que vous attendiez les renforts qui vous arrivent et que vous protégiez, coûte qui coûte, la construction de la tête du pont, que je fais ériger devant Krems, et qui demande encore plusieurs semaines avant de pouvoir être abandonné à une simple garnison.

J'ai trop de confiance en votre intelligence, pour entrer dans des détails sur l'importance, que je mets d'abord à la défense de la rive droite de l'Enns, puis à celle de la retraite la plus lente vers Krems, enfin à la conservation d'une tête de pont en avant de cette place. Votre très-affectionné.

Vienne, le 5 Nov. 1805. François.

6) Mon cher général-en-chef de Kutusow! Je viens de recevoir la nouvelle positive, qu'un corps de 10 m. français a passé sur la rive gauche du Danube, dans l'intention d'opérer contre l'armée, que vous commandez. Quoique je ne

дабы вы могли заблаговременно принять мѣры къ отвращенію этого замысла.

Черезъ нѣсколько дней я надѣюсь увидѣться съ императоромъ, вашимъ августѣйшимъ монархомъ, который, посѣщая мои владѣнія, окажетъ мнѣ неоцѣнимое счастіе личнаго съ нимъ знакомства и вмѣстѣ съ тѣмъ доставитъ мнѣ случай переговорить съ нимъ обо всемъ, касающемся обоюдныхъ нашихъ интересовъ.

Возобновляю съ удовольствіемъ, мой любезный генералъ Кутузовъ, увѣренія моей искренней преданности. **Францъ.**

7) Брюнъ, 12-го ноября 1805 г. Любезный генералъ-аншефъ, графъ Кутузовъ! Въ настоящемъ положеніи я нахожу одно только средство, чрезъ которое можно надѣяться одержать верхъ надъ непріятелемъ, а именно: соединить на дорогѣ отъ Вѣны къ Ольмюцу всѣ боевыя силы, расположенныя въ Моравіи и по этой сторонѣ Дуная; для чего и приказалъ я генералу графу Буксгевдену прибыть сюда форсированнымъ маршемъ, а моему фельдмаршалъ-поручику, князю Ауэрсцергу, я далъ подробное же приказаніе, на случай, если ему пришлось бы отступить передъ непріятелемъ. Вамъ придется немедленно предпринять этотъ походъ, дабы непріятель скорымъ переходомъ черезъ Дунай не могъ препятствовать вамъ при исполненіи этого вашего назначенія. Мой фельдмаршалъ-поручикъ Шмидтъ, вмѣстѣ съ симъ, получаетъ отъ моего военнаго президента даль-

---

doute pas, que vous vous en soyez procuré vous même la connaissance, j'ai cependant cru ne pas devoir négliger de vous en donner l'avis. Il m'est pareillement revenu qu'autres 5000 hommes de l'ennemi doivent passer de la rive droite à la rive gauche du Danube sur des grandes barques, couvertes de paille, pour en dérober la connaissance aux observateurs; circonstance, dont je me hâte également de vous faire part, pour que vous preniez les mesures nécessaires afin de déjouer un tel dessein.

Au reste j'espère, que d'ici à une couple de jours, je me trouverai réuni aves l'empereur, votre auguste maître, qui en se rendant en mes états veut bien me procurer le bonheur inappréciable de faire sa connaisance personnelle; nous nous concerterons à cette occasion sur tout ce qui pourra concerner nos intérêts communs.

Je vous renouvelle avec plaisir, mon cher général Kutusow, l'assurance de ma sincère affection. François.

Poisdorf, le 11 Novembre 1805.

7) Lieber General en-chef Graf Kutusow! Ich finde in der dermaligen Lage die schleunigste Vereinigung aller am diesseitigen Donau-Ufer und in Mähren vorhandenen Streitkräfte auf der Straße von Wien nach Olmütz, die einzige Maßregel, von welcher sich ein Vortheil gegen den Feind versprechen läßt. Ich habe zu diesem Ende den General Graf Buchhoevden in Silmärschen hieher beordnet, und meinen Feldmarschal-Lieutenant Fürsten Auersperg auf den Fall, daß er dem Feinde weichen muß, gleiche Weisung gegeben. Sie werden daher den Marsch gegen obbesagte Straße sogleich mit ihrem Corps antreten und möglichst beschleunigen, damit kein schneller Ueber-

нѣйшія подробности по этому распоряженію, которыя онъ не замедлитъ вамъ доложить. **Францъ.**

8) Брюннъ, 14-го ноября 1805 г. Любезный генералъ-аншефъ, графъ Кутузовъ! Изъ донесенія вашего отъ 12-го с. м., я съ удовольствіемъ усмотрѣлъ все то, что я и вся Европа ожидали отъ вашей распорядительности, вашего соображенія и усердія, и отъ содѣйствія вамъ вашихъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, а равно какъ и отъ мужества и стойкости всей вашей храброй арміи.

Не умѣю лучше выразить арміи мою искреннюю благодарность и удовольствіе, какъ жалуя вамъ, какъ ея начальнику, военный орденъ Терезіи большого креста, въ знакъ всегдашней памяти обо мнѣ и счастливой этой побѣды. Прося васъ объявить объ этомъ по арміи, я надѣюсь что государь императоръ разрѣшитъ вамъ возложить оный на себя.

Вмѣстѣ съ тѣмъ я васъ прошу поименовать мнѣ, сколь можно скорѣе, тѣхъ изъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, которые наиболѣе отличились при этомъ, дабы я и имъ могъ доказать мою признательность; а нижнимъ чинамъ, начиная съ фельдфебелей и вахмистровъ, я непремину также назначить награды.

Кажется, что теперь наступили рѣшительныя минуты, и, какъ и слѣдовало ожидать, намѣреніе непріятеля воспрепятствовать дальнѣйшему соединенію россійской императорской арміи, нынѣ ясно об-

---

gang des Feindes über die Donau die Erfüllung dieser ihrer Bestimmung verzögern könne. Mein Feldmarschal-Lieutenant Schmidt erhält unter Einem van Meinem Kriegs-Präsidenten das weitere détail dieser Marscheinleitung, welches er Ihnen zu unterlegen hat. Franz.

Brünn, den 12 Nov. 1805:

8) Lieber General en-chef Graf Kutusow! Ich habe aus Ihrem Berichte vom 12 dieses mit Vergnügen dasjenige ersehen, was Ich von Ihren Einsichten, Geschicklichkeit und Eifer, der thätigsten Mitwirkung Ihrer Generals, Staabs- und Oberofficiers und den Muth und Standhaftigkeit der ganzen, Ihrem Commando anvertrauten, braven Armee, und mit Mir ganz Europa, zu erwarten geneigt und berechtigt waren.

Ich glaube Meinen wärmsten Dank und Zufriedenheit der Armee, welche sogleich hievon zu verständigen ist, nicht besser an den Tag legen zu können, als wenn Ich Ihnen, als deren Chef, das Militär-Theresienordens Großkreuz hiemit zur stäten Erinnerung an Mich und den glücklichen Sieg, verleihe hoffend, daß der Kaiser von Rußland, Ihr Herr, dessen Tragung zu bewilligen keinen Anstand nehmen wird.

Ferner wollen Sie Mir, sobald als möglich, die Generals, Staabs- und Oberofficiers bekannt machen, die sich bei dieser Gelegenheit besonders ausgezeichnet haben, idam ich auch diesen, Beweise meiner Erkenntlichkeit geben kann; dabei behalte ich Mir vor, für die Mannschaft, vom Feldwäbel und Wachtmeister abwärts, ehestens einige Gratification anzuweisen.

Es scheint, das dermalen die entscheidensten Augenblicke begonnen und die Absicht des Feindes

наруживается. Движенія его соображены и онъ раздѣлился на нѣсколько корпусовъ, изъ коихъ одинъ, перейдя близъ Вѣны черезъ Дунай, наступитъ на вашу армію. Самое рѣшительное было бы разбить корпуса эти по одиночкѣ, какъ храброй вашей арміи удалось уже разбить дивизію Мортье; но такъ какъ здѣсь только сила наступающаго непріятеля можетъ дать возможность отступленія къ приближающимся подкрѣпленіямъ, то я могу предоставить это лишь вашему соображенію и уму, зная впередъ, что вы, согласившись съ генераломъ Вейротеромъ, сдѣлаете все, что будетъ выгоднѣе для нашего общаго дѣла и что можетъ еще увеличить славу вашей арміи, хорошимъ настроеніемъ духа которой вы, безъ сомнѣнія, съумѣете воспользоваться.

Старайтесь обо всѣхъ вашихъ движеніяхъ извѣщать корпусъ князя Лихтенштейна (фельдмаршалъ-поручика князя Ауэрсперга я вынужденъ былъ смѣнить), дабы онъ, руководствуясь моими предписаніями, могъ вамъ оказывать помощь въ вашихъ дѣйствіяхъ при угроженіи фланга и тыла непріятеля, и сообщать мнѣ въ подробности о всѣхъ распоряженіяхъ и движеніяхъ вашихъ; при чемъ не слѣдуетъ давать дѣятельному непріятелю времени обдумывать свои предпріятія, которыя до сихъ поръ сопровождались особеннымъ для него счастіемъ.

Съ нетерпѣніемъ ожидаю государя императора вашего, передъ которымъ первымъ моимъ дѣломъ будетъ заявить о васъ и о всей вашей арміи, какъ вы и она этого вполнѣ достойны, и вмѣстѣ съ

---

ist klar einige Tage die weitere Vereinigung der russisch- Kaiserl. Armee zu hindern, wie Solches zu vermuthen war. Die feindliche Operation ist combinirt und er hat sich in mehrere Corps vertheilt, wovon eines bei Wien die Donau passirt und auf Ihre Armee losgeht. Diese Corps en détail zu schlagen, wie es bereits durch die Geschicklichkeit und Bravour der Armee, der feindlichen Division Mortier erging, wäre freilich das Entscheidenste; da aber hier die Stärke des auf sich zukommenden Feindes, die etwaige Möglichkeit sich dennoch auf die nochkommenden Verstärkungen zurückziehen zu können, das Nähere bestimmen müssen, so kann Ich es nur Ihrer Einsicht und Klugheit anheimstellen und weiß im voraus, daß Sie einvernehmlich mit dem Generalen Weyrother thuhen werden, was das Beste unserer gemeinschaftlichen Sache und dem erworbenen Ruhm Ihrer Armee dienlich sein kann, so wie Sie die gute Stimmung Ihrer ausgezeichneten Krieger zu benutzen wissen werden.

Trachten Sie das Corps des Fürsten Lichtenstein (den Feldmarschall-Lieutenant Fürsten Auersperg sah ich mich bemüßigt ablösen zu lassen) von allen Ihren Bewegungen und Absichten zu verständigen, damit es nach meiner Anweisung Ihre Operationen mit Bedrohung der feindlichen Flanqua und Rückens unterstützen kann und erhalten Mich in genauster Kenntniß jeder Ihrer Bewegungen und vorhaben, wobei der thätige Feind, dessen Unternehmungen bisher das Glück jeder Art begünstigt hatte, keine Zeit zu lassen ist.

Ich erwarte mit Ungeduld den Kaiser, Ihren Herrn, und Mein angelegentlichstes erstes Geschäft wird sein Sie und Ihre ganze Armee, wie Sie es insgesammt verdienen, anzuempfehlen, so

тѣмъ я еще разъ повторяю всѣмъ, а вамъ въ особенности, вышеупомянутую мою благодарность, пожелавъ вамъ и впредь счастія въ предстоящихъ и, быть можетъ, важныхъ предпріятіяхъ. **Францъ.**

9) Брюннъ, 14-го ноября 1805 г. 1/211 часа ночи. Любезный генералъ-аншефъ, графъ Кутузовъ! Сію минуту получены здѣсь изъ Вѣны достовѣрныя свѣдѣнія, что одинъ корпусъ, состоящій изъ непріятельскихъ дивизій Ланна и Сульта, направляется черезъ Штокерау, прямо на русскую армію, а другой, черезъ Штаммерсдорфъ, на войска фельдмаршалъ-поручика князя Лихтенштейна.

При таковыхъ обстоятельствахъ, при которыхъ корпусъ Лихтенштейна въ одно и тоже время занимается непріятелемъ и подвергается его натиску, необходимо, чтобы оба корпуса по одному направленію отступили къ Брюнну и далѣе, къ Ольмюцу, къ приближающимся подкрѣпленіямъ,—что̀ для васъ не представитъ большихъ трудностей, такъ какъ вы уже находились въ Голлербруннѣ, когда непріятель вступалъ въ Штокерау.

Я счелъ необходимымъ сообщить вамъ объ этомъ, дабы вы, смотря по обстоятельствамъ, могли бы и усиленными переходами совершить отступленіе, имѣющее важную цѣль соединенія всѣхъ боевыхъ силъ, тѣмъ болѣе, что непріятель приближается весьма быстро.

Я каждый день буду ожидать отъ васъ вѣстей черезъ курьеровъ. **Францъ.**

---

wie Ich meine obige Danksagung hier nochmals bei Ihnen insbesondere, als bei der ganzen Armee wiederhole und Ihnen zu ferneren und vielleicht wichtig werdenden Unternehmungen Glück wünsche. Franz.

Brünn, den 14 November 1805.

9) Lieber General en-chef Gr. Kutusow! Diesen Augenblick trefen zuverläßige Nachrichten von Wien hier ein, daß ein aus den beiden feindlichen Divisionen Lasne und Soult bestehendes Korps über Stockerau sogleich gegen die russisch Kaiserliche Armee, und ein anderes Korps über Stammersdorff gerade gegen die Truppen des Feldmarschall-Lieutenant Fürsten Lichtenstein anrücke. Bei diesem Umstand nun, wo zugleich das erstgedachte Lichtensteinische Korps beschäfftigt und gedrückt wird, muß der Bedacht genommen werden, daß die beiden Truppencorps auf gleicher Höhe gegen Brünn und weiter gegen Ollmütz auf die herbeikommenden Verstärkungen sich zurückziehen, welches Ihnen um so leichter werden dürfte, da Sie bereits in Hollebrunn waren, als der Feind in Stockerau eintraf. Ich glaubte Sie ungesäumt zur Nachachtung verständigen zu müssen, damit Sie nach Umständen, um den wichtigen Zweck der Vereinigung aller Streitkräfte nicht zu verfehlen, auch, nöthigenfalls, in starken Märschen sich zurückziehen mögen, weil der Feind eben schnell vorgeht. Ich erwarte täglich von Ihnen Nachrichten mittelst Kuriers. Franz.

Brünn, den 14 November 1805, um 1/211 Uhr Nachts.

10) Брюннъ, 15-го ноября 1805 г. Любезный генералъ-аншефъ графъ Кутузовъ! Изъ вашего донесенія отъ 13 числа с. м. я съ удовольствіемъ усмотрѣлъ, съ какой точностью вы выполняете мои указанія, за что я вамъ обязанъ. При вѣрномъ прибытіи къ Цнайму и при точномъ соглашеніи съ моимъ фельдмаршаломъ-поручикомъ княземъ Лихтенштейномъ, непріятелю не удастся воспрепятствовать соединенію.

Такъ какъ мой фельдмаршалъ-поручикъ князь Гогенлое довелъ до моего свѣдѣнія, что при теперешнемъ сильномъ требованіи картъ, не было возможности достать карты Моравіи и Богеміи, то я съ удовольствіемъ посылаю вамъ одну карту Моравіи и одну Богеміи.

При настоящемъ отступленіи необходимо, чтобы обозъ вашей арміи былъ отведенъ болѣе назадъ, а потому я поручаю моему военному президенту сдѣлать нужное къ тому распоряженіе, а вамъ, съ вашей стороны, остается только отдать приказаніе, чтобы обозъ черезъ Напагедель и Бистрицъ, перешелъ въ Валахицъ-Мезеричь, который находится неподалеку отъ Нейтишгейма. **Францъ.**

11) Брюннъ, 17 ноября 1805 г. Любезный генералъ-аншефъ графъ Кутузовъ! Изъ донесенія фельдмаршалъ-поручика князя Лихтенштейна вы усмотрите, гдѣ расположился сегодня его корпусъ съ передовыми постами, и сколь войскà его, а вѣроятно и ваши, нуждаются въ отдыхѣ.

---

10) Lieber General en-chef Graf Kutusow! Ich habe aus ihrem Berichte vom 13-ten D. mit Vergnügen ersehen, mit welcher Genauigkeit Sie Meine Weisungen in Vollzug setzen, wofür Ich Ihnen verbunden bin. Durch das sichere Eintreffen zu Znaym und durch das genaue Einvernehmen mit meinem Feldmarschall-Lieutenant Fürsten Lichtenstein, wird es dem Feinde nicht gelingen die Vereinigung zu hindern.

Da Mir Mein Feldmarschall-Lieutenant Fürst Hohenlohe anzeigt, das bei dem gegenwärtigen starken Aufkauf der Karten jene von Böhmen und Mähren nicht aufzubringen wären, so übersende Ich Ihnen hier mit Vergnügen eine Karte von Böhmen und eine von Mähren.

Bei dem gegenwärtigen Rückzug wird auch nöthig, daß die Bagage Ihrer Armee weiter rückwärts verschafft werde. Ich trage daher Meinem Kriegs-präsidenten auf das Nöthige diesfalls zu veranlassen und erübrigt nur, daß Sie auch Ihrerseits den Befehl geben, daß die Bagage nunmehr über Napagedl, Bistriz, nach Wallachisch Meseritsch sich verfüge, welches ohnweit Neutischeim liegt. Franz.

Brünn, den 15-ten Nov. 1805.

11) Lieber General en-chef Graf Kutusow! Aus dem Bericht des Feldmarschall-Lieutenants Fürsten Lichtenstein werden Sie ersehen, wo sich derselbe mit seinem Corps, und wo dessen Vorposten sich heute befinden, und wie sehr seine Truppen, und wahrscheinlich ebenso die Ihrigen, einiger Erholung bedürfen.

Затѣмъ я еще разъ ссылаюсь на сообщенное мнѣ вчерашняго числа вамъ и генералу Вейротеру, т.-е., что сегодня, послѣ ожидаемаго благополучнаго соединенія съ фельдмаршалъ-поручикомъ Лихтенштейномъ, близъ Порлица,—если только на то представится возможность, въ чемъ я впрочемъ нисколько не сомнѣваюсь, — войска будутъ построены такъ, какъ того потребуютъ обстоятельства. Этимъ выиграется время, которое весьма дорого.

Расположенный въ здѣшнихъ мѣстахъ русскій кавалерійскій полкъ я отправляю на дорогу къ Порлицу. Вы дадите ему подробнѣйшее приказаніе на счетъ его присоединенія къ арміи.

Завтра первая колонна корпуса Буксгевдена прибудетъ въ Порлицъ или туда, куда стоять ей будетъ назначено, а потому было бы необходимо сегодня же послать нужное ей приказаніе.

Считаю также необходимымъ сообщить вамъ, что первая колонна подъ командою генерала Беннигсена завтра прибываетъ въ Траутенау, и что я приказалъ ей направиться, черезъ Кукленъ и Гогенмаутъ, въ Литтау, куда къ 26-му можетъ прибыть и самый корпусъ. Къ сему еще присовокупляю, что генералу Вейротеру назначено находиться при васъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ ознакомленъ всѣмъ имѣющій прибыть къ вамъ полковникъ Вимпфенъ.

12) Голличь, 6-го декабря 1805 г. Любезный генералъ-аншефъ Кутузовъ! Рядъ несчастныхъ событій причиною тому, что мы должны

Ich muß mich demnach nochmals auf Dasjenige beziehen, was Ich unter gestrigem dato Ihnen und dem Generalen Weyrother mitgegeben; nähmlich, das heute nach der glücklich zu erwartenden Vereinigung mit dem Feldmarschall-Lieutenant Lichtenstein bei Porliz, wenn es anders möglich ist, woran Ich gar nicht zweifle, sich aufgestellt und nach Umständen gehalten werden möchte, weil dieser Zeitgewinnst von großem Werth ist.

Das in hiesiger Gegend gelegene russisch Kaiserl. Cavallerie-Regiment schicke Ich auf der Straße nach Porliz vor, welchem die weitern Befehle, wegen dessen Anschließung an die Armee, entgegen zu senden nöthig wird.

Morgen trifft die erste Colonne des Bourhoevdenschen Corps in Porliz, oder da wo wir es aufstellen wollen, ein, weswegen selber noch heute die nöthige Weisung entgegen zu schicken wäre. Auch muß Ich mittheilen, das die 1-ste Colonne des Corps unter Commando des Generalen Benningson morgen zu Trauttenau eintrifft, und Ich habe es angewiesen die Direction über Kuklen, Hohenmauth nach Littau zu nehmen, wo die Tête bis zum 26 d. M. antreffen könnte; welchem noch beirücke, daß der General-Major Weyrother fortan bei Ihnen und so lange zu verbleiben haben wird, biß der Obrist Wimpfen eingetroffen und von Allem in gehöriger Kenntniß sein wird. Franz.

Brünn, den 17 Nov. 1805.

12) Lieber General en-chef Graf Kutusow! Eine Reihe unglücklicher Ereignisse haben den Zeitpunkt früher herbeigeführt, den Ich und Sie und ein Jeder, dem die gemeinschaftliche gute

разстаться съ вами раньше, чѣмъ ожидали я и вы, и каждый, кому было дорого наше общее доброе дѣло. Разлука наша должна бы послѣдовать позже и при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ.

Пользуюсь послѣдними минутами вашего пребыванія, чтобы сказать вамъ, что вы заслужили и мое уваженіе и мою благодарность. Я вполнѣ признаю ваши старанія, ваше усердіе и вашу преданность мнѣ, государю императору вашему и общему нашему интересу, и чувствую, какъ вамъ должно быть больно, что всѣ ваши старанія не увѣнчались тѣмъ успѣхомъ, котораго онѣ заслуживали. Мнѣ остается только желать, чтобы эти мои завѣренія послужили вамъ нѣкоторымъ успокоеніемъ, и хотя я не опасаюсь, что ваши воспоминанія обо мнѣ будутъ напоминать вамъ и неблагопріятныя минуты, прожитыя со мною, тѣмъ не менѣе, для меня онѣ всегда будутъ радостны и я душевно желаю, чтобы и съ вами было тоже. Прошу васъ принять увѣреніе въ моемъ почтеніи и моей благосклонности и передать тоже и подчиненнымъ вамъ генераламъ и всей вашей арміи. **Францъ.**

13) Голличь, 6 декабря 1805 г. Любезный генералъ-аншефъ графъ Кутузовъ! Послѣ того какъ корпусъ генералъ-лейтенанта фонъ-Эссена уже прибылъ въ Скалицъ и императоръ россійскій съ императоромъ Наполеономъ согласились не предпринимать болѣе никакихъ наступательныхъ движеній, помянутому корпусу, при предстоящемъ отступленіи, остается только присоединиться къ командуемой вами арміи; почему нужно будетъ предварительно объявить объ этомъ генералъ-

---

Sache am Herzen war, erst später und nach günstigeren Umständen wünschen und erwarten konnte, nämlich gegen unserer Trennung. Ich benutze diese letzten Augenblicke Ihrer Anwesenheit, um Ihnen zu sagen, daß Sie in gleichem Grade meine Achtung und Meinen Dank mitnehmen. Ich verkenne Ihre Bemühungen, Ihren Eifer und Ihre Ergebenheit für Mich und den Kaiser, Ihren Herrn, und unser gemeinsames Interesse gewiß nicht, und weiß wie empfindlich es Ihnen fällt, daß diese Ihre aufrichtigen Bemühungen nicht jenen Erfolg hatten, den sie verdienten. Ich wünsche nur, daß diese meine Versicherungen Ihnen zu einiger Beruhigung dienen mögen. Wenn Ich übrigens nicht besorgen darf, daß die Erinnerung an Mich zugleich jene an die widrigen Momente erweckt, die wir zusammen erlebten, so wird sie Mich immer freuen und Ich ersuche Sie darum, so wie Ich Sie auch hiemit Meines Andenkens, Meiner Achtung und Gewogenheit versichere. Ein Gleiches sagen sie Ihren unterhabenden Generals und der ganzen Armee. Franz.

Hollitsch, am 6 Dec. 1805.

13) Lieber General en-chef Graf Kutusow! Nachdem das Corps des General-Lieutenants v. Essen sich bereits in Skalitz befindet und nach der Uebereinkunft des Kaisers von Rußland mit dem Kaiser Napoleon jede Vorrückung unterbleiben muß; so erübriget nichts Anderes, als daß sich bei dem bevorstehenden Rückmarsch das obbesagte Corps an die unter Ihren Befehlen stehende Armee anschließe, weswegen es nöthig ist, daß Sie den General-Lieutenant Essen hievon vorläufig ver

лейтенанту фонъ-Эссену и велѣть ему, впредь до полученія приказанія, оставаться съ войсками въ Скалицѣ. **Францъ.**

14) Голличь, 7 декабря, 1805 г. Любезный генералъ-аншефъ графъ Кутузовъ! Я смотрю съ успокоеніемъ на довольство штабъ и оберъ-офицеровъ моихъ войскъ, которые были прикомандированы къ ввѣренной начальству вашему арміи.

Радуюсь, что они соотвѣтствовали моимъ видамъ, которымъ я хотя и давалъ особенную цѣну, но которые трудно было одобрить; а потому я въ свое время и при первомъ удобномъ случаѣ не премину выказать имъ мою признательность. **Францъ.**

15) Голличь, 11 декабря, 1805 г. Любезный генералъ-аншефъ графъ Кутузовъ! Хотя мой военный президентъ уже приказалъ расположеннымъ въ Моравіи частямъ обозовъ и тяжелой артиллеріи императорской россійской арміи двинуться къ западной части Галиціи въ Олкушъ, тѣмъ не менѣе необходимо и вамъ подтвердить начальникамъ ихъ это приказаніе и сказать имъ, чтобы, за исключеніемъ обоза корпуса великаго князя Константина, они отправились изъ Олкуша далѣе къ Лембергу, гдѣ должны прослѣдовать главныя части командуемаго вами корпуса и корпуса генералъ-лейтенанта Буксгевдена, и тамъ, присоединясь къ нимъ, могли достигнуть Узціатинъ, Броды и Володимірзцъ.

---

ständigen, und den Auftrag ertheilen, daß er bis weiteren Befehl, mit seinen unterhabenden Truppen in Skalitz verbleibe. Franz.

Hollitsch, den 6 December 1805.

14) Lieber General en-chef Graf Kutusow! Ich sehe mit vieler Beruhigung die Zufriedenheit mit denen Staabs- und Oberofficiers Meiner Truppen, welche bei der, ihren Befehlen anvertrauten Armee zugetheilt waren. Ich freue mich, daß selbe Meinen Absichten entsprochen, und da diese nicht leicht eine Empfehlung haben konnten, worauf Ich so besondern Werth setzte, so werde ich auch gewiß seiner Zeit und bei sich ereignenden guten Gelegenheiten auf die Anempfohlenen deren Bedacht zu nehmen nicht vergessen. Franz.

Hollitsch, am 7 Dec. 1805.

15) Lieber General en-chef Graf Kutusow! Es hat zwar Mein Kriegs-Präsident denen in Mähren zurück aufgestellt gewesenen Abtheilungen der russisch Kaiserl. Armee Bagagen und schweren Artillerie die Weisung gegeben, sich nach Olkusch im westlichen Theil Galliziens zu verfügen. Zu sichererem und schleunigerem Erfolg wird es sehr nöthig, daß Sie nicht nur sogleich an die Kommandanten der Bagagen diesen Befehl gemessenst widerholen, sondern noch weiters denenselben bestimmt auftragen, daß sie sich (mit Ausnahme der Bagagen des Corps des Großfürsten Constantin), von Olkusch sonach weiter gegen Lemberg begeben, wo der größte Theil des Corps unter Ihren Befehlen und jenes des General-Lieutenants Bourhövden vorbeiziehen und sich dort an selbe anzuschließen, um nach Ueziatin, Brody und Wolodimirz zu gelangen.

Находящемуся же теперь близъ Кракова или Олкуша обозу корпуса великаго князя Константина, слѣдуетъ обождать тамъ корпусъ, который долженъ направиться изъ Кзасча по Яблункауской дорогѣ, черезъ Кенты, Краковъ и Люблинъ, къ Пржелитевску. **Францъ.**

16) Голличь, 11-го декабря 1805 г. Господинъ генералъ-аншефъ! Я изъ письма вашего отъ 9-го числа съ удовольствіемъ усматриваю, что вами предприняты, согласно условіямъ, установленнымъ во время перемирія, всѣ мѣры къ передвиженію арміи его величества императора россійскаго.—Если колонны пойдутъ безпрепятственно по весьма мудро составленному вами, господинъ генералъ-аншефъ, плану, то французская армія о томъ и подозрѣвать не будетъ.

Францъ.

17) Голличь, 16-го декабря 1805 г. Любезный генералъ-аншефъ графъ Кутузовъ! Изъявляю вамъ особенное мое удовольствіе за вниманіе ваше выставить черезъ генералъ-лейтенанта князя Долгорукова посты по дорогѣ отъ Фрейбурга; но такъ какъ теперь въ тѣхъ мѣстахъ находится достаточное число моихъ войскъ, которыя приняли на себя содержаніе карауловъ, то прошу васъ отозвать вышепомянутаго генералъ-лейтенанта съ его войскомъ, и направить его, по общепринятому маршруту, въ назначенныя для него мѣста.

Францъ.

Die Bagage des Corps des Großfürsten, welche bei Krakau oder Olkusch sein dürfte, hat das Corps dort abzuwarten, welches von der Jablunkauer Straße und eigentlich schon von Csacsa aus, über Kenty, Krakau und Lublin, nach Przelitevsky, vel Brzecz- seinen Marsch nimmt. Franz.

16) Hollitsch, ce 11 dec. 1805. Monsieur le général-en-chef. Je vois avec plaisir, par votre lettre du 9, que vous avez pris toutes les mesures pour mettre en mouvement l'armée de sa majesté l'empereur de russie, en consequence de ce qui fût stipulé à l'époque de la conclusion de l'armistice. Si la marche des colonnes s'affectue sans interruption, suivant le plan très sagement conçu par vous, monsieur le général-en-chef, l'armée française n'aura aucunement lieu de prendre ombrage. François.

17) Lieber Genrral en-chef Graf Kutusow! Sie haben die Aufmerksamkeit gehabt durch den General-Lieutenant Fürsten Dolgoruky eine Postirung von Freyberg aus aufzustellen, welches ich mir besonderer Zufriedenheit erkenne. Da sich jedoch dermal Meine Truppen in hinlänglicher Zahl in dortiger Gegend befinden und die Bewachungen übernommen haben, so ersuche Ich Sie den obgedachten General-Lieutenant mit seinen Truppe abzurufen, und nach dem allgemeinen Marschplan auf die für diese Truppe bestimmte Route zu inotrodiren. Franz.

Hollitsch, den 16 Dec. 1805.

Примѣчаніе. Семнадцать писемъ императора австрійскаго Франца I († 2 марта 1834 г.) къ М. И. Голенищеву-Кутузову относятся къ одной изъ замѣчательнѣйшихъ эпохъ въ исторіи войнъ Россіи, именно къ 1805 году. Письма эти охватываютъ время менѣе двухъ мѣсяцевъ, съ 26 октября по 16 декабря, но за то—какое время!!

Корреспонденція Франца I съ русскимъ военачальникомъ ведется при обстоятельствахъ самыхъ роковыхъ для перваго и весьма трудныхъ для послѣдняго. 36-т. австрійскій корпусъ, подъ начальствомъ Макка, 19 октября взятъ въ плѣнъ. Французы быстро подвигаются къ столицѣ Австріи. Австрійскіе военачальники, своею бездарностью и вслѣдствіе того рядомъ неудачныхъ дѣйствій, сильно мѣшаютъ Кутузову, и, при всѣмъ томъ, старый вождь маневрируетъ искусно, а его пособники — кн. Багратіонъ, Милорадовичъ, Витгенштейнъ, Дохтуровъ, подполковникъ А. П. Ермоловъ и друг. являются исполнителями вполнѣ достойными и даровитыми военачальниками безстрашнаго русскаго войска. Въ этой борьбѣ Наполеонъ и его маршалы (Удино, Мортье, Мюратъ и друг.) впервые помѣрялись съ русскими и нашли въ нихъ врага вполнѣ стойкаго и исполненнаго безпредѣльнаго мужества. 24 октября—произошло удачное для русскихъ дѣло при Амштеттенѣ; затѣмъ въ то время, какъ $\left(\frac{\text{23 октября}}{\text{4 ноября}}\right)$ Францъ I, по надлежащемъ обсужденіи дѣла съ своими совѣтниками, рѣшается покинуть на произволъ непріятеля столицу своей имперіи, русская армія вновь одерживаетъ успѣхъ надъ французами и значительно бо́льшій противъ перваго, то было кровавое побоище Дохтурова и Милорадовича съ Мортье—при Кремсѣ $\left(\frac{\text{30 октября}}{\text{11 ноября}}\right)$. Францъ I посылаетъ Кутузову за эту побѣду орденъ Маріи Терезіи 1-й степени, который въ Россіи прежде имѣлъ только в. к. Константинъ Павловичъ и Суворовъ. Императоръ Александръ пишетъ къ Кутузову самый лестный рескриптъ («Русская Старина» стр. 489).

Одновременно съ мужественнымъ дѣйствіемъ русскихъ продолжаются унизительныя дѣйствія австрійцевъ: два дня спустя послѣ битвы при Кремсѣ, Вѣна безъ выстрѣла сдается гр. Ауэрспергомъ (см. выше письмо VIII) непріятелю, а Францъ I перебирается писать свои письма къ Кутузову—и начертывать неудобоосуществимые планы, инструкціи и указанія въ Брюннъ и другія безопасныя мѣста.... Не для чего перечислять послѣдующія событія, хорошо всѣмъ извѣстныя; но положительно интересно нашимъ читателямъ прослѣдить по письмамъ Франца I отношенія его къ совершившимся событіямъ. Личность этого вѣнценосца, вполнѣ достойнаго тѣхъ постыдныхъ положеній, какія выпадали на его долю вплоть до сверженія Наполеона, — довольно ярко очерчивается въ приведенныхъ нами весьма интересныхъ документахъ. Вѣчно устраивающій совѣты, творящій планы, Францъ сыплетъ въ Кутузова то указаніями какъ дѣйствовать, указаніями, принимаемыми умнымъ полководцемъ большею частью лишь къ свѣдѣнію, то наводняетъ его главную квартуру столь неискусными помощниками, каковы Вейротеръ, славный своею бездарностью еще со времени кампаніи 1796 года, либо генералами: Мерфельдъ, Штраухъ, Гергардъ и друг.

Вялый, мелочной, двуличный, лживый, одинъ изъ холоднѣйшихъ и себялюбивѣйшихъ людей—вотъ какимъ является императоръ австрійскій Францъ I въ отзывахъ о немъ вполнѣ безпристрастныхъ современникомъ *). Таковъ онъ

*) Приближаясь къ старости, Францъ I, какъ извѣстно, сдѣлался совершеннымъ кретиномъ: цѣлые дни проводилъ онъ въ собственноручной фабри-

былъ въ дѣйствительности, такимъ выступаетъ и въ письмахъ къ Кутузову, покрайней мѣрѣ нѣкоторыя черты этихъ свойствъ характера Франца I можно легко подмѣтить при чтеніи его посланій. Между прочимъ, въ началѣ переполненныя комплиментами и выраженіями чувства безпредѣльнаго уваженія *), эти письма въ декабрѣ мѣсяцѣ, когда Кутузовъ былъ уже не нуженъ Францу, принимаютъ тонъ холодный и обычныя увѣренія въ нѣжныхъ чувствахъ исчезаютъ. Послѣднія шесть писемъ Франца писаны имъ уже послѣ того, какъ (22 ноября / 4 декабря) онъ собственною персоною своею предсталъ предъ Наполеономъ и униженно просилъ мира.

Обращаясь къ напечатаннымъ нами письмамъ Франца I, мы должны оговориться относительно порядка ихъ напечатанія: русскій переводъ напечатанъ нами прежде и притомъ болѣе крупнымъ шрифтомъ, нежели иностранные ихъ подлинники. Подобному порядку печатанія документовъ въ «Русской Старинѣ», имѣющей въ виду по преимуществу—русскихъ читателей, мы будемъ придерживаться предпочтительно предъ противуположнымъ способомъ изданія.

Въ заключеніе считаемъ необходимымъ замѣтить, что въ сочин. Михайловскаго-Данилевскаго: Описаніе войны 1805 г. (Спб. 1844 г.) помѣщены выборки изъ нѣкоторыхъ, нами напечатанныхъ писемъ Франца I; выборки эти, притомъ не безошибочныя, ни мало не устраняютъ необходимость напечатать все это собраніе писемъ цѣликомъ. Что мы и сдѣлали.

Ред.

Баронъ Карлъ фонъ-Фуль.

1757—1826.

(изъ воспоминаній контръ-адмирала А. В. Фрейганга).

Читатели наши, безъ сомнѣнія, помнятъ въ высшей степени мастерски обрисованнаго гр. Л. Н. Толстымъ въ его романѣ «Война и миръ»—генерала-прожектера, названнаго у него Пфулемъ. Въ настоящей замѣткѣ представляется нѣсколько данныхъ изъ біографіи этого чудака заѣзжаго нѣмца, который едва не погубилъ всей русской арміи въ 1812 году. Ред.

Баронъ Карлъ Людвигъ Августъ фонъ-Фуль (Phull) родился въ Штутгартѣ въ 1757 г. и скончался тамъ же послѣ кратковременной болѣзни $\frac{13}{25}$ апрѣля 1826 года, на 69 году.

каціи сургуча, либо въ стояніи у окна для пересчитыванія проѣзжающихъ мимо экипажей; въ манію обратилась у него также страсть убивать — мухъ. Для этого у Франца было много самыхъ затѣйливыхъ хлопушекъ. Жестокость и неспособность въ молодости и кретинизмъ къ старости — это отличительныя черты не одного Франца I, но, за немногими исключеніями, почти всѣхъ австрійскихъ державцевъ. Ред.

*) Для вящаго ласкательства Францъ I титулуетъ Кутузова графомъ, между тѣмъ какъ этотъ титулъ Михаилъ Илларіоновичъ получилъ лишь шесть лѣтъ спуста, въ началѣ 1812 г. за бухарестскій миръ съ турками. Ред.

Окончивъ курсъ въ штутгартской гимназіи, въ которой преобладалъ классицизмъ и изъ которой онъ вынесъ неограниченную любовь къ древнимъ, въ особенности же къ латинскимъ авторамъ, любовь, не покинувшую его до послѣднихъ дней его жизни, и изучивъ самъ, безъ посторонней помощи, основательно математику, Фуль поступилъ въ военную службу. Не долго оставался онъ въ отечествѣ и вскорѣ перешелъ къ побѣдоноснымъ знаменамъ Фридриха II, короля прусскаго, который, обративъ вниманіе на любознательнаго и пытливаго юношу, включилъ его въ кружокъ небольшого числа даровитыхъ молодыхъ офицеровъ, съ которыми бесѣдовалъ о военномъ дѣлѣ и которымъ задавалъ письменныя задачи. Въ рѣшеніяхъ этихъ задачъ Фулю представился удобный случай высказывать свои познанія въ военныхъ дарованіяхъ Юлія Цезаря и сравнивать его дѣйствія съ походами и сраженіями новѣйшихъ временъ.

По смерти Фридриха II ученому теоретику пришлось участвовать при главныхъ штабахъ въ первой (1792) и второй (1806) бѣдственныхъ войнахъ Пруссіи противъ Франціи, въ войнахъ, послужившихъ тогда къ сравненію Пруссіи послѣ Фридриха II съ великолѣпными часами, въ которыхъ сломана пружина и которыми оправдались слова Мирабо о Пруссіи: „pourriture avant maturité".

Посланный по окончаніи войны съ порученіемъ въ Петербургъ къ императору Александру, Фуль произвелъ на русскаго монарха столь выгодное впечатлѣніе, что государь выпросилъ его для себя у прусскаго короля. Фуль сдѣлался любимцемъ Александра I и въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, въ извѣстные дни и часы, бесѣдовалъ съ своимъ высокимъ покровителемъ о высшихъ военныхъ соображеніяхъ. Эта безпредѣльная вѣра государя въ способности и познанія Фуля объясняетъ принятіе выдумки его о сооруженіи дрисскаго укрѣпленнаго лагеря, о которомъ маркизъ Паулуччи, вызванный въ главную квартиру государя съ Кавказа, гдѣ былъ генералъ-губернаторомъ, послѣ осмотра лагеря, сказалъ императору: „этотъ лагерь придуманъ или сумасшедшимъ или измѣнникомъ, котораго должно въ первомъ случаѣ засадить въ домъ умалишенныхъ, а во второмъ повѣсить". Паулуччи впалъ за этотъ отзывъ на короткое время въ немилость, но вскорѣ затѣмъ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Прибалтійскаго края, Фуль же получилъ въ 1814 году, послѣ продолжительной болѣзни, физической или политической, неизвѣстно, назначеніе посланника при Нидерландскомъ дворѣ. Это назначеніе было тѣмъ болѣе важное, что на Голландію, увеличенную Бельгіею, была возложена обязанность укрѣпить свои южныя окраины противъ Франціи*),

*) Въ 1817 году артиллеріи полковникъ Фирсовъ и инженеръ-капитанъ Са-

и довольно лестное, такъ какъ уже тогда предвидѣлось замужество великой княжны Анны Павловны за принца Оранскаго.

Фуль вышелъ въ отставку въ началѣ двадцатыхъ годовъ и поселился въ Штутгартѣ, гдѣ проводилъ время въ кругу короткихъ знакомыхъ, въ чтеніи древнихъ и новѣйшихъ авторовъ и въ сочиненіи статей, которыя печаталъ, но не пускалъ въ продажу, раздавая ихъ исключительно друзьямъ своимъ*). Онъ былъ два раза женатъ, но имѣлъ несчастіе, что обѣ жены сходили съ ума. Первая умерла въ этомъ состояніи, вторая же, заболѣвъ въ 1819 году, стала поправляться лишь по выѣздѣ изъ Голландіи въ Штутгартъ и окончательно выздоровѣла уже послѣ смерти мужа. Овдовѣвъ, она переѣхала въ Пруссію, откуда была родомъ. Отъ нея у Фуля дѣтей не было**). Вѣсть о кончинѣ обожаемаго имъ императора Александра Павловича была для него предсмертнымъ ударомъ.

Фуль, смотрѣвшій на Алекандра Павловича какъ на своего повелителя и благодѣтеля и благодаря монаршимъ щедротамъ, считалъ долгомъ представительствовать съ достоинствомъ Россію и дѣйствительно квартирою, лошадьми, обѣдами и вечерами затмѣвалъ всѣхъ прочихъ посланниковъ***). Между тѣмъ при дворѣ голландскомъ господствовала тогда величайшая бережливость и простота, чему причиною была преимущественно королева Фридерика-Луиза-Вильгельмина, дочь прусскаго короля Фридриха-Вильгельма, которая придумала для себя и двора даже особенный костюмъ необыкновенной простоты для искорененія разорительной роскоши.

Генералъ Фуль не зналъ русскаго языка и единственнымъ лицомъ, говорившимъ въ его домѣ по-русски, былъ его деньщикъ, Ѳедоръ Владыко, который, благодаря способностямъ и смѣтливости русскаго

пожниковъ ревизовали укрѣпленія, сооруженныя голландскимъ правительствомъ. А. Ф.

*) Мнѣ извѣстно, что въ архивѣ военнаго министерства находится большое число его рукописныхъ записокъ и проектовъ. А. Ф.

**) Въ продолженіи шести лѣтъ, которыя провелъ я на глазахъ генерала Фуля, ни одинъ изъ его родныхъ не пріѣзжалъ къ нему и я никогда не слыхалъ, чтобы у него были дѣти отъ первой жены, а въ надгробномъ словѣ, сказанномъ пасторомъ Кёстлиномъ, упоминается, что послѣ смерти Фуля остались жена, дѣти и сестра. См. Zum Andenken des verenigten Freiherrn, Carl Ludwig August von Phull, Kaiserlich Russischen generallieutenants welcher zu Stuttgart am 25 april 1826 verschied. Rede bei der feierlichen Beerdigung gehalten am 28 april 1826 von dem Stadtdecan, Oberconsistorialrathe Köstlin. Штутгартъ; 1826 г., in-8, 15 стр. Въ типографіи братьевъ Ментлеръ. А Ф.

***) Тогда посланниками были: англійскимъ лордъ Кланрикардъ, французскимъ — гр. Латуръ-дю-Пенъ (Pain), австрійскимъ — баронъ Биндеръ; при австрійскомъ посольствѣ состоялъ молодой человѣкъ, графъ Буль-Шауэнштейнъ, впослѣдствіи игравшій важную и къ Россіи столь враждебную роль; на сестрѣ его женился бывшій нашъ посланникъ въ Вѣнѣ — баронъ Мейендорфъ; прусскимъ—князь Гацфельдъ; еще помнится, что баронъ Вехтеръ былъ виртембергскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ. А. Ф.

человѣка, настолько понималъ по-нѣмецки, что могъ объясняться съ своими господами*).

Фуль былъ чрезвычайно добръ и ласковъ, а для секретарей посольства не начальникъ, а отецъ, въ особенности для старшаго, моего отца, къ которому самъ приходилъ вмѣсто того, чтобъ за нимъ присылать, причемъ старикъ каждый разъ являлся съ игрушками и гостинцами для дѣтей Фрейганга, которыхъ онъ и его жена баловали. Но взамѣнъ этихъ ласкъ, отцу моему, его любимцу, приходилось едва-ли не ежедневно выслушивать продолжительныя лекціи о тактикѣ и стратегіи и подчиняться настойчивому требованію Фуля, чтобъ онъ обучалъ старшаго сына, т.-е. меня, съ восьмилѣтняго возраста, латинскому языку**); при этомъ Фуль увѣрялъ, что „для каждаго человѣка, въ особенности же для военнаго, нужнѣе знать латынь, нежели какъ зовутъ рѣку, на которой построенъ городъ, въ которомъ родился" ***).

Сообщ. **А. В. Фрейгангъ.**

Письмо архимандрита Фотія къ А. С. Шишкову.

1824.

Радуйся братъ возлюбленный въ Христѣ, новый россійскій Лактанцій!

Я же радуюся, и спасенія и утѣшеній отъ св. Духа тебѣ прошу, и цѣлую тебя за премудрую, острую, и священную апологію противу врага церкви, отечества, и хитраго звѣря рыси.

Радуйся! Господь съ тобою. Твой о Господѣ рабъ убогій

ФОТІЙ.

Сообщ. о. **М. Я. Морошкинъ.**

13 дня мая 1824 года.

---

*) По выѣздѣ генерала Фуля изъ Голландіи, Ѳедоръ Владыко, превратившись въ Fredrik'a Wladek'a, поступилъ камердинеромъ къ принцу Оранскому. А. Ф.

**) Расположеніе генерала Фуля къ своему старшему секретарю имѣло, быть можетъ, отчасти причину и въ томъ, что послѣдній, по окончаніи своего воспитанія въ Петербургѣ и по вступленіи уже въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, былъ студентомъ въ Геттингенѣ (одновременно съ Александромъ Тургеневымъ, Андреемъ Кайсаровымъ, Павломъ Соколовичемъ, Максимомъ Успенскимъ и Д. Яншинымъ) въ 1803, 1804 и 1805 гг. и слѣдовательно также былъ болѣе или менѣе латинистомъ. А. Ф.

***) Вотъ что говоритъ М. И. Богдановичъ объ этомъ чудакѣ-теоретикѣ: «Генералъ Фуль, перешедшій изъ прусскаго генеральнаго штаба въ русскую службу, считался между своими земляками геніальнымъ человѣкомъ; но хотя

Примѣчаніе. Это привѣтствіе извѣстнаго архимандрита Юрьевскаго монастыря Фотія адмиралу Александру Семеновичу Шишкову при назначеніи его, взамѣнъ кн. А. Н. Голицына, министромъ народнаго просвѣщенія и главноуправляющимъ духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій. Независимо отъ личной ненависти и коварныхъ интригъ извѣстнаго изувѣра Фотія противъ кн. Голицына и митрополита Филарета, необходимо вспомнить, для объясненія радости Фотія, направленіе, которому держался Шишковъ. Слабый старикъ являлся въ званіи министра народнаго просвѣщенія не болѣе какъ жалкимъ орудіемъ такихъ людей, какъ Фотій, Аракчеевъ и друг. Направленіе новаго министра высказалось съ первыхъ же дней по вступленіи въ должность. См. его записки въ «Чтеніяхъ» 1868 г. кн. III. См. также отрывки изъ записокъ архим. Фотія въ «Чтеніяхъ» 1868 г. кн. I, въ «Русск. Архивѣ» 1869 г. и въ «Чтеніяхъ Моск. Общ. люб. дух. просвѣщ.» 1868 г.

Привѣтствіе написано на больш. листѣ сѣрой бумаги, весьма крупно.

Ред.

Александръ Семеновичъ Шишковъ.

1) Письмо вице-адмирала Шишкова къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ.

25 мая 1816.

Всемилостивѣйшая государыня! По волѣ вашего императорскаго величества я былъ на экзаменѣ дѣвицъ, приготовляемыхъ для воспитанія дѣтей. Вашему величеству угодно было приказать мнѣ говорить чистосердечно. Я, исполняя въ точности волю вашу, осмѣливаюсь изъявить передъ вами мнѣніе мое безъ всякой лести, въ которую перо мое, благодаря Бога, по сію пору никогда не было обмокнуто. Я почитаю заведеніе сіе самымъ полезнѣйшимъ и благотворнымъ для нашего отечества. Мы по сіе время имѣли совершенный въ томъ недостатокъ; но что можетъ быть хуже какъ недостатокъ въ воспитаніи дѣтей? Однако еще хуже замѣнять оный иностранными воспитателями. Не оттого я такъ думаю, чтобы презиралъ иностранцевъ или-бы почиталъ ихъ худшими насъ людьми. Сохрани меня Боже отъ толь самолюбивой и несправедливой мысли! Но я мню, что вся-

---

ему нельзя было отказать ни въ умѣ, ни въ образованіи, однако же его свѣдѣнія были крайне односторонни. Погруженный въ щепетильное изученіе дѣйствій Юлія Цесаря и Фридриха Великаго, онъ не разгадалъ ихъ духа, не разъяснилъ своихъ свѣдѣній здравымъ изслѣдованіемъ и не дополнилъ ихъ понятіемъ о новѣйшихъ, болѣе близкихъ, военныхъ событіяхъ. Упражняясь весь свой вѣкъ въ трудахъ, непримѣнимыхъ ни къ чему дѣльному, онъ, въ продолженіи шестилѣтняго пребыванія въ Россіи, не изучилъ даже русскаго языка и не пріобрѣлъ ни малѣйшихъ свѣдѣній о государственныхъ и военныхъ учрежденіяхъ Россіи. Императоръ Александръ имѣлъ большое довѣріе къ нему, пока не убѣдился въ его неспособности». (Истор. цар. Алекс. I. изд. 1869 г., т. III, стр. 175).

кая нація должна имѣть свое честолюбіе, свою народную гордость, безъ чего не можетъ быть ни любви къ отечеству, ни твердаго и благороднаго духа. Какъ можетъ не упасть въ уничиженіе духъ того народа, который самъ въ себѣ отвергаетъ способность воспитывать своихъ дѣтей, словно какъ-бы природа лишила его возможности быть просвѣщеннымъ и благонравнымъ народомъ, и что для пріобрѣтенія сихъ достоинствъ долженъ онъ непремѣнно прибѣгать къ помощи иностранцевъ? Можетъ-ли отецъ, при толь уничижительныхъ объ отечествѣ своемъ мысляхъ, вложить въ душу сына своего возвышеннѣйшее, почтительнѣйшее о народѣ своемъ мнѣніе? Я не отрицаю, чтобъ въ числѣ воспитывающихъ насъ иностранцевъ не могли быть благородные, честные и просвѣщенные люди; но они, при всѣхъ сихъ достоинствахъ и даже добромъ намѣреніи своемъ, не въ состояніи поправить зла, какъ скоро собственное наше мнѣніе о самихъ себѣ такъ худо. Итакъ, всемилостивѣйшая государыня, по образу мыслей и чувствъ моихъ, я могу сказать смѣло, что намѣреніе вашего величества приуготовить собственныхъ своихъ дядекъ и нянекъ (сіи слова потеряли у насъ свою силу, но нѣкогда означали онѣ тѣхъ, которые заступаютъ мѣсто отцевъ и матерей), есть самое нужнѣйшее и благотворнѣйшее для Россіи. Оно поправитъ ошибку величайшаго изъ монарховъ, Петра Великаго. Онъ ввелъ науки и просвѣщеніе но не взялъ осторожности не допустить вмѣстѣ съ ними войдти духу уничиженія. Отселѣ есть у насъ науки, но нѣтъ ихъ корня; есть просвѣщеніе, но не собственное свое, а потому непозволяющее быть намъ самими нами: мы почитаемъ себя какъ-бы твореніемъ рукъ чуждыхъ народовъ. Отселѣ начало нравственнаго нашего рабства, отъ котораго мы, при всей силѣ и торжествѣ оружія, освободиться не можемъ; ибо отъ сего не силою оружія освобождаются, но духомъ честолюбія и народной гордости, тогда только рождающейся въ душахъ нашихъ, когда воспитываютъ насъ собственные наши отцы, матери и наставники. Вотъ, всемилостивѣйшая государыня, чистосердечное чувствъ моихъ признаніе, которое повелѣли вы мнѣ сказать. Вашего императорскаго величества всенижайшій.

2) Проектъ манифеста о бракосочетаніи в. к. Николая Павловича, составленный Шишковымъ, съ поправками императора Александра I-го.

1817 г.

Божіею милостію, мы Александръ Первый императоръ и самодержецъ всероссійскій и прочая и прочая и прочая, объявляемъ всѣмъ нашимъ вѣрноподданнымъ:

Всемогущій Богъ, управляющій судьбами царствъ и народовъ, изліявшій въ недавнія времена толикія милости и щедроты на Россію, обращаетъ и нынѣ милосердый на нее взоръ свой. Волѣ его святой угодно, да умножится россійскій императорскій домъ, и да укрѣпится въ силѣ и славѣ своей родственными и дружескими союзами съ сильнѣйшими на землѣ державами. По манію и благословенію Того, въ Его-же десницѣ сердце царей, и съ согласія вселюбезнѣйшей родительницы нашей государыни императрицы Маріи Феодоровны, мы совокупно съ Его величествомъ Королемъ Прусскимъ Фридрихомъ Вильгельмомъ III положили на мерѣ, избрать Дщерь его свѣтлѣйшую принцессу Шарлоту, въ супруги вселюбезнейшему Врату нашему велик: кн. Николаю Павловичу согласно собственному его желанію. Сего Іюня въ 24-й день*), но благословенію и благодати Всевышняго, воспріяла она православное грекороссійскія церкви исповѣданіе**) и при святомъ мѵропомазаніи нарѣчена Алек:—Феодор., а сего-жъ іюня 25 дня, въ присутствіи нашемъ и при собраніи духовныхъ и свѣтскихъ особъ въ придворной Зимняго дворца соборной церкви совершено предшествующее браку высокосочетавающихся обрученіе. Возвѣщая о семъ вѣрнымъ нашимъ подданнымъ повелѣваемъ ее, свѣтлѣйшую принцессу отъ нынѣ***) именовать великою княжною съ титуломъ Ея Императорскаго Высочества. Данъ въ престольномъ нашемъ градѣ С.-Петербургѣ, іюня 25-го, въ лѣто отъ Рождества Христова 1817, царствованія нашего въ седьмоенадесять.

Примѣч. Манифестъ съ приведенными поправками императора Александра Павловича напечатанъ въ П. С. Зак. во II-мъ собран. т. XXXIV № 26,939.

3) Докладная записка Шишкова и отвѣтъ императора Александра Павловича.

Іюля 2 дня, 1824 г.

Министръ просвѣщенія Шишковъ, по приглашенію графа Аракчеева пріѣхать къ нему въ Грузино на 5 и 6 числю сего мѣсяца, проситъ позволенія въ субботу, то есть 5-го числа, отлучиться туда, послѣ или прежде доклада, какъ ему позволено будетъ.

*) Эти строки написаны рукою императора взамѣнъ слѣдующихъ зачеркнутыхъ имъ словъ Шишкова: «избрали мы, по желанію вселюбезнѣйшаго брата нашего великаго князя Николая Павловича, въ супругу ему, дщерь его величества короля прускаго Фридриха Вильгельма III, свѣтлѣйшую принцессу Шарлоту. Нынѣ сего іюня въ 24-й день» и проч.

**) Слова эти написаны императоромъ взамѣнъ слѣдующихъ: «православную греческаго исповѣданія вѣру....»

***) Это слово рукою императора зачеркнуто.

Рукою государя написано карандашемъ: „весьма согласенъ, и дабы вамъ удобнее было ехать я васъ приму въ Суботу въ одиннатцать часовъ утра, въ Красномъ сѣлѣ“.—На пакетѣ написано: „Министру народнаго просвѣщенія“.

4) Письмо императора Александра Павловича къ гр. А. И. Коновницыной.

13 сентября 1822 г. Графиня Анна Ивановна*). Узнавъ съ живѣйшимъ прискорбіемъ о кончинѣ супруга вашего, изъявляю вамъ искреннее сожалѣніе мое о постигшемъ васъ несчастіи. Отличныя услуги, оказанныя имъ на полѣ чести и во время мира содѣлали потерю его столь же чувствительною для отечества, сколько и для его семейства.

Я желаю, чтобы вы съ покорностію къ волѣ Всемогущаго перенесли оную и обрѣли бы утѣшеніе свое въ уповаціи на Его милосердіе, также и въ воспоминаніи примѣрной жизни покойнаго.

Пребываю къ вамъ навсегда доброжелательнымъ.

„Александръ“.

«Въ г. Вѣнѣ, 13 сентября 1822 г.»

Письма в. кн. Николая Павловича къ П. П. Коновницыну **).

1) Милый мой Петръ Петровичъ! Пользуясь вашимъ позволеніемъ дать Ханыкову коммисіи для меня въ Лондонѣ; прилагаю при семъ записку тѣхъ вещей, которыя желаю я достать; простите моей дерзости. Имѣю честь вамъ донести, что Государю Императору угодно было меня назначить для завтрешняго парада бригаднымъ командиромъ Л. Г. Измайловскаго и Егерскаго полковъ. Я весьма щастливъ этимъ; принимая сіе знакомъ Государевой ко мнѣ милости.

вашъ на вѣки Николай.

2) 30 мая 1817 г. Благодарю васъ милый мой Петръ Петровичъ за увѣдомленіе о пріѣздѣ вещей изъ Тулы равно и за списокъ онымъ. Вещей сихъ я еще не получалъ и буду васъ просить приказать ко мнѣ доставить или завтра или после завтра до 12 часовъ. При семъ случае благодарю васъ сердечно за милости къ полку о которыхъ меня увѣдомляютъ а равно и за доставленіе жалованія Штабсъ-ротмистру Бервилю вашъ на вѣки Николай.

---

*) Графиня Анна Ивановна Коновницына, рожден. Корсакова, род. 1769 ум. 29 января 1843 г.

**) Оба письма собственной руки великаго князя. Ред.

Письмо П. П. Коновницына къ великимъ князьямъ Николаю Павловичу и Михаилу Павловичу.

1816 г.

Государю императору угодно было почтить меня довѣріемъ своимъ быть на случай предполагаемой войны при вашихъ высочествахъ. Обстоятельства случайно измѣнились. Войны благодаря Бога нѣтъ,— и мы возвратились въ свое отечество. Я, оставляя вашихъ высочествъ, пріятнѣйшимъ поставляю долгомъ изъявить чувствованія мои; они всегда преисполнены были усердія. Сердечно жалѣю, что имѣлъ весьма мало случаевъ показать вамъ приверженность мою, и тѣмъ пріобрѣсти довѣренность вашу; но ежели я хотя нѣсколько имѣю оной, то позвольте мнѣ симъ воспользоваться и объяснить вамъ тѣ истины, какія открылись во мнѣ и опытами въ жизни и собственнымъ сердцемъ и сердечною преданностію моею къ особамъ священнымъ и для насъ и для отечества. Буде истины сіи послужатъ въ пользѣ вашей и принадлежать будутъ къ славѣ имени вашего, тутъ исполнится источникъ сердечнаго моего блага. Не говорить же чувствуемой правды любезнѣйшимъ князьямъ нашимъ, во время драгоцѣнной молодости ихъ, не только непростительно, но даже было бы постыдно.

1) Сколько славенъ родъ вашихъ высочествъ въ Россіи, столько же надобно вамъ быть и знаменитыми въ потомствѣ. Лучи знаменитости сей истекаютъ отъ чистаго дѣйствія ума и сердца. — Никакой добродѣтельный подвигъ безъ напряженій духа, безъ труда не совершается. Слѣдовательно, для благихъ и полезныхъ подвиговъ умъ напитанъ быть долженъ добрыми познаніями, которыя украшаютъ и самую старость; а сердце исполнено быть должно добрыми правилами,

---

Письмо барона Шильдена къ П. П. Коновницыну.

Monsieur! Son altesse impériale madame la grande duchesse Alexandra Féodorowna se rappellant avec beaucoup de satisfaction, que votre excellence a été un des premiers témoins de la déclaration de son mariage futur à Berlin, est bien reconnaissante des soins que votre excellence a bien voulu avoir encore, touchant la récéption militaire, que sa majesté l'empereur a daigné lui faire d'une manière aussi gracieuse que distinguée, prie votre excellence de recevoir, comme un souvenir et comme une marque de sa considération particulière, son portrait, qu'elle me charge de lui remettre ci-joint, je saisis cette occasion pour renouveller à votre excellence les assurances de ma plus parfaite considération, avec laquelle jai l'honneur d'être de votre excellence le très-humble et très obéissant serviteur le Baron de Schilden.

St. Pétersbourg ce 30 Juin 1817 г.

которымъ покорить надобно поступки наши. Вамъ Богъ послалъ дарованія, они конечно украсятъ умъ вашъ и сердце; но тутъ требуется нѣкоторое усердіе, нѣкоторое желаніе, и нѣкоторый трудъ.

Чтобы непрестанно занимать, питать разумъ, безъ чего онъ, такъ сказать, засыпаетъ, возьмите на себя хотя часъ одинъ въ день (не каждый день непремѣнно) занять разумъ какою либо наукою или познаніемъ, составивъ и въ самомъ чтеніи себѣ планъ, чтобы не перемѣшивались предметы въ одно время.

Чтобы непрестанно питать сердце, безъ чего оно, такъ сказать, черствѣетъ, отверзайте въ немъ пламенное сострадание къ бѣднымъ, нещастнымъ, угнетеннымъ; помощь ближнему да будетъ вамъ блистательнѣйшею радостію въ жизни. Скромное подаяніе милостины да будетъ предметомъ вашей памяти и забвенія: исполненное—да забудется, а новое подаяніе принесетъ съ собою новое удовольствіе. Для введенія сердца въ таковое расположеніе открыты намъ средства. Стараться надобно познать всѣ истины христіанскія, которыя многочисленны, познать обязанности наши въ семъ божественномъ законѣ изображенныя.

2) Слѣдуйте всякой день свои поступки: будьте имъ сами строгіе судіи, дабы на другой день быть въ своемъ поведеніи осторожнѣе. Одно слово иногда сдѣлаетъ вредъ человѣку на весь вѣкъ. Невѣроятно, какія важныя послѣдствія происходятъ отъ малѣйшихъ погрѣшностей въ высокомъ званіи вашемъ! Вы окружены подражателями, особенно въ тѣхъ предметахъ, которые обольщаютъ ихъ страсти. Порокъ самъ по себѣ есть ядъ прилипчивый.

Родъ человѣческій всегда готовъ къ очумленію. Искра часто производитъ пожаръ. Не думайте, чтобъ малѣйшій безпорядокъ въ поступкахъ вашихъ могъ остаться въ тайнѣ. По высокому рожденію вашему вы сами по себѣ выше всякой защиты.

3) Въ разсужденіяхъ общихъ оскорблять никогда не должно, ниже говорить о комъ либо худо — по единой неосторожности получите недовольныхъ. Общая вѣжливость привлекаетъ, а надменность и еще болѣе грубость лишитъ васъ большихъ и невозвратныхъ выгодъ.

4) Убѣгайте льстецовъ, кои навѣрно проникнутъ въ чертоги ваши. Они слабостями вашими воспользуются для своихъ выгодъ ко вреду вашему и другихъ. Держитесь людей такихъ, которые бы отъ васъ ничего не желали, которые бы не ослѣплялись величіемъ вашимъ, и съ надлежащимъ почтеніемъ говорили бы вамъ истину, и противурѣчили бы вамъ для воздержанія васъ отъ погрѣшностей. Есть средство узнать людей въ самыхъ разговорахъ: въ разговорахъ примѣтна и вѣтренность или неосновательность, и лесть и нескромность, и гор-

дость и хитрость и пр., иногда надобно скрыть собственное чувствованіе ихъ. Выслушивайте совѣты полезные, но потомъ разсуждайте объ истинѣ и пользѣ. Не удаляйтесь отъ познанія людей ни подъ какимъ предлогомъ, различайте ихъ и да избавитъ васъ Богъ отъ такихъ, которые, притворяясь, что не видятъ вашихъ погрѣшностей, вкрадываются въ сердце, а такіе люди бываютъ, къ сожалѣнію, пріятны!

5) Не будьте высокомѣрны, не приписывайте себѣ ничего. Надобно всегда раздѣляться съ другими. Симъ самымъ вы никогда не оскорбите подчиненныхъ вашихъ. Уступайте лучше все другимъ. Не берите на себя ничего, а паче того, чего исполнить хорошо вамъ невозможно.

6) Умѣряйте честолюбивыя желанія, буде бы они въ васъ вкрались. Они могутъ привесть къ желанію пролитія крови вашихъ ближнихъ, за которую никто наградить не въ силахъ.

Помните непрестанно, что вступать въ войну надобно всегда съ сожалѣніемъ крайнимъ, производить оную какъ возможно короче, и въ единственныхъ видахъ продолжительнаго мира; что и самая обязанность командованія арміями есть и должна быть обязанностію начальственною, временною и даже непріятною для добрыхъ государей. Что блаженство народное не заключается въ браняхъ, а въ положеніи мирномъ; — что положеніе мирное доставляетъ счастіе, свободу, изобиліе посредствомъ законовъ и слѣдовательно изученіе оныхъ, наблюденіе за оными есть настоящее, естественное и неразлучное съ званіемъ вашимъ дѣло. Въ прочихъ же браняхъ, могущихъ касаться до спасенія отечества, славы и независимости его, идите съ твердостію, какъ славный родъ предковъ вашихъ подвизался. Вы имѣете предъ глазами примѣръ брата вашего, нынѣ царствующаго надъ нами государя, который, при всей доблести своей, кротокъ и милосердъ какъ ангелъ. Въ нужныхъ и необходимыхъ случаяхъ, буде бы отечество потребовало, заплатите собою, прославьте себя, принесите отечеству вашему услугу, хотя бы то стоило самой жизни.

7) Повинуйтеся слѣпо императору брату вашему. Вы должны быть изъ вѣрнѣйшихъ его подданныхъ.

8) Если придетъ время командовать вамъ частями войскъ, сколь бы велики они или малы ни были, да будетъ первѣйшее ваше стараніе о содержаніи ихъ вообще и о призрѣніи больныхъ и страждущихъ. Старайтесь улучшить положеніе каждаго, не требуйте отъ людей невозможнаго. Доставьте имъ прежде нужный и необходимый покой, а потомъ уже требуйте точнаго и строгаго исполненія истинной службы. Крикъ и угрозы только что раздражаютъ, а пользы вамъ

не принесутъ. По службѣ надобно неминуемо людьми запасаться. Я выше упомянулъ, какъ должно стараться познавать ихъ, теперь прибавлю, что опредѣленіемъ людей въ мѣста низшія есть средство испытать способны ли они къ мѣстамъ высшимъ. Слѣдуйте за ними въ дѣлахъ имъ поручаемыхъ. Не теряйте ихъ никогда изъ вида. Знайте, что они дѣлаютъ; приказывайте имъ отдать вамъ отчетъ въ ихъ порученіяхъ. Вы увидите свойство ихъ по тому обороту, какой они примутъ и дадутъ каждому дѣлу.

9) Поверхностное и съ перваго взгляда о людяхъ сужденіе почти всегда обманчиво. Многіе не такъ кажутся, какъ они въ самомъ дѣлѣ есть. Одно основательное и не весьма скорое движеніе ума прочно въ заключеніяхъ.

10) Крайне остерегаться надобно пристрастія. Предпочитая недостойнаго предъ достойнѣйшимъ, оскорбляется послѣдній и соревнованіе уничтожается.

11) Буде случится вамъ быть въ военныхъ дѣйствіяхъ, принимайте совѣтъ людей опытныхъ—обдумайте оный прежде нежели рѣшились дѣйствовать. Не открывайте намѣреній вашихъ, дабы тайна не подверглась преждевременному разглашенію.

12) Украшайте себя познаніями военными по склонностямъ вашимъ. Подробности службы знать необходимо нужно по опыту: но до извѣстной степени, и для того болѣе, чтобъ умѣть взыскать оную на подчиненныхъ. Вамъ предстоитъ обширное поле. Учитесь быть искусными полководцами. Сіе званіе требуетъ великихъ познаній, навыку и неоцѣненной довѣренности, которую неминуемо заслужить надобно. Чтеніе лучшихъ военныхъ авторовъ приуготовитъ васъ въ теоріи, а практика покажетъ вамъ дальнѣйшія познанія на опытѣ.

Быть можетъ, что откровенное начертаніе сіе покажется вашимъ высочествамъ слишкомъ разительнымъ и даже неприличнымъ; но будучи вамъ преданъ сердцемъ, не могу я не открыть вамъ то, что у меня на сердцѣ.

Пріимите великодушно откровенность мою знákомъ приверженности моей къ государю и отечеству и дайте честь сказать правду вашимъ императорскимъ высочествамъ, милостивымъ государямъ, преданнѣйшему слугѣ.

Упраздненіе греко-уніатскихъ монастырей въ Западной Россіи.

28 февраля 1828 г.

Печатаемая здѣсь записка по представленію уніатскаго департамента о упраздненіи базиліанскихъ монастырей была составлена передъ самымъ осво-

божденіемъ уніатской церкви изъ-подъ управленія римско-католической коллегіи, т.-е. съ образованія въ 1828 г. особой грекоунитской коллегіи, и представляетъ одно изъ дѣлъ, въ которомъ непосредственно принималъ участіе Іосифъ Сѣмашко, впослѣдствіи митрополитъ литовскій. А. Н. Поповъ.

Послѣ окончательнаго раздѣла Польши государыня императрица Екатерина II-я, принимая мѣры къ возвращенію тамошняго народа русскаго племени къ восточной церкви, обращала особенное вниманіе на губерніи Минскую, Волынскую, Подольскую и Брацлавскую, гдѣ великое число народа, оставя унію, присоединилось къ нашей церкви.

Ея величество упразднила въ томъ краѣ существовавшія уніатскія епископства, поручила ихъ въ вѣдѣніе полоцкому архіепископу сего обряда Лисовскому, удалила уніатскаго митрополита Ростоцкаго отъ управленія,—уничтожила орденскія монашескія власти въ уніатскихъ монастыряхъ, подчинила ихъ Лисовскому, запретила посвящать вновь въ уніатское монашество и повелѣла упразднить излишніе монастыри.

Въ указѣ, данномъ по сему предмету генералъ-губернатору помянутыхъ губерній Тутолмину, 1795 сентября 6-го, сказано:

Пунктъ 5-й. „Усматривая изъ вѣдомости намъ представленной, что „число монастырей уніатскихъ вовсе не соразмѣрно числу церквей въ „уніи остающихся, возлагаемъ на васъ подробныя собрать свѣдѣнія „о уніатскихъ монастыряхъ, и, по сношенію съ архіепископомъ Ли„совскимъ, уничтожить таковые, которые, не занимаясь ни просвѣще„ніемъ юношества, ни помощію немощнымъ и призрѣнія требующимъ, „суть обществу безполезны; монаховъ же изъ сихъ упраздненныхъ „монастырей размѣстить въ другіе Бѣлорусской епархіи, но и въ „оставшихся за тѣмъ отнынѣ въ монахи не постригать безъ особли„вой нашей воли“.

О семъ подтверждено было высочайшимъ указомъ 1797 г. декабря 30-го.

Но вскорѣ потомъ, вслѣдствіе переговоровъ съ бывшимъ здѣсь нунціемъ графомъ Литтою, возстановленъ нѣкоторымъ образомъ прежній порядокъ; ибо, во 1-хъ, учреждены сверхъ Бѣлорусской епархіи новыя двѣ: Луцкая и Брестская, и во 2-хъ, уніатскому монашеству позволено имѣть свое особое орденское управленіе, по примѣру римско-католическихъ монашескихъ орденовъ.

Однако же какъ указъ 1797 года не былъ именно отмѣненъ, и губернское начальство представило Сенату объ уничтоженіи базиліанскихъ монастырей, то и римско-католическая коллегія дала мнѣніе объ упраздненіи бо̀льшей половины монастырей.

Базиліанскій орденъ, желая отвратить сію мѣру, употребилъ посредство начальства виленскаго учебнаго округа, которое представило планъ о переобразованіи сего ордена въ сословіе духовное, посвящающее себя просвѣщенію свѣтскаго юношества (конгрегація эдукаціонная). По сему плану базиліанскій орденъ сохранялъ всѣ свои фундуши, имѣлъ особое свое правленіе, независимое отъ уніатскихъ епархіальныхъ начальствъ, утверждалъ тѣснѣе связи свои съ католиками, и удерживая главнѣйшее вліяніе на унію и все уніатское духовенство,—одинъ могъ давать ей епископовъ изъ своего сословія.

Хотя сіе новое образованіе было уже конфирмовано, но вскорѣ остановлено, и указомъ 2-го октября 1810 года подтвержденъ существовавшій до того порядокъ правленія уніатскихъ епархій и базиліанскаго ордена, — и назначено, гдѣ базиліане могутъ содержать свѣтскія училища; а упраздненіе излишнихъ базиліанскихъ монастырей предоставлено усмотрѣнію главноуправляющаго духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій.

Въ 1822 году, князь Голицынъ предложилъ греко-уніатскому департаменту духовной коллегіи заняться разсмотрѣніемъ сего предмета, и далъ коллегіи въ руководство слѣдующія главныя положенія:

а) Упразднить преимущественно тѣ базиліанскіе монастыри, кои находятся среди селеній, оставившихъ унію и перешедшихъ въ господствующее исповѣданіе.

б) Обратить въ приходскія церкви тѣ изъ монастырей, кои прежде были приходскими, и нынѣ имѣютъ приходы.

в) Назначить для учрежденія духовныхъ семинарій въ трехъ епархіяхъ, кои не имѣютъ еще сихъ заведеній, помѣстительные и снабженные достаточными доходами монастыри, гдѣ-бы дѣти неимущихъ греко-уніатскихъ священниковъ, пріуготовляющіеся для вступленія въ духовное званіе, получали полное содержаніе въ продолженіе курса наукъ.

г) Оставляя тѣ обители, при которыхъ базиліане содержатъ училища для свѣтскаго юношества, опредѣлить имъ, въ случаѣ недостатка средствъ для надлежащаго устройства училищъ, пособіе отъ фундушей монастырей упраздняемыхъ.

д) Изъ остальныхъ доходовъ фундушей сихъ вносить въ главную римско-католическую семинарію, при виленскомъ университетѣ учрежденную, деньги за уніатскихъ воспитанниковъ въ сей семинаріи, вмѣсто существующаго нынѣ сбора на сіе базиліанскихъ монастырей; и за симъ прочіе доходы обращать въ общій вспомогательный капиталъ, который, по высочайшему повелѣнію 18-го января 1820 года,

назначено составлять въ пользу бѣдныхъ церквей складками другихъ, кои имѣютъ избыточные доходы.

Вмѣстѣ съ симъ распоряженіемъ поручено было греко-уніатскому департаменту привесть предварительно въ точную извѣстность недвижимыя имѣнія и капиталы всѣхъ базиліанскихъ монастырей.

Въ то же время, дабы базиліанскій орденъ связать тѣснѣе съ бѣлымъ духовенствомъ и отвлечь его отъ католицизма, запрещено было принимать католиковъ въ сей орденъ.

Нынѣ уніатскій департаментъ представилъ полныя свѣдѣнія и соображенія свои по оному предмету.

Изъ 83 базиліанскихъ клашторовъ оставляются на будущее время, какъ постоянныя монашескія обители славянскаго обряда, только 23,—именно:

Въ Бѣлоруссіи, изъ 18 монастырей Бѣлорусской базиліанской провинціи, оставляется 8 монастырей.

Въ Литовской базиліанской провинціи, изъ 42 монастырей Брестской и Виленской епархій, оставляется 12, именно:

Въ Минской губерніи	4
— Гродненской	5
— Виленской	2
— Бѣлостокской области.	1
	12

Въ третьей, южной Базиліанской провинціи, въ Луцкой епархіи оставляются на будущее время, какъ постоянныя обители, только три въ Волынской губерніи: Почаевскій, Кременецкій и Мелецкій.

Въ сей же епархіи пять монастырей, въ которыхъ учреждены базиліанами училища для свѣтскаго юношества,—именно въ Волынской губерніи 2, въ Кіевской 2 и въ Подольской 1 остаются на время, пока правительство не учредитъ другихъ училищъ на мѣсто базиліанскихъ.

По сей же причинѣ и на семъ же основаніи оставляется еще одинъ монастырь въ Виленской епархіи.

Обращаются въ приходскія церкви монастыри, имѣющіе значительные приходы:

Въ Бѣлорусской епархіи.	8
— Луцкой —	3
— Брестской —	12
— Виленской —	5
Всего	28 монастырей.

Съ сими монастырями отдается бѣлому духовенству около 600 душъ крестьянъ и болѣе 14,000 десятинъ земли.

Нѣкоторые монастыри назначаются для учрежденія тамъ епископскихъ каѳедръ и семинарій.

Бѣлорусская епархія имѣетъ свою каѳедру въ Полоцкѣ съ достаточнымъ фундушемъ для содержанія архіепископа, его викарнаго, консисторіи и семинаріи (около 3,500 душъ крестьянъ и капиталовъ болѣе 120,000 рублей ассигнаціями).

При учрежденіи въ 1798 году новыхъ епархій: Луцкой и Литовской, и при раздѣленіи въ 1809 году сей послѣдней на двѣ епархіи: Виленскую митрополичью и Брестскую, не было сдѣлано правительствомъ твердаго назначенія, гдѣ быть каѳедрамъ сихъ епархій.

Виленская епархія при польскомъ правительствѣ имѣла въ Вильнѣ соборную церковь. Но при возстановленіи въ 1809 году особой митрополичьей епархіи не было уже тамъ сей соборной церкви; ибо оная до того уступлена была брестскимъ епископомъ (что нынѣ митрополитъ) Булгакомъ виленскому университету. Такимъ образомъ Виленская епархія не имѣетъ и нынѣ своей каѳедры. Епископъ Головня нанимаетъ для себя и для виленской консисторіи помѣщеніе у базиліанъ въ Вильнѣ. Во владѣніи его съ консисторіею находятся помѣстья каѳедральныя болѣе 500 душъ и двѣ такъ-называемыя Юриздики*) въ Вильнѣ и Новогрудкѣ.

Брестской епархіи епископу назначено коллегіею въ 1809 году имѣть пребываніе по прежнему въ Жировицкомъ базиліанскомъ монастырѣ. Фундушъ сего епископа состоитъ въ помѣстьяхъ болѣе 500 душъ, да въ жалованьѣ отъ казны 3,000 рублей. Консисторія и викарный епископъ получаютъ на свое содержаніе отъ казны по 2,000 талеровъ, всего 4,000 талеровъ; на ассигнаціи 19,152 р. Епархіею сею управляетъ митрополитъ Булгакъ.

Въ Луцкой епархіи съ возстановленія ея въ 1798 году епископъ помѣщался то въ Почаевскомъ базиліанскомъ монастырѣ, то въ Жидичинскомъ, коего фундушъ (помѣстья болѣе 800 душъ и капиталы 10,177 р. сереб.) опредѣленъ указами 1804 и 1805 годовъ на содержаніе викарнаго епископа сей епархіи, консисторіи и архіерейскаго штата. Сей штатъ или каѳедральный капитулъ имѣетъ еще особое свое имѣніе 70 душъ крестьянъ, и капитала 8,798 руб. серебромъ. Самъ же епископъ получаетъ только 6,000 руб. ассигн. жалованья.

Сіи три епархіи не имѣютъ, какъ и выше сказано, порядочно устроенныхъ семинарій для бѣлаго духовенства.

---

*) Юриздика есть церковная дача,—заселенная.

Уніатскій департаментъ назначаетъ нынѣ каѳедры епископскія и семинаріи:

а) Для Луцкой епархіи въ праздномъ нынѣ Овруцкомъ базиліанскомъ архимандричьемъ монастырѣ. На содержаніе тамъ семинаріи опредѣляются помѣстья сего монастыря 1,328 душъ мужеска пола, съ пространными земляными дачами.

б) Для пребыванія брестскаго епископа и консисторіи оставляется по прежнему Жировицкій монастырь; тамъ же назначается и семинарія. На содержаніе ея, равно какъ и на содержаніе каѳедральнаго штата назначаются помѣстья и капиталы того же Жировицкаго и еще Бытенскаго монастыря, всего 746 крестьянъ мужескаго пола и 61,860 руб. серебромъ, кромѣ суммъ спорныхъ, болѣе 42,000 руб. серебромъ.

в) Для семинаріи Виленской епархіи опредѣляется Березвецкій монастырь и имѣнія его 313 душъ крестьянъ мужеска пола, да капитала 21,050 руб. серебромъ. Содержаніе штата каѳедральнаго опредѣляется изъ общаго церковнаго фундуша, о коемъ ниже будетъ сказано.

Къ упраздненію вовсе назначаются 23 монастыря:

Въ Бѣлорусской	епархіи	2
— Луцкой	—	11
— Брестской	—	4
— Виленской	—	6
		23

Фундуши сихъ монастырей, а также частію фундуши нѣкоторыхъ изъ тѣхъ, кои отдаются бѣлому духовенству какъ приходскія церкви, всего около 2,000 душъ крестьянъ мужеска пола въ разныхъ мѣстахъ и болѣе 240,000 рублей серебромъ капитала, уніатскій департаментъ испрашиваетъ назначить въ составъ общаго церковнаго греко-уніатскаго фундуша, для употребленія доходовъ сего фундуша на вспоможеніе бѣднымъ и престарѣлымъ священникамъ, на призрѣніе вдовъ и сиротъ ихъ, печатаніе полезныхъ духовныхъ книгъ и на украшеніе и починки церквей, кои не имѣютъ фундушей и отъ бѣдныхъ прихожанъ не могутъ получать на то вспоможеній. Изъ сего же фундуша назначается платить въ главную духовную семинарію виленскаго университета за уніатскихъ клириковъ болѣе 4,600 руб. серебромъ ежегодно.

Уніатскій департаментъ испрашиваетъ еще:

1-е. Чтобы монастырскіе капиталы, помѣщенные по обыкновенію того края большею частію на имѣніяхъ помѣщичьихъ, взысканы были,

и для большей вѣрности и спокойнаго пользованія процентами, обращены были въ государственный заемный банкъ.

2-е. Чтобы недвижимыя имѣнія, назначаемыя въ составъ общаго церковнаго фундуша, отдать въ арендное содержаніе тѣмъ же порядкомъ, какъ отдаются казенныя имѣнія.

3-е. Какъ отъ семи достаточнѣйшихъ монастырей, обращаемыхъ въ приходскія церкви, назначаются части имѣній ихъ, всего 385 крестьянъ и около 18,000 десятинъ въ общій церковный фундушъ, то до отдѣленія и отмежеванія сихъ частей отдать оныхъ крестьянъ и земли въ администрацію священникамъ, кои къ тѣмъ церквамъ опредѣлены будутъ.

4-е. Строенія упраздняемыхъ монастырей обратить на богоугодныя заведенія, или продать съ публичныхъ торговъ для приращенія общаго церковнаго фундуша.

Относительно духовныхъ семинарій уніатскій департаментъ полагаетъ:

а) Имѣнія и капиталы, кои опредѣляются на содержаніе семинарій съ каѳедральными штатами, поставить подъ особымъ управленіемъ, не смѣшивая ихъ съ епископскими, — и сіе распространить и на Полоцкую епархію, которая имѣетъ нынѣ общій фундушъ для содержанія архіепископской каѳедры и семинаріи, около 3,500 душъ крестьянъ мужеска пола, и капиталы.

б) Новоучреждаемыя три семинаріи должны быть учреждены на томъ же положеніи, какъ и полоцкая, и управляемы по сочиненному уже для сей послѣдней уставу.

в) Въ сихъ трехъ семинаріяхъ воспитывать на семинарскомъ фундушѣ дѣтей бѣдныхъ священнослужителей: въ полоцкой и брестской по 50, а въ виленской и луцкой по 30.

г) При всѣхъ семинаріяхъ учредить еще низшія духовныя училища, гдѣ и воспитывать также бѣдныхъ дѣтей по 20-ти въ каждой семинаріи.

д) Сверхъ сего въ нѣкоторыхъ изъ оставляемыхъ базиліанскихъ монастырей учредить низшія духовныя училища на иждивеніи монастырей, кои и обязаны воспитывать тамъ отъ 10-ти до 20 дѣтей бѣдныхъ священнослужителей. Сихъ училищъ назначается 13-ть.

е) Во всѣхъ низшихъ духовныхъ училищахъ во исполненіе высочайшаго повелѣнія вашего императорскаго величества (указъ 9-го октября 1827) преподавать славянскій языкъ, церковное пѣніе, обряды богослуженія и науки пріуготовительныя для курса въ семинаріяхъ.

ж) Изъ всѣхъ монастырей, гдѣ назначаются духовныя училища,

вывести свѣтскія, нынѣ содержимыя тамъ монахами. Сія мѣра коснется слѣдующихъ монастырей: въ Бѣлоруссіи витебскаго и тадулинскаго, въ Волынской губерніи почаевскаго и въ Литвѣ двухъ монастырей, гдѣ и упразднятся свѣтскія училища.

Въ семъ заключаются главныя предположенія греко-уніатскаго департамента. Опредѣленіе его по сему предмету имѣю счастіе поднести при семъ на высочайшее вашего императорскаго величества усмотрѣніе въ выпискѣ изъ обширнаго представленія, въ которомъ оно содержится, — вмѣстѣ съ краткою вѣдомостію, составленною въ главномъ управленіи духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій для удобнѣйшаго обозрѣнія всѣхъ распоряженій о базиліанскихъ монастыряхъ и о фундушахъ ихъ.

Усердіе къ прямымъ пользамъ церкви и государства руководствовали нынѣшнихъ членовъ уніатскаго департамента и достойнаго его начальника митрополита Булгака въ семъ дѣлѣ, совершенномъ ими единодушно. Одинъ только архимандритъ мелецкаго базиліанскаго монастыря Быстрый, недавно прибывшій сюда для засѣданія въ коллегіи, не присутствовавъ при начальномъ разсмотрѣніи сего дѣла, отказался принять участіе въ положеніи мнѣнія по оному.

Существеннѣйшія мѣры, предположенныя греко-уніатскимъ департаментомъ такъ правильны, что мнѣ остается только, имѣя въ виду высочайшую волю вашего императорскаго величества, изображенную въ указѣ 9-го октября 1827 года, чтобы предупредить на будущее время всякія отступленія отъ первобытнаго устройства греко-уніатской церкви, — войти въ соображеніе о томъ, какія распоряженія при настоящей важной операціи могутъ наиболѣе соотвѣтствовать сей цѣли, равно какъ и о томъ, какимъ образомъ привести предположенія уніатскаго департамента въ дѣйствіе, о чемъ уніатскій департаментъ не могъ представить своего мнѣнія.

Государыня императрица Екатерина II, не обинуясь объявила намѣреніе свое „искоренить унію“ въ присоединенныхъ отъ Польши областяхъ.

Въ сей мысли, 1) она упраздняла уніатскую духовную власть, или ослабляла дѣйствіе оной, какъ выше изъяснено; и 2) преграждала вліяніе римско-католическаго духовенства и владѣльцевъ, сей же вѣры, на совѣсть уніатовъ. Повелѣвъ Святѣйшему Синоду въ началѣ 1794 года обнародовать въ новоприобрѣтенныхъ тогда областяхъ (кромѣ Литвы) увѣщаніе къ народу возвратиться къ благочестію, ея величество поручила генералъ-губернатору Тутолмину оказывать въ семъ дѣлѣ всевозможное содѣйствіе и прилежно наблюдать: „чтобъ никто изъ помѣщиковъ, временныхъ владѣльцовъ и чиновниковъ

духовныхъ и мірскихъ римскаго и уніатскаго закона, не осмѣлился дѣлать ни малѣйшаго въ томъ препятствія, — обращающимся въ благочестіи притѣсненія и обидъ. Всякое подобное покушеніе, яко противу господствующей вѣры обращаемое и означающее. преслушаніе волѣ нашей, долженствуетъ быть принято за уголовное преступленіе суду подлежащее и влекущее секвестръ имѣнія до окончанія дѣла".

Толь строгая мѣра, въ военномъ еще состояніи оныхъ областей, имѣла свое дѣйствіе: въ Минской, особенно же въ Волынской и Подольской губерніяхъ составились многолюдныя греко-россійскія епархіи.

Но когда послѣ кончины ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА наблюденіе мѣстнаго начальства ослабѣло, то противудѣйствіе со стороны тѣхъ, на коихъ обращена была оная мѣра, явилось во всѣхъ мѣстахъ въ сильнѣйшей степени.

Присоединилось къ сему, что въ 1797 году бывшій минскій гражданскій губернаторъ Корнѣевъ представилъ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ ПАВЛУ I-му обращеніе тамошняго народа въ православіе дѣйствіемъ крутымъ и неискуснымъ, а священниковъ нашихъ малоспособными, отвратившими отъ себя народъ. „Церкви опустѣли, писалъ онъ: не только нѣтъ благолѣпія въ нихъ, но даже священникамъ нашимъ не на чемъ совершать богослуженія". Губернаторъ донесъ вмѣстѣ, что онъ требовалъ отъ минскаго нашего архіепископа не препятствовать людямъ обращаться къ уніатскимъ священникамъ и изъявилъ мысль, что скорѣе можно бы успѣть въ обращеніи уніатовъ, если бы привлечь къ тому самыхъ ихъ пастырей.

На сіе послѣдовалъ въ томъ же 1797 году ВЫСОЧАЙШІЙ указъ губернатору, чтобы онъ учинилъ во всей точности исполненіе по его донесенію.

Вслѣдъ за тѣмъ въ началѣ 1798 года возстановлены, какъ выше сказано, уніатскія епархіи въ южномъ польскомъ краѣ и въ Литвѣ, и поставлены подъ главнымъ управленіемъ римско-католической коллегіи, куда не было допущено тогда уніатское духовенство. „Уніаты, такъ какъ они присоединенные или къ намъ или къ католикамъ, а не сами по себѣ" (сказано въ ВЫСОЧАЙШЕМЪ указѣ 1800 года) — членовъ имѣть не могутъ".

Все сіе открыло пружинамъ, кои ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА II старалась ослабить, свободное дѣйствіе и противу обращенія уніатовъ въ господствующую церковь*), и къ сближенію уніи съ римскимъ обрядомъ.

---

*) Съ того времени неизвѣстно ни одного примѣра, чтобы какой-либо приходъ или часть его соединилась съ нашею церковью, напротивъ многіе отложились, какъ ниже показано будетъ. Прим. состав. записки.

Въ уніи находится нынѣ только низшій классъ народа, почти одни крестьяне. Принадлежа помѣщикамъ-католикамъ, или находясь въ арендномъ владѣніи католиковъ-же, они совершенно зависятъ отъ сихъ владѣльцовъ, кои и могутъ, подъ разными предлогами, притѣснять сихъ крестьянъ за вѣру и уклоненіе отъ союза съ римскою церковью. Вмѣстѣ съ крестьянами зависитъ отъ владѣльцовъ и самое духовенство уніатское, не имѣющее фундушей, обезпечивающихъ независимое ихъ содержаніе, какъ римско-католическіе священники, и получающее все содержаніе отъ прихожанъ. Если священникъ дѣйствуетъ по мыслямъ владѣльца, то и онъ и церковь его получаютъ пособіе и призрѣніе въ ихъ нуждахъ, иначе терпитъ недостатки.

Великое число безмѣстныхъ уніатскихъ священниковъ, оставшихся послѣ обращенія уніатскихъ приходовъ и церквей въ вѣдѣніе греко-россійскаго духовенства, не имѣя способовъ содержать себя съ семействами, разсѣялись по тѣмъ же приходамъ, и лучшіе изъ нихъ, призрѣнные владѣльцами, исправляли духовныя требы для обратившихся изъ уніи и поддерживали ихъ въ ней.

Многіе помѣщики католики построивъ якобы для себя каплицы, въ которыхъ по римскому обряду можетъ быть совершаемо всякое богослуженіе, испросили у римско-католическаго и уніатскаго духовныхъ начальствъ дозволеніе содержать тамъ уніатскихъ священниковъ, кои и отправляютъ литургіи и другія моленія частію по уніатскому обряду, частію и по римскому. По послѣднимъ вѣдомостямъ открывается, что даже при многихъ римско-католическихъ церквахъ содержатся при настоятеляхъ римскаго обряда уніатскіе викарные священники. Вообще изъ одной только южной уніатской епархіи (Луцкой) опредѣлены и находятся при тамошнихъ римско-католическихъ каплицахъ и церквахъ 182 уніатскихъ священника. Такимъ образомъ сіи два обряда сливаются.

Между тѣмъ цѣлые приходы возвратились въ унію*) и остались только одни церкви ихъ въ вѣдѣніи греко-россійскаго духовенства. Въ другихъ мѣстахъ образовались постепенно при помѣщичьихъ каплицахъ и римско-католическихъ церквахъ особыя общества уніато-католиковъ, какъ выше сказано.

Святѣйшій Синодъ требовалъ и требуетъ настоятельно; 1) упразднить каплицы, помѣщиками среди греко-россійскихъ приходовъ или по близости оныхъ учрежденныя; — противу чего католическая духовная коллегія представляетъ, что запрещать католикамъ молиться

*) Въ южныхъ уѣздахъ Минской губерніи 44 прихода. Есть также и въ Волынской губерніи. Прим. сост. зап.

въ своихъ домовыхъ каплицахъ, противно справедливости и всемилостивѣйше установленной терпимости вѣръ; 2) удалить изъ тѣхъ мѣстъ уніатскихъ священниковъ.

Съ другой стороны, въ Бѣлоруссіи и въ Литвѣ цѣлые приходы уніатскіе съ ихъ церквами, обращены были въ римскій обрядъ и частно въ разныхъ селеніяхъ множество семействъ и лицъ. Хотя нѣкоторые изъ нихъ уже возвращены, но въ одной Бѣлоруссіи 8 церквей, 28 каплицъ и около 12.000 прихожанъ до нынѣ остаются въ римскомъ обрядѣ.

Покойный архіепископъ Красовскій приписывалъ подобные случаи вездѣ дѣйствію римскаго духовенства и дворянства католическаго и послабленіямъ присутственныхъ мѣстъ; безъ чего уніаты, не понимающіе ни языка, ни обрядовъ римской церкви, никогда бы не присоединились къ ней, а присоединившись, давно бы возвратились въ унію.

Всѣ сіи замѣчанія относятся и къ нашему духовенству въ польскихъ губерніяхъ, и подтверждаются донесеніями минскаго, волынскаго и подольскаго архіереевъ, какъ видно изъ разныхъ сообщеній Святѣйшаго Синода.

Кромѣ означенныхъ выше причинъ, привязывающихъ уніатскихъ священниковъ къ римско-католическимъ помѣщикамъ и римско-католическому духовенству, самое воспитаніе уніатскаго духовнаго юношества въ общихъ съ католиками училищахъ, и у католиковъ и базиліанъ, а наконецъ въ главной римско-католической семинаріи, при виленскомъ университетѣ учрежденной, сближаетъ ихъ съ католиками. Сіе было уже предметомъ сношеній моихъ съ попечителемъ Новосильцовымъ и съ покойнымъ архіепископомъ Красовскимъ; оба признали нужнымъ отдѣлить уніатскихъ воспитанниковъ отъ римско-католическихъ клириковъ въ главной виленской семинаріи.

Даже въ здѣшней духовной коллегіи при самомъ раздѣленіи ея на два департамента: католическій и уніатскій, — перевѣсъ богатаго и имѣющаго связи духовенства римскаго обряда противу уніатскаго, и происходящее отъ того вліяніе на мнѣнія въ дѣлахъ, обнаруживается во многихъ случаяхъ. Когда въ 1807 и 1810 годахъ запрещенъ былъ переходъ изъ уніи въ римскій обрядъ и изъ сего обряда въ унію; то уніатскій департаментъ запретилъ базиліанскому ордену принимать въ свое монашество католиковъ; но когда вошло сіе дѣло въ общее собраніе обоихъ департаментовъ, то дано совершенно противное мнѣніе, чтобы разрѣшить навсегда католикамъ входить свободно въ базиліанскій орденъ. Вообще когда уніатскому департаменту нужно будетъ принимать какія мѣры противу вреднаго вліянія рим-

ско-католическаго духовенства и къ сближенію уніи съ господствующею церковью, то мнѣнія уніатскихъ членовъ, въ нынѣшнемъ составѣ и связи духовной коллегіи, всегда будутъ стѣснены.

Императрица Екатерина II не дала уніи никакихъ правилъ, вѣроятно потому, что намѣревалась, по раздѣлѣ всей Польши, упразднить унію. Долго оставляла она и Бѣлорусскую уніатскую епархію безъ епископа, учредя только консисторію для управленія епархіею.

Впослѣдствіи поставила она надъ сею епархіею архіепископа Лисовскаго. Въ 1785 году онъ представилъ папѣ объ уничтоженіи тѣхъ перемѣнъ, кои Замойскій уніатскій синодъ ввелъ въ славянскихъ обрядахъ богослуженія, — и потомъ, съ согласія папы, составилъ служебникъ и послалъ въ Римъ на разсмотрѣніе, вмѣстѣ съ переводомъ литургіи св. Іоанна Златоустаго на латинскій языкъ и съ славянскимъ текстомъ. Дѣло сіе осталось неразрѣшеннымъ; но изъ переписки Лисовскаго съ кардиналами въ Римѣ видно, что до Замойскаго уніатскаго синода не было еще въ общемъ употребленіи воспоминать папу во время богослуженія, какъ сіе видно и изъ служебника, Венедиктомъ XIV утвержденнаго, почему и Лисовскій въ своемъ служебникѣ не помѣстилъ воспоминаній о папѣ. Видно также, что уніатское духовенство долго употребляло нашъ символъ вѣры безъ всякаго измѣненія, т.-е. не прибавляя „и сына“ (Filioque), и что римскій дворъ требовалъ отъ Лисовскаго, въ продолженіи оной переписки, оставить сіе прибавленіе и сына, какъ вошедшее уже въ употребленіе, дабы показать соединеніе сего обряда съ римскою церковью.

Если Лисовскій за 40 лѣтъ предъ симъ находилъ, что уніатское духовенство измѣняетъ болѣе и болѣе обряды славянскаго богослуженія, вводя и новыя праздниства, и что нужно возстановить древніе обряды, то нынѣ, при столь явномъ наклоненіи сего духовенства къ католицизму, еще нужнѣе поставить богослуженіе на твердомъ основаніи.

По симъ соображеніямъ полагаю я, при настоящемъ случаѣ уменьшенія и преобразованія базиліанскаго ордена, принять еще слѣдующія мѣры, соотвѣтствующія, по мнѣнію моему, намѣреніямъ вашего императорскаго величества изображеннымъ въ указѣ 9-го октября 1827 года.

I. Уніатскій департаментъ отдѣлить совершенно отъ римско-католической духовной коллегіи, и переименовавъ его въ греко-уніатскую

коллегію, назначить для засѣданій ея особое мѣсто, и опредѣлить къ ней особаго прокурора.

Вмѣстѣ нужно бы пополнить составъ сей коллегіи, дабы придать ей нѣкоторую важность, — и пополнить наравнѣ съ римско-католическою коллегіею, такъ чтобы она состояла изъ митрополита, одного епископа, одного архимандрита и 4-хъ асессоровъ изъ соборнаго духовенства. — На сіе не потребуется новыхъ назначеній отъ казны, какъ ниже будетъ объяснено.

Главною обязанностію сей коллегіи да будетъ: во-первыхъ, строгое смотрѣніе, дабы не были въ богослуженіе вводимы чуждые обряды, но соблюдались древніе обряды славянскаго Богослуженія, народами русскаго племени свято почитаемые. — Никакіе служебники, требники, молитвенники и другія церковныя и назидательныя книги не могутъ быть издаваемы безъ разсмотрѣнія греко-уніатской коллегіи и безъ письменнаго одобренія къ напечатанію со стороны митрополита греко-уніатской церкви въ Россіи, предсѣдательствующаго въ сей коллегіи.

Во-вторыхъ: самый порядокъ церковнаго правленія и церковнаго благочинія да будетъ свойственный сему греческому обряду и да охраняется отъ смѣшенія съ чужими уставами.

II. Дать лучшее внѣшнее образованіе епархіямъ.

Болѣе десяти лѣтъ существовала у насъ въ Литвѣ одна епархія. Случай присоединенія Бѣлостокской области съ малымъ числомъ церквей, далъ поводъ къ раздѣленію сей епархіи и къ учрежденію четвертой, которая наименована Виленскою митрополичьею епархіею. Но она носитъ только имя сіе, не имѣя каѳедры, ни значительнаго числа церквей въ Виленской губерніи.

Коллегія и нынѣ не нашла, гдѣ-бы учредить каѳедру сей епархіи, и назначаетъ для духовной семинаріи, которая должна быть подъ наблюденіемъ епископа, мѣсто на краю Виленской епархіи, не далеко отъ Полоцка, гдѣ есть уже устроенная въ хорошемъ порядкѣ семинарія.

Митрополитъ не имѣетъ на сію, такъ-называемую митрополичью епархію, непосредственнаго вліянія. Она поручена суффрагану Головнѣ съ правами епархіальнаго архіерея. Но сей викарный епископъ не оправдалъ своего призванія, и почитается неблагонадежнѣйшимъ изъ уніатскихъ епископовъ. Епархія находится въ разстройствѣ, равно какъ и каѳедральныя имѣнія, отъ худаго управленія.

Съ другой стороны Луцкая епархія распространена: 1) на Подольскую губернію, гдѣ не осталось ни одной уніатской церкви, а находится только базиліанскій монастырь въ Барѣ, который коллегія

назначаетъ упразднить, коль скоро тамошнее базиліанское училище замѣнено будетъ другимъ; и 2) на Кіевскую губернію, гдѣ имѣется только шесть небольшихъ уніатскихъ приходовъ и три монастыря, кои всѣ также назначены къ упраздненію. 3) Въ самой Волынской губерніи одинъ только уѣздъ Ковельской, прилегающій къ Литвѣ, имѣетъ значительное число уніатскихъ церквей, также отчасти смежный съ нимъ Дубенскій, гдѣ 28 церквей, и третій Овруцкій, также смежный съ Литвою, гдѣ 16-ть церквей; остальные 8 уѣздовъ или вовсе не имѣютъ уніатскихъ, или весьма незначительное число,— между тѣмъ какъ въ каждомъ изъ сихъ уѣздовъ находится болѣе 100, и даже до 150 греко-россійскихъ церквей.

Учрежденіе для трехъ помянутыхъ губерній полнаго епархіальнаго уніатскаго правленія съ двумя епископами: епархіальнымъ и викарнымъ, съ каѳедральнымъ капитуломъ и консисторіею долженствовало имѣть, и имѣло послѣдствіемъ расширеніе уніи въ томъ краѣ. Нигдѣ духовенство сего обряда не сблизилось столько съ римско-католиками, какъ-тамъ; и нигдѣ нѣтъ такого непомѣрнаго числа уніатскихъ священниковъ въ сравненіи съ числомъ оставшихся въ уніи церквей и приходовъ, какъ тамъ. Выше сказано, что въ сей епархіи 182 уніатскихъ священника находятся при римско-католическихъ церквахъ и при каплицахъ помѣщиками учрежденныхъ.

Сіи соображенія ведутъ къ тому заключенію, что можно-бы упразднить Луцкую уніатскую епархію, равно какъ и Виленскую, и распредѣлить церкви ихъ между двумя остающимися епархіями: Бѣлорусскою или Полоцкою и Литовскою или Брестскою. Въ Луцкую епархію, послѣ смерти архіепископа Красовскаго, не опредѣленъ еще начальникъ, а Виленская управляется, какъ выше сказано, викарнымъ епископомъ Головнею, который, по упраздненіи сей епархіи, можетъ остаться въ семъ званіи при Брестской.

Сіе соединеніе епархій представляетъ еще слѣдующія выгоды: а) будетъ менѣе затрудненія въ избраніи благонадежныхъ духовныхъ въ званіе епископовъ, въ члены консисторій для двухъ епархій нежели для четырехъ; б) останется учредить вновь только одну епархіальную семинарію для Литовской епархіи, а не три; да и невозможно было бы пріискать вдругъ для трехъ новыхъ семинарій профессоровъ способныхъ и благонадежныхъ; и наконецъ: в) масса общаго церковнаго фундуша получитъ приращеніе отъ тѣхъ имѣній, кои назначаются на содержаніе луцкаго и виленскаго епархіальныхъ начальствъ съ ихъ консисторіями; а симъ приращеніемъ усилятся способы удовлетворять тѣмъ нужнымъ и полезнымъ предметамъ, для коихъ учреждается оный фундушъ.

Если послѣдуетъ на сіе соединеніе епархій высочайшее вашего императорскаго величества соизволеніе, то я полагаю:

1. Къ Бѣлорусской причислить: а) смѣжные съ нею уѣзды Минской губерніи: Дисненскій, Борисовскій, Игуменскій, Бобруйскій, Речицкій и Мозырскій; и б) прилегающіе къ послѣднимъ двумъ уѣздамъ въ Волынской губерніи Овруцкій, а въ Кіевской губерніи Радомысльскій уѣзды, гдѣ находятся шесть уніатскихъ приходовъ и с) сопредѣльный же съ Бѣлоруссіею въ Курляндской губерніи Зельбургскій уѣздъ, гдѣ также имѣется шесть церквей уніатскихъ.

2. Литовская епархія будетъ заключаться въ двухъ литовскихъ губерніяхъ, въ Бѣлостокской области, въ остальной части Минской губерніи, а въ Волынской губерніи почти только въ двухъ уѣздахъ, Ковельскомъ и Дубенскомъ.

Въ другихъ уѣздахъ Волынской губерніи означить именно число церквей, кои къ вѣдомству Литовской епархіи принадлежать будутъ и ограничивъ такимъ образомъ всѣ уніатскія епархіи, закрыть для уніи южный край.

По сему распредѣленію какъ Бѣлорусская, такъ и Литовская епархіи получатъ почти равное приращеніе, каждая около 200 церквей;— и каждая будетъ присылать для засѣданія въ греко-уніатской коллегіи по два депутата съ званіемъ ассесоровъ коллегіи, представляя предварительно кандидатовъ на утвержденіе главноуправляющаго духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій, такъ, чтобы право представленія на два мѣста принадлежало двумъ епархіальнымъ епископамъ, а на другіе два консисторіямъ.

Съ упраздненіемъ Луцкой епархіи можно будетъ тамошняго викарнаго епископа Сѣроцинскаго призвать сюда для засѣданія въ греко-уніатской коллегіи. Онъ получаетъ на свое содержаніе изъ доходовъ Жидичинскаго монастыря 1,000 руб. серебромъ въ годъ. А когда окажется усердіе на службѣ въ коллегіи, то можно будетъ сдѣлать ему прибавку изъ оклада луцкаго епископа 6,000 рублей, обратя на сей же окладъ и жалованье для четвертаго нынѣ добавляемаго ассесора коллегіи.

III. Во всѣхъ сихъ предположеніяхъ управленіе увеличиваемое симъ образомъ епархіями Полоцкою и Брестскою весьма важно въ изъясненныхъ выше видахъ.

Дѣла и частныя свѣдѣнія доказываютъ, что полоцкій епископъ Мартусевичъ преданъ католикамъ. Ему нужно дать благонадежнаго викарнаго епископа, поставивъ его предсѣдателемъ консисторіи въ Полоцкѣ.

Брестскою епархіею въ отсутствіи епархіальнаго ея начальника митрополита Булгака, управляетъ предсѣдатель тамошней консисторіи прелатъ Тупальскій. Духовенство сей епархіи ходатайствуетъ объ утвержденіи его постояннымъ предсѣдателемъ консисторіи, а митрополитъ представилъ его къ награжденію орденомъ св. Анны 2-го класса. Можно-бы вызвать его сюда, дабы внушить ему намѣренія правительства и воспользоваться мѣстными его свѣдѣніями по предмету учрежденія въ Жировицахъ семинаріи.—По важности занимаемаго Тупальскимъ мѣста, если онъ будетъ на немъ утвержденъ, нужно дать ему, какъ предпоставленному надъ другими духовными блюстителю, наружное отличіе свойственное духовному его сану, каковое и въ нашей церкви дается духовнымъ начальникамъ имѣющимъ семейства,—то есть митру.

IV. Вмѣсто каѳедральныхъ капитуловъ, кои въ нѣкоторыхъ уніатскихъ епархіяхъ вводились по образцу римскаго обряда, съ ихъ прелатами и канониками, будетъ свойственнѣе учредить соборное духовенство, а вмѣсто римскихъ дистинкторій ввести наперстные кресты, употребляемые въ греко-россійской церкви.

Дабы-же съ симъ званіемъ соединена была существенная выгода и вящшее поощреніе для греко-уніатскаго духовенства, стараться заслужить усердіемъ къ своему обряду вниманіе правительства,—полезно будетъ опредѣлить небольшія пенсіи для соборныхъ протоіереевъ изъ доходовъ имѣній каѳедральныхъ, назначивъ для каждой епархіи по 6-ти старшихъ и по 12-ти младшихъ соборныхъ протоіереевъ съ окладами для первыхъ по 150, а для послѣднихъ по 100 р. серебромъ. Сіе званіе будетъ только почетное, и соборные протоіереи могутъ оставаться при своихъ приходахъ.

Нѣсколько такихъ бенефицій можно основать на лучшихъ фундушахъ монастырей, въ приходскія церкви обращаемыхъ. Притомъ въ нынѣшней Луцкой епархіи имѣется и особый довольно значительный фундушъ каѳедральнаго капитула, который можно для сего же употреблять.

Въ сихъ же видахъ, нужно улучшить содержаніе и консисторій. Въ Брестской епархіи назначено для сего 2,000 талеровъ, что̀ составитъ на ассигнаціи 9,500 руб. Какъ съ увеличеніемъ епархіи, дѣла въ консисторіи умножатся, то надлежитъ сдѣлать консисторіи прибавку изъ общаго церковнаго фундуша, опредѣливъ всего 3,000 руб. серебромъ; сей же окладъ положить и полоцкой консисторіи, которой содержаніе до нынѣ зависѣло отъ епископа, и было весьма скудное.

V. Греко-уніатскія консисторіи, по регламенту изданному у насъ для римско-католическаго духовенства, который распространенъ и на унію, учреждены какъ судебныя мѣста, безъ всякаго участія въ самомъ

правленіи церковномъ. Но какъ большая часть уніатскихъ нашихъ епископовъ вышли изъ базиліанскаго ордена, да и въ прочихъ не замѣчается прямаго усердія къ славянскому обряду, а бѣлое духовенство при поощреніяхъ, вышепредположенныхъ, скорѣе можно имѣть на сторонѣ правительства; то въ семъ отношеніи полезно будетъ предоставить консисторіямъ, составляемымъ изъ бѣлаго духовенства, нѣкоторыя преимущества противу римско-католическихъ консисторій. Сіи преимущества могутъ состоять въ слѣдующемъ:

а) Консисторіи могутъ представлять греко-уніатской коллегіи и главному управленію духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій о нуждахъ бѣлаго духовенства, когда бы ходатайство о томъ консисторій у духовнаго своего начальства осталось безъ дѣйствія.

б) Дозволяется имъ также входить съ представленіями по всѣмъ предметамъ устройства греко-уніатскаго обряда, относящимся къ возстановленію онаго въ первобытной чистотѣ, согласно указу 9-го октября 1827 года.

в) Дозволяется консисторіямъ наряжать отъ себя разъ въ годъ въ консисторіальный свой округъ изъ соборныхъ протоіереевъ, отличающихся знаніемъ чина славянскаго богослуженія и просвѣщеніемъ для полученія свѣдѣнія о состояніи церкви въ отношеніяхъ, изъясненныхъ въ предыдущемъ пунктѣ (б).

VI. Наконецъ для вящшаго поощренія всего бѣлаго духовенства къ радѣнію о своемъ обрядѣ, можно тѣмъ, кои порядочно исправляютъ богослуженіе и требы на славянскомъ языкѣ, предоставить наравнѣ съ греко-россійскимъ и протестантскимъ духовенствомъ право для сыновей ихъ на вступленіе въ военную и гражданскую службу по увольненіи ихъ изъ духовнаго званія. Коллегія ходатайствуетъ о семъ въ особомъ представленіи.

VII. Въ двухъ семинаріяхъ, полоцкой и новоучреждаемой въ Литвѣ жировицкой назначить полное содержаніе въ каждой для 100 семинаристовъ и для 20 воспитанниковъ низшаго духовнаго училища.

Другія низшія духовныя училища учредить въ тѣхъ монастыряхъ, гдѣ коллегія полагаетъ, и съ тѣмъ-же числомъ учениковъ; но нельзя объявить общаго положенія, чтобы содержаніе воспитанниковъ производимо было монастырями изъ своихъ фундушей; а нужно будетъ нѣкоторымъ изъ нихъ дать вспоможеніе изъ доходовъ общаго церковнаго фундуша. Ибо оставляемые базиліанскіе монастыри, изъ коихъ многіе имѣютъ весьма умѣренные доходы, какъ показываетъ вѣдомость, должны принять великое число монаховъ изъ упраздняемыхъ монастырей, и содержать ихъ. Весьма вѣроятно, что и на сей предметъ понадобится также сдѣлать изъ общаго фундуша нѣкоторымъ

монастырямъ временное пособіе. — Поелику же овруцкій монастырь съ упраздненіемъ Луцкой епархіи останется свободнымъ; то можно въ немъ учредить низшее духовное училище, и назначить на содержаніе онаго съ 20-ю воспитанниками потребную сумму изъ монастырскаго фундуша.

Какъ греко-уніатское духовное юношество, обучавшееся до нынѣ въ обыкновенныхъ училищахъ вмѣстѣ съ католиками и у католиковъ, — будетъ впредь получать съ низшихъ классовъ образованіе, соотвѣтствующее духовному званію сего обряда въ кругу своего сословія, не смѣшиваясь съ католиками; то прекратить отправленіе уніатскихъ семинаристовъ въ главную римско-католическую семинарію, при виленскомъ университетѣ учрежденную, отозвавъ въ епархію обратно находящихся нынѣ тамъ воспитанниковъ, что и исполнить лѣтомъ при концѣ учебнаго года.

Вмѣсто сего ученія для уніатовъ учредить въ Полоцкѣ высшія каѳедры богословскихъ наукъ и церковной словесности, переименовавъ полоцкую семинарію съ сими каѳедрами въ греко-уніатскую духовную академію.

Въ дѣлѣ семъ можно употребить съ пользою между прочими профессора виленскаго университета богословскихъ наукъ, уніатскаго священника Бобровскаго, отлично одобряемаго митрополитомъ и дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ Новосильцовымъ. Нужно вызвать его сюда для составленія плана образованія сей академіи и жировицкой семинаріи. Находясь почти постоянно при университетѣ и главной семинаріи, онъ вѣроятно знаетъ способнѣйшихъ изъ священниковъ тамъ обучавшихся, коихъ можно употребить профессорами въ академію и семинарію. Ему можно поручить обозрѣніе полоцкой семинаріи въ нынѣшнемъ ея состояніи, дабы сообразить лучше дальнѣйшія мѣры. Вмѣстѣ съ Бобровскимъ нужно вызвать сюда и ректора полоцкой семинаріи.

VIII. Имѣя въ виду, изъясненную выше крайнюю надобность преграждать по возможности соблазны и совращенія людей, присоединившихся къ православію, въ унію, и изъ уніи въ римскій обрядъ,— и споспѣшествовать возвращенію простолюдиновъ, увлеченныхъ прельщеніями и понужденіями, нахожу я, что слѣдующія распоряженія могутъ соотвѣтствовать сей цѣли:

а) Запретить строить впредь каплицы, исключая только если помѣщикъ лично для себя и для своего семейства пожелаетъ учредить служеніе внутри дома, гдѣ живетъ.

б) Всѣмъ тѣмъ, кои сами или родители или предки ихъ были въ уніатскомъ обрядѣ и перешли въ римскій, позволяется свободно

возвратиться въ свой обрядъ, и греко-уніатское духовенство можетъ ихъ принять безпрепятственно.

в) Селенія, гдѣ живутъ люди русскаго племени, имѣющія нынѣ священниковъ римскаго обряда, не могутъ быть поручаемы духовнымъ лицамъ изъ какого-либо монашескаго ордена или конгрегаціи. Если гдѣ при нихъ находятся таковые монахи, то губернское правленіе имѣетъ требовать отъ римско-католической консисторіи, дабы на мѣсто ихъ назначены были бѣлые священники; если-же сіе не будетъ исполнено въ теченіе полугода, по недостатку бѣлыхъ римско-католическихъ священниковъ или по другимъ какимъ причинамъ; то губернское правленіе требуетъ отъ греко-уніатской консисторіи священниковъ ея вѣдомства и вводитъ ихъ въ управленіе церковью, дабы приходъ не оставался безъ духовнаго призрѣнія.

Въ семъ состоятъ главныя мѣры, имѣющія цѣлію дать уніатскому бѣлому духовенству полезное для государства направленіе.

IX. Обращаясь къ уніатскому монашеству, отклонившемуся отъ своего обряда гораздо болѣе бѣлаго духовенства, нахожу я нужнымъ, во-первыхъ, подчинить сіе монашество, по примѣру господствующей церкви, епархіальнымъ епископамъ и консисторіямъ, какъ сіе было не малое время съ присоединенія Бѣлоруссіи, въ царствованіе государыни императрицы Екатерины II и государя императора Павла I-го. О семъ греко-уніатскій департаментъ вошелъ ко мнѣ съ особымъ представленіемъ. Но такъ какъ базиліане до нынѣ управлялись почти назависимо отъ общаго епархіальнаго начальства; то нельзя вдругъ уничтожить орденское ихъ правленіе, а слѣдуетъ оставить на нѣкоторое время провинціаловъ, назначивъ имъ мѣстопребываніе тамъ, гдѣ и консисторіи учреждаются, и поставивъ ихъ подъ надзоромъ епархіальнаго начальства и подъ наблюденіемъ консисторій.

Во-вторыхъ: по великому числу принятыхъ въ сіе уніатское монашество католиковъ, изъ коихъ немногіе могутъ быть для уніи полезны,— настоящая мѣра сокращенія сего ордена должна преимущественно на нихъ обратиться, дабы они не оставались въ тягость уніатскимъ фундушамъ. Можно разрѣшить всѣмъ тѣмъ, кои вошли въ базиліанскій орденъ изъ римскаго обряда, перейти по желанію ихъ въ какой-либо изъ римско-католическихъ монашескихъ орденовъ. Главное управленіе духовныхъ дѣлъ имѣетъ многіе примѣры такихъ переходовъ въ то время, когда базиліанскіе монастыри подчинены были епископамъ и власть орденская разрушена была. Тѣхъ же изъ нынѣшнихъ базиліанскихъ католиковъ, кои не найдутъ себѣ пріема гдѣ-либо въ римско-католическомъ орденѣ, нужно размѣстить особо отъ уніатскихъ монаховъ.

Въ-третьихъ. Греко-уніатская коллегія войдетъ въ разсмотрѣніе о томъ, какимъ образомъ дать уніатскому монашеству полезное для церкви и для государства направленіе и образованіе, и какія поощренія назначить достойнѣйшимъ изъ нихъ, кои будутъ радѣть о своемъ обрядѣ, и споспѣшествовать преуспѣянію своей церкви.

Въ-четвертыхъ. О распоряженіяхъ относительно существующихъ нынѣ монастырей.

Изъ оставляемыхъ базиліанскихъ монастырей одинъ, именно въ Витебскѣ, есть собственно іезуитскій кляшторъ, отданный базиліанамъ въ 1822 году только для содержанія гимназіи (сверхъ губернской гимназіи), для чего и производится имъ изъ казны въ числѣ прочихъ суммъ, опредѣленныхъ въ замѣнъ доходовъ съ іезуитскихъ имѣній, 12,000 руб. въ годъ. Но коллегія полагаетъ учредить тамъ духовное училище, а свѣтское вывести.

Есть еще 4 монастыря, кои также содержатъ свѣтскія училища, и гдѣ коллегія вмѣсто ихъ полагаетъ завести духовныя.—Вообще по сему предмету долженъ я буду предварительно потребовать мнѣній отъ университетовъ, въ вѣдѣніи коихъ тѣ базиліанскія училища состоятъ, какимъ образомъ онѣ могутъ быть замѣнены.

Съ другой стороны, въ Волынской губерніи оставляются въ Кременецкомъ уѣздѣ, гдѣ нѣтъ греко-уніатскихъ церквей, два монастыря, Почаевскій и Кременецкій.

О кременецкомъ монастырѣ святѣйшій синодъ отнесся ко мнѣ чрезъ своего оберъ-прокурора, не можно ли вывести оттуда базиліанъ, такъ какъ въ Кременцѣ давно уже предположено учредить грекороссійскій соборъ; но для сего требуется весьма значительная сумма.

Подобныя надобности правительства могутъ и въ другихъ мѣстахъ встрѣтиться, а потому нужно въ разсужденіи зданій упраздняемыхъ монастырей сообщить губернскимъ начальствамъ, дабы они объ употребленіи сихъ зданій дали свое мнѣніе, и потомъ можно будетъ положить на мѣрѣ, какое вознагражденіе сдѣлать общему уніатскому церковному фундушу за оныя зданія.

Относительно монастырей, назначенныхъ коллегіею къ упраздненію съ обращеніемъ фундушей ихъ въ общій церковный фундушъ, надлежитъ замѣтить, что относительно двухъ монастырей представлены мнѣ такія записи, по коимъ фундаторы выговорили, что въ случаѣ упраздненія монастырей записываемыя имъ имѣнія должны возвратиться наслѣдникамъ.

Въ-пятыхъ. Пріемъ монастырскихъ имѣній и управленіе ихъ представляетъ большія затрудненія. Бѣлое уніатское духовенство почти совсѣмъ не имѣетъ въ своемъ владѣніи недвижимыхъ имѣній, и по-

тому не зная хозяйства и бывъ озабочено духовными обязанностями, не можетъ управлять столь великимъ числомъ имѣній, изъ коихъ многія весьма значительны и разсѣяны въ разныхъ мѣстахъ, особенно же въ Волынской губерніи, гдѣ не будетъ и епархіальнаго начальства. Присоединяется къ сему, что обществамъ, каковы суть семинаріи, консисторіи и соборное духовенство, крайне неудобно владѣть и управлять недвижимыми имѣніями.

Сіи затрудненія были бы устранены, если-бы казна могла имѣнія, отбираемыя отъ монастырей, пріобрѣсти покупкою, и выдавъ уніатскому духовенству обязательства на капиталы, во что имѣнія оцѣнены будутъ, производить ему проценты.

Мѣру сію нужно-бы отнести и къ имѣніямъ, кои состоятъ во владѣніи полоцкаго епископа, около 3,500 душъ крестьянъ мужескаго пола; ибо крайне неудобно опредѣлить сіи доходы, и назначить, сколько епископъ можетъ давать на содержаніе: а) семинаріи, б) консисторіи, в) соборнаго духовенства, дабы сіе духовенство и консисторія не зависѣли отъ произвола епископа, и наконецъ: г) останется-ли у него самого довольно ежегоднаго дохода на собственное его содержаніе съ монастыремъ и соборною церковью. Безъ сего нельзя и назначить, сколько слѣдуетъ прибавить для семинаріи, которая переобразовывается, и въ которой число воспитанниковъ значительно увеличивается.

Въ такомъ же почти затруднительномъ положеніи останутся и каѳедральныя имѣнія Виленской митрополичьей епархіи, къ упраздненію назначаемой. До нынѣ оныя находились въ управленіи суффрагана Головни и консисторіи, кои пользовались доходами пополамъ. Нужно продолжать содержаніе: а) суффрагану по смерть его, тѣмъ болѣе что и архимандрія его, брацлавская, упраздняется, и б) предсѣдателю виленской консисторіи съ канцеляріею до сдачи дѣлъ тѣмъ консисторіямъ, въ вѣдѣніе коихъ поступаютъ церкви Виленской епархіи.

Но если мѣра пріобрѣтенія уніатскихъ имѣній въ казну не можетъ быть принята, то какъ продажа ихъ въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ не можетъ быть выгодна, остается обратить ихъ въ арендное содержаніе тѣмъ же порядкомъ, какъ и казенныя имѣнія отдаются въ аренду, исключая нѣкоторыя имѣнія, на коихъ можно учредить бенефиціи для соборнаго духовенства.

Въ обоихъ случаяхъ пріемъ имѣній, равно какъ актовъ на оныя и на капиталы и относящихся къ тому дѣлъ, нужно въ каждой изъ трехъ нынѣ существующихъ базиліанскихъ провинцій поручить особымъ коммиссіямъ, составивъ оныя изъ гражданскихъ и духовныхъ чиновниковъ. Сдачу же должны произвести въ каждомъ монастырѣ:

провинціалъ съ консульторомъ, и настоятель монастыря съ предмѣстникомъ его, кои и должны отвѣтствовать за неполную сдачу, какъ за утайку церковной принадлежности. Сіе тѣмъ болѣе нужно, что свѣдѣнія, кои коллегія собрала о фундушахъ базиліанскаго ордена, не такъ еще вѣрны, чтобы на нихъ положиться можно было; ибо коллегія знаетъ только то, что̀ сами базиліане объявили, а консисторіи почти вовсе не имѣютъ свѣдѣній о сихъ фундушахъ.

Сообщ. **А. Н. Поповъ.**

Къ исторіи Лобнаго мѣста въ Москвѣ.

1846 г.

Отношеніе м-ра внутреннихъ дѣлъ къ московскому военному генералъ-губернатору кн. Щербатову *). 10 апрѣля 1846 г. Усмотрѣвъ изъ отношенія вашего сіятельства, отъ 8 минувшаго марта, что, по распоряженію г. главноуправляющаго путями сообщенія и публичными зданіями, составлены (въ декабрѣ минувшаго года) проектъ и смѣта на постройку лавокъ около лобнаго мѣста въ Москвѣ, но что вы, милостивый государь, признаете неудобнымъ застроивать это мѣсто, которое и московскіе почетнѣйшіе жители желали бы видѣть незастроеннымъ, какъ памятникъ важныхъ историческихъ событій, и соглашаясь съ изъясненнымъ мнѣніемъ вашимъ, я доводилъ объ этомъ до свѣдѣнія государя императора. Вслѣдствіе чего получилъ нынѣ отъ г. статсъ-секретаря Танѣева отзывъ, что его императорскому величеству благоугодно было вытребовать изъ вѣдомства главнаго управленія путей сообщенія и публичныхъ зданій подлинное по сему предмету дѣло, изъ котораго оказалось, что не графъ Клейнмихель предполагалъ сказанную постройку, равнымъ образомъ не онъ и настаивалъ на производство ея, ибо когда изъ производившейся переписки открылось, что ваше сіятельство отступили отъ своего мнѣнія и находили сію постройку неумѣстною, то графъ Клейнмихель приказалъ дѣло зачислить конченнымъ. А все дѣло началось по частнымъ просьбамъ помощника машиниста московскихъ императорскихъ театровъ Шагорова и за смертію его, купца Ригина, потомъ имѣлось въ виду ходатайство городской думы о предоставленіи ей застроить мѣсто и согласіе на то ва-

---

*) Князь Алексѣй Григорьевичъ Щербатовъ, къ которому писанъ приведенный нами документъ, былъ московскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ съ 1843 г. по апрѣль 1848 г. Онъ род. въ 1777 г. и умеръ 15 декабря 1848 г. въ чинѣ генѣр. отъ инфант. и кавал. всѣхъ рос. орденовъ. **Ред.**

шего сіятельства; но при семъ одного только не было принято въ соображеніе: согласенъ ли будетъ его императорское величество на сію ни съ чѣмъ несообразную мысль застроить историческій памятникъ. При чемъ г. статсъ-секретарь Танѣевъ изъяснилъ, что государь императоръ, признавъ, что подобнаго нелѣпаго предположенія и затѣвать не слѣдовало, высочайше повелѣваетъ: впредь не смѣть входить съ таковымъ предложеніемъ.

О семъ высочайшемъ повелѣніи имѣю часть увѣдомить васъ, милостивый государь, вслѣдствіе упомянутаго отношенія № 1165.

Подписали: министръ внутреннихъ дѣлъ Перовскій и директоръ Лексъ.

Сообщ. П. А. Ефремовъ.

Иванъ Никитичъ Скобелевъ.

1848 г.

1) Письмо его къ военному министру кн. Чернышеву. 1-го ноября 1848 года: „Сіятельнѣйшій князь! Заключенный на восемь мѣсяцевъ въ казематѣ, л. гв. Егерскаго полка прапорщикъ Браккель*), образуя собою слабаго, щедушнаго, юнаго нѣмца, принявшій опредѣленное ему наказаніе съ чувствомъ вполнѣ кающагося грѣшника, всего болѣе за нанесеніе удара родителямъ, проживающимъ, по словамъ его, въ Ригѣ, слезами и тоскою наводитъ мнѣ страхъ. Боже упаси, если ко всему выше реченному присоединится холера и онъ умретъ. Нѣмцы подумаютъ, что его въ крѣпости уморили. Б—ль виноватъ, по молодости и неопытности, но онъ, какъ вижу, сформированъ на благородную стать, съ чувствами возвышенными, похвальными; а по сему, быть можетъ, и самъ я подвергаюсь вашему гнѣву, но осмѣливаюсь просить исходатайствовать ему переводъ, въ мѣсто менѣе грозное—гаубтвахту“.

2) Собственноручная резолюція императора Николая Павловича: „Старику Скобелеву я ни въ чемъ неоткажу; надѣясь, что послѣ его солдатскаго увѣщанія виновному, изъ Браккеля выйдетъ опять хорошій офицеръ, — выпустить и перевесть въ армейскій полкъ, тѣмъ же чиномъ“.

---

*) Б—ль посаженъ былъ въ крѣпость за то, что будучи въ караулѣ, отпустилъ на время изъ-подъ караула арестованнаго за незначительную вину офицера. За этотъ поступокъ Б** угрожало разжалованіе въ рядовые, если бы не заступничество Скобелева. А. Г. Кроосъ.

3) Письмо генерала Скобелева къ императору, 4 ноября 1848 г.: „Всемилостивѣйшій Государь! Благотворная резолюція вашего императорскаго величества на письмѣ моемъ, дала мнѣ поводъ и сообщила смѣлость представить вамъ настоящее положеніе души и сердца моего.

„Клянусь святою вѣрою и честію русскаго благороднаго солдата, что если бы вы подарили мнѣ каменную въ крѣпости палату, золотомъ и серебромъ набитую, далеко, далеко непорадовала-бъ меня, противъ этой божественной резолюціи, хотя впрочемъ я никогда не зналъ Браккеля, вовсе незнакомъ съ его родителями, — и дѣйствовалъ по долгу и обязанностямъ стража, долженствующаго вникать не только въ физическое, но и въ нравственное состояніе преступника; посему могъ ли я вообразить, чтобъ изъ обстоятельства, столь обыкновеннаго, на сѣдую мою голову упала благодать, и утлая жизнь моя снова озарилась счастіемъ,—но вѣдь это не новое для меня, все ваше царствованіе... свѣтлый праздникъ.

„Не удивляйтесь, государь, всеусерднѣйшей просьбѣ моей, въ случаѣ войны употребить меня въ дѣло, мнѣ стыдно умереть подъ кровлею, ретивое мое должно перестать биться на поляхъ славы и за васъ, въ примѣръ и науку преемникамъ; иначе чаша счастія будетъ не полна“.

На подлинномъ написано: „Государь императоръ изволилъ прочитать съ удовольствіемъ“. Князь Чернышевъ.

Сообщ. **А. Г. Кроссъ.**

Примѣчаніе. Иванъ Никитичъ Скобелевъ род. 1778 г. ум. 19 февраля 1849 г. Изъ однодворцевъ, онъ началъ службу нижнимъ чиномъ, пятнадцати лѣтъ отъ роду. Въ 1804 г. Скобелевъ произведенъ въ прапорщики и затѣмъ въ теченіи долголѣтней военной службы участвовалъ во многихъ кампаніяхъ (1806—1809, 1812—1814, 1831 гг.) и былъ нѣсколько разъ раненъ. Скобелевъ—человѣкъ въ своемъ родѣ—весьма замѣчательный. Храбрый воинъ, онъ, при образованіи весьма плохомъ, одаренъ былъ большою природною сметливостью, умомъ и дарованіемъ писателя. Разныя противоположности соединялись въ его характерѣ: онъ способенъ былъ забивать на смерть палками солдатъ, что и дѣлалъ, какъ видно изъ собственныхъ его приказовъ (см. статью нашу Иванъ Скобелевъ въ газетѣ «Русская Рѣчь», 1861 г. №№ 95 и 96) и въ тоже время, несомнѣнно, что онъ страстно любилъ того же русскаго солдата, привязанъ былъ къ военной службѣ, умѣлъ своеобразно говорить съ солдатомъ и сердце его далеко не было черство. Напротивъ, назначенный въ 1839 году комендантомъ Петропавловской крѣпости въ Петербургѣ, Скобелевъ въ теченіи десятилѣтняго служенія своего на этомъ посту, безпрестанно рискуя навлечь на себя серьезныя непріятности, оказывалъ множество добра. Онъ ходатайствовалъ за несчастныхъ, погребенныхъ въ тѣ годы въ крѣпостныхъ казаматахъ; онъ, напр., испросилъ пересылку изъ крѣпости въ Сибирь на поселеніе Гавріила Степановича Батенкова, человѣка замѣчательнаго умомъ,

государственными трудами, подъятыми вмѣстѣ со Сперанскимъ по устройству Сибири въ 20-хъ годахъ, и затѣмъ двадцатилѣтнимъ заточеніемъ въ Петропавловской крѣпости за участіе въ событіяхъ 14-го декабря.

Поступокъ съ Браккелемъ, изложенный въ приведенныхъ нами документахъ, доказываетъ ту же необыкновенную доброту и сострадательность ветерана, на посту, на которомъ и до него и послѣ него всего менѣе проявлялось сострадания.

Мы бы очень желали не разъ еще остановиться на И. Н. Скобелевѣ, кахъ на весьма типическомъ представителѣ того русскаго общества, которое вынесло погромъ 12-го года и убѣдительно просимъ его сына, генерала Д. И. Скобелева, — сообщить на страницы «Русской Старины», — необходимые для біографіи его отца матеріалы. **Ред.**

Русскіе писатели XVIII вѣка.

Нѣсколько предварительныхъ словъ.

Какъ ни много сдѣлано въ послѣдніе годы для разработки нашей библіографіи, исторіи русской литературы и жизнеописаній нашихъ писателей, но нельзя не сказать, что рядомъ съ трудами нашихъ дѣятелей по части собранія, приведенія въ порядокъ и объясненія вновь открываемыхъ матеріаловъ, встрѣчаются безпрестанно достойные сожалѣнія пробѣлы, состоящіе въ томъ, что матеріалы этого рода, обнародованные въ прежнее время, не подвергаются обработкѣ, соотвѣтствующей современнымъ требованіямъ. Такъ, напр., трудъ Сопикова остается безъ алфавитовъ; указанія о сочиненіяхъ даже самыхъ извѣстныхъ авторовъ у Сопикова, Плавильщикова, Смирдина, митрополита Евгенія и др. не сведены вмѣстѣ; а истина о времени ихъ изданія не можетъ быть провѣрена и признана окончательною безъ такой приготовительной работы. Имѣя подъ рукою нѣсколько такого рода матеріаловъ, я рѣшаюсь печатать изъ нихъ нѣкоторые въ видѣ опыта, присовокупляя, гдѣ найдется удобнымъ, и свѣдѣнія о самихъ авторахъ.

Объясненіе главныхъ сокращеній: Соп. — Сопиковъ; Пл.— Плавильщиковъ; См.—Смирдинъ; Евг.—митрополитъ Евгеній; Нов.— Новиковъ; Др. сл.—Драматическій словарь 1787 года. С.П.б.—Санктпетербургъ; М.—Москва.

I. Алексѣй Васильевичъ Олешевъ.

А. В. Олешевъ былъ богатый вологодскій помѣщикъ. Въ 1780 году онъ имѣлъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и былъ

избранъ первымъ губернскимъ предводителемъ вологодскаго дворянства, которое, въ 1783 году выбрало его въ эту должность и на второе трехлѣтіе, при чемъ онъ представился съ дворянскою депутаціею императрицѣ Екатеринѣ и произнесъ ей благодарственную рѣчь („Русск. Арх." 1865, изд. 2, стр. 925). Имѣніе его, богатое село Ермасово, находилось въ 62 верстахъ отъ Вологды. (Ibid., стр. 926). Олешевъ былъ женатъ на младшей сестрѣ знаменитаго Суворова, Марьѣ Васильевнѣ (Рос. род. книга, ч. 2, стр. 66); единственный сынъ ихъ, Василій Алексѣевичъ, не оставилъ потомства и имѣніе Олешевское перешло къ двоюродному брату по матери, князю Андрею Ивановичу Горчакову, завѣщавшему оное князю Александру Алексѣевичу Волконскому, нынѣ умершему („Русск. Арх." 1865, изд. 2, стр. 296). Мнѣ неизвѣстны годы рожденія и смерти А. В. Олешева.

Память объ Олешевѣ сохранилъ съ уваженіемъ человѣкъ, самъ оставившій по себѣ самую добрую славу, — извѣстный писатель, то же вологжанинъ — Михаилъ Никитичъ Муравьевъ (род. 25 октября 1757, ум. 29 іюля 1807). Хотя онъ очевидно былъ гораздо моложе Олешева, но это не мѣшало существованію между ними самой искренней дружбы. Муравьевъ посвятилъ ему „Эклогу" (соч. Мур., изд. См., Т. I, стр. 11), гдѣ упоминается ихъ родина:

«Помедли, Вологда, останови на часъ
Потокъ поспѣшныхъ волнъ, чтобы свирѣли гласъ
Раздался, по твоимъ носясь струямъ прозрачнымъ».

Далѣе слѣдуетъ обращеніе къ Олешеву (Ibid., стр. 12):

«А ты, любитель рощъ, владѣлецъ сихъ луговъ
Начальникъ и краса окрестныхъ пастуховъ,
Будь юности моей совѣтникомъ и другомъ,
Ты музамъ жертвуешь и мудрости досугомъ».

„Сколько зажиточныхъ, просвѣщенныхъ и дальновидныхъ владѣльцевъ, которые составили сердцу своему пріятное наслажденіе основать убѣжище страждущимъ и служить человѣчеству въ семъ состояніи, столь почтенномъ и малоуважаемомъ, котораго жребій Провидѣніе имъ препоручило! Таковыхъ зналъ я нѣкогда почтенныхъ членовъ сего общества (вѣроятно Вольнаго Экономическаго), Петра Ивановича Рычкова и Алексѣя Васильевича Олешева на Вологдѣ, которые украшали сельское спокойствіе упражненіемъ въ испытаніи естества, въ доставленіи селянину, не только имъ подвластному, но и сосѣдственному, всѣхъ пособій земледѣлія, служили совѣтами равнымъ своимъ и часто судомъ своимъ случающіяся распри прекращали. Здравіе тѣла, здравіе души были два предмета, упражнявшіе попечительность ихъ и часто знаніе врачебной науки, знаніе человѣче-

скаго сердца привлекали вниманіе ихъ и обнаруживались спасительными дѣйствіями“ (Соч. Мур., Т. 2, стр. 296 и 297).

Въ одномъ изъ писемъ своихъ, относящихся очевидно къ болѣе раннему времени, Муравьевъ говоритъ:

„Но особливо оживляется общество Вологодское близостью селеній дворянскихъ окружающихъ городъ. Тщаніе къ домостроительству, согласіе, пріятность общежитія составляютъ выгодное умоначертаніе сего благороднаго общества. Таковъ между прочими достойный почтенія (Олешевъ), котораго отличное просвѣщеніе и благонравіе даютъ ему неоспоримое преимущество надъ его равными: философъ безъ своенравія и угрюмости, онъ окружилъ себя избраннѣйшими увеселеніями посреди сельской жизни. Любимъ, уважаемъ въ цѣломъ уѣздѣ, съ безпритворнымъ усердіемъ раздаетъ онъ совѣты дворянину, наставленія—земледѣльцу. Онъ мнѣ напоминалъ старика Виргиліева, который наслаждался разведеніемъ сада и богатъ собственнымъ трудомъ своимъ. „Сокровища царей душою замѣнялъ“ (Ibid. стр. 322 и 323).

Доселѣ преданіе говоритъ объ Олешевѣ, что онъ былъ „человѣкъ весьма образованный по тому времени и имѣвшій у себя хорошую библіотеку“ (Русск. Арх., 1865, изд. 2, стр. 926). Отзывъ о немъ Муравьева подтверждаетъ, что это была личность достойная всякаго уваженія.

Литературные труды Олешева суть слѣдующія:

1) Начертаніе благоденственной жизни, состоящее: 1) въ размышленіи Шпальдинга объ опредѣленіи человѣка; 2) въ мысляхъ Дю-Мулина о спокойствіи духа и удовольствіи сердца и 3) въ пятидесяти статьяхъ нравоучительныхъ разсужденій (Соп. № 6,745, С. П. б. 1774, пер. съ фр. и нѣм.; Пл., № 2,019, С. П. б. 1774, пер. съ фр. и нѣм.; См., № 1,172, С. П. б., 1774; переводъ и сочиненіе).

2) Вождь къ истинному благоразумію и къ совершенному счастію человѣческому, или отборныя о сихъ матеріяхъ мысли славнѣйшихъ въ свѣтѣ писателей: Шпальдинга, Дю-Мулина и Юнга (Соп., № 2,523, С. П. б. 1780, переводъ; Пл.—нѣтъ; См., № 1,247, С. П. б., 1780).

3) Бриліянтовая книжка, содержащая: 1) размышленія г. Шпальдинга объ опредѣленіи человѣка, съ дополненіемъ новыхъ изданій; 2) Мысли г. Дю-Мулина о спокойствіи духа и удовольствіи сердца и 3) пятьдесятъ статей нравоучительныхъ разсужденій и другихъ полезныхъ упражненій въ стихахъ и прозѣ (Соп., № 6,933, С. П. б., 1780. переводъ и сочиненіе. Пл. и См. нѣтъ).

4) Надежный, пристойный и спасительный путь къ снисканію благополучія или бриліантовая книжка (Соп. № 9,273, С. П. б., 1780, пер. съ нѣм. и фр. У Пл. и См. нѣтъ).

Сопиковъ говоритъ (ч. 4, стр. 256), что это есть новое заглавіе № 2 и утверждаетъ (ч. 3, стр. 474), что №№ 1, 2 и 3 суть одно и тоже произведеніе.

5) Цвѣты любомудрія или философическія разсужденія: 1) о томъ, что нѣтъ спокойствія злымъ; 2) Каковъ есть человѣкъ въ естественномъ состояніи и 3) О жизни, смерти и безсмертіи человѣковъ. (Соп., № 12,523 С. П. б. 1778, пер. съ фр.; Соп. № 12,523, изд. 2, С. П. б. 1783; Пл., № 1.738, С. П. б., безъ года, пер. съ фр.; См. № 1,428, С. П. б. 1778, переводъ).

II. Ѳедоръ Ивановичъ Дмитріевъ-Мамоновъ.

Бригадиръ Ѳ. И. Дмитріевъ-Мамоновъ родился 10 февраля 1727, умеръ 27 марта 1805. Онъ былъ единственный сынъ гвардіи капитана Ивана Ильича-младшаго и Аграфены Автамоновны, рожденной Ивановой. Родной дядя его, генералъ-аншефъ и александровскій кавалеръ Иванъ Ильичъ, старшій (род. 1681, ум. 24 мая 1730) былъ женатъ втайнѣ вторымъ бракомъ на великой княжнѣ Прасковьѣ Іоанновнѣ (род. 24 сентября 1694, ум. 8 октября 1731), сестрѣ императрицы Анны, не оставя дѣтей отъ этого брака. Ѳ. И. Дмитріевъ-Мамоновъ самъ былъ женатъ на княжнѣ Александрѣ Семеновнѣ Волконской (род. 28 апрѣля 1733, ум. 11 декабря 1793), сестрѣ извѣстнаго генерала князя Григорія Семеновича (род. 30 янв. 1742, ум. 17 іюля 1824) и Анны Семеновны Олениной (род. 12 января 1737, ум. 4 февраля 1812), жены Николая Яковлевича Оленина. Такимъ образомъ Ѳ. И. Дмитріевъ-Мамоновъ приходился двоюроднымъ братомъ извѣстнаго генерала князя Николая Григорьевича Репнина-Волконскаго (род. 1778, ум. 1844), бывшаго въ 1813-1814 годахъ генералъ-губернаторомъ королевства Саксонскаго и Алексѣя Николаевича Оленина (ум. 1842), знаменитаго любителя искусствъ и президента императорской академіи художествъ. Любимецъ Екатерины, графъ Александръ Матвѣевичъ Дмитріевъ-Мамоновъ (род. 19 сентября 1758, ум. 29 сентября 1803) былъ его троюроднымъ племянникомъ. Ѳ. И. Дмитріевъ-Мамоновъ оставилъ единственнаго сына, генералъ-маіора Ивана Ѳедоровича (ум. 16 января 1812), потомство котораго существуетъ до нынѣ (Рос. род. книга кн. П. Долгорукова, ч. 1, стр. 264, 273 и ч. 2, стр. 179, 180). Главныя имѣнія его были, кажется въ Московской и Смоленской губерніяхъ.

Первое изъ немногихъ извѣстныхъ мнѣ, довольно характеристическихъ обстоятельствъ жизни Ѳ. И. Мамонова относится къ исторіи возмущенія въ Москвѣ во время чумы. 16 сентября 1771 года, на второй день бунта, когда еще господствовало полное безначаліе и чернь бросилась въ Чудовъ монастырь искать архіепископа Амвросія, но не найдя его, занялась грабежемъ, Мамоновъ, соревнуя возстановленію порядка, прибылъ съ двумя слугами къ монастырю и съ однимъ изъ нихъ вошелъ туда черезъ заднія ворота. Черезъ нѣсколько минутъ онъ долженъ былъ бѣжать оттуда, и вслѣдъ ему полетѣли камни и полѣнья. Напрасно вздумалъ онъ обороняться шпагой и пистолетами; но во время бѣгства его къ Никольскимъ воротамъ, его били чѣмъ попало. Наконецъ кто-то ударилъ его большимъ камнемъ по головѣ, и онъ упалъ; но его не переставали бить и слуги уже

замертво принесли его за Никольскія ворота, къ гауптвахтѣ. Тогда разнесся въ Москвѣ слухъ, будто онъ умеръ (Русск. Архивъ, 1863, изд. 2, стр. 493).

Черезъ два года видимъ мы Мамонова при совершенно другихъ обстоятельствахъ. Какъ любитель рѣдкостей, онъ вздумалъ показывать москвичамъ свою коллекцію и хотѣлъ напечатать „привѣтствіе", приглашавшее ихъ посѣщать его домъ, чтобы любоваться его (дѣйствительными, или мнимыми—не знаю) сокровищами. Дѣло это почему-то дошло до сената, который, по неизвѣстнымъ причинамъ, запретилъ печатаніе этого „привѣтствія". Мамоновъ, съ приложеніемъ текста онаго, подалъ на то жалобу самой императрицѣ, которая написала московскому главнокомандующему князю Михаилу Никитичу Волконскому, 31 октября 1773 года, что нашла въ привѣтствіи „неблагопристойности", но спрашивала, не было ли еще и другихъ причинъ запрещенію, которое Мамоновъ приписывалъ именно князю и точно ли у него въ домѣ то, что исчислено въ „привѣтствіи". При этомъ императрица повелѣвала князю Волконскому донести ей вообще о поведеніи Мамонова, потому что въ Петербургѣ „многіе разсказываютъ объ немъ такія дѣла, которыя мало ему похвалы приносятъ" (Осьмнадцатый вѣкъ, кн. I, стр. 101).

Не знаю подробностей этого дѣла и чѣмъ оно кончилось. Но черезъ пять лѣтъ Мамоновъ обратилъ на себя вниманіе уже не простыми „неблагопристойностями", а дѣйствіями вполнѣ требовавшими строгаго вмѣшательства со стороны правительства.

Императрица писала, 1 іюля 1778 года, къ князю М. Н. Волконскому, что до нея дошли извѣстія о жестокостяхъ и мучительствахъ Мамонова надъ его крѣпостными людьми, изъ которыхъ нѣкоторые отъ него бѣжали и были пойманы. Она подозрѣвала, судя вообще по поступкамъ его, что онъ не въ здравомъ разсудкѣ. Императрица повелѣвала удостовѣриться въ истинѣ показаній бѣжавшихъ людей, и если они окажутся справедливыми, то послать къ нему двухъ членовъ юстицъ-коллегіи или членовъ уѣзднаго земскаго суда (если Мамоновъ живетъ въ какомъ либо изъ новыхъ намѣстничествъ) для производства слѣдствія и освидѣтельствованія его умственныхъ способностей, съ тѣмъ, чтобы о послѣдствіяхъ было донесено ея величеству черезъ главное мѣстное начальство (Осьмнадцатый вѣкъ, кн. I, стр. 149).

Екатерина получила отъ князя Волконскаго самое неблагопріятное для Мамонова донесеніе, и 4 марта 1779 года писала князю, что дурное поведеніе Мамонова доказано при членахъ юстицъ-коллегіи сторонними людьми, а также письменными документами. Импе-

ратрица признавала его жестокимъ господиномъ и находящимся „внѣ здраваго разсудка“, что подтверждала во всеподданнѣйшемъ прошеніи и жена Мамонова, жаловавшаяся и на мотовство мужа, прожившаго три четверти наслѣдственнаго имѣнія, состоявшаго изъ 2000 душъ. Поэтому было высочайше повелѣно приставить къ нему опекуновъ, которые не допускали бы его ни до какихъ „мучительствъ или неистовствъ“, а собираемые доходы обращали въ пользу Мамонова и его дома. Бѣглые люди были возвращены въ имѣніе и отданы „въ призрѣніе опекуновъ“ (Осьмнадцатый вѣкъ, кн. I, стр. 152).

Дальнѣйшія черты жизни Мамонова мнѣ неизвѣстны. Знаю только, что несмотря на достойные порицанія поступки свои, Ѳ. И. Мамоновъ имѣлъ, какъ видно, и почитателей. Въ честь его изданъ былъ Панегирикъ дворянину-философу Ѳедору Ивановичу Дмитріеву-Мамонову; писалъ и поднесъ священникъ Василій Ивановъ Соловей. М., въ листъ, безъ означенія года. Выгравированъ на мѣдныхъ доскахъ Васильемъ Иконниковымъ. (Сопиковъ, № 8,069). Мамоновъ умеръ въ 1805 году, 78 лѣтъ отъ роду.

Мамоновъ выступилъ на авторское поприще въ 1769 году, имѣя 42 года отъ роду и тогда же присвоилъ себѣ столь несоотвѣтствовавшее, повидимому, его характеру прозвище „дворянина-философа“.

Вотъ списокъ изданныхъ имъ произведеній въ прозѣ и стихахъ:

1) Любовь Псиши и Купидона, соч. де-ла-Фонтена; пер. съ фр., съ присовокупленіемъ книги Дворянинъ-Философъ, аллегорія. 2 части М., 1869. (Соп., № 6,121, съ отм. «рѣдка»; Пл. № 4,460; См., № 8,974; полное имя автора выставлено у Соп. и Пл.).

2) Епистола отъ генерала къ его подчиненнымъ, или генералъ въ полѣ съ своимъ войскомъ. М. 1770. (Соп., № 3,752; у Пл. нѣтъ; См., № 8,035. Имя выставлено у Сопикова).

3) Слава Россіи, или собраніе медалей, означающихъ дѣла Петра Великаго и другія нѣкоторыя. М. 1770 (Соп., № 10,331 и 2 изд. М., 1783, № 10,332; у Пл. нѣтъ; См., № 2383, изд. 2, М. 1783. Имя выставлено у Смирдина).

4) Правила, по которымъ всякій офицеръ слѣдуя, военную службу съ удовольствіемъ продолжать можетъ. М. 1771. (Соп., № 8,840 и 2 изд., М. 1788, № 8,841; у Пл. нѣтъ; См., № 4,245, изд. 2 М. 1788. Имя автора показано только въ Словарѣ свѣт. пис., митр. Евгенія, ч. 2, стр. 43).

5) Любовь, поэма въ семи пѣсняхъ. М. 1771 (Соп. № 8,689; у Пл. нѣтъ; См., № 8,164; у Евг. показано 2 изд., вышедшее въ 1796 году, въ Смоленскѣ).

6) Хронологія, переведенная изъ науки, которую сочинилъ де-Шевиньи, дополнилъ де-Лиміеръ и пр. 2 части, М., 1782 (Соп., № 12,509; у Пл. нѣтъ; См. № 2,982. Имя автора показано у Сопикова).

7) Дворянинъ-философъ, аллегорія. Смоленскъ, 1796 (Соп., № 3,099; у Пл. нѣтъ; См., № 8,361. Имя выставлено у Соп. и См. Книга эта первоначально явилась въ 1769 году при переводѣ Любви Псиши и Купидона: см. выше.

Митрополитъ Евгеній (Слов. св. пис., ч. 2, стр. 43) приписываетъ еще Мамонову переводъ части Овидіевыхъ превращеній. Кажется, что онъ перевелъ не „превращенія“, а избранныя печальныя элегіи Овидія, напечатанныя въ Смоленскѣ въ 1796 году (см. Соп., № 7,000).

28 февраля 1870. **Михаилъ Лонгиновъ.**

Примѣчаніе. Редакція «Русской Старины», помѣщая настоящую статью, считаетъ необходимымъ замѣтить, что очеркъ этотъ составляетъ начало большого и весьма полезнаго для исторіи литературы труда, предпринятаго Михаиломъ Николаевичемъ Лонгиновымъ, обширныя свѣдѣнія и труды котораго въ области отечественной библіографіи давно уже приобрѣли ему извѣстность одного изъ лучшихъ современныхъ библіографовъ. Благодаря обязательности М. Н. Лонгинова, мы послѣдовательно представимъ на страницахъ «Русской Старины» свѣдѣнія о жизни и трудахъ слѣдующихъ литературныхъ и общественныхъ русскихъ дѣятелей прошлаго столѣтія: братьевъ Кариныхъ, братьевъ Нарышкиныхъ, супруговъ Ржевскихъ, С. Г. Домашнева, Г. Н. Теплова, И. П. Елагина, С. М. Кузьмина, Пав. Ив. Фонъ-Визина, Пав. Серг. Потемкина.

Свѣдѣнія обо всѣхъ этихъ дѣятеляхъ, изъ которыхъ нѣкоторые, какъ наприм. Г. Н. Тепловъ, Елагинъ, Пав. Потемкинъ, играли весьма важную роль и въ политической исторіи нашего отечества за прошлое столѣтіе, — по возможности полны; біографіи кратки, но существеннаго ничего не упущено, въ чемъ и состоитъ главная задача такого труда; нечего и говорить, что все основано на фактахъ, съ указаніями источниковъ. Библіографическая же часть рѣшительно полна, т.-е. все, что представляютъ наши библіографы сведено и приведено съ точностію. Затѣмъ впослѣдствіи времени изъ того же обширнаго труда М. Н. Лонгинова мы надѣемся сообщить свѣдѣнія о жизни и литературныхъ трудахъ: Нартова, Чулкова, Попова, Рубана, Туманскаго, Эминыхъ, Веревкина, Левшина и нѣк. другихъ.

Чтобъ дать понятіе о трудахъ Дмитріева-Мамонова, приведемъ нѣсколько строкъ, сообщенныхъ намъ Н. П. Дуровымъ,—изъ соч. Мамонова: «Любовь Псиши и Купидона, сочиненная г-номъ Дела-Фонтенемъ. 1769 г. 2 части» и оригинальное сочин. «Дворянинъ Философъ. Аллегорія». Переводъ свой авторъ посвящаетъ «Красавицамъ супругамъ», которыя могутъ такъ влюбиться въ своихъ супруговъ, какъ прекрасная Псише была влюблена въ своего, и совѣтуетъ имъ не вѣрить тѣмъ, кто говоритъ что «супругѣ любить супруга есть мѣщанство и будто неприличность». Тѣмъ же, кто, ссылаясь на неравные браки, будетъ говорить, что иногда такая любовь невозможна, онъ приводитъ примѣры счастливыхъ неравныхъ браковъ. Вотъ одинъ изъ нихъ въ его пересказѣ: «Старый Полоній, когда сбирался жениться на красавицѣ въ 18 лѣтъ, на разумной, прекрасной и добродѣтельной, однимъ словомъ сказать: она была лучшая вещь въ природѣ. Старикъ ея женихъ ходилъ съ костылемъ, согбясь на изсохшихъ ногахъ, но въ угожденіе своей красавицѣ на оныхъ ногахъ онъ бѣгалъ какъ въ 18 лѣтъ, и наряжался. Надувалъ щеки, чтобъ думали, что молодъ и часто заставливалъ двумъ своимъ человѣкамъ тянуть одному лобъ кверху, а другому бороду книзу, и кожу сихъ мѣстъ привязывалъ такъ искусно, что на лицѣ его никто не примѣтилъ ни морщинки. Наконецъ оба они самымъ важнымъ образомъ были угодны другъ другу». Далѣе авторъ говоритъ, что Полоній обѣщалъ предоставить женѣ полную свободу веселиться и окружать себя поклонниками и не мѣшать ея веселію съ тѣмъ только, чтобы послѣ весело проведеннаго дня она возвращалась къ нему. При этомъ совѣтуетъ старымъ мужьямъ, въ видахъ поддержанія семейнаго счастія.... Если супруги равныхъ лѣтъ, то они, подобно Купидону и Псише, съ утра до вечера неумолкая и даже всю ночь насквозь прыгаютъ, скачутъ и рѣзвятся и утѣшаются, измышляя какія бы выдумать новыя забавы. Но не приведи

Боже найти мужу въ женѣ медвѣдицу или женѣ въ мужѣ медвѣдя, тогда они уже не будутъ походить на Купидона и Псише....»

Въ предисловіи къ читателю переводчикъ заявляетъ, что онъ природный россіянинъ и гордится тѣмъ, что онъ сынъ Россіи, превзошедшей весь свѣтъ славою; но говоря о писателяхъ, прославившихъ отечество, онъ кстати приводитъ образцики изъ произведеній, т.-е. печатаетъ стихи Ломоносова, Сумарокова, Тредьяковскаго, Хераскова и Майкова, желая облегчить читателямъ сравненіе талантовъ нашихъ литературныхъ знаменитостей; затѣмъ, переходя къ своему переводу, онъ пишетъ: «Правда то есть, что я избралъ для переводу нѣжнѣйшее изъ того, что г-нъ дела Фонтенъ чрезъ всю свою жизнь въ свѣтъ издалъ, и въ ономъ его сочиненіи самыхъ низкихъ словъ совсѣмъ нѣтъ: но признаюсь, что желая употребить приличный штиль или слогъ тутъ, гдѣ матерія онаго требовала, я имѣлъ наивеличайшій трудъ, потому что въ оригиналѣ слогъ хотя благороднѣе его нравоучительныхъ басенъ, но для героичнаго слога весьма низокъ, и охоту мнѣ подало переводить не штиль, но матерію.

«Знаю, что всему свѣту писателямъ нравится въ басняхъ низкій слогъ г. дела Фонтена, и многіе оному подражаютъ; но мнѣ не нравится; потому что благородный штиль всегда привлечетъ меня къ чтенію, а низкими словами наполненный слогъ я такъ оставляю, какъ оставляю и не слушаю тѣхъ людей, которые говорятъ степною рѣчью и произношеніемъ. Весьма приличенъ баснямъ штиль забавной, но мнѣ и шутливость пріятнѣе благородная, нежели самая низкая; напримѣръ въ 1-й книгѣ V басня, г. дела Фонтенъ называетъ волка sir loup: что на нашемъ языкѣ иначе не можно сказать, какъ ваше величество волкъ; титулъ и въ баснѣ совсѣмъ неприличный для волка, но приличенъ льву. А при концѣ въ тойже баснѣ тогоже волка называетъ maître loup: паки неприличное волку названіе, потому что оное названіе пристойно токмо мастеру какого ни есть художества. Въ XX баснѣ V книги, называетъ медвѣдя seigneur ours: что значитъ на нашемъ языкѣ государь медвѣдь; также неприлично, потому что въ басненномъ слогѣ также оный титулъ свойственъ изъ звѣрей одному льву. Въ VII баснѣ, тойже книги, Юпитера, во всей его огромности, называетъ онъ jupin, что инако невозможно на нашемъ языкѣ изъяснить, какъ юша, а въ XVII баснѣ тойже книги лисицу называетъ кумомъ, а цаплю кумой и паки въ III книгѣ V-я басня, туже лисицу называетъ капитаномъ, а въ IV книгѣ, въ VI баснѣ, давъ имена мышамъ: Артапаксъ, Тизарпаксъ и Меридарпаксъ одними ими наполняетъ цѣлые два стиха. И словомъ сказать, чѣмъ только могъ онъ дополнить свои стихи, то не разбиралъ ни пріятности, ни пристойности. Но его любовь Купидона и Псиши очищена отъ всѣхъ оныхъ низостей, и для того я оную, избравъ, по моему вкусу, перевелъ....»

Въ числѣ приведенныхъ выше образцовъ сочиненій лучшихъ авторовъ русскихъ помѣщена басня «Мужикъ со своимъ сыномъ и оселъ» въ переводѣ Ломоносова и Сумарокова. Это даетъ поводъ автору сравнить обѣ басни и онъ замѣчаетъ, что въ одной баснѣ содержаніе передано въ 18 стихахъ, въ другой въ 58, «и если II-я пьеса коротка, то для того, что въ III-й пьесѣ: мужикъ съ бородою: съ какою? съ сѣдою, а во второй того не упомянуто; во II написано: старикъ сошелъ съ осла и сына посадилъ». Послѣ ряда подобныхъ сравненій Мамоновъ дѣлаетъ выводъ: «Различные авторы и разный слогъ, но дарованіе отличное есть въ изъясненіи — въ такомъ: что

лучше понять и разумѣть возможно». Въ заключеніе Мамоновъ говоритъ, что скрываетъ свое имя не потому, что онъ «не почитаетъ свойства автора весьма славными, а потому, что онъ родился не тщеславленъ».

Ред.

Письма К. Н. Батюшкова къ Н. И. Гнѣдичу.

Печатаемыя въ настоящей книгѣ «Русской Старины» письма К. Н. Батюшкова относятся къ самому началу его поэтической дѣятельности и пополняютъ пробѣлъ въ его біографіи, начатой печатаніемъ года два тому назадъ въ «Русскомъ Архивѣ», но еще не оконченной. Батюшковъ, какъ извѣстно, родился въ 1787 г., а въ 1806 г. поступилъ на службу въ департаментъ мин-ва народнаго просвѣщ. (гр. Завадовскаго), откуда перешелъ вскорѣ на службу къ дядѣ своему, извѣстному Михаилу Никитичу Муравьеву. По обнародованіи манифеста о милиціи, Батюшковъ 1807 г. записался въ стрѣлковый батальонъ С.-Петербургскаго ополченія, съ которымъ и выступилъ въ походъ въ мартѣ мѣсяцѣ, а 29 мая былъ раненъ въ сраженіи подъ Гейльсбергомъ, въ Пруссіи, и раненый отвезенъ въ Ригу. Изъ этого-то похода и изъ Риги писаны помѣщаемыя вслѣдъ за симъ письма.

П. А. Ефремовъ.

1.

Нарва. 1807. Марта 2*).

Портфель моя уѣхала и я принужденъ писать на этой бумагѣ изъ Нарвы, усталъ какъ собака, но все пишу, сколько могу. Не забывай братъ меня, хоть строку напиши въ Ригу. Я здоровъ какъ корова. Я чай, твой Ахиллесъ пьяный столько вина и водки не пивалъ какъ я походомъ. Пиши ко мнѣ хоть въ стихахъ — музы меня совсѣмъ оставили за краснымъ кабакомъ. Дай хоть въ Ригѣ услышать отголосокъ твоего пѣснопѣнія.

Ужели слышать все докучный барабанъ?
Пусть дружество еще проникнувъ тихимъ гласомъ
Хотя на часъ одинъ соединитъ съ парнасомъ
Того, кто невзначай Ареевъ вздѣлъ кафтанъ,
И съ клячей величавой
Пустился кое какъ за славой.

Вотъ тебѣ impromptu. Лучше не умѣю и не хочу.

Пиши, мой другъ, ко мнѣ, я тебя право люблю душевно, да какъ и не любить того, съ кѣмъ могъ отводить душу съ душой. Хозяинъ мой нѣмецъ, не поколотить-ли его? — А какъ не дастъ кофею? — Ну Богъ съ нимъ! Пусть и собаки въ покоѣ будутъ.

---

*) На листкѣ въ 4-ку, толстой синеватой бумаги.

Я тебѣ прилагаю записку къ сестрѣ, возьми у нея 25 р. и выкупи одни часы, а выкупивъ отдай ихъ ей, другіе же пересрочь. Кланяйся всѣмъ знакомымъ въ ноги. Я всѣхъ люблю. Ей Богу. Лаптевича *) попроси, чтобы приписнулъ. Какова его горячка. Походъ научитъ всему. Я какъ каторжный: люди спятъ, а я изъ одного мѣста въ другое. Покоя ни на часъ. — Дай кофею напиться.

Что у васъ въ Питерѣ? на парнасѣ и въ департаментѣ**). Напиши мнѣ десть кругомъ. Пусть всѣ пишутъ, я читать стану. Чѣмъ глупѣе, тѣмъ лучше. Прощай.

Можешь письмо сіе показать сестрѣ Александрѣ. Сходи къ ней.

2.

Рига. 19 Марта. 1807 г.

Я получилъ, любезный Николай, твое письмо, и порадовался душевно о томъ, что ты меня не позабылъ и любишь какъ прежде. Ты знаешь, что я чудакъ и не люблю въ глаза льстить, но теперь разлука даетъ мнѣ право сказать тебѣ, что одинъ у меня другъ и истина сія запечатлѣна въ моемъ сердцѣ на вѣки. Доказательство тому, что я тебя люблю, какъ брата, есть то, что къ тебѣ пишу, одолѣвъ, и самую лѣнь и болѣзнь. Я въ Ригѣ остался за болѣзнію на нѣсколько дней, хотя уже полкъ и очень впереди. Но теперь легче и поѣду завтра на курьерскихъ догонять дружину. Пиши ко мнѣ, а письма отсылай къ сестрѣ Александрѣ чрезъ купца Ивана Алексѣева. Одно утѣшеніе говорить съ тобою, хотя на бумагѣ. Да пиши не на листѣ, а на трехъ; не въ одинъ присѣстъ, а въ многіе. Всякое слово для меня дорого въ разлукѣ. Вы петербургскіе баловни и не чувствуете цѣны писемъ. Закоснѣли въ грязи. Я теперь въ Ригѣ, царствѣ табака и чудаковъ, — нѣмцевъ иначе называть и не можно. Если меня любишь, то выполни мою просьбу. Принеси на жертву какую-нибудь трагедію Шиллеру. Я нѣмцевъ болѣе еще возненавидѣлъ: ни души, ни ума у этихъ тварей нѣтъ. Но Богъ съ ними! Поговоримъ лучше о другомъ. Мнѣ очень нравится военное ремесло. Что будетъ впередъ, Богъ вѣсть. Брани меня а я штатскую службу ненавижу, чернила надоѣли; а стихи все люблю, хотя они меня не любятъ, и вопреки тебѣ буду у тебя просить стиховъ.—Поклонись Меценату-Капнисту***). Да скажи ему, что я не только Тасса съ собой не взялъ, но даже нѣтъ ни одного полу-

*) Сослуживецъ Батюшкова по департаменту просвѣщенія.

**) Гнѣдичъ тогда служилъ младш. помощн. столоначальника въ департ. просвѣщенія. П. Н.

***) Вас. Вас. Капнистъ, авторъ «Ябеды». П. Н.

стишія. А сраженіе опишу вѣрно мѣрой отца-Тредьяковскаго, и прямо буду безсмертенъ.

Вообрази себѣ меня ѣдущаго на рыжакѣ по чистымъ полямъ и я счастливѣе всѣхъ, всѣхъ королей, ибо дорогою читаю Тасса или что подобное. Случалось, что раскричишься и съ словомъ

О доблесть дивная, о подвиги геройски!

прямо на бокъ и съ лошади долой. Но это не бѣда! лучше упасть съ буцефала, нежели падать подобно Боброву — съ пегаса.

Вотъ тебѣ стихи:

По-чести мудрено въ саняхъ или верхомъ,
Когда кричатъ: «маршъ, маршъ, слушай», кругомъ,
Писать къ тебѣ мой другъ посланья....
Нѣтъ! музы, убоясь со мной свиданья,
Честенько въ Петербургъ иль Богъ знаетъ куда
Изволили сокрыться.
А мнѣ безъ нихъ бѣда!
Кто волкомъ быть привыкъ, тому не разучиться
По волчьи и ходить и лаять завсегда.
Частенько погрузясь въ священну думу,
Не слыша барабановъ шуму
И крику рѣзкаго осанистыхъ стрѣлковъ,
Я крылья придаю моей ужасной клячѣ
И прямо на Парнасъ!—Или иначе,
Не говоря красивыхъ словъ,
Очутится предъ мной печальная картина:
Гдѣ вѣтръ со всѣхъ сторонъ въ разбиты окна дуетъ
И гдѣ любовницу нахмурясь котъ цѣлуетъ,
Тамъ финна бѣднаго сума
Съ усталыхъ плечъ валится;
Несчастный къ уголку садится,
И слезы утеревъ раздранныхъ рукавомъ,
Догладываетъ хлѣбъ мякинной и голодной....
Несчастный сынъ страны холодной!
Онъ съ голодомъ, войной и русскими знакомъ!

Вотъ тебѣ стихи!

Государь только откушалъ въ Ригѣ и поѣхалъ далѣе. Здѣшняя уморительная нѣмецкая гвардія встрѣчала его верхомъ. Я этого не видалъ, но видѣлъ сихъ героевъ. Они занимаютъ гаубтвахты по всему городу. Карикатуры—какихъ и Брейткопфъ самъ *) нарисовать не можетъ. Я, увидя ихъ, чуть не умеръ со смѣху. Одѣты очень богато и важничаютъ уроды!

Поклонись отъ меня Караулову и попроси, чтобъ писалъ. Лаптевичъ, если не умеръ отъ недуговъ, то вѣрно также что нибудь намараетъ. Скажи этимъ с..., что я ихъ люблю, хотя они ни м. ч. не стоятъ оба.

---

*) Бр. одинъ изъ столоначальниковъ въ департаментѣ просвѣщенія.

Что ты дѣлаешь на исакіевской площади. Да миръ ниспустится на твою сѣнь. Да съ миромъ пребудутъ твои лары и пенаты и всѣ домашніе боги, и вся утварь, отъ Гомера до у—ка. Да томная твоя Мальвина*), подобно облаку утреннему, ежечасно кропитъ помостъ храма твоего чистѣйшею росою (т. е....) и да ты самъ, бардъ именитый, піеши чай спокойно съ твоей подругою и обо мнѣ странникѣ мыслію въ часы вечерней священной меланхоліи печально веселитеся и проч.

Постарайся самъ увидѣть сестрицъ и попросить, чтобъ чаще ко мнѣ писали. Да и ты меня не забывай. Что твой Гомеръ?—Что Костровъ?—Что греческій языкъ?—Напиши мнѣ объ этомъ.

Также играютъ ли Донскаго? Что противная партія? Что Озеровъ? Что Капнистъ? Это знать очень интересно.

Мы идемъ, какъ говорятъ, прямо спѣша на французовъ. Дай Богъ поскорѣе. Хоть походъ и веселъ, но тяжелъ, особливо въ моей должности. Какъ собака на всѣ стороны рвусь.

Пожалуста не забывай меня и люби, какъ друга. Ни время, ни разстояніе, ни разлука не загладятъ въ душѣ моей чувства дружбы, которое буду къ тебѣ питать. Можетъ быть нашелъ или найдешь людей, которые будутъ краснѣе говорить, но вѣрно не найдешь никого. кто бы такъ любилъ тебя, какъ я. Прощай.

Кланяйся своей подругѣ и всѣмъ знакомымъ. Теперь спать хочется. Ужиналъ мало: 10 яицъ, да курицу скушать изволилъ.

3.

Рига. 1807. Іюнь.

Любезный другъ! Я живъ. Какимъ образомъ, Богу извѣстно. Раненъ тяжело въ ногу навылетъ пулею въ верхнюю часть ляжки и въ задъ. Рана глубиною въ 2 четверти, но не опасна, ибо кость, какъ говорятъ, не тронута, а какъ?—опять не знаю. Я въ Ригѣ. Что могъ вытерпѣть дорогою, лежа на телегѣ, того и понять не могу. Нашъ баталіонъ сильно потерпѣлъ. Всѣ офицеры ранены, одинъ убитъ. Стрѣлки были удивительно храбры, даже до остервененія. Кто бы могъ это думать? Но Богъ съ ними и съ войной. Что ты ко мнѣ не пишешь, забылъ братъ меня совсѣмъ, а я тебя всегда любилъ; ни время, ни труды, ни биваки тебя не изгладили изъ моей памяти. Пиши, Николай, только не огорчай меня дурными извѣстіями. У меня, какъ у модной дамы, нервы стали раздражительны. Крови какъ изъ быка вышло.—Послѣ трудовъ, голоду, ужасной боли (и притомъ ни гроша де-

*) Собака Гнѣдича. П. Б.

негъ) пріѣзжаю я въ Ригу и чтожъ! Меня принимаютъ въ прекрасныхъ покояхъ, кормятъ, поятъ изъ прекрасныхъ рукъ, я на розахъ! Благодарность не велитъ писать. Довольно, я счастливъ и не желаю Питера. Говорятъ мнѣ эскулапы, что цѣлый годъ буду хромать. Признаюсь, что на костыляхъ я крайне забавенъ. Хрущовъ поѣхалъ домой; онъ легко задѣтъ. Ахъ, Николай, война даетъ цѣну вещамъ. Сколько разъ измоченный дождемъ, голодный, на сырой землѣ, я завидовалъ хорошей постели, а теперь — не сытому хвалить обѣдъ! Я пью изъ чаши радостей и наслаждаюсь. Пришли братъ своихъ стиховъ, ради своей дружбы; надѣюсь, что не откажешь; я оживу. Да если можно какую-нибудь русскую новую книгу въ стихахъ, да Капниста. На колѣняхъ прошу тебя, ты бездѣлицу за это заплатишь.

Адресуй прямо въ Ригу. Пріѣзжай ко мнѣ, Николай, на три дня и мы бы вмѣстѣ въ Питеръ, когда мое здоровье позволитъ. Я бы тебѣ могъ прислать и денегъ на дорогу. Городъ прекрасный. И мы бы съ тобою обнялись. А? Подумай, да сдѣлай. Усталъ марать. Прощай; ожидаю отвѣта на цѣлой дести.

Вмѣсто имени: *).

4.

Рига. 1807. Іюля 12.

Любезный другъ Николай Ивановичъ, я удивляюсь, что отъ тебя не получилъ до сихъ поръ отвѣта на мое письмо. Ожидаю по крайней мѣрѣ столько длиннаго и широкаго отвѣта, каково добавленіе Энциклопедіи. Мнѣ гораздо легче; хотя одна рана и не закрыта, могу кой-какъ ходить. Но полно все объ себѣ. Поговоримъ и о тебѣ. Каково ты поживаешь, гдѣ и какъ? Что дѣлаешь? Что мечтаешь? Пиши ко мнѣ, мой другъ, болѣе какъ можно; меня все занимаетъ; а ты болѣе, нежели что другое. Признаюсь, что ты меня мало любишь или лѣнивъ. Въ твоихъ письмахъ мало чистосердечія, да и такъ коротки! Пиши ко мнѣ поболѣе, обо всемъ, о Капнистѣ, о Карауловѣ и пр. Что твой Омиръ? Неужели ты его бросилъ? Это стыдно. Пришли мнѣ хоть одну риѳму изъ твоего перевода. Утѣшь меня, пришли Капнистовы сочиненія или что-нибудь новое, меня какъ ребенка утѣшишь. Я по возвращеніи моемъ стану тебѣ разсказывать мои похожденія, какъ Одиссей. Закуримъ трубки, да ну лепетать тихонько у огня. Дѣла протекшихъ лѣтъ, воскресните въ моей памяти! и сладостныя рѣчи потекутъ изъ устъ моихъ — не правда ли, послушай, мой другъ, мечтать всякому позволено. Поѣдемъ ко мнѣ въ деревню и заживемъ

*) Подъ этими словами Батюшковъ нарисовалъ карандашемъ свой портретъ во весь ростъ, на 2 костыляхъ, съ подвернутою лѣвой ногою. П. Б.

тамъ. Если Богъ исполнитъ живѣйшее желаніе моего сердца, то я съ тобою проведу нѣсколько мѣсяцевъ въ гостепріимной тѣни отеческаго крова. Если же и нѣтъ, то буди его святая воля. Помнишь ли того, между прочимъ, гвардейскаго офицера, котораго мы видѣли въ рестораціи — молодца? Онъ убитъ. Вотъ участь наша. Мы также потеряли въ нашемъ батальонѣ двухъ самыхъ лучшихъ офицеровъ. Ничто такъ не заставляетъ размышлять, какъ частыя посѣщенія Госпожи Смерти. Ваши братья стихотворцы пусть вѣнчаютъ ее розами, право она для тѣхъ, которые переживаютъ, не забавна. Напиши мнѣ кстати, говоря о смерти, что дѣлается на бульварахъ, въ саду и проч. Я получилъ отъ Катерины Ѳедоровны*) письмо. Дядюшка**) очень видно былъ болѣнъ, желаетъ меня видѣть. Дай Богъ, чтобъ былъ живъ. Рѣдкій человѣкъ. Ты не знаешь ему цѣны. Напиши мнѣ каковъ онъ?

Что у васъ происходитъ въ департаментѣ, въ лицеяхъ, въ театрѣ, я чай перемѣна! Что чинитъ Высокое. O grammaire âbime immense: tu nous laisses sans clarté. Я въ отечествѣ курительнаго такаку, бутерьброту, кислаго молока, газетъ, лакированныхъ ботфортъ и жеманныхъ нѣмокъ, живу весело и мирно, меня любятъ. Хозяйка хороша, а дочь ея прекрасна — плачутъ что со мной должно разставаться.

Довольно къ тебѣ написалъ; боюсь тебя избаловать. Прощай. Цѣлую тебя заочно. — Vivat!

Сообщ. П. А. Ефремовъ.

Разсказы о И. А. Крыловѣ.

Въ бумагахъ Н. И. Второва мы нашли пять анекдотовъ о нашемъ знаменитомъ баснописцѣ, слышанныхъ имъ на литературномъ вечерѣ у графа В. А. Соллогуба въ Петербургѣ, вскорѣ послѣ смерти поэта, и потомъ, какъ замѣтно, наскоро записанныхъ. Второй изъ этихъ анекдотовъ напечатанъ г. Кеневичемъ въ его сочиненіи «Библіографическія и историческія примѣчанія къ баснямъ Крылова», въ примѣчаніи къ баснѣ (XLIX) «Ларецъ», стр. 99—100, и повторенъ, съ пояснительной замѣткой, М. Н. Лонгиновымъ въ «Русс. Архивѣ» 1868 г. (№ XI, стр. 1818). За исключеніемъ его, сообщаемъ слѣдующіе четыре анекдота, изъ коихъ третій хотя и переданъ Плетневымъ въ его біографіи И. А. Крылова (см. Сочиненія И. А. Крылова, изд. 1847 г., ч. 1, стр. LXXXIX), но нѣсколько въ иной редакціи; остальныхъ мы не встрѣчали въ печати.

М. Ѳ. Де-Пуле.

---

*) Жена Мих. Ник. Муравьева.

**) Мих. Никитичъ Муравьевъ, бывшій тогда товарищемъ мин. нар. просв. и попечителемъ московскаго учебн. округа, умеръ 28 іюля 1807 г. П. Е.

1.

Одно лѣто императорская фамилія жила въ Аничковомъ дворцѣ. Крыловъ, какъ извѣстно, жилъ въ домѣ императорской публичной библіотеки, въ которой занималъ должность библіотекаря. Однажды покойный государь встрѣтилъ Крылова на Невскомъ.

— А, Иванъ Андреичъ! Каково поживаешь? Давно не видались мы съ тобою! сказалъ императоръ.

— Давненько, ваше величество, отвѣчалъ баснописецъ: а вѣдь, кажись, сосѣди!..

2.

Пушкинъ еще въ первую пору своей поэтической дѣятельности, на одномъ литературномъ вечерѣ, читалъ какое-то стихотвореніе, написанное имъ въ крайне романическомъ родѣ. Всѣ были въ восхищеніи, но Крыловъ оставался равнодушенъ. Пушкинъ обратился къ нему съ слѣдующимъ вопросомъ:

— А что, Иванъ Андреичъ, признайтесь искренно, пьеса моя вамъ не понравилась?

— Нѣтъ, ничего,—понравилась, отвѣчалъ добродушно Крыловъ. Только послушайте, я разскажу вамъ анекдотъ. Однажды какой-то проповѣдникъ говорилъ своимъ слушателямъ, что все, созданное Богомъ, прекрасно, всѣ творенія Его прекрасны и пр. и проч. Въ это время подошелъ къ нему, къ каѳедрѣ, горбатый и сказалъ ему:— Помилуй, какъ прекрасны! А посмотри на мой горбъ!...—„Ничего, мой другъ, отвѣчалъ ему проповѣдникъ: и это также прекрасно" *).

3.

Не задолго передъ кончиною Крылова, когда уже о безнадежности положенія его открыли другу его Я. И. Ростовцеву, который почти безотлучно при немъ находился, Ростовцевъ спросилъ Ивана Андреевича:—не мнителенъ ли онъ?—„А вотъ послушайте, какъ я мнителенъ, отвѣчалъ Крыловъ: лѣтъ сорокъ тому назадъ я заболѣлъ сильно. Докторъ, который меня пользовалъ, сказалъ, что болѣзнь моя опасна, что мнѣ угрожаетъ параличъ и что единственное средство къ спасенію—строгая діэта. Вотъ я и въ самомъ дѣлѣ послѣ того началъ держать діэту, отказывался отъ всего лакомаго,—и такъ прошло недѣли съ три.—"Ну, а потомъ что же? спросилъ его собесѣдникъ.— „Потомъ началъ опять все ѣсть и, Богъ хранилъ, ничего со мной не случилось".

---

*) Разсказъ этотъ въ болѣе исправной редакціи сообщенъ во II-мъ томѣ «Русской Старины» 1870 г. стр. 88, С. А. Соболевскимъ. Ред.

Это былъ послѣдній разсказъ Крылова, часу во 2-мъ ночи,—слѣдовательно за 6 часовъ до смерти (умеръ онъ въ 3/4 8-го часа утромъ, 9 ноября 1844 г.).

4.

Разъ пріѣхалъ И. А. Крыловъ къ одному своему знакомому. Слуга сказалъ ему, что баринъ спитъ. „Ничего, отвѣчалъ Иванъ Андреевичъ, я подожду",—и съ этими словами прошелъ въ гостинную, легъ тамъ на диванѣ и заснулъ. Между тѣмъ хозяинъ просыпается, входитъ въ комнату и видитъ лицо, совершенно ему незнакомое.

— Что вамъ угодно? спросилъ его Крыловъ.

„Позвольте лучше мнѣ сдѣлать вамъ этотъ вопросъ, сказалъ хозяинъ, потому что здѣсь моя квартира".

— Какъ! да вѣдь здѣсь живетъ N?

„Нѣтъ, возразилъ хозяинъ, теперь живу я здѣсь, а г. N жилъ, можетъ быть, до меня".

Послѣ этихъ словъ, хозяинъ спросилъ Крылова объ имени и, когда тотъ сказалъ, обрадовался случаю, что видитъ у себя знаменитаго баснописца и началъ просить его сдѣлать ему честь—остаться у него.

— Нѣтъ ужъ, сказалъ Крыловъ, мнѣ и такъ теперь совѣстно смотрѣть на васъ,—и съ этими словами вышелъ.

Посланіе Крылова къ Варв. Петр. Ушаковой.

Дѣдушка Крыловъ, какъ привыкъ каждый называть его еще съ дѣтства, обладалъ рѣдкимъ умѣньемъ уживаться со всѣми и примѣняться ко всякой средѣ, гдѣ бы ни находился. Отъ этого онъ едва-ли не былъ единственнымъ человѣкомъ, не имѣвшимъ въ жизни враговъ. Его цѣнили не только послѣ смерти, какъ это большею частью бываетъ, но даже тѣ, кого онъ осмѣивалъ въ своихъ безсмертныхъ твореніяхъ, не имѣли къ нему враждебнаго чувства, и вмѣстѣ съ нимъ смѣялись надъ собою.

Личнымъ качествамъ своего характера и высокому таланту онъ былъ обязанъ тому вниманію, которое постоянно оказывала ему еще императрица Екатерина, иногда приглашавшая его во дворецъ. Къ нему болѣе чѣмъ къ кому другому можно примѣнить цицероновскую фразу: „hominem cognitum per te, nulla comendatione majorum„ (ты

человѣкъ, котораго знаютъ по тебѣ самомъ, а не по рекомендаціи предковъ.)

Въ одномъ изъ двадцатыхъ годовъ наст. стол., имп. фамилія имѣла лѣтнее пребываніе въ Павловскѣ. Крыловъ былъ также приглашенъ на нѣсколько дней въ Павловскъ и три или четыре дня сряду читалъ, по вечерамъ, на половинѣ императрицы свои басни и отрывки изъ комедій. Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ онъ получилъ приглашеніе къ обѣденному столу, по случаю предстоявшаго праздника въ императорской фамиліи. Въ ночь, наканунѣ этого обѣда, Крыловъ былъ укушенъ мухой. На лицѣ оказалась большая опухоль, съ которою нельзя было явиться во дворецъ.

Въ назначенный день, утромъ, Крыловъ послалъ словесное извѣщеніе о постигшемъ его несчастіи фрейлинѣ В. П. У-ой *), прося ее объяснить о причинѣ его отсутствія, если императрица обратитъ на это вниманіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ Крыловъ написалъ шуточное посланіе въ стихахъ, которое велѣлъ передать В. П. не запечатаннымъ, давая тѣмъ понять свое желаніе, чтобы посланію этому не было придано значеніе письма, и чтобы оно было прочтено другимъ фрейлинамъ.

Вотъ это посланіе, которое не находится въ собраніи сочиненій Ив. А. Крылова:

Варвара Павловна!
Обласканный не по заслугамъ,
И вамъ и вашимъ всѣмъ подругамъ,
Крыловъ изъ кельи шлетъ поклонъ,
Гдѣ мухою укушенъ онъ.
Сидитъ раздутъ какъ купидонъ —
Но не паѳосскій и не критскій,
А иль татарскій иль калмыцкій,
Что-жъ дѣлать?.. надобно терпѣть!..
Но чтобъ у боли сбавить силы,
Нельзя-ль меня вамъ пожалѣть?..
Вы такъ добры, любезны, милы,—
Нельзя-ль уговорить подругъ,
Чтобъ вспомнить бѣднаго Крылова
Когда дессертъ пойдетъ вокругъ?..
Повѣрьте, онъ изъ вашихъ рукъ,
Лекарствомъ будетъ для больного.

За обѣдомъ отсутствіе Крылова было замѣчено императрицей, и когда ей объяснены были его причины и посланіе Крылова, она много смѣялась и тотчасъ-же приказала послать Крылову фруктовъ и конфектъ.

Сообщ. А. Н. Петровъ.

---

*) Варвара Павловна Ушакова, дочь генералъ-адъютанта Павла Петровича Ушакова, одного изъ воспитателей великихъ князей, сыновей императора Павла.

Лицейская годовщина 19 Октября 1838 г.

Стихотвореніе В. К. Кюхельбекера.

Вильгельмъ Карловичъ Кюхельбекеръ, даровитый поэтъ и весьма образованный литераторъ первой четверти текущаго столѣтія, род. въ С.-Петербургѣ въ 1797 году; воспитывался онъ сначала въ частномъ пансіонѣ въ Верро, въ Эстляндской губерніи, а въ 1811 году отданъ былъ въ только-что учрежденный тогда Александровскій царскосельскій лицей, гдѣ и окончилъ курсъ въ ряду такихъ товарищей, пребывшихъ всю жизнь его друзьями, каковы А. С. Пушкинъ, И. И. Пущинъ, баронъ А. А. Дельвигъ и др. Начавъ службу въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, онъ скоро ее оставилъ и отправился за границу. Въ Парижѣ Кюхельбекеръ первымъ изъ русскихъ читалъ, и притомъ съ большимъ успѣхомъ, публичныя лекціи о литературѣ славянск. нар. и славянскомъ языкѣ. Въ 1821 г. мы видимъ В. К. Кюхельбекера на службѣ въ Тифлисѣ въ канцеляріи А. П. Ермолова. Здѣсь онъ сдружился съ А. С. Грибоѣдовымъ. Оставивъ въ скоромъ времени и вторую попытку подвизаться на государственной службѣ, В. К. Кюхельбекеръ окончательно предался литературѣ, къ которой влекло и образованіе, и талантъ, и врожденныя его склонности. Въ Москвѣ мы вскорѣ его видимъ журналистомъ: вмѣстѣ съ кн. В. Ѳ. Одоевскимъ Кюхельбекеръ издавалъ журналъ «Мнемозина». Послѣ событій 14 декабря 1825 г. Кюхельбекеръ шестнадцать лѣтъ провелъ въ изгнаніи, но и въ глуши Сибири этотъ вѣчно учившійся, постоянно трудившійся человѣкъ не оставлялъ пера. Онъ читалъ, сочинялъ, переводилъ съ древнихъ и новѣйшихъ языковъ; послѣдніе онъ зналъ въ совершенствѣ, а въ часъ досуга обращался къ своей музѣ, которая дарила его наслажденіемъ: довольно много стихотвореній было написано имъ въ эту эпоху, ниже одно изъ нихъ. В. К. Кюхельбекеръ скончался 11 августа 1846 г. слѣпцомъ въ Тобольскѣ, послѣ долголѣтней предъ тѣмъ жизни въ крѣпости Акшѣ, близъ Китайской границы *).

Блаженъ, кто палъ, какъ юноша Ахиллъ,
Прекрасный, мощный, смѣлый, величавый,
Въ срединѣ поприща побѣдъ и славы,
Исполненный несокрушенныхъ силъ!
Блаженъ! лицо его всегда младое,
Сіяніемъ безсмертія горя,
Блеститъ, какъ солнце вѣчно золотое,
Какъ первая Эдемская заря.

* * *

А я одинъ средь чуждыхъ мнѣ людей,
Стою въ ночи, безпомощный и хилый,
Надъ страшной всѣхъ надеждъ моихъ могилой,
Надъ мрачнымъ гробомъ всѣхъ моихъ друзей.

---

*) Въ Акшѣ у Кюхельбекера родился сынъ Михаилъ, которому до 1856 г. запрещено было носить фамилію своего отца, онъ назывался Васильевымъ; уже въ бытность въ университетѣ въ Спб., молодой человѣкъ получилъ фамилію своего отца. Ред.

Въ тотъ гробъ бездонный, молніей сраженный,
Послѣдній палъ родимый мнѣ поэтъ...
И вотъ опять Лицея день священный,
Но ужъ и Пушкина межъ вами нѣтъ.

* * *

Не принесетъ онъ новыхъ пѣсней вамъ
И съ нихъ не затрепещутъ перси ваши,
Не выпьетъ съ вами онъ заздравной чаши:
Онъ воспарилъ къ заоблачнымъ друзьямъ —
Онъ нынѣ съ нашимъ Дельвигомъ пируетъ.
Онъ нынѣ съ Грибоѣдовымъ моимъ:
По нихъ, по нихъ душа моя тоскуетъ,
Я жадно руки простираю къ нимъ.

* * *

Пора и мнѣ! Давно судьба грозитъ
Мнѣ казней нестерпимаго удара:
Она того меня лишаетъ дара,
Съ которымъ духъ мой неразрывно слитъ.
Такъ! перенесъ я годы заточенья,
Изгнаніе и срамъ и сиротство;
Но подъ щитомъ святаго вдохновенья,
Но здѣсь во мнѣ пылало божество.

* * *

Теперь пора! — Не пламень, не перунъ
Меня убилъ; нѣтъ, вязну средь болота,
Горою давятъ нужды и забота
И я отвыкъ отъ позабытыхъ струнъ.
Мнѣ ангелъ пѣсней рай въ темницѣ душной
Когда-то созидалъ изъ сновъ златыхъ;
Но безъ него не трупъ ли я бездушный
Средь труповъ столь же хладныхъ и нѣмыхъ? *)

Сообщ. **Ю. В. Косова.**

---

*) Стихотвореніе это напечатано въ Отечествен. Запискахъ 1861 г. т. 139, № 11, стр. 38 и перепечатано въ «Собраніи стихотвореній декабристовъ» Лейпцигъ, 1862 г., стр. 146—147, въ обоихъ случаяхъ съ ошибками, напр. оно отнесено годомъ позже и проч. Мы печатаемъ это стихотвореніе съ автографа. **Ред.**

Александръ Ивановичъ Одоевскій.

(1804 † 1839).

(Стихотворенія его и письма).

Гвардіи корнетъ, князь Александръ Ивановичъ Одоевскій, род. въ 1804 году. Прекрасное образованіе, фамильныя связи и талантъ, рано отвели ему видное мѣтто въ ряду блестящей молодежи Петербургскаго общества двадцатыхъ годовъ. Участіе въ событіяхъ 14 декабря было причиною его ссылки въ 1826 году въ Сибирь, откуда онъ вмѣстѣ съ товарищемъ его несчастія, Михаиломъ Александровичемъ Назимовымъ, переведенъ въ октябрѣ 1837 года, на Кавказъ, солдатомъ. Здѣсь сблизился онъ съ молодымъ поэтомъ Лермонтовымъ, который посвятилъ ему нѣсколько прекрасныхъ стихотвореній; два года спустя, именно 12 августа 1839 года, А. И. Одоевскій, произведенный вновь въ офицеры, умеръ отъ чахотки, въ упраздненномъ нынѣ укрѣпленіи Псезуапе, на Восточномъ берегу Чернаго моря. Замѣчательно тѣсная дружба соединяла молодого поэта съ его отцемъ. Печатаемыя ниже стихотворенія и письма Одоевскаго, вмѣстѣ съ письмомъ отца его, сообщены намъ въ подлинникахъ, другомъ поэта М. А. Назимовымъ.

Ред.

I.

ВЪ СВѢТЛОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ 1826 ГОДА ВЪ К—ТИ С.-ПЕТЕРБУРГА.

Пробило полночь! Грянулъ громъ,
И грохотъ радостный раздался
Отъ звона воздухъ колебался,
Отъ пушекъ, въ сумракѣ ночномъ,
По небу зарева бѣжали,
И разлетаяся во тьмѣ,
Меня — поющаго въ тюрьмѣ —
Багрянымъ свѣтомъ освѣщали!
Я на колѣняхъ стоя пѣлъ,
Со звукомъ устъ моихъ на небо взоръ летѣлъ;
И херувимы запылали (?)
Въ надъ звѣздной вышинѣ
Ихъ пѣнья слышалися мнѣ;
Съ ихъ гласомъ всѣ міры гармоніи сливали,
Воскресшій средь ихъ воинъ стоялъ,
И день, блестящій день сіялъ
Надъ сумраками ночи;

Стоялъ Онъ радостно среди небесныхъ силъ
И полныя любви божественныя очи
На міръ спасенный низводилъ.
И славу Вышняго, и на землѣ спасенье
Я тихимъ гласомъ воспѣвалъ,
И звукъ мой — также гласъ къ Воскресшему взлеталъ
Изъ гроба — пѣлъ я воскресенье!....

II.

УМИРАЮЩІЙ ХУДОЖНИКЪ*).

Всѣ впечатлѣнья въ звукъ и цвѣтъ
И слово стройное тѣснились, —
И Музы юношей гордились,
И говорили — Онъ Поэтъ! —
Но нѣтъ; — едва лучи денницы
Моей коснулися зѣницы —
Какъ свѣтъ во взорахъ потемнѣлъ,
Плодъ жизни свѣянъ недоспѣлый!
Нѣтъ! — Словъ небесныхъ кистью смѣлой
Одушевить я не успѣлъ;
Гласъ пѣсни, мною недопѣтой
Не дозвучитъ въ земныхъ струнахъ
И я — въ нетлѣніе одѣтый....
Ее дослышу въ небесахъ.
Но на землѣ — гдѣ чистый пламень
Огня души я не излилъ,
Я умеръ весь.... И грубый камень,
Обычный кровъ нѣмыхъ могилъ,
На черепъ мой остывшій ляжетъ,
И соплеменнику не скажетъ,
Что рано выпала изъ рукъ
Едва настроенная лира,
И не успѣлъ я въ стройный звукъ
Излить красу и стройность міра! *) (Чита, 1827 года).

III.

МОЯ ПЕРИ.

Взгляни, утѣшь меня усладой мирныхъ думъ,
Степныхъ небесъ заманчивая Пери.

*) Первыя десять строкъ этого стихотворенія взяты изъ списка сообщеннаго намъ барономъ А. Е. Розеномъ, послѣднія — изъ копіи, принадлеж. М. А. Назимову. Ред.

Во мнѣ грусть тихая смѣнила бурный шумъ,
Остался дымъ отъ пламенныхъ повѣрій.
Теперь томлю-ли грусть въ волненіи людей,
Меня смѣшитъ ихъ суетная радость;
Ищу я думою подернутыхъ очей,
Люблю рѣчей задумчивую сладость.
Меня тревожитъ смѣхъ дряхлѣющихъ дѣтей,
Съ усмѣшкою гляжу на нихъ угрюмый.
Но жизнь моя цвѣтетъ улыбкою твоей,
Твой ясный взоръ съ моей сроднился думой.
О Пери! улети со мною въ небеса
Въ твою отчизну, гдѣ все нѣгой вѣетъ,
Гдѣ тихо и свѣтло, и времени коса
Предъ цвѣтомъ жизни цѣпенѣетъ.
Какъ облако плыветъ въ иной прекрасный міръ
И таетъ, просіявъ вечернею зарею,
Такъ полечу и я, растаю весь въ эфиръ
И обовью тебя воздушной пеленою. (Кархагачь, 29 Февр. 1832 г.).

IV.

КЪ ОТЛЕТѢВШЕЙ.

Тебя ужъ нѣтъ, но я съ тобою
Еще дышу;
Туда въ лазурь, я за тобою
Спѣшу, спѣшу!
Когда же ласточкой взовьюсь я
Въ тотъ лучшій міръ,
Растаю и съ тобой сольюсь я
Въ одинъ эфиръ —
Чтобъ съ Неба пасть росой жемчужной,
Алмазовъ слезъ
На бѣдный міръ, гдѣ крестъ я дружно
Съ тобою несъ.
Но на землѣ, блеснувъ слезами,
Взовьюся вновь
Туда, гдѣ вѣчными зарями
Блеститъ любовь.

V.

МОЙ НЕПРОБУДНЫЙ СОНЪ.

Еще твой образъ свѣтлоокой
Стоитъ и дышетъ предо мной,

Какъ въ душу онъ запалъ глубоко!
Тревожитъ онъ ея покой.
  Я помню грустную разлуку:
Ты мнѣ на мой далекій путь,
Какъ старый другъ пожала руку,
И мнѣ сказала: „не забудь“!
  Тебя я встрѣтилъ на мгновенье,
На вѣкъ разстался я съ тобой!
И все какъ сонъ! Ужель видѣнье,
Мечта души моей больной?
  Но если только сновидѣнье,
Играетъ бѣдною душой,
Кто дастъ мнѣ сонъ безъ пробужденья?
Нѣтъ, лучше смерть и образъ твой!

VI.

ЛИПА.

Изъ дѣтскихъ всѣхъ воспоминаній
Одно во мнѣ свѣжѣе всѣхъ,
Я въ немъ ищу въ часы страданій
Душѣ — младенческихъ утѣхъ.

* * *

Я помню липу, нераздѣльно
Я съ нею жилъ; и листьевъ шумъ
Мнѣ вѣялъ пѣсней колыбельной,
Всей нѣгой первыхъ дѣтскихъ думъ.

* * *

Какъ вѣтви сладостно шептали!
Какъ отвѣчалъ имъ лепетъ мой!
Мы будто вмѣстѣ пѣснь слагали
Съ любовью, съ радостью одной.

* * *

Давно я съ липой разлучился,
Она какъ прежде зелена,
А я? Какъ старъ! Какъ измѣнился!
Не молодитъ меня весна!

* * *

Увижу-ль липу я родную?
Тамъ могъ-бы сердце я согрѣть,

И пѣснь младенчески простую
Съ тобой, мой добрый другъ, запѣть.

* * *

Ты старъ; но листья молодѣютъ.
А люди, люди! Что мнѣ въ нихъ:
Чѣмъ старѣй — больше все черствѣютъ:
И чувствъ стыдятся молодыхъ!

VII.

РѢКА УСЬМА.

Какъ сладокъ первый день среди полей отчизны
На берегахъ излучистой Усьмы!
Опять блеснулъ намъ лучъ давно минувшей жизни
И вывелъ насъ изъ долгой скорбной тьмы.....
Мы ожили! Нашъ взоръ тонулъ въ зеленомъ морѣ
Родныхъ полей и рощей и холмовъ.
Тамъ горы тянутся, тутъ въ живописномъ спорѣ
Съ лазурью струй сѣнь пышная лѣсовъ.
Усьма то скроется въ лѣсу, то вновь проглянетъ
Одѣта какъ невѣста въ блескъ небесъ;
Въ объятья кинется, а тамъ опять обманетъ
Склоненный къ ней, въ нее влюбленный лѣсъ.
Тутъ какъ дитя шалитъ: то съ мельницей играетъ,
И рѣзвится какъ бѣлка съ колесомъ,
То островъ срядитъ и его объемля засыпаетъ,
Какъ мысль любви застигнутая сномъ;
И сладкій сонъ ея сіяетъ небесами,
Всей прелестью осеннихъ ясныхъ дней,
Пока она опять разгульными струями
Не побѣжитъ вдоль рощей и полей.
И можетъ ли что быть милѣе и привольнѣй
Обзора мирнаго пріятныхъ этихъ мѣстъ,
Гдѣ изъ дали блеститъ на бѣлой колокольнѣ
Манитъ, какъ жизни цѣль, отрадный спасовъ крестъ*)?

---

*) Воспѣтая здѣсь рѣка Усьма или Усмань, протекая по Тамбовской губ., впадаетъ въ рѣку Воронежъ съ лѣвой ея стороны. На ней раскинуто много богатыхъ селеній и мельницъ. Слово Усьма или Усмань, по-татарски значитъ красавица. Одоевскій плѣнился ею на пути изъ Сибири на Кавказъ осенью 1837 года. Ред.

VIII.

ЭКСПРОМТЪ *).

Куда несетесь вы, крылатыя станицы?
Въ страну-ль, гдѣ на горахъ шумитъ лавровый лѣсъ,
Гдѣ рѣютъ радостно могучія орлицы,
И тонутъ въ синевѣ пылающихъ небесъ.
И мы — на югъ! въ страну, гдѣ яхонтъ неба рдѣетъ
И гдѣ гнѣздо изъ розъ себѣ природа вьетъ, —
И насъ, и насъ далекій путь влечетъ;
Но солнце тамъ души не отогрѣетъ,
И свѣжій миртъ чела не обовьетъ.
Пора отдать себя и смерти и забвенью!
Но тѣмъ-ли, послѣ бурь, намъ будетъ смерть красна,
Что насъ, не сѣвера угрюмая сосна,
А южный кипарисъ своей покроетъ тѣнью, —
И что не мерзлый ровъ, не снѣговой увалъ
Насъ мирно подарятъ послѣднимъ новосельемъ;
Но кровью жаркою обрызганный чакалъ
Гостей бездомный прахъ разброситъ по ущельямъ **).

IX.

СЕНЪ-БЕРНАРЪ.

Во льдяныхъ шлемахъ великаны
Стоятъ теряясь въ небесахъ,
И молній полные колчаны
Гремятъ на крѣпкихъ раменахъ.
Туманы зыбкими грядами
Какъ поясъ, станъ ихъ облегли,
И разступилась грудь земли
Подъ ихъ гранитными стопами.

Храните благодатный югъ
Соединясь въ завѣтный полукругъ,
Вы, чада пламени, о Альпы-исполины!
Храните вы, изъ вѣка въ вѣкъ,

---

*) «Этотъ экспромтъ сказанъ Одоевскимъ при видѣ станицы журавлей, летѣвшихъ на югъ, когда онъ ѣхалъ со мною въ одномъ экипажѣ изъ Сибири на Кавказъ въ октябрѣ 1837 года. Стихотвореніе это тогда же было записано мною на ближайшей станціи со словъ моего друга Одоевскаго».
Примѣч. **М. А. Назимова.**

) Послѣднія четыре строки «Экспромта» сообщены барономъ А. Е. Розеномъ. **Ред.

Источники вѣчно-шумящихъ рѣкъ,
И нѣжно-злачныя Ломбардіи долины!

Кто мчится къ Альпамъ? Кто летитъ
На огненномъ питомцѣ Нила?
Въ очахъ покойныхъ взоръ горитъ,
Души неодолимой сила!
Въ немъ зрѣетъ новая борьба,
Грядущій рядъ побѣдъ летучихъ,
И неизбѣжны какъ судьба,
Рѣшенья думъ его могучихъ.

Съ коня сошелъ онъ. Чуя бой,
Воскликнулъ Сен-Бернаръ: „Кто мой покой
Нарушить смѣлъ?“ Онъ рекъ, — и шумная лавина
Ниспала и зарыла долъ;
Протяжно вслѣдъ за гуломъ гулъ пошелъ —
И Альпы слили въ громъ глаголы исполина:

„Я узнаю тебя! Ты съ Нильскихъ пирамидъ
Слетѣлъ ко мнѣ, орелъ неутомимый!
Тебя, безсмертный вождь, мучительно томитъ
Побѣды гладъ неутолимый!
И имя, какъ самумъ на пламенныхъ пескахъ,
Шумящее губительной грозою,
Ты хочешь впечатлѣть желѣзною стопою
Въ моихъ нетающихъ снѣгахъ!

Нѣтъ, нѣтъ! Италіи не уступлю безъ боя“!
—„Впередъ!“—отвѣтъ могучій прозвучалъ....
Уже надъ безднами виситъ стезя героя,
И вверхъ по ребрамъ голыхъ скалъ,
Гдѣ нѣтъ когтей слѣдовъ, гдѣ гнѣздъ не вьютъ орлицы
Идутъ полки съ довѣрьемъ за вождемъ;
Всходя, цѣпляются безстрашныхъ вереницы
И въ мѣдныхъ жерлахъ взносятъ громъ.

Мрачнѣетъ Сен-Бернаръ; одѣянъ бурной мглою,
Вдругъ съ трескомъ рушится, то вновь стоитъ скалою;
Сто устъ — сто безднъ — раскрывъ со всѣхъ сторонъ,
Всѣмъ мразомъ смерти дышетъ онъ!

—„Впередъ!"—воскликнулъ вождь. „Впередъ!"промчались клики...
Рѣдѣетъ мгла, и небо разсвѣло...
И гордую стопу уже занёсъ Великій
На исполинское чело!

„Я узнаю тебя*), мой чудный побѣдитель!
Въ лучахъ блеститъ Маренго! Цѣпь побѣдъ
По міру прогремитъ...! Но встанетъ крѣпкій мститель,
И ты на свой наступишь слѣдъ.
Свершая замыслы всемірнаго похода,
Ты помни: твой предтеча Аннибалъ
Съ юнѣющей судьбой могучаго народа
Въ борьбѣ неравной шумно палъ**)!

Страшись! Уже на кликъ отечества и славы
Встаетъ народъ: онъ грань твоихъ путей!...
Всходящая звѣзда мужающей державы
Уже грозитъ звѣздѣ твоей...
Въ полночной мглѣ, въ снѣгахъ есть конь и всадникъ мѣдный:
Ударитъ конь копытами въ гранитъ
И, кинувъ огнь въ сердца, онъ искрою побѣдной
Твой грозный лавръ испепелитъ!"

Примѣчаніе. Двое изъ приведенныхъ выше стихотвореній А. И. Одоевскаго напечатаны въ сборникѣ стиховъ, вышедшихъ въ Лейпцигѣ въ 1862 году, гдѣ онѣ помѣщены въ числѣ семнадцати произведеній музы этого даровитаго и столь безвременно умершаго поэта. Впрочемъ, въ изданіи 1862 г., въ текстѣ стихотворенія «Сенъ-Бернаръ», сдѣлано нѣсколько существенныхъ ошибокъ. Мы его напечатали съ автографа, сообщеннаго намъ М. А. Назимовымъ. Ред.

Письмо отца поэта, кн. Ивана Одоевскаго къ М. А. Назимову.

Милостивый государь, Михаилъ Александровичъ! Позвольте мнѣ принесть вамъ душевную мою благодарность за дружбу вашу къ моему другу милому Александру; видя лично всегдашнее дружеское ваше попеченіе объ немъ, не нахожу словъ какъ изъяснить вамъ чувства вѣчной моей къ вамъ благодарности.—Прошу искреннѣйше

*) Вмѣсто словъ: «я узнаю тебя»—въ напечатанномъ спискѣ: «Италія твоя!»
**) Вмѣсто послѣднихъ строкъ въ напечатанномъ спискѣ значится:

Разбивъ вождей, не побѣдилъ народа—
И грозный поворотъ фортуны испыталъ!

васъ обязать меня исполнить ваше мнѣ данное обѣщаніе, не отказать хранить къ Александру моему всегдашнее расположеніе ваше и беречь его отъ столь вреднаго вашего воздуха и столь опаснаго огня въ краѣ вашемъ.—Письмо ваше, адресованное на имя матушки вашей Марѳы Степановны, для пересылки вѣрнѣйшей, лично вручено мною владимірскому почтъ-мейстеру вчерась въ проѣздъ мой черезъ нашъ сей губернскій городъ, который при мнѣ и отправилъ сіе письмо и за вѣрную доставку вамъ отвѣчаетъ.

Прошу увѣдомить меня по адресу Владимірской губерніи, въ городъ Юрьевъ, какъ вы доѣхали, дошелъ ли вашъ тарантасъ столь много нагруженный?—Служите-ли вы всѣ трое въ одномъ батальонѣ?—и сообщите мнѣ адресъ вашъ.—Словомъ, прошу одолжить сообщить мнѣ все, что до васъ касается со дня разставанія столь убійственнаго для меня!—Не забудьте о обѣщаніи вашемъ прислать мнѣ портретъ милаго и безцѣннаго друга моего — за что по гробъ не премину быть вамъ благодарнымъ. Христа ради сберегите мнѣ моего Александра, разцѣлуйте его за меня и твердите ему ежедневно, что онъ, сберегая свое здоровье и свою жизнь, онъ сдѣлаетъ благополучіе послѣднихъ дней жизни моей. Прошу также и мнѣ сдѣлать препорученіи ваши, кои всегда исполню съ величайшимъ удовольствіемъ, а я съ вѣчною благодарностью и почтеніемъ имѣю честь быть, милостивый государь, покорнѣйшій вамъ слуга

Иванъ Одоевскій.

1-го окт. 1837.

Письмо А. И. Одоевскаго къ М. А. Назимову.

Мой милый другъ, Михаилъ Александровичъ! Я потерялъ—моего отца: ты его зналъ. Я не знаю, какъ я былъ въ состояніи перенести этотъ ударъ,—кажется послѣдній: другой какой бы ни былъ—слишкомъ будетъ слабъ по сравненію.

Все кончено для меня. Впрочемъ, я очень, очень спокоенъ. Мой добрый, мой нѣжный отецъ попросилъ, передъ кончиной, моего портрета. Ему подали сдѣланный Волковымъ. „Нѣтъ, не тотъ“, сказалъ онъ слабымъ голосомъ. Тотъ портретъ, который ты подарилъ ему, онъ попросилъ положить ему на грудь, прижалъ его обѣими руками, — и умеръ. Портретъ сошелъ съ нимъ въ могилу. Прощай, мой другъ; обнимаю тебя отъ души и желаю тебѣ болѣе счастья, гораздо болѣе, нежели сколько меня ожидаетъ въ этомъ мірѣ. Ты впрочемъ (я увѣренъ!) будешь счастливѣе меня.

Нарышкинъ и Лореръ лечатся въ Тамани. И. А. Загорѣцкій и Лихаревъ*) тебѣ кланяются. Мы все еще въ Субаши. Еммануилъ Еммануиловичъ Попандополло все разскажетъ тебѣ; а мнѣ не до того. Я спокоенъ;—говорить-говорю, какъ и другіе; но когда я одинъ передъ собою или пишу къ друзьямъ, способнымъ раздѣлить мою горесть, то чувствую, что не принадлежу къ этому міру. Поздравляю тебя съ галунами.—Мой сердечный поклонъ тёскѣ моему, Александру Ивановичу. Обнимаю тебя отъ всего сердца, и желаю тебѣ счастья и всѣхъ успѣховъ возможныхъ, равно какъ и Александру Ивановичу. Прощай еще разъ.

Лагерь при Субаши 21 іюня 1839. Твой **Александръ**.

Помѣта М. А. Назимова. Александръ Одоевскій скончался 12 августа 1839 года, чрезъ 15 дней послѣ отсылки этого письма, въ Псезуаппе, на восточномъ берегу Чернаго моря, между Субаши и Сочи, въ упраздненномъ нынѣ укрѣпленіи.

А. С. Пушкинъ.

Письмо о печатаніи «Исторіи Пугачевскаго бунта»

Милостивый Государь, Михайло Лукьяновичъ. Въ слѣдствіи даннаго Вамъ Начальствомъ порученія касательно напечатанія рукописи моей, подъ названіемъ Исторія Пугачевскаго бунта, и по личному моему съ Вами о томъ объясненію, поспѣшаю васъ увѣдомить:

1-е Желаю я чтобъ означенная рукопись была напечатана въ 8-ю долю листа, такого же формата, какъ Сводъ Законовъ.

2-е число экземпляровъ полагаю я 3,000; изъ коихъ для 1,200 прошу заготовить бумагу на щетъ казенный, а потребное количество оной для 1,800 экз. доставлю я самъ въ типографію.

3-е что касается до шрифта и вообще до изданія книги, то на всемъ полагаюсь на Ваше благоусмотреніе.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ честь имѣю быть Милостивый Государь Вашимъ покорнѣйшимъ слугою **Александръ Пушкинъ**.

3 іюля 1834 Спб.

Примѣч. Письмо это, приведенное буквально, и писанное Пушкинымъ къ начальнику Типографіи II-го Отдѣленія собственной е. и. в. канцеляріи—дѣйств. статск. совѣтнику Михаилу Лукьяновичу Яковлеву, подарено намъ, въ подлинникѣ, Евгеніемъ Яковлевичемъ Кореневымъ.

Ред.

---

*) Всѣ четыре—товарищи Назимова и Одоевскаго по судьбѣ и по службѣ на Кавказѣ. **Ред.**

Разсказы о Пушкинѣ.

I. Въ февралѣ 1833 года, извѣстный въ свое время всей читающей Россіи, книгопродавецъ А. Ѳ. Смирдинъ, перенеся свой книжный магазинъ отъ Синяго моста въ домъ Петропавловской церкви, что на Невскомъ проспектѣ, задумалъ пригласить къ себѣ всѣхъ литераторовъ отпраздновать новоселье; въ числѣ литераторовъ были и нѣкоторые цензора. Бывая нерѣдко у одного изъ тогдашнихъ цензоровъ, В. Н. Семенова, дяди моего по матери, я часто встрѣчалъ у него Смирдина. За нѣсколько дней до праздника Смирдинъ, явясь къ Семенову звать его къ себѣ и увидѣвъ тамъ меня—тоже пригласилъ. Такъ какъ я часто бывалъ у дяди, то имѣлъ случай познакомиться со многими литераторами и художниками: Пушкинъ, Гоголь, Гречъ, Полевой Николай, Кукольникъ, Сенковскій, Каратыгинъ, Брюловъ и т. д. были нерѣдкіе его гости, слѣд. приглашеніе Смирдина я охотно принялъ. Смирдинскій праздникъ удался вполнѣ: всѣ были дружно-веселы. Пушкинъ былъ необыкновенно оживленъ и щедро сыпалъ остротами, изъ которыхъ одну, въ особенности, я удержалъ въ памяти. Семеновъ за обѣдомъ сидѣлъ между Гречемъ и Булгаринымъ, а Пушкинъ vis-à-vis съ нимъ; къ концу обѣда Пушкинъ, обратясь къ Семенову, сказалъ довольно громко: Ты, Семеновъ, сегодня точно Христосъ на Голгоѳѣ..... Гречъ зааплодировалъ, а всѣ мы расхохотались—одинъ Булгаринъ сморщился и промолчалъ; но когда встали изъ-за стола, Булгаринъ, подойдя къ Семенову, сказалъ: «вамъ и быть-то между нами не слѣдуетъ!» Почему это? спросилъ Семеновъ; «а потому, что вы литературный палачъ». Дядя вздумалъ-было обижаться, но многіе уговорили его не обращать вниманія на слова Булгарина, и Гречъ прямо, тутъ же, объявилъ, что это сказано Булгаринымъ потому, что ему хотѣлось сорвать на Семеновѣ свою досаду на Пушкина, котораго, какъ извѣстно, онъ побаивался.

Здѣсь будетъ кстати пояснить, что Гречъ, въ своихъ остротахъ, менѣе всѣхъ щадилъ Булгарина, а разъ какъ-то, при мнѣ, у того же Семенова, Пушкинъ сказалъ Гречу: «Удивляюсь, Николай Ивановичъ, вашей дружбѣ съ Булгаринымъ!....» «Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго—отвѣчалъ Гречъ —я друженъ съ нимъ, какъ мачиха съ пасынкомъ».

Н. Н. Терпигоревъ.

II. Въ XI кн. „Русскаго Вѣстника“ 1869 г. напечатана статья пишущаго эти строки: „Къ біографіи А. С. Пушкина, выдержки изъ записной книжки“. Вотъ замѣтки, сообщенныя намъ по ея поводу —

Алексѣемъ Николаевичемъ Вульфомъ, другомъ Пушкина, Языкова, бар. Дельвига и владѣльцемъ многократно воспѣтаго поэтами села Тригорскаго. „Во время пребыванія своего въ ссылкѣ, въ деревнѣ, Пушкинъ подъ надзоромъ игумена Святогорскаго монастыря не былъ и только угощалъ его у себя по праздникамъ. Риѳмы „дѣдушка-игуменъ“ и проч. набраны были Львомъ Пушкинымъ, Пановскимъ, Вронченко и другими ихъ собесѣдниками въ 1832 году въ Варшавѣ. Отъ игумена же Святогорскаго монастыря Пушкинъ позаимствовалъ поговорки, вставленныя въ „Бориса Годунова“, именно въ ту сцену, которая происходитъ въ корчмѣ на границѣ.

Нашъ Ѳома.
Пьетъ до дна,
Выпьетъ—да поворо́титъ,
Да въ донушко поколотитъ.... и т. д.

Во всѣхъ изданіяхъ „Бориса Годунова“, эти погокорки выброшены.

III. Языковъ въ своемъ извѣстномъ посланіи, говоритъ, что изъ Михайловскаго въ Тригорское:

На вороно́мъ аргамакѣ
Заморской шляпою покрытый
Вольтеръ и Гете и Расинъ
Являлся Пушкинъ знаменитый....

Но, увы! въ прозѣ дѣйствительности Пушкинъ возсѣдалъ не на вороно́мъ аргамакѣ, а на старой клячѣ.

IV. Передъ дуэлью Пушкинъ не искалъ смерти; напротивъ, надѣясь застрѣлить Дантеса, поэтъ располагалъ поплатиться за это лишь новою ссылкою въ село Михайловское, куда возьметъ и жену, и тамъ-то, на свободѣ предполагалъ заняться составленіемъ исторіи Петра Великаго. Извѣстно также, что еще около 1818 г., въ бытность поэта въ Петербургѣ, одна славная тогда въ столицѣ ворожея сдѣлала зловѣщее предсказаніе Пушкину, когда тотъ посѣтилъ ее съ однимъ изъ своихъ пріятелей.

Глядя на ихъ руки, колдунья предсказала обоимъ насильственную смерть. На другой день пріятель Пушкина, служившій въ одномъ изъ гвардейскихъ полковъ ротнымъ командиромъ, былъ заколотъ унтеръ-офицеромъ. Пушкинъ же до такой степени вѣрилъ въ зловѣщее пророчество ворожеи, что когда, впослѣдствіи, готовясь къ дуэли съ извѣстнымъ американцемъ гр. Толстымъ, стрѣлялъ вмѣстѣ со мною въ цѣль, то не разъ повторялъ: „этотъ меня не убьетъ, а убьетъ бѣлокурый, такъ колдунья пророчила“—и точно, Дантесъ былъ бѣлокуръ“.

Запрещеніе журнала «Московскій Телеграфъ».

Письма Н. А. Полевого 2 и 29 марта 1834 г.

Н. А. Полевой прожилъ послѣдніе десять лѣтъ своей жизни (отъ конца 1835 по 1846 гг.) въ Петербургѣ. Отъ этого десятилѣтія сохранилось у меня довольно много его писемъ; большая часть ихъ писана Николаемъ Алексѣевичемъ къ женѣ изъ Москвы, куда онъ принужденъ былъ отлучаться отъ времени до времени по дѣламъ.

Между этими письмами, имѣющими преимущественно интересъ семейный, мнѣ удалось отыскать два такихъ письма, которыя заключаютъ въ себѣ подробности, важныя для будущей біографіи Н. А. Полевого. Письма эти относятся къ такому періоду его жизни, который доселѣ остается еще очень темнымъ: оба письма писаны въ томъ самомъ мартѣ 1834 года, въ теченіе котораго былъ запрещенъ „Московскій Телеграфъ", а редакторъ его арестованъ.

Поводомъ къ запрещенію „Телеграфа," какъ извѣстно, послужила критика, написанная Ксенофонтомъ Алексѣевичемъ Полевымъ на только-что явившуюся въ то время патріотическую пьесу Кукольника „Рука Всевышняго отечество спасла". Критика эта напечатана была въ отсутствіе Н. А. Полевого, который, въ концѣ февраля 1834 года, поѣхалъ изъ Москвы по дѣламъ въ Петербургъ, вовсе не предвидя грозившей ему опасности, тѣмъ болѣе, что онъ уже привыкъ довѣрять своему опытному помощнику дѣло изданія журнала, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда самъ не могъ руководить имъ; да ему и въ голову не приходила мысль о какой-нибудь крупной обмолвкѣ или неосторожности своего вѣрнаго помощника и друга. На дѣлѣ вышло однакоже иначе: критика на пьесу Кукольника, напечатанная въ „Телеграфѣ", дала поводъ нѣкоторымъ давнимъ врагамъ этого журнала заговорить такъ громко и такъ прямо указать на него, какъ на органъ вредный и вольнодумный, что не только на этотъ органъ было немедленно наложено запрещеніе, но и самый редакторъ его, Николай Алексѣевичъ Полевой, потребованъ къ отвѣту.

Въ то время, какъ такая грозная туча собиралась надъ головою Николая Алексѣевича, онъ преспокойно доживалъ въ Петербургѣ послѣдніе дни своего кратковременнаго, дѣлового пребыванія и писалъ оттуда въ Москву, къ женѣ своей, между прочимъ, слѣдующее (отъ 2 марта 1834 г.):

„....Я былъ бы неблагодаренъ, если бы не сказалъ спасибо Петербургу. Меня здѣсь удивительно ласкаютъ и принимаютъ, такъ что я неуспѣваю уже и отдавать визитовъ, и принужденъ отказываться отъ приглашеній на вечера и обѣды. Молодые литераторы здѣшніе

такъ были обрадованы мною, что уговариваютъ меня списать портретъ, для чего сложили подпискою деньги, чтобы послѣ того гравировать его. Но я отказался отъ этого; также отказался и отъ обѣда, который хотѣли мнѣ дать здѣшніе многіе купцы, собравшись вмѣстѣ.“

Среди всѣхъ этихъ радушныхъ встрѣчъ и овацій, какъ со стороны „молодыхъ литераторовъ“, которые видѣли въ Николаѣ Алексѣевичѣ своего достойнаго собрата, такъ и со стороны купечества, которое гордилось Николаемъ Алексѣевичемъ, какъ замѣчательнымъ представителемъ своего сословія, непромѣнявшимъ купеческаго званія ни на какіе чины и отличія въ то время, когда все къ нимъ стремилось — среди всего этого Николай Алексѣевичъ, судя по тому же письму отъ 2 марта 1834 г., скучалъ по семьѣ своей и съ нетерпѣніемъ ожидалъ только минуты свиданія своего съ женой и дѣтьми. Около 15 марта возвратился онъ наконецъ въ Москву; но не успѣлъ онъ еще и отдохнуть съ дороги, какъ уже, къ величайшему ужасу всѣхъ окружающихъ, Н. А. былъ внезапно схваченъ и съ жандармомъ, на перекладной тележкѣ, препровожденъ въ Петербургъ. Это произошло такъ быстро, что 29 числа того же марта Николай Алексѣевичъ уже писалъ къ женѣ своей первое письмо изъ-подъ ареста, стараясь успокоить ее и насчетъ своего путешествія въ Петербургъ, и насчетъ своего нравственнаго состоянія. Приводимъ здѣсь это письмо отъ слова до слова:

„Едва пріѣхалъ я, какъ спѣшу успокоить тебя, милый другъ Наташа*), что я добрался до Петербурга, хоть съ отколоченными ребрами отъ почтовыхъ тележекъ и отъ прегадкой дороги, но здоровъ совершенно и спокоенъ, какъ будто эти строчки пишу въ своемъ кабинетѣ, и хочу для шутки переслать тебѣ съ Сергѣемъ**).

„Прошу тебя, милый другъ, заплатить мнѣ такимъ же спокойствіемъ души за исполненіе просьбы: беречь себя. Не воображай себѣ, ни дороги моей какимъ-нибудь волоченьемъ негодяя подъ стражею, ни теперешняго моего пребыванія чѣмъ-нибудь въ родѣ романической тюрьмы: мой голубой проводникъ***) былъ добрый хохолъ и усердно услуживалъ мнѣ. Сидѣли мы, правда, рядомъ; за то рабочіе инвалиды по московскому шоссе снимали передъ нашею тѣлѣжкою шапки, что меня забавляло чрезвычайно.

---

*) Наталья Францовна Полевая, супруга Николая Алексѣевича, рожденная Терренбергъ жива и до сихъ поръ; ей тогда было всего 26 лѣтъ отъ роду.

**) Сергѣй Николаевичъ Полевой—третій сынъ Николая Алексѣевича. Въ настоящее время полковникъ гвардіи; тогда ему было не болѣе трехъ лѣтъ отъ роду.

***) Т.-е. жандармъ, сопровождавшій Николая Алексѣевича.

„Теперь я пока живу въ свѣтлой, не очень красивой, но комнатѣ, и мнѣ дали бумаги и перьевъ—буду оканчивать Аббаддонну, или напишу, можетъ быть, препоучительную книгу нравственныхъ размышленій о суетѣ міра, etc. etc. Брату*) отдѣльно не пишу; покажи ему это письмо, почему я и прибавляю въ немъ, что гдѣ бы я ни былъ, и что бы я ни былъ—въ душѣ моей вѣчно будетъ онъ мнѣ единственный другъ. О дѣлѣ я ничего еще не могу сказать, ибо графъ А. Х.**) только сказалъ мнѣ, чтобы я отдыхалъ съ дороги. Крѣпкій вѣрою, крѣпкій своею правотой и совѣстью, я не боюсь ничего, и даже въ эту минуту не промѣняюсь со многими, которые сегодня спокойно встали съ постели и поскачутъ по Петербургу въ богатыхъ экипажахъ. Мое благословеніе всѣмъ дѣтишкамъ***);... всѣмъ, кого не испугало и не отогнало отъ тебя и брата нечаянное мое путешествіе—поклонъ. Твой всегда Николай".

29 марта 1834 г. С.-Петербургъ.

Нельзя не подивиться тому спокойствію и твердости, съ какими писано это письмо человѣкомъ, такъ внезапно отторгнутымъ судьбою отъ жены и семьи, отъ любимой дѣятельности, отъ всего, съ чѣмъ такъ тѣсно связано было его благосостояніе и вся будущность его дѣтей. Полагаю, что очень немногіе изъ всѣхъ подвергавшихся такимъ же несчастнымъ случайностямъ, умѣли встрѣтить ихъ, подобно Николаю Алексѣевичу, съ непоколебимою вѣрою въ свою правоту и совершенную чистоту своей совѣсти.

Сообщ. П. Н. Полевой.

Ф. Ф. Вигель.

1. Письмо Вигеля къ митрополиту Серафиму о статьѣ Чаадаева и журналѣ „Телескопъ" 21-го октября 1836 года. Высокопреосвященнѣйшій владыко, милостивѣйшій архипастырь! Проживъ болѣе полувѣка, я никогда ничьимъ не былъ обвинителемъ. Но вчера чтеніе одного московскаго журнала возбудило во мнѣ негодованіе, которое, постепенно умножаясь, довело меня до отчаянія. Въ семъ положеніи не нахожу другого средства къ успокоенію сво-

*) Т.-е. Ксенофонту Алексѣевичу Полевому. Замѣчаемъ это потому, что кромѣ Ксенофонта, у Н. А. было еще двое братьевъ—Евсей и Петръ; но тѣ ужъ не имѣли рѣшительно никакого отношенія къ его литературной дѣятельности. Ксенофонтъ Алексѣевичъ умеръ 7 апрѣля 1867 г.

**) Графъ Бенкендорфъ.

***) Точки эти стоятъ на мѣстѣ пропущенныхъ нами шутливыхъ подробностей о дѣтяхъ и другихъ домашнихъ; подробности эти въ письмѣ занимаютъ цѣлыхъ девять строкъ. Кстати не мѣшаетъ замѣтить, что дѣтей уже и тогда было у Николая Алексѣевича семь человѣкъ. Прим. П. Н. Полевого.

ему, какъ прибѣгнуть къ вашему высокопреосвященству съ просьбою, обратить пастырское вниманіе ваше на то, что меня такъ сильно встревожило. Иные скажутъ, можетъ быть, что я не въ правѣ сего дѣлать, но какъ вѣрный сынъ отечества и православной церкви, я считаю сіе обязанностію.

Самая первая статья представляемаго у сего журнала, подъ названіемъ „Телескопъ", содержитъ въ себѣ такія изреченія, которыя одно только безумство себѣ позволить можетъ. Читая оныя, я съ начала не довѣрялъ своимъ глазамъ. Многочисленнѣйшій народъ въ мірѣ, въ теченіи вѣковъ существовавшій, препрославленный, къ коему, по увѣренію автора статьи, онъ самъ принадлежитъ, поруганъ имъ, униженъ до невѣроятности. Если вашему высокопреосвященству угодно будетъ прочитать хотя половину сей богомерзкой статьи, то усмотрѣть изволите, что нѣтъ строки, которая бы не была ужаснѣйшею клеветою на Россію, нѣтъ слова, кое бы не было жесточайшимъ оскорбленіемъ нашей народной чести.

Меня утѣшала еще мысль, что сіе, такъ-называемое философическое письмо, писанное по-французски, вѣроятно составлено какимъ-нибудь иновѣрцемъ, иностранцемъ, который назвался русскимъ, чтобы удобнѣе насъ поносить. Увы! къ глубочайшему прискорбію узналъ я, что сей извергъ, неистощимый хулитель нашъ, родился въ Россіи отъ православныхъ родителей, и что имя его (впрочемъ мало доселѣ извѣстное) есть Чаадаевъ. Среди ужасовъ французской революціи, когда попираемо было величіе Бога и царей, подобнаго не было видано. Никогда, нигдѣ, ни въ какой странѣ, никто толикой дерзости себѣ не позволилъ.

Но безумной злобѣ сего несчастнаго противъ Россіи есть тайная причина, коей впрочемъ онъ скрывать не старается: отступничество отъ вѣры отцевъ своихъ и переходъ въ латинское исповѣданіе. Вотъ новое доказательство того, что неоднократно позволялъ я себѣ говорить и писать: безопасность, цѣлость, благосостояніе и величіе Россіи неразрывно связаны съ Восточною вѣрою, болѣе осьми вѣковъ ею исповѣдуемою. Сею вѣрою просвѣтилась она во дни своего младенчества, ею была защищена и утѣшаема во дни уничиженія и страданій, ею спасена отъ татарскаго варварства и съ нею вмѣстѣ возстала во дни торжества надъ безчисленными врагами, ее окружавшими. Стоитъ только принять ее, чтобы содѣлаться совершенно русскимъ, стоитъ только покинуть ее, чтобы почувствовать не только охлажденіе, омерзѣніе къ Россіи, но даже остервенѣніе противъ нея, подобно сему злощастному, слѣпотствующему, неистовому ея гонителю. Разъединенію съ западной церковью приписываетъ онъ совер-

шенный недостатокъ нашъ въ умственныхъ способностяхъ, въ понятіяхъ о чести, о добродѣтели; отказываетъ намъ во всемъ, ставитъ насъ ниже дикарей Америки, говоритъ, что мы никогда не были христіанами и, въ изступленіи своемъ, наконецъ нападаетъ даже на самую нашу наружность, въ коей видитъ безцвѣтность и нѣмоту.

И всѣ сіи хулы на отечество и вѣру изрыгаются явно, и гдѣ же? въ Москвѣ, въ первопрестольномъ градѣ нашемъ, въ древней столицѣ православныхъ государей совершается сіе преступленіе! И есть издатель, который не довольствуется помѣстить статью сію въ журналѣ, но превозноситъ ее похвалами, какъ глубокомысленнѣйшее произведеніе высокаго ума, и онъ грозитъ еще другими подобными письмами! и есть цензура, которая все это пропускаетъ! Кто знаетъ, будутъ и люди, которые съ участіемъ и одобреніемъ будутъ читать оное. О Боже! до чего мы дожили!

Сама святая и соборная апостольская церковь вопіетъ къ вамъ о защитѣ: при ея священномъ гласѣ моленія мои ничто. Вамъ, вамъ предстоитъ обязанность объяснить правительству пагубныя послѣдствія, которыя проистекутъ отъ дальнѣйшей снисходительности и указать на средства къ обузданію толикихъ дерзостей.

Можетъ быть кто-нибудь и предупредитъ меня: дай Всевышній, чтобы прежде моего тысячи голосовъ воззвали къ вашему высокопреосвященству о скорой помощи.

Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ честь имѣю быть, милостивѣйшій архипастырь, вашего высокопреосвященства, всепокорнѣйшій слуга **Филиппъ Вигель.**

Дѣйствительный статскій совѣтникъ, управляющій департаментомъ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій.

Его высокопреосвященству Серафиму, митрополиту новгородскому и санктпетербургскому.

Сообщ. о. **М. Я. Морошкинъ.**

Примѣчаніе. Напечатанный нами документъ принадлежитъ перу того самаго Филиппа Филипповича Вигеля (род. 1786, ум. 1856 г.), съ объемистыми и своеобразными воспоминаніями котораго наше общество еще такъ недавно (1864 г.) познакомилось. Нельзя не пожалѣть, что воспоминанія Вигеля доведены лишь до 1830 года, а то интересно было бы знать, какъ разсказалъ бы составитель ихъ о возбужденномъ имѣ дѣлѣ по поводу статьи Чаадаева. Во всякомъ случаѣ приведенный нами документъ чрезвычайно ярко обрисовываетъ нравственную личность Вигеля. Что касается до статьи, вызвавшей его посланіе къ митрополиту Серафиму, то о ней было нѣсколько разъ говорено въ нашей печати за послѣдніе годы, а именно въ замѣткахъ и въ статьяхъ нашихъ библіографовъ. Статья Чаадаева носитъ заглавіе: «Философическія письма къ г-жѣ ***. Письмо первое», и помѣщена въ

XXXIV части журнала «Телескопъ», на стр. 275 по 310. Статья напечатана безъ подписи, съ помѣтой въ концѣ «Некрополисъ 1829 г. декабря 1-го». Переводъ письма сдѣланъ Кетчеромъ. Цензоромъ этой части журнала былъ А. Болдыревъ. Извѣстно, что именно XXXIV-мъ томомъ окончилось существованіе журнала «Телескопъ», издававшагося однимъ изъ даровитѣйшихъ русскихъ писателей и ученыхъ, Н. И. Надеждинымъ; нынѣ томъ этотъ составляетъ величайшую рѣдкость. Тѣмъ не менѣе рѣдкость эта имѣется въ библіотекѣ нашего почтеннаго библіографа, П. А. Ефремова и притомъ тѣмъ болѣе драгоцѣнна, что, какъ видно изъ надписи на ней, книга принадлежала В. Г. Бѣлинскому. Любопытно взглянуть на перечень статей этого именно тома «Телескопа». Вотъ его оглавленіе:

«**Современныя лѣтописи**: Сцены и портреты изъ современной испанской исторіи; Картины нравовъ; Жизнь нѣмецкаго студента; Русскій въ Парижѣ. Изъ путевыхъ записокъ В. Б.; Мнѣніе иностранца объ русскомъ правленіи (Раумера); Университетъ на бумагѣ, безъ чтеній, безъ классовъ, безъ студентовъ; Отрывки изъ путешествія по Италіи (Эдгара Кине); Обозрѣніе нѣмецкой литературы въ первую половину текущаго (1836) года. **Изящная словесность**: Раскаяніе поэта. Фантазія (С); Сплавщики по Курѣ. Отрывокъ изъ романа (Кам.); Тайна безсмертія. Повѣсть (Мери); Дочь купца. Изъ новыхъ «Записокъ Медика»; Красная роза. Быль (А. Дюма). **Науки и искусства**: Общій очеркъ природы по теоріи проф. Павлова (— я — на); Психологическія наблюденія надъ Сіамскими близнецами (А. Ж. Вирея); Историческіе очерки. I. Августъ-Цезарь (Шампаньи); Философическія письма къ г-жѣ ***. Письмо 1-е; Абельярдъ и Элоиза. Изъ «Исторіи литературы среднихъ вѣковъ» (Шарпантье); О средствахъ усовершенствованія сельскаго хозяйства. Лекція проф. Павлова. **Критика**: Русская грамматика Александра Востокова (А. Галахова). **Приложены**: Портретъ Христины, королевы-правительницы Испаніи и снимокъ почерка Виктора Гюго». **Ред.**

2. Письмо митрополита Серафима къ графу Бенкендорфу о статьѣ Чаадаева, напечатанной въ журналѣ „Телескопъ". Ваше сіятельство, милостивый государь! Въ январѣ мѣсяцѣ 1835 года, ваше сіятельство объявили мнѣ лично высочайшую его императорскаго величества волю, чтобъ въ такихъ случаяхъ, когда въ издаваемыхъ для всеобщаго употребленія сочиненіяхъ усматриваемы будутъ противныя вѣрѣ, нравственности и общественному устройству сужденія либо неблагонамѣренности, сообщалъ я замѣчанія свои на то вашему сіятельству для доведенія до высочайшаго свѣдѣнія.

Обращая на таковой предметъ вниманіе свое, усмотрѣлъ я, что въ пятнадцатой книжкѣ періодическаго изданія подъ названіемъ „Телескопъ", вышедшей въ Москвѣ изъ печати въ сентябрѣ сего 1836 года, помѣщены двѣ такія статьи, въ коихъ все, что для насъ россіянъ есть священнаго, поругано, унижено, оклеветано съ невѣроятною продерзостію, и съ жестокимъ оскорбленіемъ какъ для народной чести нашей, такъ для правительства и даже для исповѣдуемой нами православной вѣры. Первая изъ таковыхъ статей есть

философическое письмо, сочиненное, какъ сказано въ примѣчаніи издателя, однимъ изъ нашихъ соотечественниковъ на французскомъ языкѣ, и предлагаемое въ русскомъ переводѣ съ обѣщаніемъ и дальнѣйшаго продолженія. Сужденія о Россіи, помѣщенныя въ сей негодной статьѣ, столько оскорбительны для чувства, столько ложны, безразсудны и преступны сами по себѣ, что я не могу принудить себя даже къ тому, чтобъ хотя одно изъ нихъ выписать здѣсь для примѣра. Они въ особенности заключаются на страницахъ 280, 281, 282, 283, 284, 285, 286, 287, 288, 289, 290, 291, 292, 293, 294, 295, 296, 297, 299.

Всего удивительнѣе, что издатель „Телескопа", отважившійся напечатать во всеобщее извѣстіе столь негодную, безразсудную и наполненную самою наглою ложью статью, почитаетъ оную, какъ значится изъ собственнаго его на первомъ листкѣ примѣчанія, украшеніемъ своего журнала, находитъ въ ней возвышенность предмета вмѣстѣ съ глубиною и обширностію взглядовъ и поставляетъ на особенное вниманіе читателей.

Въ другой статьѣ, подъ заглавіемъ „Мнѣніе иностранца о русскомъ правленіи", на страницѣ 386 сказано: „у нихъ русскихъ, есть (что требуется въ политикѣ точно также какъ и въ математикѣ) свой центръ, и этотъ центръ ихъ императоръ! Учрежденіе совѣщательнаго сейма, составленіе общаго законоположенія, одной церкви для всей россійской имперіи и для всѣхъ ея народовъ, все это—и подобное тому, безумно и невозможно".

Не могши представить себѣ, какъ возможно русскому издателю журнала дойти до такой дерзости, чтобъ распространять между соотечественниками столь преступныя хулы на отечество, вѣру и правительство свое, я долгомъ поставляю препроводить при семъ къ вашему сіятельству въ подлинникѣ вышеозначенную пятнадцатую книжку „Телескопа" и прошу покорнѣйше всѣ замѣченныя въ ней мѣста довести до высочайшаго государя императора свѣдѣнія. Съ истиннымъ высокопочитаніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть вашего сіятельства, милостиваго государя....

Подлинное отправлено за подписаніемъ его высокопреосвященства.

№ 343. Октября 28 дня, 1836.

Его сіятельству г. генералъ-адъютанту и кавалеру графу Александру Христофоровичу Бенкендорфу.

Сообщ. о. М. Я. Морошкинъ.

Некрологъ: о. М. Я. Морошкинъ. Въ послѣднихъ числахъ марта пишущій эти строки зашелъ къ о. М. Я. Морошкину — и съ величайшимъ удивленіемъ и горемъ узналъ, что почтенный священникъ лежитъ на одрѣ тяжкой и неизлѣчимой болѣзни. Эта вѣсть была тѣмъ болѣе грустна, чѣмъ менѣе я къ тому былъ подготовленъ: еще такъ недавно о. Михаилъ былъ у меня, такъ недавно и съ такимъ теплымъ сочувствіемъ говорилъ о „Русской Старинѣ" и столь искренно обѣщалъ намъ самое дѣятельное и постоянное въ ней участіе. Какъ бы то ни было, но пишущаго эти строки уже не допустили до больного.

На другой же день я получилъ слѣдующую записку:

„Любезнѣйшій Михаилъ Ивановичъ! Крайне жалѣю, что визитъ вашъ ко мнѣ былъ такъ неудаченъ; впрочемъ, тутъ нѣтъ вины ни моей, ни вашей. Я уже нѣсколько недѣль лежу прикованный тяжкою болѣзнію къ постели. Докторъ запретилъ мнѣ строго нáстрого всякій разговоръ — да я и не могу говорить, — а слѣдовательно и всякій пріемъ кого бы то ни было. Дайте мнѣ какъ-нибудь собраться съ силами, — и тогда я весь къ вашимъ услугамъ. Искренно любящій Васъ. М. Морошкинъ. Марта 30 дня 1870 года".

Прошло еще дня два. Рано утромъ къ подъѣзду моей квартиры подъѣхала карета. Извощикъ вошелъ въ квартиру и сообщилъ, что меня проситъ выдти на подъѣздъ больной, который не можетъ подняться по лѣстницѣ.

Я выбѣжалъ на подъѣздъ и каково же было мое удивленіе, когда увидалъ въ каретѣ блѣднаго, еле-дышащаго о. М. Я. Морошкина.

— Ну вотъ, я самъ заѣхалъ къ вамъ... пусть докторъ сердится.... мнѣ хотѣлось лично вамъ передать нѣкоторые матеріалы для „Русской Старины"... говорилъ о. М. Я. еле слышнымъ, прерывающимся голосомъ: пожалуйста извините меня... говорить не могу... воздуху.. воздуху мнѣ недостаетъ... все-таки чувствую себя гораздо лучше, противу прежняго.... дайте мнѣ оправиться.... я оправлюсь скоро, на дняхъ, и.... считайте меня ужъ тогда постояннымъ.... вкладчикомъ въ „Русскую Старину"... Я буду у васъ тотчасъ, какъ оправлюсь".

Ровно черезъ двѣ недѣли — въ шесть часовъ утра, 15 апрѣля — Михаила Яковлевича Морошкина не стало.

Сомкнитесь и безъ того довольно рѣдкіе ряды русскихъ тружениковъ въ области науки: еще одинъ честный, неутомимый, высокопросвѣщенный дѣятель выбылъ изъ вашего строя!

Жизнь о. Михаила Яковлевича — крайне не сложна и небогата фактами. Уроженецъ тверской губерніи, бѣжецкаго уѣзда, Морошкинъ родился въ 1820-мъ году и былъ сыномъ небогатаго, но чест-

наго и прекраснаго священника. Послѣдовательно пройдя весь длинный рядъ духовныхъ учебныхъ заведеній: училище, семинарію (кончилъ курсъ въ ней въ 1841 г.) — все это въ тверской епархіи, — Михаилъ Яковлевичъ, въ числѣ отличнѣйшихъ молодыхъ людей, переведенъ въ С.-Петербургскую духовную академію, гдѣ прекрасно окончилъ курсъ въ 1845 году, одновременно съ знаменитымъ дѣятелемъ въ рядахъ современнаго нашего духовенства о. Васильевымъ и нѣкоторыми другими. По окончаніи курса, о. Михаилъ Яковлевичъ опредѣленъ былъ бакалавромъ въ казанскую духовную академію, гдѣ въ 1846 — 1848 гг. на него, по тогдашнему обычаю, навалено было преподаваніе нѣсколькихъ предметовъ, а именно: нѣмецкаго языка, греческаго языка и гражданской русской исторіи. По выѣздѣ изъ казани Морошкина замѣнилъ въ академіи, — если только не ошибаемся, Г. З. Елисѣевъ — извѣстный даровитый писатель и публицистъ. Михаилъ Яковлевичъ переведенъ 25 октября 1848 года въ Петербургъ, и здѣсь, 1-го декабря того же года, рукоположенъ въ священники въ Казанскій соборъ, на каковомъ посту несмѣнно и оставался до самой своей смерти.

Мѣсто это въ матеріальномъ отношеніи не особенно блестяще, но М. Я. былъ, какъ кажется, вполнѣ имъ доволенъ: все его честолюбіе, вся его корысть обращалась въ сферу ученой дѣятельности: онъ жаждалъ стяжать знанія, — духъ его стремился постоянно къ ученымъ работамъ и онъ трудился неизмѣнно, упорно — въ тѣ еще годы, когда ученая дѣятельность вообще и духовныхъ лицъ въ особенности не вызывали ни особеннаго сочувствія, — ни особенной поддержки — и когда учеными трудами скорѣе можно было, особенно ему, священнику — повредить себѣ, — чѣмъ выдвинуться изъ толпы умовъ дюжинныхъ, изъ рядовыхъ служителей церкви.

Оно такъ и было. Морошкинъ, скоро замѣченный въ наукѣ, быстро пріобрѣвшій себѣ необыкновенное уваженіе всѣхъ своихъ духовныхъ дѣтей, — къ числу которыхъ съ удовольствіемъ примыкали образованнѣйшія и наиболѣе извѣстныя въ столицѣ семейства, — оставался всю жизнь простымъ священникомъ. Начальство его не усматривало возможнымъ возвести его въ званіе протоіерея. А между тѣмъ, когда и въ среду нашего духовенства, касту тѣсно сомкнутую и остававшуюся до послѣднихъ почти дней въ чужѣ, въ сторонѣ отъ преобразованій и улучшеній новѣйшаго времени — проникъ наконецъ духъ самостоятельности, духъ прогресса, въ не опошленномъ смыслѣ этого слова, — въ комъ столичное, долженствующее быть передовымъ духовенство, въ комъ нашло оно дѣятелей подготовленныхъ, во всеоружіи знанія и пламенной любви къ развитію и улучшенію своей

среды, какъ не въ немногихъ молодыхъ iереяхъ! и въ числѣ этихъ-то немногихъ былъ самымъ замѣтнымъ о. М. Я. Морошкинъ! Перо и слово его притекли на помощь и службу его собратiямъ и трудно взвѣсить ту громадность потери, которую понесли они лишившись этого человѣка именно тогда, когда „воздуху“ становится все болѣе и болѣе для нашего духовенства, когда шире и шире раздвигается для него дорога для выхода почти изъ крѣпостного состоянiя, въ которомъ оно пребывало до самаго почти начала истекшаго столѣтiя!

Ученая и публицистическая дѣятельность о. Михаила Яковлевича была довольно обширна. Но она вышла изъ тиши кабинета только въ послѣднiе годы. Много статей и матерiаловъ разсѣяно имъ въ послѣднiе именно годы: въ „Православномъ Обозрѣнiи“, въ „Духѣ Христiанина“, въ „Извѣстiяхъ Археологическаго Общества“, „Русскомъ Архивѣ“ и въ разныхъ газетахъ, причемъ въ „Голосѣ“ ему принадлежитъ рядъ замѣчательнѣйшихъ статей о выборномъ началѣ церкви. „Русская Старина“ съ первыхъ дней своего возникновенiя нашла въ о. Михаилѣ Яковлевичѣ самаго усерднаго сотрудника. Имъ сообщены были намъ нѣсколько интереснѣйшихъ матерiаловъ и замѣтокъ, изъ которыхъ нѣкоторые напечатаны во II, III и IV книгахъ нашего изданiя, а другiе постепенно появятся въ послѣдующихъ выпускахъ „Русской Старины“. Но самыми капитальными трудами о. Морошкина были, какъ всѣмъ извѣстно: „Славянскiй именословъ“ и „Исторiя iезуитовъ въ Россiи, съ царствованiя Екатерины II-й и до нашего времени“, ч. I, изд. 1867 г. Спб. (501 стр.) Тотъ и другой трудъ, къ чести академiи наукъ, не были ею не замѣчены оба и увѣнчаны премiями. „Исторiя iезуитовъ“ была главнымъ ученымъ трудомъ, которому Михаилъ Яковлевичъ въ послѣднiе годы посвящалъ всѣ свои досуги. Онъ предполагалъ ее написать въ четырехъ томахъ и довести до настоящихъ дней. II-й томъ былъ имъ совершенно оконченъ и имъ продержана почти вся его корректура. Замѣтимъ при этомъ, до чего не свободна была его ученая дѣятельность отъ „терний“ — а именно: онъ, имѣя полную возможность печатать свой трудъ безъ цензуры — провелъ II-й его томъ сквозь духовную и свѣтскую цензуры. „Авось подъ ихъ охраною, — говорилъ покойный, я останусь внѣ злобы и нападокъ силъ тьмы“.

Работая съ увлеченiемъ, страстно влюбившись, если можно такъ выразиться, въ свой предметъ — о. Морошкинъ, какъ мы сказали, хотѣлъ довести изслѣдованiе до настоящихъ дней. Онъ предполагалъ разоблачить козни iезуитовъ въ русскомъ современномъ намъ обществѣ. Въ какой степени при этомъ о. М. Я. былъ правъ и въ какой мѣрѣ козни этихъ поборниковъ духа лжи и фанатизма

имѣютъ мѣсто въ современномъ намъ русскомъ, обществѣ — мы судить не беремся *).

Въ заключеніе приведемъ нѣсколько задушевныхъ строкъ — сообщенныхъ въ газету „Голосъ" объ М. Я. Морошкинѣ однимъ изъ его, сколько намъ извѣстно, собратій и въ области науки, и въ общественной дѣятельности:

„При ученыхъ своихъ занятіяхъ о. Морошкинъ былъ живымъ общественнымъ дѣятелемъ: общество для пособія нуждающимся ученымъ и литераторамъ считало его не только своимъ дѣйствительнымъ членомъ, но и избрало его на текущее трехлѣтіе въ составъ своего комитета постояннымъ членомъ; въ славянскомъ благотворительномъ обществѣ о. Морошкинъ принималъ живое участіе. Его „Именословъ" имѣлъ и имѣетъ значеніе не только въ русской наукѣ, но и въ сближеніи славянскихъ учоныхъ чрезъ посредство науки; поэтому, гости-славяне, бывшіе на извѣстномъ съѣздѣ, получили по экземпляру этого сочиненія, въ залогъ всегдашней связи съ русскими учеными. Но главная дѣятельность и бо́льшая часть жизни о. Морошкина была посвящена службѣ церкви. Въ той значительнѣйшей части духовенства петербургской епархіи, которая желаетъ и ищетъ средствъ къ обновленію церковно-общественной жизни въ епархіи, о. Морошкинъ пользовался глубокимъ уваженіемъ, значеніемъ и вліяніемъ. Административныхъ должностей въ епархіи онъ не занималъ: поэтому его дѣятельность въ епархіи выражалась не административнымъ путемъ, но общественнымъ. Въ 1863 году, когда столичному духовенству дозволены были собранія, духовенство избрало его своимъ предсѣдателемъ на этихъ собраніяхъ; съ учрежденіемъ епархіальныхъ съѣздовъ о. М. Я. Морошкина не разъ избирали депутатомъ съѣздовъ, затѣмъ и въ другія должности, къ замѣщенію которыхъ призывалось участіе духовенства. На отправленіе своихъ обязанностей въ должностяхъ онъ смотрѣлъ весьма серьезно: онъ всегда былъ непоколебимымъ представителемъ убѣжденій христіанской правды и пользы церковно-общественной, смѣлымъ и открытымъ противни-

---

*) Кромѣ названныхъ трудовъ о. Морошкинъ нѣсколько лѣтъ собиралъ матеріалы для исторіи русской церкви въ періодъ царствованія Николая I и извлекалъ ихъ не только изъ архивовъ и библіотекъ въ Россіи, но и заграницею, гдѣ онъ входилъ въ непосредственныя сношенія съ профессорами и учеными, занимавшимися подобными работами. Трудъ собиранія матеріаловъ изъ этой эпохи возложенъ былъ на о. М. Я. по высочайшему повелѣнію, 1 марта 1857 года, въ видахъ содѣйствія барону М. А. Корфу въ его обширномъ трудѣ составленія исторіи царствованія императора Николая Павловича. Сверхъ того, о. Морошкинъ принималъ участіе въ составленіи сборниковъ разныхъ коммисій, напр. коммисіи для описанія архива св. синода; съ 1858 г. М. Я. былъ членомъ-корреспондентомъ Археологическаго общества и проч.

комъ неправды. На всякую должность, въ которую его избирали, онъ смотрѣлъ не какъ на честь, выражаемую ему, а какъ на повинность, которую онъ долженъ былъ нести, какъ обязательный трудъ для общества. Вотъ почему о. Морошкинъ, даже и при отправленіи обязанностей, изрѣдка поручаемыхъ ему и епархіальною властью (напримѣръ, при ревизіи попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія), считалъ себя не вправѣ умалчивать о томъ, что̀ скрывалось администраціею въ ущербъ обществу. Если въ большинствѣ общественной среды духовенства петербургской епархіи отводилось о. Морошкину всегда самое почетное мѣсто, то остальная часть, состоящая, по преимуществу, изъ чиновнаго духовенства, старалась временно и безвременно, прямыми и косвенными путями, причинять ему всевозможныя непріятности, которыя нерѣдко трогали о. Морошкина и тѣмъ содѣйствовали развитію болѣзни его (въ печени и легкихъ), упорной и неподдававшейся никакимъ врачебнымъ средствамъ. Несмотря однакожъ на противодѣйствія о. Морошкину въ благотворной его дѣятельности, послѣ него остались замѣтные слѣды въ литературѣ, наукѣ, въ церковной жизни петербургской епархіи и въ обществѣ. Имя о. Морошкина займетъ надлежащее мѣсто въ исторіи. Его біографія заслуживаетъ сдѣлаться предметомъ научной работы. Къ покойному общество относилось весьма сочувственно. Сочувствіе это выражалось въ приходѣ, въ средѣ учоныхъ, литераторовъ, читающей публики и въ значительной части духовенства".

Утромъ въ субботу, 18-го апрѣля, совершено отпѣваніе о. М. Я. Морошкина въ казанскомъ соборѣ и затѣмъ погребеніе его на Волковскомъ кладбищѣ. Громадныя толпы народа почтили эту церемонію своимъ присутствіемъ. У гроба почившаго можно было видѣть множество лицъ принадлежащихъ къ числу представителей лучшаго русскаго общества. Здѣсь были ученые, литераторы, были государственные и общественные дѣятели. Наканунѣ выносъ тѣла покойнаго изъ дома въ казанскій соборъ также сопровождался многими тысячами народа. Площадь предъ соборомъ была полна и соборъ переполненъ. Предъ выносомъ, надъ гробомъ почившаго произнесъ рѣчь извѣстный нашъ русскій ученый, преподаватель философіи въ санктпетербургскомъ университетѣ, почтенный о. Ѳедоръ Ѳедоровичъ Сидонскій. Передаемъ здѣсь текстъ этой, исполненной искренности и глубокаго сочувствія къ умершему рѣчи, въ томъ видѣ, какъ она напечатана въ газетахъ:

„Одинъ отъ насъ, отцы и братія, одинъ изъ лучшихъ между нами отходитъ на покой вѣчный. И ему нуженъ былъ покой—конечно, по нашему судя, еще не этотъ вѣчный покой, въ который воспріемлетъ

его подвигоположникъ Богъ; повторяю, по нашему судя, ему нуженъ былъ покой тѣлесный, чтобъ по обновленіи силъ довершить не малое имъ предначатое для блага церкви, для пользы отечества. Но Отецъ свѣтовъ, поставивъ его на некраткій впрочемъ срокъ на значительной высотѣ священства свѣтиться и освѣщать, съялъ его съ земной высоты, чтобъ воспріять въ свѣтъ свой невечерній — съялъ его, конечно, какъ исполнившаго свое назначеніе, съ достаточною ревностью употребившаго въ дѣло свой талантъ, достойно послужившаго дѣлу просвѣщенія первоначально духовнаго юношества, послѣди словеснаго стада Христова. Богатаго дарованія его и трудолюбія достало и на то еще, чтобъ вывесть на свѣтъ нѣсколько дѣяній мрачныхъ силъ Запада, чуждающихся свѣта, осуждающихъ себя на мракъ. Дерзновеніе его не остановилось и предъ явленіями нашего быта, которыя взоръ его находилъ ненормальными. И сколько было между нами лицъ, ему сочувствовавшихъ, лицъ, которыя ревнованію его обрадовались, какъ свѣту, если еще не оживляющему, не согрѣвающему, все-таки, достаточно для первой поры озаряющему! Само духовное начальство готово было подъ конецъ воспользоваться этимъ свѣтомъ; но тогда онъ уже видимо угасалъ, и покойный собратъ нашъ не могъ принять предложеніе заняться трудами въ качествѣ члена санктпетербургскаго комитета духовной цензуры. Въ потребное время онъ провелъ свой смѣлый цензурный штрихъ по нѣкоторымъ явленіямъ нашего духовнаго быта, и этому дерзновенію мы обязаны выборнымъ началомъ, которому далъ онъ и слово и проложилъ дорогу. Прямо въ иныхъ случаяхъ высказывалось это дерзновеніе; но безъ напора рѣдко прокладывается надежная дорога. Глубокое знакомство съ архивными тайнами временъ то давнихъ, то нами пережитыхъ, свѣтлый взглядъ, въ заграничныхъ путешествіяхъ изощренный наблюденіемъ надъ порядками выработанными въ странахъ свободныхъ, не могли не возбудить ту ревность и это беззавѣтное дерзновеніе... Нужно ли намъ пускаться въ похвалы почившему собрату? Время не явило еще главныхъ трудовъ, понесенныхъ имъ по уясненію церковныхъ событій тридцатилѣтняго предшествовавшаго царствованія. Величіе сего памятнаго времени прольетъ, конечно, свой блескъ и на подвигъ потрудившагося надъ передачею его потомству собрата нашего. Дѣла и дѣянія каждаго отжившаго сплетаютъ ему въ посмертной памяти или вѣнецъ славы или терніе срама. Почившій братъ нашъ не посрамилъ ни своего сана, ни званія наставника и проповѣдника, ни своей литературной извѣстности. Да увѣнчаетъ же его подвигоположникъ Богъ вѣнцомъ чести и славы, которую самъ братъ себѣ уготовилъ! Намъ остается, какъ унаслѣдовавшимъ

плоды трудовъ его, молиться, да Господь мира дастъ ему въ селеніяхъ вѣчныхъ область дѣятельности болѣе мирной, гдѣ рвеніе духовное не находитъ преградъ, гдѣ жизнь и дѣятельность не уступаютъ мѣста безсилію и смерти!"

На другой день похоронъ, въ засѣданіи Славянскаго Петербургскаго Комитета одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ его членовъ А. Б. Иваницкій сказалъ полную силы и увлеченія рѣчь въ память опочившаго члена комитета о. М. Я. Морошкина. Ораторъ указалъ именно на то, что покойный труженикъ, независимо отъ своихъ заслугъ въ церкви и литературѣ, посвящалъ часть своихъ многообъемлющихъ трудовъ славянской наукѣ и въ изданномъ имъ „Славянскомъ Именословѣ" оставилъ памятникъ своей глубокой учености въ области славянства. Собраніе, выслушавъ съ глубокимъ сочувствіемъ означенную рѣчь, выразило единодушную скорбь о преждевременной утратѣ этого достойнаго подвижника.

Въ заключеніе нашей замѣтки пожелаемъ, чтобы почтенные братъ и супруга покойнаго—озаботились сохраненіемъ всѣхъ рукописей о. М. Я. Морошкина, и, по надлежащемъ разсмотрѣніи ихъ, поспѣшили издать II-ю часть его „Исторіи Іезуитовъ", а въ историческія повременныя изданія размѣстили бы, въ ближайшемъ времени, собранные имъ матеріалы. Мы съ своей стороны съ полною готовностью помѣстимъ на страницахъ „Русской Старины" какъ матеріалы изъ собранія о. М. Я., такъ и данныя для его жизнеописанія, какъ-то: воспоминанія о немъ, письма, замѣтки и т. п.

Лангъ. Позье въ запискахъ своихъ („Русск. Старина" стр. 41—127), какъ уже замѣчено было нами въ предисловіи къ нимъ, нерѣдко путаетъ и искажаетъ фамиліи тѣхъ дѣятелей, которыхъ онъ встрѣчалъ, зналъ или о которыхъ слышалъ во время пребыванія своего въ Россіи. Это обстоятельство легко объясняется тѣмъ, что Позье писалъ свои воспоминанія въ старости, на родинѣ, вдали отъ Россіи, и писалъ по памяти, не затрудняя себя особыми справками. Ошибки его, большею частью, нами оговорены въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ и имена возстановлены въ настоящемъ ихъ видѣ. Дополняемъ эти поправки еще нѣкоторыми. Упоминаемаго Позье („Русск. Стар." стр. 57 и 59) посланника въ Китаѣ Делана или Делянова не было, а былъ Лоренцъ Лангъ, русскій агентъ въ Китаѣ и потомъ иркутскій вице-губернаторъ. Вотъ что мы находимъ о немъ, между прочимъ, въ „Словарѣ русскихъ свѣтскихъ писателей" митрополита Евгенія (М. 1845 г. т. II, стр. 3): Лангъ (Лаврентій), родомъ шведъ,

былъ секретаремъ русскаго посольства въ Китаѣ въ 1719 г., оставленъ тамъ агентомъ на 1721 и 1722 гг.; затѣмъ былъ онъ тамъ съ караванами въ 1727 и 1735 годахъ. Лангомъ изданъ въ 1726 г., въ Лейденѣ, интересный журналъ пребыванія его въ Пекинѣ: „Journal de la résidence du Sieur Lange, agent de la Majesté Impériale de la grande Russie à la cour de la Chine, dans les années 1721 — 1722".

Генералъ-лейтенантъ Каннабихъ. Во II кн. „Русская Старина" (стр. 134—136) помѣщено письмо императора Александра Павловича по поводу жестокостей, которыя дозволялъ себѣ Каннабихъ, живя въ своихъ помѣстьяхъ. Вотъ что разсказывалъ покойный ученый Штукенбергъ о томъ, какъ Каннабихъ сдѣлался помѣщикомъ. Онъ былъ изъ числа гатчинскихъ служакъ Павла Петровича, когда тотъ былъ еще великимъ княземъ. По воцареніи Павла Каннабихъ сдѣланъ былъ его адъютантомъ. Однажды, на парадѣ, государь передалъ ему какое-то словесное приказаніе и Каннабихъ стремглавъ полетѣлъ исполнять его, причемъ у него свалилась съ головы неуклюжая треуголка.

— Каннабихъ, Каннабихъ! — закричалъ императоръ: шляпу потерялъ!

„Голова тутъ, ваше императорское величество!" отвѣчалъ продолжая скакать какъ сумасшедшій Каннабихъ.

— Дать ему тысячу душъ крестьянъ — воскликнулъ императоръ Павелъ.

О жестокостяхъ Каннабиха извѣстны цѣлыя легенды.

Мелочи.

Шарады. Извлекаемъ нѣсколько шарадъ изъ объемистаго рукописнаго сборника двадцатыхъ годовъ текущаго столѣтія; въ этомъ сборникѣ, сообщенномъ Петромъ Павловичемъ Зуевымъ, находится болѣе двухъ-сотъ шарадъ.

1) Часть первую мою досель вмѣщалъ букварь
Вторую же рѣку имѣетъ русскій царь
Я, цѣлое, въ водѣ, но я воды не знаю
До тѣхъ поръ въ заперти у матери бываю
Доколѣ бѣдную до смерти не убьютъ.
Тогда другой мнѣ свѣтъ, другой мнѣ и пріютъ.
Утробу я одну едва съ трудомъ оставлю,
Утробамъ ужъ другимъ меня готовятъ въ травлѣ
И съ жадностію всѣ мной набиваютъ ротъ.
Когда же кто меня прочтетъ наоборотъ

И далѣе итти захочетъ
По лавкамъ, по церквамъ,
По древнимъ капищамъ и погребамъ,
Гдѣ эхо воетъ и хохочетъ
Тотъ снова встрѣтится со мной—
За мной, которая у всѣхъ людей бываетъ,
А безъ меня изъ нихъ едва-ль кто не хромаетъ,
Когдажъ смѣшаешь ты всѣ буквы до одной,
То много новаго явится предъ тобой:
Животныя, рѣка
И городъ въ Африкѣ извѣстный
И нищій, и бока,
Царь въ Персіи чудесный
И самый вертоградъ небесный.

(Икра) *).

2) Коль пальцы на рукахъ умѣете сочесть,
То первое мое должны вы произнесть;
Второе—буква есть изъ самыхъ старомодныхъ,
А цѣлый—празднество для бабъ и дѣвъ дородныхъ.

(Семикъ).

3) Гдѣ пѣвчіе поютъ, тамъ первый слогъ бываетъ;
Второй не только насъ, но и скотовъ кусаетъ.
А цѣлый въ деревняхъ крестьянъ всѣхъ утѣшаетъ.

(Хороводъ).

4) Во всякомъ городѣ ты первое найдешь.
Когда же гласную на память приведешь
И къ ней приложишь то, что слышится въ ущельяхъ,
Иль у монаховъ Соловецкихъ, въ кельяхъ,
Тогда передъ тобой предстанетъ цѣлый мой.
Не дай Богъ встрѣтиться ночною съ нимъ порой!

(Домовой).

5) Въ лѣсу ростетъ начало
И дерево не очень мало,
А въ азбукѣ конецъ.
Отъ цѣлаго спаси Творецъ!

(Дубье).

6) Слогъ первый въ азбукѣ французской
Находится теперь и въ русской;
Второе городъ есть, и городъ не простой,
И по торговлѣ онъ богатой, золотой.
А если города иному неизвѣстны
И изъ деревни онъ своей не выѣзжалъ,
Не знаетъ городъ гдѣ находится прелестный,
Что нужды? Онъ въ своей деревнѣ тожъ видалъ.
А цѣлое: однимъ служилъ въ позоръ невольный,
Другимъ же дуракамъ—за опытъ произвольный.

(Верига).

---

*) Напомнимъ, что рѣка Волга въ древности именовалась «Ра».

7) Начальное бѣда! свидѣтель память наша,
Какъ въ матушкѣ Москвѣ варилась смертна каша;
Второе же мое, согласія есть знакъ,
А цѣлое всегда бываетъ у собакъ.

(Морда).

8) Пріятно первое пить въ лѣтній вечерокъ,
Съ другимъ же въ азбукѣ славянской повидаться,
Отъ цѣлыхъ получить легко колотье въ бокъ,
Коль съ ними вамъ въ лѣсу случится повстрѣчаться.

(Медвѣдь).

9) Кто ходитъ безъ чулокъ, въ томъ первый слогъ найдется.
Второе въ музыкѣ всегда уже ведется,
А цѣлое мое — занятіе гостей.
Маверу угощать нельзя сыскать простѣй.

(Бостонъ).

О запискахъ А. Т. Болотова. Въ настоящемъ томѣ помѣщено три первыхъ части записокъ Болотова и половина четвертой. Эти части были, какъ мы замѣтили въ предисловіи къ жизнеописанію Болотова, напечатаны впервые въ „Отечественныхъ Запискахъ" 1850 г. т.т. 69—71; но достойно замѣчанія, что требованія тогдашней цензуры были до того придирчивы и мелочны, что въ первыхъ трехъ частяхъ, независимо отъ многочисленныхъ искаженій отдѣльныхъ словъ и цѣлыхъ выраженій, совершенно выкинуто 2549 строкъ подлинной рукописи Болотова, какъ это оказывается при тщательномъ ея сличеніи съ тѣмъ, что появилось въ то время въ печати. Нечего и говорить, что всѣ эти пропуски, большею частью весьма невинные, возстановлены въ нашемъ изданіи и въ немъ не выпускается ни единаго слова противъ автографа записокъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

І-ГО ТОМА „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ 1870 ГОДА.

ЯНВАРЬ. ФЕВРАЛЬ. МАРТЪ. АПРѢЛЬ. МАЙ. ІЮНЬ.

(ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ).

Примѣчаніе. Цифры, поставленныя въ скобкахъ, означаютъ страницы перваго изданія; такимъ образомъ, это оглавленіе можетъ быть приложено какъ ко второму, такъ и къ первому изд. I-го тома (шесть книгъ) «Русск. Стар.» 1870 г.

Приложенія: Записки Андрея Тимоѳеевича Болотова 1738—1794 гг., части I, II, III и IV, письма 1—47: 1738—1757 г. августъ; съ портретомъ автора и двадцатью двумя рисунками, исполненными самимъ составителемъ записокъ и гравированными академикомъ Л. А. Сѣряковымъ.

Къ этому же тому «Русской Старины», къ запискамъ контръ-адмирала А. П. Арбузова, приложенъ «Планъ Петропавловскаго порта въ Камчаткѣ 1854 г.» исполненный въ картографическомъ заведеніи А. А. Ильина.

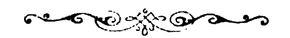
Примѣч. для переплетчика. Записки А. Т. Болотова должны быть выдѣлены изъ обоихъ томовъ «Русской Старины» и переплетены въ особый, 3-й томъ годоваго изданія« Рус. Ст.» Восемь частей Записокъ Болотова, напечатанныя въ прилож. къ «Русск. Старинѣ» 1870 г. составляютъ первый томъ автобіографіи Болотова; всѣхъ же томовъ этихъ записокъ будетъ три.

Первыя шесть книгъ „Русской Старины", составляющія первый ея томъ 1870 г.,—разошлись и нынѣ являются вторымъ изданіемъ.

Второе изданіе отличается отъ перваго слѣдующимъ: записки (мемуары), появлявшіяся въ нѣсколькихъ книгахъ, соединены въ одномъ мѣстѣ и напечатаны въ хронологическомъ порядкѣ; отдѣльные документы, какъ то: указы, рескрипты, письма, равно преданія, небольшіе разсказы, замѣтки, стихотворенія и мелочи — отнесены во второй отдѣлъ этого тома и напечатаны въ послѣдовательномъ порядкѣ, по царствованіямъ, притомъ болѣе убористымъ, противъ перваго отдѣла, шрифтомъ;—матеріалы для исторіи литературы напечатаны отдѣльно, вслѣдъ за матеріалами къ отечественной исторіи; — исправлены погрѣшности и опечатки, замѣченныя въ первомъ изданіи, причемъ дополнительныя замѣтки къ нѣкоторымъ документамъ, явившіеся въ разныхъ книгахъ перваго изданія — помѣщены теперь въ своемъ мѣстѣ, вслѣдъ за документами; — въ видахъ сбереженія мѣста — не перепечатанъ „списокъ подписчиковъ" и наконецъ „библіографическій листокъ о новыхъ русско-историческихъ книгахъ", помѣщавшійся въ первомъ изданіи на оберткѣ, напечатанъ здѣсь въ концѣ книги, предъ „приложеніемъ". Что касается до „приложе-

нія“, т.-е. до первыхъ четырехъ частей Записокъ Болотова, то онѣ являются съ тѣми же рисунками, исполненными самимъ авторомъ и вообще въ томъ же видѣ, какъ и въ первомъ изданіи, но въ предисловіи къ нимъ приведены болѣе наглядныя выдержки для сличенія подлинника съ тѣми отрывками, которые были изъ первыхъ его книгъ печатаемы въ 1851-мъ году.

Къ этому тому приложено подробное систематическое оглавленіе; для лицъ, подписавшихся на первое изданіе „Русской Старины“ оно будетъ приложено къ XII-й книгѣ, вмѣстѣ съ таковымъ же оглавленіемъ II-го тома, т.-е. послѣднихъ шести книгъ „Русской Старины“ 1870 г.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ РУССКО-ИСТОРИЧ. КНИГЪ.

АРХИВЪ ГОСУДАРСТВЕННАГО СОВѢТА. Томъ 1-й, двѣ части. Спб. 1869 г. въ 4 долю.

Долго хранилища нашихъ государственныхъ актовъ были недоступны для публики; долго историческія изслѣдованія нашихъ ученыхъ встрѣчали препятствія въ провѣркѣ источниковъ съ документами, наибольшая часть которыхъ составляла государственную тайну, и только въ послѣднее десятилѣтіе правительство, желая содѣйствовать изученію отечественной исторіи, открыло изслѣдователямъ архивы нѣкоторыхъ государственныхъ учрежденій для обнародованія хранящихся въ нихъ драгоцѣнныхъ матеріаловъ. Такимъ образомъ приступлено было къ описанію архивовъ: синодальнаго, московскаго, министерства юстиціи, министерства иностранныхъ дѣлъ и второго отдѣленія собственной Е. И. В. Канцеляріи; такъ, въ 1863 году послѣдовало высочайшее повелѣніе о систематическомъ описаніи архива Государственнаго Совѣта и Государственной Канцеляріи. Исполненіе этого обширнаго труда поручено было нашему извѣстному ученому **Н. В. Калачеву**, какъ главному редактору, и его помощнику **И. А. Чистовичу**. Вышедшій нынѣ первый томъ, составленный **И. А. Чистовичемъ**, заключаетъ въ себѣ систематическое извлеченіе изъ протоколовъ Совѣта, бывшаго въ царствованіе императрицы Екатерины II. Здѣсь самую важную часть матеріаловъ составляютъ сужденія и опредѣленія Совѣта относительно военныхъ дѣйствій и дипломатическихъ переговоровъ, затѣмъ слѣдуютъ дѣла по внутреннему управленію. На этомъ основаніи вышедшій нынѣ томъ раздѣленъ на двѣ части; изъ нихъ первая составляетъ собственно историческое отдѣленіе, вторая — отдѣленіе юридическое. Отдѣленіе первое заключаетъ въ себѣ дипломатическія сношенія Россіи съ иностранными государствами и нѣкоторыя особенно важныя внутреннія событія царствованія Екатерины II. **Во второмъ** отдѣленіи помѣщены дѣла, относящіяся къ законодательству, суду, военному и гражданскому управленію. Предметы этой части расположены систематически, по отдѣленіямъ законодательства, въ порядкѣ дѣйствующаго Свода Законовъ. Излишне было бы говорить о томъ громадномъ интересѣ, который должно возбудить обнародованіе подобныхъ матеріаловъ. Томъ этотъ изданъ in 4° большого формата, въ два столбца и обѣ части заключаютъ въ себѣ, кромѣ указателя, около двухъ тысячъ страницъ.

СБОРНИКЪ РУССКАГО ИСТОРИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА. Томъ IV. Спб. 1869.

Однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ дѣяній императрицы Екатерины II относительно приведенія въ порядокъ нашего законодательства, было учрежденіе ею Коммиссіи для составленія проекта Новаго Уложенія, въ руководство которой данъ былъ ею Наказъ. До сихъ поръ мы не имѣли объ этой Коммиссіи полныхъ и вѣрныхъ свѣдѣній, потому что всѣ доселѣ извѣстныя данныя основывались, за весьма немногими исключеніями, или на невѣрно переданныхъ фактахъ или на преданіяхъ. Самое полное собраніе доку-

ментовъ объ екатерининской Коммиссіи заключается въ архивѣ II Отдѣленія собственной Е. И. В. Канцеляріи. Документы эти могутъ быть раздѣлены на три рода, а именно: 1) дневныя записки засѣданій Большого Собранія Коммиссіи, которое называлось такъ въ отличіе отъ собраній частныхъ коммиссій, которыхъ, какъ извѣстно, было 19. Точно также и названіе Большой Наказъ дано было Наказу императрицы Екатерины для отличія отъ наказовъ депутатскихъ; 2) мнѣнія депутатовъ, читанныя въ Большомъ собраніи и 3) подлинные наказы, данные депутатамъ отъ всѣхъ сословій имперіи. Записки и журналы начинаются съ перваго дня засѣданій Коммиссіи и продолжаются по день ея закрытія, то-есть съ 31 іюля 1767 по 12 января 1769 года.—Всѣхъ засѣданій было 203 и по этому столько же составлено было и записокъ. Всѣ эти записки исполнены необыкновеннаго интереса, но особенное вниманіе обращаютъ на себя сочиненія сенатора Бибикова, такъ какъ на нихъ преимущественно были основаны позднѣйшіе выводы объ екатерининской Коммиссіи.

РУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОГРАФІЯ, годъ шестой, 1860. Спб. 8 д. 1869.

Богатство историческаго матеріала, разбросаннаго въ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ, обнародованныхъ въ теченіи послѣднихъ четырнадцати лѣтъ, громадно. При значительномъ числѣ журналовъ—розысканія этого матеріала весьма затруднительны. Облегчить это дѣло составленіемъ строго систематическаго и полнаго указателя—вотъ та цѣль, которою задались П. П. и В. П. Ламбины при составленіи «Русской исторической библіографіи». Этотъ въ высшей степени почтенный трудъ обнимаетъ теперь, съ выходомъ настоящей книги, указанія на весь русско-историческій матеріалъ напечатанный съ 1855 по 1860 годъ включительно.— Строгая и совершенно правильная система, положенная въ основу труда, замѣчательная внимательность и добросовѣстность при исполненіи его,— вотъ тѣ обстоятельства, которыя заставляютъ съ полнымъ довѣріемъ относиться къ этой справочной книгѣ, долженствующей быть настольною книгою у каждаго какъ занимающагося, такъ вообще и интересующагося отечественною исторіею. Необходимо замѣтить, что общее руководство при составленіи труда гг. Ламбиныхъ принадлежало академикамъ **А. А. Кунику и П. П. Пекарскому.**

ИСТОРИКО-СТАТИСТИЧ. СВѢДѢНІЯ О СПБ. ЕПАРХІИ.

Изданіе СПБ. епархіальнаго истор.-статистич. комитета. Вып. первый. Спб. 1869. in-8°.

С.-Петербургскій епархіальный историко-статистическій комитетъ, состоящій подъ предсѣдательствомъ преосвященнаго Павла, епископа ладожскаго, — благодаря содѣйствію епархіальнаго начальства и духовенства, получилъ наконецъ возможность обнародовать историко-статистическія свѣдѣнія о с.-петербургской епархіи, которыя собирались въ теченіе многихъ лѣтъ и донынѣ оставались неизданными. Комитетъ призналъ болѣе удобнымъ издавать эти свѣдѣнія въ формѣ отдѣльныхъ выпусковъ, съ раздѣленіемъ каждаго на три отдѣла: изъ нихъ въ первомъ будетъ изложена исторія епархіи, т.-е. распространеніе христіанства въ предѣлахъ епархіи, учрежденіе епархіальнаго управленія и біографіи іерарховъ; во второмъ возможно-полныя описанія соборовъ и церквей, состоящихъ въ предѣлахъ епархіи, вѣдомства, какъ епархіальнаго, такъ и придворнаго и военнаго; въ третьемъ — описанія монастырей. Кромѣ этого, Комитетъ пред-

полагаетъ въ слѣдующихъ выпускахъ открыть еще четвертый отдѣлъ подъ заглавіемъ смѣси, гдѣ будутъ помѣщаться критическіе разборы уже напечатанныхъ описаній церквей и монастырей, исправленіе и дополненіе этихъ описаній по вновь открывшимся свѣдѣніямъ, свѣдѣнія о благотворительныхъ заведеніяхъ и школахъ при церквахъ, замѣчательные церковные документы, біографіи замѣчательныхъ лицъ въ духовенствѣ и всякаго рода свѣдѣнія и замѣтки, которыя, не входя въ составъ трехъ первыхъ отдѣловъ, заключаютъ въ себѣ историко-статистическій интересъ. Каждый отдѣлъ имѣетъ особый счетъ листовъ, такъ что по окончаніи всего труда, каждый изъ нихъ составитъ особый томъ. Въ вышедшемъ нынѣ выпускѣ первое мѣсто занимаетъ обстоятельное изслѣдованіе священника М. Ѳ. Архангельскаго — исторія православной церкви въ предѣлахъ нынѣшней С.-петербургской епархіи отъ начала христіанства въ Россіи до 1730 г. Затѣмъ въ книгѣ помѣщены описанія соборовъ въ С.-Петербургѣ: 1) **Исаакіевскій каѳедральный соборъ**, священника В. Серафимова, 2) **Соборъ во имя св. апостоловъ Петра и Павла, въ с.-петербургской крѣпости**, священника Д. Флоринскаго, 3) **Соборъ во имя казанской Божіей матери, въ С.-Петербургѣ**, протоіерея Г. Дебольскаго и 4) **Рождественскій каневскій монастырь**, неизвѣстнаго автора.

Это весьма полезное изданіе заставляетъ желать, чтобы и другія наши епархіальныя вѣдомства, по примѣру с.-петербургскаго епархіальнаго историко-статистическаго комитета, предприняли подобный же трудъ, а такъ какъ наибольшая часть прочихъ епархій въ Россіи гораздо древнѣе с.-петербургской, то поэтому онѣ имѣютъ возможность представить гораздо болѣе матеріаловъ, а слѣдовательно и еще болѣе интереса.

Внѣшность изданія вполнѣ удовлетворительна. Бумага и печать хороши, къ чему подобныя изданія не вполнѣ насъ приучили.

ДОМАШНІЙ БЫТЪ РУССКИХЪ ЦАРИЦЪ.

въ XVI и XVII ст.

Москва, 8 д. VIII, стр. 670 и 178; съ рисунками и портретомъ. Цѣна 4 руб.

Эта книга нѣсколько лѣтъ уже нетерпѣливо ожидалась любителями отечественной исторіи. Появленіе ея въ свѣтъ составляетъ одно изъ самыхъ пріятныхъ и наиболѣе замѣчательныхъ событій въ русской исторической литературѣ. Составитель книги И. Е. Забѣлинъ пользуется извѣстностью одного изъ ученѣйшихъ и трудолюбивыхъ археологовъ, и появленіе одного такого сочиненія какъ «Домашній бытъ русскихъ царей и царицъ», независимо отъ другихъ его трудовъ, вполнѣ упрочиваетъ эту извѣстность. Настоящій томъ въ семи главахъ обнимаетъ слѣдующіе предметы: I. Женская личность въ до-Петровскомъ обществѣ. II. Главныя черты женской личности въ положеніи царицы? Гдѣ же III?—IV. Обрядъ царицыной жизни комнатной и выходной. V. Дворцовыя забавы, увеселенія и зрѣлища. VI. Царицынъ дворовый чинъ и VII. Царицыны наряды, уборы и одежды. Въ приложеніяхъ помѣщено довольно много подлинныхъ документовъ, къ которымъ приложенъ и указатель предметовъ; кромѣ того при сочиненіи помѣщено восемь листковъ рисунковъ. Нельзя не пожалѣть, что при такомъ капитальномъ трудѣ не сдѣлано, въ этомъ послѣднемъ отношеніи, болѣе богатыхъ приложеній; за ними никакъ не могло быть недостатка; мы не нашли также въ книгѣ снимковъ съ почерковъ царицъ, портретовъ ихъ (кромѣ одной царицы Марьи Ильиничны)

и т. п. Какъ бы то ни было, но новая книга И. Е. Забѣлина съ I томомъ его сочиненія, вышедшимъ еще въ 1862 году подъ заглавіемъ: «Домашн. бытъ русскихъ царей въ XVI и XVII ст.», составляетъ одно изъ драгоцѣннѣйшихъ приобрѣтеній русской исторической литературы.

ЧТЕНІЯ ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ ПРИ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Повременное изданіе 1869 г. четыре книги. Москва въ 4-ю долю. Цѣна съ пересылкою 7 руб. 50 к. (съ требов. обращаться въ самое общество или въ магазинъ Соловьева).

Это старѣйшее у насъ повременное историческое изданіе выходитъ съ 1846 года, а по перерывѣ его въ 1848 году, съ 1858 г. Оно издается по одной и той же программѣ, одинаковаго объема и редактируется однимъ и тѣмъ же лицомъ, извѣстнымъ ученымъ, бывшимъ проф. московскаго университета, Осипомъ Максимовичемъ Бодянскимъ. Вся печать наша давно уже привыкла встрѣчать каждую книгу этого сборника съ живѣйшимъ интересомъ и единодушно признала за г. Бодянскимъ громадную заслугу редактора, соединившаго на страницахъ «Чтеній» множество драгоцѣннѣйшихъ и высочайшаго интереса какъ оригинальныхъ изслѣдованій, такъ и матеріаловъ для отечественной исторіи всѣхъ періодовъ, отъ самыхъ отдаленныхъ эпохъ до событій нашихъ дней. Но странное дѣло. Читающая публика, съ большимъ любопытствомъ слѣдящая за всѣмъ, что относится до отечественной исторіи, знаетъ «Чтенія Московскаго Общества исторіи» едвали не по однимъ лишь газетнымъ и журнальнымъ разборамъ. Если только не ошибаемся, это изданіе на шестнадцатомъ году своего существованія печатается лишь въ шести стахъ экземплярахъ, большая часть которыхъ разсылается безденежно нѣкот. Член. и Сотрудникамъ Общества, а также разнымъ общественнымъ учрежденіямъ и оффиціальнымъ лицамъ. Въ чемъ состоятъ причины столь непонятнаго, повидимому, явленія? Сколько намъ извѣстно, онѣ состоятъ главнѣйшимъ образомъ, въ крайне ограниченныхъ средствахъ, ассигнуемыхъ на это изданіе. Вслѣдствіе этого обстоятельства ученый редакторъ «Чтеній» весь громадный трудъ по составленію четырехъ объемистыхъ томовъ каждаго года, долженъ нести исключительно на себѣ; понятно, за симъ, что книги значительно запаздываютъ выходомъ, а самое изданіе печатается на плохой бумагѣ, шрифтами довольно плохими и вообще, безукоризненныя по содержанію, «Чтенія» наружностью каждой книги являются какъ бы постояннымъ укоромъ министерств. народн. просвѣщ., которое могло бы расширить средства этого въ высшей степени важнаго и полезнаго изданія, и между тѣмъ не дѣлаетъ этого. Итакъ, невольная несвоевременность выхода книгъ, то обстоятельство, что изданіе и по самой программѣ своей должно выходить лишь четыре раза въ году, далѣе—неудовлетворительность его въ типографскомъ отношеніи и наконецъ,—и это главное,—что редакція не имѣетъ никакихъ средствъ на привлеченіе къ болѣе или менѣе постоянному участію въ изданіи извѣстныхъ изслѣдователей отечественной исторіи, а должна обходиться либо случайно присылаемымъ ей—(всегда безъ вознагражденія) матеріаломъ, либо ограничиваться собственными собраніями, всѣмъ этимъ, повторяемъ, объясняется, что это изданіе какъ бы выходитъ для однихъ лишь спеціалистовъ, писателей и ученыхъ. А между тѣмъ, какъ много интереснаго въ «Чтеніяхъ» для всѣхъ русскихъ, кому только дорога исторія своего отечества и кто интересуется ея изученіемъ.

Каждая книга «Чтеній» состоитъ изъ пяти отдѣловъ: изслѣдованія, матеріалы отечественные, матеріалы славянскіе, матеріалы иностранные и смѣсь. Каждый изъ этихъ отдѣловъ въ «Чтеніяхъ» истекшаго года представляетъ много интереснаго. Такъ напр., въ отдѣлѣ изслѣдованій обращаютъ вниманіе громадныя по объему, иногда дробныя, но вообще далеко не маловажныя замѣчанія г. **Липранди** (кн. I и II) на «Исторію Отечественной войны 1812 г.,» г. Богдановича. Мы съ своей стороны замѣтимъ лишь одно, что тонъ этихъ замѣчаній—не всегда таковъ, какимъ бы слѣдовало писать критику на трудъ, при всѣхъ его значительныхъ недостаткахъ, почтенный. Этотъ задоръ, эта желчность, эти шуточки и глумленіе, которыми переполняетъ г. Липранди свои **замѣчанія**, производя непріятное впечатлѣніе на читателя, даютъ лишь право историку отечественной войны не отвѣчать г. Липранди. А нельзя не согласиться, что этого едвали можетъ желать самъ г. Липранди, и тѣмъ менѣе читатели—интересующіеся разработкой замѣчательнѣйшей эпохи въ отечественной исторіи, эпохой 1821 года. Въ IV книгѣ помѣщено замѣчательное изслѣдованіе **В. Пассека**. «Новгородъ самъ въ себѣ». Авторъ подробно изображаетъ внутреннюю жизнь Новгорода, его стремленія и вѣрованія, раскрываетъ причины смутъ и волненій, доведшихъ его до утраты свободы и проч. Въ отдѣлѣ матеріаловъ отечественныхъ тянется обширный сборникъ русскихъ народныхъ пѣсень, собранныхъ **П. В. Шейномъ**. Представляя масу памятниковъ народнаго творчества, лично собранныхъ г. Шейномъ или сообщенныхъ ему другими собирателями (такъ напр. **М. Семевскимъ** доставлено въ настоящій сборникъ болѣе двухъ сотъ пѣсень жителей Псковской губ.) — сборникъ г. Шейна займетъ почетное мѣсто въ нашей, все еще весьма и весьма небогатой литературѣ по отдѣлу этнографіи. Въ кн. II и III «Чтеній» помѣщено соч. **кн. Ивана Михайловича Долгорукаго**: «Славны бубны за горами или путешествіе мое коекуда 1810 г.» — съ предисловіемъ и многочисленными примѣчаніями **О. М. Водянскаго**. Прекрасная, вполнѣ симпатичная личность кн. И. М. Долгорукаго очень хорошо вырисовывается въ этомъ путешествіи, представляющемъ при этомъ не мало подробностей для знакомства съ бытомъ и взглядами русскихъ людей эпохи кануна бонапартовскаго погрома. Въ отдѣлѣ матеріаловъ славянскихъ отмѣтимъ почтенный трудъ **А. С. Клеванова** «Очеркъ исторіи Чешскаго вѣроисповѣднаго движенія» съ предисловіемъ **О. М. Водянскаго** (кн. III и IV). Въ IV отдѣлѣ «Чтеній» помѣщено продолженіе (начало въ предъидущемъ году) перевода съ нѣмецкаго «Подробнаго описанія путешествія голштинскаго посольства въ Московію и Персію въ 1633, 1636 и 1638 годахъ, составленнаго секретаремъ посольства **Олеаріемъ**»; переводъ принадлежитъ г. **Варсову**. Нельзя не поблагодарить редактора «Чтеній» за представленіе вообще на страницахъ этого изданія цѣлаго ряда переводовъ капитальнѣйшихъ сочиненій иноземцевъ до-Петровской Россіи, таковы: «Путешествіе венеціанца **Марка** Поло въ XIII стол. (Чтен. 1861 и 1862 г.), Дневникъ Іоанна Георга **Корба** 1698—1699 г. перев. **Женева и М. Семевскаго** (въ «Чтен.» 1867 г.), Исторія о вел. кн. Московскомъ **Петрея**—1620 г. («Чт.» 1866—1867 г.), наконецъ знаменитое сочиненіе **Олеарія**. Переводы этихъ сочиненій, вмѣстѣ съ переводомъ обширнаго труда **Аделунга**: «Критико-литературное обозрѣніе путешествій по Россіи» и **Кюльба** «Жизнеоп. древн. и средневѣковыхъ путешественниковъ по Россіи» («Чт.» 1863—1865 гг.) со-

ставляютъ чуть не цѣлую библіотеку. Нельзя не пожелать, чтобъ къ переводу соч. Олеарія были бы приложены фотолитографическіе снимки съ рисунковъ, которыми украшенъ подлинникъ; эти снимки могли бы быть сняты съ рисунковъ наиболѣе интересныхъ, какъ то сдѣлано при русскомъ изданіи «Чтеній»—Дневника Корба.

Отдѣлъ **смѣси** былъ всегда особенно богатъ и разнообразенъ въ «Чтеніяхъ; такъ въ немъ въ 1869 г. помѣщены между прочимъ: «Повѣсть о прихожденіи свѣйскаго краля съ нѣмцы подъ градъ Псковъ», сообщ. **М. Семевскій**; Смертный приговоръ Стенькѣ Разину; драгоценное собраніе писемъ **Иннокентія**, архіепископа херсонскаго и таврическаго; интересныя воспоминанія о митрополитѣ литовскомъ Іосифѣ **Н. В. Сушкова**; письма рижскаго епископа **Филарета** о тѣсномъ положеніи православія и о нуждахъ его въ прибалтійскомъ краѣ; письма: Аббасъ **Мирзы**, наслѣдника персидскаго престола, генералъ-лейтенанта **Скобелева**, цесаревича **Константина Павловича**; письма митрополита литовскаго **Іосифа**; статья **Н. В. Сушкова** о запискахъ архимандрита **Фотія**; документы о старообрядцахъ нашего времени; историческіе и юридическіе акты XVII и XVIII стол., сборникъ **М. Семевскаго** и проч.

Нельзя не пожелать отъ всей души, чтобы «Чтенія московскаго общества исторіи и древностей россійскихъ при московскомъ университетѣ» пріобрѣли бы наконецъ въ массѣ публики какъ можно болѣе читателей. Это изданіе вполнѣ заслуживаетъ полнѣйшаго сочувствія публики по богатству своего содержанія, съ замѣчательнымъ искусствомъ поддерживаемомъ почтеннымъ редактаромъ въ теченіи уже шестнадцати лѣтъ при самыхъ скудныхъ матеріальныхъ средствахъ. Трудно повѣрить, а это совершенная истина, что средства, предоставленныя обществу исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ университетѣ, обществу существующему почти шестьдесятъ лѣтъ и болѣе полувѣка издающаго повременныя историческія изданія, составляютъ съ 1837 года не болѣе какъ 1428 р. 50 к. въ годъ. Тѣмъ больше заслуга редактора «Чтеній»—умѣющаго съ такими средствами прекрасно вести изданіе столь объемистое и содержаніемъ своимъ столь разнообразное и интересное.

Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Спб. 1869. въ 4° д. кн. I, цѣна 2 руб. 50 коп.

Въ архивѣ министерства юстиціи въ Москвѣ сосредоточены памятники оффиціальной дѣятельности Россіи въ области юридической отъ XVI до XVIII ст. включительно. Изданное нынѣ описаніе этого важнаго архива — начинается указателемъ всѣхъ архивныхъ матеріаловъ; затѣмъ слѣдуетъ описаніе книгъ писцовыхъ, переписныхъ, межевыхъ—какъ разряда матеріаловъ, по справедливому замѣчанію составителя **Описанія**, въ высокой степени важнаго и для изслѣдователей отечественной исторіи и для справокъ о поземельныхъ владѣніяхъ; затѣмъ въ настоящей книгѣ помѣщено нѣсколько документовъ, разъясняющихъ церковное управленіе въ древней Россіи. Книга снабжена алфавитными указателями и расположеніе помѣщенныхъ въ ней статей такъ хорошо, что справки дѣлаются быстро и вполнѣ удобно. Впрочемъ, о достоинствахъ изданнаго «Описанія» говорить много не приходится; довольно сказать, — что оно составлено подъ руководствомъ и при непосредственномъ участіи **Н. В. Калачова**; это же служитъ ручательствомъ, что изданіе въ высшей степени обстоятельно, точно и удовлетворяетъ самымъ строгимъ требованіямъ отъ подобнаго рода трудовъ.

Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, т. XIX: исторія Россіи въ царствованіе Петра II и Анны Іоанновны. т. I соч. С. М. Соловьева. М. 1869. 8°. стр. 392. Цѣна 2 руб.

Вышедшій томъ труда г. Соловьева въ трехъ большихъ главахъ охватываетъ время съ конца царствованія Екатерины I по 1732-й годъ включительно. Такимъ образомъ сюда вошли изложенія за упомянутое время дѣлъ внѣшнихъ; здѣсь же разсматривается— вопросъ о престолонаслѣдіи, озаботившій партіи при дворѣ Екатерины I, излагается дѣло Девьера,—обозрѣвается царствованіе Петра II. На сценѣ Меншиковъ, кн. Долгорукіе, Остерманъ; выдвинута борьба Ѳеофана Прокоповича съ его врагами и т. д. Въ послѣдней главѣ наибольшій интересъ замѣчается въ изложеніи событій сопровождашихъ избраніе на престолъ Анны Іоанновны. Словомъ, въ этомъ томѣ соч. г. Соловьева читатели, въ общемъ связномъ изложеніи, найдутъ то, что имъ, болѣе или менѣе отрывочно, извѣстно изъ многихъ историческихъ монографій, разбросанныхъ въ журналахъ послѣдняго десятилѣтія; интересъ труда г. Соловьева, касающагося событій ближайшихъ къ намъ эпохъ — съ каждымъ томомъ возрастаетъ, что и заставляетъ забывать нѣкоторую присущую сочиненіямъ этого почтеннаго ученаго тяжесть изложенія и манеру зачастую говорить подновленнымъ языкомъ старыхъ документовъ. Не миримся мы только съ однимъ: мы не можемъ понять того упорства, съ какимъ г. Соловьевъ остается глухъ къ указаніямъ многихъ его рецензентовъ—на крайнюю неполноту и неопредѣлительность его ссылокъ на источники. Необходимо также замѣтить, что г. Соловьевъ весьма скупъ на приложенія; между тѣмъ его трудъ, являясь не для однихъ любителей чтенія, но и для ученыхъ, долженъ бы обставляться документами.

Политическая система Петра III. Соч. П. К. Щебальскаго. М. 1870 8°. Ц. 1 р. 50 к.

Это оттискъ интересныхъ статей г. Щебальскаго, печатавшихся въ Русскомъ Вѣстникѣ, оттискъ значительно пополненый. Дополненія же состоятъ въ нѣсколькихъ трактатахъ съ 1720 по 1762 гг., не вошедшихъ ни въ Полное собраніе Законовъ, ни въ иностранные дипломатическіе сборники; особенное вниманіе также обращаетъ на себя весьма важная для исторіи мало еще разработанной эпохи царствованія Петра III, переписка Фридриха II съ посланникомъ его при Петербургскомъ дворѣ барономъ Гольцемъ, извлеченная изъ Берлинскаго государственнаго архива. Вообще же трудъ г. Щебальскаго есть довольно крупный вкладъ въ исторію русской дипломатіи прошлаго столѣтія, и будущій составитель таковой исторіи не обойдетъ изслѣдованіе г. Щебальскаго.

Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой. Историческая монографія Н. И. Костомарова. Спб. 1870. 8°. стр. 870. Ц. 3 руб.

Монографія эта есть оттискъ статей г. Костомарова изъ «Вѣстника Европы». Весьма любопытный предметъ, котораго касается этотъ почтенный трудъ, живость изложенія, картинность нѣкоторыхъ описаній и искусство автора въ характеристикѣ выведенныхъ историческихъ дѣятелей, есть полное ручательство того, что книга эта прочтется всѣми (если кто не прочелъ еще ее въ «Вѣстникѣ Европы») съ большимъ интересомъ. Добавимъ, что г. Костомаровъ видимо старался быть безпристрастнымъ и ему нельзя сдѣлать упрека въ полонофильствѣ, въ чемъ такъ часто его обвиняли. Пожалѣемъ только, что заведя обычай предпосылать своимъ трудамъ списокъ источниковъ, г. Костомаровъ не дѣлаетъ имъ критической, вполнѣ обстоятельной оцѣнки; безъ

нея же почти не для чего и приводить подобныхъ списковъ; замѣтимъ также и то, что издавая трудъ отдѣльною книгою, г. Костомарову слѣдовало бы прибавить къ нему ссылки на источники, вовсе выкинутые при печатаніи этой монографіи на страницахъ журнала.

Славяно-русскія рукописи В. М. Ундольскаго, описанныя самимъ составителемъ и бывшимъ владѣльцемъ собранія, съ № 1 по 579, съ приложеніемъ очерка собранія рукописей В. М. Ундольскаго въ полномъ составѣ. Изданіе В. А. Дашкова. М. 1870 г. 8 д. 468 и 64 стр. цѣна, 2 руб.

Ундольскій, извѣстный знатокъ славяно-русскихъ древностей († 1864 г.), составлялъ свое древлехранилище болѣе двадцати пяти лѣтъ. По кончинѣ собирателя коллекціи его рукописей (болѣе 1400) и печатныхъ славяно-церковныхъ книгъ поступили въ собственность Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго музеевъ, директоръ которыхъ В. А. Дашковъ нынѣ издалъ на свое иждивеніе описаніе этихъ рукописей, составляющихъ въ музеяхъ особый отдѣлъ. Описаніе составлено съ полнымъ знаніемъ дѣла, а потому книга эта является важнымъ подспорьемъ для ученыхъ и изслѣдователей славяно русской старины XV—XVIII столѣтій и для историковъ какъ общей, такъ въ особенности россійской церкви, а также ересей и раскола.

Русскіе граверы и ихъ произведенія съ 1564 г. до основанія академіи художествъ. Изслѣдованіе Д. А. Ровинскаго, изд. графа Уварова. М. 1870 г. въ б. 8. д. стр. 403. ц., 2 р. 50 к.

Книга г. Ровинскаго представляетъ весьма много важныхъ матеріаловъ для будущей исторіи гравировальнаго искусства въ нашемъ отечествѣ. Это искусство восходитъ у насъ лишь до XVI стол. и въ теченіи болѣе нежели двухъ послѣдующихъ вѣковъ развивалось и качественно, и количественно въ своихъ произведеніяхъ весьма туго; только съ 1730—1750-хъ годовъ оно начинаетъ выдвигать въ своей сферѣ вполнѣ талантливыхъ и одаренныхъ большимъ вкусомъ подвижниковъ этого искусства. По книгѣ г. Ровинскаго читатель легко прослѣдитъ ходъ стариннаго гравированія въ Россіи на деревѣ, на мѣди, черною манерой и гравированіе карандашной манерой; а въ обширныхъ приложеніяхъ къ книгѣ найдетъ множество полныхъ живѣйшаго интереса подробностей о жизни русскихъ граверовъ и ихъ произведеніяхъ, о различныхъ способахъ гравированія и печатанія гравюръ, о собраніяхъ русскихъ гравюръ, свѣдѣнія о народныхъ, лубочныхъ картинкахъ и т. д. Книга г. Ровинскаго восполняетъ такимъ образомъ значительный пробѣлъ въ отечественной ученой литературѣ и, при всѣхъ своихъ недостаткахъ и неполнотѣ, совершенно неизбѣжныхъ почти въ первомъ этого рода опытѣ, составляетъ въ ней явленіе чрезвычайно отрадное. Книга издана роскошно и этимъ переноситъ въ тѣ, увы, давно прошедшіе, годы, когда титулованные представители нашего общества изъ любви къ родной наукѣ и словесности не щадили своихъ средствъ на изданіе трудовъ русскихъ ученыхъ. Соч. Ровинскаго удостоено отъ Академіи Наукъ—Уваровской преміи.

Богданъ Хмельницкій, соч. Н. И. Костомарова. Спб. 1870 г. изданіе третье, исправленное и дополненное. 8 д.: т. I—257 стр.; II—433 стр.; III—359.; цѣна за три тома 5 руб.

Это сочиненіе главнымъ образомъ составило извѣстность г. Костомарова и до сихъ поръ, безспорно, принадлежитъ къ лучшимъ трудамъ даровитаго историка. Всесторонняя разработка обширныхъ матеріаловъ, относящихся къ эпохѣ Хмельницкаго, многознаменательной не только въ судьбахъ Малороссіи, но и для всего наше-

го отечества а равно въ судьбахъ Польши; талантливое очертаніе характеровъ дѣятелей и нравовъ того времени, и блестящее изложеніе—вотъ достоинства этого труда. Недостатокъ его состоитъ въ нѣкоторомъ, такъ сказать, увлеченіи писателя выводимыми имъ лицами, въ отсутствіи того строгаго, безстрастнаго отношенія и къ лицамъ и къ событіямъ, которое однако должно быть присуще историку. Впрочемъ этотъ недостатокъ значительно слабѣе въ настоящемъ изданіи «Богдана Хмельницкаго»; оно въ тоже время полнѣе прежняго изданія, давно уже раскупленнаго. Въ виду несомнѣннаго успѣха этого труда, мы не можемъ не замѣтить уважаемому историку, что онъ напрасно не озаботился назначить цѣну болѣе умѣренную за его сочиненіе. Пять рублей за три книги разгонистаго шрифта, напечатанныхъ на бумагѣ невысокаго достоинства—цѣна положительно дорогая. Такое соч. какъ «Богданъ Хмельницкій» должно найдти мѣсто въ библіотекѣ каждаго образованнаго человѣка, сколько-нибудь интересующагося литературой, а между тѣмъ г. Костомаровъ назначеніемъ высокой цѣны, конечно, затруднитъ пріобрѣтеніе его труда въ особенности учащеюся недостаточною молодежью, что едвали можетъ быть желательно автору «Богдана Хмельницкаго».

Инородческое населеніе Казанскаго царства въ новой Россіи до 1762 года и колонизація закамскихъ земель въ это время. Н. Ѳирсова. Казань. 1869 года, 8 д. стр. 445. цѣна 2 руб.

Монографія Ѳирсова, изданная по опредѣленію истор. филолог. факультета Казанскаго университета, составлена на основаніи печатныхъ источниковъ, главнымъ образомъ по собранію законовъ; она трактуетъ о положеніи вообще инородческаго населенія въ Петровской Россіи въ области средней Волги, въ особенности объ отношеніяхъ Россіи къ Башкирцамъ; а такъ какъ съ Башкирскимъ вопросомъ тѣсно связано русское колонизаціонное движеніе въ закамскія области на востокъ, то авторъ настоящаго труда довольно много останавливается и на этомъ предметѣ. Предметъ крайне сухой, малоблагодарный и для составителя, и для читателя (въ смыслѣ занимательности), но не маловажный въ видахъ уясненія отношеній русскаго народа къ темнымъ, все еще полудикимъ народамъ, каковы Мордва, Черемисы, Вотяки, Чуваши, Башкирцы, да и нѣкогда нашимъ владыкамъ татарамъ. Появленіе этой книги въ послѣдніе годы совершенно своевременно, такъ какъ Россія, выдвигаясь все далѣе и далѣе на востокъ, волею неволею, втягиваетъ въ нѣдра своего населенія новыя массы инородческихъ племенъ. А при такомъ увеличеніи своей семьи куда не безполезно оглянуться назадъ и прослѣдить, что и какъ мы сдѣлали по отношенію къ инородцамъ давно уже состоящихъ въ числѣ русскихъ подданныхъ; да послужитъ опытъ прошедшаго—урокомъ настоящему.

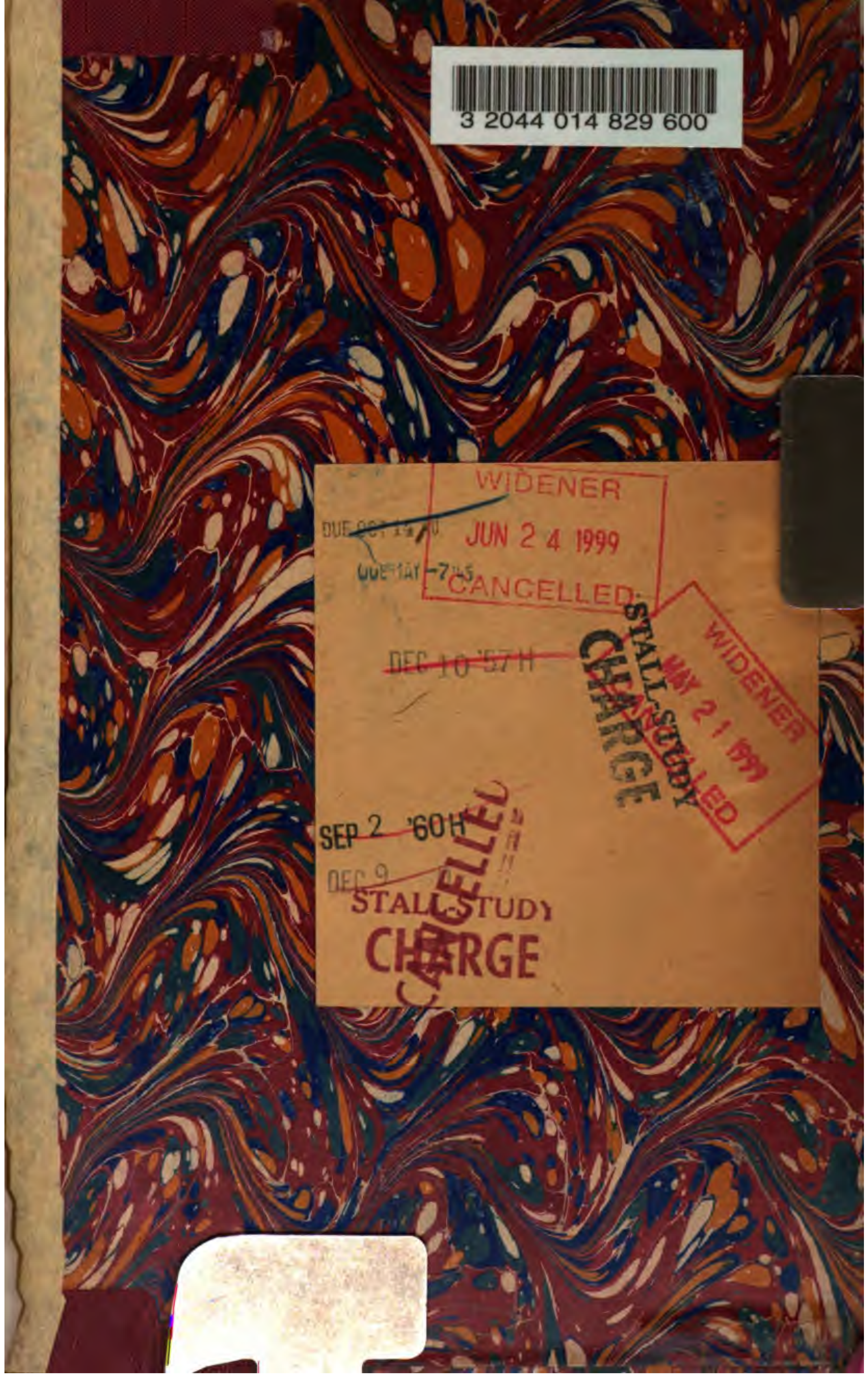
Эстляндскій сборникъ. Ревель, 1870 года, 8 д. стр. 216, цѣна 2 руб.

Эта опрятно изданная книжечка состоитъ изъ статей и замѣтокъ, напечатанныхъ въ Эстляндскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ за истекшій годъ, когда, по иниціативѣ нынѣшняго русскаго начальника этой губерніи г. Галкина, вѣдомости эти преобразовались въ русскомъ направленіи и конечно къ лучшему. Въ сборникъ вошли статистическіе и географическіе матеріалы, относящіеся до этой губерніи; статьи эти рисуютъ дѣятельность мѣстной администраціи за время съ 1711 по 1869 г.; далѣе нѣсколько мѣстныхъ же уголовныхъ дѣлъ начала XVIII в. и нѣсколько другихъ мелкихъ статей и замѣтокъ.

Для большинства нашего общества Эстляндія край почти невѣдомый; потому-то теперь, когда вопросъ о прибалтійскихъ окраинахъ дѣлается болѣе и болѣе жгучимъ, когда печать наша пытливо вглядывается въ прошедшее этой страны и изучаетъ его настоящее, «Эстляндскій сборникъ» обратитъ вниманіе читателя; притомъ, независимо отъ новизны нѣкоторыхъ свѣдѣній о краѣ, статьи сборника заключаютъ въ себѣ нѣсколько вполнѣ интересныхъ данныхъ. Любопытно, что издатели «Сборника» какъ бы опасались, чтобы ихъ не заподозрили въ предумышленномъ подборѣ свѣдѣній; къ такой мысли приводитъ насъ заявленіе, что, при изданіи книги, составители не имѣли «обусловленной, заранѣе опредѣленной системы».

Мелочи изъ запаса моей памяти, М. А. Дмитріева. Вторымъ тисненіемъ, съ значительными дополненіями, по рукописи автора, Москва. 1869 года. 8 д. 297 стр. ц. 1 руб. 50 к.

Самъ авторъ въ вступленіи къ своимъ запискамъ называетъ ихъ мелочами и проситъ читателей смотрѣть на нихъ именно какъ на мелочи и не требовать отъ него ни порядка, ни важныхъ свѣдѣній. Онъ дѣйствительно не придерживается строгой, опредѣленной системы въ изложеніи, часто забѣгаетъ впередъ, нерѣдко возвращается назадъ, но совсѣмъ тѣмъ вполнѣ овладѣваетъ вниманіемъ читателя. Какъ самъ литераторъ и притомъ родной племянникъ извѣстнаго нашего поэта И. И. Дмитріева, онъ преимущественно занятъ литературою и литераторами, съ которыми со всѣми почти М. А. находился въ болѣе или менѣе близкихъ сношеніяхъ; кромѣ того, онъ иногда кое-что сообщаетъ о придворныхъ или служебныхъ новостяхъ тогдашняго времени, интригахъ, сколько-нибудь выдающихся происшествіяхъ, но на первомъ планѣ у него все-таки стоитъ литература. Записки М. А. Дмитріева обнимаютъ почти столѣтіе; онъ начинаетъ съ Тредьяковскаго († 1769 г.), свѣдѣнія о которомъ сообщилъ ему извѣстный Пл. П. Бекетовъ, лично знавшій профессора элоквенціи. Затѣмъ въ послѣдовательномъ порядкѣ М. А. говоритъ почти о всѣхъ литераторахъ и сообщаетъ при этомъ очень много новыхъ и интересныхъ свѣдѣній, анекдотовъ и проч., часто исправляя невѣрность фактовъ извѣстныхъ уже прежде читателю. М. Дмитріевъ весьма много заботится о чистотѣ и правильности языка и съ особенною горячностію нападаетъ на тѣхъ изъ нашихъ литераторовъ, особливо позднѣйшаго времени, которые небрежно обращаются съ слогомъ, при этомъ иногда онъ осуждаетъ такія слова и даже цѣлыя выраженія, которыя не представляютъ неправильности въ этимологіи или синтаксиса и не нарушаютъ ни благозвучія, ни приличія. Очевидно М. А. имѣлъ свою особенную теорію, свои убѣжденія объ этомъ предметѣ, которыя однако никакъ нельзя назвать предразсудкомъ, потому что онъ былъ слишкомъ образованъ и развитъ для этого. Новѣйшему направленію въ нашей литературѣ, начиная съ Гоголя, Дмитріевъ видимо не сочувствовалъ и изъ всего новаго ему нравились только «Записки охотника» Тургенева. Словомъ, М. А. Дмитріевъ былъ идеалистъ въ литературѣ и притомъ сынъ своего времени или, лучше сказать, своей молодости. Совсѣмъ тѣмъ прочитавши его книгу, вамъ кажется, что вы пріятно провели два или три вечера съ умнымъ и образованнымъ старикомъ, притомъ вполнѣ благородныхъ убѣжденій.

3 2044 014 829 600
WIDENER
JUN 2 4 1999
CANCELLED
DEC 10 '57 H
STALL-STUDY
CHARGE
WIDENER
MAY 2 1 1999
CANCELLED
SEP 2 '60 H
STALL-STUDY
CHARGE
CANCELLED